

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ПЕТРОВ Павел Владимирович

**КРАСНОЗНАМЕННЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: 1935 – ВЕСНА 1941 гг.**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 1

Научный консультант:
почетный работник высшего
профессионального образования РФ,
доктор исторических наук
профессор В. А. Кутузов

Санкт-Петербург

2014

Оглавление

Том 1

Введение	С. 4–21
Глава 1. Историографическое исследование темы	С. 22–75
§ 1. Работы по теме, выполненные в советский период (1940-е – 1980-е годы)	С. 22–33
§ 2. Работы по теме, выполненные в постсоветский период (1990-е – 2010-е годы)	С. 33–66
§ 3. Работы по теме, выполненные за рубежом	С. 66–69
§ 4. Диссертационные исследования	С. 69–75
Глава 2. Строительство Краснознаменного Балтийского флота в 1920-х – 1941 годах	С. 76–180
§ 1. Программы военного судостроения и выработка концепции применения Советского Военно-Морского Флота в 1920-х – начале 1941 гг.	С. 76–120
§ 2. Военное судостроение в Ленинграде в середине 1930-х – начале 1941 гг.	С. 120–139
§ 3. Создание вооружения для Советского ВМФ в 1935 – 1941 гг.	С. 139–154
§ 4. Передача кораблей КБФ в конце 1920-х – начале 1941 гг.	С. 154–180
Глава 3. Базовое строительство на Краснознаменном Балтийском флоте в 1935 – 1941 годах	С. 181–303
§ 1. Расширение системы базирования КБФ в 1935 – 1939 гг.	С. 181–195
§ 2. Освоение новых военно-морских баз в Прибалтике в конце 1939 – начале 1940 гг.	С. 196–216
§ 3. Строительство военно-морской базы Ханко весной 1940 – весной 1941 гг.	С. 216–231
§ 4. Освоение военно-морских баз и береговой обороны Эстонии и Латвии в 1940 году	С. 231–245
§ 5. Строительство советских военно-морских баз и береговой обороны в Прибалтике летом 1940 – весной 1941 гг.	С. 245–303

Том 2

Глава 4. Командные кадры Краснознаменного Балтийского флота в 1930-х – 1941 годах	С. 3–68
§ 1. Подготовка командных кадров Военно-Морских Сил РККА в 1930-х годах	С. 3–26
§ 2. Политические репрессии на КБФ в середине 1930-х – начале 1941 гг.	С. 26–38
§ 3. Политические настроения и дисциплина на КБФ в конце 1930-х – начале 1941 гг.	С. 38–50
§ 4. Состояние командных кадров на КБФ во второй половине 1930-х – начале 1941 гг.	С. 50–68
Глава 5. Боевая подготовка на Краснознаменном Балтийском флоте в 1935 – 1941 годах	С. 69–191
§ 1. Боевая подготовка КБФ в 1935 – 1936 гг.	С. 69–98
§ 2. Боевая подготовка на КБФ в 1937 – 1938 гг.	С. 98–133
§ 3. Боевая подготовка КБФ в 1939 году	С. 134–150
§ 4. Боевая подготовка КБФ в 1940 – начале 1941 гг.	С. 150–191
Глава 6. Оперативное планирование и применение Краснознаменного Балтийского флота в 1935-1941 годах	С. 192–320
§ 1. Оперативное планирование на КБФ в 1935 – 1938 гг.	С. 192–225
§ 2. Оперативное планирование на КБФ в 1939 году	С. 225–232
§ 3. Краснознаменный Балтийский флот и события в Прибалтике осенью 1939 года	С. 233–254
§ 4. Участие КБФ в войне с Финляндией зимой 1939 – 1940 гг.	С. 254–280
§ 5. Краснознаменный Балтийский флот и события в Прибалтике в июне 1940 года	С. 280–288
§ 6. Оперативное планирование на КБФ весной 1940 – весной 1941 гг.	С. 288–320
Заключение	С. 321–338
Сокращения	С. 339–341
Источники и литература	С. 342–374
Приложения	С. 375–382
Приложение 1. Состав Надводных сил КБФ в конце 1939-начале 1940 гг.	С. 375–379
Приложение 2. Состав Ладозской военной флотилии в конце 1939-начале 1940 годов	С. 379–380
Приложение 3. Состав Подводных сил КБФ в конце 1939-начале 1940 гг.	С. 380–382

Введение

Краснознаменный Балтийский флот всегда являлся важнейшей составной частью Военно-Морского Флота СССР и неотъемлемой частью Вооруженных Сил СССР, который внес огромный вклад в дело обороноспособности страны и защиты ее морских рубежей. Это флот с самой большой историей и наиболее глубокими историческими традициями. Следует заметить, что крайне важное геополитическое положение Балтийского моря и военно-стратегические задачи Балтийского флота неизбежно выводили его на весьма ответственное место в системе обороны страны.

И в период существования Российской империи, и в период Советского Союза Балтийский флот всегда являлся одним из сильнейших флотов в системе военно-морских сил страны. Наибольшие средства всегда вкладывались в строительство Военно-Морского Флота на Балтике, поскольку он решал в случае войны наиболее важные оперативно-стратегические задачи. Именно успешное ведение морской войны на Балтийском море в течение XVIII-начала XX веков гарантировало благоприятный исход боевых действий в ходе многочисленных войн на северо-западе России. Надо сказать, что до революции 1917 года Балтийский флот всегда блестяще справлялся со своими задачами и обеспечивал надежное положение приморских флангов русской армии, тем самым обеспечивая положительный итог войн.

После революции 1917 г. военно-политическая ситуация изменилась кардинальным образом. Отныне Советская Россия уже не обладала большей частью южного побережья Балтийского моря, с его удобными базами и стоянками. В распоряжение Советского Союза оставалась лишь восточная часть Финского залива с единственной крупной базой в Кронштадте. Тем не менее, советское военно-политическое руководство продолжало мыслить теми же оперативно-стратегическими категориями, что и русское военное командование до революции. Соответственно, Балтийскому театру военных действий придавалось решающее значение в рамках ведения будущей войны. Поэтому на развитие военно-морских сил на Балтике в течение 1930-х годов государством выделялись огромные финансовые средства, предназначенные для создания мощного надводного, подводного и воздушного флота, а также сильной береговой обороны.

Развитие КБФ в предвоенный период 1920–1930-х гг. стало наглядным отражением ускоренного развития военно-промышленного комплекса страны в период первых пятилеток и убедительным свидетельством достижений отечественной науки и техники. Фактически

Военно-Морской Флот являлся в то время наглядным отражением технического уровня развития Советского Союза, со всеми его достижениями и недостатками.

Актуальность темы. История Краснознаменного Балтийского флота в предвоенный период, на первый взгляд, является хорошо изученной темой в отечественной историографии. Большое количество монографий, коллективных трудов, сборников документов и материалов, воспоминаний, различных научных и публицистических статей в периодической печати по истории КБФ было опубликовано за 60-летний период. И, тем не менее, назрела необходимость взвешенного и непредвзятого изучения многочисленных работ, посвященных истории КБФ накануне и в начале Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Необходимо признать, что подавляющая часть исследований была посвящена непосредственно участию Краснознаменного Балтийского флота в боевых действиях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., в то время как весь предвоенный период развития КБФ (в данном случае, наиболее важный, с середины 1930-х годов по июнь 1941 гг.) до сих пор не нашел своего всестороннего и объективного отражения в отечественной научно-исследовательской литературе. На данный момент отсутствуют монографии, посвященные истории КБФ предвоенного периода.

Почти во всех капитальных трудах по истории отечественного Военно-Морского Флота содержалась лишь отрывочная информация о развитии Краснознаменного Балтийского флота за период со второй половины 1930-х гг. и до 1941 г. Как правило, все сводилось к изложению каких-либо общеизвестных фактов, не характеризующих в полной мере деятельность КБФ накануне войны. При этом многие важные аспекты деятельности Краснознаменного Балтийского флота (неритмичная работа военной промышленности Ленинграда по созданию новых боевых кораблей и образцов вооружения, расширение системы базирования Балтийского флота, боевая подготовка личного состава флота, оперативное планирование, деятельность Балтфлота в период угрозы войны, ситуация с командными кадрами и репрессии среди командного состава КБФ и др.) оставались неизученными на протяжении многих лет.

В отечественной литературе длительное время оставался без удовлетворительного объяснения следующий основополагающий вопрос: почему начальный период боевых действий КБФ на Балтике в 1941-м году сложился столь неудачным образом и имел такие катастрофические последствия для нашего флота в целом? Оставалось невыясненным, почему же достаточно сильный Краснознаменный Балтийский флот, располагавший большим количеством вполне современных боевых кораблей и внушительным количеством авиации, так и не смог должным образом проявить себя в летне-осенней кампании 1941 года

и сам понес при этом огромные потери в корабельном составе. Наконец, оставался без должного объяснения вопрос, почему высший командно-начальствующий состав флота, который по всем своим формальным признакам должен был эффективно и профессионально действовать в сложившейся ситуации, не проявил себя должным образом и часто допускал просчеты и ошибки в своих действиях.

Справедливости ради, надо отметить, что и последующие действия Краснознаменного Балтийского флота во время Великой Отечественной войны, в 1942-1943 гг., далеко не всегда можно было назвать удачными. Результаты боевой деятельности КБФ за период войны носили весьма скромный характер, зато собственные потери при этом носили куда более значительный характер. Фактически же, Краснознаменный Балтийский флот не сыграл в войне той роли, которую он был призван выполнить согласно предвоенным планам руководства ВМФ и КБФ. А если учитывать те огромные ассигнования на Балтийский флот, которые он постоянно получал в предвоенные годы, получается, что КБФ не полностью оправдал возложенные на него надежды. Таким образом, это важнейшая проблема, которая встает перед исследователем, изучающим предвоенную историю Советского ВМФ и Краснознаменного Балтийского флота в частности.

Между тем, понятно, что причины неудовлетворительного состояния дел на Краснознаменном Балтийском флоте носили отнюдь не сиюминутный, временный характер, а были заложены еще задолго до этих событий, ещё в предвоенные годы. Вообще, крайне наивным было бы полагать, что многочисленные неудачи и поражения КБФ в начале Великой Отечественной войны возникли внезапным образом, лишь вследствие какого-то рокового стечения обстоятельств. Подобный упрощенный, схематический подход был характерен для всей советской историографии (и даже части российской), которая часто использовала фактор умолчания в качестве удобного инструмента при освещении событий того сложного времени.

На самом деле, причиной неудачных действий КБФ в начале Великой Отечественной войны стала совокупность многих факторов, важнейшими из которых следует признать, во-первых, низкий уровень оперативной, тактической, морской и другой подготовки значительной части командного состава Краснознаменного Балтийского флота, и невысокий уровень боевой подготовки и дисциплины личного состава флота в целом, во-вторых, достаточно формализованный процесс оперативного планирования, осуществляемого высшим командованием ВМФ и КБФ перед войной, в-третьих, неготовность береговой инфраструктуры КБФ и, в-четвертых, несбалансированность корабельного состава к началу войны с Германией.

Признание этих факторов в качестве решающих при оценке эффективности действий Советского Военно-Морского Флота во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в прежние годы являлось в принципе невозможным, поскольку бросало тень сомнения на правильность всего процесса подготовки ВМФ (и Вооруженных Сил в целом) к грядущей войне. Кроме того, подвергалась неизбежной критике деятельность представителей высшего командного состава ВМФ и КБФ, которые были удостоены в отечественной историографии лишь одних положительных оценок. В результате, написанные ранее исследования не давали ответа на вопрос о проблемах в развитии и причинах низкой боеготовности Краснознаменного Балтийского флота в предвоенные годы.

Хронологические рамки исследования. Автором диссертационной работы намеренно выбран для исследования период с 1935 по 1941 годы. Данный хронологический отрезок заключен между официальным созданием Краснознаменного Балтийского флота (11 января 1935 г.) и началом Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.). Этот чрезвычайно насыщенный событиями период в истории Балтийского флота носил во многом определяющий характер, наложивший сильный отпечаток на всю его последующую деятельность в годы Великой Отечественной войны.

Во-первых, в пределах данного хронологического периода заключены крайне важные для Краснознаменного Балтийского флота события, связанные, прежде всего, с его резким количественным и качественным ростом в период второй и третьей пятилеток, несомненным повышением его боевой мощи и повседневной готовности, его активным участием во внешнеполитической деятельности страны и боевых действиях. В это время КБФ стал наиболее мощным оперативно-стратегическим объединением в системе Военно-Морского Флота СССР.

Во-вторых, выбранный хронологический период крайне важен для изучения, поскольку дает возможность наглядно сравнить боевую подготовку личного состава флота и общую боеготовность КБФ в период накануне и после проведения политики массовых репрессий среди командно-начальствующего состава флота в 1937-1938 годах, что является принципиально важным при рассмотрении тезиса о низком уровне подготовки личного состава КБФ накануне Великой Отечественной войны.

В-третьих, в указанный период очень сильно изменилось военно-стратегическое положение Краснознаменного Балтийского флота. Благодаря военно-политическим акциям советского руководства в 1939-1940 гг., Балтийский флот получил большое количество удобных военно-морских баз и стоянок в странах Прибалтики, что позволило существенно увеличить операционный плацдарм для действий флота и дало возможность КБФ

использовать бассейн почти всего Балтийского моря для проведения своей боевой подготовки.

Объектом исследования выступает Краснознаменный Балтийский флот в составе органов его управления, соединений надводных, подводных и воздушных сил, береговой обороны и сухопутных частей, органов тыла в период с середины 1935 по июнь 1941 годов.

Предметом исследования являются противоречия в развитии Краснознаменного Балтийского флота в предвоенный период, которые рассматривались в контексте общей военно-политической ситуации того времени, а также во взаимосвязи с промышленно-техническим развитием Советского Союза того времени.

Цель исследования. Цель данной работы заключается в реконструкции причин неподготовленности Краснознаменного Балтийского флота к началу Великой Отечественной войны, несмотря на грандиозные усилия по его строительству, приложенные руководством СССР в 1930-е годы. В связи с поставленной целью, автором последовательно решается целый ряд научных задач.

Для достижения поставленной цели в диссертации решался ряд конкретных **задач**.

- проанализировать отечественную и зарубежную историографию, выявив широту исследования, а также сформировать репрезентативную источниковую базу по теме;
- изучить политику руководства СССР в отношении строительства Военно-Морского Флота в 1920 – 1930-е годы, определив основные факторы, повлиявшие на данный процесс;
- проанализировать строительство боевых кораблей для нужд КБФ на протяжении 1930-х – начала 1941 гг. и оценить оправданность постройки тех или иных классов боевых кораблей и вспомогательных судов, а также успешность создания новых образцов вооружения для нужд Краснознаменного Балтийского флота;
- проанализировать процесс и оценить результаты базового и берегового оборонного строительства на Балтике в период с середины 1930-х по середину 1941 годов;
- обобщить сведения и провести анализ состояния боевой подготовки личного состава на флоте во второй половине 1930-х гг.-1940 г., изложив основные недостатки в системе боевой подготовки флота;
- провести анализ состояния командных кадров флота и дать оценку общего уровня подготовки командно-начальствующего состава Краснознаменного Балтийского флота в период 1935-1941 годов, а также критически осмыслить данные о влиянии политических репрессий на подготовку командиров флота;
- обобщить и критически осмыслить документы оперативного планирования КБФ в отношении своих противников накануне войны, оценив степень его реальности в рассматриваемый период;

– проанализировать действия КБФ при решении внешнеполитических задач Советского Союза накануне Великой Отечественной войны и оценить итоги его участия в операциях, и в первую очередь в войне против Финляндии зимой 1939-1940 годов и в отношении республик Прибалтики в 1939 и 1940 годах.

Территориальные рамки исследования совпадают с акваторией Балтийского моря и прилегающим побережьем, где базировался и действовал Краснознаменный Балтийский флот в период с 1935 по 1941 г. Данная акватория простирается от базы Либава (Лиепая) на западе до военно-морской базы Кронштадт и порта Ленинград на востоке, и от военно-морской базы Ханко на севере до военно-морской базы Усть-Двинск (Даугавгрива) на юге.

Источниковую базу исследования составили как опубликованные, так и неопубликованные источники. К первым относятся – сборники документов, дневники и мемуары, справочная и энциклопедическая литература; ко вторым – документы федеральных, региональных и ведомственных архивов.

Очень большое значение для отечественной историографии имеют документальные публикации. Говоря о сборниках документов, подготовленных в 1990-х годах, необходимо упомянуть следующие книги. Крайне важная публикация была осуществлена в 1997-м году, когда издательством «ТЕРРА» совместно с Институтом военной истории Министерства обороны (ИВИ МО) РФ и Российским государственным архивом Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), в серии «Русский архив: Великая Отечественная», был выпущен том документов под названием «Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года»¹. Данное издание было ценно тем, что впервые был введен в научный оборот полный текст стенограмм двух совещаний высшего командно-начальствующего состава РКВМФ в октябре и декабре 1940 г., которые были посвящены изучению опыта начального этапа Второй мировой войны на море и итогам боевой подготовки флотов в 1940-м году. Решения, принятые на данных совещаниях, имели большое значение для развития Советского ВМФ и советского военно-морского искусства накануне Великой Отечественной войны.

Во второй части справочника по фондам Советского Военно-Морского Флота, выпущенного Российским государственным архивом Военно-Морского Флота в 1995 г.², впервые были опубликованы документы по боевой деятельности Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. Здесь были помещены боевой приказ № 8/оп Штаба Эскадры КБФ от 27 декабря 1939 г., выдержки из

¹ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). М., 1997.

журналов боевых действий и вахтенных журналов линкора «Октябрьская революция» и подводной лодки «Щ-324», отчет о боевых действиях эсминца «Володарский», а также краткая историческая справка о боевой деятельности подлодки «С-1».

В 2000 г. в сборнике документов по истории советско-финляндской войны 1939-1940 гг., подготовленном коллективом сотрудников Института военной истории МО РФ, исторической группой ИВИ МО РФ при Штабе ЛВО, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива Военно-Морского Флота³, был опубликован большой массив документов – директивы, приказы, доклады, оперативные сводки и отчеты командования КБФ о боевых операциях Краснознаменного Балтийского флота и Ладужской военной флотилии. Опубликованы были также и предвоенные планы боевых действий Краснознаменного Балтийского флота. Это стало большим шагом в деле изучения боевой деятельности сил КБФ в «зимней» войне.

Очень ценный сборник документов и материалов был выпущено Московским городским объединением архивов (Мосгорархив) совместно с наследниками адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова в 2000 году⁴. В рамках этого издания были опубликованы самые разнообразные документы из фондов ГАРФ, РГАСПИ, РГАНИ, РГАВМФ, ЦВМА и обширного личного архива семьи Кузнецовых. В частности, здесь были помещены не только архивные документы о служебной деятельности адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова за период 1930-х-1950-х годов, но также и его статьи и очерки научно-исследовательского характера, неопубликованные фрагменты мемуаров и переписка с разными лицами. Это позволило расширить рамки данного сборника и придать ему не только мемориальный, но и исследовательский характер.

В 2000-х годах отечественная историография пополнилась целым рядом ценных изданий документов. Прежде всего, нельзя не отметить многотомную публикацию Российского государственного военного архива (РГВА) совместно с Институтом военной истории (ИВИ) Министерства обороны РФ, включающую в себя стенограммы заседаний Военного совета (Главного Военного совета) при народном комиссаре обороны СССР за период с 1934 по 1941 годы. В первую очередь, представляют большую ценность те тома, которые содержат стенограммы заседаний Военного совета РККА за 1934, 1935, 1936 и 1937-й годы. Здесь помещены стенограммы выступлений начальников Морских Сил РККА и

² Документы о действиях Балтийского флота в войне СССР с Финляндией 1939 г. // Российский государственный архив ВМФ. Справочник по фондам. Ч. 2. Корабли и суда (1917-1940). Сост. М. Е. Малевинская. СПб., 1995.

³ Тайны и уроки зимней войны 1939-1940. По документам рассекреченных архивов. Сост. Н. Л. Волковский. СПб., 2000.

⁴ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сборник документов и материалов. Сост. Р. В. Кузнецова, А. А. Киличенков, Л. А. Неретина. М., 2000.

командующих флотами и флотилиями, в том числе, командующих Краснознаменным Балтийским флотом⁵. В докладах командующих КБФ содержатся сведения о реальном состоянии боевой подготовки Краснознаменного Балтийского флота во второй половине 1930-х годов. (Начиная с 1938 г., когда у ВМФ появился свой собственный наркомат и свой штаб (ГМШ), представители флота уже не участвовали в данных заседаниях.)

Деятельность оборонно-промышленного комплекса СССР/России в XX веке, в том числе и судостроительной промышленности, была хорошо представлена в многотомной документальной публикации «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963», осуществляемой Федеральным архивным агентством совместно с Министерством обороны РФ. В этом издании приняли участие многие федеральные архивы – ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ, РГАНТД, РГВА, РГАВМФ, а также Архив Президента РФ. В частности, во втором томе этого сборника документов, охватывавшем период с 1918 по 1926 гг., были помещены рассекреченные документы, посвященные восстановлению отечественной судостроительной промышленности после Гражданской войны и её работе в период первой половины 1920-х гг., когда руководством СССР обсуждался вопрос о дальнейшем существовании флота и разрабатывалась первая программа советского военного кораблестроения⁶. Наиболее важным для исследования является третий том этого сборника документов, охватывающий период с 1927 по 1937 гг. и состоящий из двух частей. Сюда вошли материалы о развитии советской оборонной (в том числе судостроительной) промышленности накануне и в годы первых пятилеток. Первая часть 3-го тома⁷ представлена документами за период 1927-1932 гг., а во вторую часть⁸ вошли документы и материалы 1933-1937 гг., когда руководством СССР был взят курс на создание большого океанского флота.

Довольно ценной стала публикация бывшим сотрудником РГВА П. А. Аптекарем фрагмента стенограммы судьбоносного совещания Революционного Военного совета СССР

⁵ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. М., 2007. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. М., 2008. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. М., 2009. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1-4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М., 2008. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М., 2006.

⁶ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963: Документы и материалы. В 6 томах. Т. 2. Советское военно-промышленное производство (1918-1926): Сборник документов. М., 2005.

⁷ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963: Документы и материалы. Т. 3. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1937). Ч. 1 (1927-1932). М., 2008.

⁸ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963: Документы и материалы. Т. 3. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1933-1937). Ч. 2 (1933-1937). М., 2011.

от 8 мая 1928 г., на котором обсуждались вопросы о путях дальнейшего развития Военно-Морского Флота в системе Вооруженных Сил СССР и его задачах в случае войны⁹.

Важной представляется публикация документов по крайне важной теме – аварийности в Советском Военно-морском флоте в период в конце 1930-х годов, подготовленная диссертантом. Была осуществлена подборка приказов наркома ВМФ за 1938-й год из фонда Наркомата ВМФ Российского государственного архива Военно-Морского Флота, изданных по фактам различных аварий надводных кораблей, подводных лодок и авиации РКВМФ¹⁰. В этих приказах описывались и анализировались причины многочисленных катастроф и аварий на флотах, в том числе и на КБФ, а также делались соответствующие выводы о причинах и конкретных виновниках данных происшествий.

Кроме того, имеется ряд важных документальных публикаций по внешнеполитической деятельности СССР в 1939-1940 гг., где нашло отражение участие Вооруженных сил Советского Союза, в том числе Военно-Морского Флота, в описываемых событиях. В первую очередь, здесь надо отметить сборники документов «Документы внешней политики»¹¹, «Полпреды сообщают...»¹² и «СССР-Германия 1939-1941»¹³.

Очень ценными публикациями по данной теме являются документальные сборники, изданные в Эстонии, которые посвящены истории заключения договоров о ненападении между СССР и Эстонской республикой в сентябре 1939 г., о размещении советских Вооруженных сил на её территории и последующем присоединении Эстонии к СССР в июне 1940 г.¹⁴ В них содержатся материалы о размещении и функционировании советских военно-морских баз на территории Эстонской республики в 1939-1940 гг. Также, там есть важные документы о деятельности КБФ по осуществлению блокады побережья Эстонии и подготовке к боевым действиям против стран Балтии в сентябре 1939 г. и в июне 1940 г., о действиях Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финляндской войны, а также о базовом строительстве на территории республик Балтии в период с октября 1939 г. по июнь 1940 г.

⁹ Танки против линкоров: Фрагменты стенограммы совещания Реввоенсовета СССР с командующими войсками Московского, Белорусского и Украинского военных округов и начальниками Морских сил Балтийского и Черного морей от 8 мая 1928 г. Публикация П. А. Аптекаря // «Родина», 1996, № 7-8.

¹⁰ Петров П. В. Аварийность в Советском флоте в 1938-1940 гг. // «Тайфун», 2006, Вып. 49. С. 28-30; 2007, Вып. 50. С. 38-40.

¹¹ Документы внешней политики. Т. XXII. 1939. Кн. 2 (1 сентября-31 декабря 1939 г.). М., 1992.

¹² Полпреды сообщают...: Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г. - август 1940 г. М., 1990.

¹³ СССР-Германия 1939-1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Кн. 1-2. Вильнюс, 1989.

¹⁴ 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. Сост. А. Кеерна и др. Таллин, 1989. От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. Сост. К. Арьякас и др. Пер. с эст. Таллин, 1990. На чаше весов: Эстония и Советский Союз, 1940 год и его последствия. Сост. П. Варес, О. Журьяри. Таллинн, 1999.

Представляются важными документальные сборники, составленные по рассекреченным материалам Архива Службы внешней разведки РФ, изданные в последние годы. Они содержат документы о дипломатических отношениях со странами Прибалтики¹⁵, а также с Германией¹⁶. В частности, здесь помещены сообщения разведывательной агентуры о внешнеполитических действиях руководства Советского Союза по расширению своих границ в период 1939-1940 гг. и реакции западных стран на эти действия.

Основой данного диссертационного исследования стали неопубликованные источники. При работе над диссертацией были использованы документы 52 фондов из трех архивов Российской Федерации – Российского государственного архива Военно-Морского Флота, Центрального Военно-морского архива Министерства обороны РФ и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга. Следует заметить, что два архива (РГАВМФ и ЦГАИПД СПб) являются государственными, а один архив (ЦВМА) ведомственным.

В первую очередь, автором были широко использованы документы и материалы из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) в г. Санкт-Петербурге. В течение многолетней работы с фондами этого архива диссертантом было просмотрено и изучено свыше 400 архивных дел, относящихся к периоду 1930-х-1940 гг. и содержащих в себе наиболее полную и объективную информацию о развитии Краснознаменного Балтийского флота в предвоенный период. Важно отметить, что значительная часть документов была засекречена до середины 1990-х годов и вводится в научный оборот впервые.

Во-первых, следует назвать фонды высших и центральных органов управления Советского Военно-Морского Флота (№№ Р-1483, Р-1678, Р-1877, Р-2041, Р-961, Р-441, Р-360, Р-840, Р-920, Р-61, Р-2045 и др.). В указанных фондах хранятся такие важнейшие для освещения темы документы, как постановления Совета труда и обороны (СТО) СССР и Комитета обороны (КО) при Совете народных комиссаров СССР по вопросам военного судостроения и базового строительства, директивы и приказы наркома обороны СССР, начальника Морских Сил РККА, наркома ВМФ, начальников Генерального штаба РККА и Главного морского штаба ВМФ, решения Военного совета Морских Сил РККА и Главного военного совета ВМФ, доклады начальника Морских Сил РККА и наркома ВМФ правительству за 1935-1940 гг., переписка начальника Морских Сил РККА и наркома ВМФ с наркомом обороны СССР и начальником ГШ РККА, стенограммы совещаний Военного

¹⁵ Прибалтика и геополитика. 1935-1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2010.

¹⁶ Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации 1939-1941. Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2011.

совета при наркомате обороны СССР, Главного военного совета ВМФ и высшего командно-начальствующего состава ВМФ за 1935-1940 гг., разведывательные и оперативные сводки ГМШ ВМФ и Разведывательного управления ВМФ о положении на Балтийском театре и военных действиях за 1939-1940 гг., документы о подготовке материалов и написании труда «Советско-финляндская война на море» за 1940-1941 гг., рукописи книг и хроники по истории боевых действий КБФ в советско-финляндской войне.

Во-вторых, автором использовались фонды органов управления Краснознаменного Балтийского флота (№№ Р-92, Р-307, Р-62, Р-1883, Р-34, Р-1484, Р-1570 и др.), где содержатся приказы и директивы наркомата ВМФ, директивы командующего войсками и Военного совета Ленинградского военного округа, приказы, директивы и распоряжения командующего КБФ и начальника Штаба КБФ (организационные и по личному составу), доклады командующего КБФ наркомату ВМФ за 1935-1940 гг., исторические журналы, журналы боевых действий и журналы оперативного дежурного Штаба КБФ, оперативные и разведывательные сводки Штаба КБФ, Штаба ВВС КБФ и Разведывательного отдела КБФ о положении на Балтийском театре и военных действиях за 1939-1940 гг., оперативные планы КБФ и материалы к ним за 1935-1940 гг., планы боевой подготовки КБФ, отчеты Военного совета КБФ о проведении маневров и учений флота, планы и схемы решения операций флота за 1935-1940 гг., наставления по ведению операций флота, материалы Военной прокуратуры КБФ по личному составу, переписка Военного совета КБФ с наркомом ВМФ и Главным морским штабом ВМФ по оперативным вопросам, документы о сборе и изучении материалов по истории советско-финляндской войны за 1940-1941 гг.

В-третьих, это группа фондов соединений, частей и военно-морских баз КБФ (№№ Р-1135, Р-929, Р-1960, Р-1600, Р-1911, Р-2163, Р-1890, Р-103, Р-107, Р-1884, Р-1893, Р-1887, Р-1888 и др.), где хранятся директивы, приказы и распоряжения командующего и начальника Штаба КБФ, приказы командиров соединений, частей и баз КБФ, отчеты, доклады, рапорты и донесения командиров соединений и частей флота о ходе выполнения ими учений, походов, маневров и боевых операций за 1935-1940 гг., рапорты и донесения военкомов соединений и частей о партийно-политической работе, исторические журналы, журналы боевых действий и журналы оперативных дежурных штабов соединений за 1939-1940 гг., протоколы разборов боевых действий 1939-1940 гг., переписка командиров соединений и частей со Штабом КБФ, разведывательные донесения, карты, схемы операций, сведения о судовом и личном составе, принимавшем участие в войне с Финляндией, сведения о базировании кораблей и авиации.

В-четвертых, весьма ценными являются фонды боевых кораблей и вспомогательных судов КБФ (№№ Р-224, Р-268, Р-605, Р-1610, Р-1916, Р-1594, Р-1603, Р-909 и др.), которые

содержат доклады, отчеты и рапорты командиров кораблей КБФ об участии в учениях, походах, маневрах, учебно-боевых операциях за 1935-1940 гг. и боевых операциях кораблей в советско-финляндской войне 1939-1940 гг., краткие справки и хроники боевых действий, донесения военкомов кораблей о партийно-политической работе, вахтенные журналы, тактические формуляры, исторические журналы и журналы боевых действий кораблей и судов КБФ, кальки и схемы маневрирования кораблей, переписку командиров кораблей со Штабом КБФ и штабами соединений флота.

Также использовались автором в работе документальные материалы Центрального военно-морского архива Министерства обороны Российской Федерации, находящегося в г. Гатчина (ЦВМА МО РФ). Всего было изучено более 30 архивных дел из фонда № 161 (Штаб КБФ), где содержатся документы о создании боевого ядра флота, формировании соединений и частей КБФ, о строительстве береговой обороны и базовых объектов на территории бывших республик Прибалтики, материалы о планировании, организации и проведении боевой подготовки личного состава в 1940-1941 гг., материалы по систематизации и изучению боевого опыта КБФ в войне с Финляндией, документы оперативного планирования Краснознаменного Балтийского флота 1940-первой половины 1941 годов. Это, прежде всего, приказы наркома ВМФ, приказы и распоряжения Военного совета, командующего КБФ и начальника Штаба КБФ, планы и отчеты о проведении оперативных игр и учений КБФ, материалы сборов начальников штабов соединений и частей флота, планы проверки боевой готовности соединений и частей Балтийского флота, инструкции и наставления на оборону устья Финского и Рижского заливов, Моонзундского архипелага, переписка Военного совета КБФ с наркомом ВМФ, начальником Главного морского штаба и начальниками управлений Наркомата ВМФ по вопросам строительства военно-морских баз и береговых батарей на Балтийском море, проведения оперативных игр, маневров и учений.

Также автором были привлечены документы из Центрального государственного архива историко-политических документов г. Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) – бывшего Ленинградского партийного архива (ЛПА). В частности, диссертантом было изучено около 20 архивных дел из фонда № 24, описей 2б и 2в (Ленинградский обком КПСС, Особый сектор), где отложились интереснейшие документы о строительстве боевых кораблей и вспомогательных судов для КБФ, о создании новых видов военно-морского оружия, о работе ленинградской судостроительной промышленности в предвоенный период 1935-1941 гг. Также там подробно освещены вопросы, связанные со строительством новой военно-морской базы КБФ в Лужской губе и Прибалтике. Среди документов особо стоит отметить докладные записки, справки и отчеты уполномоченных Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Ленинградской области о работе судостроительной промышленности

Ленинграда и ходе строительства военно-морской базы КБФ в Лужской губе, о работе военно-морских научно-исследовательских институтов (артиллерийского, минно-торпедного, военного кораблестроения и прочих) и конструкторских бюро, о ремонте, строительстве и испытаниях боевых кораблей различных классов на Балтийском заводе им. Орджоникидзе, заводе им. Жданова, заводе им. Марти, Невском заводе и других, об изобретении и испытаниях новых образцов оружия ВМФ, справки о выполнении правительственных графиков по постройке кораблей за 1935-1940 гг. Также в фонде Ленинградского обкома партии отложились документы Военного совета и Политического управления КБФ по вопросам оборонного строительства, о постройке и испытаниях боевых кораблей, о партийно-политической работе на флоте и политических настроениях среди личного состава флота в конце 1930-х годов, о подготовке к войне с Финляндией зимой 1939-1940 гг.

Кроме того, автором были использованы копии документов из двух зарубежных архивов – Эстонского государственного архива (Eesti Riigiarhiiv) и Центрального военного архива Польши (Centralne Archiwum Wojskowe), любезно предоставленные эстонским историком Урмасом Сало. В частности, документы, извлеченные из фонда 2-го отдела (разведки) Главного штаба Войска Польского, представлены разведывательными обзорами и дают представление о составе и боевой подготовке Морских сил Балтийского моря (КБФ) в 1930-е годы. В фондах №№ 988 (Совет государственной обороны), 495 (Главный Штаб Вооруженных сил Эстонии), 539 (1-й пехотный полк), 527 (Штаб Морских сил Эстонии) Эстонского государственного архива сохранились документы о предполагаемых действиях Советского ВМФ в случае войны, передвижениях кораблей КБФ в 1930-х годах, разведывательные материалы о составе КБФ в конце 1930-х годов, документы о передаче кораблей ВМС Эстонии в состав КБФ летом 1940-го года.

Очень интересными и полезными для изучения оказались руководящие документы ВМФ (боевые уставы, наставления, руководства)¹⁷ и различные труды по морской стратегии, оперативному искусству и тактике, а также боевой подготовке, разработанные крупнейшими теоретиками Советского ВМФ периода 1930-х годов – 1940-х годов – В. А. Белли¹⁸, К. И.

¹⁷ Боевой устав Военно-Морских Сил РККА [БУ-30]. М.-Л., 1930. Временный боевой устав Военно-Морских Сил РККА [БУМС-37]. М.-Л., 1937. Временное наставление по ведению морских операций [НМО-40]. М.-Л., 1940. Руководство по проведению тактических и отрядных учений. М.-Л., 1940. Руководство по проведению групповых упражнений. М.-Л., 1940. *Валявский*. Сборы. Под ред. контр-адмирала доцента В.К. Васильева. Л., 1941 и др.

¹⁸ *Белли В. А.* Морские театры в составе общего фронта борьбы. Задачи флотов СССР. Конспект-тезисы. Л., 1938. *Белли В. А.* Операции по уничтожению неприятельского флота в море. Конспект-тезисы. Л., 1938. *Белли В. А.* Операции на морских сообщениях. Конспект-тезисы. Л., 1939. *Белли В. А.* Операции по уничтожению неприятельского флота в море. Конспект-тезисы. Л., 1938. *Белли В. А.* Операции против баз. Конспект-тезисы. Л., 1938. *Белли В. А.* Минно-заградительные операции. Конспект-тезисы. Л., 1939. *Белли В. А.* Теоретические

Самойловым¹⁹, Н. Б. Павловичем²⁰, С. П. Ставицким²¹. Эти труды хранятся в Центральной Военно-Морской библиотеке (ЦВМБ) и библиотеке Военно-морской академии имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова. Данные работы во многом помогают правильно оценить место и роль РКВМФ в системе Вооруженных Сил СССР в предвоенный период, понять цели и задачи, которые ставились перед отечественным военно-морским флотом советским высшим военным руководством.

Важным источником служат мемуары известных советских военно-морских деятелей и флотоводцев. Среди них в первую очередь, стоит назвать адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова²², адмирала В. Ф. Трибуца²³, адмирала Ю. А. Пантелеева²⁴, контр-адмирала В. А. Белли²⁵, генерал-лейтенанта С. И. Кабанова²⁶, вице-адмирала Н. П. Египко²⁷, вице-адмирала Л. А. Курникова²⁸ и других. Однако необходимо указать на отрывочность содержащихся там сведений, а также значительное количество умолчаний и искажений, содержащихся в воспоминаниях указанных флотоводцев. Весьма интересным следует признать сборник воспоминаний «Балтийский щит Ленинграда», выпущенный издательством «Остров» к 60-летию победы и составленный из ранее неопубликованных мемуаров командиров соединений и кораблей КБФ²⁹.

Методологической базой диссертационного исследования является диалектико-материалистическое понимание исторического процесса. Целостное исследование невозможно без комплексного осмысления проблем, поэтому автором был использован такой традиционный метод научного исследования как диахронный, который позволяет расчленить процесс эволюции изучаемого предмета на ряд последовательно сменяющих друг друга в реальном историческом времени этапов и затем сравнить временные состояния объекта по определенным признакам их структуры. Диахронный анализ позволяет также выявить определенные закономерности, тенденции в эволюции предмета исследования. При

основы ведения операций. Конспект-тезисы. Л., 1938. Белли В. А. Основы ведения операций на море. Л., 1939.

Белли В. А. Операции подводных лодок. Т. 1. Л., 1933.

¹⁹ Самойлов К. И. Военно-морские игры. 2-е изд., испр. и доп. М.-Л., 1939. Самойлов К. И. Методика и организация двухсторонней тактической игры. Л., 1936. Самойлов К. И. Основные вопросы боевой подготовки ВМС. Л., 1932.

²⁰ Павлович Н. Б. Морские десанты. М., 1935. Павлович Н. Б. Основные вопросы боевой подготовки флота. Л., 1941.

²¹ Ставицкий С. П. Введение в общую тактику Морских сил. Л., 1940. Ставицкий С. П. Конспект-перечень основных вопросов общей тактики Военно-морских сил. Л., 1934.

²² Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. М., 1991. Он же. Крытые повороты: Из записок адмирала. М., 1995.

²³ Трибуц В. Ф. Подводники Балтики атакуют. Л., 1963. Он же. Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1972.

²⁴ Пантелеев Ю. А. Полвека на флоте. М., 1974.

²⁵ Белли В. А. В советском Военно-Морском Флоте. Воспоминания. СПб., 2013.

²⁶ Кабанов С. И. На дальних подступах. М., 1971.

²⁷ Египко Н. П. Мои меридианы. СПб., 2000.

²⁸ Курников Л. А. Подводники Балтики. СПб., 2012.

²⁹ Балтийский щит Ленинграда. Сборник воспоминаний. Сост. П.В. Петров. СПб., 2005.

подготовке текста использовался проблемно-хронологический метод, на основе которого собранные автором материалы изучались по выделенным проблемам, а внутри их – по периодам. Примененный в ходе исследования статический метод позволил выявить количественные изменения показателей боевой подготовки флота в предвоенный период. Также в процессе исследования использовались специальные исторические методы. Принципы историзма и научной объективности обязывают исследователя не заниматься чьим-либо оправданием или обвинением, а стремиться осознать прошлое с помощью системы ценностей конкретной исторической эпохи, а также совокупности факторов, оказывавших влияние на политику государства в сфере строительства Военно-Морского Флота. Автором использовался историко-сравнительный метод при сопоставлении конкретных фактов, отражающих качественные характеристики предмета исследования (к примеру, при изучении разработки кораблестроительных программ в СССР и в других странах). Ретроспективный метод исследования использовался автором при исследовании вопроса о строительстве Балтийского флота и подготовке командных кадров для нужд ВМФ в послереволюционный период.

Научная новизна работы заключается в следующем:

В диссертации на основе изучения ранее неизвестных архивных документов и специальной литературы произведен комплексный анализ, результаты которого привели автора к научно обоснованным новым выводам о причинах неготовности КБФ перед Великой Отечественной войной, которые существенно отличаются от ранее опубликованных в трудах по истории Военно-Морского Флота.

выявлены характерные особенности в техническом развитии КБФ на различных этапах рассматриваемого хронологического периода;

определены влияющие на особенности развития Балтийского флота различные внутренние и внешние факторы и показана их роль при оценке общего технического состояния КБФ;

показана и проанализирована деятельность высшего командования РККА и ВМФ по расширению имевшейся системы базирования и береговой инфраструктуры Балтийского флота, в связи с общей политической ситуацией в Европе;

выявлены и оценены серьезные недостатки в боевой подготовке командно-начальствующего, младшего командного и рядового состава флота, которые оказывали существенное влияние на общую готовность КБФ к войне;

показана и проанализирована роль командования РККА и РКВМФ в разработке оперативных планов флота, а также раскрыто содержание планов боевых действий КБФ

обобщён опыт учебно-боевой деятельности КБФ в конце 1930-х годов, в том числе впервые раскрыта роль флота во время событий в Прибалтике осенью 1939 и летом 1940 гг.;

введены в научный оборот ранее неизвестные архивные документы, которые позволили существенно расширить и конкретизировать знания об одном из наиболее сложных и противоречивых периодов отечественной истории;

на основе проведенного исследования сформулированы выводы и положения, имеющие важное теоретическое и практическое значение для исторической науки.

Тем самым, данное исследование серьезно обогащает систему научных знаний о состоянии Военно-Морского Флота СССР накануне Великой Отечественной войны, что выводит историографию данной проблемы на новый уровень и позволяет судить о подготовке флота в предвоенный период.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в обосновании и разработке научной проблемы – противоречия и итоги развития Краснознаменного Балтийского флота в середине 1930-х – начале 1941 годов, имеющей принципиальное значение для отечественной истории. Результаты комплексного исследования, предпринятого автором, позволяют более полно и объективно оценить влияние различных факторов на историю строительства флота и деятельность органов управления ВМФ и КБФ по совершенствованию военно-морских сил на Балтике.

Практическая значимость исследования заключается:

Во-первых, полученные новые научно обоснованные знания требуют использования их в дальнейших исследованиях, в частности при написании фундаментальных трудов по истории отечественного Военно-Морского Флота и Вооруженных сил Российской Федерации. Многие из опыта строительства ВМФ должно быть востребовано при разработке программ военного кораблестроения в современных условиях.

Во-вторых, многое из обобщенного опыта деятельности государственных органов власти по развитию одного из важнейших составляющих компонентов обороны страны – её военно-морских сил – в условиях нынешнего возрождения отечественного Военно-Морского Флота (естественно, с учетом требований сегодняшнего времени) должно быть востребовано в настоящее время при выработке мероприятий по реформированию Вооруженных Сил Российской Федерации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В отечественной историографии отсутствовали комплексные труды по истории развития Краснознаменного Балтийского флота в предвоенный период, несмотря на огромное количество работ по отдельным аспектам его деятельности.

2. Политика руководства СССР в отношении создания современного Военно-Морского Флота и выработка программ военного судостроения в предвоенный период определялись внешнеполитической ситуацией и экономическими возможностями страны.

3. Техническое развитие надводных, подводных и воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота в предвоенный период (1935 – середина 1941 гг.) сделало большой шаг вперед, но характеризовалось наличием ряда недостатков, существенно снижающих боевые возможности флота.

4. Базовое и береговое строительство на Балтийском море для нужд Краснознаменного Балтийского флота в период середины 1930-х – 1941 годов претерпело значительное расширение, однако не полностью удовлетворяло текущие потребности флота в плане обеспечения его повседневной и боевой деятельности.

5. Уровень подготовки командно-начальствующего состава КБФ в период активного строительства флота и проведения политических репрессий во второй половине 1930-х годов носил в основном недостаточный характер в силу ряда социальных особенностей советского общества и классовой политики, проводившейся в стране.

6. Боевая подготовка личного состава Краснознаменного Балтийского флота на протяжении 1930-х – первой половины 1941 годов носила весьма интенсивный характер, но в силу формального подхода к организации процесса БП и недостаточного уровня подготовки командиров зачастую имела неудовлетворительные результаты.

7. Оперативное планирование, осуществляемое командованием ВМФ и КБФ в период с 1935 по 1941 годы, определялось внешнеполитическими целями советского руководства и задачами командования Красной Армии, что негативно сказывалось на выполнимости боевых задач флота.

8. Боевое применение КБФ в предвоенный период оказалось чрезвычайно важным для КБФ с точки зрения извлечения уроков для последующего практического применения в области боевой подготовки флота, усовершенствования тактики и вооружения ВМФ.

Апробация исследования. Основные положения и выводы исследования излагались автором в 4-х монографиях и 70 статьях в периодических изданиях общим объемом 113,8 п.л., а также в форме докладов и сообщений в выступлениях на научных конференциях «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (Санкт-Петербург, апрель 2000 – апрель 2014 г.), «Мавродинские чтения-2004» (Санкт-Петербург, 12-14 октября 2004 г.), «Чтения по военной истории-2004» (Санкт-Петербург, 7-9 апреля 2004), «Чтения по военной истории-2005» (Санкт-Петербург, 21-23 апреля 2005), «Трагедия в Финском заливе – 65 лет с момента гибели самолета “Калева”» (Хельсинки, 18 мая 2005 г.), «Шведско-советские отношения с 1920-х годов» (Стокгольм, 2-3 мая 2007 г.), «Роль и место Карельского перешейка в истории

Санкт-Петербурга» (п. Ильичёво, музей-заповедник «Ялкала», 29 сентября 2007 г.), «Чтения по военной истории-2009» (Санкт-Петербург, 17-18 апреля 2009), «70-летие начала Второй мировой войны» (Таллинн, 5 сентября 2009 г.), «Прибрежный город в Зимней войне» (Турку, 1-3 марта 2010 г.), «"Зимняя война" 1939-1940 гг.": военно-политические итоги» (п. Ильичёво, музей-заповедник «Ялкала», 20 марта 2010 г.), «Россия и Финляндия: через века истории» (п. Ильичёво, музей-заповедник «Ялкала», 30 июня 2011 г.), «Россия и Финляндия: история взаимоотношений и противостояния» (п. Ильичёво, музей-заповедник «Ялкала», 12 октября 2013 г.), которые получили положительную оценку научной общественности.

Глава 1. Историографическое исследование темы

§ 1. Работы по теме, выполненные в советский период (1940-е – 1980-е годы)

Отечественная историография по проблеме истории развития Краснознаменного Балтийского флота в середине 1930-х - начале 1941 г., включающей в себя такие аспекты, как строительство боевых кораблей различных классов для КБФ и создание военно-морского вооружения, строительство военно-морских баз и батарей береговой обороны на Балтике в предвоенные годы, боевая подготовка и оперативное планирование на КБФ, весьма обширна и насчитывает многие десятки монографий, сборников статей, документальных публикаций, журнальных статей.

Следует заметить, что историография по данной теме начала складываться ещё в предвоенные годы, когда стали издаваться книги научно-популярного характера. Они были призваны рассказать широким слоям населения о героических традициях моряков Советского ВМФ и о тех успехах, которых он достиг в годы мирного строительства. Подчеркивалась роль партии и правительства СССР в деле строительства новейших боевых кораблей для нужд создаваемого «большого», океанского Военно-Морского Флота. При описании деятельности ВМФ немаловажную роль играл и фактор секретности, сопровождавший процесс создания новых кораблей и вооружения, что сильно влияло на описание данных событий.

В серии «Библиотека краснофлотца» в 1940-1941 годах было издано почти полтора десятка брошюр, посвященных отдельным эпизодам боевых действий КБФ против Финляндии зимой 1939-1940 годов³⁰. В основном, эти книжки представляли собой биографические очерки, посвящённые известным лётчикам, подводникам, артиллеристам или морским пехотинцам Балтики, или же записанные военными корреспондентами воспоминания участников боёв с финнами. Данные книги носили популярный характер и предназначались в основном для военно-патриотического воспитания населения. В целом, эта литература, естественно, давала очень поверхностное и приукрашенное представление о

³⁰ Балтийцы в боях на земле и на льду (Флот в боях с белофиннами). Статьи. М.-Л., 1941. Флот в боях с белофиннами 1939-1940 гг. (Очерки). М., 1942. Балтийцы – Герои Советского Союза. А. Трипольский, А. Коняев, Ф. Вершинин, И. Романенко, Н. Токарев, В. Савченко, А. Посконкин, Ф. Радус. Сборник очерков. М.-Л., 1941. *Звонков П. И.* В боях против белофиннов на Балтике (Война 1939-1940 гг.). М., 1941. *Григорьев Н. Ф., Чуковский Н. К.* Крылатая Балтика. М.-Л., 1941. *Карцев А. Д.* Истребители майора Денисова (Из эпизодов войны с белофиннами 1939-1940 гг.). М., 1941. *Катица П. И.* Герой Советского Союза краснофлотец А. Посконкин. Флот в боях с белофиннами. М.-Л., 1941. *Караваева А. А.* Герой Советского Союза Анатолий Крохалев. Л., 1941. *Кудрявцев-Скайф С. С.* Декабрь 1939 года. Очерки о героической борьбе моряков Балтики против финской белогвардейщины. М.-Л., 1940. *Лаганский Е. М.* Моряки идут на лыжах. М.-Л., 1941. *Салагин Я. Т.* На Ладого (Флот в боях с белофиннами 1939-1940 гг.). М.-Л., 1941 и др.

тех боевых действиях, которые в течение более трёх месяцев вёл Краснознамённый Балтийский флот.

Также в эти годы выходили небольшие популярные работы, посвященные истории создания и развития РККФ в предвоенные годы³¹. Эти работы не имели большой научной ценности и не содержали конкретных данных о предвоенном развитии Краснознаменного Балтийского флота, предназначаясь для широкой публики. В дальнейшем, в 1940-х годах была выпущена серия брошюр, посвященных наиболее известным боевым кораблям КБФ – линейному кораблю «Марат», крейсеру «Кирову», лидеру «Минск» и прочим³². Эти работы были написаны на основе отдельных боевых документов, многочисленных воспоминаний моряков, фронтовой прессы и носили популярный характер.

Параллельно проводилась работа по написанию военно-исторического труда по истории боевой деятельности Краснознаменного Балтийского флота в войне с Финляндией зимой 1939-1940 гг. Данный труд должен был стать частью монументального 7-томного издания «Советско-финляндская война 1939-1940 гг.», задуманного Наркоматом обороны СССР. В период с 1940 по 1941 годы большая группа офицеров из Исторической комиссии ВМФ занималась сбором, систематизацией документов и написанием данного труда, а также целой серии монографии по отдельным аспектам «зимней войны» на море. К 1942-му году работа над исследованием была завершена, но Великая Отечественная война помешала её изданию.

В 1945-1946 годах Историческим отделом Главного морского штаба ВМФ был издан коллективный труд под руководством капитана 1-го ранга В. И. Круглова «Советско-финляндская война 1939-1940 гг. на море» в двух частях (в 4-х книгах)³³. В этой работе впервые в отечественной военной литературе было дано подробное и сравнительно объективное изложение событий «зимней» войны применительно к боевой деятельности Советского Военно-Морского Флота. Необходимо сказать, что подобного серьезного исследования по боевому применению отечественного ВМФ в советско-финляндской войне 1939-1940 годов не появлялось в течение последующих 60 лет. Правда, надо заметить, что этот достойный труд был выпущен ограниченным тиражом для командного состава флота и носил закрытый характер, оставаясь недоступным для широкой публики (он был рассекречен лишь в начале 1990-х годов).

³¹ Пащенко П. В. Военно-Морской Флот СССР. М., 1940. Флот нашей Родины. Сборник статей. М.-Л., 1940. Пащенко П. В. Военно-Морской Флот Страны социализма. М., 1941. Пащенко П. В. На страже морских рубежей. М., 1941. Смирнов Б. И. Военно-Морской Флот. М.-Л., 1941.

³² Михайловский Н. Линейный корабль «Марат». Исторический очерк. М.-Л., 1942. Розанов М. Лидер «Минск» (Материалы к истории лидера «Минск» Эскадры КБФ). Таллин, 1946. Михайловский Н. Краснознаменный крейсер «Киров». Алма-Ата, 1950.

³³ Советско-финляндская война 1939-1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 1-3. М.-Л., 1945-1946. Ч. 2. М., 1946.

Первая часть труда «Советско-финляндская война 1939-1940 гг. на море», в 3-х книгах, целиком была посвящена боевой деятельности Краснознаменного Балтийского флота, а вторая – боевым действиям Северного флота. Следует признать, что боевые действия обоих флотов нашли довольно полное отражение, хотя целый ряд мелких боевых операций надводных кораблей КБФ оказались опущенными. Подробнее всего, пожалуй, была описана боевая деятельность подводных сил и военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота. Не была упущена военными историками также и боевая работа морской пехоты, береговой артиллерии, службы связи, медицинской службы и гидрографической службы КБФ. Очень хорошо был подобран к труду картографический и фотографический материал.

В целом, эта книга оказалась достаточно удачной, но имела ряд существенных недостатков. Во-первых, авторы труда по понятным причинам давали явно завышенную оценку предвоенной боевой подготовки КБФ. В данном случае, авторы выдавали желаемое за действительное, не принимая во внимание все те выводы, которые были сделаны наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым как в ходе самой советско-финляндской войны, так и после её окончания.

Во-вторых, в работе не предпринималось серьёзной попытки реально оценить общий уровень оперативно-стратегического руководства действиями Краснознаменного Балтийского флота и не анализировались основные просчеты, допущенные при этом командованием флота. Авторы труда не давали какой-либо оценки многочисленным директивам наркома ВМФ или приказам Военного совета КБФ, относившимся к проведению морских операций в период войны. Впрочем, такая позиция авторов понятна: им никто никогда и не дал бы возможности заниматься выяснением подобных вопросов.

В-третьих, в конце труда, авторы очень умело избежали общей оценки действий КБФ зимой 1939-1940 гг., заменив итоговые выводы общими рассуждениями на тему о том, какого рода задачи выполняли различные соединения Балтийского флота. Чёткого ответа на вопрос, справился ли флот со своими задачами, они так и не дали. Все свелось к повторению выводов, содержащихся в директивах наркома ВМФ. Хотя, из тех пространственных объяснений, которые содержатся в «*кратких выводах*»³⁴, не так уж и трудно вывести ответ на этот вопрос.

В целом, всё же, труд «Советско-финляндская война 1939-1940 гг. на море» заслуживает довольно высокой оценки, принимая во внимание то непростое время, когда он создавался. Во всяком случае, работы, подобной ей по масштабу привлечения

³⁴ Советско-финляндская война 1939-1940 гг. на море. Ч. 2. М.-Л., 1946. С. 48-51.

документальных материалов и охвату событий, на протяжении многих лет так и не появилось. (В 2002 г. данная книга была переиздана³⁵).

Помимо указанного общего труда по истории боевых действий на море зимой 1939-1940 гг., выходили также отдельные монографии членов Исторической комиссии ВМФ. В 1941-м году была издана ограниченным тиражом, для комсостава флота, монография инженер-капитана 1-го ранга Б. А. Денисова, посвящённая минно-заградительным операциям Советского ВМФ в период советско-финляндской войны³⁶. Эта книга ценна тем, что в ней дано развёрнутое описание не только всех минно-заградительных операций надводных, подводных и военно-воздушных сил КБФ (причём, по каждой операции были сделаны выводы и даны примечания), но также и минно-заградительных операций финского ВМФ. При этом описание событий сопровождалось подробными картами и схемами, где были нанесены все минные поля и позиции, выставленные советским и финским флотами. Точно так же были освещены и аналогичные операции Северного флота. Эта работа не потеряла своей ценности и в настоящее время. В 1941 г. был также издан официальный отчет командующего авиацией ВМФ С. Ф. Жаворонкова о боевой деятельности Военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота в период войны с Финляндией³⁷.

К сожалению, монографии других сотрудников Исторической комиссии ВМФ – К. Ф. Чубрика («Блокадные операции КБФ в советско-финляндскую войну 1939-1940 гг.»³⁸), И.Н. Быкова («Действия кораблей и авиации КБФ против береговых батарей и содействие огнём флангу армии в Финском заливе 1939-1940 гг.»³⁹), А. Н. Лебедева («Организация и действительность ПЛО и ПМО»⁴⁰), А. И. Ильина («Хроника действий ВВС КБФ 1939-1940 гг.»⁴¹), Н. Ю. Озаровского («Военные действия на Ладожском озере в течение советско-финляндской войны 1939-1940 гг.»⁴²), К. Н. Белокопытова («Боевое управление при подготовке и проведении блокады побережья противника, десантных операций по занятию островов и действий ОССБ зимой на льду»⁴³), А. С. Ковалёва («Организация базирования КБФ в новых западных базах 1939-1940 гг.»⁴⁴) и прочие, – так и не были изданы. Эти

³⁵ Советско-финляндская война 1939–1940. Боевые действия на море. СПб., 2002.

³⁶ Денисов Б. А. Использование мин в войне с белофиннами 1939-1940 гг. М.-Л., 1941. Рукопись работы находится в: РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-87.

³⁷ Боевые действия ВВС КБФ в войне с белофиннами (с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г.). М.-Л., 1941.

³⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 80. Л. 1-284. Оп. 2. Д. 641. Л. 1-227.

³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 76. Л. 1-174. Д. 77. Л. 1-215.

⁴⁰ Там же. Д. 75. Л. 1-248.

⁴¹ Там же. Д. 16. Л. 1-109. Д. 17. Л. 1-109.

⁴² Там же. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 82. Л. 1-109.

⁴³ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 75. Л. 1-248. Рукопись К. Н. Белокопытова также хранится в библиотеке Военно-морской академии (№ В 84940).

⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 78. Л. 1-185. Рукопись А. С. Ковалёва также хранится в библиотеке Военно-морской академии (№ В 86890).

рукописи остались в машинописном виде в архиве Исторического отдела ГМШ ВМФ, а впоследствии были переданы на хранение в ЦГА ВМФ (ныне – РГА ВМФ).

Точно также, осталась неизданной и весьма объемная рукопись «Боевые действия Военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота в войне с белофиннами (с 30.11.1939 г. по 13.03.1940 г.)»⁴⁵, подготовленная группой командиров Управления авиации ВМФ СССР. В этой весьма любопытной работе нашли отражение не только все аспекты боевой деятельности авиации Балтфлота, но также и замечания по технической эксплуатации материальной части ВВС и недостатках вооружения отечественных самолётов. Многие выводы, содержащиеся в этой рукописи, в принципе, совпадают с оценками, сделанными прежде начальником штаба ВВС КБФ П. П. Квадэ, начальником штаба авиации ВМФ СССР В. В. Суворовым и командующим авиацией ВМФ СССР С. Ф. Жаворонковым⁴⁶ после окончания войны. Вышеуказанная рукопись также сохранилась в библиотеке Военно-морской академии имени адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова.

Сразу после окончания войны Историческим отделом Наркомата ВМФ стала издаваться «Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере». В первом выпуске этого закрытого труда очень кратко было описано базирование, состав сил и задачи КБФ перед войной⁴⁷. Составители труда по вполне понятным причинам не стали давать оценку предвоенной боевой подготовки Балтийского флота. К тому же, боевые задачи КБФ по оперативному плану были указаны неправильно.

В 1953-1954 годах увидел свет трехтомный труд по истории военно-морского искусства⁴⁸, где нашли некоторое отражение вопросы развития Советского ВМФ в ходе предвоенного мирного строительства.

В итоге, вплоть до середины 1950-х гг. практически не выходило в свет объективных исследований открытого характера по истории КБФ, написанных на документальном материале. Отдельные объективные труды были фактически секретными и были недоступны для исследователей. Поэтому выпускались в основном лишь работы научно-популярного характера, по которым нельзя было судить об уровне исторических исследований.

Лишь в 1955-1956 гг. появились первые научные труды по истории боевой деятельности КБФ в период Великой Отечественной войны⁴⁹. Наиболее серьезной работой стала книга В. Ачкасова и Б. Вайнера о действиях Краснознаменного Балтийского флота в

⁴⁵ Библиотека Военно-морской академии им. Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова. (№ В 84244). Л. 1-180.

⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 615. Л. 1-72. Д. 673. Л. 226-289. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 149. Л. 109-174.

⁴⁷ Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Под общей ред. М.М. Долинина. Выпуск 1. С 22 июня по 31 декабря 1941 г. М.-Л., 1945. С. 6.

⁴⁸ История военно-морского искусства. Учебное пособие для академий и училищ. Т. 1-3. М., 1953-1954.

⁴⁹ Мушников А. Балтийцы в боях за Ленинград. М., 1955. Ачкасов В. И., Вайнер Б. А. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М., 1957.

1941-1945 гг. Но предвоенный период в данной работе практически не был освещен, всё внимание авторы сосредоточили исключительно на боевых действиях Краснознаменного Балтийского флота в 1941–1945 гг. Фактически, лишь несколько абзацев было отведено краткому описанию развития флота в предвоенный период и изложению его боевых задач на случай войны⁵⁰. Заслуживает упоминания известная коллективная монография об истории морской пехоты⁵¹.

Вышедшая в 1960-м году коллективная монография военно-морских историков Н. М. Гречанюка, В. И. Дмитриева, Ф. С. Криницына и Ю. И. Чернова⁵² стала по сути дела первой солидной работой по истории Балтийского флота за всю его 250-летнюю историю. (В 1978 и 1990 гг. эта работа переиздавалась в исправленном и дополненном виде.) Недостатком данной работы был сжатый характер, из-за чего предвоенному периоду развития КБФ было уделено незначительное внимание.

Значительным событием в научной жизни начала 1960-х гг. стало издание фундаментальной 6-томной «Истории Великой Отечественной Войны Советского Союза 1941-1945 гг.», написанной большим коллективом научных сотрудников Отдела истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС⁵³. В первом томе этого издания была отражена история развития Советских Вооруженных сил в предвоенный период, в том числе и строительство Военно-Морского Флота⁵⁴, а также их боевая деятельность в предвоенных конфликтах и советско-финляндской войне 1939-1940 гг., в том числе и боевые действия Краснознаменного Балтийского флота⁵⁵.

В начале 1960-х гг. Историческим отделением Научного отдела Главного штаба ВМФ был издан капитальный трехтомный труд, посвященный участию ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.⁵⁶ Первый том этого довольно объективного, хорошо документированного труда включал краткую характеристику событий, раскрывающих военно-политическую обстановку и состояние ВМФ СССР к началу войны с Германией, также боевую деятельность Северного флота. Третий том этого труда был специально посвящен описанию боевой деятельности Краснознаменного Балтийского и Тихоокеанского

⁵⁰ Ачкасов В. И., Вайнер Б. А. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М., 1957. С. 6-7, 14-15.

⁵¹ Камалов Х. Х., Носов И. В., Сорокин И. П. Морская пехота: Краткий исторический очерк морской пехоты отечественного флота. М., 1957.

⁵² Гречанюк Н. М., Дмитриев В. И., Криницын Ф. С., Чернов Ю. И. Балтийский флот. Исторический очерк. М., 1960. Гречанюк Н. М., Дмитриев В. И., Криницын Ф. С., Чернов Ю. И. Дважды Краснознаменный Балтийский флот. Изд-е 2-е, доп. и испр. М., 1978.

⁵³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т. 1-6. Под ред. П. Н. Поспелова. М., 1960-1965.

⁵⁴ Там же. Т. 1. С. 90-101.

⁵⁵ Там же. С. 258-278.

⁵⁶ Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки. Т. 1-3. М., 1959-1962.

флотов. Основой для написания данной работы послужили документы Центрального Военно-морского архива и его отделения. (В 2006 г. этот солидный труд был переиздан в 4-х томах, в исправленном и дополненном виде⁵⁷.) Важно подчеркнуть, что в этом труде впервые в отечественной литературе подробно излагалось содержание плана боевых действий КБФ на 1941 г.⁵⁸, а также указывалось на недостатки подготовки Советского ВМФ к войне⁵⁹.

Одновременно, группой военно-морских историков под руководством капитана 1-го ранга К. А. Сталбо был написан очень содержательный трехтомный труд по истории военно-морского искусства⁶⁰. Во втором томе были описаны развитие ВМФ СССР и теории военно-морского искусства в межвоенный период. И хотя объем информации о развитии РККФ в 1930-х-начале 1941 гг. был крайне невелик, авторы труда обратили внимание на два важных недостатка в предвоенном строительстве флота. Во-первых, было отмечено отсутствие к началу Великой Отечественной войны на вооружении отечественного ВМФ магнитных мин и средств борьбы с ними, а также отсутствие на кораблях и самолетах радиолокационных станций⁶¹. И, во-вторых, авторами было указано на то обстоятельство, что *«в результате ошибок и упущений в строительстве флота к началу Великой Отечественной войны мы не имели десантных кораблей специальной постройки и достаточного количества кораблей ПВО и тральщиков»*⁶².

В 1964 г. была издана монография В. И. Дмитриева о боевой деятельности подводных лодок КБФ в период советско-финляндской и Великой Отечественной войн⁶³. Также в данной работе исследовалось техническое развитие отечественных Подводных сил перед Великой Отечественной войной, в том числе строительство новых типов советских подлодок.

Серьезным событием в военно-морской историографии стало издание в 1960-х гг. Историческим отделением Научного отдела Главного штаба ВМФ Морского атласа в трех томах. В военно-исторической части этого капитального издания, вышедшей в 1966 г., нашли отражение вопросы боевого применения Советского ВМФ накануне и в период Великой Отечественной войны⁶⁴.

⁵⁷ Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Научно-исторический труд. Том III. Балтийский флот. 2-е изд., испр. и доп. Под общей ред. В. И. Куроедова. СПб., 2006.

⁵⁸ Там же. С. 24-26.

⁵⁹ Там же. С. 27-29.

⁶⁰ История военно-морского искусства. Учебник для ВВМУ. Под ред. К. А. Сталбо. В 3-х тт. Т. 2. Советское военно-морское искусство в Гражданской войне и в период построения социализма в СССР (1917-1941 гг.). М., 1963.

⁶¹ Там же. С. 142.

⁶² Там же. С. 145.

⁶³ Дмитриев В. И. Атакуют подводники. М., 1964.

⁶⁴ Морской атлас. В 3-х тт. Т. 3. Военно-исторический. Ч. 2. Описание к картам. М., 1966.

Коллективный труд по истории Советского ВМФ⁶⁵, подготовленный большой группой военно-морских историков под редакцией Н. А. Питерского в честь его 50-летия, стал заметной вехой в исследовании проблемы. Несомненным достоинством данной работы стало сравнительно подробное описание боевой деятельности КБФ в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг.⁶⁶ В то же время, нельзя не признать, что межвоенный период развития РККФ был освещен в этой работе совершенно недостаточно. Остались без внимания такие важнейшие вопросы, как базовое строительство, боевая подготовка флота, оперативное планирование. Надо отметить, что в отличие от труда по истории Военно-морского искусства, в книге «Боевой путь Советского Военно-Морского Флота» практически ничего не говорилось о каком-либо техническом отставании отечественных ВМС перед войной с Германией.

Наконец, в 1969 г. вышел трехтомный труд «Боевая деятельность подводных лодок Военно-Морского Флота СССР в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.», написанный группой военных историков из Научного отдела Главного штаба ВМФ⁶⁷. Здесь нашли отражение вопросы предвоенной боевой подготовки и боевой деятельности советских подводных сил во время войны.

Таким образом, в 1960-х годах было создано немало обстоятельных научных трудов по истории Советского Военно-Морского Флота. Нетрудно заметить, что почти все работы были написаны крупными военными историками, их отличал высокий профессионализм и высокий уровень объективности при изложении событий.

В период 1970-х – середины 1980-х гг. продолжалась научная разработка тем, связанных с историей Великой Отечественной войны и боевой деятельностью Военно-Морского Флота. Характерной особенностью научно-исследовательской литературы данного периода по истории войны стало замалчивание многих важнейших вопросов, связанных в первую очередь с недостатками в подготовке и боевой деятельности Вооруженных Сил СССР накануне и во время Великой Отечественной войны.

Характерным отражением тенденций в историографии этого периода стал фундаментальный 12-томный труд «История Второй Мировой войны», разработанный коллективом сотрудников Института военной истории Министерства обороны СССР и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, при участии Институты всеобщей истории и истории СССР Академии наук СССР⁶⁸. В первом и втором томах этого издания нашли отражение вопросы технического строительства Советского ВМФ в конце 1920-х-1930-е

⁶⁵ Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. Отв. ред. Н. А. Питерский. М., 1967.

⁶⁶ Там же. С. 172-179.

⁶⁷ Боевая деятельность подводных лодок Военно-Морского Флота СССР в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. Т. 1-3. М., 1969.

годы⁶⁹, а в третьем – было отражено участие Советского ВМФ в войне с Финляндией зимой 1939-1940 гг.⁷⁰

В сборнике статей «Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941-1944 гг.»⁷¹, выпущенном в 1973 г., были опубликованы интересные очерки о подготовке флота к войне⁷² и начальном этапе его боевой деятельности. (В 1990 г. данный сборник был переиздан в дополненном и исправленном виде⁷³.) В 1981 г. была выпущена третья книга, посвященная истории участия КБФ в Великой Отечественной войне⁷⁴. В ней были помещены статьи о деятельности всех сил и служб КБФ в период войны с Германией 1941-1945 гг. (В 1992 г. она была переиздана в значительно дополненном варианте⁷⁵.)

В том же году увидел свет фундаментальный труд известных военно-морских историков В. И. Ачкасова и Н. Б. Павловича, посвященный проблемам советского военно-морского искусства в Великой Отечественной войне⁷⁶.

Серьезной работой стала книга историков И. А. Козлова и В. С. Шломина, посвященная боевой деятельности Краснознаменного Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны⁷⁷. К сожалению, в этой работе предвоенный период развития КБФ был описан крайне сжато и не содержал полезной информации. Участие флота во внешнеполитических событиях было отражено довольно невнятно, особенно в войне с Финляндией.

В 1974 г. было издано учебное пособие Е. Ф. Быстрова, посвященное вопросам теории и практики строительства Советского ВМФ в предвоенный период⁷⁸. Небольшой объем и обзорный характер этой работы не позволили автору подробно остановиться на раскрытии данной темы. В дальнейшем, автор написал ещё ряд работ по истории строительства ВМФ в предвоенные годы⁷⁹.

⁶⁸ История Второй мировой войны 1939-1945. В 12 тт. М., 1973-1982.

⁶⁹ Там же. Т. 1. С. 262, 270. Т. 2. С. 202.

⁷⁰ Там же. Т. 3. С. 362, 364.

⁷¹ Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941-1944 гг. М., 1973.

⁷² Там же. С. 5-13, 21-22, 117.

⁷³ Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941-1945 гг. В 4-х кн. Кн. 1. Оборона Прибалтики и Ленинграда 1941-1944 гг. М., 1990.

⁷⁴ Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 1981.

⁷⁵ Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941-1945 гг. В 4-х кн. Кн. 3. Ленинград и обеспечение боевой деятельности флота 1941-1945 гг. М., 1992.

⁷⁶ Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М., 1973.

⁷⁷ Козлов И. А., Шломин В. С. Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л., 1976.

⁷⁸ Быстров Е. Ф. Вопросы теории и практики строительства ВМФ в довоенные годы (1929-1941 гг.). Учебное пособие. М., 1974.

⁷⁹ Быстров Е. Ф. Деятельность КПСС по подготовке кадров рабочих и инженерно-технических работников в годы довоенных пятилеток: (По опыту судостроительной промышленности). М., 1981.

Довольно значительным событием в отечественной историографии стало издание в 1976 г. солидной монографии Ю. Г. Перечнева⁸⁰, посвященной истории создания, развития и боевой деятельности береговой обороны на Балтике в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны. В этой работе очень подробно и в целом весьма объективно был описан процесс строительства и модернизации береговых артиллерийских позиций на Балтике в межвоенный период.

В 1980-х годах вышло несколько серьезных исследований по истории Советского Военно-Морского Флота и Краснознаменного Балтийского флота. Наиболее значительной работой стала «Боевая летопись Военно-Морского Флота 1941-1942», составленная на основе большого количества документов из фондов Центрального Военно-Морского архива⁸¹. В этой книге нашли отражение краткие итоги строительства КБФ в предвоенный период.

Значительными работами стали вышедшие в 1981 г. монографии Г. И. Хорькова⁸² и Л. А. Емельянова⁸³ по боевой деятельности надводных кораблей и подводных лодок в годы Великой Отечественной войны. Недостатком данных работ был ограниченный объем и недостаточное внимание авторов к предвоенному периоду.

В конце 1980-х годов была выпущена монография известных авторов В. И. Дмитриева и О. Г. Чемесова о создании и деятельности Подводных сил на Балтийском море⁸⁴. Правда, в вышедшей книге не содержалось принципиально новой информации о боевом применении советских подлодок на Балтике в 1939-1940 гг. и 1941-1945 гг., по сравнению с ранее вышедшими изданиями.

С конца 1980-х годов в отечественной исторической науке наметилась тенденция к углубленному и объективному изучению истории Великой Отечественной войны. Например, в 1990 г. Институтом истории СССР Академии наук СССР совместно с Институтом военной истории Министерства обороны СССР было начато издание исправленного и дополненного новыми материалами варианта четырехтомного труда по боевой деятельности КБФ в годы войны 1941-1945 гг.⁸⁵ Однако, данная работа всё еще носила достаточно консервативный характер, поскольку часть статей была написана бывшими адмиралами и генералами КБФ, принимавшими непосредственное участие в войне. Некоторые участники войны из числа высшего командно-начальствующего состава флота не были заинтересованы в объективном

⁸⁰ Перечнев Ю. Г. Советская береговая артиллерия. История развития и боевого применения 1921-1945 гг. М., 1976.

⁸¹ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1941-1942. М., 1983.

⁸² Хорьков Г. И. Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне. М., 1981.

⁸³ Емельянов Л. А. Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне. М., 1981.

⁸⁴ Дмитриев В. И., Чемесов О. Г. В глубинах Балтики. М., 1988.

⁸⁵ Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941-1945 гг. В 4-х кн. М., 1990-1992.

и всестороннем изучении причин плохой подготовки Балтийского флота к войне, поэтому предлагали упрощенное видение проблемы.

К сожалению, никаких новых данных и выводов не содержало и очередное переиздание известного коллективного труда по истории Балтийского флота⁸⁶. Оно лишь воспроизвело все прежние тезисы и ложные оценки прежних изданий. Тем более, что ограниченный объем данной работы не предусматривал тщательного рассмотрения предвоенного периода развития КБФ.

Положительным моментом стало то обстоятельство, что в 1980-х гг. в журналах «Морской сборник» и Судостроение стали всё чаще выходить статьи, посвященные разработке и осуществлению предвоенных советских кораблестроительных программ, а также о создании первых советских боевых кораблей в 1920-1930-х годах. Среди авторов выделялись Н. Н. Афонин, В. Ю. Грибовский, Б. Н. Зубов, В. Н. Краснов, А. А. Нарусбаев, А. В. Платонов, В. Ю. Усов, Е. А. Шитиков, В. В. Яровой и др.⁸⁷. Эти работы писались с принципиально новых позиций, с использованием новых документов и материалов, их авторы стремились к максимальной достоверности в изложении событий того периода, и в целом эти работы стали первым шагом на пути создания объективной истории предвоенного развития Советского ВМФ.

Определенным событием стало издание книги военно-морского историка В. И. Дмитриева, посвященной созданию и развитию советского подводного кораблестроения в предвоенные годы⁸⁸.

Серьезным шагом вперед в разработке темы стала статья известного военно-морского историка М. С. Монакова о подготовке и участии Краснознаменного Балтийского флота в советско-финляндской войне 1939-1940 гг., вышедшая в журнале «Морской сборник»⁸⁹. Она была посвящена малоизученному сюжету отечественной военно-морской истории, и опиралась как на печатные труды, так и на архивные документы из фондов ЦГА ВМФ СССР.

⁸⁶ Гречанюк Н. М., Дмитриев В. И., Корниенко А. И. и др. Дважды Краснознаменный Балтийский флот. 3-е изд., испр. и доп. М., 1990.

⁸⁷ Афонин Н. Н. Лидеры эскадренных миноносцев типа «Ленинград» // Судостроение. 1985. № 3. *Он же*. Сходили со стапелей эсминцы // Судостроение. 1985. № 5. *Он же*. Лидер эскадренных миноносцев «Ташкент» // Судостроение. 1985. № 7. Яровой В. В. Крейсера типа «Киров» и «Максим Горький» // Судостроение. 1985. № 7. Зубов Б. Н., Нарусбаев А. А. Судостроение в годы первых пятилеток // Экономика судостроительной промышленности. 1987. № 3. Чалык Д. А., Барбараиш Д. С. Проектирование и постройка сторожевых кораблей типа «Ястреб» // Судостроение. 1988. № 2. Грибовский В. Ю. Подводные лодки типа «Правда» // Судостроение. 1989. № 7. Усов В. Ю. Тяжелые крейсера типа «Кронштадт» // Судостроение. 1989. № 11. Грибовский В. Ю. Линейные корабли типа «Советский Союз» // Судостроение. 1990. № 7. С. 50-59. Краснов В. Н. Линкоры типа «Советский Союз» // Морской сборник. 1990. № 5. Шитиков Е. А. Сталин и военное кораблестроение // Морской сборник. 1990. № 5. Краснов В. Н. Сталинщина в ВМФ и кораблестроении // Судостроение. 1990. № 7. С. 64-68. Усов В. Ю. Краснознаменный крейсер «Максим Горький» // Судостроение. 1990. № 12. С. 59-61.

⁸⁸ Дмитриев В. И. Советское подводное кораблестроение. М., 1990.

⁸⁹ Монаков М. С. «Факел» над Балтикой // Морской сборник. 1990. № 3. С. 24-31.

Надо сказать, что это была первая публикация в открытой печати о боевой деятельности КБФ во время «зимней войны» 1939–1940 гг.

В дальнейшем, указанный автор опубликовал в журнале «Морской сборник» большую и крайне важную серию интересных статей под общей рубрикой «Судьба доктрин и теории» о развитии советского военно-морского искусства в период с начала 1920-х вплоть до 1941 г.⁹⁰ В этих статьях М. С. Монаков показал, каким непростым образом создавалась доктрина применения отечественных ВМС в будущей войне. В дальнейшем, изыскания автора привели к созданию интереснейшего обобщающего труда по истории формирования и развития военно-морской науки в России и СССР⁹¹.

Одновременно с этим, в журнале «Морской сборник» была опубликована небольшая по объему, но довольно информативная статья И. Н. Кинякина «Боевая подготовка ВМФ накануне войны», где автор раскрывал основное содержание процесса БП флота в предвоенный период и указывал на основные её недостатки, проявившиеся в ходе советско-финляндской войны 1939-1940 гг.⁹²

Несмотря на очевидные достижения советских историков в 1970-1980-х годах, следует указать на неполное отражение указанной темы в силу действовавшей в СССР цензуры и идеологических ограничений на освещение событий советской истории, а также засекреченности многих архивных документов. В результате, это приводило к многочисленным умолчаниям и искажениям при изложении событий предвоенного периода. Неудивительно, что многие капитальные труды по истории Советского ВМФ давали

§ 2. Работы по теме, выполненные в постсоветский период (1990-е – 2010-е годы)

Значительный прорыв в исследовании истории Советского ВМФ наступил в начале 1990-х годов, в связи с глобальными политическими изменениями в стране, которые сделали возможным объективное освещение советского периода отечественной истории. Отмена в России цензуры и открытие архивов для широкой публики, сопровождавшееся массовым рассекречиванием документов в РГА ВМФ, ЦВМА МО РФ и других фондохранилищах, привели к благоприятным изменениям в исторической науке. Данные события совпали с

⁹⁰ Монаков М. С. Какой РСФСР нужен флот? 1922 г. // Морской сборник. 1990. № 11; *Он же*. Какой РСФСР нужен флот? 1923-1925 гг. // Морской сборник. 1990. № 12; *Он же*. Флот должен быть активным. 1925-1928 гг. // Морской сборник. 1991. № 3; *Он же*. К истории вопроса о «малой войне». 1927-1928 гг. // Морской сборник. 1991. № 4; *Он же*. Танки или корабли? 1928-1930 гг. // Морской сборник. 1992. № 3; *Он же*. Разгром старой школы. 1930-1931 гг. // Морской сборник. 1992. № 7; *Он же*. Флот для «малой войны» // Морской сборник. 1993. № 3; *Он же*. К большому морскому и океанскому флоту (1936-1939 гг.) // Морской сборник. 1994. № 5; *Он же*. На пороге большой войны // Морской сборник. 1994. № 12.

⁹¹ Монаков М. С. Военно-морская наука в России: происхождение, возникновение и становление национальной системы знаний о вооруженной борьбе на море. М., 2011.

празднованием 300-летнего юбилея отечественного Военно-Морского Флота. В 1990-х годах было опубликовано огромное количество монографических исследований, коллективных трудов, воспоминаний, сборников документов и материалов, научных статей по истории русского и советского ВМФ. Эти работы основывались на многочисленных архивных документах, закрытых прежде трудах и воспоминаниях. (По неполным данным, всего лишь за пять лет – с 1992 по 1996 гг. в России было опубликовано более 250 книг по истории российского и советского ВМФ⁹³.)

Фундаментальный труд группы военно-морских историков «Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941»⁹⁴ стал очень значительным шагом вперед в деле изучения предвоенного периода развития РККФ. В этой работе была приведена достаточно подробная хроника событий по Советскому ВМФ в целом и по Балтийскому флоту в частности за весь межвоенный период (1921-1941 гг.). В книге был приведен огромный фактический материал по деятельности флота, отражены основные учебно-практические мероприятия ВМФ и КБФ в деле повышения боевой подготовки, упомянуты основные руководящие документы РККФ, а также описана боевая деятельность Военно-Морского Флота в предвоенных конфликтах, и в первую очередь, подробного рассмотрения удостоилась советско-финляндская война 1939-1940 гг. Впервые за 50 лет боевые действия КБФ и СФ в ходе «зимней войны» были сравнительно подробно описаны, правда, не по архивным документам, а на основе прежде упоминавшегося труда Исторического отдела ГМШ ВМФ, опубликованного в 1945-1946 гг.

Логическим продолжением вышеуказанного издания была «Боевая летопись Военно-Морского Флота 1941-1942»⁹⁵, написанная коллективом историков и представлявшая собой значительно исправленный и дополненный вариант предыдущего издания. Важной особенностью этой работы было то, что авторы практически впервые в военной литературе отметили главные недостатки в боевой подготовке личного состава и общей нацеленности Краснознаменного Балтийского флота к боевым действиям. В частности, авторами было отмечено, что *«уровень боевой подготовки кораблей на КБФ к началу войны оказался очень неравномерен, что, в свою очередь, сказалось на уровне боевой готовности сил и способности их решать присущие им задачи»*⁹⁶.

Один из авторов-составителей «Боевой летописи ВМФ», военно-морской историк Н. Ю. Березовский опубликовал затем в 1990-х гг. в различных журналах целую серию очень

⁹² Кинякин И. Н. Боевая подготовка ВМФ накануне войны // Морской сборник. 1991. № 6. С. 6-10.

⁹³ Доценко В. Д. Итоги юбилейного года // Морской журнал. 1997. № 1-2. С. 34-37, 41.

⁹⁴ Березовский Н. Ю., Березной С. С., Николаева З. В. Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. М., 1993.

⁹⁵ Аммон Г. А., Березовский Н. Ю., Комаров А. А. и др. Боевая летопись Военно-Морского Флота 1941-1942. М., 1992.

⁹⁶ Там же. С. 118-119.

содержательных статей о развитии Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота в период 1920-х годов⁹⁷, и прежде всего, о развитии теоретических взглядов на применение Военно-Морского Флота в будущей войне.

К 50-летию юбилею окончания Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. вышла книга известного военно-морского историка капитана 1-го ранга В. Д. Доценко об участии Советского Военно-Морского Флота в войне⁹⁸. Данный труд носил в целом обзорный характер и в основном опирался на уже вышедшую литературу, однако автор по-новому взглянул на многие известные события войны. В частности, автор весьма подробно остановился на таких эпизодах в боевой деятельности КБФ, как Таллинский переход в августе 1941 г., справедливо указав на неправильные действия командования КБФ при его подготовке и тяжелые последствия этого решения. В дальнейшем, автор развил данную тему в рамках своего 4-х томного труда «История военно-морского искусства», где в 3-м томе описал неудачные действия Краснознаменного Балтийского флота по эвакуации гарнизона Таллинна. В рамках этого исследования автор также предпринял попытку оценить уровень боевого управления флотом и процесс предвоенной боевой подготовки КБФ⁹⁹.

Теме участия Военно-Морского Флота СССР, в том числе и Краснознаменного Балтийского флота в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. были посвящены сразу две монографии сотрудника Института военной истории МО РФ капитана 1-го ранга В. И. Жуматия¹⁰⁰, вышедшие в 1995 г. и 1997 г. Они представляют собой учебные пособия для курсантов и слушателей высших военно-морских учебных заведений (ВВМУЗ). При написании этих работ автор широко использовал документы из фондов РГВА и РГАВМФ, а также имеющуюся литературу по теме. Правда, краткий, очерковый характер данных работ не позволил автору подробно и всесторонне рассмотреть проблемы подготовки Краснознаменного Балтийского флота к войне с Финляндией. Оценки боевой деятельности КБФ в ходе советско-финляндской войны в данных работах являются излишне оптимистическими, далекими от действительности. В частности, автор утверждает, что КБФ успешно справился с боевыми задачами¹⁰¹, что, конечно же, совершенно не соответствовало действительности. При этом автор не замечал, что данные выводы противоречат тому, что

⁹⁷ Березовский Н. Ю. На борьбу с «лимитрофами» // Военно-исторический журнал. 1993. № 4; *Он же*. Военспецы на службе в Красном флоте // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. *Он же*. «Для каких целей строить флот?» Проект пятилетнего плана РККФ, 1925 г. // Исторический архив. 1996. № 4.

⁹⁸ Доценко В. Д. Флот. Война. Победа. СПб., 1995.

⁹⁹ Доценко В. Д. История военно-морского искусства. В 4-х тт. Т. III. Действия флота против берега. СПб., 2002. С. 193-202.

¹⁰⁰ Жуматий В. И. Боевые действия Краснознаменного Балтийского флота в советско-финляндской войне (1939-1940 гг.). М., 1995. *Он же*. Боевые действия Военно-Морского Флота в советско-финляндской войне (1939-1940 гг.). М., 1997.

написано в тексте самой работы. В итоге, его работы не явились «новым словом» в историографии и лишь свелись к повторению того, что уже было сказано 50 лет тому назад.

Наконец, еще в одной работе В. И. Жуматия, опубликованной также в 1997-м году, которая была посвящена теоретической разработке морских десантных операций в СССР в межвоенный период¹⁰², речь шла о подготовке и проведении десантных операций КБФ в ходе советско-финляндской войны 1939-1940 гг. Эта работа интересна тем, что в ней подробно прослеживается эволюция взглядов высшего советского военного руководства в отношении развития теории военно-морского искусства и в частности теории применения десантов в морской войне. Отдельный фрагмент учебного пособия был посвящен боевому применению десантных частей КБФ в период «Зимней войны», а именно боевой деятельности Отряда особого назначения по захвату островов в восточной части Финского залива.

Примерно в это же время известный автор по вопросам применения минного и трального вооружения В. М. Йолтуховский опубликовал свою работу о деятельности минно-тральных сил КБФ накануне и во время Великой Отечественной войны¹⁰³. В его книге подробно и объективно описывается развитие минного и трального оружия в СССР в 1920-1930-е годы, строительство минно-тральных кораблей для нужд флота, процесс подготовки командных кадров для тральных сил ВМС РККА, а также боевой подготовки личного состава КБФ к проведению минно-заградительных и тральных операций перед началом войны. Автор убедительно показал, что процесс подготовки к войне осложнялся многочисленными недостатками в подготовке командно-начальствующего состава. В дальнейшем, автор выпустил ряд очень интересных исследований о предвоенном развитии минно-тральных сил и минной обороне на КБФ накануне и в начале Великой Отечественной войны¹⁰⁴.

К 300-летию юбилею отечественного Военно-Морского Флота в Москве и Санкт-Петербурге были изданы два фундаментальных труда – «Три века Российского флота» в 3-х томах¹⁰⁵ и «История флота государства Российского» в 2-х томах¹⁰⁶, подготовленных

¹⁰¹ Жуматий В. И. Боевые действия Краснознаменного Балтийского флота в советско-финляндской войне (1939-1940 гг.). С. 38. *Он же.* Боевые действия Военно-Морского Флота в советско-финляндской войне (1939-1940 гг.). С. 60.

¹⁰² Жуматий В. И. Развитие военно-морского искусства в межвоенный период. Морские десантные операции (1921-1941 гг.). М., 1997.

¹⁰³ Йолтуховский В. М. Минная война на море (1921-1945). (По опыту Краснознаменного Балтийского флота). СПб., 1998.

¹⁰⁴ Йолтуховский В. М. Борьба с минной опасностью на Балтике (1941-1943). СПб., 1997. Йолтуховский В. М. Развитие тральных сил и средств ВМС РККА (1921-1941). СПб., 1997. Ананьев В. В., Йолтуховский В. М. Боевая подготовка и деятельность тральных сил ВМФ СССР (1938-1945 гг.). СПб., 2004.

¹⁰⁵ Родионов Б. И., Березовский Н. Ю., Грибовский В. Ю. и др. Три века Российского флота: 1696-1996. В 3-х тт. СПб., 1996.

коллективами известных военных историков и посвященные истории российского ВМФ за всё время его существования, где нашли отражение многие вопросы истории создания, развития и боевой деятельности отечественного Военно-Морского Флота. Эти книги характеризовались новаторским подходом авторов к изложению многих проблем военно-морской истории, были написаны на новом архивном материале и насыщены большим количеством фактической информации. Эти труды стали значительным событием в отечественной историографии, способствуя дальнейшей разработке многих важных вопросов. Естественно, что в вышеуказанных работах была вкратце отражена история развития РККФ в 1920-х–1930-х годах, и рассказано об основных достижениях и недостатках в его повседневной и боевой деятельности.

Чрезвычайно важным событием в деле изучения истории строительства российского и Советского ВМФ в XVIII–XX вв. стало издание капитального 5-томного коллективного труда «История отечественного судостроения», выпущенного в Санкт-Петербурге в 1994–1996 гг., предпринятого под эгидой академика И. Д. Спасского¹⁰⁷. Данная работа в основном была посвящена техническим аспектам развития российского ВМФ, и в первую очередь, истории проектирования и строительства боевых кораблей и вспомогательных судов для нужд флота. В 3-м и 4-м томах этого труда был детально описан процесс восстановления российского ВМФ после Гражданской войны, его модернизации и строительства новых типов кораблей для нужд Советского ВМФ в конце 1920-х–1930-х годах.

В монографиях известнейшего специалиста по истории российского флота капитана 1-го ранга В. Ю. Грибовского, специально посвященных развитию Советского ВМФ в предвоенный период¹⁰⁸, довольно подробно освещены такие вопросы, как морская политика и разработка морских судостроительных программ в СССР с 1936 по 1941 гг., развитие судостроительной промышленности и создание новых типов боевых кораблей и морского вооружения, комплектование и подготовка кадров для ВМФ, репрессии среди командного состава флота и их последствия. Однако в данных работах почему-то были опущены такие важные проблемы, как оперативное планирование и боевая подготовка личного состава флота. Вполне самостоятельное значение имеют его аргументированные и насыщенные большим фактическим материалом статьи о строительстве океанского Военно-Морского Флота в Советском Союзе в конце 1930-х гг.¹⁰⁹ и о трудностях развития отечественного

¹⁰⁶ Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А., Шломин В. С. История флота государства Российского. В 2-х тт. М., 1996.

¹⁰⁷ История отечественного судостроения. Под ред. И. Д. Спасского. В 5 тт. СПб., 1994–1996.

¹⁰⁸ Грибовский В. Ю. Рабоче-крестьянский Военно-Морской Флот в предвоенные годы 1936–1941 (Учебное пособие). СПб., 1996. *Он же.* Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы 1925–1941 гг. М., 2006.

¹⁰⁹ Грибовский В. Ю. На пути к «большому морскому и океанскому флоту» (кораблестроительные программы Военно-Морского Флота СССР в предвоенные годы) // Гангут. 1995. Вып. 9. С. 3–21.

ВМФ в XX веке¹¹⁰. В дальнейшем по теме данного исследования была опубликована его статья в сборнике трудов Научно-исследовательского отдела НИИ военной истории Вооруженных Сил РФ, посвященная начальному этапу боевых действий КБФ на Балтике летом-осенью 1941 года¹¹¹.

Большой интерес представляет работа военно-морского историка капитана 1-го ранга Е. Ф. Подсобляева о развитии отечественного военно-морского искусства в первой половине XX века¹¹². Помимо рассмотрения вопросов, связанных с развитием теории войны на море в СССР, Англии, Германии и других странах в 1920-х–30-х годах, Подсобляев рассмотрел деятельность КБФ в период войны с Финляндией, и в первую очередь, оперативное планирование, недостатки управления действиями флота и основные итоги и уроки войны¹¹³. Автор указал на главные выводы из боевой деятельности КБФ, которые были сделаны высшим руководством ВМФ СССР, и основные руководящие документы флота, принятые по итогам советско-финляндской войны¹¹⁴. В дальнейшем, Е. Ф. Подсобляев развил эту тему в своей содержательной статье, помещенной в сборник материалов о боевой деятельности Советского ВМФ во Второй мировой войне¹¹⁵.

В конце 1990-х годов в Калининграде была предпринята публикация 6-томного коллективного труда «Очерки из истории Балтийского флота»¹¹⁶. Авторский коллектив труда составили известные военно-морские историки, которые постарались осветить деятельность Балтийского флота на протяжении трех столетий. Впрочем, даже в этом новейшем многотомном труде по истории Балтийского флота далеко не все темы, связанные с предвоенным периодом его развития, нашли своё подробное отражение. Прежде всего, необходимо отметить очень содержательную статью А. А. Римашевского, посвященную таким ранее малоизученным сюжетам, как оперативная и боевая подготовка КБФ в 1930-х-

¹¹⁰ Грибовский В. Ю. Отечественный флот на «крутых поворотах» истории (по опыту XX столетия) // Тайфун. 1996. Вып. 2. С. 2-5.

¹¹¹ Грибовский В. Ю. Балтика 1941 г. Начальный период войны // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 3. Военно-Морской Флот (специальный выпуск). СПб., 2012.

¹¹² Подсобляев Е. Ф. Развитие теории войны на море и её влияние на развитие флота и военно-морского искусства (1918-1945). СПб., 2000.

¹¹³ Подсобляев Е. Ф. Развитие теории войны на море и её влияние на развитие флота и военно-морского искусства (1918-1945). С. 79-84.

¹¹⁴ Там же. С. 84-97.

¹¹⁵ Подсобляев Е. Ф. Об изучении опыта советско-финляндской и первых лет Второй мировой войн в отечественном ВМФ // Советский Военно-Морской Флот в годы Второй мировой войны. Анализ, размышления, воспоминания. СПб., 2005.

¹¹⁶ Казаков С., Закатов В., Ушалов И. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 1. Калининград, 1997. Изд. 2-е, пер. и доп. Калининград, 2001. Егоров В. Г., Амосин Б. М., Беленьков С. В. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 2. Калининград, 1999. Егоров В. Г., Масягин В. П., Амосин Б. М. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 3. Калининград, 2000. Егоров В. Г., Масягин В. П., Амосин Б. М. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 4. Калининград, 2001. Егоров В. Г., Масягин В. П., Амосин Б. М. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 5. Калининград, 2002. Егоров В. Г., Масягин В. П., Амосин Б. М. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 6. Балтийский флот в воспоминаниях ветеранов. Калининград, 2003.

1941 гг., боевая деятельность КБФ в советско-финляндской войне и извлечение уроков из опыта этой войны¹¹⁷. Достоинством данной статьи было то, что автор большое внимание уделил основным недостаткам в подготовке Балтийского флота к войне. Очень информативной оказалась статья Г. Ясницкого, Г. Веприкова, И. Кинякина, посвященная действиям надводных сил КБФ в период советско-финляндской войны¹¹⁸. Не лишены также интереса и очерки В. В. Журавлева и В. С. Шломина о роли командующего КБФ адмирала В. Ф. Трибуца в управлении силами флота в годы войны¹¹⁹, а также А. А. Богомолова, В. П. Гетьманского, Ю. Г. Сопина и В. П. Щеголева о деятельности оперативных органов Штаба Балтийского флота в XX веке¹²⁰.

В этом же ряду стоит упомянуть работу общего характера по истории российского Военно-Морского Флота, написанную морским офицером, членом Союза российских писателей и Союза журналистов РФ В. С. Гемановым¹²¹. В этой книге автор коснулся темы предвоенного развития Советского ВМФ и строительства боевых кораблей разных классов, а также кратко осветил боевую деятельность КБФ в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг.¹²²

Очень важным этапом в деле исследования истории КБФ стало издание подробной хроники Ленинградской военно-морской базы, а также военно-морских частей в Санкт-Петербурге-Петрограде-Ленинграде, за все 300 лет его существования¹²³. Данная работа носила во многом новаторский характер, ибо подобных трудов до этого не составлялось. В этом солидном труде подробно описаны такие сюжеты, как создание и деятельность военно-морских баз, соединений и частей Балтийского флота за весь период его существования, а также участие в боевых действиях. Отдельные главы в книге посвящены периоду предвоенного строительства Балтийского флота и боевой деятельности КБФ в период «зимней войны»¹²⁴.

¹¹⁷ Римащевский А. А. Подготовка органов управления Балтийского флота к руководству силами накануне войны (30-е-40-е годы) // Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 2. Калининград, 1999. С. 121-125.

¹¹⁸ Ясницкий Г., Веприков Г., Кинякин И. Опыт использования надводных сил Краснознаменного Балтийского флота в советско-финляндской войне (1939-1940 гг.) // Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 1. Калининград, 1997. С. 127-132.

¹¹⁹ Журавлев В. В., Шломин В. С. Роль адмирала В. Ф. Трибуца в оперативном применении Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны // Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 4. Калининград, 2001. С. 92-98.

¹²⁰ Богомолов А. А., Гетьманский В. П., Сопин Ю. Г., Щеголев В. П. Деятельность Оперативного управления Штаба Балтийского флота со времени образования до наших дней (1908-2000 гг.) // Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 4. Калининград, 2001. С. 144-153.

¹²¹ Геманов В. С. История российского флота: учебное пособие для курсантов морских вузов. Калининград, 2001. 2-е изд, испр. и доп. Калининград, 2009.

¹²² Там же. С. 357-359.

¹²³ Красавкин В. К., Смуглин Ф. С. Здесь град Петра и флот навеки слиты. История морских частей в городе на Неве (1703-2003). Историко-документальный очерк. СПб., 2004.

¹²⁴ Там же. С. 212-266, 267-275.

Говоря об общих трудах по истории советского Военно-Морского Флота, следует отметить, в первую очередь, изданный в 2004 г. двухтомный труд известных военных историков В. А. Золотарева и В. С. Шломина о развитии Советского Военно-Морского Флота накануне и в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.¹²⁵ Авторы, используя большое количество документов из фондов ЦВМА, подробнейшим образом рассмотрели такие важные вопросы, как строительство новых типов боевых кораблей и создание образцов артиллерийского, минно-торпедного и трального вооружения, базовое строительство ВМФ, боевая подготовка личного состава флота, разработка руководящих документов по деятельности ВМФ.

Одновременно была выпущена в свет очередная книга В. А. Золотарева и И. А. Козлова из их 4-х томного фундаментального труда по истории российского ВМФ за три века его истории, посвященная развитию отечественного флота на переломном этапе его развития, в период Первой мировой, Гражданской войн, а также предвоенного мирного строительства 1914-1941 гг.¹²⁶ В этой обстоятельной работе, построенной в основном на основе документов РГАВМФ и ЦВМА, были очень подробно описаны вопросы предвоенного восстановления и строительства новых кораблей для РККФ в 1930-е годы, судоремонта, развития вооружения и боевой техники, развития тыловой инфраструктуры ВМФ, в том числе и на КБФ.

В то же время, является удивительным, что некоторые важнейшие вопросы развития флота (боевая подготовка, оперативное планирование) остались опущенными в этой работе. Вышедший вслед за ней очередной том, посвященный участию Советского ВМФ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.¹²⁷, содержит краткий обзор состояния Краснознаменного Балтийского флота перед войной, где указано на недостатки в его предвоенной подготовке, а также зависимость его общей стратегии и боевой деятельности на начальном этапе войны от неблагоприятного развития событий на сухопутном направлении¹²⁸. Впрочем, дальше констатации этого факта авторы труда не пошли, и не стали называть другие причины малоуспешных боевых действий Балтийского флота.

Обобщающий труд адмирала флота И. М. Капитанца¹²⁹ о роли ВМФ во Второй мировой войне, вышедший в свет в 2005 г., интересен уже тем, что автор отдельно указал на основные, определяющие недостатки в предвоенной подготовке Советского ВМФ. И, прежде всего, здесь он сосредоточил внимание на таких проблемах, как советское военно-морское

¹²⁵ Золотарев В. А., Шломин В. С. Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. Кн. 1-2. М.-СПб., 2004.

¹²⁶ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота, 1914-1941. М.-СПб., 2004.

¹²⁷ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота, 1941-1945. М.-СПб., 2005.

¹²⁸ Там же. С. 22.

¹²⁹ Капитанец И. М. Война на море 1939-1945. Военно-морское искусство во Второй мировой и Великой Отечественной войнах. СПб., 2005.

искусство, боевая техника и вооружение флота и боевая подготовка личного состава флота. Надо признать, что автор упомянул наиболее важные компоненты, определившие в итоге общую готовность ВМФ к войне.

Автор труда показал, что в руководящих документах Советского ВМФ основное внимание уделялось выполнению тех боевых задач, которые на практике отечественному флоту так и не пришлось решать. Повседневные же действия флота были проработаны недостаточно¹³⁰. Далее, И. М. Капитанец показал на определенную техническую неготовность нашего ВМФ к войне, несовершенство и устарелость многих видов его вооружения¹³¹. И наконец, очень важная проблема, о которой большинство отечественных авторов избегали говорить – боевая подготовка Советского ВМФ в 1930-х–начале 1941 гг. – также получила у автора свою объективную оценку. И здесь Капитанец, отметив серьезные недостатки в предвоенной подготовке Советского ВМФ, пришел к весьма новаторскому выводу, что *«по уровню своей боевой подготовки немецкий флот ... значительно превосходил ВМФ СССР»*¹³². Представляется, что указанный автор наиболее объективно подошел к оценке общей боеготовности отечественного флота накануне Великой Отечественной войны.

Книга военно-морских историков В. Д. Доценко и Г. М. Гетманца об участии Советского ВМФ в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.¹³³ включает в себе краткую информацию о состоянии КБФ к началу войны и дает представление о характере предвоенных планов командования Балтфлота по его применению в случае войны¹³⁴. Кроме того, авторы уделили много внимания вопросам строительства кораблей для ВМФ в предвоенный период, а также созданию различных образцов артиллерийского, торпедного, минно-трального, бомбового вооружения, средств радиосвязи и штурманских приборов¹³⁵.

Значительную ценность представляет вышедший в 1999-2006 гг. четырехтомный труд профессора Военно-морской академии им. Адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова капитана 1-го ранга В. Д. Доценко по истории военно-морского искусства¹³⁶. В частности, первый том этого издания целиком посвящен такой важной проблеме, как разработка теории военно-морского искусства в XIX-XX веках. Во втором томе помещены

¹³⁰ Капитанец И. М. Война на море 1939-1945. Военно-морское искусство во Второй мировой и Великой Отечественной войнах. С. 115.

¹³¹ Там же. С. 117-118.

¹³² Там же. С. 120.

¹³³ Доценко В. Д., Гетманец Г. М. Флот в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М.-СПб., 2005.

¹³⁴ Там же. С. 122-123.

¹³⁵ Там же. С. 24-54.

¹³⁶ Доценко В. Д. История военно-морского искусства. В 4-х тт. Т. I. История теории стратегии, оперативного искусства и тактики Военно-Морского Флота. СПб., 1999. Т. II. Развитие морских вооружений. СПб., 2006. Т. III. Действия флота против берега. СПб., 2002. Т. IV. Действия флота против флота. СПб., 2006.

сведения о создании и развитии вооружения ВМФ, а третий и четвертый тома были посвящены боевому применению флотов, в том числе и Краснознаменного Балтийского.

Одновременно, на тему возникновения и развития военно-морской стратегии в России в XX веке тогда же был выпущен коллективный труд В. Д. Доценко, А. А. Доценко и В. Ф. Миронова¹³⁷. Авторы данной работы показали, насколько сложным был путь развития отечественной военно-морской науки, подробно рассмотрели все основные теоретические труды крупнейших русских и советских военно-морских теоретиков

Довольно полезным изданием по истории Балтийского флота стал справочник военно-морских историков С. А. Гурова и В. Э. Тюлькина, в котором содержатся развернутые сведения о боевой деятельности целого ряда кораблей Эскадры КБФ в период советско-финляндской и Великой Отечественной войн¹³⁸. В частности, здесь описываются боевые операции с участием новых крейсеров, лидеров и эсминцев, построенных в конце 1930-х–начале 1941 гг. На конкретных примерах боевой деятельности этих кораблей можно увидеть, насколько успешным был процесс боевой подготовки в надводных силах КБФ накануне Великой Отечественной войны.

Большим шагом вперед в деле изучения боевой деятельности КБФ в 1941 г. стала капитальная монография капитана 1-го ранга А. В. Платонова¹³⁹. Эта работа, составленная на основе большого количества документов из фондов ЦВМА и ранее секретных трудов, написана на высоком профессиональном уровне и носит не столько описательный, сколько аналитический характер. Автор подробно показывает и оценивает общую готовность КБФ перед войной, грамотно анализирует содержание оперативного плана Балтфлота, показывая все его недостатки. Платонов убедительно, на примере конкретных боевых операций Краснознаменного Балтийского флота, показывает, что действия командования КБФ в летне-осенней кампании 1941 г. во многом носили непродуманный, спонтанный, и, по сути непрофессиональный характер, что и стало причиной больших потерь флота в материальной части и личном составе. Более того, А. В. Платонов совершенно справедливо поставил вопрос о качестве предвоенной подготовки командно-начальствующего состава РККФ¹⁴⁰, что во многом объясняет уровень профессионализма командиров при принятии решений в боевой обстановке. На эту сторону деятельности Советского ВМФ перед войной крайне мало обращалось внимания отечественными историками, хотя он может многое пояснить в действиях наших ВМС во время войны.

¹³⁷ Доценко В. Д., Доценко А. А., Миронов В. Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005.

¹³⁸ Гуров С. А., Тюлькин В. Э. Корабли Эскадры Балтийского флота. Великая Отечественная война. Калининград, 2005.

¹³⁹ Платонов А. В. Трагедии Финского залива. М.-СПб., 2005.

¹⁴⁰ Там же. С. 365-366.

Определенный интерес представляет коллективный труд «Курсом чести и славы», подготовленный сотрудниками Института военной истории МО РФ В. А. Гавриловым, М. М. Слинкиным, А. Н. Спириным, А. В. Усиковым, В. Н. Шевченко и Н. Я. Шеповой¹⁴¹. Непосредственно предвоенный период в развитии Советского ВМФ рассмотрен в книге очень кратко, причем выводы по итогам развития флота были сделаны довольно противоречивые. Признавая наличие определенных недостатков *«как в боевой подготовке, так и в ведении боевых действий»*, авторы тут же поспешили заявить, что *«тем не менее, боевая готовность флотов накануне войны в целом была высокой»*¹⁴². Подобное нежелание признавать очевидные факты весьма характерно для многих исследований по истории отечественного флота, авторы которых не хотят видеть явных недостатков в предвоенной подготовке отечественного ВМФ и предпочитают воспроизводить привычные постулаты прежних лет.

В весьма содержательной коллективной монографии М. В. Зефирова, Д. М. Дёгтева и Н. Н. Баженова, посвященной истории противоборства между германской авиацией и советским Балтийским флотом в период Великой Отечественной войны¹⁴³, имеются любопытные данные о техническом состоянии КБФ перед войной, работе судостроительной промышленности в Ленинграде и состоянии Противовоздушной обороны Балтийского флота. Авторы работы показали серьезные недостатки в организации и боевой подготовке ПВО Кронштадтской военно-морской базы, а также первоначальные неудачные действия зенитных артиллерийских частей флота по обороне базы во время массированных налетов «люфтваффе» в сентябре 1941 года, что привело к большим потерям в корабельном составе КБФ¹⁴⁴.

В 2008-м году была издана подробная хроника боевой деятельности КБФ в 1939-1945 гг., составленная военным историком И. Г. Алепко, где была достаточно подробно и в целом объективно освещена боевая деятельность различных сил Балтийского флота в период войны с Финляндией, и указаны основные итоги и уроки действий флота¹⁴⁵. Также автор коснулся и вопросов, связанных со строительством кораблей для КБФ в предвоенные годы и развитием системы базирования флота.

Известный военно-морской историк В. И. Жуматий выпустил в 2011 г. книгу, посвященную истории разработки теории проведения десантных операций в Советском

¹⁴¹ Курсом чести и славы: ВМФ СССР/России в войнах и конфликтах второй половины XX века. М., 2006.

¹⁴² Там же. С. 102.

¹⁴³ Зефиров М. В., Дёгтев Д. М., Баженов Н. Н. Цель - корабли. Противостояние Люфтваффе и советского Балтийского флота. М., 2008.

¹⁴⁴ Там же. С. 130-172.

¹⁴⁵ Алепко И. Г. Краснознаменный Балтийский флот 1939–1945. Очерки. Хроника. Сосновый Бор, 2008. С. 9–18.

Военно-морском флоте в 1939-1945 гг.¹⁴⁶ Эта работа стала логическим продолжением его более ранних исследований на тему участия ВМФ в предвоенных конфликтах (в том числе с Финляндией) и боевых действиях Великой Отечественной войны, а также развития теории военно-морского искусства в 1920-1930-е годы.

Не лишены интереса опубликованные в последние годы статьи военного историка В. О. Левашко, посвященные развитию КБФ в предвоенные годы и его участию в советско-финляндской войне¹⁴⁷. Однако освещение вопросов в них носит достаточно традиционный характер, и никаких новых фактов не приводится. В дальнейшем, он посвятил свое монографическое исследование проблеме политико-морального состояния военнослужащих КБФ в период советско-финляндской войны¹⁴⁸.

Много и весьма плодотворно занимается темой военно-морской разведки в предвоенный период и в ходе Великой Отечественной войны военный историк капитан 2-го ранга В. Г. Кикнадзе, который опубликовал целый ряд своих содержательных статей по данной теме в различных российских научных журналах¹⁴⁹. Представляет значительный интерес его работа, посвященная деятельности военно-морской разведки в период советско-финляндской войны¹⁵⁰. Логическим результатом исследований автора стала монография, посвященная истории создания и деятельности морской радиоэлектронной разведки в России/СССР и за рубежом в первой половине XX века¹⁵¹.

Диссертантом было опубликовано несколько книг, в которых нашли отражение темы, практически не разрабатывавшиеся ранее, и в первую очередь – состояние подготовки и боевая деятельность Краснознаменного Балтийского флота накануне Великой Отечественной войны. В частности, предвоенная боевая подготовка и участие Краснознаменного Балтийского флота в боевых действиях «зимней войны» 1939-1940 гг. было подробно и всесторонне изложено им в двухтомном сборнике статей «Советско-финляндская война

¹⁴⁶ *Жуматий В. И.* Морские десантные операции Вооруженных сил СССР. Морская пехота в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны 1918-1945. М., 2011.

¹⁴⁷ *Левашко В. О.* Краснознаменный Балтийский флот СССР накануне Великой Отечественной войны. Март 1940 г. - июнь 1941 г. // Чтения по военной истории: Сборник статей. СПб., 2005. *Он же.* Состояние и задачи Краснознаменного Балтийского флота в советско-финской войне 1939-1940 гг. // Вторая мировая война: История и современность. Сборник статей. Вып. 1. СПб., 1999.

¹⁴⁸ *Левашко В. О.* На Балтике, в советско-финляндскую...: морально-политическое состояние личного состава кораблей Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг.: монография. СПб., 2009.

¹⁴⁹ *Кикнадзе В. Г.* Разведывательное обеспечение боевых действий Балтийского флота // Военно-исторический журнал. 2004. № 4. *Он же.* «Мы воевали... некультурно, неграмотно»: Деятельность разведки отечественного ВМФ в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. // Морской сборник. 2007. № 11. *Он же.* Техническое оснащение отечественной морской радиоэлектронной разведки в 1930-1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 6. *Он же.* Морская радиоэлектронная разведка СССР в конце 1930-х-первой половине 1940-х годов // Российская история. 2009. № 6.

¹⁵⁰ *Кикнадзе В. Г.* Разведка Военно-Морского Флота СССР в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. Калининград, 2007.

¹⁵¹ *Кикнадзе В. Г.* Невидимый фронт войны на море. М., 2011.

1939-1940»¹⁵², а также в его монографиях «Балтийский флот. Финский гамбит»¹⁵³ и «Зимняя война. Балтика 1939-1940»¹⁵⁴.

При написании своих работ автор привлек большое количество архивных документов из фондов РГАВМФ, в том числе рассекреченных в 1990-е гг., большая часть которых была впервые введена в научный оборот. На основе обширной документальной базы и разнообразной исследовательской литературы (в том числе и финской) автор показал, что боевая подготовка КБФ накануне войны с Финляндией, да и вообще в конце 1930-х гг., характеризовалась в основном неудовлетворительно, что в значительной степени и предопределило невысокую эффективность боевых операций флота зимой 1939-1940 гг. На эти же темы автором было опубликовано значительное количество статей в различных журналах и сборниках¹⁵⁵.

Помимо участия боевой деятельности КБФ в советско-финляндской войне, автором была также опубликована монография¹⁵⁶ и ряд статей в журналах и сборниках материалов конференций о роли Балтийского флота в прибалтийских событиях 1939-1940 гг., и, прежде всего, в Эстонии¹⁵⁷. В частности, событиям осени 1939-го года, связанным с «потоплением»

¹⁵² Советско-финляндская война 1939-1940. Сост. П. В. Петров, В. Н. Степаков. Т. I-II. СПб., 2003.

¹⁵³ *Петров П. В.* Балтийский флот. Финский гамбит. М., 2005.

¹⁵⁴ *Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939-1940. Хельсинки, 2008.

¹⁵⁵ *Петров П. В.* Эскадра и Отряд лёгких сил КБФ в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. // Новый часовой. 1997. № 5. *Он же.* По сигналу «Факел» // Гангут. 1998. № 15. *Он же.* Подводные силы КБФ в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. // Тайфун. 1998. № 2. *Он же.* Линкоры против батарей: Операции Эскадры КБФ в Биёркском архипелаге // Тайфун. 1999. № 3. *Он же.* Гибель подводной лодки «С-2» // Новый часовой. 1999. № 8-9. *Он же.* Проблема блокады Финляндии в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. (Действия Подводных сил Краснознамённого Балтийского флота) // 105 дней «зимней войны»: К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939-1940 гг. СПб., 2000. *Он же.* Разведывательно-набеговые операции Отряда лёгких сил и 3-го дивизиона эсминцев в советско-финляндской войне // Тайфун. 2000. № 9. *Он же.* Проблема безопасности Ленинграда в период Второй мировой войны: По материалам оперативного планирования КБФ накануне советско-финляндской войны 1939-1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции (12-13 апреля 2000 г.). СПб., 2001. *Он же.* Ладужская военная флотилия в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. // Тайфун. 2001. № 1. *Он же.* Уроки советско-финляндской войны на море (по материалам совещания командно-начальствующего состава ВМФ в Ленинграде 13-14 марта 1940 г.). // «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Материалы ежегодной научной конференции (12-13 апреля 2000 г.). СПб., 2001. *Он же.* Советская морская пехота на льду Финского залива // Новый часовой. 2001. № 11-12. *Он же.* Боевые действия береговой артиллерии КБФ в период советско-финляндской войны // Бомбардир. 2002. № 15. *Он же.* Первые десантные операции советской морской пехоты // Новый часовой. 2004. № 15-16. *Он же.* Финские береговые батареи на о-ве Бьёрке в ходе советско-финляндской войны 1939-1940 гг. // Выборгский район Ленинградской области. Краеведческий сборник. СПб., 2009. *Он же.* «Разведотдел... использовал даже устаревшие данные времён Первой мировой войны». Разведывательная деятельность Балтфлота в период Советско-финляндской войны (1939—1940 гг.) // Военно-исторический журнал. 2013. № 4. и др.

¹⁵⁶ *Petrov Pavel.* Punalipuline Balti Laevastik ja Eesti 1939-1941. («Краснознаменный Балтийский флот и Эстония 1939-1941»). Tallinn, 2008.

¹⁵⁷ *Петров П. В.* Освоение Прибалтики: Краснознамённый Балтийский флот в Эстонии и Латвии: Октябрь 1939 г. - Февраль 1940 г. // Тайфун. 2000. № 3-4. *Он же.* Советский Балтийский флот и события в Прибалтике в июне 1940 г. // «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Материалы седьмой ежегодной международной научной конференции (13-14 апреля 2005 г.). СПб., 2006. *Он же.* Расширение системы базирования и береговой обороны Краснознамённого Балтийского флота летом 1940 г. // «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Материалы восьмой ежегодной международной научной конференции (13-14 апреля 2006 г.). СПб., 2007. *Он же.* Балтийский флот и блокада побережья Эстонии в июне 1940 г. // Вопросы истории. 2011. № 5.

парохода «Металлист» и подготовкой КБФ к боевой операции против ВМС Эстонии, была посвящена отдельная статья в эстонском научном журнале «Академия», издаваемом в Тарту, и сборнике материалов конференции, проходившей в Таллинне и посвященной 70-летию Второй мировой войны¹⁵⁸.

Кроме того, диссертант в своих работах осветил такие принципиально важные проблемы, как боевая подготовка личного состава Краснознаменного Балтийского флота во второй половине 1930-х годов¹⁵⁹ и состояние командных кадров КБФ в 1937-1941 годов¹⁶⁰.

Большой интерес представляет обстоятельный и во многом новаторский по содержанию очерк военного историка М. Э. Морозова о боевых действиях в военно-морской базе Либавы в июне 1941 г.¹⁶¹, помещенный в сборнике о начальном периоде Великой Отечественной войны. Он дает ответы на вопросы о причинах столь неудовлетворительных действий флота на начальном этапе войны, сосредотачивая своё внимание на вопросе взаимодействия командования Прибалтийского ОВО и КБФ в связи с обороной прибалтийских военно-морских баз, и в первую очередь, ВМБ Лиепая.

Вышедшая в 2009 г. книга военного историка А. А. Чернышева, посвященная боевой деятельности КБФ в 1941-м году¹⁶², представляет несомненный интерес в связи с рассматриваемой темой, однако данная работа, применительно к предвоенному периоду (середина 1930-х-1941 гг.), носит достаточно сжатый характер, в ней отсутствует развернутый анализ состояния Балтийского флота к началу войны. В то же время, автор подробно описывает боевые действия Краснознаменного Балтийского флота в летне-осенней кампании 1941-го года, сосредотачивая свое внимание на недостатках в ходе проведения морских операций.

¹⁵⁸ *Petrov Pavel*. Punalipuline Balti Laevastik ja Eesti 1939. aasta septembris ning vahejuhtum aurikuga “Metallist” («Краснознаменный Балтийский флот и Эстония в сентябре 1939 г. и инцидент пароходом “Металлист”») // Akadeemia: Eesti Kirjanike Liidu kuukiri Tartus. 18. Aastakaik. 2006. Number 6 (207). *Petrov Pavel*. Punalipuline Balti Laevastik n liidu välispoliitika elluvijjana: Plaanid, ülesanded ja tegevused 1939 suvel ja sügisel («Краснознаменный Балтийский флот в фарватере советской внешней политики: Планы, задачи и действия летом и осенью 1939 года») // «70 aastat tagasi algas II maailmasõda». Ajalookonverents 5. septembril 2009 Tallinnas. Tallinn, 2009.

¹⁵⁹ *Петров П. В.* Балтийский флот накануне советско-финляндской войны: Оперативно-тактическая подготовка на флоте в 1937-1939 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. № 11; 2005. № 2. *Он же.* Оперативно-тактические игры Краснознаменного Балтийского флота в конце 1930-х гг. (Итоги и уроки) // «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Материалы шестой ежегодной международной научной конференции (14-16 апреля 2004 г.). СПб., 2005. *Он же.* Оперативно-тактическая подготовка на Краснознаменном Балтийском флоте в конце 1930-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 2, История. 2013. Вып. 2.

¹⁶⁰ *Петров П. В.* Командные кадры и репрессии на Краснознаменном Балтийском флоте в 1937-1939 гг. // Чтения по военной истории. Сборник статей. СПб., 2006. *Он же.* Подготовка командных кадров на Краснознаменном Балтийском флоте в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 2011. № 9.

¹⁶¹ Первые поражения Балтийского флота // *Абатуров В. В., Морозов М. Э.* Неизвестные трагедии Великой Отечественной. Сражения без побед. М., 2008. С. 117-188.

¹⁶² *Чернышев А. А.* 1941 год на Балтике: подвиг и трагедия. М., 2009. *Он же.* Оборона полуострова Ханко. М., 2011.

Определенный интерес представляет хорошо документированный и взвешенный труд контр-адмирала Р. А. Зубкова, посвященный детальному исследованию «Галлинского прорыва» Краснознаменного Балтийского флота в августе 1941 года, в котором автор уделяет внимание плану немецкого военного командования в отношении ведения морской войны на Балтике¹⁶³. В частности, Зубков правильно указывает на «сухопутную» направленность действий немецких вооруженных сил против КБФ.

Впрочем, наряду с серьезными работами в последнее время выходят и поверхностные исследования по истории РККФ. Так, например, книга Р. С. Иринархова специально посвящена предвоенному развитию Советского Военно-Морского Флота¹⁶⁴. Однако, данная работа не содержит никаких принципиально новых данных и выводов относительно содержания процесса подготовки Советского флота к войне, не опирается ни на какие архивные источники и является элементарным компилятивным изданием, составленным на основе ранее вышедших трудов.

За последние годы были изданы работы российских историков Н. С. Симонова, Е. В. Хохлова, И. В. Быстровой, а также книга шведского исследователя Л. Самуэльсона по истории развития советского военно-промышленного комплекса в 1920-х-1980-х годах, где содержится немало ценной информации о деятельности ленинградской военной, и в первую очередь, судостроительной промышленности¹⁶⁵. Отдельного упоминания заслуживает новейшая монография А. К. Соколова, посвященная советской военной промышленности межвоенного периода, где автор уделяет значительное место развитию военного судостроения в СССР в период с 1917 по 1941 годы¹⁶⁶. Данная работа построена на очень значительном документальном материале из фондов АП РФ, ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ, РГВА, РГА ВМФ. При этом, автором вводится в научный оборот множество ранее неизвестных документов.

Очень интересным исследованием представляется монография доктора исторических наук О. Н. Кена, который уделил основное внимание вопросам мобилизационной подготовки отечественной промышленности и развитию Вооруженных Сил СССР в межвоенный период,

¹⁶³ Зубков Р. А. Галлинский прорыв Краснознаменного Балтийского флота (август – сентябрь 1941 г.). События, оценки, уроки. М., 2012.

¹⁶⁴ Иринархов Р. С. РККФ перед грозным испытанием. М., 2008.

¹⁶⁵ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-50-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. Быстрова И. В. Военно-экономическая политика СССР: От «демилитаризации» к гонке вооружений. М., 1998. Самуэльсон Л. Красный колосс: Становление военно-промышленного комплекса СССР, 1921-1941. М., 2001. Хохлов Е. В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб., 2005. Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930-1980-е годы). М., 2006.

¹⁶⁶ Соколов А. К. От военпрома к ВПК: Советская военная промышленность 1917-июнь 1941 гг. М., 2012.

и прежде всего, в период первой и второй пятилеток¹⁶⁷. В упомянутой монографии содержится развернутый рассказ о разработке первых программ военного судостроения в СССР.

В весьма содержательном исследовании петербургского военного историка, доктора исторических наук А. Н. Щербы, посвященном истории развития военной промышленности Ленинграда в 1920-1930-х годах, довольно много внимания уделено деятельности ленинградских судостроительных заводов, говорится о строительстве новых типов боевых кораблей и вспомогательных судов в конце 1920-х–1930-х годах¹⁶⁸. Впоследствии он значительно расширил данное исследование, включив в него историю развития военной промышленности Санкт-Петербурга и Ленинграда в период с 1900 по 1940-й годы¹⁶⁹.

Наконец, мы подошли к наиболее значительной по объему группе исследований по отечественному Военно-Морскому Флоту. По нашему мнению, наиболее разработанной в российской историографии является тема технического развития российского и советского ВМФ в XX веке. И здесь подавляющее количество работ было выпущено по истории проектирования и строительства различных типов боевых кораблей (линейных кораблей, крейсеров, лидеров, эскадренных миноносцев, канонерских лодок, сторожевых кораблей, тральщиков, торпедных катеров, подводных лодок и пр.) и их последующей эксплуатации. Также было выпущен ряд трудов, посвященных истории создания и деятельности ведущих судостроительных заводов Санкт-Петербурга–Ленинграда.

В частности, в последние годы петербургскими историками В. Г. Андриенко, Н. Н. Афониним, В. А. Горюновым, Л. А. Кузнецовым, Д. Ю. Литинским, Ю. И. Сыроежиной был создан целый ряд солидных трудов по истории крупнейших судостроительных предприятий Санкт-Петербурга (Балтийского завода, Адмиралтейских верфей, Северной верфи), где подробно говорится об их деятельности и строительстве на них разных боевых кораблей и вспомогательных судов для нужд Военно-Морского Флота СССР за весь период их деятельности¹⁷⁰. Немалая часть построенных на этих заводах кораблей поступила на

¹⁶⁷ Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х - середина 1930-х гг.). Изд. 2-е, перераб. М., 2008.

¹⁶⁸ Щерба А. Н. Военная промышленность Ленинграда в 20-30-е годы. СПб., 1999. Лосик А. В., Мезенцев А. Ф., Щерба А. Н. У истоков российского военно-промышленного комплекса. Военная промышленность Ленинграда в 20-30-ые годы и перспективы её развития в конце XX века. СПб., 1998.

¹⁶⁹ Щерба А. Н. Военная индустрия Санкт-Петербурга–Ленинграда в 1900-1940 годы. М.–СПб., 2012.

¹⁷⁰ Адмиралтейские верфи. Корабли и годы. 1704-1925. Под общ. ред. В. Л. Александрова. СПб., 1994. Адмиралтейские верфи. Люди, корабли, годы 1926-1996. Под общ. ред. В. Л. Александрова. СПб., 1996. Афонин Н. Н. Балтийский завод в объективе истории, 1856-2001. СПб., 2001. Северная верфь. Альбом. Под общ. ред. В. В. Венкова. СПб., 2002. Адмиралтейские верфи - подводному флоту России. Под общ. ред. В. Л. Александрова. СПб., 2003. Адмиралтейские верфи. Опыт трех столетий, 1704-2004. Отв. ред. Л. А. Кузнецов. СПб., 2004. Кормчие России. Адмиралтейские верфи в трех веках: судьбы и решения. На переломе эпохи. Авт.-ред. Ю. И. Сыроежина. СПб., 2005. Кормчие России: Адмиралтейские верфи в трех веках: судьбы, эпохи, решения. Авт.-ред. Ю. И. Сыроежина. СПб., 2006.

вооружение Краснознаменного Балтийского флота и приняла участие в боевых действиях советско-финляндской и Великой Отечественной войн.

Отдельно следует упомянуть такой важный труд, как научно-исторический сборник «Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России», составленный при участии доктора технических наук профессора А. А. Родионова¹⁷¹. В этой работе много внимания было уделено проблеме проектирования и строительства надводных кораблей (очерки В. М. Пашина, А. М. Васильева, Ю. И. Александрова, О. П. Майданова и О. М. Капранова)¹⁷² и подводных лодок (очерк И. Г. Захарова, Л. Ю. Худякова, Л. Н. Яшенькина)¹⁷³ для российского/советского ВМФ в Санкт-Петербурге – Ленинграде в XIX-XX веках.

Техническая сторона развития ВМФ и КБФ (в том числе, морская политика в СССР, история проектирования и создания новых типов надводных кораблей, подводных лодок и авиации, развитие разных видов морских вооружений и боевой техники) очень подробно освещалась отечественными историками, написавшими в 1990-х - 2000-х годах достаточно много глубоких и содержательных книг и статей о военном судостроении в СССР в предвоенный период и во время Великой Отечественной войны. Данные работы в значительной мере базировались на большом количестве архивных документов из фондов ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ, РГА ВМФ, ЦВМА и других архивов. Это, прежде всего, книги и статьи историков С. В. Апрелева¹⁷⁴, В. В. Балабина¹⁷⁵, В. Н. Булова¹⁷⁶, В. Ю. Грибовского¹⁷⁷, К. Л. Григайтиса¹⁷⁸, Б. Н. Зубова¹⁷⁹, В. Н. Краснова¹⁸⁰, К. Л. Кулагина¹⁸¹, А. А. Нарусбаева¹⁸²,

¹⁷¹ Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 1. Сост. А. А. Родионов. СПб., 2001.

¹⁷² Там же. С. 14-55, 56-101, 183-229

¹⁷³ Там же. С. 102-182.

¹⁷⁴ Платонов А. В., Апрелев С. В., Синяев Д. Н. Советские боевые корабли 1941-1945 гг. Кн. IV. Вооружение. СПб., 1997.

¹⁷⁵ Шитиков Е. А., Краснов В. Н., Балабин В. В. Кораблестроение в СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1995.

¹⁷⁶ Булов В. Н. Отечественное военное кораблестроение в третьем столетии своей истории. СПб., 1995.

¹⁷⁷ Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. В 5-ти тт. Под ред. И. Д. Спасского. Т. IV. Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны 1925-1945 гг. СПб., 1996. Грибовский В. Ю. Рабоче-крестьянский Военно-Морской Флот в предвоенные годы 1936-1941 (Учебное пособие). СПб., 1996. Он же. Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы 1925-1941 гг. М., 2006.

¹⁷⁸ Григайтис К. Л. Советская кораблестроительная наука (в 1937 г.). К 70-летию ЦНИИВК // Тайфун. 2002. № 4 (Вып. 44). С. 20-25.

¹⁷⁹ Зубов Б. Н. Записки корабельного инженера: Развитие надводного кораблестроения в Советском Союзе. М., 1998.

¹⁸⁰ Краснов В. Н. Научно-исследовательская работа в предвоенном кораблестроении // Судостроение, 1992, № 2. С. 44-46. Краснов В. Н., Краснов И. В. Внешнеэкономические связи СССР в области кораблестроения в предвоенные годы // Судостроение. 1993. № 10. С. 69-72. Шитиков Е. А., Краснов В. Н., Балабин В. В. Кораблестроение в СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1995. Краснов В. Н. Три века отечественного флота // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 4. Он же. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. М., 2004. Он же. Испытатели боевых кораблей // Военный парад. 2006. № 2. Краснов В. Н., Краснов И. В. Испытания и испытатели боевых кораблей: к истории отечественного военного судостроения. М., 2010.

В. М. Пашина¹⁸³, А. В. Платонова¹⁸⁴, Д. Н. Синяева¹⁸⁵, И. И. Черникова¹⁸⁶, Е. А. Шитикова¹⁸⁷, В. С. Шломина¹⁸⁸ и других.

С начала 1990-х по 2010-е годы вышло в свет очень много интересных, хорошо документированных монографических исследований, посвященных истории проектирования, строительства, модернизации и боевой деятельности различных типов надводных кораблей и подводных лодок Советского ВМФ за период с конца 1920-х по 1940-е годы. Среди авторов следует отметить таких известных специалистов, как Н. Н. Афонин¹⁸⁹, С. А. Балакин¹⁹⁰, И. Я. Баскаков¹⁹¹, А. М. Васильев¹⁹², А. Н. Гусев¹⁹³, В. П. Заблоцкий¹⁹⁴, Г. И. Зуев¹⁹⁵, Э. П. Игнатъев¹⁹⁶, П. И. Качур¹⁹⁷, В. В. Костриченко¹⁹⁸, К. Л. Кулагин¹⁹⁹, Д. Ю.

¹⁸¹ Кулагин К. Л. Научные аспекты Большой судостроительной программы Советского Военно-Морского Флота 1938-1942 гг. // Российский флот - честь и слава Отечества. Публичные чтения. 1996. *Он же*. «Большой флот» накануне большой войны // Флотомастер. 2001. № 3.

¹⁸² Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. В 5-ти тт. Под ред. И. Д. Спасского. Т. IV. Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны 1925-1945 гг. СПб., 1996.

¹⁸³ Пашин В. М. ЦНИИ имени академика А. Н. Крылова – 100 лет для кораблестроения и флота // Судостроение. 1994. № 8-9. С. 5-14. *Он же*. Основные этапы развития отечественного судостроения // Судостроение. 1996. № 10. С. 38-56.

¹⁸⁴ Платонов А. В. Советские боевые корабли 1941-1945 гг. Кн. III. Подводные лодки. СПб., 1996. Платонов А. В., Апрелев С. В., Синяев Д. Н. Советские боевые корабли 1941-1945 гг. Кн. IV. Вооружение. СПб., 1997. Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. СПб., 2002. Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок 1941-1945. М.-СПб., 2004.

¹⁸⁵ Платонов А. В., Апрелев С. В., Синяев Д. Н. Советские боевые корабли 1941-1945 гг. Кн. IV. Вооружение. СПб., 1997.

¹⁸⁶ Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. В 5-ти тт. Под ред. И. Д. Спасского. Т. IV. Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны 1925-1945 гг. СПб., 1996.

¹⁸⁷ Шитиков Е. А., Краснов В. Н., Балабин В. В. Кораблестроение в СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1995. Шитиков Е. А. Сталин и военное кораблестроение // Морской сборник. 1993. № 12. С. 59-62.

¹⁸⁸ Шломин В. С. К истории «Большой кораблестроительной программы» // Судостроение. 1993. № 10. С. 66-68.

¹⁸⁹ Афонин Н. Н. Лидер «Ташкент» // Мидель-шпангоут. № 15. СПб., 2008. *Он же*. Эскадренные миноносцы типа «Изяслав» // Мидель-шпангоут. № 20. СПб., 2010.

¹⁹⁰ Балакин С. А. «Гремящий» и другие. Эскадренные миноносцы проекта 7 // Морская коллекция. 1996. № 2. М., 1996. *Он же*. «Сообразительный» и другие. Эскадренные миноносцы проекта 7У // Морская коллекция. 1997. № 6(18). М., 1997. Балакин С. А., Морозов М. Э. Подводные лодки типа «С» // Морская коллекция. 2000. № 2(32). М., 2000. Балакин С. А. Легендарные «Семерки». Эсминцы «сталинской» серии. М., 2007.

¹⁹¹ Баскаков И. Я. О создании катеров «МО-2», «МО-4». Неизвестные страницы истории. СПб., 2000.

¹⁹² Васильев А. М. Линейные корабли типа «Марат» // Мидель-шпангоут. № 2(7). СПб., 2003. *Он же*. Линейные корабли типа «Советский Союз». СПб., 2006. Васильев А. М., Морин А. Б. Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». М., 2008. Васильев А. М. Первые линкоры Красного флота. «Марат», «Октябрьская революция», «Парижская коммуна». М., 2008.

¹⁹³ Гусев А. Н. Подводные минные заградители. СПб., 2002. *Он же*. Советские подводные лодки 1922–1945 гг.: Справочник. Т. 1-2. СПб., 2004.

¹⁹⁴ Заблоцкий В. П. Крейсера «холодной войны». М., 2008. *Он же*. Незнаменитые подлодки. Малые ПЛ VI и VI-бис серий. История создания, конструкция, боевая служба // Морская коллекция. 2009. № 5(116). М., 2009.

¹⁹⁵ Зуев Г. И. Минный заградитель «Марти» // Мидель-шпангоут. № 14. СПб., 2008.

¹⁹⁶ Игнатъев Э. П. Подводные лодки XII серии. СПб., 1996.

¹⁹⁷ Качур П. И. Лидеры типа «Ленинград» // Морская коллекция. 1998. № 6(24). М., 1998. Качур П. И., Морин А. Б. Лидеры эскадренных миноносцев ВМФ СССР. СПб., 2003. Качур П. И. «Гонимые псы» Красного флота. «Ташкент», «Баку», «Ленинград». М., 2008.

¹⁹⁸ Айзенберг Б. А., Костриченко В. В. Лидер Черного моря. Харьков, 1998. Костриченко В. В., Кулагин К. Л. Быстроходные тральщики типа «Фугас» // Морская коллекция. 2005. Спецвыпуск № 2. М., 2005.

Литинский²⁰⁰, П. В. Лихачев²⁰¹, А. Б. Морин²⁰², М. Э. Морозов²⁰³, А. В. Платонов²⁰⁴, А. В. Скворцов²⁰⁵, Б. В. Соломонов²⁰⁶, В. Ю. Усов²⁰⁷, А. А. Чернышев²⁰⁸, Е. И. Юхнина²⁰⁹ и др. Большинство данных типов надводных кораблей и подводных лодок находились на вооружении Рабоче-крестьянского Военно-Морского Флота накануне Великой Отечественной войны и принимали затем активное участие в боевых действиях советско-финляндской войны 1939-1940 гг., а затем уже в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

По теме проектирования, строительства и эксплуатации боевых кораблей разных классов Советского ВМФ предвоенных проектов такими авторами, как Б. А. Айзенберг²¹⁰, Л. И. Амирханов²¹¹, Н. Н. Афонин²¹², В. Ф. Бильдин²¹³, А. М. Васильев²¹⁴, В. П. Кузин²¹⁵, Л. А.

¹⁹⁹ Кулагин К. Л., Морозов М. Э. Подводные лодки типа «Щ» (Ш, V, V-бис и V-бис-2 серии) // Морская коллекция. 2002. № 2(44). М., 2002. Кулагин К. Л., Морозов М. Э. Подводные лодки типа «Щ» (X и X-бис серии) // Морская коллекция. 2002. № 4(46). М., 2002.

²⁰⁰ Литинский Д. Ю. Суперэсминцы Советского флота // Спецвыпуск альманаха «Тайфун». 1998. СПб., 1998.

²⁰¹ Лихачев П. В. Эскадренные миноносцы типа «Новик» в ВМФ СССР. СПб., 2005.

²⁰² Морин А. Б. Эскадренные миноносцы типа «Гневный». СПб., 1994. Морин А. Б., Чернышев А. А. Сторожевые корабли типа «Ураган» в бою 1941-1945 // Морская коллекция. 2005. № 5(74). М., 2005.

²⁰³ Морозов М. Э., Кулагин К. Л. «Катюши» Советского флота. Подводные лодки типа «К» XIV серии // Морская коллекция. 2007. № 9(99). М., 2007. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. «Щуки». Легенды Советского подводного флота. М., 2008. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. «Эски» в бою. Подводные лодки Маринеско, Щедрина, Лисина. М., 2008. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. Первые подлодки СССР. «Декабристы» и «Ленинцы». М., 2010. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. «Месть» Сталина. Советские подлодки типа «М». М., 2010. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. Подводные крейсера Сталина. Советские подлодки типов «П» и «К». М., 2011. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. «Англичане в Красном флоте». Подводные лодки британской постройки в составе КБФ // Морская коллекция. 2008. № 10(109).

²⁰⁴ Платонов А. В. Крейсера Советского флота. СПб., 1999. Он же. Советские миноносцы. Т. 1. СПб., 2003. Он же. Советские мониторы, канонерские лодки и бронекатера. Ч. 1. СПб., 2004.

²⁰⁵ Скворцов А. В. Линейные корабли типа «Севастополь» // Мидель-шпангоут. № 1(6). СПб., 2003.

²⁰⁶ Соломонов Б. В., Кулагин К. Л. Торпедные катера серии «Г-5» // Армада. Вып. № 19. М., 2001.

²⁰⁷ Усов В. Ю. Крейсер «Максим Горький». СПб., 1993.

²⁰⁸ Чернышев А. А. Тяжелый крейсер проекта 69 «Кронштадт» // Морская коллекция. 1996. № 6. М., 1996. Он же. Крейсера типа «Киров» // Морская коллекция. 2003. № 1(49). М., 2003. Он же. Крейсера типа «Максим Горький» // Морская коллекция. 2003. № 2(50). М., 2003. Чернышев А. А., Кулагин К. Л. Советские крейсера Великой Отечественной. От «Кирова» до «Кагановича». М., 2007. Чернышев А. А. «Новики». Лучшие эсминцы Российского Императорского флота. М., 2007. Чернышев А. А. Гвардейские крейсера Сталина – «Красный Кавказ», «Красный Крым», «Червона Украина». М., 2013. Чернышев А. А. Первенцы Сталинского флота. Сторожевые корабли типа «Ураган». М., 2014.

²⁰⁹ Юхнин Е. И. Боевые катера России. СПб., 1995.

²¹⁰ Айзенберг Б. А. Основатель знаменитой плеяды // Военно-морское историческое обозрение. 1997. № 1(5). С. 36-39.

²¹¹ Амирханов Л. И. Эсминцы от Металлического в составе Советского флота // Гангут. 2007. № 42-44.

²¹² Афонин Н. Н. Лидер «Гашкент» (к 70-летию начала постройки) // Судостроение. 2007. № 2. С. 72-78.

²¹³ Бильдин В. Ф. Тяжелые крейсера типа «Сталинград» // Гангут. 1991. Вып. 1. С. 69-70. Он же. Тяжелые крейсера типа «Сталинград» // Судостроение. 1994. № 7. С. 63-64.

²¹⁴ Васильев А. М. Крупные надводные корабли в программах советского военного судостроения (1936-1960 гг.) // Судостроение. 1997. № 6. С. 82-91. Он же. Линейный корабль проекта 24 // Гангут. 1998. Вып. 15. С. 32-44. Он же. Линейные корабли ВМФ СССР предвоенных проектов // Гангут. 1998. Вып. 16. С. 53-66. Он же. Линейный корабль «Фрунзе» // Гангут. 1999. Вып. 20. С. 38-51. Он же. Некоторые аспекты строительства линейных кораблей типа «Советский Союз» // Судостроение. 2000. № 5. С. 65-72. Он же. Линейный корабль «Марат» // Гангут. 2002. Вып. 30. С. 56-75. Он же. Линейный корабль «Октябрьская революция» // Гангут. 2003. Вып. 33. С. 30-46.

²¹⁵ Кузин В. П. Линейный корабль проекта 27 // Судостроение. 1995. № 11-12. С. 57-58.

Кузнецов²¹⁶, В. А. Кучер²¹⁷, Д. Ю. Литинский²¹⁸, В. П. Маркелов²¹⁹, С. В. Молодцов²²⁰, А. Б. Морин²²¹, А. В. Платонов²²², С. И. Титушкин²²³, В. Ю. Усов²²⁴, Г. Т. Черненко²²⁵ за период с 1992 по 2011 гг. было опубликовано огромное количество статей научного характера, опубликованных в журналах, альманахах и сборниках по истории флота и судостроения – «Гангут», «Судостроение», «Тайфун», «Цитадель», «Бриз», «История корабля», «Флотомастер», «Морская коллекция», «Очерки военно-морской истории», «Военно-морское историческое обозрение» и других изданиях.

Боевые эпизоды с использованием отдельных кораблей КБФ в летне-осенней кампании 1941 г., которые были построены в период 1930-х гг. и принимали активное участие в советско-финляндской войне 1939-1940 гг., и вообще начальный период боевых действий на Балтике в 1941 г., были подробно освещены в очерках и статьях Б. А. Айзенберга²²⁶, С. А. Балакина²²⁷, С. В. Богатырева²²⁸, Д. М. Васильева²²⁹, В. В. Загорского²³⁰, В. В.

²¹⁶ Кузнецов Л. А. «Не исключалась и постройка авианосца...» // Гангут. 1992. Вып. 3. С. 63-70. *Он же.* Начало серийного строительного торпедных катеров // Гангут. 1997. Вып. 12-бис. С. 73-85. *Он же.* «В сильной степени повысит боевую мощь Морских Сил РККА» // Гангут. 1999. Вып. 20. С. 52-67. *Он же.* Носовая наделка линкора «Парижская коммуна» // Гангут. 2001. № 27. С. 66-83. *Он же.* «Поставить иностранные державы перед свершившимся фактом» // Гангут. 2013. № 75. С. 103-132.

²¹⁷ Кучер В. А., Семенов В. П., Мануйлов Ю. В. Подводные лодки типа «Д» // Цитадель. 1995. № 1. С. 54-62.

²¹⁸ Литинский Д. Ю. Как Муссолини помогал Сталину. Часть I. «Адмирал был неизменно весел...» // Тайфун. 1996. Вып. 2. С. 6-12. *Он же.* Эскадренный миноносец «Опытный». Проект 45 // Тайфун. 1997. № 2 (Вып. 4). С. 2-8. *Он же.* Как Муссолини помогал Сталину. Часть II. «Итальянский король... чуть ли не благодарил за заказы...» // Тайфун. 1997. № 2 (Вып. 4). С. 25-31. *Он же.* Эскадренный миноносец «Опытный» пр. 45 // Тайфун. 1997. № 2 (Вып. 4). С. 2-8. *Он же.* «Разрешаю строить эсминца в 40 узлов в час. Ворошилов» // Тайфун. 1998. № 3(Вып. 11). С. 9-12.

²¹⁹ Маркелов В. П. Создание защиты советских линкоров в предвоенные годы // Цитадель. 2004. № 11. С. 103-129.

²²⁰ Молодцов С. В. Сталинские линкоры. Часть I. Появление проекта // Бриз. 1996. № 9. С. 9-22.

²²¹ Морин А. Б. Корабли дивизиона «плохой погоды» // Судостроение. 1991. № 11. С. 43-47. *Он же.* Сторожевые корабли типа «Ураган» // Гангут. 1993. Вып. 6. С. 62-73; 1994. Вып. 7. С. 45-61. *Он же.* Лёгкие крейсера типов «Чапаев» и «Свердлов» // Судостроение. 1994. № 2-3. Морин А. Б., Пегов Н. М. Базовые тральщики типа «Фугас» // Судостроение. 1994. № 10. С. 65-69. Ефимов В. И., Морин А. Б. Проектирование и строительство тяжёлых крейсеров проекта 82 // Гангут. 1998. Вып. 14. С. 33-55. Лясота Н. А., Морин А. Б. Тяжелый крейсер «Кронштадт» (проект 69) // Гангут. 1998. Вып. 17. С. 59-78.

²²² Платонов А. В. Из летописи создания советских авианосцев // Судостроение. 1992. № 5. *Он же.* Линкор «Марат»: неизвестное об известном // Гангут. 1993. Вып. 6. С. 90-91. *Он же.* Авианосцы проекта 72 // Гангут. 1994. Вып. 7. С. 62-67. *Он же.* Эскадренный миноносец «Сторожевой» // Гангут. 1995. Вып. 9. С. 36-49. *Он же.* Миноносцы советского флота // Гангут. 2001. Вып. 26. С. 5-21.

²²³ Титушкин С. И. Модернизация линкора «Парижская коммуна» // Гангут. 2001. Вып. 28. С. 49-70.

²²⁴ Усов В. Ю. Краснознаменный крейсер «Максим Горький» // Судостроение. 1990. № 12. С. 59-61.

²²⁵ Черненко Г. Т. Летающие корабли профессора Левкова // Цитадель. 1998. № 3(8). С. 28-47.

²²⁶ Айзенберг Б. А. Свидетельства Финского залива, или вопросы без ответов // Очерки военно-морской истории. № 4. С. 6-13.

²²⁷ Балакин С. А. Боевой путь эсминца «Страшный» // Цитадель. 2000. № 1(9). С. 41-47.

²²⁸ Богатырев С. В., Ларинцев Р. И., Овчаренко А. В. Морская война на Балтике 1941-1945 гг. Справочник-хроника. Часть I. Потери флота противника на Балтийском море в 1941-43 гг. Архангельск, 1997. С. 9.

²²⁹ Васильев Д. М. Первый боевой поход Отряда легких сил // Гангут. 1995. Вып. 9. С. 50-59.

²³⁰ Загорский В. В. Гибель эсминца «Гневный» // Очерки военно-морской истории. 1998. № 4. С. 30-34. *Он же.* Гибель лидера «Минск» // Военно-морское историческое обозрение. 1997. № 2(6). С. 15-18.

Костриченко²³¹, М. Э. Морозова²³², А. В. Платонова²³³, Д. Я. Самуса²³⁴, А. А. Чернышева²³⁵ и др. Эти работы интересны тем, что они дают наглядное представление о том реальном уровне боевой подготовки личного состава КБФ и общей боевой готовности флота, с которым он начал войну с Германией. В связи с этим, становятся более понятными и результаты первых боевых операций кораблей Балтийского флота.

Значительное количество публикаций было посвящено истории создания и боевому применению разных образцов артиллерийского, минно-трального и торпедного вооружения и технического оснащения Советского ВМФ в 1930-х-1940-х гг.²³⁶ Появились и более общие, обзорные работы по истории развития оружия отечественного флота. Прежде всего, стоит назвать коллективную работу «Оружие Российского флота», выполненную под руководством Б. И. Родионова и В. Д. Доценко²³⁷, а также монографию А. Б. Широкограда «Оружие отечественного флота»²³⁸.

Отдельно следует указать очень ценную работу военных историков М. Э. Морозова и К. Л. Кулагина, посвященную истории развития Советского подводного флота в период с Гражданской и до конца Великой Отечественной войны²³⁹. На основе значительного документального материала и неопубликованных воспоминаний моряков-подводников авторы создали детальное исследование, в котором уделили большое внимание причинам недостаточной готовности отечественных подводников к реальным боевым действиям

²³¹ Костриченко В. В. Загадка Таллиннского перехода - загадка Трибуца // Военно-морское историческое обозрение. 1997. № 1(5). С. 20-25. Костриченко В. В. Гибель эскадренного миноносца «Сердитый» // Военно-морское историческое обозрение. 1997. № 1(5). С. 47-49.

²³² Морозов М. Э. Черный понедельник авиации Балтфлота // Великая Отечественная катастрофа II. 1941 год. Причины трагедии: Сборник. М., 2007. С. 378-414. Абатуров В. В., Морозов М. Э. Неизвестные трагедии Великой Отечественной. Сражения без побед. М., 2008. С. 117-188.

²³³ Платонов А. В. Советские эсминцы в Рижском заливе // Цитадель. 1996. № 1. С. 29-35. Он же. Советские эсминцы в борьбе с морскими перевозками противника // Гангут. 2007. № 44. С. 101-110.

²³⁴ Самус Д. Я. На мостике «Стойкого» (первые дни войны) // Цитадель. 1998. № 2(7). С. 28-33.

²³⁵ Чернышев А. Бой в Ирбенском проливе 6 июля 1941 года - правда и вымыслы // Морской сборник. 2009. № 6. С. 81-86.

²³⁶ Платонов А. В. Артиллерийские башни главных и противоминных калибров советских кораблей // Судостроение. 1991. № 3. С. 69-73. Он же. Артиллерийское вооружение линкоров, заложенных в предвоенные годы // Судостроение. 1990. № 7. С. 60-64. Амирханов Л. И., Титушкин С. И. Главный калибр линкоров. СПб., 1993. Кориунов Ю. Л., Строков А. А. Торпеды ВМФ СССР. СПб., 1994. Широкоград А. Б. Советская корабельная артиллерия. М., 1995. Кориунов Ю. Л., Строков А. А. Противолодочное оружие. СПб., 1997. Кориунов Ю. Л., Лямин Б. К. Мины ВМФ СССР. СПб., 1998. Платонов А. В. Отечественные приборы управления артиллерийской стрельбой // Цитадель. 1998. № 1(6). С. 93-115. Кулагин К. Л. Вооружение крейсера «Красный Кавказ» // Флотомастер. 1999. № 1. Платонов А. В. Состояние военно-морских вооружений к началу Второй мировой войны // Цитадель. 2002. № 10. С. 77-92. Васильев Е. М. Из истории развития артиллерийского вооружения Военно-Морского Флота (от АНИМИ до 28-го НИИ ВМФ) // Тайфун. 2002. № 4 (Вып. 44). С. 10-14. Кулагин К. Л. Влияние концепций применения флота на вооружение кораблей ВМФ СССР в 20-е годы // Институт военной истории Министерства обороны РФ. Сборник работ молодых ученых (выпуск девятый). М., 2004. Лукин В. Е. «...Для приведения в порядок нашу артиллерию» // Цитадель. 2008. № 14. С. 29-44. Он же. «Морское экспериментальное дальнобойное» // Цитадель. 2010. № 17. С. 161-176.

²³⁷ Петров А. М., Асеев Д. А. и др. Оружие Российского флота. Под ред. В. Д. Доценко и Б. И. Родионова. СПб., 1996.

²³⁸ Широкоград А. Б. Оружие отечественного флота. М., 2007.

Второй мировой войны. Достоинством данной книги является всесторонний анализ всех сторон технического развития и боевой подготовки советских Подводных сил в 1920–1940-х годах. Проблеме состояния подводных сил Краснознаменного Балтийского флота накануне Великой Отечественной войны также посвящена и весьма содержательная статья М. Э. Морозова в журнале *Флотомастер*²⁴⁰.

Проблеме создания подводных сил и боевой деятельности балтийских подводников посвящена также книга Н. Е. Хромова «Подводные силы Балтийского флота, 1906-2006», приуроченная к 100-летию юбилею подводного флота России²⁴¹. В этой работе затронуты вопросы развития подводных сил в предвоенный период и боевая деятельность подводников Балтики во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. К сожалению, автор не вносит элемента новизны в рассматриваемую им тему, давая довольно стандартное описание указанных событий. Автор довольно широко использует мемуары известных подводников, не дополняя их новыми фактами.

В то же время, достаточно интересным стал вышедший одновременно в Москве коллективный труд по истории российского подплава, подготовленный В. И. Агейкиным²⁴². В указанной книге нашли отражение такие сюжеты, как участие подводных сил КБФ в прибалтийских событиях осенью 1939 г. и советско-финляндской войне 1939-1940 гг.²⁴³, а также процесс предвоенного строительства субмарин для нужд ВМФ²⁴⁴.

Тему создания и развития советских Подводных сил в межвоенный период продолжает также книга Э. А. Ковалева²⁴⁵. Автором поднят вопрос предвоенной подготовки советских подводников и причин низкой результативности действий советских подводников во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Отдельная глава посвящена боевой деятельности подводников Краснознаменного Балтийского флота в период войны с Финляндией зимой 1939-1940 гг. В своей работе автор широко использовал как архивные источники, так и исследовательскую литературу.

Вопросам боевой деятельности подводных сил КБФ в период Великой Отечественной войны также посвящена работа капитана 1-го ранга в отставке В. И. Голосова²⁴⁶. Впрочем, данная работа опирается в первую очередь не на архивные документы и современную

²³⁹ Морозов М. Э., Кулагин И. Л. Советский подводный флот 1922-1945 гг.: О подводных лодках и подводниках. М., 2006.

²⁴⁰ Морозов М. Э. Подводные силы Балтфлота накануне войны // *Флотомастер*. 2004. № 5. С. 32-43; № 6. С. 34-45.

²⁴¹ Хромов Н. Е. Подводные силы Балтийского флота, 1906-2006. Калининград, 2006.

²⁴² Подводные силы России. Авт.-сост. В. И. Агейкин. М., 2006.

²⁴³ Там же. С. 90-91.

²⁴⁴ Там же. С. 61-86.

²⁴⁵ Ковалев Э. А. Короли подплава в море червонных валетов. Хроника начального периода советского подводного плавания 1918-1941 гг. М., 2006.

литературу, а на закрытые труды 1940-х годов и мемуары подводников, которые содержат большое количество устаревшей, недостоверной информации. Автором кратко освещен предвоенный период развития подводных сил КБФ, в том числе строительство новых типов субмарин.

По истории развития отечественных подводных сил на Балтике имеется очень содержательный очерк капитана 1-го ранга в отставке Г. И. Гавриленко, опубликованный в нескольких выпусках военно-технического альманаха Тайфун²⁴⁷. В нем отражена структура, строительство, учебно-практические мероприятия и боевая деятельность подлодок КБФ в 1918–1941 гг., а также разработка новых типов субмарин для РККФ в конце 1920-х–1930-х годах. В дальнейшем, автор участвовал в создании очень нужного для отечественной историографии 3-х томного справочного труда «Книга памяти моряков-подводников Военно-Морского Флота России, погибших в XX веке». Большой интерес представляет первый том этой работы, содержащий обзор развития Подводных сил России/СССР в период с 1904 по 1940 годы²⁴⁸. Здесь также нашла отражение структура подводных сил Краснознаменного Балтийского флота к началу войны.

Логическим продолжением данного направления стала подготовка и издание новейшего справочника о людских потерях отечественного подводного флота за весь период его развития – с момента их создания в 1904-м году и вплоть до настоящего времени²⁴⁹.

Вполне самостоятельное значение имеют различные справочники по корабельному составу Советского ВМФ за период Второй мировой войны, вышедшие в разные годы. В первую очередь, следует отметить такие авторитетные работы, как справочники по корабельному составу Советского Военно-Морского Флота предвоенного и военного периода, составленные известнейшим военно-морским историком капитаном 1-го ранга С. С. Бережным²⁵⁰.

Вопросами базирования Краснознаменного Балтийского флота плодотворно занимается заведующий кафедрой Военного инженерно-технического университета доктор исторических наук полковник В. М. Курмышов, специализировавшийся на вопросах базирования КБФ в межвоенный период 1921-1941 годов. Его докторская диссертация,

²⁴⁶ *Голосов В. И.* Боевые действия подводных сил Краснознаменного Балтийского флота во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. СПб., 2011.

²⁴⁷ *Гавриленко Г. И.* История балтийского подплава // Тайфун. 1999. № 1 (Вып. 13). С. 36-45; № 3 (Вып. 15). С. 38-45; № 6 (Вып. 18). С. 29-37. *Он же.* От «Барса» к «Декабристу» // Тайфун. 1999. № 1 (Вып. 13). С. 45-47.

²⁴⁸ Книга памяти моряков-подводников Военно-Морского Флота России, погибших в XX веке. В трех частях. Часть первая. 1904-1940. Сост.: Гавриленко Г. И., Дмитриев Ф. А., Каутский И. А., Клубков Ю. М. СПб., 2006.

²⁴⁹ Книга памяти российских и советских подводников, погибших в 1904-2011 гг. Сост.: Чернавин Л. Д., Каутский И. А., Косенков В. К., Сватиков А. А. СПб., 2011.

²⁵⁰ *Бережной С. С.* Корабли и суда ВМФ СССР 1928-1945 гг.: Справочник. М., 1988. *Он же.* Трофеи и репарации ВМФ СССР. Справочник. Якутск, 1994. *Он же.* Корабли отечества. Вып. 1. Подводные лодки. Часть

выпущенная отдельной книгой²⁵¹, и многочисленные журнальные статьи²⁵² специально посвящены вопросам организации и устройства базирования Балтийского флота в предвоенный период, а также вопросам тылового обеспечения флота. Вполне самостоятельное значение имеет его статья о развитии РККФ в предвоенные годы²⁵³, напрямую относящаяся к рассматриваемой нами теме. О выработке предвоенной теории базирования Советского ВМФ также опубликовал интересную статью Ю. М. Зайцев²⁵⁴.

Данное направление продолжает весьма содержательная монография бывшего начальника научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона России Военной академии Генерального штаба РФ полковника С. Н. Ковалева, представляющая собой кандидатскую диссертацию²⁵⁵. Предметом его исследования является процесс ввода и последующего размещения на территории Эстонской республики в 1939-1940 гг. соединений и частей РККА и РККФ. Довольно подробно им изложена тема создания военно-морских баз КБФ в Эстонии накануне Великой Отечественной войны. Этой же проблематике посвящены его статьи в различных журналах и сборниках²⁵⁶.

2 (I-IX-бис серии). Харьков, 1997. *Он же*. Броненосные и линейные корабли. Канонерские лодки: Справочник. М., 1997. *Он же*. Крейсера и миноносцы: Справочник. М., 2002.

²⁵¹ Курмышов В. М. Базирование Балтийского флота в межвоенный период 1921-1941 гг. СПб., 2003.

²⁵² Курмышов В. М. Главный военный порт Морских сил Балтийского моря (Краснознаменного Балтийского флота) 1921-1941 гг. // Клио. 2002. № 3. С. 168-170. *Он же*. Военные порты (базы) КБФ в предвоенные годы и их особенности в тыловом обеспечении // Клио. 2003. № 4. С. 132-139. *Он же*. Решение проблемы базирования Балтийского флота накануне войны (Развертывание военно-морских баз в Прибалтике, конец 1939-1941 гг.) // Военно-исторический архив. 2004. № 2(50). С. 115-135. *Он же*. Аренда полуострова Ханко 1940-1941 гг. (первый опыт военно-политического руководства страны по созданию военно-морских баз за рубежом) // Клио. 2004. № 3. С. 223-230. *Он же*. Научные основы базирования Балтийского флота 1921-1941 гг. // Военно-исторический журнал. 2005. № 1. С. 54-58. *Он же*. Развертывание военно-морских баз и береговой обороны в Прибалтике в феврале 1940-июне 1941 года // Военно-исторический журнал. 2005. № 2. С. 17-21. *Он же*. Создание и оборудование обороны военно-морской базы Ханко 1940-1941 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 8-12.

²⁵³ Курмышов В. М. Состояние и развитие Военно-Морского Флота (1918-1941 гг.) // Чтения по военной истории. Сборник статей. СПб., 2005.

²⁵⁴ Зайцев Ю. М. Формирование теории базирования сил в Императорском Российском флоте и Советском ВМФ в первой трети XX столетия и на начальном этапе Второй мировой войны // Цитадель. 2010. № 17. С. 117-132.

²⁵⁵ Ковалев С. Н. Советские войска на территории Эстонии 1939-1940 гг. СПб., 2005.

²⁵⁶ Ковалев С. Н. Развитие военной инфраструктуры советских войск (сил) на территории Прибалтийских стран. 1939-1940 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 8. *Он же*. Мероприятия по обеспечению ввода и пребывания советских воинских контингентов на территории Эстонии, Латвии и Литвы (1939 г.) // Военно-исторический журнал. 2008. № 9. *Он же*. Проблемы размещения Советских войск в странах Балтии (по опыту дислокации на территории Латвии) в 1939-1940 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2, История. Вып. 3. *Он же*. Советские войска на территории Эстонской Республики 1939-1940 гг. // Вызовы глобализации в начале XXI века. Материалы международной научной конференции, 14-16 апреля 2006 г. Часть. 2. Книга 1. СПб., 2006. *Он же*. Советские войска на территории Эстонской Республики в 1939-1940 гг. Правовое урегулирование взаимоотношений сторон // Международная научно-практическая конференция «Военное дело России и её соседей в прошлом, настоящем и будущем», 29-31 марта 2005 г., Санкт-Петербург. М., 2006. *Он же*. Геостратегические планы советского руководства в Балтийском регионе в предвоенный период // Геополитика и безопасность. СПб., 2008, № 3. *Он же*. Особенности организации и размещения контингентов советских войск (сил) в пунктах дислокации (базирования) на территории Эстонии, Латвии и Литвы (1939-1940 гг.) // Военно-исторический журнал. 2008. № 10.

В дальнейшем, С. Н. Ковалевым была издана новая монография, являющаяся его докторской диссертацией²⁵⁷. Она была основана на документах самых разных российских архивов – как военных (РГВА, РГАВМФ), так и дипломатических (АВПР). В монографии Ковалева достаточно полно рассмотрены все аспекты, связанные с политическим обеспечением, вводом, размещением и дальнейшим пребыванием соединений, частей и военных баз РККА и РККФ в Эстонии, Латвии и Литве в период с осени 1939 до лета 1941 гг.

Тему, связанную с историей вооруженных сил прибалтийских государств, в том числе военно-морских сил, которые в 1940 г. вошли в состав КБФ, освещает весьма информативный справочник петербургских специалистов по истории флота А. А. Гайдука и Р. В. Лапшина по военно-морским флотам Эстонии, Латвии и Литвы в 1918-1940 гг.²⁵⁸ Данная тема ранее не удостоивалась столь пристального внимания отечественных историков, хотя она была напрямую связана с проблемой состояния корабельного состава Краснознаменного Балтийского флота перед войной.

Вопросам деятельности инженерной и строительной служб КБФ на Балтике за всё время её существования посвящены вышедшие в Калининграде иллюстрированный очерк «Полвека с флотом: Очерки истории военных строителей Балтики»²⁵⁹ и фундаментальный коллективный труд группы военно-морских историков «Морские инженеры и строители Балтийского флота: История и современность»²⁶⁰. В последней работе на значительном архивном материале показана деятельность инженеров Краснознаменного Балтийского флота в предвоенный период, и в первую очередь, по строительству новых военно-морских баз и береговых батарей на территории прибалтийских республик в 1939-начале 1941 гг. В частности, здесь интересно и достаточно подробно рассказано о строительстве военно-морской базы в Усть-Луге во второй половине 1930-х гг., а также о создании системы береговой обороны в республиках Прибалтики в период с осени 1939 г. по июнь 1941 г.

Тему строительства базы Балтийского флота в Усть-Луге продолжает интересная книга В. В. Аристова, посвященная истории строительства порта в Лужской губе в XX-начале XXI веков²⁶¹. В этой работе значительное место было уделено истории базового строительства в Усть-Луге во второй половине 1930-х – начале 1941 гг., когда там намечалось создание

²⁵⁷ Ковалев С. Н. Советские воинские контингенты на территории стран Балтии в 1939-1940 гг. СПб., 2008.

²⁵⁸ Гайдук А. А., Лапшин Р. В. Военно-морские силы Прибалтийских государств 1918-1940 гг. Справочник. СПб., 2009.

²⁵⁹ Майоров С. А., Саранцев Н. А., Чуркин П. Г. и др. Полвека с флотом: Очерки истории военных строителей Балтики. Под ред. Ю. А. Скорикова. Калининград, 1998.

²⁶⁰ Амузин Б. М., Кинякин И. Н., Урюпин М. Б. и др. Морские инженеры и строители Балтийского флота: История и современность. Калининград, 2006.

²⁶¹ Аристов В. В. От «Второго Кронштадта» к «Второму Роттердаму». История мореплавания и портостроительства в Лужской губе Финского залива. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010.

главной базы КБФ²⁶², а также участием частей Лужской военно-морской базы в советско-финляндской войне 1939-1940 гг.²⁶³ Кроме того, истории строительства военно-морской базы посвящена подробная статья С. Д. Прямицкого и Н. Б. Агапова в альманахе «Цитадель», основанная на значительном архивном материале²⁶⁴.

К 80-летию юбилею Ленинградской военно-морской базы в Санкт-Петербурге были выпущены сразу два интересных коллективных труда, посвященных истории создания и деятельности в городе военно-морского порта/базы – «Главный военный порт России»²⁶⁵ и «80 лет Ленинградской военно-морской базе»²⁶⁶. Эти работы базируются в основном на архивных документах и обширной научно-исследовательской литературе.

Развитию Береговой обороны и береговой инфраструктуры самой известной военно-морской базы Балтики – города и крепости Кронштадта – была посвящена работа историка В. Я. Крестьянинова²⁶⁷. (Надо сказать, что эта книга восполнила недостаток ранее вышедшего фундаментального труда А. А. Раздолгина и Ю. А. Скорикова, посвященного истории Кронштадтской крепости. В этой работе советский период в строительстве и развитии БО Кронштадта и прилегающего района был освещен крайне бегло²⁶⁸.) Данную проблематику продолжают книги и статьи известных историков В. Ф. Ткаченко и Л. И. Амирханова, посвященные береговым укреплениям Кронштадта и береговой артиллерии²⁶⁹.

Значительный интерес представляют исследования С. Б. Бурдыгина, посвященные истории строительства и обороны советских военно-морских баз Либава (Лиепая) и Рига в 1940-1941 годах²⁷⁰. В частности, автором очень подробно описаны бои за эти военно-морские базы в июне 1941-го года и отражена роль КБФ в боевых действиях по их обороне.

Вопросам строительства и первых боевых действий Береговой обороны КБФ в Эстонии накануне и в годы Великой Отечественной войны также посвящены статьи историков К. Б. Стрельбицкого²⁷¹ и Г. Г. Кудрявцева²⁷².

²⁶² Аристов В. В. От «Второго Кронштадта» к «Второму Роттердаму». История мореплавания и портостроительства в Лужской губе Финского залива. С. 47-65.

²⁶³ Там же. С. 65-67.

²⁶⁴ Прямицкий С. Д., Агапов Н. Б. Второй Кронштадт в Лужской губе // Цитадель. 2013. № 20. С. 85-104.

²⁶⁵ Богданов Б. Е., Васильев Н. И., Великов Д. И., Журавлев Д. В., Шломин В. С. и др. Главный военный порт России. От Санкт-Петербургского военного порта до тыла Ленинградской военно-морской базы. (К истории развития системы обеспечения сил флота.) Военно-научный труд. СПб., 1999.

²⁶⁶ Смуглин Ф. С. и др. 80 лет Ленинградской военно-морской базе. СПб., 1999.

²⁶⁷ Крестьянинов В. Я. Кронштадт - крепость, город, порт. СПб., 2002.

²⁶⁸ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л., 1988.

²⁶⁹ Амирханов Л. И., Ткаченко В. Ф. Форти Кронштадта. СПб., 2004. Амирханов Л. И., Ткаченко В. Ф. Форт «Константин». 150 лет эволюции. СПб., 2007. Ткаченко В. Ф. Форт «Красная Горка». СПб., 2007. Ткаченко В. Ф. Форт «Ино»: Строительство. Служба. Уничтожение. СПб., 2009. Ткаченко В. Ф. Корабельная башенная артиллерия на вооружении крепости Кронштадт (1925-1955) // Цитадель. 2009. № 15. С. 21-38.

²⁷⁰ Булдыгин С. Б. Оборона Лиепай. СПб., 2012. Он же. Борьба за Ригу в 1941 году. СПб., 2013. Он же. Моонзунд. 1941 год. СПб., 2013.

²⁷¹ Стрельбицкий К. Б. «Советская артиллерия на Моонзунде в 1941 году» // Цитадель. 2004. № 11. С. 60-66.

²⁷² Кудрявцев Г. Г. Красный стяг над Осмуссааром // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 154-162.

Вопросам развития Тыла Советского ВМФ в предвоенные годы был посвящен коллективный труд В. С. Шломина, Д. И. Великова, В. М. Гурьянова, В. Ю. Мессойлиди²⁷³. Правда, тыловое обеспечение Краснознаменного Балтийского флота в конце 1930-х годов было освещено в нем довольно кратко, но общая картина состояния обеспечения деятельности флота показана в целом объективно.

В течение 1990-х–начала 2000-х годов было опубликовано сразу несколько общих работ, посвященных теме создания и развития российской морской авиации за период XX века. Ещё в 1996 г. в Москве и Санкт-Петербурге были изданы коллективные труды по истории развития и боевой деятельности морской авиации в России²⁷⁴. В этих книгах повествуется о создании ВВС Балтийского флота в 1930-х годах и их участии в событиях советско-финляндской войны. В 2004 г. в Калининграде был выпущен коллективный труд флотских историков, специально посвященный истории развития авиации Балтийского флота за почти 85-летний период²⁷⁵. В отличие от предшествующих работ, в книге калининградских историков содержалась глава о развитии авиации Морских сил Балтийского моря (Краснознаменного Балтийского флота) в межвоенный период²⁷⁶. (В 2006 г. данный труд был переиздан²⁷⁷.)

Теме участия авиации Краснознаменного Балтийского флота в боевых действиях советско-финляндской войны 1939-1940 годов посвящено в целом весьма интересное исследование петербургских историков С. В. Тиркельтауба и В. Н. Степакова²⁷⁸. Данная работа ценна значительным фактическим и цифровым материалом по действиям ВВС КБФ против финской авиации и береговых объектов, в ней содержатся интересные приложения. В то же время, этой работе явно не хватает развернутых, серьезных выводов по применению морской авиации в «зимней» войне.

Тема участия ВВС РККА и РККФ в боевых действиях «зимней войны» нашла свое отражение в специальной монографии известных историков авиации А. Булаха, В. Котельникова, М. Морозова²⁷⁹, которые уделили в ней значительное внимание и деятельности авиации Краснознаменного Балтийского флота. На основе многочисленных

²⁷³ Шломин В. С. и др. Тыл флота: история развития. М., 1992.

²⁷⁴ Артемьев А. М. Морская авиация России. М., 1996. Лаврентьев Н. М., Гуляев С. А., Минаков В. И., Шульженко А. П. и др. Под ред. В. Г. Дейнеки. Авиация Российского флота. СПб., 1996.

²⁷⁵ Барышев Ю. В., Гончар Т. Ф., Горелкин А. С., Сокерин В. Н. и др. Морская авиация Балтийского флота, 1926–2003. Калининград, 2004.

²⁷⁶ Гончар Т. Ф., Новиков Н. И. Развитие авиации Балтийского флота (1917-1941 гг.) // Морская авиация Балтийского флота, 1926-2003. Калининград, 2004.

²⁷⁷ Барышев Ю. В., Балобанов А. М., Бондарь И. А. и др. Морская авиация Балтийского флота, 1916-2006. 2-е изд. Калининград, 2006.

²⁷⁸ Тиркельтауб С. В., Степаков В. Н. Против Финляндии. Советская морская авиация на Балтике в войне 1939-1940 годов. СПб., 2000.

²⁷⁹ Морозов М., Кириндас А., Котельников В., Булах А. ВВС Красной Армии в Зимней войне 1939-1940 // «История авиации», спецвыпуск № 2. М., 2006.

документов РГВА и РГАВМФ авторы создали достаточно объективную картину боевой деятельности советской армейской и морской авиации, в приложениях содержатся цифровые данные об итогах боевых операций советской авиации.

Несомненным достижением стал выход в свет фундаментального труда историка М. Э. Морозова «Торпедоносцы Великой Отечественной», посвященной истории создания, подготовки и боевой деятельности советской минно-торпедной авиации накануне и в годы Великой Отечественной войны²⁸⁰. В этой работе говорится о боевой подготовке минно-торпедной и бомбардировочной авиации ВМФ в предвоенный период и её недостатках, а также о её боевой деятельности во время войны с Финляндией зимой 1939-1940 гг.

Работа В. П. Масягина и С. А. Якимова освещает крайне важную проблему подготовки и состояния командных кадров Балтийского флота в предвоенный период²⁸¹. К сожалению, обзорный характер и ограниченный объем этого труда не позволили авторам всесторонне и объективно изучить данный вопрос, ограничившись лишь рядом отрывочных сведений. Тем не менее, авторы сделали ряд довольно правильных выводов относительно общих недостатков в подготовке морских командиров.

Влияние репрессий на состояние командно-начальствующего состава РККА и РККФ внимательно изучено такими авторами, как О. Ф. Сувениров²⁸² и Н. С. Черушев²⁸³. Особенно ценны исследования последнего, так как он подробнейшим образом рассматривает биографии отдельных военачальников и флотоводцев, подвергшихся политическим репрессиям, попутно давая оценку их командирским способностям. Также Н. С. и Ю. Н. Черушевыми были изданы справочники о представителях командно-начальствующего состава РККА, репрессированных в 1937-1941 годах. В данном издании помещены биографии начальников Морских Сил РККА, командующих флотами и командиров соединений флота, начальников организаций и учреждений, в том числе и КБФ²⁸⁴. Данное исследование следует отметить как весьма ценное и дополняющее труды других авторов.

Очень важными представляются публикации справочного характера петербургского историка В. М. Лурье о командирах и начальниках Советского ВМФ периода Великой Отечественной войны. В совместной работе А. В. Платонова и В. М. Лурье, посвященной командирам советских подводных лодок в 1941-1945 гг.²⁸⁵, содержались весьма интересные

²⁸⁰ Морозов М. Э. Торпедоносцы Великой Отечественной. Их звали «смертниками». М., 2011.

²⁸¹ Масягин В. П., Якимов С. А. Офицеры Балтийского флота. СПб., 2003.

²⁸² Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937-1938. М., 1998.

²⁸³ Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на Голгофе. М., 2003. *Он же*. Удар по своим. Красная Армия: 1938-1941. М., 2003. *Он же*. Из Гулага - в бой. М., 2006.

²⁸⁴ Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. Биографический словарь. М., 2012. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА. 1937-1941: Комбриги и им равные. М., 2014.

²⁸⁵ Платонов А. В., Лурье В. М. Командиры советских подводных лодок 1941-1945 гг. СПб., 1999.

выводы относительно оперативной и тактической подготовки командиров субмарин в предвоенный период, а также об их реальном вкладе в дело победы над германским ВМФ.

Справочник В. М. Лурье о высшем командно-начальствующем составе РККФ в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.²⁸⁶ содержит в себе подробнейшие биографии представителей высшего командно-начальствующего состава РККФ и КБФ, составленные на основе их личных дел и послужных карт, хранящихся в фондах ЦВМА МО РФ в г. Гатчина. Также автором приводятся выдержки из документов с оценкой деятельности указанных командиров во время Великой Отечественной войны. В то же время, представляется обидным, что этот замечательный труд был жестко ограничен хронологическими рамками лишь Великой Отечественной войны. Поэтому в него не вошли репрессированные в конце 1930-х гг. высшие командиры и начальники КБФ.

Справочник Лурье о военно-морских разведчиках, вышедший в 2009-м году²⁸⁷, содержит в себе уникальную информацию о руководителях и сотрудниках разведывательных органов КБФ предвоенного и военного периодов. В частности, здесь указаны биографии начальников Разведывательного отдела КБФ за период с 1935 по 1941-й годы, включая его репрессированных командиров. Наконец, указанным автором были опубликованы обширные списки флагманов и адмиралов ВМФ СССР²⁸⁸ и советских военно-морских атташе²⁸⁹ в военно-историческом журнале «Новый часовой» за 1993-2001 гг.

Некоторый интерес представляет собой справочник М. В. Макареева, включающий в себя биографии всех командующих Балтийским флотом за всю его историю²⁹⁰. К сожалению, краткий и довольно отрывочный характер труда не позволил всесторонне и объективно оценить деятельность ряда командующих КБФ в конце 1930-х–начале 1940-х годов. Кроме того, надо отметить наличие устаревших подходов при оценке действий большинства командующих Краснознаменным Балтийским флотом.

Данное направление продолжает исследование Н. В. Скрицкого, посвященное командующим флотами и флотилиями в период Великой Отечественной войны²⁹¹. В его книге помещены очерки о командующем КБФ В. Ф. Трибуце, начальнике Штаба КБФ Ю. А. Пантелееве, командующих Ладужской военной флотилии П. А. Трайнине и В. С. Черокове. Однако, стоит заметить, что информация об этих военно-морских деятелях носит общеизвестный характер и принципиальной новизной данный труд не обладает. Отдельного

²⁸⁶ Лурье В. М. Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота СССР в период Великой Отечественной и советско-японской войн (1941-1945). СПб., 2001.

²⁸⁷ Лурье В. М. Военно-морская разведка СССР (1918-1960-е гг.). Справочник. СПб., 2009.

²⁸⁸ Лурье В. М. Адмиралы Военно-Морского Флота СССР // Новый часовой. 1993-2001. №№ 1-12.

²⁸⁹ Лурье В. М. Военно-морские атташе // Новый часовой. 1995-2001. №№ 3-12.

²⁹⁰ Макареев М. В. Балтийский флот в биографиях командующих 1696-2004. Севастополь, 2006.

²⁹¹ Скрицкий Н. В. Флагманы Победы. Командующие флотами и флотилиями в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. М., 2012.

упоминания заслуживает новейший справочник А. А. Римашевского и В. М. Йолтуховского об известных деятелях Балтийского флота за 310-летний период его истории – с 1703 по 2013 годы²⁹².

Наконец, в энциклопедических изданиях по истории флота и морского дела содержится много информации о флотоводцах и военно-морских деятелях Советского ВМФ в период 1930-х-1940-х годов, а также боевых кораблях РККФ и боевых операциях флота в период Второй мировой войны. Среди таких изданий необходимо назвать «Морской энциклопедический словарь» в трех томах²⁹³, «Морской биографический словарь»²⁹⁴, «Словарь биографический морской»²⁹⁵ и «Российскую морскую энциклопедию» в шести томах²⁹⁶.

Крайне важной проблемой, которая наряду с темой развития Краснознаменного Балтийского флота в предвоенные годы, заслуживает отдельного рассмотрения, является *оперативное планирование* на КБФ в 1930-х - начале 1941 годов.

Вплоть до 1990-х годов данная тема вообще не поднималась в военно-исторических трудах. Связано это обстоятельство было, в первую очередь, с засекреченностью самих архивных документов по данной теме. Кроме того, бывшему командованию ВМФ и КБФ было крайне невыгодно признавать свои большие просчеты в деле подготовки флота к войне. Правда, это длительное умолчание в разных научных трудах привело к созданию довольно странной ситуации в историографии: при описании самого процесса подготовки КБФ к войне, практически все авторы ничего не говорили о характере предвоенных оперативных планов Балтийского флота. В связи с этим, у неисключенного читателя могло сложиться ложное впечатление, что таковых вообще не существовало, и непонятно было, чем руководствовался Краснознаменный Балтийский флот при подготовке к войне. Таким образом, из исторического повествования выпадало весьма существенное логическое звено. И лишь начиная с 1990-х гг. ситуация стала постепенно меняться в лучшую сторону, благодаря чему российская историография теперь уже располагает целым рядом специальных работ, позволяющих судить об основных направлениях оперативного планирования на Балтике в 1930-х гг. - 1941 г.

В первую очередь, надо отметить несколько содержательных статей профессора СПбГУ доктора исторических наук В. Н. Барышникова, посвященных процессу разработки и

²⁹² Римашевский А.А., Йолтуховский В.М. Знаменитые люди Балтийского флота. Т. 1. Флотоводцы, Герои, деятели русского флота, командный, политический, инженерный состав, специалисты ВМФ, исследователи Балтики, ученые, педагоги, литераторы. СПб., 2012.

²⁹³ Морской энциклопедический словарь. В 3-х тт. Под ред. В. В. Дмитриева. Т. 1-3. СПб., 1991-1994.

²⁹⁴ Доценко В. Д. Морской биографический словарь. СПб., 1995.

²⁹⁵ Словарь биографический морской. Авт.-сост. В. Д. Доценко. СПб., 2000.

²⁹⁶ Российская морская энциклопедия. В 6 тт. Под ред. В. М. Пашина. Т. 1-2. СПб., 2006-2007.

составления оперативных планов РККА на случай войны на северо-западном направлении²⁹⁷. Очень важной в этой связи представляется его статья об оперативных планах КБФ перед советско-финляндской войной 1939-1940 гг.²⁹⁸ Фактически, это была первая научная работа на данную тему в отечественной исторической науке. Барышников убедительно изложил основные содержание оперативных планов КБФ в 1920-х-1930-х годах, их главные цели и задачи.

Отдельные упоминания о ходе составления планов войны на море содержались в капитальных трудах «История флота государства Российского» и «Три века российского флота», изданных в юбилейном 1996-м году. Правда, обобщающий характер этих работ исключал слишком большое внимание именно к данному сюжету, так что дело ограничилось лишь небольшими абзацами. Например, во втором томе труда «Три века Российского флота», при изложении предвоенных задач флотов, авторы упоминают лишь о директиве наркома ВМФ от 27 февраля 1939 года. О предыдущих и последующих оперативных разработках Наркомата ВМФ и командования КБФ в книге ничего не говорится²⁹⁹. Правда, авторы совершенно справедливо отмечают, что задачи флотов *«были весьма общи и предъявляли к командованию целый ряд серьезных, весьма сложных, а потому и трудно выполнимых требований»*³⁰⁰. Впрочем, дальше констатации этого факта авторы труда не пошли и не стали его объяснять.

Характерным примером умолчания «неудобных» сюжетов в исторической науке является фундаментальный 4-х томный труд В. А. Золотарева и И. А. Козлова по истории российского Военно-Морского Флота в XVIII-XX веках³⁰¹. В весьма объемной третьей книге упоминаемого труда почему-то нет раздела по оперативному планированию в Советском ВМФ в предвоенный период, хотя более чем подробно рассматриваются такие темы, как структура управления ВМФ, деятельность судостроительной и судоремонтной промышленности СССР, создание различных систем вооружения для нужд ВМФ, работа тыла и системы берегового базирования флота³⁰². Единственное, так это авторами

²⁹⁷ Барышников В. Н. Кексгольмское направление в планах советского командования перед «Зимней войной» и в ходе её // Ежегодные российско-финляндские гуманитарные чтения. СПб., 1994. *Он же*. К вопросу о планировании Советским Союзом войны с Финляндией в 20-30-е гг. // Первые Петербургские Кареевские чтения по новистике. СПб., 1996. *Он же*. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского военного планирования 1932-1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции (25-26 апреля 2001 г.). СПб., 2002.

²⁹⁸ Барышников В. Н. К вопросу о планировании Советским Балтийским Флотом военных действий против Финляндии в 1930-е гг. (расчёты и реальность) // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 100-115.

²⁹⁹ Родионов Б. И., Березовский Н. Ю., Грибовский В. Ю. и др. Три века Российского флота. Т. 2. СПб., 1996. С. 378.

³⁰⁰ Там же. С. 378.

³⁰¹ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота, XVIII век. СПб., 2003. *Они же*. Три столетия российского флота, XIX-начало XX века. М.-СПб., 2004. *Они же*. Три столетия российского флота, 1914-1941. М.-СПб., 2004. *Они же*. Три столетия российского флота, 1941-1945. М.-СПб., 2005.

³⁰² Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота, 1914-1941. М.-СПб., 2004.

упоминаются конкретные задачи всех флотов на 1941-й год, без четкого указания основных противников Советского Союза. При этом авторы труда дают лишь общую оценку задачам флотов, правильно указав на нереальность многих из них. Но весь предшествующий период (1930-е–1940 гг.) авторами при этом опускается по совершенно непонятным причинам. В итоге, картина состояния дел в этой области оказывается неполной и неясной. Так и остается непонятным, против кого же готовился воевать Балтийский флот в течение всех 20 предвоенных лет.

Новые данные об оперативном планировании Советских Вооруженных сил в предвоенный период содержатся в очень ценной работе доктора исторических наук М. И. Мельтюхова, посвященной советской политике в Европе в 1939-1941 годах и подготовке Советских Вооруженных сил к Великой Отечественной войне³⁰³. В частности, автором книги довольно подробно описывается и анализируется подготовка РККА и РКВМФ к вторжению в Польшу и присоединению стран Прибалтики. В связи с этим, М. И. Мельтюхов излагает содержание оперативных планов ЛВО и КБФ осенью 1939 г., а также кратко описывает действия Краснознаменного Балтийского флота по блокаде побережья Прибалтики летом 1940 года. В более развернутом виде, данные сюжеты нашли отражение в его последней монографии «Прибалтийский плацдарм», где речь идет о процессе вхождения стран Балтии в состав СССР в период с сентября 1939 по июнь 1940 года³⁰⁴.

В дальнейшем, тема оперативного планирования на Краснознаменном Балтийском флоте получила подробное освещение в различных статьях диссертанта, опубликованных в разных журналах и сборниках материалов научных конференций³⁰⁵. Данная проблематика была продолжена и подробно освещена им в сборнике статей по истории советско-финляндской войны и в его монографии по боевой деятельности КБФ в период «зимней войны»³⁰⁶.

³⁰³ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу 1939-1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2000. 2-е изд. М., 2002.

³⁰⁴ Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм (1939-1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М., 2014.

³⁰⁵ Петров П. В. Балтика, ноябрь 1939-го: Материалы боевого планирования Краснознаменного Балтийского флота // Русское прошлое. 1998. № 8. *Он же*. Проблема безопасности Ленинграда в период Второй мировой войны (По материалам оперативного планирования КБФ накануне советско-финляндской войны 1939-1940 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции (12-13 апреля 2000 г.). СПб., 2001. *Он же*. Оперативное планирование на Краснознаменном Балтийском флоте в 1940 году // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы пятой ежегодной международной научной конференции (23-25 апреля 2003 г.). СПб., 2004. *Он же*. Советский Союз и его противники: по материалам оперативного планирования Краснознаменного Балтийского флота в 1935-1940 гг. // Чтения по военной истории: Сборник статей. СПб., 2005. *Он же*. К вопросу о безопасности Ленинграда с моря в 1939-1941 гг. // «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Материалы десятой ежегодной международной научной конференции (16-17 апреля 2008 г.). СПб., 2009. *Он же*. Подготовка Краснознаменного Балтийского флота в начале 1941 года к возможной войне // Военно-исторический журнал. 2012. № 9.

³⁰⁶ Советско-финляндская война 1939-1940. Сост. П. В. Петров, В. Н. Степаков. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 2003. С. 158-174. Петров П. В. Балтийский флот. Финский гамбит. М., 2005. С. 326-375.

Новым этапом в освещении темы предвоенного советского оперативного планирования, применительно к одному из государств Балтики – Швеции, стало издание сборника статей российских и шведских историков «Швеция в политике Москвы. 1930-1950-е годы»³⁰⁷. В частности, в нем были опубликованы две статьи историков О. Н. Кена, П. В. Петрова и А. И. Рупасова, посвященные как общим аспектам советского военного планирования в отношении Швеции, так и планам Краснознаменного Балтийского флота по захвату Аландских островов и боевым действиям советского ВМФ против шведского флота³⁰⁸.

Отрадным явлением в этом ряду является прекрасная монография капитана 1-го ранга А. В. Платонова «Трагедии Финского залива», посвященная боевой деятельности Краснознаменного Балтийского флота в летне-осенней кампании 1941-го года³⁰⁹. Платонов не только изложил основные задачи оперативного плана КБФ 1941 г., но и дал очень грамотный, профессиональный анализ его содержания. Автор указал на явную несбалансированность ряда задач в плане и полное отсутствие взаимной увязки между ними. В итоге, Платонов справедливо подчеркнул, что неправильная, неграмотная постановка задач Краснознаменному Балтийскому флоту в значительной степени предопределила последующие неудачные действия флота в 1941-м году.

Ценный документальный материал, посвященный вопросам оперативного планирования КБФ накануне «зимней войны» 1939-1940 гг., содержится также в книге исследователя С. В. Тиркельтауба по истории Аландских островов³¹⁰. В частности, автором подробно изложено содержание планов боевых действий КБФ 1939-го и 1940-го годов, особенно в части, касающейся подготовки десантной операции по захвату островов Аландского архипелага.

В целом, несмотря на уже проделанную историками колоссальную работу, остается еще немало проблем, связанных с изучением подготовки КБФ перед началом Великой Отечественной войны, которые не нашли полного и объективного освещения в отечественной исследовательской литературе. Нельзя не отметить, что подавляющее количество работ было посвящено технической стороне проблемы – истории строительства надводных кораблей и подводных лодок в предвоенный период. Определенные успехи были достигнуты в вопросе изучения базового строительства на Балтике в 1930-х – начале 1941

³⁰⁷ Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы. 1930-1950-е годы. М., 2005.

³⁰⁸ Кен О. Н., Петров П. В. Швеция в советском военном планировании: вторая половина 1930-х-1940 г. // Там же. С. 185-233. Рупасов А. И., Петров П. В., Кен О. Н. Аландская проблема в политике Москвы: осень 1939-осень 1940 г. // Там же. С. 269-287.

³⁰⁹ Платонов А. В. Трагедии Финского залива. М.-СПб., 2005.

³¹⁰ Тиркельтауб С. В. Аланды в войнах и мире. Або-Аланды и их «ненарушаемый» нейтралитет в войнах 18-20 столетий по документам российских архивов и историческим изданиям. СПб., 2008.

годов. В то же время, оставались практически неизученными такие важные темы, как боевая подготовка, состояние командных кадров, оперативное планирование и практическая деятельность Краснознаменного Балтийского флота накануне войны. Без всестороннего изучения данных вопросов невозможно говорить об объективном освещении истории предвоенного развития КБФ.

§ 3. Работы по теме, выполненные за рубежом

Как не парадоксально это выглядит, но единственное исследование, напрямую посвященное теме данной диссертации, было выпущено не в России, а за рубежом. В данном случае, необходимо сказать о монографии шведского военного историка, профессора Национального колледжа обороны Г. Аселиуса «Взлет и падение Советского Военно-Морского Флота на Балтийском море, 1921-1941»³¹¹. Данная работа обладает многими достоинствами, поскольку автору довелось плодотворно поработать с фондами РГАВМФ и ознакомиться там со многими важными документальными источниками. Кроме того, Г. Аселиус хорошо знает российскую литературу по истории ВМФ. Хорошо знаком также автор и с военно-теоретическими трудами, касающимися развития советского военно-морского искусства. Это обеспечило весьма солидную фактическую базу его исследованию. Автора отличает аналитический подход при оценке различных аспектов, оказывавших значительное влияние на развитие Балтийского флота перед войной. В частности, автор рассмотрел такие сюжеты, как морская политика СССР, военное судостроение, оперативное планирование и кадровая политика на КБФ. На указанную тему автором также было опубликовано несколько содержательных статей как в российских³¹², так и в иностранных сборниках статей и альманахах³¹³.

Также по данной проблематике в финском журнале «Военно-историческое обозрение» была опубликована очень интересная статья историка А. Лехти, посвященная военно-морской стратегии Германии, СССР, Англии и других стран в Финском заливе в период с 1919 по 1939 годы³¹⁴. Опираясь на документы из фондов финских, российских и немецких

³¹¹ Gunnar Åselius. *The Rise and Fall of the Soviet Navy in the Baltic, 1921-1941*. London, 2005.

³¹² Gunnar Åselius. *The Soviet Navy and the Baltic 1920-1940* // Россия и Финляндия в XX веке: К 80-летию независимости Финляндской республики. СПб., 1997. С. 96-99. *Аселиус Г.* Финляндия в шведской политике безопасности, 1920–1940 гг. // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939-1944 гг.: Сборник статей. СПб., 2006. С. 23-29.

³¹³ Gunnar Åselius. *Naval Theaters in Soviet Grand Strategic Assessments, 1920-1940* // *Journal of Slavic Military Studies*, vol. 13(1), 2000. Gunnar Åselius. *The Baltic in Soviet Strategy, 1920-1940* // *New Interpretations in Naval History. Selected Papers from the Thirteenth Naval History Symposium. Held at Annapolis, Maryland, 2-4 October 1997*. P. 177-202.

³¹⁴ *Aarni Lehti*. *Merisodan strategioita Suomenlahdella 1919-1939* // *Sotahistoriallinen aikakauskirja*, 2006, N 25. S. 36-75.

архивов, а также научно-исследовательскую литературу, автор создал убедительную картину развития оперативных планов Германии, Финляндии и СССР в отношении Балтийского моря в период с 1939 по 1939 годы. Автор показывает, как развивалось финско-эстонское военное сотрудничество, направленное на противодействие возможным боевым операциям Краснознаменного Балтийского флота в случае войны.

Теме военного планирования в финских ВМС в предвоенный период, которая напрямую связана с планированием боевых действий на КБФ, посвящено подробное исследование Э. Витола³¹⁵. В частности, автор показывает направленность боевой подготовки финского ВМФ в 1920 – 1930-е годы, в связи с оценкой финским военным командованием вероятных действий советского Балтийского флота на Балтике. Автор дает характеристику планам действий финского флота и указывает основные его задачи в случае войны.

Сведения о боевой деятельности Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. содержится в официальных финских трудах по истории «зимней» войны³¹⁶. Кроме того, боевые действия КБФ нашли отражение в 2-х томном труде по истории финского Военно-Морского Флота³¹⁷ и в исследовании по боевой деятельности финского ВМФ в годы Второй мировой войны³¹⁸. В этих книгах описываются морские операции КБФ по обстрелам финских береговых батарей в декабре 1939 года, а также действия советских подводных лодок и морской авиации по осуществлению блокады побережья Финляндии в декабре 1939 – феврале 1940 гг.

Финская историография также располагает детальными исследованиями Т. Меренсилта по деятельности финских подводных лодок в период Второй мировой войны, в том числе и во время «зимней войны» 1939-1940 годов³¹⁹, а также П. Сильваста³²⁰ и О. Энквиста³²¹ по деятельности батарей Береговой обороны финского ВМФ.

Боевые действия кораблей КБФ в районе полуострова Ханко в ходе «зимней» войны 1939-1940 гг., а также процесс строительства советской военно-морской базы на п-ове Ханко в период с весны 1940 г. по лето 1941 г., а также действия гарнизона базы против финской армии и флота в 1941-м году подробно рассмотрены в сборнике статей по истории Ханко в

³¹⁵ *Wihtol E.* Suomen laivaston rakentaminen itsenäisyyden alkutaipaleella. Suomi merellä säätio, 1999.

³¹⁶ *Talvisodan historia.* Os. 1-4. Porvoo-Helsinki-Jyväskylä, 1977-1979. Talvisota: Kronikka. Puh. E. Siilasvuo. Jyväskylä-Helsinki, 1989. *Talvisodan pikkujättiläinen.* Toim. J. Leskinen ja A. Jutilainen. Porvoo, 2002.

³¹⁷ *Kijanen K., Mattila T.* Suomen laivasto 1918-1968. Os. 1. Helsinki-Jyväskylä, 1968.

³¹⁸ *Keskinen K., Mäntykoski J.* Suomen laivasto sodassa 1939-1945. Espoo, 1991.

³¹⁹ *Merensilta T.* Vesikko. Suomenlahden hiljainen vartija. Helsinki, 2009.

³²⁰ *Silvast P.* Hangon Rannikopatteristo 1921-1998. Jyväskylä, 1998.

³²¹ *Enqvist O.* Isosaari ja Kuivasaari. Helsinki, 1991. *Enqvist O.* Kuivasaari. Helsinki, 1995. *Enqvist O.* Itsenäisen Suomen rannikkotykit 1918-1998. Sotamuseon julkaisuja 1/1999. Jyväskylä, 1999. *Enqvist O.* Kellä saaret ja selät on hallussaan...: Rannikkopuolustuksen aluekysymykset autonomisessa ja itsenäisessä Suomessa. Helsinki, 2007.

период Второй Мировой войны³²². Данный сборник был подготовлен под эгидой Института военной истории Вооруженных Сил Финляндии и издан к 70-летию захвата базы финскими войсками.

Отдельный выпуск журнала «Forum Marinum», издаваемого Морским музеем в г. Турку, полностью посвящен деятельности порта и военно-морской базы в период советско-финляндской войны 1939-1940 годов³²³. В частности, в него помещены материалы о действиях ВВС КБФ против порта Турку³²⁴, а также о деятельности городской противовоздушной обороны против советской авиации, в том числе и морской³²⁵.

Боевая деятельность Военно-воздушных сил РККА и ВМФ в ходе «зимней» войны подробно освещена в обстоятельном исследовании финского историка авиации К.-Ф. Геуста³²⁶. Отдельная книга, написанная совместно К.-Ф. Геустом, С. В. Тиркельтаубом и Г. Ф. Петровым, посвящена боевым действиям авиации Краснознаменного Балтийского флота во время войны с Финляндией³²⁷. Данные работы отличает хорошая документальная основа и богатый иллюстративный материал.

Крайне интересным представляется исследование известного эстонского историка, бывшего директора Института истории Таллиннского университета доктора наук М. Ильмярва, посвященное внешней политике республик Прибалтики в 1920-е – 1940 годах³²⁸. Автор этой книги, основываясь на богатейшем документальном материале из фондов многочисленных российских и зарубежных архивов, освещает такие важные и непростые вопросы, как заключение Эстонией договора о взаимопомощи с Советским Союзом в сентябре 1939 г., размещение и деятельность советских воинских контингентов и военных баз на территории страны, боевые действия надводных и военно-воздушных сил КБФ с территории Эстонии в период «зимней» войны и присоединение Эстонской республики к СССР в июне 1940 года.

В многочисленных работах эстонского исследователя М. Ёуна нашли отражение вопросы модернизации и состояния бывших русских береговых батарей в составе ВМС Эстонии в период 1920-1930-х годов, а также создания Береговой обороны КБФ в период с

³²² Hango toisessa maailmansodassa». Toimittaneet Antero Uitto and Carl-Fredrik Geust. Helsinki, 2011.

³²³ Forum Marinum 2010. Vantaa, 2011.

³²⁴ Pavel Petrov. Neuvostoliiton Itämeren laivaston ilmavoimien toiminta Turkuu vastaan talvisodan aikana // Forum Marinum 2010. Vantaa, 2011.

³²⁵ Mikko Meronen. Turun ilmapuolustus talsisodan aikana // Forum Marinum 2010. Vantaa, 2011.

³²⁶ Carl-Fredrik Geust. Red Stars. Vol. 7. The Winter War in the air. Tampere, 2011.

³²⁷ Carl-Fredrik Geust, Samuil Tirkeltaub, Gennadij Petrov. Red Stars. Vol. 5. Baltic fleet Air Force in the Winter War. Hämeenlinna, 2004.

³²⁸ Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М., 2012.

осени 1939 по июнь 1941 годов³²⁹. В первую очередь, в его книгах были отражены различные аспекты строительства советских береговых батарей на материковой части Эстонии и на островах Моонзундского архипелага. Также автор затрагивал и вопросы, связанные с действиями советских гарнизонов и береговых батарей в Эстонии на начальном этапе Великой Отечественной войны.

Необходимо отметить весьма любопытные по содержанию книги латвийского историка и издателя Ю. Ю. Мелконова, посвященные истории создания береговой обороны в Прибалтике в XX веке³³⁰. Для нас в этой связи представляют большой интерес те разделы в его работах, где говорится о строительстве батарей береговой обороны КБФ в 1939-1941 гг. на территории Эстонии и Латвии. К достоинствам его работ нужно отнести внимание к вопросам создания батарей береговой артиллерии на островах Моонзундского архипелага и в р-не Таллина-Палдиски – как в период буржуазных республик (1918-1940 гг.), так и в советский период (1940-1941 гг.) до войны. Особенно интересны те главы, которые посвящены строительству тяжелых артиллерийских батарей КБФ в период с 1939 по 1941 гг.

Информация о постройке и боевой деятельности линейных кораблей, крейсеров, лидеров, эсминцев и подводных лодок, входивших в боевой состав КБФ, содержится в известных справочниках по корабельному составу, составленных М. Уитли³³¹, З. Брейером³³² и Дж. Уордом³³³. В частности, там содержатся сведения о боевых операциях с участием советских кораблей в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг.

§ 4. Диссертационные исследования

Перейдем теперь к анализу диссертационных работ по теме исследования. Обобщающих работ по истории развития КБФ в предвоенный период нет. Из исследований, которые частично затрагивают по тематике и хронологии данную тему и смежные с ней, можно выделить ряд работ.

Наибольшее значение для освещения проблемы имеет работа старшего преподавателя кафедры тактики Военного инженерно-технического университета доктора исторических наук полковника В. М. Курмышова, посвященная вопросам базирования Балтийского флота

³²⁹ *Mati Õun*. Estonia's Naval Defence between the two World Wars. Tallinn, 1998. *Mati Õun*. Eesti Merekindlused ja nende suurtükid 1918-1940. Tallinn, 2001. *Mati Õun*. Mõned merelood ehk aja-, ruumi- ja mõttematkad Läänemerele. Tallinn, 2007. *Mati Õun*. Salapärase Suurupi. Väike mälestus-, matka- ja ajalooramat. Tallinn, 2008. *Mati Õun*. Ajamatkad soome lahe saartel. Tallinn, 2008.

³³⁰ *Мелконов Ю. Ю.* Батареи Моонзунда. Рига, 2003. *Он же.* Пушки курляндского берега. Рига, 2005.

³³¹ *Whitley M. J.* Battleships of World War Two. An International Encyclopedia. Cassell, 2002. *Whitley M. J.* Cruisers of World War Two. An International Encyclopedia. Annapolis, 1995. *Whitley M. J.* Zerstörer im Zweiten Weltkrieg. Technik – Klassen – Typen. Stuttgart, 1997.

³³² *Siegfried Breyer.* Schlachtschiffe und Schlachtkreuzer 1921-1997. Internationaler Schlachtschiffbau. Bonn, 2002.

в межвоенный период³³⁴. В работе были подробно освещены такие сюжеты, как совершенствование системы базирования Морских сил Балтийского моря в 1920-е – 1930-е годы, строительство новой базы флота в Усть-Луге во второй половине 1930-х годов, освоение новых баз и стоянок флота в Эстонии и Латвии, полученных СССР осенью 1939-го года, строительство новых оборонных объектов КБФ на территории Прибалтики и на Ханко в 1939-начале 1941 г. Автор уделяет внимание созданию тяжелых береговых артиллерийских батарей на материковой части и на Моонзундских островах в Эстонии.

Данную проблематику логически продолжает исследование бывшего начальника Научно-исследовательского отдела (военной истории) Северо-западного региона Научно-исследовательского института Военной Академии Генерального Штаба ВС РФ полковника С. Н. Ковалева о размещении Советских Вооруженных Сил на территории Эстонии в 1939-1940 годах³³⁵. Автор в своей работе подробно рассматривает дипломатические, военные и экономические аспекты размещения и деятельности воинских контингентов РККА и РКВМФ в Эстонской республике в период с осени 1939 по 1940 гг. Соответственно, им уделяется некоторое внимание и проблеме перебазирования сил КБФ и расширения флотской инфраструктуры на территории прибалтийских государств.

Отчасти данная тематика затрагивается и в исследовании доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Всероссийского Научно-исследовательского института документоведения и архивного дела М. И. Мельтюхова, посвященном внешней политике страны в 1939-1941 гг. и подготовке Вооруженных Сил СССР к Великой Отечественной войне³³⁶. В частности, автор вкратце описал в своей работе процесс перебазирования сил КБФ на территорию Эстонии и Латвии в 1939-1940 годах, а также процесс подготовки и участия Балтийского флота в военных акциях в отношении указанных республик в сентябре 1939 г. и в июне 1940 г. К сожалению, рамки данного труда не позволили автору сделать это в более подробном виде.

Диссертантом ранее было предпринято исследование боевой деятельности Краснознаменного Балтийского флота в советско-финляндской войне 1939-1940 годов³³⁷. В своей работе автор показал достоинства и недостатки в боевой подготовке КБФ в предвоенный период, осветил состояние Балтийского флота к началу войны и подробно

³³³ *Ward J.* Submarines of World War II. London, 2001.

³³⁴ *Курмышов В. М.* Строительство Балтийского флота в межвоенный период 1921-1941 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2005.

³³⁵ *Ковалев С. Н.* Группировка советских войск на территории Эстонской Республики в 1939-1940 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2003.

³³⁶ *Мельтюхов М. И.* Политика обеспечения национально-государственных интересов Советского Союза в Европе в преддверии Великой Отечественной войны: Март 1939 – июнь 1941 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. М., Московский государственный университет сервиса, 2004.

рассмотрел боевые операции надводных, подводных и военно-воздушных сил, береговой обороны и морской пехоты флота. Также были изучены и боевые действия Ладужской военной флотилии. Большое внимание автором было уделено итогам и урокам войны на море, сделанных высшим руководством ВМФ.

Данное направление продолжил исследователь В. О. Левашко, который изучил интересный аспект, связанный с боевой деятельностью Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финляндской войны³³⁸. Он рассмотрел и проанализировал процесс партийно-политической работы в соединениях, частях и на кораблях КБФ в ходе боевых действий с Финляндией, а также моральное состояние командно-начальствующего и краснофлотского состава флота во время указанных событий. Автор показал на примере настроений и высказываний личного состава Балтийского флота, что этот фактор играл определенную роль при выполнении боевых заданий и в целом оказывал достаточно влияние на общий ход боевых действий.

Вопросы подготовки надводных, подводных и военно-воздушных сил КБФ к Великой Отечественной войне были затронуты в исследованиях И. Г. Кочергина³³⁹, Л. А. Наливкина³⁴⁰ и А. Г. Чиркова³⁴¹. В частности, Кочергин осветил такие вопросы, как строительство подлодок в годы первых пятилеток и морская политика в СССР в предвоенные годы. В исследовании Наливкина дается характеристика технического состояния и боевой подготовки Военно-Воздушных сил КБФ перед войной. В работе Чиркова нашел отражение вопрос о состоянии Краснознаменного Балтийского флота перед Великой Отечественной войной и предпринята попытка сравнения его боевой подготовки с подготовкой «Кригсмарине».

Деятельности военно-промышленного комплекса Ленинграда в период 1920-х – 1930-х годов посвящены исследования А. Н. Щербы³⁴². В его работах была рассмотрена деятельность судостроительных предприятий Ленинграда по постройке боевых кораблей

³³⁷ *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000.

³³⁸ *Левашко В. О.* Морально-политическое состояние личного состава Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Ленинградский государственный областной университет, 2000.

³³⁹ *Кочергин И. Г.* Советский подводный флот в предвоенные годы и годы Великой Отечественной войны, 1932-1945 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Курск: Курский государственный технический университет, 2001.

³⁴⁰ *Наливкин Л. А.* Авиация Краснознаменного Балтийского флота в летне-осенней кампании 1941 года. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007.

³⁴¹ *Чирков А. Г.* Силы германского ВМФ в войне против Советского Союза на Балтийском море в 1941-1945 годах. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2009.

³⁴² *Щерба А. Н.* Военно-промышленный комплекс г. Ленинграда в тридцатые годы. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. *Он же.* Роль военной промышленности Ленинграда в укреплении обороноспособности СССР в 20-30 годы. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Военный инженерно-космический университет им. А.Ф. Можайского, 1999.

разных классов для нужд ВМФ в период предвоенных пятилеток, а также проанализированы основные проблемы в их работе в указанный период.

Работе судостроительной промышленности Ленинграда в конце 1920-х – начале 1941 гг. также посвящена работа И. В. Жабровца³⁴³. В частности, автор рассмотрел вопросы подготовки инженерно-технических кадров для военного судостроения в гражданских и военных высших и средних учебных заведениях г. Ленинграда. Отдельно рассмотрена деятельность Военно-Морской Академии и военных училищ в плане подготовки инженеров для судостроительных предприятий.

Вопросы, связанные с разработкой образцов вооружения для нужд Военно-Морского Флота СССР в 1920-х – первой половине 1940-х годов были детально рассмотрены в исследовании К. Л. Кулагина³⁴⁴. Автор подробно изучил процесс создания артиллерийского, минно-торпедного, противолодочного и трального вооружения, радиоэлектронных и гидроакустических средств ВМФ в межвоенный и военный периоды, дал им развернутую характеристику и указал на основные достижения и недостатки в деле создания морских вооружений.

Определенное отношение к данной проблеме имеет работа историка М. С. Монакова, изучившего вопросы развития теории применения Военно-Морского Флота в СССР в 1920-х – 1930-х годах³⁴⁵. Автор, известный целым рядом своих публикаций по военно-морской доктрине в период после Гражданской и до начала Великой Отечественной войны, проследил основные тенденции в изменении официальных взглядов руководства СССР на строительство и применение ВМФ в будущей войне, а также их влияние на выработку программ военного судостроения в предвоенные годы.

В целом, можно констатировать, что в последние годы наметился интерес исследователей к различным аспектам деятельности Краснознаменного Балтийского флота в предвоенный период, но диссертационных исследований, которые комплексно освещают процесс развития КБФ в середине 1930-х – начале 1941 годов не существует.

Достаточно небольшое количество диссертационных работ по данной тематике, вероятно можно объяснить длительной закрытостью источников, которая сдерживала исследования в этом направлении. И лишь на рубеже XX – XXI века ситуация стала понемногу меняться в лучшую сторону.

³⁴³ *Жабровец И. В.* Подготовка инженерно-технических и рабочих кадров для военного судостроения в конце 1920-х - начале 1940-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Северо-западная академия государственной службы, 2011.

³⁴⁴ *Кулагин К. Л.* Вооружение кораблей ВМФ СССР 1922-1945 гг.: историко-статистическое исследование. Дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт военной истории Министерства обороны РФ, 2007.

³⁴⁵ *Монаков М. С.* Развитие теории применения отечественного Военно-Морского Флота в 1921-1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М.: Главный Штаб ВМФ РФ, 1999.

Выводы по итогам историографического исследования темы

Из проведенного нами анализа можно видеть, что за прошедшие десятилетия отечественными и зарубежными исследователями была проделана огромная работа по изучению деятельности Краснознаменного Балтийского флота в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны. В то же время, несмотря на имеющиеся очевидные достижения, в указанной проблематике всё ещё остаётся большое количество малоизученных вопросов, которые требуют пристального внимания историков. Самым главным недостатком является отсутствие работ общего характера по предвоенной истории Краснознаменного Балтийского флота, где рассматривались бы в комплексе разные стороны его деятельности.

Существует уже довольно значительное количество исследований по истории военного судостроения в СССР, и в частности, по истории проектирования, строительства и эксплуатации боевых кораблей различных классов, строившихся для КБФ в период 1920-х – 1930-х годов. Однако большинство авторов ограничиваются в основном лишь технической стороной вопроса и значительно реже описывают участие кораблей в повседневной деятельности флота. При этом авторы редко указывают на серьезные проблемы, которые существовали в работе ленинградской судостроительной промышленности накануне Великой Отечественной войны.

Тематика, связанная с развитием системы базирования Краснознаменного Балтийского флота в межвоенный период, значительно реже бывает объектом исследования отечественных историков. Значительных работ по данной проблематике, за исключением монографии и статей В.М. Курмышова, имеется достаточно мало. Лишь в последние годы появился устойчивый интерес исследователей к истории строительства военно-морской базы в Усть-Луге. Значительно хуже изучена история оборонного строительства в республиках Прибалтики в 1939-1941 годах.

Совершенно неизученным аспектом, и при этом крайне важным для изучения данной проблемы, остается процесс боевой подготовки на Балтийском флоте на протяжении 1930-х – начала 1941 годов. Долгие годы эта тема не разрабатывалась в силу засекреченности большинства документальных материалов. Но даже доступность в последние годы документов по данной теме не привела к серьезным качественным сдвигам в исследовании данного вопроса. Большинство исследователей практически не касаются проблемы состояния БП на Балтийском флоте, хотя именно боевая подготовка личного состава определяла очень многое в боевой готовности флота перед грядущей войной. И это надо признать очень серьезным недостатком отечественной историографии.

С проблемой боевой подготовки флота тесно связана и другая проблема – состояния командно-начальствующего состава КБФ перед войной. Большинство историков предпочитают не замечать очевидных фактов, свидетельствующих о крайне низком уровне оперативной и тактической подготовки командиров Советского ВМФ. Вместо этого, подавляющее большинство авторов ограничиваются привычными, избитыми штампами о влиянии репрессий на состояние боевой подготовки флота. Никто из исследователей даже не предпринял попытки рассмотреть качество подготовки командиров и их профессиональные навыки. Лишь в работе В. П. Масыгина и С. А. Якимова была частично затронута данная проблема, но из-за небольшого объема и обзорного характера данного труда они не имели возможности изучить данную проблему более подробно.

Ещё более закрытой темой всегда являлось оперативное планирование КБФ в предвоенный период. Связано это было и с секретностью большинства документов вплоть до начала 1990-х годов, а также с тем, что данная тема позволяла выявить негативные моменты в процессе подготовки к будущей войне на море. Ведь при рассмотрении оперативных планов можно было увидеть очевидные недостатки в работе советского военно-морского командования – такие, как авантюризм и непрофессионализм при составлении планов будущей войны. В лучшем случае, некоторые исследователи отмечали лишь отдельные недостатки в отдельно взятых оперативных разработках, не замечая при этом очевидных негативных тенденций советского военно-морского планирования на протяжении 1930-х – начала 1940-х годов.

Наконец, долгие годы оставалась малоизученной такая тема, как применение КБФ в ходе внешнеполитических акций Советского Союза в 1939-1940 годах. Наиболее известным сюжетом при этом являлась советско-финляндская война, по истории которой лишь в последние годы стало появляться всё больше публикаций. Однако данная тема стала доступной для изучения лишь в последние два десятилетия, когда были открыты для исследователей многие архивные документы. Но при этом практически не рассматриваются действия КБФ в период оказания военного давления на республики Балтии осенью 1939 и летом 1940 года, когда флот стал важным инструментом советской внешней политики. Это также является упущением в освещении истории Балтийского флота.

Таким образом, можно констатировать, что комплексных исследований, которые рассматривали бы историю предвоенного развития КБФ с учетом разных факторов, в отечественной историографии за длительный период так и не было создано. Большинство авторов, которые занимались исследованием данной проблематики, в значительной степени ограничивались лишь частными вопросами. В своих исследованиях многие авторы зачастую

констатировали наличие ряда проблем, но серьезных попыток к их решению не предпринимали.

Таким образом, в результате историографического исследования темы, можно сделать следующий вывод – история развития Краснознаменного Балтийского флота в предвоенный период, с 1935 по первую половину 1941 гг. заслуживает специального исторического исследования.

Глава 2. Строительство Краснознаменного Балтийского флота в 1920-х – 1941 годах

§ 1. Программы военного судостроения и выработка концепции применения Советского Военно-Морского Флота в 1920-х - начале 1941 годов.

После окончания Гражданской войны Морские силы Балтийского моря³⁴⁶, как и все Военно-морские силы Республики, находился в очень тяжёлом положении. Политические события 1917 г. и последовавшая затем Гражданская война 1918-1921 гг. привели к тому, что Советская Россия потеряла всю территорию Прибалтики и Финляндию, где были образованы новые, независимые государства. Оперативное пространство флота было сведено к небольшому участку в восточной части Финского залива между Кронштадтом и Петроградом (т.н. «Маркизова лужа»). В результате вышеперечисленных событий, Балтийский флот потерял наиболее важные и хорошо оборудованные военно-морские базы (Гельсингфорс, Ревель, Либаву, Балтийский порт, Або и др.), большое количество батарей береговой обороны (число артиллерийских орудий, по сравнению с 1917-м годом, сократилось на флоте в 3 раза) и ряд крупных судостроительных заводов (Абосская судостроительная верфь и завод «Крейтон и К^о» в Або, Сандвикская верфь в Гельсингфорсе, Выборгский механический и судостроительный завод³⁴⁷, Мюльграбенская верфь в Риге, завод «Ноблеснер» в Ревеле).

А главное, Морские силы Балтийского моря лишились большого количества опытного командного состава – адмиралов и офицеров (во время стихийных убийств в феврале-марте 1917 г.³⁴⁸, массовых увольнений летом-осенью 1917 г.³⁴⁹ и в период «красного террора» 1918-1919 гг. и арестов летом 1921 г.³⁵⁰), а также основного ядра рядового и кондукторского состава. Сильный удар по кадровому составу флота нанёс Кронштадтский мятеж 1921 г. В

³⁴⁶ Приказом РВСР № 888/153 от 21 апреля 1921 г. Флот Балтийского моря был переформирован в Морские силы Балтийского моря (МСБМ).

³⁴⁷ *Halen H. Venäjällä käytössä olleita Suomessa 1844-1917 rakennettuja aluksia sekä ensimmäisen maailmansodan aikana Suomessa takavarikoituja venäläisiä ja venäläisten mobilisoimia suomalaisia aluksia.* Helsinki, 2005. S. 3-5.

³⁴⁸ По данным историков В. П. Масагина и С. А. Якимова, *«только в дни свержения монархии в феврале-марте 1917 года число погибших офицеров Балтийского флота сравнимо с потерями, понесенными им за три года Первой мировой войны».* - См.: Масагин В.П., Якимов С.А. Офицеры Балтийского флота. СПб., 2003. С. 23. Из воспоминаний русского морского офицера Г. К. Графа следует, что во время февральской революции 1917 года в Гельсингфорсе, Кронштадте, Ревеле и Петрограде были убиты 96 адмиралов и офицеров, пропали без вести 11 человек и 4 человека покончили с собой. – См.: Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. 2-е изд. СПб., 1997. С. 456-457.

³⁴⁹ Например, в течение 1917-1918 гг., ввиду изменения структуры управления флотом и сокращения его численности, Балтийский флот потерял 65% всех артиллеристов. - См.: Масагин В.П., Якимов С.А. Указ. соч. С. 45.

общей сложности в марте 1921 г. в Финляндию по льду залива тогда ушло свыше 8 тысяч человек, по большей части моряков, среди которых было немало опытных офицеров, кондукторов и матросов³⁵¹. Наконец, по итогам работы специальных фильтрационных комиссий, сформированных летом 1921 года, по политическим причинам подлежало увольнению 64% лиц бывшего комсостава флота, 26,5% командиров получили право на продолжение службы только в береговых частях, и лишь 11,5% лиц бывшего комсостава продолжали службу на прежних должностях³⁵². В итоге, после окончания Гражданской войны Балтийский флот остался практически без квалифицированного командно-начальствующего состава.

Что касается корабельного состава Морских сил Балтийского моря, то здесь картина была более благополучной. За период боевых действий Первой мировой и Гражданской войн русский флот на Балтике понес сравнительно небольшие потери – 1 старый линкор («Слава»), 2 устаревших крейсера («Паллада» и «Олег»), 6 новых эсминцев (типа «Новик»), 7 старых эсминцев и миноносцев, 2 канонерские лодки, 16 подлодок, 2 минных заградителя, 13 тральщиков, 2 посыльных судна и прочие³⁵³. В ходе Ледового похода Балтийского флота, проходившего с февраля по май 1918 года, из гаваней Гельсингфорса (Хельсинки) и Ревеля удалось увести почти все боеспособные боевые корабли и вспомогательные суда русского флота (по разным данным, от 211 до 236)³⁵⁴. В эстонских и финских гаванях были оставлены лишь недостроенные и поврежденные корабли – 11 эсминцев, 2 минных крейсера, 16 миноносцев, 9 минных катеров, 17 канонерских лодок, 9 минных транспортов и заградителей, 25 тральщиков, 6 посыльных судов, 23 сторожевых судна и много мелких кораблей и судов³⁵⁵, а также 8 подводных лодок³⁵⁶.

Но даже после этого Морские силы Балтийского моря к 1921-му году имели в своем распоряжении 7 линейных кораблей (из них 4 новейших – типа «Гангут»), 8 крейсеров, 9 эсминцев типа «Новик», 20 старых эсминцев, 9 новых подводных лодок (типа «Барс»), 2 канонерские лодки, а также несколько минных заградителей, тральщиков и значительное

³⁵⁰ Например, лишь в августе 1921 г. органами ВЧК было арестовано 116 человек из числа бывших офицеров БФ. - См.: *Масягин В.П., Якимов С.А.* Указ. соч. С. 54.

³⁵¹ *Смолин А. В.* Кронштадт в 1921 году: новые документы // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 359.

³⁵² *Масягин В.П., Якимов С.А.* Указ. соч. С. 54.

³⁵³ Подсчитано по: *Апальков Ю. В.* Боевые корабли русского флота 8.1914-10.1917 гг. Справочник. СПб., 1996. С. 24, 31, 37, 46-47, 49, 54, 56, 58, 60, 64, 66-67, 86, 90, 93-94, 96-98, 100-101, 103-105. *Ермоленко Е.* Реквием Андреевскому флагу // Родина. 1993. № 8-9. С. 117. *Граф Г. К.* Указ. соч. С. 477-478.

³⁵⁴ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. М., 1993. С. 100-103. Морской энциклопедический словарь. Под ред. В. В. Дмитриева. В 3-х тт. Т. 2. СПб., 1993. С. 196. *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808-1918. Helsinki, 1997. S. 380.

³⁵⁵ *Halen H.* Venäjällä käytössä olleita Suomessa 1844-1917 rakennettuja aluksia sekä ensimmäisen maailmansodan aikana Suomessa takavarikoituja venäläisiä ja venäläisten mobilisoimia suomalaisia aluksia. S. 6-18.

³⁵⁶ *Кучер В. А., Мануйлов Ю. В., Семенов В. П.* Русские подводные лодки. История создания и использования 1834-1923 гг. Научно-исторический справочник. Том 1, часть 2. СПб., 1994. С. 14-25, 64-74.

количество вспомогательных судов, а всего 121 боевой корабль и 121 вспомогательное судно общим водоизмещением в 350 тыс. тонн³⁵⁷.

Однако следовало учитывать, что подавляющая часть боевых кораблей остро нуждалась в текущем и среднем ремонте (особенно старые линкоры типа «Андрей Первозванный» и почти все крейсера), проведение которого было тогда нереально по финансовым соображениям. Многие корабли были укомплектованы командирским и рядовым составом лишь на 20-40%. Наконец, Морские силы Балтийского моря испытывали сильную нужду в горючем, смазочных материалах, запасных частях и в других видах материально-технического снабжения. Политическому и военному руководству РСФСР было ясно, что сохранить флот в прежнем составе уже невозможно. Требовалось принять кардинальные меры по поддержанию его боеспособности. Поэтому неслучайно командующий Флотом Балтийского моря Ф. Ф. Раскольников в своем рапорте в Совет военной промышленности от 31 августа 1920 г. отмечал, что сложившаяся на Балтике ситуация *«грозит потерей того, что еще уцелело от флота»*³⁵⁸.

30 мая 1921 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняло Положение о Народном комиссариате по морским делам, где излагалась структура и круг вопросов учреждений, подведомственных Наркомату, как высшему руководящему органу Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ). Специальные разделы Положения регламентировали деятельность командующего Морскими силами Республики, Штаба всех Морских Сил Республики, начальников морских сил и командующих флотилиями. В частности, Штаб всех Морских сил Республики, являвшийся исполнительным органом Наркомата, должен был решать задачи управления силами флота, организации морской обороны страны, боевой подготовки РККФ, разработки планов его строительства. Штаб состоял из следующих управлений: оперативного, технического, строевого, военно-морских учебных заведений и учебных отрядов, а также Московский отдел. Штабу всех Морских Сил Республики были подчинены Морская академия, Главная военно-морская научная редакция и Служба связи³⁵⁹.

В июле 1921 г. была создана специальная межведомственная комиссия по реорганизации флота под председательством начальника Политического управления Красной Армии С. И. Гусева, куда вошли представители Реввоенсовета Республики, Политуправления Республики, РККФ и ВЧК. По итогам деятельности комиссии, в августе

³⁵⁷ Дважды Краснознаменный Балтийский флот. Изд-е 2-е, доп. и испр. М., 1978. С. 165. Буров В. Н. Отечественное военное кораблестроение в третьем столетии своей истории. СПб., 1995. С. 59. Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914-1941. М.-СПб., 2004. С. 288.

³⁵⁸ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР 1900-1963: Документы и материалы. Т. 2: Советское военно-промышленное производство (1918-1926). Сборник документов. Сост. Т. В. Сорокина и др. М., 2005. С. 203.

³⁵⁹ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. С. 489.

1921 г. были упразднены должность командующего Морскими силами Республики и Морской генеральный штаб, а центральные органы управления флотом были сведены в Морской штаб Республики. Отныне Морские силы Балтийского моря были переданы в оперативное подчинение командующему Петроградским военным округом. В рамках утверждения нового состава РККФ на 1921 год, на Балтийском море было решено оставить 1 линкор, 16 эсминцев в строю и 8 в резерве, 9 подводных лодок в строю и 2 в резерве, 2 канонерские лодки, 1 минный заградитель, 5 минных катеров, 5 тральщиков-миноносцев, 26 тральщиков и 277 вспомогательных судов³⁶⁰.

14 мая 1922 г. начальник Морских Сил РККА Э. С. Панцержанский в своём обращении к военным морякам объяснил, что правительство *«вынуждено идти в сторону чрезвычайного сокращения расходов на вооружённые силы, вызванного исключительно серьёзными финансовыми затруднениями»*³⁶¹. В связи с этим обстоятельством, пришлось пойти на сильное сокращение корабельного состава ВМФ. Специально созданная в ноябре 1921 г. Центральная фондовая комиссия, являясь посредническим органом между Флотом и торговыми государственными организациями, разделила все оставшиеся корабли и суда на несколько категорий: 1) находящиеся в строю; 2) в резерве; 3) на долговременном хранении; 4) в ремонте; 5) в достройке; 6) подлежащие ликвидации. С последних требовалось снять ценное оборудование, с целью использования его для запчастей, а затем - разбирать их на металлолом или продавать целиком за границу³⁶². Два оставшихся у Советской России флота – Морские силы Балтийского и Черного морей фактически находились в состоянии консервации, и каждый год приходилось списывать на металлолом по 2-3 крупных боевых корабля. Личный состав Рабоче-Крестьянского Красного Флота в 1921-1922 годы был сокращен до 15 тыс. человек, корабли не имели средств на закупку топлива и проведение боевых стрельб. Под вопросом находилось существование военно-морской базы в Кронштадте³⁶³.

Из состава Рабоче-Крестьянского Красного флота были исключены и разобраны на металл, включая недостроенные корабли, 4 линейных корабля, 4 линейных крейсера, 9 крейсеров, 32 эскадренных миноносца и 6 подводных лодок общей стоимостью в 680 млн.

³⁶⁰ Монаков М. С. Военно-морская наука в России: происхождение, возникновение и становление национальной системы знаний о вооруженной борьбе на море. М., 2011. С. 248. Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. С. 491-492.

³⁶¹ Цветков И. Ф. История отечественного судостроения. В 5 тт. Т. 3: Судостроение в первой четверти XX в. (1906-1925 гг.). Под ред. И. Д. Спасского. СПб., 1995. С. 485.

³⁶² Родионов Б. И., Березовский Н. Ю., Грибовский В. Ю. и др. Три века Российского флота. В 3 тт. Т. 2. СПб., 1996. С. 271. Цветков И. Ф. История отечественного судостроения. Т. 3. С. 485-486.

³⁶³ Хохлов Е. В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб., 2005. С. 43-44.

руб. (по курсу 1924-1927 гг.)³⁶⁴. Впрочем, по другим данным, в 1922-1923 гг. флот лишился сразу 11 линкоров, 4 линейных крейсеров, 13 крейсеров, 39 эсминцев, 2 канонерские лодки, 7 подводных лодок и около 100 вспомогательных судов³⁶⁵.

Больше всех, пострадали от сокращения Морские силы Балтийского моря: количество кораблей и судов, подлежащих ликвидации, составило 111 единиц (60% от общего числа всех уничтоженных судов)³⁶⁶. Причём в это число попали не только морально устаревшие суда (линкоры-додредноуты «Император Павел I», «Андрей Первозванный», «Цесаревич», броненосные крейсера «Россия» и «Громобой», бронепалубные крейсера «Богатырь» и «Диана»), но и новейшие, недостроенные корабли (4 линейных крейсера типа «Наварин», 3 лёгких крейсера типа «Светлана», несколько эсминцев типа «Новик»). Особенно тяжелой для флота была потеря линейных крейсеров типа «Наварин», являвшихся выдающимся образцом отечественного судостроения.

В итоге к 1924 году на Балтике в боевом строю осталось лишь 2 линкора, 1 крейсер, 8 эсминцев, 9 подлодок, 2 канонерские лодки, 12 тральщиков и 3 вспомогательных судна. Естественно, что с такими небольшими силами уже нельзя было думать о каких-либо активных действиях флота. Но, с другой стороны, начинать значительное строительство крупных боевых кораблей для нужд Военно-Морского Флота, при сложившейся в СССР в начале 1920-х годов экономической ситуации, было делом явно нереальным. Требовалось найти какую-то «золотую середину» при определении текущих потребностей отечественного флота в новых судах, или хотя бы сохранить то, что осталось в наличии.

С этой целью Оперативное управление Штаба РККА представило свой вариант программы судостроения, нацеленный, как указывалось в нём, на «узкооборонительные задачи»³⁶⁷. В связи с этим, 5 июня 1924 г. на заседании Реввоенсовета СССР была рассмотрена военно-морская программа. По обсуждению данного вопроса, РВС принял решение о безусловной необходимости наличия «перспективной программы развития морского флота, которому в будущих боях по охране республики и по защите мировой революции предстоит играть крупнейшую роль»³⁶⁸. В то же время, говорилось о том, что программа кораблестроения должна соответствовать текущему положению народного хозяйства и общим нуждам государственной обороны, а потому следует ограничиться

³⁶⁴ Подсчитано по: Грибовский В. Ю. Отечественный флот на «крутых поворотах» истории (по опыту XX столетия) // Тайфун. 1996. № 2. С. 3.

³⁶⁵ Родионов Б. И., Березовский Н. Ю., Грибовский В. Ю. и др. Три века Российского флота. Т. 2. С. 271. Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. С. 497.

³⁶⁶ Цветков И. Ф. История отечественного судостроения. Т. 3. С. 486.

³⁶⁷ Там же. С. 486.

³⁶⁸ Там же. С. 369.

«наиболее неотложными и необходимыми расходами». От закладки крупных надводных боевых кораблей было решено воздержаться³⁶⁹.

В июне 1924 г. Реввоенсовет СССР и Высший совет народного хозяйства представили в Совет народных комиссаров СССР докладную записку, где была изложена программа военного кораблестроения для Балтийского и Черного морей. В частности, для Морских сил Балтийского моря предполагалось построить 2 легких крейсера (бывшие «Светлана» и «Бутаков»), 2 эскадренных миноносца (бывшие «Белли» и «Прямислав»), 1 подводную лодку (бывшую «Форель»), а также осуществить капитальный ремонт линкоров «Гангут» и «Парижская коммуна». Для обеспечения судостроительных работ, требовалось выделить к 1 октября 1 млн. 75 тыс. рублей³⁷⁰. 9 июля 1924 г. состоялось совместное совещание представителей флота и судостроительных предприятий, которое, не принимая решения о программе в целом, постановило начать, в первую очередь, с достройки отдельных кораблей, чтобы обеспечить заказами судостроительные заводы на 2 ближайших бюджетных года (1924/25-1925/26 гг.). Эта мера, по мнению совещания, позволила бы ввести в строй наиболее ценные боевые корабли, но с минимальными расходами.

Специальная комиссия Технического управления ВМС РККА признала необходимой достройку двух крейсеров («Профинтерн» (бывший «Светлана») и «Червона Украины» (бывший «Адмирал Нахимов»)) и четырех эсминцев для Морских сил Балтийского и Черного морей («Карл Либкнехт» (бывший «Капитан Белли»), «Калинин» (бывший «Прямислав»), «Железняков» (бывший «Корфу») и «Шаумян» (бывший «Левкас»)). Ещё два линкора («Октябрьская революция» (бывший «Гангут») и «Парижская коммуна» (бывший «Севастополь»)) и эсминец «Фрунзе» (бывший «Быстрый») нуждались в проведении капитального ремонта, а два крейсера («Адмирал Бутаков» и «Адмирал Лазарев») - в окончании постройки. Но по финансовым соображениям, работы на этих кораблях были временно отложены³⁷¹. По мнению Высшей правительственной комиссии, на военное судостроение необходимо было выделить 2,6 млн. рублей из чрезвычайного фонда, в соответствии с чем было направлено ходатайство председателю Реввоенсовета СССР Л. Д. Троцкому³⁷². 24 сентября 1924 г. Совет труда и обороны, с учётом решения Госплана СССР, утвердил программу судоремонта на 1924/25 бюджетный год, а спустя месяц, 29 октября, принял программу на 1924/25-1927/28 гг. в целом³⁷³.

³⁶⁹ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР 1900-1963: Документы и материалы. Т. 2: Советское военно-промышленное производство (1918-1926). С. 369.

³⁷⁰ Там же. С. 370-373.

³⁷¹ Цветков И. Ф. История отечественного судостроения. Т. 3. С. 486-487.

³⁷² История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР 1900-1963: Документы и материалы. Т. 2: Советское военно-промышленное производство (1918-1926). С. 392-393.

³⁷³ Цветков И. Ф. История отечественного судостроения. Т. 3. С. 487.

Параллельно с разработкой первых судостроительных программ, руководство РККФ в 1920-х годах создавало и первую советскую военно-морскую доктрину. В начале 1922 г. началась дискуссия по вопросу о сущности и задачах Военно-морских сил страны, под названием «Какой РСФСР нужен флот?». В первом номере журнала «Морской сборник» за 1922-й год была помещена редакционная статья под названием «О новых задачах “Морского сборника”», где указывалось, что *«требования государственной власти, выраженные в постановлениях обоих съездов о поднятии боеспособности Красного флота, диктуют и “Морскому сборнику” новую программу. «Эта программа состоит из двух частей: 1) непосредственное изучение задач и путей для строительства флота Республики; 2) Материалы и предпосылки, необходимые для правильного осознания задач и путей строительства флота Республики»*³⁷⁴. В обсуждении данного вопроса в Аудитории военно-морского дела в феврале 1922 г. приняли участие представители старой школы, профессора и преподаватели Морской академии Б. Б. Жерве, М. А. Петров, В. Е. Егорьев, Н. А. Гарсоев, а также новая формация руководителей флота - начальник Морского штаба Республики А. В. Домбровский, комиссар Морских сил Республики В. И. Зоф, член РВС Балтийского флота Ф. С. Аверичкин, комиссар Морских сил ЧФ А. В. Баранов и ряд других.

Идея дискуссии, её главные задачи и основная цель были изложены во вступительном слове крупнейшего теоретика и историка флота, начальника Морской академии М. А. Петрова. По его мнению, они заключались в том, чтобы *«путем последовательного выяснения и решения частных вопросов морского строительства дать обоснованный научно и подкрепленный опытом ответ на вопрос “какой флот нам нужен?”»*³⁷⁵. Он заметил, что прежде чем приступить к созданию Военно-Морского Флота, требуется ответить на принципиальные вопросы, сводящиеся к следующему – *«для чего нужен флот»* и *«зачем нужен флот»*? Лишь после выяснения этих моментов, можно перейти к обсуждению следующего важного вопроса - *«какой нужен флот»*? Причем, как отмечал далее Петров, *«самым важным, первоочередным вопросом, с коего надлежит начать, с коего начинаются все науки, является вопрос определения метода, с определения того, как подойти к вопросу “какой флот нам нужен”, какие обстоятельства при этом надлежит учесть, как предостеречь себя от тех субъективных, односторонних заключений, которые не раз весьма вредно отражались на создании нашего флота, вызывая тенденциозные решения и тем самым направляя развитие флота по неправильному пути»*³⁷⁶.

³⁷⁴ Цит. по: Подсобляев Е. Ф. Нужен ли флот советской России? (По материалам дискуссии, прошедшей после Первой мировой войны) // Новый часовой. 1997. № 5. С. 132-133. Монаков М. С. Указ. соч. С. 254.

³⁷⁵ Подсобляев Е. Ф. Нужен ли флот советской России? (По материалам дискуссии, прошедшей после Первой мировой войны). С. 133. Монаков М. С. Указ. соч. С. 260-261.

³⁷⁶ Подсобляев Е. Ф. Нужен ли флот советской России? (По материалам дискуссии, прошедшей после Первой мировой войны). С. 133.

Первые же заседания, прошедшие в Аудитории военно-морского дела на тему «Какой РСФСР нужен флот?», проведенные в феврале 1922 г., так и не дали окончательного ответа на поставленный вопрос. Дело в том, что чисто академический подход, предложенный представителями «старой» школы и отражавший общепринятые взгляды ведущих морских держав на вопросы строительства и применения флота, вступал в коренное противоречие с катастрофическим состоянием экономики Советской республики, не позволявшим осуществлять даже самого скромного финансирования флота. Говорить в таких неблагоприятных условиях о строительстве сильного линейного флота было просто бессмысленно. Поэтому уже в конце 1922 г. один из представителей «старой» школы Б. Б. Жерве предложил своим единомышленникам отойти от классической теории «владения морем» А. Т. Мэхэна и Ф. Х. Коломба, предполагавшей наличие мощного линейного флота, и заняться разработкой вопросов «малой морской войны», т.е. теории, применимой к конкретным условиям конкретной обстановки³⁷⁷.

Затем, с ноября 1922 г. дискуссия продолжилась уже под другим названием - «Два флота: флот морской и флот воздушный». Опираясь на зарубежный опыт, ряд авиаторов (К. Е. Вейгелин и Г. Григорьев) отстаивали приоритет военно-воздушных сил перед военно-морскими силами. Аудитория военно-морского дела, преобразованная в Военно-морское научное общество под председательством помощника главнокомандующего Вооруженными силами Республики по морским делам Э. С. Панцержанского, продолжила свою работу. В 1923 г. в Военно-морской академии было проведено несколько заседаний по поводу роли ВВС и ВМС в будущей войне. В итоге, морякам удалось выработать общий с авиаторами подход к определению места и роли морских и воздушных сил в системе Вооруженных сил Республики. Были определены новые методы ведения боевых действий на море, обусловленные появлением новых средств борьбы (подводных лодок и морской авиации). Весьма своевременными были выводы о необходимости создания и развития сбалансированного по классам кораблей флота. Тем самым, был дан импульс детальной проработке способов ведения боевых действий более слабым флотом в условиях «малой войны».

Более того, теория господства на море получила свое дальнейшее развитие применительно к тем конкретным условиям, в которых находился Рабоче-крестьянский Красный флот³⁷⁸. Важно отметить, что теория «владения морем» как таковая, вовсе не отвергалась сторонниками «малой войны». Более того, она вполне вписывалась в рамки существующей теории Мэхэна-Коломба, рассматривая существующее положение РККФ как

³⁷⁷ Подсобляев Е. Ф. Какой флот нужен РСФСР? (По материалам дискуссии, прошедшей после Первой мировой войны) // Новый часовой. 1999. № 8-9. С. 139-140.

временное. Старые военно-морские специалисты были чужды излишнего радикализма и смотрели далеко вперед в своих исследованиях, предвидя то время, когда в стране будет возможно строительство большого океанского флота.

Впоследствии, к концу 1920-х годов теория «малой войны» получила свое окончательное оформление. В отстаивании основных тезисов данной теории приняли активное участие такие крупные теоретики и деятели Военно-Морского Флота, как Р. А. Муклевич, А. П. Александров, И. М. Лудри, К. И. Душенов и другие («молодая школа»). Теория «малой войны» была ориентирована на сугубо оборонительную деятельность Военно-Морского Флота в прибрежных районах. Основной силой для действий ВМС в таких условиях выступал т.н. «москитный флот» – легкие силы флота (эсминцы, сторожевые корабли, торпедные катера), подводные лодки и морская авиация, которые должны были взаимодействовать между собой и с сухопутными войсками. Данная теория в наибольшей степени соответствовала возможностям имевшихся ВМС и экономики страны. Как уже говорилось выше, имелась и другая, «старая школа», представленная сторонниками теории «господства на море» М. А. Петровым, Б. Б. Жерве и Н. И. Игнатьевым, которые отстаивали необходимость иметь линейный флот. Однако, в период усиления политической борьбы со старыми специалистами в конце 1920-х – начале 1930-х годов, представители «старой школы» были изгнаны из рядов РККФ и репрессированы. Восторжествовала «молодая школа», отстаивавшая создание «малого флота»³⁷⁹.

Окончательное решение в споре о том, какой нужен флот, было принято на расширенном заседании РВС СССР 8 мая 1928 г. В заседании совета приняло участие всё высшее командование Красной Армии, а также командующие морскими силами Балтийского и Черного морей³⁸⁰. Данное заседание было целиком посвящено одному вопросу - «О роли, значении и задачах морского флота в системе Вооруженных Сил СССР». Этот вопрос был поставлен начальником Штаба РККА М. Н. Тухачевским, который полагал, что *«республика тратит непомерно много средств на морские вооруженные силы»* и поэтому считал необходимым поставить этот вопрос на обсуждение³⁸¹.

На совещании были изложены две противоположные точки зрения относительно места и роли флота - начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевского и начальника Учебно-строевого

³⁷⁸ Там же. С. 140-142.

³⁷⁹ Белли В. А. В советском Военно-Морском Флоте. Воспоминания. СПб., 2013. С. 130-135, 142-143. Цветков И. Ф. История отечественного судостроения. Т. 3. С. 485. Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 21-22.

³⁸⁰ Доценко В. Д. История военно-морского искусства. В 4-х тт. Т. 2. Развитие морских вооружений. СПб., 2006. С. 200-201. Танки против линкоров: Фрагменты стенограммы совещания Реввоенсовета СССР с командующими войсками Московского, Белорусского и Украинского военных округов и начальниками Морских сил Балтийского и Черного морей от 8 мая 1928 г. // Родина. 1996. № 7-8. С. 84-90.

³⁸¹ Березовский Н. Ю. На борьбу с «лимитрофами» // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 54.

управления УВМС, профессора Военно-морской академии М. А. Петрова. По мнению Тухачевского, политика по восстановлению ВМФ и его дальнейшему строительству велась *«не в развитие плана войны, а в развитие морского патриотизма наших морских работников»*³⁸². Иными словами, Тухачевский намекал на то, что военно-морское руководство намеревается строить флот лишь из соображений одного престижа. Кроме того, географическое положение СССР, как отмечал все тот же М. Н. Тухачевский, сильно отличается от положения Англии или Японии. То есть, морскими операциями враждебных государств нельзя нарушить ни экономической, ни политической целостности Советского Союза. *«У нас нет такой внутренней коммуникации, которой могли бы угрожать морские флоты противника. Во всяком случае, не морская операция угрожает нашим тылам, а те сухопутные действия, которые будут развиваться в результате десанта. Поэтому, если к этому вопросу подойти с точки зрения обороны, то нужно сказать, что Морской Флот играет чисто вспомогательную роль при выполнении наших операций. Сухопутная армия и Воздушный Флот – вот основные киты, на которых фактически зиждется наша оборона страны. Чем больше средств мы здесь сосредоточим, тем больше выиграет дело обороны»*³⁸³.

Особенно решительно выступил Тухачевский против создания линейного флота, поскольку считал это совершенно бесполезной тратой финансовых средств. По его убеждению, следовало вообще отказаться от борьбы с флотами крупных военно-морских держав, а для других целей линкоры, как он считал, были и не нужны. *«Здесь нужно совершенно откровенно сказать, что линейными средствами мы бороться с крупными империалистическими державами не сможем. Тот вред, который мы можем оказать нашим линейным флотом, недостаточен, чтобы можно было тратить для этого такие большие средства. Морской флот должен быть ограничен теми средствами, которыми мы сможем бороться с “лимитрофами”. Эта задача не настолько большая и не требует таких крупных средств»*³⁸⁴. В итоге, начальник Штаба РККА предлагал решать задачу обороны морских границ СССР путем взаимодействия береговой артиллерии, стрелковых частей, бомбардировочной авиации и сил флота, рассчитанного *«в своем развитии на участие в общем комплексе береговой обороны»*³⁸⁵.

Иную точку зрения на роль Военно-Морского Флота в СССР высказал М. А. Петров. Он, прежде всего, отметил то обстоятельство, что Военно-Морской Флот является важным инструментом внешней политики Советского Союза: *«...Мы не должны упускать из виду*

³⁸² Березовский Н. Ю. На борьбу с «лимитрофами». С. 55.

³⁸³ Березовский Н. Ю. Указ. соч. С. 55-56. Танки против линкоров. С. 84.

³⁸⁴ Березовский Н. Ю. Указ. соч. С. 57. Танки против линкоров. С. 85.

³⁸⁵ Березовский Н. Ю. Указ. соч. С. 57.

возможную роль флота для особых задач по поддержке очагов мировой революции». Кроме того, следовало учитывать «значение флота, как фактора реальной поддержки морской политики Союза»³⁸⁶. Далее, Петров признал, что главные задачи в войне будет решать сухопутная армия, а на флот ложатся лишь вспомогательные задачи. Главным театром военных действий, естественно, будет сухопутный, а второстепенным – морской. Здесь противоречий между Петровым и Тухачевским не было, но, по словам Петрова, «*есть расхождения в оценке той угрозы, которая возможна со стороны моря, в оценке роли и значения флота в общей конъюнктуре предстоящей войны*». А именно, он отметил явную недооценку Тухачевским морей, как стратегических направлений. «*Можем ли мы недооценивать значение морских направлений, если предположить, что империализм будет наступать со стороны моря? ...Морские направления имеются, и они не могут быть нами не учтены. Беря за основную установку, что морские театры имеют у нас второстепенное значение, разрешите доложить, что обеспечение этих второстепенных направлений имеет существенное значение для общего развертывания наших сил и нельзя смотреть на них как на пустое место*»³⁸⁷. Что касается того, из каких компонентов должен состоять флот, то здесь Петров был непреклонен. По его мнению, нельзя было увлекаться каким-то одним видом Вооруженных сил, забывая при этом о другом. Надо было сочетать разные боевые силы и средства при решении боевых задач. А для этого требовался сбалансированный Военно-Морской Флот, состоящий из кораблей всех классов, и, прежде всего – линкоров. Так что обойтись одним лишь «москитным флотом» было нельзя: «*...Нам нужно это боевое ядро для решения всех совокупных задач, так как это создает гибкость. Этим основным ядром являются линейные корабли, обеспечивающие операции малой войны. Здесь говорят о москитном флоте. Куда он нас ведет? Не на создание боевого ядра, а на частные мелкие операции*»³⁸⁸. Общий вывод, к которому неизбежно пришел М. А. Петров, гласил, что «*нам необходимо гармоническое сочетание всех средств, и иначе быть не может*»³⁸⁹.

Аргументация Петрова в пользу «гармонического сочетания всех средств» борьбы на море встретила поддержку большинства участников заседания РВС СССР, в том числе и армейских командиров. Также были заслушаны доклады председателя НТК УВМС И. И. Игнатьева «О модернизации линейных кораблей» и начальника Технического управления УВМС Н. И. Власьева «О судостроении»³⁹⁰. В принятом Реввоенсоветом постановлении говорилось: «1) Признать необходимым укрепление и развитие Военно-Морских Сил в общем плане военного строительства; 2) При развитии военно-морских сил стремиться к

³⁸⁶ Березовский Н. Ю. Указ. соч. С. 58.

³⁸⁷ Там же. С. 58.

³⁸⁸ Там же. С. 60.

³⁸⁹ Танки против линкоров. С. 86. Березовский Н. Ю. Указ. соч. С. 60.

сочетанию надводного и подводного флотов, береговой и минно-позиционной обороны и морской авиации, отвечающему характеру ведения боевых операций на наших морских театрах в обстановке вероятной войны; 3) Учитывая роль морских операций на Балтийском и Черноморском театрах в общем ходе будущей войны, считать основными задачами Военно-Морских Сил РККА: а) содействие операциям сухопутной армии в прибрежных районах; б) оборону берегов в условиях совместного разрешения этой задачи средствами морских сил и сухопутной армии; в) действия на морских коммуникациях противника; г) выполнение особых морских операций»³⁹¹.

При строительстве ВМС РККА следовало руководствоваться следующим решением: «...а) основным фактором, сообщающим операциям флота боевую устойчивость и активность действий, являются линейные корабли; б) развитие легких сил (крейсера, миноносцы, торпедные катера, сторожевые суда, канлодки) должно отвечать требованиям современной морской войны и соответствующей организации флота на наших театрах, с учетом особенностей характера использования морских сил в будущей войне; в) развитию подводного плавания уделить особое внимание, при учете специальных операций подводных лодок и обеспечения возможности совместных их действий с надводным флотом; г) развитие минно-позиционных средств флота сообразовать с необходимостью обеспечения выполнения указанных выше задач Военно-Морских Сил...»³⁹².

Таким образом, постановлением РВС СССР от 8 мая 1928 г. были определены место и задачи Военно-Морских Сил в системе Вооруженных сил СССР. Отныне было признано необходимым укрепление и развитие Военно-морских сил в общем плане военного строительства. При развитии ВМС РККА было предписано стремиться к сочетанию надводного и подводного флотов, береговой и минно-позиционной обороны и морской авиации, отвечающему характеру ведения боевых операций на наших морских театрах в обстановке вероятной войны.

В итоге, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в военной теории окончательно утвердилась теория «малой войны на море», для ведения которой предполагалось использовать авиацию, подводные лодки, эсминцы, торпедные катера и прочие «москитные силы» надводного флота. Основной задачей ВМС РККА в новых условиях было определено нанесение серии т.н. «сосредоточенных ударов» соединениями разнородных сил по флоту противника, приближающемуся к советскому побережью. Активными проводниками данной теории стал ряд преподавателей и адъюнктов Военно-морской академии – К. И. Душенов, И. М. Лудри, А. М. Якимычев, А. П. Александров, Н. В. Алякринский и С. Э. Столярский, которые стали

³⁹⁰ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. С. 557.

³⁹¹ Там же. С. 558.

известны в литературе как «молодая школа»³⁹³. Характерной особенностью теоретического творчества «молодой школы» стал откровенный приоритет партийной идеологии над военной наукой, что в значительной степени обесценивало их труды. Однако, во второй половине 1930-х годов, в период строительства «большого», океанского Военно-Морского Флота данная теория подверглась решительному пересмотру, а многие из её авторов подверглись репрессиям³⁹⁴.

Еще в марте 1925 г. были предприняты меры по составлению первого варианта 5-летнего плана усиления ВМС, однако в апреле этот план был скорректирован комиссией А.И. Рыкова в рамках более ограниченного плана достройки и капитального ремонта кораблей³⁹⁵. 9 июня 1925 г. на заседании Реввоенсовета СССР был рассмотрен 5-летний план строительства военно-морских сил. В результате, данная программа была утверждена как ориентировочная и максимальная. Кроме того, начальнику Морских сил В. И. Зофу было приказано в срочном порядке составить сокращенную программу строительства ВМС, из расчета в 50% от ориентировочной программы. Сокращенная программа должна была предусматривать введение в строй всех тех судов, которые достраивались или были намечены к достройке (включая линкор «Гангут» и крейсера «Адмирал Бутаков» и «Адмирал Лазарев»), а также модернизацию ряда кораблей³⁹⁶. При составлении программы нового судостроения, следовало *«исходить из необходимости постройки в первую очередь для Балтийского флота мониторов и для Балтийского и Черноморского флотов авианосцев»*. Относительно постройки подводных лодок было предписано исходить из необходимости обеспечения Морских сил Балтийского и Черного морей к 1930 г. тем количеством подлодок, которые имелись на этих флотах в настоящее время³⁹⁷.

9 июля 1925 г. на заседание специальной комиссии под руководством председателя СНК СССР и РСФСР А. И. Рыкова был вынесен «План усиления Морского флота». Данный план предусматривал проведение следующих мероприятий: 1) восстановление (капитальный ремонт или достройка) 16 кораблей, бывших на хранении в военных портах, ввиду невозможности их содержания в строю флота в 1917-1923 гг. или не достроенных в Первую

³⁹² Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. С. 558.

³⁹³ Белли В. А. Указ. соч. С. 142-143. История военной стратегии России. Под ред. В. А. Золотарева. М., 2000. С. 245. Доценко В. Д., Доценко А. А., Миронов В. Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005. С. 163-169. Кулагин К. Л. Что нам стоит флот построить? Варианты создания военно-морского потенциала СССР в довоенную эпоху // Родина. 2007. № 5. С. 79.

³⁹⁴ Белли В. А. Указ. соч. С. 156.

³⁹⁵ . Соколов А. К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность, 1917-июнь 1941 гг. М., 2012. С. 53.

³⁹⁶ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса в России и СССР 1900-1963: Документы и материалы. Т. 2: Советское военно-промышленное производство (1918-1926). С. 472. Соколов А. К. Указ. соч. С. 53.

³⁹⁷ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса в России и СССР 1900-1963: Документы и материалы. Т. 2: Советское военно-промышленное производство (1918-1926). С. 472.

мировую войну (восстановление 7 кораблей уже было начато по постановлению СТО от 29 октября 1924 г.); 2) постройка новых боевых кораблей – 8 эсминцев, 18 подводных лодок, 4 подводных минных заградителей, 2 мониторов, 1 авианосца, 36 сторожевых катеров и 60 торпедных катеров; 3) модернизацию и перевооружение части корабельной артиллерии, торпедного вооружения, установку корабельной авиации, химических средств, противолодочной и противогазовой защиты³⁹⁸. Обсудив данный план, комиссия поручила Реввоенсовету СССР переработать программу усиления морского флота, взяв за основу следующие основные положения: «...а) довести РККФ до максимальной боевой готовности в течение двух с половиной лет, то есть к весне 1928 г.; б) в первую очередь провести в жизнь представленный РВС план восстановления, достройки и модернизации кораблей РККФ...»³⁹⁹. В соответствии с решением комиссии Рыкова, Реввоенсовет СССР переработал 5-летний план усиления РККФ в 3-летний. Основной упор в новом варианте плана усиления морских сил был сделан на восстановление, достройку и модернизацию кораблей. В итоге, в программе остались лишь 2 монитора, 27 сторожевых катеров, а также 2 подводные лодки. Авианосец из программы был исключен. Все остальные корабли были отнесены ко 2-й очереди судостроения. Общая сумма ассигнований на 3-летний план усиления Морских Сил СССР составила 173 млн. 54 тыс. рублей⁴⁰⁰.

16 марта 1926 г. Реввоенсовет СССР утвердил смету РККФ на судостроение и судоремонт на период 1925/26 гг. 28 мая начальник Морских сил СССР В. И. Зоф представил в Морскую комиссию РВС СССР на утверждение 5-летнюю программу судостроения. Данная программа предусматривала постройку кораблей, внесенных в утвержденный РВС план судостроения на 1925/26 гг. (2 монитора, 6 подводных лодок, 36 сторожевых катеров и 60 глиссеров), достройку с модернизацией и восстановление кораблей по утвержденной РВС программе на 1925/26 гг., а также модернизацию и перевооружение действующего (линкоры и минимум субмарин) корабельного состава в ранее оговоренном объеме, то есть части корабельной артиллерии, торпедного вооружения, установки корабельной авиации, химических средств и противолодочной защиты. В план было также внесено судостроение 2-й очереди, включавшее в себя 6 подлодок⁴⁰¹.

Наконец, 26 ноября 1926 г. Совет труда и обороны (СТО) СССР своим постановлением утвердил первую 6-летнюю «Программу строительства Военно-Морских Сил РККА», положившую начало советскому периоду военного кораблестроения. Первая очередь программы (1926/27-1929/30 финансовые годы) предусматривала постройку 6 подводных

³⁹⁸ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса в России и СССР 1900-1963: Документы и материалы. Т. 2: Советское военно-промышленное производство (1918-1926). С. 496, 521.

³⁹⁹ Там же. С. 496.

⁴⁰⁰ Там же. С. 521-522.

лодок, 8 сторожевых кораблей и 6 торпедных катеров для Балтийского и Черноморского флотов, достройку крейсера «Ворошилов» (28.12.1926 г. РВС СССР отказался от этого) и 1 эсминца для Морских сил Балтийского моря, крейсера «Красный Кавказ» — для Морских сил Чёрного моря, а также капитально-восстановительный ремонт эсминцев «Дзержинский» (для Чёрного моря) и «Яков Свердлов» (для Балтийского моря). Вторая очередь (1927/28-1931/32 финансовые годы) включала постройку монитора, 6 подводных лодок, 10 сторожевых кораблей, 30 торпедных катеров, и, кроме того, восстановление и ввод в строй линкора «Фрунзе» (бывший «Полтава») на Балтийском море (от его восстановления затем отказались, из-за недостатка финансирования) и 1 эсминца на Чёрном море⁴⁰².

Но уже в процессе осуществления данной программы, в неё были внесены изменения. 4 февраля 1929 г. на заседании Совета труда и обороны СССР был утвержден новый вариант программы военного судостроения на 1928-1933 годы, которая была сокращена в 2 раза. Согласно новой программе, планировалась модернизация всех 3-х линкоров, достройка и восстановление 1 лёгкого крейсера и 3 эсминцев, а также постройка 3 новых эсминцев, 18 сторожевых кораблей, 19 больших и 4 малых подводных лодок, 5 охотников за подлодками, 3 речных мониторов и 63 торпедных катеров⁴⁰³. Но даже эта, урезанная программа военного судостроения была сорвана ввиду нарушения сроков сдачи кораблей, большого количества производственного брака и превышения стоимости кораблей⁴⁰⁴.

На заседании Комитета обороны при СНК СССР 11 июля 1931 г. было принято постановление по докладу наркома по военным и морским делам К. Е. Ворошилова «О направлении строительства морских сил», в котором специальной комиссии в составе В. В. Куйбышева (председатель), М. Н. Тухачевского, В. М. Орлова, А. И. Егорова и других было поручено разработать проект строительства Военно-Морских Сил и производственных баз. 15 августа начальник ВМС РККА В. М. Орлов представил заместителю председателя СНК В. В. Куйбышеву ориентировочный план строительства Военно-Морских Сил на 1932-1935 годы. По мнению военно-морского руководства, наличный состав флота совершенно не обеспечивал выполнения задачи по обороне берегов СССР с моря. Для надежного выполнения данной задачи, необходимо было правильно сочетать и развивать надводный и подводный флот, береговую оборону, морскую авиацию и минно-позиционные средства. Но

⁴⁰¹ Там же. С. 565-566.

⁴⁰² Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. В 5 тт. Т. 4: Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны (1925-1945 гг.). Под ред. И. Д. Спасского. СПб., 1996. С. 17-18. Кузин В. П., Никольский В. И. Военно-Морской Флот СССР 1945-1991. СПб., 1996. С. 23. Егоров В. Г., Амосин Б. М., Бельников С. В. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 2. Калининград, 1999. С. 115.

⁴⁰³ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. С. 566. Соколов А. К. Указ. соч. С. 236. Егоров В. Г., Амосин Б. М., Бельников С. В. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 2. С. 116.

⁴⁰⁴ Соколов А. К. Указ. соч. С. 236-237.

основной упор в строительстве ВМС следовало взять на создание «мощного подводного флота». Данный проект руководства ВМС РККА был в основном принят наркомом по военным и морским делам К. Е. Ворошиловым и затем представлен им на рассмотрение Комитета обороны при СНК 14 ноября 1931 года⁴⁰⁵.

Комитет обороны при СНК СССР рассмотрел представленную наркомом Ворошиловым программу строительства ВМС и принял ее за основу, внося отдельные коррективы. В окончательном варианте, было принято следующее соотношение подводных лодок по тоннажу: больших ПЛ (водоизмещение 1000 тонн) – 75 единиц, средних ПЛ типа «Щука» (550 тонн) и малых – 20 единиц. При этом, было решено отложить постройку 2-х крейсеров до 1933 года, а достройку линкора «Фрунзе» (бывший «Полтава») условно отложить до 1933-1934 годов, максимально ограничив расходование валютных средств⁴⁰⁶.

11 июля 1933 г. Совет труда и обороны СССР утвердил третью программу строительства ВМС, рассчитанную на 1933-1938 гг. Новая программа отражала переход отечественных судостроительных заводов преимущественно на военное кораблестроение, доля которого достигала свыше 60% в общем объеме судостроения (в первой пятилетке его доля в общей стоимости заказов судостроительной промышленности составляла лишь 26%). В соответствии с этой программой, к концу 1938 года намечалось построить 8 крейсеров, 10 лидеров, 40 эсминцев, 28 сторожевых кораблей, 42 тральщика и 252 торпедных катера, 60 охотников за подлодками, 69 больших, 200 средних и 100 малых подводных лодок, а всего – 503 надводных корабля и 369 подводных лодок. Причем, удельный вес подводного судостроения по программе составлял почти 60% (в денежном выражении, в ценах 1927/28 гг.). Морскую авиацию предполагалось увеличить с 459 самолетов в 1933 г. до 1655 к концу 1935 года⁴⁰⁷. Однако, в ноябре 1933 года программа военного кораблестроения подверглась корректировке: было предписано построить 4 крейсера, 8 лидеров, 22 эсминца, 28 сторожевых кораблей, 252 торпедных катера, 60 охотников, 321 подводную лодку⁴⁰⁸.

Разработке и принятию кораблестроительной программы 1933 г. предшествовал поиск наиболее рационального состава ВМС и способов его применения в случае войны. Требования к строительству ВМФ нашли свое отражение в документе, составленном Управлением ВМС Красной Армии и имевшем название «Основные соображения по

⁴⁰⁵ Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930 – 1980-е годы). М., 2006. С. 101-105. Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. С. 581, 583.

⁴⁰⁶ Быстрова И. В. Указ. соч. С. 105.

⁴⁰⁷ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963. Т. 3: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1937). Часть 2 (1933-1937). М., 2011. С. 491. Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 28. Кузин В. П., Никольский В. И. Указ. соч. С. 23. Золотарев В. А., Шломин В. С. Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. В 2-х кн. Кн. 1. М.-СПб., 2004. С. 14.

⁴⁰⁸ Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 28-29.

развитию Военно-Морских Сил РККА на вторую пятилетку (1933-1935 гг.)». Основная его идея заключалась в следующем: *«План развития ВМС на ближайшие годы (1933-1935 гг.) и на всю вторую пятилетку (1933-1937 гг.) должен предусмотреть надежную и активную оборону морских границ СССР на четырех основных театрах (Балтийском, Черноморском, Дальневосточном, Северном)... При учете удельного веса трех основных элементов ВМС – флот, авиация, береговая оборона – необходимо в целях реального осуществления указанных задач исходить из следующего: а) основа программы строительства ВМС – развитие флота (в первую очередь и главным образом – подводного) и тяжелой авиации, обладающих мощными маневренными свойствами...»*⁴⁰⁹.

В «Основных соображениях» содержались и конкретные предложения по строительству ВМС. Основой для судостроительной программы были определены подводные лодки среднего (600-750 тонн) и большого (900-1000 тонн) водоизмещения, предназначенных для действий на морских коммуникациях противника, на значительном удалении от своих берегов. Постройку же малых подлодок водоизмещением в 150 тонн, предназначенных для обороны своих баз, было решено ограничить. В развитии морской авиации основные усилия надо было сосредоточить на строительстве гидросамолетов. На всех морских театрах планировалось создать авиационные соединения торпедоносцев. В то же время, в документе отмечалась необходимость постройки надводных кораблей: *«...Для обеспечения и поддержания операций подводных лодок и для придания устойчивости всей системы морской обороны СССР, а также для успешной борьбы с противолодочными силами противника необходимо определенное сочетание подводного флота с надводными кораблями»*⁴¹⁰. А именно, намечалась постройка крейсеров, лидеров, эсминцев, тральщиков, охотников за подлодками и других боевых кораблей. Реализация указанных мер, по мнению составителей «Основных соображений», должна была обеспечить *«выполнение задач обороны морских границ СССР на базе тесного взаимодействия флота, авиации и береговой обороны, причем главная и решающая роль будет возложена в боевых операциях на подводные лодки и тяжелую авиацию»*⁴¹¹.

Однако, реализация судостроительной программы 1933-1938 гг. продвигалась далеко не так, как планировалось разработчиками. Причины заключались в поспешном и не совсем продуманном проектировании боевых кораблей. Первые проекты сторожевых кораблей, торпедных катеров и подводных лодок потребовали доработок и переделок в процессе строительства. В результате, корабли долгое время находились в стадии «доводки». На все

⁴⁰⁹ Цит. по: Золотарев В. А., Шломин В. С. Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. Кн. 1. С. 13.

⁴¹⁰ Там же. С. 13-14.

⁴¹¹ Там же. С. 14.

это уходило немало времени, поэтому неудивительно, что программа 1933-1938 гг. была не выполнена. Так, в течение 1933-1937 гг. было заложено 4 крейсера, 4 лидера, 30 эсминцев, 6 сторожевых кораблей, 27 тральщиков, 1 минный заградитель, 151 подводная лодка. За эти же годы вступили в строй ВМФ, с учетом закладки в первой пятилетке, 1 лидер, 9 сторожевых кораблей, 6 тральщиков, 1 минный заградитель, 176 торпедных катеров, 137 подводных лодок. Для примера, на период 1933-1935 гг. ожидалось введение в строй 3 лидеров, 8 сторожевых кораблей, 8 быстроходных тральщиков, 250 торпедных катеров и 157 подводных лодок, а реально промышленностью за эти годы было сдано флоту лишь 4 сторожевых корабля, 151 торпедный катер и 92 подводные лодки. Это означало фактическое невыполнение принятой в 1933 г. программы военного судостроения почти по всем показателям⁴¹².

Тем не менее, в результате осуществления кораблестроительных программ 1926-1933 и 1933-1938 гг., в Советском Союзе были созданы значительные подводные силы и легкие надводные силы прибрежного радиуса действия (москитный флот). По количеству тяжелых и средних надводных кораблей (линкоры, тяжелые и легкие крейсера, лидеры, эсминцы) Советский ВМФ, конечно же, очень сильно уступал всем флотам крупных иностранных держав (Англии, США, Японии, Франции и Италии). Нельзя забывать того обстоятельства, что иностранные военно-морские флоты уже пополнились целыми сериями новейших типов крупных боевых кораблей, в то время как Советский ВМФ был вынужден пока обходиться устаревшими типами крупных надводных кораблей (линкоры, крейсера, эсминцы). Зато в области строительства подводного флота Советский Союз обошел все остальные страны, прочно удерживая пальму первенства по количеству подводных лодок в составе ВМС. На начало 1936 г. в строю ВМФ СССР состояло уже 113 подлодок, в то время как во флоте США – 84 подлодки, Франции – 77, Японии – 70, Италии – 69 и Англии – 54⁴¹³. Именно быстрые успехи в деле строительства подводного флота, а также легких сил надводного флота позволили советскому руководству в 1932-1933 годах создать сразу два новых флота – Морские силы Дальнего Востока (с 11 января 1935 г. – Тихоокеанский флот) и Северную военную флотилию (с 11 мая 1937 г. – Северный флот)⁴¹⁴.

Но с середины 1930-х годов в военно-политическом руководстве СССР наметился поворот от строительства подводного флота к постепенному созданию сильного надводного, океанского флота. Если при составлении программ военного судостроения на первую и вторую пятилетки основной упор делался на создание подводных лодок, то с середины 1930-

⁴¹² Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 29-30. Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914-1941. СПб., 2004. С. 336-337.

⁴¹³ Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 31.

⁴¹⁴ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914-1941. С. 340-344.

х годов основное внимание уделялось строительству надводных кораблей. Уже в 1935 г. для нужд РККФ были заложены 2 легких крейсера, 6 эсминцев, 2 сторожевых корабля и 4 быстроходных тральщика общей стоимостью в 221 млн. рублей и всего лишь 9 подводных лодок общей стоимостью в 72 млн. рублей. Как отмечают авторы капитального труда по истории судостроения, *«приоритет надводного флота так же, как и почти полное прекращение коммерческого судостроения»* стали характерными чертами отечественной политики в области строительства ВМФ во второй половине 1930-х - начале 1940-х годов⁴¹⁵.

И действительно, если в 1934 г. на подводное кораблестроение было выделено 256 млн. рублей, а на надводное – 99,8 млн. рублей (т.е. в 2,5 меньше), то уже в следующем, 1935-м, году ситуация с распределением денежных средств на создание ВМФ выглядела иным образом: подводное кораблестроение получило 231,9 млн. рублей, а надводное – уже 176,8 млн. рублей (всего лишь в 1,3 раза меньше). В дальнейшем, картина продолжала меняться еще более стремительно: в 1939 г. для нужд надводного кораблестроения было выделено 779,2 млн. рублей, а для подводного – 211,5 млн. рублей (в 3,7 раза меньше); в 1940 г. надводное кораблестроение получило 1608,7 млн. рублей, а подводное – всего лишь 350,9 млн. рублей (в 4,6 раз меньше)⁴¹⁶. И наконец, в 1941 году был достигнут предельный уровень расходов на надводное кораблестроение – 3100 млн. рублей, в то время как на подводное было выделено всего лишь 353,8 млн. рублей (в 8,7 раз меньше)⁴¹⁷.

Причины столь резкой переориентации руководства РККФ, в деле направления строительства флота, несомненно, лежали в сфере внешней политики и отражали личную точку зрения секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина на место и роль флота в общей системе обороноспособности СССР. Учитывая возрастающую военно-экономическую мощь и повышение политического авторитета Советского Союза на международном уровне, он хотел иметь соответствующие уровню страны вооруженные силы. Прежний статус СССР как сугубо сухопутной державы уже не устраивал И. В. Сталина, поэтому с середины 1930-х гг. самое пристальное внимание им стало уделяться развитию военно-морских сил. Успешное осуществление политики индустриализации в Советском Союзе в начале 1930-х годов создавало необходимую производственную базу для создания современного Военно-Морского Флота.

⁴¹⁵ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963. Т. 3: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1937). Часть 2 (1933-1937). С. 47. Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 31. Золотарев В. А., Шломин В. С. Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. Кн. 1. С. 19-20.

⁴¹⁶ Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок 1941-1945. М.-СПб., 2004. С. 11. Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914-1941. С. 397. Золотарев В. А., Шломин В. С. Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. Кн. 1. С. 21.

⁴¹⁷ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914-1941. С. 397.

В первой половине 1930-х годов ведущие морские державы начали очередной виток гонки вооружений. В частности, в Германии в это время было осуществлено строительство серии «карманных линкоров» типа «Deutschland», а во Франции и Италии были заложены новейшие линейные корабли (типа «Dunkerque» и «Vittorio Veneto»). В качестве адекватного ответа на постройку французских линейных крейсеров, в Германии была произведена закладка более мощных кораблей – линейных крейсеров «Scharnhorst» и «Gneisenau», обладавших сильным бронированием и высокой скоростью хода⁴¹⁸. По сути дела, это означало начало нового этапа в гонке военно-морских вооружений после окончания Первой мировой войны.

16 марта 1935 г. канцлер Германии А. Гитлер объявил об отмене военных статей Версальского договора, а 18 июня этого же года Англия и Германия заключили морское соглашение, которое предоставляло Германии право создания флота, не превышающего по общему тоннажу 35% английского ВМФ, а в отношении подводного флота – право равенства с подводными силами британского флота при временном ограничении тоннажа подлодок 45% британского. А в 1936-м году были фактически отменены ограничения, установленные Вашингтонской и Лондонской морскими конференциями на постройку больших кораблей, и все крупные военно-морские державы приступили к серийной постройке новых линейных кораблей, водоизмещение которых достигало 45-50 тыс. тонн⁴¹⁹. Подобные факты вызвали тревогу у советского военно-политического руководства и вынудили принять адекватные меры для усиления отечественного Военно-Морского Флота.

Уже с декабря 1935 г., по заданию высшего политического руководства СССР, в Морских силах РККА были начаты работы по составлению новой судостроительной программы⁴²⁰. В основу перспективного планирования состава ВМФ были положены соображения о необходимости пропорционального развития трех крупных самостоятельных флотов на Балтийском, Тихоокеанском и Черноморском театрах, а также меньших по составу, но достаточно эффективных ВМС на Севере. Главной задачей для флотов была определена надежная оборона побережья и внутренних вод СССР от вторжения с моря, но в

⁴¹⁸ *Whitley M. J.* Battleships of World War Two. An International Encyclopedia. Cassell, 2002. P. 16, 45, 63, 73, 169. *Siegfried Breyer.* Schlachtschiffe und Schlachtkreuzer 1921-1997. Internationaler Schlachtschiffbau. Bonn, 2002. S. 92, 115, 208, 239. *Кофман В. Л.* Карманные линкоры фюрера. Корсары Третьего рейха. М., 2007. С. 9-15. *Малов А. А., Патянин С. В., Сулига С. В.* Линкоры фюрера. Главный калибр Кригсмарине. М., 2008. С. 10, 12.

⁴¹⁹ *Грибовский В. Ю.* Рабоче-крестьянский Военно-Морской Флот в предвоенные годы 1936-1941. (Учебное пособие). СПб., 1996. С. 5-6. *Платонов А. В.* Конференции и соглашения по ограничению морских вооружений 1921-1939 гг. // Цитадель. 1998. № 3(8). С. 90-91. *Малов А. А., Патянин С. В., Сулига С. В.* Линкоры фюрера. Главный калибр Кригсмарине. С. 11-12.

⁴²⁰ *Васильев А. М., Морин А. Б.* Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». М., 2008. С. 5.

отличие от программы 1933 г., легкие надводные силы флота теперь следовало поддерживать линейным флотом.

Поскольку новая программа военного кораблестроения разрабатывалась в обстановке строгой секретности, без привлечения квалифицированных специалистов, то возникла проблема с четким определением основных приоритетов в деле планирования строительства боевых кораблей. Вероятно, с целью узнать мнения высших командиров флота по этому вопросу, секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин в 1936-м году вызвал всех командующих флотами в Кремль и задал им общие вопросы относительно создания будущего ВМФ, а именно: какие корабли и с каким вооружением следует строить, а также с каким противником придется встречаться данным кораблям. Если в отношении создания подводного флота среди командующих флотами наблюдалось полное единогласие, то с надводными кораблями дело обстояло значительно сложнее. Одни были за немедленную постройку линкоров, а другие – за создание крейсеров, эсминцев и торпедных катеров. Разнобой в ответах флагманов разочаровал Сталина, который констатировал отсутствие единогласия среди высшего командования РККФ⁴²¹. И, тем не менее, Сталин, несомненно, сделал какие-то выводы для себя, в части определения приоритетов при строительстве ВМФ. (Относительно точки зрения Сталина по вопросу создания мощного флота впоследствии поведал в своих мемуарах бывший нарком ВМФ адмирал флота Советского Союза ВМФ Н. Г. Кузнецов. В частности, он отметил серьезное увлечение последнего тяжелыми кораблями, и в первую очередь, линкорами⁴²².)

Программа по созданию «Большого флота» разрабатывалась начальником Морских Сил РККА флагманом флота 1-го ранга В. М. Орловым и начальником Военно-Морской академии флагманом 1-го ранга И. М. Лудри с конца декабря 1935 г., под непосредственным руководством самого И. В. Сталина. Наибольший интерес военно-морское руководство проявляло к линкорам водоизмещением 35000 тонн и 55-57000 тонн, а также броненосным кораблям (крейсерам или по новой Лондонской номенклатуре - линкорам) водоизмещением 18-20000 тонн⁴²³. 19 января 1936 г. начальник Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов направил наркому обороны СССР маршалу К. Е. Ворошилову и начальнику Генерального штаба РККА маршалу А. И. Егорову доклад за № 12сс о дальнейшем строительстве флота. Доклад предусматривал создание военно-морских сил численностью в 15 линейных кораблей (из них 3 старых), 26 тяжелых крейсеров, 20 легких крейсеров, 20

⁴²¹ Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 239. Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сборник документов и материалов. Сост. Р. В. Кузнецова, А. А. Киличенков, Л. А. Неретина. М., 2000. С. 101.

⁴²² Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. С. 243.

⁴²³ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГА ВМФ). Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 213. Л. 34, 35-42.

лидеров эсминцев, 155 эсминцев, 2 авианосца, 126 больших подводных лодок, 222 средних и 90 малых подлодок⁴²⁴. В целом, Морские Силы РККА должны были насчитывать 676 боевых кораблей общим тоннажем 1 727 тыс. тонн.

По мнению В. М. Орлова, ориентировочные подсчеты показывали, что такая программа строительства ВМС вполне реальна и может быть выполнена за 8-10 лет *«при соответствующем развороте промышленности»*. В частности, к концу 1940 г. предполагалось выполнить программу строительства подводных лодок, эсминцев, легких крейсеров и части тяжелых крейсеров (примерно 50%). Остальные тяжелые крейсера и линейные корабли следовало завершить постройкой в последующие годы⁴²⁵.

В Наркомате обороны СССР проект судостроительной программы был рассмотрен и откорректирован. В частности, изменилось соотношение между тяжелыми и легкими крейсерами в пользу последних. В то же время, из программы были вычеркнуты авианосцы, подверглась сокращению численность лидеров, эсминцев и частично подлодок. В новом варианте программы военного судостроения был предусмотрен следующий состав кораблей основных боевых классов: 15 линейных кораблей (учитывая 3 линкора типа «Марат»), 22 тяжелых крейсера, 28 легких крейсеров, 18 лидеров эсминцев, 144 эскадренных миноносца, 112 больших подлодок, 210 средних и 90 малых подлодок. Всего флот должен был насчитывать 639 боевых кораблей общим тоннажем в 1 674 тыс. тонн. 17 апреля нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов доложил секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и председателю Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотову о программе строительства Морских Сил РККА на 1937-1943 годы⁴²⁶. Непосредственным результатом стало принятие Советом труда и обороны СССР постановления «О программе морского судостроения на 1936 год»⁴²⁷.

Руководство Советского Союза, и в первую очередь сам И. В. Сталин, проявило большой интерес к программе строительства «Большого флота», следствием чего стала её серьезная корректировка. В итоге, было решено строить линкоры двух типов: стандартного типа «А» – проект 23 (водоизмещением в 35 тыс. тонн) и облегченного типа «Б» – проект 25 (водоизмещением в 26 тыс. тонн). Необходимость иметь два типа линкоров объяснялась различиями в условиях их боевого применения в открытом Тихоокеанском театре и в закрытых Балтийском и Черном морях⁴²⁸. 27 мая 1936 г. Совет труда и обороны (СТО) при СНК СССР принял постановление о строительстве «большого флота», которым предусматривалось создание в течение 7 лет, т.е. до 1943 г., сразу 8 больших линкоров

⁴²⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 72. Л. 22-24об.

⁴²⁵ Там же. Л. 24.

⁴²⁶ Там же. Л. 46-55.

⁴²⁷ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917-1941. С. 602.

водоизмещением по 35 тыс. тонн с девятью 406-мм орудиями и скоростью в 30 узлов (линкоры типа «А») и 18 малых линкоров водоизмещением по 26 тыс. тонн с девятью 305-мм орудиями и скоростью 36 узлов (линкоры типа «Б»). Во исполнение данного распоряжения, нарком тяжелой промышленности уже 14 июня 1936 г. издал приказ о начале разработки общих проектов линкоров «А» и «Б» с 15 октября 1936 г. и окончанием к 15 марта 1937 г.⁴²⁹ А 3 августа 1936 г. начальник Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов утвердил тактико-технические задания на эскизные проекты указанных двух типов линейных кораблей⁴³⁰.

На первый взгляд, может показаться странным, что в СССР одновременно были начаты работы сразу по двум проектам линейных кораблей, но на самом деле это было лишь следствием господствовавших тогда мировых тенденций в судостроении. На советских военно-морских руководителей произвели впечатление тактико-технические характеристики строившихся в то время французских линейных крейсеров типа «Dunkerque» и германских линкоров типа «Scharnhorst»⁴³¹. Желание следовать тенденциям мирового кораблестроения и привело к появлению такого интересного проекта, как линкор типа «Б» (в дальнейшем, проект 25). На это указывают примерно схожее с французскими и немецкими аналогами стандартное водоизмещение и главный калибр указанных советских линкоров. По замыслу начальника Морских Сил РККА В. М. Орлова, линкоры типа «Б» должны были иметь возможность уничтожить в бою немецкие «карманные» линкоры типа «Deutschland» и противостоять новейшим линкорам типа «Scharnhorst». Как показали дальнейшие события, советское руководство затем сделает вполне правильный выбор в пользу кораблей более мощного проекта – линкоров типа «А» (проект 23)⁴³².

Работа по проектированию новых линкоров типа «А» и «Б» была развернута в Ленинграде, где были сосредоточены основные проектно-конструкторские бюро и заводы, занимающиеся постройкой боевых кораблей. Разработка проекта линкора типа «А» была поручена КБ-4, а линкора типа «Б» – ЦКБС-1 (затем - ЦКБ-17). Артиллерийское вооружение для новых линейных кораблей создавалось на заводе «Большевик», башни главного калибра – на ЛМЗ им. Сталина, приборы управления огнем – на заводе № 212 («Электроприбор»), броня – на Ижорском заводе, снаряды ГК – в НИИ-24, оптические приборы – на Ленинградском оптико-механическом заводе и ГОМЗ им. ГПУ. Помимо этого, к работе по

⁴²⁸ *Зубов Б. Н.* Указ. соч. С. 118.

⁴²⁹ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917-1941. С. 603. *Васильев А. М., Морин А. Б.* Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». С. 6-9.

⁴³⁰ *Зубов Б. Н.* Указ. соч. С. 118.

⁴³¹ *Whitley M. J.* Battleships of World War Two. An International Encyclopedia. P. 45-46, 73-75. *Siegfried Breyer.* Schlachtschiffe und Schlachtkreuzer 1921-1997. Internationaler Schlachtschiffbau. S. 115, 121, 208.

⁴³² *Васильев А. М., Морин А. Б.* Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». С. 12, 15-17.

созданию линкоров было привлечено много других предприятий и учреждений, которые являлись контрагентами КБ и институтов. Наблюдение за проектированием линкоров было возложено на Научно-исследовательский институт военного кораблестроения (НИИВК). Общее руководство все работой по строительству линкоров типов «А» и «Б» было поручено 2-му Главному управлению Наркомата оборонной промышленности в Москве⁴³³.

Представленная наркомом обороны СССР К. Е. Ворошиловым и начальником Морских Сил РККА В. М. Орловым перспективная программа строительства флота на 1937-1943 гг., после соответствующего рассмотрения в Политбюро ЦК ВКП(б) и Совете труда и обороны, была утверждена закрытым постановлением СНК СССР от 26 июня 1936 г. В соответствии с данной программой, предусматривалась постройка 533 боевых кораблей основных классов общим водоизмещением около 1307 тыс. тонн, а именно: 8 линкоров типа «А», 16 линкоров типа «Б», 20 легких крейсеров, 17 лидеров, 128 эскадренных миноносцев, 90 больших, 164 средних и 90 малых подводных лодок⁴³⁴.

Краснознаменный Балтийский флот по программе получал корабельный флот водоизмещением в 400 тыс. тонн, куда входили 4 линкора типа «А», 4 линкора типа «Б», 6 крейсеров, 5 лидеров, 40 эсминцев, 12 больших подлодок, 36 средних подлодок и 30 малых подлодок⁴³⁵. Весьма характерным был тот факт, что подводные лодки составляли лишь 18,3% от общего тоннажа будущего флота. Среди надводных кораблей пальму первенства прочно удерживали линкоры (53,2% тоннажа), за ними следовали эсминцы (около 17,2%) и крейсера (11,2% тоннажа)⁴³⁶. Удивительно, но из судостроительной программы по непонятным причинам исчезли тяжелые крейсера. По авторитетному мнению бывшего наркома ВМФ адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова, программа строительства «большого» океанского флота *«была принята наспех, без достаточного обоснования её как с оперативной точки зрения, так и с точки зрения промышленных возможностей»*⁴³⁷.

Осуществить столь амбициозный план военно-морского строительства надлежало в 10-летний срок. В развитие данного плана, Совет труда и обороны при СНК СССР 16 июля 1936 г. принял постановление «О программе крупного морского судостроения», которое ставило задачи Наркомату тяжелой промышленности и конкретизировало сроки выполнения программы на ближайшие два года. Всего в 1937-1938 годах было намечено строить 8

⁴³³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее - ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3228. Л. 1-2. Александров Ю. И., Васильев А. М., Майданов О. П. Линейные корабли и крейсера петербургской разработки и постройки // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 1. Сост. А.А. Родионов. СПб., 2001. С. 79-80.

⁴³⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 72. Л. 85-87, 99-103. Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917-1941. С. 603.

⁴³⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 72. Л. 85.

⁴³⁶ Грибовский В. Ю. Рабоче-крестьянский Военно-Морской Флот в предвоенные годы 1936-1941. С. 9. Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 236.

линкоров (из которых 7 единиц закладывались в Ленинграде и Николаеве в 1937-м году, а 1 единица – в Николаеве в 1938-м году), 8 легких крейсеров, 8 лидеров, 114 эсминцев, 123 подводные лодки. Спуск всех восьми линкоров (четырех типа «А» и четырех типа «Б») был запланирован на 1939-й год, а сдача флоту – на 1941-й год⁴³⁸. В 1938-м году предполагалось заложить еще 2 линкора типа «А» (в Молотовске) и 5 линкоров типа «Б» (3 линкора закладываются в Ленинграде и 2 линкора – в Николаеве), а также 4 тяжелых крейсера, 4 легких крейсера, 8 лидеров и 25 эсминцев⁴³⁹. 19 июля программа крупного морского судостроения была рассмотрена и одобрена на заседании Политбюро ЦК ВКП(б)⁴⁴⁰.

Выполнение кораблестроительной программы 1936-го года неизбежно вывело бы СССР в число крупнейших морских держав, учитывая количественный состав иностранных флотов на тот момент: Англия и США имели по 15 линейных кораблей, Япония – 9, Франция – 6, Италия – 4 линкора. Ведь в случае реализации своей программы, Советский Союз должен был иметь к 1942 г. 11 линкоров, а еще через пять лет – 24 линкора новейших проектов⁴⁴¹. В то же время, столь высокие темпы строительства линейных кораблей свидетельствовали о неглубокой проработке вопроса командованием РККФ, ибо оно должно было понимать, что наладить практически с нуля серийную постройку таких сложных кораблей крайне трудно. Тем более, в Советском Союзе почти 20 лет не строилось кораблей подобного класса и опыт их постройки был в значительной мере утерян.

Говоря о плане строительства Морских Сил РККА 1936 г., необходимо отметить такую его черту, как нереальность и несбалансированность запланированного к постройке флота в части соотношения кораблей разных классов. По мнению бывшего наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, количество строящихся линкоров было совершенно непосильно для советской судостроительной промышленности⁴⁴². Даже такие сильные военно-морские державы, как Англия и США, которые обладали мощной судостроительной промышленностью, не могли позволить себе такое масштабное строительство столь крупных кораблей. Зато количество крейсеров (легких), напротив, было неоправданно занижено: их было запланировано почему-то меньше, чем линкоров. Полное отсутствие в программе тяжелых крейсеров

⁴³⁷ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. С. 102.

⁴³⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 97. Л. 2. Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 236-237. Зубов Б. Н. Записки корабельного инженера: Развитие надводного кораблестроения в Советском Союзе. С. 121. Доценко В. Д. История военно-морского искусства. В 4-х тт. Т. 2. Развитие морских вооружений. СПб., 2006. С. 212. Васильев А. М., Морин А. Б. Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». С. 9.

⁴³⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 97. Л. 30. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 434. Л. 9-10. Д. 437. Л. 14.

⁴⁴⁰ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог. Т. II. 1930-1939. М., 2001. С. 786.

⁴⁴¹ Whitley M. J. Battleships of World War Two. An International Encyclopedia. P. 34, 39, 45, 92, 105, 113, 121, 127, 156, 162, 179, 187, 193, 200, 242, 246, 253, 259, 264, 273, 280. Грибовский В. Ю. Рабоче-крестьянский Военно-Морской Флот в предвоенные годы 1936-1941. С. 11. Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 237.

«вашингтонского» типа не гарантировало сохранения боевой устойчивости своих корабельных соединений в бою с полноценным флотом противника. Что же касается подводных лодок, то им было уделено много внимания. Необходимо отметить, что по крейсерам, эсминцам и подводным лодкам старые проекты в составе флота пока еще превалировали над новыми.

Некоторые авторы указывают на такой крупный недостаток программы 1936-го года, как полное отсутствие в ней авианосцев (хотя в первоначальном варианте программы присутствовали 2 авианосца)⁴⁴³. Но это не было упущением составителей: вероятно, они учитывали принципиальную неготовность отечественного Военно-Морского Флота к эксплуатации подобного рода кораблей, требующих наличия отработанной концепции их применения, хорошо обученных кадров личного состава и развитой системы береговой инфраструктуры (в первую очередь, на Севере и Дальнем Востоке), которыми Морские Силы РККА в то время ещё не располагали. А на таких закрытых морских театрах, как Балтийское и Черное моря, авианосцы в принципе и не требовались.

Особенностью первой программы военного кораблестроения было то, что процессу её разработки и принятия не предшествовала выработка военно-морской доктрины СССР. Не проводились научные обоснования и расчеты, какие именно боевые корабли необходимо строить для «Большого» Военно-Морского Флота и в каком именно количестве. Фактически это являлось прерогативой высшего политического руководства Советского Союза, а точнее секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина, который имел свои собственные планы на применение ВМФ в будущей войне. О сложной ситуации, сложившейся с разработкой кораблестроительной программы, адмирал Н. Г. Кузнецов сообщает следующие интересные детали: *«... Четко сформулированных задач флота не было. Как ни странно, я не мог добиться этого ни в Наркомате обороны, ни у Правительства. Генеральный штаб ссылался на отсутствие у него директив правительства по этому вопросу, а лично Сталин отшучивался или высказывал весьма общие предположения. Я понял, что он не желает посвящать меня в “святая святых”, и не считал удобным более настойчиво добиваться этого. Когда возникали разговоры о будущем флоте на том или другом из театров, он смотрел на карту моря и только задавал вопросы о возможностях будущего флота, не раскрывая деталей своих намерений...»*⁴⁴⁴.

Составители плана военного кораблестроения не учитывали реального состояния и возможностей отечественной судостроительной промышленности, которая

⁴⁴² Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. С. 102.

⁴⁴³ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. С. 102. Грибовский В. Ю. Рабоче-крестьянский Военно-Морской Флот в предвоенные годы 1936-1941. С. 11-12.

⁴⁴⁴ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. С. 103.

реконструировалась фактически параллельно со строительством сильного океанского флота и ещё не имела опыта в создании кораблей подобного типа. Многие корабли должны были строиться на заводах, которые только-только осваивали производственный процесс. Отсутствие необходимого опыта постройки тяжелых кораблей, производственной базы и налаженного технологического процесса сразу же привели к срыву планов по созданию большого, «океанского» флота.

Уже на начальном этапе реализации программы 1936 г. руководство МС РККА, научно-исследовательские институты и конструкторские бюро (КБ-4 и ЦКБС-1 (затем - ЦКБ-17)) встретились с большим количеством трудностей, главной из которых стала ошибка в определении тактико-технических характеристик новых линкоров. Для линейных кораблей типа «А» при заданных основных размерениях, вооружении и броневой защите было изначально запланировано совершенно недостаточное водоизмещение (35 тыс. тонн). Естественно, что НИИ и КБ пришлось заниматься срочной переработкой проекта данного корабля. То же самое относилось и к линкорам типа «Б». Это потребовало значительного объема опытных, макетных и исследовательских работ (всего более 200). Кроме того, Управление Морских Сил РККА и Наркомат обороны СССР несколько раз меняли планы постройки и тактико-технические требования к будущим линкорам.

В итоге, к концу 1936 г. эскизные проекты новых линкоров были завершены разработкой, но с большими количеством недочетов и нерешенных вопросов по принципиальным проблемам. В целом, с середины 1936 г. до февраля 1938 г. были составлены 3 (!) технических проекта линкора типа «А», и все они были последовательно забракованы. По линкору типа «Б» первоначально был составлен технический проект, но с явно завышенным водоизмещением и недостаточным вооружением. Причем тактико-техническое задание на линкор «Б» было выдано специальной комиссией под председательством начальника кафедры общей тактики Военно-морской академии флагмана 2-го ранга С. П. Ставицкого с большим опозданием, лишь к сентябрю 1937 г.(!). Затем, проект был откорректирован в соответствии с указаниями правительством, и уже новый эскизный проект лишь в конце 1937 г. был отправлен в Москву. В связи с этим, закладка линкоров проектов 23 и 25 в 1937-м году, как это первоначально предусматривалось СТО при СНК СССР, так и не состоялась⁴⁴⁵.

Решением Военного Совета Морских Сил РККА № 157999сс от 27 ноября 1937 г. было признано, что *«технический проект КБ-4 линкора типа «А» поэтому не может быть доложен Правительству на утверждение для дальнейшей разработки рабочих чертежей и*

⁴⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3228. Л. 2, 14, 16, 103-105. РГА ВМФ. Ф. Р-441. Оп. 14. Д. 153. Л. 4-6а, 6б-10, 11-16. Зубов Б. Н. Указ. соч. С. 119-121.

*последующей постройки»*⁴⁴⁶. В решении отмечалось, что ещё не были готовы технические проекты башен 152-мм и 100-мм орудий, отсутствовали проекты приборов управления стрельбой, командно-дальномерного поста, проекты вспомогательных механизмов и различных устройств. Не были доработаны и выполнены вопросы по донной защите, палубного бронирования кораблей, требуемая скорость хода 29-30 узлов не была достигнута, получена 28,5-29,5 узлов. Не были выполнены опытные работы, необходимые для разработки технического проекта: по главным котлам и системе замещения топлива, макетирование по помещениям главных и вспомогательных механизмов, КДП, боевых рубок и центральных постов, химзащите башенной артиллерии, химзащите котельных отделений, противопожарной защите артиллерийских погребов⁴⁴⁷.

В первой половине 1937 г. программа строительства ВМФ стала приобретать вполне конкретные очертания. 23 января Совет Труда и Оборона при СНК СССР принял решение о закладке в IV-м квартале 1937 г. четырех линкоров типа «А» и трех линкоров типа «Б», а четвертый корабль данного типа было решено заложить в I-м квартале 1938 г. Спуск на воду всех 8 линейных кораблей намечалось произвести в 1939 г., а сдачу – в 1941 г. Однако, последующими постановлениями СТО от 26 марта и Комитета обороны при СНК СССР от 26 мая сроки закладки новых линкоров были скорректированы. 28 января начальник Морских Сил РККА В. М. Орлов и заместитель наркома оборонной промышленности СССР Р. А. Муклевич подписали специальное Протокольное соглашение по выполнению плана работ на 1937-й год. Общий объем заказов для нового военного кораблестроения был определен огромной суммой в 930 млн. рублей. К 10 апреля 1937 г. был подготовлен разработанный 2-м Государственным проектным институтом по заданию заместителя наркома оборонной промышленности Р. А. Муклевича «Организационный план морской судостроительной промышленности на 1937-1943 гг.», который уточнял сроки выполнения программы по годам и конкретным заводам, исходя из их возможностей.

Наконец, 3 июля 1937 г. Комитет Оборона при СНК СССР назначил новые сроки закладки линкоров. А именно, в декабре 1937 г. и январе 1938 г. было решено заложить по два линкора типа «Б», в феврале 1938 г. – три линкора типа «А» и в марте 1938 г. - четвертый линкор типа «А». Сдача всех 8 линкоров в 1941 г. оставалась в силе. Постановление предписывало переработать проект большого линкора типа «А», с учетом того, что стандартное водоизмещение корабля возрастало до 55-57 тыс. тонн. Срок сдачи технического проекта линкора «А» назначался на середину октября 1937 г. Утверждение

⁴⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-441. Оп. 14. Д. 153. Л. 18.

⁴⁴⁷ Там же. Л. 17.

проектов линкоров, проведение испытаний и наблюдение за строительством кораблей было возложено на начальника Морских Сил РККА флагмана флота 1-го ранга В. М. Орлова⁴⁴⁸.

Однако последующие события нарушили эти планы. Развернувшиеся в Советском Союзе в 1937-м году массовые политические репрессии сильно ударили по высшему командному и начальствующему составу РККА, в том числе и его Морским силам. Все лица, причастные к разработке и осуществлению судостроительной программы 1936 г. по созданию «большого» флота (начальник Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов, начальник Военно-Морской академии флагман 1-го ранга И. М. Лудри, заместитель наркома оборонной промышленности Р. А. Муклевич и пр.), в течение лета-осени 1937 г. были арестованы и объявлены «врагами народа», а вскоре и расстреляны⁴⁴⁹. Соответственно, полная смена руководства Управления МС РККА отразилась на судьбе судостроительной программы, которая всё время пересматривалась и корректировалась. Существовала удобная практика, когда все просчеты и ошибки в планировании строительства флота, объясняемые волюнтаристскими решениями военно-политического руководства СССР, объявлялись результатами «вредительской деятельности» предыдущего руководства Морских Сил РККА.

В итоге, 13-15 августа 1937 г. на состоявшемся заседании Комитета обороны при СНК СССР по флотским вопросам было принято секретное постановление о пересмотре имевшейся программы, в части определения классов и основных тактико-технических элементов кораблей. По линкору типа «А» было решено, что он будет иметь девять 406-мм орудий ГК, двенадцать 152-мм, двенадцать 100-мм и 40 37-мм орудий, скорость 29 узлов и дальность плавания до 8 тыс. миль. Линкор типа «Б» должен был иметь на вооружении девять 356-мм орудий ГК, двенадцать 152-мм, восемь 100-мм и 24 37-мм орудий, развивать скорость 28 узлов и иметь дальность плавания в 8 тыс. миль. Также было решено строить тяжелые крейсера, вооруженные двенадцатью 254-мм орудиями. Кроме того, постановление предусматривало разработку проекта эскиза малого авианосца водоизмещением в 10 тыс. тонн, вооруженного 40-45 самолетами и имеющего скорость 30 узлов. Также была намечена разработка новых проектов легких крейсеров, лидеров эсминцев, эскадренных миноносцев, сторожевых кораблей, надводных минных заградителей (трех типов) и тральщиков (двух типов)⁴⁵⁰.

⁴⁴⁸ Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 238-239.

Васильев А. М., Морин А. Б. Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». С. 14-15.

⁴⁴⁹ Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937-1938. М., 1998. С. 374, 381, 490. Черушев Н. С. Удар по своим.

Красная Армия: 1938-1941. М., 2003. С. 109.

⁴⁵⁰ Васильев А. М., Морин А. Б. Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». С. 15-16, 38. Зубов Б. Н. Записки корабельного инженера: Развитие надводного кораблестроения в Советском Союзе. С. 121.

Определенную пользу, в плане переработки судостроительной программы, сыграл опыт проходившей Гражданской войны в Испании, выявившей отсутствие у Советского Союза полноценного океанского Военно-Морского Флота. Анализ опыта испанских событий был учтен новым начальником Морских Сил РККА флагманом флота 1-го ранга М. В. Викторовым и его заместителем флагманом флота 2-го ранга Л. М. Галлером при составлении нового варианта программы, получившего название «План строительства боевых кораблей Морских Сил РККА». Этот план был представлен наркомом обороны СССР маршалом К. Е. Ворошиловым в форме подробного доклада секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и председателю СНК СССР В. М. Молотову 7 сентября 1937 года⁴⁵¹.

Предложенный начальником МС РККА М. В. Викторовым и наркомом обороны СССР К. Е. Ворошиловым план предусматривал создание мощных флотов на Тихом океане и Балтийском море, где противниками СССР были определены Япония и Германия. Был несколько снижен удельный вес Черноморского флота, зато Северный флот было решено усилить и приблизить по тоннажу новых кораблей к Черноморскому флоту. При количественном и качественном расчете корабельного состава флотов на театрах учитывались перспективы развития ВМС вероятных противников и оперативные задачи на случай войны. Главными задачами для флотов были определены: 1) Недопущение высадки десантов и захвата противником советского побережья на Севере и Тихом океане; 2) Недопущение прорыва ВМС противника в Черное море, в северную часть Балтийского и Рижский залив; 3) Завоевание господства на Черном море, в Финском заливе; 4) Нарушение морских коммуникаций противника на Балтике и Черном море; 5) Недопущение перевозки японских войск и снабжения через корейские порты; 6) Разгром флотов и военно-морских баз враждебных государств в Черном море; 7) Защита Северного морского пути и своих коммуникаций на Севере; 8) Оказание содействия сухопутной армии по занятию территории Финляндии, Латвии и Эстонии⁴⁵².

Согласно «Плану строительства боевых кораблей Морских Сил РККА» от 7 сентября 1937 года, для нужд РККФ предполагалось построить 599 боевых кораблей, а именно: 6 линкоров типа «А», 14 линкоров типа «Б», 2 авианосца, 10 тяжелых крейсеров, 22 легких крейсера, 20 лидеров, 144 эсминца, 84 большие подлодки, 175 средних подлодок и 116 малых подлодок⁴⁵³. По флотам новые корабли распределялись следующим образом: для Тихоокеанского флота были предназначены новые корабли общим водоизмещением в 796 тыс. тонн (в том числе 4 линкора типа «А» и 2 линкора типа «Б»), для Краснознаменного

⁴⁵¹ РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 97. Л. 99. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 434. Л. 28-35. Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 240-241.

⁴⁵² Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 241-242.

Балтийского флота – 514 тыс. тонн (в том числе 6 линкоров типа «Б»), для Черноморского флота – 342 тыс. тонн (включая 4 линкора типа «Б») и для Северного флота – 338 тыс. тонн (включая 2 линкора типа «А»)⁴⁵⁴.

При рассмотрении новой программы видно, что она была более сбалансированной по классам боевых кораблей и учитывала мировой опыт строительства Военно-Морского Флота. Количество линкоров обоих типов («А» и «Б») было уменьшено, зато увеличилось количество крейсеров, лидеров и эсминцев. Важным моментом было появление в программе тяжелых крейсеров с 254-мм орудиями. Принципиальное значение имело включение в «План» двух малых авианосцев водоизмещением по 10 тыс. тонн, предназначенных для Северного и Тихоокеанского флотов. Это было уже явным заимствованием иностранного опыта и стремлением не допустить сильного отставания в гонке морских вооружений.

Новое руководство РККФ уже пересмотрело свои взгляды относительно новых линкоров, доведя их характеристики до мировых стандартов: по линкору типа «А» стандартное водоизмещение достигло уже 55-57 тыс. тонн, а по типу «Б» – до 48 тыс. тонн⁴⁵⁵. Советское политическое и военное руководство стремилось, чтобы отечественные линкоры не оказались слабее иностранных аналогов. Данная корректировка нарушала положения недавно заключенного англо-советского военно-морского соглашения от 17 июля 1937 года⁴⁵⁶, но подобные отступления от договорных обязательств тогда допускали на практике все страны-участники Вашингтонского соглашения 1922 года⁴⁵⁷. Однако, несмотря на некоторую модернизацию, новая программа кораблестроения носила такой же нереальный характер, как и предыдущая. Принята она была таким же волевым методом, без серьезного обсуждения и согласования с судостроительной промышленностью и военно-морскими специалистами.

«План строительства боевых кораблей Морских Сил РККА» 1937 г. официально так и не был утвержден Правительством, хотя рассматривался в Политбюро ЦК ВКП(б) и Комитете обороны при СНК СССР. (Характерно, что и все последующие судостроительные программы – 8-летняя «Программа строительства боевых и вспомогательных кораблей на 1938-1945 гг.» 1938 г., «10-летний план строительства кораблей РККФ» 1939 г., 5-летний

⁴⁵³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 435. Л. 24-34, 44-62. Грибовский В. Ю. Рабоче-крестьянский Военно-Морской Флот в предвоенные годы 1936-1941. С. 18.

⁴⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 435. Л. 24-34, 44-62. Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 242.

⁴⁵⁵ Согласно англо-советскому морскому соглашению от 17 июля 1937 г., верхний лимит водоизмещения линкоров был установлен в 35 тыс. тонн, а в июле 1938 г. Советский Союз подписал с Великобританией, Францией, США и Германией протокол об увеличении лимита водоизмещения линкоров до 45 тыс. тонн. – См.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923-1939. М., 2001. С. 362.

⁴⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 241. Л. 1-48. Платонов А. В. Конференции и соглашения по ограничению морских вооружений 1921-1939 гг. // Цитадель. 1998. № 3(8). С. 91.

⁴⁵⁷ Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 242.

«План военного судостроения на третью пятилетку 1938-1942 гг.» 1940 г. также не утверждались ЦК ВКП(б) и СНК СССР, хотя Наркомат ВМФ и судостроительная промышленность руководствовались ими при составлении ежегодных планов строительства кораблей⁴⁵⁸.) Этому помешали трудности согласования плана ВМФ с судостроительной промышленностью, но он послужил основой для дальнейшей работы над проектами кораблей и для определения сроков их реализации.

Тем временем, высшим руководством СССР были предприняты важные шаги по повышению роли и значения Военно-Морского Флота в системе Вооруженных сил страны. С этой целью, постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 декабря 1937 г. был образован самостоятельный орган управления флотом – Народный комиссариат Военно-Морского Флота СССР, в задачу которого входила разработка планов строительства, вооружения и комплектования Военно-морских сил. Наконец, 15 января 1938 г. ЦИК и СНК СССР утвердили Положение о Народном комиссариате ВМФ, согласно которому при наркоме учреждались Главный Военный совет (ГВС) и Главный морской штаб (ГМШ). Главный морской штаб являлся центральным органом Наркомата ВМФ по подготовке и использованию сил флота для обороны страны⁴⁵⁹. Создание Наркомата ВМФ и Главного морского штаба было призвано подчеркнуть возрастание роли флота в системе Вооруженных Сил СССР и помочь морякам в деле намеченного масштабного строительства ВМС.

Помимо организационных мер, не заставило себя долго ждать и теоретическое обоснование создания большого, «океанского» советского Военно-Морского Флота. Уже 16 февраля новый нарком ВМФ армейский комиссар 1-го ранга П. А. Смирнов (до этого занимавший должность начальника Политического управления РККА) и начальник ГМШ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер представили в Комитет обороны при СНК СССР очередной вариант судостроительной программы, не претерпевшей сильных изменений. При рассмотрении представленного варианта, секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин разрешил отказаться от линкоров типа «Б», сделав выбор в пользу более сильного типа «А» (проект 23)⁴⁶⁰. (Дело в том, что при рассмотрении эскизного проекта линкора типа «Б» в Наркомате ВМФ «внезапно» выяснилось, что по своему артиллерийскому вооружению он уступает иностранным аналогам, что и предопределило его дальнейшую судьбу⁴⁶¹.)

⁴⁵⁸ *Краснов В. Н.* Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. М., 2004. С. 12. *Платонов А. В.* Доктрины ведущих военно-морских держав перед Второй Мировой войной // Цитадель. 2000. № 1(9). С. 60.

⁴⁵⁹ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. С. 611-612.

⁴⁶⁰ *Васильев А. М., Морин А. Б.* Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». С. 17.

⁴⁶¹ *Григайтис К. Л.* Советская кораблестроительная наука (в 1937 г.). К 70-летию ЦНИИВК // Тайфун. 2002. № 4(44). С. 23.

В итоге, 27 февраля 1938 г. нарком ВМФ П. А. Смирнов и начальник Главного морского штаба Л. М. Галлер, доработав проект по замечаниям Комитета Оборона, представили в Наркомат оборонной промышленности уже новый вариант программы, получившей название «Программа строительства боевых и вспомогательных кораблей на 1938-1945 гг.». Данная программа, рассчитанная на 8 лет, называлась в дальнейшем «Большой программой». Срок выполнения программы был назначен на 1 января 1946 г. В целом, по «большой программе» было намечено построить 424 боевых корабля общим водоизмещением в 1918,5 тыс. тонн, из которых 91,6% приходилось на надводные корабли и 8,4% - на подводные лодки. В программу были включены 15 линкоров типа «А», 2 авианосца, 15 тяжелых крейсеров, 28 легких крейсеров, 19 лидеров, 144 эсминца, 42 большие подлодки, 23 подводных минных заградителя, 90 средних подлодок, 46 малых подлодок. Линкоры по новой программе распределялись следующим образом: Тихоокеанский флот получал 6 единиц, Краснознаменный Балтийский – 4 единицы, Черноморский – 3 и Северный – 2 единицы. Общий тоннаж боевых кораблей флота к 1946-му году должен был увеличиться более чем в 10 (!) раз по сравнению с 1936-м годом⁴⁶². Несмотря на то, что СНК СССР вновь не утвердил новую программу военного кораблестроения⁴⁶³ (как и все предшествовавшие варианты), судостроительная программа 1938-го года продолжала фактически действовать до начала Великой Отечественной войны, подвергаясь ежегодной корректировке в плане сроков закладки и сдачи кораблей.

Итак, новый вариант программы военного кораблестроения был подвергнут очередному сокращению, особенно в части линкоров (на 5 единиц) и подводных лодок (почти в 2 раза!). Однако, при этом количество больших линкоров (типа «А») в программе было сразу увеличено в 2,5 раза, возросла также и численность тяжелых (в 1,5 раза) и легких крейсеров (в 1,3 раза). Оставлены были в программе и легкие авианосцы. Из этого видно, что составители плана судостроения действовали достаточно нехитрым, арифметическим образом: уменьшив число кораблей одного класса, они тут же автоматически увеличивали число кораблей другого. Но, несмотря на новую корректировку, кораблестроительная программа продолжала носить завышенный характер, и рассчитывать на её реализацию при имевшемся состоянии судостроения и военно-морской науки и техники не приходилось. Но это обстоятельство несколько не смущало руководство СССР, и по данной программе в очередной раз было принято «волевое» решение о её выполнении, был создан ряд

⁴⁶² РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 435. Л. 10-12, 14-21, 35-42.

⁴⁶³ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914-1941. С. 394.

правительственных комиссий по обеспечению этого решения, стали закладываться новые корабли⁴⁶⁴.

Впрочем, реализация «большой программы» встречала большие затруднения вследствие постоянной смены руководства Рабоче-крестьянского Красного Флота в период массовых репрессий 1937-1938 гг. После ареста двух начальников Морских Сил РККА (флагманов флота 1-го ранга В. М. Орлова (10 июля 1937 г.) и М. В. Викторова (22 апреля 1938 г.)) последовала очередь недавно назначенного наркома ВМФ, армейского комиссара 1-го ранга П. А. Смирнова, арестованного 30 июня 1938 г. Все они были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу⁴⁶⁵. Естественно, что репрессированным руководителям ВМФ была вменена в вину «вредительская» политика в деле разработки и осуществления программы военного кораблестроения. Заместитель уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Ленинградской области Егоров 27 февраля 1938 г. поспешил доложить секретарю ЦК ВКП(б) и первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданову о том, что *«враги народа – Муклевич и Орлов, стоявшие во главе в деле кораблестроения, с самого начала запутали это дело: тактико-технические задания давались путаные и неверные, а специалисты морского ведомства отстранялись от проектирования линкоров и т.д.»*⁴⁶⁶.

А между тем, ситуация с разработкой новых линкоров типа «А» (проект 23) к началу 1938 г. действительно выглядела просто угрожающе; по словам того же Егорова, *«все сроки, устанавливаемые правительством по проектированию линкоров, оказались сорванными, технический проект корабля “А” составлялся трижды и все они забракованы, а корабль “Б” в настоящее время вовсе снят с разработки»*. Плохая организация работы привела к тому странному положению, что, несмотря на целый год работы по проектированию линкора типа «А», всё ещё не имелось утвержденного технического проекта ни корабля в целом, ни его частей: артиллерии, башен, турбин, брони, приборов управления стрельбой и прочего. Любопытно, что далее Егоров признает, что основные трудности заключаются *«не столько в решении технических вопросов проектирования кораблей, сколько в организационной неразберихе, несогласованности, бесплановости, безответственности, имеющих место в центре и на местах»*⁴⁶⁷.

Технические комиссии, призванные осуществлять консультационную помощь в создании линкоров, практически бездействовали, а некоторые вообще не собирались ни разу.

⁴⁶⁴ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. С. 102.

⁴⁶⁵ Сувениров О. Ф. Указ. соч. С. 374. Черушев Н.С. 1937 год: Элита Красной Армии на Голгофе. М., 2003. С. 141-151. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. Биографический словарь. М., 2012. С. 19-20, 22.

⁴⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3228. Л. 2.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 2.

Институты, которым было поручено контролировать данную работу (АНИМИ и НИИВК), оказались не в состоянии решать возникшие в ходе работ вопросы. Отсутствовала координация в работе между заводами, конструкторскими бюро и научно-исследовательскими институтами; каждый работал самостоятельно и совершенно не согласовывал свою работу с работой других. Оперативного межведомственного органа, который решал бы все вопросы, связанные с сооружением новых линкоров, и мнение которого было бы обязательно для всех заводов, КБ и институтов, не существовало⁴⁶⁸. Иными словами, работа по созданию линкоров нового типа практически не продвигалась.

Временно исполняющий обязанности наркома ВМФ флагман флота 2-го ранга П. И. Смирнов-Светловский взял на себя нелегкий труд по реализации судостроительной программы, и в первую очередь, по продвижению строительства новых линкоров. В итоге, 15 июля и 31 октября 1938 г. на судостроительном заводе № 189 в Ленинграде и судостроительном заводе № 198 в Николаеве по проекту 23, наконец-то, были заложены новые линкоры «Советский Союз» и «Советская Украина»⁴⁶⁹. Это стало началом реализации «большой программы» строительства ВМФ. (Впрочем, скоро и самого П. И. Смирнова-Светловского постигла та же печальная участь, что и его предшественников: 26 марта 1939 г. его арестовали и затем расстреляли⁴⁷⁰.)

Тем временем, продолжалась работа по разработке технического проекта 23 (линкор типа «А»), которая продвигалась достаточно нелегко. Согласно постановлению Правительства, окончательный технический проект должен быть представлен в комплектном виде к 1 сентября 1938 г., но фактически он был представлен в Управление кораблестроения РККФ 13 октября 1938 г. т.е. с опозданием в 1,5 месяца. Причем, проект был представлен не в полном комплекте и с рядом важнейших отступлений от заданий. Проект был рассмотрен на заседании в Кремле под председательством председателя СНК СССР В. М. Молотова, в присутствии секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина, наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова, наркома ВМФ П. А. Смирнова. Технический проект был одобрен И. В. Сталиным и утвержден к постройке⁴⁷¹. Наконец, технический проект 23 был утвержден постановлением Комитета обороны при СНК СССР от 13 июля 1939 г. № 195сс, т.е. спустя год после начала строительства (!)⁴⁷².

⁴⁶⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3228. Л. 3.

⁴⁶⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3297. Л. 3. РГА ВМФ. Ф. Р-441. Оп. 14. Д. 153. Л. 32. *Платонов А. В.* Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. СПб., 2002. С. 69-70.

⁴⁷⁰ *Сувениров О. Ф.* Указ. соч. С. 374. *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. Биографический словарь. С. 39.

⁴⁷¹ РГА ВМФ. Ф. Р-441. Оп. 14. Д. 153. Л. 33-34. *Григайтис К. Л.* Указ. соч. С. 25.

⁴⁷² РГА ВМФ. Ф. Р-441. Оп. 14. Д. 153. Л. 164-173.

В сентябре 1938 г. очередным наркомом ВМФ был назначен бывший первый заместитель наркома внутренних дел СССР и командующий пограничными войсками НКВД командарм 1-го ранга М. П. Фриновский. Новый нарком, совершенно не разбиравшийся в морском деле, фактически передоверил основную работу своему опытному заместителю П. И. Смирнову-Светловскому⁴⁷³. Уже в декабре 1938 г. Фриновский провел заседание Главного Военного совета ВМФ, посвященное в значительной степени вопросам создания «большого флота». Заседание проходило в Кремле под руководством секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина, который активно интересовался вопросами военно-морского строительства. В частности, он хотел узнать мнение командующих флотами о тех или иных классах боевых кораблей, о морской доктрине и необходимых изменениях в уставах и наставлениях. Идея создания «большого», океанского флота нашла полную поддержку у Сталина, который согласился с необходимостью расширения береговой инфраструктуры для нужд флота, в том числе со строительством новых военно-морских баз, судоремонтных заводов и вспомогательного флота⁴⁷⁴. Неудивительно, что бюджетные ассигнования флоту на следующий, 1939-й год были вновь значительно увеличены, в результате чего РККФ получал 7,5 млрд. рублей. Причем, из этих средств на судостроение, вооружение и технику приходилось 4,5 млрд. рублей (т.е. 60%)⁴⁷⁵.

В 1939-м году в руководстве ВМФ опять произошли кадровые перемены: 25 марта были сняты со своих постов и затем арестованы нарком ВМФ командарм 1-го ранга М. П. Фриновский и его заместитель флагман флота 2-го ранга П. И. Смирнов-Светловский (Оба военачальника были расстреляны в начале 1940-го года.) На смену прежнему руководству Наркомата ВМФ пришел молодой командующий Тихоокеанским флотом флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов, занявший сначала должность первого заместителя наркома, а уже спустя месяц – наркома ВМФ⁴⁷⁶. Новый народный комиссар ВМФ также приложил немалые усилия к строительству океанского флота. В частности, при его участии были разработаны 5-летний план кораблестроения (1938-1942 гг.) и 5-летняя программа (1943-1947 гг.) военного кораблестроения, которые он направил члену Главного Военного совета ВМФ, секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову⁴⁷⁷.

14 июля 1939 г. Комитет Обороны при СНК СССР получил на рассмотрение 10-летний план судостроительной программы, представленного наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым.

⁴⁷³ Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. С. 193, 197.

⁴⁷⁴ Там же. С. 192-195.

⁴⁷⁵ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914-1941. С. 739.

⁴⁷⁶ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. С. 678-679. Сувениров О. Ф. Указ. соч. С. 373, 375.

Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. Биографический словарь. С. 39.

⁴⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 435. Л. 132-155.

Опираясь на указания Комитета Обороны, Н. Г. Кузнецов уже 6 августа представил И. В. Сталину, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову переработанный и подписанный им «10-летний план строительства кораблей РККФ»⁴⁷⁸. В это время на судостроительных вервях СССР уже велась постройка 3 линкоров проекта 23, 2 тяжелых крейсеров проекта 69, 5 легких крейсеров проекта 68, 5 легких крейсеров проектов 26 и 26-бис, 2 лидеров эсминцев проекта 48, 2 лидеров проекта 2, 6 эсминцев проекта 30, 20 эсминцев проекта 7, 18 эсминцев проекта 7У, 5 сторожевых кораблей проекта 29, 12 быстроходных тральщиков проекта 59, 21 базового дизельного тральщика, 6 речных деревянных тральщиков, 73 торпедных катеров, 1 большого морского охотника за ПЛ, 22 малых морских охотников, 21 большой подлодки типов «К» и «Л», 63 средних подлодок типов «С» и «Щ», 57 малых подлодок типа «М»⁴⁷⁹.

Новый план военного судостроения, рассчитанный на 10 лет (1938-1947), был построен на соображении о создании «*сильных флотов на всех морских театрах Советского Союза*», с учетом сил флотов вероятных противников. Причем, в состав создаваемого флота включались и те корабли, которые входили в строй до 1 января 1940 г. Вместе с ними, к 1948 г. на всех морских театрах требовалось иметь 699 боевых кораблей основных классов общим водоизмещением 2563 тыс. тонн, не считая мелких боевых и вспомогательных кораблей. В целом, по 10-летнему плану предполагалось построить 15 линкоров типа «А», 2 авианосца, 16 тяжелых крейсеров, 32 легких крейсера, 36 лидеров, 162 эсминца, 88 подводных минных заградителей, 225 средних подлодок, 120 малых подлодок. Кроме того, следовало построить еще 358 торпедных катеров, 8 канонерских лодок, 274 охотников за подлодками и 263 тральщиков общим водоизмещением 465 тыс. тонн. Таким образом, общий тоннаж создаваемого флота достигал 3028 тыс. тонн, из которых 1154 тыс. тонн приходилось на Тихоокеанский флот и 518 тыс. тонн – на Северный флот⁴⁸⁰.

Оценивая план строительства ВМФ от 6 августа 1939 г., нельзя не заметить того обстоятельства, что по сравнению с планом 1938 г., в новом варианте программы количество тяжелых и средних надводных кораблей несколько изменилось. Если линкоры и авианосцы остались в той же пропорции, что и прежде, то количество крейсеров, лидеров и эсминцев, напротив, увеличилось. Вероятно, это было предпринято для обеспечения боевой устойчивости маневренных соединений флота. (И хотя нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов испытывал сомнения относительно необходимости постройки такого количества линкоров и

⁴⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 435. Л. 81, 83-99, 100-110. Грибовский В. Ю. Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы 1925-1941 гг. М., 2006. С. 40. Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. С. 103.

⁴⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 458. Л. 3-4.

⁴⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 435. Л. 81, 83-99, 100-110. Грибовский В. Ю. Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы 1925-1941 гг. С. 40, 45. Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 249.

тяжелых крейсеров, но открыто спорить с руководством страны, и в первую очередь, с И. В. Сталиным он не стал⁴⁸¹.) Помимо этого, в новой программе было почти вдвое (!) увеличено количество строящихся подводных лодок.

Но в то же время, составители плана должны были понимать, что этот путь неизбежно ведет к новому усложнению работы судостроительной промышленности. Ведь корректировка планов пошла в сторону увеличения количества боевых единиц. При этом мало кто в руководстве страны и Вооруженных Сил всерьез задумывался о выполнимости подобных грандиозных планов. (Ведь, в отличие от дореволюционного периода, рассчитывать на постройку хотя бы части крупных боевых кораблей за границей Советскому Союзу не приходилось. Это убедительно показала неудавшаяся поездка заместителя наркома ВМФ флагмана флота 2-го ранга И. С. Исакова в США в феврале 1939 г., когда Советский Союз попытался заказать у фирмы «Gibbs & Cox» линкоры для своего ВМФ. В результате объявленного правительством США «морального эмбарго» в декабре 1939 г.⁴⁸², всякие закупки Советским Союзом промышленного оборудования и военной техники в Соединенных Штатах стали невозможными. Покупка же в Германии в 1940-м году недостроенного тяжелого крейсера «Лютцов» мало что меняла в общем раскладе сил⁴⁸³.)

Отрицательную роль играло также и то обстоятельство, что проекты боевых кораблей, и в первую очередь, новых линкоров, постоянно перерабатывались: например, в течение 1937-1939 годов по требованию высшего политического и военного руководства Советского Союза было последовательно разработано пять технических проектов линкоров «А»⁴⁸⁴. Естественно, что это постоянно замедляло строительство тяжелых кораблей для Советского ВМФ, а это, в свою очередь, делало их вступление в строй делом неопределенного будущего.

Кроме того, планируя строительство крупных кораблей, высшее политическое и военное руководство СССР зачастую не принимало в расчет реальные возможности своей судостроительной промышленности, которая спешно модернизировалась или создавалась практически параллельно со строительством боевых кораблей. Некоторые судостроительные заводы (как например, завод № 402 в Молотовске, который должен был строить сразу два линкора проекта 23), возникали фактически на пустом месте, и потому не имели соответствующей инфраструктуры и не были обеспечены необходимым сырьем.

⁴⁸¹ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. С. 104-105.

⁴⁸² Документы внешней политики. 1940-22 июня 1941. Т. XXIII: В 2 кн. Кн. 1. Январь - октябрь 1940. М., 1995. С. 94. Кн. 2 (2). 2 марта 1941-22 июня 1941. М., 1998. С. 781. *Касатонов И. В.* Триумф Военно-Морского Флота России в XX веке и его закат. Адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов – нарком ВМФ, военноморской министр, главнокомандующий ВМФ СССР середины XX века. М., 2011. С. 56-57.

⁴⁸³ *Краснов В. Н.* Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны. С. 188-189, 196.

⁴⁸⁴ *Васильев А. М., Морин А. Б.* Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». С. 24.

Необходимо было согласовывать планы работы Наркомата ВМФ и Наркомата судостроительной промышленности, который и без того перешел на производство практически одной лишь военной продукции. Как уже говорилось выше, нарком ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов 5 августа 1939 г. представил члену ГВС ВМФ и секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову для Комитета обороны при СНК СССР свои предложения по выполнению 10-летнего плана строительства ВМФ. А именно, нарком ВМФ предложил осуществить судостроительную программу в два этапа: 5-летний план судостроения на 1938-1942 гг. и 5-летняя программа на 1943-1947 гг.⁴⁸⁵

Пятилетний план судостроения (1938-1942 гг.) предусматривал строительство и закладку 8 линкоров, 5 тяжелых крейсеров, 16 легких крейсеров, 16 лидеров, 41 эсминца и других кораблей, сдача большей части из которых переносилась уже на следующую пятилетку. (В дальнейшем, после проработки в Наркомате судостроительной промышленности, было решено снизить количество тяжелых кораблей до 6 линкоров типа «А» и 4 тяжелых крейсеров.) Что касается 5-летней программы на 1943-1947 гг., то она разрабатывалась исключительно Главным морским штабом и Управлением кораблестроения ВМФ, без участия судостроителей. Расчеты показали, что к 1948 г. план может быть полностью выполнен лишь по малым кораблям и подводным лодкам. Из крупных кораблей к этому времени предполагалось введение в строй 10 линкоров, 8 тяжелых крейсеров и 2 малых авианосцев. Официального утверждения со стороны ЦК ВКП(б) и СНК СССР на эти планы так и не последовало⁴⁸⁶.

9 января 1940 г. Комитет обороны при СНК СССР рассмотрел ранее представленный наркомом ВМФ 5-летний план судостроения на 1938-1942 гг. и произвел его корректировку. В соответствии с решением Комитета обороны, был составлен «План строительства кораблей ВМФ на 1940-1942 гг.» и внесены уточнения в план постройки кораблей на третью пятилетку в целом (1938-1942 гг.). План судостроения на 1940-1942 гг. был утвержден наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым 27 июля 1940 г. Таким образом, программа военного судостроения на третью пятилетку была официально оформлена на высшем уровне лишь в середине пятилетки, что нельзя назвать нормальным.

Согласно исправленному плану судостроения на 1938-1942 гг. к 1 января 1943 г. намечалось ввести в строй лишь 210 боевых кораблей основных классов из 320 находившихся в постройке в период третьей пятилетки. Всего по первоначальному 5-летнему плану (1938-1942гг.) предполагалось построить 6 линкоров, 4 тяжелых крейсера, 21

⁴⁸⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 435. Л. 132-155.

⁴⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 435. Л. 132-155. Грибовский В. Ю. Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы 1925-1941 гг. С. 45. Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История

легкий крейсер, 12 лидеров, 86 эсминцев и 201 подлодку. Но реальные сроки готовности большинства тяжелых боевых кораблей не вписывались в рамки пятилетки. Поэтому, согласно постановлению КО при СНК СССР, к 1 января 1943 г. должны были вступить в строй 10 легких крейсеров, 6 лидеров, 62 эсминца и 131 подводная лодка. Сдача всех остальных кораблей – 6 линкоров, 4 тяжелых крейсеров, 11 крейсеров, 6 лидеров, 24 эсминцев и 70 подлодок - переносилась на следующую пятилетку⁴⁸⁷.

Но даже выполнение утвержденного плана не гарантировало создания мощного, «океанского» флота. Представляя согласованный с Комитетом обороны план судостроения в СНК СССР, адмирал Н. Г. Кузнецов докладывал, что к 1943 г. все равно не будет обеспечена *«минимальная потребность морских театров в корабельном составе»*. На основе перспективного плана развития флота, составленного ранее в ГМШ, руководство Наркомата ВМФ совместно с Наркоматом судостроительной промышленности разработало 5-летнюю программу на 1943-1947 гг. Но расчеты показали, что даже к 1 января 1948 г. не следовало ждать полного завершения 10-летнего плана строительства ВМС. К этому времени могло быть построено всего 10 из 15 предложенных к постройке линкоров, 8 из 16 тяжелых крейсеров и т.д. На этот же период была отнесена и постройка двух авианосцев⁴⁸⁸.

Столь резкое увеличение боевого состава Военно-Морского Флота требовало бóльшего количества времени и научно продуманной программы, ориентированной на выполнение создаваемыми военно-морскими силами определенных оперативно-стратегических задач. К сожалению, планирование строительства флота в 1930-х годах носило более чем произвольный характер, находясь в зависимости от личных пристрастий политического руководства СССР. Кроме того, необходимы были и более значительные расходы на судостроение, чем это даже имело место в период 1938-1941 гг. Однако, подобному неумеренному расходованию средств на создание «большого» флота помешала ухудшившаяся политическая ситуация в Европе, и в первую очередь, обострение отношений с Германией.

Впрочем, перед началом Великой Отечественной войны руководство СССР сделало сознательный выбор в пользу всемерного развития сухопутных войск и авиации. В это время были достигнуты большие успехи в танкостроении, что позволило создать немалый задел на будущее. В условиях надвигавшейся войны с Германией, обладавшей сильнейшей

отечественного судостроения. Т. 4. С. 250. *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия российского флота 1914-1941. С. 394-395.

⁴⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 435. Л. 125-127. *Грибовский В. Ю.* Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы 1925-1941 гг. С. 49. *Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И.* История отечественного судостроения. С. 252. *Золотарев В. А., Шломин В. С.* Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. Кн. 1. С. 17.

⁴⁸⁸ *Грибовский В. Ю.* Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы 1925-1941 гг. С. 50.

сухопутной армией в Европе, это было логичным шагом. Именно создание в Советском Союзе накануне войны мощной оборонной промышленности, ориентированной на обеспечение массовой и хорошо оснащенной в техническом плане сухопутной армии и принесло в конечном итоге победу в Великой Отечественной войне.

Последние изменения в кораблестроительную программу были внесены постановлением Комитета обороны при СНК СССР от 19 октября 1940 г. «О плане военного судостроения на 1941 год». В целях форсирования строительства легких надводных сил ВМФ (легкие крейсера, эсминцы, сторожевые корабли) и подводных лодок, Центральный комитет ВКП(б) и Совет народных комиссаров СССР постановили следующее: 1) Новых закладок линкоров и тяжелых крейсеров на судостроительных заводах не производить; 2) Строительство четвертого линкора пр. 23 («Советская Белоруссия») прекратить; 3) Новых закладок лидеров эсминцев не производить; 4) Заложить в 1941-м году еще 4 легких крейсера; 5) Заложить в 1941-м году еще 19 эсминцев; 5) Произвести в 1941-м году закладку 11 сторожевых кораблей; 6) Произвести закладку в 1941-м году 21 подлодку типа «Сталинец», 2 подлодки типа «Щука» и 13 малых подлодок XV-й серии⁴⁸⁹.

По крупным кораблям сроки готовности были отодвинуты: для линкоров «Советский Союз» и «Советская Украина» спуск на воду был назначен на июнь 1943-го года, а для тяжелых крейсеров «Кронштадт» и «Севастополь» – на III-й квартал 1942-го года. 23 октября наркома ВМФ своим приказом № 00263 утвердил данные изменения в судостроительной программе⁴⁹⁰. Данные меры говорят о проявленном руководством страны реализме при решении проблемы строительства ВМФ. А именно, выбор был сделан в пользу постройки менее сложных и дорогих кораблей, которыми можно было бы быстрее оснастить флот в преддверии большой войны.

В целом, в предвоенные годы руководство СССР уделяло более чем пристальное внимание вопросам развития отечественного Военно-Морского Флота. Об этом говорят хотя бы размеры выделенных Правительством финансовых средств на строительство боевых кораблей разных классов и создание соответствующей береговой инфраструктуры. Бюджетные ассигнования на Военно-Морской Флот СССР в период 1938-1940 гг. достигли своего максимального уровня и составили 22,5 млрд. рублей, что в среднем равнялось 5% от

⁴⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 435. Л. 163-175. Грибовский В. Ю. Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы 1925-1941 гг. С. 51. Из истории Великой Отечественной войны: Накануне войны: Из постановлений высших партийных и государственных органов (май 1940 г.-21 июня 1941 г.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 191-193.

⁴⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 435. Л. 163-175. Грибовский В. Ю. Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы 1925-1941 гг. С. 51. Из истории Великой Отечественной войны: Накануне войны: Из постановлений высших партийных и государственных органов (май 1940 г.-21 июня 1941 г.). С. 192.

общего бюджета страны и 19,7% (!) от всего военного бюджета⁴⁹¹. (Никогда в дальнейшей истории Советского Союза ассигнования на Военно-Морской Флот не достигали таких величин: даже в 1980-х гг. расходы на ВМФ составляли не более 14-15% от общих военных расходов⁴⁹².)

Причем, увеличение бюджетных ассигнований на флот носило прогрессирующий характер: если в 1938 г. расходы на ВМФ составили 4,5 млрд. рублей, то в 1939 г. – уже 7,5 млрд. рублей, в 1940 г. – 10,3 млрд. рублей и в 1941 г. – 12,7 млрд. рублей. Причем, расходы на судостроение, вооружение и боевую технику занимали в общей графе расходов наибольшую долю: в 1938 г. – 2,6 млрд. рублей (57%), в 1939 г. – 4,5 млрд. рублей (60%), в 1940 г. – 5,9 млрд. рублей (57%) и в 1941 г. – 7,3 млрд. рублей (57%)⁴⁹³. Вообще же, в период с 1938 по 1941 гг. общие ассигнования на ВМФ выросли в 2,8 раз, сметные расходы на флот – в 3,5 раза, план заказов на судостроение – в 2,7 раз⁴⁹⁴.

Наиболее стремительно возрастали в 1930-х годах расходы на надводное кораблестроение, которое в первой половине 1930-х гг. финансировалось в основном в 2 раза меньше подводного. В переломном 1935-м году ассигнования на строительство подводных лодок составили всего 231,9 млн. рублей, а на строительство надводных кораблей – уже 176,8 млн. рублей, после чего картина сильно изменилась. В 1936 году объем работ по постройке надводных кораблей увеличился в 2,5 раза против такого же объема в 1935 году. В 1939 году расходы на надводное кораблестроение составили 779,2 млн. рублей против 211,5 млн. на подводные лодки⁴⁹⁵, т.е. превысили их в 3,5 раза. И наконец, в 1940-м году был поставлен своеобразный рекорд: на постройку надводных кораблей было выделено 1 млрд. 608,7 млн. рублей, в то время как на строительство субмарин было отпущено всего 350,9 млн. рублей (в 4,5 раза меньше)⁴⁹⁶.

Но по причине нереальных, завышенных требований к возможностям судостроительной промышленности и неготовности отечественной производственной базы к столь массовой постройке крупных боевых кораблей, ежегодные планы судостроения систематически не выполнялись⁴⁹⁷. Соответственно, выделенные бюджетные средства по плану заказов на судостроение, вооружение и технику осваивались не полностью. Так, в 1938

⁴⁹¹ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914-1941. С. 409, 737. Тыл флота: История развития. Отв. ред. И. Г. Махонин. М., 1992. С. 181-182.

⁴⁹² Кузин В. П., Никольский В. И. Указ. соч. С. 22.

⁴⁹³ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914-1941. С. 739. Тыл флота: История развития. С. 181.

⁴⁹⁴ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914-1941. С. 409-410, 739-740.

⁴⁹⁵ Соколов А. К. Указ. соч. С. 346. Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок 1941-1945. С. 11.

Платонов А. В., Лурье В. М. Командиры советских подводных лодок 1941-1945 гг. СПб., 1999. С. 6.

⁴⁹⁶ Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок 1941-1945. С. 11. Платонов А. В., Лурье В. М. Командиры советских подводных лодок 1941-1945 гг. С. 6.

году было освоено лишь 1,8 млрд. рублей (т.е. 69% от выделенных средств), в 1939 году – 3,5 млрд. рублей (79%), в 1940 году – 5,2 млрд. рублей (89%)⁴⁹⁸. Ход строительства боевых кораблей и вспомогательных судов протекал неровно, с постоянными срывами по срокам окончания работ, имело место большое количество брака в изготовлении агрегатов и деталей.

Несмотря на все титанические усилия, предпринятые советской судостроительной промышленностью, первоначальная программа строительства «большого» флота 1936 г. (как и все её последующие варианты 1937-1940 годов) к началу Великой Отечественной войны оказалась невыполненной. В первую очередь, это касалось строительства крупных и средних надводных боевых кораблей. В период с 1935 по 1941 годы промышленность сдала Военно-Морскому Флоту СССР в общей сложности 118 надводных кораблей, в том числе 4 легких крейсера проектов 26 и 26-бис (из 20 запланированных), 6 лидеров⁴⁹⁹ проектов 1 и 38 (из 17 запланированных) и 30 эсминцев проектов 7 и 7У (из 128 запланированных). В процессе постройки к началу войны находились 3 новейших линкора типа «Советский Союз»⁵⁰⁰ (проект 23), 2 тяжелых крейсера типа «Кронштадт» (проект 69), 2 легких крейсера типа «Максим Горький» (проект 26-бис), 7 легких крейсеров типа «Свердлов» (проект 68), 2 лидера типа «Киев» (проект 48), 7 эсминцев проекта 7, 9 эсминцев проекта 7У, 1 эсминец проекта 45 и 30 эсминцев проекта 30⁵⁰¹. За исключением крейсеров проекта 26-бис и эсминцев проектов 7 и 7У, остальные корабли так и не были достроены в ходе Великой Отечественной войны. Часть из них была разобрана на металл, а другая часть – достроена лишь после окончания войны.

Чтобы наглядно проиллюстрировать достижения советского судостроения в предвоенные годы, рассмотрим боевой состав Военно-Морского Флота СССР на начало 1938-го года, т.е. перед принятием «большой программы» строительства флота, и перед началом Великой Отечественной войны. Тем самым, можно увидеть реальное увеличение сил флота за те 3,5 года, когда бюджетные ассигнования на создание ВМФ достигли своего

⁴⁹⁷ Платонов А. В. Доктрины ведущих военно-морских держав перед Второй Мировой войной // Цитадель. 2000. № 1(9). С. 60.

⁴⁹⁸ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914-1941. С. 739.

⁴⁹⁹ Еще один лидер («Ташкент») был построен по проекту 40 в Италии (Ливорно) на верфи «Odero-Terni-Orlando» по заказу СССР в 1937-1939 гг.

⁵⁰⁰ Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 октября 1940 г. было решено отказаться от постройки четвертого линкора проекта 23 («Советская Белоруссия»). - См.: Из истории Великой Отечественной войны: Накануне войны: Из постановлений высших партийных и государственных органов (май 1940 г. - 21 июня 1941 г.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 192. 1941 год: В 2-х кн. Кн. 1. Сост. Л. Е. Решин и др. Под ред. В. П. Наумова. М., 1998. С. 314-315.

⁵⁰¹ Боевой путь Советского Военно-морского флота. М., 1967. С. 167. Грибовский В. Ю. Отечественный флот на «крутых поворотах» истории (по опыту XX столетия). С. 4-5. Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 245. Морин А. Б. Эскадренные миноносцы типа «Гневный». С. 25-28. Усов В. Ю. Крейсер «Максим Горький». СПб., 1993. С. 30-31. Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. СПб., 2002. С. 11-15.

максимума. Соответственно, станет ясным, насколько эффективной оказалась политика высшего партийного и военного руководства СССР в плане создания современного, «океанского» флота.

Фактический состав ВМФ СССР на 1938 и 1941 гг.⁵⁰²

Классы кораблей	На 1.01.1938 г.	На 22.06.1941 г.
Линкоры типа «А»	-	-
Линкоры типа «Марат»	3	3
Авианосцы	-	-
Тяжелые крейсера	-	-
Легкие крейсера новые (пр. 68)	-	-
Легкие крейсера типа «Киров»	-	4
Старые крейсера	3	3
Лидеры	1	7
Эсминцы	17	44
Большие подлодки	10	15
Подводные минные заградители	10	21
Средние подлодки	78	90
Малые подлодки	52	85

Как можно видеть из вышеприведенной таблицы, по всем крупным боевым кораблям (авианосцы, линкоры, тяжелые крейсера, легкие крейсера) программа оказалась невыполненной. По легким крейсерам прогресс носил совсем незначительный характер, учитывая тот момент, что все построенные 4 крейсера были равномерно распределены между двумя флотами (Краснознаменным Балтийским и Черноморским). По лидерам и эсминцам, на первый взгляд, может показаться, что были достигнуты некоторые успехи. Но при ближайшем рассмотрении вновь оказывается, что построенные корабли были «размазаны» по всем четырем флотам (Северному, Балтийскому, Черноморскому и Тихоокеанскому). Так что серьезного превосходства над противником по этим классам боевых кораблей на большинстве морских театров (и, прежде всего, на Балтике и Севере) достигнуть так и не удалось. Что же касается подводных лодок, то здесь наибольший прогресс наблюдался в отношении постройки малых подлодок - кстати, самых слабых и неэффективных субмарин отечественного флота. По большим и средним подлодкам успехи были уже не так велики. В общем, создать полноценный сбалансированный ВМФ, укомплектованный современными боевыми кораблями всех классов, так и не получилось.

⁵⁰² Грибовский В. Ю. Рабоче-крестьянский Военно-Морской Флот в предвоенные годы 1936-1941. С. 18.

В итоге, как совершенно справедливо пишет В. Ю. Грибовский, отечественный «флот периода 1941-1945 гг. оказался сравнительно слабее, чем флот 1916-1917 гг.»⁵⁰³. И далее он отмечает, в чем же заключалась слабость имевшегося к началу Великой Отечественной войны Советского ВМФ: «В частности, в составе РККФ в годы войны не было авианосцев, современных линкоров и тяжелых крейсеров, десантных кораблей, полноценных противолодочных сил и т.п. Это обстоятельство не только вызывало большие потери в людях и технике, но и отрицательно сказалось на общем ходе войны, во внешней политике и, отчасти, на роли СССР в послевоенном мире»⁵⁰⁴.

Таким образом, по вине высшего политического и военного руководства Советского Союза, настаивавшего на форсированном строительстве мощного «океанского» флота и опиравшегося не столько на научные, обоснованные расчеты, сколько на собственные волюнтаристские, непродуманные решения, был допущен капитальный просчет в деле определения реальных возможностей отечественной судостроительной промышленности, которая активно модернизировалась и обновлялась накануне Великой Отечественной войны. Опытных кадров судостроителей хронически не хватало, опыта в создании современных крупных боевых кораблей еще не имелось. Поэтому крупные надводные корабли строились крайне медленными темпами, превращаясь в долгострой. Но даже после того, как боевые корабли передавались флоту, они еще долгое время продолжали оставаться не в полной мере боеготовыми, из-за недостаточной отработки механизмов и вооружения. Поэтому, несмотря на огромные ассигнования, выделенные ВМФ в конце 1930-х – начале 1940-х годов, руководству ВМФ так и не удалось создать полноценный современный флот перед войной.

§ 2. Военное судостроение в Ленинграде в середине 1930-х-начале 1941 гг.

Судостроительная база Ленинграда в конце 1920-х гг. – начале 1930-х гг. была весьма мощной и имела большой опыт в строительстве боевых кораблей практически всех классов. Важно подчеркнуть, что удельный вес предприятий Ленинграда во всем морском судостроении СССР составлял 48%, а по станочному оборудованию – около 50%. Причем, если в плане судостроения на 1932-й год доля военных заказов составляла 47%, то в 1933 г. она достигла 60,5%, а в 1934 г. составила уже 85,3%. Тем более это важно, если учесть, что абсолютный рост производства составил в 1934-м году 137% по сравнению с 1933-м годом⁵⁰⁵. В первом полугодии 1934 г. ленинградская судостроительная промышленность производила 55,6% продукции всего морского судостроения страны. Объем данного

⁵⁰³ Грибовский В. Ю. Отечественный флот на «крутых поворотах» истории (по опыту XX столетия). С. 4.

⁵⁰⁴ Там же. С. 4.

производства на 37% превысил соответствующие показатели 1932-го года. В судостроительной промышленности Ленинграда работало 32 тыс. 400 человек⁵⁰⁶.

Поскольку большая часть станочного оборудования на заводах была установлена еще до революции и нуждалась в обновлении, они нуждались в модернизации. Поэтому в 1930 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли специальное постановление о реконструкции судостроительных заводов на новой технической основе. Наибольшая роль при этом была отведена предприятиям Ленинграда. На основе постановления СНК СССР от 14 апреля 1931 г. и в соответствии с перспективным планом развития судостроения, был составлен комплексный план реконструкции заводов судостроительной промышленности. Для его осуществления правительством было ассигновано 200 млн. рублей, из которых 53% средств предназначалось на модернизацию северной группы заводов (ленинградских)⁵⁰⁷.

Лишь в 1934-м году на реконструкцию ленинградских судостроительных заводов было отпущено 13,5 млн. рублей, а в целом на развитие судостроения в Советском Союзе было освоено 31 млн. рублей. За счет выделенных ассигнований в Ленинграде было проведено строительство сталелитейного цеха на Балтийском судостроительном заводе, строительство турбинного цеха на Северной судостроительной верфи, реконструкция завода «Судомех», достройка башенного цеха на судостроительном заводе имени А. Марти⁵⁰⁸.

Всего в 1930-х годах в Ленинграде действовали семь судостроительных предприятий: Балтийский завод им. С. Орджоникидзе (с 1937 г. – Балтийский судостроительный завод № 189 имени С. Орджоникидзе), завод им. А. А. Жданова (с 1937 г. – судостроительный завод № 190 имени А. А. Жданова), завод им. А. Марти (с 1937 г. – судостроительный завод № 194 имени А. Марти), завод «Судомех» (с 1937 г. – судостроительный завод № 196 «Судомех»), Усть-Ижорская судостроительная верфь (с 1937 г. – судостроительный завод № 363), «Петрозавод» (с 1937 г. – судостроительный завод № 370 «Петрозавод») и Катерный завод № 5 им. Каракозова⁵⁰⁹. Они составляли самую мощную в Советском Союзе, т.н. северную (или ленинградскую) группу судостроительных заводов. На этих предприятиях строились боевые корабли всех основных классов – линкоры, крейсера, лидеры, эсминцы, сторожевые корабли, тральщики, торпедные и сторожевые катера, подводные лодки и прочие суда.

⁵⁰⁵ Щерба А. Н. Военная промышленность Ленинграда в 20-30-е годы. СПб., 1999. С. 91.

⁵⁰⁶ Там же. С. 92.

⁵⁰⁷ Соколов А. К. Указ. соч. С. 343. Быстров Е. Ф. Деятельность КПСС по подготовке кадров рабочих и инженерно-технических работников в годы довоенных пятилеток (по опыту судостроительной промышленности). М., 1981. С. 17-18.

⁵⁰⁸ Щерба А. Н. Военная промышленность Ленинграда в 20-30-е годы. С. 93. Щерба А. Н. Военная индустрия Санкт-Петербурга – Ленинграда в 1900-1940 годы. М.-СПб., 2012. С. 231.

⁵⁰⁹ Бережной С. С. Крейсера и миноносцы: Справочник. М., 2002. С. 9-10. Кутузов В. А. «Успешно справилась с возложенными на неё задачами»: рассекреченные документы о работе судостроительной промышленности блокадного Ленинграда // Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы международной научной конференции 16-19 октября 1997 года. СПб., 1997. С. 96.

Однако, помимо судостроительных предприятий, в ведении Наркомата судостроительной промышленности в Ленинграде находилось ещё семь заводов, непосредственно занимавшихся производством вооружения и технического оборудования для нужд ВМФ – три приборных завода, торпедный, опытный торпедный, завод торпедных аппаратов и компрессоров, а также арматурный⁵¹⁰.

Впрочем, Ленинград являлся не только крупнейшим судостроительным центром, но также и главным научно-исследовательским и научно-техническим центром военно-морского судостроения. Здесь находились основные центральные конструкторские бюро по специальному (военному) судостроению – ЦКБС-1 (с 1937 г. – ЦКБ-17), ЦКБС-2 (с 1938 г. – ЦКБ-18), ЦКБС-3 (ЦКБ-19), каждое из которых имело свою специализацию. В частности, ЦКБС-1 занималось созданием надводных кораблей, ЦКБС-2 – подводных лодок, ЦКБС-3 – вооружения⁵¹¹. Также в городе размещались основные проектные организации Наркомата судостроительной промышленности – «Проектверфь» (занималась проектированием заводов) и «Судопроект» (проектирование судов).

В Ленинграде также находились основные научно-исследовательские заведения, связанные с Военно-Морским Флотом. Еще с 1920 г. в Петрограде действовало Особое Техническое Бюро (Остехбюро), занимавшееся разработкой различных видов вооружения, в том числе и морского (мины, торпеды). Однако, слабая производственная и экспериментальная база Остехбюро делала его работу малоэффективной. Поэтому в 1932 г. приказом наркома по военным и морским делам К. Е. Ворошилова были созданы пять научно-исследовательских морских институтов, которые располагались в Ленинграде и специально занимались вопросами разработки военно-морского кораблестроения и вооружения: институт военного кораблестроения (НИИВК, впоследствии – ЦНИИ-45), артиллерийский (АНИМИ), минно-торпедный (НИМТИ), связи (НИМИС) и химический (НИМХИ)⁵¹².

В период с конца 1920-х до начала 1941 г. судостроительные заводы Ленинграда построили для РККФ большое количество боевых кораблей, которые зачастую не уступали аналогичным кораблям иностранных держав, а по некоторым тактико-техническим характеристикам превосходили их. В целом, за период с 1927 по 1941 гг. ленинградские судостроительные заводу передали флоту 3 легких крейсера (из них 2 новых), 2 лидера, 27 эскадренных миноносцев (в том числе 3 типа «Новик»), 17 сторожевых кораблей, 23

⁵¹⁰ Кутузов В. А. Указ. соч. С. 96.

⁵¹¹ Щерба А. Н. Военная промышленность Ленинграда в 20-30-е годы. С. 92. Грибовский В. Ю. Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы 1925-1941 гг. С. 61-62.

⁵¹² Красавкин В. К., Смуглин Ф. С. Здесь град Петра и флот навеки слиты. История морских частей в городе на Неве (1703-2003). Историко-документальный очерк. СПб., 2004. С. 252. Кикнадзе В. Г. Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века. М., 2011. С. 155.

быстроходных тральщика, более 320 торпедных и свыше 200 сторожевых катеров, а также около 100 подводных лодок⁵¹³.

Однако, наряду с крупными достижениями, в работе ленинградской судостроительной промышленности имелось немало и серьезных недостатков, которые приводили к систематическому срыву сроков сдачи заводами различного оборудования для строящихся кораблей, что в свою очередь приводило к несвоевременной передаче их Военно-Морскому Флоту. И здесь надо учитывать, что судостроительная промышленность Ленинграда, как и промышленность СССР в целом, испытывала целый ряд серьезных проблем, объяснявшихся объективными обстоятельствами. В конце 1920-х – начале 1930-х годов Советский Союз совершил грандиозный рывок в деле создания современной индустрии, что сделало его одной из крупнейших промышленных держав мира. Но наряду с огромными успехами в деле строительства новых и реконструкции старых заводов и выпуска новой продукции, в деятельности предприятий наблюдался ряд отрицательных моментов.

Во-первых, нельзя забывать, что отечественная инженерно-конструкторская школа в значительной мере пострадала в период Гражданской войны в России в 1917-1920 гг., и тем самым процесс преемственности в передаче опыта новым поколениям инженерных кадров был нарушен. В конструкторские бюро в 1920-1930-е годы пришли молодые специалисты, ещё не обладавшие опытом создания боевых кораблей. Кроме того, в период первых пятилеток отечественная промышленность испытывала острый недостаток квалифицированных рабочих ввиду большой текучести кадров⁵¹⁴ и была вынуждена зачастую обходиться неквалифицированной рабочей силой. Всё это приводило к плохому планированию, частым ошибкам в проектировании боевых кораблей, неритмичности и нарушению технологии производства, а также большому количеству заводского брака (в 1933-35 годах он достигал 7-8% валовой военной продукции⁵¹⁵), что неизбежно тормозило процесс строительства кораблей.

14 мая 1940 г. заведующий отделом судостроительной промышленности Ленинградского горкома ВКП(б) А. Новиков направил секретарям Ленинградского горкома партии А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину, А. Д. Вербицкому и А. И. Маханову докладную записку «О ходе выполнения производственной программы по судостроению на ленинградских судостроительных заводах», где выразил сильное беспокойство темпами выполнения заказов на судостроительных предприятиях Ленинграда.

⁵¹³ Пашин В. М., Васильев А. М. Вклад петербургских корабелов в развитие и становление Российского флота // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 1. С. 36-37.

⁵¹⁴ Лосик А. В., Мезенцев А. Ф., Щерба А. Н. У истоков российского военно-промышленного комплекса. Военная промышленность Ленинграда в 20-30-ые годы и перспективы её развития в конце XX века. СПб., 1998. С. 18-19, 21.

⁵¹⁵ Соколов А. К. Указ. соч. С. 298.

В записке говорилось, что в I-м квартале 1940 г. ленинградские судостроительные заводы не выполнили плановых заданий, в результате чего *«вся сдаточная программа кораблей 1940 года и вновь строящихся объектов, особенно головных кораблей новых классов, находится под угрозой срыва, из-за невыполнения договорных обязательств заводов-контрагентов, а также недостаточной организации производства на самих судостроительных заводах»*⁵¹⁶.

Отрицательными моментами, которые сильно сказывались на несвоевременной сдаче кораблей промышленностью, являлись недопустимо длительные сроки согласования и решения вопросов в центре между Наркоматами судостроения (НКСП) и Военно-Морского Флота (НКВМФ), продолжение постройки кораблей без учета недостатков, обнаруженных во время эксплуатации в боевых условиях, бесконечные споры об ответственности за обнаруженные дефекты и поломки в период гарантийного срока и др. Для решения оперативных вопросов, возникавших между руководителями заводов и аппаратом приемки НКВМФ, создавались многочисленные комиссии, которые стремились переложить ответственность в решении ряда вопросов друг на друга⁵¹⁷.

В работе судостроительных заводов Ленинграда имелось множество недостатков, которые серьезно сказывались на процессе постройки кораблей для нужд ВМФ. Это, прежде всего, и плохая организация производства и планирования, слабое внедрение стандартизации, штамповки и сварки при строительстве боевых кораблей, недостаточные работы по изысканиям и внедрению заменителей цветных металлов. Несвоевременно выпускались рабочие чертежи и неудовлетворительного качества, что вызывало многочисленные переделки, отражавшиеся на планомерном развертывании работ по графикам постройки кораблей. Например, из-за ошибок, допущенных конструкторскими бюро, неправильно были установлены носовые горизонтальные рули на подводных лодках типа «Щука» V-бис 2 серии «Треска» и «Пикша». На подводных лодках типа «Правда» IV серии было неправильно сконструировано торпедопогрузочное устройство, что потребовало серьезных переделок уже по ходу работ⁵¹⁸. А при постройке первой серии торпедных катеров типа «Г-5» по чертежам ЦАГИ со стороны завода им. Марти имели место неоднократные нарекания о том, что в ряде случаев чертежи ЦАГИ не являлись рабочими, а только лишь конструктивными, были разработаны неполно (отсутствует ряд рабочих чертежей), не учтен производственный опыт завода Марти и так далее⁵¹⁹.

Зачастую отсутствовала увязка в сроках работы обрабатывающих и сборочных цехов. Слабым местом в работе ленинградских заводов являлось плохое оснащение инструментом

⁵¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 651. Л. 2.

⁵¹⁷ Там же. Л. 3, 5.

⁵¹⁸ Хохлов Е. В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб., 2005. С. 85.

⁵¹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-441. Оп. 14. Д. 71. Л. 34.

механических цехов, что приводило к многочисленным простоям в работе. По всем заводам судостроительной промышленности СССР в 1938 году простои вылились в огромную сумму – 4 млн. 205 тыс. человеко-часов⁵²⁰. И ленинградские заводы в этом отношении находились на первых местах. Из-за плохой организации производства и планирования на заводе № 190 в течение 1939-го года простой оборудования выразился в 316,2 тыс. станко-часов, а на заводе № 194 за этот же год простой оборудования составил 676,5 тыс. станко-часов⁵²¹. Не лучше ситуация была и в дальнейшем: за 11 месяцев 1940 года простои на заводе № 189 составили 315 тыс. станко-часов и 465 тыс. человеко-часов. Убытки завода за I квартал 1941 г. составили более 8,6 млн. рублей⁵²².

Очень вредила работе судостроительных предприятий в 1930-х годах порочная практика исчислять выполнение годового плана не по количеству выпускаемой продукции (кораблям), а по количеству человеко-дней, израсходованных на строительство кораблей. При этом на заводах нарушалась также комплектность производства деталей. Ситуация на заводах усугублялась одновременной постройкой большого количества кораблей, что способствовало распылению рабочей силы и отсутствию концентрации усилий на каком-то одном объекте. Данный способ отчетности был очень удобен судостроителям, поскольку он позволял формально не только выполнять план, но даже и перевыполнять его, хотя по конкретным боевым кораблям он оказывался фактически сорванным. А это в свою очередь приводило к большому количеству незавершенных строительством кораблей.

Например, на судостроительном заводе им. Жданова на 1 января 1936 г. имелись затраты по незавершенному производству в сумме 25 млн. 793 тыс. рублей⁵²³. Ситуация на самом заводе характеризовалась следующим образом: «... В итоге: металл истрачен, какая-то продукция произведена, план выполнен (!), продукция лежит не использованной долгое время, комплектность производства деталей нарушена и, конечно, план строительства конкретного корабля сорван...»⁵²⁴. Но при этом на заводе им. Жданова велась постройка сразу 50(!) боевых кораблей. Однако, никакой очередности, приоритетов в строительстве кораблей руководством завода установлено не было. Причиной создавшегося положения, по мнению проверяющего завод уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Ленинградской области Р. Г. Рубенова, заключалась в «исключительно скверном планировании»⁵²⁵. Данная вопиющая ситуация даже вынудила его обратиться к секретарю

⁵²⁰ Быстрова И. В. Указ. соч. С. 182.

⁵²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 651. Л. 4.

⁵²² Зефиоров М. В., Дёгтев Д. М., Баженов Н. Н. Цель – корабли. Противостояние Люфтваффе и советского Балтийского флота. М., 2008. С. 9, 10.

⁵²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 1421. Л. 20-22.

⁵²⁴ Там же. Л. 22.

⁵²⁵ Там же. Л. 20, 21.

ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, председателю КПК при ЦК ВКП(б) Н. Е. Ежову и первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданову с докладом, где он просил ввести отчетность по готовой продукции, изготавливаемой для конкретно строящихся на заводе кораблей, запретить некомплектное производство и выпуск продукции, не предусмотренной планом завода, установить очередность в строительстве кораблей, а также наладить работу технического отдела и конструкторского бюро⁵²⁶.

Сильно вредило работе судостроительных заводов такое явление, когда заводы-поставщики систематически нарушали свои обязательства перед судостроителями и не поставляли в срок необходимое оборудование. В феврале 1934 г. на заводе им. Марти в разной стадии заготовки и постройки находилось свыше 50 катеров, из которых 26 имели корпуса в почти полной готовности, но дальнейшее строительство задерживалось главным образом из-за отсутствия моторов. Такое положение дел являлось следствием полного срыва плана подачи моторов «М-34» и «ГМ-34» Глававипромом (завод № 24). Последний должен был по установленному Правительством плану подать заводу им. Марти до 1 января 1934 г. 60 моторов, за январь месяц - еще 60 моторов, а всего к 1 февраля 1934 г. - 120 моторов. Фактически же завод № 24 к данному сроку сдал только 6 (!) моторов (в последних числах января). Кроме того, имелись законченные сборкой (за исключением некоторых деталей) ещё свыше 70 моторов, однако сдача их задерживалась из-за того, что завод не освоил изготовления выхлопных коллекторов⁵²⁷.

Или, например, Ленинградский металлический завод (ЛМЗ) им. Сталина имел утвержденный правительством срок изготовления чертежей 100-мм двухорудийной зенитной орудийной башни «МЗ-14» для проекта 23 (линкор «Советский Союз») на май 1939 г., но даже к маю уже следующего, 1940-го года они так и не были изготовлены. На этом же заводе для того же проекта 23 к июню 1939 г. должны были разработать чертежи новейшей 406-мм трехорудийной башни «МК-1», но даже к лету 1940 г. данная работа так и не была выполнена⁵²⁸. Завод «Большевик» (бывший Обуховский сталелитейный и орудийный) должен был завершить работу по проектированию командно-дальномерных постов (КДП) для новых кораблей в октябре 1938 г., а фактически закончил проектирование в апреле 1940 года, с опозданием на 18 (!) месяцев. Завод № 232 должен был изготовить 152-мм артиллерийскую систему «Б-38» в сентябре 1939 г., а фактически она была сдана в апреле 1940 г., с опозданием на 8 месяцев⁵²⁹. Артиллерийские снаряды 406-мм и 152-мм калибра для новейшего линейного корабля «Советский Союз» были спроектированы еще в 1937-м году,

⁵²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 1421. Л. 23-24.

⁵²⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-441. Оп. 14. Д. 71. Л. 21-22.

⁵²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 641. Л. 33.

⁵²⁹ Там же. Л. 32, 37.

но вплоть до лета 1940 г. так и не были изготовлены в виде опытных образцов и не испытаны⁵³⁰.

Большие проблемы возникли с поставкой корабельной брони для легкого крейсера «Киров», строящегося на Балтийском заводе. Поставщик брони – Мариупольский завод – должен был к 1 октября 1936 г. поставить Балтийскому заводу 345 тонн, но фактически отгрузил заводу в указанный срок лишь 286 тонн брони. Причем, броневые плиты стали поступать только в сентябре 1936 г. Одной из причин срыва поставок бронеплит было то обстоятельство, что Мариупольский завод с 1917 по 1935 годы вообще не производил корабельной брони, потерял опыт данной работы, растерял соответствующие кадры, и поэтому производство брони фактически стало для него новой задачей. В то же время, организация работ на заводе страдала большим количеством недостатков – колоссальный объем брака, большое количество простоев, невыполненный ремонт печей и прокатного стана. В итоге, сдача флоту крейсера «Киров», намеченная на конец 1937-го года, была перенесена на следующий год⁵³¹.

Машиностроительный завод им. Ленина должен был по договору поставить судостроительному заводу «Петрозавод» на строящиеся головные тральщики проекта 59 две турбины в марте 1940 г., однако по заявлению руководства завода им. Ленина, данные турбины могли быть ими выпущены лишь в июле месяце, что поставило под угрозу срыва сроки постройки тральщиков⁵³². Всё тот же завод им. Ленина должен был поставить на Балтийский судостроительный завод № 189, на строящийся там линкор проекта 23 «Советский Союз», турбодинамо еще в декабре 1939 г., однако она так и не поступила в указанный срок на Балтийский завод. Более того, согласно заключенному договору, для этого же линкора в июне и в августе 1940 г. должны были поступить еще 4 турбодинамо, но по заявлению руководства им. Ленина, данные турбодинамо могли быть поставлены не ранее IV-го квартала 1940 г.(!). А это в свою очередь привело к срыву правительственных графиков постройки линейного корабля⁵³³. Такая же картина наблюдалась и в отношении поставок минно-трального вооружения для ВМФ: за первые четыре месяца 1940 г. завод им. Ленина был обязан выпустить и поставить флоту 220 мин разных образцов, а реально изготовил за это время лишь 60 мин⁵³⁴.

⁵³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 641. Л. 37.

⁵³¹ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963. Т. 3: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1937). Часть 2 (1933-1937). М., 2011. С. 567. Соколов А. К. Указ. соч. С.347.

⁵³² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 651. Л. 69.

⁵³³ Там же. Л. 69-70.

⁵³⁴ Там же. Л. 70.

Неудивительно, что при такой неритмичной работе заводов-контрагентов выполнение заданий правительства по строительству большинства новых боевых кораблей постоянно оказывалось сорванным. В справке, составленной Отделом судостроительной промышленности Ленинградского горкома ВКП (б), было указано, что судостроительные заводы г. Ленинграда в период с 1 января до 1 октября 1940 г. должны были сдать флоту 35 боевых кораблей и вспомогательных судов, а реально сдали лишь 14 (т.е. менее половины). А именно, не были сданы: 1 крейсер (100% плана), 10 эсминцев (100%), 1 подлодка XIV серии (2 сданы) (30%), 1 тральщик (75%), 1 ледокол (100%), 2 баржи (4 сданы) - (65%) и др.⁵³⁵

Хуже всего обстояли дела со сдачей кораблей на судостроительных заводах № 189 (Балтийском) и 190 (завод им. А. А. Жданова), которые занимались постройкой крупных боевых кораблей. Например, на заводе № 190 им. А. А. Жданова правительственным графиком была предусмотрена сдача 7 эскадренных миноносцев в течение первых 8 месяцев 1940-го года (эсминцев проекта 7У «Сторожевой» и «Сильный» – в июне, эсминца проекта 7У «Стойкий» и модернизация и капремонт эсминца типа «новик» «Яков Свердлов» – в июле и эсминцев проекта 7У «Страшный», «Смелый» и эсминца проекта 45 «Серго Орджоникидзе» – в августе), однако до 2 сентября 1940 г. ни один (!) из указанных эсминцев так и не был сдан Военно-Морскому Флоту. План оказался полностью невыполненным. Аналогичная картина наблюдалась и на заводе № 189: легкий крейсер «Максим Горький» и модернизация подлодки «Д-3» должны были быть завершены в мае 1940 года, эсминцы «Лихой» и «Летучий» – в июле и августе этого же года. Но ни один из этих кораблей так и не был построен. Таким образом, только заводами № 189 и 190 за 8 месяцев 1940 г. была сорвана сдача сразу 11 боевых кораблей. Причем, отдельно в записке, составленной заводделом судостроительной промышленности Новиковым, было особо отмечено, что *«правительственные сроки сдачи кораблей на этих заводах систематически срываются из года в год»*⁵³⁶.

Подводя итоги работы ленинградских судостроительных заводов на I квартал 1940 г., председатель Постоянной приемной комиссии при наркомате ВМФ капитан 1-го ранга М. М. Долинин пришел к неутешительным выводам. Практически по всем строящимся боевым кораблям имело место хроническое невыполнение планов. Наиболее ответственным объектом военного судостроения был новейший линейный корабль «Советский Союз», строившийся по проекту 23 на судостроительном заводе № 189 им. С. Орджоникидзе. План

⁵³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26 Д. 652. Л. 131-132.

⁵³⁶ Там же. Д. 652. Л. 52-53.

1939-го года по линкору был задан 8,16% общей технической готовности корабля, а работ было выполнено только 5,92%, то есть план был выполнен заводом лишь на 73%.

Основными причинами этого положения были названы: неподача рабочих чертежей, полный срыв контрагентских поставок, некомплектная поставка металла с металлургических баз, недостаточное количество корпусных рабочих. Нельзя забывать, что в поставках оборудования и материалов для нового линкора участвовало 1203 завода, которые в свою очередь, имели большое количество субконтрагентов. Так, Ижорский завод вместо намеченных 2619 тонн корабельной брони поставил только 1178 тонн. Были затянуты сроки поставок артиллерии от Ленинградского металлического завода им. Сталина, а также главных турбин и вспомогательных механизмов от Харьковского металлургического завода им. Сталина. В I квартале 1940 г. завод № 189 произвел лишь 29% работ на линкоре, ввиду особых условий работы промышленности Ленинграда в период войны с Финляндией (короткий световой день, перебои в подаче электроэнергии). Даже к концу апреля 1940 г. еще не был исполнен план 1939-го года⁵³⁷.

Постройка новейшего линейного корабля также тормозилась ввиду возникшей диспропорции между программами военного кораблестроения и создания вооружения для кораблей, о чем сообщал нарком судостроительной промышленности И. Ф. Тевосян в письме заместителю председателя Комитета обороны при СНК СССР Н. А. Вознесенскому в январе 1940-го года. А именно, почти на год задерживалась поставка 3-х орудийных 406-мм артиллерийских установок «МК-1» и 2-х орудийных 100-мм зенитных артустановок «МЗ-14» для строившегося линкора. Командно-дальномерные посты были сданы с опозданием на 18 месяцев (!)⁵³⁸.

Правда, в своем докладе заместителю наркома ВМФ флагману флота 2 ранга И. С. Исакову, начальнику Управления кораблестроения ВМФ инженеру-флагману 3 ранга А. А. Жукову и второму секретарю ЛГК ВКП(б) А. А. Кузнецову председатель Постоянной приемной комиссии ВМФ капитан 1-го ранга М. М. Долинин поделился сомнениями относительно реальности планов строительства: «... Опыт работы 1939 г., с подобным планированием, когда большая часть годового задания отодвигается на последние месяцы года, показывают, что из-за недокомплекта рабочей силы завода, такое планирование является нереальным, между тем, такое же планирование положено в основу и 1940 года»⁵³⁹.

⁵³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 715. Л. 1-3. РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 615. Л. 214-215. Краснов В. Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. С. 55-56.

⁵³⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 614. Л. 20-24. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 641. Л. 32-33.

⁵³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 715. Л. 3.

В 1940-м году ситуация со строительством линкора «Советский Союз» кардинально не улучшилась, и продвижение технической готовности за год составило 19,44% вместо 28,9% по плану. Особенно плохо обстояло дело с контрагентскими поставками, составившими всего лишь 7,5% вместо плановых 23%(!). Учитывая полученный горький опыт, правительственным графиком на 1941-й год было запланировано продвижение технической готовности только на 5%⁵⁴⁰. В результате постоянных срывов поставок оборудования и нехватки рабочей силы, общая техническая готовность линкора «Советский Союз» к началу Великой Отечественной войны составляла 21,19%. Причем, если по собственным работам завода-строителя линкор имел готовность 30,72%, то по контрагентским поставкам и работам - всего лишь 6,32%. С началом Великой Отечественной войны, все строительные работы по линейному кораблю «Советский Союз» были прекращены ввиду нецелесообразности⁵⁴¹.

Докладывая о ходе строительства тяжелого крейсера «Кронштадт» проекта 69 на судостроительном заводе № 194 им. А. Марти, председатель Постоянной приемной комиссии при наркомате ВМФ М. М. Долинин отметил, что за 1939-й год работы по крейсеру были выполнены только на 23%. В 1940-м году темпы строительства также оставляли желать лучшего: на I квартал было запланировано 1,55% технической готовности корабля, а сделано лишь 0,43%, т.е. 28% заданного плана. Выполнение плана II квартала тоже продвигалось медленными темпами, и в апреле 1940 г. было произведено только 60% плановых работ⁵⁴².

Причины такого неблагоприятного состояния дел на заводе были сформулированы Долининым следующим образом: «... Основная причина невыполнения плана IV квартала 1939 г., I квартала 1940 г., а также неудовлетворительный ход выполнения плана за II квартал заключается в недооценке и недопонимании со стороны руководящих работников объема и масштаба работ. Завод плохо подготовился к постройке такого большого корабля... На всем периоде постройки корабля, начиная с IV квартала 1939 г. и кончая II кварталом 1940 г., в работе, как и по другим строящимся объектам, преобладает иштурмовщина. Постройка корабля идет не планоно, а рывками, так например, для обеспечения закладки корабля в ноябре месяце основная масса рабочей силы корпусного цеха была брошена на данный объект, в ущерб другим объектам, а в декабре, январе и феврале месяцах фактически работы по постройке корабля не производились, рабочие были переброшены на другие объекты»⁵⁴³.

⁵⁴⁰ Краснов В. Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. С. 56.

⁵⁴¹ Васильев А. М., Морин А. Б. Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». С. 65. Грибовский В. Ю. Отечественный флот на «крутых поворотах» истории (по опыту XX столетия). С. 5.

⁵⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 715. Л. 25-26.

⁵⁴³ Там же. Л. 26.

И лишь во второй половине марта 1940 г., когда заводу им. А. Марти необходимо было отчитаться за строительные работы по крейсеру «Кронштадт», *«повторилась та же иштурмовщина по обеспечению очередного платежа»*, то есть все рабочие на заводе № 189 были спешно переброшены на данный объект⁵⁴⁴. К началу войны тяжелый крейсер «Кронштадт» имел общую техническую готовность 10,6%, после чего его строительство вообще было заморожено⁵⁴⁵. Одной из главных причин медленного строительства тяжелых крейсеров являлось отсутствие спроектированных трехорудийных 305-мм башенных артиллерийских установок главного калибра. В связи с этим, в апреле 1941 г. было даже принято решение заменить отечественные 305-мм орудия на немецкие двухорудийные 280-мм башенные артиллерийские установки, применявшиеся на тяжелых и линейных крейсерах «Кригсмарине». В силу этого, скорректированный проект получал обозначение 69И⁵⁴⁶.

Под угрозой невыполнения находился план строительства новейших эсминцев проекта 7У, которые находились в постройке на заводе № 190 (им. А. А. Жданова). Здесь имело место постоянное отставание по срокам постройки всех кораблей. 24 сентября 1940 г. уполномоченный Управления кораблестроения ВМФ инженер-капитан 1-го ранга А. А. Якимов направил второму секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецову докладную записку, где выразил серьезное беспокойство тем фактом, что завод № 190 им. А. А. Жданова должен был сдать по плану в 1940-м году 9 эскадренных миноносцев, но на 20 сентября не было сдано ВМФ ни одного корабля⁵⁴⁷. Даже при условии, что 4 эсминца будут сданы флоту в течение сентября-октября, заводу № 190 необходимо было до наступления ледостава передать еще 5 эсминцев, что было весьма проблематично.

В связи с тяжелой ситуацией по сдаче боевых кораблей флоту, Якимов просил второго секретаря Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецова *«воздействовать на руководителей завода № 190 и заводов-контрагентов»*⁵⁴⁸. Головной эсминец проекта 7У «Сторожевой» проходил заводские ходовые испытания еще в 1939-м году, а в июне 1940 г. его следовало сдать Краснознаменному Балтийскому флоту. Лишь в 1940-м году заводские испытания заняли 73 (!) дня. Но из-за вскрывшихся на испытаниях многочисленных дефектов и заводского брака (низкий вакуум, вибрация кормы, парение сальников, дефекты радиосвязи, авария турбоциркуляционного насоса и др.), плохой конструкции гребных винтов (пришлось изготовить новые винты), ожидания доков и выполнения заводом № 190 спецзадания флота, было потеряно 56 дней. В результате, даже в сентябре 1940 г. эсминец

⁵⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 715. Л. 27.

⁵⁴⁵ Васильев А. М., Морин А. Б. Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». С. 65.

⁵⁴⁶ Александров Ю. И., Васильев А. М., Майданов О. П. Линейные корабли и крейсера петербургской разработки и постройки // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 1. С. 82.

⁵⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 719. Л. 72.

⁵⁴⁸ Там же. Л. 72, 75.

«Сторожевой» не был полностью готов для передачи в состав КБФ⁵⁴⁹. Формально, ЭМ «Сторожевой» вступил в строй лишь 6 октября 1940 г.⁵⁵⁰, но фактически вошел в состав КБФ лишь 12 апреля 1941 г., то есть спустя полгода⁵⁵¹.

Точно такая же картина наблюдалась с эсминцем проекта 7У «Сильный», который предполагалось передать Военно-Морскому Флоту в июне 1940 г. Следует отметить, что эсминец еще в 1939-м году был готов к проведению ходовых заводских испытаний, но приступил к ним лишь с 25 мая 1940 г. Однако, на заводских испытаниях обнаружилось множество дефектов механизмов и оборудования (исправление повреждений компаса, устранение дефектов радиосвязи, дефект турбин и др.), которые потребовали срочного устранения. В итоге, был потерян еще 41 день, поэтому ЭМ «Сильный» был сдан КБФ лишь 31 октября⁵⁵². Аналогично обстояли дела со сдачей флоту эсминца этого же типа «Стойкий», который был намечено сдать КБФ в июле 1940 г. Но и здесь, в ходе затянувшихся ходовых заводских испытаний было выявлено большое количество заводских дефектов (вибрация котлов, авария турбоциркуляционного насоса, дефекты радиосвязи и др.)⁵⁵³. И этот эсминец был сдан в нарушение намеченных сроков, только 18 октября 1940 года⁵⁵⁴.

По двум другим эскадренным миноносцам проекта 7У – «Страшный» и «Смелый» – ситуация также носила неутешительный характер, так как корабли необходимо было сдать в августе 1940 г., а реально они могли выйти на ходовые заводские испытания не ранее конца октября – начала ноября этого года, и то при условии выполнения ряда работ. Главными причинами срыва своевременной сдачи эсминцев флоту являлись сильно затянувшиеся достроечные и монтажные работы, *«вследствие хронического невыполнения намечаемых планов корпусным и монтажным цехом»*⁵⁵⁵.

А по эскадренному миноносцу «Страшный» ситуация усугублялась еще и тем, что была сорвана поставка электрооборудования переменного тока. Обнаружилось много дефектов в работе турбин, турбодинамо и турбо-пожарного насоса, что потребовало от завода № 190 проведения дополнительных работ. В итоге, оба эсминца вступили в строй КБФ лишь весной – летом 1941 г.⁵⁵⁶ Но больше всего не повезло опытному эсминцу «Серго Орджоникидзе», который также строился на заводе № 190. Будучи заложен в апреле 1935 г.,

⁵⁴⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 719. Л. 44-45. *Краснов В. Н., Краснов И. В.* Испытания и испытатели боевых кораблей: к истории отечественного военного судостроения. М., 2010. С. 260.

⁵⁵⁰ *Бережной С. С.* Крейсера и миноносцы: Справочник. С. 349.

⁵⁵¹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 147. Л. 288. *Балакин С. А.* Легендарные «Семерки». Эсминцы «сталинской» серии. М., 2007. С. 11.

⁵⁵² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 719. Л. 45. *Бережной С. С.* Крейсера и миноносцы: Справочник. С. 351.

⁵⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 719. Л. 45.

⁵⁵⁴ *Бережной С. С.* Крейсера и миноносцы: Справочник. С. 351.

⁵⁵⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 719. Л. 46-47.

⁵⁵⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 719. Л. 47-48. *Бережной С. С.* Крейсера и миноносцы: Справочник. С. 352, 356.

он в декабре был спущен на воду. Однако далее достройка недопустимо затянулась, и даже в мае 1940 г. руководство завода не могло дать точного ответа о сроках его передачи ВМФ⁵⁵⁷.

В новом, 1941-м году ситуация со сдачей флоту эсминцев—«семерок» выглядела всё так же неудовлетворительно, имело место большое количество заводского брака и недоделок. Был сорван план сдачи эсминцев «Суровый» и «Славный», которые имели серьезные дефекты механизмов⁵⁵⁸. В качестве наглядного примера стоит привести эсминец «Суровый», который строился по проекту 7У. В январе 1941 г. эсминец был спешно выведен на контрольный пробег, по результатам которого командир 5-го дивизиона миноносцев А. И. Заяц доложил командующему КБФ В. Ф. Трибуцу, что корабль имеет *«целый ряд недоделок»*⁵⁵⁹. По мнению командира дивизиона, корабль был явно преждевременно выпущен на испытания, поскольку имел серьезные технические недочеты (неисправная правая параван-балка, незавершенная изоляция водяных магистралей, плохое вращение маневрового клапана и т.д.), а многие работы на ЭМ были выполнены с низким качеством. Причем, председатель Постоянной приемной комиссии ВМФ капитан 1-го ранга М. М. Долинин, выпускавший эсминец «Суровый» на контрольный пробег, обязал завод № 189 им. С. Орджоникидзе устранить все дефекты, но тот так и не выполнил своих обязательств⁵⁶⁰.

Не менее напряженно выглядела ситуация с постройкой новых сторожевых кораблей проектов 29 и 30 на том же заводе № 190. В своем докладе председатель Постоянной приемной комиссии ВМФ М. М. Долинин сразу же отметил, что по данным типам кораблей на заводе № 190 имени А. А. Жданова *«правительственные графики из месяца в месяц не выполняются»*. В частности, по головному сторожевому кораблю проекта 29 «Ястреб» продвижение работ в 1939-м году составило лишь 8% вместо 30% по графику. В следующем, 1940-м году положение дел на заводе № 190 кардинально не улучшилось: например, в феврале было выполнено только 1,1% общей технической готовности вместо 3,6% по плану. В итоге, по головному сторожевому кораблю «Ястреб» *«из 10 позиций правительственного графика, подлежащего выполнению за I кв. 40 г., выполнено только 6»*⁵⁶¹.

Результатом было то, что спуск головного СКР проекта 29, намеченный по плану еще на декабрь 1939 г., был сорван, и это событие произошло лишь 19 июня 1940 г. Однако, будучи спущенным на воду, корабль далее стоял без турбин, по причине срыва контрагентских поставок и неудовлетворительного качества изготовления самих турбин⁵⁶². На 1 января 1941 г. было намечено планом достичь 78,3% общей технической готовности

⁵⁵⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 651. Л. 5.

⁵⁵⁸ Зефилов М. В., Дёгтев Д. М., Баженов Н. Н. Указ. соч. С. 9-10.

⁵⁵⁹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

⁵⁶⁰ Там же. Л. 9-10.

⁵⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 715. Л. 35.

⁵⁶² Там же. Д. 719. Л. 52.

корабля, но руководство завода № 190 скорректировало её до 38,4%⁵⁶³. В итоге, сторожевой корабль «Ястреб» вступил в строй КБФ лишь 23 февраля 1945 года (!)⁵⁶⁴. По еще более новому проекту СКР, проекту 30, работа шла ещё хуже. По сравнению с плановым заданием в 33,2% общей технической готовности на 1 января 1941 г., завод снизил этот показатель до 17,7%. Поэтому вся работа по данному проекту фактически затормозилась и находилась под вопросом.

Плохо продвигалось строительство новейшего эскадренного тральщика Т-250 «Владимир Полухин» по проекту 59 на судостроительном предприятии «Петрозавод» (№ 370). Здесь срыв работ наметился еще в 1939-м году из-за нарушения срока контрагентских поставок заводов Наркомата судостроительной промышленности (НКСП). Поэтому вместо запланированных 23,5% общей технической готовности, было достигнуто лишь 16,1%. А в 1940-м году история вновь повторилась, и на этот раз виной было очередное нарушение заводами-контрагентами сроков поставок механизмов и оборудования. В частности, Невский завод им. Ленина резко недовыполнил в 1940 г. программу по выпуску главных турбин для тральщиков проекта 59. В итоге, к концу I квартала 1940 г. вместо ожидаемых 39,7% общей технической готовности ТЩ, было получено лишь 25,1%. В результате, дважды были сорваны сроки спуска на воду головного тральщика проекта 59 «Владимир Полухин»⁵⁶⁵. Любопытно, что в строй тральщик вступил лишь 7 ноября 1942 года⁵⁶⁶.

Очень затрудняло строительство кораблей наличие большого количества брака на производстве (в начале 1930-х годов он составлял 7-8% от валовой продукции⁵⁶⁷), и прежде всего, металлургического брака. Данное явление объяснялось недостаточной квалификацией многих рабочих в силу огромного роста советской промышленности в 1930-е годы и резко увеличившегося тогда спроса на рабочую силу. В результате, на производство пришло большое количество неквалифицированных рабочих кадров. Ликвидировать за короткий срок данный недостаток было просто невозможно. Поэтому, в 1935 г. на ленинградских судостроительных заводах из-за значительного количества производственного брака был сорван план по сдаче большинства боевых кораблей. По чугунному литью брак достигал 85%, а по алюминиевому – 90%⁵⁶⁸. Кстати, то же самое явление наблюдалось и на машиностроительных заводах Ленинграда: Ижорский завод давал до 48% брака по 8- и 9-мм броневым листам, а на Кировском заводе – до 90% брака по шестерням и валам для

⁵⁶³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 719. Л. 51.

⁵⁶⁴ *Бережной С. С.* Корабли и суда ВМФ СССР, 1928-1945. Справочник. М., 1988. С. 196.

⁵⁶⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 715. Л. 10-11. РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 615. Л. 214.

⁵⁶⁶ *Платонов А. В.* Энциклопедия советских надводных кораблей, 1941-1945. С. 338.

⁵⁶⁷ *Соколов А. К.* Указ. соч. С. 298-299.

⁵⁶⁸ *Щерба А. Н.* Указ. соч. С. 93.

танков⁵⁶⁹. А это, в свою очередь, приводило к большому количеству переделок, и в итоге, к несвоевременной поставке механизмов и деталей на строящиеся корабли.

К примеру, во время постройки лидера «Минск» на Балтийском судостроительном заводе им. С. Орджоникидзе, такая важная деталь, как клапанная коробка свежего пара для вспомогательных механизмов, отливалась 46 раз(!), пока не была получена отливка, принятая заказчиком для эксплуатации⁵⁷⁰. Спустя год после того, как лидер «Ленинград» был окончательно сдан флоту, летом 1939 г., его пришлось ставить в ремонт, поскольку трубки котлов стали массово выходить из строя, и их пришлось заменить⁵⁷¹. На сданном флоту эсминце «Грозный» отмечалось *«низкое качество нарезки зубцов редуктора и шестерен»*, что приводило к нарушению и даже остановке работы главных турбин. Из-за аналогичного производственного брака, то же самое наблюдалось с работой турбин на эсминце «Гневный»⁵⁷². На эсминце «Стерегущий» при ходовых заводских и официальных испытаниях главный агрегат работал неудовлетворительно и был принят лишь *«после длительных доводок, совещаний и споров»*. Соответственно, ответственность и расходы по ремонту главных турбин были возложены на завод № 190 им. Жданова, строивший этот корабль⁵⁷³.

Или же, в период строительства на судостроительном заводе им. А. Марти большой серии торпедных катеров типа «Г-5» был допущен производственный брак в значительном объеме. Уже в ходе эксплуатации флотом на катерах стали вылетать заклепки корпуса, ломались продольные крепления (стрингеры), поперечные крепления (шпангоуты), ломались кронштейны гребных валов, в торпедных аппаратах вырывало штоки, манжеты и другие части⁵⁷⁴. Кроме того, сданные заводом имени А. Марти катера типа «Г-5» зачастую не были обеспечены полностью запасными частями и инструментом, согласно исполнительной спецификации, приложенной к договору на постройку торпедных катеров⁵⁷⁵.

Низкое качество изготавливаемой продукции в тот период, особенно в конец 1930-х годов, чаще всего объяснялось органами НКВД как сознательное «вредительство» конструкторов, инженеров и рабочих, хотя подлинные причины данного явления носили глубинный характер. Виной тому были зачастую недостаточно высокая культура производства, низкая квалификация значительной части рабочих и отчасти инженеров, отсутствие опыта соответствующего производства, низкое качество технической

⁵⁶⁹ Хохлов Е. В. Указ. соч. С. 85.

⁵⁷⁰ Качур П. И., Морин А. Б. Лидеры эскадренных миноносцев ВМФ СССР. СПб., 2003. С. 96.

⁵⁷¹ Качур П. И. «Гонимые псы» Красного флота. «Ташкент», «Баку», «Ленинград». М., 2008. С. 50.

⁵⁷² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 722. Л. 23-24.

⁵⁷³ Там же. Л. 22.

⁵⁷⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-441. Оп. 14. Д. 71. Л. 166, 186. Адмиралтейские верфи: Люди, корабли, годы, 1926-1996. СПб., 1996. С. 52.

⁵⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-441. Оп. 14. Д. 71. Л. 186.

документации, рабочих чертежей. Поэтому, как отмечал заведующий отделом судостроительной промышленности ЛГК ВКП(б) А. Новиков в своей докладной записке в мае 1940 г., *«металлургический брак по судостроительным заводам продолжает возрастать»*⁵⁷⁶. Очень беспокоило Новикова и то обстоятельство, что ленинградские судостроители пренебрегали передовыми методами скоростного строительства кораблей. Не применялись такие формы работы, как многостаночное обслуживание и совмещение специальностей⁵⁷⁷.

Зачастую плохо была организована работа на самих судостроительных заводах: слабо внедрялась стандартизация, штамповка и сварка при постройке кораблей, недостаточно велась борьба за изыскание и внедрение заменителей цветных металлов. С опозданием выпускались рабочие чертежи и зачастую плохого качества, что приводило к многочисленным переделкам, которые отражались на планомерном развертывании работ по графику постройки кораблей. Имела место несогласованность в работе обрабатывающих и сборочных цехов на заводах. Слабым местом оставалось недостаточное оснащение инструментом механических цехов. Из-за плохой организации производства и планирования имели место значительные простои оборудования⁵⁷⁸.

Стало привычным такое явление, когда судостроительная промышленность систематически сдавала Военно-Морскому Флоту фактически неготовые корабли, с неотработанными механизмами и вооружением. Более того, существовавшая система сдаточных испытаний боевых кораблей, по мнению заведующего отделом судостроительной промышленности Ленинградского горкома ВКП(б) Новикова, никак не стимулировала ускорения их окончания, что приводило к недопустимо длительному сроку их сдачи. Этому способствовало недопустимо длительное решение и согласование вопросов между Наркоматами ВМФ и судостроительной промышленности, длительные споры об ответственности за обнаруженные дефекты и поломки в период гарантийного срока. Кроме того, *«со стороны руководителей наркомсудпрома не проявляется достаточного внимания в разрешении этого вопроса»*⁵⁷⁹.

Надо сказать, что представители флота неоднократно жаловались на это явление, но сделать ничего не могли, или не хотели. Так, на заседании Военного совета при наркомате обороны СССР, проходившем 1-4 июня 1937 г., командующий Черноморским флотом флагман флота 2-го ранга И. К. Кожанов пожаловался членам совета, что представители Управления Морских Сил РККА *«заставляют принимать корабли небоеспособные»*. Далее

⁵⁷⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 651. Л. 4.

⁵⁷⁷ Там же. Л. 4-5.

⁵⁷⁸ Там же. Л. 4.

⁵⁷⁹ Там же. Л. 3.

он конкретизировал, что на Черном море подводные лодки «принимают недоконченными как в отношении оружия, так и в отношении механизации»⁵⁸⁰. Любопытно, что в данном вопросе его полностью поддержал командующий Краснознаменным Балтийским флотом флагман 1-го ранга А. К. Сивков, который проиллюстрировал данное явление на примере только что «принятого» от судостроительной промышленности новейшего корабля – лидера эсминцев «Ленинград»: «...Этот лидер проходит сейчас окончательные испытания. Он действительно был принят на Балтийском море. Но как это делается? Формальное утверждение акта производится начальником Управления Морских Сил, но хотя мы лидер приняли, мы его не пользуем. Мы приняли его осенью, завод обязался закончить все работы к маю, и однако, нужно признать, что в действительности ничего не сделал, потребовалось вмешательство правительства... Корабль, сам по себе хороший, окончательно еще не закончен. Я считаю, что мы совершили ошибку, принявши лидер, нельзя было принимать»⁵⁸¹. И действительно, формально сданный Военно-Морскому Флоту 5 декабря 1936 г., «Ленинград» вплоть до июля 1938 г. (!) простоял у достроечной стенки завода № 190, где устранялись многочисленные дефекты⁵⁸².

Самое удивительное, что и спустя год, уже 13 октября 1938 г. ситуация с лидером «Ленинград» почти не изменилась, ввиду чего Главный морской штаб ВМФ был проинформирован о том, что «вступивший 2 года тому назад (!) в строй лидер эсминцев “Ленинград” до сего времени не является полноценным боевым кораблем, так как использование артиллерийского и торпедного оружия корабля, вооруженного заграничной техникой, никем не проверено и не исследовано до конца(!)»⁵⁸³. В этом же докладе с тревогой отмечалось, что данное положение тем более опасно, так как «наряду с лидером “Ленинград” на КБФ и ЧФ вступают в строй однотипные другие корабли, которые также будут являться небоеспособными кораблями»⁵⁸⁴. На заседании Военного совета КБФ в июне 1939 г., в присутствии наркома ВМФ, было с тревогой отмечено, что значительным тормозом в деле боевой подготовки на флоте являются «заводские хвосты (большие недоделки)»⁵⁸⁵. Неудивительно, что легкий крейсер «Максим Горький», строившийся по улучшенному проекту 26-бис, был официально сдан флоту в конце 1940 г. с недоделками, составлявшими 2% от общей стоимости работ⁵⁸⁶.

⁵⁸⁰ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1-4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М., 2008. С. 88.

⁵⁸¹ Там же. С. 213.

⁵⁸² Качур П. И. «Гончие псы» Красного флота. «Ташкент», «Баку», «Ленинград». С. 23.

⁵⁸³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 253. Л. 246.

⁵⁸⁴ Там же. Л. 246.

⁵⁸⁵ Там же. Д. 14. Л. 420.

⁵⁸⁶ Краснов В. Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. С. 69-70.

При приемке новейших эсминцев проектов 7У в 1940-м году на Балтике выявилось большое количество заводских недоделок, которые срывали их сдачу Военно-Морскому Флоту. Например, по эсминцам «Страшный» и «Смелый» отмечался длительный характер швартовых испытаний ввиду того, что *«качество монтажных работ и подготовки механизмов к швартовым испытаниям совершенно недостаточное, а часто неудовлетворительное»*⁵⁸⁷. Или же эсминец «Сильный», который еще в 1939-м году был готов к ходовым заводским испытаниям, но они затянулись ввиду большого количества дней стоянки корабля у достроечной стенки завода для устранения многочисленных дефектов (это заняло 32 дня). Та же самая ситуация имела место и с эсминцем «Стойкий», который потратил на исправление дефектов и подготовку к выходам 35 дней. Эсминец этого же проекта «Сторожевой» затратил 26 дней на исправлении заводских дефектов и подготовку к выходам⁵⁸⁸. Вообще, неоправданно много времени уходило на заводские и государственные испытания кораблей, которые зачастую срывались ввиду *«неудовлетворительного качества механизмов и монтажных работ и слабой подготовки материальной части сдаточных команд»*⁵⁸⁹.

Эта совершенно ненормальная ситуация приводила к тому, что личному составу боевых кораблей даже после их официальной передачи Военно-Морскому Флоту зачастую своими силами приходилось осуществлять их техническую доводку. В итоге, корабли флота, формально сданные и числившиеся в боевом строю, фактически не были готовы к отработке боевых задач, и поэтому долгое время находились ещё в организационном периоде.

В итоге, 14 мая 1940 г. Бюро Ленинградского горкома ВКП(б) было вынуждено принять постановление по данному вопросу, где категорически потребовало *«обязать директоров и парторгов ЦК ВКП(б) заводов №№ 189, 190, 194, 196, “Петрозавод” и Усть-Ижорская верфь неуклонно добиваться сдачи строящихся кораблей, особенно головных, в сроки, установленные правительственным графиком»*⁵⁹⁰. В постановлении была отмечена недопустимая медлительность в постройке опытно-экспериментальных кораблей, проявленная со стороны работников Наркомата судостроительной промышленности и заводов, а также недопустимая длительность периода испытаний кораблей на ленинградских судостроительных заводах. В связи с этим, Ленинградский горком партии счел необходимым попросить Наркомат судостроительной промышленности разработать *«новое положение,*

⁵⁸⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 719. Л. 47.

⁵⁸⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 719. Л. 44-45. *Краснов В. Н., Краснов И. В.* Испытания и испытатели боевых кораблей: к истории отечественного военного судостроения. С. 260.

⁵⁸⁹ *Краснов В. Н.* Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. С. 100.

⁵⁹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 651. Л. 7.

*стимулирующее сокращение сроков сдаточных испытаний кораблей»*⁵⁹¹. Было решено пересмотреть существовавшую систему договорных отношений между судостроительными заводами и наркоматом ВМФ, обязав заводы наркомата судостроительной промышленности нести полную ответственность за качество и безаварийную работу выпускаемой продукции в течение гарантийного срока⁵⁹². Окончательно, порядок испытаний и сдачи серийных боевых кораблей для ВМФ был определен решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 апреля 1941 г.⁵⁹³

Причины медленного строительства новых боевых кораблей заключались не только в неграмотном планировании, но ещё в технологической неготовности советской промышленности к созданию современных наукоемких образцов вооружения для строящихся кораблей (универсальные артиллерийские установки, приборы управления артиллерийским огнем (особенно, зенитным) и торпедной стрельбой, радиолокационные и гидроакустические станции на надводных кораблях и подлодках, радиопеленгаторы, средства борьбы с неконтактными минами (электромагнитные тралы), неконтактные (акустические и магнитные) мины и торпеды, электрические торпеды с самонаведением и пр.). Наблюдалась большая шумность работы механизмов и устройств на отечественных подлодках, они не имели торпедных автоматов стрельбы, устройств беспузырной стрельбы, стабилизаторов глубины⁵⁹⁴. Отечественная промышленность оказалась неготовой к массовому производству толстой корабельной брони, к выпуску в необходимом количестве корабельных артиллерийских установок, главных и вспомогательных механизмов⁵⁹⁵. И здесь надо признать, что, несмотря на значительные успехи отечественной судостроительной промышленности, достигнутые в годы первых пятилеток, она все ещё продолжала серьезно отставать от иностранной в деле внедрения новейших образцов техники и вооружения.

§ 3. Создание вооружения для Советского ВМФ в 1935-1941 гг.

Очень важным фактором при строительстве современного Военно-Морского Флота являлось наличие современных типов морских вооружений. И здесь ситуация была далеко не однозначной, ибо по разным видам военно-морского оружия (артиллерийского, торпедного,

⁵⁹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 651. Л. 7-8.

⁵⁹² Там же. Л. 11.

⁵⁹³ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог. Т. III. 1940-1952. М., 2001. С. 181.

⁵⁹⁴ *Платонов А. В.* Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. С. 15, 628. *Платонов А. В., Лурье В. М.* Командиры советских подводных лодок 1941-1945 гг. С. 8. *Краснов В. Н.* Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. С. 164-165, 172, 184, 198-199. *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия российского флота 1914-1941. С. 419-426.

⁵⁹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 641. Л. 32-33. *Пашин В. М., Васильев А. М.* Вклад петербургских корабелов в развитие и становление Российского флота // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 1. С. 37.

минно-трального, противолодочного и прочего) достижения отечественных конструкторов носили разный характер.

Разработкой артиллерийского вооружения для ВМФ занимались основные конструкторские бюро на заводах «Большевик» (бывший Обуховский сталелитейный завод) и Ленинградском металлическом заводе (ЛМЗ) им. Сталина, а созданием оптических приборов для артиллерии и приборов управления стрельбой занимались заводы № 212, Государственный оптико-механический завод (ГОМЗ) им. ГПУ, Ленинградский государственный оптико-механический завод (ЛОМЗ) – мастерские завода «Большевик» и «Прогресс»⁵⁹⁶.

В целом, с разработкой систем артиллерийского вооружения для нужд Военно-Морского Флота дела обстояли успешно, и в 1930-х годах отечественной оборонной промышленности удалось создать целый ряд действительно выдающихся образцов морской и береговой артиллерии. Причем, они ставились на строившиеся серийно надводные корабли различных классов, а также на береговые батареи (как стационарные, так и железнодорожные).

К удачным корабельным артиллерийским системам следует отнести, прежде всего, 406-мм трехорудийные артустановки «МК-1» (предназначались для линкоров «Советский Союз» проекта 23), 305-мм трехорудийные артустановки «МК-15» (для тяжелых крейсеров «Кронштадт» проекта 69), 180-мм трехорудийные установки «МК-3-180» (для легких крейсеров «Киров» проекта 26 и «Максим Горький» проекта 26-бис), 152-мм трехорудийные установки «МК-5» (для строящихся легких крейсеров «Чапаев» проекта 68), 152-мм двухорудийные установки «МК-4» (для линкоров «Советский Союз» проекта 23 и тяжелых крейсеров «Кронштадт» проекта 69), 130-мм артустановки «Б-13» и «Б-2-ЛМ» (для лидеров типа «Ленинград» проекта 1 и типа «Минск» проекта 38, эскадренных миноносцев «Гневный» проекта 7 и «Сторожевой» проекта 7У, а также строящихся ЭМ проекта 30), 100-мм артустановки «Б-24», двухорудийные 100-мм артустановки «МЗ-14» (для линкоров проекта 23), 100-мм двухорудийные артустановки «Б-54» (для крейсеров проекта 68), 100-мм универсальные артустановки «Б-34» (для крейсеров проектов 26 и 26-бис)⁵⁹⁷. Данные артиллерийские системы, созданные во второй половине 1930-х-1941 гг., обладали высокими

Александров Ю. И., Васильев А. М., Майданов О. П. Линейные корабли и крейсера петербургской разработки и постройки // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 1. С. 82.

⁵⁹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 722. Л. 60. *Краснов В. Н.* Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. С. 151.

⁵⁹⁷ *Платонов А. В.* Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. С. 67, 78, 100, 112, 126, 170, 232, 470-527. *Платонов А. В., Апрельев С. В., Синяев Д. Н.* Советские боевые корабли 1941-1945 гг. Т. IV. СПб., 1997. С. 17-40. *Краснов В. Н.* Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. С. 152-162. *Лукин В. Е.* «...Для приведения в порядок нашу артиллерию» // Цитадель. 2008. № 14. С. 40.

баллистическими характеристиками и отлично проявили себя в ходе Великой Отечественной войны, а многие из них, успешно выдержав испытание войной, впоследствии остались на вооружении Советского Военно-Морского Флота и в послевоенные годы.

Главным научно-исследовательским учреждением в этой области с 1932 г. являлся Артиллерийский научно-исследовательский морской институт (АНИМИ) в Ленинграде. В период с 1935 по 1941 годы институт возглавлял выдающийся специалист в области морской артиллерии контр-адмирал И. И. Грен. Главная задача АНИМИ в предвоенные годы заключалась в обосновании тактико-технических заданий на новые и модернизируемые артиллерийские системы. Кроме того, институт осуществлял контроль за опытно-конструкторскими работами в промышленности, занимался разработкой теоретических основ стрельбы и обобщением опыта эксплуатации оружия.

Организационно АНИМИ состоял из шести отделов: 1) отдела морских артиллерийских установок; 2) береговых артустановок; 3) боеприпасов и средств воспламенения; 4) приборов управления артиллерийским огнем; 5) баллистики; а в качестве самостоятельного отдела в институт входил Научно-исследовательский морской артиллерийский полигон (НИМАП) в Ржевке. В 1938-м году в состав института была включена также старейшая Лаборатория взрывчатых веществ и порохов, основанная еще в 1891 г. Свою работу АНИМИ начал, имея в штате 43 человека, в том числе 11 военнослужащих. Однако для решения практических задач институт систематически привлекал крупных ученых и военных специалистов.

За 10 лет с момента создания АНИМИ, вплоть до начала Великой Отечественной войны, при его непосредственном участии было создано 26 артиллерийских установок разного калибра, которые поступили на вооружение надводных кораблей, подводных лодок и береговой обороны РККФ. Из них следует назвать трехорудийную 180-мм башенную установку «МК-3-180» для крейсеров проекта 26, двухорудийную 130-мм палубную установку «Б-13» для эсминцев проектов 7 и 7у, одноорудийную 100-мм зенитную установку «Б-34» для крейсеров проектов 26 и 26-бис и другие⁵⁹⁸. Но своего рода венцом деятельности АНИМИ в предвоенные годы стала разработка трехорудийной 406-мм башенной установки «МК-1» для линкоров типа «Советский Союз». Однако в этом деле имелось немало сложностей, вызванных внутривойсковыми обстоятельствами СССР конца 1930-х годов.

В августе 1937 г., в обстановке начавшейся в стране борьбы с «вредительством», комиссия Наркомата обороны СССР произвела тщательное обследование работы института и пришла к более чем странному выводу, что «*в настоящем своем виде АНИМИ пользы не*

⁵⁹⁸ Васильев Е. М. Из истории развития артиллерийского вооружения Военно-Морского Флота (от АНИМИ до 28-го НИИ ВМФ) // Тайфун. 2002. № 4. С 10.

приносит и флоту не нужен»⁵⁹⁹. Причиной для столь категоричного и резкого заключения стало то обстоятельство, что артиллерийский институт крайне мало занимался собственно разработкой новых артиллерийских систем. Из 8 отделов АНИМИ ни один не занимался данным вопросом, а из 107 сотрудников института лишь 1-2 человека регулярно занимались разработкой новых орудий. Фактически вся деятельность АНИМИ сводилась к наблюдению, выдаче тактико-технических заданий и испытаниям того, что сделала промышленность⁶⁰⁰.

По мнению комиссии НКО, «что касается научно-исследовательской работы, то ею почти не занимались», а ситуация усугублялась тем, что «собственной научно-экспериментальной базы институт не имеет; связь с флотом слабая; опыт советской и иностранной промышленности в области морской артиллерии не обобщен и не изучен». В итоге, как отмечалось в докладной записке НКО, «текущая работа “по наблюдению” захлестнула научно-исследовательскую работу». «“Наблюдение”, проводимое институтом, по отзыву работников заводов и учреждений, крайне неудовлетворительное, с чем соглашаются и сами работники института. В результате, вновь создающийся флот (линкоры, крейсера) не обеспечен отработанными и испытанными образцами артиллерийского вооружения и в этом отношении институт оказался беспомощным»⁶⁰¹.

Причиной для столь пессимистической оценки деятельности АНИМИ стала тревожная ситуация, сложившаяся к этому времени вокруг создания 406-мм артиллерийских установок «МК-1» для новых линкоров проекта 23. Над техническим проектом 406-мм орудийной башни для новых линкоров работа шла 1,5 года, и было затрачено около 3 млн. рублей. Однако технический проект имел ряд серьезных дефектов, поэтому к рабочему проекту приступать было нельзя⁶⁰². Из-за отсутствия необходимых указаний со стороны АНИМИ, Ленинградский металлический завод (ЛМЗ) им. Сталина долгое время самостоятельно проектировал 406-мм башню главного калибра для линкора, которая впоследствии оказалась непригодной, так как в неё не помещалось орудие, спроектированное КБ завода «Большевик» (бывший Обуховский орудийный и сталелитейный завод). Это произошло из-за отсутствия кооперации между заводами. В результате, пришлось делать второй вариант башни. А завод № 212 должен был спроектировать прибор управления стрельбой для линкоров (ПУС). Поскольку такой прибор в Советском Союзе проектировался впервые, заводу была необходима научно-консультационная помощь АНИМИ, которую тот так и не смог оказать из-за перегруженности работников⁶⁰³. Иными словами, вся проектная

⁵⁹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3227. Л. 2, 6.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 5.

⁶⁰¹ Там же. Л. 1-2.

⁶⁰² Там же. Л. 9.

⁶⁰³ Там же. Д. 3227. Л. 3-4, 9-10. Д. 3228. Л. 7.

деятельность по созданию артиллерийских систем была переложена на конструкторские бюро заводов.

Вообще, работа по созданию 406-мм башенных артиллерийских установок ГК для новейших линкоров типа «Советский Союз» проекта 23 продвигалась очень трудно. Главной причиной было длительное отсутствие опыта по созданию артиллерийских установок такого большого калибра. Большим недостатком была значительная перегруженность сотрудников АНИМИ различными темами и их недостаточное количество. Так, например, на 1937-й год было запланировано сразу 160 общих тем, из них научно-исследовательских тем было 44. На одного сотрудника института приходилось сразу по 14-15 научных тем. А в следующем, 1938-м году количество тем было увеличено, что было явно не под силу сотрудникам Артиллерийского научно-исследовательского морского института⁶⁰⁴.

Тем не менее, работа по созданию 406-мм артиллерийских установок постепенно продвигались. Технический проект артустановки был готов к апрелю 1937 г., проектирование башенной установки велось на ЛМЗ им. Сталина. Разработка тактико-технического задания на 406-мм башенную артиллерийскую установку «МК-1» была поручена сотрудниками АНИМИ, которыми руководил начальник института, крупный артиллерийский специалист флагман 2-го ранга И.И. Грен. Проектирование и разработка рабочих чертежей орудия «Б-37» для артустановки велись в конструкторском бюро завода «Большевик» в Ленинграде. Стволы 406-мм орудий «Б-37» для артиллерийской установки «МК-1» изготавливались на заводе «Баррикады» в Сталинграде, люлька и противооткатные устройства - на Ленинградском металлическом заводе (ЛМЗ) им. Сталина, а бронебойные и фугасные снаряды к ним - на заводе «Большевик» с декабря 1937 г. по март 1939 г. К началу Великой Отечественной войны удалось изготовить на заводе 11 стволов, а двенадцатый находился на Научно-исследовательском морском артиллерийском полигоне (НИМАП) под Ленинградом, где успешно проходил испытания стрельбой⁶⁰⁵.

В целом, разработка, проектирование и изготовление рабочих чертежей артустановки «МК-1», а также изготовление и испытания 406-мм орудия «Б-37» заняла четыре года – с 1937 по 1940 гг. Один лишь комплект чертежей для 406-мм артиллерийской системы составил 30 тыс. ватманских листов (!)⁶⁰⁶. Наконец, в октябре 1940 г. полигонные испытания артустановки «МК-1» и орудия «Б-37» были успешно завершены, после чего артиллерийская

⁶⁰⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3227. Л. 7-8.

⁶⁰⁵ Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. С. 480. Краснов В. Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. С. 156. Лукин В. Е. «Морское экспериментальное дальнбойное» // Цитадель. 2010. № 17. С. 161-162.

⁶⁰⁶ Лукин В. Е. «Морское экспериментальное дальнбойное». С. 161-164.

система была рекомендована к серийному производству, которое, однако, было отложено ввиду изменившихся приоритетов в деле строительства Вооруженных сил СССР⁶⁰⁷.

В части разработки оптических приборов, работа АНИМИ также была сочтена неэффективной, и ни один из них так и не был принят на вооружение флота⁶⁰⁸. Всего велась разработка 6 типов прицелов - для морских открытых артиллерийских систем (МО), береговых артиллерийских систем (БО), морских башенных (МБ), береговых башенных (ББ), мелкокалиберных (МК) и для подводных лодок (ПЛ). Что же получилось в итоге? Прицел МО получился сложным, дорогим и неудачным, так что выгоднее было ставить более дешевый и простой прицел «Б-13». По береговым открытым артсистемам созданный прицел «ПБ-4» не отвечал требованиям стрельбы по воздушным целям, из-за чего пришлось устанавливать всё тот же прицел «Б-13». Созданный для морских башенных артиллерийских установок прицел тоже оказался неудачным, и он не мог быть принят в качестве типового для башен среднего калибра. Поэтому на крейсере «Киров» был установлен другой прицел, изготовленный Балтийским заводом, на мониторах - тоже другой. Для береговых башенных артиллерийских установок был создан свой проект прицела, но заказать его было нельзя ввиду неготовности самих башен и полной неизвестности, подойдет ли он к ним. По мелкокалиберной артиллерии не было даже проекта, поскольку не существовало еще принятого автомата, под который можно было проектировать автоматический прицел. Наконец, перископы для подводных лодок были разработаны на базе созданных заводом ГОМЗ им. ОГПУ, но требовали доработки и испытаний⁶⁰⁹.

Самым большим недостатком в деятельности АНИМИ было признано то, что вместо нормальной научно-исследовательской работы его сотрудникам приходилось в основном заниматься вопросам согласования между заводами, присутствовать на многочисленных совещаниях и заседаниях, составлять различные справки и вести обширную канцелярскую переписку⁶¹⁰. В результате, за этим терялось главное направление деятельности АНИМИ, для чего он и был создан – непосредственная разработка новых артиллерийских систем.

Нельзя также забывать и то обстоятельство, что проектирование и постройка новых боевых кораблей, и в первую очередь, линкоров сопровождалась несогласованной работой наркоматов и ведомств, постоянной переделкой эскизных и технических проектов, частым изменением тактико-технических характеристик линкоров по желанию высшего военного и политического руководства, что вносило значительный элемент сумятицы в проектирование и создание новых артиллерийских установок. Таким образом, причина

⁶⁰⁷ Лукин В. Е. «Морское экспериментальное дальнобойное». С. 167-168.

⁶⁰⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3227. Л. 31об.

⁶⁰⁹ Там же. Л. 33-33об.

⁶¹⁰ Там же. Л. 36.

неудовлетворительного положения дел с разработкой новых типов артиллерийских орудий, приборов управления стрельбой и оптических приборов для них заключалась не столько во внутренней организации работы АНИМИ, сколько в неумении организовать процесс планирования и создания новых боевых кораблей.

Существенным недостатком имевшегося артиллерийского вооружения ВМФ было отсутствие скорострельных зенитных орудий среднего и мелкого калибра и радиолокационных станций (РЛС) обнаружения воздушных целей. Имевшиеся на вооружении кораблей 76-мм зенитные орудия 34-К и 45-мм орудия 21-К были обычными модернизациями сухопутных орудий и не удовлетворяли требованиям современного боя из-за низкой скорострельности, плохих прицелов и отсутствия РЛС наведения⁶¹¹. В связи с этим, большие надежды были возложены на 37-мм автоматические артустановки 70-К с воздушным охлаждением, которые должны были заменить устаревшие 45-мм полуавтоматы. Они были приняты на вооружение ВМФ лишь в 1940 г. и к началу 1941 г. на флоте имелось всего лишь 38 зенитных автоматов 70-К⁶¹². Также были созданы 37-мм спаренные башенные артиллерийские установки 66-К и счетверенные установки 46-К с водяным охлаждением, предназначавшиеся для строящихся линкоров проекта 23, тяжелых крейсеров проекта 69 и легких крейсеров проекта 68⁶¹³. Однако, серьезным упущением отечественного кораблестроения было отсутствие радиолокационных станций обнаружения воздушных целей. Единственная корабельная РЛС (!) к началу войны имелась на черноморском крейсере «Молотов», а на Балтике их вообще не было. Это обстоятельство впоследствии сказалось пагубным образом на состоянии ПВО флотов во время Великой Отечественной войны.

Однако если в отношении разработки образцов артиллерийского вооружения имелись лишь отдельные недостатки, не влиявшие кардинальным образом на общее состояние корабельной и береговой артиллерии РККФ, то в области создания образцов минно-торпедного и торпедного вооружения для Военно-Морского Флота наблюдалось серьезное техническое отставание от зарубежных флотов, а большинство образцов мин и торпед, состоявших на вооружении флота, являлись морально устаревшими и не отвечавшими требованиям времени.

Разработкой торпед и мин для нужд ВМФ занимались с 1921 г. Особое техническое бюро по военным изобретениям специального назначения (Остехбюро) при Наркомате обороны СССР⁶¹⁴ и Минная секция Научно-технического комитета, которая в 1932 г. была

⁶¹¹ Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. С. 518, 535. Платонов А. В. Противовоздушная оборона сил флота 1941-1945. СПб., 2010. С. 42-43.

⁶¹² Краснов В. Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. С. 161-164.

⁶¹³ Платонов А. В. Противовоздушная оборона сил флота 1941-1945. С. 43.

⁶¹⁴ 1 октября 1939 г. Остехбюро было преобразовано в институт морской телемеханики и автоматики - НИИ-49.

реорганизована в Научно-исследовательский минно-торпедный институт (НИМТИ) Управления Морских Сил РККА. Непосредственно производством и ремонтом минно-торпедного оружия для нужд флота занимались заводы №№ 189, 190, 194, 196, 103, 209, 212, ГОМЗ, ЛОМЗ и «Электромортрест»⁶¹⁵.

Большим недостатком в работе Остехбюро (которое занималось в тот период весьма смелыми проектами) было то, что она велась в довольно примитивных технических условиях, при отсутствии соответствующей производственной базы. Начиная с 1932 г. Остехбюро работало сразу по 47 темам, связанным с торпедным оружием, но лишь по 8 из них были разработаны тактико-технические задания, и ни одна тема не привела к созданию перспективного образца. Что касается НИМТИ, то он также не обладал собственной научно-исследовательской базой, кадрами и плавучими средствами для работы в море. В институте к 1937 г. научно-исследовательские работы были расплелены сразу по 100 темам, связанным с минно-торпедным оружием, но результаты их были более чем скромные. В результате, по мнению партийных инстанций, *«институт, призванный играть руководящую роль в деле научно-исследовательской работы в области вооружения флота современным оружием, свои задачи не выполнил»*⁶¹⁶.

Еще в феврале 1937 г. уполномоченный Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) по Ленинградской области Р. Г. Рубенов подал на имя секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина и председателя КПК при ЦК ВКП(б) Н. Е. Ежова докладную записку о состоянии торпедного и минно-трального вооружения Военно-Морского Флота, где оценил сложившееся положение с данными видами вооружения просто как *«угрожающее»*⁶¹⁷.

Причина такого обращения была отнюдь не случайной: партийные инстанции Ленинграда накануне подробно ознакомились с работой Особого Технического Бюро (Остехбюро) НКО и Научно-исследовательского минно-торпедного института (НИМТИ) НКО, а также заводов №№ 4, 103, 178, 181 и 194. Данная проверка выявила крайне тревожную ситуацию с состоянием минно-торпедного вооружения флота. В первую очередь, состояние минного и торпедного оружия ВМФ характеризовалось чрезвычайно медленными темпами научно-исследовательской работы, которая базировалась в основном на нуждах Балтийского моря и вовсе не учитывалась потребность в этом оружии на Тихом океане, на Севере, а также на Черном море, а также отрывом научно-исследовательской работы от тактико-технических требований современного военного флота. В итоге, всё вышеприведенное заставило констатировать партийных контролеров, что *«наш флот не*

⁶¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 722. Л. 60. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 11. *Краснов В. Н.* Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. С. 178.

⁶¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 31.

⁶¹⁷ Там же. Л. 1.

имеет необходимых образцов для обороны страны и резко отстал от иностранных флотов, производство этого вооружения поставлено плохо»⁶¹⁸.

Наиболее тяжелая ситуация наблюдалась с торпедным вооружением ВМФ, которое в конце 1930-х годов было представлено лишь устаревшими образцами, никак не соответствовавшими мировому уровню развития военно-морской техники. К этому времени были уже сняты с производства совершенно устаревшие 450-мм торпеды 1906 г., 1910-15 г. (торпеда 45-15), 1912 г. (торпеда 45-12) и дальнеходная торпеда 1912-25 г. Дальнеходная торпеда обр. 1925 г. являлась лишь незначительной модернизацией торпеды обр. 1912 г., с сохранением прежней конструкции. Помимо улучшения характеристик старых русских торпед, флотскими специалистами были изучены образцы торпед, снятых с затонувшей английской подводной лодки «Л-55»⁶¹⁹.

Единственным более или менее современным типом торпеды ВМС РККА, находившимся на вооружении к концу 1930-х годов, была парогазовая 533-мм торпеда образца 1927 г. (торпеда 53-27), разработанная Остехбюро. Она представляла собой модернизацию торпеды обр. 1912 г., в которой диаметр был увеличен на 3 дюйма, повысились мощность двигателя, скорость торпеды и вес заряда. Данная торпеда могла применяться лишь на подводных лодках и торпедных катерах, поскольку для надводных кораблей она имела слишком малую дальность стрельбы (3700 м). Неудивительно, что в 1930-х годах она уже уступала лучшим иностранным образцам по своим тактико-техническим характеристикам. Поэтому с 1935 года торпеда 53-27 вообще была снята с производства. Из-за низких тактико-технических характеристик торпеды 53-27, практически все крупные боевые корабли ВМС РККА в 1930-х гг. были вооружены абсолютно устаревшими 450-мм торпедами 45-12 и 45-15⁶²⁰.

В течение двух лет - с 1935 по 1937 гг. торпеды в СССР вообще не производились, что свидетельствовало о явном техническом застое. В 1935-1936 гг. были предприняты попытки создать новую торпеду 53-36 калибра 533 мм для замены устаревших торпед 53-27. Но созданные силами Остехбюро торпеды Д-4, Д-5 и Д-6 оказались неудовлетворительными по своим тактико-техническим характеристикам и в серию так и не пошли⁶²¹.

С целью ликвидировать имевшееся отставание, руководство ВМС РККА решило пойти по привычному пути изучения иностранного опыта. В 1934-1935 гг. в Италии были

⁶¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 24.

⁶¹⁹ Щерба А. Н. Военная индустрия Санкт-Петербурга – Ленинграда в 1900-1940 годы. С. 150-152.

⁶²⁰ Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. С. 555-556. Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок 1941-1945. С. 414-415. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 1-2, 26-27, 30.

⁶²¹ Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. С. 557. Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок 1941-1945. С. 415.

закуплены образцы торпед (т.н. «фиумская» и «неапольская») калибром 21 и 18 дюймов, которые следовало изучить и взять в дальнейшем за основу при создании отечественной торпеды. Однако, изготовленные по итальянскому образцу 250 торпед на заводе «Двигатель» оказались дефектными, так как в первоначальную конструкцию были внесены изменения⁶²². В итоге, за 10 лет, прошедших после принятия на вооружение торпеды 53-27, ничего нового изобретено так и не было. Самым показательным моментом технического отставания РККФ, и на это специально обратил внимание уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Ленобласти, было то, что *«наш флот не вооружен торпедами с неконтактными взрывателями»*. К Остехбюро и научно-исследовательскому минно-торпедному институту (НИМТИ) были предъявлены очень серьезные претензии в связи с тем, что на вооружении отечественного флота не было радиоуправляемых, торпед с неконтактными взрывателями, авиационных торпед или других усовершенствованных типов торпед⁶²³.

Самое удивительное, что ещё весной 1938 г. отечественными учеными-физиками В.А. Красильниковым и Ф.А. Королевым из Академии наук СССР была направлена в Наркомат ВМФ заявка на авторское свидетельство, из которой следовало, что указанные ученые предлагали создать *«электроакустический механизм для торпеды, автоматическим направляющий её на атакуемое судно»*⁶²⁴. Учеными был подробно изложен принцип действия устройства самонаведения торпеды, из чего следовало, что ими предлагался более совершенный вариант акустической торпеды, чем это было впоследствии у немцев с их торпедой «Т-V». Однако, это важное для флота предложение не вызвало интереса в Наркомате ВМФ и Техническом управлении ВМФ⁶²⁵. Таким образом, по непонятной причине шанс создать до войны свою собственную акустическую торпеду был безвозвратно упущен.

Ситуация с разработкой новейших типов торпед позволяла Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) утверждать, что торпедное и минно-тральное вооружение, состоящее на вооружении РККФ, за 20 предвоенных лет фактически не развивалось и *«находится на дореволюционном уровне и с точки зрения боевого использования представляет малую ценность»*⁶²⁶. Понятно, что условиях массовых репрессий конца 1930-х г. подобные выводы не могли остаться без последствий: коллектив Остехбюро был сразу обвинен во «вредительстве», и в нем были проведены массовые аресты, и разработка

⁶²² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 2, 14-15, 27.

⁶²³ Там же. Л. 3, 28.

⁶²⁴ Краснов В. Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. С. 173.

⁶²⁵ Там же. С. 174-175.

⁶²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 28.

торпеды 53-36 была прекращена. Все силы инженеров были брошены на конструирование новой крупнокалиберной парогазовой торпеды.

Столь тревожное положение с разработкой образцов современного минно-торпедного вооружения флота привело к принятию в октябре 1937 г. Комитетом обороны при СНК СССР постановления о мероприятиях по развитию минно-торпедной промышленности и оружия, этим же постановлением при Наркомате оборонной промышленности было создано Главное минно-торпедное управление. Этому управлению были переданы ряд заводов, два центральных конструкторских бюро, а также КБ, образованные при заводах⁶²⁷. 19 сентября 1938 г. вышло постановление Комитета обороны при СНК СССР № 227 «Об оздоровлении и развитии минно-тральной промышленности». В соответствии с ним, было создано 17-е управление в Наркомате оборонной промышленности и ЦКБ-36 по минно-тральному оружию. Приказом наркома ВМФ от 18 ноября 1938 г., при Наркомате было создано Минно-торпедное управление (МТУ)⁶²⁸.

В результате предпринятых усилий, в мае 1939 г. на вооружение Советского ВМФ была принята новая 533-мм торпеда, получившая индекс 53-38, являвшаяся улучшенной копией фиумской торпеды 53-Ф. Новая торпеда имела 3 режима хода, увеличенный до 300 кг вес заряда и максимальную скорость хода 44,5 узлов. В 1939 г. торпеда была модернизирована, в результате чего вес взрывчатого вещества достиг 400 кг, без изменения скорости и дальности хода. Эта торпеда получила обозначение 53-38У. Также конструкторы предприняли попытку создать скоростную торпеду, которая была принята на вооружение ВМФ лишь в июле 1941 г. Эта торпеда, получившая название 53-39, имела скорость в 51 узел. Однако данная торпеда оказалась технически несовершенной и массово не производилась. Поэтому большинство торпед, выпущенных советской промышленностью перед Великой Отечественной войной, составляли 533-мм парогазовые торпеды 53-38⁶²⁹. В результате предпринятых усилий, общий запас торпед в предвоенный период значительно вырос: так, если в январе 1939 г. КБФ располагал 821 торпедой, то в январе 1941 г. торпедный запас достиг 2173 штук, т.е. увеличился в 2,5 раза⁶³⁰.

Ещё хуже обстояло дело с разработкой и внедрением в производство морских мин. Дело в том, что в этой отрасли наблюдался, по мнению уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Ленобласти Р. Г. Рубенова, *«большой консерватизм, отставание от вооружений заграничных флотов, разрыв между современными тактико-техническими требованиями и*

⁶²⁷ Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. С. 569.

⁶²⁸ Краснов В. Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. С. 178-179. *Йолтуховский В. М.* Развитие тральных сил и средств ВМС РККА (1921-1941). СПб., 1997. С. 28.

⁶²⁹ Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. С. 557-558. Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок 1941-1945. С. 415-416.

⁶³⁰ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1. Л. 114.

научно-исследовательской работой»⁶³¹. Вообще, общая линия научно-исследовательских учреждений по сдаче на вооружение мин сводилась к тому, чтобы «сдать “что-нибудь”, “как-нибудь” и по существу не решать сложные, но действительно необходимые задачи»⁶³².

На вооружении ВМС РККА к концу 1930-х гг. находились следующие образцы минного вооружения: корабельные якорные мины обр. 1908 г., 1912 г., 1916 г., 1926 г. и 1931 г. (КБ-1), малая речная мина «Рыбка» обр. 1915 г., большая и малая авиационно-парашютные мины, минный защитник Киткина обр. 1926 г., мина ПЛТ для подводных лодок. Основными недостатками этих мин было то, что они могли быть использованы лишь на небольших морских глубинах (до 130 метров), что не соответствовало потребностям Тихоокеанского, Черноморского и Северного флотов. Далее, мины обр. 1908 г., 1912 г. и 1916 г. имели малый заряд (100-115 кг взрывчатого вещества), что было совершенно недостаточно для поражения даже средних кораблей. Лишь на минах обр. 1926 г. и КБ-1 масса заряда была доведена до 230-250 кг взрывчатки, а глубина применения достигла на mine КБ-1 260 метров. Но даже наиболее современная советская мина обр. 1931 г. (КБ-1) являлась модернизацией старой мины обр. 1908 г., только с увеличенным зарядом ВВ. Поскольку данная мина обладала существенными недочетами, она уже в 1935 г. была снята с вооружения⁶³³. Антипараванные устройства (т.е. противодействующие их тралению) имелись лишь на минах обр. 1908 и 1931 гг., все остальные мины таковыми не обладали, что делало их совершенно безопасными для кораблей, оснащенными параванами⁶³⁴.

Ни одна из имевшихся к концу 1930-х гг. на вооружении отечественного ВМФ мин не имели антенных устройств или неконтактных взрывателей. (И это несмотря на то, что первые неконтактные мины использовались иностранными флотами ещё 20 лет тому назад (например, англичанами на реке Северная Двина в 1919 г.), и по ним имелась обширная литература⁶³⁵! Все меры, предпринятые в связи с созданием неконтактных мин, длительное время ничего не давали. К примеру, с 1929 г. велась разработка антенной мины, но в 1936 г. выяснилось, что она безнадежно устарела⁶³⁶. Лишь в 1940 г. Советский ВМФ наконец получил на вооружение противолодочную якорную антенную глубоководную мину АГ⁶³⁷.

Что же касается создания мин с неконтактными взрывателями - магнитными или акустическими - то вплоть до начала Великой Отечественной войны флот так и не получил полноценных образцов. Работы, которые велись с 1932 г. по созданию малой и большой

⁶³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 3.

⁶³² Там же. Л. 3.

⁶³³ Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. С. 568-571. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 4, 25-26, 29.

⁶³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 4, 25-26.

⁶³⁵ Там же. Л. 3, 25.

⁶³⁶ Там же. Л. 17.

⁶³⁷ Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. С. 572.

донных мин, не дали положительного результата. Причиной была незащищенность неконтактного взрывателя от подводных взрывов. Лишь в 1935 г. был создан первый индукционный магнитный взрыватель, защищенный от срабатывания при близких взрывах. Наконец, в 1939 г. была принята на вооружение малая неконтактная речная донная мина, но она имела слишком слабый заряд и являлась лишь легкой модернизацией авиационной мины МИРАБ⁶³⁸. Ситуация была настолько серьезной, что весной 1940 г. нарком по иностранным делам СССР В. М. Молотов обратился к германскому правительству с официальным запросом о продаже Советскому Союзу некоторого количества неконтактных мин, на что немецкая сторона ответила отказом⁶³⁹. И лишь в 1942-м году Советский ВМФ получил на вооружение вполне современные образцы магнитных мин – АМД-500 и АМД-1000, а в 1944 г. был принят на вооружение акустический неконтактный взрыватель для мин типа КБ⁶⁴⁰.

Авиационные парашютные мины (большая и малая) разрабатывались Остехбюро на протяжении 10 лет и были приняты на вооружение в 1932-м и 1934-м годах. По сути дела, эти мины были созданы на основе старых русских образцов 1912 и 1926 гг. Данные авиационные мины – МАВ-1 и МАВ-2 – были снабжены громоздкой парашютной системой, которая их расшифровывала и давала большую зону рассеивания. В силу этих обстоятельств, боевое применение этих мин было весьма ограниченным, а морская авиация их даже не испытывала. В 1936 г. производство мин МАВ-1 и МАВ-2 было свернуто. Поэтому Управление ВВС РККА поставило вопрос о замене имевшихся авиационных мин беспарашютными аналогами⁶⁴¹.

Также Остехбюро была разработана мина для подлодок – ПЛТ (подлодочная трубная), предназначенная для постановок из минных труб подводных минных заградителей типа «Л», которая прошла испытания ещё в 1934 г. и была поставлена на вооружение. Однако данная мина имела существенные недостатки - отсутствие противотральных устройств и малая длина троса (минрепа), что серьезно ограничивало районы возможного применения данной мины⁶⁴². Кроме того, в Остехбюро в 1930-е годы велись работы по созданию плавающей контактной буйковой мины и плавающей мины для ПЛ типа «Л» П-35, однако эти мины не были приняты на вооружение ввиду низких тактико-технических характеристик⁶⁴³.

⁶³⁸ Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. С. 574.

⁶³⁹ Документы внешней политики. 1940–22 июня 1941. Т. XXIII: В 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М., 1995. С. 219.

⁶⁴⁰ Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. С. 574-575.

⁶⁴¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 29. Морозов М. Э. Торпедоносцы Великой Отечественной. Их звали «смертниками». М., 2011. С. 32.

⁶⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 52. Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок 1941-1945. С. 437.

⁶⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 14, 51об. Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок 1941-1945. С. 438.

При составлении в сентябре 1937 г. в Генеральном Штабе РККА расчета потребности в минах заграждения для Морских Сил РККА к 1 января 1944 г. было указано, что из имеющихся на вооружении мины обр. 1908-1912 гг., 1926-1931 гг. и «Рыбка» уже устарели, а мины ПЛТ, антенны, глубоководные и авиационные слабо освоены промышленностью и потому производятся весьма незначительными партиями, которые не обеспечивали «даже покрытие потребности мирного времени»⁶⁴⁴. Составители расчетов также посетовали на то, что отечественный флот не имеет на вооружении мины, действующей при переменном уровне тока. Мины, предназначенные для уничтожения подлодок противника, также не удовлетворяли военное руководство⁶⁴⁵. В итоге, РККФ встретил начало Великой Отечественной войны, так и не имея на вооружении неконтактных мин⁶⁴⁶.

По данным уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Ленобласти Р. Г. Рубенова, изготовлением морских мин в предвоенный период занимались более 40 заводов, причем конструкторские бюро на этих заводах разработкой мин не занимались. Планы по производству мин многими заводами систематически не выполнялись. К примеру, завод № 194 им. А. Марти за 4 года изготовил всего лишь 680 мин для постановки с подлодок вместо запланированных 1320, а также 225 авиационных мин вместо 625. Происходило это оттого, что заводы считали выпуск морских мин второстепенным делом⁶⁴⁷.

Очень плохо обстояли дела и с созданием минно-трального вооружения для ВМФ, и в первую очередь, с разработкой неконтактных тралов. Здесь отечественный флот фактически топтался на уровне, достигнутом ещё в Первую мировую войну. Надо сказать, что ещё в 1933-1934 гг. Научно-исследовательский минно-торпедный институт Морских Сил РККА занимался разработкой опытного образца морского электромагнитного трала, но он так и не был принят на вооружение ввиду отсутствия необходимого быстроходного тральщика⁶⁴⁸. Одновременно в НИМТИ велись работы по созданию речного электромагнитного трала, но опытный образец так и не был испытан. Кроме того, была предпринята попытка разработать сетевой трал для борьбы с плавающими минами, который в 1934 г. был испытан, но результаты оказались неудовлетворительными⁶⁴⁹. В 1934 г. институтом был разработан, а в 1936 г. испытан режущий парный трал, однако данные работы не были доведены до конца по причине отсутствия быстроходных тральщиков. Созданием минно-трального вооружения занималось также и Остехбюро, которое в 1933 г. создало при участии НИМТИ

⁶⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 97. Л. 41-42.

⁶⁴⁵ Там же. Л. 42.

⁶⁴⁶ Краснов В. Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. С. 184.

⁶⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 4.

⁶⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-441. Оп. 14. Д. 63. Л. 45-45об.

⁶⁴⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 12.

универсальный параван-трал. В 1934 г. он прошел испытания, но в следующем году выяснилось, что параван не доработан. А в 1936 г. испытания универсального паравана были свернуты из-за неподачи нужных кораблей⁶⁵⁰.

Обеспеченность ВМС РККА даже старым минно-тральным вооружением была недостаточной: к концу 1930-х гг. флоты были обеспечены параванами лишь на 42%, по обычным тралам – на 63% и по придонным тралам – на 26%⁶⁵¹. После принятия Комитетом обороны при СНК СССР постановления о производстве минно-трального оружия в сентябре 1938 г., разработка новых видов трального вооружения стала осуществляться более интенсивно. В течение 1939-1940 гг. активно разрабатывались катерный параванный трал (КПТ), сетевой трал (СТ), трал каменистого грунта (ТКГ), поверхностный сетевой трал (ПСТ), глубоководный параванный трал (ГПМ), быстроходный параван-охранитель. Также велась работы по созданию неконтактных тралов, в том числе петлевого электромагнитного и хвостового магнитного трала⁶⁵².

Однако проектно-конструкторские работы велись медленными темпами, в силу чего в 1940 – начале 1941 гг. промышленность так и не смогла дать на вооружение флота ни одного нового образца трала и паравана. В результате всех предпринятых усилий, к началу 1941 г. Военно-Морской Флот был обеспечен механическими тралами (в основном устаревшими) по нормам мирного времени на 65%, а по нормам военного времени – лишь на 20%⁶⁵³. В итоге, с началом Великой Отечественной войны Советский ВМФ оказался совершенно безоружным перед применением противником современных типов неконтактных мин – магнитных и акустических.

Из всего вышеизложенного видно, что многие виды вооружений и боевой техники разрабатывались недопустимо долго, зачастую с нарушением сроков сдачи Военно-Морскому Флоту. А это в свою очередь серьезно отражалось на сроках сдачи кораблей для ВМФ. Целый ряд систем вооружения и механизмов для новых боевых кораблей (например, линкоров проекта 23 и легких крейсеров проекта 68) еще только проектировались и существовали лишь на бумаге или в опытных образцах. Нельзя забывать, что любой крупный боевой корабль в то время представлял собой целый комплекс сложной техники, оборудования и вооружения, создание которых требовало наличия определенного уровня конструкторской мысли и научно-технического развития экономики страны.

К сожалению, отечественная оборонная промышленность по ряду причин как объективного, так и субъективного характера, так и не смогла создать целый ряд важных

⁶⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-441. Оп. 14. Д. 63. Л. 30а-30б, 35-36. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2726. Л. 12-13.

⁶⁵¹ *Йолтуховский В. М.* Развитие тральных сил и средств ВМС РККА (1921-1941). С. 27.

⁶⁵² Там же. С. 28-29.

⁶⁵³ *Йолтуховский В. М.* Развитие тральных сил и средств ВМС РККА (1921-1941). С. 30.

образцов оружия для ВМФ. Прежде всего, здесь стоит указать на отсутствие у надводных кораблей отечественного Военно-Морского Флота радиолокаторов и скорострельных зенитных артиллерийских установок, отсутствие на подводных лодках гидролокаторов, приборов управления торпедной стрельбой, неконтактных (магнитных и акустических) мин и торпед, а также неконтактных тралов. Эти обстоятельства сильно снижали боевые возможности Советского ВМФ в борьбе с флотом противника.

§ 4. Передача кораблей Краснознаменному Балтийскому флоту в конце 1920-х – начале 1941 гг.

В соответствии с утвержденной первой программой строительства ВМС РККА, 5 марта 1927 г. на Балтийском судостроительном заводе в Ленинграде состоялась закладка трех больших подводных лодок нового проекта (I серии) - «Декабрист», «Народоволец» и «Красногвардеец» для Морских сил Балтийского моря. Затем на этом же заводе приступили к строительству других типов подлодок: в сентябре 1929 г. была начата строительством первые советские подводные минные заградители II серии – «Ленинец», «Марксист» и «Большевик», а в феврале 1930 г. – три средние подлодки III серии – «Щука», «Ерш» и «Окунь», а в мае-декабре 1931 г. – три большие эскадренные подводные лодки IV серии – «Искра», «Правда» и «Звезда».

Началось активное строительство первых советских надводных кораблей. 13 августа 1927 г. на Северной судостроительной верфи по проекту 2 (I серия) были заложены корпуса сразу шести новейших сторожевых кораблей – «Ураган», «Гайфун», «Смерч», «Циклон», «Гроза» и «Вихрь» (вступили в строй в 1931-1932 годах). 5 ноября 1932 года на Северной судовой верфи был заложен по проекту 1 лидер эсминцев «Ленинград», в октябре 1933 г. – январе 1934 г. на Северной верфи были заложены, по проекту 3, первые четыре тральщика нового типа для Морских сил Балтийского моря – «Заряд», «Буй», «Патрон» и «Фугас». С декабря 1927 г. на судостроительном заводе имени А. Марти была начата постройка первой партии, из четырех единиц, торпедных катеров типа «Ш-4», а с августа 1933 г. на этом же заводе приступили к массовому строительству новых торпедных катеров – типа «Г-5». Всего судостроительным заводом имени А. Марти в 1927-1932 гг. было изготовлено 59 торпедных катеров типа «Ш-4» серий I-V (из них МСБМ получили 45 единиц), а за период с 1933 по 1940 годы на заводе было произведено 253 торпедных катера типа «Г-5» серий VI-XI-бис (из которых КБФ получил к 1939 году 60 единиц)⁶⁵⁴.

⁶⁵⁴ История отечественного судостроения. Т. 4. С. 104, 191, 197. Адмиралтейские верфи: Люди, корабли, годы. 1926-1996. С. 52-52, 368-370. *Зубов Б. Н.* Указ. соч. С. 185, 195. *Соломонов Б., Кулагин К.* Торпедные катера

Но помимо строительства новых кораблей, в период 1920-х – начала 1930-х гг. на ленинградских судостроительных заводах параллельно осуществлялась также достройка, капитальный ремонт и модернизация боевых кораблей дореволюционной постройки. В 1920-е годы восстановление и ремонт кораблей для Морских сил Балтийского моря продвигались хоть и медленно, но достаточно уверенно. Уже в августе 1922 г. линкор «Марат» (бывший «Петропавловск») вошёл в строй и сразу же принял участие в первых послевоенных манёврах Морских сил Балтийского моря. Через три года, в июне 1925 г., пройдя длительный капитальный ремонт (с 1922 по 1925 годы), вступил в строй флота второй линкор этого типа – «Парижская Коммуна» (бывший «Севастополь»), а летом 1926 г. флот получил и третий линейный корабль – «Октябрьская революция» (бывший «Гангут») ⁶⁵⁵. Эсминцы типа «Новик» вводились в боевой состав флота ещё быстрее. Уже в августе 1922 г. МСБМ располагали шестью полностью отремонтированными эсминцами этого типа («Азард», «Самсон», «Изяслав», «Лейтенант Ильин», «Победитель», «Капитан 2-го ранга Изыльметьев»). В 1924 г. из эсминцев–«новики» была сформирована 2-х дивизионная Бригада миноносцев, которая приняла участие в осенних маневрах флота 1924 года. А в 1925 г. количество боеспособных эсминцев–«новики» в составе Морских сил Балтийского моря достигло уже 11 единиц ⁶⁵⁶.

В течение 1923-1929 гг. на Невском судостроительном и машиностроительном заводе, Северной судостроительной верфи (бывшей Путиловской) и Усть-Ижорской верфи были капитально отремонтированы эскадренные миноносцы «Яков Свердлов», «Ленин», «Зиновьев» (с 1928 г. – «Артем»), «Троцкий» (с 1928 г. – «Войков»), «Карл Маркс», «Сталин», «Урицкий», «Володарский» и «Энгельс», а в 1925-26 годах на Пароходном заводе (с 1929 г. – Морской завод) в Кронштадте – линкор «Октябрьская революция» ⁶⁵⁷. В апреле 1927 г. был достроен, а в июле 1928 г. в строй Морских сил Балтийского моря вступил легкий крейсер «Профинтерн» ⁶⁵⁸. В июле 1927 г. завершилась достройка эскадренного

серии Г-5 // Армада. 2001. Выпуск 19. С. 4-6. Качур П. И., Морин А. Б. Лидеры эскадренных миноносцев ВМФ СССР. С. 90. Соколов А. К. Указ. соч. С. 243. Чернышев А. А. Первенцы Сталинского флота. Сторожевые корабли типа «Ураган». М., 2014. С. 18.

⁶⁵⁵ Васильев А. М. Первые линкоры Красного флота. «Марат», «Октябрьская революция», «Парижская коммуна». М., 2008. С. 57-58.

⁶⁵⁶ Корабли и вспомогательные суда Советского Военно-Морского Флота (1917-1927 гг.). С. 14, 21-25. Степанов Ю. Г., Цветков И. Ф. Эскадренный миноносец «Новик». Л., 1981. С. 181-182. Цветков И. Ф. История отечественного судостроения. Т. 3. С. 489-495. Чернышев А. А. «Новики». Лучшие эсминцы Российского Императорского флота. М., 2007. С. 152.

⁶⁵⁷ Васильев А. М. Первые линкоры Красного Флота. «Марат», «Октябрьская революция», «Парижская коммуна». С. 58. Чернышев А. А. «Новики». Лучшие эсминцы Российского Императорского флота. С. 147-148. Бережной С. С. Линейные и броненосные корабли. Канонерские лодки: Справочник. С. 53. Бережной С. С. Крейсера и миноносцы: Справочник. С. 304, 311-318, 328.

⁶⁵⁸ Бережной С. С. Крейсера и миноносцы: Справочник. С. 91. Чернышев А. А. Гвардейские крейсера Сталина – «Красный Кавказ», «Красный Крым», «Червона Украина». М., 2013. С. 90. (С 1939 г. крейсер «Профинтерн» получил новое название – «Красный Крым».)

миноносца «Калинин», в октябре 1927 г. вошел в строй МСБМ эсминец «Рыков» (с 1937 г. - «Валериан Куйбышев»), а в августе 1928 г. был достроен эсминец «Карл Либкнехт»⁶⁵⁹. С 1928 по 1934 годы, согласно программе строительства ВМС РККА, на Балтийском судостроительном заводе в Ленинграде прошли «малую» модернизацию все балтийские линейные корабли: «Парижская коммуна» – в 1928-29 гг.⁶⁶⁰, «Марат» – в 1928-31 гг., а «Октябрьская революция» – в 1931-34 годах⁶⁶¹.

При выработке стратегии развития флота в конце 1920-х - начале 1930-х гг., руководство Морских Сил РККА отдало приоритет массовому строительству подводных лодок всех типов. Именно этот вид морских вооружений представлялся советскому военноморскому командованию в тот момент наиболее эффективным в плане боевого применения и наиболее выгодным в плане стоимости. Эта стратегия в морском строительстве выдерживалась до 1936 г., когда был взят твердый курс на создание сильного надводного флота, хотя и подлодкам при этом отводилась большая роль. Именно в таком духе выразился первый заместитель наркома ВМФ флагман флота 2-го ранга П. И. Смирнов-Светловский на заседании Главного Военного совета ВМФ в мае 1938 г.: «...Я думаю, что главный упор в строительстве должен быть взят на строительство подводных лодок...»⁶⁶². Причем, по мнению заместителя наркома ВМФ, на Тихоокеанском флоте необходимо было иметь не менее 100 подлодок, а «за 60 подлодок для Краснознаменного Балтийского флота нужно драться»⁶⁶³. Надо сказать, что лишь к июню 1941 г. эти флоты располагали указанным количеством субмарин.

Соответственно, в таком направлении и развивалось подводное судостроение в 1930-х годах. По третьей судостроительной программе для КБФ строились сразу 64 субмарины, что составляло 38% от числа всех заложенных подводных лодок в 1933-1938 гг. В 1935-м году начальником Отдела кораблестроения Управления Морских Сил РККА А. К. Сивковым было запланировано принять от промышленности в состав КБФ сразу 3 большие подлодки (IV серии), 10 средних подлодок (1 подлодку V-бис серии, 5 ПЛ V-бис-2 серии, 3 ПЛ X серии, 1 ПЛ типа «Н») и 16 малых подлодок VI-бис серии⁶⁶⁴. Кроме того, планировалось

⁶⁵⁹ Чернышев А. А. «Новики». Лучшие эсминцы Российского Императорского флота. С. 147-148. *Бережной С. С.* Крейсера и миноносцы: Справочник. С. 319-320, 329. (В июне 1933 г. эсминцы «Урицкий», «Карл Либкнехт» и «Валериан Куйбышев» перешли по Беломорско-Балтийскому каналу на Север и вошли затем в состав Северной военной флотилии.)

⁶⁶⁰ Линкор «Парижская коммуна» после своего перевода на Черное море в 1929 г., прошел большую модернизацию в 1933-1938 гг. на Севастопольском морском заводе. - См.: *Васильев А. М.* Первые линкоры Красного Флота. «Марат», «Октябрьская революция», «Парижская коммуна». С. 82-85.

⁶⁶¹ *Васильев А. М.* Первые линкоры Красного Флота. «Марат», «Октябрьская революция», «Парижская коммуна». С. 60, 66-70, 75-79. *Цветков И. Ф.* История отечественного судостроения. Т. 3. С. 492, 495-496, 514. *Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И.* История отечественного судостроения. Т. 4. С. 144-146.

⁶⁶² РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

⁶⁶³ Там же. Л. 12-13.

⁶⁶⁴ Там же. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 283. Л. 4-6.

осуществить капитальный ремонт на трех подлодках II-й серии, а также на лодках «Л-55» и № 13⁶⁶⁵. Однако, даже такие искусственно завышенные темпы строительства субмарин не выглядели для руководства Морских Сил РККА запредельными. Надо сказать, что дальнейшие перспективы пополнения КБФ подводными лодками представлялись командующему КБФ Л. М. Галлеру и начальнику Штаба КБФ А. К. Сивкову еще более радужными: к концу 1938 г. предполагалось иметь в боевом составе КБФ уже 6 больших подводных лодок, 43 средние ПЛ (типа «Щ» и «Н») и 30 малых ПЛ (типа «М»)⁶⁶⁶.

Количественный и качественный рост советского подводного флота носил столь стремительный характер, что на заседании Военного совета РККА 15 октября 1936 г. начальник Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов не без гордости сообщил всем присутствующим: «...Если взять количественный состав нашего подводного флота на 1-е октября текущего года (т.е. 1936 г. — П.П.), то по количеству подводных лодок мы уже перегнали все без исключения государства, в том числе и Северно-Американские Соединенные Штаты, Англию, Японию, Францию и Италию»⁶⁶⁷.

Соответственно, поступление подводных лодок в состав КБФ происходило весьма динамичными темпами. В течение 1935-1936 гг. Краснознаменный Балтийский флот получил от промышленности 5 средних подлодок типа «Щука» III, V-бис и V-бис-2 серий, с июля 1936 г. на флот стали поступать средние лодки типа «Щука» X серии (15 единиц) и большие подлодки типа «Правда» IV серии (3 единицы), а с сентября 1936 г. по июль 1938 г. для нужд флота строились 3 средние подлодки типа «С» IX серии. К тому же, с сентября 1935 г. по июнь 1936 г. КБФ получил 16 малых подлодок типа «Малютка» VI-бис серии (из них 4 штуки в конце лета 1939 г. были переданы Тихоокеанскому флоту), а в 1937-38 гг. на Балтике появилось еще 7 подводных лодок типа «М» XII серии. В конце 1939 г. КБФ пополнился еще семью субмаринами – 3 подлодками типа «С» IX серии и 4 подлодками типа «М» XII серии⁶⁶⁸. В течение 1940 г. в строй КБФ вступили еще 6 подлодок типа «С» IX-бис серии и 4 подлодки типа «М» XII серии⁶⁶⁹. Впрочем, командование ВМФ вовсе не собиралось останавливаться на достигнутых успехах: в январе 1941 г. заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков предполагал иметь к 1944-му году в составе КБФ 68 подводных

⁶⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 283. Л. 6.

⁶⁶⁶ Там же. Д. 313. Л. 9.

⁶⁶⁷ Там же. Д. 341. Л. 104.

⁶⁶⁸ Дмитриев В. И. Советское подводное кораблестроение. С. 101, 116, 139, 241, 243-245, 247-249, 252-254. Дмитриев В. И., Чемесов О. Г. В глубинах Балтики. М., 1988. С. 20-21. Игнатъев Э. П. Подводные лодки XII серии. СПб., 1996. С. 12. Балакин С. А., Морозов М. Э. Подводные лодки типа «С» // Морская коллекция. 2000. № 2(32). С. 5. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. «Месть» Сталина. Советские подлодки типа «М». М., 2010. С. 28, 67. Адмиралтейские верфи: Люди, корабли, годы. 1926-1996. С. 354-356. РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 66. Л. 189, 328.

⁶⁶⁹ Балакин С. А., Морозов М. Э. Подводные лодки типа «С» // Морская коллекция. 2000. № 2(32). С. 5. Игнатъев Э. П. Подводные лодки XII серии. СПб., 1996. С. 12.

лодок: 3 лодки типа «П», 16 лодок типа «С», 6 лодок типа «Л», 9 лодок типа «Щ» и 34 лодки типа «М»⁶⁷⁰.

По состоянию на 15 июля 1936 г. в составе подводных сил КБФ числилось 33 подводные лодки: 3 подлодки типа «П», 3 подлодки типа «Л», 11 подлодок типа «Щ», 14 подлодок типа «М», подлодки «Л-55» и «Б-2». Общее водоизмещение всех подводных лодок КБФ составляло 14925 тонн⁶⁷¹. На 28 сентября 1938 г. КБФ располагал уже 53 подводными лодками⁶⁷². К концу 1939 г. численность подводных сил КБФ достигла 49 подлодок, из них 27 боеготовых⁶⁷³. На 1 сентября 1940 г. Краснознаменный Балтийский флот имел в своем распоряжении уже 54 подводные лодки (10 лодок находились в ремонте), из них 1 подлодку типа «К», 6 подлодок типа «С», 3 подлодки типа «Л», 18 подлодок типа «Щ», 3 подлодки типа «П», 17 подлодок типа «М», 2 подлодки типа «Калев»⁶⁷⁴, 2 подлодки типа «Ронис»⁶⁷⁵ и 2 учебные подлодки («Л-55» и «Б-2»)⁶⁷⁶. А к 1 января 1941 г. в подводных силах Балтфлота имелось уже 67 подводных лодок, из них 4 большие подлодки типа «К», 3 подводных минных заградителя типа «Л», 17 больших и средних лодок типа «Д», «П» и «С», 21 средняя подлодка типа «Щ» и 22 малые подлодки типа «М»⁶⁷⁷. Начало Великой Отечественной войны на Балтике флот встретил, располагая в целом 95 субмаринами, из которых 53 единицы находились в строю⁶⁷⁸.

Строительство крупных надводных кораблей для нужд Балтики велось более медленно, чем это хотелось бы командованию ВМФ. Но и здесь также были достигнуты ощутимые успехи. Еще 5 ноября 1932 г. на Северной судостроительной верфи в Ленинграде был заложен по проекту 1 лидер эсминцев «Ленинград». Этот боевой корабль, сочетавший в себе весьма сильное артиллерийское и торпедное вооружение (пять 130-мм орудий и два 4-х трубных 533-мм торпедных аппарата) и высокую скорость хода (40 узлов), представлял собой качественно новый этап в отечественном судостроении. Не обошлось, правда, без

⁶⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 156.

⁶⁷¹ Там же. Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 261. Л. 4, 18.

⁶⁷² Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 278. Л. 14.

⁶⁷³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 3-4. Д. 573. Л. 2-3. *Петров П. В.* Подводные силы КБФ в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. // Тайфун. 1998. № 2. С. 40-41.

⁶⁷⁴ Бывшие подводные лодки «Калев» и «Лембит» ВМС Эстонии, принятые в состав КБФ 20 августа 1940 г. – См.: Eesti Riigiarhiiv (ERA). Fond 527. Spisok 1. Delo 1591. L. 337. *Гайдук А. А., Лапшин Р. В.* Военно-морские силы Прибалтийских государств 1918-1940 гг.: Справочник. СПб., 2009. С. 10-11. *Гринкевич В. И.* Краснознаменная подводная лодка «Лембит». Таллин, 1986. С. 4, 7. *Vladimir Koppelman.* Eesti meeskondade kõrvaldamine allveelaevadelt 1940. ja 1941. aastal // Allveelaev ajaloomälestisena. Eesti Meremuuseumi toimetised 2. Tallinn, 2001. S. 92, 98.

⁶⁷⁵ Бывшие подводные лодки «Ронис» и «Спидола» ВМС Латвии, принятые в состав КБФ 20 августа 1940 г. – См.: ERA. Fond 527. Spisok 1. Delo 1591. L. 337. *Гайдук А. А., Лапшин Р. В.* Военно-морские силы Прибалтийских государств 1918-1940 гг.: Справочник. С. 132-134.

⁶⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 16-17.

⁶⁷⁷ Там же. Д. 420. Л. 33-34.

⁶⁷⁸ *Гавриленко Г. И., Литинский Д. Ю.* История балтийского подплава // Тайфун. 1999. № 6. С. 30.

иностранной помощи: итальянская фирма «Галилео» изготовила для лидера прибор управления артиллерийской стрельбой (ПУС) «Централь».

Поскольку опыта создания таких кораблей у отечественной промышленности еще не имелось, сроки постройки «Ленинграда» сильно затянулись: официально его следовало передать флоту еще в августе 1935 г., но из-за неисправности рулевого управления сдача корабля всё время затягивалась. Поэтому на заводские ходовые и государственные испытания лидер вышел лишь осенью 1936 г. Во время государственных испытаний 5 ноября 1936 г. «Ленинград» развил рекордную для этого класса кораблей скорость – 43 узла (!), превысив на 3 узла спецификацию. В результате, лидер, который был оценен морскими специалистами как *«вполне современный корабль и должен быть отнесен в ряд лучших кораблей даже и при сравнении с иностранными»*, был официально передан ВМФ 5 декабря 1936 г. Однако, из-за многочисленных дефектов корабль до июля 1938 г. простоял у достроечной стенки завода № 190, где устранялись по гарантийным обязательствам многочисленные дефекты⁶⁷⁹. Неудивительно, что на заседании Военного Совета РККА в июне 1937 г. командующий КБФ флагман 1-го ранга А. К. Сивков признал, что корабль ещё не завершён и посетовал на то обстоятельство, что в таком виде *«его нельзя было принимать»*⁶⁸⁰.

Ленинградские кораблестроители решили не останавливаться на достигнутом, и 5 октября 1934 г. на Северной судостроительной верфи (с 1935 г. – судостроительный завод имени А. А. Жданова), на освободившемся после «Ленинграда» стапеле, состоялась закладка, уже по новому проекту 38, нового лидера эсминцев – «Минск». Водоизмещение нового лидера было немного уменьшено, артиллерийское и торпедное вооружение осталось без изменений, зато ПУС был установлен уже отечественного производства. Постройка нового лидера продвигалась также очень медленно; постоянно задерживались контрагентские поставки, многие узлы и агрегаты корабля приходилось неоднократно переделывать. Лишь в мае 1938 г. лидер «Минск» смог выйти на заводские испытания. 10 ноября «Минск» был передан Военно-Морскому Флоту, а 15 февраля 1939 г. на нем был поднят военно-морской флаг⁶⁸¹.

А спустя год после закладки «Минска», 22 октября 1935 г. произошло еще более знаменательное событие: на Балтийском судостроительном заводе (с 1937 г. – судостроительный завод № 189 имени С. Орджоникидзе) был заложен, по проекту 26,

⁶⁷⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1207. Л. 60-62. РГА ВМФ. Ф. Р-441. Оп. 14. Д. 70. Л. 11-12об., 46-48, 55. Д. 117. Л. 9-9об. Качур П. И., Морин А. Б. Лидеры эскадренных миноносцев ВМФ СССР. С. 34, 51, 90-92, 94, 238. Качур П. И. Лидеры типа «Ленинград» // Морская коллекция. 1998. № 6(24). С. 10-14.

⁶⁸⁰ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1-4 июня 1937 г.: Документы и материалы. С. 213.

⁶⁸¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3297. Л. 4. Качур П. И., Морин А. Б. Лидеры эскадренных миноносцев ВМФ СССР. С. 34, 96, 99, 121, 238. Качур П. И. Лидеры типа «Ленинград». С. 10-14.

первый советский крейсер – «Киров». Советская промышленность еще не имела опыта постройки кораблей такого класса, поэтому руководство решило прибегнуть к помощи итальянской стороны⁶⁸². Проектирование крейсера производилось с широким привлечением итальянской технической документации, полученной в соответствии с договором, заключенным между ЦКБС-1 (ЦКБ-17) и итальянской фирмой «Ансальдо»⁶⁸³. (Прототипом для «Кирова» был выбран итальянский крейсер «Раймондо Монтекуколи».) Крейсер был вооружен довольно тяжелыми для такого класса кораблей девятью 180-мм орудиями главного калибра, обладавшими, правда, невысокой скорострельностью. Помимо солидного артиллерийского вооружения, корабль имел и торпедное оружие – два 3-х трубных 533-мм аппарата. Скорость у крейсера «Кирова» была достаточно высокой – 36 узлов. Строительство крейсера двигалось очень быстрыми темпами: 30 октября 1936 г. он был спущен на воду, а 26 сентября 1938 г. официально вступил в строй КБФ. Правда, затем в течение года на корабле устранялись многочисленные недоделки, и фактически лишь к началу советско-финляндской войны он был полностью готов.

По своим тактико-техническим характеристикам легкий крейсер «Киров» не только не уступал зарубежным аналогам, но даже превосходил их по отдельным характеристикам (по дальности стрельбы и весу бортового залпа), хотя его бронирование было явно недостаточным. Вслед за КРЛ «Киров», было решено строить на Балтийском заводе по улучшенному проекту 26-бис следующий крейсер. По сравнению с «Кировым», на новом крейсере было усилено бронирование и увеличена дальность плавания, за счет установки более мощной ГЭУ. Вооружение корабля осталось почти без изменений. В соответствии с принятым решением, церемония закладки легкого крейсера «Максим Горький» состоялась 20 декабря 1936 г. Сам крейсер вступил в строй КБФ 12 декабря 1940 г.⁶⁸⁴

Однако крейсера проектов 26 и 26-бис не вполне удовлетворяли ВМФ ввиду несбалансированности своих тактико-технических характеристик и высокой стоимости, поэтому было решено приступить к постройке крейсеров нового типа, вооруженных 152-мм орудиями главного калибра. Уже в декабре 1938 г. технический проект нового крейсера проекта 68 прошел утверждение в Управлении кораблестроения ВМФ, а в начале 1939 г. заместитель наркома ВМФ И. С. Исаков утвердил заключение по проекту. В течение 1939-го года на ленинградских судостроительных предприятиях состоялась закладка сразу трех кораблей данного типа: на заводе № 189 31 августа был заложен крейсер «Валерий Чкалов»,

⁶⁸² История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963. Т. 3: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1937). Часть 1 (1927-1932). М., 2008. С. 614.

⁶⁸³ РГА ВМФ. Ф. Р-441. Оп. 14. Д. 56. Л. 20-24. Д. 113. Л. 5-7, 10.

⁶⁸⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3297. Л. 3. *Чернышев А. А., Кулагин К. Л.* Советские крейсера Великой Отечественной. От «Кирова» до «Кагановича». М., 2007. С. 8-9, 15, 45, 47, 48.

а 8 октября – крейсер «Чапаев», а на заводе № 194 приступили к строительству крейсера «Железняков»⁶⁸⁵.

В соответствии с постановлением Совета труда и обороны СССР № ОК-50сс была принята программа строительства серийных эскадренных миноносцев в количестве 54 единиц, из которых для Балтийского моря предназначались 22 эсминцев, для Тихого океана – 22 эсминца и для Черного моря – 10 эсминцев⁶⁸⁶. 27 ноября 1935 г. на ленинградском судостроительном заводе им. А. А. Жданова (с 1937 г. – завод № 190), по проекту № 7, был заложен головной эсминец «Гневный». Как и в случае с КРЛ «Киров», создание новых эсминцев осуществлялось с помощью итальянских кораблестроителей: фирма «Ансальдо» предоставила ЦКБС-1 необходимую техническую документацию и допустила советских специалистов к изучению технологии строительства своих кораблей. Непосредственно прототипами советского ЭМ стали итальянские эскадренные миноносцы «Фольгоре» и «Маэстрале».

Строительство эсминцев–«семерок» производилось с невиданным доселе размахом: на судостроительном заводе им. А. А. Жданова (№ 190) и на Балтийском судостроительном заводе им. С. Орджоникидзе (№ 189) было заложено соответственно 17 и 8 кораблей этого класса. В 1938 г. – начале 1939 г. из числа заложённых эсминцев проекта 7 на ленинградских судостроительных заводах №№ 189 и 190 были перезаложены по усовершенствованному проекту 7У сразу 15 кораблей. Головным стал ЭМ «Сторожевой», заложённый еще 26 августа 1936 г. В результате ускоренного строительства «сталинской» серии эсминцев, новые боевые единицы вскоре стали вступать в состав КБФ: в 1938-м году были получены эсминцы проекта 7 «Гордый», «Гневный», «Громкий», «Грозный», «Гремящий», «Сметливый» и «Стремительный», а в 1939-м году – «Грозный», «Стерегущий» и «Сокрушительный»⁶⁸⁷. В конце 1940 г. – весной 1941 г. были введены в строй КБФ еще четыре эсминца усовершенствованного проекта 7У – «Сторожевой», «Стойкий», «Сильный» и «Сердитый». 12 апреля 1941 г. на кораблях был поднят Военно-морской флаг⁶⁸⁸.

В отличие от подводных лодок, наращивание численности надводных сил КБФ в 1930-х годах происходило более медленными темпами. В начале 1935-го года руководством Морских Сил РККА планировалось ввести в состав КБФ в текущем году следующие

⁶⁸⁵ *Заблоцкий В. П.* Крейсера «холодной войны». М., 2008. С. 6-7.

⁶⁸⁶ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963. Т. 3: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1937). Часть 2 (1933-1937). С. 501.

⁶⁸⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3297. Л. 3-4. РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 65. Л. 107, 204. Д. 66. Л. 164. Д. 67. Л. 43. *Балакин С. А.* Легендарные «семёрки». Эсминцы «сталинской» серии. М., 2007. С. 5-6, 9. *Морин А. Б.* Эскадренные миноносцы типа «Гневный». СПб., 1994. С. 25.

⁶⁸⁸ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 147. Л. 288. *Балакин С. А.* Легендарные «семёрки». Эсминцы «сталинской» серии. С. 11. *Балакин С. А.* «Сообразительный» и другие: Эскадренные миноносцы проекта 7у // Морская коллекция.

надводные корабли: лидер «Ленинград», быстроходные тральщики «Заряд», «Буй», «Патрон», «Фугас», сторожевые корабли «Буря» и «Пурга»⁶⁸⁹. Кроме того, после переоборудования предполагалось получить минный заградитель «Марти» и плавбазы «Кронштадт» и «Полярная звезда»⁶⁹⁰. Несмотря на столь скромное начало, 30 августа 1935 г. командующий КБФ флагман 1-го ранга Л. М. Галлер и начальник Штаба КБФ флагман 2-го ранга А. К. Сивков в составленном ими плане предполагали к концу 1938-го года иметь в составе надводных сил Балтийского флота 3 линкора, 2 крейсера, 2 лидера, 12 новых эсминцев, 9 старых эсминцев, 9 сторожевых кораблей, 9 быстроходных эскадренных тральщиков, 5 базовых тральщиков, 102 торпедных катера и 20 катеров-охотников⁶⁹¹.

На 15 июля 1936 г. надводные силы КБФ были ещё невелики и включали в себя 2 линкора, 9 эсминцев, 3 сторожевых корабля, 4 базовых тральщика, 2 минных заградителя и 39 торпедных катеров. Общее водоизмещение надводных кораблей КБФ достигало 75686 тонн⁶⁹². К 28 сентября 1938 г. в состав надводных сил КБФ входили 2 линкора, 1 крейсер, 1 лидер, 7 эсминцев, 7 сторожевых кораблей, 1 канонерская лодка, 2 минных заградителя, 9 тральщиков, 16 сторожевых катеров, 42 торпедных катера⁶⁹³.

К концу 1939-го года, за счет мобилизации судов из других наркоматов (морского флота, речного флота) и введения в строй новых боевых кораблей, корабельный состав Краснознаменного Балтийского флота значительно увеличился. Накануне советско-финляндской войны, надводные силы КБФ имели в своем составе 2 линкора, 1 крейсер, 2 лидера, 11 эсминцев (из них 6 новых), 3 канонерские лодки, 13 сторожевых кораблей (из них 6 новых), 30 тральщиков (из них 10 новых), 33 сторожевых катера (из них 12 новых), 64 торпедных катера и 3 минных и сетевых заградителя⁶⁹⁴. В августе 1940-го года Краснознаменный Балтийский флот получил усиление в виде небольших военно-морских флотов прибалтийских стран – Эстонии и Латвии. В наследство от этих флотов КБФ получил 4 подводные лодки (из них 2 малые), 1 миноносец, 3 сторожевых корабля, 4 минных заградителя, 3 тральщика, 4 канонерские лодки и ряд более мелких кораблей и судов⁶⁹⁵.

В итоге, к 1 сентября 1940 г. Краснознаменный Балтийский флот располагал 2 линкорами, 2 крейсерами, 2 лидера, 11 эсминцев (из них 5 новых), 1 канонерской лодкой, 5

1997. № 6(18). С. 23-26. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог. Т. III. 1940-1952. М., 2001. С. 181.

⁶⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 283. Л. 6-7.

⁶⁹⁰ Там же. Л. 8-9.

⁶⁹¹ Там же. Д. 313. Л. 9.

⁶⁹² Там же. Оп. 3. Д. 261. Л. 4, 18.

⁶⁹³ Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 278. Л. 14.

⁶⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 2-2об., 4об. *Петров П. В.* Перечень кораблей и судов КБФ (на 30 ноября 1939 г., без учета Ладозской военной флотилии) // Тайфун. 1999. № 3. С. 36-37.

⁶⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 134-135. *Reet Naber.* Eesti Merejõudude juhatajad 1918-1940. Tallinn, 2004. S. 131.

минными заградителями (из них 4 малых), 8 сторожевыми кораблями, 14 быстроходными тральщиками, 22 тихоходными тральщиками, 51 торпедным катером, 22 бронекатерами, 11 сторожевыми катерами типа «МО-4», 19 сторожевыми катерами типа «Рыбинский», 5 учебными кораблями⁶⁹⁶. В результате предпринятых мер, к 1 января 1941 г. в надводных силах КБФ насчитывалось уже 2 линкора, 2 крейсера, 2 лидера, 23 эсминца (из них 16 новых), 7 сторожевых кораблей, 1 канонерская лодка, 26 малых охотников за подлодками, 25 сторожевых катеров, 31 тральщик, 71 торпедный катер, 22 бронекатера, 5 минных и сетевых заградителей и 6 глиссеров⁶⁹⁷.

Интересным будет отметить, что в январе 1941 г. начальник ГМШ и заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков в своих «Тезисах доклада по базированию КБФ на 1944 год» пришел к заключению, что в 1944-м году Краснознаменный Балтийский флот должен располагать следующим боевым составом: 2 линкора типа «Марат», 2 легких крейсера типа «Киров», 1 тяжелый крейсер «Петропавловск», 3 легких крейсера типа «Чапаев», 4 лидера, 44 эсминца, 15 сторожевых кораблей (из них 8 эскадренных), 2 минных заградителя, 30 базовых тральщиков, 16 эскадренных тральщиков, 182 торпедных катера, 20 больших охотников, 57 малых охотников⁶⁹⁸. Данные расчеты показывают, что командование РККФ планировало в перспективе очень значительное (можно сказать, даже чрезмерное) усиление надводных сил КБФ для столь ограниченного морского театра.

Помимо крупных надводных кораблей, Краснознаменный Балтийский флот медленно пополнялся и более мелкими боевыми единицами – сторожевыми кораблями и тральщиками. В октябре 1935 г. – сентябре 1936 г. вошли в строй сторожевики проекта 39⁶⁹⁹ «Буря» и «Пурга», а в сентябре-октябре 1938 г. – «Снег» и «Туча»⁷⁰⁰. Следует отметить, что новые сторожевые корабли первоначально получили невысокую оценку со стороны командования флотов. Так, например, командующий Черноморским флотом И. К. Кожанов более чем критически отнесся к тактико-техническим характеристикам данного класса кораблей, дав им нелицеприятную оценку: «... *Корабли ни то, ни сё*»⁷⁰¹. В данном случае, он, вероятно, имел в виду недостаточно сильное артиллерийское и торпедное вооружение, слабую ПВО и отсутствие средств обнаружения подлодок на кораблях этого проекта. (Впрочем, данные оценки были не совсем справедливы: как показал последующий опыт советско-финляндской и Великой Отечественной войн, это были весьма мореходные и надежные корабли.)

⁶⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 16-17.

⁶⁹⁷ Там же. Д. 420. Л. 33-35.

⁶⁹⁸ Там же. Д. 166. Л. 155-156.

⁶⁹⁹ Проект 39 являлся дальнейшим развитием (III и IV серии) проектов 2 (I серия) и 4 (II серия), по которым на Северной судовой верфи (заводе имени А. А. Жданова) было построено несколько СКР.

⁷⁰⁰ Чернышев А. А. Первенцы Сталинского флота. Сторожевые корабли типа «Ураган». С. 18.

⁷⁰¹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1-4 июня 1937 г.: Документы и материалы. С. 88.

Что касается быстроходных тральщиков проекта 3 типа «Фугас», то они вступали в строй необычайно медленными темпами. Здесь ситуация со строительством и укомплектованием флотов тральщиками выглядела откровенно неудовлетворительно. По расчетам Штаба Морских Сил РККА, общая потребность всех флотов в тральщиках была исчислена в 320 единиц. Фактически же, к концу 1935 г. в составе всех флотов имелось лишь 16 тральщиков, т.е. 5% от требуемого количества. В течение 1935 г. на верфях было заложено 18 минно-тральных кораблей, но ни один так и не был введен в строй. К 1936 г. для ВМФ сложилась крайне тяжелая ситуация с тральщиками. В июне 1936 г. заместитель НКО докладывал председателю Совета труда и обороны при СНК СССР, что старые тральщики пришли уже в негодность, а новые в 1936 г. так и не вступили в строй, как это было предусмотрено планом второй судостроительной программы. В целом, за время второй пятилетки было построено лишь 6 тральщиков, или 3,7% от всех построенных кораблей⁷⁰².

В 1936-м году командующий КБФ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер поставил перед начальником Морских Сил РККА флагманом флота 1-го ранга В. М. Орловым вопрос о необходимости увеличения минно-трального флота на Балтике, отметив следующее: «...Особенности Балтийского театра требуют, по сравнению со всеми другими театрами, усиленного количества тральщиков. Между тем, КБФ имеет годных для использования в 1936 г. только 2 старых ТЩ - “Клюз” и “Запал”...»⁷⁰³. В связи с вышеизложенными, Галлер просил передать Балтфлоту 4 новых тральщика, предназначенных для Тихоокеанского флота, в дополнение к 4-м другим тральщикам, строящимся для КБФ⁷⁰⁴. Однако, просьба Галлера осталась невыполненной, поэтому в следующем, 1937-м, году командование Краснознаменным Балтийским флотом в отчете по боевой подготовке флота за год с тревогой отмечало, что «...КБФ особенно остро испытывал недостаток в ТЩ...»⁷⁰⁵. Однако, и на это реакции со стороны командования Морских Сил РККА не последовало.

В ходе заседания Главного Военного совета ВМФ 13 мая 1938 г. заместитель наркома ВМФ П. И. Смирнов-Светловский особо подчеркнул, что особый упор следует взять на постройку тральщиков, и прямо указал, что «количество тральщиков должно быть увеличено». С этим мнением полностью согласился командующий КБФ Г. И. Левченко⁷⁰⁶. Тем более странно, что на заседании ГВС ВМФ в августе 1938 г., при рассмотрении программы военного судостроения на 1939-й год, в него была внесена следующая поправка:

⁷⁰² *Йолтуховский В. М.* Минная война на море (1921-1945). По опыту Краснознаменного Балтийского флота. СПб., 1998. С. 26. *Ананьев В. В., Йолтуховский В. М.* Боевая подготовка и деятельность тральных сил ВМФ СССР (1938-1945 гг.). СПб., 2004. С. 24.

⁷⁰³ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 331. Л. 1.

⁷⁰⁴ Там же. Л. 1.

⁷⁰⁵ Там же. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 72. Л. 39.

⁷⁰⁶ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 4. Л. 11-12, 13.

«... Число тральщиков новых типов уменьшить на 10 единиц и вместо них строить базовые дизельные тральщики...»⁷⁰⁷.

В итоге, в предвоенные годы КБФ постоянно испытывал нехватку минно-тральных кораблей. В течение 1937-1938 годов было введено в строй всего-навсего 4 быстроходных тральщика – «Фугас» («Т-204»), «Заряд» («Т-201»), «Буй» («Т-202»), «Патрон» («Т-203»), а в течение 1939 года – еще 6 тральщиков («Гафель» («Т-205»), «Верп» («Т-206»), «Шкив» («Т-208»), «Шпиль» («Т-207»), «Гак» («Т-210») и «Крамбол» («Т-213»))⁷⁰⁸. Корабли данного типа зачастую получали критические оценки со стороны военно-морских специалистов. Так, командующий Краснознаменным Балтийским флотом флагман 1-го ранга А. К. Сивков считал, что данные тральщики являются плохими, и необходимо строить ТЩ другой конструкции⁷⁰⁹.

Однако не только тактико-технические характеристики новых минно-тральных кораблей вызывали критику моряков; их количество совершенно не удовлетворяло потребности быстро растущих флотов. В докладе Военного совета КБФ от 19 августа 1939 г., адресованном на имя наркома ВМФ, говорилось о потребности Краснознаменного Балтийского флота сразу в 100-200 тральщиках⁷¹⁰. Учитывая тяжелую ситуацию с минно-тральным флотом, в Наркомате ВМФ составлялись ведомости судов, подлежащих оборудованию с момента объявления мобилизации⁷¹¹.

В сентябре-октябре 1939 г. Наркомат ВМФ объявил о мобилизации более 20 судов из состава Наркомата речного (НКРФ) и Наркомата морского флота (НКМФ) и ряда научно-исследовательских институтов⁷¹², которые были спешно переоборудованы под тральщики (типа «Ижорец») для нужд КБФ. В результате принятых мер, количество тральщиков на Балтике удалось довести до 28 единиц, новые ТЩ вошли в состав 3-го, 4-го и 5-го дивизионов тихоходных тральщиков Охраны водного района КБФ. Многие мобилизованные суда имели низкие тактико-технические характеристики и находились в плохом техническом состоянии, ввиду чего нуждались в проведении среднего или даже капитального ремонта. В

⁷⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 4. Л. 46.

⁷⁰⁸ Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 197-198. Бережной С. С. Корабли и суда ВМФ СССР, 1928-1945. С. 300-301. РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 65. Л. 326. Д. 66. Л. 261. Д. 67. Л. 263, 281.

⁷⁰⁹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1-4 июня 1937 г.: Документы и материалы. С. 213.

⁷¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 157. Л. 124-128. Йолтуховский В. М. Борьба с минной опасностью на Балтике (1941-1943). СПб., 1997. С. 33. Капитанец И. М. Война на море 1939-1945. Военно-морское искусство во Второй мировой и Великой Отечественной войнах. М., 2005. С. 117.

⁷¹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 456. Л. 54-68.

⁷¹² Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 68. Л. 45, 83. Д. 69. Л. 131-132. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 722. Л. 7-8, 10.

конце 1939 г. – начале 1940 г. большая часть мобилизованных тральщиков была отдана обратно прежним владельцам⁷¹³.

В 1940-м году Краснознаменный Балтийский флот пополнился всего-навсего четырьмя быстроходными тральщиками – «Кнехт» («Т-209»), «Рым» («Т-211»), «Штаг» («Т-212») и «Бугель» («Т-214»)⁷¹⁴. Однако, летом 1940 г., с присоединением к СССР республик Прибалтики, оперативный плацдарм КБФ увеличился почти в 10 раз, а в ряде новых военно-морских баз (Таллинн, Палдиски, Лиепая, Ханко) были сформированы свои собственные охраны водных районов (ОВР'ы), которые надо было укомплектовать тральщиками. Это привело к распылению и без того незначительных минно-тральных сил на Балтике⁷¹⁵.

В 1940-м году минно-тральные силы КБФ, включая мобилизованные у НКРФ суда (16 единиц), испытывали большое напряжение, поскольку были полностью заняты в масштабных работах по тралению своих прибрежных вод от выставленных в период советско-финляндской войны минных заграждений⁷¹⁶. В ходе тральных работ было потеряно два тральщика («Ленводпуть» № 103 и 104)⁷¹⁷. В «Отчете о боевой подготовке КБФ за 1940-й год» командующий флотом В. Ф. Трибуц подчеркивал: *«...Со всей очевидностью выявилась слабость трального флота КБФ; необходимо, как минимум, сейчас уже иметь по 12 ТЩ на базу и 18 ТЩ на Главную базу, а всего до 66 ТЩ. Имеется же 14 ТЩ, не хватает 52 ТЩ...»*⁷¹⁸.

Однако, несмотря на острый недостаток тральщиков на КБФ, командование ВМФ не особенно беспокоилось по данному поводу. Например, в январе 1941 г. заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков сообщил начальнику Оперативного управления ГМШ контр-адмиралу В. А. Алафузову, что *«приписка тральщиков по мобилизации на КБФ вызывает сомнение у тральных командиров»*, а потому потребовал пересмотреть решение по поводу мобилизации судов⁷¹⁹. В начале 1941 г. минно-тральные силы флота пополнились всего одним базовым тральщиком «Т-216», который был включен в состав ОВР'а Главной базы в Таллине⁷²⁰.

⁷¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 369. Л. 23. *Йолтуховский В. М.* Борьба с минной опасностью на Балтике (1941-1943). С. 32. *Йолтуховский В. М., Козлов А. А.* Противоминная оборона подводных лодок Балтийского флота (1941-1945 гг.). Монография. СПб., 2007. С. 65. *Гайдук А. А., Константинов В. М.* Огненные мили буксиров типа «Ижорец» // Морская коллекция. 2013. № 12(171). М., 2013. С. 10.

⁷¹⁴ *Бережной С. С.* Корабли и суда ВМФ СССР, 1928-1945. С. 301-302.

⁷¹⁵ *Йолтуховский В. М., Козлов А. А.* Противоминная оборона подводных лодок Балтийского флота (1941-1945 гг.). С. 66.

⁷¹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 41-43. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 817. Л. 3-5. *Йолтуховский В. М.* Минная война на море (1921-1945). По опыту Краснознаменного Балтийского флота. С. 46, 48, 50. *Ананьев В. В., Йолтуховский В. М.* Боевая подготовка и деятельность тральных сил ВМФ СССР (1938-1945 гг.). С. 41-43, 46.

⁷¹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 170. Л. 109, 122. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 44.

⁷¹⁸ Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 44.

⁷¹⁹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 180. Л. 5.

⁷²⁰ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 147. Л. 27.

В результате, к июню 1941 г. минно-тральные силы на Балтике насчитывали 47 единиц, но из них лишь 17 базовых тральщиков считались современными боевыми кораблями, и могли бороться с минными заграждениями из контактных мин (из оставшихся 16 были тихоходными тральщиками и 14 – катерами-тральщиками)⁷²¹. Даже строительство 15 новых эскадренных тральщиков не могло в принципе решить проблемы траления мин в случае войны. Мобилизация могла дать лишь 5-7 базовых и 15-20 катерных тральщиков. Однако самым большим недостатком в создании современного минно-трального флота было то, что отсутствовали корабли для траления неконтактных мин⁷²².

Нельзя не упомянуть и такое важное событие, как вступление в строй КБФ после длительной модернизации 29 ноября 1936 г. минного заградителя «Марти», переоборудованного на заводе № 194 им. А. Марти из бывшей императорской яхты «Штандарт»⁷²³. Однако, наличие в составе флота всего лишь одного корабля специальной постройки для осуществления обширных минных постановок, которые имели решающее значение для данного ТВД, вызывало законные опасения у командования флота. 25 сентября 1939 г. нарком ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов обратился в Правительство с просьбой передать КБФ из состава НКМФ корабль для его последующего переоборудования под минный заградитель, мотивируя это следующим образом: *«В связи с уходом в Арктику судов, предназначенных к оборудованию по мобилизации в качестве минных и сетевых заградителей, Краснознаменный Балтийский флот не имеет в своем распоряжении судов, имеющих такое же предназначение. Пароходы “Унжа”, “Пинега”, “Кара”, “Куйбышев” не могут быть использованы для этой цели. Поэтому прошу Ваших указаний Наркомату речного флота о передаче НКВМФ буксира “Гарибальди” для использования в качестве сетевого заградителя и Наркомату морского флота о передаче НКВМФ одного парохода из находящихся на Балтике, по выбору Командования КБФ, для использования и оборудования в качестве минного заградителя»*⁷²⁴.

10 октября нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов вновь повторил свою просьбу, мотивируя это тем, что зона минной обороны КБФ *«в данный момент включает в свой состав весь Финский, Рижский заливы и Моонзунд»*. Большая протяженность заграждаемых районов потребовала бы во время войны большого расхода мин, каковые поставить во всех этих районах, при наличии на КБФ лишь одного минного заградителя «Марти» было просто невозможно. Далее Кузнецов излагал свои соображения по этому поводу: *«Оборудование*

⁷²¹ Ананьев В. В., Йолтуховский В. М. Боевая подготовка и деятельность тральных сил ВМФ СССР (1938-1945 гг.). С. 51. Йолтуховский В. М. Борьба с минной опасностью на Балтике (1941-1943). С. 33.

⁷²² Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Научно-исторический труд. Т. III. Балтийский флот. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 29.

⁷²³ Адмиралтейские верфи: Люди, корабли, годы. 1926-1996. С. 59, 365.

⁷²⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 96. Л. 256.

пароходов под минные заградители даже при наличии подготовленного оборудования занимает около 45 суток, тогда как мины необходимо выставить в первые 10-15 дней войны. Следовательно, наличие в строю одного минного заградителя не обеспечивает решения задач, поставленных Краснознаменному Балтийскому флоту. Наиболее подходящим кораблем является теплоход «Дзержинский», который после оборудования сможет поднимать около 400 мин»⁷²⁵.

В связи с вышеизложенным, Кузнецов просил передать Наркомату ВМФ теплоход «Феликс Дзержинский» для использования его в качестве минного заградителя. Просьба наркома ВМФ была удовлетворена и в январе 1940 г. теплоход «Феликс Дзержинский» был передан в состав КБФ для использования в качестве надводного минного заградителя. Затем завод № 190 в течение почти всего 1940-го года производил переоборудование «Дзержинского» под минный заградитель⁷²⁶. В итоге, 22 октября 1940 г. новый минный заградитель, переименованный в «Урал», вошел в состав флота⁷²⁷. Кроме того, в августе 1940-го года КБФ получил от ВМС Эстонии два минных заградителя – «Сууроп» и «Ристна»⁷²⁸, но эти старые колесные пароходы были скорее музейными экспонатами, чем боевыми единицами, и поэтому не представляли собой большой ценности.

Но и этих минно-заградительных сил было крайне недостаточно, поэтому в конце 1940-го года заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков приказал Военному совету КБФ произвести отбор 6-8 судов из числа вспомогательного флота *«на предмет их переоборудования под минные заградители в течение периода зимнего 1940-41 гг. ремонта»*. Кроме того, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов вошел в Правительство с ходатайством о передаче Наркомату ВМФ теплохода «Сибирь», для его последующего переоборудования под минный заградитель⁷²⁹. Однако, данные меры до начала войны с Германией осуществить так и не удалось.

Крупным недостатком КБФ, как и ВМФ в целом, было полное отсутствие десантных кораблей специальной постройки. Поэтому во время учений и боевых операций для перевозки сил десанта использовались обычные транспорты, буксиры и другие плавучие средства. Это сильно понижало боеспособность Советского Военно-Морского Флота, сильно ограничивало его возможности при проведении десантных операций. Причина такого положения заключалась в том, что командование РККА считало, что все задачи в

⁷²⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 96. Л. 320.

⁷²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 719.

⁷²⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 126. Л. 119. *Бережной С. С.* Корабли и суда ВМФ СССР, 1928-1945. С. 457. *Платонов А. В.* Энциклопедия советских надводных кораблей, 1941-1945. С. 296.

⁷²⁸ ERA. Fond 527. Spisok 1. Delo 1591. L. 337. *Гайдук А. А., Лапишин Р. В.* Военно-морские силы Прибалтийских государств 1918-1940 гг.: Справочник. С. 27.

⁷²⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 167. Л. 312.

приморских районах армия сможет решать своими силами и средствами, а потому возражало против строительства десантных кораблей для нужд ВМФ⁷³⁰. В итоге, получилось, что на Балтике в 1940-м году имелась 1-я бригада морской пехоты, а собственных морских средств для перевозки и десантирования личного состава она не имела.

Но все же, наиболее острую нужду Краснознаменный Балтийский флот испытывал во вспомогательных судах разного назначения – транспортах, ледоколах, буксирах, танкерах, водоналивных судах и пр. Надо сказать, что состояние транспортного и вспомогательного флота на Балтике к середине 1930-х годов внушало большие опасения руководству как военно-морского, так и торгового флота. В марте 1935 г. начальник Балтийского государственного морского пароходства Бронштейн информировал секретаря ЦК ВКП(б) и первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданова о крайне неудовлетворительном состоянии имевшегося транспортного и вспомогательного флота: *«...Показатели технического состояния транспортного флота резко снижаются с каждым годом... Ещё хуже обстоит дело с техническим флотом, состоящим из 60 единиц со средним возрастом 30 лет. И в совершенно отчаянном положении вспомогательный флот, который насчитывает в своих рядах десятков “дедушек русского флота”. Итак, физический и моральный износ нашего флота чрезвычайно велик...»*⁷³¹. В своих выводах начальник БГМП подчеркнул, что *«техническое состояние флота (земкараван, транспортный и вспомогательный флот) тревожно и имеет определенную тенденцию к дальнейшему ухудшению»*⁷³².

В августе 1935 г. командующий КБФ Л. М. Галлер в своей объяснительной записке к схеме базирования флота указывал на необходимость срочного строительства (или покупки) для нужд флота следующих плавучих средств: водолеев – 2, нефтевозов – 2, ледоколов – 1, больших буксиров – 6, средних буксиров – 10, рейдовых буксиров – 10, посыльных судов – 3, рефрижератор – 1, килекторов – 2, транспортов сухогрузных – 2⁷³³. В отчете по боевой подготовке КБФ за 1937-й год подчеркивалось, что *«в течение 20 лет плавучие средства Главного военного порта почти не имели пополнения, постепенно изнашивались и выходили в тираж»*⁷³⁴. И далее приводился такой весьма тревожный факт: *«...В итоге, в 1937 году КБФ располагал десятью (по списку) мореходными буксирами, против 192 (!), имевшихся в 1916 году... В такой же мере затруднял боевую подготовку и недостаток посыльных судов и, наконец, каких бы то ни было судов, способных поднимать современные торпеды и мины,*

⁷³⁰ Жуматий В. И. Морские десантные операции Вооруженных сил СССР. Морская пехота в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны 1918-1945. М., 2011. С. 80.

⁷³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1213. Л. 1, 3.

⁷³² Там же. Л. 4.

⁷³³ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 313. Л. 14.

⁷³⁴ Там же. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 72. Л. 7.

что в свою очередь отрицательно сказывалось на минной и торпедной огневой подготовке»⁷³⁵.

Спустя некоторое время, на заседании Главного Военного совета ВМФ в июле 1938 г., посвященном вопросам базирования флота, заместитель наркома ВМФ И. С. Исаков отметил крайне плохую обеспеченность КБФ вспомогательными судами: *«...У нас нет танкеров, плавбаз и прочих вспомогательных средств...»⁷³⁶*. На заседании Военного совета КБФ, проходившем в июне 1939 г., командование флотом пожаловалось наркому ВМФ на то, что *«нет вспомогательного флота (вышел из строя последний (!) водолей)»*. Отдельно было отмечено плохое положение с нефтеналивными судами⁷³⁷. Также была отмечена необходимость флота в высадочных средствах для специальных десантных частей⁷³⁸. Вопрос о острой нехватке нефтеналивных судов на Балтике (*«из имеемых двух старых постройки 1898 г. нефтеналивных транспортов на ходу имеется только один, другой в ремонте»*) также ставился Военным советом КБФ перед вторым секретарем Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецовым в мае 1939 г.⁷³⁹.

По этому вопросу командование РККФ и КБФ также неоднократно ставило в известность Правительство. Не исключались даже такие экстраординарные меры, как закупка необходимых судов в других странах. Например, 11 июля 1939 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов докладывал секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову: *«Докладываю о том, что вопрос о вспомогательном флоте вторично обсуждался на заседании Главного Военного совета РККФ 9.7.39 г. В результате обсуждения Главный Военный совет РККФ, учитывая крайне тяжелое положение со вспомогательным флотом в РККФ, признал необходимым войти в Правительство с ходатайством о немедленном приобретении за границей следующих судов (из общего числа приведенных в моем докладе за № 1398сс от 17.5.39 г. и испрашиваемых к приобретению на 1939-40 годы): 1) Буксиров морских водоизмещением 700-1000 тонн для: ТОФ - 2 единицы, КБФ - 2 единицы, ЧФ - 2 единицы, СФ - 1 единицу. Всего: 7 единицы; ... 4) Танкеров мазутных грузоподъемностью 1500 тонн для Черноморского и Краснознаменного Балтийского флотов - 2 единицы; ...6) Водоналивных судов грузоподъемностью 1200 тонн для ТОФ и КБФ - 2 единицы...»⁷⁴⁰*. Тогда же командование ВМФ информировало Наркомат судостроительной промышленности и Комитет обороны при

⁷³⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 72. Л. 7-8.

⁷³⁶ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.

⁷³⁷ Там же. Д. 14. Л. 420.

⁷³⁸ Там же. Л. 421.

⁷³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3594. Л. 72-73.

⁷⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 90. Л. 140-141.

СНК СССР о том, что «положение с обеспечением ВМФ вспомогательными судами и плавсредствами является угрожающим»⁷⁴¹.

В дальнейшем, вопрос о пополнении вспомогательного флота корабельным составом не терял прежней остроты. В октябре 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов вновь поставил перед Комитетом обороны при СНК СССР вопрос о неудовлетворительном состоянии вспомогательных судов и плавсредств⁷⁴². Командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц в своем отчете по боевой подготовке КБФ за 1940-й год с тревогой отмечал, что «рост вспомогательного состава флота резко отстает от роста боевого состава»⁷⁴³. В качестве доказательства, Трибуц проиллюстрировал это утверждение следующим наглядным примером: если в 1917 г. Флот Балтийского моря имел 339 боевых кораблей и 474 вспомогательных судна (то есть, соотношение 41% и 59%), то в 1940-м году КБФ располагал 248 боевыми кораблями и лишь 138 вспомогательными судами (64% и 36%)⁷⁴⁴. Иными словами, если до революции на Балтийском флоте вспомогательных судов было в 1,4 раза больше, чем боевых кораблей, то в 1940-м году, наоборот, их было почти в 2 раза меньше.

В результате предпринятых мер, к 1 января 1941 г. Краснознаменный Балтийский флот имел в своем составе 6 транспортов, 64 буксира, 3 плавмастерские, 2 учебные парусные шхуны, 12 плавкранов, 3 землечерпалки, 1 киллектор, 2 десантных болиндера, 1 плавучий док, 13 мотоботов, 227 моторных катеров, 8 паровых катеров, 1 плавбаза, 8 опытовых кораблей, 4 торпедозаправщика, 1 кабельное судно, 5 пассажирских транспортов, 121 баржу⁷⁴⁵. Нельзя не отметить, что к началу Великой Отечественной войны Краснознаменный Балтийский флот располагал всего лишь 4 нефтеналивными и 2 водоналивными судами⁷⁴⁶. Как мы видим, некоторый прогресс имел место, хотя реальные потребности КБФ в данных судах были значительно больше.

Итак, в ходе проведения первой и второй пятилеток Морские силы Балтийского моря и Краснознаменный Балтийский флот получил достаточно много современных боевых кораблей различных классов, что позволило ему существенно повысить свою боевую мощь и выйти на качественно новый уровень. Однако нельзя забывать при этом о того

⁷⁴¹ Краснов В. Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. М., 2004. С. 146.

⁷⁴² Там же. С. 147.

⁷⁴³ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 161.

⁷⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 161, 166. Боевое расписание Балтийского флота на 1917 год. [Б./м., б./г.] С. 1-32.

⁷⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 420. Л. 36-38.

⁷⁴⁶ Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Научно-исторический труд. Т. III. С. 29. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941-1945 гг. В 4-х кн. Кн. 1. Оборона Прибалтики и Ленинграда 1941-1944 гг. М., 1990. С. 18. Чернышев А. А. 1941 год на Балтике: подвиг и трагедия. М., 2009. С. 24, 28.

немаловажного обстоятельства, что Балтийский флот в эти годы не только увеличивал свои собственные надводные и подводные силы, но и служил ещё и материальной базой для создания и усиления военно-морских сил на других морских театрах (прежде всего, на Севере и на Тихом океане).

22 ноября 1929-го года линейный корабль «Парижская коммуна» и крейсер «Профинтерн» вышли из Кронштадта, а затем совершили тяжелый двухмесячный переход с Балтики на Черное море, и 18 января 1930 г. вошли в Севастополь. Корабли были включены в состав Морских сил Черного моря (МСЧМ)⁷⁴⁷. В 1932-м году, при немалой организационной помощи балтийских моряков, были созданы Морские силы Дальнего Востока (МСДВ). В частности, с 1932 г. по 1 июля 1934 г. на Дальний Восток из Ленинграда было отправлено для последующей сборки 25 средних подводных лодок типа «Щ» трех серий (12 единиц V серии, 8 единиц V-бис серии и 5 единиц V-бис-2 серии) и 4 сторожевых корабля («Метель», «Вьюга», «Молния», «Зарница») ⁷⁴⁸. В июле-октябре 1936 г. из Кронштадта на Тихий океан перешли Северным морским путем эсминцы КБФ «Сталин» и «Войков»⁷⁴⁹. А в 1939-м году из Ленинграда по железной дороге были доставлены на Дальний Восток 4 средние подлодки типа «Щ» X-бис серии⁷⁵⁰. В июне-августе 1939 г. совершил переход из Кронштадта на Дальний Восток отряд кораблей КБФ в составе четырех базовых тральщиков («Т-1», «Т-2», «Т-3» и «Т-4») ⁷⁵¹. Тогда же железнодорожным путем на ТОФ были отправлены еще 4 малые подлодки VI-бис серии⁷⁵².

В 1933 г. советским правительством было принято решение о создании военно-морских сил в Заполярье – Северной военной флотилии (СВФ). Для этой цели, по недавно введенному в строй Беломорско-Балтийскому каналу, из Балтийского моря в Баренцево море, весной-летом 1933 г. были переведены двумя отрядами (экспедициями особого назначения (ЭОН) № 1 и 2) эсминцы «Урицкий», «Карл Либкнехт» и «Валериан Куйбышев», сторожевые корабли «Гроза», «Ураган» и «Смерч», подлодки «Декабрист», «Народоволец» и «Красногвардеец»⁷⁵³. Этим же маршрутом летом 1937 г. были переведены с Балтийского в

⁷⁴⁷ Васильев А. М. Первые линкоры Красного Флота. «Марат», «Октябрьская революция», «Парижская коммуна». С. 60-61. Чернышев А. А. Гвардейские крейсера Сталина – «Красный Кавказ», «Красный Крым», «Червона Украина». С. 92, 96. Кузнецов Л. А. «Поставить иностранные державы перед свершившимся фактом» // Гангут. 2013. № 75. С. 103-132.

⁷⁴⁸ Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей, 1941-1945. С. 260-261. Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок, 1941-1945. С. 147-167. Бережной С. С. Подводные лодки. Ч. 2 (I-IX-бис серии). Харьков, 1997. С. 12-16, 18-19. Адмиралтейские верфи – подводному флоту России. Под общ. ред. В. Л. Александрова. СПб., 2003. С. 8, 176.

⁷⁴⁹ Чернышев А. А. «Новики». Лучшие эсминцы Российского Императорского флота. С. 158-159.

⁷⁵⁰ Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок, 1941-1945. С. 218-219.

⁷⁵¹ Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей, 1941-1945. С. 326-327.

⁷⁵² Морозов М. Э., Кулагин К. Л. «Месть» Сталина. Советские подлодки типа «М». М., 2010. С. 67.

⁷⁵³ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. С. 589-590. Самко Ю. Г. История создания и развития подводных сил Северного флота // Тайфун. 1997. № 1(3). С. 29. Щедролов В. В. История создания и развития надводных сил Северного флота // Тайфун. 1997. № 5(7). С. 27-28.

Баренцево море четыре подлодки типа «Щ» X серии⁷⁵⁴. Следующее крупное пополнение пришло на Северный флот с Балтики в 1939 г., когда туда были отправлены эсминцы «Громкий», «Грозный», «Гремящий» и «Сокрушительный», а также 4 средние подлодки типа «Щ» X серии и 6 малых подлодок типа «М» XII серии⁷⁵⁵. В течение 1940 г. КБФ передал другим флотам еще целый ряд боевых кораблей: Тихоокеанскому флоту – две подлодки типа «М», Северному флоту – эсминец «Стремительный» и две подлодки типа «К», Черноморскому флоту – 12 торпедных катеров и 3 подлодки типа «М»⁷⁵⁶.

С начала 1930-х годов происходило также и активное перевооружение авиационных частей Военно-воздушных сил Морских сил Балтийского моря (ВВС МСБМ) на новые типы боевых самолетов. Ещё в период первой пятилетки на вооружение авиации флота стали поступать первые самолеты отечественной конструкции – истребители «И-2», разведчики «Р-3» и гидросамолеты «РОМ-1», «МР-1». Использовались в незначительном количестве немецкие корабельные гидросамолеты HD-55 фирмы «Хейнкель» (советское обозначение – КР-1), находившиеся в составе 51-го авиаотряда (12 штук). Затем, в первой половине 1930-х гг. авиация Морских сил Балтийского моря получила в свое распоряжение истребители «И-4» и гидросамолеты «МР-6», «ТБ-1», «Р-6» и «МБР-2». Но с середины 1930-х гг. стали поступать более современные образцы авиационной техники – истребители «И-15», «И-15бис», «И-16», «И-153», скоростные бомбардировщики «СБ», дальние бомбардировщики и торпедоносцы «ДБ-3Т», разведчики «Р-5»⁷⁵⁷.

Наконец, в 1940-1941 гг. соединения и части морской авиации на Балтике стали получать на вооружение самые последние образцы авиационной техники – бомбардировщики «ДБ-3ф» и «АР-2», истребители «МиГ-3» и «Як-1»⁷⁵⁸. Как можно видеть, данные типы боевых самолетов изначально предназначались для армейской авиации, специальных морских самолетов не создавалось. Несмотря на предпринятые усилия, к началу Великой Отечественной войны полностью обновить авиационный парк ВВС Балтфлота так и не удалось, и он был представлен, по большей части, устаревшими типами самолетов.

⁷⁵⁴ Морозов М. Э., Кулагин К. Л. «Щуки». Легенды Советского подводного флота. М., 2008. С. 138. Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок, 1941-1945. С. 200-207. Самко Ю. Г. Указ. соч. С. 29.

⁷⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 67. Л. 183. Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. С. 621. Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок, 1941-1945. С. 209-214, 332-339. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. «Щуки». Легенды Советского подводного флота. С. 138. Самко Ю. Г. Указ. соч. С. 29.

⁷⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 139. Самко Ю. Г. Указ. соч. С. 29.

⁷⁵⁷ Centralne Archiwum Wojskowe (CAW), Oddzial II Sztabu Glownego. Sygn. I.303.4.2047. Егоров В. Г., Масагин В. П., Амосин Б. М. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 4. Калининград, 2001. С. 75-78. Иванов П. Н. Крылья над морем: История создания, развития и боевой деятельности авиации ВМФ СССР. М., 1973. С. 50-51. Лаврентьев Н. М., Гуляев С. А., Минаков В. И., Шульженко А. П. и др. Авиация российского флота. СПб., 1996. С. 45-47.

Численность морской авиации на Балтийском море стремительно росла. Еще в конце 1935 г., когда в составе Военно-воздушных сил КБФ имелось всего лишь 8 авиаэскадрилий общей численностью в 159 самолетов, командующий КБФ Л. М. Галлер разработал более чем амбициозный план развития авиации Балтфлота. В соответствии с этим планом, одобренным начальником Морских Сил РККА, планировалось иметь в составе ВВС КБФ к 1939-му году тяжелый авиакорпус, торпедо-миноносную авиабригаду, морскую дальнеразведывательную авиабригаду, морскую ближнеразведывательную авиабригаду, истребительную авиабригаду, штурмовую авиаэскадрилью, отдельный корректировочный авиаотряд, отдельный авиаотряд ПВО, отдельный авиаотряд торпедных катеров волнового управления общей численностью в 618 самолетов⁷⁵⁹. К ноябрю 1937 г. Военно-воздушные силы КБФ состояли уже из 3 авиабригад и 12 отдельных авиаэскадрилий и авиаотрядов⁷⁶⁰.

В конце ноября 1939 г., к началу советско-финляндской войны, Военно-воздушные силы КБФ состояли из 61-й истребительной, 8-й бомбардировочной и 10-й смешанной авиабригад, 15-го разведывательного авиаполка, 41-й отдельной разведывательной авиаэскадрильи и 71-го отдельного корректировочного авиаотряда общей численностью 410 боеготовых самолетов⁷⁶¹.

К 1 сентября 1940 г. авиация Краснознаменного Балтийского флота имела в своем составе 519 боевых самолетов, из них 245 истребителей, 132 бомбардировщика «ДБ-3» и «СБ», 128 разведчиков «МБР-2», 11 разведчиков «Р-5» и 3 бомбардировщика «ТБ-3»⁷⁶². А на 22 июня 1941 г. количественный состав авиации КБФ достиг уже 656 боевых самолетов, из них 353 истребителя, 172 бомбардировщика и торпедоносца и 131 разведчик. Причем, летчики морской авиации начали осваивать новую технику - истребители «МиГ-3» и «Як-1», бомбардировщики «ДБ-3» и «АР-2», количество которых, правда, было невелико⁷⁶³.

Тем не менее, данная численность ВВС Балтийского флота отнюдь не соответствовала тем многочисленным, амбициозным задачам, которые стояли перед ними согласно оперативным планам КБФ 1940-1941 годов. В соответствии с «Расчетной потребностью авиации ВМФ СССР», составленной еще весной 1940 г., общая численность авиации КБФ должна была составлять 1273 самолетов, из них 420 бомбардировщиков и торпедоносцев,

⁷⁵⁸ Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941-1945 гг. В 4-х кн. Кн. 1. Оборона Прибалтики и Ленинграда 1941-1944 гг. С. 19. *Лаврентьев Н. М., Гуляев С. А., Минаков В. И., Шульженко А. П. и др.* Указ. соч. С. 48, 55.

⁷⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 318. Л. 4об.

⁷⁶⁰ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 290. Л. 56.

⁷⁶¹ Там же. Д. 624. Л. 15.

⁷⁶² Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 17.

⁷⁶³ Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941-1945 гг. В 4-х кн. Кн. 1. Оборона Прибалтики и Ленинграда 1941-1944 гг. С. 18-19. Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941-1944 гг. Отв. ред. В. И. Ачкасов. М., 1973. С. 7.

450 истребителей, 66 штурмовиков, 216 ближних и средних разведчиков. Однако подобную грандиозную задачу предполагалось выполнить лишь к 1947-му году⁷⁶⁴.

Подводя итоги развития Морских сил Балтийского моря (Краснознаменного Балтийского флота) за 20 предвоенных лет – с 1921 по 1941 годы, следует отметить, что он (как и Морские Силы РККА в целом) прошёл за это время три основных этапа.

Первый этап (1921-1926 гг.) характеризовался значительным сокращением флота и списанием большого количества боевых кораблей. Новых кораблей в это время, из-за финансовых трудностей, вообще не строилось, но зато подверглись модернизации, достройке и капитально-восстановительному ремонту многие старые корабли (линкоры, крейсера, эсминцы, подводные лодки). В 1920-е годы началась выработка стратегии применения Рабоче-Крестьянского Красного флота (РККФ) в будущей войне. Проходили дискуссии на тему дальнейшего строительства Военно-Морского Флота и характера его применения в будущей войне.

Второй период (1927-середина 1930-х гг.) знаменует собой переход от послевоенного восстановления флота к его активному строительству. В этот период шла острая борьба «молодой» школы (А. Якимичев, А. Александров, Н. Алякринский, С. Столярский) со старой» школой (Б. Б. Жерве, М. А. Петров). Как известно, в это время возобладала «молодая школа», отстаивавшая необходимость наличия так называемого «москитного флота» (подлодки, боевые катера и морская авиация). Данная теория отрицала возможность самостоятельных операций флота и борьбу за господство на море. Старая школа, отстаивавшая классическую «теорию владения морем» А. Мэхэна и К. Колумба, и соответственно, необходимость наличия сильного линейного флота, подверглась репрессиям в конце 1920-х - начале 1930-х гг. В соответствии с принятой концепцией «малого флота», для нужд Морских сил Балтийского моря в эти годы строились сравнительно небольшие и относительно недорогие корабли (сторожевые корабли пр. 2, тральщики пр. 3, торпедные катера типа «Г-5» и сторожевые катера типа «МО-4», подводные лодки типа «Д»), необходимые, прежде всего, для обороны собственного побережья, а также увеличивалась морская авиация. В итоге, Морские силы Балтийского моря стали довольно быстро пополняться новыми типами боевых кораблей.

Наконец, с середины 1930-х гг. по начало 1941 г., проходил третий период развития КБФ, отмеченный введением в строй флота крупных боевых единиц – новых легких крейсеров (пр. 26 и 26-бис), лидеров эсминцев (пр. 2 и 38), эскадренных миноносцев (пр. 7 и 7у), а также закладкой новейших линкоров (пр. 23) и тяжелых крейсеров (пр. 69). Надо сказать, что в этот период военно-политическое руководство СССР постепенно подходит к

⁷⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. 150. Л. 21-22.

идее создания «Большого», океанского флота. В июне 1936 г. Генеральным штабом РККА и Управлением ВМС РККА была выдвинута программа «крупного морского судостроения», в феврале 1938 г. – «Большая судостроительная программа», а в августе 1939 г. был представлен на утверждение правительства «10-летний план строительства кораблей ВМФ»⁷⁶⁵. Во всех этих программах основной акцент был сделан на постройку, причем в большом количестве, надводных кораблей (линкоров, тяжёлых и лёгких крейсеров, лидеров и эскадренных миноносцев), хотя и подводным лодкам была отведена при этом немалая роль.

Предварительные итоги развития Краснознаменного Балтийского флота за период 1930-х годов отразил в своих выводах начальник Штаба флота капитан 1-го ранга В. Ф. Трибуц весной 1939 г.: *«На данном этапе развития и строительства нашего Военно-Морского Флота в составе КБФ подавляющим элементом являются наши подводные лодки, наша многочисленная и быстро растущая морская авиация и легкие силы в лице новых крейсеров, лидеров, миноносцев, торпедных катеров и наши укрепленные районы, пополняемые новой современной техникой»*⁷⁶⁶. Далее Трибуц обосновал данную систему приоритетов в строительстве флота. По его мнению, *«незначительное количество крупных боевых высокоценных объектов, какими являются линкоры, составляющие основу надводного флота, требуют сложного и громоздкого обеспечения»*. Риск потерь таких кораблей в случае войны, как считал В. Ф. Трибуц, довольно велик, а последующее их восстановление очень длительно или даже невозможно⁷⁶⁷.

В то же время, авиационные и подводные соединения флота требуют относительно меньшего обеспечения, особенно в море (кроме баз и обеспечения выходов), а *«массовый характер отдельно и скрытно действующих единиц (подлодок) или высокоподвижных соединений (авиа) делает тактический риск не столь существенным и, в то же время, допускает их оперативное массирование, когда это выгодно по обстановке»*⁷⁶⁸. Как мы видим, в данном заявлении В. Ф. Трибуца была сформулирована, с некоторыми коррективами в отношении крупных кораблей, программа строительства Советского ВМФ накануне Великой Отечественной войны.

Результаты осуществления советских судостроительных программ накануне войны с Германией на первый взгляд выглядели впечатляюще. К 22 июня 1941 г. надводные силы КБФ включали в себя: 2 линкора, 2 крейсера, 2 лидера, 19 новых эсминцев (из них 5 в

⁷⁶⁵ Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 230-237, 244-246, 249-254. Грибовский В. Ю. Рабоче-крестьянский Военно-Морской Флот в предвоенные годы 1936-1941. С. 9-10, 25-26, 29-30.

⁷⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 492. Л. 151.

⁷⁶⁷ Там же. Л. 151.

⁷⁶⁸ Там же. Л. 151-152.

достройке), 7 старых эсминцев (из них 1 в ремонте), 7 сторожевых кораблей (из них 3 в ремонте), 2 канонерские лодки, 18 базовых тральщиков (из них 4 в достройке и 1 в ремонте), 17 тихоходных тральщиков, 4 надводных заградителя, 48 сторожевых катеров типа «МО», 79 торпедных катеров, 4 бронекатера, 6 плавбаз подводных лодок.

В подводные силы Балтийского флота входили: 9 больших подлодок типа «К» (из них 7 в достройке и 2 уходили на Северный флот), 15 средних подлодок типа «С» (из них 1 в достройке и 2 уходили на Север), 4 подводных минных заградителя типа «Л» (из них 2 в достройке и 1 в ремонте), 24 средние подлодки типа «Щ» (из них 6 в достройке и 2 в ремонте), 27 малых подлодок типа «М» (из них 6 в достройке и 1 в ремонте), 3 большие подлодки типа «П» и 7 старых подлодок⁷⁶⁹.

Вспомогательный флот КБФ насчитывал 190 судов, в том числе 12 транспортов, 40 ледаколов и буксиров, 10 плавучих кранов, 21 наливная баржа, 12 угольных барж, 35 сухогрузных барж, 15 плашкоутов, 14 различных катеров, 2 санитарные баржи, 5 специальных судов, 4 танкера, 1 киллектор⁷⁷⁰.

Военно-воздушные силы КБФ состояли из 61-й истребительной авиабригады, 10-й авиабригады, 8-й бомбардировочной авиабригады и 15-го разведывательного авиаполка, а также учебного центра и насчитывали 714 самолетов⁷⁷¹.

Оценивая в целом развитие Краснознаменного Балтийского флота, нельзя не отметить, что на него влиял в значительной степени мировой опыт военного судостроения того времени и господствовавшие в нем тенденции. Советское политическое и военное руководство, пожелавшее иметь полноценный Военно-Морской Флот, соответствующий статусу великой державы и способный выполнять все боевые задачи, с середины 1930-х годов проявляло определенную склонность к созданию крупных надводных боевых кораблей – линкоров и крейсеров. В то же время, руководство СССР не собиралось отказываться и от такого важного компонента флота, как подводные лодки, в создании которых были достигнуты значительные успехи. Таким образом, создаваемый во второй половине 1930-х годов большой, океанский ВМФ носил в целом универсальный характер и был в принципе готов к решению любых задач в рамках составляемых планов войны. Однако при его строительстве военным руководством был всё же допущен ряд досадных промахов, весьма наглядно проявившихся на примере Краснознаменного Балтийского флота. Данные

⁷⁶⁹ Таблица корабельного состава сил КБФ и дислокация перед началом войны. Приложение № 2 к «Краткому обзору боевых действий КБФ за период с 22.06 по 31.12.1941 года». - РГА ВМФ. Материалы фонда Р-2251. *Егоров В. Г., Амосин Б. М., Беленьков С. В. и др.* Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 2. С. 133.

⁷⁷⁰ Ведомость наличия и потерь плавсредств тыла Краснознаменного Балтийского флота за период войны с 22.06.41 по 31.12.41 года. Приложение № 8 к «Краткому обзору боевых действий КБФ за период с 22.06 по 31.12.1941 года». - РГА ВМФ. Материалы фонда Р-2251.

⁷⁷¹ Дислокация ВВС КБФ к началу войны. Приложение № 3 к «Краткому обзору боевых действий КБФ за период с 22.06 по 31.12.1941 года». - РГА ВМФ. Материалы фонда Р-2251.

упущения в процессе строительства флота свидетельствовали об определенной недооценке некоторых видов морских операций.

При внимательном изучении корабельного состава КБФ видна явная несбалансированность флота по основным классам боевых кораблей. Оба имевшихся линкора были кораблями старой постройки и к концу 1930-х гг. они морально и физически устарели. Новые крейсера «Киров» и «Максим Горький» обладали очень хорошими тактико-техническими данными, но имели весьма слабое бронирование при довольно солидной артиллерии. Количество эскортных кораблей (лидеры и эсминцы) было невелико, что позволяло с большим трудом обеспечивать охрану лишь основных соединений КБФ. К тому же, они были ещё очень плохо освоены личным составом, что сильно сказывалось на их боеспособности. Для выполнения каких-либо других задач (например, прикрытия десантной операции или активных действий на коммуникациях) имевшихся эсминцев уже явно не хватало.

Неоднократно уже говорилось о том, что Краснознаменный Балтийский флот испытывал острейший недостаток в тральщиках (прежде всего, быстроходных) и сторожевых кораблях⁷⁷². Фактически, тральщиков едва хватало для обеспечения выходов Эскадры и Отряда легких сил флота в море, но на другие задачи их уже неоткуда было взять. А ведь масштабы Балтийского ТВД (с учетом имевшихся баз) требовали значительного количества кораблей данного класса. Вряд ли можно признать нормальным и тот факт, что в составе КБФ было всего-навсего два минных заградителя специальной постройки («Марти» и «Урал»). В случае их потери, Балтийский флот рисковал вообще оказаться без специальных минных кораблей. Слабым местом было практически полное отсутствие в составе КБФ специальных десантных кораблей⁷⁷³.

Кроме того, Краснознаменный Балтийский флот имел в своем распоряжении недостаточное количество вспомогательных судов (транспортов, танкеров, буксиров, ледоколов, барж, плавучих баз и др.), что не обеспечивало его полноценного функционирования и обеспечения боевой деятельности⁷⁷⁴. С другой стороны, флот располагал весьма значительным количеством подводных лодок (даже излишним для такого ограниченного театра военных действий), торпедных катеров и довольно многочисленной морской авиацией.

⁷⁷² Чернышев А. А. 1941 год на Балтике: подвиг и трагедия. С. 28. *Капитанец И. М.* Война на море 1939-1945. Военно-морское искусство во Второй мировой и Великой Отечественной войнах. С. 117.

⁷⁷³ Лишь в 1940 г. началось строительство первых десантных кораблей (барж и тендеров) для нужд КБФ. Однако, их практическая ценность была невелика ввиду весьма скромных тактико-технических данных. - См.: Грибовский В.Ю., Нарусбаев А.А., Черников И.И. История отечественного судостроения. Т. 4. С. 379-380.

⁷⁷⁴ Чернышев А. А. 1941 год на Балтике: подвиг и трагедия. С. 28.

Таким образом, Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны, с одной стороны, являлся весьма мощным оперативно-стратегическим объединением, обладавшим немалыми силами и материальными средствами. С другой стороны, КБФ был крайне несбалансирован по основным типам боевых кораблей и довольно плохо обеспечен вспомогательными судами. Тем самым, отсутствовала устойчивая база для обеспечения боевой деятельности флота.

При этом следовало учитывать то обстоятельство, что ряд западных военно-морских баз, расположенных в Прибалтике, где находилась подавляющая часть боевых кораблей КБФ, были недостаточно снабжены необходимым количеством различных видов вооружения (мины, торпеды, бомбы, тралы) и предметов снабжения на случай боевых действий. Недостаточный вспомогательный флот не мог в случае войны обеспечить текущие потребности соединений КБФ в новых базах. Кроме того, базы Балтийского флота в Прибалтике не имели полноценной сухопутной обороны, в силу проявленного невнимания армейского командования к этой проблеме. Все это создавало крайне неустойчивый базис для боевой деятельности надводных, подводных и воздушных сил КБФ и ставило под угрозу выполнение его первых боевых операций.

Подводя итоги вышесказанного, следует заметить, что создание как Военно-Морских Сил в масштабе всей страны, так и флота на отдельном морском театре является целым комплексом сложных мероприятий, направленных на создание не только корабельного состава и вооружения флота, но также и на создание необходимой для его эксплуатации соответствующей береговой инфраструктуры, современной судостроительной и судоремонтной базы, а также подготовку личного состава флота. Если один из этих компонентов по какой-либо причине отсутствует или недостаточно развит, назвать такой флот полноценным уже нельзя. Поэтому одна лишь техническая сторона в деле создания современного ВМФ определяла далеко не всё: необходимо было решать проблему всесторонне, комплексным путем.

Следует понимать, что создать такой сложный боевой механизм, как Военно-Морской Флот, за 10-15 предвоенных лет было крайне трудной задачей. В отличие от сухопутных войск, которые являлись более неприхотливыми в плане своего содержания, флот являлся весьма дорогостоящим военным механизмом и требовал постоянного внимания к проблемам его повседневной эксплуатации, ремонта и снабжения. Тем более, это было трудно сделать в условиях, когда многие процессы в деле строительства ВМФ осуществлялись параллельно, и зачастую при решении одной проблемы упускалась другая. В данном случае, сказывались издержки форсированной индустриализации, где количественные показатели зачастую достигались за счет качественных. По многим направлениям развития боевой техники и

вооружения для флота приходилось ликвидировать имевшуюся отсталость, доставшуюся еще с дореволюционных времен. Поэтому, несмотря на огромные финансовые средства, вложенные в строительство ВМФ, и предпринятые советским политическим и военным руководством в 1930-е годы огромные усилия по созданию мощного океанского флота, так и не удалось создать на Балтике к 1941-му году современный, в полной мере сбалансированный флот.

Глава 3. Базовое строительство на Краснознаменном Балтийском флоте в 1935-1941 годах

§ 1. Расширение системы базирования Краснознаменного Балтийского флота в 1935 – 1939 гг.

Общая организация и задачи системы базирования Военно-Морских Сил РККА были отражены в руководящих документах, и прежде всего – в уставах Морских Сил 1930 и 1937 годов. В Боевом уставе Военно-Морских Сил РККА 1930 года (БУ-30) говорилось о требованиях к оборудованию защиты военно-морских баз и предписывалось *«использовать положительные местные особенности района базы для обороны и соответствующей организацией последней устранить влияние отрицательных»*⁷⁷⁵. Полностью требованиям защиты от противника могли соответствовать только те морские базы, основное оборудование которых было произведено ещё в мирное время и где были созданы мощные долговременные сооружения береговой обороны, *«дающие базе значительную сопротивляемость, и где они являются основным средством защиты»*⁷⁷⁶. Основным назначением береговой обороны были определены действия в прибрежной зоне как совместно с флотом и авиацией, так и самостоятельно против неприятеля, угрожающего базе флота или обороняемому участку побережья⁷⁷⁷.

Организация местной защиты военно-морской базы была призвана обеспечить безопасность самой базы и флота, стоящего на рейде, а также выход флота в море и развертывание его для боя непосредственно в районе базы. Решение данных задач обеспечивалось средствами приморской обороны (береговые батареи, средства минно-позиционной обороны, рейдовая охрана), противовоздушной и химической обороны (зенитная артиллерия, прожекторы, истребительная авиация, средства химзащиты), сухопутной обороны (полевая артиллерия, сухопутные части, инженерное оборудование) и Службы наблюдения и связи (СНиС)⁷⁷⁸.

Во Временном боевом уставе Военно-морских сил РККА 1937 года (БУМС-37) было уже введено деление морских баз на главные и маневренные и указаны основные положения по их обороне⁷⁷⁹. В БУМС-37 особо подчеркивалось, что база флота постоянно

⁷⁷⁵ Боевой устав Военно-морских сил РККА [БУ-30]. М.-Л., 1930. С. 52-53.

⁷⁷⁶ Там же. С. 53.

⁷⁷⁷ Там же. С. 13.

⁷⁷⁸ Там же. С. 53.

⁷⁷⁹ Временный боевой устав Военно-морских сил РККА [БУМС-37]. М.-Л., 1937. С. 199-200.

находится под угрозой внезапного удара, особенно с воздуха, а потому *«должна быть всегда готова к отражению неожиданного нападения, даже в мирное время»*. Исключительное боевое значение получили также отдельные объекты базы, обеспечивавшие ремонт, боевое питание и снабжение морских сил, – доки, мастерские, боесклады, электростанции, водохранилища и другие сооружения⁷⁸⁰.

Оборона военно-морской базы, включавшая в себя охранение находящихся в ней частей флота, должна была иметь единое командование для всех трех фронтов базы – морского, воздушного и сухопутного. План обороны базы должен быть готов в любой момент к приведению его в действие. Согласно БУМС-37, система оборона военно-морской базы должна была входить в общую систему обороны укрепленного района. Противовоздушная, противолодочная и противоминная оборона базы входили в общую систему ПВО, ПЛО и ПМО морского театра. Особое значение в новых условиях приобретала противовоздушная оборона (ПВО) морской базы⁷⁸¹.

В окончательном виде основы системы базирования Советского ВМФ были отражены во Временном наставлении по ведению морских операций 1940 г. (НМО-40), утвержденном наркомом ВМФ 26 ноября 1940 года. В Наставлении было официально закреплена классификация военно-морских баз, которые в зависимости от предназначения и наличия оборудования и частей тыла делились на операционные и тыловые, а первые из них, в свою очередь, – на основные и маневренные. Основные базы создавались в мирное время и имели причальные сооружения, судоремонтные предприятия, арсеналы, склады и базы оружия, топлива, других видов снабжения, казармы, госпитали, учебные центры и прочее. Одна из основных ВМБ на каждом из морских театров, обеспечивавшая базирование главных сил флота, называлась главной базой (ГБ) флота. Создание маневренных баз (МБ) предусматривалось по мере необходимости на время проведения конкретной операции в торговых портах или в укрытых пунктах побережья⁷⁸².

Что касается управления военными портами и центральными довольствующими органами по общим вопросам снабжения, то 19 декабря 1939 года приказом наркома ВМФ было сформировано Главное управление портов ВМФ (ГУП ВМФ) под начальством комкора С.И. Воробьева. Одновременно, 28 декабря 1939 года наркомом ВМФ было утверждено «Временное положение о Главном управлении портов ВМФ», где говорилось, что ГУП

⁷⁸⁰ Временный боевой устав Военно-морских сил РККА [БУМС-37]. С. 198.

⁷⁸¹ Там же. С. 198, 200.

⁷⁸² Мещеряков Б. П. Специфические территориальные формирования Военно-Морского Флота // Военно-исторический журнал. 2013. № 4. С. 10.

является центральным органом наркомата ВМФ, объединяющим деятельность управлений и отделов военных портов⁷⁸³.

Вторая половина 1930-х годов была для Краснознаменного Балтийского флота периодом стремительного роста не только его надводных, подводных и военно-воздушных сил, но также постепенного расширения системы базирования флота. Вплоть до осени 1939 г. КБФ вынужден был обходиться очень ограниченной системой базирования, которая включала в себя главную базу флота в Кронштадте и строившуюся маневренную базу в Ручьях, в Лужской губе. Создавалась также и база торпедных катеров Пейпия в Копорском заливе. В системе ГБ флота был создан Ораниенбаумский военный порт, куда были перебазированы отдельные соединения подлодок КБФ, а также частично перенесены тыловые склады флота⁷⁸⁴.

1 января 1935 г. начальник инженеров Морских сил Балтийского моря (МСБМ) Токарев направил начальнику Штаба МСБМ И. С. Исакову рапорт за № 04/4с, к которому прилагался проект гавани военно-морской базы для торпедных катеров Пейпия. Начальник инженеров просил ускорить выдачу оперативно-тактического задания для разработки окончательного генерального плана базы, о чем Управление инженеров Морских сил Балтморя запросило помощника командующего Морскими Силами РККА⁷⁸⁵. Спустя три дня начальник Штаба МСБМ Исаков в своем приказе, адресованном начальнику Отдела инженерных войск Морских Сил, сообщил об утверждении представленного ему генерального плана гавани базы торпедных катеров в Пейпия, при соблюдении ряда условий⁷⁸⁶.

Но значительно большее значение для Балтфлота имело в тот момент строительство базы в Ручьях. Дело в том, что ещё в июне 1933 г. Советом труда и обороны (СТО) СССР было принято постановление «О программе военно-морского строительства на 1933-1938 гг.», согласно которому предусматривалось обновление корабельного состава флота, увеличивалась в три раза численность морской авиации, намечалось строительство новых аэродромов, береговых батарей и военно-морских баз. В дополнение к данному решению, Советом труда и обороны СССР было принято секретное постановление № 37 «Об особых мероприятиях по Кронштадтской морской крепости», в котором говорилось следующее: *«...Приступить в 1934 году к постройке маневренной базы Балтийского флота в Лужской*

⁷⁸³ Богданов Б. Е., Васильев Н. И., Великов Д. И., Журавлев Д. В., Шломин В. С. и др. Главный военный порт России. От Санкт-Петербургского военного порта до тыла Ленинградской военно-морской базы. (К истории развития системы обеспечения сил флота). Военно-научный труд. СПб., 1999. С. 76.

⁷⁸⁴ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия Российского флота, 1914-1941. М., 2004. С. 686-687.

⁷⁸⁵ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее - РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 241. Л. 10.

⁷⁸⁶ Там же. Л. 11.

губе и в её районе боескладов (в первую очередь для минно-торпедного боезапаса и вооружения)...». Командование Морских Сил РККА было обязано предоставить в течение месяца в СТО СССР доклад со всеми необходимыми расчетами⁷⁸⁷.

Следует сказать, что впервые вопрос о строительстве военно-морской базы в Лужской губе был поставлен ещё в 1932 г. На производство геологических изысканий на 1933-й год испрашивались кредиты в размере 300 тыс. рублей, однако в связи с тем, что вопрос о строительстве тогда же был снят, денег отпущено не было. Наконец, осенью 1935 г. Советом народных комиссаров СССР было принято решение о создании базы КБФ в Лужской губе, причем в качестве наиболее подходящего места для развертывания базы был выбран участок в районе деревни Ручьи на восточном берегу Лужской губы. Месторасположение будущей базы отвечало оперативным соображениям и наиболее подходило по своим глубинам и по конфигурации береговой черты. Осенью 1935 г. Инженерным управлением РККА была создана строительная организация базы флота – УНР-5 и приступлено к выполнению геологических изысканий, материалы по которым были обработаны лишь к концу июля 1936 г.⁷⁸⁸

12 августа 1935 г. Штабом КБФ была составлена объяснительная записка к плану строительства военно-морской базы «Ручьи» на 1936-й год. Строительство данной базы намечалось в три очереди, со сроком полного окончания работ к 1 мая 1939 г. Акватория базы была разделена на три гавани: Северная – для базирования торпедных катеров; Средняя – для надводных кораблей и вспомогательных плавучих средств; Южная, состоящая из двух гаваней (северной и южной), – для подводных лодок. Строительство первой очереди (со сроком к 1 мая 1937 г.) предполагало создание северной половины Средней гавани с углублением в 25 футов, устройством северного мола и причального фронта набережной в 400 погонных метров, что позволило бы обеспечить маневренную стоянку у стенки в гавани следующих кораблей: средних подлодок – 8, малых подлодок – 10, плавбаз подлодок – 2, лидеров эсминцев – 2, эсминцев – 8, плавмастерских – 1, транспортов – 2, мореходных барж – 3 и рейдовых барж – 4⁷⁸⁹. Общая стоимость строительных работ составляла около 500 млн. рублей⁷⁹⁰.

Боепитание, размещение личного состава, подача электроэнергии планировалось обеспечивать собственными корабельными средствами, снабжение пресной водой и топливом - с транспортов. Судоремонт требовалось обеспечивать с плавучей мастерской и плавучих баз. Одновременно, обеспечивается стоянка на внешнем рейде следующего состава

⁷⁸⁷ Амусин Б. М., Кинякин И. Н., Урюпин М. Б. и др. Морские инженеры и строители Балтийского флота: История и современность. Калининград, 2006. С. 58.

⁷⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 240. Л. 3.

⁷⁸⁹ Там же. Оп. 1. Д. 310. Л. 12-13.

надводных кораблей: линкоров – 2, крейсеров – 3, эсминцев – 8, сторожевых кораблей – 10. Боепитание и электроэнергия этих кораблей надо было обеспечивать собственными корабельными средствами, питание водой и топливом - с транспортов, продовольствием - 10-ти суточный запас с базы. Обеспечение маневренной подачи пополнения запасов базы надо было осуществлять железной дорогой⁷⁹¹.

Для выполнения намеченного на 1936-й год объема работ, необходимо было до конца 1935-го года отпустить на строительство кредиты в сумме 2 млн. рублей – для производства углубительных работ под молотом, подлежащим постройке в зиму 1935/36 гг. (рубка и опускание ряжей с льда), на заготовку лесоматериалов и камня и доставку их к месту работ, на постройку общежитий для рабочих и инженерно-технических работников, складов строительства и на выполнение проектов работ первой очереди. В случае невозможности отпустить кредиты, строительство северного мола могло быть произведено только в зиму 1936-1937 гг., что неизбежно отодвигало готовность базы на один год.

Во вторую очередь строительства (к 1 мая 1938 г.) была намечена постройка Северной гавани для базирования одного дивизиона торпедных катеров с радиоуправлением и одной плавбазы катеров, основных сооружений береговой базы торпедных катеров (ангары, казарменный городок, мастерская для переборки моторов, зарядная), окончание работ по постройке Средней гавани (углубительные работы до 25 футов, западный волнолом и набережная), начало работ по постройке Южной гавани для подводных лодок. Из береговых сооружений, во вторую очередь намечалась постройка портовой мастерской для текущего ремонта части перечисленного состава кораблей, электростанции, складов жидкого топлива⁷⁹².

И, наконец, в третью очередь (к 1 мая 1939 г.) намечалось окончание строительства Южной гавани, углубление акватории Средней гавани до 36 футов, постройка береговой базы подводных лодок, окончание строительства береговых сооружений и складов порта и жилого фонда для начсостава кораблей флота, базирующихся на зиму в гавани⁷⁹³.

23 августа 1935 г. командующий КБФ Л. М. Галлер представил начальнику Морских Сил РККА В. М. Орлову справку-доклад по строительству Лужской базы КБФ за № 1оп/353сс. Оперативным назначением передовой базы КБФ в Усть-Луге было определено следующее: «1) *Постоянное базирование сил передового отряда (корабли поддержки дозора, тральщики и охрана водного района), обеспечивающего развертывание КБФ и удержание передовой операционной базы;* 2) *Эпизодическое базирование сил (1-го эшелона*

⁷⁹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2727. Л. 2. РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 127. Л. 11-13.

⁷⁹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 310. Л. 13.

⁷⁹² Там же. Л. 14.

⁷⁹³ Там же. Л. 15.

атаки) при развертывании для сосредоточенного удара, в случае попыток прорыва на ост; 3) Временное базирование всех сил, поддерживающих наступательную операцию; 4) При расширении оперативного плацдарма на вост, Лужская база из передовой (маневренной) превращается в операционную с постоянным базированием кораблей зимой и летом»⁷⁹⁴. В состав передовой Лужской военно-морской базы, в целях рассредоточения и лучшей дифференциации базирующихся там сил, были включены такие пункты, как Ручьи, Усть-Луга и озеро Липовое. В состав кораблей, предложенных к базированию на Ручьи, Л. М. Галлером были назначены: в гаванях: дивизион торпедных катеров с радиоуправлением - 24, плавбаза торпедных катеров - 1, подлодок типа «Щука» - 8, подлодок типа «Малютка» - 10, лидеров миноносцев - 2, миноносцев - 8, плавбаз подлодок - 2, плавмастерская - 1; на рейде: линейных кораблей - 2, крейсеров - 3, миноносцев - 8, сторожевых кораблей - 10⁷⁹⁵.

Принципиально новым моментом было то, что в «Объяснительной записке к схеме базирования КБФ», составленной командующим КБФ Л. М. Галлером и начальником Штаба флота А. К. Сивковым 30 августа 1935 г., была сформулирована концепция системы базирования флота на Балтике. Отныне она должна быть включать три основные, «комплексные» военно-морские базы – передовую (Лужская губа и Копорский залив), основную (Кронштадт-Ораниенбаум-Ленинград) и тыловую (Ладожское и Онежское озеро). На передовую базу было возложено «базирование надводных и подводных кораблей (включая оба линкора и крейсера), назначенных для выполнения основных операций КБФ», а также «базирование сил передового отряда (ДОЗ, ТЩ и ОВР), обеспечивающего развертывание КБФ и удержание передовой операционной зоны»⁷⁹⁶. Основной (Главной) базе поручалось обеспечивать базирование больших боевых кораблей (т.е. всех сил поддержки), стоянку и отдых для подводных лодок, действующих в Балтийском море, а также базирование легких сил и Охраны водного района, прикрывающих непосредственные подходы к Главной базе. Наконец, тыловая база на Онежском озере должна была обеспечивать базирование учебного отряда подлодок, а также всех кораблей, производящих опыты, испытания и исследования шхер в мирное время⁷⁹⁷.

Была продумана и схема дислокации надводных и подводных сил КБФ по базам. Наибольшее количество боевых кораблей предназначалось для базирования в передовой базе флота. Например, в базе Ручьи в Лужской губе было намечено держать 2 линкора, 2 крейсера, 2 лидера эсминцев, 8 эсминцев, 9 сторожевых кораблей, 24 торпедных катера с радиоуправлением, 20 средних подлодок, 12 малых подлодок и 2 плавбазы для субмарин, в

⁷⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 310. Л. 6.

⁷⁹⁵ Там же. Л. 6-7.

⁷⁹⁶ Там же. Д. 313. Л. 10.

⁷⁹⁷ Там же. Л. 11.

базе Усть-Луга – 10 охотников за подлодками, 9 быстроходных тральщиков, а также суда ОВР'а и в базе Пейпия – 24 торпедных катера волнового управления.

В основной базе, Кронштадте, предполагалось базировать 2 линкора, 2 крейсера, 4 новых эсминца, 9 старых эсминцев, 9 сторожевых кораблей, 5 базовых тральщиков, 36 торпедных катеров с радиоуправлением, 6 больших подлодок, 12 средних ПЛ и другие корабли, а в Ораниенбауме - 2 надводных заградителя, 4 средних и 12 малых ПЛ, 1 плавбазу подлодок, 5 катеров-охотников за ПЛ и 1 плавучий док. Относительно Ленинграда было решено, что в мирное время он должен выполнять функцию стоянки для ремонтирующихся и строящихся кораблей, а в военное время там предусматривалось нахождение 12 больших подводных лодок, 12 средних подлодок и 1 плавбазы подлодок (в зимнее время к ним добавлялись 3 крейсера, 2 лидера и 8 эсминцев)⁷⁹⁸.

Наконец, в тыловой базе флота на Онежском озере, в Кондопожской или Лижемской губе, командование КБФ полагало целесообразным держать 6 малых подводных лодок, 7 средних подлодок, подлодку «Барс», 6 торпедных катеров с радиоуправлением⁷⁹⁹.

Чтобы воплотить в жизнь намеченные планы, командующий КБФ Л. М. Галлер просил Совет народных комиссаров СССР срочно ассигновать в 1935-м году 2 млн. рублей «на производство дноуглубительных работ под ряжи гавани», на заготовку материалов и составление проекта базы Ручьи. Без выделения этой суммы, как считал Галлер, развертывание данных работ в 1936-м году будет неизбежно сорвано⁸⁰⁰. По всем базам флота, согласно смете Наркомата обороны (НКО) СССР, объемы строительства оценивались в сумму 268,2 млн. рублей⁸⁰¹. Строительство новой ВМБ в Лужской губе началось уже в конце 1935-го года, причем строительные работы проводились силами «УНР-5». В период до 1 июня 1937 г. на базовое строительство было выделено в общей сложности 37 млн. рублей⁸⁰².

В сентябре 1935 г. председателю Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотову был представлен доклад командования Морских Сил РККА о базировании КБФ на Балтийском театре и строительстве базы в Лужской губе, а также объяснительная записка начальника Инженерного управления РККА к расчетам базового строительства КБФ. Для строительства базы флота в Ручьях запрашивалось на 3 года (1936-1939 гг.) 115 млн. 279 тыс. рублей, на Ораниенбаумский военный порт – 18 млн. 927 тыс. рублей, на базу торпедных катеров в Пейпия – 14 млн. 513 тыс. рублей и на базу гидроавиации на озере Липовое – 7

⁷⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 313. Л. 12-14.

⁷⁹⁹ Там же. Л. 14.

⁸⁰⁰ Там же. Л. 15.

⁸⁰¹ Там же. Д. 310. Л. 3.

⁸⁰² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2727. Л. 2.

млн. рублей. Общая стоимость базового строительства на Балтике на 1936-1939 гг. была оценена в 158 млн. 857 тыс. рублей⁸⁰³.

Тем временем, к началу лета 1936 г. строительство военно-морской базы в Ручьях продвигалось крайне медленно, с нарушением намеченных сроков. Годовой план работ был выполнен к 15 июля лишь на 32,4% вместо запроектированных 50%. Отставание произошло вследствие позднего развертывания строительных работ (стройбатальоны прибыли только 1 мая), плохой организации работ и неполной обеспеченности их материалами. Кроме того, выяснилось, что строительство уже не укладывается в первоначально намеченные ассигнования – 142 млн. рублей. Причиной было отсутствие в первоначальном варианте задания данных о гидрологических и геологических условиях района. Произведенные расчеты показывали, что для своевременного вступления в строй гидротехнических сооружений необходимы были дополнительные ассигнования в 1936 г. в размере 15 млн. рублей, а в 1937 г. следовало выделить на эти цели 130 млн. рублей⁸⁰⁴.

По итогам рассмотрения Правительством доклада заместителя председателя СНК и СТО СССР В. И. Межлаука от 13 ноября 1936 г. № 135/ко о ситуации со строительством базы и представленного Наркоматом обороны СССР в апреле 1937 г. материала по генеральному плану и техническому проекту военно-морской базы в Лужской губе, была создана специальная правительственная комиссия под председательством С. З. Гинзбурга. В ходе работы комиссия выяснила, что за полтора года проектирования и развертывания работ в базе флота Ручьи строителям пришлось столкнуться с весьма сложными условиями, требующими большого опыта, четкой организации работ и широкого применения средств механизации. Сложность обстановки увеличивалась еще и тем, что постройку базы следовало выполнить в сравнительно короткие сроки. Между тем, комиссия Гинзбурга отметила, что строительство осуществлялось крайне примитивно, без необходимого для такого сложного строительства технического оснащения, необходимых квалифицированных кадров и при отсутствии сколько-нибудь нормально действующей организации⁸⁰⁵.

29 декабря 1936 г. командующий КБФ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер представил начальнику Морских Сил РККА флагману флота 1-го ранга В. М. Орлову свой доклад к проекту «Оперативно-тактического задания на строительство базы Краснознаменного Балтийского флота в Лужской губе Финского залива»⁸⁰⁶. Галлер отметил, что данное задание разработано с учетом объема строительства согласно титульному списку, указаний начальника МС РККА, а также действительной минимальной потребности в

⁸⁰³ РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 127. Л. 1-2, 7-8, 11-14.

⁸⁰⁴ Там же. Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 212. Л. 76. Д. 240. Л. 196-197об.

⁸⁰⁵ Там же. Д. 240. Л. 11-12.

⁸⁰⁶ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 316. Л. 1-5.

береговых сооружениях. При этом, командующий КБФ с тревогой заметил, что *«несмотря на принятые, максимально допустимые сокращения в средствах берегового обслуживания кораблей в базах “Ручьи” и “Усть-Луга”, часть объектов, предусматриваемых настоящим проектом “Оперативно-тактического задания”, не включена в предварительно рассмотренный Вами в августе с.г. титульный список, из-за недостаточной проработки вопроса»*⁸⁰⁷.

Далее Галлер привел целый перечень объектов береговой инфраструктуры, не попавших в титульный список. Среди них были боевые склады, корабельные склады, береговые базы, жилые городки, помещения караульной охраны, средства связи и прочие объекты. Общий объем по перечисленным объектам строительства, предусмотренным проектом задания, составлял 22 млн. 461 тыс. рублей по Наркомату обороны СССР и 6 млн. 250 тыс. рублей – по другим наркоматам⁸⁰⁸. В связи с вышесказанным, командующий КБФ просил начальника Морских Сил РККА утвердить представленное оперативно-тактическое задание на строительство базы КБФ в Лужской губе и включить в титульный список все необходимые объекты. Также, Галлер ходатайствовал об увеличении ассигнований на расширение надводных сооружений всех молов и части волноломов и увеличении емкости нефтескладов⁸⁰⁹. На этот момент, к началу 1937-го года на строительство базы в Лужской губе было израсходовано 22 млн. рублей⁸¹⁰.

Положение со строительством новой базы в Лужской губе вызывало постоянную тревогу у командования флота. 16 марта 1937 г. начальник Морских Сил РККА В. М. Орлов заслушал доклады начальника отдела инженерных войск Штаба КБФ бригадного инженера Н. А. Максимова и начальника УНР-5 военинженера 1-го ранга М. Я. Гмиры о состоянии строительства базы флота в Лужской губе. Из содержания этих докладов Орлов заключил, что темпы строительства базы медленные, а развертывание работ за первые два месяца 1937-го года ставит под угрозу выполнение заданного плана строительства. Начальник Морских Сил РККА Орлов приказал Максимова и Гмире принять *«самые решительные меры к упорядочению состояния строительства»*. О предпринятых мерах было сообщено командующему КБФ А. К. Сивкову. Волнение руководства Морских Сил РККА было вполне понятным, ибо к тому моменту общая стоимость строительства военно-морской базы уже достигла огромной суммы в 476 млн. рублей (из них только по смете НКО – 387 млн. рублей и по смете других наркоматов – 89 млн. рублей)⁸¹¹.

⁸⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 316. Л. 1-2.

⁸⁰⁸ Там же. Л. 2-3.

⁸⁰⁹ Там же. Л. 4-5.

⁸¹⁰ Там же. Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 240. Л. 40.

⁸¹¹ Там же. Л. 54-55.

Но поскольку ситуация практически не менялась, командующий Краснознаменным Балтийским флотом флагман 1-го ранга А. К. Сивков на заседании Военного совета при наркомате обороны СССР в июне 1937 г. вновь поднял данную проблему, отметив, что сложилось *«очень тяжелое положение с Ручьями»*. По словам командующего КБФ, данное крупное строительство *«до сих пор не имеет решения правительства»*. Комфлотом Сивков затем даже подчеркнул в своем выступлении, что *«вопрос о новой большой базе, стоимость которой равняется полмиллиарда рублей, никак не решается»*⁸¹². Поэтому неудивительно, что уже 15 июня 1937 г., сразу после заседания Военного совета при НКО СССР, начальник Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов утвердил *«Задание на строительство базы Краснознаменного Балтийского флота в Лужской губе у деревни Ручьи»*⁸¹³.

Согласно заданию, общее назначение военно-морской базы Ручьи заключалось в обеспечении постоянного базирования следующего состава кораблей: линкоров типа «А» – 4, линкоров типа «Б» – 4, легких крейсеров – 6, лидеров – 4, миноносцев – 32, сторожевых кораблей – 18, тральщиков – 18, больших подлодок типа «К» – 6, средних подлодок типа «Н» – 14, катеров-охотников за подлодками – 20 и катеров службы ВНОС – 10, плавучих баз подлодок – 1, линейных ледоколов – 2, спасательных судов – 1, посыльных судов – 2, транспортов – 1, разных буксиров – 11⁸¹⁴.

19 июня 1937 г. вопрос о строительстве базы в Лужской губе вновь стал предметом обсуждения, но уже высшего партийного руководства. Вероятно, что свою роль здесь сыграло письмо бывшего помощника начальника 1-го района УНР-5 Отдела инженерных войск КБФ В. Г. Пинскера, направленное в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) и посвященное тяжелой ситуации со строительством базы КБФ в Лужской губе⁸¹⁵. Кроме того, заместитель уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Ленобласти Вейнгер направил докладную записку наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову и председателю КПК при ЦК ВКП(б) Н. И. Ежову о состоянии строительства военно-морской базы в Лужской губе, где выразил беспокойство низкими темпами её постройки.

План на 1937-й год предусматривал освоение 75 млн. рублей с тем, чтобы завершить все подготовительные работы, а также выполнить и часть гидротехнических работ. Однако, в ходе проведенной в июне 1937 г. проверки Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Ленинградской области было установлено, что подготовительные работы и само

⁸¹² Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1-4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М., 2008. С. 213.

⁸¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 316. Л. 7-17.

⁸¹⁴ Там же. Л. 7.

строительство велось крайне неорганизованно и недопустимо медленными темпами. Так, к 1 июня 1937 г. было фактически выполнено лишь 22% годового плана вместо положенных 32%. По гидротехническому строительству работы были выполнены лишь на 12,6%. Качество строительных работ было признано низким. В фундаментах и стенах отдельных зданий возникли трещины⁸¹⁶. Сооружение опытных конструкций гидротехнических сооружений по плану следовало завершить уже к 1 июня 1937 г., однако фактическая готовность к этому сроку составляла лишь 57%. Качество самого проекта было признано низким, к тому же большинство проектов сооружений переделывались по многу раз в процессе строительства⁸¹⁷.

Данная ситуация была однозначно охарактеризована заместителем уполномоченного КПК по Ленобласти Вейнгером как результат *«вредительства как в проектировании, так и в строительстве этой базы»*⁸¹⁸. В связи с арестом бывшего помощника командующего КБФ по материальному обеспечению корпусного комиссара И. Б. Разгона и бывшего начальника УНР-5 военинженера 1-го ранга М. Я. Гмиры как *«врагов народа»*⁸¹⁹, заместитель уполномоченного КПК Вейнгер рекомендовал создать авторитетную правительственную комиссию с привлечением крупных специалистов для выяснения того, правильно ли выбрано место расположения гавани и основных оградительных сооружений, и пригодны ли основные типы сооружений базы. Наконец, Вейнгер поставил вопрос о передаче строительства базы в Лужской губе Наркомату внутренних дел СССР, по примеру сооружения порта в Сороке на Беломорско-Балтийском канале⁸²⁰.

Настойчивые ходатайства о передаче строительства базы продолжились в начале июля 1937 г., когда основываясь на докладе правительственной комиссии Гинзбурга о ходе работ⁸²¹, начальник Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов и нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов обратились в Совет народных комиссаров СССР с докладом о передаче строительства базы в Лужской губе в ведение НКВД СССР⁸²². Данное предложение было мотивировано тем, что создание новой базы *«является делом новым, требующим громадного производственного опыта и четкой организации при производстве работ»*, а строительные органы Наркомата обороны СССР оказались не в состоянии справиться с этой работой. Зато, как отмечал нарком обороны К. Е. Ворошилов, всем этим

⁸¹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 240. Л. 42-45.

⁸¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2727. Л. 3.

⁸¹⁷ Там же. Л. 3-4.

⁸¹⁸ Там же. Л. 2.

⁸¹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 663. Л. 21, 36-42.

⁸²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2727. Л. 11-12.

⁸²¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 240. Л. 28, 29-34.

⁸²² Там же. Д. 239. Л. 1-7об.

требованиям вполне удовлетворяет строительная организация НКВД, *«только что с успехом закончившая сооружение канала Москва-Волга»*⁸²³.

Весьма «своевременным» в этой связи оказалось спецсообщение Особого отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР от 23 августа 1937 г. о строительстве новой базы флота в Ручьях, где говорилось, что данное строительство *«ведется беспланоно и имеет много прорывов, ставящих под угрозу качество работ и его своевременное окончание»*⁸²⁴. Особое внимание обращалось на то обстоятельство, что ответственность за несвоевременное обеспечение стройматериалами, помимо Отдела инженерных войск КБФ, несет также и УНР-5, которое систематически не выполняет требования Отдела инженерных войск⁸²⁵.

Неоднократные обращения в Правительство о передаче строительства в ведение НКВД сыграли свою роль, поскольку решением Комитета обороны при Совете народных комиссаров СССР № 141/сс от 29 сентября 1937 г., Наркомату внутренних дел СССР было поручено вести сооружение базы флота в Лужской губе (строительство № 200). Действуя в развитие постановления № 141сс, Комитет обороны при СНК СССР в своем постановлении «О строительстве базы КБФ в Лужской губе (№ 200)» предписывал на этот счет следующее: *«...1) утвердить, как основание для разработки технического проекта, проектное задание на строительство базы Краснознаменного Балтийского флота в Лужской губе, представленное НКВД; 2) установить ориентировочно общий лимит на строительство базы не свыше 576 млн. руб.; 3) обязать НКВД представить технический проект и точную стоимость строительства на утверждение в КО – 1 октября 1939 г.; 4) установить нижеследующие сроки сдачи в эксплуатацию строительства № 200: а) гавани № 1, основных цехов судоремонтного завода и 50% емкостей складов жидкого топлива к 1 сентября 1941 года; б) всей базы к 1 октября 1942 года...»*⁸²⁶.

Основания для нового тактико-технического задания на строительство базы КБФ в Лужской губе были составлены начальником Главного морского штаба ВМФ флагманом флота 2-го ранга Л. М. Галлером и утверждены заместителем наркома ВМФ флагманом 1-го ранга П. И. Смирновым-Светловским 21 января 1938 г. Само задание было разработано Наркоматом ВМФ к 5 февраля 1938 года. В итоге, первоначальное тактико-техническое задание было сокращено с 3-х до 2-х гаваней, с соответствующим сокращением береговых сооружений. Согласно новому заданию, сроком окончания постройки базы был определен

⁸²³ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 239. Л. 2-2об., 4-7об.

⁸²⁴ Там же. Л. 185.

⁸²⁵ Там же. Л. 187.

⁸²⁶ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 94. Л. 873, 887.

конец 1941 г., причем гавань № 1 предполагалось закончить к весне 1940-го года⁸²⁷. После принятия строительства Наркоматом внутренних дел СССР, им было вложено в строительство 68 млн. рублей своих средств, не считая затрат, произведенных Наркоматом обороны СССР. Ориентировочная же стоимость строительства базы в Усть-Луге, согласно проектному заданию, определялась суммой уже около 600 млн. рублей⁸²⁸.

Следует отметить, что на заседании Главного военного совета ВМФ 21 июля 1938 г. специально рассматривался вопрос о базировании КБФ. В связи с этим, новый командующий КБФ флагман 2-го ранга Г. И. Левченко заявил, что развитие и реконструкцию Кронштадтских гаваней *«нужно начинать немедленно, с тем, чтобы размещать вступающие в строй корабли в лучших условиях. Ораниенбаумская гавань также подлежит расширению. Ручьи в таком виде, как есть, маловаты для намеченного состава флота. В Усть-Луге мы не имеем ничего. Следующий пункт, подлежащий развитию, это Ижора, где предполагено иметь ремонтный завод с доком для нового линейного корабля...»*⁸²⁹. По данному вопросу также счел необходимым выступить заместитель наркома ВМФ флагман 1-го ранга И. С. Исаков, который указал на необходимость промежуточной базы для КБФ, предназначенной для переброски кораблей и создания там тыловой учебной базы для подготовки флота, и рекомендовал немедленно начинать строительство дока в Ижоре. Решением ГВС ВМФ схема базирования КБФ была утверждена, а к реконструкции гаваней Кронштадта было решено приступить уже в 1939-м году⁸³⁰.

В директиве наркома ВМФ командарма 1-го ранга М. П. Фриновского за № 378сс от 10 ноября 1938 г., посланной председателю КО при СНК СССР В. М. Молотову, говорилось, что после рассмотрения представленного строительством № 200 НКВД СССР проектного задания на строительство базы КБФ в Лужской губе, возникли некоторые пожелания. Было предложено в первую очередь закончить гавань № 1 со сдачей в эксплуатацию к 1-му сентября 1941-го года, основные цеха судоремонтного завода закончить со сдачей в эксплуатацию к 1-му сентября 1941 года, склады жидкого топлива на 50% своей емкости закончить и сдать в эксплуатацию вместе с гаванью № 1. Срок сдачи всей базы в Ручьях было решено установить к 1-му октября 1942 года. Для обеспечения ввода в эксплуатацию базы в указанные сроки, были запрошены ассигнования на 1939-й год в сумме 130 миллионов рублей⁸³¹.

26 февраля 1939 г. секретарь Комитета обороны при СНК СССР И. Сафонов в своем письме наркому ВМФ М. П. Фриновскому доложил о представлении на голосование проекта

⁸²⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 94. Л. 887, 892-899.

⁸²⁸ Там же. Л. 887-888.

⁸²⁹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 4. Л. 42.

⁸³⁰ Там же. Л. 43.

постановления «О строительстве базы Краснознаменного Балтийского флота в Лужской губе (№ 200)»⁸³². А 28 февраля начальник Инженерного управления ВМФ комбриг П. И. Судьбин в своей справке-докладе наркому ВМФ командарму 1-го ранга М. П. Фриновскому заметил, что представленный на голосование проект постановления Комитета обороны о строительстве базы КБФ в Лужской губе вполне соответствует решению Наркомата ВМФ, за исключением срока представления технического проекта базы, который сдвинулся на 2 месяца⁸³³. Теперь срок представления технического проекта в Правительство был установлен на 1 августа 1939-го года, а срок представления технического проекта в Наркомат ВМФ на согласование был установлен на 1 сентября.

7 июня 1939 г. начальник Главного морского штаба ВМФ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер направил Военному совету КБФ «Оперативно-тактическое задание на строительство базы КБФ в Лужской губе Финского залива»⁸³⁴. Базу предполагалось построить в Лужской губе «с расположением основных базовых сооружений на восточном берегу губы». Назначением базы было определено постоянное базирование, отмобилизование и бесперебойное питание в мирное и военное время всех сил, базирующихся в Лужской губе⁸³⁵. Соответственно, 29 июля нарком ВМФ утвердил, а 4 августа Главный морской штаб ВМФ отправил Военному совету Балтфлота уже новое оперативно-тактическое задание на строительство базы в Лужской губе, в составе трех гаваней⁸³⁶.

А тем временем, Ленинградский военный округ в мае 1939 г. принял от КБФ Усть-Лужскую укрепленную позицию, которая была включена в состав Кингисеппского укрепленного района. Граница в северной части была установлена по линии Остров-Гакково⁸³⁷. В связи с передачей сухопутного района округу и изменением границ с ЛВО, Военный совет КБФ посчитал необходимым возложить задачу по обороне Кургальского полуострова и маневренной базы флота Ручьи на Ленинградский военный округ. Причиной такого пристального внимания командования флота к данной проблеме было то, что в этом районе располагалось сразу несколько важнейших оборонных объектов (база флота в Лужской губе, аэродромы морской авиации, береговые батареи и железнодорожные позиции артиллерии), а собственных сухопутных частей у Балтийского флота там не имелось. Ведь в случае войны не исключалась и высадка десанта противника на Кургальское побережье⁸³⁸.

⁸³¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 94. Л. 891-891об.

⁸³² Там же. Л. 229.

⁸³³ Там же. Л. 230.

⁸³⁴ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 477. Л. 1-14.

⁸³⁵ Там же. Л. 2.

⁸³⁶ Прямицкий С. Д., Агапов Н. Б. Второй Кронштадт в Лужской губе // Цитадель. 2013. № 20. С. 96. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 477. Л. 20-30.

⁸³⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 7.

⁸³⁸ Там же. Л. 8.

Помимо вопросов строительства новой базы КБФ в Усть-Луге, командование Балтийским флотом не забывало также и о реконструкции своей Главной базы в Кронштадте, о чем уже говорилось на заседании ГВС ВМФ в 1938-м году. Поэтому 7 сентября 1939 г. нарком ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов издал приказ № 00117, где потребовал создать комиссию под председательством командующего КБФ флагмана 2-го ранга В. Ф. Трибуца, для составления тактико-технического задания «на реконструкцию Главной базы КБФ». В соответствии с данным приказом, начальник ГМШ Л. М. Галлер должен был выдать командующему КБФ и начальнику Инженерного управления ВМФ оперативно-тактическое задание не позднее 15 сентября. Председатель комиссии В. Ф. Трибуц был обязан доложить задание на утверждение наркому ВМФ вместе с ситуационным генеральным планом и сметой не позднее 15 ноября⁸³⁹. А 30 сентября по приказанию ГМШ, Военному совету КБФ был направлен проект оперативно-тактического задания на реконструкцию Главной базы КБФ на острове Котлин и в Ораниенбауме, утвержденное народным комиссаром ВМФ⁸⁴⁰.

Таким образом, на протяжении всей второй половины 1930-х годов командование Морских Сил РККА предпринимало значительные усилия по созданию новых военно-морских баз на Балтике и, соответственно, улучшению условий базирования флота. Наибольшее значение в этот период приобрело строительство новой многофункциональной базы в Усть-Луге, рассчитанной на базирование основных сил Краснознаменного Балтийского флота. Следует отметить, что постройка новой базы в Лужской губе была предпринята в рамках строительства большого, океанского флота. Командование ВМС РККА понимало, что имевшаяся главная база в Кронштадте уже не сможет вместить того количества новых боевых кораблей, которые строились по предвоенным судостроительным программам. Поэтому и было предпринято весьма сложное и дорогостоящее строительство новой военно-морской базы в Усть-Луге, которое было призвано решить все проблемы базирования КБФ. Однако дальнейшие политические события в Европе нарушили планы по строительству новой базы в Ручьях, которые в последующем отошли на второй план.

⁸³⁹ РГА ВМФ Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 52.

⁸⁴⁰ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 477. Л. 31-38.

§ 2. Освоение новых военно-морских баз в Прибалтике в конце 1939 – начале 1940 гг.

Осенью 1939 г. в Европе произошли события, которые кардинальным образом изменили политическую и стратегическую обстановку в Балтийском регионе. После заключения между Советским Союзом и Германией секретного протокола к пакту о ненападении от 23 августа 1939 г., перед СССР открылись новые перспективы в плане укрепления своей обороноспособности. Война Германии с Польшей в сентябре 1939 г. подтолкнула советское военно-политическое руководство к энергичным действиям. Ввод 17 сентября соединений РККА на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, с последующим их присоединением к СССР, было первым шагом по пути реализации своих планов. Вторым шагом стало решение прибалтийской проблемы. Оказав сильное давление на правительства Эстонии, Латвии и Литвы, советское руководство в ультимативной форме потребовало от них срочно заключить пакты о взаимопомощи, допускающие размещение на их территории сухопутных частей и военно-воздушных сил РККА, а также соединений и частей ВМФ. После недолгих колебаний, правительства прибалтийских стран решили удовлетворить все требования Советского Союза.

Согласно пакту о взаимопомощи между СССР и Эстонской республикой от 28 сентября 1939 г., Советский Союз получил право *«иметь на эстонских островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт) базы Военно-Морского Флота и несколько аэродромов для авиации на правах аренды по сходной цене»*. Для охраны своих военно-морских баз и аэродромов Советскому Союзу разрешалось держать на участках, отведенных под базы и аэродромы, определенное количество сухопутных войск и авиации⁸⁴¹. Уже 1 октября 1939 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов в своем приказе № 3010сс приказал образовать комиссию под председательством заместителя наркома ВМФ И. С. Исакова *«для разрешения всех вопросов, связанных с определением точных мест базирования Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота»*. В состав комиссии были назначены командующий КБФ флагман 2-го ранга В. Ф. Трибуц, заместитель начальника ГМШ капитан 1-го ранга В. А. Алафузов, командующий ВВС КБФ комбриг А. А. Кузнецов и заместитель начальника Технического управления ВМФ военинженер 2-го ранга И. С. Гулин⁸⁴².

Данной комиссии было поручено совместно с представителями эстонского командования определить места базирования кораблей флота, места установки береговых батарей, места позиций железнодорожной артиллерии и аэродромов, и территории,

⁸⁴¹ Полпреды сообщают...: Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г. - август 1940 г. М., 1990. С. 62.

⁸⁴² РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 91. Л. 71. Ковалев С. Н. Советские войска на территории стран Балтии (1939-1940 гг.). СПб., 2008. С. 81-82.

необходимые для расквартирования и обеспечения частей РККФ, переводимых в Эстонию. Нарком ВМФ в приказе определил в качестве основных пунктов базирования и размещения соединений Краснознаменного Балтийского флота порты Таллин, Палдиски и Рогекюль⁸⁴³.

Требовалось также выбрать позиции для установки двух 180-мм башенных береговых батарей (на полуострове Церель и полуострове Симпернес) и четырех 130-мм береговых батарей (в районе порта Палдиски, на островах Сааремаа и Хийумаа), 180-мм железнодорожной батареи в районе Палдиски, а также места для базирования трех морских разведывательных авиаэскадрилий (в Таллине, Палдиски и Аренсбурге). Комиссии И. С. Исакова было поручено определить на месте *«потребность в необходимом количестве средств охраны водного района в портах Таллин, Палдиски и Рогекюль, ремонтные возможности, возможность получения складских помещений»*. Работу комиссии следовало завершить 10 октября 1939 г.⁸⁴⁴

В окончательном виде, требования СССР относительно базирования соединений и кораблей Краснознаменного Балтийского флота в Эстонии оформились в трёх соглашениях между советским и эстонским военными командованиями от 11 октября 1939 г. Согласно первому соглашению, Правительство Эстонии предоставляло советскому ВМФ 7 гаваней и рейдов – Кярдла (Картель) на острове Хийумаа (Даго), Кыйгусте на острове Сааремаа (Эзель), Курессарэ-лахт (Аренсбург) на острове Сааремаа, Мьенту (Менто) на острове Сааремаа, Кихельконна-лахт (Кильконд) на острове Сааремаа, Тагалахт на острове Сааремаа, Кюдемалахт на острове Сааремаа – для стоянок боевых кораблей и 2 гавани (Кихельконна-лахт и Кыйгусте) для размещения там баз гидроавиации и временную стоянку в порту Рохукюла (Рогекюль).

По второму соглашению, КБФ получал в порту Палдиски участок полуострова Пакри (Пакерорт) и острова Вяйке-Пакри и Суур-Пакри (Большой и Малый Рогге) с прилегающей акваторией. В соответствии с третьим соглашением, за КБФ закреплялась временная стоянка в порту Таллина⁸⁴⁵. 12 октября председатель морской комиссии флагман флота 2-го ранга И. С. Исаков уже представил наркому по иностранным делам СССР В. М. Молотову подписанные в Таллине подлинные протоколы соглашений и карты, относящиеся к базированию Военно-Морского Флота и постройке береговых батарей в Эстонии⁸⁴⁶. Таким

⁸⁴³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 91. Л. 71. Ковалев С. Н. Указ. соч. С. 82.

⁸⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 91. Л. 72-73.

⁸⁴⁵ Полпреды сообщают... С. 105-109. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 460. Л. 2-8, 10-11. Ант Ю. Военные базы в Эстонии (1939-1940 гг.) // Радуга. 1990. № 1. С. 61. Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М., 2012. С. 498-500. Ант Ю. Военные базы в Эстонии (1939-1940 гг.) // Радуга. 1990. № 1. С. 61.

⁸⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 93. Л. 311.

образом, окончательные советские требования по базированию КБФ в Эстонской республике значительно превысили первоначально заявленные в Договоре о взаимопомощи.

В отношении других районов размещения советских гарнизонов, которые не были оговорены в указанных соглашениях, правительство Эстонской республики рекомендовало своему консульству в Москве воздержаться от их предоставления Советскому Союзу. Для расквартирования частей РККА и РККФ, находившихся в Эстонии, правительство республики выделяло необходимые казармы и здания, а также отводило земельные участки под аэродромы, склады и прочие объекты⁸⁴⁷.

5 октября 1939 г. между Советским Союзом и Латвийской республикой был заключён аналогичный пакт о взаимопомощи, по которому советское командование получило право создать в городах Лиепая (Либава) и Вентспилс (Виндава) базы Военно-Морского Флота и несколько аэродромов для авиации, «на правах аренды по сходной цене», а для обороны Ирбенского пролива, на участке побережья между Питрагсом и Вентспилсом, – соорудить базу береговой артиллерии⁸⁴⁸. Для охраны своих морских баз, аэродромов и береговых батарей, СССР имел право держать в местах базирования ограниченное количество наземных и воздушных сил, максимальная численность которых определялась особым соглашением⁸⁴⁹. Для оперативного решения вопросов, связанных с базированием сил КБФ в Латвии, туда 13 октября прибыла советская морская комиссия под руководством заместителя наркома ВМФ И. С. Исакова⁸⁵⁰.

Одновременно руководство Наркомата ВМФ стало отдавать распоряжения относительно организации перевозок в новые прибалтийские базы. Уже 3 октября нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов направил секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, председателю СНК СССР и наркому по иностранным делам В. М. Молотову и секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову директиву за № 3074сс. В ней нарком ВМФ выразил озабоченность тем, что КБФ не имеет специальных транспортов для перевозки личного состава, снабжения и строительных материалов. Для этого Кузнецов потребовал изъять из Наркомата морского флота СССР для нужд ВМФ пароходы «Луга» и «Балхаш»⁸⁵¹. Одновременно им был составлен «Ориентировочный список кораблей и частей, намеченных к перебазированию», уже утвержденный Штабом КБФ⁸⁵².

⁸⁴⁷ К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. Коллективная монография. Отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М., 2009. С. 405-406.

⁸⁴⁸ Полпреды сообщают... С. 84-86. *Дризулис А.* Памятная записка министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса о советско-латвийских переговорах 1939 года по поводу заключения пакта о взаимопомощи // Отечественная история. 1992. № 2. С. 181. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 460. Л. 34-45.

⁸⁴⁹ Полпреды сообщают... С. 85.

⁸⁵⁰ *Ильмярв М.* Указ. соч. С. 500.

⁸⁵¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 96. Л. 310.

⁸⁵² Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 461. Л. 3-5.

11 октября 1939 года народный комиссар ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов своими приказами № 00141 и 00144 объявил о передислокации соединений, частей и кораблей КБФ в порты Эстонии. Согласно первому приказу, первыми должны были отправиться в Таллин для постоянного базирования лидер «Минск» и эсминцы «Гордый» и «Сметливый». Корабли следовало снабдить *«максимальным запасом продовольствия и полным запасом топлива»*. Также для переброски в Палдиски (Балтийский порт) предназначались личный состав и материальная часть береговых батарей №№ 11 и 12, которые следовало доставить туда на транспорте «Луга»⁸⁵³. 11 октября Штаб КБФ своим приказом № 41/1528сс уточнил ориентировочный список кораблей и частей, предназначенных для перебазирования в порты Прибалтики⁸⁵⁴.

Корабли Краснознаменного Балтийского флота, в соответствии с заключенными соглашениями стали спешно перебазироваться в новые порты. Уже 11 октября, в день подписания первых протоколов военно-морской комиссией СССР и эстонским командованием, в Таллин пришел первый отряд кораблей КБФ в составе лидера «Минск» и эсминцев «Гордый», «Сметливый» и «Стремительный». 15 октября в Таллин сделала заход Эскадра КБФ в составе линкора «Октябрьская революция», под флагом командующего флотом флагмана 2-го ранга В. Ф. Трибуца, крейсера «Киров», четырех эсминцев и четырех сторожевых кораблей. А 22 октября Отряд легких сил КБФ, возглавляемый крейсером «Киров», под флагом командующего Эскадрой КБФ флагмана 2-го ранга Н. Н. Несвицкого, вошел в Лиепаяу⁸⁵⁵.

Перебазирование надводных кораблей КБФ было сразу оформлено в организационном отношении. 17 октября 1939 г., приказом командира Отряда легких сил КБФ № 020 был объявлен состав групп эсминцев, базирующихся на иностранные порты. В первую группу (командир – капитан 3-го ранга Н. Г. Богданов) вошли эсминцы «Грозный», «Сметливый» и «Стремительный», а во вторую группу (командир – капитан-лейтенант В. И. Маслов) – лидер «Минск», эсминцы «Гордый» и «Гневный»⁸⁵⁶. Однако, 21 октября приказом командира ОЛСа был объявлен новый состав и базирование групп и дивизионов Отряда легких сил КБФ. Группа боевых кораблей в составе крейсера «Киров», эсминцев «Сметливый» и «Стремительный» должна была базироваться в Либаве (Лиепаяу) и подчиняться непосредственно командиру отряда. 1-й дивизион эсминцев в составе лидера «Ленинград» и эсминца «Стерегущий» должны были базироваться в Главной базе (Кронштадте), а 2-й

⁸⁵³ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 114, 117. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 91. Л. 74-75. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 461. Л. 47. *Mati Õun. Mõned merelood ehk aja-, ruumi- ja mõttematkad Läänemerele*. Tallinn, 2007. S. 106.

⁸⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 461. Л. 17-18.

⁸⁵⁵ Ковалёв А. С. Организация базирования Краснознаменного Балтийского флота в новых западных базах (1939-1940 гг.). Л., 1942. С. 7-8. *Ант Ю*. Указ. соч. С. 61-62.

⁸⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-929. Оп. 2. Д. 2. Л. 22.

дивизион эсминцев в составе лидера «Минск», эсминцев «Гневный», «Гордый» и «Грозный» – в Таллине⁸⁵⁷.

К перебазированию в Прибалтику были также предназначены и части морской авиации. 9 октября приказом № 00140 нарком ВМФ Кузнецов распорядился сформировать управление авиационной бригады, а также 12-ю, 43-ю и 44-ю ближнеразведывательные эскадрильи 13-самолетного состава. Срок готовности тылов авиаэскадрилий был установлен к 17 октября, а летных частей – к 1 ноября 1939 года⁸⁵⁸. 14 октября нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов своим приказом № 33152сс распорядился перебазировать сформированные 12-ю, 43-ю и 44-ю авиаэскадрильи в следующие районы: одну авиаэскадрилью – на остров Эзель (Сааремаа) в бухту Кильконд (Кихельконна), одну АЭ – в бухту Хаапсалу и одну АЭ – в район Таллина или Палдиски⁸⁵⁹. Перебазирование лётного состава для всех трех эскадрилий планировалось завершить не позднее 1 ноября 1939 года.

Для подыскания аэродромов и помещений для базирования частей морской авиации в Эстонии и Латвии, Кузнецов потребовал немедленно послать туда специальную комиссию. Этой комиссии было поручено найти в районах Таллина и Палдиски *«сухопутный аэродром и помещения для базирования одной истребительной эскадрильи и одной эскадрильи “СБ”»*, а также *«произвести изыскания для обеспечения в дальнейшем базирования там одного полка “СБ” и одного полка истребителей»*⁸⁶⁰. В развитие этого распоряжения, 16 октября приказом по КБФ № 0403 было объявлено о формировании смешанной авиационной бригады⁸⁶¹ в составе трех отдельных морских авиационных эскадрилий 13-самолетного состава⁸⁶².

Одновременно, начальник Штаба КБФ капитан 1-го ранга А. П. Шергин подписал приказ за № 1оп/551с, где предписывал командующему ВВС КБФ комбригу А. А. Кузнецову 19 октября срочно перебазировать тылы 44-й ближнеразведывательной авиаэскадрильи в Гапсаль (Хаапсалу) и 12-й дальнеразведывательной авиаэскадрильи в Кильконд (Кихельконну)⁸⁶³. Соответственно, 19 октября командующий Военно-воздушными силами КБФ распорядился о перебазировании 12-й, 43-й и 44-й авиаэскадрилий в Эстонию. Все тылы эскадрилий планировалось отправить морем, на транспортах «Балхаш», «Луначарский» и «Пионер», а сами самолеты – по воздуху⁸⁶⁴.

⁸⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-929. Оп. 2. Д. 2. Л. 30.

⁸⁵⁸ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 112-113.

⁸⁵⁹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 461. Л. 35.

⁸⁶⁰ Там же. Л. 35.

⁸⁶¹ В дальнейшем – 10-я авиабригада ВВС КБФ.

⁸⁶² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 461. Л. 23.

⁸⁶³ Там же. Л. 21.

⁸⁶⁴ Там же. Л. 39-41.

Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов заранее поспешил установить нормы поведения для личного состава соединений Краснознаменного Балтийского флота, предназначенных для перебазирования в Прибалтику. В своей директиве № 3208с от 14 октября 1939 г. он напоминал, что советским военным морякам не следует *«представлять себя в роли победителя и завоевателя и тем самым задевать самолюбие граждан иностранных республик»*⁸⁶⁵. Необходимо было помнить, что пребывание на территории иностранных государств ни в коей мере не должно было затрагивать суверенных прав Эстонской и Латвийской республик, *«в частности их экономической и социальной системы и военных мероприятий»*. Всю свою деятельность на территории прибалтийских государств командование КБФ должно было строить в строгом соответствии с *«Руководством по взаимоотношениям с иностранными военными кораблями и властями»*, утверждённом в 1939-м году⁸⁶⁶.

15 октября нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, своим приказом № 00146, утвердил новую систему базирования кораблей КБФ на порты Эстонии и Латвии на 1939-1940 годы. Основные силы флота следовало сосредоточить в Таллине – линкор «Марат», 2-й дивизион эсминцев, 1-й дивизион сторожевых кораблей, тральщики «Заряд» и «Верп», 17-й и 22-й дивизионы подводных лодок, плавбазу «Полярная Звезда» и гидрографические суда «Норд» и «Вест». В Палдиски было решено держать только 24-й дивизион подводных лодок, тральщики «Фугас» и «Гафель», плавбазу «Кронштадт», в Вентспилсе – 13-й дивизион подлодок и плавбазу «Смольный». В Лиепае было предписано базировать крейсер «Киров», 1-й дивизион эсминцев и 11-й дивизион подлодок⁸⁶⁷. 28 октября нарком ВМФ включил в число кораблей, базирующихся в Таллине, минный заградитель «Марти» и эсминцы 3-го дивизиона («Карл Маркс», «Володарский» и «Энгельс»)⁸⁶⁸.

Однако на деле всё получилось далеко не так просто, как предполагало высшее командование ВМФ. Прибалтийские военно-морские базы были рассчитаны на потребности собственных небольших военных флотов (ВМФ Эстонии – 1 старый миноносец, 2 подводных минных заградителя, 2 сторожевых корабля, 5 канонерских лодок, 2 минных заградителя, 3 тральщика, а ВМФ Латвии – 3 тральщика и 2 малые подлодки⁸⁶⁹) и не могли обеспечить пребывания того количества кораблей и судов КБФ, которое было запланировано командованием РКВМФ. В эстонских и латвийских портах зачастую отсутствовали

⁸⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 464. Л. 7.

⁸⁶⁶ Там же. Л. 7-8.

⁸⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 124-125. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 461. Л. 31-32. Ковалев А. С. Указ. соч. С. 6-7.

⁸⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 170. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 91. Л. 90. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 461. Л. 60.

⁸⁶⁹ Дашьян А. В., Патянин С. В., Митюков Н. В., Барабанов М. С., Иванов В. В., Гайдук А. А. Флоты Второй Мировой. М., 2009. С. 463, 512-513. Петров П. В. Военно-морские силы Эстонии (1918-1940) // Тайфун. 2003. № 1(45). С. 35. *Urmās Salo*. Estimation of security threats and Estonian defence planning in the 1930s // Acta historica Tallinnensia. 2008. N 12. S. 62.

оборудованные необходимыми техническими средствами места для стоянок кораблей, не хватало ёмкостей для хранения топлива и систем для его быстрой подачи на корабли с берега. Зачастую не было электроэнергии, смазочного масла, котельной и питьевой воды и пара. В портах не хватало судоремонтных предприятий, для производства текущего ремонта базировавшихся в новых базах советских кораблей⁸⁷⁰.

Из всех предоставленных СССР эстонских и латвийских портов, обеспечить корабли полноценным ремонтом могли только Таллин, имевший береговые мастерские, 3 плавучих дока, а также 1 эллинг на 6 судов, и Лиепая (Либава), располагавшая мастерскими, 2 сухими доками для крейсеров и 1 плавучим доком. В остальных портах необходимо было держать плавучие базы флота⁸⁷¹. Для развития судоремонта и технического обеспечения новых баз, Технический отдел КБФ провёл в базах Таллин, Лиепая и Палдиски необходимую подготовку судоремонтных предприятий, перевёл из Кронштадта в Таллин плавучую мастерскую «Серп и Молот» и отправил различного рода материалы, запасные части и инструменты⁸⁷².

С целью организации снабжения новых военно-морских баз, 4 декабря 1939 г. нарком ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов издал приказ № 0667, где говорилось, что контроль за вооружением и снабжением всеми видами довольствия, расквартированием, санитарным состоянием, гарнизонной и внутренней службой военно-морских баз КБФ, расположенных на территории Эстонии и Латвии, возлагается на заместителя народного комиссара ВМФ флагмана 1-го ранга Г. И. Левченко⁸⁷³. Данный вопрос также специально обсуждался 3 ноября на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), где было принято решение о порядке финансирования и снабжения частей РККА и РКВМФ в Прибалтике⁸⁷⁴.

В целом, за период с 15 октября 1939 г. по 15 марта 1940 г. в прибалтийские базы было отправлено по железной дороге, морским путём, автотранспортом и авиацией значительное количество грузов – 45048 тонн топлива, 4791 тонна продовольствия, 798 вагонов артиллерийского боезапаса, 75 комплектов торпед, 610 комплектов мин, 21 комплект параванов, 450 комплектов глубинных бомб, 223 тонны химического имущества⁸⁷⁵. В этот период железнодорожный транспорт был до предела загружен воинскими перевозками, поэтому не мог обеспечить в необходимые сроки выполнение запросов флота (за весь ноябрь

⁸⁷⁰ Ковалев А. С. Указ. соч. С. 20-21. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 499. Л. 1-2. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 78. Л. 33.

⁸⁷¹ Советско-Финляндская война 1939-1940 гг. на море. Ч. 1. М.-Л., 1945. С. 40. Курмышов В. М. Базирование Балтийского флота в межвоенный период 1921-1941 гг. СПб., 2003. С. 166, 184.

⁸⁷² Советско-Финляндская война 1939-1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 3. М.-Л., 1946. С. 132.

⁸⁷³ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 66. Л. 216.

⁸⁷⁴ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог. Т. II. 1930-1939. М., 2001. С. 1093.

⁸⁷⁵ Советско-Финляндская война 1939-1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 3. С. 132-133.

1939 г. было отправлено по железной дороге в Эстонию и Латвию всего лишь 249 тонн грузов для ВМФ, а в декабре – 542 тонны)⁸⁷⁶.

В связи с этим, основной упор пришлось сделать на морские перевозки, для чего Наркоматом ВМФ было арендовано 41 паровое и 42 прочих судна. В целом, перевозки морским путем, осуществленные по линии Наркомата ВМФ, с 1 октября 1939 г. по 1 марта 1940 г. обеспечили переброску 41 046 человек и 45 658 тонн грузов⁸⁷⁷. В результате, возникла новая морская коммуникация (Кронштадт-Таллин-Лиепая), являвшаяся единственной артерией питания Краснознаменного Балтийского флота.

Выполняя указания наркома ВМФ о передислокации, Военный совет КБФ издал целый ряд организационных приказов, направленных на скорейшее решение проблемы переброски соединений, частей и учреждений Краснознаменного Балтийского флота в новые базы⁸⁷⁸. Однако, помимо вопросов размещения и бытового устройства на новых местах, командование ВМФ было озабочено проблемой строительства батарей береговой обороны в Эстонии и Латвии. Ещё 19 октября специальная комиссия под председательством флагмана 2-го ранга С. П. Ставицкого, созданная по приказу наркома ВМФ от 1 октября 1939 г., представила свой доклад. В нем комиссия предложила для организации обороны побережья и островов в Прибалтике создать три укрепленных района – у входа в Финский залив, на Моонзундских островах и у входа в Рижский залив, а для обороны военно-морских баз – Палдисский и Лиепайский укрепленные районы. Основной упор при строительстве Береговой обороны следовало сделать на артиллерийские батареи, которые планировалось оснастить 152 орудиями крупного и среднего калибров⁸⁷⁹.

И тогда же, 19 октября, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов отдал приказ № 00150, который был адресован Военному совету КБФ и посвящен вопросу строительства Береговой обороны в Прибалтике. В приказе наркома предписывалось проведение на Балтике следующих мероприятий: 1) Произвести изыскания и установить батареи: а) четыре трехорудийные 130-мм (Б-13) в районах острова Малый Рооге, мыса Пакри, мыса Кюбассар и маяка Михайловский с последующим доведением их до четырехорудийного состава; б) две 152-мм батареи в районах острова Большой Рооге и острова Вормс или Кертель. Установку всех батарей произвести на временных основаниях с последующей посадкой их на бетон; 2) Установить три 76-мм четырехорудийные батареи в районе Палдиски, для чего следовало перевести 83-й отдельный зенитный дивизион; 3) Произвести изыскания для позиции

⁸⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 499. Л. 2. Д. 636. Л. 1.

⁸⁷⁷ Там же. Д. 635. Л. 1.

⁸⁷⁸ Ковалев А. С. Указ. соч. С. 9-10. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 461. Л. 92.

⁸⁷⁹ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. М., 1993. С. 623.

железнодорожных батарей в районе порт Палдиски – маяк Шпитгамн; 4) Произвести изыскания для установки двух 180-мм башенных батарей в районах Симпернес и Сворбе⁸⁸⁰.

Общая стоимость строительных и монтажных работ по созданию системы Береговой обороны в Эстонии и Латвии, как указывал нарком ВМФ Кузнецов в своем приказе № 3385сс от 22 октября 1939 года, должна была составить не менее 200 млн. рублей (при общем лимите на капитальное строительство Военно-Морского Флота на 1940-й год в 1 млрд. 278 млн. рублей)⁸⁸¹. (В целом же, по данным латвийского историка Ю. Ю. Мелконова, за период с осени 1939 по начало 1941 годов на создание объектов Береговой обороны, пунктов базирования флота, аэродромов, железнодорожное строительство, сооружение военных городков и устройство линий связи в Прибалтике Правительством СССР было выделено не менее 500 млн. золотых рублей⁸⁸².)

1 ноября 1939 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов подписал приказ № 00162, которым назначил комиссию под председательством полковника В. И. Герасимова для выбора мест под строительство береговых батарей КБФ. Комиссии было поручено выбрать места для артиллерийских батарей, с целью их установки в 1939-м году на временных основаниях: шести 130-мм трехорудийных батарей на островах Малый Рооге, в районе Люзерорт, на полуостровах Пакри, Симпернес, Кюбасар, в районе Либавы; двух 152-мм батарей на острове Большой Рооге и в районе Серошс-Кертель; шести 45-мм батарей в районе Палдиски и на островах Большой и Малый Рооге; двух 180-мм железнодорожных батарей на полуострове Пакри и в районе Виндавы⁸⁸³.

На следующий, 1940-й год перед комиссией В. И. Герасимова были поставлены другие задачи: 1) перевести с временных оснований на бетонные пять 130-мм батарей; 2) установить на временных основаниях три 130-мм трехорудийные батареи на полуостровах Дагерорт, Хундсорт и в районе Кихельконны и одну 100-мм трехорудийную батарею; 3) построить на бетонных основаниях две 180-мм башенные батареи на полуостровах Сворбе и Симпернес, одну 180-мм открытую батарею в районе бухты Кейгуст, одну 130-мм 3-х орудийную батарею в порту Либава, две 130-мм четырехорудийные батареи в районе Тоффри и Виндава, а также четыре железнодорожные позиции для 180-305-мм батарей на полуострове Пакри, в районе Виндавы, маяков Люзерорт и Михайловский⁸⁸⁴.

Для обеспечения строительства многочисленных береговых батарей, пунктов базирования флота и авиационных баз в Эстонии и Латвии, нарком ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов 3 ноября 1939 г. распорядился о создании самостоятельных линейных

⁸⁸⁰ РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 129.

⁸⁸¹ Там же. Д. 93. Л. 320.

⁸⁸² Мелконов Ю. Ю. Пушки курляндского берега. Рига, 2005. С. 112.

⁸⁸³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 477. Л. 60-61.

строительных органов – «строительств», действующих в соответствии с существовавшим «Положением о линейных строительных органах в РККФ»⁸⁸⁵. Для руководства линейными строительными органами требовалось создать самостоятельные особые строительные отделы (ОСО) в Эстонии и Латвии, действующие на основе специального Положения, утвержденного наркомом ВМФ. Эти строительные отделы было приказано именовать следующим образом: в Эстонии – «1-й Особый строительный отдел», с дислокацией в Балтийском порту (Палдиски); в Латвии – «2-й Особый строительный отдел», с дислокацией в порту Виндава (Вентспилс). Заказчиком работ выступало Главное инженерное управление Наркомата ВМФ⁸⁸⁶.

В Эстонии 1-й Особый строительный отдел возглавил военинженер 1-го ранга А. И. Евстигнеев, главным инженером был назначен военинженер 1-го ранга А. Н. Кузьмин, в Латвии начальником 2-го Особого строительного отдела стал военинженер 2-го ранга В. Ф. Лабайдин, а главным инженером – Я. З. Кронрод. Привязка типовых проектов береговых батарей в районах Либавы, Виндавы, Лужни и Олмани осуществлялась военным инженером В. Н. Назаренко⁸⁸⁷. В составе особых строительных отделов были сформированы особые линейные строительства, каждое из которых выполняло работы на отдельном острове или определенном участке побережья. На руководящие должности в особые строительства были назначены военные инженеры, имевшие опыт строительства береговых укреплений на других флотах. Кроме того, из запаса было призвано 130 гражданских инженеров, ранее возводивших крупные промышленные объекты. Основной рабочей силой на особых линейных строительствах стали специально сформированные отдельные инженерные и строительные батальоны численностью в 1100-1200 человек, но при этом использовались по трудовым договорам и местные жители⁸⁸⁸.

Помимо перечня береговых батарей, приведенного в приказе наркома ВМФ № 00162, Главный морской штаб ВМФ составил «Перечень дополнительных позиций для батарей в Эстонии и Латвии». В этот перечень вошли тяжелые батареи (180-мм и 305-мм калибра). В Эстонии, на острове Малый Рооге предполагалось соорудить четырехорудийную 180-мм башенную батарею, на острове Даго (Хийуумаа) – трехорудийную 305-мм башенную батарею (на полуострове Симпернес) и четырех-орудийную 180-мм башенную батарею на (полуострове Дагерорт), на острове Эзель (Сааремаа) – трехорудийную 305-мм башенную

⁸⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 477. Л. 61-62.

⁸⁸⁵ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 179.

⁸⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 179. Мелконов Ю. Ю. Батареи Моонзунда. Рига, 2003. С. 43. Курмышов В. М. Базирование Балтийского флота в межвоенный период 1921-1941 гг. С. 167.

⁸⁸⁷ Мелконов Ю. Ю. Пушки курляндского берега. С. 107. Лурье В. М. Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота СССР: 1946-1960. М., 2007. С. 273, 296.

⁸⁸⁸ Морские инженеры и строители Балтийского флота: История и современность. Калининград, 2006. С. 64.

батарею (на полуострове Сворбе), четырехорудийную 180-мм башенную батарею (на полуострове Хундсорт) и трехорудийную 152-мм временную открытую батарею на мысе Ниннаст. В Латвии было решено построить трехорудийную 152-мм временную открытую батарею в районе маяка Михайловский⁸⁸⁹.

Как уже говорилось выше, 1 октября 1939 г. приказом наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова № 3010сс была создана специальная комиссия под председательством заместителя наркома ВМФ флагмана флота 2-го ранга И. С. Исакова, которая должна была решить все вопросы, связанные с определением мест базирования КБФ в Прибалтике. Несмотря на четко данные Н. Г. Кузнецовым указания, комиссия в своей работе учитывала приводящие факторы и иногда шла в обход заключенного договора. Связано это было, в первую очередь, с вопросом о предоставлении Советскому Союзу острова Оденсхольм (Осмуссаар) в Финском заливе, для последующего сооружения там тяжелых береговых батарей. Дело в том, что вопрос об острове Оденсхольм возник неожиданно, исключительно по требованию высшего советского военно-морского командования.

Описывая данную ситуацию в своем докладе секретарю ЦК ВКП(б) и первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданову 4 ноября 1939 г., председатель комиссии, заместитель наркома ВМФ И. С. Исаков изложил обстоятельства данного дела: «...1. При отъезде в Эстонию я получил директиву № 3010сс, в которой точно перечислены все пункты с указанием числа и калибра батарей, которые нужно было оформить соглашением с Эстонией. В этом перечне о. Оденсхольм нет. Директива выполнена точно. Сверх того, получен ряд пунктов, которые отвечали более широкой трактовке пакта (полуостров Пакри, острова Большой и Малый Рогге). 2. Впервые вопрос об Оденсхольме стал на докладе у Вас 8 октября, (при вызове из Ревеля т. Мерецкова и меня), когда Вы предложили увязать оборону южного и северного берега, горла Финзалива в одну систему, с соответствующей глубиной артиллерийской обороны. К моменту выезда из Ревеля все морские вопросы с эстонской делегацией были согласованы, и оставалось только их техническое оформление. Возвратившись 9 октября в Ревель - поставил перед эстонцами вопрос об Оденсхольме, что было воспринято очень болезненно, как “новое требование”, не отвечающее пакту...»⁸⁹⁰.

В заключение, Исаков дал рекомендацию, что вопрос об Оденсхольме «надо и можно провести не дипломатическим путем, а в порядке технического уточнения, ранее заключенных соглашений, по линии военного командования». Для решения этого вопроса заместитель наркома рекомендовал направить представителя КБФ и заместителя начальника

⁸⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 477. Л. 64.

⁸⁹⁰ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 90. Л. 249-250.

ГМШ капитана 1-го ранга В. А. Алафузова к главнокомандующему Вооруженными силами Эстонии генералу Й. Лайдонеру или начальнику Генерального штаба генералу Н. Рееку. В целом, как полагал И. С. Исаков, на общем фоне заключенных с Эстонией соглашений, *«вопрос об Оденсхольме не является принципиальным, но эстонские руководители больше всего боялись огласки того, что они передают нам, перед лицом тех кругов, на которые они опираются»*⁸⁹¹. Эстонское Правительство было вынуждено в конечном итоге удовлетворить советские требования и в апреле 1940 г. передало СССР остров Оденсхольм (Осмуссаар) для устройства там береговых батарей, способных перекрывать своим огнем устье Финского залива⁸⁹². Кроме того, эстонская сторона была вынуждена уступить Советскому Союзу и другие участки земли под строительство военных баз и аэродромов⁸⁹³.

Необходимо было решить вопрос и с организацией новых баз флота в прибалтийских республиках. 10 ноября нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов издал приказ № 00170, в котором потребовал назначить комиссию для разработки тактико-технического задания *«на Главную базу КБФ в районе Палдиски»*⁸⁹⁴. От комиссии требовалось начать свою работу уже 15 ноября и завершить ее не позднее 12 декабря 1939 г. По итогам своей работы комиссия должна была представить наркому ВМФ на утверждение тактико-техническое задание на базу, схему распределения территорий на карте и ориентировочные сметно-финансовые расчеты⁸⁹⁵. В развитие данной темы, 11 ноября 1939 г. нарком ВМФ направил Военному совету КБФ очередной свой приказ, где определил структуру военно-морских баз КБФ в Прибалтике⁸⁹⁶. Параллельно с прибалтийскими базами, в системе Главной базы флота Кронштадт полагалось сформировать командование и штаб Кронштадтской военно-морской базы. Этим же приказом были введены в действие «Временное Положение о командире Кронштадтской военно-морской базы» и «Временное Положение о командире военно-морской базы Лиепая». Срок выполнения данного приказа был обозначен 20 ноября 1939 года⁸⁹⁷.

14 ноября 1939 г., Главный морской штаб ВМФ составил и направил начальнику Штаба КБФ капитану 1-го ранга Ю. А. Пантелееву «Оперативно-тактическое задание на сооружение базы Краснознаменного Балтийского флота в порту Палдиски» и «Таблицу расчета кораблей, частей и соединений, предположенных к базированию на порт Палдиски на 1.1.43 г.», которые были представлены на утверждение Правительства⁸⁹⁸. Согласно

⁸⁹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 90. Л. 250.

⁸⁹² Мелконов Ю. Ю. Батареи Моонзунда. С. 72.

⁸⁹³ Ильмярв М. Указ. соч. С. 500.

⁸⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 186.

⁸⁹⁵ Там же. Л. 186-187.

⁸⁹⁶ Там же. Д. 66. Л. 79-80.

⁸⁹⁷ Там же. Л. 80-81.

⁸⁹⁸ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 477. Л. 39-48.

заданию, военно-морскую базу Палдиски следовало построить на полуострове Пакри «с расположением основных сооружений в районе порта Палдиски». База была предназначена для постоянного базирования, отмобилизования и бесперебойного снабжения в мирное и военное время сил, базирующихся на данный район⁸⁹⁹. В Палдиски было определено местопребывание Военного совета, Штаба, Политического управления, Военной прокуратуры и Трибунала КБФ, Управления тыла и Главного военного порта⁹⁰⁰.

20 декабря 1939 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов своей директивой № 4280сс поставил в известность председателя СНК и наркома по иностранным делам СССР В. М. Молотова об утверждении тактико-технического задания на строительство военно-морской базы Палдиски, которое 15 декабря было выдано Наркомату по строительству СССР. По ориентировочным сметно-финансовым расчетам, общая стоимость сооружений военно-морской базы в Палдиски составила 502 млн. рублей. Из общей стоимости основное направление кредитов следовало направить на: а) гидротехнические сооружения – 199 млн. руб.; б) мастерские судоремонта – 18 млн. руб.; в) склады жидкого топлива и боезапаса – 40 млн. руб.; г) тепло-, энерго- и водоснабжение – 34 млн. руб.; д) расквартирование и культурно-бытовое обслуживание – 78 млн. рублей⁹⁰¹.

Исходя из общих задач по строительству и сроков готовности базы Палдиски, Наркоматом ВМФ совместно с Наркоматом строительства на 1940-й год был установлен объем работ на общую сумму в 120 млн. рублей. Для продвижения постройки базы, нарком ВМФ Кузнецов просил председателя СНК СССР Молотова решить вопрос о выделении соответствующего кредита Наркомату строительства СССР на проведение работ, намеченных в соответствии с титульным списком⁹⁰². В итоге, Совет народных комиссаров СССР в декабре 1939 г. принял постановление о выделении необходимых средств Наркомату строительства на производство строительных работ в Палдиски в 1940-м году⁹⁰³. (В дальнейшем, 25 февраля 1940 г. Комитет обороны при СНК СССР издал постановление № 90сс, где утвердил титульный список строительства военно-морской базы в Палдиски на 1940-й год общим объемом на 120 млн. рублей⁹⁰⁴.)

19 ноября 1939 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов издал приказ № 0040, где определил состав и очередность строительства береговых батарей в Эстонии и Латвии. В течение 1939-го года следовало установить на временных основаниях, с последующим переводом в 1940-м году на бетонную основу, шесть 130-мм береговых батарей, построить две 152-мм и одну

⁸⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 477. Л. 40.

⁹⁰⁰ Там же. Л. 48.

⁹⁰¹ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 96. Л. 505.

⁹⁰² Там же. Л. 505-506.

⁹⁰³ Там же. Л. 511.

⁹⁰⁴ Там же. Д. 135. Л. 14.

130-мм береговые батареи, а также установить шесть 45-мм батарей. Также, в 1939-м году нужно было построить временные позиции для 180-мм железнодорожных батарей. В течение 1940-го года Кузнецов потребовал соорудить в Прибалтике три 180-мм башенные береговые батареи, установить на временных основаниях, с последующей заменой в 1941-42 гг. на 152-мм батареи на постоянных основаниях, три 130-мм береговые батареи, а также установить на постоянных основаниях три 130-мм и одну 100-мм береговые батареи⁹⁰⁵. Помимо этого, начальнику Инженерного управления ВМФ было поручено произвести до 1 мая 1940 года изыскания и выбор позиций для установки в 1941-42 гг. одной 406-мм башенной береговой батареи, трех 305-мм башенных береговых батарей, трех 180-мм башенных береговых батарей, трех 152-мм открытых береговых батарей⁹⁰⁶. Общая сумма ассигнований на строительство береговых батарей и оборонных объектов на Балтике на 1939-1940 годы, утвержденная Комитетом обороны при СНК СССР, составила свыше 219 млн. рублей⁹⁰⁷.

23 ноября 1939 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов подписал приказ № 0042, где потребовал выполнить ряд организационных мер по созданию береговой обороны в новых районах. Во-первых, Кузнецов приказал сформировать в 1939-м году три 130-мм трехорудийные береговые батареи (№№ 23, 25 и 26) и шесть 45-мм четырехорудийных батарей (№№ 241-246)⁹⁰⁸. Во-вторых, нарком приказал перевести в 1939-м году в районы Палдиски и Вентспилса 180-мм железнодорожные батареи №№ 12 и 17, построив в этих местах временные позиции для данных батарей, а также 83-й зенитный артиллерийский дивизион в составе трех 76-мм четырехорудийных батарей⁹⁰⁹. Формирование вышеуказанных батарей следовало закончить уже к 15 декабря 1939 г.

Согласно этому же приказу наркома ВМФ, в течение 1940-го года также предстояло сформировать на Краснознаменном Балтийском флоте три 180-мм башенные батареи (№№ 314-316), из которых одну батарею на полуострове Симпернес и одну батарею на полуострове Сворбе, одну 180-мм открытую батарею южнее полуострова Кюбассар (№ 317), пять 130-мм (типа «Б-13») четырехорудийных батарей (№№ 42-46), одну 100-мм четырехорудийную батарею № 149 на полуострове Дагерорт и четырнадцать 76-мм (типа «З-К») четырехорудийных батарей на механической тяге (№№ 501-514)⁹¹⁰. Формирование всех указанных батарей требовалось завершить к 1 марта 1940 года.

Для выполнения такого грандиозного объема строительно-монтажных работ в Прибалтике, туда срочно перебрасывались многочисленные инженерно-строительные части

⁹⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 477. Л. 65-66. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 68. Л. 107-112.

⁹⁰⁶ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 477. Л. 67.

⁹⁰⁷ Там же. Л. 68.

⁹⁰⁸ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 68. Л. 119.

⁹⁰⁹ Там же. Л. 120.

⁹¹⁰ Там же. Л. 120-122.

флота. В соответствии с расчетами Главного морского штаба ВМФ, для проведения берегового строительства были назначены следующие инженерные части: из состава 33-го инженерного батальона в районе мыс Пакри-порт Балтийский (Палдиски) – 4 саперные роты, 1 техническая рота, 1 учебная рота (с 28 декабря 1939 г.), на острове Большой Рооге – 1 саперная рота (с 28 декабря 1939 г.); из состава 34-го инженерного батальона на мысе Церель – 3 саперные роты, 1 техническая рота, 1 учебная рота (с 31 декабря 1939 г.), в Кейгусте – 2 саперные роты (с 31 декабря 1939 г.); из состава 35-го инженерного батальона в Виндаве – 2 саперные роты, 1 техническая рота, 1 учебная рота (со 2 января 1940 г.), на мысе Михайловский – 1 саперная рота (со 2 января 1940 г.), в Либаве – 2 саперные роты (со 2 января 1940 г.); из состава 36-го инженерного батальона на мысе Симпернес – 3 саперные роты, 1 техническая рота, 1 учебная рота (с 10 января 1940 г.), на мысе Дагерорт – 1 саперная рота (с 10 января 1940 г.), на мысе Тоффри – 1 саперная рота (с 10 января 1940 г.)⁹¹¹.

Несмотря на заданные высокие темпы строительства береговых батарей, осуществить к началу войны с Финляндией создание полноценной Береговой обороны в странах Балтии не удалось. Ситуация объяснялась поздним началом развертывания оборонного строительства, медленными и нерегулярными поставками строительных материалов в Прибалтику, суровыми зимними условиями, а главное, начавшимися боевыми действиями с Финляндией. После начала войны перевозки по морю резко сократились, а ввиду общего обледенения Финского залива, наступило закрытие навигации. Все грузы направлялись по железной дороге в Палдиски, куда они начали поступать лишь в конце января 1940 г. Значительная часть грузов из-за задержек в пути, в связи с военными действиями, поступила в базы только в марте-апреле 1940 г.

Ситуация с оборонным строительством усугублялась нерешенностью вопроса определения границ земельных участков, занимаемых советскими воинскими частями. Советскому правительству уже к декабрю 1939 г. стало понятно, что отсутствие решения об аренде земельных участков и строений ставит под угрозу срыва весь замысел размещения советских войск на территории Прибалтийских государств. 27 ноября заместитель наркома иностранных дел ССР В. П. Потемкин выразил эстонской стороне мнение, что все вопросы, связанные с базами, требуют скорейшего решения⁹¹². В связи с этим, 8 декабря 1939 г. нарком по иностранным делам СССР В. М. Молотов отметил, что причиной затяжки с заключением договоров аренды является нераспорядительность самих Наркоматов Обороны и ВМФ⁹¹³.

⁹¹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 70-71.

⁹¹² *Ант Ю.* Указ. соч. С. 63.

⁹¹³ *Ковалев С. Н.* Указ. соч. С. 208.

Реакция Молотова объяснялась тем, что ранее был указан конкретный срок, когда НКО и НКВМФ должны были представить данные («в 3-х дневный срок, начиная с 30 ноября 1939 г.»), без чего торговые представители не могли приступить к заключению договоров. Аппараты Наркоматов Обороны и ВМФ своевременно не представили свои доклады и не приняли необходимых мер к подготовке сведений о занятых земельных участках, которые необходимо было арендовать⁹¹⁴. Чтобы ускорить данный процесс, постановлением СНК СССР № 22-8с от 4 января 1940 г. было поручено Наркомату внешней торговли СССР внести аванс за аренду земельных участков, жилых домов и хозяйственных построек в Эстонии в сумме 248 тыс. рублей в местной валюте⁹¹⁵.

В итоге, план оборонительного строительства в Прибалтике в 1939-м году оказался сорван. Согласно отчету начальника Штаба КБФ капитана 1-го ранга Ю. А. Пантелеева, к 15 ноября 1939 г. были завершены строительством только 130-мм береговые батареи на временных (деревянных) основаниях на островах Пакри, Большом и Малом Рооге, а один зенитный дивизион был развернут в районе островов Пакри – Большой Рооге – Малый Рооге. В новых базах отсутствовала противолодочная и противоторпедная оборона⁹¹⁶. По данным главного контролера Комитета обороны при СНК СССР А. С. Новикова, из запланированных комитетом к постройке в 1939-м году 8 береговых батарей было построено только 3 батареи, т.е. меньше половины⁹¹⁷.

По другим данным, согласно постановлению СНК № 417сс в 1939-м году намечалось ввести в строй 10 береговых батарей (на острове Оденсхольм – 130-мм открытую батарею, на полуострове Пакри – 130-мм открытую, на острове Малый Рооге – 152-мм и 130-мм открытые батареи, на полуострове Симпернес – 130-мм открытую, на мысе Серошс – 152-мм открытую, на мысе Кюбассаар – 130-мм открытую, в Либаве – 130-мм открытую, на мысе Михайловский – комбинированную позицию для 180-305-мм батарей, на мысе Люзерорт – комбинированную позицию для 180-305-мм батарей), но фактически было построено лишь две 152-мм батареи на острове Малый Рооге и мысе Серошс⁹¹⁸.

После осуществления масштабного перебазирования соединений надводных кораблей, подводных лодок, морской авиации и береговой обороны в страны Прибалтики осенью 1939 года, Краснознаменный Балтийский флот оказался поделенным на две неравные части. В Кронштадтской военно-морской базе и Ораниенбаумском порту к 30 ноября находилась основная группировка флота: Эскадра КБФ в составе линкоров «Марат», «Октябрьская

⁹¹⁴ Ковалев С. Н. Указ. соч. С. 208.

⁹¹⁵ К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. Коллективная монография. С. 407.

⁹¹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 499. Л. 2.

⁹¹⁷ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 172. Л. 369.

⁹¹⁸ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 173-174.

революция» и 3-го дивизиона эсминцев, лидер «Ленинград», эсминец «Стерегущий», Бригада торпедных катеров, 1-й дивизион сторожевых кораблей, 1-й и 2-й дивизионы базовых тральщиков, 3-й дивизион тихоходных тральщиков Охраны водного района КБФ, корабли Гидрографического отдела, 15-й, 16-й, 21-й и 23-й дивизионы подводных лодок и отдельные лодки из других дивизионов. В маневренных базах Усть-Луга и Пейпия был развернут Отряд особого назначения⁹¹⁹ КБФ. В подчинении командира отряда находились 6 базовых тральщиков, 6 тихоходных тральщиков, 3 сторожевых корабля и 12 торпедных катеров⁹²⁰. Вся эта группировка кораблей была достаточно компактно сосредоточена в восточной части Финского залива и была предназначена, в основном, для совместных действий с Красной Армией в войне с Финляндией⁹²¹.

Зато другая часть флота оказалась разбросанной по всему южному побережью Балтийского моря – на протяжении почти 500 км. В базах Таллин, Палдиски и Либава⁹²² располагались Отряд лёгких сил, 2-я бригада подлодок (17-й и 22-й дивизионы), 24-й дивизион из состава 3-й бригады подводных лодок, 13-й дивизион подлодок и подводный минный заградитель «Л-1» из состава 1-й бригады ПЛ⁹²³. Лёгкие силы и подводные лодки флота должны были в случае войны осуществлять блокаду побережья Финляндии⁹²⁴. Такая схема базирования обладала не только большими достоинствами (быстрота развертывания на всех оперативных направлениях, доступность всего театра военных действий), но также и явным недостатком (неудобство в оперативном управлении всеми силами флота на большом пространстве).

Перебазирование КБФ в прибалтийские базы позволило значительно расширить его оперативные возможности, что проявилось в полной мере в период советско-финляндской войны. Финская сторона сразу же почувствовала на себе все преимущества нового базирования Балтийского флота. В частности, в конце декабря 1939 г. полпред СССР в Эстонии К. Н. Никитин сообщал в Наркомат иностранных дел СССР, что в связи с базированием советского флота в эстонских портах финская сторона вручила Эстонии ноту, в которой *«протестует против стоянки нашего флота в Таллине, Хаапсалу и Палдиски. Одновременно Финляндия сообщила, что она оставляет за собой право вынесения суждения по этому вопросу и принятия соответствующих мер»*. Однако эстонское Правительство

⁹¹⁹ Отряд особого назначения КБФ был предназначен для проведения десантной операции по захвату островов в восточной части Финского залива (Суурсаари, Сейксаари, Лавенсаари и других).

⁹²⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 499. Л. 17-18.

⁹²¹ Балтийский флот. Исторический очерк. М., 1960. С. 229.

⁹²² Положение о Либавской ВМБ было утверждено наркомом ВМФ 11 ноября 1939 г. - См.: РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 91. Л. 88-89. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 66. Л. 86-89.

⁹²³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 499. Л. 18.

⁹²⁴ Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. М., 1964. С. 187. Балтийский флот. С. 229.

отклонило ноту финского правительства и посчитало не противоречащей их нейтралитету стоянку советских судов в водах Эстонии⁹²⁵.

Причем, этот решительный ответ эстонская сторона дала, несмотря на то, что в своей ноте финская сторона оставляла «за собой право предпринимать необходимые контрмеры в эстонских территориальных водах». Тем более, поскольку ни Финляндия, ни СССР не являлись воюющими сторонами, у Эстонии не было оснований для обращения к правилам нейтралитета в отношении обеих стран. Соответственно, Эстония не могла нарушать данные правила, разрешая советским военным судам временное пребывание в порту Таллина, не являющемся советской военной базой⁹²⁶.

Чтобы решить проблему управления соединениями и частями флота, базирующимися в Прибалтике, приказом Военного совета КБФ № 1930-35 от 17 ноября 1939 г., все надводные, подводные и военно-воздушные силы, а также части Береговой обороны флота, находившиеся в базах Таллин, Палдиски и Либава, были подчинены в оперативном отношении капитану 1-го ранга В. А. Алафузову, назначенному заместителем командующего Краснознаменным Балтийским флотом. Штаб заместителя командующего флотом⁹²⁷ (начальник – капитан 2-го ранга С. Г. Кучеров) располагался в Таллине⁹²⁸. Вторым по важности лицом в структуре управления новыми базами был комендант Береговой обороны Балтийского района (БОБР) комбриг С. И. Кабанов, назначенный на эту должность 16 октября (утвержден 3 ноября)⁹²⁹. Ему было поручена организация морской и противовоздушной обороны военно-морской базы в Палдиски, которая ранее их не имела.

Надо сказать, что Алафузов был заместителем командующего не в полном смысле этого слова, а лишь по командованию той частью сил флота, которую нельзя было назвать соединением, и на которую была возложена определённая боевая задача в войне с Финляндией. Эта задача – блокада побережья Финляндии – практически не была связана с теми боевыми задачами, которые выполнялись остальными силами КБФ в восточной части Финского залива. Таким образом, замкомфлотом В. А. Алафузов являлся лишь начальником на самостоятельном оперативном направлении. Командование силами КБФ в Прибалтике в такой форме оставалось до февраля 1940-го года.

К началу февраля 1940 г. надводные корабли и подводные лодки Балтфлота, ввиду полного замерзания Финского залива и Балтийского моря, полностью прекратили боевую

⁹²⁵ Цит. по: Ковалев С. Н. Указ. соч. С. 109. Ильмярв М. Указ. соч. С. 546.

⁹²⁶ Ковалев С. Н. Указ. соч. С. 109. Ильмярв М. Указ. соч. С. 546-547.

⁹²⁷ С 7 января 1940 г. штаб заместителя командующего КБФ стал именоваться Походным штабом КБФ.

⁹²⁸ Советско-Финляндская война 1939-1940 гг. на море. Ч. 1. С. 54. Ковалев А. С. Указ. соч. С. 84.

⁹²⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 83. Л. 450. Д. 84. Л. 564. Белокопытов К. Н. Боевое управление при подготовке и проведении блокады побережья противника, десантных операций по занятию островов и действий ОССБ зимой на льду. Б./м., 1942. С. 104. Ковалев А. С. Указ. соч. С. 84.

деятельность. Так как западные базы КБФ к этому моменту уже организационно окрепли, а действиями сил КБФ по осуществлению блокады Финляндии не надо было руководить, 4 февраля 1940 г. приказом наркома ВМФ должность заместителя командующего КБФ была ликвидирована. Также был упразднён и Походный штаб КБФ. Вместо этой командной структуры, приказом наркома ВМФ № 0025 от 31 января 1940 г. были созданы Балтийская и Либавская военно-морские базы. В Балтийскую военно-морскую базу (БВМБ), командиром которой был назначен флагман 2-го ранга В. А. Алафузов (с 1 марта 1940 г. – капитан 2-го ранга С. Г. Кучеров), являвшийся также младшим флагманом, входили военно-морские базы Таллин и Палдиски⁹³⁰.

Балтийской военно-морской базе (БВМБ) были подчинены: 3-я бригада подлодок в составе 23-го и 24-го ДПЛ; 3-й дивизион эсминцев (эсминцы «Карл Маркс», «Энгельс», «Володарский», «Артем», «Ленин»); 3-й дивизион торпедных катеров (2 отряда ТК); Охрана Балтийского водного района в составе 1-го дивизиона быстроходных тральщиков, сторожевых кораблей «Буря» и «Циклон», 1-го дивизиона сторожевых катеров; Охрана рейда в Таллине; Охрана рейда в Палдиски; 83-й и 202-й отдельные зенитные артиллерийские дивизионы. Этим же приказом Управление командующего Береговой обороной Балтийского района было переформировано в Управление коменданта БО Балтийской военно-морской базы.

Коменданту Береговой обороны Балтийской военно-морской базы подчинялись: 34-й отдельный артиллерийский дивизион; отдельная 152-мм трехорудийная береговая батарея № 12; отдельные 130-мм трехорудийные береговые батареи № 24, 25, 26 и 27; отдельные 45-мм четырехорудийные береговые батареи №№ 241, 242, 243, 244, 245, 246; отдельная 180-мм четырехорудийная железнодорожная батарея № 12. Командиру Балтийской военно-морской базы были также приданы в оперативное подчинение 10-я авиабригада в составе управления, 15-й и 44-й отдельных авиаэскадрилий, 20-го и 30-го отдельных авиаотрядов, 28-я авиабаза и части береговой СНИС⁹³¹.

Либавской военно-морской базе (командир – капитан 1-го ранга А. П. Шергин, с 4 февраля 1940 г. – капитан 1-го ранга П. А. Трайнин) были подчинены Отряд лёгких сил, 13-й, 16-й и 21-й дивизионы подлодок, 84-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион. Кроме того, приказом командующего КБФ № 0025 от 4 февраля 1940 г. в состав базы Лиепая с 1 февраля были переданы из состава Охраны водного района КБФ 2-й дивизион быстроходных тральщиков в составе тральщиков «Т-208», «Т-210», «Т-213» и звено

⁹³⁰ Ачкасов В. И., Басов А. В., Большаков Н. В., Гельфонд Г. М. и др. Боевой путь Советского Военно-морского флота. М., 1967. С. 173.

⁹³¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 142. Л. 434. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 515. Л. 47. Оп. 7. Д. 384. Л. 106, 109-114.

сторожевых катеров в составе 3 катеров типа «МО-4», а из состава 3-й бригады подлодок - 26-й дивизион с дислокацией в Лиепая⁹³².

После осуществления воинских перевозок в новые места базирования, к 5 февраля 1940 г. численность личного состава соединений и частей КБФ в Прибалтике достигла 15885 человек в Эстонии (из них 13150 человек – в береговых частях и 2735 человек – на кораблях) и 8274 человека в Латвии (из них 4486 человек – в береговых частях и 3788 человек – на кораблях)⁹³³. В том числе, в Таллине в береговых частях находилось 1306 человек, в Палдиски – 7208 человек, на островах Моонзундского архипелага – 4641 человек, в Лиепаяе – 2705 человек и в Вентспилсе – 1781 человек⁹³⁴.

Подводя итоги рассмотрению процесса перебазирования КБФ осенью 1939 – зимой 1940 гг. в новые военно-морские базы в Эстонии и Латвии, необходимо сделать следующие пояснения. Военно-морские базы и аэродромы, арендованные СССР, были расположены на территории иностранных государств, которые взяли на себя определённые обязательства по их охране (в частности командование Эстонских ВМС организовало охрану рейдов в Таллине и Палдиски с 30 ноября 1939 г.). Также эстонские корабли начали патрулирование районов между о-вами Аэгна и Найссаар и перед п-овом Сууроппи. Однако, несмотря на это, корабли и части Балтийского флота были вынуждены постоянно находиться в состоянии повышенной боевой готовности, чтобы обезопасить себя на случай внезапного нападения с моря или с воздуха⁹³⁵. Подходы к портам, сами порты, места якорных стоянок кораблей, аэродромы и пункты расположения береговых частей приходилось охранять специально выделенными кораблями и частями, находящимися в высокой степени боеготовности. Это объяснялось тем, что базы Таллин и Палдиски находились в полосе возможных ударов со стороны военно-морских и военно-воздушных сил Финляндии, что должно было накладываться особую ответственность на командиров соединений и частей КБФ за состояние обороны данных военно-морских баз. Крайне опасным было базирование кораблей КБФ в гавани Лиепаяи, которая не имела противолодочной обороны (ПЛЮ), отсутствовало даже боновое ограждение с противоторпедными сетями⁹³⁶.

Снабжение в базах зачастую находилось не на должном уровне. В портах Таллина, Палдиски и Лиепаяи не имелось соответствующе оборудованных систем для хранения и быстрой подачи на корабли с берега топлива, воды и электроэнергии. Корабли не имели также на берегу складов и кладовых для хранения предметов довольствия, ненужных им при выходах в море (Палдиски). Всё то, в чём нуждались корабли и части (боезапас, топливо,

⁹³² РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 142. Л. 434. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 515. Л. 47. Оп. 7. Д. 384. Л. 101, 106.

⁹³³ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 423. Л. 14-15.

⁹³⁴ Там же. Л. 14-15.

⁹³⁵ Ильмярв М. Указ. соч. С. 547-548.

смазочные масла, котельная и питьевая вода, запасные части механизмов и вооружения и пр.) они должны были либо иметь при себе (на плавбазах), либо получать из далёкого тыла по водным и железнодорожным линиям. А если учесть, что железные дороги с октября 1939 г. были загружены воинскими перевозками, и поступление грузов для флота шло чрезвычайно медленными темпами, то приходилось надеяться исключительно на свои запасы.

Крупным недостатком при организации устройства частей КБФ в новых базах, была плохая связь с Главной базой флота. Отсутствие мощных радиотелеграфных станций очень затрудняло связь командиров соединений при управлении боевыми действиями подчинённых им кораблей. Заместитель командующего КБФ В. А. Алафузов, формально имея свой собственный штаб, фактически руководил действиями подлодок через Штаб КБФ в Кронштадте, где имелась мощная РТС. Это обстоятельство, а также отсутствие прямой телефонной и телеграфной связи между командирами баз и соединений и командованием КБФ вносило трудности в управление оперативной и повседневной деятельностью перебазированных соединений и частей флота.

Несмотря на трудности, получение военно-морских баз в странах Прибалтики дало возможность Краснознаменному Балтийскому флоту выйти на качественно новый уровень, позволяющий оперативно разворачивать свои силы на всем пространстве Балтийского моря, в Финском и Рижском заливах⁹³⁷. После 20-летнего вынужденного пребывания в восточной части Финского залива Балтийский флот наконец вырвался на оперативный простор, переместив центр своего базирования далеко на запад. Об этом довольно убедительно сказал сам командующий КБФ флагман 2-го ранга В. Ф. Трибуц на заключительном этапе войны с Финляндией: «...Нетрудно понять, что с выходом Балтфлота в новые морские базы в соответствии с пактом взаимопомощи с Эстонией и Латвией, стратегическое положение нашей страны на Западе сильно изменилось в нашу пользу. Балтийский флот встал перед новыми колоссальными возможностями. Мы обязаны стать настоящими хозяевами Балтийского моря...»⁹³⁸.

§ 3. Строительство военно-морской базы Ханко весной 1940 – весной 1941 гг.

Согласно мирному договору между СССР и Финляндской республикой от 12 марта 1940 г., Финляндия обязалась сдать Советскому Союзу в аренду с ежегодной уплатой 8 млн. финских марок, сроком на 30 лет, полуостров Ханко и морскую территорию вокруг него,

⁹³⁶ Курмышов В. М. Указ. соч. С. 185.

⁹³⁷ Ильмярв М. Указ. соч. С. 502.

радиусом в 5 миль к югу и востоку и в 3 мили к западу и северу от него и ряд островов, примыкающих к нему, для создания там военно-морской базы, способной оборонять от агрессии вход в Финский залив, *«причем в целях охраны морской базы Советскому Союзу предоставляется право держать там за свой счет необходимое количество наземных и воздушных вооруженных сил»*⁹³⁹. Финское Правительство должно было в течение 10 дней с момента вступления в силу настоящего договора вывести с Ханко все свои войска, после чего полуостров с прилегающими островами переходил под управление СССР⁹⁴⁰.

16 марта 1940 г. начальник Штаба КБФ капитан 1-го ранга Ю. А. Пантелеев издал приказ № 1оп/120сс, которым поставил в известность командира Отряда особого назначения КБФ капитана 2-го ранга А. И. Зайца о том, что решением Военного совета КБФ на него возложена задача организации перевозок сил и средств, выделяемых в распоряжение командования базы⁹⁴¹. В состав формируемой военно-морской базы Ханко были включены управление базы, управление сектора Береговой обороны (БО), порт 1-го разряда, одна стрелковая дивизия, три 130-мм артиллерийские батареи, четыре 45-мм артиллерийские батареи, железнодорожная батарея № 17, два зенитных артдивизиона, железнодорожная рота, инженерный батальон, понтонный батальон, караульный батальон, флотская рота, участок СНИС, авиабаза, два пограничных отряда.

На полуостров Ханко требовалось перебросить стрелковый полк (без одного батальона), саперный батальон, роту связи дивизии, зенитный артдивизион (три 76-мм батареи на мехтяге), материальную часть и личный состав на одну 130-мм и три 45-мм артиллерийские батареи, отдельную местную роту, органы управления базы и порта, месячный запас продовольствия. Для перевозки частей КБФ и грузов командованием флота были выделены транспорта «Волголес», «Луначарский», «Днестр», «2-я пятилетка», «Пионер» и «Эльтон», ледоколы «Ермак» и «Трувор». К погрузке материальной части следовало приступить немедленно, а личный состав предназначенных к перевозке частей требовалось посадить на суда непосредственно перед отходом⁹⁴².

Состав военно-морской базы Ханко был утвержден приказом № 0067 наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова от 20 марта 1940 г. В состав базы вошли управление базы, а также следующие соединения и части флота: 3-й дивизион эсминцев, 2-й дивизион тральщиков, 26-й дивизион подлодок, 2-й отряд торпедных катеров, звено сторожевых катеров типа «МО-4» (3 катера), отдельный артиллерийский дивизион (трехорудийные 130-мм батареи №№ 178, 179, 180,

⁹³⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 497. Л. 17.

⁹³⁹ Документы внешней политики. 1940-22 июня 1941. Т. XXIII: В 2-х кн. Кн. 1. Январь-октябрь 1940. М., 1995. С. 141-142.

⁹⁴⁰ Документы внешней политики. 1940-22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. С. 142.

⁹⁴¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 461. Л. 125.

⁹⁴² Там же. Л. 125-127.

трехорудийная 100-мм батарея № 174 и трехорудийные 45-мм батареи №№ 165, 166, 167, 168, 169 и 170), участок ПВО (61-й и 93-й артиллерийские зенитные дивизионы), 8-я отдельная стрелковая бригада, отдельный инженерный батальон, отдельный строительный батальон, 73-й смешанный авиаполк, охрана рейдов, военный порт 2-го разряда, ряд других частей и подразделений⁹⁴³. Все корабли, части и учреждения КБФ, включенные в состав ВМБ Ханко, были подчинены во всех отношениях командиру и комиссару военно-морской базы Ханко. Командир и комиссар базы Ханко подчинялись непосредственно Военному совету КБФ⁹⁴⁴.

Состав 8-й стрелковой бригады Северо-Западного фронта, включенной в состав военно-морской базы Ханко, также был определен 20 марта наркомом ВМФ. В 8-ю стрелковую бригаду входили два стрелковых полка, один артиллерийский полк, один танковый батальон, один саперный батальон, отдельный батальон связи, полевой подвижной госпиталь и другие подразделения. Общую численность бригады нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов определил в 10457 человек, 2213 лошадей и 365 автомашин. Снабжение 8-й стрелковой бригады следовало производить за счет Красной Армии⁹⁴⁵.

Тем временем, последние финские воинские части покидали город Ханко, уйдя отсюда 22 марта в 24 часа. В городе остался только 1 финский офицер для связи, 4 шофера и 5 человек обслуживающего персонала. Для принятия города Ханко от финского командования, согласно постановлению Комитета обороны при СНК СССР № 119сс от 19 марта 1940 г., была образована военная комиссия КБФ, в состав которой вошли комдив Ф. Г. Коробков, полковник В. В. Крюков и ряд других командиров. Военная комиссия *«для выяснения обстановки и состояния портовых устройств, причалов, жилого фонда и оборудования и бытовых устройств города и порта»* вылетела 22 марта на двух самолетах и вечером приземлилась на аэродроме в Ханко, где ее встретил представитель финского командования майор Й. Викстрем. Всего на самолетах было переброшено в ходе первого рейса 44 человека. В течение 22-24 марта на самолетах были перевезены команда береговой обороны для занятия батарей, флотская рота в 120 человек для несения караулов, команда связи с 2 радиостанциями, саперный взвод, аэродромная рота. Всего был перевезен 341 человек и продовольствие из расчета на 25 суток⁹⁴⁶.

Комиссия Балтфлота в первую очередь осмотрела гавань Ханко, склады, электростанцию, водокачку и ряд наиболее важных городских объектов. После первичного

⁹⁴³ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 32-36.

⁹⁴⁴ Там же. Л. 38.

⁹⁴⁵ Там же. Л. 39-40.

⁹⁴⁶ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 461. Л. 129. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 170. Л. 11, 13, 15. Д. 177. Л. 6.

осмотра комиссией было установлено, что «*больших разрушений в городе нет*»⁹⁴⁷. Нарком ВМФ в своем докладе Правительству № 1132сс от 25 марта 1940 г., ссылаясь на донесение председателя военной комиссии, следующим образом охарактеризовал состояние порта и города Ханко: «*...Водопровод и электростанция работают, жилой фонд в основном в порядке, дневное навигационное оборудование исправно, ночное требует восстановления. Гавань в хорошем состоянии, причалы имеют нефтепровод и водопровод с рожками. Пушки с острова Руссарэ вывезены, казармы целы...*»⁹⁴⁸.

Опираясь на итоги работы комиссии по осмотру Ханко, Военный совет КБФ ходатайствовал перед наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым о проведении организационно-практических мероприятий по управлению городом. Было также предложено принять меры по восстановлению городского хозяйства города Ханко⁹⁴⁹. Докладывая наркому ВМФ о состоянии базы Ханко, командующий КБФ В. Ф. Трибуц в своей директиве № 1оп/152сс предложил утвердить базирование в данной военно-морской базе следующих соединений и частей Балтфлота: 1) Бригады торпедных катеров; 2) 3-й бригады подлодок в полном составе; 3) 15-го авиационного полка. Для более надежного прикрытия Балтийской военно-морской базы и Ханко, В. Ф. Трибуц просил разместить в Палдиски 13-й истребительный авиаполк ВВС КБФ⁹⁵⁰.

Первоначально Военный совет КБФ намеревался перебросить людей и грузы на Ханко морским путем, но из-за сильного обледенения Финского залива пришлось подождать. Наконец, ледовая обстановка в Финском заливе улучшилась и 8 апреля пять пароходов Ленинградского торгового порта («Волголес», «Эльтон», «Луначарский», «2-я Пятилетка» и «Днестр») под проводкой ледоколов вышли из Кронштадта и направились к Ханко. На перечисленные транспорты были погружены: стрелковый полк (без одного батальона) с артиллерией и обозом, саперный батальон, рота связи, 3-х орудийная 130-мм береговая батарея личным составом и боезапасом, три четырехорудийные 45-мм батареи, зенитный артиллерийский дивизион в составе трех батарей, 50 тонн жидкого топлива, 3062 тонны каменного угля и дров, 3239 тонн продовольствия и фуража⁹⁵¹. Первая группа транспортов («Волголес», «Днестр» и «2-я Пятилетка») смогла прибыть на Ханко лишь 20 апреля, а вторая группа («Луначарский» и «Эльтон») – 24 апреля. В итоге, переход судов занял 16 суток⁹⁵².

⁹⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 461. Л. 129-130.

⁹⁴⁸ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 170. Л. 16.

⁹⁴⁹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 461. Л. 141-143.

⁹⁵⁰ Там же. Л. 144.

⁹⁵¹ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 170. Л. 26-27.

⁹⁵² Там же. Л. 35.

Необходимо было приступить к строительным работам в новой военно-морской базе, поэтому 27 апреля 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов подписал приказ № 0239, где потребовал для выполнения строительных работ в районе полуострова Ханко сформировать *«строительство в районе полуострова Ханко, с присвоением № 020»* и с подчинением его Строительному управлению ВМФ⁹⁵³. 19 мая нарком ВМФ издал директиву № 2152сс, где приказал подчинить начальнику строительства № 020 принятые от Наркомата обороны СССР инженерный, строительный и железнодорожно-восстановительный батальоны⁹⁵⁴.

22 мая 1940 г. нарком ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов подписал приказ № 00119, где объявил о зачислении в штатный состав ВМФ частей РККА, включенных в состав базы Ханко⁹⁵⁵. В частности, командиру и комиссару базы Ханко были подчинены 8-я отдельная стрелковая бригада в составе 270-го и 335-го стрелковых полков, 343-го артиллерийского полка, 287-го танкового батальона, 42-го отдельного саперного батальона, 204-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, 181-го отдельного батальона связи и ряда мелких подразделений и служб⁹⁵⁶.

Затем был определен состав соединений и частей флота, базирующихся в базе Ханко. По состоянию на 22 июня 1940 года, в состав базы входили 3-й дивизион эсминцев, 3-я бригада подводных лодок в составе 23-го, 24-го и 26-го дивизионов лодок, 2-й дивизион тральщиков, 1-я бригада торпедных катеров в составе 1-го, 2-го и 3-го дивизионов катеров, звено сторожевых катеров, отдельный артиллерийский дивизион, участок ПВО в составе 18-го и 93-го отдельных зенитных артиллерийских дивизионов, отделение СНИС и 73-й смешанный авиаполк⁹⁵⁷.

5 июля нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов в своем приказе № 00168, посвященном новой организации КБФ, объявил состав военно-морской базы Ханко. В неё входили Охрана водного района в составе дивизиона сторожевых кораблей («Вихрь», «Пурга», «Снег» и «Туча»), 3-го дивизиона тральщиков (6 дизельных ТЩ), двух звеньев сторожевых катеров (6 СКА типа «МО-4») и Охраны рейдов, Сектор Береговой обороны в составе 29-го артиллерийского дивизиона (батареи №№ 178, 179, 165, 166 и 167), 30-го артиллерийского дивизиона (батареи №№ 180, 174, 168, 169 и 170) и 2-го железнодорожного артиллерийского дивизиона (батареи №№ 9 и 17), 8-я стрелковая бригада, 73-й смешанный авиационный полк, участок ПВО в составе 18-го, 93-го и 61-го зенитных артиллерийских дивизионов⁹⁵⁸.

⁹⁵³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 711. Л. 26.

⁹⁵⁴ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 423. Л. 102.

⁹⁵⁵ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 50.

⁹⁵⁶ Там же. Л. 50-51.

⁹⁵⁷ Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 266-270.

⁹⁵⁸ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 108-109.

Параллельно формированию состава ВМБ, шел процесс создания на полуострове Ханко системы береговой, сухопутной и противовоздушной обороны. Ещё 22 апреля 1940 г. нарком ВМФ своим приказом № 0098 назначил комиссию для выбора мест позиций батарей и разработки плана противовоздушной, сухопутной и противодесантной обороны базы Ханко и островов Руссарэ и Оденсхольм, под председательством флагмана 2-го ранга И. И. Грена⁹⁵⁹. Согласно «Указаниям по работе комиссии», утвержденным наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым, от нее требовалось произвести выбор мест для береговых батарей на полуострове Ханко и прилегающих островах. Комиссия должна была также разработать планы противовоздушной, сухопутной и противодесантной обороны базы и полуострова Ханко. Всю работу требовалось завершить к 10 июня 1940 года⁹⁶⁰.

Вплоть до июля 1940 г. решения на создание укрепрайона по сухопутной обороне района полуострова Ханко принято не было. Тем временем, переброшенная на полуостров 8-я стрелковая бригада собственными силами и средствами построила в июне-июле 1940 г. на перешейке полуострова Ханко полевые сооружения (стрелковые и пулеметные окопы). В конце мая 1940 г. приказом наркома ВМФ была создана комиссия ГМШ для организации сухопутной обороны полуострова Ханко. Эта комиссия завершила свою работу к 7 июля и приняла решение на оборону, представленное в акте по сухопутной обороне полуострова Ханко. Всего комиссией было намечено к постройке 429 железобетонных оборонительных сооружений. Также комиссия указала на необходимость дополнительно к долговременным сооружениям построить полевые сооружения, предназначенные для заполнения полевыми войсками. Состав войск, предназначенных для обеспечения обороны полуострова и проведения активных действий, комиссия определила в 5 стрелковых батальонов, 3 артиллерийских полка и 2 танковых батальона. Данный акт комиссии был рассмотрен и утвержден Главным морским штабом ВМФ и Генеральным штабом Красной Армии⁹⁶¹.

19 июля 1940 г. секретариат Комитета обороны при СНК СССР известил наркома ВМФ письмом, где говорилось, что при обсуждении вопросов об отпуске средств на строительство в Ханко и организации управления председатель комитета маршал К. Е. Ворошилов дал следующие указания: 1) вопрос об отпуске средств решить при представлении Наркоматом ВМФ соответствующих титульных списков на строительство в г. Ханко; 2) что касается управления г. Ханко, то его нужно организовать при военном коменданте города⁹⁶².

⁹⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 711. Л. 23.

⁹⁶⁰ Там же. Л. 24-25.

⁹⁶¹ Там же. Д. 714. Л. 84.

⁹⁶² Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 172. Л. 473.

Согласно указаниям К. Е. Ворошилова и личной договоренности с ним, нарком ВМФ должен был представить титульные списки и проект решения по управлению городом Ханко⁹⁶³.

26 июля 1940 г. Главный военный совет ВМФ, после рассмотрения представленной комиссией И. И. Грена системы сухопутной и противодесантной обороны полуострова Ханко, островов Руссарэ и Оденсхольм, своим решением за № 0067 одобрил её и утвердил порядок проведения мероприятий по строительству базы в Ханко. Главному морскому штабу ВМФ совместно с Артиллерийским и Инженерным управлениями ВМФ к 29 июля требовалось подготовить доклад в Правительство с указанием необходимых мероприятий по обеспечению строительства на полуострове Ханко. Осуществление строительства было поручено строительным батальонам, а также 8-й отдельной стрелковой бригаде, дислоцированным на Ханко⁹⁶⁴.

Поскольку на гарнизон ВМБ Ханко была возложена задача активной обороны самого полуострова с прилегающими островами, это требовало расширения плацдарма в первый период военных действий. Для решения данной задачи были необходимы укрепрайон с постоянным гарнизоном в 5 батальонов и полевые войска, исходя из специальных расчетов. С этой целью, Главному морскому штабу ВМФ было приказано подготовить доклад в Правительство о формировании специального гарнизона укрепрайона полуострова Ханко, попросить выделить из состава Наркомата обороны один пулеметный батальон УРа численностью в 1296 человек, *«как кадра для последующих формирований»* и сформировать к 1 ноября управление укрепрайона 1-го разряда⁹⁶⁵.

Для производства всех вышеуказанных строительных работ, на полуострове Ханко был сформирован 3-й особый строительный отдел (ОСО-3) под руководством Г. С. Дубровского. В его подчинение были переданы следующие строительные части: 93-й и 94-й отдельные строительные батальоны, 296-я и 101-я отдельные строительные роты, 219-й отдельный саперный батальон и ряд мелких подразделений⁹⁶⁶.

5 августа 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов представил на утверждение председателю Комитета обороны при СНК СССР маршалу К. Е. Ворошилову титульный список капитального строительства военно-морской базы на полуострове Ханко. Нарком ВМФ указывал, что объем строительства в текущем 1940-м году определяется в сумме 60 млн. 860 тыс. руб., которые распределяются следующим образом: а) оборонительное строительство – 39 млн. 715 тыс. руб.; б) базовое строительство – 5 млн. руб.; в) авиационное строительство – 750 тыс. руб.; г) железнодорожное строительство – 5 млн. 200 тыс. руб.; д)

⁹⁶³ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 172. Л. 473.

⁹⁶⁴ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 711. Л. 36-37.

⁹⁶⁵ Там же. Л. 37-38.

⁹⁶⁶ Чернышев А. А. Оборона полуострова Ханко. М., 2011. С. 26.

строительство для 8 ОСБ – 3 млн. 750 тыс. руб.; е) строительство для собственных нужд ОЛС 020 – 4 млн. 945 тыс. руб.; ж) общее ассигнование – 1 млн. 500 тыс. руб.⁹⁶⁷.

В оборонительное строительство полуострова Ханко на 1940-й год были внесены следующие работы: установка и ввод в действие в текущем году 16 батарей (130-мм - 3 шт.; 100-мм - 1 шт.; 76-мм зенитных - 6 шт.; 45-мм - 6 шт.), развертывание подготовительных работ по сооружению 305-мм батареи на острове Руссарэ, а также постройка 222 долговременных огневых точек (ДОТ) сухопутной обороны. В железнодорожное строительство была включена постройка нового железнодорожного пути протяжением 23 км и строительство двух комбинированных железнодорожных позиций для железнодорожных батарей 305-мм и 180-мм калибра⁹⁶⁸. Нарком ВМФ просил утвердить представленный титульный список на капитальное строительство и отпустить дополнительный лимит для Наркомата ВМФ в указанном объеме за счет Резервного фонда Комитета обороны при СНК Союза ССР, а также обеспечить отпуск централизованных фондов на материалы и оборудование за счет Резервного фонда Экономического совета при СНК Союза ССР⁹⁶⁹.

Однако масштабным замыслам Н. Г. Кузнецова не суждено было сбыться. 27 августа на заседании Комитета обороны при СНК СССР рассматривался вопрос о строительстве укрепрайона на полуострове Ханко. В итоге, по итогам обсуждения было решено отклонить представленный Наркоматом ВМФ проект создания укрепленного района на Ханко, как чрезмерно раздутый. Военно-морскому руководству было предложено разработать другую схему сухопутной обороны на полуострове Ханко, учтя мнение об ограничении сухопутного оборонительного строительства на полуострове, высказанное на заседании Комитета обороны. Переработанный проект постановления следовало вначале согласовать с Наркоматом обороны и затем представить на рассмотрение Комитета обороны при СНК⁹⁷⁰.

Уже 7 сентября 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов направил Председателю КО при СНК СССР маршалу К. Е. Ворошилову на утверждение откорректированный титульный список оборонительного берегового и базового строительства на полуострове Ханко. В качестве основных работ оборонительного берегового и базового строительства на полуострове Ханко в 1940-м году были определены следующие: 1) установка временных открытых береговых батарей 45-мм, 100-мм и 130-мм – всего 10 батарей; 2) установка 9-ти 76-мм зенитных батарей; 3) начало строительства 305-мм башенной батареи; 4) постройка

⁹⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 167. Л. 674.

⁹⁶⁸ Там же. Л. 674-675.

⁹⁶⁹ Там же. Л. 675.

⁹⁷⁰ Там же. Д. 172. Л. 461.

нового железнодорожного пути, протяжением 22 км и двух комбинированных позиций для железнодорожных батарей 305-мм и 180-мм калибра⁹⁷¹.

Окончательное решение по поводу оборонительного строительства на полуострове Ханко было закреплено в приказе наркома ВМФ № 00266 от 24 октября 1940 г. В нем Н. Г. Кузнецов сообщал, что Комитет обороны при СНК СССР в своем постановлении № 397сс от 10 октября 1940 г утвердил представленные НКВМФ титульные списки капитальных работ на оборонительное береговое строительство и ремонтно-восстановительные работы на полуострове Ханко на общую сумму 20 млн. 106 тыс. рублей. В связи с этим, наркому по финансам СССР было предписано выделить средства на работы по полуострову Ханко, согласно титульным спискам НКВМФ, за счет утвержденного наркоматом плана капитальных работ на 1940-й год⁹⁷².

8 октября 1940 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов отдал приказ № 00254, где «в целях упорядочения строительства базовых сооружений на полуострове Ханко» потребовал от Военного совета КБФ назначить комиссию, которой вменялось в обязанности составить ситуационную схему распределения территорий, исходя из предложенного наркомом базирования⁹⁷³. По мнению Кузнецова, на Ханко следовало базировать: из состава надводных сил флота – 1 легкий крейсер, 4 эсминца типа «Гневный», 4 эсминца типа «Новик», 3 сторожевых корабля, 5 дизельных тральщиков, 2 надводных заградителя, 54 торпедных катера, 10 сторожевых катеров типа «МО-4», 6 катеров типа «большой охотник»; из состава подводных сил – 30 подлодок типа «М»; из состава ВВС флота – один полк истребителей, одну ближнеразведывательную эскадрилью; из состава береговой обороны – одну 305-мм башенную и одну 305-мм железнодорожную батареи, одну 180-мм железнодорожную батарею, две 152-мм батареи, три 130-мм батареи, одну 100-мм батарею, шесть 45-мм батарей и пять зенитных артиллерийских дивизионов; из сухопутных частей – 8-ю стрелковую бригаду, доведенную до дивизии⁹⁷⁴.

В соответствии с утвержденными Комитетом обороны при СНК СССР титульными списками оборонительного строительства, на полуострове Ханко ускоренными темпами велась установка береговых, железнодорожных и зенитных артиллерийских батарей. Всего в военно-морской базе Ханко командованием ВМФ намечалось установить 10 береговых батарей, 2 железнодорожные артиллерийские позиции и 9 зенитных артиллерийских батарей. К концу мая 1940 г. на Ханко уже были установлены три 45-мм артиллерийские батареи, а 12 июля прибыли еще три 45-мм, одна 130-мм, одна 100-мм и три зенитные батареи. В июне

⁹⁷¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 167. Л. 794-795.

⁹⁷² Там же. Д. 134. Л. 372.

⁹⁷³ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 711. Л. 55.

⁹⁷⁴ Там же. Л. 55-56.

1940 г. на территории базы были установлены две 130-мм береговые батареи, в июле – три 45-мм батареи, в августе – одна 130-мм и одна 100-мм батареи⁹⁷⁵. Результатом всех этих мероприятий стало формирование 5 июня 1940 г. Управления сектора Береговой обороны ВМБ Ханко⁹⁷⁶.

В общей сложности, по данным отчета командующего КБФ вице-адмирала В. Ф. Трибуца, к 1 декабря 1940 г. на территории военно-морской базы Ханко были оборудованы следующие огневые позиции: одна 305-мм железнодорожная батарея (3 орудия), одна 180-мм железнодорожная батарея (4 орудия), три 130-мм открытые береговые батареи (10 орудий), одна 100-мм открытая береговая батарея (4 орудия), шесть 45-мм батарей (24 орудия). Таким образом, всего на территории военно-морской базы имелось 12 артиллерийских батарей, располагавших 45 орудиями⁹⁷⁷. Впрочем, из доклада заместителя командующего войсками ЛВО генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова от 9 декабря 1940 г. следовало, что в 1940-м году на Ханко и в прилегающем островном районе было сооружено 10 артиллерийских батарей (одна 180-мм, четыре 130-мм, одна 100-мм и четыре 45-мм). Противовоздушная оборона военно-морской базы Ханко обеспечивалась силами двенадцати 76-мм и шести 45-мм зенитных артиллерийских батарей⁹⁷⁸.

Кроме того, в военно-морской базе Ханко велось также активное строительство полевых оборонительных сооружений для сухопутной обороны. По данным командующего КБФ В. Ф. Трибуца, первоначально было запланировано к строительству 60 ДОТов и ДЗОТов. Однако к концу 1940-го года объем оборонного строительства был значительно превышен. Силами личного состава артиллерийских батарей и 8-й стрелковой бригады было построено 196 ДЗОТов, а еще 52 ДЗОТа находились в постройке. То есть, план был перевыполнен на 450%⁹⁷⁹.

Впрочем, судя по сведениям генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова, картина со строительством оборонительных сооружений на Ханко выглядела иначе. Согласно титульным спискам Инженерного управления ВМФ, утвержденным наркомом ВМФ, предполагалось построить в 1940-м году силами 8-й стрелковой бригады 40 деревокаменных сооружений, на которые был отпущен необходимый строительный материал. Этим же приказом планировалось в 1940 г. соорудить 1 ДОТ, *«строительство которого в настоящее время законсервировано на 5 цикле»*. Командир 8-й отдельной стрелковой бригады генерал-

⁹⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 37-38.

⁹⁷⁶ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 127. Л. 406.

⁹⁷⁷ Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 38.

⁹⁷⁸ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 86-87.

⁹⁷⁹ Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 38.

майор В. В. Крюков наметил к строительству в первую очередь 296, а во вторую очередь – 200 деревокаменных сооружений⁹⁸⁰.

Рекогносцировка для постройки ДЗОТов первой очереди была завершена в конце сентября, а с 1 октября 1940 г. 8-я стрелковая бригада приступила к их сооружению. Согласно рапорту командира бригады Крюкова, к 1 ноября 1940 г. силами личного состава бригады было сооружено 220 оборонительных сооружений, в том числе 160 пулеметных ДЗОТов, 30 артиллерийских и минометных огневых точек и 25 командных и наблюдательных пунктов⁹⁸¹. Кроме того, на очереди стояло сооружение еще 200 пулеметных ДЗОТов и 40 артиллерийских и минометных огневых точек. Защита всех оборонительных сооружений была рассчитана на попадания 152-мм снарядов. Каждый батальонный район обороны имел проволочное заграждение, надолбы и противотанковые рвы. Для стрелковых отделений рылись окопы полного профиля, а также взводные блиндажи, которые могли также служить жильем в случае зимней обороны⁹⁸². В результате, к 26 ноября силами личного состава 8-й бригады было построено 227 деревокаменных сооружений, главным образом на перешейке. Кроме того, в стадии постройки находилось еще 33 ДЗОТа. На 1941-й год Главным морским штабом ВМФ было запланировано сооружение 66 ДОТов, что и было утверждено руководством страны⁹⁸³.

Тем временем к концу 1940-го года переброска личного состава гарнизона военно-морской базы Ханко была завершена, и в начале декабря на полуострове находилось 2690 человек из состава артиллерийских частей, 12500 человек из состава 8-й стрелковой бригады и 7500 человек из состава строительных инженерных батальонов. Всего, таким образом, на Ханко было сосредоточено 22690 солдат и командиров, составлявших гарнизон базы⁹⁸⁴. Согласно данным начальника военных сообщений (ВОСО) КБФ капитана 2-го ранга И. Н. Ганцова, всего на полуостров Ханко до 1 декабря было отправлено 38 поездов в составе 1005 вагонов, на которых было перевезено не менее 10 тыс. тонн разных грузов. Из них 9 эшелонов пришлось выделить для перевозки 180-мм и 305-мм железнодорожных батарей⁹⁸⁵.

Проблема организации обороны военно-морской базы в Ханко привлекала большое внимание со стороны руководства РККА и РКВМФ. Заместитель командующего ЛВО генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов в своем докладе о ходе и перспективах строительства базы Ханко от 9 декабря 1940 г., направленном командующему войсками Ленинградского военного округа и командующему КБФ, предлагал организовать систему обороны базы по

⁹⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 85.

⁹⁸¹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 220.

⁹⁸² Там же. Л. 220-221.

⁹⁸³ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 85.

⁹⁸⁴ Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 38.

⁹⁸⁵ Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 358. Л. 8.

следующему принципу: «...1) полуостров со стороны материка и вдоль побережья перешейка прочно запереть оборудованием центрального узла обороны с передним краем железобетонных и бутобетонных сооружений по линии Лаппвик (вост.), гряда скалистых высот 1 км вост. отм. 19,8, выс. 28,6, выс. 26,9, мыс 1 км ю.-з. Кофверхар; 2) тыловой узел обороны из деревокаменных сооружений построить на рубеже Лиендгрэнс, оз. Сандтреск, Нордберг; 3) предполье от госграницы до переднего края центрального узла обороны прикрыть деревокаменными сооружениями и заграждениями; 4) восточные и западные острова укрепить деревокаменными сооружениями и на особо важных направлениях железобетонными артиллерийскими ДОТ...»⁹⁸⁶.

Для выполнения задач, возлагаемых на базу, генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов предлагал поставить во главе всей обороны района Ханко командующего районом «на правах командира стрелкового корпуса», подчинив ему стрелковые части, части береговой обороны, авиацию, части ПВО и, в оперативном отношении – соединения и части флота, приписанные к военно-морской базе Ханко. Командующего районом Ханко, как считал Чибисов, следовало подчинить непосредственно командующему войсками ЛВО⁹⁸⁷. Таким образом, Чибисов хотел передать армейскому командованию в оперативное подчинение военно-морские соединения и части на полуострове. Однако для командования ВМФ такая схема была неприемлема в принципе, ибо она противоречила основной функции военно-морской базы, да к тому же была и нерациональна. Не было смысла создавать две командные структуры на столь небольшом, ограниченном пространстве.

Что же касается строительства оборонительных сооружений, то, по мнению Чибисова, в 1941-м году необходимо было построить 52 железобетонных и 200 деревокаменных сооружений. Для выполнения всех работ по сооружению ДОТов, требовалось сформировать на полуострове Ханко управление и два строительных участка. Работы по строительству нужно было начать с 1 апреля и завершить не позднее 1 октября 1941 г. Ориентировочная стоимость строительства железобетонных сооружений была определена в 10 млн. 400 тыс. рублей. Кроме того, на полуострове требовалось развернуть строительство казарм для личного состава и новых грунтовых дорог (как рокадных, так и фронтальных). Потребность рабочей силы была установлена в 379206 человеко-дней⁹⁸⁸.

4 января 1941 г. начальник Штаба КБФ контр-адмирал Ю. А. Пантелеев сообщил выводы заместителя командующего войсками ЛВО Н. Е. Чибисова относительно строительства на Ханко начальнику Оперативного управления ВМФ контр-адмиралу В. А.

⁹⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 90-91.

⁹⁸⁷ Там же. Л. 95.

⁹⁸⁸ Там же. Л. 95-98.

Алафузову⁹⁸⁹. А 24 января В. А. Алафузов уже ответил начальнику Штаба КБФ Ю. А. Пантелееву. В своей директиве Алафузов написал, что Главный морской штаб ВМФ не согласен с предлагаемой генерал-лейтенантом Чибисовым организацией командования обороной полуострова Ханко⁹⁹⁰. Как небезосновательно считал начальник Оперативного управления ВМФ, поскольку береговые батареи, авиация и корабли на Ханко имеют сугубо морскую задачу – не допустить прорыва противника в устье Финского залива, а противодесантная и сухопутная оборона полуострова *«является второй задачей»*, то ГМШ считает существующую организацию командования наиболее целесообразной, когда *«всей обороной полуострова Ханко командует командир ВМБазы, которому стрелковые части подчинены в оперативном отношении»*⁹⁹¹.

В этот же день, начальник Оперативного управления ВМФ В. А. Алафузов в своей директиве № 14632сс подробно изложил заместителю начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенанту Н. Ф. Ватутину свои соображения по поводу организации командования и задач базы. В частности, Алафузов распределил задачи между всеми силами флота, находящимися на Ханко⁹⁹². Начальник Оперативного управления ВМФ вновь повторил свою мысль о недопустимости подчинения командира военно-морской базы командиру сухопутного района Ханко. По мнению начальника Оперативного управления ВМФ, следовало сохранить то положение, когда 8-я стрелковая бригада в оперативном отношении подчинялась командиру базы. В противном случае, если все-таки будет учреждена должность командующего сухопутным районом полуострова Ханко, Алафузов предлагал иметь на полуострове *«двух самостоятельных начальников: командира ВМБ Ханко – отвечающего за морскую оборону, и командующего сухопутным районом Ханко – отвечающего за сухопутную оборону»*⁹⁹³. Впоследствии вопрос по поводу организации командования базы не поднимался.

В течение зимы 1941 г. на полуострове Ханко продолжалось строительство береговых и зенитных артиллерийских батарей. 18 января 1941 г. начальник Инженерного управления ВМФ генерал-майор инженерных войск П. И. Судьбин доложил заместителю начальника Оперативного управления ВМФ капитану 1-го ранга И. Ф. Голубеву-Монаткину о ходе строительства долговременных и временных батарей береговой обороны. По состоянию на тот момент, на полуострове и островах уже были полностью или частично установлены и оборудованы три 130-мм береговые батареи, одна 100-мм береговая батарея, шесть 45-мм противокатерных батарей, одна 76-мм береговая батарея, восемь 76-мм зенитных

⁹⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 8-11. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 101-104.

⁹⁹⁰ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 64.

⁹⁹¹ Там же. Л. 64.

⁹⁹² Там же. Л. 67-68.

артиллерийских батарей. Что касается позиций для железнодорожных батарей КБФ, то здесь ситуация выглядела следующим образом. Позиция № 8 была завершена постройкой, а срок окончания строительства позиции № 7 был намечен на 1941-й год⁹⁹⁴.

Помимо береговой обороны базы, обеспечивавшей прикрытие объектов ВМБ с моря, совершенствовалась и сухопутная оборона на полуострове Ханко. Согласно директиве заместителя начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина за № 584663сс от 3 марта 1941 г., на полуострове было решено начать строительство железобетонных сооружений в опорных пунктах «Лаппвик», «Средний», «Дорожный», «Левый». Всего предполагалось построить там 35 ДОТов, в том числе 9 артиллерийских полукапониров на два 76-мм орудия каждый. Также требовалось завершить начатое строительство полевых укрепленных позиций, соорудив дополнительно 200 бутобетонных и деревокаменных оборонительных сооружений на восточной и западной островных группах, а также по северо-западному и южному побережью полуострова⁹⁹⁵.

К 1 мая 1941 г. ситуация с оборонительным строительством на полуострове Ханко выглядела вполне благополучно. Практически все береговые батареи укрепрайона, включая железнодорожные позиции для 180-мм и 356-мм батарей, были уже завершены постройкой, что обеспечивало надежную оборону базы Ханко со стороны моря. Для борьбы с крупными надводными кораблями противника предназначались 180-мм и 305-мм железнодорожные батареи №№ 17 и 9. Борьба с легкими силами флота противника была возложена на батареи среднего калибра – 130-мм батареи №№ 178, 179 и 180, расположенные на мысе Удскатан, острове Руссарэ и острове Хестэ-Бюсэ, и 100-мм батарею № 174, расположенную на острове Лонгшер. Причем, 130-мм батарея № 180, находившаяся в непосредственной близости от границы, могла также вести огонь и по береговым объектам противника. Наконец, борьба с прорвавшимися торпедными катерами и бронекатерами противника была возложена на противокатерные 45-мм батареи №№ 165, 166, 167, 168, 169 и 170, расположенные на мысе Крокунд, острове Граншер, в парке города Ханко, Твярмине, острове Бреншер и на острове Куэн. В принципе, при необходимости данные батареи можно было использовать для стрельбы по воздушным целям⁹⁹⁶.

Всего в состав береговой обороны военно-морской базы Ханко к началу Великой Отечественной войны входили: 305-мм батарея на острове Руссарэ (не достроена), 305-мм железнодорожная батарея № 9, 180-мм железнодорожная батарея № 17, 130-мм батареи №№ 178, 179, 180, 100-мм батарея № 174, 45-мм батареи №№ 165, 166, 167, 168, 169, 170. Из

⁹⁹³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 69.

⁹⁹⁴ Там же. Л. 44-45.

⁹⁹⁵ Там же. Д. 166. Л. 148.

⁹⁹⁶ Там же. Д. 239. Л. 73-74.

состава БО базы к началу войны не была введена в строй лишь 305-мм батарея на острове Руссарэ⁹⁹⁷. Кроме того, в военно-морской базе Ханко базировались 36 торпедных катеров, 9 сторожевых катеров типа «МО» и 9 подлодок типа «М»⁹⁹⁸.

Оборону военно-морской базы Ханко со стороны суши обеспечивали следующие сухопутные части: 8-я отдельная стрелковая бригада ЛВО в составе 270-го и 335-го стрелковых полков, 287-й отдельный танковый батальон, 42-й отдельный саперный батальон, 181-й отдельный батальон связи, 37-я отдельная рота, 158-я отдельная местная стрелковая рота, а также отдельный отряд пограничных войск НКВД с отдельным отрядом пограничных судов (4 СКА типа «МО-4» и 5 катеров малого размера). Артиллерийские части базы включали в себя 343-й артиллерийский полк в составе 1-го артдивизиона (2 152-мм гаубицы, 4 122-мм гаубицы, 4 76-мм пушки), 2-го артдивизиона (4 152-мм гаубицы, 4 122-мм гаубицы, 4 76-мм пушки), 3-го артдивизиона (4 152-мм гаубицы, 4 122-мм гаубицы, 4 76-мм пушки), а также полевую артиллерию 270-го стрелкового полка (8 45-мм и 6 76-мм орудий) и 335-го стрелкового полка (8 45-мм и 6 76-мм). В качестве обеспечивающих и вспомогательных частей, на полуострове Ханко находились 124-й инженерный батальон, 51-й и 145-й строительные батальоны, 21-й ремонтный батальон, 8-й железнодорожный батальон, управление особого строительства № 3, военный порт, плавмастерская «Серп и молот», манипуляторная служба, участок СНиС⁹⁹⁹.

Противовоздушная оборона ВМБ Ханко состояла из базовой зенитной артиллерии и истребительной авиации. Зенитная артиллерия включала в себя 18-й отдельный зенитный артдивизион (12 76-мм орудий), 93-й отдельный зенитный артдивизион (12 76-мм орудий), 236-й отдельный зенитный артдивизион (12 76-мм орудий), а также 204-й зенитный артдивизион 8-й стрелковой бригады (12 76-мм орудий). Авиация базы располагала 13-м истребительным авиаполком (93 истребителя «И-15» и «И-153») и 81-й отдельной разведывательной авиаэскадрильей (12 гидросамолетов «МБР-2»)¹⁰⁰⁰.

Строительство инженерных оборонительных сооружений на полуострове Ханко в начале 1941 г. продвинулось достаточно далеко. В итоге, к началу Великой Отечественной войны было завершено строительство первой полосы укреплений, состоявшей из нескольких рядов проволочных заграждений, противотанкового рва, окопов, а также были намечены участки для минирования. Всего на территории Ханко было построено 190 ДОТов и ДЗОТов, 22 минометные и 11 артиллерийские позиции, 28 командных и наблюдательных пунктов, 21

⁹⁹⁷ Состав и дислокация Береговой обороны КБФ к началу войны (с указанием намеченных к строительству батарей). Приложение № 4. - РГА ВМФ. Материалы фонда Р-2251. *Чернышев А. А.* Указ. соч. С. 36.

⁹⁹⁸ Таблица корабельного состава сил КБФ и дислокация перед началом войны. Приложение № 2. - РГА ВМФ. Материалы фонда Р-2251.

⁹⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 239. Л. 75-76.

¹⁰⁰⁰ Там же. Л. 77.

км проволочных заграждений, 2,5 км рвов и эскарпов, 2,5 км каменных надолб¹⁰⁰¹. В результате, военно-морская база Ханко оказалась единственной базой на Краснознаменном Балтийском флоте, которая располагала достаточно сильной сухопутной и противодесантной обороной¹⁰⁰².

Подводя итоги строительства военно-морской базы Ханко накануне Великой Отечественной войны, нельзя не отметить, что это была единственная военно-морская база КБФ, которая обладала перед войной не только завершенным строительством морской, но также и сухопутной обороной. Это обстоятельство сильно повышало обороноспособность базы в случае войны, и особенно при наступлении противника через полуостров Ханко. Успеху обороны здесь способствовал характер местности, чрезвычайно удобной для позиционной обороны. При оценке эффективности морской обороны базы нужно указать на достаточно мощную железнодорожную артиллерию калибра 180 и 305-мм, которая решала все задачи по уничтожению морских и сухопутных целей противника. Количество батарей среднего калибра (130 и 100-мм), возможно, следовало увеличить за счет мелкокалиберных, противокатерных батарей, которые имели невысокую эффективность. Однако это обстоятельство существенно не снижало огневой мощи базы, которой вполне хватало для борьбы как с финской армией, так и с военно-морским флотом. Как показали дальнейшие события, гарнизон успешно действовал на протяжении 4,5 месяцев войны и был вынужден прекратить свою деятельность в силу общей стратегической ситуации на фронте.

§ 4. Освоение военно-морских баз и береговой обороны Эстонии и Латвии в 1940 году

16 июня части Красной Армии получили приказ вступить на территорию Эстонии, Латвии и Литвы. Уступив советским требованиям о вводе войск, эстонское Правительство сразу подало в отставку. Президент Эстонии К. Пяте, принимая отставку правительства, поручил главнокомандующему генералу Й. Лайдонеру формирование нового правительства. В 1 час ночи 17 июня Молотов уведомил посланника Эстонии в СССР А. Рея о времени (5 часов утра) и местах перехода эстонской границы советскими войсками. Эстонское Правительство объявило о своем. Одновременно, от эстонского руководства было получено согласие на пропуск советских войск. Части 65-го особого стрелкового корпуса в 13 ч. 15 мин. совместно с десантом КБФ заняли Таллин. Одновременно в гавань Таллина вошли боевые корабли Краснознаменного Балтийского флота¹⁰⁰³. Эстонские береговые батареи на

¹⁰⁰¹ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1941-1942. М., 1992. С. 146.

¹⁰⁰² Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914-1941. М.-СПб., 2004. С. 718.

¹⁰⁰³ Ковалев С. Н. Указ. соч. С. 153-154.

островах Аэгна и Найссаар и на полуострове Сууроуп были захвачены десантами из состава 1-й особой бригады морской пехоты КБФ¹⁰⁰⁴.

Итак, утром 17 июня 1940 г. на всем протяжении границы соединения РККА были массированно введены на территорию республик Прибалтики. Ввод войск был осуществлен согласно «Протоколу соглашения», заключенного между представителями командования Красной Армии и Эстонской армии. Протокол допускал размещение войск РККА и частей на островах Вормс, Моон, полуострове Суруп (Сууроупи), а также на островах Вульф (Аэгна) и Нарген (Найссаар)¹⁰⁰⁵. Отныне, перед командованием КБФ встала проблема принятия под свой контроль и инвентаризации доставшихся ему эстонских береговых батарей и всех оборонительных сооружений, вспомогательных и жилых строений.

Уже 19 июня 1940 г. комендант Береговой обороны Балтийской военно-морской базы (БО БВМБ) генерал-майор С. И. Кабанов представил командующему КБФ вице-адмиралу В. Ф. Трибуцу акт под названием «Состояние БО Эстонии на островах Аэгна, Найсари, Вимси и Сууроупи»¹⁰⁰⁶. Комиссией Кабанова были подробно описаны: на острове Аэгна (Вульф) – четырехорудийная двухбашенная 305-мм батарея, четырехорудийная 152-мм батарея и четырехорудийная 130-мм батарея, на острове Найссаар (Нарген) – две четырехорудийные 152-мм батареи, на полуострове Виимси (Вимс) – четырехорудийная 120-мм батарея и четырехорудийная 152-мм батарея и на полуострове Сууроупи (Суруп) – трехорудийная 234-мм батарея и четырехорудийная 120-мм батарея. По результатам осмотра каждой береговой батареи составлялись подробные акты, где содержались рекомендации по их дальнейшей модернизации¹⁰⁰⁷.

Общий вывод, сделанный С. И. Кабановым, гласил, что артиллерийское вооружение островов Аэгна, Нарген и мысов Виимси, Сууроуп *«вполне удовлетворяет требованиям защиты Таллина с моря. ПВО этих объектов надо считать несуществующей. Батареи совершенно не приспособлены к самозащите с суши. Нет проволочных заграждений; нет огневых точек как пулеметных, так и стрелковых»*¹⁰⁰⁸. При условии полной передачи эстонским военным командованием береговых батарей Краснознаменному Балтийскому флоту, как считал Кабанов, можно было использовать 305-мм батарею острова Аэгна, 152-мм северную батарею острова Найссаар и 152-мм восточную батарею полуострова Виимси. Что касается остальных батарей, то их следовало постепенно перевооружать на 130-мм и

¹⁰⁰⁴ Vladimir Kopelman. Eesti meeskondade kõrvaldamine allveelaevadelt 1940. ja 1941. aastal // Allveelaev ajaloomälestisena. Eesti Meremuuseumi toimetised 2. Tallinn, 2001. S. 91, 98.

¹⁰⁰⁵ Полпреды сообщают... С. 397-398. Следует отметить, что данный протокол был заключен уже задним числом, в 15 часов, в то время как советские войска вошли в Эстонию в 5 часов утра.

¹⁰⁰⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 719. Л. 29-32.

¹⁰⁰⁷ Там же. Ф. Р-920. Оп. Оп. 1. Д. 94. Л. 76-79, 96-99. Д. 95. Л. 33-34об., 45-48, 51-54, 68-71, 74-77, 80-83об., 96-99.

¹⁰⁰⁸ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 719. Л. 31.

100-мм отечественные артиллерийские системы («Б-13» и «Б-34»). Вместо устаревшей 234-мм батареи на полуострове Сууроппи (Суруп) требовалось установить современную 180-мм береговую батарею. Относительно состояния береговой обороны острова Найссаар (Нарген) Кабановым было замечено, что его *«нужно вооружать капитально»*¹⁰⁰⁹.

Реакция высшего политического и военного руководства СССР на фактическое присоединение Прибалтики не заставила себя долго ждать. Уже 20 июня 1940 г. было утверждено постановление Комитета обороны при СНК СССР № 267сс/ов «Об утверждении организации КБФ и мероприятиях по усилению обороны западных районов Финского залива», которым устанавливалось место постоянного пребывания Военного совета КБФ в Палдиски и намечались меры для создания организации ПВО на полуострове Ханко и обеспечения строительства Береговой обороны на островах Эзель, Даго и южном побережье Ирбенского пролива¹⁰¹⁰. А 23 июня нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов направил в СНК СССР докладную записку о необходимости передачи флоту в аренду Военной и Петровской гавани в порту Таллина с прилегающей территорией и находящимся на ней оборудованием. В целях создания надежной обороны подступов к порту Таллина, Кузнецов просил срочно сдать в аренду острова Найссаар (Нарген), Аэгна (Вульф) и район эстонской береговой батареи Сууроппи (Суруп). Также нарком указал на необходимость аренды судоремонтных мастерских «Рииги-Садама-Техас» (с плавдоками), находящихся в Таллинне и гавани и территорий бывших заводов Беккера и Русско-Балтийского на полуострове Копли¹⁰¹¹.

Результатом данного обращения стала срочная телеграмма, которую 5 июля 1940 г. отправили наркому по иностранным делам СССР В. М. Молотову уполномоченный Правительства СССР в Эстонии А. А. Жданов и полпред СССР в Эстонии В. В. Бочкарев. В телеграмме они сообщали о готовности эстонского правительства сдать в аренду сроком на 10 лет острова Найссаар (Нарген), Аэгна (Вульф) со всеми оборонительными и вспомогательными сооружениями, пристанями, подвижным железнодорожным составом и складами боеприпасов, а также районы эстонских береговых батарей на мысе Сууроппи и полуострове Виимси. Также советской стороне передавались Военная, Петровская и гидроавиационная гавани порта Таллин с прилегающей к ним территорией, мастерскими, складами топлива, сооружениями и находящимся на них оборудованием и судоремонтные мастерские в Таллинне¹⁰¹². В счет арендной платы, Советский Союз выделял правительству Эстонии аванс в размере 800 тыс. эстонских крон. Для приема передаваемых в аренду всех оборонительных и прочих сооружений и технического оборудования, требовалось создать

¹⁰⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 719. Л. 32.

¹⁰¹⁰ Ковалев С. Н. Указ. соч. С. 157.

¹⁰¹¹ На чаше весов: Эстония и Советский Союз, 1940 год и его последствия. Сост. П. Варес, О. Журьяри. Таллинн, 1999. С. 196.

совместную комиссию¹⁰¹³. На следующий день соглашение об аренде было уже подписано¹⁰¹⁴.

12 июля нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов доложил Правительству о полном принятии от эстонского командования и занятии личным составом Береговой обороны КБФ следующих батарей на островах Нарген (Найссаар), Вульф (Аэгна), полуостровах Суруп (Суурупи) и Вимс (Виимси): *«одна башенная 305-мм, одна 234-мм открытая, четыре 152-мм открытые, одна 130-мм открытая и две 120-мм открытые береговые батареи»*¹⁰¹⁵. Нарком сообщил результаты осмотра эстонских батарей, кратко охарактеризовав их состояние и боевые задачи. Также Н. Г. Кузнецовым сообщалось о наличии на острове Нарген (Найссаар) разрушенной старой русской 305-мм башенной батареи, над восстановлением которой работали эстонцы. В заключение, нарком ВМФ обещал представить *«план использования принятых батарей»* лишь после детального их изучения¹⁰¹⁶.

17 июля 1940 г. комендант Береговой обороны Балтийской военно-морской базы генерал-майор С. И. Кабанов отдал приказ № 3/оп, где объявил о вступлении в строй в состав БО БВМБ береговых батарей, принятых от эстонского командования, с постановкой им оперативных задач. В отношении двух эстонских батарей (234-мм трехорудийной на полуострове Суурупи (Суруп) и 120-мм четырехорудийной на полуострове Виимси (Вимс) было принято компромиссное решение считать их принятыми в состав Береговой обороны, *«но в строй не вступившими»*¹⁰¹⁷. Все полученные от эстонцев береговые батареи, были разделены Кабановым на две группы. В первую группу он определил береговые батареи острова Аэгна и полуострова Виимси. Ее командиром назначался комендант острова Аэгна майор Захаров. Вторую группу составили батареи острова Найссаар и полуострова Суурупи. Командиром группы был назначен комендант острова Найссаар капитан Л. Крючков. В целях недопущения действий надводных и подводных сил противника по кораблям, стоящим на Таллинском рейде и в гавани, а также обстрела объектов КБФ, расположенных в Таллине и противодействия высадке десанта противника на полуострове Суурупи и Виимси, всем батареям было приказано прикрывать *«в пределах дальности артиллерийского огня вход в Финский залив от кораблей противника»*¹⁰¹⁸.

¹⁰¹² РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 177. Л. 87-88. Полпреды сообщают... С. 451-452.

¹⁰¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 177. Л. 88. Полпреды сообщают... С. 452. Ковалев С. Н. Указ. соч. С. 158.

¹⁰¹⁴ Полпреды сообщают... С. 455-457.

¹⁰¹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 170. Л. 79.

¹⁰¹⁶ Там же. Л. 81.

¹⁰¹⁷ Там же. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 12. Л. 85.

¹⁰¹⁸ Там же. Л. 85.

Итогом всех этих мероприятий стало включение 6 сентября 1940 г. приказом наркома ВМФ № 00228 бывших эстонских батарей в состав КБФ и формирование на их основе 94-го и 96-го артиллерийских дивизионов. В 94-й артдивизион, управление которого находилось на острове Аэгна, были включены батареи № 334, 181, 182, 185 и 186, а в 96-й артиллерийский дивизион, с управлением на острове Найссаар, вошли батареи № 183, 184, 187 и 188. Срок окончательного формирования частей был определен на 15 сентября¹⁰¹⁹.

Всем принятым батареям были присвоены порядковые номера, согласно принятой системе Береговой обороны КБФ. Четырехорудийной 305-мм башенной батарее на острове Аэгна был присвоен № 334, четырехорудийной 152-мм батарее на острове Аэгна – № 181, трехорудийной 130-мм батарее на острове Аэгна – № 182, 4-х орудийной 152-мм батарее на острове Найссаар (северная) – № 183, четырехорудийной 152-мм батарее на острове Найссаар (южная) – № 184, четырехорудийной 120-мм батарее на полуострове Виимси – № 185, четырехорудийной 152-мм батарее на полуострове Виимси – № 186, четырехорудийной 120-мм батарее на полуострове Сууроупи (северная) – № 187, трехорудийной 234-мм батарее на полуострове Сууроупи – № 188¹⁰²⁰.

После того, как бывшие эстонские береговые батареи вошли в состав КБФ, возникла необходимость провести их детальный осмотр на предмет выявления сильных и слабых сторон, с целью принятия решения об их последующем использовании. Для этого была создана специальная комиссия под председательством коменданта Береговой обороны Балтийской военно-морской базы генерал-майора С. И. Кабанова. Комиссия произвела тщательный осмотр береговых батарей, по результатам которого 11 сентября 1940 года представила в Главный морской штаб ВМФ «Акт состояния БО Эстонии на островах Аэгна, Найсаари, Вимси и Сууроупи»¹⁰²¹. (Возможно, данный акт был составлен в связи с передачей в конце августа 1940 г. Военно-Морских сил Эстонской Народной Армии в состав Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота, а также всего вооружения, имущества, зданий и береговых сооружений Военно-Морских сил Эстонии Краснознаменному Балтийскому флоту¹⁰²².)

Помимо боеспособных береговых батарей, на острове Найссаар (Нарген) ещё со времен Первой мировой войны остались две бывшие русские разрушенные береговые батареи. В данном случае, речь пойдет о взорванной в феврале 1918 г. 305-мм башенной батарее и

¹⁰¹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 45.

¹⁰²⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 44. *Mati Õun*. Salapärase Suurupi. Väike mälestus-, matka- ja ajalooramat. Tallinn, 2008. S. 44.

¹⁰²¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 44, 93-97.

¹⁰²² Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 673. Л. 198-199.

недостроенной 356-мм башенной батарее на острове Найссаар¹⁰²³. Поэтому нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов в своем приказе № 00215 объявил, что для «детального технического обследования береговых батарей крупного калибра (305-мм) острова Нарген: выявления состояния материальной части, возможности восстановления поврежденных башен и блоков и целесообразности их восстановления» им создана специальная комиссия под председательством коменданта БО Балтийской военно-морской базы генерал-майора С. И. Кабанова¹⁰²⁴.

По итогам работы этой комиссии 21 августа 1940 г. Военный совет КБФ отправил наркому ВМФ доклад № ВС/184сс¹⁰²⁵. В нем говорилось, что 305-мм башенная батарея, расположенная в северо-западной части острова Нарген на открытой позиции, состояла из двух 2-х орудийных башен берегового образца и одного командного пункта силовой станции, расположенного между блоками. Далее сообщались подробности о состоянии взорванной русской батареи: «...Произведенным взрывом погребов правая башня совершенно уничтожена. При взрыве левой (второй башни) взорвался только зарядный погреб, вследствие чего левая часть блока вырвана, а правая часть блока сохранила свою форму, но бетон расколот на куски со смещением последних. Жесткий барабан, оставшийся на месте, эллипсоидально деформирован и требует расточки желоба для катков, с целью придания вновь утраченной кольцевой формы. Вращающаяся часть башни также деформирована и также требует расточки. Башенный купол установлен на вращающийся стол и находится в комплекте. Тела 305-мм имеются в количестве 5 штук. Два из них подвезены к блоку и монтируются. Станки изготовляет завод “Круля” в Таллине и находятся в 80-90% готовности». По собранным Военным советом КБФ сведениям, эстонское командование намеревалось в течение 5 лет, начиная с 1940 г., восстановить левую орудийную башню. На все работы, связанные с восстановлением башни, сооружением силовой станции в башенном блоке и командным пунктом, эстонцами было выделено около 1,5 млн. эстонских крон. Однако даже эта сумма оказалась недостаточной: требовалось еще не менее 0,5 млн. крон для завершения работ¹⁰²⁶.

Оценивая перспективность проведения работы по восстановлению 305-мм орудийной башни, Военный совет КБФ пришел к выводу, что это нецелесообразно. Во-первых, эта

¹⁰²³ При уходе из Эстонии в конце февраля 1918 г. кораблей и частей русского Балтийского флота, по приказу Коллегии наркомата по морским делам в исполнение указания верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко, был произведен подрыв основных береговых батарей на островах Вульф (Аэгна) и Нарген (Найссаар). В частности, 24 февраля 1918 г. началось уничтожение батарей в районе Ревеля (кроме расположенных на острове Нарген), а ночью 27 февраля были взорваны береговые батареи Наргена. - См.: Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. М., 1993. С. 99.

¹⁰²⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 134. Л. 224.

¹⁰²⁵ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 101.

¹⁰²⁶ Там же. Л. 101-102.

устаревшая батарея не позволяла стрелять способом, принятым в Советском ВМФ. Кроме того, наличие всего лишь двух орудий не давало гарантии эффективности стрельбы на тот случай, если одно из орудий выйдет из строя. Во-вторых, вызывала сомнение сама конструкция орудийного блока, бетон которого в течение свыше 20 лет подвергался температурно-влажностному воздействию, в силу чего прочность блока была понижена. В-третьих, месторасположение 305-мм башни на небольшом удалении от уреза воды (всего в 200-250 м) хорошо просматривалось с моря. В результате, это повышало уязвимость батареи. В-четвертых, затраты на восстановление двухорудийной башни, были сочтены Военсоветом флота слишком большими (не менее 10-12 млн. рублей без стоимости самой материальной части). Более выгодно было построить новую четырехорудийную 180-мм башенную батарею, на что ушло бы 20 млн. рублей и 12 месяцев работы¹⁰²⁷.

Одновременно, комиссией Кабанова была осмотрена недостроенная двухбашенная 356-мм батарея, расположенная на северной оконечности острова Найссаар (Нарген). В результате осмотра, было выявлено, что левый блок был построен только на 50%, жесткий барабан был вставлен в блок, но срезана вся его верхняя часть. В итоге, этот блок был непригоден для использования. Правый блок был завершен строительством на 80-90%, жесткий барабан был вставлен в блок и находился в хорошем состоянии. Броня уже была установлена, но отсутствовала крыша башни. Сам блок был использован эстонцами как склад боезапаса. В случае необходимости, в данную башню можно было установить 305-мм орудия. Причем, при подобной реконструкции, как полагал Военный совет КБФ, *«срок и затрата средств будет значительно меньше, чем на восстановление 305-мм башни»*. В то же время, Военный совет флота не настаивал на обязательности принятия данного решения, поскольку в начале 1941-го года ожидалось введение в строй новых 180-мм башенных батарей на острове Оденсхольм (Осмуссаар), Тахкуна (Симпернес) и острове Руссарэ. В дальнейшем, не исключалась возможность постройки новой 406-мм или, в крайнем случае, 305-мм батареи со сроком ввода ее в 1943-м году¹⁰²⁸.

Ознакомившись с докладом Военного совета КБФ, заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков 26 августа изложил свое мнение по этому поводу в резолюции на докладе. Относительно возможности восстановления 356-мм орудийного блока или его использования для последующего строительства новой 305-мм батареи им было замечено, что такой серьезный вопрос *«надо подготовить более основательно, назначить комиссию из артиллеристов и инженеров»*¹⁰²⁹. Что же касается восстановления взорванной 305-мм башни, то здесь Исаков категорично заметил о нецелесообразности подобного решения. К

¹⁰²⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 102-103.

¹⁰²⁸ Там же. Л. 103-104.

точно таким же выводам пришла и комиссия под председательством коменданта Береговой обороны Балтийской военно-морской базы генерал-майора С. И. Кабанова, представившая 6 сентября соответствующий акт¹⁰³⁰.

Препровождая данный акт наркому ВМФ, Военный совет КБФ в своем приказе № 1оп/556сс от 11 сентября 1940 г. сообщил свои предложения по поводу усиления Береговой обороны в данном районе. Вместо восстановления указанных старых батарей, по мнению Военного совета флота, следовало построить одну четырехорудийную 180-мм башенную батарею в северной части острова Нарген (Найссаар) с основной задачей борьбы на дальних дистанциях *«с прорывающимися легкими силами противника во взаимодействии с железнодорожными батареями полуострова Пакри»*. Причем, материальную часть для этой батареи можно было взять от предназначенной для установки на острове Малый Рооге 180-мм башенной батареи, так как сектор обстрела этой батареи перекрывался огнем 180-мм железнодорожной батареи с полуострова Пакри. В связи с вышеизложенным, Военный совет КБФ просил наркома ВМФ утвердить предложение о сооружении 180-мм башенной батареи на острове Нарген¹⁰³¹.

Заместитель наркома ВМФ И. С. Исаков, ознакомившись с актом и докладом Военного совета КБФ, в своей резолюции от 14 сентября, адресованной начальнику ГМШ Л. М. Галлеру, заметил, что высказанное мнение полностью согласуется с его оценкой. По мнению Исакова, следовало использовать все пригодные помещения для новых батарей, а в военное время замаскировать трещины на старых орудийных блоках и установить на них деревянные башни *«для отвлечения ВВС и флота противника к ложному объекту»*. Что же касается размещения новой 180-мм башенной батареи, то здесь нужно было *«прикинуть на схеме все позиции – что выгоднее, иметь более плотный огонь на центре позиции или в глубине»*¹⁰³².

Итогом всей этой дискуссии стало решение заместителя наркома ВМФ адмирал И. С. Исакова от 18 сентября 1940 г. Согласно ему было решено продолжить и в 1941-м году завершить модернизацию трех эстонских 152-мм батарей, а также 234-мм батареи. Кроме того, следовало перевооружить 120-мм батареи на полуострове Виимси, на острове Нарген, на полуострове Сууроуп и 130-мм батарею на острове Аэгна на 100-мм отечественные артиллерийские системы «Б-34». Также для усиления обороны района Таллина, а также для того, чтобы *«замкнуть систему огня Палдиски и Таллина»*, было решено в 1941-м году построить железнодорожную ветку и комбинированную 180–356-мм железнодорожную позицию на полуострове Сууроуп. От восстановления и достройки разрушенной бывшей

¹⁰²⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 101.

¹⁰³⁰ Там же. Л. 107-111.

¹⁰³¹ Там же. Л. 105-106.

¹⁰³² Там же. Л. 105.

русской 305-мм батареи и недостроенной 356-мм батареи на острове Нарген командование ВМФ решительно отказалось, заметив, что *«это требует большого расхода средств и времени»*. И наконец, для усиления морской обороны Таллина, было решено установить в течение 1941-1942 гг. 180-мм башенную батарею на острове Нарген¹⁰³³.

Наконец, 2 октября 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов издал приказ № 00248, специально посвященный вопросу использования бывших эстонских береговыми батареями. Как считал нарком ВМФ, для приведения в боеспособное состояние принятых эстонских батарей, надлежало осуществить их ремонт и модернизацию¹⁰³⁴. Требовалось перевооружить и ввести в строй в 1941-м году следующие береговые батареи: 152-мм батарею № 184 на острове Нарген – на универсальную 100-мм артсистему «Б-34», 130-мм батарею № 182 на острове Вульф – на артсистему «Б-34», 120-мм батарею № 185 на полуострове Вимс – на «Б-34», 120-мм батарею № 187 на полуострове Суруп – на артсистему «Б-34». Также следовало провести ремонт и остальных батарей: 305-мм башенной батареи № 334 на острове Вульф, 152-мм береговой батареи № 183 на острове Нарген, 152-мм батареи № 186 на полуострове Вимс и 152-мм батареи № 181 на острове Вульф. Необходимо также было выбрать место для строительства железнодорожной артиллерийской позиции на полуострове Суруп к 1 ноября 1940 года¹⁰³⁵.

Выполняя данные наркомом указания, 26 октября начальник Штаба КБФ контр-адмирал Ю. А. Пантелеев направил начальнику Главного морского штаба ВМФ адмиралу Л. М. Галлеру доклад, где представил перечень необходимых мероприятий по ремонту артиллерийского вооружения и оптических приборов на принятых от эстонской стороны батареях. В данный перечень были включены 305-мм башенная батарея № 334 на острове Вульф (Аэгна), со сроком окончания работ на ней к 1 января 1941 г., 152-мм батарея № 181 на острове Вульф, со сроком окончания работ к 1 декабря 1940 г., 152-мм батарея № 183 на острове Нарген (Найссаар), на которой работы были завершены к 18 октября 1940 г., 152-мм батарея № 185 на полуострове Вимс (Виимси), со сроком окончания работ к 15 ноября 1940 г. Ремонт должен был проводиться бригадами рабочих с Таллинского арсенала, а также заводом «Приборы и вооружение»¹⁰³⁶.

Помимо батарей береговой обороны, гаваней и портовых сооружений ВМС Эстонии, Краснознаменный Балтийский флот получил в 1940-м году в свое распоряжение также и береговую артиллерию Латвийской армии и всю береговую инфраструктуру Военно-Морских Сил Латвии. 19 августа 1940 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов, действуя на

¹⁰³³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 120-121.

¹⁰³⁴ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 711. Л. 50. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 250.

¹⁰³⁵ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 711. Л. 50-51. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 250-251.

¹⁰³⁶ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 215-217.

основании постановления СНК СССР № 1464-572сс и решения Политбюро ЦК ВКП(б)¹⁰³⁷, отдал приказ № 00209, в котором потребовал от Военного совета КБФ принять и включить в состав КБФ *«береговые и зенитные батареи, расположенные в районе Усть-Двинска (Даугавгрива - П.П.) (одну 76-120-мм, одну 152-мм, две 152-мм железнодорожные, одну 102-мм железнодорожную и одну зенитную батарею) со всем оборудованием и казарменными городками»*¹⁰³⁸.

По этому же приказу, за КБФ были закреплены в Усть-Двинске: гавань Новая Мильграва (Яун-Мильгравие) с причальным фронтом общей протяженностью в 750 м, 11-ю портовыми складами общей площадью около 6 тыс. м², 7-ю баками для горючего общей вместимостью в 4500 тонн, портовой конторой и двумя жилыми домами; зимняя гавань (Зиемас) с судоремонтными мастерскими и слипом на 200 тонн; Усть-Двинская (Даугавгривская) крепость с минным складом на 1000-1500 мин; казарма в предместьях Болдерайя. Кроме того, за Военно-воздушными силами КБФ был закреплен гидроаэродром на озере Киш в районе Риги¹⁰³⁹. В дальнейшем, на озере Киш базировалась 41-я отдельная морская ближнеразведывательная эскадрилья в составе 16 гидросамолетов «МБР-2». Она была непосредственно подчинена командиру Прибалтийской военно-морской базы¹⁰⁴⁰.

От Военного совета флота требовалось в 10-дневный срок разработать и представить в ГМШ *«проект организации и штатные расчеты по содержанию войсковых частей, гаваней и портовых сооружений»*. Также, Военному совету КБФ было сообщено, что судоремонтный завод «Тосмарэ» в Лиепае (Либаве) передан Наркомату ВМФ, для чего учреждалась правительственная комиссия по его приемке¹⁰⁴¹. Однако, командование флотом решило подойти к решению данного вопроса несколько шире, и не хотело ограничиваться одной лишь приемкой имевшихся береговых батарей Латвии. Поэтому, уже 4 сентября начальник Штаба КБФ приказал командиру Либавской военно-морской базы срочно выслать свои соображения по поводу возможной организации береговой обороны Риги¹⁰⁴².

После приказа наркома ВМФ началась приемка батарей латвийской береговой обороны в состав Краснознаменного Балтийского флота. 31 августа 1940 г. заместитель начальника Тыла КБФ капитан 2-го ранга Н. С. Коржавин доложил начальнику Главного управления портов ВМФ генерал-лейтенанту С. И. Воробьеву о составе латвийского Даугавгривского полка береговой артиллерии. Даугавгривский артиллерийский полк включал в себя три

¹⁰³⁷ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог. Т. III. 1940-1952. М., 2001. С. 81.

¹⁰³⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 60. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 137.

¹⁰³⁹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 60. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 137-138.

¹⁰⁴⁰ Булдыгин С. Б. Борьба за Ригу в 1941 году. С. 26.

¹⁰⁴¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 60-61. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 138.

¹⁰⁴² Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 517.

дивизиона: 1-й береговой артдивизион в составе трехорудийной 152-мм батареи орудий системы «Канэ», четырехорудийной 76-мм зенитной батареи и двухвзводной батареи (два 130-мм орудия системы «Виккерс» и два 12-фунтовых (75-мм) орудия системы «Виккерс»), 2-й железнодорожный артдивизион в составе двух трехорудийных 152-мм батарей орудий системы «Канэ» (на железнодорожных транспортерах) и 3-й железнодорожный артдивизион, состоявший из двух бронепоездов (на первом располагалась трехорудийная батарея 12-фунтовых (75-мм) орудий системы «Виккерс», на втором – двухорудийная батарея 18-фунтовых старых английских орудий)¹⁰⁴³. Однако, это был лишь предварительный, беглый осмотр без каких-либо оргвыводов и предложений по части усовершенствования имевшейся материальной части.

В сентябре 1940 г. специально назначенная по приказу командующего КБФ комиссия под председательством капитана 1-го ранга Г. Б. Чубунова подробно осмотрела позиции латвийского берегового артиллерийского полка и вновь строящиеся батареи, по результатам чего составила соответствующий акт¹⁰⁴⁴. Надо сказать, что общей задачей полка латвийской береговой артиллерии являлась оборона устья Рижского залива с моря и входа в реку Западная Двина (Даугава). Ввиду особой важности этой задачи, становится понятным внимание командования к группировке береговой артиллерии в районе Риги. Кроме того, комиссии было поручено разобраться с предложением командира Либавской ВМБ контр-адмирала П. А. Трайнина относительно расформирования сектора Береговой обороны этой базы¹⁰⁴⁵.

Общий вывод комиссии сводился к тому, что береговая оборона Ирбенского пролива и побережья Виндава-Либава строительством ещё не закончена, а поэтому в нынешней обстановке еще не имеется достаточных артиллерийских средств *«для противодействия прорыву противника в Рижский залив и действий его против нашего побережья»*. Далее признавалось, что решение задачи по борьбе с морским противником лишь частично может быть решено средствами латвийского берегового артполка¹⁰⁴⁶. Причем, для этого требовалось выполнить ряд мероприятий организационного и технического характера.

По мнению комиссии, артиллерийский полк следовало переформировать в два дивизиона – стационарный и железнодорожный. На 1-й артдивизион в составе трех батарей была возложена задача по обороне устья Западной Двины и города Риги от действий противника со стороны моря. 2-й артиллерийский железнодорожный дивизион в составе

¹⁰⁴³ РГА ВМФ. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 492. Л. 51. Мелконов Ю. Ю. Пушки курляндского берега. С. 95-96.

¹⁰⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 3-11.

¹⁰⁴⁵ Там же. Л. 3.

¹⁰⁴⁶ Там же. Л. 8.

двух 152-мм батарей должен был, совместно с 1-м дивизионом, обеспечивать оборону Риги с моря и бороться с морским противником на участке ж/д Виндава-м. Микельбак.

Что же касается 3-го артиллерийского дивизиона, то его два бронепоезда «с негодной материальной частью», как считала комиссия, следовало расформировать. Личный состав, бронированные паровозы и бронеплощадки третьего 3-го дивизиона предполагалось передать 2-му артдивизиону. В дальнейшем, можно было перевооружить бронеплощадки восемью 45-мм орудиями, «сняв старую разнокалиберную матчасть, добавить пулеметов по количеству мест и установить в существующих гнездах 5 счетверенных пулеметных установок»¹⁰⁴⁷. Оба артиллерийских дивизиона было предписано подчинить командиру сектора БО Либавской ВМБ полковнику Герасимову.

В результате, комиссия предложила принять следующую организацию сектора БО Либавской военно-морской базы. Все береговые батареи полагалось свести в четыре отдельных артдивизиона, за исключением железнодорожной батареи № 18 и 130-мм береговой батареи в Виндаве, которые должны были остаться на положении отдельных. Дивизионы и батареи должны были подчиняться коменданту сектора БО. В состав дивизионов включались: в 1-й отдельный артдивизион (Либавский) – батареи №№ 23 и 27; во 2-й отдельный артдивизион (Ирбенский) – батареи №№ 40 и 46; в 3-й отдельный артдивизион (Рижский) – батареи №№ 1, 2 и 3; и в 4-й отдельный артдивизион (железнодорожный) – батареи №№ 4 и 5¹⁰⁴⁸. Уже 6 сентября по ходатайству наркома ВМФ весь личный состав латвийского берегового артиллерийского полка был заменен командным и краснофлотским составом КБФ¹⁰⁴⁹.

Впрочем, КБФ достались в Прибалтике не одни только береговые батареи, но также и различные судостроительные и судоремонтные заводы и мастерские. Они имели большое значение для технического обслуживания КБФ. Как говорилось выше, в приказе наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова № 00209 от 19 августа 1940 г. говорилось о необходимости передачи Наркомату ВМФ крупного судоремонтного завода «Тосмаре»¹⁰⁵⁰ в Лиенае (Либаве). 23 августа Кузнецов издал приказ, где сообщал о создании правительственной комиссии по приемке завода «Тосмаре» в Либаве в систему Наркомата ВМФ, под председательством начальника Технического управления ВМФ инженер-контр-адмирала А. Г. Орлова. Срок приемки был установлен на 20 сентября, акт комиссии следовало представить на

¹⁰⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 8-9.

¹⁰⁴⁸ Там же. Л. 10-11.

¹⁰⁴⁹ Мелконов Ю. Ю. Пушки курляндского берега. С. 98.

¹⁰⁵⁰ Судоремонтный завод «Тосмаре» в Лиенае в 1930-е годы лишь частично работал по своей основной специализации, и 60% его мощностей было задействовано для сельскохозяйственного машиностроения. – См.: Булдыгин С. Б. Оборона Лиенаи. СПб., 2012. С. 6.

утверждение наркому ВМФ к 25 октября 1940 года¹⁰⁵¹. С небольшой задержкой, приемка завода «Госмаре» была проведена, и 5 октября 1940 г. нарком ВМФ Кузнецов доложил председателю СНК СССР Молотову о том, что комиссия под председательством начальника Технического управления ВМФ инженер-контр-адмирала Орлова приняла завод 30 сентября¹⁰⁵².

Одновременно с этим, командование ВМФ решило оприходовать и другой ценный военный объект – Таллинский арсенал – для текущих нужд Краснознаменного Балтийского флота. В связи с этим, 5 сентября 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов обратился к председателю КО при СНК СССР маршалу К. Е. Ворошилову с письмом, где выдвинул следующее предложение: *«...Неотложной задачей сегодняшнего дня является развертывание ремонтной базы артиллерийского вооружения в районе г. Таллина. В настоящее время для этой цели временно использован Таллинский арсенал, который при некоторой его реконструкции может обеспечить мелкий и средний текущий ремонт артвооружения флота и Береговой обороны Балтийского моря»*¹⁰⁵³. В заключение, Н. Г. Кузнецов попросил К. Е. Ворошилова передать Таллинский арсенал в полное ведение Наркомата ВМФ с тем, чтобы *«теперь же можно было приступить к некоторому переоборудованию его для обеспечения ремонта артиллерийского вооружения КБФ»*¹⁰⁵⁴. Непосредственным результатом данной просьбы наркома стало принятие бывшего эстонского арсенала в Таллине в состав КБФ с 19 декабря 1940 г. Отныне он получил наименование «Арсенал Краснознаменного Балтийского флота» и был подчинен во всех отношениях начальнику Артиллерийского отдела КБФ¹⁰⁵⁵.

В связи с усилением БО в районе Либавы (Лиепай), проводившимся по непосредственному указанию наркома ВМФ, командир Либавской ВМБ контр-адмирал П. А. Трайнин 8 октября 1940 г. попросил Главный морской штаб ВМФ дать распоряжение Артиллерийскому управлению о выделении необходимой материальной части для новых батарей. А именно, были затребованы две четырехорудийные 100-мм береговые батареи, *«для установки их у северного и южного молв аванпорта (на месте старых батарей)»*, и шесть 45-мм орудий или три орудия более крупного калибра, для установки их на воротах аванпорта¹⁰⁵⁶. 25 ноября Инженерный отдел КБФ сообщил Военному совету флота о том, что было принято решение не переносить 130-мм батарею № 23 с временной на постоянную позицию. Но поскольку других орудий для батарей в северной части Либавы не было,

¹⁰⁵¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 168. Л. 609.

¹⁰⁵² Там же. Л. 740.

¹⁰⁵³ Там же. Д. 167. Л. 786-787.

¹⁰⁵⁴ Там же. Л. 787.

¹⁰⁵⁵ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 147. Л. 10.

¹⁰⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 159.

Инженерный отдел всё же просил Военный совет флота переставить орудия с временных на постоянные позиции, по мере готовности последних¹⁰⁵⁷.

31 октября 1940 г. начальник Главного морского штаба адмирал Л. М. Галлер направил начальнику Артиллерийского управления ВМФ генерал-лейтенанту И. С. Мушнову приказ, посвященный вопросу использования латвийских железнодорожных батарей. Соглашаясь с мнением комиссии Г. Б. Чубунова, Галлер также полагал, что латвийские бронепоезда, в их настоящем состоянии, уже *«не представляются боеспособными»*¹⁰⁵⁸. В частности, 152-мм орудия системы «Канэ» следовало заменить новыми отечественными 152-мм системами («МУ-152») или 130-мм палубными («Б-13»), но *«при условии использования имеемых транспортеров, не подвергая их существенной реконструкции»*. Вместо имевшихся разнотипных и зачастую устаревших зенитных орудий, нужно было продумать установку на бронепоездах новых артсистем – 100-мм орудий «Б-34», 76-мм дивизионных пушек «Ф-36» и 37-мм зенитных орудий «70-К». Заключение по данному вопросу следовало представить в ГМШ для последующего доклада наркому ВМФ к 15 ноября¹⁰⁵⁹.

Наконец, 30 ноября 1940 г. заместитель начальника ГМШ В. А. Алафузов направил командующему КБФ вице-адмиралу В. Ф. Трибуцу директиву № 17546сс, к которой была приложена «Выписка из плана перевооружения частей ПВО КБФ на 1941-42 гг.». В директиве содержались указания начальника Главного морского штаба ВМФ адмирала И. С. Исакова по поводу дальнейшей судьбы эстонских и латвийских береговых батарей, а также перевооружения зенитных артиллерийских частей КБФ. Было окончательно решено, что перевооружение бывших эстонских береговых батарей на островах Нарген, Вульф, полуостровах Сууроуп и Вимс следует провести в соответствии с приказом наркома ВМФ от 2 октября 1940 года. При этом устанавливаемые на батареях новые 100-мм артиллерийские системы «Б-34» предполагалось рассматривать как усиление ПВО флота, *«при сохранении за ними основных задач береговых батарей»*¹⁰⁶⁰.

Также было принято решение, что бывшие латвийские береговые батареи в районе Риги следует перевооружить в 1941-м году, используя для этого не только указанные в плане перевооружения позиции, но также и все *«имеющиеся и удовлетворяющие тактическим требованиям старые бетонные основания в районе Усть-Двинска»*. Относительно перевооружения бывших латвийских 152-мм железнодорожных батарей и бронепоездов отмечалось, что по данному вопросу необходимые указания будут даны комиссией Артиллерийского управления ВМФ, работающей на предмет определения технической

¹⁰⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 77.

¹⁰⁵⁸ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 256.

¹⁰⁵⁹ Там же. Л. 256-257.

¹⁰⁶⁰ Там же. Л. 238.

возможности и объема работ, «связанных с установкой новых более мощных артиллерийских систем, без существенных переделок ходовой части транспортеров батарей и площадок бронепоездов»¹⁰⁶¹.

В результате внешнеполитических усилий руководства СССР, летом 1940-го года Краснознаменный Балтийский флот получил в свое распоряжение корабельный состав, всю береговую оборону и инфраструктуру ВМС Эстонии и Латвии, а также судостроительные и судоремонтные предприятия на их территории. Это значительно усилило возможности флота и позволило значительно улучшить условия базирования соединений и частей КБФ в портах Балтийского моря. Естественно, что многие из полученных в Прибалтике оборонных объектов несколько устарели, поэтому необходимо было модернизировать их и перевооружить на новые системы вооружения.

§ 5. Строительство советских военно-морских баз и береговой обороны в Прибалтике летом 1940 – весной 1941 гг.

Базовое строительство в Эстонии и Латвии в течение зимы-весны 1940 г. производилось довольно медленно, с нарушением установленных сроков сдачи береговых батарей, казарм, складов и других объектов. Причинами сложившейся ситуации было то обстоятельство, что эстонское Правительство затягивало вопрос с заключением договора об аренде земельных участков советскими Вооруженными силами на территории Эстонии, который вытекал из Пакта о взаимопомощи между СССР и Эстонской республикой от 28 сентября 1939 г. На протяжении всей зимы 1939-1940 гг. шли длительные переговоры между военными и дипломатическими представителями Советского Союза и Эстонии по поводу определения границ участков, занимаемых советскими гарнизонами и базами.

Ещё в ходе работы смешанной советско-эстонской комиссии с 9 по 10 февраля 1940 г. рассматривались вопросы о представлении в исключительное пользование ВМФ СССР города и района Палдиски, оформлении передачи полуострова Паписааре в пользование (предложение советской делегации) и занятии командами и лицами, входившими в состав КБФ, помещений в Таллине (предложение эстонской делегации). Советские представители отмечали, что расквартирование частей КБФ и выполнение комплекса оборонительных работ на отведенных в районе Палдиски земельных участках и островах задерживались вследствие затяжки их отчуждения. Для этого советская сторона предлагала обсудить вопрос о возможности полного удовлетворения потребностей ВМФ СССР в районе Палдиски,

¹⁰⁶¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 238-239.

островов и полуострова Пакри к 1 мая 1940 г., путем эвакуации населения из всего этого района¹⁰⁶².

Помощник военного министра Эстонии А. Траксмаа в своем письме командиру 65-го отдельного стрелкового корпуса комдиву А. А. Тюрину от 22 февраля 1940 г. подтверждал, что весь район базы Палдиски будет эстонской стороной полностью эвакуирован, с тем, чтобы по мере строительства этой базы и других баз на островах Сааремаа и Хийуумаа туда будут переведены части РККА и РККФ из районов временного их размещения. В ходе работы комиссии были приняты и подписаны протоколы предыдущих заседаний, рассмотрен и принят проект правил производства дел смешанной комиссии. Командиром 65-го стрелкового корпуса Тюриным был направлен в Военное министерство Эстонии официальный запрос на предмет отчуждения земельных участков для строительства военных объектов в 1940 г.¹⁰⁶³.

По мере освоения советским военным контингентом отведенных ему территорий в Прибалтике, всё острее проявлялась необходимость принятия специальных мер, направленных на обеспечение создания там соответствующей военной инфраструктуры. Во исполнение постановления Комитета обороны при СНК СССР № 90сс по вопросу о базе Палдиски от 25 февраля 1940 г.¹⁰⁶⁴, нарком ВМФ Кузнецов 27 февраля 1940 г. издал приказ № 0049, в котором были определены задачи для флота, направленные на выполнение данного постановления. В соответствии с постановлением Комитета обороны, был утвержден титульный список строительства военно-морской базы в Палдиски на 1940-й год на сумму 120 млн. рублей. Наркоматы строительства и ВМФ должны были осуществлять постройку военно-морской базы в Палдиски специально созданными для этого строительными батальонами и вольнонаемными рабочими, инженерно-техническими работниками и служащими, набираемыми в СССР.

Наркомат ВМФ был обязан, сверх установленной штатной численности для флота на 1940-й год, сформировать и передать Наркомату строительства СССР 6 строительных батальонов, численностью по 1200 человек каждый в следующие сроки: к 1 апреля 1940 г. – 1 батальон, к 1 мая 1940 г. – 2 батальона, к 1 июня – 3 батальона. Наркомат обороны СССР был обязан призвать необходимое количество призывников для формирования названных батальонов¹⁰⁶⁵.

Вопросы оборонного строительства обсуждались в ходе беседы наркома иностранных дел В.М. Молотова с послом Эстонии в СССР А. Реем 4 марта 1940 г. В частности,

¹⁰⁶² Ковалев С. Н. Указ. соч. С. 181-183.

¹⁰⁶³ Там же. С. 183-184.

¹⁰⁶⁴ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог. Т. III. 1940-1952. С. 181.

¹⁰⁶⁵ Ковалев С. Н. Указ. соч. С. 229.

советским наркомом был поднят вопрос о дополнительном вводе в Эстонию советских инженерно-строительных батальонов. В результате данных переговоров, 7 марта Правительство Эстонской республики сообщило СССР, что разрешает ввести в Эстонию для строительства военно-морской базы в Палдиски 9 батальонов военизированных рабочих по 1200 человек в каждом, а также согласно пропустить на военно-морское строительство 5000 рабочих для специальных работ, 1200 человек инженерно-технического персонала, разрешить организацию в Таллине строительного управления и оказать помощь торговому представительству по найму необходимых для этой цели помещений.

7 апреля 1940 г. состоялась очередная встреча наркома по иностранным делам В.М. Молотова с эстонским посланником А. Реем, во время которой нарком указал на задержку разрешения ряда практических вопросов по реализации соглашений: задержка отвода земельных участков под строительство оборонных объектов на островах Сааремаа и Хийуумаа, строительство в Гапсале и некоторых других пунктах; споры о контингенте советских войск в Эстонии; вопрос об Оденсхольме и другие. По предложению советской стороны, для быстрее разрешения всех вопросов по реализации Пакта, было решено направить уполномоченного эстонского правительства генерал-майора А. Траксмаа. 15 апреля начались переговоры с посланником Эстонии в СССР Реем и генералом Траксмаа. Эстонская сторона отмечала, что *«принимая во внимание оборонные нужды СССР, согласилась уже передать дополнительно для постройки укрепленных баз остров Оденсхольм»*¹⁰⁶⁶.

28 апреля 1940 г. состоялась встреча наркома иностранных дел В.М. Молотова с посланником Эстонии А. Реем и генерал-майором А. Траксмаа. В ходе встречи эстонской стороной было отмечено, что в переговорах с советскими военными достигнуто соглашение по ряду пунктов о дислокации советских гарнизонов в Эстонии. 11 мая А. Рей вместе с генералом А. Траксмаа были приглашены Молотовым для урегулирования разногласий по вопросам отвода земельных участков для размещения военных сил СССР в Эстонии¹⁰⁶⁷. Наконец, 15 мая Правительство СССР и Правительство Эстонской республики подписали в Москве соглашение об отводе земельных участков под строительство советских военно-морских баз, военных городков, базовых и оперативно-учебных аэродромов, для установки береговых батарей и по другим вопросам, связанным с нахождением частей РККА и РККФ в Эстонии¹⁰⁶⁸. К данному соглашению был приложен «Перечень земельных участков на территории Эстонской республики, предоставляемых для нужд Советских Вооруженных

¹⁰⁶⁶ Ковалев С. Н. Указ. соч. С. 186-187. Мелконов Ю. Ю. Батареи Моонзунда. С. 72.

¹⁰⁶⁷ Ковалев С. Н. Указ. соч. С. 188-190.

¹⁰⁶⁸ Полпреды сообщают... С. 319-325.

сил» (всего 42 участка земли общей площадью более 30 тыс. гектаров), где были обозначены районы отвода и сроки передачи участков советскому командованию армии и флота¹⁰⁶⁹.

Однако передача объектов для последующего оборонного строительства снова затягивалась эстонской стороной. По плану освобождение территорий и населенных пунктов эстонским гражданским населением на острове Эзель (Сааремаа) было запланировано на период с 15 мая по 1 июня 1940 г., а на острове Даго (Хийуумаа) – с 1 по 15 мая¹⁰⁷⁰. Реальные же сроки приема-передачи земельных участков для оборонного строительства оказались сдвинуты, что вынудило советника полпредства СССР В. В. Бочкарева направить 17 мая 1940 г. донесение заместителю наркома по иностранным делам В. Г. Деканозову по данному вопросу. По сведениям, собранным Бочкаревым, оборонное строительство протекало неровно.

Например, на полуострове Пакерорт (Пакри) оборонительное строительство было выполнено в объеме 15-20% от плана. Причем, отмечалось, что *«часть работ, производимых эстонцами, будет сдана в срок»*. Что касалось строительных работ, осуществлявшихся рабочими из СССР, то оно находилось в удовлетворительном состоянии. Зато на островах Эзель и Даго оборонное строительство находилось *«в прорыве»*. Основной причиной такого положения дел было отсутствие рабочей силы, допущенной к производству секретных работ. Например, на полуострове Сворбе находился лишь один инженерно-строительный батальон, а на острове Даго – всего одна рота. Постройка части жилых объектов и казарм была поручена эстонцам, но не была обеспечена необходимым строительным материалом¹⁰⁷¹.

В связи с вышесказанным, В. В. Бочкарев предлагал направить на острова Моонзундского архипелага еще один инженерно-строительный батальон и разрешить закупку необходимых стройматериалов прямо на месте¹⁰⁷². (Нелишним будет отметить, что численность личного состава КБФ, который также принимал участие в оборонном строительстве в Прибалтике, была действительно невелика. К примеру, на 15 апреля 1940 г. береговые части КБФ на территории Эстонии насчитывали всего 8406 военнослужащих и 198 вольнонаемных¹⁰⁷³.)

Значительно хуже обстояло дело с базовым строительством в Латвии. 28 мая 1940 г. состоялось совместное совещание командования Особого корпуса (комдив Н. С. Морозов) и военно-морской базы Либава (флагман 2-го ранга П. А. Трайнин) с полпредом В. К. Деревянским и торгпредом В. Я. Терентьевым по вопросам, связанным с пребыванием в

¹⁰⁶⁹ 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллин, 1989. С. 81-85. *Ильмярв М.* Указ. соч. С. 584.

¹⁰⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 3. Л. 51-52. *Кантор Ю. З.* Прибалтика: Война без правил (1939-1945). СПб., 2011. С. 41.

¹⁰⁷¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 177. Л. 68-69.

¹⁰⁷² Там же. Л. 69.

¹⁰⁷³ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 423. Л. 113.

Латвии советских военных гарнизонов. В ходе совещания было высказано мнение, что *«несмотря на заключение всех основных соглашений о сдаче строительных работ подрядчикам, строительство всё же ещё не развернуто»*. Основными причинами, из-за которых были сорваны сроки оборонного и капитального строительства, были отсутствие строительных материалов и недопоставка рабочей силы для строительства. В связи с этим, было решено поставить вопрос перед Правительством о срочном оформлении и отправке в Латвию строителей военных объектов и выполнении заявок на материалы¹⁰⁷⁴.

Таким образом, Правительство СССР стремилось действовать в рамках тех соглашений, которые были заключены между Советским Союзом и республиками Прибалтики осенью 1939 года. Как мы видели, на этом пути возникали сложности, которые удавалось разрешать в пользу СССР, без сильного сопротивления правительств Эстонии и Латвии. Впрочем, подобное положение дел имело место лишь до июньских событий 1940 г. в Прибалтике, когда военно-политическая ситуация в регионе изменилась кардинальным образом. После этого, советскому руководству уже не надо было соблюдать какие-либо формальности в межгосударственных отношениях (которые и до этого не были особенно обязательными и утомительными). Отныне, военно-политическое руководство СССР могло распоряжаться в Эстонии и Латвии на правах полноправного хозяина и уже не спрашивать местные власти о разрешении на свои действия.

Весной 1940 г. у командования ВМФ стал возникать план по реформированию системы базирования Краснознаменного Балтийского флота, в связи с получением новых военно-морских баз в Прибалтике и на Ханко. 5 апреля 1940 г. нарком ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов направил в СНК СССР директиву № 1374сс, где предложил осуществить коренную реорганизацию существующей системы базирования КБФ. Нарком ВМФ мотивировал свое предложение тем, что принципиально изменившаяся на Балтийском море обстановка требует пересмотра организации Краснознаменного Балтийского флота, *«который должен быть проведен под углом зрения смещения центра тяжести оперативных задач КБФ на запад к устью Финского залива и в Балтийском море»*.

Данное смещение, по словам Н. Г. Кузнецова, уже нашло свое выражение в создании военно-морских баз Балтийской, Либавской и Ханко *«с вхождением в них кораблей и частей флота, авиации и Береговой обороны, имеющих задачи обороны самих баз и действий в районах, непосредственно к этим базам прилегающих»*. Как результат, нарком ВМФ предлагал дополнить данные мероприятия созданием в восточной части Финского залива *«такой организации, которая смогла бы выполнить задачи охраны и обороны района*

¹⁰⁷⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 177. Л. 78-79.

*Финского залива от Ленинграда до Гогланда...»*¹⁰⁷⁵. Наиболее удобной формой этой организации, как полагал нарком ВМФ Кузнецов, станет уже проверенная и оправдавшая себя военно-морская база.

В связи с этим, Н. Г. Кузнецов поставил перед СНК вопрос о необходимости перемещения постоянного местопребывания Военного совета КБФ в западную часть Балтийского театра. Наиболее приемлемым местом его нахождения, по мнению наркома, являлась военно-морская база Палдиски. Но уход Военного совета КБФ из Кронштадта, в связи с нахождением в восточной части Финского залива значительной Береговой обороны, ряда важных морских соединений и наличие в районе Кронштадта крупных тыловых органов общевлотского значения требовал оформления этой новой организации *«в виде Главной базы флота с присвоением ее командиру функций заместителя командующего и начальника тыла флота»*. Поэтому нарком ВМФ ходатайствовал перед СНК о разрешении сформировать Главную военно-морскую базу КБФ, включающую в себя весь восточный район Финского залива до острова Гогланд включительно¹⁰⁷⁶.

К этому важному вопросу Н. Г. Кузнецов вновь вернулся 20 апреля, когда направил на имя Совета народных комиссаров СССР директиву за № 1591сс. В этой директиве, во многом повторявшей предыдущий документ, нарком ВМФ представил уже конкретные предложения по поводу перевода органов управления КБФ на запад и реформирования системы базирования флота. Как считал Кузнецов, перевод Военного совета флота в базу Палдиски целесообразно будет произвести в течение ближайших трех месяцев, с частью Штаба флота и Политуправления. Дальнейший перевод в Палдиски органов управления флота можно было производить лишь по мере завершения там соответствующего строительства. В связи с этим, Кузнецов просил СНК дать разрешение на перевод Военного совета КБФ в течение ближайших трех месяцев в Палдиски *«с размещением в подготавливаемых помещениях и на теплоходе “Сибирь” с перспективой перевода в Палдиски всех органов управления флота»*¹⁰⁷⁷.

Далее Кузнецов перешел ко второму вопросу, связанному с созданием новой военно-морской базы. Он ходатайствовал перед СНК СССР о разрешении сформировать Кронштадтскую военно-морскую базу, включающую в себя весь восточный район Финского залива до острова Гогланд включительно. В состав Кронштадтской базы предполагалось включить Охрану водного района, 2-ю бригаду торпедных катеров, Шхерный отряд, 15-й авиаполк ближних разведчиков, Береговую оборону в составе секторов – Кронштадтского, Лужского, Выборгского и Гогландского, Противовоздушную оборону в составе 61-й

¹⁰⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 421. Л. 46.

¹⁰⁷⁶ Там же. Л. 47, 49-50.

авиабригады и трех зенитных артиллерийских полков, Отдельную специальную стрелковую бригаду и Учебный отряд КБФ. Нарком ВМФ предлагал подчинить командиру Кронштадтской базы во всех отношениях Ленинградскую военно-морскую базу с входящими в её состав отрядами строящихся кораблей и Балтийским флотским экипажем¹⁰⁷⁸.

Однако реализация обоснованных и вполне реальных предложений наркома ВМФ была отложена Правительством на некоторое время, вплоть до окончательного выяснения прибалтийской проблемы. Удобный момент для реорганизации наступил летом 1940-го года, когда на территорию всех республик Прибалтики был осуществлен массированный ввод войск РККА, а в этих странах были распущены прежние правительства и сформированы новые, уже просоветские правительства. А вскоре новые республики были включены в состав СССР.

Тем временем, командованием ВМФ предпринимались меры по ускорению строительства имеющихся береговых батарей в Эстонии и Латвии. 19 мая нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов направил Военному совету КБФ директиву № 2152сс. В целях всемерного форсирования строительства в Эстонии, Латвии и на Ханко, Кузнецов приказывал командованию Балтфлота принять следующие меры: 1) по получении из военкоматов контингента весеннего призыва, немедленно доукомплектовать 36-й инженерный батальон и отправить его к месту назначения; 2) использовать на строительстве железнодорожных позиций в Палдиски железнодорожно-восстановительный батальон; 3) личный состав консервируемых батарей обратить на формирование вновь строящихся батарей, доведя их до штатной численности по получении контингентов весеннего призыва, а также использовать на строительстве¹⁰⁷⁹.

Опираясь на решение Военного совета флота, 22 мая 1940 г. Штаб КБФ издал несколько организационных приказов, направленных на создание новой системы Береговой обороны в Прибалтике. Одновременно приказом Штаба КБФ № 41/793сс было решено законсервировать целый ряд береговых батарей, входивших в состав Северного укрепрайона КБФ¹⁰⁸⁰. Наконец, 29 мая Штаб флота своим приказом № 41/837сс предписал приступить к формированию для Береговой обороны Балтийской базы новых тяжелых батарей: 1) трех 180-мм четырехорудийных башенных батарей, с присвоением им порядковых №№ 314, 315 и 316 и указанием дислокации (№ 314 – будет дана дополнительно, № 315 – на полуострове Симпернес, № 316 – на полуострове Сворбе); 2) одной 180-мм четырехорудийной открытой батареи, с присвоением порядкового номера № 317 (в районе Кюбоссаар). В своем

¹⁰⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 421. Л. 52-54.

¹⁰⁷⁸ Там же. Л. 53.

¹⁰⁷⁹ Там же. Д. 423. Л. 101.

¹⁰⁸⁰ Там же. Л. 92, 94, 97.

законченном виде, данные переформирования Береговой обороны КБФ нашли отражение в «Плане формирования частей КБФ» от 5 июня 1940 г., составленном Штабом флота¹⁰⁸¹.

А в это время полным ходом пошла переброска и формирование новых береговых батарей флота в Прибалтике. В соответствии с приказом командующего КБФ В. Ф. Трибуца № 00218 от 7 мая 1940 г., Штабом флота было объявлено о формировании с 22 апреля двух трехорудийных 130-мм береговых батарей (№№ 24 и 25), а приказом № 00286 от 16 июня – о передислокации указанных батарей из состава Южного укрепрайона в Кюбассаар и Палдиски. Батареи требовалось зачислить в состав БО Балтийской военно-морской базы¹⁰⁸². В приказе командующего Балтфлотом от 20 июня 1940 г. говорилось о формировании и передислокации из состава Северного укрепрайона с 11 июня четырехорудийной 100-мм береговой батареи № 149 на полуостров Дагерорт (на мыс Палли). Батарею было приказано также зачислить в состав Береговой обороны Балтийской военно-морской базы¹⁰⁸³.

Как уже говорилось выше, масштабное оборонное строительство для нужд КБФ в странах Прибалтики должны были осуществлять специальные строительные и инженерные части флота, с привлечением личного состава строившихся береговых батарей. Поэтому 15 мая 1940 г. начальник Главного морского штаба ВМФ Л. М. Галлер направил Военному совету КБФ приказ, где отметил, что формируемые по приказам наркома ВМФ за №№ 0161, 0206 и 0258 43-й, 44-й, 45-й, 46-й, 47-й и 48-й строительные батальоны, по прибытии на место, поступают в распоряжение Наркомата строительства СССР и в непосредственное подчинение начальника строительства Балтийской военно-морской базы¹⁰⁸⁴.

К середине июня 1940 г. в Эстонии и Латвии уже было сосредоточено на оборонном строительстве значительное количество инженерных и строительных частей. Так, в районе Палдиски дислоцировались 33-й отдельный инженерный батальон без 1-й и 4-й рот (находился на острове Малый Рооге), 1-я рота 36-го отдельного инженерного батальона, 21-й отдельный восстановительный батальон, 43-й, 44-й и 45-й строительные батальоны. Кроме того, на постройке объектов периодически работали 208-я отдельная флотская рота и 158-я отдельная морская стрелковая рота. На острове Даго (Хийуумаа) строительные работы осуществляли 1-я и 4-я роты 33-го отдельного инженерного батальона, а также 2-я рота 36-го отдельного инженерного батальона. Руководство работами на Даго осуществляло линейное строительство № 4 под руководством военинженера Е. С. Соколова. Наконец, на острове Эзель (Сааремаа) строительством занимался 34-й отдельный инженерный батальон, впоследствии к нему присоединился 37-й отдельный инженерный батальон. Руководство

¹⁰⁸¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 423. Л. 106-107, 109.

¹⁰⁸² Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 212, 252.

¹⁰⁸³ Там же. Л. 257.

¹⁰⁸⁴ Там же. Л. 232.

строительными работами на Эзеле возлагалось на линейное строительство № 5 под руководством военженера Ф. Н. Ускова¹⁰⁸⁵. На острове Оденсхольме с конца апреля работал 46-й строительный батальон¹⁰⁸⁶.

Фронт работ для прибывающих строительных и инженерных частей был огромен. Например, в одной только Либавской военно-морской базе и прилегающем районе предстояло построить в течение 1940-го года сразу 5 новых береговых батарей. Причем, указанные батареи не были обеспечены личным составом и материальной частью, кроме Северной Либавской (№ 23), для которой уже были установлены на временных основаниях 3 артиллерийские системы, и для них же имелся личный состав. Кроме того, исходя из местных условий, было решено усилить сухопутную оборону данных батарей, придав для защиты с тыла и флангов по одной пулеметной роте и ввести в штат батареи минера-подрывника, для осуществления и подготовки минных заграждений. В Вентспилсе по плану строительства была предусмотрена постройка казармы и позиция для зенитного дивизиона 3-х батарейного состава¹⁰⁸⁷.

В целом, по состоянию на 22 июня 1940 г. новая система базирования КБФ в Прибалтике выглядела следующим образом. Балтийская военно-морская база (БВМБ) включала в себя Охрану водного района (ОВР) в составе дивизиона сторожевых катеров и 1-го дивизиона тральщиков, 2-ю бригаду подлодок в составе 17-го и 21-го дивизионов, Балтийский район СНИС, Береговую оборону БВМБ в составе 34-го отдельного артдивизиона, отдельных 130-мм батарей №№ 24, 25, 26, 27, отдельной 152-мм батареи № 12, отдельной 180-мм железнодорожной батареи № 12, отдельных 45-мм батарей №№ 241, 242, 243, 244, 245, 246, 180-мм башенные батареи №№ 314, 315, 316, 180-мм открытой батареи № 317, 130-мм батарей №№ 42, 43, 44, 100-мм батареи № 149, 10-ю авиационную бригаду в составе 15-й, 44-й отдельных разведывательных эскадрилий, 20-го отдельного авиаотряда, 30-го отдельного истребительного авиаотряда, участок ПВО в составе 83-го зенитного артдивизиона, 202-го отдельного зенитного артдивизиона и трех 76-мм зенитных батарей¹⁰⁸⁸.

В состав Либавской военно-морской базы входили Отряд легких сил КБФ в составе крейсера «Киров», 1-го и 2-го дивизионов эсминцев, 13-й и 16-й дивизионы подлодок, отдельный отряд торпедных катеров, охрана рейда, сектор Береговой обороны в составе 130-

¹⁰⁸⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 10. Л. 40-42. *Алепко И. Г.* Краснознаменный Балтийский флот 1939-1945.

Очерки. Хроника. Сосновой Бор, 2008. С. 24.

¹⁰⁸⁶ *Мелконов Ю. Ю.* Батареи Моонзунда. С. 72.

¹⁰⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 234.

¹⁰⁸⁸ Там же. Л. 271-275.

мм батарей №№ 23, 27, 45 и 46, отдельной железнодорожной батареи № 18 и 43-я авиационная эскадрилья¹⁰⁸⁹.

После того, как утром 17 июня 1940 г. Советский Союз осуществил массированный ввод своих сухопутных, воздушных и военно-морских сил в страны Прибалтики, наступил новый этап в процессе строительства системы базирования и Береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота. Прежние соглашения с эстонской стороной о размещении гарнизонов и строительстве баз потеряли свое значение, и ничто теперь не мешало командованию РКВМФ в ещё большей степени использовать территорию Эстонии и Латвии в своих интересах. Поэтому уже 22 июня 1940 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов, действуя в рамках исполнения постановления Комитета обороны при СНК СССР № 267сс, своим приказом № 00159 приказал Военному совету КБФ *«перейти на базирование из Кронштадта в Палдиски вместе с частью штаба флота и Политуправления, в течение ближайших 3-х месяцев»*¹⁰⁹⁰. Перевод всех органов управления флотом полностью в район Таллин–Палдиски планировалось осуществить в течение 1940-го года.

Этим же приказом, Военному совету КБФ надлежало перевести по железной дороге в район Палдиски 356-мм артиллерийскую батарею № 11. Кроме того, следовало выбрать и к 1 июля 1940 г. утвердить места для следующих батарей: одной четырехорудийной 130-мм батареи в районе маяка Михайловского и одной 180-мм открытой батареи на закрытой позиции на полуострове Ниннаст¹⁰⁹¹. В связи с этим, Инженерному и Строительному управлениям ВМФ к 1 августа 1940 г. было предписано построить ряд железнодорожных позиций – две позиции для 180-мм батареи на полуострове Ханко, две для 305-мм батареи на полуострове Ханко, одну для 356-мм батареи на полуострове Пакри. Также требовалось построить в течение 1940-го года на полуострове Ниннаст 180-мм открытую батарею¹⁰⁹².

23 июня 1940 г. комендант Береговой обороны Балтийской военно-морской базы генерал-майор С. И. Кабанов направил командиру Балтийской военно-морской базы контр-адмиралу С. Г. Кучерову свой рапорт, где предложил, в связи с изменившимся территориальным расположением границ БО БВМБ в сторону увеличения, количества батарей и дополнительно возникающих оперативных задач, в кратчайший срок принять новую организационную структуру Береговой обороны Балтийской военно-морской базы¹⁰⁹³.

Штаб Управления Береговой обороны БВМБ предполагалось разместить в центре расположения – в Гапсале (Хаапсалу), усилив его оперативное отделение. Основной задачей Береговой обороны Балтийской базы было определено недопущение действий кораблей

¹⁰⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 276-278.

¹⁰⁹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 502. Л. 74.

¹⁰⁹¹ Там же. Л. 74-75.

¹⁰⁹² Там же. Л. 76.

противника в северной части Балтийского моря в пределах дальности артиллерийского огня, уничтожение неприятельских кораблей при попытке их проникновения в Финский залив, уничтожение транспортов противника при попытке высадки десанта на острова и побережье, обеспечение стоянки флота на рейдах Таллин-Палдиски, поддержка своих кораблей в бою в пределах дальности ведения огня¹⁰⁹⁴.

Кабанов предлагал создать четыре укрепленных сектора, подчиненных управлению Береговой обороны Балтийской военно-морской базы – Таллинский, Балтийский, Дагский и Эзельский. Что касается дальнейшего совершенствования организационной структуры Береговой обороны КБФ в Прибалтике, то этот процесс, по мнению С. И. Кабанова, мог быть тесно связан со строительством береговых батарей на островах Эзель и Даго и на побережье Эстонии. Перспективы пополнения БО Балтийской базы, по мнению Кабанова, были довольны многообещающими: помимо уже имевшихся в районе базы полностью или частично построенных 13 береговых батарей, предстояло принять 9 эстонских батарей, а в дальнейшем ввести в строй ещё 25-30 батарей. Руководить таким большим количеством артбатарей из одного штаба представлялось уже невозможным, поэтому комендант БО БВМБ С. И. Кабанов просил командира Балтийской ВМБ С. Г. Кучерова походатайствовать перед Военным советом флота о докладе наркому ВМФ по этому вопросу¹⁰⁹⁵.

Надо сказать, что командование Краснознаменного Балтийского флота положительно отнеслось к предложениям Кабанова. Уже 28 июня 1940 г. Военный совет КБФ направил народному комиссару ВМФ адмиралу Н. Г. Кузнецову доклад за № 1оп/356сс, где изложил свои соображения по поводу дальнейшего развития системы Береговой обороны на Балтике. По мнению Военного совета, решение задачи по созданию мощной береговой обороны в Эстонии и Латвии *«в настоящее время идет по линии создания только артиллерийской обороны путем строительства и установки батарей береговой артиллерии»*¹⁰⁹⁶.

Основное внимание уделялось островам Эзель, Даго и Оденсхольм, как ключевым опорным пунктам по пути в Финский и Рижский заливы. Но при этом, как отмечал Военный совет флота, совершенно не решался вопрос об обороне самих островов. Чтобы подчеркнуть важность данной проблемы, командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц указывал на опыт Первой мировой войны, в частности, – Моонзундской операции 1917 г., когда острова архипелага были взяты путем высадки морского десанта немцев в разных частях

¹⁰⁹³ РГА ВМФ. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 12. Л. 95.

¹⁰⁹⁴ Там же. Л. 95.

¹⁰⁹⁵ Там же. Л. 95-97.

¹⁰⁹⁶ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 9. ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1. Л. 65.

островов¹⁰⁹⁷. Захват Моонзундского архипелага, как писал командующий флотом, дал немецкому командованию *«колоссальное преимущество в дальнейшей борьбе»*.

В новых условиях, по мнению Трибуца, роль Моонзундских островов возрастала еще больше. Но, несмотря на это очевидное положение, никакого решения по созданию комплексной обороны самих островов, как средства надежного удержания Рижского и Финского заливов, так и не было принято¹⁰⁹⁸. Ещё больше Военный совет КБФ волновал принципиальный вопрос: кто будет отвечать за оборону островов Моонзундского архипелага – Красная Армия или Военно-Морской Флот? По мнению членов ВС Балтфлота, допущенная в период Первой мировой войны ошибка (отсутствие единого командования на Моонзундских островах и наличие армейского начальника, руководящего обороной островов независимо от морского командования) могла повториться вновь. Создававшаяся система береговой обороны в Прибалтике, *«вернее, ее артиллерийских средств борьбы за входы в Финский и Рижский заливы»*, как полагал Военный совет КБФ, требовала организационной перестройки ввиду своей громоздкости и негибкости. В качестве вывода из всего вышесказанного, Военный совет КБФ предлагал в самом срочном порядке реорганизовать Береговую оборону Балтийской базы *«по образцу Береговой обороны Главной военно-морской базы»*¹⁰⁹⁹.

Далее Военсовет Балтфлота излагал своё решение поставленных вопросов. Во-первых, требовалось возложить на Краснознаменный Балтийский флот ответственность *«за надежное удержание в своих руках Моонзунда»*. Причем, оборону данных островов необходимо было возложить на коменданта БО Балтийской базы, которому подчинялись бы все силы и средства на островах¹¹⁰⁰. Во-вторых, Береговую оборону БВМБ было предложено разделить на три сектора – Балтийский, Дагский и Эзельский, как советовал сделать С. И. Кабанов¹¹⁰¹. Во главе этих оборонительных секторов требовалось поставить отдельных командиров, причем на островах Эзель и Даго они должны были иметь функции комендантов со всеми полномочиями. Противовоздушная оборона островов Моонзундского архипелага нуждалась в усилении истребительной авиацией, а для непосредственной обороны самих островов от высадки десантов, Военный совет КБФ предлагал включить в состав Береговой обороны части моторизованной морской пехоты с бронетанковыми частями¹¹⁰².

¹⁰⁹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 9-10. ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1. Л. 65-66.

¹⁰⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 10. ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1. Л. 66.

¹⁰⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 10-11. ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1. Л. 66-67.

¹¹⁰⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 12. ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1. Л. 68.

¹¹⁰¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 12-13. ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1. Л. 68-69.

¹¹⁰² РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 13. ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1. Л. 69.

Вопрос, поставленный Военным советом флота, оказался на деле весьма непростым и потребовал для своего решения большого количества реорганизационных мероприятий в течение всего лета и осени 1940-го года. Схема береговой обороны в Прибалтике вырабатывалась на практике, в соответствии с условиями нового морского театра. Не всё удавалось продумать в этом процессе заранее, многие организационные приказы впоследствии уточнялись и изменялись.

В это время происходила дальнейшая реорганизация структуры Береговой обороны КБФ, в рамках намеченных наркомом ВМФ мероприятий. 4 июля 1940 г. Штаб КБФ своим приказом известил коменданта Береговой обороны Главной базы, командира Балтийской ВМБ, начальника Тыла флота и коменданта Кронштадтского сектора БО о том, что Военный совет флота приказал подготовить к переброске в Балтийскую военно-морскую базу личный состав ряда береговых частей и батарей Кронштадтского сектора Береговой обороны¹¹⁰³. К переброске в Эстонию предназначались: часть управления 31-го отдельного артиллерийского дивизиона, четырехорудийная 305-мм башенная батарея № 311, трехорудийная 152-мм батарея № 331, четырехорудийная 120-мм батарея № 332, четырехорудийные 152-мм батареи №№ 142, 133, 114 и 131 (с фортов «К», «Р», «П») и 100-мм батареи №№ 153 и 154 (с фортов «Северный № 2» и «Северный № 4»)¹¹⁰⁴. Тем самым, происходило весьма существенное перераспределение сил Береговой обороны КБФ из восточной части Финского залива далеко на запад – в Балтийское море.

Излишнее количество сильных артиллерийских позиций в глубоком тылу флота – восточной части Финского залива – ещё весной 1940 г. было сочтено командованием ВМФ совершенно излишним. Поэтому 15 мая нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов своим приказом за № 00115 распорядился законсервировать на фортах «Первомайский», «Красноармейский», «Комсомольский», «Южный 2-й и 3-й», «Северный 2-й, 6-й и 7-й» и в Большой Ижоре, следующие артиллерийские позиции Береговой обороны КБФ: 254-мм батареи №№ 123 и 132, 152-мм батареи №№ 112 и 121, 120-мм батареи №№ 111, 145 и 152, 76-мм батареи №№ 144 и 313 и 45-мм батареи №№ 116, 135, 156 и 159¹¹⁰⁵.

В августе 1940 г. из состава Западного укрепрайона (ЗУР) КБФ был исключен Лужский сектор береговой обороны, материальная часть и личный состав которого были сразу направлены на формирование Береговой обороны Главной военно-морской базы (Таллин). Так, 26 августа 1940 г. комендант ЗУРа полковник И. А. Кустов в своем рапорте № 001 командующему КБФ вице-адмиралу В. Ф. Трибуцу сообщил, что штаб Лужского сектора, штабная рота и рота связи передислоцированы из местечка Мукково в город Палдиски

¹¹⁰³ РГА ВМФ. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 12. Л. 89.

¹¹⁰⁴ Там же. Л. 89.

Эстонской ССР. В состав сил сектора комендант ЗУРа предлагал включить действующие и строящиеся береговые батареи, расположенные в границах сектора, а также охрану рейда базы Палдиски¹¹⁰⁶.

В организационном отношении, Кустов предлагал разделить сектор Береговой обороны Главной базы в Таллине следующим образом: а) 1-й артиллерийский дивизион, береговые батареи которого должны были находиться на острове Нарген и полуострове Сууроппи (командир дивизиона являлся также комендантом острова Нарген); б) 2-й артиллерийский дивизион, береговые батареи которого должны были находиться на острове Вульф и полуострове Виимси (командир дивизиона являлся также комендантом острова Вульф); в) 3-й артиллерийский дивизион, стационарные береговые батареи которого должны были находиться на полуострове Пакри и островах Малый и Большой Роге; г) 4-й артиллерийский дивизион, чьи береговые батареи находились бы на острове Оденсхольм; д) 11-ю и 12-ю отдельные железнодорожные батареи¹¹⁰⁷.

Окончательное решение по данному вопросу было принято наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым в приказе № 00227 от 6 сентября 1940 г. и командующим КБФ В. Ф. Трибуцем в приказе № 00134 от 10 сентября 1940 г. В соответствии с ними, управление бывшего Лужского сектора БО Кронштадтской военно-морской базы было расформировано, а его личный состав был направлен на укомплектование Береговой обороны Главной базы (Таллин). Оставшиеся части Лужского сектора БО были переданы в Кронштадтский сектор Кронштадтской военно-морской базы КБФ¹¹⁰⁸.

Под сильное сокращение попало базовое строительство КБФ в восточной части Финского залива, главным объектом которого являлась новейшая военно-морская база в Усть-Луге, начатая постройкой ещё в далеком 1935-м году. К июлю 1940 года в Усть-Луге были уже выполнены строительные работы на общую сумму 172 млн. рублей. 24 августа наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым был подписан приказ № 00222, где говорилось, что во исполнение постановления Комитета обороны при СНК СССР за № 356сс от 14 августа 1940 года принято решение о сокращении объема строительства военно-морской базы флота в Лужской губе на общую сумму в 250-300 млн. рублей. В соответствии с принятым решением, следовало полностью исключить из состава технического проекта Лужской базы следующие объекты: гавань № 2, береговую базу подводных лодок с казарменным городком, госпитальный городок, радиоцентр, теплоэлектроцентры № 1 и 2, защищенные торпедные

¹¹⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 23.

¹¹⁰⁶ Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 498-499.

¹¹⁰⁷ Там же. Л. 499.

¹¹⁰⁸ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 46-48. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 529.

склады и прочие строения. Также разрешалось сократить объемы строительства гавани № 1 за счет передвижки сухого дока и уменьшения складов¹¹⁰⁹.

Тем временем, продолжалась формирование и передислокация новых береговых батарей. Согласно приказу командующего КБФ В. Ф. Трибуца № 00337 от 9 июля 1940 г., следовало числить сформированными и передислоцированными из Ораниенбаума в район Палдиски четырехорудийные 130-мм береговые батареи №№ 42 и 43: 130-мм береговая батарея № 42 – в Кихельконну, а 130-мм береговая батарея № 43 – в Хундсорт. Эти батареи были подчинены коменданту БО Балтийской ВМБ¹¹¹⁰. 24 июля командующим КБФ был издан приказ № 0368, где речь шла о передислокации с 7 июля 1940 г. личного состава батарей Кронштадтского сектора БО КВМБ из Кронштадта в Эстонию, для укомплектования там Береговой обороны БВМБ. Артиллерийские батареи распределялись в следующие пункты: на остров Вульф (Аэгна) – батареи №№ 311, 142, 132; на остров Нарген (Найссаар) – батареи №№ 331, 332; на полуостров Вимс (Виимси) – батареи №№ 114, 154; на полуостров Суруп (Сууруппи) – батареи №№ 131, 153¹¹¹¹.

24 июля 1940 г., командующий флотом В. Ф. Трибуц издал приказ № 0369, посвященный новым формированиям Береговой обороны КБФ. В нем говорилось о сформировании и передислокации с 1 июля 1940 г. четырехорудийных 130-мм береговых батарей №№ 27, 45, 46. Батареи перебрасывались из поселка Лебяжье в следующие места: батарея № 27 – на мыс Михайловский, батарея № 45 – в Вентспилс (Виндаву) и батарея № 46 – в Либапу (Либаву). Эти батареи во всех отношениях были подчинены коменданту сектора БО Либавской ВМБ. Правда, затем Штаб КБФ внес небольшое уточнение в данный приказ: батарея № 27 предназначалась в Либаву, батарея № 45 – в Вентспилс, а батарея № 46 – на мыс Михайловский¹¹¹². 16 августа командующий КБФ В. Ф. Трибуц объявил в своем приказе о сформировании и переброске с 28 июля 1940 г. четырехорудийной 130-мм береговой батареи № 44 из Ораниенбаума на полуостров Дагерорт. Эту батарею следовало включить в состав Береговой обороны Балтийского района КБФ с подчинением во всех отношениях коменданту БОБР КБФ¹¹¹³.

Ввиду столь массовой передислокации соединений и частей флота, и в первую очередь частей Береговой обороны, в новые базы в Прибалтике, требовалось закрепить все эти структурные изменения в организационном плане. Поэтому 5 июля 1940 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов подписал приказ № 00168, где объявил новую организацию и состав

¹¹⁰⁹ Прямуцкий С. Д., Агапов Н. Б. Указ. соч. С. 97. РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 134. Л. 233.

¹¹¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 311.

¹¹¹¹ Там же. Л. 494.

¹¹¹² Там же. Л. 330, 449.

¹¹¹³ Там же. Л. 343.

Краснознаменного Балтийского флота¹¹¹⁴. Данный приказ был призван отразить новое качественное состояние флота, в котором тот оказался в результате широкомасштабного перебазирования соединений КБФ в порты Эстонии и Латвии. Согласно приказу наркома, система базирования и Береговая оборона КБФ претерпели весьма существенные изменения.

Балтийская военно-морская база (БВМБ) отныне включала в себя командование, штаб и политотдел базы, Охрану рейдов; Береговую оборону в составе управления коменданта БО, 34-го артиллерийского дивизиона, четырех 180-мм батарей, одной 152-мм батареи, семи 130-мм батарей, шести 45-мм батарей и железнодорожного артдивизиона (батарей №№ 11 и 12), участок ПВО в составе 83-го и 202-го зенитных артдивизионов и десяти отдельных зенитных батарей, Балтийский район гидрографической службы, Службу наблюдения и связи в составе отделения связи и района СНиС с участками в Палдиски, Кердя и Курессааре, 10-ю смешанную авиационную бригаду в составе двух авиаполков, 1-ю особую бригаду морской пехоты, а также военный порт 2-го разряда в Палдиски¹¹¹⁵.

Этим же приказом, Главной базой (ГБ) КБФ был объявлен Таллин. В связи с данным изменением, военно-морская база Таллин была выведена из состава Балтийской военно-морской базы, а командование ГБ было возложено на Военный совет флота. В состав Главной базы были включены: Охрана водного района в составе группы сторожевых кораблей («Буря», «Циклон», «Тайфун»), 2-го дивизиона тральщиков (6 дизельных ТЩ), двух звеньев сторожевых катеров (6 СКА типа «МО-4») и охраны рейдов; участок СНиС с постами и станциями СНиС; военный порт 1-го разряда со складами и пожарной охраной; комендатура базы с отдельной флотской ротой¹¹¹⁶.

Потеряв свой прежний статус ГБ флота, Кронштадтская военно-морская база теперь включала в себя командование, штаб и политотдел базы, Охрану водного района в составе 4-го и 7-го дивизионов тральщиков (15 базовых ТЩ), двух дивизионов сторожевых катеров (8 СКА типа «МО-4» и 16 СКА типа «Рыбинский»), Охраны рейдов ГБ, двух сетевых заградителей и плавучих баз «Красная звезда» и «Яуза», 2-ю бригаду торпедных катеров в составе 1-го дивизиона волнового управления, 2-го дивизиона ручного управления, отряда опытовых торпедных катеров и 58-й авиаэскадрильи, Шхерный отряд в составе канлодки «Красное знамя», 5-го дивизиона тральщиков (7 ТЩ), дивизиона бронекатеров (26 БКА), звена сторожевых катеров (3 СКА типа «Рыбинский»), Отряды строящихся и капитально ремонтирующихся надводных и подводных кораблей, Учебный отряд, Балтийский флотский

¹¹¹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 101-112.

¹¹¹⁵ Там же. Л. 107-108.

¹¹¹⁶ Там же. Л. 110.

экипаж, Береговую оборону Кронштадтской ВМБ в составе Кронштадтского, Лужского, Выборгского и Гогландского секторов БО, участок ПВО и СНИС Кронштадтской базы¹¹¹⁷.

Также был объявлен и новый состав военно-морской базы Либава, в которую вошли командование, штаб и политотдел базы, отдельный отряд торпедных катеров (6 ТКА с береговой базой), Охрана водного района в составе 1-го дивизиона тральщиков (6 дизельных ТЩ), двух звеньев сторожевых катеров (6 СКА типа «МО-4») и двух охран рейдов, сектор БО в составе одной 180-мм железнодорожной батареи № 18, отдельных 130-мм батарей №№ 23, 27, 45, 46 и 40, участок ПВО в составе 84-го зенитного артиллерийского дивизиона и двух отдельных зенитных батарей, 43-я отдельная авиаэскадрилья, флотский полуэкипаж, СНИС Лиепая в составе отделения связи, района СНИС с участком в Вентспилсе, военный порт 1-го разряда, санитарное отделение военно-морским госпиталем¹¹¹⁸.

А 9 июля 1940 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов отдал приказ, который предписывал через шесть дней (т.е. к 15 июля) Военному совету флота, Штабу флота, Тылу, Главному военному порту, а также всем отделам КБФ изменить место дислокации с Кронштадта на Таллин. Как признавал впоследствии сам командующий КБФ В. Ф. Трибуц, *«поднять такую махину, за короткий промежуток времени в момент разгара боевой подготовки и строительства и в этот момент перебазировать на Запад еще несколько тысяч человек – для нас было делом нелегким»*. Дело в том, что один лишь аппарат центральных учреждений и отделов флота, вместе с караульными ротами составлял не менее 4 тысяч человек, 46 больших и малых воинских частей, а также различное имущество, оборудование и снабжение. Тем не менее, даже в такой короткий срок, не имея в Таллине ни одного метра своей служебной и жилой площади, как отмечал Трибуц, *«Балтфлот в основном справился, не прерывая ни на один день руководства частями и соединениями»*¹¹¹⁹. На самом деле, Военный совет, Штаб флота и различные учреждения КБФ полностью перебазировались в Таллин лишь к 20 июля¹¹²⁰.

Несмотря на принятое решение о месте расположения Штаба и командного пункта КБФ, данный вопрос вновь возникнет в самом конце 1940-го года. Как говорилось выше, в июле Н. Г. Кузнецов однозначно решил эту проблему в пользу Таллина (хотя еще весной 1940-го года нарком ВМФ предлагал для этой цели Палдиски). Однако, это решение, принятое в директивном порядке, оказалось в тот момент несколько поспешным. Поэтому, 7 декабря 1940 г. командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц представил для доклада наркому ВМФ свои соображения по этому поводу: *«Нет окончательного решения о*

¹¹¹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 104-107.

¹¹¹⁸ Там же. Л. 109-110.

¹¹¹⁹ Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 63.

местонахождении штаба и отделов флота в связи с отсутствием окончательного решения по строительству базы Палдиски. Это в свою очередь, вызывает задержку в составлении задания на защищенный командный пункт штаба, радицентра и других учреждений для обслуживания штаба флота...». Заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков предлагал выбрать военно-морскую базу Палдиски в качестве места для пребывания штаба и командного пункта флота¹¹²¹.

В итоге нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов 9 декабря 1940 г. принял компромиссное решение, считая целесообразным *«найти место между Палдиски и Таллином»*. В соответствии с этим решением, командующий КБФ потребовал назначить комиссию по выбору места для Штаба флота и доложить предложения наркому ВМФ¹¹²². Наконец, 10 января 1941 г. заместитель начальника ГМШ В. А. Алафузов сообщил начальнику Инженерного управления ВМФ П. И. Судьбину, начальнику Управления связи ВМФ Гаврилову, а также Военному совету КБФ решение наркома ВМФ по поводу строительства флотского радицентра – *«строить в районе Палдиски южнее самой базы»*¹¹²³.

Несмотря на колебания среди руководства ВМФ, именно Таллин летом 1940 г. был назначен Главной базой Краснознаменного Балтийского флота, хотя в этом были определенные неудобства, и прежде всего, наличие торгового порта и крупного города рядом с военно-морской базой. Не следует забывать, что в середине ноября 1939 г. руководством ВМФ СССР было принято решение построить в городе Палдиски большую военно-морскую базу. Первоначально запланированная смета строительства новой базы флота составила огромную сумму в 502 млн. рублей. В 1940-м году было развернуто широкомасштабное строительство ВМБ Палдиски. В порту началось сооружение большой гавани, различных складов и базовых сооружений. Строительство базы Палдиски было окончательно утверждено постановлением СНК СССР № 858-366сс от 9 апреля 1941 г. Общая сумма капиталовложений по строительству новой военно-морской базы в Палдиски была определена уже в 590 млн. рублей. Решением наркома ВМФ № 0041 от 10 мая 1941 г. проектное задание на базу Палдиски было утверждено¹¹²⁴. Что же касается статуса Таллина, то постановлением СНК СССР № 381-171/с от 1 марта 1941 г. он был объявлен закрытым портом¹¹²⁵.

¹¹²⁰ Красавкин В. К., Смуглин Ф. С. Здесь град Петра и флот навеки слиты. История морских частей в городе на Неве (1703-2003). Историко-документальный очерк. СПб., 2004. С. 278.

¹¹²¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 711. Л. 64.

¹¹²² Там же. Л. 64.

¹¹²³ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 67. Л. 1.

¹¹²⁴ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 67. Л. 112, 113. Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914-1941. С. 688. Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. С. 671.

¹¹²⁵ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1. Л. 63.

Как уже говорилось, весной и летом 1940 г. начался процесс ускоренного перевода органов управления, соединений и частей надводных, подводных, военно-воздушных сил и береговой обороны КБФ в новые военно-морские базы в Прибалтике. В результате, морские и железнодорожные перевозки для нужд флота резко возросли в этот период. Если в марте и апреле из Ленинграда в Эстонию и Латвию было отправлено по железной дороге 1333 и 825 вагонов, то в мае, июне и июле 1940 года – уже 2579, 2090 и 2056 вагонов соответственно¹¹²⁶. Морские перевозки в интересах КБФ также постоянно увеличивались: в марте и апреле на запад (включая базу Ханко) было отправлено 4 тыс. тонн воинских грузов, 4 тыс. человек и 250 лошадей, в мае – 7 тыс. тонн воинских грузов и 6 тыс. человек (только в Прибалтику), в июне – уже 13 тыс. тонн воинских грузов, 5 тыс. тонн строительных материалов и 10 тыс. человек, в июле – 3 тыс. тонн воинских грузов, 27 тыс. тонн строительных материалов и 4 тыс. человек, а в августе – 11 тыс. тонн воинских грузов, 43 тыс. тонн строительных материалов и 8 тыс. человек¹¹²⁷. Итак, произошло резкое увеличение масштабов перевозок (особенно военных грузов и строительных материалов) в течение лета 1940-го года.

Тем не менее, заданные СНК СССР и командованием ВМФ ударные темпы строительства береговых батарей в Прибалтике (и в первую очередь, в Эстонии) не выдерживались, грозя общим срывом планов по оборонительному строительству в 1940-м году. Происходило это из-за внезапного и первоначально незапланированного командованием КБФ масштабного перебазирования сил флота в страны Прибалтики. Возникшие проблемы по организации срочных перевозок строительных материалов и материальной части батарей, возложенные на командование КБФ, приводили к многочисленным случаям несогласованных действий в работе различных наркоматов и ведомств. Это не могло не накладывать отпечаток на ход строительных работ в новых прибалтийских базах. (Нельзя также забывать то обстоятельство, что объемы нового строительства в Прибалтике носили беспрецедентный характер: из выделенных Военно-Морскому Флоту в 1940-1941 г. финансовых средств более 90% было вложено в освоение западных районов¹¹²⁸.)

Например, 20 июля 1940 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов направил председателю КО при СНК СССР маршалу К. Е. Ворошилову директиву № 3090с, где выразил серьезное беспокойство по поводу возможного срыва сроков оборудования железнодорожных артиллерийских позиций в Эстонии и Латвии. Дело в том, что в соответствии с постановлением КО при СНК СССР от 20 июня 1940 г. № 266/сс, план

¹¹²⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 53.

¹¹²⁷ Там же. Л. 50.

¹¹²⁸ Курмышов В. М. Развертывание военно-морских баз и Береговой обороны в Прибалтике в феврале 1940-июне 1941 года // Военно-исторический журнал. 2005. № 2. С. 19.

строительства в Прибалтике железнодорожных позиций следовало закончить к 1-му августа. Но ввиду некомплектной поставки Главметаллосбытом в первом полугодии 1940 г. 3 тыс. тонн рельс, работы по укладке путей задерживались. В то же время, *«неоднократные обращения в Главметаллосбыт и в Наркомат черной металлургии дозаярдить недостающие крепления и отгрузить занаряженные, не дали положительных результатов»*¹¹²⁹. В связи с вышесказанным, Кузнецов попросил К. Е. Ворошилова дать указания Наркомату черной металлургии в кратчайший срок поставить: необходимое количество материалов.

Или же, 25 июля 1940 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов направил целый ряд писем в разные наркоматы, которые были посвящены одной и той же теме – недопоставках строительных материалов и оборудования для нужд оборонного строительства КБФ в Прибалтике. Об этом говорилось в письмах наркому лесной промышленности Ф. В. Сергееву, наркому электропромышленности В. В. Богатыреву, наркому промышленности строительных материалов Л. А. Соснину, наркому путей сообщения Л. М. Кагановичу, наркому общего машиностроения П. И. Паршину, наркому тяжелого машиностроения А. И. Ефремову и другим руководителям¹¹³⁰. В переписке нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов отмечал многочисленные факты невыполнения плана поставок оборудования и строительных материалов в положенный срок и настаивал на их срочной высылке по месту строительств.

Тема несвоевременных поставок материалов неоднократно поднималась руководством ВМФ и в дальнейшем. Так, 16 августа начальник ГМШ Л. М. Галлер направил письмо наркому промышленности стройматериалов Л. А. Соснину, где вновь поднял тему о невысылке строительных материалов. Галлер просил Соснина немедленно отгрузить подготовленные 611 вагонов и занарядить с отгрузкой в августе месяце дополнительно 300 вагонов цемента¹¹³¹. А 12 сентября заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков в письме наркому внешней торговли А. И. Микояну отмечал, что строительные работы, осуществляемые непосредственно Наркоматом ВМФ на территории Эстонской и Латвийской республик, *«испытывают острую нужду в пиломатериале и круглом лесе»*. Происходила систематическая недопоставка круглого леса и пиломатериала по выделяемым фондам, что срывало выполнение плана строительных работ 1940-го года. В связи с этим, Исаков просил разрешить закупку пиломатериала и круглого леса на местных рынках в Эстонской и Латвийской социалистических республиках¹¹³².

¹¹²⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 167. Л. 704.

¹¹³⁰ Там же. Д. 221. Л. 415-426.

¹¹³¹ Там же. Л. 507.

¹¹³² Там же. Л. 564-565.

Неудивительно, что при таком положении дел с поставкой оборудования и стройматериалов, сооружение оборонных объектов для ВМФ продвигалось крайне медленно. 9 августа 1940 г. командование ВМФ представило наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову и наркому по строительству С. З. Гинзбургу справку о ходе выполнения плана капитального строительства по флотам по состоянию на 1 июля 1940 года. Из справки следовало, что ситуация с оборонным строительством на Балтике выглядит крайне напряженно. При годовом плане строительства КБФ 1940-го года в 332,7 млн. рублей, за полгода флотом было фактически освоено только 69,8 млн. рублей (т.е. 21,0% выполнения). На создание Береговой обороны в Эстонии и Латвии на 1940-й год было выделено 160,3 млн. рублей, но за первые полгода было освоено всего лишь 19,6 млн. рублей (12,4%). Самыми низкими темпами шло строительство базы в Палдиски: при годовом плане в 82,0 млн. рублей здесь за полгода было выполнено работ только на 8,3 млн. рублей (10,2%)¹¹³³. Данная ситуация не внушала оптимизма, хотя и имела свои конкретные объяснения.

Разговор на эту неприятную для военно-морского командования тему был продолжен 24 августа, когда председатель Комитета обороны (КО) при СНК СССР маршал К. Е. Ворошилов в своем письме № 785сс сообщил наркому ВМФ адмиралу Н. Г. Кузнецову о содержании поступившей к нему докладной записки главного контролера КО при СНК СССР А. С. Новикова, посвященной вопросу ведения оборонительного строительства на полуострове Ханко и в Эстонии, и попросил принять немедленные меры по устранению перечисленных недостатков, а о намеченных мероприятиях сообщить в Комитет обороны в 5-ти дневный срок¹¹³⁴.

В записке Новикова говорилось, что группой контролеров Комитета обороны, командированных на места строительства военно-морских баз Ханко и Палдиски, было установлено, что решения КО при СНК СССР за №№ 417, 266 и 267 Наркоматом ВМФ в установленные сроки не выполнялись, поэтому намеченный на 1940-й год план строительства оборонных объектов может быть сорван, если не будут приняты решительные меры. Отмечалось, что материальная обеспеченность оборонного строительства позволяла выполнить указанный объем работ, но из-за плохой работы Транспортно-заготовительного отдела КБФ в Ленинградском порту стройматериалы задерживались, поэтому сроки строительства были сорваны. Соответственно, береговая оборона военно-морских баз Ханко и Палдиски, как отмечал А. С. Новиков, оставалась «полностью не обеспечена».

Главный контролер Комитета обороны представил краткие статистические данные о фактическом состоянии готовности строительства по состоянию на 5 августа 1940 года.

¹¹³³ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 172. Л. 513.

¹¹³⁴ Там же. Л. 368.

Всего предполагалось в 1939-м году построить 8 береговых батарей, но фактически было построено только 3 батареи. В 1940-м году требовалось построить уже 11 береговых батарей, фактически же к 5 августа было сооружено только 4 батареи. Понятно, что такие темпы работ по сооружению оборонительных объектов не обеспечивали выполнение плана 1940-го года и не никак не могли устроить высшее военное руководство¹¹³⁵.

Одной из основных причин крайне медленного хода строительства являлась плохая работа Транспортно-заготовительного отдела по материально-техническому снабжению строительства КБФ. Промышленность своевременно не подавала для строительства основные материалы и механизмы. В итоге, произошло затоваривание складов в Ленинграде при остром недостатке материалов и механизмов на строительстве. Погрузка на транспорты и железную дорогу в Ленинграде производилась без какого-либо учета потребности строительства ВМФ в тех или иных материалах. Поэтому необходимые для строительства материалы отсутствовали, а склады были забиты ненужными материалами¹¹³⁶.

Другой причиной срыва плана строительства был недостаток рабочей силы на объектах. Оборонное строительство было обеспечено рабочей силой только на 60%. Строительное управление ВМФ с июля 1940 г. имело полную возможность нанять эстонских рабочих для строительства казарменных городков, однако эта возможность не была использована и темпы строительства городков в значительной степени задерживались из-за недостатка рабочих. Несмотря на то, что наличие строительных батальонов не обеспечивало выполнение плана 1940-го года, руководство Наркомата ВМФ вопроса об этом перед Совнаркомом не ставило¹¹³⁷.

Ещё одним крупным недостатком при строительстве была необеспеченность строительства технической документацией. Не имелось целого ряда проектов, изготовление которых в Центральном проектном бюро Инженерного управления ВМФ шло крайне медленно. Отсутствовали проекты водоснабжения, канализации и электроснабжения по 9 батареям (Пакри, Оденсхольм, Тахкуна, Церель и др.). Непродуманное составление титульных списков Инженерным управлением ВМФ привело к тому, что в течение полугодия они менялись по 4 раза. Не указывалась хотя бы ориентировочно, полная сметная стоимость объекта и сроки ввода его в эксплуатацию. Указанная в титульных списках стоимость объектов не обосновывалась каким-либо расчетом и резко расходилась с фактической стоимостью¹¹³⁸.

¹¹³⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 172. Л. 369.

¹¹³⁶ Там же. Л. 370-372.

¹¹³⁷ Там же. Л. 373.

¹¹³⁸ Там же. Л. 373-375.

Из-за плохого контроля за строительством со стороны руководства Наркомата ВМФ (в первую очередь, заместителя наркома ВМФ Г. И. Левченко и начальника Строительного управления ВМФ Г. П. Комарова), постановления Комитета обороны при СНК СССР систематически не выполнялись. Выводы по этому поводу А. С. Новиков делал совершенно однозначный вывод о том, что, несмотря на большое количество командировок в Эстонию работников НКВМФ и личные поездки Левченко, Комарова и Судьбина, *«до последнего времени не были обнаружены царящие на строительстве и в Транспортно-Заготовительном отделе факты бесхозяйственности, неорганизованности и прямого преступления...»*. В заключение, А. С. Новиков предложил председателю КО при СНК СССР К. Е. Ворошилову обязать наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова в декадный срок полностью обеспечить строительство недостающей технической документацией, а также в десятидневный срок упорядочить работу Транспортно-заготовительного отдела в Ленинградском порту¹¹³⁹.

В положенный срок, 30 августа 1940 г. заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков направил председателю Комитета обороны при СНК СССР маршалу К. Е. Ворошилову свой доклад № 3702сс, в котором доложил о причинах неудовлетворительного положения с оборонным строительством на полуострове Ханко и в Эстонии, а также о принятых мерах по устранению указанных недостатков и форсированию оборонительных работ. По словам заместителя наркома ВМФ, план строительства по состоянию на 20 августа 1940 г. был выполнен в денежном выражении на 26%, впрочем, *«физическое выполнение плана выше, так как многие работы выполняются силами войсковых частей»*. В количественном отношении, оборонительные работы продвигались следующим образом. Из 27 батарей крупного и среднего калибров, которые следовало ввести в строй в 1939-1940 годах, было введено на 20 августа лишь 13 батарей. На всех остальных батареях работы были развернуты полностью на всех объектах. В сентябре месяце вводились дополнительно 6 батарей¹¹⁴⁰.

Далее Исаков перешел к изложению конкретных причин, которые помешали выполнению плана строительства Береговой обороны в Прибалтике. Во-первых, очень поздно были развернуты работы на островах Эзель, Даго и Оденсхольм. Дело в том, что постановление Экономического совета по вопросам материального обеспечения за № 1385-33сс состоялось лишь 10 декабря 1939 года. В нём был определен порядок поступления материалов в декабре 1939 и январе 1940 года. Это совпало с закрытием навигации по Финскому заливу и военными действиями с Финляндией. Поэтому все грузы были

¹¹³⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 172. Л. 376.

¹¹⁴⁰ Там же. Л. 378.

направлены по железной дороге на Палдиски, куда они начали поступать только в конце января. Значительная часть грузов из-за задержек в пути, в связи с военными действиями, поступила только в марте-апреле 1940 года¹¹⁴¹.

Острова Эзель и Даго к концу января 1940 г. оказались практически отрезанными от материка ледяным покровом, и переброска пароходами грузов для строительства на этих островах стала возможной лишь с 10 мая 1940 г. Ледоколы в это время были заняты на военных операциях и не были предоставлены в распоряжение строительных органов. Строительные организации Наркомата ВМФ в Эстонии не организовали своевременную переброску грузов на острова после освобождения Моонзундского пролива ото льда. По договору с бывшим правительством Эстонской республики остров Оденсхольм был передан Советскому Союзу 10 июня 1940 года. Места под строительство батарей были выбраны к 30 июня. Лишь после этого строители смогли развернуть работы по всем объектам¹¹⁴².

По мнению И. С. Исакова, мероприятия по срочной корректировке плана работ на 1940-й год сводились к тому, что строительные организации на полуострове Ханко и в Эстонии были нацелены, прежде всего, на сооружение тяжелых батарей. К последним относились железнодорожные позиции 305-мм и 180-мм батарей на Ханко, 305-мм башенная батарея на острове Руссарэ, железнодорожные 356-мм и 180-мм батареи на полуострове Пакри, башенные 180-мм батареи на островах Даго (мыс Тахкуна), Эзель (мыс Сворбе) и Оденсхольм. Основная рабочая сила, материалы, механизмы, транспорт, лучшие руководящие кадры были сосредоточены на строительстве именно этих батарей, чтобы не допускать распыления сил. После пересмотра графика работ строительных батальонов, был увеличен ежедневный выход личного состава на работы. Были привлечены к строительству батарей все сформированные части этих батарей. Строительство береговых батарей было переведено на круглосуточную работу¹¹⁴³.

Помимо объективных причин, замедлявших процесс оборонного строительства в новых прибалтийских базах, имели место и такие факторы, как нераспорядительность начальников строительств и отсутствие должного контроля за их деятельностью со стороны высших инстанций. 11 мая 1940 г. нарком по строительству С. З. Гинзбург в своем письме, адресованном наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову, обратил внимание последнего на *«крайнюю медлительность формирования строительных батальонов для этого строительства»*¹¹⁴⁴. Согласно постановлению КО при СНК СССР № 90сс от 26 февраля 1940 г., первый батальон должен был находиться на месте строительства к 1 апреля 1940-го года, но фактически он

¹¹⁴¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 172. Л. 378-379.

¹¹⁴² Там же. Л. 379.

¹¹⁴³ Там же. Л. 382-383.

¹¹⁴⁴ Там же. Д. 221. Л. 228.

прибыл лишь 1 мая, т.е. с опозданием на месяц. Следующие два строительных батальона должны были быть на месте к 1 мая 1940 г., а в действительности один из них ещё только формировался в Николаеве и мог быть отправлен не ранее 15 мая. К формированию второго батальона в Ленинграде ещё только приступали и срок его отправки оставался неизвестным.

Указывая на эти обстоятельства, С. З. Гинзбург просил наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова отдать распоряжение *«о всемерном форсировании организации указанных батальонов и снабжении их всем необходимым довольствием»*¹¹⁴⁵. Однако, время шло, а ситуация с формированием и отправкой строительных частей в Прибалтику продолжала оставаться крайне напряженной. 12 сентября 1940 г. нарком по строительству С. З. Гинзбург направил председателю КО при СНК СССР маршалу К. Е. Ворошилову письмо, где сообщал ему, что решением Комитета обороны № 90сс на строительство военно-морской базы в Палдиски следовало передать к 1 июня 1940 г. 6 строительных батальонов. В то же время, несмотря на предписанные сроки, Наркомату по строительству было передано только 5 строительных батальонов, причем с большим опозданием. Поэтому нарком по строительству просил председателя КО при СНК СССР дать указание Наркомату ВМФ немедленно направить шестой батальон в распоряжение наркомстроя для строительства базы в Палдиски¹¹⁴⁶.

Как уже говорилось выше, в течение лета-осени 1940 г. командование ВМФ искало оптимальный вариант схемы базирования КБФ в новых условиях. Директива наркома ВМФ № 00168 от 5 июля 1940 г. во многом носила переходный характер, поскольку допускала наличие сразу двух крупных военно-морских баз – Главной и Балтийской, находившихся в одном и том же районе (Таллин – Палдиски). Подобное дублирование функций неизбежно должно было привести в дальнейшем к сосредоточению сил и средств КБФ в одном месте. С целью внести ясность в этот вопрос, 6 сентября 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов издал приказ № 00227, где окончательно упорядочил структуру базирования Краснознаменного Балтийского флота в Прибалтике. Во-первых, были расформированы командование и штаб Балтийской военно-морской базы. Во-вторых, было создано Управление Береговой обороны Главной базы (БО ГБ) КБФ с дислокацией в Палдиски¹¹⁴⁷.

Наибольшие реорганизации в период лета-осени 1940 г. испытала Береговая оборона КБФ. 9 сентября 1940 г. Военный совет КБФ представил наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову доклад, где сформулировал свои предложения по поводу дальнейшей стратегии развития береговой обороны флота. По мнению совета, создание передового оборонительного рубежа в устье Финского залива на линии полуостров Ханко – остров Осмуссаар (Оденсхольм) и укрепление островов Эзель и Даго в основном решит задачу обороны восточной части

¹¹⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 221. Л. 228.

¹¹⁴⁶ Там же. Л. 721.

Финского залива, поэтому дальнейшее содержание БО Кронштадтской базы в прежнем составе представлялось нецелесообразным. Поэтому Военный совет КБФ ходатайствовал перед наркомом ВМФ о реорганизации БО Кронштадтской военно-морской базы «в сторону сокращения», что давало возможность усилить Береговую оборону военно-морских баз Ханко, Таллин и Либава¹¹⁴⁸. К докладу Военного совета флота были приложены «Оперативно-тактические обоснования необходимости реорганизации БО Кронштадтской военно-морской базы КБФ»¹¹⁴⁹. Нарком ВМФ своими приказами № 227 от 6 сентября 1940 г. и № 0825 от 31 октября 1940 г. утвердил данные предложения Военсовета флота¹¹⁵⁰.

В качестве окончательного итога, командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц в своем приказе № 00134 от 10 сентября 1940 г. объявил новый состав БО в Прибалтике. Было сформировано Управление Береговой обороны Главной базы (БО ГБ) КБФ. В состав БО ГБ вошли 94-й отдельный береговой артиллерийский дивизион с дислокацией на острове Аэгна (Вульф) и 96-й отдельный береговой артиллерийский дивизион с дислокацией на острове Найссаар (Нарген). Кроме того, в состав БО ГБ КБФ был введен ранее сформированный 34-й отдельный береговой артиллерийский дивизион, с включением в его состав 11-й и 12-й отдельных железнодорожных артиллерийских батарей, расположенных в районе Палдиски, и с расформированием управления 1-го отдельного железнодорожного артдивизиона¹¹⁵¹.

1 октября 1940 г. командующим КБФ В. Ф. Трибуцем был подписан приказ № 00147, где был объявлен состав Береговой обороны Балтийского района (БОБР). В её состав вошли артиллерийские и другие войсковые части, расположенные на островах Осмуссаар (Оденсхольм), Хийуумаа (Даго) и Сааремаа (Эзель). БОБР включала в себя два сектора Береговой обороны – Северный и Южный. В состав Северного сектора включались следующие батареи и воинские части, расположенные на островах Осмуссаар и Хийуумаа: управление сектора БО в Кердя, четырехорудийная 180-мм башенная батарея № 315 с дислокацией на полуострове Симпернес, четырехорудийная 180-мм башенная батарея № 314 на острове Осмуссаар, трехорудийная 152-мм батарея № 12 на мысе Серошс, четырехорудийная 130-мм батарея № 26 на полуострове Симпернес, четырехорудийная 130-мм батарея № 42 на полуострове Дагерорт, четырехорудийная 130-мм батарея № 44 на мысе Тоффри и четырехорудийная 100-мм батарея № 149 на мысе Палли¹¹⁵².

В состав Южного сектора БОБР были включены следующие войсковые части и береговые батареи, расположенные на острове Сааремаа: управление БО Балтийского района

¹¹⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 46.

¹¹⁴⁸ Там же. Л. 62-63.

¹¹⁴⁹ Там же. Л. 64-71.

¹¹⁵⁰ Там же. Д. 171. Л. 46-48. Д. 172. Л. 17-19.

¹¹⁵¹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 527-528.

¹¹⁵² Там же. Л. 521-522.

с дислокацией в Курессааре, 3-ю отдельная стрелковая бригада, 4-я отдельная рота связи в Курессааре, 10-я отдельная саперная рота в Курессааре, четырехорудийная 180-мм башенная батарея № 316 на полуострове Сворбе, четырехорудийная 180-мм башенная батарея № 317 в Ниннасте, четырехорудийную 130-мм батарею № 24 в Кихельконде, четырехорудийную 130-мм батарею № 25 на полуострове Хундсорт, четырехорудийную 130-мм батарею № 43 в Кюбассааре¹¹⁵³.

Тем временем, командование Краснознаменным Балтийским флотом пыталось расширить уже имевшуюся систему базирования флота. 18 сентября 1940 г. начальник Штаба КБФ контр-адмирал Ю. А. Пантелеев направил начальнику ГМШ адмиралу Л. М. Галлеру рапорт, где изложил своё мнение о дальнейших путях развития системы базирования. Предложения Пантелеева базировались на оперативной оценке театра и произведенной рекогносцировке. В первую очередь, речь шла о создании маневренных баз для торпедных катеров. Для нужд кратковременного базирования торпедных катеров (из расчета 6-7 суток) необходимы были следующие пункты в Прибалтике: для операций в средней части Финского залива – маневренные базы Харалахт и Сууркуля; для обороны устья Финского залива – маневренные базы Палдиски, Лехтмаа, Суурсадам; для обороны северной части Балтийского моря и подходов к Мухувэйн, Созловэйн – маневренные базы Рохукюля, Орьяки, Тринги, Иагераху, Кюдемалахт; для обороны Ирбенского пролива и для действий в средней части Балтийского моря – маневренные базы в порту Вентспилс и в гаванях Монти, Ромассар, Мереракс и Даугавгрива. Для нужд длительного базирования сил флота Ю. А. Пантелеев предлагал бухты Харалахт (гавань Локса), гавань Даугавгрива, порт Вентспилс, гавань Рохукюля (Рогекюль)¹¹⁵⁴.

Согласно подсчетам, представленным Ю. А. Пантелеевым, стоимость оборудования одной маневренной базы, предназначенной для длительного базирования, выражалась в сумме от 750 тыс. до 1 млн. рублей. Таким образом, сумма строительства всех четырех предполагаемых маневренных баз флота должна была составить не менее 3 млн. рублей. Что касается цены оборудования базы для кратковременного базирования, то она выражалась в сумме 450 тыс. рублей. Соответственно, для создания 11 маневренных баз требовалось не менее 5 млн. рублей. В итоге, полная стоимость всех работ по созданию системы маневренного базирования в Прибалтике составляла не менее 8 млн. рублей¹¹⁵⁵.

Предложение начальника штаба КБФ Пантелеева заинтересовало вышестоящее командование, и 23 декабря 1940 г. Штаб КБФ представил Военному совету флота оперативно-тактические задания на реконструкцию и развитие военно-морских баз Рига и

¹¹⁵³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 522-523.

¹¹⁵⁴ Там же. Оп. 2. Д. 719. Л. 40-41.

Рогекюль (Рохукюля). В соответствии с «Оперативно-тактическим заданием на восстановление и развитие гавани Рогекюль», там предусматривалось постоянное базирование одного дивизиона подлодок типа «М» (6 единиц), двух отрядов торпедных катеров типа «Г-5» (12 единиц), вспомогательных судов (2 судна) и маневренное базирование одного дивизиона эсминцев типа «Гневный» (4 эсминца) и трех дизельных тральщиков¹¹⁵⁶.

Согласно «Оперативно-тактическому заданию на реконструкцию и перспективное развитие базы КБФ Рига», в районе Даугавгривы предполагалось постоянное базирование в мирное и военное время двух крейсеров, восьми эсминцев типа «Гневный», трех сторожевых кораблей, одного минного заградителя, 6 базовых тральщиков, дивизиона подлодок типа «С» (4 лодки), дивизиона торпедных катеров (18 катеров), двенадцати сторожевых катеров типа «МО-4» и шести вспомогательных судов¹¹⁵⁷.

После утверждения оперативно-тактических заданий Военным советом КБФ, начальник штаба флота контр-адмирал Ю. А. Пантелеев 26 декабря направил их на утверждение начальнику ГМШ адмиралу И. С. Исакову¹¹⁵⁸. Итогом рассмотрения стала директива заместителя начальника ГМШ В. А. Алафузова № 17740сс от 27 декабря 1940 г., где говорилось о форсировании работ по восстановлению и развитию портов Рига и Рогекюль «в соответствии с планом мирного 1941 года»¹¹⁵⁹. 6 января 1941 г. начальник Штаба КБФ Ю. А. Пантелеев в своем докладе заместителю начальника ГМШ В. А. Алафузову вновь вернулся к этой теме и посетовал на отсутствие исходных данных для составления оперативно-тактических заданий для дальнейшего формирования военно-морских баз. Дело в том, что на 1941-й год, согласно схеме организационно-мобилизационного развертывания, на Балтике предполагалось сформировать две новые военно-морские базы. В связи с этим, Пантелеева интересовали такие вопросы, как характер баз (маневренные или постоянные), количество и классы боевых кораблей для базирования в них, точные географические пункты для размещения баз и краткие геологические и описательные данные¹¹⁶⁰.

Командованием флота прорабатывались и другие варианты создания военно-морских баз на Балтике. В начале декабря 1940 г. командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц докладывал наркому ВМФ адмиралу Н. Г. Кузнецову о необходимости проработки вопроса с базированием Отряда легких сил и 1-й бригады подлодок КБФ. Дело в том, нарком ещё

¹¹⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 719. Л. 42-43.

¹¹⁵⁶ Там же. Д. 722. Л. 46-48.

¹¹⁵⁷ Там же. Л. 55-56.

¹¹⁵⁸ Там же. Л. 63.

¹¹⁵⁹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 301-302.

¹¹⁶⁰ Там же. Д. 172. Л. 12-13.

раньше распорядился о постоянном базировании Отряда легких сил КБФ в Риге, при этом *«используя Либаву, как маневренную базу для пополнения запасов в мирное время»*. Это же предполагалось и в отношении 1-й бригады подводных лодок, которая базировалась в Либаве со всем береговым хозяйством и складами. В связи с этим, командующий КБФ В. Ф. Трибуц просил наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова окончательно утвердить дислокацию вышеуказанных соединений КБФ по мирному времени¹¹⁶¹.

Заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков посчитал данный вопрос сложным, поскольку следовало последовательно подготавливать *«еще один пункт маневренного базирования ОЛС на Рижский залив, Моонзунд или Кейгусте»*. Это давало возможность существенно сократить переход кораблей в мирное время. Поэтому 13 декабря Исаков поручил Оперативному управлению ГМШ подготовить свои соображения по поводу постоянного и маневренного базирования сил КБФ, оперирующих из Либавы и Рижского залива¹¹⁶². Понятно, почему командующий КБФ В. Ф. Трибуц с тревогой отметил в своем отчете по боевой подготовке флота за 1940-й год, что на прохождение боевой подготовки флотом сильно влияет *«неустановившаяся еще до сих пор дислокация некоторых плавающих соединений и отдельных кораблей»*. Из-за этой неопределенности командование КБФ не могло принять принципиального решения о размещении запасов продовольствия, боезапаса, топлива для обеспечения кораблей, а также решить вопрос с бытовым устройством семей командиров¹¹⁶³.

27 декабря 1940 г. Военный совет КБФ представил наркому ВМФ доклад, где поставил вопрос о формировании специального Отряда судов обороны Ирбенского пролива с базированием на Рижский военный порт. В качестве весомого довода в пользу именно такого решения, Военный совет Балтфлота указывал на опыт войны 1914-1918 гг., а также опыт проведенных учений КБФ в 1940-м году, которые показали *«большое оперативное значение Ирбенского направления не только для обороны островов, но и для обеспечения района минной позиции в устье Финского залива и тыла ГБ флота»*. Исходя из оценки указанного оперативного направления и необходимости использования для обороны пролива различных сил флота (эсминцы, канонерки, сторожевые корабли, тральщики, торпедные катера, ВВС), как полагало командование КБФ, требовалось объединить все эти средства в одних руках для того, чтобы ещё в мирное время начать освоение пролива, методов его обороны и иметь здесь одного командира, отвечающего за оборону позиции в целом¹¹⁶⁴.

¹¹⁶¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 180. Л. 7.

¹¹⁶² Там же. Л. 7.

¹¹⁶³ Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 142.

¹¹⁶⁴ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 167. Л. 305-306.

С этой целью Военный совет КБФ предложил учредить специальный Отряд судов обороны Ирбенского пролива в составе канонерской лодки «Красное знамя», трех тральщиков, одного дивизиона подлодок типа «М», одного отряда торпедных катеров, одного дивизиона сторожевых катеров типа «МО-4» и одной авиаэскадрильи разведчиков «МБР-2». Постоянное базирование отряда предполагалось в Рижском военном порту, а маневренное базирование – в Кюressаре, в районе полуострова Сырве (Сворбе). Командир отряда должен был подчиняться в оперативном отношении командиру Либавской военно-морской базы. Все материально-техническое обеспечение отряда следовало возложить на военный порт в Риге¹¹⁶⁵.

Однако, предложение Военного совета КБФ не нашло поддержки у наркома ВМФ, который счел его *«в корне неправильным»*. Кузнецов посчитал, что Военный совет КБФ хотел усложнить структуру флота и при этом не учитывал уже имевшиеся соединения, такие как Шхерный отряд и Отряд легких сил в Рижском заливе. Чтобы избежать лишних организационных мероприятий, Военный совет КБФ предложил образовать штаб отряда на базе штаба Либавской базы. Начальник ГМШ адмирал И. С. Исаков приказал своему заместителю контр-адмиралу В. А. Алафузову представить свои соображения по этому вопросу¹¹⁶⁶. В итоге, в этот же день, 27 декабря заместитель начальника ГМШ В. А. Алафузов издал директиву, где потребовал *«форсировать работы по восстановлению и развитию портов Рогекюль и Рига в соответствии с планом мирного 1941 года»*¹¹⁶⁷.

6 февраля 1941 г. заместитель начальника ГМШ В. А. Алафузов направил начальнику штаба И. С. Исакову доклад по поводу создания и организации военно-морской базы в Риге (Усть-Двинске). Алафузов сразу же отметил, что *«создавать новое командование и штаб нецелесообразно»*. При этом он учел предложения Военного совета КБФ и попросил дать ему указания по поводу подготовки перевода командования и штаба Либавской базы в Ригу, оставив в Либаве лишь Охрану водного района, военный порт, участок СНиС и береговую оборону. После проведения подобной реорганизации военно-морская база Либавы должна будет войти *«в узел ВМБ Рига-Либавы»*. В дальнейшем, в Либавской базе предполагалось создать командование и штаб, с подчинением командиру ВМБ Рига. Перебазирование надводных кораблей и подлодок из состава Отряда легких сил и 1-й бригады подлодок КБФ было предложено проводить постепенно, начиная с весны 1941 года¹¹⁶⁸.

Для полноценного функционирования военно-морской базы в Риге требовалось сформировать участок СНиС и оборудовать временные телефонный, телеграфный и

¹¹⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 167. Л. 306.

¹¹⁶⁶ Там же. Л. 305-306.

¹¹⁶⁷ Там же. Д. 171. Л. 301-302.

¹¹⁶⁸ Там же. Л. 268.

радиоцентр. Одновременно с этим, полагалось начать работы по сооружению тех же центров постоянного типа. В заключение, В. А. Алафузов предложил И. С. Исакову дать указания Военному совету КБФ, чтобы тот позаботился о выборе и подготовке помещений в Риге для штаба предполагаемой базы. Также, Военсовет КБФ следовало определить очередность работ и порядок перехода ВМБ из Либавы в Ригу¹¹⁶⁹.

1 марта 1941 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов утвердил представленное ему «Ориентировочное задание на перспективное развитие военно-морской базы КБФ в г. Рига»¹¹⁷⁰. Согласно заданию, проектируемая база должна была располагаться на реке Западная Двина (Даугава), в районе зимней гавани Больдерайя – Мильгравис (Усть-Двинск) и должна была обеспечивать постоянное базирование следующих кораблей: крейсеров типа «Киров» – 2 ед., крейсер типа «Петропавловск» – 1 ед., эсминцев типа «Гневный» – 18 ед., сторожевых кораблей проекта 29 – 2 ед., эскадренных тральщиков проекта 59 – 7 ед., дизельных тральщиков – 9 ед., торпедных катеров типа «Д-3» – 18 ед., минных заградителей – 1 ед., подлодок типа «С» – 13 ед., подводных минных заградителей – 6 ед., сторожевых катеров типа «МО-4» – 15 единиц. 5 марта заместитель начальника ГМШ В. А. Алафузов направил начальнику Инженерного управления ВМФ генерал-майору П. И. Судьбину данное задание и потребовал учесть его положения при разработке тактико-технического задания на базу в Риге, которое необходимо было представить к 1 мая 1941 года¹¹⁷¹.

На строительство новой базы в Риге планировалось израсходовать в 1941-м году 4,5 млн. рублей, а в 1942-м году – от 10 до 15 млн. рублей. Но несмотря на спешно принятые меры, Рижская военно-морская база к началу Великой Отечественной войны не была подготовлена в полной мере к базированию в ней и обеспечению деятельности крупных надводных боевых кораблей. По словам командующего КБФ вице-адмирала В. Ф. Трибуца, в первой половине 1941 г. ситуация с оборудованием базы в Усть-Двинске носила весьма тревожный характер: *«... Не в лучшем положении были наши корабли и в Усть-Двинске. В мае вице-адмирал Дрозд (командир Отряда легких сил – П.П.) перешел туда. Мы не предполагали там организовывать стоянки кораблей, в Усть-Двинске ничего нет: ни топлива, ни воздуха, ни мастерских, одни только голые стенки. Причальная стоянка для кораблей с углублением в 4 метра. Чтобы подойти крейсеру к причалу, надо сначала поставить две баржи, а потом сможет подойти крейсер. Если корабль пришел носом в гавань, выходить может кормой. С точки зрения самых минимальных требований гавань в*

¹¹⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 269-270.

¹¹⁷⁰ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 67. Л. 26.

¹¹⁷¹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 67. Л. 26-27. Булдыгин С. Б. Борьба за Ригу в 1941 году. СПб., 2013. С. 25.

Усть-Двинске удовлетворять не могла. В перспективе было расширение Усть-Двинской гавани, строительство рассчитывалось на 5 лет на сумму 50-100 млн. рублей»¹¹⁷².

Параллельно с Рижской базой шла разработка оперативно-тактического задания на строительство военно-морской базы в Рогекюле, вопрос о которой был поднят ещё осенью 1940-го года. 14 марта 1941 г. нарком ВМФ своим приказом назначил комиссию по разработке задания на ВМБ в Рогекюле, под председательством капитана 2-го ранга В. С. Черокова. Помимо тактико-технического задания, комиссии надлежало составить схему распределения территории, схему гавани с расстановкой кораблей, ориентировочные сметно-финансовые расчеты и пояснительную записку к заданию. Комиссии следовало завершить работу к 15 апреля¹¹⁷³.

В соответствии с оперативно-тактическим заданием, составленным в Главном морском штабе ВМФ, база в Рогекюле была призвана обеспечить постоянное базирование в ней 12 подлодок типа «М», 18 торпедных катеров типа «Г-5» и 9 дизельных тральщиков, а также маневренное базирование 4 эсминцев типа «Гневный». Кроме того, база должна была обеспечить всем необходимым дивизион 76-мм зенитной артиллерии на мехтяге, одну стрелковую роту, а также быть перевалочным пунктом для частей, расположенных на островах Даго и Эзель¹¹⁷⁴. К 7 апреля 1941 г. комиссия В. С. Черокова подготовила все документы по базе и представила их наркому ВМФ на утверждение¹¹⁷⁵.

27 января 1941 г. начальник ГМШ и заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков в своих «Тезисах доклада по базированию КБФ на 1944 год» высказал соображения о будущей системе базирования Балтийского флота. По мнению Исакова, главной базой флота будет район Таллин-Палдиски, а операционными базами – Ханко и Рогекюля, которые должны были входить в состав главного узла базирования. В качестве тыловой базы, были определены Кронштадт, Ручьи, Выборг, Ленинград. Операционными базами флота были назначены Рига, Либава, Виндава. Наконец, роль маневренных баз КБФ были призваны исполнять Курессааре и Пернов (Пярну). На базы Таллин, Палдиски, Ханко командование ВМФ предполагало базировать *«весь линейный и легко-крейсерский флот, решающий свои задачи в северной части Балтийского моря и на главном оборонительном рубеже Симпернес-Оденсхольм-Ханко и подлодки для действия в том же районе и Ботнике»¹¹⁷⁶.*

В базах Рига, Либава и Виндава предполагалось держать силы, необходимые для обороны побережья и Ирбенского пролива, для действий на коммуникациях и обеспечения фланга Красной Армии. В состав этих сил намечалось включить крейсера, лидеры, эсминцы,

¹¹⁷² Булдыгин С. Б. Борьба за Ригу в 1941 году. С. 25-26.

¹¹⁷³ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 67. Л. 38.

¹¹⁷⁴ Там же. Л. 41.

¹¹⁷⁵ Там же. Л. 52-55, 63-86, 87-101, 102-106.

средние и малые подлодки и торпедные катера. По мнению И. С. Исакова, данная схема организации и базирования КБФ позволяла полностью сохранить «*организационный костяк, заложенный в настоящее время и утвержденный Правительством*»¹¹⁷⁷. Кроме того, в случае войны планировалось захватить и использовать в качестве военно-морских баз немецкую Клайпеду и финскую Марианхамн (Аланды), для маневренного базирования там легких сил, малых подлодок и кораблей Охраны водного района¹¹⁷⁸.

Несколько позже, чем на материковой части Эстонии, развернулось строительство береговой и сухопутной обороны на островах Моонзундского архипелага – Эзель (Сааремаа) и Даго (Хийумаа), а также на острове Оденсхольм (Осмуссаар). По причине затяжки сроков заключения договоров об аренде участков с эстонскими властями, строительные работы на островах Эзель и Даго так и не удалось начать в апреле-мае 1940 года. Основными проблемами при дальнейшем оборонном строительстве на островах были следующие: 1) трудность транспортировки матчасти и стройматериалов на острова, ввиду их удаленности от основных баз; 2) трудность выгрузки матчасти в местах позиций из-за отсутствия пристаней; 3) большая протяженность островов; 4) тяжелые бытовые условия для личного состава батарей и инженерных батальонов; 5) необеспеченность своевременного поступления оборудования на строящиеся объекты. В результате, строительство оборонных объектов в широком масштабе развернулось на островах лишь в июне-июле 1940 года. Позже всего были начаты работы на острове Оденсхольм, где комиссия флота смогла выбрать места для орудийных позиций лишь к концу мая¹¹⁷⁹.

1 июня 1940 г. комендант Береговой обороны Балтийской ВМБ комбриг С. И. Кабанов направил командиру базы капитану 1-го ранга С. Г. Кучерову рапорт, где сообщил о результатах предварительного осмотра острова Оденсхольм (Осмуссаар). По мнению Кабанова, на острове можно было разместить предназначенные титульным списком строительства три береговые батареи, из которых две были бы тяжелыми (406-мм и 180-мм калибра) и одна 130-мм калибра. Однако остров Оденсхольм имел ряд особенностей, что создавало определенные сложности при сооружении батарей. Во-первых, все орудийные позиции рисковали быть открытыми как с моря, так и с воздуха из-за отсутствия на острове лесного массива. Во-вторых, большим неудобством было то, что остров не имел удобных причалов для швартовки и разгрузки транспортов со строительными материалами и материальной частью. Имевшаяся на острове единственная гавань на юго-западной

¹¹⁷⁶ РГА ВМФ. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 156.

¹¹⁷⁷ Там же. Л. 156-157, 161.

¹¹⁷⁸ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 2. Л. 5.

¹¹⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 47-48.

оконечности острова располагала небольшой пристанью для рыбачьих лодок и моторных катеров. Сама пристань не могла принимать никаких грузов, вследствие своей ветхости¹¹⁸⁰.

В-третьих, большим недостатком являлось отсутствие источников пресной воды. Имевшихся на острове запасов пресной воды, в виде небольших, глубиной 1,5-2 фута пересыхающих озер, для строительства было совершенно недостаточно. Необходимо было обеспечить личный состав строительного батальона, а также и личный запас береговых батарей питьевой водой, а также и водой для приготовления пищи. Источников пресной воды, если не считать единственного маловодного колодца, на острове не было. Исходя из высказанных соображений, комендант БО БВМБ С. И. Кабанов просил командира Балтийской военно-морской базы распорядиться о том, чтобы устроить на острове буровые водоразборные колонки, полноценную пристань и три походные хлебопекарни¹¹⁸¹.

На следующий день, 2 июня, командир Балтийской ВМБ С. Г. Кучеров доложил Военному совету КБФ о трудностях, могущих возникнуть при строительстве на Осмуссааре, и о тех мерах, которые следовало предпринять в целях подготовки плацдарма. Кроме того, Кучеров информировал Военсовет флота о том, что уже 4 июня на остров Осмуссаар направляется изыскательская партия для исследования грунта и колодцев питьевой воды. Оформление акта передачи острова Оденсхольма смешанной комиссией было назначено на этот же день – 4 июня. Срок полной эвакуации эстонских жителей с острова был назначен на 15 июня. Но независимо от срока выселения, как докладывал Кучеров, *«к развертыванию строительства можно приступить теперь же»*¹¹⁸².

Таким образом, строительные работы на Оденсхольме (Осмуссааре) начались лишь с середины июня 1940 года. Прежде всего, начали производиться работы по сооружению 180-мм четырехорудийной башенной батареи № 314 и 130-мм трехорудийной батареи № 90. В перспективе намечалась постройка на острове мощнейшей 406-мм башенной батареи. Строительные работы на Осмуссааре велись как днем, так и ночью, с большим напряжением сил личного состава. Работы были сильно затруднены, как и на островах Моонзундского архипелага, сильным напором грунтовой воды, которая затрудняла проведение подземных работ. Ведь 180-мм башенная артиллерийская установка уходила в землю на 16 метров. Тогда выход был найден в использовании 6-дюймовых центробежных насосов, которые ежесуточно откачивали воду. Бетонные работы проводились круглогодично, на острове для этого был использован практически весь камень. Монтаж башенных артиллерийских

¹¹⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 12. Л. 38.

¹¹⁸¹ Там же. Л. 38-39.

¹¹⁸² Там же. Л. 40-41.

установок «МБ-2-180» для батареи № 314 производился инженерами и рабочими Ленинградского металлического завода (ЛМЗ) им. Сталина¹¹⁸³.

Ещё позже было начато строительство береговых батарей на островах Моонзундского архипелага – Эзель (Сааремаа) и Даго (Хийумаа). 25 апреля 1940 г. комендант Береговой обороны Балтийского района комбриг С. И. Кабанов докладывал в своем рапорте командиру Балтийской военно-морской базы капитану 1-го ранга С. Г. Кучерову, что для развертывания строительства батарей БО *«необходимо как можно быстрее провести отчуждение земель на острове Эзель»* и поставил вопрос о немедленном отводе эстонской стороной земель под строительство батарей. Командование флотом определило срок освобождения территорий и населенных пунктов на острове Эзель с 15 мая по 1 июня 1940 года¹¹⁸⁴. Но соблюдение этих сроков не было обеспечено командованием флота. 6 июля командир базы контр-адмирал С. Г. Кучеров был поставлен в известность об отчуждении земель в районе Кейгусте и в бухте Тагелахт на острове Эзель. При этом никакого оперативно-тактического задания на строительство оборонительных сооружений в указанных местах ещё не имелось¹¹⁸⁵.

По словам бывшего коменданта БОБРа С. И. Кабанова, лишь в середине июля 1940 года он получил на руки полный план строительства батарей на островах Сааремаа и Хийумаа. В это время, в соответствии с постановлениями КО при СНК СССР №№ 417 и 266, на Сааремаа уже велось строительство трех 130-мм береговых батарей (№№ 24, 25 и 43), для которых на транспортах «Совторгфлота» были доставлены орудия. Согласно плану 1940-го года, на острове требовалось построить в первую очередь две 180-мм батареи – башенную № 315 на полуострове Сворбе (Сырве) и открытую № 317 на полуострове Ниннаст, а также 152-мм батарею на мысе Кейгуст. Вторая очередь строительства предусматривала сооружение еще трех батарей – трехорудийной 305-мм башенной на полуострове Сворбе, четырехорудийной 100-мм батареи в Паммана у входа в пролив Созелояйн и четырехорудийной башенной 130-мм на полуострове Хундсорт (Тагамыза). На острове Хийумаа, помимо уже установленной на мысе Серошс 152-мм батареи, следовало соорудить еще шесть батарей: по одной 180-мм и 305-мм башенной батарее на полуострове Симпернес и еще четыре батареи 152-мм и 130-мм калибра¹¹⁸⁶.

Однако, ситуация со строительством на островах Моонзундского архипелага осложнялась существенной нехваткой рабочей силы. На острове Эзель (Сааремаа) работало всего два строительных батальона. Примерно столько же военных строителей было и на острове Даго (Хийумаа). Поэтому, чтобы выдержать предписанные сроки строительства,

¹¹⁸³ Мелконов Ю. Ю. Батареи Моонзунда. С. 72-73.

¹¹⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 3. Л. 52-53.

¹¹⁸⁵ Там же. Л. 133.

помимо военных строителей и рабочих-монтажников, на сооружении батарей был занят весь личный состав береговых батарей¹¹⁸⁷.

Довольно сложно решался вопрос с организацией сухопутной обороны островов Моонзунда. 22 июля 1940 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов направил наркому обороны СССР маршалу С. К. Тимошенко свой доклад, где поставил вопрос об обеспечении обороны Моонзундских островов. Кузнецов считал наиболее целесообразной мерой передачу военно-морскому командованию 16-й стрелковой дивизии РККА, часть которой уже была расположена на островах. Но если в этой просьбе будет оказано, и флоту будет дана отдельная стрелковая бригада, нарком ВМФ просил усилить ее танковым батальоном. Высказывая данные соображения, Кузнецов предварительно заручился поддержкой со стороны командующего 8-й армией Прибалтийского особого военного округа генерал-майора А. А. Тюриня¹¹⁸⁸.

Надо сказать, что еще за месяц до этого, 21 июня, в Главном морском штабе ВМФ был разработан «Перечень необходимых сил и средств для обороны Эзеля и Даго», куда вошли: по сухопутным войскам – одна стрелковая дивизия, один полк артиллерии Резерва Главного командования (152-мм и 122-мм орудия), два саперных батальона, два инженерных батальона, два дорожно-восстановительных батальона, один автотранспортный батальон; по ВВС – один авиаполк бомбардировщиков «ДБ-3», один авиаполк бомбардировщиков «СБ», один истребительный авиаполк¹¹⁸⁹. Как мы понимаем, данные требования, полностью совпадавшие с заявкой наркома ВМФ, носили максимальный характер, чтобы гарантировать надежную оборону островов от нападения противника с суши, моря и воздуха.

1 августа 1940 г. начальник Главного морского штаба ВМФ адмирал Л. М. Галлер подготовил перечень вопросов для наркома обороны СССР маршала С. К. Тимошенко, касавшихся строительства ВМФ. Среди них были вопросы, ранее поставленные наркомом ВМФ адмиралом Н. Г. Кузнецовым в связи с усилением обороны островов Эзель и Даго. Галлер повторил требования о передаче в состав КБФ 16-й стрелковой дивизии из состава войск Прибалтийского военного округа, либо же стрелковой бригады с танковым батальоном¹¹⁹⁰. Помимо этого, Галлер просил усилить авиацию на островах Моонзундского архипелага, для чего просил передать Наркомату ВМФ три авиаполка – истребительный

¹¹⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 173-174. *Мелконов Ю.* Батареи Моонзунда. С. 46. *Кабанов С. И.* На дальних подступах. М., 1971. С. 77-78.

¹¹⁸⁷ *Кабанов С. И.* Указ. соч. С. 78.

¹¹⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 33.

¹¹⁸⁹ Там же. Л. 6.

¹¹⁹⁰ Там же. Д. 147. Л. 23-24.

полк в Таллине, бомбардировочный полк «СБ» в Аренсбурге и один бомбардировочный полк «ДБ-3». Флоту следовало передать всю аэродромную сеть на островах Эзель и Даго¹¹⁹¹.

Заявка флота была урезана командованием Красной Армии, и ему пришлось довольствоваться лишь 3-й отдельной стрелковой бригадой (ОСБ). 23 августа командующий Краснознаменным Балтийским флотом определил порядок переброски 3-й отдельной стрелковой бригады на острова Эзель и Даго. Переброску бригады водным путем было предписано начать в тот же день, а закончить её переброску и размещение следовало к 15 сентября 1940 г. Расквартирование бригады на островах было возложено на генерал-майора С. И. Кабанова¹¹⁹². Наконец, приказом наркома ВМФ № 00228, 3-я отдельная стрелковая бригада со штатной численностью в 7679 человек была принята от Наркомата обороны СССР и включена в состав КБФ¹¹⁹³.

К сентябрю 1940 г. 3-я отдельная стрелковая бригада под командованием полковника П. М. Гаврилова в составе 46-го и 79-го стрелковых полков, артиллерийского полка, зенитного артиллерийского дивизиона, отдельного дивизиона ПТО, саперного батальона и батальона связи, прибыла на острова Моонзундского архипелага. Бригада в основном сосредоточилась на острове Сааремаа, но из её состава были выделены один стрелковый батальон и один артиллерийский дивизион для обороны острова Хийумаа. В оперативном отношении 3-я бригада подчинялась командующему 8-й Армией ПриБОВО генерал-майору А. А. Тюрину, а в гарнизонном – коменданту Береговой обороны Балтийского района генерал-майору С. И. Кабанову¹¹⁹⁴.

30 сентября 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов подписал приказ № 00246, которым назначил комиссию по разработке системы сухопутной и противодесантной обороны островов Эзель (Сааремаа) и Даго (Хийуумаа) под председательством полковника В. К. Зайончковского. Комиссия должна была приступить к работе с 10 октября и через два месяца представить на утверждение генеральный план сухопутной и противодесантной обороны островов, частные планы обороны каждого района, схемы и планы строительства первой (1940 г.), второй (1941 г.) и третьей (1942 г.) очередей и титульные списки строительства по годам. Основой системы обороны следовало считать полевую фортификацию, усиленную и дополненную на наиболее важных участках железобетонными огневыми точками, используя условия местности¹¹⁹⁵.

Комиссия В. К. Зайончковского провела необходимую работу по составлению плана сухопутной обороны островов Сааремаа и Хийумаа и представила его в срок Военному

¹¹⁹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 147. Л. 28-29.

¹¹⁹² Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 451.

¹¹⁹³ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 420. Л.31-32.

¹¹⁹⁴ Кабанов С. И. Указ. соч. С. 94-95. Курмышов В. М. Указ. соч. С. 19.

совету КБФ. Согласно плану, оборона острова Сааремаа строилась из расчета на одну стрелковую дивизию, а острова Хийумаа – на один стрелковый полк с артиллерией и танками. Что касается более мелких островов – Муху (Моон) и Вормси (Вормс), то решено было войсками их не занимать. План сухопутной обороны Моонзундского архипелага, как и действия береговой обороны, был рассчитан на действия противника лишь с западного направления. Основной идеей плана было ведение упорной обороны бухты Тагалахт, бухты Мустельгама, полуострова Сырве. Резервы предполагалось держать в западной части острова Сааремаа¹¹⁹⁶. Материалы комиссии были своевременно утверждены Военным советом КБФ и переданы в Главный морской штаб ВМФ.

Первоначально, руководство строительством сухопутной обороны на островах Моонзундского архипелага, которое должно было осуществляться силами 3-й стрелковой бригады и личного состава батарей, было поручено Наркомату ВМФ. Однако, с декабря 1940 г. работы по сооружению сухопутной инженерной обороны были переданы в ведение Прибалтийского особого военного округа. То же самое произошло и с 3-й стрелковой бригадой, которая вначале подчинялась коменданту БОБРа, но с декабря 1940 г. была изъята из его подчинения и передана в состав ПриОВО. Соответственно, комендант БОБРа Кабанов теперь не мог использовать бригаду для проведения строительных работ, возложенных по плану именно на неё¹¹⁹⁷.

Говоря о создании сухопутной обороны на островах Моонзундского архипелага, следует отметить один интересный момент. В вопросе об ответственности за оборону островов и разграничении функций между армией и флотом, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов допустил странную непоследовательность в своих действиях. Первоначально, 22 июля 1940 г., в своем докладе наркому обороны СССР С. К. Тимошенко, Кузнецов просил передать Краснознаменному Балтийскому флоту какую-либо воинскую часть для организации полноценной обороны Моонзундских островов. В итоге, морское командование получило в свое распоряжение 3-ю отдельную стрелковую бригаду из состава войск Прибалтийского особого военного округа, которая была зачислена в состав КБФ 9 октября 1940 года¹¹⁹⁸.

Однако не прошло и месяца, как уже 23 октября в своем докладе Правительству Н. Г. Кузнецов попросил принять обратно в состав Наркомата обороны СССР 3-ю и 8-ю отдельные стрелковые бригады. Причиной перемены мнения наркома было то обстоятельство, что командный состав сухопутных соединений *«не имеет перспективы*

¹¹⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 134. Л. 312. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 711. Л. 61.

¹¹⁹⁶ Кабанов С. И. Указ. соч. С. 94. Алеко И. Г. Указ. соч. С. 26.

¹¹⁹⁷ Кабанов С. И. Указ. соч. С. 95. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941-1945 гг. В 4-х кн. Кн. 1. Оборона Прибалтики и Ленинграда 1941-1944 гг. М., 1990. С. 103. Курмышов В. М. Указ. соч. С. 19.

¹¹⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 33, 142.

продвижения по службе», а в центральном аппарате Наркомата ВМФ и на КБФ нет специалистов, которые могли бы «с достаточной полнотой проводить и проверять тактическую и оперативную подготовку крупных сухопутных войсковых соединений». Соответственно, нарком ВМФ просил возложить задачу сухопутной обороны на Балтийском море и в Финском заливе исключительно на Красную Армию. Краснознаменный Балтийский флот должен был отвечать только за оборону с морского направления¹¹⁹⁹.

К концу 1940-го года на острова Даго, Эзель и Оденсхольм уже была перевезена материальная часть 13 береговых батарей в количестве 51 орудия, а также переброшен личный состав: артиллеристов – 1330 человек, частей 3-й стрелковой бригады – 8500 человек и строительных батальонов – 11000 человек. Таким образом, всего за год на острова было перевезено около 21 тыс. человек. Благодаря вовремя принятым мерам, на островах удалось решить жилищную проблему: личный состав батарей к зиме 1940-1941 гг. был обеспечен казармами и бараками. В то же время, гарнизоны испытывали острый недостаток перевозочных средств (буксиров, катеров и обычных лодок)¹²⁰⁰.

Несмотря на все трудности в процессе строительства, несомненной заслугой командования КБФ стало создание в течение 1940-го года на ранее невооруженных островах полноценной системы береговой обороны в основных оперативных районах, что давало возможность прикрыть подходы к острову Даго с севера и северо-запада. Была создана система противодействия десанту противника в районе Созлозунда и западного берега островов Даго и Эзель, а также частично прикрыт южный подход к Мухувэйн. В то же время, слабым местом в обороне оставался Ирбенский пролив, особенно его северная часть в районе полуострова Сворбе (Сырве).

Тем временем, выбирались места для новых крупнокалиберных батарей в Эстонии. По словам С. И. Кабанова, еще в начале августа 1940 г. командующий флотом адмирал В. Ф. Трибуц принял решение о строительстве на острове Нарген (Найссаар) четырехорудийной 180-мм открытой батареи. Для выбора места для данной батареи, 10 ноября приказом № 00163 командующего КБФ была назначена комиссия под председательством коменданта БОБР генерал-майора С. И. Кабанова и коменданта БО ГБ полковника И. А. Кустова. В назначенные сжатые сроки работа комиссией была выполнена. Руководствуясь указаниями Штаба КБФ, комиссия выбрала позицию для батареи¹²⁰¹.

Что касается сухопутной обороны 180-мм батареи на острове Нарген, то её планировалось включить в общую систему обороны острова, разработанную комиссией С. И.

¹¹⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 253-254.

¹²⁰⁰ Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 49.

¹²⁰¹ Кабанов С. И. Указ. соч. С. 83-85. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 26.

Кабанова в августе 1940-го года¹²⁰². 16 ноября начальник 1-го отдела Штаба КБФ капитан 2-го ранга Н. Г. Пилиповский представил материалы по выбору позиции для 180-мм батареи на Наргене на утверждение наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову¹²⁰³. 8 декабря нарком ВМФ рассмотрел представленные материалы и утвердил предложенное место позиции и схему расположения орудийных блоков¹²⁰⁴. В это же время было решено, что четыре 180-мм береговые артустановки, предназначенные для установки на острове Нарген, следовало подать к месту строительства к 1 июля 1941 г.¹²⁰⁵ Данная береговая батарея была призвана качественно усилить Береговую оборону района Таллина.

Для организационного оформления новых береговых батарей, приказом командующего КБФ № 0625 от 13 ноября 1940 г., было объявлено о сформировании с 31 октября в составе Береговой обороны Балтийского района КБФ следующих частей – Управления коменданта Северного сектора БОБР с дислокацией в Кердя, 180-мм четырехорудийной башенной батареи № 314 с дислокацией на острове Осмуссаар, 180-мм четырехорудийной башенной батареи № 315 с дислокацией на полуострове Сырве, 180-мм четырехорудийной башенной батареи № 316 с дислокацией на полуострове Симпернес, 180-мм четырехорудийной открытой батареи № 317 на мысе Ниннаст¹²⁰⁶.

Строившиеся на островах Моонзундского архипелага 180-мм береговые башенные батареи (№№ 314, 315 и 316) представляли собой сложнейшие оборонительные сооружения, являвшиеся наглядным отражением достижений отечественной фортификации. Батареи состояли из двух башенных артиллерийских установок «МБ-2-180», командного пункта командира батареи, запасного командного пункта (ЗКП), котельной с двумя котлами, долговременных огневых точек и огневых точек зенитных батарей. 180-мм артиллерийские установки, обладавшие дальностью стрельбы 45 км и скорострельностью 5 выстрелов в минуту, изготавливались на Ленинградском металлическом заводе (ЛМЗ) им. Сталина. Все подземные сооружения батарей были защищены 3,5-метровым слоем железобетона, а толщина брони орудийных башен и командного пункта составляла 230 мм. Это гарантировало защиту батареи от попаданий авиабомб весом до 2 тонн.

Сооружения 180-мм башенной батареи уходили под землю на глубину 16 метров, что создавало большие проблемы с их гидроизоляцией. Дело в том, что ввиду сильного подпора грунтовых вод, происходило постоянное подтопление подземных казематов батарей. В результате, было найдено следующее оригинальное решение: на батареях ежедневно работали центробежные насосы, которые откачивали воду. Для строительства батареи

¹²⁰² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 28.

¹²⁰³ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 246.

¹²⁰⁴ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 25. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 243.

¹²⁰⁵ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 259.

необходимо было уложить до 16 тыс. м³ железобетона высокой прочности. Общая стоимость строительства одной 180-мм башенной батареи достигала суммы в 20 млн. рублей, без учета стоимости материальной части. Гарнизон одной орудийной башни составлял 55 человек и размещался в подземных сооружениях, где имелись центральный пост, жилые помещения для личного состава, медпункт, душевые, столовая и кухня¹²⁰⁷. Сооружение подобных батарей в столь сжатые сроки свидетельствовало о высоком мастерстве советских военных инженеров и энтузиазме личного состава батарей и строительных частей.

27 декабря 1940 г. заместитель начальника ГМШ В. А. Алафузов отправил начальникам Артиллерийского и Инженерного управлений ВМФ И. С. Мушнову и П. И. Судьбину директиву, где сообщил о необходимости форсированного строительства в 1941-м году крупнокалиберных береговых батарей – 180-мм открытой батареи на острове Нарген, 180-мм башенных батарей на острове Оденсхольм, полуострове Симпернес, полуострове Хундсорт и полуострове Сворбе, 305-мм башенных на острове Руссарэ, полуострове Симпернес и полуострове Сворбе. Во исполнение указания наркома ВМФ, было решено дать распоряжение все наркоматам-поставщикам о подаче и монтаже матчасти батарей в 1941-м году в сроки, назначенные Инженерным управлением ВМФ¹²⁰⁸. Аналогичного содержания была и другая директива В. А. Алафузова № 17740сс, где были также упомянуты 406-мм башенная батарея на острове Оденсхольм, 180-мм и 356-мм железнодорожные артиллерийские позиции на мысе Сууроп и 180-мм железнодорожная позиция для обороны района Ирбенского пролива¹²⁰⁹.

Чтобы оценить грандиозные масштабы оборонного строительства на Балтике в 1940-м году, достаточно привести основные цифры, характеризующие объем железнодорожных и морских перевозок КБФ за этот год. Всего за период с 1 марта по 1 декабря 1940 г. по железной дороге из Ленинграда было отправлено для нужд КБФ в Эстонию и Латвию 14158 вагонов, из них: в марте – 1333 вагона, в апреле – 825, в мае – 2579, в июне – 2090, в июле – 2056, в августе – 1187, в сентябре – 1158, в октябре – 1080 вагонов. Кроме того, в страны Балтии по железной дороге было отправлено 52 воинских эшелона, из которых 18 эшелонов было выделено на переброску 3-й отдельной стрелковой бригады (7750 человек и 10400 тонн вооружения и грузов), 13 эшелонов – на переброску частей ПВО (2750 человек и 7300 тонн вооружения и грузов) и 21 эшелон – на перевозку остальных частей (3000 человек и 7560 тонн вооружения и грузов). Также, в Эстонию и Латвию было отправлено 7 эшелонов с

¹²⁰⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 519.

¹²⁰⁷ Мелконов Ю. Ю. Батареи Моонзунда. С. 47-48. Аленко И. Г. Указ. соч. С. 24.

¹²⁰⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 299.

¹²⁰⁹ Там же. Л. 301-302.

материальной частью железнодорожных батарей: 3 эшелона – с 180-мм батареями и 4 эшелона – с 356-мм батареями¹²¹⁰.

Морские перевозки КБФ в течение 1940-го года обеспечили переброску 201 тыс. тонн грузов, 55 тыс. человек и 3410 голов конского состава и скота. Причем, наибольшая нагрузка пришлась на лето и осень 1940-го года: в июне было перевезено 13 тыс. тонн воинских грузов, 5 тыс. тонн строительных материалов и 10 тыс. человек; в июле – 3 тыс. тонн воинских грузов, 27 тыс. тонн строительных материалов, 4 тыс. людей; в августе – 11 тыс. тонн воинских грузов, 43 тыс. тонн строительных материалов и 8 тыс. человек; в сентябре – 10 тыс. тонн воинских грузов, 38 тыс. тонн строительных материалов, 8 тыс. человек; в октябре – 6 тыс. тонн воинских грузов, 19 тыс. тонн строительных материалов и 8 тыс. человек; в ноябре – 15 тыс. тонн воинских грузов и 7 тыс. человек¹²¹¹.

На следующий, 1941-й год также были запланированы значительные средства на капитальное строительство на Балтике. Согласно титульному списку, Краснознаменному Балтийскому флоту выделялось на эти цели 169 млн. 914,8 тыс. рублей¹²¹². Наибольшее внимание командования ВМФ и КБФ в новом году было привлечено, прежде всего, к сооружению стационарных и железнодорожных позиций для батарей крупного (от 180 до 406 мм) калибра. Однако по ходу работ возникали разного рода трудности, связанные с выбором места и размещением данных батарей. В основе соображений, как правило, лежали экономические возможности и тактическая целесообразность сооружения той или иной береговой батареи. Так, например, зимой и весной 1941 г. в руководстве ВМФ шла активная дискуссия по поводу размещения и хода строительства ряда тяжелых батарей.

Вначале возникла проблема с постройкой позиций для железнодорожных батарей крупного калибра в Эстонии. 19 февраля 1941 г. начальник ГМШ адмирал И. С. Исаков отправил Военному совету КБФ директиву № 14803сс, где изложил программу действий по строительству железнодорожных батарей в Эстонии. Во-первых, Исаков предупредил Военный совет КБФ, что по причине отсутствия кредитов, постройку железнодорожной ветки и позиции для железнодорожной батареи в районе мыса Сууроп (Суропи) в 1941-м году «осуществить невозможно». Во-вторых, 180-мм железнодорожную батарею № 12 следовало перевести с комбинированной позиции на Пакри на временную позицию, на участок подходного пути восточнее деревни Кадана. Директриса стрельбы батареи с временной позиции была сочтена «наиболее выгодной в зависимости от направления ж.д. линии». Наконец, следовало провести изыскания железнодорожной трассы от Палдиски-

¹²¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 358. Л. 7-8.

¹²¹¹ Там же. Л. 9-10.

¹²¹² ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 66. Л. 31-60.

Кейла до мыса Шпитгамн и от Шпитгамна до Хапсалу, а также и проектирование этих линий и комбинированной позиции 305-180-мм батарей в районе мыса Шпитгамна¹²¹³.

В итоге, Главный морской штаб ВМФ потребовал от командования КБФ принять решительные меры по быстрой установке 180-мм железнодорожной батареи № 12 на временной позиции. В соответствии с этим, 8 апреля врио начальника Штаба КБФ капитан 1-го ранга Н. А. Питерский потребовал от коменданта Береговой обороны Главной базы полковника И. А. Кустова перевести к 15 апреля железнодорожную батарею № 12 с комбинированной на временную позицию в районе деревни Каданы¹²¹⁴.

Однако наиболее важными объектами строительства Береговой обороны флота являлись стационарные береговые батареи, которые сооружались на островах Эстонии – Сааремаа, Хийуумаа и Осмуссааре. Наибольшее внимание уделялось командованием ВМФ сооружению тяжелых батарей. Для ускорения решения этого вопроса, 6 января 1941 г. на заседании Главного военного совета ВМФ специально рассматривался вопрос о технических проектах 305-мм и 406-мм башенных береговых батарей. В итоге, проект 305-мм башенной батареи «МБ-20» был утвержден, для последующего строительства батарей этого типа на полуостровах Симпернес и Сворбе. Причем, ГВС указал, что постройку данных батарей следует считать *«первоочередными объектами капитального строительства БО КБФ»*. По поводу 406-мм башенных батарей, Главному морскому штабу было поручено совместно с Артиллерийским управлением ВМФ решить вопрос целесообразности перехода на одноорудийные башенные батареи, для дальнейшего сооружения на острове Осмуссаар, и доложить результат Главному военному совету ВМФ¹²¹⁵.

На заседании Главного военного совета ВМФ 19 февраля 1941 г. было принято решение о наиболее выгодных вариантах 406-мм артиллерийских установок на острове Оденсхольм (Осмуссаар). На острове было решено использовать трехорудийную башенную артустановку «МК-1» в береговом варианте («МБ-19»), находившуюся в процессе изготовления на заводе № 371. Строительное управление ВМФ должно было обеспечить подготовку строительства 406-мм башенной артустановки на острове Оденсхольм в 1941-м году. Кроме того, совет постановил создать специальные типы 406-мм береговых артиллерийских установок – двухорудийной башенной, одноорудийной башенной и одноорудийной щитовой установки. Артиллерийскому управлению ВМФ было поручено уже к 1 мая 1941 г. разработать тактико-техническое задание на двухорудийную 406-мм береговую башенную артиллерийскую установку¹²¹⁶.

¹²¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 125-126. ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 71. Л. 24.

¹²¹⁴ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 71. Л. 64.

¹²¹⁵ Там же. Д. 3. Л. 1.

¹²¹⁶ Там же. Л. 28-29.

15 марта 1941 г. начальник Главного морского штаба ВМФ И. С. Исаков направил наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову доклад, где обрисовал ближайшие перспективы по строительству и введению в строй тяжелых батарей на КБФ. Как известно, согласно постановлению КО при СНК СССР № 417сс, на полуострове Хундсорт и на острове Малый Рооге было предписано установить в течение 1941-1942 гг. по одной 180-мм башенной батарее. В процессе строительства, произошли некоторые изменения в планах высшего командования. Согласно постановлениям ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 2613-1188 от 20 декабря 1940 г. и 274-130 от 7 февраля 1941 г. о переносе сроков поставки 305-мм и 406-мм орудийных башен, основной объем строительных работ на КБФ был перенесен с 1941 на 1942-43 годы. Это обстоятельство давало возможность Строительному управлению ВМФ выполнить бетонные работы по 180-мм береговым батареям в течение 1941-го года и, соответственно, подготовить орудийные блоки к установке закладных частей – к 1 августа, а к монтажу башен – к 1 октября 1941 года¹²¹⁷.

18 марта нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов направил председателю Комитета обороны при СНК СССР К. Е. Ворошилову доклад, где разъяснял ситуацию со строительством береговых батарей самого крупного калибра на Балтике. Он напомнил, что согласно постановлению Комитета обороны при СНК № 417сс от 15 ноября 1939 г., было решено ввести в строй 406-мм береговую батарею на острове Оденсхольм (Осмуссаар) в 3-м квартале 1943 г., а 305-мм батареи на полуостровах Тахкуна (Симпернес) и Сворбе (Сырве) – в 3-м квартале 1942 г. Но принятие постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 2613-1188 от 20 декабря 1940 г. в корне изменило сроки сдачи данных батарей. Теперь требовалось изготовить материальную часть для 406-мм батареи на Оденсхольме лишь во 2-м квартале 1943 г., а произвести установку – в 1-м квартале 1944 года. Для 305-мм батареи на Тахкуне срок сдачи матчасти был установлен на 2-й квартал 1942 г., а монтажа батареи – на 1-й квартал 1943 года.

Таким образом, произошел сдвиг в сроках постройки батарей на Оденсхольме и Тахкуне на шесть месяцев позже, а окончательный срок ввода в строй 305-мм батареи Сворбе пока не был установлен. Поэтому выполнить все необходимые строительные и монтажные работы по указанным батареям в срок, определенный постановлением Комитета обороны при СНК СССР № 417сс, было уже в принципе невозможно. В итоге, Кузнецов указывал, что вынужден пересмотреть все графики строительства этих батарей, а денежные ассигнования 1941-го года перераспределить¹²¹⁸.

3 марта 1941 г. заместитель начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин направил заместителю наркома ВМФ адмиралу И. С. Исакову директиву №

¹²¹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 137.

¹²¹⁸ Там же. Л. 142.

584663сс/ов, где сообщил решение наркома обороны СССР маршала С. К. Тимошенко о строительстве сухопутной обороны на 1941-й год для прикрытия Моонзундской военно-морской базы и базы Ханко. На острове Эзель (Сааремаа) предполагалось построить следующие линии укреплений: 1) Памманскую противодесантную укрепленную позицию из деревоземляных и деревокаменных сооружений; 2) Кюдемскую противодесантную укрепленную позицию из деревоземляных и деревокаменных сооружений; 3) Тагамойзенскую противодесантную укрепленную позицию из деревоземляных и деревокаменных сооружений; 4) Сворбенскую противодесантную укрепленную позицию из деревоземляных и деревокаменных сооружений. Кроме того, было предписано прикрыть с запада полевыми батальонными районами Ориссарскую дамбу, начав для этого строительство деревоземляных и деревокаменных сооружений¹²¹⁹.

На острове Моон (Муху), *«для обеспечения сообщений с материком и противодействия морским и воздушным десантам»* намечалось построить полевые батальонные и ротные районы, состоявшие из деревоземляных и деревокаменных сооружений в районах Палласма, Игакюла, Лэскопа, Муху, Суремыйза-Полд и Куйвасту. На острове Даго (Хийуумаа) было решено построить следующие оборонительные линии: 1) Тахкунскую противодесантную укрепленную позицию из деревоземляных и деревокаменных сооружений; 2) Дагерортскую противодесантную укрепленную позицию из деревоземляных и деревокаменных сооружений; 3) Сырусаарскую противодесантную укрепленную позицию из деревоземляных и деревокаменных сооружений; 4) Полевые позиции, с целью прикрытия района мыса Кярдля и побережья острова на участке Немме-Ойнику-Ванамыза¹²²⁰.

В Виндавском укрепленном районе Тимошенко потребовал прикрыть с моря и с суши полевыми укрепленными позициями районы мыс Колкасагс, станция Микельторине и Виндава, намереваясь в дальнейшем усилить прибрежные опорные пункты железобетонными сооружениями. В Либавском укрепленном районе предполагалось прикрыть район Либавы с моря и с суши полевыми укрепленными позициями, имея в виду дальнейшее усиление прибрежных опорных пунктов железобетонными сооружениями¹²²¹.

К сожалению, планы командования РККА в отношении строительства сухопутной и противодесантной обороны военно-морских баз и приморских районов к началу Великой Отечественной войны остались во многом нереализованными. В целом, на Моонзундских островах было построено 217 ДОТов и ДЗОТов, установлено более 120 км проволочных заграждений, поставлено 23500 мин и фугасов (по другим сведениям, 68 ДОТов и 202

¹²¹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 146-147.

¹²²⁰ Там же. Л. 147-148.

ДЗОТа, 160 км проволочных заграждений, 42 км лесных завалов, 2000 бетонных надолб). На северо-западном, западном и южном берегах острова Эзель, на северном и западном побережье острова Даго были созданы узлы сопротивления, опорные пункты и отсечные оборонительные рубежи, а также Ориссарская позиция. В качестве противодесантной обороны, на подходах к островам было выставлено 180 морских мин. В то же время, слабой оставалась противовоздушная оборона островов¹²²².

По состоянию на 24 апреля 1941 г., ситуация со строительством береговых батарей в Прибалтике выглядела следующим образом. Наибольших успехов удалось достичь в Эстонии – как на материковой части, так и на островах. На острове Оденсхольм (Осмуссаар) строилось сразу три береговые батареи, из которых 406-мм башенная должна была вступить в строй в 1944-м году, а 180-мм башенная и 130-мм открытая батареи – в 1941-м году. В районе Таллин-Палдиски сооружалась целая группа тяжелых и средних батарей. Так, на полуострове Пакри была сооружена комбинированная позиция для 180-356-мм железнодорожных батарей, а на 1941-й год была запланирована сдача в строй 130-мм открытой батареи. На острове Малый Рооге еще в 1939-м году была введена в строй 152-мм открытая батарея, а в 1941-м году следовало ввести в строй 130-мм открытую батарею. На острове Нарген (Найссаар) в 1942-м году должна была быть построена 180-мм открытая батарея, а на полуострове Суруп – 180-мм железнодорожная позиция¹²²³.

Ещё больший объем строительно-монтажных работ предстояло провести на Моонзундских островах – Даго (Хийуумаа) и Эзеле (Сааремаа). На первом из них, на полуострове Симпернес в 1941-м году требовалось ввести в строй 180-мм башенную и 130-мм открытую береговые батареи, а в 1943-м году – 305-мм башенную батарею. На мысе Серошс ещё в 1939-м году была построена 152-мм открытая батарея. На полуострове Дагерорт (Кыпу) в 1940-м году была сооружена 130-мм, а на мысе Палли – 100-мм открытые батареи. В 1941-м году предстояло принять в строй 130-мм открытую батарею на мысе Тоффри. На острове Эзель, на полуострове Сворбе (Сырве) в 1941-м году планировалось принять 180-мм башенную батарею, а на 1943-й год было намечено вступление в строй 305-мм башенной батареи. В 1942-м году на полуострове Хундсорт следовало построить 180-мм башенную батарею, а на мысе Кейгусте – 152-мм открытую батарею. В 1941-м году должна была вступить в строй КБФ 180-мм открытая батарея на мысе Ниннаст. Наконец, еще в 1940-

¹²²¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 148.

¹²²² Курмышов В. М. Решение проблемы базирования Балтийского флота накануне войны (развертывание военно-морских баз в Прибалтике, конец 1939-1941 гг.) // Военно-исторический архив. 2004. Вып. № 2(50). С. 127-128. Аленко И. Г. Указ. соч. С. 25.

¹²²³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 173.

м году были построены три 130-мм открытые батареи – в деревне Карузе, на мысе Ундва и на мысе Кюбассаар¹²²⁴.

Активно также велось строительство тяжелой батареи на острове Оденсхольм (Осмуссаар), решение о постройке которой было принято ещё в 1939-м году. 19 февраля 1941 г. Главный военный совет ВМФ принял решение по поводу оптимального варианта 406-мм артиллерийской установки для острова Оденсхольм. Было решено использовать на острове корабельную трехорудийную башенную установку «МК-1» в береговом варианте «МБ-19», которые производились на заводе № 371. Наркомату вооружений и Артиллерийскому управлению ВМФ было выдано задание на проектирование двухорудийной 406-мм башенной артиллерийской установки. Строительное управление ВМФ должно было приступить к подготовке строительства 406-мм батареи на Оденсхольме в 1941-м году¹²²⁵. 30 апреля нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов утвердил формуляр позиции 406-мм береговой батареи на острове Оденсхольм (Осмуссаар) и акт комиссии¹²²⁶.

Медленнее всего продвигалось строительство позиций стационарных береговых и железнодорожных батарей в Латвии. В 1939-1940 годах здесь не было введено в строй ни одной из намеченных батарей. Фактически, лишь в 1940-м году здесь были начаты масштабные работы по созданию береговой обороны. Поэтому в 1941-м году ожидалось введение в строй сразу пяти 130-мм открытых батарей – на мысе Михайловский, на мысе Лужня, в Виндаве (Вентспилсе) и двух батарей в Либаве (Лиенае). В 1942-м году следовало принять 152-мм открытую батарею на мысе Михайловский, а в 1943-м году – сразу две железнодорожные позиции для 180- и 305-мм батарей (на мысах Михайловский и Люзерорт)¹²²⁷. Настоящий прорыв в строительстве береговых батарей в Латвии произошел лишь в 1941-м году. 17 мая приказом наркома ВМФ № 0405 были приняты в состав КБФ сразу четыре 130-мм береговые батареи №№ 23, 27, 45 и 46, приписанные к Либавской военно-морской базе¹²²⁸.

7 мая 1941 г. заместитель наркома ВМФ и начальник ГМШ адмирал И. С. Исаков направил Военному совету КБФ директиву № 15329сс, где потребовал максимально форсировать ввод в строй заканчиваемых строительством 180-мм башенных батарей, 130-мм батарей на острове Оденсхольм и на мысе Тоффри, а также перевооружить батареи в районе Таллина. Кроме того, необходимо было обеспечить военно-морские базы всеми необходимыми запасами, исходя из базировавшихся на них соединений и частей. О

¹²²⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 173-174.

¹²²⁵ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 3. Л. 28-29.

¹²²⁶ Там же. Д. 71. Л. 72.

¹²²⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 174.

¹²²⁸ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 71. Л. 128. *Мелконов Ю. Ю.* Пушки курлядского берега. С. 128.

готовности вступления в строй 180-мм и 130-мм береговых батарей на островах Эзель, Даго и Оденсхольме надлежало докладывать каждые 5 дней¹²²⁹.

Действуя в развитие данных указаний, 16 мая начальник Штаба КБФ Ю. А. Пантелеев направил комендантам Береговой обороны Главной базы и Береговой обороны Балтийского района, начальникам Инженерного отдела КБФ и Особого строительного отдела (ОСО) № 1 директиву, где потребовал максимально ускорить окончание строительства 180-мм башенной батареи на мысе Церель на полуострове Сворбе (Сырве), 180-мм башенной батареи на мысе Тахкуна на полуострове Симпернес, 180-мм башенной батареи на мысе Ниннасте на острове Эзель (Сааремаа), 130-мм батареи на мысе Тахкуна, 130-мм батареи на острове Оденсхольм (Осмуссаар), 130-мм батареи на мысе Тоффри на острове Даго (Хийуумаа). Кроме того, требовалось закончить перевооружение батарей на островах Нарген, Вульф, полуострове Суроп и Вимси. Весь личный состав вышеуказанных батарей было приказано использовать *«целиком на окончание строительства этих батарей»*. Необходимо было мобилизовать все силы на скорейшее введение в строй батарей, считая это своей первоочередной и главнейшей задачей¹²³⁰.

9 июня командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц своей директивой № 1оп/618сс проинформировал заместителя наркома ВМФ адмирала И. С. Исакова о ходе строительства береговых батарей на Балтике. Командующий флотом сообщал, что им установлены следующие сроки ввода береговых батарей в строй: 180-мм башенная батарея на мысе Церель и 180-мм открытая батарея на мысе Ниннаст – к 15 июня, 180-мм башенные батареи на мысе Симпернес и острове Оденсхольм – к 1 июля, 130-мм береговые батареи на мысе Тоффри и острове Оденсхольм – к 1 августа 1941 г. Срок перевооружения береговых батарей на Суропе (Сууроппи), Вимсе (Виимси), Наргене (Найссаар) и Вульфе (Аэгна) был установлен Трибуцем на 15 июня 1941 года¹²³¹.

Несмотря на решительный выбор в пользу базирования главных сил Балтийского флота в Прибалтике, продолжалось строительство военно-морской базы в Усть-Луге, начатое ещё в 1935-м году. В 1940-м году масштабы строительства были сокращены почти в 2 раза. Однако, к данному вопросу вернулись 7 марта 1941 г., когда наркомы ВМФ и внутренних дел Н. Г. Кузнецов и Л.П. Берия представили председателю Комитета обороны при СНК СССР К. Е. Ворошилову новый технический проект строительства базы и генеральную смету на 630,6 млн. рублей¹²³². Предполагалось, что в базе будут постоянно базироваться 1 линкор, 1 тяжелый крейсер, 2 легких крейсера, 4 эсминца, 9 средних подлодок, 9 сторожевых

¹²²⁹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 71. Л. 137.

¹²³⁰ Там же. Л. 78-79.

¹²³¹ Там же. Л. 131.

¹²³² Прямицкий С. Д., Агапов Н. Б. Указ. соч. С. 98.

кораблей и 6 больших катеров-охотников за ПЛ. Кроме того, из числа кораблей, спущенных на воду и находящихся в достройке, было предложено базировать 1 линкор, 1 тяжелый крейсер, 2 легких крейсера, 8 эсминцев, 6 сторожевых кораблей и 5 средних подлодок. 17 мая наркомы ВМФ и внутренних дел обратились по данному вопросу к заместителю председателя СНК СССР Н. А. Вознесенскому, предложив считать базу в Усть-Луге тыловой достроечной и утвердить новую смету строительства объемом в 535 млн. рублей, со сроком завершения в 4-м квартале 1943 года¹²³³. Реализации этих намерений помешала война.

Система базирования КБФ в 1941-м году характеризовалось серьезными структурными изменениями. Как уже говорилось выше, ещё в декабре 1940 г. – январе 1941 г. командованием ВМФ и КБФ активно прорабатывался вопрос о создании военно-морской базы в Риге. В новой базе планировалось организовать постоянное базирование Отряда легких сил и 1-й бригады подводных лодок. В результате, уже в конце 1940-го года были начаты подготовительные работы и практические мероприятия по созданию Рижской военно-морской базы. В состав новой базы должна была войти Либавская ВМБ вместе с Охраной водного района, военным портом, береговой обороной и участком СНиС. Перевод данной базы планировалось провести по готовности оборудования и связи.

Весной 1941 г. началось ускоренное реформирование системы базирования КБФ в Латвии и на Моонзундских островах. В связи с этим, 25 мая 1941 г. было начато формирование Прибалтийской военно-морской базы (название было дано вместо Рижской ВМБ), с управлением в Усть-Двинске. Новая военно-морская база должна была включать командование, штаб, отдел политпропаганды, Охрану водного района, Береговую оборону Рижского залива (БОРЗ), отделение связи базы, органы тыла и прочие подразделения. Либавская военно-морская база была переведена во 2-й разряд, а 15 июня она вошла в состав Прибалтийской военно-морской базы. Сформирование Прибалтийской военно-морской базы было окончательно утверждено приказом наркома ВМФ № 00139 от 21 июня 1941 года. Естественно, что выполнить данную реорганизацию в полном объеме до начала Великой Отечественной войны не удалось¹²³⁴.

С целью обеспечения надежной обороны побережья на участке Паланга – остров Даго (Хийуумаа) и недопущения прорыва ВМС противника в Рижский залив через Ирбенский пролив, командование ВМФ реформировало Береговую оборону на Моонзундских островах и побережье Латвии. Береговая оборона Балтийского района (БОБР) подлежала упразднению, а вместо нее формировались новые структурные части. Береговые батареи на

¹²³³ Прямицкий С. Д., Агапов Н. Б. Указ. соч. С. 98, 101.

¹²³⁴ Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Научно-исторический труд. Т. III. Балтийский флот. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 29. Курмышов В. М. Решение

острове Эзель и в южной части острова Даго (130-мм батарея на мысе Тоффри) были сведены в Эзельский сектор БО. Задачей укрепленного сектора была обозначена оборона островов и входа в пролив Созлозунд.

Расположенные на мысе Церель острова Эзель (Сааремаа) 180-мм и 305-мм береговые батареи, а также части БО, базировавшиеся на южном побережье Ирбенского пролива, которые ранее входили в состав Виндавского сектора БО Либавской базы, были теперь объединены в Ирбенский сектор береговой обороны. Задача данного сектора сводилась к обороне Ирбенского пролива, с целью недопущения прорыва противника в Рижский залив. Оба сектора – Эзельский и Ирбенский – составили отныне Береговую оборону Рижского залива, во главе которой был поставлен комендант, подчиненный командиру Прибалтийской военно-морской базы. Наконец, шесть береговых батарей на острове Даго (Хийуумаа), кроме батареи на мысе Тоффри, и артиллерийский дивизион на острове Оденсхольм (Осмуссаар) были объединены в Передовой сектор БО, подчиненный коменданту Береговой обороны Главной базы¹²³⁵.

Оборона Ирбенского пролива и острова Эзель должна была осуществляться совместными действиями сухопутных войск, ВВС, береговой артиллерии и надводных сил флота, опирающихся на минные заграждения. Вся ответственность за оборону побережья Балтийского моря на участке Паланга – остров Даго была возложена на командира Прибалтийской базы. Что касается Либавской военно-морской базы, то она должна была оборонять с моря побережье на участке Паланга – Ирбенский пролив и использоваться в качестве маневренной базы флота, с подчинением командиру Прибалтийской ВМБ¹²³⁶.

К 1 января 1942 г. по плану капитального строительства КБФ намечалось построить 29 батарей среднего и крупного калибров – три 180-мм башенные, одну 180-мм открытую, две 152-мм открытые, семнадцать 130-мм открытых и две 100-мм открытые артиллерийские батареи, а также четыре железнодорожные позиции. А к 1943-му году на Балтике картина должна была измениться кардинальным образом: следовало принять в боевой состав флота одну 406-мм башенную, три 305-мм башенные, шесть 180-мм башенных, две 180-мм открытые, восемь 152-мм открытых, восемнадцать 130-мм открытых и две 100-мм открытых батарей, а, кроме того, 7 железнодорожных позиций. Общее количество построенных батарей, таким образом, должна была достигнуть 47 единиц¹²³⁷. В том случае, если бы данный план был претворен в жизнь, Краснознаменный Балтийский флот обладал бы невероятно мощной, даже избыточной системой Береговой обороны.

проблемы базирования Балтийского флота накануне войны (развертывание военно-морских баз в Прибалтике, конец 1939-1941 гг.). С. 132, 135. *Булдыгин С. Б.* Борьба за Ригу в 1941 году. С. 23-24.

¹²³⁵ *Курмышов В. М.* Указ. соч. С. 132-133. *Булдыгин С. Б.* Борьба за Ригу в 1941 году. С. 23.

¹²³⁶ *Курмышов В. М.* Указ. соч. С. 133.

Однако столь грандиозным планам командования ВМФ не суждено было сбыться. К началу Великой Отечественной войны были полностью построены стационарные береговые батареи среднего калибра (100-152-мм) и лишь частично – крупного калибра (180-мм). А в целом к 22 июня 1941 г. в Прибалтике и на полуострове Ханко было введено в строй 44 стационарные береговые батареи, вооруженные 147 орудиями от 100 до 180-мм калибра. Кроме того, на побережье Латвии было начато строительство железной дороги с тремя позициями в районе от Виндавы до Ирбенского пролива. Всего было построено 80 км земляного полотна и на протяжении 34 км были уложены железнодорожные пути.

В районе порта Палдиски, на мысе Пакри, были завершены строительством две железнодорожные позиции долговременного характера (одна для 305/356-мм орудий и одна – для 180-мм орудий). На полуострове Ханко были также построены три долговременные позиции (одна для 305-мм орудий и две – для 180-мм орудий). Всего на этих позициях было размещено: на полуострове Пакри – трехорудийная 356-мм и четырехорудийная 180-мм железнодорожные батареи; на полуострове Ханко – трехорудийная 305-мм и четырехорудийная 180-мм железнодорожные батареи. Итого, в состав 4 железнодорожных батарей всего 14 орудий.

Кроме того, на подходах к Таллину действовали еще две бывшие эстонские батареи: четырехорудийная башенная 305-мм батарея на острове Вульф (Аэгна) и открытая трехорудийная 152-мм батарея на полуострове Вимс (Виимси). Таким образом, всего в новых районах базирования, полученных Краснознаменным Балтийским флотом в период 1939-1940 годов, находилось 50 стационарных и железнодорожных береговых батарей, имевших на вооружении 168 орудий калибром от 100 до 305-мм (причем, лишь две батареи были старой постройки)¹²³⁸.

Кроме того, в процессе строительства находилось 10 тяжелых береговых батарей, имевших на вооружении 48 орудий калибром от 152 до 406-мм: на острове Эзель (Сааремаа) – шестиорудийная башенная 305-мм батарея на мысе Церель, четырехорудийная башенная 180-мм батарея на Хундсорте и четырехорудийная открытая 152-мм батарея на Кейгусте; в Ирбенском проливе – четырехорудийная 152-мм открытая батарея у маяка Михайловский; на острове Даго (Хийуумаа) – шестиорудийная башенная батарея на полуострове Симпернес и четырехорудийная башенная 180-мм батарея на полуострове Дагерорт; на полуострове Ханко – шестиорудийная башенная 305-мм батарея (на Руссарэ); на острове Осмуссаар (Оденсхольм) – шестиорудийная 406-мм башенная батарея; на острове Малый Рооге – четырехорудийная 180-мм башенная батарея; на острове Нарген (Найссаар) –

¹²³⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 175.

четырёхорудийная 180-мм открытая батарея. В наиболее боеготовом виде находились лишь 152-мм батареи. На башенных батареях 180-мм и 305-мм калибра были начаты скальные и земляные работы и заготовка гранитного камня, кроме острова Руссарэ, где скальные работы в граните были уже закончены и производилось бетонирование фундаментных плит. На 406-мм батарее на острове Осмуссаар была начата заготовка гранитного камня и изготовление металлоконструкций на заводах СССР¹²³⁹.

Командование ВМФ и КБФ намеревалось постепенно перевести надводные корабли и подводные лодки из базы Либавы, которая находилась в опасной близости от советско-германской границы, в новоформируемую Прибалтийскую базу. В частности, туда следовало перевести Отряд легких сил, 1-ю бригаду подводных лодок, отряд торпедных катеров и отдельные части морской авиации КБФ. Лишь после решения Главного военного совета ВМФ и получения согласия председателя СНК и секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина, в конце мая 1941 г. из Либавы в Усть-Двинск были переведены 1-й и 2-й дивизионы 1-й бригады подлодок и Отряд легких сил КБФ. Из Лиепай в Таллин ушел ремонтировавшийся минный заградитель «Марти»¹²⁴⁰. Но полностью осуществить этот план до начала войны не удалось: в Либавской ВМБ оставалось еще 6 подводных лодок, которые проходили плановый ремонт на судоремонтном заводе «Тосмаре», а также эсминец «Ленин». В базе находились 3-й и 4-й дивизионы из состава 1-й бригады подлодок, 1-й дивизион базовых тральщиков, отдельный отряд торпедных катеров (6 катеров) и 2-й дивизион 2-го Балтийского отряда пограничных судов (12 катеров типа «МО-4»)¹²⁴¹.

В результате, в новых прибалтийских базах к началу Великой Отечественной войны была сосредоточена значительная часть надводных и подводных сил КБФ. В Главной базе флота (Таллин) находились 1 линкор, 2 лидера, 5 новых эсминцев, 3 старых эсминца, 2 сторожевых корабля, 9 базовых тральщиков, 22 сторожевых катера типа «МО», 4 надводных заградителя, 10 подлодок типа «Щ», 3 плавбазы подлодок и 1 танкер. В базе Усть-Двинск базировались 2 крейсера, 9 новых эсминцев, 1 старый эсминец, 2 сторожевых корабля, 9 подлодок типа «С» (из них 2 подлодки уходили на Северный флот) и 2 плавбазы подлодок. В военном порту Либавы находились эсминец «Ленин» (находился в ремонте на заводе «Тосмаре»), 1 базовый тральщик (в ремонте), 3 тихоходных тральщика, 7 сторожевых

¹²³⁸ Кузьмин А. Н. Долговременная фортификационная подготовка западной части Балтийского театра в 1940 и 1941 гг. Л., 1944. С. 6-8, 10.

¹²³⁹ Там же. С. 9.

¹²⁴⁰ Центральный военно-морской архив. Справочник по фондам (1941-1960). Органы управления Военно-Морским Флотом, части и учреждения центрального подчинения. СПб., 1998. С. 218-219. Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. С. 232-233, 292. Булдыгин С. Б. Оборона Лиепай. СПб., 2012. С. 15.

¹²⁴¹ Булдыгин С. Б. Оборона Лиепай. С. 15.

катеров типа «МО», 6 торпедных катеров, 2 подлодки типа «С», 1 подлодка типа «Л», 7 подлодок типа «М», 4 старые подлодки (2 эстонские и 2 латвийские), 1 танкер¹²⁴².

В Кронштадтской базе базировались 1 линкор, 1 новый эсминец (в достройке), 1 старый эсминец, 2 сторожевых корабля (в ремонте), 3 базовых тральщика, 14 тихоходных тральщиков, 6 сторожевых катеров типа «МО», 37 торпедных катеров, 3 подлодки типа «К» (1 подлодка находилась в достройке и 2 лодки уходили на Северный флот), 3 подлодки типа «С», 8 подлодок типа «Щ» (из них 4 ПЛ в достройке), 4 подлодки типа «М», 1 старая подлодка и 2 танкера. В Ораниенбауме были сосредоточены 2 подлодки типа «Щ», 3 подлодки типа «П» и подлодка «Б-2», а также плавбаза подлодок. Наконец, в Ленинграде в основном находились строящиеся и капитально ремонтирующиеся корабли. В частности, здесь стояли 4 новых эсминца (в достройке), 1 сторожевой корабль (в ремонте), 5 базовых тральщиков, 6 подлодок типа «К» (в достройке), 1 подлодка типа «С» (в достройке), 3 подлодки типа «Л» (2 ПЛ в достройке и 1 ПЛ в ремонте), 4 подлодки типа «Щ» (2 ПЛ в достройке и 2 ПЛ в ремонте), 7 подлодок типа «М» (из них 6 подлодок в достройке и 1 лодка в ремонте), подлодка «Д-2»¹²⁴³.

В прибалтийских военно-морских базах к началу Великой Отечественной войны оказались сосредоточенными значительные запасы минного, торпедного и бомбового вооружения КБФ, хотя основная его часть всё же предусмотрительно хранилась в Кронштадте. Новые базы в Прибалтике были недостаточно обеспечены торпедным оружием: в Главной базе (Таллин) имелась 91 533-мм торпеда и 56 старых 450-мм торпед, в Либаве - 113 533-мм торпед и 53 450-мм торпед. Зато в Кронштадтской военно-морской базе было сосредоточено на складах 488 533-мм торпед (65% от общего количества), 507 450-мм торпед (84%), все 136 торпед «45-36 АН» (100%) и 435 торпед «45-36 АВА» (100%).

Минно-тральное вооружение также хранилось весьма неравномерно по базам: в Таллине имелось 15 тралов Шульца, 22 катерных трала, 14 щитовых тралов, 1 придонный трал, в Либаве – 8 тралов Шульца, 3 змейковых трала, 5 катерных тралов, 5 щитовых тралов, 3 придонных трала. В то же время в Кронштадте было складировано 93 трала Шульца (76%), 63 змейковых трала (90%), 80 катерных тралов (56%), 32 щитовых трала (52%), 81 придонный трал (94%). По глубинным бомбам картина тоже была довольно показательная: если в Таллине хранилось 328 глубинных бомб «Б-1» и 968 бомб «М-1», в Либаве – 716 бомб

¹²⁴² Таблица корабельного состава сил КБФ и дислокация перед началом войны. Приложение № 2 к «Краткому обзору боевых действий КБФ за период с 22.06 по 31.12.1941 года». – РГА ВМФ. Материалы фонда Р-2251. Мелконов Ю. Ю. Пушки курляндского берега. С. 125.

¹²⁴³ Таблица корабельного состава сил КБФ и дислокация перед началом войны. Приложение № 2 к «Краткому обзору боевых действий КБФ за период с 22.06 по 31.12.1941 года». – РГА ВМФ. Материалы фонда Р-2251.

«Б-1» и 2232 бомб «М-1», то в Кронштадте – 6045 бомб «Б-1» (74%) и 6195 бомб «М-1» (49%)¹²⁴⁴.

Распределение минного вооружения также свидетельствовало о явном приоритете тыловых баз по сравнению с передовыми: в Главной базе (Таллин) находилось 1242 мины обр. 1908 г., 1257 мин обр. 1926 г., 300 минных защитников, в Либаве – 323 мины обр. 1908 г., 1341 мина обр. 1912 г., 400 мин обр. 1926 г., 39 мин «ПЛТ», 1412 минных защитников, а в Кронштадтской базе – 1280 мин обр. 1908 г. (45%), 21 мина обр. 1912 г., 4060 мин обр. 1926 г. (71%), 903 мины обр. 1931 г. (100%), 576 мин «ПЛТ» (93%), 747 мин «Рыбка» (100%) и 1597 минных защитников (48%)¹²⁴⁵.

Следует отметить, что общее состояние хранилищ минно-торпедного боезапаса накануне войны оценивалось начальником Тыла КБФ генерал-майором М. И. Москаленко как *«тяжелое»*. Причиной для такого вывода являлось то обстоятельство, что хранилища в Кронштадте были опасно перегружены. Например, в хранилище торпед в Кронштадте вместо положенных 275 вагонов находилось 411 вагонов с торпедами. Склад № 146, рассчитанный на 60 вагонов торпед, был вынужден хранить 70 вагонов. В западных базах наблюдалась острая нехватка оборудованных складских помещений для хранения торпед. В результате, в Таллине негде было хранить 89 торпед, в Палдиски – 34 торпеды, в Либаве – 73, в Риге – 64 и на Ханко – 300 торпед. Кроме того, торпедные хранилища в Прибалтике были совершенно не оборудованы, а на их оснащение в 1941-м году не было выделено средств. В результате, из 1200 торпед, поступающих по плану 1941-го года, не менее 800 штук предполагалось хранить на открытом воздухе¹²⁴⁶.

Так же неудовлетворительно хранился и минный запас КБФ. Склады в Кронштадте были опасно перегружены, и на открытом воздухе хранилось 410 мин. На складе № 146 имевшиеся хранилища были уже забиты до отказа. В Риге и в Либаве минные хранилища точно так же были перегружены. Всё это привело к тому, что поступающие от промышленности в 1941 г. мины (1000 «КБ-3», 400 «АГ», 2500 мин обр. 1926 г., 800 мин обр. 1908 г., 800 «ПЛТ», 150 «ЭП» и другие) пришлось хранить на открытом воздухе. Из-за необеспеченности западных баз складскими площадями, в Таллине негде было разместить 2600 мин и 1156 минных защитников, а в Риге – 800 мин¹²⁴⁷.

Артиллерийский боезапас Краснознаменного Балтийского флота распределялся следующим образом. По 305-мм снарядам один боекомплект выстрелов хранился в Главной

¹²⁴⁴ Ведомость потребности и обеспеченности флота к началу войны минно-торпедным боезапасом и имуществом, рассосредоточение его по базам. Приложение № 7 к «Краткому обзору боевых действий КБФ за период с 22.06 по 31.12.1941 года». – РГА ВМФ. Материалы фонда Р-2251.

¹²⁴⁵ Там же.

¹²⁴⁶ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1. Л. 118-119.

¹²⁴⁷ Там же. Л. 119-120.

базе (Таллин), два комплекта – в базе Ханко, два боекомплекта – в Кронштадтской базе и один – на складах. 203-мм выстрелы полностью были сосредоточены в Кронштадте (два комплекта) и на флотских складах (полкомплекта). Что касается 180-мм снарядов, то большая часть их была сосредоточена в прибалтийских базах: в Таллине – один комплект, в Береговой обороне Балтийского района – один комплект, в Либаве – один и в Ханко – полтора комплекта. Кроме того, на складах КБФ хранился еще один комплект 180-мм снарядов. 152-мм снаряды хранились рассредоточено: в Таллине находился полуторный боекомплект, в Либаве и в Береговой обороне Балтийского района – по одному комплекту, в Кронштадте – два боекомплекта и на складах флота – один комплект. Примерно так же был распределен и запас 130-мм снарядов¹²⁴⁸.

Основные запасы топлива для нужд кораблей и авиации КБФ находились в Кронштадтской военно-морской базе. Весь запас авиационного бензина был расположен на складах восточного аэродромного узла. В Таллине, Риге, Либаве и Ханко накануне войны было сосредоточено 21,5 тыс. тонн мазута и около 200 тонн соляра, причем из них 13,5 тыс. тонн мазута (т.е. 63%) и весь запас соляра хранились в Либаве, что вряд ли можно было назвать разумным. При этом наличный запас жидкого топлива в Таллине, Риге, Ханко и на Моонзундских островах не обеспечивал потребностей базировавшихся в них кораблей. На кораблях находилось в среднем 50% топлива от полного запаса¹²⁴⁹.

В итоге, можно сказать, что базы в Либаве, Риге, Таллине, Палдиски, Усть-Двинске, Ханко не были должным образом оборудованы для базирования значительных сил флота. Крупная военно-морская база в Палдиски находилась в процессе строительства, а в остальных прибалтийских базах переоборудование находилось в начальной стадии развития. Нельзя также забывать, что необходимые судоремонтные предприятия имелись лишь в Либаве, Таллине и Усть-Двинске. Однако база в Либаве была фактически передовой, находилась в опасной близости от границы, поэтому перегружать её большим количеством ремонтирующихся кораблей было просто неразумно в преддверии войны. (К сожалению, как показало последующее начало Великой Отечественной войны, избежать потери кораблей в ней не удалось.)

Оборудование во многих прибалтийских портах кардинально не обновлялось после 1917 г. и часть его требовала срочного обновления. Во многих базах, кроме акватории и ограниченного причального фронта, не было практически никакого оборудования. Сами гавани, зачастую сильно обветшавшие, необходимо было срочно ремонтировать, чтобы они

¹²⁴⁸ Ведомость обеспеченности флота основными видами артиллерийско-стрелкового вооружения и боезапаса по военно-морским базам КБФ к началу войны. Приложение № 6 к «Краткому обзору боевых действий КБФ за период с 22.06 по 31.12.1941 года». – РГА ВМФ. Материалы фонда Р-2251.

смогли обеспечить базирование в них боевых кораблей. Не хватало складов для разного имущества и емкостей для топлива. Однако, оперативно обеспечить новые базы всем необходимым оборудованием и имуществом КБФ мог лишь в ограниченной степени, поскольку обладал недостаточным для этого вспомогательным флотом.

Несмотря на весьма ограниченные возможности новых баз, командование КБФ перед войной допустило неоправданно быстрое их заполнение боевыми кораблями, береговыми и сухопутными частями, учреждениями и организациями флота. Особенно тревожное положение складывалось в Усть-Двинске и Либаве. Всё же, Наркомату ВМФ и Военному совету КБФ не следовало так торопиться с перебазированием сил флота в новые базы, которые были ещё не готовы в полной мере к этому и по сути дела создавались параллельно с перебазированием. Это неизбежно отрывало значительную часть личного состава от процесса боевой подготовки, что неизбежно сказывалось на её уровне.

Стоит указать ещё на одно обстоятельство, сильно повлиявшее на процесс базового строительства на КБФ. Советское командование долго не могло решить, где следует сооружать главную базу флота. Как уже говорилось, в середине 1930-х годов выбор был сделан в пользу Усть-Луги, где началось строительство большой военно-морской базы. Осенью 1939 г. в связи с изменением политической ситуации Прибалтики оказалась под контролем СССР, и советской стороной было принято решение о создании в Палдиски крупной базы флота. После того, как летом 1940-го года страны Балтии вошли в состав Советского Союза, командованием ВМФ было принято окончательное решение о создании главной базы флота в Таллине. В то же время, одновременно продолжалось строительство крупных баз в Палдиски (с 1939 г.) и в Усть-Луге (с 1935 г.), что, несомненно, распыляло имевшиеся силы и средства на строительство большого количества столь дорогостоящих объектов.

Относительно развития Береговой обороны КБФ в новых западных базах, надо сказать, что план строительства береговых батарей в Прибалтике к началу Великой Отечественной войны оставался незавершенным, и прежде всего в части строительства крупнокалиберных батарей (от 180-мм до 406-мм). Однако следует задаться вопросом, насколько оправданным было создание перед войной столь мощной системы Береговой обороны КБФ, которая даже в специфических условиях Балтики выглядела избыточно сильной. Причины же создания именно такой системы БО следует искать во взглядах советского военно-морского командования, которое в основном опиралось на опыт действий русского флота в годы Первой мировой войны. Успешный опыт применения минно-артиллерийских позиций в

¹²⁴⁹ Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Научно-исторический труд. Т. III. С. 28.

1914-1917 гг., как полагало руководство Наркомата ВМФ, требовал воспроизведения нечто похожего уже в новых условиях, только в ещё более усиленном варианте. В итоге, командование Советского ВМФ сделало всё возможное для создания мощной Береговой обороны, но подошло к этому вопросу излишне схематично, не учитывая того, что стратегическая ситуация на Балтике сильно образом изменилась по сравнению с Первой мировой войной.

Перед началом Первой мировой войны Германия располагала очень мощным военно-морским флотом, лишь немногим уступавшим английскому, и возможность привлечения даже части его сил на Балтике могла сильно нарушить баланс сил в пользу противника. Так что создание русским Балтийским флотом Центральной минно-артиллерийской позиции выглядело тогда абсолютно оправданным и логичным. Однако к началу войны с Советским Союзом Германия располагала лишь небольшим надводным флотом, который к тому же целиком был задействован в войне с Англией. Вероятность его действий в Балтийском море была крайне незначительна, и к тому же советский Балтийский флот на тот момент был довольно сильным по своему составу. Таким образом, обстоятельства сильно изменились, а командование РКВМФ этого почему-то упорно не замечало и продолжало мыслить устаревшими категориями. В результате, советской стороной на Балтике создавалась совершенно избыточная береговая оборона, возможность применения которой против надводного флота противника находилась под большим вопросом.

Несмотря на огромные усилия, к началу Великой Отечественной войны так и не удалось завершить в полном объеме капитальное строительство в новых военно-морских базах в Прибалтике. Лишь в базе Ханко строительные работы были практически завершены, и она имела полноценную сухопутную оборону. Проведенные в течение 1940 – начала 1941 годов строительные работы дали возможность ввести в строй к началу войны бóльшую часть береговых батарей, в том числе часть крупнокалиберных батарей. По мнению историка фортификации А. Н. Кузьмина, развернувшиеся события Великой Отечественной войны *«подтвердили правильность основных оперативных решений по Береговой обороне этой части морских границ Советского Союза»*¹²⁵⁰.

В то же время, как полагал А. Н. Кузьмин, при сооружении береговых батарей командованием Балтийского флота было допущено два основных просчета. Во-первых, отсутствовала глубина построения Береговой обороны в Рижском заливе и Моонзундском районе. Поэтому противник, овладев латвийским побережьем, в самой глубине Рижского залива – как в Усть-Двинске, так и в Пярну – уже не встретил никаких серьезных береговых

¹²⁵⁰ Кузьмин А. Н. Долговременная фортификационная подготовка западной части Балтийского театра в 1940 и 1941 гг. С. 1.

укреплений, что позволило ему беспрепятственно высадить десанты. И, во-вторых, краткие сроки строительства не дали возможности решить вопрос о заблаговременном создании сухопутной обороны Моонзундских островов и сухопутных подходов к военно-морским базам Балтийского флота. Поэтому уже в ходе боевых действий пришлось спешно создавать полевые рубежи и опорные пункты на главнейших направлениях.

Кроме того, малочисленность гарнизонов, к тому же слабо обученных бою в полевых условиях, стала еще одной причиной, сильно повлиявшей на сроки и успешность борьбы за острова и базы КБФ. Естественно, что противник в полной мере использовал слабые стороны Береговой обороны флота, предпочитая атаковать береговые укрепления с тыла¹²⁵¹.

Стоит повторить тот тезис, что общая незавершенность берегового строительства КБФ не имела решающего значения для общего хода боевых действий на Балтийском театре в 1941-м году. Причина заключалась в том, что судьба прибалтийских баз КБФ решалась исключительно на сухопутном направлении и зависела, в первую очередь, от успехов или неудач боевых действий частей Красной Армии в Латвии и Эстонии. Немаловажное значение здесь приобретал вопрос сухопутной обороны военно-морских баз в Латвии и Эстонии, который перед войной так и не удалось решить наркоматам обороны и ВМФ. И здесь негативным образом сказались отсутствие налаженного взаимодействия между армейским и морским командованием, а также отсутствие у армии хорошо подготовленных сухопутных частей, предназначенных для обороны баз.

Катастрофическое отступление Красной Армии в Прибалтике летом 1941-го года моментально обернулось печальными последствиями для Краснознаменного Балтийского флота. Ввиду угрозы захвата военно-морских баз с суши, соединениям, частям и кораблям КБФ пришлось спешно покинуть свои базы и бросать береговые артиллерийские позиции, в строительство которых накануне войны были вложены такие огромные средства (не менее 500 млн. золотых рублей). В результате летних боев и отступления войск Северо-Западного фронта, Краснознаменный Балтийский флот быстро лишился всех своих приобретений 1939-1940 гг. и был вынужден вернуться к той системе базирования, которая имела до осени 1939-го года. Таким образом, все оперативные выгоды, которые Балтфлот получил с размещением в Прибалтике, были очень быстро потеряны.

В результате Береговая оборона КБФ в 1941-м году не смогла в полной мере сыграть той роли, которая была возложена на неё согласно предвоенным планам. Даже пример успешной боевой деятельности ВМБ Ханко летом-осенью 1941 г. оказался весьма ограниченным. Её гарнизон не только успешно оборонялся и сковывал крупные силы

¹²⁵¹ Кузьмин А. Н. Долговременная фортификационная подготовка западной части Балтийского театра в 1940 и 1941 гг. С. 1-2.

противника, но ещё и предпринял активные действия в прилегающем островном районе. Однако, в условиях глубокого отхода частей Красной Армии к Ленинграду, было совершенно бессмысленно держать 20-тысячный гарнизон базы в далеком тылу. Поэтому высшим командованием было принято совершенно правильное решение об её эвакуации. Аналогичная ситуация сложилась и с гарнизоном береговых батарей на острове Осмуссаар (Оденсхольм), который также оказывал мужественное сопротивление немецкому флоту, но из-за общей тяжелой ситуации на сухопутном фронте его также пришлось эвакуировать. Хорошо показали себя в борьбе с флотом противника и береговые батареи Моонзунда, которые пришлось оставить лишь после занятия островов немецкими войсками.

Таким образом, Краснознаменный Балтийский флот оказался заложником общей военной ситуации на северо-западном стратегическом направлении, предугадать которую до начала Великой Отечественной войны никто не смог. В результате, тяжелое поражение Красной Армии в приграничных сражениях и её последующее отступление из Прибалтики на начальном этапе войны предопределили неудачный исход боев для сил КБФ в Рижском и Финском заливах летом 1941 г.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ПЕТРОВ Павел Владимирович

**КРАСНОЗНАМЕННЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: 1935 – ВЕСНА 1941 гг.**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 2

Научный консультант:
почетный работник высшего
профессионального образования РФ,
доктор исторических наук
профессор В. А. Кугузов

Санкт-Петербург

2014

Оглавление

Том 2

Глава 4. Командные кадры Краснознаменного Балтийского флота в 1930-х – 1941 годах	С. 3–68
§ 1. Подготовка командных кадров Военно-Морских Сил РККА в 1930-х годах	С. 3–26
§ 2. Политические репрессии на КБФ в середине 1930-х – начале 1941 гг.	С. 26–38
§ 3. Политические настроения и дисциплина на КБФ в конце 1930-х – начале 1941 гг.	С. 38–50
§ 4. Состояние командных кадров на КБФ во второй половине 1930-х – начале 1941 гг.	С. 50–68
Глава 5. Боевая подготовка на Краснознаменном Балтийском флоте в 1935 – 1941 годах	С. 69–191
§ 1. Боевая подготовка КБФ в 1935 – 1936 гг.	С. 69–98
§ 2. Боевая подготовка на КБФ в 1937 – 1938 гг.	С. 98–133
§ 3. Боевая подготовка КБФ в 1939 году	С. 134–150
§ 4. Боевая подготовка КБФ в 1940 – начале 1941 гг.	С. 150–191
Глава 6. Оперативное планирование и применение Краснознаменного Балтийского флота в 1935-1941 годах	С. 192–320
§ 1. Оперативное планирование на КБФ в 1935 – 1938 гг.	С. 192–225
§ 2. Оперативное планирование на КБФ в 1939 году	С. 225–232
§ 3. Краснознаменный Балтийский флот и события в Прибалтике осенью 1939 года	С. 233–254
§ 4. Участие КБФ в войне с Финляндией зимой 1939 – 1940 гг.	С. 254–280
§ 5. Краснознаменный Балтийский флот и события в Прибалтике в июне 1940 года	С. 280–288
§ 6. Оперативное планирование на КБФ весной 1940 – весной 1941 гг.	С. 288–320
Заключение	С. 321–338
Сокращения	С. 339–341
Источники и литература	С. 342–374
Приложение 1. Состав Надводных сил КБФ в конце 1939-начале 1940 гг.	С. 375–379
Приложение 2. Состав Ладужской военной флотилии в конце 1939-начале 1940 годов	С. 379–380
Приложение 3. Состав Подводных сил КБФ в конце 1939-начале 1940 гг.	С. 380–382

Глава 4. Командные кадры Краснознаменного Балтийского флота в 1930-х – 1941 годах

§ 1. Подготовка командных кадров Военно-Морских Сил РККА в 1930-х годах

Подготовка командных кадров для Военно-Морских Сил РККА в предвоенный период (1922 – 1941 годы) предусматривала следующие этапы: 1) Получение военно-морского образования в военно-морских учебных заведениях (ВМУЗах) и на курсах; 2) Подготовку командного состава непосредственно на флоте, в ходе командирской учебы и отработки учебно-боевых задач в период проведения мероприятий боевой подготовки (БП); 3) Совершенствование командных навыков и знаний командиров, находящихся в запасе.

Во второй половине 1920-х годов Военно-Морские Силы советского государства вступили во второй этап своего развития, который характеризовался как этап окончательного формирования Советских Вооружённых Сил. В ходе военной реформы 1920-х годов был реорганизован центральный аппарат Наркомата по военным и морским делам СССР. Для установления рациональной и гибкой организации управления военно-морскими учебными заведениями, приказом Революционного военного совета (РВС) СССР № 390 от 31 августа 1926 г., было расформировано Учебное управление Штаба РККФ, а в составе Учебно-строевого управления Военно-морских сил РККА был образован Учебный отдел. Отдел ведал разработкой учебных планов, программ и методических указаний по вопросам образования и политического воспитания личного состава, инспектированием военно-морских учебных заведений¹.

Определяющую роль в деле подготовки командно-начальствующего состава Военно-Морских Сил сыграло постановление Центрального Комитета ВКП(б) от 25 февраля 1929 г. «О командном и политическом составе РККА». В постановлении указывалось на значение партийной и рабочей прослойки среди командных кадров, говорилось о непрерывном повышении военных и военно-технических знаний командирами и политработниками². 5 июня 1931 года ЦК ВКП(б) принял новое постановление «О командном и политическом составе РККА», где отмечались серьезные успехи в деле укрепления кадров начальствующего состава. В нем говорилось, что главной задачей в деле повышения боеспособности Вооруженных Сил является *«решительное повышение военно-технических*

¹ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота 1914–1941. С. 306. Боевая летопись ВМФ 1917-1941. С. 552.

² Боевая летопись ВМФ 1917-1941. С. 566. Копанишин В. В. Подготовка командного состава на флоте в межвоенном периоде (1921-июнь 1941 гг.) // Вестник Военного университета. 2007. № 2(10). С. 77.

знаний начсостава, овладение им в совершенстве боевой техникой и сложными формами современного боя». Именно военно-техническое совершенствование командира должно было стать «важнейшим звеном работы всего начсостава и всех армейских организаций»³.

Постановлением Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) СССР от 30 декабря 1937 г. был создан Народный комиссариат Военно-Морского Флота СССР. Для управления подготовкой и воспитанием квалифицированных командных кадров флота страны, было создано Управление военно-морских учебных заведений (ВМУЗ). Начальнику Управления ВМУЗ'ов подчинялись: Военно-морская академия РККФ им. К. Е. Ворошилова, 6 морских училищ, двое специальных курсов командного состава, Учебный отряд КБФ⁴. К началу Великой Отечественной войны, для обеспечения потребностей быстро растущего флота в командных кадрах, в СССР функционировало уже 10 военно-морских училищ, Высшие специальные курсы командного состава РККФ и Военно-морская академия⁵. Рассмотрим, какие военно-учебные заведения готовили в 1930-х – начале 1941 гг. командиров и специалистов для Советского Военно-Морского Флота.

Бывшая Николаевская Морская академия в апреле 1918 г. прекратила свою деятельность. Занятия в ней были возобновлены лишь в апреле 1919 года, причем велись они вначале по старым программам. Однако вскоре была проведена реорганизация академии. Приказом РВС Республики № 2640 от 26 ноября 1922 г., был введен постоянный штат Военно-морской академии РККФ. В соответствии с ним, были созданы военно-морской, военно-морского оружия с классом подводного плавания, гидрографический, машиностроительный, кораблестроительный и электротехнический отделы. При академии было создано Военно-морское научное общество (ВМНО)⁶. Начиная с 1926 г., учебные планы и программы ВМА пересматривались почти ежегодно, с целью приведения обучения слушателей в соответствие с новыми задачами флота и новейшими достижениями науки и техники. С 1927 г. деятельность академии была перестроена в соответствии с «Положением о высших военно-учебных заведениях РККА». В 1926-1941 гг. в Военно-Морской академии шёл процесс реорганизации, увеличивалось число факультетов и кафедр, готовивших морских командиров по различным специальностям. К 1938 г. во ВМА существовало 6

³ Боевая летопись ВМФ 1917-1941. С. 580. *Копанишин В. В.* Указ. соч. С. 77.

⁴ Боевая летопись ВМФ 1917-1941. С. 611-612.

⁵ *Закорин Н. Д., Кобзев В. П., Махров Н. В.* Становление и развитие военно-морского образования в России // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 1. Сост. А.А. Родионов. СПб., 2001. С. 454.

⁶ *Половинкин В. Н., Ярцев В. Б.* Академическая подготовка военно-морских кораблестроителей и электромехаников в Санкт-Петербурге // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 1. Сост. А.А. Родионов. СПб., 2001. С. 502-503. *Монаков М. С.* Военно-морская наука в России: происхождение, возникновение и становление национальной системы знаний о вооруженной борьбе на море. М., 2011. С. 250-256. *Красавкин В. К., Смуглин Ф. С.* Здесь град Петра и флот навеки слиты. История морских частей в городе на Неве (1703–2003). СПб., 2004. С. 225.

факультетов, был организован заочный факультет с отделениями в Севастополе и Ораниенбауме.

С 15 января 1938 г. академия получила новое название – Военно-морская академия Рабоче-Крестьянского Красного Флота имени К. Е. Ворошилова. В 1939 г. в академии был создан отдел вечернего и заочного обучения. С началом военных действий на Западе, в 1939 г. при командном факультете ВМА был создан штаб по изучению опыта Второй мировой войны. В 1939-1940 гг. Главный военный совет ВМФ рассматривает вопрос о реорганизации Военно-Морской академии, её разделении на командную и инженерную, которое предписывалось осуществить к 1 октября 1941 г. Академия активно готовилась к предстоящему разделению, но нападение Германии на СССР нарушило все планы.

Помимо Военно-Морской академии РККФ, постановлением Комитета обороны при СНК СССР № 48 от 10 июня 1939 г., в Ленинграде началось создание Военно-морской технической академии Рабоче-Крестьянского Красного Флота на основе военно-морского факультета Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева⁷.

Флот требовал подготовки кадров по самым различным специальностям, причем не только военно-морским. Подготовка таких специалистов для флота велась в различных сухопутных академиях РККА, на военно-морских факультетах. В 1934 г. при Военно-политической академии был создан военно-морской факультет. В 1935 г. во вновь открытой Военно-хозяйственной академии был также образован морской факультет, существовавший до 1940 г. Специалисты тыла и транспорта готовились в Военно-транспортной академии РККА. В августе 1938 г. нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов разрешил принимать ежегодно командный и начальствующий состав флота в Военную академию им. М. В. Фрунзе, Военно-воздушную академию на инженерный факультет, Военно-транспортную академию, Военно-ветеринарную, на военный факультет при Государственной консерватории. Кроме того, в 1939 г. по ходатайству заместителя наркома ВМФ П. И. Смирнова-Светловского, производился набор слушателей в морские группы Инженерной академии и Академии химзащиты.

Дальнейшее совершенствование теоретических и практических знаний командного и начальствующего состава флота, окончившего военно-морские училища, осуществлялось на Высших специальных курсах командного состава (ВСК) РККФ, Курсах усовершенствования начальствующего состава РККФ (КУВНАС), Курсах усовершенствования командиров соединений, начальников штабов и командиров кораблей. При Учебном отряде подводного плавания (УОПП) им. С. М. Кирова в конце 1930-х годов на Специальных курсах

⁷ Красавкин В. К., Смуглин Ф. С. Указ. соч. С. 265. Михайлов Л. Н. Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов. СПб., 2004. С. 74.

командного состава (СККС) подводного плавания осуществлялась подготовка командиров-подводников.

Наиболее важным звеном в подготовке будущих командиров для Военно-Морских Сил являлись военно-морские училища (ВМУ). С конца 1920-х годов началось активное строительство новых боевых кораблей для флота, что потребовало новых командных кадров. В связи с этим, постановлением Реввоенсовета СССР от 17 мая 1932 г. численность курсантов ВМУЗ'ов была увеличена более чем в 2 раза, стали проводиться специальные наборы курсантов по направлениям партийных и комсомольских организаций⁸. 26 сентября 1936 г. Совет труда и обороны (СТО) при СНК СССР принял решение о расширении сети военно-морских учебных заведений, предусматривавшее создание двух новых военно-морских училищ – в Севастополе и Владивостоке⁹. 14 сентября была издана директива начальника Морских Сил РККА № 40/149, в соответствии с которой в военно-морских училищах был снижен удельный вес теоретических и увеличено количество практических занятий. Особое внимание уделялось подготовке будущих штурманов, артиллеристов и минеров¹⁰.

17 мая 1939 г. вышло постановление Военного совета при наркомате обороны СССР «О кадрах командного состава ВМС РККА и о мероприятиях по расширению ВМУЗ», согласно которому было произведено расширение штатов военно-морских училищ и увеличен прием курсантов (в частности, в ВВМУ им. Фрунзе в 2,5 раза – с 1000 до 2530 человек)¹¹. Наконец, постановлением Правительства от 19 мая 1939 г. все командные училища были отнесены к разряду высших учебных заведений 1-й категории¹².

Основным военно-учебным заведением до революции, готовившим морских офицеров, являлся Морской корпус. В марте 1918 г. советское правительство расформировало его, но с 15 сентября 1918 г. на его основе были созданы Курсы командного состава флота, преобразованные 22 октября 1922 г. в военно-морское училище. С 7 января 1926 г. военно-морскому училищу было присвоено имя М. В. Фрунзе. А в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 июня 1939 г., старейшее военно-морское училище страны получило новое название и стало отныне именоваться – Высшее военно-морское ордена Ленина Краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе¹³.

⁸ Масягин В. П., Якимов С. А. Офицеры Балтийского флота. СПб., 2003. С. 63.

⁹ Боевая летопись ВМФ 1917-1941. С. 606.

¹⁰ Йолтуховский В. М. Развитие тральных сил и средств ВМС РККА (1921-1941). С. 37. Йолтуховский В. М. Минная война на море (1921-1945): По опыту Краснознаменного Балтийского флота. С. 41.

¹¹ Йолтуховский В. М. Развитие тральных сил и средств ВМС РККА (1921-1941). С. 33. Йолтуховский В. М. Минная война на море (1921-1945): По опыту Краснознаменного Балтийского флота. С. 38.

¹² Красавкин В. К., Смуглин Ф. С. Указ. соч. С. 263-264.

¹³ Беспалов А. С. Морские кадеты и гардемарины // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 1. Сост. А.А. Родионов. СПб., 2001. С. 470-471. Красавкин В. К., Смуглин Ф. С. Указ. соч. С. 263-264.

В предвоенный период успешно продолжало свою деятельность одно из старейших в стране инженерных учебных заведений – Военно-морское инженерное училище. Приказом РВС СССР № 219 от 29 апреля 1927 г. Военно-морскому инженерному училищу было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского. В 1931 г. приказом Реввоенсовета СССР профессорско-преподавательский состав ВМИУ им. Дзержинского приравнивается к преподавательскому составу Военно-морской академии. В мае 1939 г. ВМИУ было отнесено к категории высших учебных заведений. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 июня 1939 г. училище было награждено орденом Ленина и стало отныне называться – Высшее военно-морское инженерное ордена Ленина училище имени Ф. Э. Дзержинского¹⁴.

Увеличение состава флота вело к модернизации и строительству новых баз и береговых сооружений, что требовало значительного количества военных инженеров. В соответствии с решением Комитета обороны при СНК СССР от 10 июня 1939 г. и приказом № 301 наркома ВМФ от 22 июня 1939 г., на базе Ленинградского института инженеров промышленного строительства создается Высшее военно-морское инженерно-строительное училище (ВВМИСУ). В качестве основы для учебного плана и программ для училища были приняты учебные планы и программы военно-морского факультета Военно-инженерной академии РККА им. В. Куйбышева¹⁵. Подготовка военно-морских инженеров по боевым химическим веществам, порохам и взрывчатым веществам с 1939 г. шла на военно-морском факультете при Ленинградском химико-технологическом институте им. Ленсовета.

В рассматриваемый период огромное внимание уделялось вопросам береговой обороны, в связи с чем был поставлен вопрос о подготовке квалифицированных кадров. В 1926 г. было решено организовать Училище береговой обороны Морских Сил РККА, но открыто оно было в Севастополе только летом 1931 года. 10 июля 1934 г. училищу было присвоено имя Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Украины (ЛКСМУ). С 1937 по 1939 годы оно носило новое название – Военно-морское артиллерийское училище (ВМАУ) им. ЛКСМУ. С октября 1939 г. училище было переименовано в Военно-морское училище береговой обороны им. ЛКСМУ¹⁶.

Военно-Морской Флот также нуждался и в кадрах гидрографов, поэтому приказом наркома ВМФ от 2 октября 1939 г. на базе Гидрографического отдела ВМУ имени М. В. Фрунзе началось формирование Военно-морского гидрографического училища. В ноябре 1939 г. училище было объявлено высшим учебным заведением 1-й категории и отныне

¹⁴ Кузинец И. М., Муру Н. П. Военно-морскому кораблестроительному образованию 200 лет // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 1. С. 488-490. Красавкин В. К., Смуглин Ф. С. Указ. соч. С. 237, 263-264.

¹⁵ Красавкин В. К., Смуглин Ф. С. Указ. соч. С. 264. Боевая летопись ВМФ 1917-1941. С. 620. Михайлов Л. Н. Указ. соч. С. 74.

¹⁶ Колевид Г. И. Высшее Краснознаменное училище береговой артиллерии Военно-Морского Флота // Цитадель. 2009. № 16. С. 71-72.

именовалось – Высшее военно-морское гидрографическое училище им. Г. К. Орджоникидзе¹⁷.

9 октября 1932 г. приказом по Военно-Морским Силам РККА было объявлено о создании Школы связи ВМС РККА при Военно-морском инженерном училище им. Ф. Э. Дзержинского в составе четырех учебных отделений: радиотехнического, телемеханического, гидроакустического и проволочной связи. С 29 марта 1933 года школа была преобразована в самостоятельное Училище связи ВМС РККА с подчинением начальнику Военно-Морских Сил¹⁸. С 1937 по 1939 годы оно носило название Военно-морское училище связи им. Г. К. Орджоникидзе. 8 июля 1939 г., в связи с реорганизацией системы подготовки кадров командно-начальствующего состава РККФ, училище было расформировано.

Стремительное развитие авиационной промышленности в 1930-х годах привело к созданию не только мощных Военно-воздушных сил РККА, но также и морской авиации. Для подготовки кадров морских лётчиков, в 1937-1939 гг. из школ лётчиков создаются военно-морские авиационные училища (ВМАУ). Это, прежде всего, Военно-морское авиационное училище им. И. В. Сталина, Военно-морское училище им. С. А. Леваневского (г. Николаев), Военно-морское авиационно-техническое училище им. В. М. Молотова, 3-е Военно-морское авиационное училище (г. Ленинград). А в мае 1940 г. решением наркома ВМФ было сформировано Военно-морское авиационное училище специальных служб, курсов усовершенствования начсостава авиации ВМФ при ВМАУ им. И. В. Сталина и отделения подготовки штурманов авиации ВМФ при том же училище¹⁹.

Политсостав по всем видам партийно-политической работы готовило в 1926-1928 гг. Военно-морское политическое училище им. С. Г. Рошаля. После его расформирования, командно-политические кадры готовили на курсах и классах при военно-морских училищах. В соответствии с решением Главного военного совета ВМФ от 10 февраля 1939 г., в Ленинграде было создано Военно-морское политическое училище с 2-х летним сроком обучения на организационно-партийном, политико-просветительном отделениях и курсах усовершенствования политсостава, впоследствии получившее имя А. А. Жданова²⁰. В 1939-1940 гг. были также созданы политические училища на Черноморском и Северном флотах.

Кадры медиков для РККФ с 1938 г. готовились на военно-морском факультете 1-го Ленинградского медицинского института. В 1940 г. на базе 3-го Медицинского института в Ленинграде была создана Военно-морская медицинская академия – высшее медицинское

¹⁷ Загорин Н. Д., Кобзев В. П., Махров Н. В. Указ. соч. С. 453. Красавкин В. К., Смуглин Ф. С. Указ. соч. С. 265.

¹⁸ Загорин Н. Д., Кобзев В. П., Махров Н. В. Указ. соч. С. 453. Боевая летопись ВМФ 1917-1941. С. 587, 589.

¹⁹ Боевая летопись ВМФ 1917-1941. С. 660.

²⁰ Красавкин В. К., Смуглин Ф. С. Указ. соч. С. 263. Боевая летопись ВМФ 1917-1941. С. 617.

учебное заведение, целью которого было готовить кадры специалистов-врачей для ВМФ²¹. Фельдшеров для флота готовило Военно-морское медицинское училище в г. Кронштадте.

Военно-Морскому Флоту СССР требовались также военно-морские специалисты среднего звена – техники. В 1926-1941 годах существовала целая сеть учебных заведений, готовивших эти кадры для флота. Техников-интендантов готовило Военно-морское хозяйственное училище в Старом Петергофе. Водолазных специалистов для всех ведомств страны, в т.ч. и для РККФ, готовил Водолазный техникум в Балаклаве. Подготовка специалистов-подводников и других специалистов рядового и младшего состава велась в созданном в 1931 г. Учебном отряде подводного плавания (УОПП) ВМС РККА в г. Ленинград в составе Учебного дивизиона подлодок, подводного класса Специальных курсов командного состава ВМС РККА и Школы подводного плавания (с 10 июня 1939 г. – Краснознамённый учебный отряд подводного плавания (КУОПП) им. С. М. Кирова²²), а также в учебных отрядах флотов.

Из вышесказанного можно видеть, что система подготовки командно-начальствующего состава для ВМФ предполагала три основные ступени: Военно-морское училище – Высшие специальные курсы – Военно-Морская Академия. Впрочем, для разных категорий командно-начальствующего состава та или иная ступень в образовании могла выпадать, что было неудивительно. Данная система выглядит вполне логичной и правильной. Но насколько эффективной была данная система и насколько хороших командиров и специалистов для ВМФ она готовила, является довольно обширной темой для исследований.

Следует отметить, что реальный уровень образования в высших военно-морских учебных заведениях практически не анализировался ранее в отечественной историографии, ибо априори считалось, что большинство командиров получили накануне Великой Отечественной войны вполне достаточное и качественное образование для того, чтобы надлежащим образом исполнять свои служебные обязанности. Поэтому, в последующих просчетах и неудачных действиях нашего военно-морского командования в ходе Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. большинство отечественных исследователей были склонны винить всё, что угодно, но только не саму систему подготовки командных кадров для Советского ВМФ. Она оценивалась как если и не идеальная, то единственно возможная и наиболее правильная. Поэтому большинство историков воспринимали этот тезис в качестве своеобразной аксиомы. Данный постулат довольно прочно утвердился в исторической литературе, поэтому на этом крайне важном моменте стоит остановиться поподробнее.

²¹ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12 (1-2). М., 1997. С. 376.

²² Красавкин В. К., Смуглин Ф. С. Указ. соч. С. 264. Боевая летопись ВМФ 1917-1941. С. 583-584, 619.

Прежде всего, необходимо понимать, что командиры, подготовленные в системе ВМУЗ'ов в период 1920-1930-х годов, не являлись какой-либо особенной кастой или элитой советского общества. Не следует думать, что командиры РККФ формировались в некоем вакууме, изолированно от всего общества. Наоборот, надо понимать, что люди, которые шли в военно-морские училища и становились затем командирами флота, были типичными представителями советского общества, они формировались в системе советской командно-административной системы, получали стандартное советское образование и воспитание, что неизбежно накладывало отпечаток на их последующую служебную деятельность.

Здесь также необходимо учитывать ярко выраженный классовый подход советского государства к воспитанию своих управленческих кадров. После Гражданской войны руководство партии и правительства сделало ставку на подготовку будущих командиров для РККА и РККФ по классовому признаку. Причем, особенно сильно это явление наблюдалось в 1920-е годы. Предпочтение при приеме в военные училища тогда отдавалось представителям «социально близких» слоев общества – рабочим, крестьянам, и лишь в последнюю очередь – интеллигенции. Так, например, в 1923 г. при выпуске «красных командиров» из Военно-морского училища 60% были по своему происхождению рабочими, 30% – крестьянами и лишь 10% – представителями других социальных слоев. В Военно-морском инженерном училище соотношение выглядело следующим образом: 63,6% выпускников были крестьянами, 18,2% – рабочими и 18,2% – представителями других классов²³. В 1925-м году ситуация была примерно такой же: среди выпускников Военно-морского училища рабочие и крестьяне составляли 83,7%, а среди выпускников Военно-морского инженерного училища – 94,4%²⁴.

Поскольку в командиры стали рекрутироваться представители малообразованных слоев населения, это сразу же привело к резкому понижению общего интеллектуального уровня командно-начальствующего состава Рабоче-Крестьянского Красного Флота по сравнению с офицерами Российского императорского флота. Если учесть, что до революции в Морской корпус принимались в основном лица дворянского происхождения, которые принадлежали к наиболее образованным слоям общества и зачастую уже получили хорошее домашнее образование, то можно понять, какая резкая перемена произошла в общеобразовательном уровне воспитанников военно-морских учебных заведений. В итоге, в военных училищах периода 1920-х – начала 1930-х годов приходилось в первую очередь ликвидировать элементарную неграмотность курсантов, которые не обладали должными знаниями.

²³ *Масягин В. П., Якимов С. А.* Указ. соч. С. 57.

²⁴ Там же. С. 57.

На протяжении всех 1930-х годов многие высшие командиры РККА неоднократно ставили вопрос о недопустимо низком уровне общеобразовательной подготовки подавляющей части командиров Красной Армии. В частности, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа И. П. Белов в своем письме наркому по военным и морским делам СССР К.Е. Ворошилову от 7 октября 1930 г. говорил о необходимости иметь в РККА грамотных в военно-техническом отношении командиров и решительной переподготовке всех слабых командиров *«в возможно короткие сроки»*²⁵. Еще более определенно по этому вопросу высказался командующий войсками Сибирского военного округа М. К. Левандовский, который подчеркнул в письме К. Е. Ворошилову: *«... У нас в этом отношении резко бросается в глаза низкий уровень общеобразовательной подготовки командира. Вследствие этого, наша армия вынуждена затрачивать очень много времени, сил и средств, чтобы сделать нашего командира грамотным человеком, способным справиться с сложными требованиями современного управления войсками в бою»*²⁶.

Весьма характерно, что подобную же невысокую оценку командному составу РККА давали и немецкие офицеры в своем разведывательном обзоре за 1933-й год: *«... Теперь очевидно настало время по созданию инициативного и волевого командира всех степеней... До сих пор армия страдает тем, что начиная от командира взвода и кончая командиром полка, командир не является еще полноценным. В своей массе они способны лишь решать задачу унтер-офицера. Несмотря на все мероприятия, проблема о командире Красной Армии еще не разрешена...»*²⁷. Важно отметить, что данная оценка была сделана еще за 4 года до начала массовых репрессий среди командно-начальствующего состава Красной Армии.

На совещании Военного совета при наркомате обороны СССР в декабре 1934 г. командующий войсками Приволжского военного округа П. Е. Дыбенко заявил, что командный состав Красной Армии *«на 50% по общеобразовательным предметам абсолютно неграмотен»*²⁸. В ходе проверки начальствующего состава ряда военных округов выяснилось, что значительная часть командиров не может решить элементарных арифметических задач, плохо знает географию и военную историю, не умеет даже грамотно писать приказы и распоряжения²⁹. С данной оценкой полностью согласился начальник Политического управления РККА Я. Б. Гамарник, отметивший в своем докладе, что причины

²⁵ Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М., 1992. С. 272.

²⁶ Там же. С. 284.

²⁷ Там же. С. 300.

²⁸ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. Отв. сост. А. С. Князьков. М., 2007. С. 200.

²⁹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. С. 200, 245-246.

отставания командного состава в боевой подготовке *«упираются в недостаточную общеобразовательную подготовку начсостава, старшего и высшего»*³⁰. Этому обстоятельству способствовало также и то, что в Красной Армии общеобразовательная подготовка велась, по словам Гамарника, исключительно кустарно и не систематически, в то время как её следовало сделать *«важнейшим элементом нашего аттестования»*³¹.

Подобное положение дел с подготовкой командиров в Красной Армии было трудно скрыть не только от собственных командиров, но и от зарубежных наблюдателей. Поэтому в разведывательных обзорах иностранных армий в этот период отмечалось, что старых офицеров флота в рядах РККФ осталось крайне мало после многочисленных чисток 1920-х – начала 1930-х годов, а новые командиры часто не соответствуют занимаемым должностям. В обзоре польской разведки про командный состав морской артиллерии Кронштадской крепости говорилось, что *«командиры взводов, а также многие батарейные командиры имеют весьма слабую подготовку, в большинстве они бывшие унтер-офицеры-фейерверкеры, которые получали свою военную подготовку лишь в Гражданской войне, не обладают теоретическими знаниями и не имеют подготовки военной школы»*, которых направляли 1-2 раза на кратковременные дополнительные курсы. Другая часть комсостава, *«молодые, окончили кое-как военную школу, но у них отсутствует стремление дальнейшего своего развития»*³². Отмечалось также плохое знание командирами специальной литературы, игнорирование ими метеорологических данных, слабое использование дальномеров и других приборов³³.

В принципе, оценивать уровень и содержание процесса обучения в военно-морских учебных заведениях могло позволить себе лишь высшее руководство Военно-Морских Сил РККА и ВМФ, ибо это затрагивало принципиальные основы организации и подготовки флота. В связи с этим, для нас будет чрезвычайно интересным ознакомиться с мнениями целого ряда представителей высшего командно-начальствующего состава Военно-Морского Флота относительно качества подготовки командиров флота в системе военно-морских учебных заведений и их последующей учебно-практической деятельности на флотах.

В декабре 1935 г. на заседании Военного совета при наркомате обороны СССР начальник Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов и командующий КБФ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер в своих докладах коснулись такой серьезной проблемы, как молодость и неопытность командиров, которые, по их словам, *«нуждаются в усилении*

³⁰ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. С. 244.

³¹ Там же. С. 245.

³² Centralne Archiwum Wojskowe (CAW – Центральный военный архив Польши), Oddzial II Sztabu Głównego (2-й отдел Главного штаба). Sygn. I.303.4.2048.

³³ Ibid.

морской тренировки» и вообще *«требуют огромной работы над ними»*³⁴. При этом признавался тот факт, что количество учебных кораблей на Балтике для подготовки будущих командиров не соответствует масштабности поставленных задач по подготовке командных кадров, поэтому пришлось задействовать для этого боевые корабли³⁵.

После проведения учебно-боевой операции № 1 на КБФ руководством Морских Сил РККА был сделан принципиально важный вывод о том, что *«наши командиры уже достаточно подготовлены в области повседневной службы, ... но очень сильно отстают в тактической подготовке, недостаточно воспитаны в духе инициативы и активности, все ждут указаний вышестоящего начальника»*³⁶. Иными словами, действия большинства командиров КБФ в ходе операции *«отражали больше распорядительную, чем тактическую сторону»*. Было отмечено, что как только командиры попадали в сложную обстановку, они сразу же терялись, проявляли мало инициативы и ждали указаний. Кроме того, они плохо знали тактико-технические характеристики кораблей противника, поэтому совершенно не представляли себе ни их отрицательных, ни положительных сторон³⁷.

На заседании Военного Совета при наркомате обороны СССР 23 ноября 1937 г. член Военного Совета Морских Сил РККА дивизионный комиссар П. И. Лаухин обратил внимание на совершенно недостаточную оперативную и тактическую подготовку командиров флота и даже *«беспомощность у ряда командиров кораблей, когда они не в состоянии даже провести простые темы командирской учебы»*³⁸. С целью ликвидации указанных недостатков, Лаухин просил сделать особый упор на командирской учебе и создать специальные курсы по переподготовке командиров, через которые следовало *«пропустить вновь назначенных командиров – высший командный состав и низший»*. На эти курсы П. И. Лаухин просил направить всех командиров соединений и командиров кораблей, чтобы они могли затем контролировать подготовку нижестоящих командиров. То есть, членом Военного Совета МС РККА П. И. Лаухиным был поднят крайне важный вопрос о недостаточности той базовой подготовки, которую давали военно-морские училища страны. Только этим можно было объяснить ту странную ситуацию, когда новым командирам флота необходимо было помогать, обучать их, *«потому что если этим новыми кадрами мы не будем заниматься, не будем им помогать, то им будет очень трудно работать»*³⁹.

³⁴ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. М., 2008. С. 70-71, 169.

³⁵ Там же. С. 71.

³⁶ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГА ВМФ). Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 205. Л. 4, 41.

³⁷ Там же. Л. 4, 41.

³⁸ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М., 2006. С. 214.

³⁹ Там же. С. 213.

Впрочем, и в последующие годы, по признанию наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, командирской учебе на флоте не уделялось должного внимания, а сама она носила кустарный характер, проводилась *«не всегда систематически и ненацеленно»*. При проведении занятий с командирами наблюдался шаблонный подход, и они не испытывали никакого интереса к ним⁴⁰.

На этом же совещании командующий КБФ флагман 1-го ранга И. С. Исаков в своем докладе отметил, что и *«морская подготовка командиров никуда не годится»*⁴¹. По мнению командующего флотом, Балтийский флот держал сомнительный рекорд в том плане, что *«наши курсанты меньше всех плавают, даже финны плавают в три раза больше, чем наши командиры»*. Более того, Исаков подчеркнул совершенно неудовлетворительный уровень самой подготовки в военно-морских училищах, когда оттуда на флот приходили лишь теоретически подготовленные люди, а не настоящие морские командиры. По мнению Исакова, выпускник училища в тот период был *«пропагандист, теоретик, всё что угодно, только не моряк; он боится погоды, его укачивает, и он делает такие аварии, что сажает корабль на мель в штиль, среди бела дня»*. Выход из данного положения виделся Исакову в увеличении объема морской подготовки курсантов ВМУЗ'ов, которые по его словам, зачастую боялись моря и даже не умели управлять шлюпкой (!)⁴². (Небезынтересно будет отметить, что ещё на заседаниях Военного совета при НКО СССР в декабре 1934 г. и в декабре 1935 г. командующим КБФ Л. М. Галлером неоднократно ставился вопрос об острой нехватке на Балтике учебных кораблей и совершенно недостаточной морской подготовке курсантов ВМУЗ'ов⁴³.)

Впоследствии, тема неудовлетворительной морской подготовки командиров флота была поднята наркомом ВМФ флагманом флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецовым в его приказе № 0335 от 5 июля 1939 г., где он указывал, что многие командиры – недавние выпускники военно-морских училищ в условиях свежей погоды укачивались почти на 60-70% (!), а многие командиры во время похода вообще покидали штурманскую вахту во время качки⁴⁴. Плохо обстояли дела и с управлением кораблём, которое, по мнению Кузнецова, редко находилось на высоком уровне. Вместо этого, расчёт и последовательность при выполнении того или иного манёвра командирами зачастую подменялись необоснованной лихостью, за которой, по мнению наркома ВМФ, скрывался лишь *«недостаток морской культурности»*⁴⁵.

⁴⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). С. 458.

⁴¹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. С. 140.

⁴² Там же. С. 140.

⁴³ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. С. 233.

Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. С. 169-170.

⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 64. Л. 89-90.

⁴⁵ Там же. Л. 88.

Как вывод, нарком ВМФ приказал, чтобы морская подготовка была *«поставлена на уровень специальной подготовки»*, не выделяя её в отдельную специальность, но так, чтобы она *«комплексно входила неотъемлемой частью любой специальности»*⁴⁶.

Нарком Кузнецов не случайно отметил плохое управление кораблями. Большое количество аварий и катастроф на флотах в 1938-м году, и прежде всего, на Балтике, свидетельствовали именно о плохой морской подготовке командиров. К примеру, командир Отряда лёгких сил КБФ капитан 1-го ранга Б. П. Птохов, проводя разбор похода лёгкого крейсера «Киров» с эсминцами «Сметливый» и «Стремительный» в начале ноября 1939 г., отметил, что *«построение в ордера, походные порядки и выполнение маневрирования остаются до сих пор нечёткими»*, и даже при постановке на якорь *«все корабли неправильно выходят на заданное место, в результате чего встают не по диспозиции»*⁴⁷. При съёмке с якоря и выходе из гавани наблюдалась несогласованность в действиях командиров кораблей, они не укладывались в положенные нормативы и даже не соблюдали правила судовождения. При совместном следовании с крейсером «Киров» в условиях плохой видимости эсминцы «Сметливый» и «Стремительный» неоднократно отставали от него, не выдерживали строй⁴⁸.

Но не только морская подготовка командиров флота оставалась неудовлетворительной; большие претензии у наркома ВМФ имелись и по части оперативной и тактической подготовки командиров. По данному вопросу ещё 17 января 1939 г. прежний нарком ВМФ командарм 1-го ранга М. П. Фриновский издал приказ № 010, большинство положений которого так и остались невыполненными. Поэтому начальник Главного морского штаба ВМФ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер был вынужден 30 июля направить военным советам флотов и командующим флотилий специальную директиву, посвященную исключительно вопросам оперативной подготовки командно-начальствующего состава⁴⁹. К данному вопросу затем вернулся нарком ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов, который в своем приказе № 0417 констатировал тот факт, что, несмотря на все проведенные учения и сборы командного и преподавательского состава на флотах, имеется *«ряд недочетов в работе командования (флота, соединения) и органов боевого управления, требующих к себе самого серьезного внимания»*⁵⁰.

В основу разработки операций на флотских учениях, нарком ВМФ приказал положить следующие принципы: 1) четкое понимание поставленной задачи; 2) твердое знание тактико-технических характеристик своего оружия; 3) подтверждение расчетами принимаемого

⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 64. Л. 90.

⁴⁷ Там же. Ф. Р-1135. Оп. 4. Д. 7. Л. 318-319.

⁴⁸ Там же. Л. 318-319.

⁴⁹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 84. Л. 74-78.

⁵⁰ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сборник документов и материалов. Сост. Р. В. Кузнецова, А. А. Киличенков, Л. А. Неретина. М., 2000. С. 106-107.

решения; 4) быстроту, скрытность и внезапность; 5) инициативную разведку и непрерывное наблюдение; 6) отработку вопросов взаимодействия. Военным советам флотов было предписано систематически проводить тренировку штабов как органов управления. В ходе проведения тактических учений обстановку следовало максимально приближать к боевой, применять боевые средства в достаточном количестве к обычной погоде. В огневой подготовке следовало избегать шаблонных приемов, вытекающих из однообразных условий стрельбы. Всему командному составу было приказано в кратчайшие сроки, путем самостоятельных занятий, полностью изучить тактико-технические характеристики своего вооружения. При организации разборов флотских учений и игр, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов потребовал обращать особое внимание на ошибки, вызванные незнанием своего оружия, действующих уставов и наставлений, а также на ошибки, повторяемые одними и теми же командирами⁵¹.

Однако прошло не так уж много времени, как народный комиссар ВМФ Н. Г. Кузнецов вновь вернулся к этому вопросу, в результате чего появился его приказ № 0454 от 7 сентября 1939 г., посвященный подготовке штабов как органов управления и подготовке штабных командиров. Пришлось наркому констатировать, что инспекторские проверки Управления боевой подготовки (УБП) РККФ и проведенные на флотах учения по боевому управлению показали, что *«задачи, поставленные приказом № 010 по подготовке штабов и органов связи, остаются невыполненными»*. Боевая организация штабов была ещё не отработана, поскольку инструкции, регламентирующие обязанности командиров штаба по боевым готовностям, отсутствовали. Выяснилось, что работа штабов по подготовке к операции, бою, как правило, не планировалась, а календарные планы работы не составлялись. Большие претензии Н. Г. Кузнецов предъявлял, по этому поводу, к командно-начальствующему составу соединений: *«Командиры и комиссары всех ступеней недостаточно учат свои штабы, подготовкой их почти не руководят, работу их не контролируют»*⁵².

В итоге, в работе штабов всех уровней наблюдалась суетливость, отсутствовало четкое распределение обязанностей между командирами штаба. Оперативно-боевые документы, составленные командирами штабов, во многих случаях страдали нечёткостью формулировок, непоследовательностью изложения, многословием и неряшливым оформлением. Более того, боевые приказы во многих случаях носили рекомендательный (!), а не распорядительный характер, карты обстановки и журналы боевых действий велись неграмотно, и зачастую и вовсе не велись. Была подвергнута сильной критике и работа связи на флоте: *«скрытое управление ещё не отработано»*; *«кодировщики подготовлены плохо,*

⁵¹ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сборник документов и материалов. С. 107.

⁵² РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 65. Л. 80.

допускают много искажений»; *«личный состав связи работает неудовлетворительно – до 50 % радиোগрамм обычно искажаются»*⁵³.

В ходе манёвров выявилось то обстоятельство, что отдельные командиры вообще боялись использовать радиосвязь⁵⁴, пользуясь другими видами связи. Кроме того, командиры штабов, кораблей и частей не умели правильно определять степень секретности депеш. Например, во время учений на КБФ командиры кораблей о своих местах доносили по радио серией «экстренно», а об обнаружении противника – серией «обыкновенно»⁵⁵. Это давало повод наркому ВМФ отметить плохое знание командно-начальствующим составом флота тактико-технических свойств средств связи и неумение грамотно их использовать. Допускалась также перегрузка радиосвязи излишними сообщениями⁵⁶.

Период первой и второй пятилеток, как уже говорилось выше, был для Морских Сил РККА ознаменован строительством и вводом в строй большого количества новых боевых кораблей всех классов (крейсеров, лидеров, эсминцев, тральщиков, торпедных катеров, подлодок и др.). Поэтому, от хорошей технической подготовки командиров соединений и кораблей флотов зависела, в первую очередь, успешность быстрого освоения новой боевой техники. Но и здесь, к сожалению, ситуация была неутешительной. Несмотря на неоднократные указания нового наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова о внимании к поступающей на вооружение новой материальной части и его приказы № 0177 от 19 апреля и № 0362 от 22 июля 1939 года, положение дел оставалось, по словам наркома ВМФ, *«явно неудовлетворительным»*⁵⁷.

Например, приборы управления стрельбой (ПУС), размещённые на новых крейсерах, лидерах и эсминцах, были почти не освоены личным составом. Более того, большое количество аварий и случаев срыва БП показывали, насколько мало со стороны командно-начальствующего состава РККФ уделялось внимания делу овладения современной боевой техники. В результате, Н. Г. Кузнецову в своём очередном приказе № 0594 от 4 ноября 1939 г., пришлось напомнить всем командирам, что *«новые приборы, установленные на миноносцах и крейсерах (имелись в виду эсминцы типа «Гневный» проекта 7 и лёгкие крейсера типа «Киров» проекта 26 - П. П.), являются прообразами более сложных схем ПУС (приборы управления стрельбой – П. П.) и оптики, которые вскоре придётся осваивать на новых крупных единицах строящегося сейчас могущественного океанского и морского флота СССР»*. Тем не менее, среди командного состава наметилась опасная тенденция,

⁵³ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 65. Л. 81-82.

⁵⁴ 50 лет Великой Победы: Опыт применения Советского Военно-Морского Флота во Второй Мировой войне и его значение в современных условиях. СПб., 1997. С. 173.

⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 65. Л. 82.

⁵⁶ Там же. Л. 82.

⁵⁷ Там же. Д. 66. Л. 44.

когда собственное незнание и неумение в овладении новым вооружением и оборудованием многие командиры стремились объяснить *«несовершенством или конструктивными недостатками новой техники»*⁵⁸.

Главнейшей причиной неудовлетворительного положения, связанного с обслуживанием новой материальной части, по мнению наркома ВМФ, являлось незнание командным и начальствующим составом флота (работники НКВМФ, командующие флотами, командиры соединений и кораблей, флагманские артиллеристы) новой техники и нежелание обучать работе с ней подчинённый личный состав⁵⁹. Еще хуже было то, что многие командиры соединений и кораблей, и даже флагманские артиллеристы и командиры БЧ-2⁶⁰ не считали себя ответственными за освоение новой техники, и ждали соответствующих инструкций и обучения со стороны Артиллерийского управления ВМФ, Артиллерийского научно-исследовательского морского института (АНИМИ), Постоянной приемной комиссии ВМФ и прочих организаций, забывая при этом, что они сами должны были обучиться и обучить затем подчиненный им личный состав уверенному владению новой боевой техникой⁶¹.

Также этому способствовала и довольно слабая постановка обучения специалистов в учебных отрядах, СКУКСе по причине нехватки макетов и отсутствия образцов современной техники, кабинетов стрельбы, необходимых описаний и пособий, а также *«полное отсутствие системы последовательной подготовки на флотах»*. Нарком ВМФ отметил и такую опасную тенденцию, как откровенное тяготение многих командиров новой техникой и желание вернуться к старым методам использования оружия. В итоге, Н. Г. Кузнецов потребовал от Военных советов флотов немедленно заняться вопросами освоения новой боевой техники, добиться её знания начальствующим составом и до 1 января 1940 г. дать время на изучение её, после чего проверку знаний всех командиров кораблей, флагманских артиллеристов и командиров БЧ-2⁶².

В связи с вышесказанным неудивительно, что наркомом ВМФ прежде обращалось внимание на факты пренебрежительного, а подчас и откровенно наплевательского отношения к новой боевой технике со стороны личного состава кораблей и низкую культуру эксплуатации. Например, на подводных лодках КБФ «Щ-322» и «Щ-323» дорогостоящая гидроакустическая аппаратура была завалена мешками с картофелем, что вывело её из строя на несколько дней⁶³.

⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 66. Л. 44.

⁵⁹ Там же. Л. 46.

⁶⁰ Боевая часть корабля, отвечающая за состояние и действия артиллерии.

⁶¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 66. Л. 46.

⁶² Там же. Л. 46-47.

⁶³ Там же. Д. 65. Л. 83.

Но и этот призыв не помог – уже через неделю (!) нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов вновь вернулся к больной теме состояния технической подготовки комсостава на флоте. На сей раз нарком ВМФ обратился к теме обслуживания новой техники по электромеханической части (БЧ-5). В своем приказе № 0605 от 10 ноября 1939 г. нарком ВМФ привёл, в качестве доказательства, целый перечень различных аварий, имевших место на флотах в октябре – ноябре 1939 г. Причём, Краснознаменный Балтийский флот в этом списке прочно занимал лидирующую позицию: авария турбонефтяного насоса на эсминце «Стремительный», пожар опорных подшипников валопровода и вспомогательного котла на крейсере «Киров», авария парокompрессора на эсминце «Сметливый» и другие случаи⁶⁴. Естественно, что эти аварии наносили двойной урон: во-первых, они причиняли большой материальный ущерб государству, а во-вторых, отрывали корабли на длительное время от прохождения боевой подготовки.

Виноваты в высокой аварийности были, по глубокому убеждению Н. Г. Кузнецова, прежде всего, соответствующие командиры и начальники, а главными причинами плохого состояния механизмов кораблей были следующие: *«1. Недисциплинированность, грубое отношение эксплуатационных правил и преступно-халатное отношение к обслуживанию механизмов... 2. Игнорирование планово-предупредительного ремонта, непредоставление времени на его производство... 3. Слабое руководство со стороны командиров и комиссаров кораблей подготовкой личного состава 5 Боевой части, отсутствует детальное изучение техники, борьба с нарушителями эксплуатационных правил и инструкций проходит медленно и недостаточно напористо»*⁶⁵.

В итоге, нарком ВМФ приказал Военным советам флотов немедленно заняться вопросами освоения новой техники, добиться её знания в первую очередь начальствующим составом, потребовать повседневного содержания её в отличном состоянии и повысить ответственность командиров снизу доверху по грамотному её применению. Кроме того, Кузнецов приказал запретить нарушать сроки периодических осмотров и планово-предупредительного ремонта, предусмотренные приказами наркома ВМФ № 010 и 0384, а также прекратить бесцельные стоянки кораблей с прогретыми машинами, *«как результат неумелого планирования боевой подготовки»*. До 1 марта 1940 г. командно-начальствующему составу ВМФ было дано время на изучение новой техники, после чего следовало произвести специально назначенной Военным советом флота комиссией *«проверку знаний у всех*

⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 66. Л. 71.

⁶⁵ Там же. Л. 72-73.

командиров кораблей, флагманских и дивизионных инженеров-механиков соединений и командиров БЧ-5 кораблей»⁶⁶.

Однако неудовлетворительно обстояли дела не только с оперативной, тактической, морской и технической подготовкой командиров, но также и с их огневой подготовкой (артиллерийской, торпедной, минной и прочей). В частности, в первой половине 1938 г. Военно-морское училище им. Фрунзе проверялось инспекцией Наркомата ВМФ. По итогам проведения данной проверки был издан приказ наркома ВМФ от 3 июля 1938 г., где говорилось следующее: «... У минной группы знание вопросов практического обращения, ухода и сбережения материальной части – недостаточно. По тралам выпускники совершенно не имели практики»⁶⁷.

Следует также привести мнение начальника отдела ВМУЗ'ов Политического Управления РККФ бригадного комиссара А. Н. Филаретова о системе подготовки кадров подводников в Учебном отряде подводного плавания (УОПП), высказанное им в докладной записке от 17 августа 1939 года. В частности, он указывал, что «система подготовки кадров для подводного флота в УОПП имеет крупные недочеты и полностью не удовлетворяет требованиям, предъявляемым для специалистов-подводников»⁶⁸. Основными недочетами этой системы, по мнению Филаретова, являлись следующие: 1) отсутствие в Учебном отряде подводного плавания подготовки для флота командиров отделений и старшин групп; 2) отсутствие практики на кораблях в период обучения рядовых специалистов и командного состава в УОПП; 3) наличие путаницы с подчинением отряда; 4) оторванность преподавательского состава и младших командиров УОПП от жизни подводного флота; 5) низкий уровень дисциплины, особенно среди младшего комсостава и организации службы⁶⁹.

Ещё более резкая критика по поводу системы подготовки командных кадров для РККФ прозвучала во время сбора командующих флотами в декабре 1940 года. На этом совещании по данной теме довольно подробно высказались нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов и начальник Управления Военно-морских учебных заведений ВМФ контр-адмирал К. И. Самойлов. Необходимо заметить, что в своих выступлениях они вряд ли допустили сильное преувеличение при описании тех недостатков, которые наблюдались в системе подготовки командиров в военно-морских учебных заведениях РККФ во второй половине 1930-х годов.

Начальник Управления Военно-морских учебных заведений ВМФ контр-адмирал К. И. Самойлов в своем докладе начал речь с того непреложного тезиса, что «флот строится не только и, пожалуй, не столько на стапелях, сколько в военно-морских учебных

⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 66. Л. 47-48.

⁶⁷ *Йолтуховский В. М.* Развитие тральных сил и средств ВМС РККА (1921-1941). С. 37.

⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 13. Л. 175.

⁶⁹ Там же. Л. 175-176.

заведениях»⁷⁰. Отметив, что со стороны командующих флотами на совещании прозвучали серьезные претензии по поводу подготовки кадров, Самойлов признал, что *«подготовка командного состава отличалась и продолжает еще, к сожалению, отличаться рядом крупных недостатков»*. По его словам, вплоть до 1939-го года учебное дело во ВМУЗ'ах обстояло *«явно неудовлетворительно»*⁷¹.

Далее контр-адмирал К. И. Самойлов перешел к описанию тех отрицательных моментов в работе основных ВМУЗ'ов, которые снижали качество подготовки будущих командиров: *«... Если суммировать отзывы командиров с мест, то по училищу им. Фрунзе больше всего жалоб на слабое развитие командирских качеств у молодых командиров, на неумение командовать и управлять. Жалуются на слабость стрелковой подготовки и недостаточное знание методики БП. Вместе с тем, говорят, что знание специальности и несения службы вполне удовлетворительное»*⁷². Иными словами, самым большим минусом в подготовке курсантов ВМУ им. Фрунзе было слабое воспитание в них командирских качеств – то есть, именно того, для чего собственно это училище и было предназначено.

Впрочем, и другие военно-морские училища имели значительные недостатки в своей работе, о чем поведал начальник Управления ВМУЗ'ов К. И. Самойлов: *«... По училищу им. Дзержинского отзывы таковы: неумение управлять илюпкой. Знание уставов и наставлений недостаточны, недостаточное воинское воспитание. Вместе с тем говорят, что специальные знания у молодых инженеров вполне удовлетворительные... По Гидрографическому училищу отзывы положительные. Одно только нарекание на то, что командиры, выпущенные из этого училища, не знают гидрографических работ на реках ... По училищу Береговой обороны. По этому училищу больше всего нареканий со стороны частей. Жалуются на недостаточное знание в области организации службы, на недостаточное военное воспитание. Что касается знаний своей специальности, то все отзывы говорят о том, что молодые командиры подготовлены удовлетворительно»*⁷³.

Однако парадоксальным был общий вывод, к которому пришел начальник управления Самойлов, Оказалось, что *«ВМУЗ'ы не могут подготовить вполне законченных командиров, готовых тотчас после выпуска к командованию, т.е. выпускать таких командиров из училищ, которые могли бы занять места командиров и быть сразу полноценными командирами. Такое обязательство мы не можем реализовать»*. Выход из этой ситуации начальник Управления военно-морских учебных заведений видел в том, чтобы молодым

⁷⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). С. 418.

⁷¹ Там же. С. 418-419.

⁷² Там же. С. 418.

⁷³ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). С. 419.

командирам оказывалось бы больше внимания со стороны командования на флотах, а они были бы поставлены в «особые условия». Хотя, как сказал Самойлов, многие курсанты не испытывали желания быть командирами, что опять-таки было сочтено результатом неудовлетворительной работы военно-морских училищ⁷⁴.

Посетовал начальник Управления военно-морских учебных заведений и на низкий образовательный уровень курсантов: «... Мы имеем много отчислений в этом году. Это произошло потому, что люди не справились с нашим учебным планом. Эти курсанты держали по несколько раз одни и те же экзамены и всё же не выдерживали их – получали неудовлетворительные оценки. Пришлось с этими людьми распрощаться. Оказалось, многие из этих людей не кончали средних учебных заведений, но каким-то образом были приняты в наши ВМУЗ'ы... Мы имели 48000 кандидатов, а из них приняли только около 3000. Несмотря на этом, мы всё же вынуждены были принять довольно большое количество лиц, не выдержавших конкурсные испытания. Это говорит о слабой работе тех школ Наркомпроса, в которых учились эти люди»⁷⁵. Причем, если московские и ленинградские школы давали вполне удовлетворительную подготовку ученикам, то в провинциальных школах дела обстояли откровенно плохо: уровень учащихся был весьма низкий, и прежде всего, по русскому языку, физике и химии. И здесь встает вопрос о проблемах системы образования в Советском Союзе в 1930-е годы и её соответствии требованиям того времени.

Значительным минусом в деятельности всех военно-морских училищ, как отметил К. И. Самойлов, было то, что все они не имели официально утвержденных программ, а проводили обучение по тем программам, которые были когда-то разработаны в самих училищах и не утверждались вышестоящими инстанциями⁷⁶.

По мнению начальника Управления ВМУЗ'ов, задача улучшения качества военно-морского образования сводилась к решению трех основных проблем: 1) проблема преподавательского состава; 2) вопросы воспитательной работы; 3) вопросы организации учебной практики. Прежде всего, Самойлова волновало качество преподавательского состава, представители которого, по его мнению, ещё «живут Цусимой» и «упорно не хотят переходить на более современные методы преподавания, не хотят переводить преподавание специальных предметов на базу высшей математики, не знают современной техники флота». Подобный консерватизм преподавателей происходил оттого, как полагал Самойлов, что многие преподаватели просто не владели высшей математикой. В связи с этим, возникла задача подтянуть основную массу преподавательского состава до

⁷⁴ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). С. 419.

⁷⁵ Там же. С. 419-420.

⁷⁶ Там же. С. 420.

современного уровня. Вторым важным моментом было проведение сборов преподавателей по разным специальностям и стажировки их на боевых кораблях и в штабах⁷⁷.

Далее, ввиду имевшегося некомплекта профессорско-преподавательского состава (в трех главных ВВМУ вакантными были 40% должностей начальников кафедр, а в некоторых училищах не хватало 50-60% преподавателей) необходимо было срочно пополнять их ряды. Для этого в Военно-морской Академии была создана группа адъюнктов-историков из числа лиц, имевших университетское образование, в ряде ВВМУ были также созданы группы адъюнктов, но даже и это не решало вопрос о пополнении кадров в целом.

Большим недостатком в подготовке командиров было то, что курсанты военно-морских училищ совершенно не знали новых типов боевых кораблей и их вооружения. Неудовлетворительно обстояло дело с проведением летней практики, так как большинство учебных кораблей либо не соответствовали современным требованиям, либо находились в ремонте. Поэтому неудивительно, что возникали такие ситуации, когда 600 курсантов из ВВМИУ им. Дзержинского не на чем было послать в плавание, поскольку для этого просто не было кораблей. Поэтому вопрос с учебными кораблями флота, по мнению начальника Управления ВМУЗ'ов К. И. Самойлова, являлся самым острым вопросом⁷⁸.

Надо сказать, что и другой представитель высшего командно-начальствующего состава РККФ – заместитель наркома ВМФ по кадрам корпусной комиссар С. П. Игнатъев – также был вынужден признать в своем докладе имевшиеся серьезные недостатки в подготовке командиров для флота. По его словам, *«в этом вопросе есть еще много недочетов»*, и *«ВМУЗ'ам нужно много поработать для того, чтобы удовлетворить требования флота, предъявляемые к выпускаемым командирам»*. К этому вопросу Игнатъев возвратился потом, отметив, что необходимо еще очень много поработать, чтобы подготовить полноценного командира⁷⁹.

Точку зрения Самойлова относительно качества подготовки командиров во многом поддержал и сам народный комиссар ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов. Он сразу же отметил, что командиры *«подготовлены в нашей системе ВМУЗ'ов безобразно – это безусловный факт»*. Причем, далее Кузнецов пришел к еще более печальному выводу, что командиры РККФ *«и не могли быть лучше подготовлены в тех училищах, в которых они находились»*⁸⁰. В чем же заключались причины подобного неутешительного положения дел в военно-морских училищах, по мнению Кузнецова?

⁷⁷ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). С. 421-422.

⁷⁸ Там же. С. 422-423.

⁷⁹ Там же. С. 376, 379.

⁸⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). С. 500.

В первую очередь, нарком ВМФ отметил совершенно неудовлетворительное руководство училищами, которые возглавляли, по его словам, *«случайные люди»*, зачастую просто сухопутные командиры. Впрочем, особенно удивляться тут не стоило: это было следствием обычной советской системы «назначенцев», когда практически любого человека могли поставить на любую должность. Тем более, нельзя не учитывать и длительное подчиненное нахождение Военно-Морских Сил в состав РККА в 1920-1930-е годы. Неудивительно, что подобные руководители установили, по мнению Н. Г. Кузнецова, совершенно неправильный распорядок дня и занятий для курсантов в училищах. Из военно-морских училищ по распоряжению их начальников были зачастую выброшены важные исторические реликвии (!), что свидетельствовало об их отношении к морской истории. В итоге, из ВМУ зачастую были вытравлены все флотские традиции, а сами они *«были связаны совершенно»*⁸¹. Руководство училищ находилось всё время на берегу, а в летний период совершенно не занималось руководством корабельной практикой курсантов. Да и вообще, в обучении курсантов, как считал нарком ВМФ, присутствовало *«очень много недостатков»*.

Критику наркома вызвали также и программы преподавания в училищах. И здесь нарком ВМФ Кузнецов, как и начальник УВМУЗ'ов Самойлов, отметил устарелость теоретических познаний части профессорско-преподавательского состава военно-морских училищ, развитие которых остановилось на временах русско-японской войны. Это положение было тем более недопустимым, поскольку произошли значительные изменения в морской стратегии и тактике, на вооружении флота появилась новая техника. В результате, курсанты большинства военно-морских училищ очень плохо знали современный состав Советского ВМФ, а в самих училищах даже не было справочных изданий по новейшим типам боевых кораблей⁸². В итоге, это приводило к полному незнанию современного состояния РККФ.

Очень большие претензии имелись у наркома ВМФ к работе Высших специальных классов (ВСК) ВМФ, расположенных в Ленинграде. Здесь имелось *«недобросовестное отношение»* к посылке людей на курсы. Причиной тому была ранее сложившаяся практика, когда командир, посылаемый на ВСК, затем не возвращался на свой флот и получал другую должность. В связи с этим, командование флотов не было заинтересовано в посылке на курсы наиболее перспективных командиров. Поэтому неудивительно, что на ВСК все привыкли смотреть, *«как на учреждение, в котором можно 8 месяцев пожить, по Ленинграду погулять, по пьянствовать»*. Как вывод, *«вся система ВСК целиком и полностью способствовала и обеспечивала такое разгульное поведение слушателей»*.

⁸¹ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). С. 500.

Характерно, что когда слушателей ВСК поселили в общежитиях и заставили надлежащим образом посещать занятия, желающих учиться на курсах стало значительно меньше. По словам Кузнецова, всех выпускников Высших специальных курсов ВМФ теперь стали направлять на флоты, с которых они были присланы. Однако, снижение количества командиров, посылаемых на курсы, пошло на пользу качеству, ибо туда стали отправляться люди действительно желающие учиться⁸³.

Наконец, высшим звеном в системе военно-морского образования была Военно-Морская Академия. И здесь также имелось немало недостатков, которые препятствовали получению полноценных специалистов. Основным упущением, как считал Н. Г. Кузнецов, было то, что руководство академии погналось за количеством слушателей, в ущерб качеству их подготовки. Имела место практика направления на учебу в академию командиров, которые ранее не занимали командных должностей и после её окончания не применяли полученных знаний на флотах. Иногда командир почти сразу после окончания ВВМУ отправлялся на учебу в Военно-Морскую Академию⁸⁴. Командование флотов предпочитало просто давать определенное количество людей для академии, не сообразуясь с дальнейшими планами по их рациональному использованию.

Поэтому командиры, закончившие ВМА, в дальнейшем не применяли полученных знаний на практике. В итоге, по справедливому мнению наркома ВМФ, имел место *«непроизводительный расход государственных средств и напрасная трата времени»*. Даже последний выпуск академии по командному факультету в 1940 г. дал почти 60% командиров, которые реально нигде не служили и затем не были востребованы. Это вызвало даже легкую досаду у Кузнецова: *«Что толку, что человек кончит академию»*. Поэтому нарком ВМФ Кузнецов потребовал изменить сложившуюся практику и призвал посылать в академию поменьше людей, но зато из числа тех командиров соединений, частей и кораблей, которые затем на флоте применят уже полученные знания⁸⁵.

Как видно, картина с подготовкой командно-начальствующих кадров для Советского ВМФ выглядела довольно неутешительно, обнаруживая серьезные недостатки в образовании будущих командиров флота. Зачастую, и это надо признать, процесс образования носил достаточно формализованный, излишне теоретический характер, курсанты получали в ходе обучения мало практики, и поэтому молодые командиры покидали военно-морские учебные заведения слабо подготовленными специалистами. Неудивительно, что в ходе последующей своей службы на флотах командиры и начальники оказывались неготовыми к исполнению

⁸² Там же. С. 500.

⁸³ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). С. 501.

⁸⁴ Там же. С. 501.

своих прямых служебных обязанностей и зачастую демонстрировали невысокий уровень морской, оперативной, тактической и другой подготовки.

§ 2. Политические репрессии на Краснознаменном Балтийском флоте в середине 1930-х – начале 1941 гг.

Следует заметить, что политические репрессии в Вооруженных силах СССР, в том числе и в Морских силах РККА, имели место задолго до лета 1937 г. и они были достаточно масштабными. По данным наркома обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова, за период с 1924 до 1937 годы из Красной Армии было уволено по разным политическим причинам 47 тыс. человек, из которых 5 тыс. являлись бывшими «оппозиционерами»⁸⁶. Лишь в период с 1 ноября 1929 г. по 31 октября 1930 г. из РККА было изъято 4473 человека кадрового состава (из них 3 тыс. человек было арестовано) и 5600 человек переменного состава⁸⁷.

Причем, и Морские Силы РККА также не обошли стороной политические репрессии. После событий Кронштадтского мятежа 1921 г., по итогам работы специальных фильтрационных комиссий, на Балтике было уволено в общей сложности 64% командного состава флота, в береговых частях были оставлены 26,5% командиров и лишь 11,5% комсостава были оставлены на прежних должностях⁸⁸. А летом 1921 г. в Кронштадте и Петрограде были проведены массовые аресты бывших морских офицеров – командиров Морских сил Балтийского моря. Тогда из 977 человек командно-начальствующего состава флота было арестовано свыше 50%, из которых по 283 человекам были впоследствии пересмотрены дела и они были выпущены на свободу, а 63 человека остались в местах заключения. По приказу Реввоенсовета Морских сил Балтийского моря подлежали увольнению все командиры, имевшие отношение к Белому движению⁸⁹. По подсчетам ряда авторов, всего было репрессировано 360-400 бывших офицеров Российского императорского флота⁹⁰. По мнению некоторых авторов, аресты командиров привели Морские силы Балтийского моря «в небоеспособное состояние»⁹¹.

⁸⁵ Там же. С. 501.

⁸⁶ «Антисоветская троцкистская военная организация» в Красной Армии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 43.

⁸⁷ Сувениров О. Ф. Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 26. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. Советский подводный флот 1922–1945 гг.: О подводных лодках и подводниках. М., 2006. С. 404-405.

⁸⁸ Масыгин В. П., Якимов С. А. Указ. соч. С. 54.

⁸⁹ Зонин С. А. Адмирал Л. М. Галлер: Жизнь и флотоводческая деятельность. М., 1991. С. 192.

⁹⁰ Монаков М. С. Указ. соч. С. 249. Звягинцев В. Е., Сапсай А. В. «Балтийская голгофа» или как узаконили беззаконие. СПб., 2003. С. 90, 101.

⁹¹ Ковалев Э. А. Короли подплава в море червонных валетов. Хроника начального периода советского подводного плавания. 1918-1941 гг. М., 2006. С. 225-226.

Спустя 10 лет ситуация на Балтике практически повторилась. В конце 1930-начале 1931 гг. на Морских силах Балтийского моря вновь были проведены широкомасштабные аресты командиров и начальников на кораблях, в береговых частях, в Штабе МСБМ, в Военно-Морской Академии и военно-морских училищах, различных учреждениях флота, которые привели, по словам историка С. А. Зонина, к «разгрому значительной части командных кадров»⁹². Эти репрессии были направлены, в первую очередь, против старых кадров – бывших офицеров царского флота. И хотя репрессии 1920-х-начала 1930-х гг. не обернулись физическим уничтожением большого количества командиров, они привели к масштабным изъятиям опытных командиров флота, что повлекло за собой серьезное снижение общего интеллектуального уровня командно-начальствующего состава МСБМ. На смену арестованным командирам пришли новые «красные» командиры, зачастую не отличавшиеся высоким уровнем профессиональных знаний. Это повлекло за собой ухудшение показателей боевой подготовки и резкий рост количества аварий и катастроф на флоте⁹³.

Так в конце 1930-начале 1931 гг., в рамках дела «Весна», было арестовано большое количество командиров и начальников Красной Армии. В частности на Морских силах Балтийского моря были уволены и арестованы: начальник Штаба МСБМ А. А. Тошаков, командир Бригады эсминцев МСБМ Г. Г. Виноградский, командир артиллерийской бригады береговой обороны К. Н. Белокопытов, командир Бригады заграждения и траления МСБМ Н. К. Никонов, командир дивизиона эсминцев Ю. В. Шельтинга, командир дивизиона тральщиков Н. А. Мамонтов, начальник штаба Бригады эсминцев Г. И. Трахтенберг, помощник командира линкора «Октябрьская революция» Б. В. Биллевич, командир учебного корабля «Ленинградсовет» П. П. Самохвалов, командир эсминца «Карл Либкнехт» М. К. Шенявский, командир эсминца «Рыков» В. Е. Эмме, командир подлодки «Коммунист» Б. С. Слостников, командир подлодки «Пролетарий» С. М. Жонголович, командир подлодки «Политработник» В. К. Юшко и многие другие командиры⁹⁴.

Всего, в 1930 г. из четырех командиров соединений на Балтике были арестованы 3 человека, из начальников штабов соединений – 2, из командиров дивизионов – 3, из командиров кораблей – 7 человек⁹⁵. А в 1931 г. кадровые перемены на Морских силах Балтийского моря оказались ещё более значительными: в результате арестов и чисток, из 8 командиров соединений сменилось 5 человек (60%), из 8 командиров дивизионов – 6 человек

⁹² Зонин С. А. Указ. соч. С. 253.

⁹³ Ковалев Э. А. Указ. соч. С. 226-227.

⁹⁴ Зонин С. А. Указ. соч. С. 253-254. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. Советский подводный флот 1922–1945 гг.: О подводных лодках и подводниках. С. 406. Щедросев В. В., Литинский Д. Ю. Эскадренный миноносец «Забияка» // Тайфун. 2000. № 5. С. 28.

⁹⁵ Зонин С. А. Указ. соч. С. 254.

(60%), из 20 командиров кораблей 2-го ранга – 17 человек (85%)⁹⁶. Например, поменялись сразу 10 из 12 командиров эсминцев МСБМ⁹⁷. И хотя большая часть репрессированных командиров МСБМ впоследствии были выпущены на свободу, им больше не доверяли командные посты, и они перешли на преподавательскую или административную работу.

Да и в дальнейшем политические репрессии тоже не обходили стороной Морские силы Балтийского моря. Так, в период с 1 января 1934 г. по 1 апреля 1937 г., т. е. за более чем 3-х летний период, Военным трибуналом КБФ было осуждено 500 человек, из них 60 человек из числа командно-начальствующего состава, 79 человек из числа младшего командного состава и 361 человек из числа рядового состава⁹⁸. Таким образом, всего лишь 60 представителей командного и начальствующего состава флота были репрессированы. Если учесть, что к началу 1934 г. общая численность командно-начальствующего состава МСБМ достигала 4030 человек⁹⁹, то количество репрессированных составляло всего лишь 1,4% от всего количества командиров и начальников.

Стоит подчеркнуть, что большинство командиров и начальников КБФ в период 1934-1936 гг. были осуждены отнюдь не по политическим, а скорее по морально-нравственным и хозяйственно-бытовым обвинениям. А именно, за денежные растраты было осуждено 15% командиров и начальников, за дискредитацию звания командира – 15%, а за антисоветскую агитацию – только 13,3%¹⁰⁰. А из общего количества арестованных (500 чел.), за антисоветскую агитацию и контрреволюционные преступления были осуждены всего лишь 113 человек (22,6%)¹⁰¹. Таким образом, политический фактор на некоторое время ушел на задний план, давая возможность командирам в более спокойной обстановке заниматься своими обязанностями.

Подобная положительная тенденция не внушала больших опасений. В связи с этим, главный военный прокурор РККА корвоенюрист Н. С. Розовский в своем приказе № 00141452 от 9 мая 1937 г., адресованном всем военным прокурорам округов и флотов, вполне обоснованно констатировал: «...Итоги 1936 г. в деле снижения судимости в РККА можно считать значительными. Этот год дал самый низкий уровень судимости кадрового состава по сравнению с предыдущими годами. В отличие от 1935 г., когда была снижена судимость только командного и начальствующего состава, а в отношении рядового состава она даже несколько выросла, в 1936 г. наблюдается падение судимости

⁹⁶ Морозов М. Э., Кулагин К. Л. Советский подводный флот 1922–1945 гг.: О подводных лодках и подводниках. С. 406.

⁹⁷ Щедролосев В. В., Литинский Д. Ю. Указ. соч. С. 28.

⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3498. Л. 44.

⁹⁹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 230. Л. 2–2об.

¹⁰⁰ Там же. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3498. Л. 44.

¹⁰¹ Там же. Л. 44.

военнослужащих всех составов»¹⁰². Более того, Розовский даже процитировал положительную оценку, данную наркомом обороны СССР маршалом К. Е. Ворошиловым по поводу снижения уровня репрессий в Вооруженных Силах: «Очень хорошо, нужно продолжать профилактическую работу, она дает результаты»¹⁰³. Эта обнадеживающая резолюция наркома обороны была сделана еще в январе 1937 г., когда еще ничто не предвещало последующих трагических событий. Всего несколько месяцев спустя ситуация в стране и в Вооруженных силах изменилась самым кардинальным образом.

По официальным данным, в период с мая 1937 по сентябрь 1938 гг. Морские Силы РККА (с 30 декабря 1937 г. – Рабоче-Крестьянский Военно-Морской Флот) понесли значительные потери: почти 3 700 командиров и политработников было уволено из рядов флота, из которых часть была арестована (так, уже к 1 сентября 1937 г. было уволено 705 человек и арестован 171 человек)¹⁰⁴. В наибольшей степени пострадал высший командно-начальствующий состав флота: были расстреляны и умерли в местах заключения 5 флагманов флота 1-го и 2-го ранга, что составило 125% от их первоначальной численности, 6 флагманов 1-го ранга (100%), 5 флагманов 2-го ранга (70%)¹⁰⁵. Урон от этого мощного удара по верхушке военно-морского командования был достаточно силён, так что результаты сказывались на всех флотах некоторое время.

По причине массовых репрессий ротация лиц высшего командного состава в управлении военно-морскими силами приобрела стремительный характер. К примеру, Морские Силы РККА и Наркомат ВМФ СССР¹⁰⁶ в период с 1937 по 1939 гг. последовательно возглавляли сразу 7 человек: флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов (до 10 июля 1937 г.) – расстрелян, флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер¹⁰⁷ (с 10 июля по 15 августа 1937 г.), флагман флота 1-го ранга М. В. Викторов (с 15 августа до 31 декабря 1937 г.) – расстрелян, армейский комиссар 1-го ранга П. А. Смирнов (с 31 декабря 1937 г. по 22 июня 1938 г.) – расстрелян, флагман флота 2-го ранга П. И. Смирнов-Светловский (с 22 июня по 8 сентября 1938 г.) – расстрелян, командарм 1-го ранга М. П. Фриновский (с 8 сентября 1938 г. по 25 марта 1939 г.) – расстрелян, флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов (с 25 марта 1939 г.)¹⁰⁸.

¹⁰² РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 709. Л. 121.

¹⁰³ Там же. Л. 122.

¹⁰⁴ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. С. 626. Якунов Н. М. Трагедия полководцев. М., 1992. С. 317. Грибовский В. Ю. Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы 1925-1941 гг. М., 2006. С. 97. Усенко Н. В. Нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов // Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 6.

¹⁰⁵ Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937-1938. М., 1998. С. 303-304, 315.

¹⁰⁶ Постановлением ЦИК и СНК СССР 30 декабря 1937 г. был создан Народный комиссариат Военно-Морского Флота. 15 января 1938 г. было утверждено Положение о НКВМФ и руководящий состав наркомата.

¹⁰⁷ Заместитель наркома ВМФ адмирал Л. М. Галлер был арестован в 1948 г., умер в заключении в 1950 г.

¹⁰⁸ Боевая летопись ВМФ 1917-1941. С. 678. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937-1938. С. 314. Черушев

Мы можем видеть характерную особенность кадровой политики: если до начала массовых репрессий флотом всё время командовали моряки, специалисты своего дела, то затем – начальник Политуправления РККА П. А. Смирнов, который «в оперативные дела особенно не вникал» и не разбирался в вопросах применения флота, и даже командующий пограничными войсками НКВД СССР М. П. Фриновский, принявший активное участие в проведении массовых репрессий, но имевший о флоте лишь «смутное представление»¹⁰⁹. Это свидетельствует о столь распространенной в Советском Союзе системе «назначенцев», когда практически любого руководителя могли поставить на любую должность вне зависимости от имевшегося у него опыта и знаний. Наконец, в конце марта 1939 г. наркомом ВМФ был назначен молодой, но талантливый командующий Тихоокеанским флотом Н. Г. Кузнецов, который и сам объяснял свое неожиданное назначение исключительно «бурной волной вынужденных перемещений»¹¹⁰.

Примерно с такой же частотой менялось в конце 1930-х гг. и высшее командование Краснознамённого Балтийского флота. В течение неполных трёх лет (с весны 1937 г. по осень 1939 г.) по разным причинам на Балтике сменилось три командующих флотом: А. К. Сивков (командовал флотом до 1 августа 1937 г.) – расстрелян, И. С. Исаков (командовал КБФ с 15 августа 1937 г. по 9 января 1938 г.), Г. И. Левченко (командовал КБФ с 10 января 1938 г. по 28 апреля 1939 г.), четыре начальника Штаба флота – И. С. Исаков (до 15 августа 1937 г.), Г. И. Левченко (с 19 августа 1937 г. по 10 января 1938 г.), В. Ф. Трибуц (с 10 января 1938 г. по 30 апреля 1939 г.) и А. П. Шергин (с 5 мая по 26 октября 1939 г.), а также семь членов Военного Совета и начальников Политуправления флота: А. С. Гришин (покончил жизнь самоубийством, объявлен «врагом народа»), Н. И. Ильин (расстрелян), Я. В. Волков (арестован, осужден на 10 лет ИТЛ), А. А. Булышкин (арестован), А. А. Муравьёв, В. К. Беленков и С. Д. Морозов¹¹¹. Столь частые перестановки высшего командно-начальствующего состава флота объяснялись, в первую очередь, ситуацией с кадрами в системе Наркомата ВМФ, обострившейся в результате проведения политики массовых репрессий.

Теперь рассмотрим масштабы политических репрессий на КБФ в 1937-1938 гг. на основе конкретных фактов и статистических данных. В «Отчете по боевой подготовке Краснознаменного Балтийского флота с 1.01 по 20.10.37» с ложным пафосом говорилось

Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003. С. 141. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. Биографический словарь. М., 2012. С. 19-21, 38.

¹⁰⁹ Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 186-187, 193.

¹¹⁰ Там же. С. 205.

¹¹¹ Боевая летопись ВМФ 1917-1941. С. 680-681. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937-1938. С. 375, 381, 382, 383. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. Биографический словарь. С. 46, 133, 138, 142.

следующее: «...За последний период на флоте выявлено, разоблачено и арестовано органами НКВД 278 человек предателей, троцкистов, шпионов и вредителей. Военный Совет КБФ, занимаясь вопросами очищения рядов КБФ, за последние 4 месяца рассмотрел более 340 дел на командный и начальствующий состав. Наиболее засоренным враждебными элементами оказалось оборонное строительство, где разоблачено более 60 врагов. Не менее засоренными оказались наши тыловые снабженческие организации – в этих организациях разоблачено более 70 врагов... На основании указаний народного комиссара обороны проводилась и проводится проверка всего командного, начальствующего и рядового состава КБФ в целях очищения его от враждебных, морально-неустойчивых, политически неблагонадежных элементов. В результате этой проверки уволено командного и начальствующего состава из РККА 264 человека, 530 краснофлотцев и младших командиров...»¹¹². Как отметил член Военного Совета КБФ корпусной комиссар А. А. Булышкин в своем докладе на Военном Совете РККА, который проходил в ноябре 1937 г., из 264 уволенных с КБФ командиров и начальников было «арестовано около 100 человек, оказавшихся врагами народа, шпионами, диверсантами и террористами, которые готовили даже террористические акты»¹¹³.

В материалах для доклада начальника Политуправления КБФ о партийно-политической работе за 1937-й год особый упор был сделан именно на «вредительство» и разоблачение «врагов народа» среди командного и начальствующего состава Краснознаменного Балтийского флота. В материалах говорилось о том, что «шайка троцкистско-бухаринских шпионов, вредителей, диверсантов Гришин, Сивков, Румянцев, Каишелянов, Горбунов и другие, пробравшиеся к руководству флотом, пользуясь политической беспечностью и ротозейством коммунистов, проводили вредительскую работу, направленную на ослабление боеспособности флота, ослабляли политаппарат флота, засоряли кадры партийно-политических работников и командно-начальствующего состава троцкистско-бухаринской агентурой, шпионами и диверсантами»¹¹⁴. Далее указывалось количество командиров, начальников и политработников, которые подверглись репрессиям в центральном аппарате, штабах, соединениях, частях и учреждениях КБФ.

Так, в аппарате центральных учреждений Краснознаменного Балтийского флота было «разоблачено» 5 командиров и начальников, из них в Штабе КБФ – 2, в Политуправлении флота – 1, в Военном трибунале – 1 и в Партийной комиссии – 1. В политических органах КБФ было выявлено 16 человек, в том числе 7 начальников политотделов и 9 военкомов кораблей и частей (2 на линкорах, 5 – в береговых частях и 1 – на военной стройке). В

¹¹² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 72. Л. 2-3.

¹¹³ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. С. 141.

штабах КБФ было «разоблачено» 5 «врагов народа», из которых 2 ранее работали начальниками штабов и 3 – помощниками начальников штабов. В научно-технических институтах было репрессировано сразу 17 человек, которые проводили там *«вредительскую и диверсионную работу»*. В военных портах и хозяйственном аппарате подверглось репрессиям 17 командиров и начальников. В системе военно-морских учебных заведений было «разоблачено» 6 преподавателей, которые работали в Военно-морской академии и военно-морских училищах¹¹⁵.

Наибольшее количество «врагов народа» неожиданно «обнаружилось» в соединениях и частях флота – сразу 39 командиров. Из них, 1 был командиром бригады, 10 – командирами частей и кораблей, 5 – флагманскими специалистами, 5 – помощниками командиров частей и кораблей, 10 – инженерами, 6 – техниками и 2 – командирами авиаэскадрилий. Кроме того, в системе военного строительства было репрессировано еще 38 представителей КНС, в том числе 6 начальников УНР и УВСР, 18 инженеров строителств, 6 техников, 3 хозяйственных работника и др.¹¹⁶

Таким образом, в течение 1937-го года на Балтике в целом было репрессировано 143 командира, начальника и политработника. Всего же за период с 1 мая 1937 г. по 15 мая 1938 г. из числа командно-начальствующего и политического состава КБФ было уволено (в том числе арестовано) 389 человек¹¹⁷.

А теперь рассмотрим в более подробном виде, каким образом протекала деятельность судебно-следственных органов Краснознаменного Балтийского флота по «выявлению» и «разоблачению» т.н. «врагов народа». В период с 1 января по 28 июня 1937 г. Военной прокуратурой КБФ было закончено производством 39 следственных дел по контрреволюционной пропаганде и агитации – всего на 53 человека (из них 2 – старшего и высшего начсостава, 2 – среднего начсостава, 5 – младшего комсостава и 42 – рядового состава) и 5 следственных дел по измене Родине, террористическим актам, диверсиям и шпионажу – всего на 6 человек (из них 1 – среднего начсостава)¹¹⁸.

Кроме того, на 28 июня 1937 г. в Военной прокуратуре КБФ находилось в текущем производстве 32 следственных дела по измене Родине, подготовке террористических актов, диверсиям и шпионажу – всего на 37 человек (из них 18 – старшего и высшего начсостава, 8 – среднего начсостава, 4 – младшего комсостава и 4 – рядового состава) и 21 дело по контрреволюционной агитации и пропаганде – всего на 28 человек (из них 2 – старшего и высшего начсостава, 4 – среднего начсостава, 1 – младшего комсостава и 18 – рядового

¹¹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 663. Л. 167.

¹¹⁵ Там же. Л. 167-168.

¹¹⁶ Там же. Л. 168-169.

¹¹⁷ Мясгин В. П., Якимов С. А. Указ. соч. С. 65. РГА ВМФ. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 66. Л. 167-169.

состава)¹¹⁹. По данным прокурора Главной военной прокуратуры РККА бригадного военного юриста Д. З. Лелюхина, за 1-е полугодие 1937 г. по ст. 58-10 было возбуждено 42 уголовных дела. За это же время, в связи с должностными преступлениями и растратами было заведено 8 дел, а в связи с пьянством и хулиганством – 26 дел¹²⁰.

Далее, за период с 20 июня по 20 октября 1937 г. Военным трибуналом КБФ было осуждено 106 человек командно-начальствующего, младшего командного и рядового состава, из них 45 – за контрреволюционную агитацию, 15 – за участие в контрреволюционных террористических организациях, 4 – за измену Родине и шпионаж, 3 – за вредительство, 2 – за осуществление диверсионно-вредительских актов, 10 – за оказание сопротивления и хулиганство, 10 – за злоупотребления и бездействие по службе, 6 – за присвоение и растраты, 2 – за оскорбления, 2 – за самовольное оставление части, 2 – за несвоевременную явку в части и уклонение от службы, 2 – за кражи, 1 – за неисполнение приказа, 1 – за умышленное ранение и 1 – за нарушение караульной службы¹²¹. Таким образом, количество осужденных по «политическим» статьям УК РСФСР (69 человек) составило 65% от общего количества осужденных Военным трибуналом КБФ. Таким образом, за четыре месяца было репрессировано больше командиров и начальников, чем за предшествовавшие три года (с 1934 по 1936 гг.).

Из числа младшего командного и рядового состава КБФ за период с 1 апреля по 20 октября 1937 г. было уволено 679 человек, из них: по политическим и моральным причинам – 448 человек (из них 84 человек – из Бригады линкоров, 13 человек – из Бригады миноносцев, 43 человека – из 1-й бригады подлодок, 15 человек – из 2-й бригады ПЛ, 29 человек – из 3-й бригады подлодок, 2 человека – из Бригады торпедных катеров, 9 человек – из Отряда учебных кораблей, 4 человека – из Бригады заграждения и траления, 30 человек – из Учебного отряда КБФ, 15 человек – из Учебного отряда подводного плавания им. С. М. Кирова, 1 человек – из Отдельного учебного дивизиона подлодок, 17 человек – из Кронштадтского укрепрайона, 24 человека – из Ижорского укрепрайона, 122 человека – из Военно-воздушных сил КБФ), по семейно-имущественным причинам – 39 человек, по болезни – 192 человека¹²².

В следующем, 1938-м году, масштабы репрессий продолжали прогрессировать. По сведениям прокурора Главной военной прокуратуры РККА бригадного военного юриста Д. З. Лелюхина, сравнительные данные количества дел и дознаний за I-й квартал 1937 г. и I-й квартал 1938 г. *«показывают значительный рост контрреволюционных преступлений,*

¹¹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3498. Л. 71.

¹¹⁹ Там же. Л. 70.

¹²⁰ Там же. Д. 719. Л. 98.

¹²¹ Там же. Д. 3498. Л. 90.

должностных, хозяйственных и хулиганства». Если за 1-е полугодие 1937 г. по ст. 58-10 УК РСФСР было возбуждено 42 дела, то за первые 4 месяца 1938 г. таких дел насчитывалось уже 47. По факту должностных преступлений за 4 месяца 1938 г. было заведено 21 дело, по фактам пьянства и хулиганства – 27 дел. Всего же за первые четыре месяца 1938 г. в производстве Военной прокуратуры и особых отделов НКВД состояло 124 следственных дела, из которых только 30 дел – по ст. 58-10 УК РСФСР¹²³.

Оценивая работу Военной прокуратуры КБФ за период с 1 декабря 1937 г. по 1 мая 1938 г., прокурор Главной Военной прокуратуры Д. З. Лелюхин отметил, что из имевшихся в производстве 137 дел и дознаний 56 были уже прекращены, 21 дело находилось в производстве, а по остальным делам обвиняемые были преданы суду¹²⁴. Любопытно отметить, что с декабря 1937 г. по май 1938 г., по 24 следственным делам из 65 дел, прошедших через Военную коллегия Верховного суда, приговоры были отменены и дела прекращены или возвращены на доследование. В 1-м квартале 1938 г. Военной прокуратурой КБФ были расследованы и направлены в Военный трибунал сразу 14 следственных дел, по которым обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР было отменено. Из них 4 дела слушались со сторонами в частях¹²⁵.

Причем, судя по высказыванию Лелюхина, бывший военный прокурор КБФ В. К. Гай пытался разобраться в имевшихся обвинениях на лица командного состава и лично предпринимал меры для установления истины. Так, например, бригадвоенюрис Д. З. Лелюхин указывает в своей докладной записке, адресованной главному военному прокурору РККА армейскому военюристу Н. С. Розовскому: *«...Следует отметить, что эти дела Военной прокуратурой заводились самостоятельно. Следствие производили военные следователи по личному предложению Гая. Наряду с этим, дела, по которым имелись основания для предания виновных суду по ст. 58-10 УК – прекращались...»*. В частности, из подготовительного заседания Военного трибунала были возвращены на доследование 5 дел, причем правильность этих действий Военная прокуратура КБФ признала. В итоге, бригадный военюрис Лелюхин утверждал, что *«качество следствия по ряду дел, направленных в Военный трибунал, явно неудовлетворительно, вследствие отсутствия достаточного наблюдения со стороны военного прокурора»*¹²⁶.

В целом, по сведениям, предоставленным Военной прокуратурой, Военным трибуналом и Особым отделом НКВД КБФ, с 1 января 1937 г. по 31 декабря 1939 г. на

¹²² РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3498. Л. 92.

¹²³ Там же. Л. 98-98об.

¹²⁴ Там же. Д. 719. Л. 163.

¹²⁵ Там же. Л. 163, 166.

¹²⁶ Там же. Л. 166, 169.

Краснознамённом Балтийском флоте было осуждено 444 командира и политработника¹²⁷. Как мы видим, эта цифра превосходит в 7,4 раза количество осужденных командиров и начальников за предшествовавший 3-летний период (1934-1936 гг.). Данный факт, конечно же, не может не впечатлять, тем более что значительная часть осужденных в 1937-1939 годах командиров и начальников обвинялась, прежде всего, в политических преступлениях – ведении антисоветской агитации, участии в контрреволюционных террористических организациях, осуществлении диверсионно-вредительских актов, измене Родине, шпионаже и прочих преступлениях.

В то же время, следует подумать над тем, насколько велики были масштабы потерь командного состава КБФ в конце 1930-х годов и какой реальный ущерб нанесли репрессии флоту. Например, из 444 осужденных лиц командно-начальствующего состава КБФ, по официальным данным, к высшей мере наказания (расстрелу) было приговорено 64 человека. Причем, Военная коллегия Верховного суда заменила у 8 осужденных ВМН на 10-летние сроки лишения свободы. Также 5 человек умерли в местах заключения к началу 1940-го года¹²⁸. Таким образом, безвозвратные потери командно-начальствующего состава на Краснознаменном Балтийском флоте с начала 1937 г. до конца 1939 г., понесенные по причине политических репрессий, составили в общей сложности 61 командира и политработника, что равняется лишь 14 % от общего числа арестованных офицеров. Не стоит также забывать и того немаловажного обстоятельства, что, по состоянию на январь 1940-го года, 141 командир и политработник были уже освобождены. Еще по 4 обвиняемым Военная прокуратура КБФ прекратила дела¹²⁹. Таким образом, 145 человек из 444 арестованных командиров и начальников (т.е. 32 %) уже к началу 1940 г. были выпущены на свободу. Следует также заметить, что в общую цифру репрессированных командиров и начальников входят осужденные не только по «политической» 58-й статье, но также и по другим статьям Уголовного кодекса РСФСР, в том числе за преступную халатность при исполнении служебных обязанностей, нарушение воинской дисциплины, моральное разложение, хищения, что также сказывается на общей статистике.

Здесь стоит также подумать и над тем, какая часть офицеров по отношению ко всему командно-начальствующему составу КБФ подверглась репрессиям в конце 1930-х годов. Если учесть, что в середине 1938 г. списочная численность командного и начальствующего состава Краснознаменного Балтийского флота составляла 5320 человек¹³⁰, то общее число репрессированных даже за три года не превышает 8% от общего количества командиров и

¹²⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3476. Л. 3-12.

¹²⁸ Подсчитано автором по: РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3476. Л. 4-12.

¹²⁹ Подсчитано автором по: РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3476. Л. 4-12.

¹³⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 278. Л. 14-15.

начальников. А в 1939 г. численность командно-начальствующего состава КБФ ещё выросла и составляла уже 8200-8400 человек¹³¹, так что все потери от репрессий составляли лишь 5% от общего количества командиров. Отсюда может показаться, что урон от репрессий среди комсостава КБФ был совсем незначителен в количественном отношении. Однако нельзя забывать то важное обстоятельство, что в первую очередь подвергся репрессиям высший и старший командно-начальствующий состав – а это командиры, военкомы и начальники штабов соединений, частей и кораблей Балтийского флота. В этом звене комсостава КБФ ущерб от репрессий оказался наиболее существенным.

Среди представителей высшего и среднего командно-начальствующего состава КБФ, подвергшегося репрессиям, были такие лица, как командующий КБФ флагман 1-го ранга А. К. Сивков (расстрелян), помощник командующего КБФ по ВВС флагман 2-го ранга Г. П. Галкин (расстрелян), помощник командующего КБФ по материальному обеспечению – начальник Управления вооружений УВМС РККА корпусной комиссар И. Б. Разгон (расстрелян), командующий ВВС КБФ комдив М. А. Горбунов (расстрелян), председатель Постоянной приемной комиссии РККФ флагман 1-го ранга А. К. Векман, начальник Разведывательного отдела КБФ капитан 2-го ранга Н. П. Тимофеев (расстрелян), начальник 2-го отдела Штаба КБФ капитан 1-го ранга Е. К. Престин (расстрелян), начальник планово-мобилизационного отдела – отдела инженерных войск КБФ военинженер 3-го ранга И. С. Панов, начальник Строительно-квартирного отдела КБФ интендант 1-го ранга Н. И. Александров, командир Бригады миноносцев флагман 2-го ранга Г. Г. Виноградский (расстрелян), военком Бригады миноносцев бригадный комиссар А. П. Коновалов (расстрелян), начальник штаба дивизии линкоров капитан 1-го ранга А. П. Куприянов (расстрелян), командиры Охраны водного района капитан 2-го ранга Н. Ю. Озаровский и капитан 3-го ранга Н. Н. Воронович (расстрелян), помощник командира ОВР капитан-лейтенант П. Д. Антоневиц, командир Бригады заграждения и траления капитан 1-го ранга И. И. Талин (расстрелян), командир Бригады торпедных катеров капитан 2-го ранга Г. П. Нествед, помощник командира Бригады торпедных катеров капитан 3-го ранга Г. В. Добровольский, начальники штаба Бригады заграждения и траления капитан 2-го ранга Л. К. Рубанин (расстрелян), капитаны 3-го ранга В. З. Роговешко и Я. В. Настусевич, военком Бригады заграждения и траления полковой комиссар Б. В. Любич, военком дивизиона сторожевых кораблей полковой комиссар Н. И. Чиносов (расстрелян), командир 1-й бригады подлодок Е. К. Самборский (освобожден), командир 3-й бригады подлодок А. А. Пышнов, начальники штабов 1-й, 2-й и 3-й БПЛ капитан 2-го ранга В. П. Рахмин (расстрелян), капитан 3-го ранга Л. П. Яковлев и капитан 2-го ранга А. А. Асямолов, командиры дивизионов

¹³¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 23. Д. 71.

подлодок капитаны 1-го ранга Б. А. Секунов, П. А. Штейнгаузен (расстрелян), К. Я. Шлиттенберг (расстрелян), капитан 3-го ранга Н. С. Подгородецкий (расстрелян) и капитан 3-го ранга В. В. Курилов, командиры дивизионов эсминцев капитаны 2-го ранга Г. А. Бутаков и Н. М. Галь.

Определенный урон понес средний командно-начальствующий состав КБФ – командиры частей и кораблей. Среди них были такие лица, как командиры эсминцев капитан-лейтенант И. К. Скачко (расстрелян) и капитан 3-го ранга В. Ф. Оксман, командир крейсера «Аврора» капитан 2-го ранга В. Е. Эмме, командиры подводных лодок капитан 2-го ранга В. Н. Симановский (расстрелян), капитан-лейтенант С. А. Рогачевский, старшие лейтенанты В. А. Васильев, В. С. Денисов, Н. А. Филлов и А. М. Середа, командир 105-й авиабригады полковник А. М. Вирак, командир 31-й авиабригады И. В. Шарапов, начальник отдела ПВО полковник А. К. Стриевский (расстрелян), командир Кронштадтского стрелкового полка полковник В. К. Зайончковский, начальник санитарной службы ВМУ связи им. Орджоникидзе КБФ бригаврач П. К. Сивков (расстрелян) и другие.

Среди репрессированных также немало было начальников учреждений и организаций флота – командир Ленинградского военного порта Н. Н. Зуев, командир Лужского порта дивизионный интендант П. Г. Байков (расстрелян), начальник Научно-исследовательского морского института связи инженер-флагман 2-го ранга А. И. Берг, начальник Научно-исследовательского института военного кораблестроения инженер-флагман 2-го ранга Н. В. Алякринский (расстрелян), начальник Военно-морского инженерного училища им. Дзержинского инженер-флагман 3-го ранга Ф. К. Рашевич (расстрелян), помощник начальника III-го отдела АНИМИ Тедер, военные прокуроры КБФ бригавоенюристы И. К. Гай и И. М. Стурман (расстрелян), председатель Военного трибунала КБФ бригавоенюрист Т. П. Сытов (расстрелян)¹³² и многие другие командиры. Вполне естественно, что при такой убыли высших командных кадров, систематически руководить процессом управления и боевой подготовки флота было весьма затруднительно.

По некоторым данным, в результате массовых политических репрессий, на Краснознаменном Балтийском флоте в период с 1 мая 1937 г. по 15 мая 1938 г. было обновлено 62% командиров соединений, 77% начальников штабов соединений, 31%

¹³² РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3476. Л. 4-12. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 663. Л. 23, 36-42, 51, 59-60, 66-67, 108, 114. *Сувениров О. Ф.* Указ. соч. С. 130, 383, 393, 398, 423, 426, 443. *Лурье В. М.* Военно-морская разведка СССР (1918-1960-е гг.). СПб., 2009. С. 190. *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. Биографический словарь. С. 310-311, 313-314, 388. *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА. 1937-1941: Комбриги и им равные. М., 2014. С. 480-481, 500-503. *Денисов К. В.* Служба в разведке флота // Тайфун. 2001. № 5(36). С. 33. *Морозов М. Э., Кулагин К. Л.* Советский подводный флот 1922-1945 гг.: О подводных лодках и подводниках. С. 416-417. *Прасников В. Б.* Николай Владимирович Алякринский (к 100-летию со дня рождения) // Тайфун. 1997. № 4 (6). С. 34.

штабных специалистов, 32% командиров надводных кораблей и 55% командиров подлодок, 73% командиров боевых частей надводных кораблей и 61% командиров БЧ подводных лодок¹³³. Репрессии среди командно-начальствующего состава флота вызывали дополнительную потребность в командных кадрах и вынуждали командование КБФ производить частые и не всегда обдуманные перемещения командиров и начальников на должности.

В дальнейшем, в 1940-начале 1941 гг. репрессии среди командного состава РККА и РККФ резко пошли на убыль и практически не оказывали серьезного влияния на проблему комплектования кадров. Так, за IV квартал 1940 г. Военным Трибуналом КБФ было осуждено по разным причинам 439 военнослужащих. Из них за самовольные отлучки были осуждены 209 человек (42%), за неисполнение приказаний – 56 человек (11%), за пьянство – 88 человек (20%), за нарушение караульной службы – 22 человека (4,4%), за кражи – 34 человека (6%), за контрреволюционную агитацию – 9 человек (1,8%) и за прочее – 76 человек. То есть, по политическим мотивам было осуждено менее 2% от общего числа арестованных командиров. В I квартале 1941 г. число военнослужащих, осужденных Военным Трибуналом КБФ, оставалось примерно на том же уровне – 494 человека, из которых 449 – по флоту, 39 человек – по военно-морским учебным заведениям и 6 человек – по 8-й отдельной стрелковой бригаде на п-ове Ханко¹³⁴.

Итак, итоги политических репрессий для КБФ выглядят весьма неоднозначно. С одной стороны, они нанесли определенный урон высшему и среднему командному составу флота. И в то же время, следует учитывать то обстоятельство, что репрессии носили всё же выборочный характер. Кроме того, в количественном отношении они не привели к массовому изъятию командиров, начальников и политработников из состава флота, тем более что значительная часть репрессированных командиров и начальников перед войной были возвращены на флот.

§ 3. Политические настроения и дисциплина на Краснознаменном Балтийском флоте в конце 1930-х – начале 1941 гг.

Общая атмосфера среди личного состава КБФ в условиях массовых репрессий 1937 – 1938 годов характеризовалась крайней нервозностью и подозрительностью. Член Военного Совета и начальник Политуправления КБФ дивизионный комиссар Я. В. Волков в своем докладе от 14 июня 1937 г., направленном наркомом обороны СССР К. Е. Ворошилову и

¹³³ *Масягин В. П., Якимов С. А.* Указ. соч. С. 65.

¹³⁴ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1. Л. 588-589.

первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданову и написанном по «горячим следам» после июньского процесса над маршалом М. Н. Тухачевским, командармами 1-го ранга И. Э. Якиром, И. П. Уборевичем и другими военачальниками (этот политический процесс получил официальное название «Дело контрреволюционной фашистской правотроцкистской организации в Красной Армии»), с пафосом писал, что *«в своих выступлениях на митингах, принятых резолюциях и высказываниях краснофлотцы и командиры выражали свое возмущение подлым предательством, жгучую ненависть и презрение к этим троцкистским последышам, врагам народа и требовали их расстрела»*. А приговор Верховного Суда СССР по делу военных, по словам Волкова, *«был встречен личным составом единодушным одобрением»*¹³⁵.

Понятно, что личный состав флота должным образом подготавливался командованием для «нужного» восприятия событий; шла интенсивная обработка сознания людей для формирования у них определенных политических воззрений. Так, из доклада начальника Политического Управления КБФ дивизионного комиссара Я. В. Волкова следует, что 1 июня в частях и на кораблях начала проводиться разъяснительная работа среди личного состава в связи с самоубийством начальника Политуправления РККА армейского комиссара 1-го ранга Я. Б. Гамарника, 8 июня была доведена информация до командиров и начальников политотделов соединений КБФ и им были даны соответствующие указания, 9 июня весь руководящий начальствующий состав – командиры и комиссары частей был проинформирован по поводу текущих событий и, наконец, 10 июня всему личному составу Краснознаменного Балтийского флота был оглашен приказ наркома обороны СССР № 072 «Обращение к армии по поводу раскрытия НКВД предательской контрреволюционной военно-фашистской организации в РККА»¹³⁶.

В вышеупомянутом приказе наркома обороны К. Е. Ворошилова сообщалось, что Наркоматом внутренних дел СССР была «раскрыта» контрреволюционная военная организация, *«которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии»*¹³⁷. Нарком обороны К.Е. Ворошилов, пребывавший во время всех этих событий в явном смятении и непонимании происходящего вокруг, отмечал в заключительной части приказа, что *«нельзя быть уверенными, что эти заклятые враги трудящихся полностью рассказали всё»* и что *«нельзя верить тому, что они выдали всех своих единомышленников и сообщников»*, хотя и выразил при этом слабую надежду на то, что *«главные организаторы,*

¹³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2515. Л. 26.

¹³⁶ Там же. Л. 25.

¹³⁷ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. 1-4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М., 2008. С. 458.

руководители и шпионы» уже разоблачены советским правосудием¹³⁸. Данный приказ вызвал большое замешательство среди командиров и краснофлотцев, которые были явно не готовы к столь внезапному повороту событий и поэтому задавали большое количество недоуменных вопросов политработникам КБФ¹³⁹. Среди заданных прозвучал и следующий пророческий вопрос: «Имели ли они (т.е. осужденные – П. П.) своих вредителей на флоте?»¹⁴⁰. К сожалению, последующие события показали, что репрессии среди комсостава, которые тогда ещё только начинались, скоро докатятся и до Морских Сил РККА.

А уже 11-12 июня 1937 г. на кораблях и в частях КБФ, в связи с опубликованием сообщения Прокуратуры СССР «о предании суду изменников родины и приговора над ними», были проведены митинги личного состава. Среди выступавших командиров и краснофлотцев были сильны обличительные и агрессивные настроения в духе того времени: «Мы приветствуем приговор Военной коллегии Верховного суда над подлыми наймитами фашизма... Тухачевский и прочая сволочь пробралась и вредила в нашей Красной Армии. Они являются злейшими врагами рабочих и крестьян. Фашистским собакам – собачья смерть», «Жаль, что для таких мерзавцев у нас нет наказания выше расстрела, они заслуживают большего», «Шпионы и диверсанты просчитались, не быть фашизму на Советской земле, от души приветствую приговор суда и рады блестящей работе тов. Ежова», «Меч пролетарской диктатуры достигнет каждого из врагов, какой бы маской он не прикрывался», «Сама история предписала гибель врагам нашего народа», «Зарядить бы их телами наши пушки, да выстрелить в подарок Троцкому»¹⁴¹ и пр.

В то же время, среди части командиров и краснофлотцев Краснознаменного Балтийского флота имели место и определенные сомнения и колебания относительно правильности приговора в отношении осужденных военных, возникли растерянность и даже панические настроения: «...Сомневаюсь, что большинство – 50-60% командного состава не замешаны во вредительстве. Чем докажем, что сам военком говорит хорошо, а за ним ничего нет», «После такого факта трудно верить и помполиту, когда он будет проводить у нас политинформацию», «На кого сейчас надеяться, если такие высокие командиры изменники», «Раз верхушка оказалась врагами народа, то нельзя верить, что и наши командиры тоже не враги», «Нам теперь военную тайну можно не хранить, её и так все знают, раз такие головки оказались»¹⁴².

¹³⁸ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. 1-4 июня 1937 г.: Документы и материалы. С. 459-460.

¹³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2515. Л. 36-39.

¹⁴⁰ Там же. Л. 37.

¹⁴¹ Там же. Л. 26-28.

¹⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2515. Л. 28-29. Кутузов В. А. О численности репрессированных командных кадров Красной Армии накануне Великой Отечественной войны // Великая Отечественная войны: Правда и вымысел. Сборник статей. СПб., 2000. С. 34.

Более того, среди определенной части личного состава Краснознаменного Балтийского флота появились и более опасные для властей т.н. «враждебные» настроения, сводившиеся к положительной оценке осужденных и весьма острой критике существовавшей политической системы страны и советских вождей: «...Скоро и Сталин окажется троцкистом, сейчас вскрыт Гамарник, потом вскроют Ворошилова, а там и Сталин окажется троцкистом, кому теперь верить», «Из членов ЦК ВКП(б) человек трех надо оставить, а остальных расстрелять...», «...Ну и вождь, кому же теперь верить. Что-то среди вождей это стало частым явлением, тут дело темное...», «...Я теперь ничего не понимаю, я сбился с толку, сколько же у нас надежных – это Сталин, Каганович и Молотов... Я сейчас не уверен, кто прав – троцкисты или ЦК. Рабочие и крестьяне – это бараны, куда их пошлют, туда они и идут. Во всем я согласен с Конституцией, но в деревне слишком круто взяли...», «...Выходит, что верить никому нельзя, можно верить одному Сталину, но а если и у него окажется что-нибудь в этом роде, тогда что?...»¹⁴³ и прочее. Необходимо отметить, что командиры и краснофлотцы, высказывавшие такие мысли, сразу же проверялись лично военкомами частей и начальниками политотделов на благонадежность, после чего представлялись к изъятию из рядов РККА. Попутно шла проверка вышеуказанных лиц и по линии Особого отдела КБФ, который в зависимости от обстоятельств принимал меры по их аресту.

Однако была ещё одна негативная сторона во всей этой обстановке репрессий и всеобщего страха. Командиры и краснофлотцы становились всё более подозрительными в отношении своих сослуживцев, среди них установилась практика написания доносов на лиц, которые по тем или иным причинам вызывали сомнения в их политической благонадежности. К примеру, от ряда командиров и политработников поступили такие заявления на следующих лиц: «...Александрова – слушателя Особого курса командиров миноносцев при СККС, проходящего сейчас стажировку на миноносце «Володарский». Александров является родственником Колчака, но фамилию сменил. В свое время Александров был демобилизован из флота, но неизвестно как попал вновь во флот. Также неясно, как Александров пробрался из Финляндии в СССР во время немецкой оккупации», «...Ладинского – слушателя того же курса, проходящего стажировку на миноносце «Володарский». Есть сомнения в правильности его фамилии, кроме того, имеются ещё непроверенные сведения о том, что он состоял в ВКП(б), но неизвестно когда и по каким причинам выбыл»¹⁴⁴.

¹⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2515. Л. 31-32.

¹⁴⁴ Там же. Л. 33.

Кроме того, военнослужащие отныне стали относить к фактам вредительства и диверсиям любые случаи элементарной недисциплинированности и разгильдяйства, нарушения личным составом действующих уставов, приказов, наставлений и инструкций. Любой негативный эпизод из повседневной деятельности флота, приводивший к серьезным последствиям, отныне мог означать сознательное вредительство со стороны военнослужащих. Например, среди командиров и политработников участились такие разговоры, как: *«...Командир БЧ-2 Рудаков, подлодка «Ериш» рассказал, что пушка, полученная для установки на лодке с арсенала Морского завода от Главного артиллериста Порта, с такими запасными частями, которые к ней не подходят. Запасные части для этих пушек изготавливает Ленинградский завод имени Калинина. Этот факт проверяется», «...Пом. командира ВСОИ «Смольный» Кушнарченко указал, что на учебный дивизион подлодок заводом была выслана секретная радиоустановка, эта установка вместо того, чтобы попасть на дивизион, попала в Ораниенбаумский магазин № 7 Военторга, где и была вскрыта. По приказанию Комфлота расследование этого факта производит флагманский связист Штаба КБФ»* и так далее¹⁴⁵.

В своем следующем докладе наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову и первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданову, от 17 июня 1937 г., начальник Политуправления КБФ дивизионный комиссар Я. В. Волков вновь обратился к теме настроений среди личного состава флота в связи с судебным процессом по делу М. Н. Тухачевского и других. Упомянув в привычном ключе многочисленные примеры «правильных» высказываний с осуждением расстрелянных военачальников, со стороны командиров и краснофлотцев КБФ, Волков в то же время обратил особое внимание на то обстоятельство, что далеко не все военнослужащие разделяют подобные настроения. Оказалось, что *«на фоне крепкого и здорового реагирования личного состава флота на судебный процесс над изменниками Родины, всё ещё имеют место отдельные отрицательные контрреволюционные настроения клеветнического характера, дискредитирующие политику нашей партии и правительства, восхваляющие врагов народа»*¹⁴⁶. Любопытно, что среди краснофлотцев и младших командиров КБФ имели также место более чем критические, опасные высказывания в адрес советских властей: *«...Тухачевского прогнали, скоро, наверное, и Сталина прогонят», «...Может быть, в самом деле политика Советской власти неправильна. Ведь такие люди как Гамарник, разбираются в высшей материи, так может быть и прав Гамарник», «...Партия и комсомол для того и*

¹⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2515. Л. 34.

¹⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 663. Л. 18.

созданы, чтобы укреплять власть, подождем, может и Сталин еще застрелится», «Ну всё, правительство у нас свихнулось», «Мощь СССР держится на расстрелах»¹⁴⁷.

Впрочем, среди личного состава КБФ, в том числе краснофлотцев, раздавались ещё более категоричные и опасные заявления, касавшиеся не только существовавшего порядка службы на флоте, но и вообще политического устройства СССР: *«...Мне тюрьма не страшна, это мой дом родной, тюрьмы боятся трусы, а мне всё равно, служить на корабле или работать в концлагере, условия всюду одинаковы», «...Служба во флоте равносильна каторге, я знаю, что за мои выступления буду арестован, но это меня не страшит», «...В учениях Ленина-Сталина нигде не сказано прямо о возможности построения социализма в одной стране, а нам политруки и комиссары твердят об этом. Я придерживаюсь теории Троцкого, он был прав, доказывая о невозможности построения социализма в одной стране»¹⁴⁸.*

На этом общем мрачном фоне дисциплина среди личного состава стала стремительно падать. Авторитет командиров и начальников заметно поколебался, потому что на них теперь стали смотреть, как на потенциальных «врагов народа» и скрытых «оппозиционеров». Причем, это находило такую форму, когда краснофлотцы, выражая свое недовольство и несогласие с теми или иными приказами командиров по поводу различных работ, выполняемые на кораблях, говорили окружающим следующее: *«...Работайте, работайте, вас за это орденами наградят», «...Вам хомут оденут скоро, тогда узнаете, что такое благодарность», «На кой черт мне ваши занятия, это никому не нужное дело», «А таких, как вы с командиром отделения ... мы в военное время будем за борт бросать»* и прочее¹⁴⁹. Зачастую подобные высказывания не встречали должного отпора со стороны командиров и политработников, которые иногда не знали, как следует отреагировать на них, и насколько это будет небезопасно для них самих.

Впрочем, не только Политическое управление КБФ занималось сбором сведений об отрицательных настроениях среди личного состава флота: этому же была посвящена и деятельность специальных органов – а именно, Особого отдела КБФ. Любопытно, что в «Справке об отрицательных настроениях и антисоветских высказываниях в Краснознаменном Балтийском флоте в апреле 1938 г.», составленной начальником 2-го отделения ОО КБФ лейтенантом госбезопасности И. Я. Бабичем, на первом месте фигурируют различные проступки и высказывания политработников и военкомов. В основном, последние подвергались критике за слабую воспитательную и разъяснительную работу среди краснофлотцев, формальное исполнение своих обязанностей, недостаточный

¹⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 663. Л. 18-19.

¹⁴⁸ Там же. Д. 733. Л. 17-18.

контроль за «вредными» настроениями личного состава и неправильные высказывания по разным поводам. Далее внимание Особого отдела КБФ привлекли, естественно, «антисоветские» заявления, преимущественно, политического характера. Здесь фиксировались, как правило, очень резкие и «политически опасные» высказывания краснофлотцев и старшин.

Представляют немалый интерес, для понимания внутренней обстановки в стране, следующие высказывания краснофлотцев и младших командиров, из которых видно, что они зачастую понимали смысл происходившего вокруг и были даже озлоблены на окружающую их действительность: «...*Нечего сказать, у нас демократия свободная, кто правду скажет, завтра будет арестован органами НКВД...*», «*Советы не защищают рабочих, а притесняют их на каждом шагу*», «*“Правда” – это сборник московских сплетен, никогда действительного положения этот орган не отражал*», «*У Вас здесь такой же беспорядок, как при социализме*», «*Колхозники теперь так же эксплуатируются Сов. властью, как и раньше помещиками, им насильно дают трактора, а потом за это у них отбирают хлеб*»¹⁵⁰.

Значительное место занимали жалобы и недовольство краснофлотцев тяготами военной службы и несправедливым отношением к ним командиров и начальников: «...*Служба в Красной Армии тяжела, все равно, что в концлагерях*», «*Служить на военной службе год от года становится тяжелее, наши командиры ничем не отличаются от бывшего офицерства*», «*Командование с краснофлотцами не считается, гоняет как собак, нужд краснофлотцев не учитывает, скорее бы отслужить, да вырваться на свободу*», «*Когда с нас снимут кабалу, каждый день стоим на вахте, половину свободного времени проводим в уборках, надо куда-нибудь сбежать*», «*Запросы сверхсрочников не удовлетворяются, я не советую никому оставаться на сверхсрочной службе*», «*Заставляют работать, пока не сдохнешь, а заболеешь, не лечат*»¹⁵¹ и прочее.

Даже, казалось бы, такой далекий от политики вопрос, как снабжение личного состава продовольствием и обмундированием вызывал подчас бурную и острую реакцию со стороны краснофлотцев и младших командиров, и мог спровоцировать их на весьма нелестные для советской власти высказывания: «*Дожили, что кирпичами стали кормить*», «*Говорят, что жизнь улучшается, а у нас обеды становятся всё хуже и хуже*», «*Бедные матросы, все ходят с подтянутыми животами, Советская власть не может их вдоволь накормить, вот пообедали, а есть хочется*», «*Советская власть заставляет ходить бойцов оборванными, видимо не в состоянии снабдить их*», «*Говорят, что у нас всего много, что качество*

¹⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 733. Л. 19.

¹⁵⁰ Там же. Л. 50-52.

прекрасное, а в самом деле обстоит иначе, раньше обмундирование выдавали лучшего качества, потому что всё привозили из-за границы, а теперь вырабатывают в СССР брак...»¹⁵² и прочее.

Конечно же, внимательнее всего Особый отдел КБФ прислушивался к тем разговорам личного состава, которые касались прокатившихся по стране репрессий, причем больше всего сотрудников госбезопасности интересовало личное отношение моряков к личностям репрессированных. Следует признать, что высказывания краснофлотцев и старшин по поводу тех или иных репрессированных лиц носили иногда нейтральный, а иногда сочувственный, оправдательный характер: *«Замечательный был человек, органы НКВД арестовали его зря», «В дивизионе со стороны многих краснофлотцев проявляется интерес к врагам народа Троцкому и Бухарину», «Бухарин талантливый человек, не зря его поставили редактором “Известий”, Троцкий также большая величина, старый мировой оратор...», «На наших глазах гибнут лучшие люди»¹⁵³ и пр.*

Репрессии среди командно-начальствующего флота и возникшие негативные настроения среди моряков, а также боязнь командиров за свои действия, имели своим следствием общее падение дисциплины среди личного состава и ослабление требовательности со стороны командиров и начальников всех уровней. Причем, надо заметить, что и до репрессий состояние дисциплины в Морских Силах РККА оставляло желать лучшего. В конце 1930-х годов статистика показывала устойчивое увеличение количества дисциплинарных проступков в Морских Силах РККА, причем не только среди краснофлотцев и старшин, но и среди командиров, начальников и политработников. На заседании Военного Совета при наркомобороны СССР 21 ноября 1937 г. член Военного Совета КБФ дивизионный комиссар А. А. Булышкин подчеркнул в своем докладе, что на флоте *«слаба дисциплина»¹⁵⁴*. Далее он заметил, что плохой личный пример в этом отношении подают сами командиры и начальники, которые к тому же не проявляют должной требовательности к своим подчиненным¹⁵⁵.

Серьезной проблемой в Вооруженных силах, и в частности в РККФ, стало массовое пьянство, которое с 1938 г. приобрело значительный размах. Дело дошло до того, что в январе 1939 г. нарком ВМФ командарм 1-го ранга М. П. Фриновский был вынужден издать приказ № 002, специально посвященный этому явлению, где с тревогой констатировал, что *«пьянство среди личного состава РККФ за последнее время приняло угрожающие размеры и*

¹⁵¹ РГА ВМФ. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 733. Л. 53-54.

¹⁵² Там же. Л. 54-56.

¹⁵³ Там же. Д. 663. Л. 7-8. Д. 733. Л. 57-58.

¹⁵⁴ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. С. 141.

¹⁵⁵ Там же. С. 142.

такой характер, что стало бичем флота»¹⁵⁶. По неполным данным военных советов флотов и флотилий, всего за 8 месяцев 1938 г. было наложено 7440 дисциплинарных взысканий за пьянство среди личного состава. Причем нарком особо отмечал, что наблюдалось «немало безобразных случаев, сопровождавшихся возмутительными дебошами и хулиганством, доходящими до совершения тяжчайших преступлений»¹⁵⁷.

Весьма печально, что Краснознаменный Балтийский флот в этом отношении находился на одном из первых мест, демонстрируя высокий уровень распространения пьянства на флоте. За 1938-й год на КБФ было зафиксировано, по данным Политуправления, 3228 случаев пьянства, из них начсостава – 201 случай. Военская дисциплина на Балтике также носила достаточно невысокий уровень, о чем свидетельствует тот факт, что в течение года на флоте получили различные взыскания 24 тысячи командиров и краснофлотцев (что составляло 40% личного состава)¹⁵⁸. Характерно, что соответствующие примеры подавали, прежде всего, сами командиры и военкомы соединений и частей КБФ, которые не блистали высокой воинской дисциплиной. Одним из наиболее вопиющих случаев нарушения воинской дисциплины на КБФ в 1938-м году стала история с пьянством команды эсминца «Сокрушительный», сопровождавшей военный груз из Москвы в Ленинград в сентябре этого года, за что командиру 2-го дивизиона эсминцев КБФ и командиру корабля были объявлены выговоры, а комиссар эсминца был вообще уволен из рядов РККФ¹⁵⁹.

В 1939-м году положение с состоянием воинской дисциплины в соединениях и частях Краснознаменного Балтийского флота продолжало оставаться неутешительным. Из доклада начальника организационно-инструкторского отдела Политического Управления РККФ полкового комиссара Д. П. Лощакова начальнику Политуправления РККФ корпусному комиссару И. В. Рогову от 11 апреля 1939 г., посвященному отрицательным явлениям на КБФ, следовало, что количество дисциплинарных взысканий, наложенных на личный состав флота за 2 месяца (с января по февраль 1939 г.) характеризует не только низкий уровень состояния дисциплины на флоте, но, главное, *«низкий уровень состояния воспитательной работы среди личного состава со стороны командиров и политработников, низкий уровень борьбы партполитаппарата за укрепление воинской дисциплины и борьбы с проявлениями извращения дисциплинарной практики»¹⁶⁰.*

¹⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 67. Л. 8.

¹⁵⁷ Там же. Л. 8.

¹⁵⁸ *Левашко В. О.* На Балтике, в советско-финляндскую...: морально-политическое состояние личного состава кораблей Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг.: монография. СПб., 2009. С. 71-72.

¹⁵⁹ Библиотека РГА ВМФ. Секретные приказы наркома ВМФ за 1938 год. Приказ НК ВМФ № 0281 от 28 сентября 1938 г.

¹⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.

Всего за два первых месяца 1939 г. на КБФ было наложено сразу 5573 дисциплинарных взыскания, что составляло 10,5% к личному составу флота. Из них: за неисполнение приказаний – 129 взысканий, за самовольные отлучки – 202, за пьянство и дебош – 829, уход с поста – 37, сон на посту – 186, и за прочие – 4180 взысканий. Причем, 52% всех взысканий приходились на коммунистов и комсомольцев флота¹⁶¹. В некоторых соединениях и на кораблях количество дисциплинарных взысканий было крайне велико. Например, на линкоре «Марат» за первый квартал 1939 г. имелось сразу 324 взыскания, которые были наложены на 292 человек, из них комсомольцев – 168 человек, беспартийных – 124 человек (52 – за пьянство)¹⁶². Довольно высоким оставалось дезертирство среди личного состава. За 1938-й год на КБФ было 25 случаев дезертирств со службы, а за три месяца 1939 г. на флоте произошло уже 4 случая дезертирства. Как следствие низкой дисциплины, очень высоким оставался уровень аварийности на флоте. В 1938 г. на Балтике произошло 11 катастроф и 157 аварий самолетов, кораблей и автомашин. За январь-февраль 1939 г. на КБФ произошла 1 катастрофа самолета, 4 аварии самолетов и 10 аварий автомашин¹⁶³.

Даже во время боевых действий в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. дисциплина на Краснознаменном Балтийском флоте продолжала оставаться на недопустимо низком уровне. Причем, отрицательные примеры поведения показывали личному составу, прежде всего, представители командно-начальствующего состава флота. В частности, командир Отряда легких сил КБФ капитан 1-го ранга Б. П. Птохов в начале января 1940 г. самовольно уехал в Ригу, где пьянствовал несколько дней и сорвал очередной боевой поход Отряда легких сил, за что был снят с занимаемой должности и понижен в звании¹⁶⁴. В военно-морской базе Либава в ночь на 1 января 1940 г. командование 1-й бригадой подводных лодок КБФ организовало коллективную пьянку, в которой активно участвовал военный комиссар бригады полковой комиссар А. П. Байков. В результате, все командиры на подлодке оказались пьяными, а подлодка фактически была небоеспособна. В дальнейшем, бывший начальник штаба бригады капитан 2-го ранга В. Г. Якушкин и военком бригады А. П. Байков были сняты с занимаемых должностей¹⁶⁵. После этих событий Якушкин был уволен из рядов ВМФ и исключен из партии¹⁶⁶.

На банкете в советском полпредстве в Риге 23 февраля 1940 г., по случаю 22-летней годовщины РККА, как сообщал полпред СССР в Латвии И. С. Зотов, *«некоторые из присутствовавших на приеме моряков ... вели себя непристойно»*, а *«некоторые из них, и*

¹⁶¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.

¹⁶² Там же. Л. 52.

¹⁶³ Там же. Л. 35-37.

¹⁶⁴ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 142. Л. 339-340.

¹⁶⁵ Там же. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 928. Л. 14-15.

¹⁶⁶ Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 157.

особенно командир крейсера «Киров» были в сильной степени пьяны»¹⁶⁷. Достаточно вопиющим случаем стал пьяный дебош командира линкора «Октябрьская революция» капитана 2 ранга Д. Д. Вдовиченко в ночь на 23 февраля 1940 года¹⁶⁸. Коллективная пьянка командиров была также устроена в 23-м дивизионе 3-й бригады подлодок в ночь на 23 февраля 1940 года. В ней приняли участие командиры ПЛ «М-74» старший лейтенант Д. М. Сазонов, ПЛ «М-76» старший лейтенант Г. А. Жаворонков, дивизионный штурман 23-го ДПЛ лейтенант Фролов и другие командиры¹⁶⁹. За систематическое пьянство и разложение личного состава на корабле, в 1940 г. был снят с должности, исключен из партии и осужден на 8 лет командир подлодки «Щ-320» капитан-лейтенант Т. Г. Мартемьянов¹⁷⁰. А в 84-м отдельном зенитном артиллерийском дивизионе, расположенном в Либаве, обнаружилось безобразное положение с дисциплиной. Рядовой и начальствующий состав 84-го ОЗАД пьянствовали, процветало дезертирство и панибратство¹⁷¹. К сожалению, подобных явлений на Балтике было очень много, и продолжались они и дальше.

Количество дисциплинарных проступков среди личного состава КБФ росло из года в год, достигнув в 1940-м году рекордных показателей. По данным, которые привел в своем докладе на декабрьском совещании 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, Краснознаменный Балтийский флот прочно удерживал первое место среди всех флотов по количеству дисциплинарных взысканий – 59 тысяч (!)¹⁷². Если в I-м квартале на Краснознаменном Балтийском флоте имело место 11426 дисциплинарных проступков, то II-м квартале их было уже 19365, а в III-м квартале их число достигло уже рекордных 28315 (!)¹⁷³. Интересно посмотреть, каким же образом распределялись нарушения воинской дисциплины на КБФ по категориям личного состава: в III-м квартале на комсостав приходилось 29,1% нарушений, на политический состав – 14,8%, на младший начальствующий состав сверхсрочной службы – 23%, на младший начальствующий состав срочной службы – 26% и на рядовой состав – 26,6%. Таким образом, наибольшее количество проступков приходилось на командиров и политработников (почти 44%!), что свидетельствовало о явно неблагополучном положении на Балтике. В итоге, многие командиры, по словам командующего Балтфлотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца, *«вместо того, чтобы насаждать железную воинскую дисциплину*

¹⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 177. Л. 7.

¹⁶⁸ Левашко В. О. Указ. соч. С. 162.

¹⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 78. Л. 26.

¹⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 157. Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). С. 471.

¹⁷¹ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). С. 471.

¹⁷² Там же. С. 497.

¹⁷³ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 155.

и большевистский порядок на корабле, части нередко сами являются образцом расхлябанности и воинской недисциплинированности»¹⁷⁴.

За совершенные проступки в течение десяти месяцев 1940 г. Военным трибуналом КБФ было осуждено 1283 человека, причем 1091 – за период с 1 мая по 1 июля, т.е. за два месяца (!). Причиной увеличения осужденных летом 1940 г. стало опубликование Указа Президиума Верховного Совета СССР о повышении мер наказания за самовольные отлучки. Наиболее характерными дисциплинарными нарушениями среди личного состава были: побег и самовольные отлучки – 67%, неисполнение приказов командиров – 18%, халатное отношение к службе – 7% и кражи – 6%¹⁷⁵. В IV-м квартале было осуждено за разные дисциплинарные проступки 439 человек¹⁷⁶.

Как следствие низкой дисциплины, в соединениях и частях надводных кораблей и Военно-Воздушных сил КБФ наблюдался крайне высокий уровень аварийности. Так, в надводных силах КБФ было потеряно 2 корабля, а также имелось 24 аварии¹⁷⁷. В течение 1940-го года в авиационных частях КБФ было зафиксировано 139 летных происшествий, из них 13 катастроф, 24 аварии, 55 поломок и 47 вынужденных посадок. Такое большое количество летных происшествий, как считал военный прокурор КБФ, происходило вследствие *«недисциплинированности и разболтанности личного состава в ряде частей ВВС, нарушения последовательности и методичности обучения летного состава и крайне плохой работы политорганов по воспитанию чувства ответственности и дисциплины в воинских частях»¹⁷⁸.*

В следующем, 1941-м году ситуация с дисциплиной на Балтике не улучшалась, а оставалась на прежнем невысоком уровне. В частности, в марте 1941 г. командующий КБФ в своем приказе отмечал большое количество случаев пьянства на эскадренных миноносцах «Смелый» и «Суровый» и плавбазе «Вирония», за что на командиров кораблей были наложены взыскания¹⁷⁹. Всего лишь за I квартал 1941 г. Военным трибуналом КБФ было осуждено 494 военнослужащих. Среди воинских преступлений преобладали самовольные отлучки (42%), пьянство (20%) и неисполнение приказаний (11%)¹⁸⁰.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны личный состав Краснознаменного Балтийского флота испытывал очень серьезные проблемы с воинской

¹⁷⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 156-157.

¹⁷⁵ Там же. Л. 158-159.

¹⁷⁶ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1. Л. 588.

¹⁷⁷ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. С. 463-464.

¹⁷⁸ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1. Л. 249-250.

¹⁷⁹ Там же. Оп. 6. Д. 147. Л. 208.

¹⁸⁰ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1. Л. 588-589. Грибовский В. Ю. Балтика 1941 г. Начальный период войны // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 3. Военно-Морской Флот (специальный выпуск). СПб., 2012. С. 37.

дисциплиной. Причем данное отрицательное явление охватило не только краснофлотцев и младших командиров, но также и широкие слои командно-начальствующего состава флота.

§ 4. Состояние командных кадров на Краснознаменном Балтийском флоте во второй половине 1930-х – начале 1941 гг.

Период с середины 1930-х годов до 1941 г. стал временем необычайно бурного роста Военно-Морских Сил РККА (с января 1938 г. – РККФ), которые получали на вооружение новейшие крейсера, лидеры, эсминцы, сторожевые корабли, тральщики, подводные лодки. Значительно усилились Военно-воздушные силы флота, получившие на вооружение новые типы боевых самолетов. Активно строились новые военно-морские базы, совершенствовалась система береговой и противовоздушной обороны флота. В составе флота впервые за советское время появилась морская пехота. Всё это требовало огромного количества командных кадров, которых постоянно не хватало.

Поэтому неудивительно, что в период с середины 1930-х гг. по 1941 г. численность командно-начальствующего состава Советского Военно-Морского Флота выросла весьма значительно. Если на 1 января 1937 г. штатная численность КНС Морских Сил РККА составляла 13,5 тыс. человек, на 1 января 1938 г. – 19,5 тыс. человек, то на 1 октября 1939 г. – 28753 человека, 1 декабря 1940 г. – уже 35977 человек, а к 1 февраля 1941 г. она достигла 40662 человек¹⁸¹. Иными словами, всего за четыре года количество командиров, начальников и политработников в Рабоче-Крестьянском Военно-Морском Флоте увеличилось сразу в 3 раза (!). Естественно, что такие потребности быстро растущего флота в командном и начальствующем составе крайне трудно было покрывать, несмотря на все усилия высшего военно-политического руководства.

Уже в 1935-м году на заседании Военного совета при наркомате обороны СССР была поднята проблема сильного омоложения командных кадров флота. Данное явление имело место в силу того, что приходилось производить большое количество назначений командиров на новые надводные корабли и подводные лодки, введенные в состав флотов. В частности, начальник Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов в своем докладе неоднократно отмечал, что командные кадры на флотах достаточно молодые и неопытные, и нуждаются в серьезной морской тренировке¹⁸². Командующий КБФ флагман

¹⁸¹ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. С. 375. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. Советский подводный флот 1922–1945 гг.: О подводных лодках и подводниках. С. 372.

¹⁸² Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. С. 70-71.

флота 2-го ранга Л. М. Галлер также посетовал на то обстоятельство, что *«в связи с ростом флота продвижение по службе наших командиров является чрезвычайно быстрым»*. Причем, он особо отмечал, что большинство командиров подлодок типа «Малютка» на Балтийском море ещё очень молодые и окончили военно-морские училища в 1931-1933 гг.¹⁸³

На протяжении всего 1936-го года Краснознаменный Балтийский флот продолжал испытывать хронический недостаток командиров для формируемых соединений и частей флота, и в первую очередь, – морской авиации и подводных лодок. (Это и неудивительно, ибо в течение года количество подлодок на Балтике увеличилось сразу в 3 (!) раза¹⁸⁴.) В частности, командующий Военно-Воздушными силами КБФ флагман 2-го ранга Г. П. Галкин в своем докладе командованию флота от 3 июня 1936 г. отмечал с тревогой, что *«части ВВС на 50% не укомплектованы летчиками-наблюдателями, что мешает возможности отрабатывать экипажи»* и просил 3-й отдел Управления Морских Сил РККА срочно покрыть данный некомплект¹⁸⁵. А командующий КБФ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер в своем докладе начальнику Морских Сил РККА флагману флота 1-го ранга В.М. Орлову от 4 июля 1936 г. сообщал об острой нехватке командиров дивизионов подлодок на Балтике: *«...на Балтийском флоте в настоящее время никто командиром дивизиона назначен быть не может. На 2-х дивизионах «Щук» уже и так не хватает командиров дивизионов»*¹⁸⁶. При оценке действий флота в ходе учебно-боевой операции № 1, проходившей в конце сентября – начале октября 1936 г., командующий КБФ А. К. Сивков в своем письме наркому обороны К. Е. Ворошилову указал на молодость и неопытность командных кадров, ввиду *«сильного разворачивания сил и средств КБФ»*¹⁸⁷.

В следующем, 1937-м году ситуация с командными кадрами на Балтике продолжала оставаться крайне напряженной. Количество соединений, частей и кораблей флота стремительно увеличивалось, а командиров для них постоянно не хватало, что вынуждало командование КБФ выдвигать на вышестоящие должности в большом количестве молодых командиров, еще не имевших соответствующего опыта. В связи с этим тревожным явлением, в «Отчете по боевой подготовке КБФ с 1.01 по 20.10.37» Военным советом Балтийского флота указывалось, что *«руководствуясь указаниями наркома о выдвижении достойных молодых командиров на высшие должности за последнее время назначено с продвижением около 700 человек и подготовлено в ближайшее время более 200 человек»*¹⁸⁸.

¹⁸³ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. С. 169.

¹⁸⁴ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. М., 2009. С. 290.

¹⁸⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 212. Л. 66.

¹⁸⁶ Там же. Л. 84.

¹⁸⁷ Там же. Ф. Р-307. Оп. 4. Д. 24. Л. 9об.

¹⁸⁸ Там же. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 72. Л. 3.

С целью повышения квалификации командиров, более 200 человек были посланы на учебу в военные академии и различные курсы усовершенствования командно-начальствующего состава. Тем не менее, в отчете пришлось констатировать, что к настоящему времени на флоте и ВВС имеется некомплект комначсостава 2230 человек¹⁸⁹. В частности, в надводном флоте некомплект достигал 40%, в подводном флоте – 24%, в укрепленных районах – 40%, в портах – 30%¹⁹⁰. Поскольку пополнение из военных училищ и академий не покрывало имевшегося некомплекта, с целью быстрейшей его ликвидации, то Военный Совет КБФ предпринял дополнительные меры: организовал курсы младших лейтенантов и воентехников на 300 человек, а также краткосрочные курсы подготовки начсостава административно-хозяйственной службы на 60 человек. Кроме того, на курсах политруков обучалось еще 60 человек¹⁹¹.

Выражая общую тревогу по поводу сложившейся ситуации с кадрами, член Военного Совета КБФ дивизионный комиссар А. А. Булышкин вполне откровенно заявил на Военном Совете РККА в ноябре 1937 г.: «...Я прямо говорю, что не вижу тех мероприятий, которые бы в полной мере обеспечили ликвидацию этого некомплекта, по крайней мере на ближайшие 2–3 года. А мы знаем, что у нас в перспективе огромный рост флота. Те мероприятия, которые намечаются, не могут нас устраивать. В частности, указания УВМС об организации двухгодичных курсов по подготовке младших лейтенантов не могут нас удовлетворить. Мы такими темпами подготовки младших лейтенантов просто не сумеем ликвидировать некомплект, у нас он сегодня уже выражается в 2 300 человек, а в перспективе бурный рост флота»¹⁹².

Впрочем, начальник Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга М. В. Викторов не разделял тревоги члена Военного Совета КБФ А. А. Булышкина, считая, что «выход у нас намечен» и сообщил присутствующим, что на Балтике уже получили новые назначения 309 новых командиров. Более того, по словам Викторова, в дальнейшем не предвиделось серьезных проблем с командными кадрами: «...Вскоре будет выпущено ещё, а в июне месяце 1938 г. будет сделан ускоренный выпуск. В июне месяце 1938 г. мы некомплект по комсоставу почти полностью сведем на нет. У нас останется большой некомплект по административно-хозяйственному составу и отчасти по техническому составу...»¹⁹³. Однако, нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов не столь оптимистично смотрел на реальное положение дел, и признавал, что дело с кадрами на флотах «обстоит очень плохо».

¹⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 72. Л. 4.

¹⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 72. Л. 4. Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. С. 141.

¹⁹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 72. Л. 4. Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. С. 141.

¹⁹² Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. С. 141.

Поэтому он призывал немедленно предпринять большие и серьезные меры к тому, чтобы *«рост кадров не отставал от роста материальных сил морского флота»*¹⁹⁴.

В 1938-м году ситуация с командными кадрами на КБФ продолжала оставаться крайне напряженной. Согласно «Отчету по боевой подготовке Краснознаменного Балтийского флота 1.01–1.10.1938 г.», на Балтийском флоте наблюдалось *«почти полное обновление командно-политического состава (на КБФ 93 командира соединений и кораблей и 47 командиров частей БО командуют по первому году)»*. Некомплект командно-начальствующего состава на флоте осенью 1938 г. составил: по плавсоставу – 531 человек, по укрепленным районам – 225 человек, штабных работников – 49 человек (в том числе 12 начальников штабов). Кроме того, Краснознаменному Балтийскому флоту пришлось выделить 206 командиров для других флотов, а также в Наркомат ВМФ¹⁹⁵.

В 1939-м году продолжалось интенсивное формирование новых соединений Краснознаменного Балтийского флота (Эскадра, 1-я и 2-я бригады эсминцев, Отряд легких сил, Охрана водного района, Отдельная специальная стрелковая бригада, Дивизион канонерских лодок, Ладожская военная флотилия, 8-я и 9-я авиационные бригады ВВС КБФ и другие части), что соответственно потребовало большого количества командиров и краснофлотцев. В итоге, в июне 1939 г. общий некомплект по соединениям флота, Военно-воздушным силам и отдельной специальной стрелковой бригаде КБФ выразился в сумме 9700 человек¹⁹⁶.

Перед началом советско-финляндской войны Краснознаменный Балтийский флот продолжал испытывать ощутимый некомплект в командно-начальствующем составе по причине резкого развертывания своих сил. В период мобилизации на КБФ в сентябре 1939 г., все соединения флота были укомплектованы по нормам военного времени. Было призвано из запаса сразу 17042 человека. А с началом советско-финляндской войны на Балтике было вновь сформировано 117 частей береговой обороны и боевых кораблей, а также развернуто до штатов военного времени ещё 137 частей и кораблей. В начале войны с Финляндией на КБФ было призвано ещё 16929 человек¹⁹⁷. Списочная численность личного состава Балтийского флота в октябре 1939 г. достигла 61105 человек¹⁹⁸. Ситуацию осложняло то обстоятельство, что многие командиры, призванные из запаса, зачастую не имели военно-морской подготовки. (К примеру, в 1939 г. в Военно-Морском Флоте насчитывалось более

¹⁹³ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. С. 197.

¹⁹⁴ Там же. С. 322.

¹⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 254. Л. 3.

¹⁹⁶ Там же. Д. 14. Л. 419.

¹⁹⁷ Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 2. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 297. Л. 69.

¹⁹⁸ Там же. Ф. Р-92. Оп. 23. Д. 95. Л. 243-244, 247-250.

4500 командиров, не имеющих военно-морского образования¹⁹⁹.) Всё это серьезно обострило и без того непростую проблему обеспечения командными кадрами соединений и частей Балтийского флота.

Неудивительно, что к 8 октября 1939 г. нехватка командного состава на КБФ составляла 573 человека (20%), а начальствующего состава – 857 человек (30%)²⁰⁰. В первую очередь, не хватало командиров в подводном флоте – 95 человек (26,6%), а также в надводном флоте – 307 человек (20%)²⁰¹. По категориям командного состава, в надводных силах не доставало: командиров крейсеров и их помощников – 9 человек (64%), командиров лидеров, эсминцев и их помощников – 15 человек (24%), командиров тральщиков и их помощников – 29 человек (56%), командиров сторожевых кораблей и их помощников – 7 человек (41%).

Подводные силы также испытывали ощутимый недостаток в командных кадрах: требовалось 10 командиров больших подлодок (36%) и 23 командира средних лодок (30%). Ощущалась также острая нехватка значительного количества специалистов – 22 артиллеристов для штабов и соединений надводных кораблей (20%), 23 минёров для кораблей и судов охраны водного района (31%), 26 штурманов (32%) и 22 минёров (38%) для подводных лодок²⁰². Наибольшую нужду КБФ испытывал в инженерно-техническом составе (некомплект – 401 человек, что составляло 28%) и в административно-хозяйственном составе (некомплект – 333 человек, что составило 40%)²⁰³.

Надо заметить, что такая же тревожная ситуация с обеспечением командными кадрами наблюдалась и в следующем, 1940-м году, когда Краснознаменный Балтийский флот интенсивно рос и развивался, осваивая новые для себя плацдармы в Эстонии и Латвии. Всего в период с 1 января по 1 декабря 1940 г. на Балтике было сформировано 245 новых частей и кораблей с общей численностью 42294 человека. Причем, формирования шли ежемесячно, в среднем по 20-25 частей. Наибольшее количество новых формирований пришлось на наиболее напряженный летний период боевой подготовки флота (май – июль 1940 г.), когда ежемесячно формировалось по 28-30 (!) частей. Наконец, формирование сразу четырех штабов новых военно-морских баз вызвало, по словам командующего КБФ В. Ф. Трибуца, *«уже сильное разжижение штабных командиров»*²⁰⁴.

В итоге, к декабрю 1940 г. Краснознаменный Балтийский флот продолжал ощущать значительный некомплект командно-начальствующего состава всех специальностей,

¹⁹⁹ Копанишин В. В. Указ. соч. С. 79.

²⁰⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 118. Л. 3.

²⁰¹ Там же. Л. 3, 7-8.

²⁰² Там же. Л. 5-6, 8.

²⁰³ Там же. Л. 13-14.

который выражался в 2240 человек по флоту, береговой обороне и тылам. Это составляло 25,5% к штатной численности начсостава КБФ. В надводном флоте не хватало 470 человек (21,3%), в подводном – 140 человек (20,8%). В надводных силах некомплект в первую очередь был за счет штурманов, минеров и механиков-дизелистов²⁰⁵. Довольно серьезной была нехватка кадров в Береговой обороне, где не хватало 550 человек, что составляло 27% от штатов, и в зенитно-артиллерийских частях (43%). Кроме того, КБФ в 1940-м году был вынужден обеспечивать формирования по отправке кораблей на другие флоты, что потребовало от него выделения ещё 66 командиров и начальников²⁰⁶.

Несмотря на предпринятые командованием флота значительные усилия, проблема нехватки командных кадров плавно перешла и на следующий, 1941-й год. На 21 января на Краснознаменном Балтийском флоте общий некомплект по частям флота, береговой обороны и тыла выражался в сумме 2421 человек, что составляло 30,6% от всей штатной численности комначсостава²⁰⁷. (Иными словами, положение с кадрами, по сравнению с концом 1940-го года, ещё больше ухудшилось.) Надводный флот нуждался в 364 командирах и начальниках (26%), подводный флот – в 182 командирах и начальниках (31%). В надводном и подводном флоте некомплект командно-начальствующего состава происходил в первую очередь за счет минеров – 100 человек, механиков – 136 человек, артиллеристов – 79 человек и штурманов – 50 человек²⁰⁸. В каждом втором экипаже подводных лодок отсутствовали штурмана, в каждом третьем – командиры боевых минно-торпедных частей (БЧ-3)²⁰⁹. Довольно крупный некомплект КНС имелся в Береговой обороне, составлявший 1100 человек или 39,3%.

Причем, не только соединения, части и различные службы КБФ испытывали хронический некомплект командиров; даже высшие штабы не были полностью укомплектованы личным составом. Например, Штаб флота имел по штату 97 человек, а по списку 84, т.е. некомплект составлял 13,4%. Остальные штабы на флоте также были не полностью укомплектованы: штаб Эскадры – на 9%, штаб 1-й бригады подлодок – на 6%, штаб 2-й БПЛ – на 17,6(!), штаб Кронштадтской военно-морской базы – на 12,5%, штаб Либавской военно-морской базы – на 13,6%²¹⁰.

Объясняя столь тяжелое положение с командными кадрами, начальник 2-го отдела Организационно-строевого управления КБФ капитан-лейтенант Недодаев указывал на

²⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 136. Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941-1944 гг. Отв. ред. В. И. Ачкасов. М., 1973. С. 6.

²⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 137.

²⁰⁶ Там же. Л. 137, 139-140.

²⁰⁷ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 140. Л. 23.

²⁰⁸ Там же. Л. 23.

²⁰⁹ *Масягин В. П., Якимов С. А.* Указ. соч. С. 65.

²¹⁰ Там же. С. 73.

принципиально важный момент: «... *Штатная численность начальствующего состава к концу 1940 г. увеличилась на 550 единиц, тогда как начальствующего состава получено на флот (имея в виду все источники пополнения) только 580 человек, таким образом, поступление начальствующего состава на флот покрывает только прирост, не говоря уже о покрытии некомплекта, имеющегося на флоте, это обстоятельство объясняется большим ростом надводных и подводных кораблей, береговых батарей и стрелковых частей нашего флота*»²¹¹. Итак, здесь указано на принципиально важный момент: имевшийся некомплект командиров и начальников не покрывался и сохранялся к концу текущего года, а затем плавно переходил на следующий год по причине того, что текущее производство командных кадров совершенно просто не успевала за резким ростом сил ВМФ.

Столь огромная потребность ВМФ в командирах объяснялась также характерными особенностями Вооруженных Сил СССР. А именно, в Советском Военно-морском флоте (как, впрочем, и в Красной Армии) на протяжении 1920-1930-х годов острейшим образом не хватало прослойки опытных, хорошо подготовленных младших командиров (старшин и отделенных командиров). Дело в том, что практически все старые специалисты (кондукторы и унтер-офицеры), служившие в Российском императорском флоте, после Гражданской войны покинули флот по разным причинам. Образовавшаяся пустота так и не была заполнена соответствующими по подготовке и опыту службы специалистами уже нового Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Пришедшие на смену старым специалистам Российского императорского флота младшие командиры фактически не смогли заменить их в полной мере. Как правило, младшие командиры флота были сравнительно неплохими техническими специалистами, но откровенно слабыми строевыми командирами. Необходимо отметить, что учебе краснофлотцев в школах младшего комсостава уделялось недостаточно внимания, поэтому данная насущная проблема не решалась долгие годы.

Ситуация с подготовкой младшего комсостава в ВМС РККА не являлась секретом для зарубежных армий, которые были хорошо осведомлены о состоянии обучения личного состава флота. В разведывательном обзоре 2-го отдела Главного штаба польской армии, составленном в начале 1930-х годов и посвященном состоянию береговой обороны Кронштадтской крепости, говорилось о том, что «*младший комсостав (начальники отделений, орудийные начальники) не вполне соответствуют своему назначению; многие из них были еще недавно простые красноармейцы*»²¹². По поводу подготовки большинства артиллерийских специалистов было отмечено, что «*многие имеют слабую подготовку*»,

²¹¹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 140. Л. 24.

²¹² Centralne Archiwum Wojskowe (CAW), Oddzial II Sztabu Glownego. Sygn. I.303.4.2048.

которые будучи мастерами с заводов, лишь недавно были выдвинуты на ответственные посты²¹³.

В ходе заседания Военного Совета РККА при Наркомате обороны СССР 22 ноября 1937 г. данную проблему затронул член Военного Совета КБФ дивизионный комиссар А. А. Булышкин, заявивший, что *«самым слабым звеном являются младшие командиры»*²¹⁴. Основным их недостатком, как считал Булышкин, было неумение командовать небольшими подразделениями. Выход из положения виделся члену Военного совета флота в проведении в зимнее время сборов строевого характера, на которых предполагалось тренировать младших командиров. При этом А.А. Булышкин привел в качестве примера Российский императорский флот, располагавший хорошими кадрами унтер-офицеров, которых по его словам *«готовили неплохо»*²¹⁵. Впрочем, это выступление не имело каких-либо серьезных оргвыводов, ибо скоро Булышкин был арестован как «враг народа» и исключен из рядов РККФ.

В своем докладе на сборе командующих флотами в декабре 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов поведал присутствующим, каким же образом решалась эта проблема на флотах: *«О роли младшего командира, о его значении в системе наших Вооруженных Сил, говорилось и писалось много. Все признают исключительную роль такой фигуры, как младшего командира в деле боевой подготовки и в руководстве личным составом, а делается в этом отношении очень мало. Можно сказать даже больше, почти ничего не делалось в том отношении, чтобы подготовить младшего командира, чтобы иметь настоящего младшего командира во флоте...»*²¹⁶. Этому способствовало также и несерьезное отношение большинства командиров соединений и кораблей к посылке на учебу краснофлотцев, для подготовки из них младших командиров. Чаще всего, посылались в школы малограмотные и недисциплинированные матросы, от которых командиры хотели избавиться. Причиной тому было нежелание расставаться с грамотными специалистами, которые оставались на прежних местах. Кроме того, командование флотов даже не знало реальной потребности флота в младших командирах, и всячески занижало её. В результате такого безалаберного отношения к делу, на 1 октября 1940 г. некомплект младших командиров в РККФ составлял 20 тыс. человек (!). В том числе на Балтике не хватало 719 старшин и 1217 командиров отделений²¹⁷.

В итоге, функции младших командиров в РККФ был вынужден брать на себя средний командно-начальствующий состав флота, который и сам зачастую не соответствовал

²¹³ Centralne Archiwum Wojskowe (CAW), Oddzial II Sztabu Głównego. Sygn. I.303.4.2048.

²¹⁴ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. С. 142.

²¹⁵ Там же. С. 142.

²¹⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). С. 379.

²¹⁷ Там же. С. 379.

необходимым требованиям. То есть, основная нагрузка приходилась на командиров среднего звена, причем даже на тех должностях, где вполне могли бы справиться и младшие командиры. Отсюда и возникали столь огромные, раздутые потребности флота в кадрах командно-начальствующего состава, которого, тем не менее, всё время не хватало.

Еще одним фактором, оказывавшим большое влияние на подготовку командиров КБФ, был недостаточный уровень образования подавляющей части командиров. Здесь ситуация была просто неудовлетворительной. Количество командиров с академическим образованием (Военно-Морская академия или Военно-транспортная академия) исчислялось единицами, которых не хватало даже для крупных штабов, не говоря уже об основных соединениях Краснознаменного Балтийского флота. Основная масса командиров и начальников КБФ закончила лишь курс военно-морских училищ или Высшие специальные курсы комсостава РККФ (ВСК). Впрочем, были и такие командиры, которые имели за плечами лишь командирские курсы (по сути, первичное образование) или вообще не имели военного образования.

В Штабе КБФ по состоянию на начало марта 1941-го года из 84 командиров закончили курс обучения в Военно-морской и Военно-транспортной академиях 9 человек (11%), Высшие специальные курсы ВМФ – 39 человек (46%), различные военно-морские училища и училища РККА – 17 человек (20%), командирские курсы – 6 человек (7%) и совсем не имели образования (!) – 13 человек (15%)²¹⁸. (По другим данным, из 72 командиров Штаба КБФ лишь 6 человек закончили Военно-морскую академию²¹⁹.) Нельзя не заметить, что 19 человек (т.е. 22%) вообще не должны были работать в Штабе флота, так как не обладали достаточным для этого образованием. В штабах военно-морских баз и основных соединений КБФ количество командиров, окончивших ВМА, не превышало 1-3 человек²²⁰.

Довольно показательная картина вырисовывается, если бы рассмотрим образовательный уровень командно-начальствующего состава РККФ по состоянию на начало 1941 г. В категории среднего командно-начальствующего состава флота (звания от младшего лейтенанта до капитан-лейтенанта) было: лиц с высшим образованием – 3345 человек (21%), со средним образованием – 6519 человек (40,5%), с неполным средним – 3893 человек (24%) и с начальным – 2326 человек (14,5%)²²¹. Таким образом, около 40% (!) командиров явно не дотягивали по своему образовательному уровню занимаемым должностям.

²¹⁸ *Масягин В. П., Якимов С. А.* Указ. соч. С. 73.

²¹⁹ *Доценко В. Д.* История военно-морского искусства. В 4-х тт. Т. III. СПб., 2002. С. 199. *Грибовский В. Ю.* Балтика 1941 г. Начальный период войны. С. 38.

²²⁰ *Грибовский В. Ю.* Балтика 1941 г. Начальный период войны. С. 38.

²²¹ *Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы.* М., 1992. С. 341-342.

В категории старшего командно-начальствующего начсостава (звания от капитана 3-го ранга до капитана 1-го ранга) ситуация выглядела значительно лучше: 4386 человек с высшим образованием (49%), 2685 человек (30,5%) – со средним, 1123 человека (12,5%) – с неполным средним и 687 человек (8%) – с начальным. И так, здесь уже только 20% командиров имеют недостаточное образование.

И наконец, в самой высокой категории – высшего командного состава ВМФ (звания от флагмана 2-го ранга до флагмана флота 1-го ранга) – положение выглядело следующим образом: 69 человек с высшим образованием (71%) и 28 человек со средним образованием (29%)²²². И здесь положение выглядит не вполне удовлетворительно: лица с такими высокими воинскими званиями обязаны были иметь высшее образование.

Основная масса флагманов и командиров имели достаточно небольшой опыт службы: в штабах и управлениях КБФ половина специалистов находились в должностях не более 1 года²²³. Большим отрицательным моментом было отсутствие фактора преемственности службы командиров в Российском императорском флоте и Рабоче-Крестьянском Красном Военно-Морском флоте. Из всего старшего и высшего командно-начальствующего состава КБФ перед войной лишь 4 адмирала и офицера имели командный опыт периода Первой мировой войны в офицерских чинах²²⁴. Практически все лица командного состава Краснознаменного Балтийского флота были новыми людьми, пришедшими на флот в 1920-х-1930-х годах.

Как уже говорилось, стремительный рост Краснознаменного Балтийского флота во второй половине 1930-х годов носил, во многом, скорее количественный, нежели качественный характер. Иными словами, серьезный технический рост флота не подкреплялся ростом квалификации и уровня боевой подготовки его личного состава. И в первую очередь это касалось командно-начальствующего состава флота всех уровней. Напротив, во второй половине 1930-х гг. на всех флотах и флотилиях налицо наблюдалось весьма неутешительное положение с оперативной и тактической подготовкой высшего, старшего и среднего звеньев командного состава флота. На должности командиров и начальников КБФ, численность которых постоянно росла в середине 1930-х-начале 1941 годов, в основном приходили недостаточно подготовленные люди. И причина подобного положения дел крылась отнюдь не в политических репрессиях, а в плохой подготовке командиров в системе ВМУЗ'ов и их быстром служебном росте.

Так, авторы авторитетного труда о командных кадрах Балтийского флота совершенно справедливо написали, что *«репрессии носили выборочный характер»*, а на стабильность

²²² Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. С. 341.

²²³ *Масягин В. П., Якимов С. А.* Указ. соч. С. 65.

военных кадров в то время «оказывала сильное влияние практика частых служебных перемещений и организационно-штатных изменений частей и соединений»²²⁵. С этим тезисом нельзя не согласиться, ибо кадровая политика в Вооруженных силах СССР действительно носила непродуманный характер, вследствие чего на многие важные должности зачастую назначались неподготовленные командиры. Причина подобного явления крылась в том, что высшее военное руководство подходило к проблеме назначения командиров флота не с профессиональной, а скорее с партийно-политической стороны, ориентируясь на анкетные данные людей.

Проблема заключалась в том, что многие назначаемые командиры, и, прежде всего, командиры высшего звена – такие, как командующий и начальник штаба флота, командиры соединений КБФ, зачастую не соответствовали занимаемому положению. Странно читать, когда в письме к наркому обороны СССР маршалу К.Е. Ворошилову в октябре 1936 г. командующий КБФ флагман 2-го ранга А.К. Сивков после прозвучавшей в его адрес резкой критики признает себя человеком, «провалившимся на экзамене по оперативно-тактическому искусству»²²⁶. (Причиной для негативной оценки наркома обороны СССР стало то обстоятельство, что КБФ не справился со своей задачей во время проведения учебно-боевой операции в сентябре 1936 г.²²⁷)

Впрочем, командующий Балтийским флотом считал подобное положение дел вполне нормальным. Более того, считая упреки наркома во многом несправедливыми, командующий Балтийским флотом А. К. Сивков далее оправдывался перед ним в следующих выражениях: «...Собственно говоря, я был так поражен, что ушам своим не верил, но уши, все слышали Ваши слова, эти слова действительно Ваши – Вами произнесены, хотя они во многих отношениях кажутся мне несправедливыми – нельзя от ребенка требовать того же, что и от взрослого...»²²⁸. Таким образом, командующий КБФ Сивков считал себя – первого человека во флотской иерархии на Балтийском море – ещё ребенком в области оперативного искусства, что является, по меньшей мере, удивительным. Впрочем, и своим подчиненным А. К. Сивков дал примерно такую же невысокую оценку. Характеризуя уровень оперативной и тактической подготовке командно-начальствующего состава Балтийского флота, Сивков сделал следующее весьма красноречивое признание: «...Мы еще не кончили средней школы»²²⁹. Следует признать данную оценку командующего КБФ весьма самокритичной и во многом справедливой.

²²⁴ Масыгин В. П., Якимов С. А. Указ. соч. С. 65-66.

²²⁵ Там же. С. 65.

²²⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 4. Д. 24. Л. 6.

²²⁷ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. С. 292.

²²⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 4. Д. 24. Л. 6-6об.

²²⁹ Там же. Л. 9об.

В данной связи, будет полезным упомянуть здесь о рассмотрении руководством Наркомата ВМФ в 1940-м году записок командующих и начальников штабов флотов о характере вероятных операций на морских театрах. 3 декабря 1940 г. начальник Оперативного управления ГМШ контр-адмирал В. А. Алафузов направил заместителю наркома ВМФ адмиралу И. С. Исакову доклад, где изложил свое мнение по поводу выполнения персональных заданий командующими и начальниками штабов флотов и флотилий²³⁰. В течение весны–лета 1940 г. командование всех флотов и флотилий представили свои работы в Главный морской штаб ВМФ. На КБФ подобную работу представил лишь начальник Штаба флота контр-адмирал Ю. А. Пантелеев, так как командующий флотом В. Ф. Трибуц был занят текущими делами и не выполнил задания.

Присланные командованием флотов решения были рассмотрены руководством Оперативного управления и Управления боевой подготовки ВМФ, которые пришли к довольно неутешительным выводам. По мнению начальника Оперативного управления контр-адмирала Алафузова, *«произведенная оперативная оценка театра поверхностна и мало убедительна»*²³¹. Кроме того, у большинства исполнителей отсутствовало *«ясное представление о характере боевых действий на своем театре»* и обнаружилось *«недостаточное знание своего вероятного противника и самого театра»*. Далеко не все исполнители подошли с полной ответственностью к своей работе: в решениях отсутствовал глубокий анализ и учет обстановки на театре, расчеты зачастую были поверхностны, задачи частям поставлены неконкретно. В целом, разработка боевой документации была признана начальником Оперативного управления ГМШ низкой по качеству, а оформление – небрежным²³². И хотя планы операций и записки командования КБФ не были приведены в качестве худших образцов, в числе лучших они также не числились.

Общий вывод, сделанный В. А. Алафузовым, гласил: *«В целом, качество выполненных работ не удовлетворительно, что говорит о низкой оперативной и тактической подготовке основного руководящего состава флотов и флотилий и вместе с тем о недостаточно серьезном отношении их к работе над собой в этой области»*²³³. Ознакомившись с докладом начальника Оперативного управления ГМШ, заместитель наркома ВМФ И. С. Исаков отправил его наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову, сопроводив его своей резолюцией: *«После просмотра работ, к сожалению, вынужден согласиться с заключением. Прошу обратить внимание на отсутствие дисциплины верхнего звена, так*

²³⁰ Ещё директивой наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова за № 16015сс/ов 14 февраля 1940 г. всем командующим, членам Военных советов, командующим ВВС и начальникам штабов флотов и флотилий были даны персональные задания, заключающиеся в составлении записок об оценке театров военных действий и характера возможных операций на них. – См.: РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 147. Л. 45.

²³¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 147. Л. 45.

²³² Там же. Л. 46.

как часть командования флотом Вашего приказа не выполнили»²³⁴. Данное замечание говорит о многом, свидетельствуя о весьма слабой оперативной подготовке высшего командно-начальствующего состава РККФ.

Рассмотрим теперь командиров соединений Балтийского флота, чтобы оценить их уровень оперативного и тактического мастерства. И здесь ситуация выглядела далеко не лучшим образом. Например, член Военного Совета КБФ корпусной комиссар Булышкин в своем письме заместителю наркома ВМФ флагману флота 2-го ранга П. И. Смирнову от 28 февраля 1938 г. дал характеристику командиру Бригады эсминцев КБФ капитану 1-го ранга В. П. Дрозду, из которой следовало, что в нем *«не чувствовалось большой тактической и оперативной подготовки»*, и что он также *«не отличается в работе должной серьезностью, тактом умения руководить подчиненными»*²³⁵. Или же, командующий КБФ И. С. Исаков в своей резолюции на докладе командира 1-й Бригады подводных лодок флагмана 2-го ранга Е. К. Самборского подверг критике последнего за то, что тот *«путается»* в вопросах применения подводных лодок. По мнению Исакова, Самборский совершенно напрасно говорил о неправильной критике в его адрес, поскольку на самом деле он *«не понимает, что такое взаимодействие и каких форм оно бывает»*²³⁶. Более того, те примеры действий подлодок, которые приводил Е. К. Самборский в своем письме, наоборот, как писал И. С. Исаков, относились *«не к тактическому и оперативному взаимодействию, а к противодействию»*²³⁷. Подобные примеры, свидетельствующие о недостаточной компетентности старших и высших командиров КБФ, можно приводить и дальше.

На заседании Военного Совета КБФ, проходившего в присутствии наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, состоявшемся 4 июня 1939 г., вообще выявилась поистине безрадостная картина состояния подготовки среднего и старшего командно-начальствующего состава флота. Достаточно привести следующие выдержки из заметок к докладу Военного совета: *«...Из семи командиров СКР только один командует второй год. Из 17-ти командиров ПЛ (3-я БПЛ) только один допущен к самостоятельному управлению. Большая часть командиров командует первый год... 1-я БММ представляет собой ещё сырой материал. Командира БММ Лежаву нужно поддержать. Командира 1 БПЛ Иванова приходится все время подталкивать. Не хочет заниматься базой... Командир 3 БПЛ Васильев имеет очень плохое состояние здоровья. Его следует назначить командиром УОПП. Командир БЗТР Кисилев требует к себе большого внимания. Командир молодой. Бригада получает в этом году 8 ТЩ и требует много людей для укомплектования... ОВР – соединение слабое и на сегодня не*

²³³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 147. Л. 47.

²³⁴ Там же. Л. 45.

²³⁵ Там же. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 21. Л. 5, 6-боб.

²³⁶ Там же. Л. 11-15.

выполняет всех возложенных задач... Комендант ЗУРа т. Пешков неволевой, нерешительный. Назначение прошло мимо Военного Совета... ЮУР. Командование новое...»²³⁸. Как мы видим, практически все представленные командиры основных соединений КБФ характеризовались по службе критически, практически все они не обладали достаточными навыками управления и нуждались в той или иной форме поддержки со стороны вышестоящего командования. Правда, и само командование КБФ в этот период также нуждалось в определенной поддержке.

Кстати, именно из-за такого явления как неопытность и недостаточная квалификация кадров командно-начальствующего состава РККФ получила широкое распространение практика назначения на боевые корабли т.н. обеспечивающих командиров. Как правило, они назначались из числа вышестоящих командиров или флагманских специалистов, для контроля действий более молодых и неопытных командиров. Это лишний раз подчеркивало то обстоятельство, что многие командиры флота зачастую просто «не дотягивали» до необходимой планки, что признавалось и вышестоящим командованием. Так что очень характерным был тот факт, что когда летом 1939 г. на Северный флот были отправлены с Балтики подводные лодки, на них были назначены обеспечивающие командиры из 3-й БПЛ КБФ, что лишний раз свидетельствовало о недостаточной выучке самих командиров лодок²³⁹.

Также не будет большим преувеличением сказать, что к началу советско-финляндской войны мало кто из лиц высшего командного состава КБФ обладал в полной мере необходимыми опытом и знаниями для исполнения своих обязанностей. Например, командующий КБФ флагман 2-го ранга В. Ф. Трибуц имел опыт командования лишь эсминцем «Яков Свердлов», после чего в течение двух лет (с января 1937 по апрель 1939 гг.) работал в Штабе КБФ, последовательно исполняя там должности начальника отдела боевой подготовки, исполняющего обязанности начштаба и начальника Штаба КБФ²⁴⁰. Таким образом, Трибуц никогда не командовал соединениями кораблей, и сразу же с должности командира эсминца шагнул на должность начальника Штаба флота, которую он занимал всего-то один год. Вряд ли подобный стаж службы можно считать достаточным для последующего занятия высокой должности командующего флотом. Капитан 1-го ранга Ю. А. Пантелеев, командовавший ранее 2-й бригадой подлодок на Черноморском флоте, а затем

²³⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 21. Л. 15.

²³⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 14. Л. 419-420. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот в предвоенный период, 1935-1941 гг. Основные проблемы развития // Елагинские чтения. Выпуск IV. Материалы конференции. СПб., 2009. С. 182.

²³⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 14. Л. 419.

²⁴⁰ *Лурье В. М.* Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота СССР в период Великой Отечественной и советско-японской войн (1941–1945). СПб., 2001. С. 218. *Скрицкий Н. В.* Флагманы Победы. Командующие флотами и флотилиями в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. М., 2012. С. 230-231.

исполнявший обязанности заместителя председателя Постоянной приёмной комиссии при наркомате ВМФ, был назначен на должность начальника Штаба КБФ 26 октября 1939 г., то есть всего за месяц до начала войны с Финляндией²⁴¹. Вполне естественно, что за такой короткий промежуток времени он вряд ли успел, как следует, ознакомиться со своими обязанностями.

За другими примерами тоже не надо ходить далеко. Командир 7-й истребительной авиабригады ВВС Тихоокеанского флота полковник В. В. Ермаченков лишь 7 октября стал командующим ВВС Краснознаменного Балтийского флота, а его заместителем тогда же был назначен бывший командир 40-го легкомобардировочного авиаполка ВВС Черноморского флота полковник М. И. Самохин²⁴². Своего рода рекорд по перемещениям на должностях поставил военный комиссар 57-го скоростного бомбардировочного авиаполка (СБАП) ВВС КБФ майор Г. Ю. Хасанов, сменивший в течение месяца (с 11 сентября по 13 октября 1939 г.) сразу три должности, и в итоге, назначенный начальником штаба 10-й авиабригады ВВС КБФ²⁴³.

При проведении проверки состояния учёта в отделе командно-начальствующего состава КБФ заместитель наркома ВМФ по кадрам корпусной комиссар С. П. Игнатъев пришёл к выводу, что *«вопреки неоднократным указаниям о недопустимости частых переводов командного состава с одного корабля на другой, частые и недостаточно продуманные переводы продолжают иметь место на КБФ»*. Выяснилось, что некоторые командиры соединений переставляли по своему усмотрению командиров, не докладывая о произведённых перестановках даже Военному Совету КБФ²⁴⁴. За невыполнение указаний о своевременных докладах исполнения приказов наркома ВМФ, начальнику отдела командно-начальствующего состава КБФ полковому комиссару Бабинцеву был объявлен выговор²⁴⁵.

Характеризуя командно-начальствующий состав КБФ, в большинстве своем ещё достаточно молодой и неопытный, который затем вступил в войну с Финляндией, командующий флотом флагман 2-го ранга В. Ф. Трибуц признался на совещании Военного Совета КБФ в январе 1940 года в следующем: *«Все мы с Вами молодые, никто из нас боевого опыта именно в той должности, в которой находимся сейчас, не имел и потому учимся сами и учим других»*²⁴⁶. Чуть позже, уже после окончания «зимней» войны, Трибуц в

²⁴¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 83. Л. 581. *Лурье В. М.* Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота СССР в период Великой Отечественной и советско-японской войн (1941–1945). С. 169. *Скрицкий Н. В.* Указ. соч. С. 457–458. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот в предвоенный период, 1935–1941 гг. Основные проблемы развития. С. 182–183.

²⁴² РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 83. Л. 245. *Лурье В. М.* Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота СССР в период Великой Отечественной и советско-японской войн (1941–1945). С. 78, 198

²⁴³ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 82а-б. Л. 199, 419. Д. 83. Л. 124, 419.

²⁴⁴ Там же. Д. 83. Л. 366.

²⁴⁵ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 83. Л. 367.

²⁴⁶ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 542. Л. 91.

одном из своих выступлений вновь вернулся к этой щекотливой теме, заявив, что «*командно-политический состав по своему боевому опыту, по своим навыкам в условиях быстро растущего флота, безусловно, молодой, малоопытный*»²⁴⁷. Думается, что с данным утверждением командующего флотом нельзя не согласиться. Но при этом следует не забывать, что процесс учебы и вхождения в должность многих командиров Краснознаменного Балтийского флота пришелся именно на период боевых действий с Финляндией, и поэтому им приходилось делать это в несколько экстремальных условиях.

К началу Великой Отечественной войны командно-начальствующий состав КБФ, и прежде всего, старший и высший, продолжал оставаться весьма молодым и по возрасту и по командному стажу. В частности, только 25% командиров бригад и командиров подводных лодок КБФ имели стаж командования свыше двух лет. Лишь среди командиров дивизионов подлодок 36% командиров обладали опытом командования более двух лет. Среди командиров соединений надводных кораблей Балтийского флота не было никого, кто не имел бы служебный стаж более двух лет²⁴⁸.

Определенный отбор среди командного состава КБФ на предмет профессиональной пригодности был произведен во время советско-финляндской войны 1939-1940 гг. Во время войны были сняты со своих должностей: командир Отряда лёгких сил КБФ капитан 1-го ранга Б. П. Птохов (за систематическое пьянство и срыв боевой операции), командир Либавской военно-морской базы капитан 1-го ранга А. П. Шергин (за бездеятельность и плохое руководство), командир 2-й бригады подводных лодок капитан 1-го ранга Д. М. Косьмин (за неудовлетворительное руководство), начальник штаба 2-й бригады подводных лодок капитан 3-го ранга А. Г. Лопухин (за плохое руководство), начальник штаба ВВС КБФ майор А. И. Зенкин (за неудовлетворительное руководство), командир 1-го минно-торпедного авиаполка ВВС КБФ полковник В. П. Воробьев, командир 57-го скоростного бомбардировочного авиаполка ВВС КБФ майор С. И. Снетков (оба – за плохое руководство боевыми операциями) и ряд более мелких командиров²⁴⁹. Как мы понимаем, это были далеко не все командиры, которые плохо себя проявили в боевых действиях: на самом деле, их было значительно больше.

Во время совещания командиров и комиссаров КБФ 13-14 марта 1940 г. заместитель наркома ВМФ флагман флота 2-го ранга И. С. Исаков сообщил присутствующим крайне важное мнение наркома ВМФ флагмана флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецова относительно причин многочисленных неудач во время прошедшей советско-финляндской войны. В

²⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 497. Л. 22. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот в предвоенный период, 1935-1941 гг. Основные проблемы развития. С. 183.

²⁴⁸ Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941-1944 гг. С. 9.

передаче Исакова, нарком ВМФ Кузнецов сказал тогда следующее: «...*Прошедшие боевые события и выводы из них показывают, что мы плохо изучили людей. Может быть, мы много возились, но методика у нас неправильная. Больше всего у нас было формальное изучение, по анкетам и т.д. ... Война показала, что часть фигур оказались дутыми. У человека замечательная выправка, аттестация, а на деле всё далеко не замечательно... Мы не так работали с людьми, как надо, и не сумели в них разобраться...*»²⁵⁰. Уже позднее, на совещании командующих флотами и флотилиями в декабре 1940 г., нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов был вынужден сделать такое признание относительно состояния подготовки командных кадров РККФ: «...*Но самым слабым звеном, повторяю, мы считаем сейчас подготовку начальствующего состава, который не может еще не в полной мере использовать и личный состав, подчиненный ему. Если разбить на некоторые категории начальствующий состав, то мы считаем наиболее слабым звеном – звено высшего начальствующего состава...*»²⁵¹.

Следует признать, что нарком ВМФ сделал очень интересное и откровенное высказывание, особенно по части неумения разбираться в людях. Ведь все командиры соединений и частей, начальники штабов и разные специалисты прошли через процедуру утверждения их кандидатур на должности самим наркомом ВМФ. Впрочем, нельзя забывать, что и сам Кузнецов лишь недавно занял должность наркома ВМФ фактически без предварительной подготовки и не имел еще достаточного опыта административно-командной работы такого уровня. И, тем не менее, нужно отметить, что Н. Г. Кузнецов всё же сделал правильные выводы относительно характера кадровой политики на флоте.

Нарком совершенно верно сказал насчет формального, «анкетного» подхода при рассмотрении кандидатур и назначении людей на высокие командные должности. Действительно, зачастую командиры оценивались не столько по своим профессиональным и деловым качествам, высокому уровню оперативной и тактической подготовки, сколько по идеологическим и социальным критериям. Аттестации на большинство командиров флота, по признанию заместителя наркома ВМФ по кадрам С. П. Игнатьева, зачастую писались «недостаточно объективно» и фактически представляли собой «*формальную отписку*»²⁵². Профессиональная подготовка командиров фактически отходила на задний план, о недостатках в их работе практически не говорилось. Впрочем, это порочное явление имело

²⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 88. Л. 56, 261а-262, 333-334. Д. 126. Л. 69. Д. 142. Л. 339. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот в предвоенный период, 1935-1941 гг. Основные проблемы развития. С. 184.

²⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 637. Л. 116.

²⁵¹ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). С. 220, 481.

²⁵² Там же. С. 378.

место ещё задолго до проведения массовых репрессий, а именно в период 1920-х-первой половины 1930-х годов.

Развивая этот во многом справедливый тезис, можно задаться вопросом, не являлись ли большинство репрессированных в 1937-1938 гг. командиров и начальников РККФ, по выражению Н. Г. Кузнецова, точно такими же «дутыми фигурами». Иными словами, необходимо серьезное подтверждение их высоких деловых качеств и большого профессионального опыта. К сожалению, как мы видели, зачастую объективных данных для утверждений положительного характера не имеется. На наш взгляд, действительная причина неудовлетворительного состояния подготовки КНС флота крылась не в тех или иных конкретных командирах, которые подверглись репрессиям, а в самой неэффективной системе подготовки командных кадров для ВМФ, которая давала слабо подготовленных командиров.

Это тем более актуально, что позволяет опровергнуть довольно устойчивый тезис о влиянии репрессий конца 1930-х годов на предвоенное состояние Вооруженных Сил СССР. Длительное время в отечественной литературе утверждалось, что политические репрессии привели к огромным потерям среди командиров и начальников РККА и РККФ. Из этого утверждения делался беспелляционный вывод, что это стало решающим фактором неудовлетворительного состояния оперативной и тактической подготовки командиров. Во-вторых, утверждалось, что репрессии якобы привели к резкому ослаблению интеллектуального уровня командно-начальствующего состава и сказались на его профессиональных качествах.

Однако представляется, что данное утверждение во многом является легковесным и не подтверждается объективными данными. Основной причиной, как уже говорилось выше, был резкий рост Морских Сил РККА во второй половине 1930-х годов и как следствие – значительное увеличение потребностей флота в командных кадрах. Кроме того, сказывались недостаточная подготовка командиров в системе военно-морских учебных заведений и изначальный невысокий образовательный уровень курсантов военно-морских училищ. Это было следствием общей культурной отсталости большей части населения СССР, которое лишь совсем недавно преодолело массовую неграмотность. Поэтому военно-морским училищам приходилось работать с тем людским контингентом, который имелся на тот момент в стране, и иных вариантов здесь не было.

В результате, в предвоенный период имел место форсированный служебный рост большинства средних и старших командиров, многие из которых зачастую не обладали в полной мере необходимыми для этого опытом и знаниями. Данное обстоятельство усиливалось совершенно раздутыми потребностями ВМФ в командирах среднего звена, из-за

отсутствия полноценных младших командиров. В свою очередь, невысокий уровень подготовки назначенных командиров флота определялся общим социальным и культурным уровнем СССР и носил в целом объективный характер. Следует признать, что иного пути в деле укомплектования соединений, частей и кораблей ВМФ командным и начальствующим составом в предвоенный период не было.

Глава 5. Боевая подготовка на Краснознаменном Балтийском флоте в 1935 – 1941 годах

§ 1. Боевая подготовка Краснознаменного Балтийского флота в 1935 – 1936 гг.

Уровень боевой подготовки (БП) является одним из важнейших факторов, непосредственно влияющих на боевую деятельность Военно-Морского Флота. В первую очередь, необходимо пояснить содержание этого термина. В широком понимании смысла данного понятия, боевая подготовка флота в мирное время представляет собой *«сумму обеспечивающих мероприятий, осуществляемых в процессе подготовки системы операций»*²⁵³. Боевая подготовка флота в целом, а также соединений и частей должна быть целеустремленна на боевые задачи, которые флоту придется решать в военное время. Соответственно, основные задачи БП вытекают из тех оперативных задач, которые в соответствии с планом войны должен решать флот. Это в свою очередь, приводит к тому, что оперативная и тактическая подготовка флота должны быть ведущими видами боевого обучения флота, определяющими содержание всех остальных.

Для успешного решения поставленных перед Военно-Морским Флотом задач, как писал в своем труде известный советский военно-морской теоретик капитан 1-го ранга Н. Б. Павлович, требовалось: 1) Дать личному составу необходимые знания и навыки, обеспечивающие владение оружием, боевыми и техническими средствами, которыми располагает данный корабль или часть; 2) Научить личный состав использованию оружия и различных технических средств в различных условиях обстановки; 3) Научить командный состав использованию тактических приемов, соответствующих сложившейся обстановке, во взаимодействии с другими родами флота и видами боевых средств; 4) Научить высший командный состав использованию оперативных приемов²⁵⁴.

Боевая подготовка Морских Сил РККА (Рабоче-Крестьянского Красного Флота) в период 1930-х гг. – начале 1941 г. складывалась из следующих видов подготовки: 1) оперативной; 2) тактической; 3) тактико-технической; 4) огневой и технической; 5) по боевой службе; 6) специальной; 7) морской; 8) общей (строевой, стрелковой, химической и пр.); 9) политической²⁵⁵.

²⁵³ Павлович Н. Б. Основные вопросы боевой подготовки флота. Л., 1941. С. 12.

²⁵⁴ Там же. С. 6-7.

²⁵⁵ Там же. С. 11.

Приобретение личным составом кораблей и частей флота знаний и навыков, обеспечивающих владение им оружием, боевыми и техническими средствами, требует определенного комплекса обучения, охватывающего собою подготовку по специальностям, по боевой и повседневной службе, и т.д. В силу особенности боевого организма флота, отличающего его от полевой армии, личный состав Военно-Морского Флота необходимо обучать применительно к характерным условиям морской подготовки. Данное обстоятельство требовало наличия особого вида подготовки – **морской**, смысл которой заключается в привитии личному составу флота морских навыков и умения учитывать влияние факторов морской обстановки на решаемые задачи. Задачи по морской подготовке, относящиеся к управлению маневрами корабля, отрабатывались исключительно командирами кораблей и помощниками командиров, остальные задачи – всеми командирами²⁵⁶. Обучение личного состава использованию оружия, боевых и технических средств в различных условиях обстановки требует продуманной организации **огневой** подготовки для специалистов, обслуживающих вооружение. Соответственно, для специалистов, занимающихся обслуживанием боевых и технических средств, необходима **техническая** подготовка²⁵⁷.

В свою очередь, для того, чтобы научить младший и средний командный состав флота, с одной стороны, использованию тактических приемов, а с другой, чтобы тренировать весь личный состав в боевой работе и во взаимодействии в различных условиях обстановки, необходима **тактическая** подготовка, и, как её начальная ступень, – **тактико-техническая**. Обучение высшего командного состава использованию оперативных приемов достигается путем **оперативной** подготовки, которую следует рассматривать как высшую ступень обучения флота. Основным моментом в оперативной подготовке является тренировка высшего командного состава в подготовке, расчетах, планировании, организации, управлении и выполнении отдельных операций и системой их. Вполне естественно, что оперативная подготовка не может быть оторвана от тактической, важнейшими элементами которой являются **тактика** и **боевое управление**. В итоге, уровень боевой подготовки личного состава является одним из важнейших факторов, влияющих на боевую деятельность флота²⁵⁸.

Общая структура и содержание боевой подготовки флота в период 1930-х-начала 1941 гг. излагались, прежде всего, в основных руководящих документах Военно-Морских Сил

²⁵⁶ Павлович Н. Б. Указ. соч. С. 7. Методические указания Штаба КБФ по морской подготовке на летний период 1937 г. Кронштадт, 1937. С. 3-4.

²⁵⁷ Павлович Н. Б. Указ. соч. С. 7-8.

²⁵⁸ Там же. С. 8-9.

РККА (РККФ) – Боевом уставе 1930 г. (БУ-30²⁵⁹) и Временном боевом уставе Морских Сил РККА 1937 г. (БУМС-37²⁶⁰), Наставлении по ведению морских операций 1940 г. (НМО-40²⁶¹), в Наставлении по боевой подготовке Военно-Морского Флота 1941 г. (НБП-41²⁶²), Наставлении по боевой деятельности штабов соединений Военно-Морского Флота 1940 г.²⁶³, в корабельных уставах 1932 и 1939 гг. (КУ-32²⁶⁴, КУ-39²⁶⁵), а также в развернутом виде – в курсах боевой подготовки для различных сил флота (надводных кораблей (КНК, КЭМ)²⁶⁶, подводных лодок (КПЛ)²⁶⁷, Военно-воздушных сил, береговых и пр.), наставлениях по боевой деятельности для надводных²⁶⁸, подводных²⁶⁹, военно-воздушных сил флота²⁷⁰, а также руководствах²⁷¹, методических указаниях²⁷² и прочих документах.

По **принципу масштаба обучаемых боевых структур**, боевая подготовка флота подразделялась следующим образом: 1) Подготовка бойцов и подразделений; 2) Подготовка одиночного корабля (части); 3) Подготовка однородного (тактического) соединения; 4) Подготовка маневренного соединения; 5) Подготовка флота в целом²⁷³. По **признаку основных категорий личного состава**, боевое обучение может быть разделено на: 1) Подготовку рядового и младшего начальствующего состава; 2) Подготовку начальствующего состава. Наконец, по **признаку основных вариантов оперативной**

²⁵⁹ Первый «Боевой устав военно-Морских Сил РККА» (БУ-30) был введен в действие приказом РВС СССР № 48 в феврале 1930 г. Он базировался на основных положениях Полевого устава РККА. В нем были изложены основные положения советской военной доктрины, рассматривавшей Военно-морские силы как составную и неразрывную часть Красной Армии. Устав регламентировал деятельность кораблей, морской авиации и частей береговой обороны, основными задачами которых являлись готовность к смелому и решительному ведению борьбы с морским противником, защита побережья СССР, содействие сухопутным операциям Красной Армии.

²⁶⁰ Временный «Боевой устав Морских Сил РККА 1937 г.» (БУМС-37) был введен в действие приказом наркома обороны СССР № 032 от 26 марта 1937 г. Наибольшее внимание в нем было уделено боевому использованию подводных лодок, морской авиации и торпедных катеров, которым отводилась роль ударных сил флота. В дальнейшем, БУМС-37 дорабатывался и совершенствовался на основе опыта, полученного в советско-финляндской и Великой отечественной войнах (переиздания 1940 и 1959 гг.).

²⁶¹ Наставление по ведению морских операций (НМО-40) было введено в действие приказом наркома ВМФ № 0893 от 26 ноября 1940 г.

²⁶² Наставление по боевой подготовке Военно-Морского Флота было введено в действие приказом наркома ВМФ в мае 1941 г.

²⁶³ Наставление по боевой деятельности штабов соединений Военно-Морского Флота было введено в действие приказом наркома ВМФ № 395 от 18 июля 1940 г.

²⁶⁴ Корабельный устав ВМС РККА, Ч. 1 и 2 был введен в действие приказами РВС СССР № 53 и 54 от 13 апреля 1932 г.

²⁶⁵ Корабельный устав ВМФ СССР был введен в действие приказом наркома ВМФ № 416 от 16 октября 1939 г.

²⁶⁶ Курс боевой подготовки надводных кораблей 1937 и 1939 гг. (КНК-37 и КНК-39), Курс боевой подготовки эскадренных миноносцев и лидеров 1940 г. (КЭМ-40).

²⁶⁷ Курс боевой подготовки подводных лодок 1938 и 1941 гг. (КПЛ-38 и КПЛ-41).

²⁶⁸ Наставление по боевой деятельности тралящих кораблей 1940 г. (НТЦ-40).

²⁶⁹ Временное наставление по боевой деятельности подводных лодок 1939 г. (НПЛ-39).

²⁷⁰ Временное наставление по боевому применению морской авиации 1937 г., Временное наставление по боевому применению бомб авиацией ВМФ 1939 г., Временное наставление по боевой деятельности минно-торпедной авиации 1940 г. (НБДМТА-40) и другие.

²⁷¹ Руководство по проведению тактических и отрядных учений. М.-Л., 1940. Руководство по проведению групповых упражнений. М.-Л., 1940. *Валяевский*. Сборы. Под ред. контр-адмирала доцента В.К. Васильева. Л., 1941.

²⁷² Методические указания Штаба КБФ по морской подготовке на летний период 1937 г. Кронштадт, 1937.

²⁷³ *Павлович Н. Б.* Указ. соч. С. 11.

обстановки, оказывающих влияние на организацию, содержание и напряжение боевого обучения, следует различать: 1) Боевую подготовку в мирное время; 2) Боевую подготовку в военное время. В широком понимании этого вопроса, боевое обучение флота в мирное время представляло собой сумму обеспечивающих мероприятий, осуществляемых в процессе подготовки системы операций²⁷⁴.

С целью усовершенствования оперативной и боевой подготовки личного состава РККА, 7 января 1935 г. нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов утвердил два руководящих документа – «Систему оперативной подготовки начсостава и штабов» и «Положение о руководстве боевой подготовкой Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Основными формами оперативно-боевой подготовки флота и флотилии были определены **малые (МОУ) и большие отрядные учения (БОУ)**, а высшей – **учебно-боевые операции (УБО) и маневры**. Штабы и органы управления отрабатывались на **оперативных, штабных и тыловых играх**²⁷⁵.

В целом, к учебно-практическим мероприятиям по боевой подготовке, проводившимся в масштабе всего флота, были отнесены: 1) маневры; 2) отрядные учения; 3) тактические учения; 4) учебные выходы (тренировочные походы); 5) учения по боевому управлению; 6) сборы; 7) игры с командным составом; 8) соревнования²⁷⁶.

Военно-морские игры, являясь основным видом занятий с командно-начальствующим составом Морских Сил РККА, имели своей главной задачей тактическое и оперативное совершенствование как отдельных командиров, так и целых командных коллективов в вопросах ведения общевойскового боя, применения технических средств борьбы, организации боевого управления частями и соединениями, а также и в вопросах службы тыла. В основном, это совершенствование должно было идти по линии выработки у командиров практических навыков в быстром принятии правильных решений в соответствии с полученной задачей и на основе изучения обстановки²⁷⁷.

Классификация военных игр, принятая в Морских Силах РККА, проводилась по нескольким признакам – 1) по признаку организационной структуры, 2) по числу командных инстанций, принимающих участие в игре, 3) по содержанию игр и 4) по целевому назначению, положенному в основу игры.

По признаку **организационной структуры**, военные игры делились на **односторонние**, в которых участники распределялись по должностям на одной стороне, а действиями другой

²⁷⁴ Павлович Н. Б. Указ. соч. С. 12.

²⁷⁵ Жуматий В. И. Развитие военно-морского искусства в межвоенный период. Морские десантные операции (1921-1941 гг.). М., 1997. С. 62-63. Жуматий В. И. Морские десантные операции Вооруженных сил СССР. Морская пехота в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны 1918-1945. М., 2011. С. 76.

²⁷⁶ Павлович Н. Б. Указ. соч. С. 27.

²⁷⁷ Самойлов К. И. Военно-морские игры. 2-е изд., испр. и доп. М.-Л., 1939. С. 4.

стороны (за противника) управлял сам руководитель, и **двухсторонние**, где участники распределялись по должностям на двух сторонах (обычно на «красной» и «синей», или «А» и «Б»), а руководитель игры, являясь арбитром между ними, лишь направлял ход розыгрыша в соответствии с поставленной учебной целью²⁷⁸. В зависимости от **числа командных инстанций**, принимающих участие в игре, они подразделялись на **одностепенные**, когда проигрывается полностью работа одной командной инстанции и среди играющих нет ни начальника, ни подчиненных, на **двухстепенные**, когда все или часть участников имеют непосредственных начальников или подчиненных, и на **трехстепенные**, когда в числе играющих есть начальники трех степеней (например, командиры кораблей, дивизионов и бригад)²⁷⁹.

В зависимости от характера вопросов, составляющих **содержание игры**, игры подразделялись на **оперативные**, которые имели своей задачей изучение операций или вероятных оперативных предположений, на **тактические** (командные и командно-штабные), которые должны были вырабатывать у командного состава практические навыки в деле управления соединениями во время организации и проведения боя, на **штабные**, в ходе которых производится тренировка штабных коллективов как органов управления в условиях боевой обстановки, и **тыловые**, где у командного состава вырабатывались навыки организационного порядка в управлении службами тыла и для практики в их использовании. В соответствии с **целевым назначением**, игры делились на **показные, учебные, тренировочные, отчетные и исследовательские**²⁸⁰.

Военная игра, как правило, состояла из трех последовательных этапов – подготовительного (подготовка к игре), исполнительного (проведение игры) и заключительного (разбор игры). Наиболее содержательным в плане извлечения уроков, был заключительный этап, на котором командование флота подводило итоги игры и отмечало как достигнутые успехи, так и допущенные просчеты и ошибки, что было наиболее важным в практическом отношении. Помимо проведения военно-морских игр, командно-начальствующий ВМФ состав отработывал свои навыки в ходе **групповых упражнений**, а также **сборов КНС**.

Групповые упражнения имели своей задачей обеспечение высокой тактической (штабной и специальной) подготовки начальствующего состава и должны были *«способствовать выработке единства оперативно-тактического мышления у начальствующего состава на вопросы, касающиеся их боевой деятельности»*²⁸¹. В них

²⁷⁸ Самойлов К. И. Указ. соч. С. 4.

²⁷⁹ Там же. С. 4-5.

²⁸⁰ Там же. С. 5.

²⁸¹ Руководство по проведению групповых упражнений. М.-Л., 1940. С. 3.

участвовали командиры, занимавшие одинаковые должности и выполнявшие одну и ту же работу. Групповые упражнения должны были предшествовать военно-морским играм, тактическим и отрядным учениям и обеспечивать высокое качество последних. Это определяло важное место групповых упражнений в системе боевой подготовки начальствующего состава²⁸².

Сборы командно-начальствующего состава ВМФ применялись с целью *«изучения и обобщения или внедрения опыта боевой подготовки за длительный промежуток (этап) работы»*²⁸³. Сборы командно-начальствующего состава флота классифицировались по следующим признакам: 1) по цели (учебно-методические, исследовательские); 2) по содержанию (оперативно-тактические, технические (по отдельным специальностям)); 3) по масштабу (центральные, местные (общеефлотские или по соединениям)); 4) по составу участников (сборы начсостава, сборы специалистов (младшего начсостава и рядового состава)); 5) по организации (с отрывом и без отрыва от служебных обязанностей)²⁸⁴.

С целью совершенствования боевой подготовки на флотах, 19 ноября 1939 г. нарком ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов в своей директиве № 12319с внес серьезные изменения в систему БП Военно-Морского Флота. По мнению наркома, изменившаяся к тому времени на флотах обстановка, связанная с введением 5-летнего срока службы для краснофлотцев, увеличением окладов жалования рядового и младшего начальствующего состава²⁸⁵, увеличением количества сверхсрочников на флоте, а также *«накоплением некоторого опыта проведения БП в условиях применительно к военному времени»*, поставила вопрос о необходимости изменения системы боевой подготовки, которая давала бы возможность круглогодичного её прохождения, с целью поддержания боевой готовности флотов и флотилий постоянно на высоком уровне²⁸⁶.

Отныне боевую подготовку на флотах и флотилиях требовалось проводить на основе следующих, принципиально новых положений: 1) Боевая подготовка проводится круглый год, без деления на периоды и в любых условиях обстановки, в том числе и в военное время; 2) Боевую подготовку в новом году надлежит проводить с того уровня, которого достиг флот к концу истекшего года, а не начиная каждый год сначала; 3) Прежнее деление на малые и большие отрядные учения (МОУ и БОУ) теперь отменялось.

²⁸² Руководство по проведению групповых упражнений. С. 3-4.

²⁸³ *Валевский, капитан 3 ранга*. Сборы. Под ред. контр-адмирала доцента В.К. Васильева. Л., 1941. С. 7.

²⁸⁴ Там же. С. 7-8.

²⁸⁵ 15 мая 1939 г. вопрос об увеличении сроков службы в РКВМФ был решен на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), а 16 мая был принят указ Верховного Совета СССР по данному вопросу. – См.: Политбюро ЦК ВКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог. Т. II. 1930-1939. М., 2001. С. 1049. Боевая летопись ВМФ 1917-1941. М., 1993. С. 618-619.

²⁸⁶ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сборник документов и материалов. С. 115.

Вводилась новая классификация учений, которые делились на **тактические**, где отрабатывались приемы и методы использования оружия одиночным кораблем, в составе однородного соединения и во взаимодействии разнородных тактических групп, **отрядные**, которые должны были проводиться на флотах не реже чем 2-3 раза в год для отработки оперативных задач, вопросов взаимодействия между соединениями и проверки оперативно-тактической подготовленности кораблей, частей и соединений, а также **маневры**, которые должны были проводиться на флотах и флотилиях 1 раз в год в сроки, назначенные приказом наркома ВМФ²⁸⁷. Темы для тактических учений определялись курсами БП и указаниями военных советов флотов и флотилий, а темы отрядных учений назначались начальником Главного морского штаба РККФ и высылались для выполнения военным советам флотов и флотилий²⁸⁸. Проведение тактических и отрядных учений флота регулировалось специальным руководством, разработанным Управлением боевой подготовки НКВМФ в 1940-м году²⁸⁹.

Состояние боевой подготовки личного состава Морских Сил РККА было важнейшим вопросом, который постоянно затрагивался на совещаниях Реввоенсовета СССР (позднее – Военного совета при Наркомате обороны СССР), а также на других крупных совещаниях с участием представителей командно-начальствующего состава флота в предвоенный период. Достижения и недостатки, наблюдавшиеся в процессе боевой подготовки как рядового, так и командно-начальствующего состава морских сил, являлись объективным критерием реального уровня подготовки флота и его боеспособности.

На заседании Военного совета при наркомате обороны СССР 10-12 декабря 1934 г. начальник Управления Морских Сил РККА²⁹⁰ В. М. Орлов сделал доклад о ходе выполнения и состоянии боевой подготовки на всех морских силах и флотилиях РККФ в течение 1934 г. Во вступительной части доклада Орлов подчеркнул всю масштабность произошедших перемен на флотах в связи с вступлением в строй новейших типов боевых кораблей и различных образцов вооружения и техники: *«Обстановка проведения боевой подготовки Морскими силами в 1934 году определяется тем, что мы имели в 1934 году введение в строй большого количества новых боевых единиц, кораблей и батарей береговой обороны. Кроме того, в 1934 году проводилось значительное количество испытаний, как кораблей, вновь построенных, главным образом подводных лодок, так и новых образцов оружия. Свыше 100*

²⁸⁷ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сборник документов и материалов. С. 115.

²⁸⁸ Там же. С. 115.

²⁸⁹ Руководство по проведению тактических и отрядных учений. М.-Л., 1940. С. 1-44.

²⁹⁰ Приказом наркома обороны СССР в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 мая 1935 г. начальник Управления Морских Сил РККА В. М. Орлов был назначен начальником Морских Сил РККА с подчинением ему командующих флота и флотилиями.

испытаний отдельных объектов и образцов нового оружия и техники было проведено на Морских Силах, главным образом на Морских силах Балтийского и Черного морей...»²⁹¹.

Главной задачей для Морских Сил РККА в 1934-м году являлась отработка взаимодействия Морских и Военно-Воздушных Сил РККА при нанесении сосредоточенного удара по противнику силами подводных лодок, авиации и легких сил флота²⁹². По мнению В. М. Орлова, нанесение сосредоточенного удара по флоту противника отрабатывалось на флотах в простых условиях, поэтому надо было продолжать выполнение этой задачи в более сложных условиях, при активно действующем противнике. Необходимо было продолжать укрепление взаимодействия между подводными лодками, авиацией и торпедными катерами при участии всех остальных сил надводного флота²⁹³.

Командующий Морскими силами Балтийского моря²⁹⁴ (МСБМ) Л. М. Галлер также выступил на Военном совете РККА с докладом о боевой подготовке личного состава за прошедший год. В частности, Галлер подчеркнул, что основной задачей на 1934-й год было определено овладение взаимодействием при сосредоточенном ударе воздушных и морских сил, с привлечением подводных лодок, миноносцев и торпедных катеров. Для выполнения этой задачи, на Морских силах Балтийского моря было проведено несколько военных игр и занятий. В результате, в течение 1934-го года Морским силам Балтийского моря удалось усвоить целый ряд приемов, необходимых при нанесении сосредоточенного удара. Тем не менее, выполнение этого удара проходило еще в сравнительно простых условиях, преимущественно вблизи баз, без вынесения основного удара в более удаленные районы, чего могла потребовать обстановка. Поэтому, в соответствии с приказом наркома обороны СССР № 0102 от 17 декабря 1934 г., главной задачей морских сил на 1935-й год было определено дальнейшее усложнение выполнения сосредоточенного удара, с более широким охватом всех средств, которыми располагали МСБМ²⁹⁵.

14 января 1935 г. временно исполняющий обязанности командующего КБФ А. С. Гришин издал приказ № 013, в котором определил задачи на первый период боевой подготовки 1935-го года. Опираясь на приказ наркома обороны СССР № 0102 и директиву начальника Генерального штаба РККА № 16593с, Гришин поставил перед соединениями Балтийского флота частные задачи. Надводным кораблям флота следовало провести все

²⁹¹ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. М., 2007. С. 111-112.

²⁹² Там же. С. 457.

²⁹³ Там же. С. 113, 119.

²⁹⁴ Приказом наркома обороны СССР № 9 от 11 января 1935 г. и в соответствии с Положением о народном комиссариате обороны СССР, Морские силы Балтийского моря были переименованы в Краснознаменный Балтийский флот (КБФ). – См.: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 233. Л. 18.

²⁹⁵ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. С. 230-231, 487-488.

стрельбы, оставшиеся невыполненными в 1934-м году и назначенные на 1935-й год, «обратив особое внимание на стрельбы по невидимой цели, с корректировкой самолетов», а также подготовить корабли и личный состав (особенно молодых моряков) к нормальному прохождению БП в летних условиях²⁹⁶.

От командиров соединений, частей и кораблей требовалось перестроить всю систему, организацию и планирование боевой подготовки, подняв ответственность командиров боевых частей (БЧ) и младшего начсостава за подготовку частей и отделений. Командирскую и специальную учебу начальствующего состава и бойцов следовало планировать с расчетом сохранения полученного в 1934-м году опыта и навыков с тем, чтобы с началом второго периода боевой подготовки начать учебу для достижения более высоких результатов в боевой подготовке. Вопросам боевого управления следовало уделять особое внимание, совершенствуя свои штабы на играх в масштабе соединения и КБФ, добиваясь при этом четкости и краткости в формулировках документов и сокращения их количества²⁹⁷.

Всего командованием КБФ было запланировано на первый период боевой подготовки 3 больших отрядных учения (БОУ) и 4 малых отрядных учения (МОУ). Темы для больших отрядных учений были назначены следующие – «Оборона Главной базы и укрепрайонов от наземного противника в условиях ледостава», «Самостоятельная воздушная операция ВВС с высадкой воздушного десанта» и «Вывод подводных лодок в операцию в зимних условиях», а для малых отрядных учений – «Отработка действий штабов и средств связи в условиях зимней обороны», «Оповещение и развертывание частей согласно плана зимней обороны», «Проверка системы ВНОС» и «Тренировка ВВС по высадке воздушного десанта и по атаке Главной базы и укрепрайонов»²⁹⁸.

Центральным событием боевой подготовки флота в первом полугодии стало большое отрядное учение (БОУ) № 1, проведенное в период с 10 по 11 марта 1935 г. по теме «Оборона Главной базы флота Кронштадт–Ораниенбаум от наземного и воздушного противника в условиях в соответствии с планом 30-35 года»²⁹⁹. Учебными целями на учении для «красной» стороны, игравшей за СССР, были определены: 1) тренировка частей Кронштадтского укрепрайона на период ледостава в действиях по обороне своих участков; 2) тренировка наземной и воздушной разведок в обнаружении противника на льду в условиях ночи; 3) тренировка фортов в использовании артиллерии при наступлении противника на форты и в содействии артиллерийским огнем частям, действующим на льду;

²⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 32. Л. 2-5.

²⁹⁷ Там же. Л. 5-6.

²⁹⁸ Там же. Л. 29.

²⁹⁹ Там же. Д. 35. Л. 1.

4) тренировка штабов частей, боевых участков в организации обороны участка и в управлении действиями частей по отражению противника, наступающего на обороняемый участок.

Перед «синей» стороной³⁰⁰ были поставлены следующие задачи: 1) тренировка в организации марша и его охранения в условиях ледостава; 2) тренировка в управлении войсками в условиях ночных действий на льду; 3) тренировка частей КУР'а в скрытом наступлении на укрепленный район в ночных условиях по льду; 4) тренировка штабов частей в организации наступления на укрепленный район и управление частями в период наступления³⁰¹.

В ходе БОУ-1 действия оборонявшейся, «красной», стороны отличались пассивностью и нерешительностью. Командный состав «красных» действовал без должной энергии, на события реагировал вяло, к учению проявил недостаточный интерес, да и настроение на учении показал недостаточно боевое. Личный состав, не получив должного руководства, не сумел в полной мере проявить свои боевые качества. В итоге, задачи, поставленные «красным» на учении, не были ими выполнены³⁰².

В качестве отдельных ошибок «красной» стороны, были названы следующие. Во-первых, действия разведки оборонявшейся стороны были оценены как неудовлетворительные. Разведка так и не смогла организовать сплошную линию разведки на участке фортов и на протяжении БОУ проявляла пассивность. Мощная артиллерия фортов использовалась командованием «красных» слабо или совсем не использовалась, командиры фортов не осуществляли взаимодействия между собой. Система управления на стороне «красных» была не на высоте. Работа штабов на учении велась нечетко, штабы плохо изучали обстановку и плохо докладывали ее командованию³⁰³.

Общие выводы командования по результатам учения носили негативный характер. Прежде всего, БОУ-1 выявило недостаточное знакомство командно-начальствующего состава оборонявшихся частей с вопросами организации и тактики обороны и неумение практически построить оборону на местности. Обнаружилась слабая подготовка начсостава оборонявшихся частей в вопросах организации и проведения разведки. Учение показало исключительную пассивность действий оборонявшихся, которая объяснялась непониманием необходимости активных действий по обороне своих участков. На учении обнаружилось, что вопросы управления, начиная от командиров батальонов до командиров рот, не были отработаны³⁰⁴.

³⁰⁰ «Синяя» сторона на учениях и маневрах обозначала неприятельскую коалицию.

³⁰¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 35. Л. 1-2.

³⁰² Там же. Л. 30.

³⁰³ Там же. Л. 30-33.

³⁰⁴ Там же. Л. 35.

17 мая 1935 г. нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов издал директиву № 8573с, где отмечал недостатки усвоения и выполнения своего приказа № 0102 и директивы начальника Штаба РККА № 16593с. В частности, нарком указывал на срывы учебных планов и слабую ответственность командиров за выполнение поставленных задач и последовательность проведения боевой подготовки. Контроль за боевой подготовкой в большинстве случаев носил бессистемный характер, а прием командирских зачетов мало практиковался³⁰⁵. В связи с данной директивой, командующий КБФ Л. М. Галлер подписал приказ № 2/БП/734с, в котором потребовал от командно-начальствующего состава флота обратить особое внимание на отработку навыков инициативного управления боем командирами и штабами в соответствии с обстановкой, на повышение маневренности соединений, технику управления огнем и использование боевых средств в сложном бою.

Походы соединений флота и полеты ВВС следовало насыщать боевыми упражнениями и короткими тактическими учениями, включая в план каждого похода задания по всем видам обороны (противовоздушной, противоминной, противолодочной). Повседневную работу штабов полагалось проводить применительно к боевой службе (короткие приказы, отдельные распоряжения через делегатов, командный язык в текущих делах и на разборах учений). Тактическую подготовку и подготовку по технике боевого управления командиров всех штабов было приказано проводить в строгом соответствии с приказами наркома обороны СССР и Штаба РККА, в условиях, максимально приближенных к боевым³⁰⁶.

Результаты боевой подготовки Краснознаменного Балтийского флота за первый период 1935 г. были подведены Штабом КБФ в конце августа. Авиацией флота план по боевой подготовке был выполнен неодинаково, но в целом удовлетворительно³⁰⁷. В соединениях надводных кораблей проводились стрельбы, оставшиеся невыполненными в 1934-м году, в зимних условиях. В Бригаде линкоров план стрельб был выполнен на 80%. В Дивизионе сторожевых кораблей намеченные по плану стрельбы не были произведены вследствие неготовности материальной части³⁰⁸. Бригада миноносцев сумела в целом выполнить огневые задачи, поставленные на первый период. Из двух проведенных стрельб из 102-мм калибра, эсминцы одну выполнили на «удовлетворительно», а одну – на «неудовлетворительно». На Бригаде заграждения и траления и Бригаде подводных лодок орудийные расчеты были натренированы вполне удовлетворительно³⁰⁹.

21 августа 1935 г. на КБФ было проведено большое отрядное учение (БОУ) № 3бис. Согласно плану, утвержденному командующим КБФ, «красная» сторона должна была

³⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 259. Л. 56.

³⁰⁶ Там же. Л. 57-58.

³⁰⁷ Там же. Оп. 5. Д. 32. Л. 113-115.

³⁰⁸ Там же. Л. 115, 149.

отработать задачу «Дневная атака эскадры противника торпедными катерами, самолетами-торпедоносцами и самолетами-бомбардировщиками на Восточном Сескарском плесе по данным разведки». Перед «синей» стороной была поставлена задача отработать боевое обеспечение линкоров на дневном переходе и в бою. Учебными целями для «красных» были назначены: 1) тренировка в генеральной разведке театра уменьшенным составом; 2) отработка развертывания и атаки легких сил и ВВС по ядру эскадры противника (удар 100% составом) и сковывание крейсеров противника (удар обозначенный) на Сескарском плесе. «Синие» получили в качестве учебной цели отражение атак легких и воздушных сил противника³¹⁰.

«Красная» сторона имела в своем распоряжении Бригаду миноносцев (6 эсминцев), Бригаду торпедных катеров (18 ТКА из двух дивизионов), 105-ю авиабригаду, а также отдельные авиаэскадрильи. В состав «синей» стороны были включены линкоры «Марат» и «Октябрьская революция» (они обозначали 2 линкора типа «Дейчланд», легкий крейсер «Лейпциг», с охранением из эсминцев и сторожевых кораблей)³¹¹.

Общий вывод по итогам проведения БОУ-3бис гласил: *«Главная учебная цель не реализована»*. В связи с этим, командование флота потребовало повторить данное учение. В действиях отдельных соединений и частей были замечены как достижения, так и явные недостатки. Например, 19-я и 20-я авиационные эскадрильи свои задачи успешно выполнили. Прекрасно действовал эсминец «Калинин», выполнявший разведку. В то же время, неверно организовал свои действия эсминец «Войков», который рано начал ставить дымовую завесу для обеспечения выхода в атаку второй тактической группы. Главным просчетом командира Бригады торпедных катеров было сочтено недонесение о невозможности выхода в атаку и неправильный выбор своего флагманского командного пункта, из-за чего была потеряна связь с командующим «красной» стороной³¹².

7 октября 1935 г. командующий КБФ Л. М. Галлер приказом № 0292 назначил на 15-17 октября проведение учебно-боевой операции (УБО) № 1, предусмотренной годовым планом боевой подготовки КБФ³¹³. Следует отметить, что ввиду общей неготовности флота, учение пришлось отложить на 1,5 месяца. Общее руководство операцией осуществлял командующий флотом. Командование действиями «красной» стороны было возложено на командира БММ Г. Г. Виноградского, «синей» стороны – на начальника Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова П. Г. Стасевича. Командирам соединений и комендантам укрепрайонов было приказано организовать несение службы на кораблях и в частях в

³⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 32. Л. 149-150.

³¹⁰ Там же. Д. 37. Л. 1.

³¹¹ Там же. Л. 40.

³¹² Там же. Л. 41-42.

полном соответствии с оперативной и тактической обстановкой учения и *«максимально использовать период УБО для тренировки начальствующего и всего личного состава в действиях, применительно к условиям боевой обстановки»*³¹⁴. Учебно-боевая операция являлась итоговым мероприятием по боевой подготовке флота в 1935-м году.

В качестве темы для УБО-1 была определена «Активная оборона восточной части Финского залива подводными лодками, воздушными силами и легкими силами». Учебные цели были сформулированы следующим образом: 1) Проверка подготовленности Штаба КБФ и штабов соединений к боевому управлению в операции и бою в сложной обстановке; 2) Проверка взаимодействия ВВС, торпедных катеров и эсминцев в совместном ударе по противнику на всю глубину его развертывания, с поддержкой линкоров; 3) Проверка взаимодействия подлодок, ВВС, эсминцев в операции по генеральной разведке театра, в несении корабельного дозора и его поддержке³¹⁵.

Замысел учебно-боевой операции № 1 заключался в том, что «синяя» сторона должна была своими легкими силами воспрепятствовать операциям КБФ («красной» стороны) по расширению оперативного плацдарма и попытаться минными постановками закрыть фарватеры из Кронштадта. В то же время сухопутные части «красных» должны были перейти в решительное наступление на запад, а Краснознаменный Балтийский флот, активно обороняя восточную часть Финского залива, должен был им содействовать. Основной формой действий «красной» стороны должен был стать сосредоточенный удар всеми силами флота (надводных, подводных и военно-воздушных) по эскадре противника в определенной точке³¹⁶.

По итогам проведения УБО-1, командующий КБФ Л. М. Галлер 24 октября 1935 г. составил «Выводы по учебно-боевой операции № 1 Краснознаменного Балтийского флота (15–17.10.35 г.)», которые направил секретарю ЦК ВКП(б) и первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданову³¹⁷. Галлер отметил, что большинство командиров и штабов удовлетворительно справились с поставленными задачами, решения в ходе операции принимались *«довольно быстро и правильно»*.

В то же время, учебно-боевая операция № 1 показала, что боевое управление на флоте не полностью обеспечивает *«возможность быстрых и уверенных действий в любой обстановке боя»*. Особенно плохо показали себя штабы авиационных соединений. Не всегда наблюдалась правильная и четкая формулировка боевых задач, допускались искажения при

³¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 41. Л. 1.

³¹⁴ Там же. Л. 1-2.

³¹⁵ Там же. Л. 4.

³¹⁶ Там же. Л. 13.

³¹⁷ Там же. Д. 42. Л. 1-7.

передаче донесений и распоряжений, а также чрезмерная перегрузка радиосвязи³¹⁸. Все это требовало, по мнению командующего КБФ, продолжения серьезной тренировки штабов флота в скрытом управлении и проведения учений со средствами связи.

Наиболее важной задачей УБО-1 являлась организация взаимодействия легких сил флота и авиации при нанесении сосредоточенного удара по противнику. Данная учебная цель, как полагал Галлер, была в достаточной мере отработана, хотя само построение удара *«носит в себе признаки некоторой схематичности и недоучета возможностей, которые будет иметь свободно маневрирующий противник для уклонения от удара»*. При нанесении «красной» стороной сосредоточенного удара по главным силам противника на Сескарском плесе была отмечена недостаточная гибкость боевого управления и неумение использовать авиацию. Бомбардировочная авиация, по причине непринятия сигнала о начале атаки, вообще не приняла участия в сосредоточенном ударе³¹⁹.

Серьезные нарекания в ходе проведения учебно-боевой операции вызвала работа разведки. Несмотря на то, что самолеты и подводные лодки в основном выполнили свою задачу, качество работы тех и других на УБО-1 было сочтено неудовлетворительным. Подлодки пренебрегали вопросами скрытности разведки. Недостаточно и плохо было налажено взаимодействие между бомбардировочной авиацией (105-я АБ) и входящей в состав последней разведывательной авиации (19-я АЭ), что привело к тому, что бомбардировщики не нашли и потому не смогли атаковать корабли противника, о точных местах которых доносили самолеты-разведчики³²⁰.

Линейные корабли показали подготовленность к выполнению задачи по поддержке легких сил при сосредоточенном ударе. Вообще состояние боевой организации службы и качество решения задач на линкорах получило высокую оценку командующего КБФ. Действия подводных лодок на УБО-1 также были оценены как вполне успешные. Общие результаты проверки боевой подготовки соединений и частей КБФ к боевым действиям в ходе УБО № 1 были признаны командующим флотом удовлетворительными. Состояние боевой подготовки КБФ привело командующего флотом к заключению, что имеются все необходимые данные для доведения боеспособности флота *«до требуемого совершенства»*³²¹.

Впрочем, это была точка зрения командующего флотом, который был заинтересован в хорошей оценке действий его подчиненных. Но с подобным заключением были согласны далеко не все. Например, старший посредник «красной» стороны П. А. Трайнин отметил

³¹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 42. Л. 3.

³¹⁹ Там же. Л. 4.

³²⁰ Там же. Л. 4-5.

³²¹ Там же. Л. 5-7.

схематизм в действиях «красных», которые задумали нанесение удара *«в чрезвычайно жесткой, позиционной форме, слишком связанной с местностью»*. Стремление поймать противника в заранее определенном месте неизбежно приводило к отменам приказов и общей путанице. В частности, это привело к несогласованности в действиях соединений и неудаче целого ряда атак «красных», неиспользованию бомбардировщиков, которые в итоге *«провисели в воздухе и в атаку не вышли»*. Кроме того, «красные» не использовали свои эсминцы для атак на линкоры и для борьбы с охранением противника. В действиях «красной» стороны не наблюдалось настойчивости в стремлении к достижению оперативной цели боя. Бросив в атаку торпедные катера и авиацию, командующий эскадрой «красных» вместе с эсминцами сразу обратился в отступление, не использовав резервы³²².

Согласно оценке Трайнина, руководство «красной» стороны не считалось с действиями противника и не приняло мер к тому, чтобы вовлечь его в намеченный для удара район. Общая атака была начата «красными» преждевременно: группы торпедных катеров были пущены в атаку слишком рано и шли до выпуска торпед 40 минут. Боевое управление на «красной» стороне страдало большими изъянами: наблюдение за полем боя и разведка были организованы неудовлетворительно, для этого не использовались самолеты. Посредником было сделано очень важное наблюдение: управление в процессе нанесения «красными» удара бездействовало, а сигнал общей атаки, оказавшийся вообще преждевременным, *«был чем-то вроде спуска курка»*³²³.

К интересным выводам по результатам УБО-1 пришел и начальник боевой подготовки Управления Морских Сил РККА Э. С. Панцержанский. В своем отчете он указал, что учебно-боевая операция в плане боевого управления была подготовлена недостаточно, береговые штабы не были проверены в вопросах скрытого управления. Действия «красной» стороны подверглись резкой критике, так как из-за неправильного решения командующего эскадрой линкор «Марат» оказался подставленным под удар противника и *«линкор сам чуть не стал жертвой»*. Ночные действия флота «красных» носили пассивный характер из-за нерешительности руководства, не пожелавшего провести атаки эсминцами и торпедными катерами. Минно-заградительная операция была сорвана и не была возобновлена³²⁴.

Самое главное, что основная задача УБО-1 – сосредоточенный удар легкими силами при поддержке линкора по линкорам противника – так и не была достигнута. Причина заключалась в том, что из-за преждевременного развертывания своих сил для атаки и «опоздания» сил противника концентрированный удар «красных» с разных направлений не удался. При этом бомбардировочная авиация «красных» опоздала к месту операции и

³²² РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 205. Л. 9.

³²³ Там же. Л. 9-10.

нанесла нескоординированные удары. Подводные лодки «красной» стороны вообще не участвовали в ударе по главным силам противника³²⁵.

Очевидный провал учебно-боевой операции № 1, по справедливому замечанию Панцержанского, лишний раз подчеркнул недопустимость того, чтобы создавать из указанного тактического приема (сосредоточенный удар) *«оперативный фетиши, пригодный для всех возможных вариантов обстановки»*. Конечно, овладеть на практике данным приемом стоило, но не следовало подчинять ему другие выгодные по обстановке методы борьбы, в том числе нанесение последовательных ударов силами авиации, торпедных катеров совместно с эсминцами и подводными лодками. Что же касается сосредоточенного удара, то Краснознаменному Балтийскому флоту удалось освоить его *«в самых его элементарных схематических формах»*³²⁶.

По мнению Панцержанского, наиболее слабыми звеньями в боевой подготовке КБФ являлись следующие: 1) плохое боевое управление (и в первую очередь, управление разведкой) ввиду недостаточной тренировки штабов (особенно авиационных) на играх с фактическим использованием средств связи в сложной меняющейся обстановке; 2) ночная подготовка флота, авиации, береговой обороны; 3) борьба с минами, подлодками и авиацией противника; 4) изучение театра и противника в авиационных частях флота³²⁷.

25 октября 1935 г. командующий КБФ Л. М. Галлер представил начальнику Морских Сил РККА В. М. Орлову доклад об итогах боевой подготовки флота за 1935-й год. В этом докладе самоуверенно говорилось о том, что в результате проведенной боевой подготовки для выполнения задач, поставленных приказами наркома обороны СССР № 0101 и 0102, Краснознаменный Балтийский флот *«достиг дальнейших успехов в главной задаче – овладении методами сложных форм взаимодействия всех сил при нанесении противнику сосредоточенного удара и в отработке других задач, поставленных приказами»*³²⁸.

Командующий поспешил отметить, что на прохождении КБФ плана боевой подготовки неблагоприятно сказался ряд факторов. В первую очередь, он отнес к ним задержки с окончанием Морским заводом³²⁹ зимнего ремонта на целом ряде кораблей, которые из-за этого поздно начали кампанию. Также Галлером был отмечен острый недостаток вспомогательных судов для нужд флота (буксиров, посыльных судов, судов для подъема торпед и мин и др.), особенно обострившийся в связи с необходимостью обеспечения испытаний большого количества вступающих в строй новых подлодок и новых образцов

³²⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 205. Л. 51, 55-56.

³²⁵ Там же. Л. 57-58.

³²⁶ Там же. Л. 58-59.

³²⁷ Там же. Л. 61-63.

³²⁸ Там же. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 42. Д. 33. Л. 1.

³²⁹ Кронштадтский морской завод, впоследствии – КМОЛЗ.

оружия. Наблюдалась чрезмерная загруженность учебных полигонов. На результатах боевой подготовки подлодок отразился также перерыв в прохождении БП, связанный с катастрофой подлодки «Б-3»³³⁰ и необходимым после этого пересмотром системы мер безопасности³³¹.

Несмотря на указанные сложности, соединения и части КБФ, как полагал Л. М. Галлер, за отчетный год *«отработали большую часть огневых и получили натренированность в решении поставленных им оперативно-тактических задач»*. В результате выполненной программы боевой подготовки, навыки командного состава в области боевого управления значительно повысились. Взаимодействие соединений и частей приняло более устойчивые формы. Боевая подготовка кораблей и частей, благодаря изданию курсов БП, приобрела более организованный и планомерный характер³³².

Начальник Штаба КБФ А. К. Сивков также в своем докладе оценил выполнение Балтийским флотом плана боевой подготовки. По его мнению, все соединения и части КБФ смогли достичь четкой организации боевой службы артиллерии, с полным освоением орудийными расчетами своих обязанностей. Надводные корабли и батареи укрепрайонов овладели методом ночной стрельбы с использованием осветительных снарядов и прожекторов. Флотом были отработаны задачи ПВО Главной базы в летних и зимних условиях. Кроме того, линейные корабли, миноносцы и сторожевые корабли овладели методами ПВО корабля и соединения, а также противоторпедной, противоминной и противолодочной обороной³³³.

Однако, в действиях флота было еще очень много недостатков. Взаимодействие торпедных катеров с эсминцами было отработано лишь в дневных условиях. Подготовка подводных лодок к борьбе со средствами ПЛО производилась лишь теоретически. Взаимодействие авиации с легкими силами было отработано только в дневных условиях. Линкоры к стрельбам по берегу были подготовлены, но не проводили их из-за необеспеченности района берегового полигона плацдармом для маневрирования. Торпедные катера к атаке базы были подготовлены, но малых отрядных учений не проводили. 105-я авиабригада ВВС КБФ к бомбометанию по береговым объектам была подготовлена. Взаимодействие всех частей при обороне своего побережья на БОУ не проверялось³³⁴.

Оперативно-тактическая подготовка командного и начальствующего состава соединений КБФ характеризовалась начальником Штаба КБФ А. К. Сивковым в целом удовлетворительно. Командиры линкоров «Марат» и «Октябрьская революция» и командир

³³⁰ Во время учений КБФ в Финском заливе 25 июля 1935 г. подводная лодка «Б-3», находившаяся в подводном положении, была протаранена линейным кораблем «Марат» и, получив пробоину, затонула со всем экипажем и курсантами ВМУЗ'ов (всего 55 человек).

³³¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 33. Л. 1-2.

³³² Там же. Л. 2.

³³³ Там же. Л. 5-6.

Дивизиона сторожевых кораблей были подготовлены *«вполне удовлетворительно»*. Подготовка командира Бригады миноносцев была сочтена хорошей, а её штаба – удовлетворительной. Таким же образом были оценены командиры и штабы 1-й и 2-й бригад подводных лодок, Бригады торпедных катеров, Бригады заграждения и траления, Отряда учебных кораблей и 105-й авиабригады³³⁵.

В области тактико-технической подготовки командно-начальствующего состава КБФ наблюдались более скромные результаты. На линкорах «Марат» и «Октябрьская революция», а также на Дивизионе сторожевых кораблей организация и качество подготовки были расценены на «удовлетворительно», а на Бригаде эсминцев – «неудовлетворительно». 1-я бригада подлодок заслужила удовлетворительную оценку, а на 3-й бригаде подлодок занятия вообще не проводились. Бригада торпедных катеров, Бригада заграждения и траления и Отряд учебных кораблей КБФ получили удовлетворительные оценки. В соединениях и частях ВВС КБФ занятия по техминимуму вообще не проводились³³⁶.

На заседании Военного совета РККА при наркомате обороны СССР, проходившем в Москве с 8 по 14 декабря 1935 г., были подведены итоги боевой и политической подготовки РККА за текущий год и поставлены задачи на 1936-й год. Основываясь на достигнутых флотами результатах и личных наблюдениях, начальник Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов пришел к выводу, что за прошедший учебный год в отработке сосредоточенного удара и воздушно-морского боя *«имеется налицо движение вперед и, по сравнению с прошлым годом, достигнуты некоторые усовершенствования в методах и приемах тактического взаимодействия, в частности, и в первую очередь, по линии авиации, надводного флота и торпедных катеров»*³³⁷.

В основном, тактическое взаимодействие отрабатывалось по линии Военно-воздушных сил, надводного флота и торпедных катеров, и лишь на Тихоокеанском флоте и Северной военной флотилии осуществлялось взаимодействие с подводными лодками. На Краснознаменном Балтийском и Черноморском флоте к такому виду взаимодействия не приступали, так как кадры подводников были сильно обновлены, ввиду перевода многих командиров на Тихоокеанский флот и Северную военную флотилию. Поэтому на Балтике и Черном море подводные силы проводили боевую подготовку по собственным планам³³⁸.

Крупнейшим недостатком в области тактической подготовки на флотах начальник Морских Сил РККА В. М. Орлов назвал неправильное выполнение сосредоточенного удара, *«который понимался в ряде случаев как самоцель, в результате чего не использовались*

³³⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 33. Л. 7-9.

³³⁵ Там же. Л. 15а.

³³⁶ Там же. Л. 16.

³³⁷ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. С. 63-64.

благоприятные условия для нанесения противнику мощных последовательных ударов и для разгрома противника по частям». Зачастую в ходе отрядных учений и учебно-боевых операций силы предполагаемого противника подходили к определенным рубежам, не потерпев никакого урона и даже не получив ударов на подходе к этим рубежам. В реальной боевой обстановке подобная искусственная ситуация, при инициативных действиях противника, вряд ли вообще могла сложиться. В этом проявлялся сугубо формалистический, шаблонный подход командиров штабов к решению боевых задач.

Имело место пренебрежение к силам и возможностям противника: обеспечение и поддержка своих сил зачастую носили недостаточный характер. Иными словами, противник фактически не учитывался, и его возможные действия не просчитывались. Одно из требований приказа наркома обороны № 0101 – *«ставить противника в невыгодные для ведения огня условия»* – чаще всего не выполнялось и даже забывалось вовсе³³⁹. Всё это свидетельствовало об упрощенческом, примитивном подходе командования флотов к проведению учебно-практических мероприятий.

Командующий Краснознаменным Балтийским флотом флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер считал основным достижением в процессе боевой подготовки флота в 1935-м году отработку тактики глубокого боя и выполнение сосредоточенного удара. По его мнению, на больших и малых отрядных учениях КБФ *«впервые применялся метод удара на всю глубину порядка противника»*³⁴⁰. Впрочем, недостаток легких сил и авиации на флоте не позволили в полной мере решить данную задачу, тем не менее, как считал Галлер, *«этим было положено прочное начало»*.

Говоря об артиллерийской подготовке Балтийского флота, Галлер был вынужден признать, что корабельные стрельбы в основном носят простой, полигонный характер. Впрочем, основным направлением в деятельности КБФ, по мнению его командующего, стало освоение большого количества новой техники, поступающей на вооружение флота – подводных лодок типа «Малютка» и «Правда», железнодорожных крупнокалиберных артиллерийских батарей. И здесь имелось немало проблем, связанных с молодостью и недостатком опыта у большинства командиров³⁴¹.

Для обеспечения нормального прохождения боевой подготовки и роста боеспособности КБФ, командующий флотом Л. М. Галлер считал необходимым осуществить следующие мероприятия: 1) систему планирования боевой подготовки, применявшуюся в 1935-м году, сохранить и назначить на 1936-й год одну учебно-боевую операцию (в сентябре); 2)

³³⁸ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. С. 64.

³³⁹ Там же. С. 64.

³⁴⁰ Там же. С. 167.

³⁴¹ Там же. С. 168-169.

обеспечить стабильность командного состава на основном ядре флота; 3) разгрузить КБФ от задачи обеспечения опытов и испытаний кораблей, перенеся их на флоты, имеющие более длительную навигацию; 4) программы стажировки слушателей и курсантов ВМУЗ'ов на боевых кораблях ограничить изучением того, что может быть пройдено только на данном корабле; 5) увеличить число мореходных плавучих средств порта и вспомогательных судов³⁴².

Нарком обороны СССР маршал К.Е. Ворошилов критически отозвался об уровне боевой подготовки КБФ в 1935-м году, оценив работу командования флотом как *«неважную»*. Он не стал углубляться в разъяснение данного тезиса, но привел в качестве доказательства два наиболее вопиющих примера плохой морской подготовки командиров флота – гибель подлодки «Б-3» при столкновении с линкором «Марат» в июле 1935 г. и посадку на мель линкора «Октябрьская революция» у Деманстейнской банки в июне 1935 г. Были, по словам наркома, и другие, более *«мелкие безобразия»*, которые творились на Краснознаменном Балтийском флоте *«в немалом количестве»*³⁴³.

28 декабря 1935 г. приказом наркома обороны СССР маршала К.Е. Ворошилова за № 0103 были определены задачи по боевой подготовке Красной Армии на 1936-й год, в том числе и по Морским Силам³⁴⁴. А уже 7 января начальник Штаба РККА маршал А.И. Егоров в своём приказе, адресованном начальнику Морских Сил РККА флагману флота 1-го ранга В.М. Орлову, объявил план проведения военных игр на флотах на текущий год. В соответствии с планом, в Ленинграде с 15 по 20 марта 1936 г. следовало провести совместную оперативную игру Штаба ЛВО со Штабом КБФ под руководством Генерального Штаба РККА³⁴⁵.

Также был запланирован ряд военных игр по оперативной подготовке командно-начальствующего состава КБФ на 1936-й год – авиационная игра на тему «Разрушение базы флота противника и уничтожение находящихся в ней боевых кораблей» и тыловая игра на тему «Организация материального обеспечения сухопутных частей, высаженных на острова Гогланд и Лавенсаари, а также торпедных катеров и подлодок, базирующихся на эти острова». Проведение авиационной игры было намечено на 8-9 апреля, а тыловая игра – на 1-2 апреля 1936 г. Кроме того, 14-15 июня планировалось провести сбор командиров и штабов

³⁴² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 33. Л. 3-4.

³⁴³ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. С. 481. Васильев А. М. Первые линкоры Красного флота. «Марат», «Октябрьская революция», «Парижская коммуна». М., 2008. С. 71, 79.

³⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 129. Л. 1-6. Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. С. 494-496.

³⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 129. Л. 8-9.

соединений флота, а 15-16 июля – общефлотское учение по боевому управлению, с выходом в море³⁴⁶.

В период с 26 по 27 июля 1936 г. на КБФ было проведено большое отрядное учение (БОУ) № 3 по следующим темам: для «красной», обороняющейся стороны – «Оборона баз Кронштадтского и Ижорского укрепрайонов в условиях нахождения в них кораблей флота, от воздушного и морского противника»; для «синей», нападающей стороны – «Атака морских баз противника легкими и воздушными силами с целью разрушения их основных объектов и нанесения тяжелых повреждений находящимся в них кораблям противника»³⁴⁷. Общее руководство «красной» стороной осуществлял командующий КБФ Л. М. Галлер. Командующим «синей» стороной был назначен командир Бригады эсминцев флагман 2-го ранга Г. Г. Виноградский³⁴⁸.

Руководство учением БОУ-3 оценило решение «синей» стороны в целом как правильное. В качестве удачных действий «синих» были отмечены: дневная воздушная разведка баз противника, внезапный ночной удар торпедных катеров по кораблям, стоящим в главной и маневренной базах, утренний налет самолетов-бомбардировщиков на главную базу (с задачей разрушения доков и штаба) и на маневренную базу и Ораниенбаум (с задачей уничтожения линкора, подлодок и складов). В качестве недостатков, было указано на отсутствие взаимодействия с авиацией, что являлось необходимым элементом в реальных боевых условиях³⁴⁹.

Как положительное явление в действиях «красной» стороны отмечалось применение инструкций по охране якорной стоянки флота в Лужской губе в мирное время, а также по охране якорной стоянки флота на рейдах и в гаванях Кронштадта и Ораниенбаума в мирное время. Впрочем, недостатков у «красных» было найдено значительно больше. Решения, основанные на инструкциях для мирного времени, носили недостаточно активный характер в обороне. Предусматривалось лишь ведение наблюдения, оповещения и отражение атак. Не проводились дополнительные заграждения баз (боны, сети, ограждения, МЗ-М и т.д.) и активные действия флота³⁵⁰.

План обороны не корректировался сообразно обстановке, как этого требовал Боевой устав Морских Сил 1930 года (БУ-30). Отсутствовало взаимодействие соединений и тесная связь охраны рейда со службой дозора в море в соответствии с уставом. Ижорский и Кронштадтский укрепрайоны обменялись приказами и распоряжениями лишь после напоминания руководства учением. Кронштадтский укрепрайон не оповещал корабли и

³⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 129. Л. 12, 33.

³⁴⁷ Там же. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 57. Л. 1.

³⁴⁸ Там же. Л. 4.

³⁴⁹ Там же. Л. 36-37.

соединения об установлении дозора и т.д. Проводимое одновременно в Главной базе и Ораниенбауме под руководством коменданта КУР'а учение по ПВО выявило ряд недочетов (неорганизованность связи, недостаточная подготовка команд, средств обеспечения и санитарной помощи и т.д.), в основном зависящих от явно неудовлетворительного качества повседневного руководства этим делом³⁵¹.

Общие замечания по БОУ № 3, которые были сделаны командованием Балтийского флота, сводились к следующим выводам: 1) Оборона военно-морских баз отработана на учении в самых простейших условиях; 2) Личный состав недостаточно сознает ответственность за безаварийность³⁵².

В период 29-30 сентября 1936 г. на Балтике в присутствии наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова проводилась учебно-боевая операция (УБО), а с 30 сентября по 3 октября – поход кораблей КБФ, с проведением ряда малых отрядных учений (МОУ) с использованием оружия. Руководство УБО осуществлял командующий КБФ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер. Общее руководство действиями «красной» (советской) стороны командующий флотом оставил за собой. Командующим эскадрой «красной» стороны был назначен флагман 2-го ранга Г. Г. Виноградский, которому оперативно подчинялись бригады линкоров, заграждения и траления. Командующим «синей» (неприятельской) стороной был назначен комендант Ижорского укрепленного района комбриг С. И. Воробьев, а командующим эскадрой «синей» стороны – флагман 2-го ранга С. П. Ставицкий³⁵³.

Темой учебно-боевой операции была обозначена как «Высадка морского и авиационного десантов на отдельные участки побережья противника». Общий замысел командующего КБФ на учебно-боевой операции сводился к следующему: одновременно с операцией по уничтожению линкоров и транспортов «коричневых»³⁵⁴, осуществлявших перевозки войск в порты «желтых» и высадку десанта на побережье «красных», необходимо было высадить морской и воздушные десанты на два укрепленных объекта «желтых»³⁵⁵.

Учебными целями на операции были определены следующие: 1) проверка подготовленности Штаба КБФ и штабов соединений к боевому управлению в десантной операции в условиях одновременного уничтожения линкоров и десанта противника; 2) проверка возможности высадок морских десантов на мотоботах на несколько изолированных от материка объектах противника во взаимодействии с воздушным десантом; 3) проверка взаимодействия ВВС КБФ с Военным советом ЛВО, эсминцев, торпедных катеров и

³⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 57. Л. 38-39.

³⁵¹ Там же. Л. 39-40.

³⁵² Там же. Л. 60.

³⁵³ Там же. Д. 67. Л. 1б.

³⁵⁴ «Коричневая» сторона изображала Германию.

³⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 67. Л. 3.

линкоров в глубоком бою за восточную часть Финского залива; 4) Проверка взаимодействия ВВС КБФ и ВВС ЛВО и самостоятельной авиационной операции; 5) проверка системы генеральной разведки театра и методов боевого управления в разведывательной операции³⁵⁶.

Решения командования обеих сторон подверглись внимательному разбору руководства. С одной стороны, целеустремленность решения командующего эскадрой «красных» на устранение главной помехи – сильной эскадры противника (линкоры), а также на борьбу с перевозкой десанта, для обеспечения выполнения поставленной ему задачи, была сочтена правильной. В то же время решение командующего эскадры «красных» недостаточно обеспечило прикрытие перехода десантного отряда в ночь с 29 на 30 сентября. Длительное оставление для прикрытия своих действий на ночь линкора «Октябрьская революция» в островном районе и Сескарском плесе (в непосредственной близости от легких сил «синих») поставило линкор под угрозу атак эсминцев и торпедных катеров противника и давало возможность «синим» на рассвете осуществить сосредоточенный удар по одному из линкоров «красных»³⁵⁷.

Командование «красной» стороны не смогло обеспечить несение дозорной службы в ночное время, что дало возможность крейсерам и легким силам «синих» легко прорваться через дозорную линию «красных» в ночь с 29 на 30 сентября. Варианты совместных атак легких сил и ВВС «красных» по главным силам противника не предусматривали глубокого удара по всему боевому порядку противника, и в основном были направлены по головному кораблю (линкору). Командование ВВС «красных» поставило перед легкобомбардировочной и истребительной эскадрильями непосильную задачу уничтожить самолеты и ангары на аэродромах противника. Недостаточно тщательно было продумано командованием «красных» обеспечение развертывания для совместных атак легких сил, ВВС и поддерживавшей их Бригады линкоров³⁵⁸.

Решение командования «синей» стороны заслужило более высокую оценку руководства УБО. Действия «синих» были ориентированы на выполнение основных задач: 1) обеспечение перевозки нового экспедиционного корпуса; 2) недопущение высадки десанта «красных»; 3) отвлечение противника демонстративным нападением десанта. Решение командующего «синей» стороной предусматривало возможные удары по всему боевому порядку «красных» по всей глубине, удары по десанту на всех этапах, удар ночью по кораблям в маневренной базе, по кораблям дозора и поддерживающему его линкору «Октябрьская революция» (ночной поиск и атака), постановку минных заграждений в районе

³⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 67. Л. 3-4.

³⁵⁷ Там же. Л. 26.

³⁵⁸ Там же. Л. 26-27.

развертывания «красных», прорыв крейсеров и эсминцев ночью за линию дозора «красных» и т.д.³⁵⁹.

По мнению посредника на УБО флагмана 2-го ранга Ю. Ф. Ралля, ошибки «синих» заключались в слишком опасном маневрировании. Во время боя на Восточном Гогландском плесе допускалось рискованное сближение с силами «красных». Впрочем, от торпедной атаки эсминцев и торпедных катеров «синие» уклонились весьма грамотно. Воздушной атаки по «синим» произведено так и не было³⁶⁰. Ошибки «красных», как отметил Ралль, сводились в основном к неудовлетворительному маневрированию торпедных катеров, настойчиво атаковавших противника в корму, и в полном отсутствии атак военно-воздушных сил по противнику до самого конца операции.

Общие замечания по проведенной учебно-боевой операции, как заметил Ю. Ф. Ралль, сводились к следующему: 1) сосредоточенный удар несколько растянулся по времени, что позволило уклониться от атаки эсминцев, торпедных катеров и ВВС по отдельности; 2) безобразно была проведена атака торпедных катеров, которые настойчиво шли на сближение с кормы, не пытаясь зайти в голову противнику или окружить по звеньям; 3) морская авиация опоздала в своих действиях и атаковала после отбоя³⁶¹. В связи с последним обстоятельством, на заседании Военного совета при Наркомате обороны СССР в октябре 1936 г. командующий КБФ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер специально отметил, что на УБО части морской авиации показали, *«что им нужно в 1937 г. много и настойчиво работать, чтобы повысить свою тактическую подготовку, обеспечить взаимодействие, ликвидировать аварийность»*³⁶².

Результаты учебно-боевой операции на Балтике в конце сентября 1936 г. носили откровенно разочаровывающий характер. Нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов подверг очень резкой критике действия Краснознаменного Балтийского флота в ходе проведения УБО. Прежде всего, нарком с тревогой отметил серьезное отставание КБФ от других флотов и даже деградацию в боевой подготовке личного состава по сравнению с тем, *«что было там же 2-3 года тому назад»*. По мнению Ворошилова, особенно отставали штабы в вопросах организации взаимодействия, умения вести современный морской бой, а также в умении применять все имевшиеся боевые средства. Всё это вызвало у наркома обороны СССР сильное беспокойство³⁶³.

Перейдя к рассмотрению конкретных вопросов, в частности взаимодействию КБФ с Ленинградским военным округом, Ворошилов не стал стесняться в выражениях, назвав это

³⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 67. Л. 28.

³⁶⁰ Там же. Д. 65. Л. 89-90.

³⁶¹ Там же. Л. 90.

³⁶² Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. С. 293.

«не взаимодействием, а сплошным курьезом», вызвавшим только смех. Действия морского десанта, по его мнению, оказались на редкость неудачными, поскольку высаженный батальон моряков был отбит оборонявшейся стороной. Причиной тому, как считал нарком обороны, было то, что *«люди ничему не научились, не поняли, что от них хотели»* Действия авиации КБФ также вызвали негативную реакцию К. Е. Ворошилова, указавшего, что она *«летает позорно плохо»* и откровенно назвавшего её *«богадельней»*. Более того, неграмотные действия командования флота по применению ВВС вызвали у наркома обороны сильное желание отобрать у моряков авиацию сухопутного базирования, если ситуация не будет быстро исправлена³⁶⁴.

Резкая критика наркома обороны К. Е. Ворошилова не могла остаться без внимания высшего морского командования. Начальник Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов на Военном совете при наркоме обороны в октябре 1936 г. также был вынужден признать, что четкого взаимодействия всего наличного состава морских сил на Балтфлоте не получилось *«вследствие плохого боевого управления и недостаточной оперативно-тактической подготовки соединений и частей, которые участвовали в данном маневре»*³⁶⁵. Командующий КБФ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер со своей стороны также признался в том, что при практической отработке задачи нанесения удара по главным силам противника Краснознаменный Балтийский флот с этой задачей не справился. Так и не было достигнуто должного взаимодействия между отдельными частями, не всегда имело место взаимное понимание участников учебно-боевой операции. В свою очередь, это приводило на УБО к замешательству, *«нарушало стройность и целеустремленность всей операции»*³⁶⁶.

Но наиболее любопытным будет ознакомиться с мнением начальника Штаба КБФ А. К. Сивкова по данному поводу. В своем личном письме наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову Сивков пытался оправдаться за неудачные действия подчиненных штабов и соединений во время проведения учебно-боевой операции. С одной стороны, А. К. Сивков поразился резкости прозвучавших на УБО оценок наркома (*«примитивно», «не авиация, а гнусный позор», «взаимодействия никакого не было»*), считая их во многом несправедливыми³⁶⁷. С другой стороны, начальник Штаба КБФ тут же поспешил признаться в том, что он *«провалился на экзамене по оперативно-тактическому искусству»*, считая при этом себя *«ребенком»* (!) в подобных вопросах.

³⁶³ Там же. С. 436-437.

³⁶⁴ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. С. 429, 438.

³⁶⁵ Там же. С. 280.

³⁶⁶ Там же. С. 292.

³⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 4. Д. 24. Л. 6-6об.

Далее последовали ещё более странные признания, сводившиеся к тому, что в составе КБФ не имелось надводных сил, которые допускали бы *«возможность маневра настоящего, а не примитивного маневра, маневра, представляющего настоящее внушительное развертывание сил, производящего настоящее впечатление»*. Всё это, по словам Сивкова, привело к тому, что организовать бой во взаимодействии линкоров, эсминцев, торпедных катеров и авиации 30 сентября 1936 г. не удалось даже в самой примитивной форме. Но при этом, все неудачи во время проведения артиллерийских и торпедных стрельб КБФ А. К. Сивков поспешил объяснить исключительно плохой погодой, заверив наркома обороны СССР, что если бы тот согласился на продление боевого похода ещё на одни сутки, то у Балтийского флота всё обязательно получилось бы³⁶⁸.

Все указанные неудачи в ходе УБО, как полагал начальник Штаба КБФ, в немалой степени объяснялись молодостью и неопытностью командных кадров флота, которые, по его образному выражению, *«еще не кончили средней школы»*. Начальник Штаба флота также признал, что положение с морской авиацией неудовлетворительное, и прежде всего, в овладении элементарными приемами, техникой полета, взлета и посадки. Самое удивительное, что после таких сумбурных признаний А. К. Сивков совершенно безосновательно заверил наркома обороны К. Е. Ворошилова в том, что Краснознаменным Балтийским флотом *«во всех этих направлениях достигнуты немалые, невиданные на Балтике ранее результаты (непонятно, к чему это относилось – П. П.), дающие нам прочное основание для движения вперед, овладения оперативно-тактическим искусством в будущем году»*³⁶⁹.

На заседании Военного совета при наркомате обороны СССР 15 октября 1936 г. начальник Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов прочитал доклад, посвященный боевой подготовке военно-морских сил за 1936-й год и задачам на следующий, 1937-й год. По его словам, в 1936-м году обстановка характеризовалась продолжением форсированного роста Морских Сил РККА, и главным образом, подводных сил. Основная задача Морских Сил, которая была поставлена народным комиссаром обороны СССР К. Е. Ворошиловым в приказе № 0103 от 28 декабря 1935 г., заключалась в отработке подлодок на полную автономность, с надлежащей боевой тренировкой в подводных положениях для всех подводных лодок и на всех морях³⁷⁰.

С докладом на заседании Военного совета выступил командующий КБФ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер, который сразу же заявил, что выполнение задач,

³⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 4. Д. 24. Л. 7-8об.

³⁶⁹ Там же. Л. 9об., 10об.

поставленных приказом народного комиссара обороны № 0103, проходило «в условиях упорной борьбы за выполнение плана боевой подготовки». Галлер отметил, что в отличие от предыдущих лет, большинством соединений КБФ план боевой подготовки на 1936-й год был выполнен. Благоприятная обстановка первой половины лета позволила серьезно продвинуться в отношении укрепления постоянной боеготовности флота. В особенности это имело место на некоторых соединениях подлодок, в соединениях линейных кораблей, миноносцев и в отношении всех видов огневой подготовки – артиллерийской, торпедной и минной³⁷¹.

В огневой подготовке кораблей Балтийского флота и батарей береговой обороны имелись крупные достижения в плане увеличения количества сложных стрельб и несомненного повышения их качества. По Краснознаменному Балтийскому флоту в 1936-м году 71% артиллерийских стрельб был проведен с оценкой «хорошо» и «отлично», а 45% стрельб были проведено в сложных условиях. Дальнейшее повышение подготовленности управляющих артиллерийским огнем являлось задачей на 1937-й год, в особенности в связи с увеличением удельного веса сложных стрельб³⁷².

В качестве положительного момента, Л. М. Галлер отметил «прочное освоение 53-см торпеды»³⁷³. Если в прошлом, 1935-м году к торпедам нового образца личный состав подходил с известной осторожностью, то в 1936 г. это оружие было более или менее освоено личным составом и являлось вполне отработанным оружием, полученным на вооружение подводными лодками и эсминцами. Об этом говорило и увеличение числа торпедных выстрелов при незначительном проценте потерь: 451 выстрел в 1936 году против 295 выстрелов в 1935 году³⁷⁴.

Одной из основных задач приказа народного комиссара обороны СССР № 0103, которая ставилась Краснознаменному Балтийскому флоту, являлось нанесение мощного удара по всей глубине боевого порядка противника. Но, как признался Галлер, при практическом выполнении Краснознаменный Балтийский флот с данной задачей так и не справился. Не было достигнуто взаимодействия между отдельными частями и кораблями, не всегда имело место взаимное понимание участников и исполнителей операции. Выпадение по каким-либо причинам этого элемента из общей системы сразу вызывало замешательство,

³⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 341. Л. 103-104, 105. Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. С. 496. Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. С. 274-275.

³⁷¹ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. С. 289.

³⁷² Там же. С. 291.

³⁷³ Галлер имел в виду торпеду 53-27 калибра 533,4 мм, которая была принята на вооружение Советского ВМФ в 1927 г. - См.: Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей, 1941-1945. СПб., 2002. С. 555-556. Он же. Энциклопедия советских подводных лодок, 1941-1945. М.-СПб., 2004. С. 414.

³⁷⁴ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. С. 291.

нарушало стройность и целеустремленность всей операции. Этот дефект с особой наглядностью проявился при выполнении учебно-боевой операции (УБО) в конце сентября 1936 г., проводившейся в присутствии наркома обороны СССР³⁷⁵.

Самой главной задачей Военно-Морских Сил РККА, согласно Боевому уставу 1930 года (БУ-30), было определено *«совместное и сосредоточенное использование в решительные моменты операции и боя – средств флота, морской авиации и береговой обороны, – всюду, когда обстановка и поставленная задача то допускают, является основой организации действий и боевого управления морскими силами»*³⁷⁶. На протяжении почти всех 1930-х годов, именно эта задача – нанесение сосредоточенного удара силами надводных кораблей, подводных лодок и морской авиации по флоту противника – станет основной для ВМС РККА. На Балтике данная задача отрабатывалась командованием Балтийского флота применительно к бою на заранее подготовленной минно-артиллерийской позиции (МАП), а точнее – на Главном оборонительном рубеже (ГОР). Здесь можно было видеть непосредственное влияние дореволюционных взглядов русского морского командования на применение сил флота на Балтийском море.

Но именно при решении этой главной задачи на протяжении 1935 – 1936 годов Краснознаменный Балтийский флот неизменно испытывал серьезные неудачи. Из-за отсутствия налаженного взаимодействия сил флота, так и не удалось отработать должным образом технику нанесения сосредоточенного удара по флоту противника, из-за чего оказывалась под вопросом направленность всей боевой подготовки флота в целом. Однако здесь командование ВМС РККА и КБФ в известной мере само загоняло себя в угол, поскольку превратило этот оперативный прием в своеобразную самоцель, которую так и не могло достигнуть. При этом командование флотом даже не задумывалось над тем, может ли вообще подобная оперативная ситуация сложиться в действительности³⁷⁷, и нужно ли подгадывать все действия флота к подготовке и нанесению этого удара. Вполне можно было достигнуть того же эффекта комбинацией действий всех сил флота на определенном отрезке времени, а не концентрировать все усилия КБФ в определенной точке и в определенное время.

По мнению автора, период 1935-1936 годов является очень показательным при изучении вопроса о реальном состоянии боевой подготовки личного состава ВМС РККА и КБФ в предвоенные годы. В исторической литературе прочно утвердилось мнение о том, что массовые репрессии конца 1930-х гг. стали главной причиной общего падения уровня боевой

³⁷⁵ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. С. 292.

³⁷⁶ Боевой устав Военно-морских сил РККА [1930]. М.-Л., 1930. С. 12.

³⁷⁷ Платонов А. В. Доктрины ведущих военно-морских держав перед Второй Мировой войной // Цитадель. 2000. № 1(9). С. 61.

подготовки личного состава Вооруженных Сил СССР накануне Великой Отечественной войны, и прежде всего, – причиной невысокого уровня оперативной и тактической подготовки командного состава РККА и РККФ. На самом же деле, ситуация здесь представляется не столь однозначной, и данное утверждение не вполне соответствует действительности.

По итогам различных игр, учений и учебно-боевых операций Краснознаменного Балтийского флота, предпринятых им в период 1935-1936 годов, обнаружилось, что боевое управление носит недостаточно удовлетворительный характер. Задачи соединениям и частям зачастую ставились командирами неконкретно, без учета складывающейся ситуации. При планировании и проведении различных учебно-практических мероприятий зачастую наблюдалось проявление формализма, упрощенчества и большое количество условностей, с целью достижения наилучших результатов. Понятно, что полученные путем подобных ухищрений оценки за проведенные операции, учения и игры носили искусственно завышенный и необъективный характер. Решения сторон на учебно-практических мероприятиях зачастую не учитывали обстановки и были неправильными. Многие выводы, сделанные по итогам проведенных учений и игр, впоследствии не учитывались.

На большинстве учений и учебно-боевых операций КБФ оказывалась неудовлетворительно отработанной оперативная разведка. Связь действовала неустойчиво, с большой перегрузкой. Штабы не смогли показать себя в качестве эффективных органов управления соединениями флота. Успехи в боевой подготовке подводных лодок и морской авиации, отдельные положительные моменты в подготовке некоторых соединений КБФ не должны вводить исследователей в заблуждение: они всё же носили частный характер и не имели решающего значения для боеготовности флота в целом. Тем более что недостатки в действиях субмарин и морской авиации с лихвой компенсировали имевшиеся достижения.

По итогам рассмотрения результатов боевой подготовки КБФ в 1935-1936 годы можно убедиться в том, что совершенно неправомерно полагать, что перед массовыми репрессиями 1937-1938 гг. уровень боевой подготовки Краснознаменного Балтийского флота был высоким, а затем под воздействием фактора репрессий он сразу же резко снизился. Как мы могли видеть, многие серьезные недостатки в боевой подготовке Балтийского флота, и в первую очередь – неудовлетворительное боевое управление, отсутствие должного взаимодействия сил флота при нанесении удара по флоту противника, низкий уровень оперативной и тактической подготовке большей части командного и начальствующего состава, недостаточная морская подготовка командиров, плохая работа разведки, слабая исполнительская дисциплина – существовали еще задолго до вышеуказанных событий, и

объяснялись всей системой подготовки командных кадров для Морских Сил РККА на протяжении 1930-х годов.

§ 2. Боевая подготовка на Краснознаменном Балтийском флоте в 1937 – 1938 гг.

31 октября 1936 г. начальник Генерального штаба РККА маршал А. И. Егоров направил начальнику Морских Сил РККА флагману флота 1-го ранга В. М. Орлову приказ за № 22419сс. К приказу была приложена директива наркома обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова, посвященная итогам оперативной подготовки личного состава за 1935-1936 гг. и задачам на 1936-1937 учебный год. Нарком обороны отметил, что личный состав Морских Сил РККА в истекшем учебном году имел существенные успехи в овладении боевой техникой, организации службы одиночных кораблей и однородных соединений, повысил свою огневую, морскую, штурманскую подготовку и подготовку по специальным службам³⁷⁸. Однако, по мнению наркома, данные успехи являлись всё же недостаточными для решения тех задач, которые ставились перед Морскими Силами РККА.

В качестве наиболее серьезных недостатков, серьезно влияющих на боевую подготовку флотов, К. Е. Ворошилов указал на наиболее важные из них: *«Сложные формы морского глубокого боя и операции на основе взаимодействия всех составных сил Морского флота для нанесения решающего сосредоточенного удара противнику освоены недостаточно. Планирование операции на морских театрах и проработка тыловых оперативных вопросов в условиях взаимодействия с сухопутными силами и воздушным флотом – не получили должного освоения. Оперативно-тактическая подготовка морской авиации совершенно недостаточна и заметно отстает в подготовке от основных сил авиации РККА. Подготовка штабов флотов и флотилий соединений неудовлетворительна»*³⁷⁹.

В связи с вышесказанным, нарком обороны СССР потребовал от командования МС РККА в новом учебном году обратить особое внимание на овладение сложными формами глубокого боя и операции, основанными на тесном взаимодействии сил для нанесения противнику мощных сосредоточенных ударов в открытом море, по базам противника и при бое в зоне своих укрепленных районов. Особо пристальное внимание требовалось уделить подготовке штабов флотов и штабов соединений. Для этого в течение 1937-го года на всех флотах необходимо было провести со штабами ряд игр и практических занятий со средствами связи с целью отработки техники штабной службы³⁸⁰. Ознакомившись с директивой Ворошилова, 2 ноября начальник Морских Сил РККА В. М. Орлов сообщил

³⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 35. Л. 28.

³⁷⁹ Там же. Л. 28-29.

начальнику Генштаба РККА А. И. Егорову об отсутствии у него каких-либо возражений по вопросу о постановке задач боевой подготовки³⁸¹.

20 ноября 1936 г. маршал А. И. Егоров утвердил перечень тем оперативных игр для командного состава Краснознаменного Балтийского флота на 1937-й год. Всего в перечне фигурировало три игры – общефлотская на тему «Действия подводных лодок и воздушных сил на коммуникациях с целью не допустить питания противника морем через южные порты Балтийского моря и с целью срыва перевозок через порты Финского и Рижского заливов, с одновременным содействием флангам сухопутной армии на побережье Финского залива», авиационная на тему – «Поиски и уничтожение боевых кораблей и транспортов противника в море в значительном удалении от своих баз с преодолением противодействия противника и одновременном решении задачи по отражению воздушных налетов на наши базы и аэродромы» и тыловая на тему – «Организация питания (всеми видами боевого снабжения), боевого ядра КБФ при вынесенном базировании на необорудованную базу в условиях помех со стороны авиации и флота противника»³⁸².

При определении тем оперативных игр учитывались задачи, которые были поставлены перед Краснознаменным Балтийским флотом директивой начальника Генерального штаба РККА маршала А. И. Егорова № 23613 от 30 декабря 1936 г. В соответствии с требованиями начальника Генштаба, по оперативному плану КБФ должен был решать следующие задачи: 1) Уничтожение боевого флота лимитрофных государств (Финляндии, Эстонии и Латвии); 2) Недопущение базирования флота Германии на побережье Финляндии, Эстонии и Латвии; 3) Нарушение подвоза в Германию и Польшу через порты Балтийского моря, а также недопущение подвоза войск и боевого снаряжения со стороны Германии и Польши в порты Финляндии, Эстонии и Латвии; 4) Содействие войскам Северо-Западного фронта и обеспечение их тыла и флангов от десанта и обстрела противника³⁸³. Поставленные маршалом А. И. Егоровым задачи были уточнены в январе 1937 г. командующим войсками Ленинградского военного округа командармом 1-го ранга Б. М. Шапошниковым³⁸⁴.

Согласно утвержденному плану, 5 марта 1937 г. на Краснознаменном Балтийском флоте была проведена общефлотская оперативная игра на тему «Действия подводных лодок и воздушных сил на коммуникациях с целью не допустить питания противника морем через южные порты Балтийского моря и с целью срыва перевозок через порты Финского и Рижского заливов, с одновременным содействием флангам сухопутной армии на побережье Финского залива».

³⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 35. Л. 31.

³⁸¹ Там же. Л. 55.

³⁸² Там же. Л. 13.

³⁸³ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 297. Л. 1-2.

Основными учебными целями, которые решались на этой оперативной игре, были: 1) Прорыв подлодок в Балтийское море в первый период войны; 2) Организация боевой работы подводных лодок дальнего и ближнего действия; 3) Изучение вариантов трасс для германских транспортов в военное время; 4) Самостоятельный удар тяжелой авиации по эскадре или конвою; 5) Совместный удар тяжелой авиации и подлодок³⁸⁵. Масштаб оперативной игры (число участников, время) ограничивался действительной потребностью и тренировкой тех, кому фактически придется решать эти задачи. Для выработки единства оперативного мышления комсостава, как отмечалось позже в отчете начальника Штаба КБФ И. С. Исакова, на разбор игры привлекались все флагманы и командиры, *«которые должны знать характер операций КБФ»*³⁸⁶.

По итогам оперативной игры командованием КБФ было сделано немало полезных выводов о качестве оперативного руководства обеих сторон. Действия командования «красной» стороны были оценены как *«в большинстве своем неправильные»*³⁸⁷. Например, избранный для прорыва командиром Бригады линкоров «красных» капитаном 1-го ранга К. И. Самойловым боевой ордер (тральщики–линкоры–подлодки) был сочтен неудовлетворительным, поскольку линейные корабли, находившиеся в центре противолодочного заграждения, рисковали намотать тросы мин на винты или наскочить на неприятельские мины. В результате такого неоправданного риска, линкоры, лишившиеся маневренности, быстро превратились бы в хорошие мишени для неприятельской авиации и береговой артиллерии. В качестве более правильного был указан вариант, при котором линкоры должны были следовать после подлодок и, дойдя до передней кромки противолодочного рубежа, стали бы маневрировать, а в случае необходимости – подавляли бы своим огнем береговую артиллерию и броненосцы противника³⁸⁸.

Было сочтено неверным и решение командующего флота «красных» по применению подводных лодок. Такой тактический прием, как лежание подлодок на грунте в точке randevу и всплытие по сигналу с надводного корабля «взрыв бомбами», был назван неправильным по той причине, что подлодки лежали на значительном удалении друг от друга и поэтому не все могли услышать сигнал о всплытии. В случае применения противником авиации по надводным кораблям возле противолодочного рубежа, могла сложиться очень неприятная ситуация. Взрывы авиабомб и снарядов на большом расстоянии могли быть расценены на подводных лодках как сигнал на всплытие, что в реальных боевых условиях привело бы к уничтожению всплывших подлодок и срыву операции по прорыву

³⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 297. Л. 4-5.

³⁸⁵ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 35. Л. 13. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 399. Л. 180..

³⁸⁶ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 399. Л. 180.

³⁸⁷ Там же. Л. 202.

субмарин в Балтийское море. В действиях командиров бригад подлодок были выявлены недочеты тактического характера. Во-первых, не были указаны разграничительные линии для действий лодок 1-й и 2-й бригад в Балтийском море. Во-вторых, позиции для лодок были выбраны неудачно, поскольку решение о позициях было принято без учета обстановки и путей движения транспортов противника³⁸⁹.

Действия командующего ВВС «красных» полковника А. М. Вирака также оказались неудачными, ввиду того, что решение было принято им *«без полного оперативного объема, вытекающего из поставленной задачи в данный момент перед КБФ»*. Одной из основных причин являлось неграмотное использование разведывательной авиации, курсы полетов которой пролегли в основном через Эстонию, а район Турку, Ханко оказался совершенно неохваченным, хотя там расположились неприятельские крейсера и значительные силы авиации. Разведывательная авиация совершенно не прилагала усилий по поиску аэродромов бомбардировочной авиации неприятельской коалиции, в силу чего авиация «красных» к началу операции не смогла нейтрализовать действия ВВС «синих»³⁹⁰.

В результате, командование флота «красных» предоставило противнику инициативу в нанесении первого авиаудара по собственным надводным силам. И главное, использование авиации «красной» стороной не было подчинено основной задаче – прорыву противолодочного рубежа. Ведь в первую очередь, ВВС следовало бы использовать для подавления береговой артиллерии и броненосцев береговой обороны «синих». А вместо этого авиация «красных» занималась поиском неприятельских транспортов в море, упустив из виду более важные задачи³⁹¹.

В противоположность «красным», действия «синей» стороны были оценены руководством игры как вполне правильные. Особо были отмечены следующие верные решения командующего Объединенным флотом коалиции флагмана 2-го ранга Г. Г. Виноградского: 1) Создание в устье Финского залива сильного противолодочного рубежа, поддерживаемого всеми силами; 2) Сосредоточение на аэродромах Финляндии и Эстонии мощной авиационной группировки и правильное ее использование; 3) Использование своих подлодок как средство борьбы с подлодками «красных»; 4) Перенесение своих коммуникаций в шведские шхеры; 5) Использование демонстративных колонн транспортов; 6) Создание отряда легких сил в Ханко; 7) Постановка минных заграждений в Ботническом заливе³⁹².

³⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 399. Л. 202-203, 207.

³⁸⁹ Там же. Л. 202-204.

³⁹⁰ Там же. Л. 204.

³⁹¹ Там же. Л. 203.

³⁹² Там же. Л. 205.

В результате проведения оперативной игры, командованием КБФ были сделаны полезные выводы. Обнаружилось, что оперативное взаимодействие различных соединений флота отработано еще неудовлетворительно. Кроме того, части, приданные из других родов оружия, использовались зачастую для решения задач, непосредственно не подчиненных целям проводимой операции. Крайне важным обстоятельством, сильно снижающим результативность действий сторон (и в первую очередь, «красной»), являлось отсутствие систематического изучения обстановки на театре. Из-за этого решения часто принимались «без учета действий своего соседа» и не соответствовали действительности. Даже при решении задач разными силами (подлодки и авиация), которые преследовали одну и ту же цель, отсутствовал взаимный обмен информацией. В приказах зачастую не всегда ясно и четко ставились боевые задачи. Отмечалась также недостаточно хорошая работа воздушной разведки³⁹³.

Почти все учебные задачи, поставленные на оперативной игре, так и не были решены. Особенно это касалось совместных действий подводных лодок и авиации, а также самостоятельных действий бомбардировочной авиации по нарушению неприятельских коммуникаций в море. Даже основная задача игры, ради которой она и была затеяна, – обеспечение прорыва субмарин через противолодочный рубеж – осталась нерешенной из-за неграмотного руководства операцией со стороны командования «красных». В качестве рекомендации, было высказано предположение, что задача по прорыву подлодок днем с боем можно осуществить лишь «при соотношении сил в море в нашу пользу, т.е. когда мы сильнее на воде»³⁹⁴. Таким образом, главная учебная задача оперативной игры превратилась лишь в теоретическую проблему, над разрешением которой еще предстояло работать.

Помимо мартовской общефлотской оперативной игры, в период с 8 по 12 апреля 1937 г. на КБФ была проведена фронтовая двухсторонняя оперативная авиационная игра на тему «Поиски и уничтожение боевых кораблей и транспортов противника в море в значительном удалении от своих баз с преодолением противодействия противника и одновременном решении задачи по отражению воздушных налетов на наши базы и аэродромы», с участием штабов ВВС Ленинградского военного округа и КБФ. К игре были привлечены командиры авиасоединений и частей ЛВО и флота, а также командиры общевойсковых и авиационных штабов³⁹⁵.

Основными учебными целями на данной игре были: 1) Отработка способов налета и методов атаки в условиях помех со стороны противника; 2) Решение вопросов организации боевого управления на всех этапах проводимой операции; 3) Отработка вопросов боевого

³⁹³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 399. Л. 206.

³⁹⁴ Там же. Л. 206-207.

обеспечения при переходе к месту боя, обратном возвращении и посадке на своих аэродромах; 4) Отработка организации и методов отражения воздушных налетов противника на наши базы и аэродромы; воздушный бой; 5) Отработка организации разведки на театре³⁹⁶.

Оставляя в стороне общий ход игры, совпадающий во многом с общефлотской игрой, стоит сосредоточиться на основных выводах, сделанных после ее проведения руководителем игры, начальником 1-го отдела Штаба КБФ, капитаном 3-го ранга В. З. Роговешко. Прежде всего, для нас будет любопытно мнение руководителя игры об общем уровне командования обеих («красной» и «синей») сторон: *«...Как правило, на протяжении всей игры командующий "красным" флотом плохо и с большим нажимом оформлял документы (свои решения). Лучше в этом отношении работал командующий коалиционным флотом»* (т.е. флотом «синей» стороны – П.П.)³⁹⁷.

Уже в самом начале своего отчета В. З. Роговешко констатировал безрадостную картину общего уровня руководства «красной» стороны: *«Дважды в этом году я присутствую на больших оперативных играх (в качестве первой здесь подразумевается общефлотская оперативная игра в марте 1937 г. – П.П.), на которых оба раза задача по борьбе и уничтожению транспортов с экспедиционными войсками, перевозимых морем с территории коричневых на территорию "синих" и "желтых", – возлагалась на авиацию фронта, которая оба раза с возложенной задачей не справилась»*. Далее Роговешко подчеркивает, что особенно ярко это проявилось на последней игре 7-13 апреля 1937 г., когда авиация фронта (т.е. «красных» – П.П.) ввиду *«своей занятости по борьбе с ВВС противников, поддержке сухопутных войск на фронтах и неумению правильно организовать длительной операции из-за недостаточного, по-видимому, знакомства с морскими особенностями, ни одного транспорта с войсками не утопила»*³⁹⁸.

В чем же заключалась причина столь неуспешных действий ВВС «красной» стороны в обеих играх? По мнению руководителя игры, такой результат был отнюдь не случаен: он объяснялся тем, что *«операции проводятся не теми людьми, которым положено этим заниматься»*. Как считал Роговешко, авиационные командиры Ленинградского военного округа, принимавшие участие в играх, совершенно не знали морского театра и его особенностей, организации флота, а также вопросов применения флота.

Вывод руководителя игры был довольно прост: необходимо возложить задачи по борьбе и уничтожению транспортов с экспедиционными войсками, перевозимыми морем с территории «коричневых» на территорию «синих» и «желтых», исключительно на

³⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 402. Л. 1.

³⁹⁶ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 35. Л. 13.

³⁹⁷ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 402. Л. 10.

³⁹⁸ Там же. Л. 9.

командующего флотом, поскольку только он хорошо знает особенности морского ТВД и может правильно организовать разведку транспортов и последующие операции по их уничтожению силами надводных кораблей, подлодок и авиации³⁹⁹.

Летом 1937 г. на КБФ были проведены два больших отрядных учения (БОУ № 1 – 21 августа и БОУ № 2 – 20 августа). Темой БОУ № 1 являлась «*Оборона базы с моря, воздуха и суши от внезапного нападения и ведения глубокого боя на оборонительном рубеже в своем укрепленном районе днем*»⁴⁰⁰. Учебными целями были назначены: 1) Отработка организации разведки, дозорной службы и охранения, обеспечивающих от внезапного появления противника у оборонительного рубежа Главной базы; 2) Проверка ПВО, ПЛО и ПКО главной базы; 3) Тренировка соединений и частей в развертывании для боя на Главном оборонительном рубеже и его проведении с воздействием на всю глубину боевого порядка противника. Районом учения была определена восточная часть Финского залива от меридиана 25°, исключая территориальные воды Финляндии и Эстонии. Руководил учением командующий КБФ, находившийся на линкоре «Октябрьская революция»⁴⁰¹.

Разбирая действия сторон, руководство учением пришло к неутешительным выводам. Основные нарекания вызвали действия стороны «А», игравшей за СССР. Практически все этапы учения сопровождались многочисленными промахами, повлиявшими в конечном итоге на общий неудовлетворительный результат учения. Корабельный дозор «красных» фактически не выполнил своей задачи. Спешно отходя под давлением противника, крейсер «Киров» и 2 лидера оторвались и потеряли связь с противником, вместо того, чтобы довести его до основных сил «красных». В итоге, они не смогли дать нужных сведений о противнике. Предварительный удар ВВС «красных» по линкорам «синих» оказался неудачным. Самолеты 105-й авиабригады провели налеты с часовым интервалом, неудовлетворительно поставив дымовую завесу и не организовав взаимодействие с остальными силами флота «красных». Удар торпедных катеров, предпринятый силами целого дивизиона, также не принес ожидавшегося результата, поскольку в атаку на вражеские линкоры в итоге вышло лишь одно звено катеров. Два звена катеров от атаки отказались, посчитав свою позицию невыгодной⁴⁰².

Бой в Главном оборонительном районе (ГОР) был организован «красными» плохо. Во-первых, отсутствовало должное взаимодействие между Бригадой линкоров и Ижорским укрепрайоном, включая обмен разведывательной информацией. За все время боя комендант Ижорского укрепрайона не получил ни одного приказа от командира Бригады линкоров.

³⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 402. Л. 9об.

⁴⁰⁰ Там же. Оп. 5. Д. 76. Л. 2.

⁴⁰¹ Там же. Л. 2-3.

⁴⁰² Там же. Л. 168-169, 395-396.

Знание оперативной обстановки в ходе учения стояло на низком уровне, из-за чего удар бомбардировщиков и торпедных катеров по линкорам «синих» был нанесен преждевременно. Маневрирование линкоров «красных» при ведении артиллерийского огня было сочтено неверным, поскольку они позволяли противнику использовать дальность стрельбы своих орудий, и на траверзных курсовых углах подставляли собственные борты под 11-дюймовые снаряды неприятеля. Почти весь бой командир БЛК провел без маневра (в течение 40 мин. линкоры «красных» стояли)⁴⁰³.

Боевое управление в ходе учения оказалось неотработанным, что, по мнению начальника Штаба КБФ капитана 1-го ранга Г. И. Левченко, «дало плохие результаты учения». Командиры соединений слишком поздно получили боевые документы. Штаб флота и Бригады линкоров проявили нераспорядительность и не проверили подготовки кораблей к походу. Военно-воздушные силы «красных» не были обеспечены данными о погоде, из-за чего действия авиации были неуспешными. Авиация, и в частности авиаразведка, применялась неграмотно: на линкоре «Октябрьская революция» не использовался самолет, что привело к плохому знанию обстановки и, как следствие, отмене фактического бомбометания по кораблям противника⁴⁰⁴.

Общий вывод, сделанный начальником Штаба флота Г. И. Левченко по итогам учения, гласил, что «поставленные на БОУ-1 задачи полностью не отработаны, выявлено много ошибок и недочетов, для устранения которых требуется повторение БОУ № 1»⁴⁰⁵.

Одновременно на Балтике было проведено большое отрядное учение (БОУ) № 2 на тему «Удар авиацией и подлодками по охраняемым транспортам противника в отдаленном районе Финского залива днем». В качестве учебных на БОУ-2 требовалось решить следующие оперативные задачи: «1) Отработать систему взаимодействия нескольких завес (эшелонов) подводных лодок и маневренность соединения тяжелой авиации, наносящего главный удар противнику в период окружения его лодками; 2) Дать тренировку подлодкам в обнаружении, предварительном ослаблении противника, и в сковывании его в период главной атаки, выполняемой авиацией; 3) Дать тренировку самолетам-разведчикам в выявлении походного порядка транспортов противника и в наведении подлодок для атаки на заданный объект; 4) Дать тренировку самолетам-бомбардировщикам в нанесении удара по транспортам противника во взаимодействии с подлодками»⁴⁰⁶. Районом проведения учения был определен Финский залив до меридиана 21°, без территориальных вод

⁴⁰³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 76. Л. 170, 396-397.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 397-398.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 398.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 16.

Финляндии и Эстонии. Руководителем БОУ-2 был назначен командующий КБФ, имевший штаб на линкоре «Октябрьская революция».

Не рассматривая подробно ход событий на учении, отметим основные достижения и недостатки, замеченные командирами сторон. В отличие от БОУ-1, на этом учении действия «красной» стороны («А») заслужили в основном положительную оценку. Разведывательные действия 21-го дивизиона подводных лодок были выполнены удовлетворительно, *«при соблюдении скрытности и достаточной точности»*. С атаками подводных лодок дело было несколько хуже: ни одна лодка 15-го дивизиона ПЛ не смогла выйти в атаку по причине неправильного выбора курсовых углов. Зато в 12-м дивизионе подлодок все лодки, используя данные разведки, сумели произвести атаки по кораблям. Использование данных наведения с самолетов было оценено как совершенно недостаточное⁴⁰⁷.

Действия ВВС на учении тоже были оценены высоко. Начальник Штаба КБФ Г. И. Левченко отметил отличное выполнение разведки, и в частности *«расчет, время вылета и прохода в районе наблюдения, отличное маневрирование вне зоны зенитного огня противника и применение мер скрытности»*. Помимо проведения разведки, авиация также производила бомбовые удары. Налет 105-й авиабригады на корабли противника был проведен хорошо, при взаимодействии с подлодками, а одна атака бомбардировщиков, *«вышла буквально сосредоточенной»*. Как недостатки, были отмечены растяжка ударов ВВС по времени и несоблюдение радиомолчания в воздухе. В целом, отмечался значительный рост качества боевой работы ВВС и отсутствие вынужденных посадок и чрезвычайных происшествий. В итоге на БОУ № 2, по оценке начальника Штаба флота капитана 1-го ранга Г. И. Левченко, *«поставленные учебные цели достигнуты»*⁴⁰⁸.

Одновременно с проведением БОУ-1 и БОУ-2, кораблями Эскадры КБФ в период с 19 по 21 августа 1937 г. был осуществлен поход в западную часть Финского залива. Данный поход, по словам командования КБФ, имел большое политическое значение, *«демонстрируя нашу мощь, полную боевую готовность, наши намерения решать свои задачи не только на подступах к Кронштадту, но и вдали от него»*. Поход преследовал выполнение следующих учебных целей: 1) проверка подготовленности и тренировка подлодок и ВВС во взаимодействии при атаках на коммуникациях; 2) проверка готовности и дальнейшая тренировка флота к нанесению ударов всеми силами по прорывающемуся противнику на Главном оборонительном рубеже (ГОР); 3) проверка Эскадры в совместном плавании,

⁴⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 76. Л. 392-393.

⁴⁰⁸ Там же. Л. 393-395.

боевом управлении, боевом обеспечении и тренировке личного состава всех специальностей⁴⁰⁹.

Опыт совместного плавания кораблей Эскадры КБФ показал, что необходимо тренироваться в умении ходить в сомкнутом строю, в умении быстро и четко производить необходимые эволюции при встрече с противником. Корабли КБФ ходили чрезмерно растянутым строем, сигналы долго принимались (до 3,5 минут), перестроения кораблей выполнялись слишком медленно. Постановка параванов также выявила недопустимую длительность постановки и уборки параванов на эсминцах «Володарский» и «Энгельс». При выполнении ночных эволюций также обнаружилось немало существенных недочетов. Перестроения занимали много времени, передача сигналов проходила медленно и неуверенно. Был сделан вывод о необходимости усиленной практики в совместном ночном плавании Эскадры и увеличении числа ночных учений по визуальной связи на кораблях⁴¹⁰.

Крайне поучительным эпизодом боевой подготовки личного состава КБФ в 1937-м году стало малое отрядное учение (МОУ) № 4б, проводившееся 9-10 августа. Учение проводилось с участием всех сил КБФ, за исключением подлодок и авиации, и преследовало одну цель – отработку техники посадки и высадки Кронштадтского стрелкового полка с транспортных средств КБФ. Общего руководства действиями сторон на учении не было, как впрочем, не было и общего плана учения.

Командир Кронштадтского стрелкового полка полковник В. К. Зайончковский затем признал в своем отчете, что учение *«прошло недостаточно организовано и не дало ожидаемых результатов»*⁴¹¹. Зайончковский изложил самые крупные недостатки в действиях десанта, для принятия соответствующих мер к недопущению их в дальнейшем. Транспортные средства были подготовлены к посадке неудовлетворительно и не разбиты по броскам десанта. В процессе посадки десантников были перепутаны номера катеров, из-за чего проведенные расчеты оказались фиктивными, а сама посадка была дезорганизована. Условия посадки войск в гавани соответствовали мирному времени, поскольку она проходила при полном освещении всей гавани⁴¹².

Еще больше недочетов выявилось при высадке десантников на берег. Все было нарушено из-за грубейшей ошибки в расчетах времени на переход. Транспорта сильно опоздали с высадкой по сравнению с планом, и десантирование происходило не в темноте, как было задумано, а фактически в дневных условиях. Бойцы выгружались скученно в одном пункте, а не на широком фронте. Место высадки десанта было разведано недостаточно, из-за

⁴⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 76. Л. 387-388.

⁴¹⁰ Там же. Л. 389-392.

⁴¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 398. Л. 9.

⁴¹² Там же. Л. 9.

чего транспортные средства подходили к месту крайне медленно и осторожно, оперативная внезапность высадки была утрачена. Порядок и очередность высадки были организованы малограмотно. Так, при высадке частей второго эшелона вначале выгружались повозки, затем – лошади и лишь затем личный состав. В итоге, получались паузы продолжительностью до 1 часа, что в реальных боевых условиях было совершенно недопустимо⁴¹³.

Выводы Зайончковского сводились к тому, что необходимо иметь специальные быстроходные мелкосидящие десантные корабли с соответствующим оборудованием, обеспечить надежное прикрытие собственной авиацией, а также отработать управление десантной операцией и ее прикрытие частями ПВО. Командир Кронштадтского полка заявил, что настало время серьезно решать задачу десантирования, поскольку *«10 лет мы занимаемся ею, ничего или почти ничего не создано, как по линии оформления в каких-либо документах опыта, так и по линии создания специальных средств»*⁴¹⁴.

Комендант Кронштадтского укрепленного района КБФ комбриг И. С. Мушнов с пессимизмом заявил в своем докладе командующему флотом о нецелесообразности проведения подобных учений в дальнейшем, так как, по его словам, *«никакого опыта из проводимых ежегодно десантных учений извлечь нельзя, кроме того, как не надо проводить десантные операции»*, а само десантное учение *«ничего поучительного не дало и дать не могло при таком руководстве»*. Впрочем, командующий КБФ И. С. Исаков не согласился с этим выводом и поручил Мушнову для начала обучить высадке Отряд учебных кораблей и провести с ним десантное учение⁴¹⁵. Здесь будет уместным заметить, что и через два года ситуация в области подготовки и проведения десантных операций так и не изменилась к лучшему. Положение осложнялось еще и тем, что отсутствовало специальное наставление по десантным действиям флота, что приводило к примитивной организации и упрощенному проведению десантных операций на учениях⁴¹⁶.

5 сентября 1937 г. начальник Морских Сил РККА флагман 1-го ранга М. В. Викторов издал директиву № 142752с, предназначавшуюся военным советам флотов и командующим флотилий. В начале директивы отмечалось, что *«боевая подготовка флотов и флотилий развивается неравномерно и по отдельным соединениям имеются большие отставания»*⁴¹⁷. Далее речь шла о недостатках в боевой подготовке флотов, в первую очередь КБФ. На Балтике огневая подготовка линкоров и эсминцев недопустимо затягивалась. Особо был

⁴¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 398. Л. 9-10.

⁴¹⁴ Там же. Л. 11-12.

⁴¹⁵ Там же. Л. 8.

⁴¹⁶ Егоров В. Г., Амосин Б. М., Беленьков С. В. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 2. Калининград, 1999. С. 125.

⁴¹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 259. Л. 106.

отмечен крайне низкий уровень зенитных стрельб и неудовлетворительно проведенные стрельбы в Бригаде линкоров, Кронштадтском и Ижорском укрепрайонах. Общим явлением для всех флотов было резкое отставание тактической подготовки, плохое взаимодействие флота с ВВС и недостаточная подготовка морской авиации в полетах над морем. Отрядные учения на флотах проводились без надлежащей подготовки, по несколько учений одновременно. Практика совместных плаваний соединений являлась недостаточной. Боевое управление, связь и скрытое управление были организованы плохо. Причиной всех этих недостатков, как считал М. В. Викторov, было недостаточное руководство со стороны командования всех уровней⁴¹⁸.

С целью ликвидации вышеуказанных недостатков, начальник МС РККА приказывал допускать к маневрам лишь подготовленные корабли 1-й линии, закончившие основные виды огневой подготовки. Корабли 2-й линии можно было допускать к маневрам только после специальной проверки командирами соединений. Перед маневрами следовало проводить игры по боевому управлению со средствами связи по отдельным вопросам темы маневров. Оперативно-тактический фон для игры надо было выбирать отличный по месту и времени от темы маневров⁴¹⁹.

Военным советам флотов полагалось направлять все усилия на постоянное поддержание и повышение боеготовности соединений и кораблей. Отрядные учения можно было проводить только после тщательной организации подготовки, не загромождая одного учения несколькими темами и предоставляя инициативу руководителю учения. Особое внимание требовалось обратить на отработку тактического взаимодействия с Военно-воздушными силами. Артиллерийские стрельбы следовало проводить в сложных условиях⁴²⁰.

Ссылаясь на директиву начальника МС РККА, командующий КБФ флагман 2-го ранга И. С. Исаков в приказе № 2/373с от 16 сентября 1937 г. обратил внимание командиров соединений КБФ на конкретные недостатки в боевой подготовке. Было отмечено серьезное отставание Бригады линкоров, Бригады миноносцев и Бригады заграждения и траления в выполнении плана артиллерийских стрельб из главного калибра. По мнению Исакова, совершенно неудовлетворительным было положение с использованием гидроакустических средств на подводных лодках, линкорах, применением аппаратуры наведения на подлодках, эсминцах и сторожевых кораблях, а также с радиопеленгованием на Бригаде миноносцев⁴²¹.

⁴¹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 259. Л. 106-107.

⁴¹⁹ Там же. Л. 107.

⁴²⁰ Там же. Л. 108-109.

⁴²¹ Там же. Л. 104.

Командующий КБФ потребовал выполнить задачи, поставленные в приказе наркома обороны № 00108, и вообще *«максимально использовать каждый просвет в погоде, добиваясь стопроцентного выполнения плана боевой подготовки с отличными показателями»*. От командиров бригад подлодок требовалось приступить к сколачиванию дивизионов подлодок в совместных дневных и ночных походах с производством эволюций. Командующему ВВС, командирам Бригад эсминцев и торпедных катеров было предписано отработать к маневрам тактику постановки дымовых завес и групповые атаки эсминцев и торпедных катеров. Начальнику Штаба флота было поручено провести в период с 25 по 30 сентября игру со средствами связи по отдельным вопросам темы маневров⁴²².

Наиболее важным мероприятием на КБФ в 1937-м году стали общефлотские маневры, проведенные в период с 5 по 8 октября на тему *«Операция Краснознаменного Балтийского флота по срыву оперативных перевозок противника в Балтийском море и расширению оперативной зоны восточной части Финского залива»*⁴²³. Маневры включали в себя три основных этапа: 1) Развертывание сторон, в том числе поход маневренного соединения КБФ в Балтийское море; 2) Операция подлодок и авиации КБФ и ЛВО на морских сообщениях противника в северной части Балтийского моря и в горле Финского залива; 3) Борьба за плацдарм в восточной части Финского залива⁴²⁴.

На первом этапе маневров КБФ основными учебными задачами были определены: 1) Проверка организации обеспечения выхода Эскадры из Главной базы в условиях противодействия подлодок и ВВС противника; 2) Проверка организации эскорта подлодок для вывода их в операцию и освоения основных походных порядков Эскадры с подлодками; 3) Проверка подготовленности эсминцев к выполнению ночного поиска и атакам при взаимодействии с авиацией; 4) Тренировка командиров маневренных соединений в ведении дневного боя линейных сил в открытом море.

Второй этап маневров включал в себя отработку следующих задач: 1) Проверка подготовленности подлодок к одиночным атакам и в составе завес по транспортам противника и управления завесами подлодок для перемены позиций; 2) Тренировка в организации комбинированной разведки (силами подлодок, ВВС) морских сообщений противника в северной части Балтийского моря; 3) Проверка подготовленности подлодок 1-й и 2-й бригад к совместным действиям по транспортам противника в Финском заливе. На третьем этапе маневров следовало поработать над проверкой организации, боевого

⁴²² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 259. Л. 104-105.

⁴²³ Там же. Оп. 5. Д. 84. Л. 88, 110.

⁴²⁴ Там же. Л. 110-111.

управления и подготовленности всех соединений и частей КБФ к общему взаимодействию при нанесении противнику сосредоточенных ударов в восточной части Финского залива⁴²⁵.

Теперь рассмотрим, как протекали разные этапы маневров. При выходе флота «красных» из Главной базы (Кронштадта) наблюдалась плохая работа кораблей Охраны водного района (ОВР). Фактически продолжалось движение транспортов по гражданскому фарватеру в Ленинград, как обычно в мирное время. Сторожевые катера ОВРа совершенно не контролировали данную ситуацию. Итак, выход кораблей проводился достаточно условно. Впрочем, сама Эскадра «красных» вышла из Главной базы вполне организованно и четко⁴²⁶. Дальнейшее маневрирование кораблей происходило уже не столь гладко: лидер «Ленинград» еще не имел навыков совместного плавания (из-за недавнего ввода в строй) и при поворотах всё время опаздывал, а эсминец «Ленин» на малой дистанции пересек курс линкора «Октябрьская революция». Ночной поиск и атаки линкоров «коричневых», предпринятые силами эсминцев и ВВС «красных», применялся на Балтике впервые, но, тем не менее, был выполнен успешно. Поиск и атака миноносцами были организованы грамотно и тесно увязаны с действиями авиаразведки⁴²⁷.

Значительно хуже протекал наиболее ответственный эпизод маневров, представлявший собой эскадренный бой линкоров «красных» и «коричневых». Командующий флотом «красных» капитан 1-го ранга К. И. Самойлов направил свои линкоры прямо в центр развертывания групп линкоров «коричневых», тем самым, позволив противнику охватить голову своей колонны и подвергнуть её сосредоточенному обстрелу всей неприятельской артиллерии. Кроме того, К. И. Самойлов опасно ослабил свои силы в ходе боя: лидер «Ленинград» и 2-й дивизион эсминцев не принимали участия в бою с линкорами «коричневых». В противоположность этому, командующий флотом «коричневых» капитан 1-го ранга А. А. Кузнецов действовал правильно и маневрировал на выгодных для себя курсовых углах и дистанциях. В то же время, командующий флотом «красных» не нацелил атаку и не дал указаний командиру второго линкора и флагману легких сил об идее своего решения⁴²⁸.

Заключительный этап маневров, заключавшийся в ударе легкими силами и авиацией «красных» по линкорам противника, удался лишь частично. Совместный авиационный удар армейской и морской авиации оказался несогласованным, по причине невылета 105-й авиабригады ВВС КБФ. В итоге, налет на корабли противника провел лишь тяжелый авиакорпус из состава Ленинградского военного округа. Атака торпедных катеров была

⁴²⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 84. Л. 111.

⁴²⁶ Там же. Л. 101, 114-115.

⁴²⁷ Там же. Л. 102, 116-117.

⁴²⁸ Там же. Л. 90-91, 102, 118-119.

проведена разрозненно, без использования дымовых завес. Линкоры «коричневых» не уклонялись от атак торпедных катеров и авиации «красных»⁴²⁹.

Итоги маневров были оценены Штабом КБФ в целом положительно, хотя эта оценка носила явно завышенный характер. В частности, в отчете было отмечено, что были недочеты, *«но в общем маневры этого года прошли лучше, слаженнее, чем когда бы-то ни было»*. Действия надводных (линкоров, эсминцев, торпедных катеров) и подводных сил заслужили положительную оценку командования. Но действия ВВС вызвали некоторое беспокойство. По мнению командования флота, авиация *«работала хуже, чем морские силы»*. От ВВС требовалось добиться единства действий со всеми остальными соединениями. Штаб главного руководства имел несомненные успехи в ходе проведения маневров, хотя штабы соединений не всегда работали грамотно. Если маневры будут продолжены в этом направлении, то, как считало командование КБФ, *«достижения будут по-настоящему хорошие»*⁴³⁰.

Начальник Штаба Морских Сил РККА капитан 1-го ранга В. П. Калачев пришел к тому выводу, что *«маневры показали хорошую организованность учений, ряд достижений в боевой подготовке соединений и кораблей, отсутствие аварий и поломок в течение длительного свыше 3-х суток похода»*⁴³¹. Он отметил хорошее проведение ночной атаки эсминцев и ВВС «красных» по силам противника и действия подводных лодок при атаках тяжелых кораблей. В то же время, начальник Штаба МС РККА подверг критике утренний эскадренный бой линкоров «красных» с линкорами «коричневых». В частности, он отметил неправильное решение командира Бригады линкоров «красных», подставившее корабли под огонь неприятельских линкоров. Самый ответственный момент в ходе маневров – сосредоточенный удар силами авиации и торпедных катеров по главным силам «коричневых» в восточной части Финского залива – имел неудовлетворительный результат из-за несогласованности атак по времени. Морская авиация опоздала к месту боя, а торпедные катера провели атаки разрозненно. В итоге, сосредоточенный удар сил «красных» по противнику *«полностью не удался»*⁴³².

После завершения общевфлотских маневров командующий КБФ флагман 2-го ранга И. С. Исаков приказал начальнику Штаба флота Г. И. Левченко сделать основной упор по боевой подготовке на оставшийся период 1937-го года на окончании огневой подготовки кораблями флота, Береговой обороной и Охраной водного района, на выполнении главнейших опытов и испытаний, а также на приемных испытаниях новых боевых кораблей

⁴²⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 84. Л. 94, 105.

⁴³⁰ Там же. Л. 107-108.

⁴³¹ Там же. Л. 88.

⁴³² Там же. Л. 89-94.

и обеспечении этих приемок (крейсер «Киров», лидер «Ленинград», подлодки типа «Малютка», «Щука», новые сторожевые корабли, базовые тральщики и торпедные катера⁴³³.

В «Отчете по боевой подготовке Краснознаменного Балтийского флота с 1.01 до 20.10.37 г.» самоуверенно говорилось, что флот в этом году *«полнее, чем когда либо выполнил задачи, поставленные ему приказом Народного Комиссара Обороны СССР по боевой подготовке на данный год»*. Поэтому, маневры, как своеобразный итог боевой подготовки КБФ за год, получили хорошую оценку со стороны наркома обороны СССР. По мнению Военного совета КБФ, это позволяло флоту надежно обеспечить дальнейшее поступательное движение, тем самым, подготовив кадры для строящихся боевых кораблей, *«как для ближайшего этапа своего перерастания в Большой флот»*⁴³⁴.

Самым слабым звеном в системе КБФ являлись Военно-воздушные силы флота, где *«ряд новых частей до сих пор является небоеспособными»*. Боевая подготовка подводных лодок, проводившаяся в больших масштабах (в ней участвовало сразу 49 лодок), по мнению командования КБФ, дала удовлетворительные результаты – как в отношении специальной подводной подготовки, так и в отношении взаимодействия подлодок с авиацией и надводным флотом. Штурманская подготовка на флоте была сочтена вполне хорошей. Артиллерийская подготовка, несмотря на ряд затруднений, была выполнена качественно лучше, чем в 1936-м году. Минно-торпедная подготовка на флоте была проведена с неплохими результатами, превысив многие показатели прошлого года. Неудовлетворительно обстояло дело с тральной подготовкой. Тактика траления, по выражению командования КБФ, находилась *«в глубоком прорыве из-за нехватки тральщиков»*⁴³⁵.

В ходе проведения оперативных игр, сборов и маневров на КБФ был выявлен ряд неотработанных боевых задач, а именно: 1) оперативная разведка средствами ВВС; 2) борьба подлодок с лодками противника; 3) организация оперативного взаимодействия соединений и родов оружия; 4) изучение организации, тактики и оперативного искусства вероятных противников на театре⁴³⁶.

Подводя итоги по боевой подготовке флота за 1937-й год, Военный совет КБФ пришел к весьма спорному выводу о том, что Краснознаменным Балтийским флотом была выполнена главная задача боевой подготовки Морских Сил РККА, а именно – овладение сложными формами морского глубокого боя и операции, основанными на тесном взаимодействии надводного и подводного флота с авиацией, для нанесения противнику

⁴³³ РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 4. Д. 24. Л. 22.

⁴³⁴ Там же. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 72. Л. 13.

⁴³⁵ Там же. Л. 13-14.

⁴³⁶ Там же. Л. 16.

мощных сосредоточенных ударов в открытом море и при бое в своих укрепленных районах⁴³⁷.

Общий вывод командования флотом по итогам боевой подготовки за 1937-й год гласил: *«Подавляющее большинство кораблей и частей флота перешло в первую линию боевой подготовки. Краснознаменный Балтийский флот готов к боевым действиям в сложных формах современного глубокого боя»*⁴³⁸. В данном случае, командование КБФ решило выдать желаемое за действительное и явно завысило уровень боевой подготовки флота. Иначе трудно объяснить, почему же в следующем году Балтийский флот имел столь низкие результаты в ходе проведения различных учебно-практических мероприятий.

На заседании Военного совета при наркомате обороны СССР, состоявшемся 21-27 ноября 1937 г., командующий КБФ флагман 1-го ранга И. С. Исаков выступил с отчетным докладом. Командующий флотом подробно остановился на основных достижениях флота в текущем году и сложностях, которые возникли при этом на Балтике: *«...Если подходить к нашим результатам с формальной стороны, с точки зрения официальной оценки, по той методике, которая у нас существует, то к концу года мы пришли с неплохими результатами, особенно в части надводного флота, артиллерийской подготовки, в части торпедных стрельб, особенно учитывая, что у нас было резкое увеличение стрельб ...»*. Таким образом, Исаков сразу же внес оговорку при оценке подлинного уровня боевой подготовки флота, говоря о некоем формальном, не вполне объективном подходе при оценке боеготовности сил флота. Не избежал командующий КБФ И. С. Исаков и привычных в 1937-м году обвинений части командного состава флота во «вредительстве», которое помешало нормальному прохождению процесса боевой подготовки, из-за чего *«пришлось ликвидировать помехи, которые оказывали нам враги, и последствия вредительства, которые мы ликвидировали в процессе боевой подготовки»*⁴³⁹.

Были и другие факторы, которые, как считал И. С. Исаков, сильно снижали результативность подготовки личного состава КБФ. Прежде всего, это была сезонность боевой подготовки (ввиду обледенения Финского залива в период зимы) и теснота водного района. В итоге, боевая подготовка может проводиться только 6,5 месяцев в году. Кроме того, Краснознаменный Балтийский флот отправил две экспедиции кораблей на Север (для усиления только что сформированного Северного флота), принимал от промышленности новые корабли (до 15 единиц), постоянно проводил опыты и испытания. Сильно осложняла

⁴³⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 72. Л. 19.

⁴³⁸ Там же. Л. 15.

⁴³⁹ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. С. 135-136.

деятельность флота, по словам Исакова, нехватка водного пространства, поскольку *«число полигонов, на которые можно выходить для учебы, настолько ограничено, что корабли ждут очереди, чтобы попасть на стрельбу»*. Другим фактором, сильно повлиявшим на ход боевой подготовки на Балтике в 1937-м году, было большое количество аварий и катастроф. Из-за этого в морской авиации даже пришлось прекратить полеты, в результате чего, по словам Исакова, *«наша авиация 55 дней не летала, в самый ценный период – май-июнь»*. В результате, среди личного состава ВВС имел место застой в боевой подготовке, а затем началось возрастание числа дисциплинарных проступков⁴⁴⁰.

После формирования нового состава Военного совета флота (прежний состав Военного совета КБФ был арестован летом 1937 г.) началась более интенсивная деятельность в соединениях флота, причем ночью и в любых погодных условиях, и в результате к концу года флот пришел *«с неплохими результатами»*. На Краснознаменном Балтийском флоте было начато освоение сложных форм современного морского боя и отработка взаимодействия всех сил, в результате было отработано несколько новых тактических приемов в решении тех задач, которые были поставлены наркомом обороны СССР. Особое внимание при этом обращалось на действия ночью и на боевое управление⁴⁴¹.

Исаков подробно остановился на морской подготовке командного состава. По его утверждению, морская подготовка командиров *«никуда не годится»*, из-за чего *«мы держим рекорд в части того, что наши курсанты меньше всех плавают, даже финны плавают в три раза больше, чем наши командиры»*. В результате, по его словам, на флот приходили лишь теоретически подготовленные командиры – пропагандисты, теоретики, но не моряки. Командиры зачастую не выдерживали свежей погоды, их укачивало, они порой сажали корабли на мель в условиях полного штиля и даже когда рядом стояли буи. Командующий КБФ даже обратился к наркому обороны СССР с просьбой серьезно повлиять на процесс морской подготовки командного состава МС РККА, чтобы у командиров кораблей обязательно имелся опыт управления кораблями до момента назначения их на должности⁴⁴².

14 декабря 1937 г. нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов в приказе № 0109 подвел итоги боевой подготовки Красной Армии за 1937-й год и определил основные задачи на следующий год. В разделе, посвященном Военно-Морским Силам РККА, Ворошилов отметил главные достижения и недостатки в боевой подготовке флотов и флотилий. ВМС удалось успешно решить следующие важные задачи: *«...Тактическое взаимодействие надводных сил и подводных лодок с авиацией проводилось в более широких размерах и с большим успехом. Достигнуто массовое использование подлодок, в частности, в*

⁴⁴⁰ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. С. 136.

⁴⁴¹ Там же. С. 136.

отдаленных районах моря, и получены первые успехи в ПЛО. Фактическое использование оружия в тактической обстановке приблизило стрельбы к действительным боевым условиям ...»⁴⁴³.

Имелось и большое количество недостатков, которые сильно портили общую картину состояния боевой подготовки флота. Отработка сложных форм морского боя часто протекала без создания на учениях сильного противодействия противника (т.е. условно) и без организации огневого взаимодействия. Взаимодействие флота с сухопутными войсками еще не было отработано, особенно огневая поддержка десанта кораблями флота. Боевая подготовка частей морской авиации была признана неудовлетворительной и не обеспечивающей *«полного использования мощи авиации»*. Руководство тактической подготовкой командиров соединений и кораблей было оценено как недостаточное. Штурманская подготовка командного состава надводных сил флота и подводных сил также расценивалась неудовлетворительно. Морская подготовка, в первую очередь молодых командиров, являлась откровенно слабой из-за пробелов в подготовке курсантов в военноморских учебных заведениях. Наконец, высоким оставался уровень аварийности на флотах, особенно в частях морской авиации⁴⁴⁴.

С целью ликвидации отмеченных недостатков, нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов в приказе № 0112 от 14 декабря 1937 г., адресованном Морским Силам РККА, приказал продолжать в 1938-м году отработку главной задачи – *«Овладение сложными формами морского боя и операции, основанными на тесном взаимодействии надводного и подводного флота с авиацией, для нанесения мощных сосредоточенных ударов по флоту и десанту в открытом море, по базам противника и при бое в своих укрепленных районах в полном взаимодействии огневых средств»*. Нарком обороны потребовал, чтобы отработка боевой подготовки на всех флотах велась в условиях постоянной, в течение всего года, боевой готовности части сил, а также постоянной готовности к отражению внезапного нападения, особенно в морских базах⁴⁴⁵.

25 января 1938 г. только что назначенный нарком ВМФ армейский комиссар 1-го ранга П. А. Смирнов в своей директиве № 246172сс подвел итоги оперативной подготовки комсостава ВМФ за прошедший год и пришел к неутешительным выводам. По мнению наркома, оперативная подготовка командного состава и штабов стояла на низком уровне и не отвечала современным требованиям планирования и ведения операций на море⁴⁴⁶. Основные

⁴⁴² Там же. С. 139-140.

⁴⁴³ Библиотека РГА ВМФ. Секретные приказы НКО СССР за 1937 год. Приказ наркома обороны СССР № 0109 от 14.12.1937 г.

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 35. Л. 123.

недостатки в организации и проведении мероприятий по оперативной подготовке командно-начальствующего состава флота, как считал П. А. Смирнов, сводились к следующему: 1) отсутствие единства оперативных взглядов на методы ведения операций; 2) слабые навыки в быстрой и правильной оценке обстановки; 3) неуверенность и предвзятость в принятии решений на операцию; 4) штабы не овладели методами и навыками оперативных расчетов; 5) неудовлетворительная организация использования авиации; 6) бессистемное использование кодов для связи; 7) излишняя нагрузка радиосвязи⁴⁴⁷.

С целью ликвидации указанных отрицательных явлений, нарком ВМФ П. А. Смирнов приказал все Военным советам флотов считать оперативную подготовку высших командиров и штабов *«основной задачей всей командирской подготовки на 1938 год»*. В качестве частных задач, Смирнов потребовал развивать гибкость оперативного мышления, смелость в принятии решений, уверенность, волю и настойчивость при их осуществлении, а также изучать оперативные взгляды вероятных противников и сам театр военных действий. Перед проведением оперативных игр нарком ВМФ приказал сделать исторические доклады на темы, близкие к темам предстоящих игр. К общефлотской оперативной игре КБФ П. А. Смирнов потребовал привлечь преподавательский состав Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова⁴⁴⁸.

Одновременно нарком ВМФ утвердил и перечень тем военных игр по оперативной подготовке командно-начальствующего состава КБФ на 1938-й год. Как обычно, было запланировано три игры – общефлотская на тему *«Совместные с армией действия по овладению побережьем и шхерным районом восточной части Финского залива, с одновременными операциями по срыву перевозок противника в Балтийском море»*, авиационная на тему – *«Разгром морских и воздушных сил лимитрофов в их базах и на их аэродромах в первые дни войны в условиях начавшейся переброски германских сил в Финский залив»* и тыловая на тему – *«Организация питания (всеми видами снабжения) флота в операции по овладению шхерных районов восточной части Финского залива»*. Военный совет КБФ установил сроки проведения оперативных игр: для общефлотской – вторая половина марта, для авиационной – начало апреля, для тыловой – конец апреля 1938 года⁴⁴⁹.

С 25 по 26 марта 1938 г. на Балтике была проведена двухсторонняя оперативная игра с участием ЛВО и КБФ *«Совместные с армией действия по овладению побережьем и шхерным районом восточной части Финского залива с одновременными операциями по срыву перевозок противника в Балтийском море»*. В качестве частных учебных задач фигурировали следующие: 1) Отработка взаимодействия с наступающим флангом армии и

⁴⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 35. Л. 123-124.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 124-125.

авиацией в условиях шхерного побережья; 2) Закрепление навыков организации и выполнения операции флота и ВВС на коммуникациях противников в Балтийском море; 3) Выявление необходимых средств для операции в шхерах; 4) Изучение шхерного района восточной части Финского залива⁴⁵⁰.

Результаты данной игры откровенно разочаровали её руководство. Прежде всего, отмечалось, что *«учебные цели, поставленные на игре, в полной мере не были отработаны»*. Большинство командиров соединений и частей КБФ, за исключением командиров авиасоединений, несмотря на достаточный срок, отведенный для подготовки к игре, подготовились плохо, решение задач до конца не продумали и не произвели необходимых тактических расчетов. Объяснялось это тем, что основная масса командиров *«в таких играх участвовали впервые и навыка в работе не имели»*⁴⁵¹.

Многие недостатки, указанные в отчете начальника штаба КБФ капитана 1-го ранга В. Ф. Трибуца по оперативной игре, отмечались еще в прошлом году. В очередной раз отмечалось, что операция не была обеспечена разведкой (тральной, гидрографической, рельефа береговой черты, самого плацдарма для высадки, на подходах к месту высадки), не учитывалась опасность нападения противника из шхер и действия «щюцкора», не были организованы посты ВНОС, а расстановка транспортов и их охрана не доработаны. Также указывалось на слабую проработку вопросов взаимодействия с Красной Армией и ВВС по овладению шхерным районом⁴⁵².

Организация командования всей операцией и боевое управление была признана начальником Штаба КБФ В. Ф. Трибуцем *«нечеткой»*. В своем отчете он особо отметил, что командующий Эскадрой «красных» капитан 1-го ранга Н. Н. Несвицкий не возглавил руководство всей операцией и не организовал взаимодействие всех частей. В действиях многих командиров было замечено несоответствие принимаемых ими решений выполняемым задачам. Боевые документы, выработанные накануне игры и в ее ходе, страдали нечеткими формулировками. Задачи в боевых приказах ставились зачастую неконкретно, отсутствовали навыки в правильной оценке обстановки. Командиры всех уровней слабо проявляли инициативу при выполнении поставленных задач. Оформление документов на операцию было признано Трибуцем абсолютно неудовлетворительным⁴⁵³.

Оперативная игра вновь не принесла ожидаемого результата, хотя и дала некоторую практику флагманам в оперативной подготовке. Почти все учебные задачи игры остались нерешенными. В то же время, были сделаны выводы на будущее относительно проведения

⁴⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 35. Л. 128, 137.

⁴⁵⁰ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 432. Л. 276-277.

⁴⁵¹ Там же. Л. 292.

⁴⁵² Там же. Л. 292-293.

десантных операций в шхерах. Было признано, что овладение шхерами является наиболее сложной операцией, которая требует *«предварительных мероприятий по обеспечению действующих сил, от помех с запада и со стороны ихер, а также специального обеспечения в момент проведения самой операции»*. Игра доказала, что флоту необходимы специальные десантные средства (десантные тендеры, бронекатера, канонерские лодки), хотя это выяснилось еще на прошлогоднем десантном учении⁴⁵⁴. Таким образом, как и ранее, всё закончилось одними благими пожеланиями.

Помимо общевфлотской игры, на КБФ была проведена оперативная двусторонняя авиационная игра. Она проходила в период с 14 по 15 апреля 1938 г. и имела своей темой *«Разгром морских и воздушных сил лимитрофов в их базах и на их аэродромах в первые дни войны, в условиях начавшейся переброски Коричневых сил в Финский залив»*. Авиационная игра преследовала решение следующих учебных целей: 1) Отработка взаимодействия морской и фронтовой авиации в ударах по базам противника; 2) Отработка организации и методов боевого управления морской и сухопутной авиацией, действующей с оперативных аэродромов; 3) Организация обороны аэродромных узлов⁴⁵⁵.

По итогам оперативной авиационной игры, командующий ВВС КБФ полковник А. И. Ильин сделал успокаивающий вывод, что *«частные задачи и вся тема в целом отработаны»*. По его мнению, участниками игры в основном принимались тактически правильные решения, а на самой игре было *«достигнуто единое понимание использования методов и средств подавления воздушного противника и флота на основе данных последних войн»*. Впрочем, Ильин отметил и существенные пробелы в тактической подготовке командиров. Например, командующий ВВС «синих» поставил слишком много задач своей авиации, не выделив при этом основных. Формулировка боевых задач носила многословный и расплывчатый характер, без указания конкретного времени, места и объектов ударов. Командующий ВВС «синих» совершенно упустил такой момент, как действия по флоту «красных» и его базам⁴⁵⁶.

Впрочем, и на «красной» стороне тоже имелись недостатки. Посредниками было замечено, что решения о перебазировании сил авиации принимались без учета вопросов снабжения, а работа штаба протекала крайне упрощенно (не составлялась документация, приказы отдавались устно). В очередной раз было указано на слабую организацию авиационной разведки обеими сторонами, из-за чего целый ряд бомбардировочных ударов пришлось по пустым аэродромам. Командирами авиачастей недостаточно внимательно

⁴⁵³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 432. Л. 293-294.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 294-295.

⁴⁵⁵ Там же. Д. 433. Л. 70.

⁴⁵⁶ Там же. Л. 80-82.

проводились расчеты боезапасов и горючего на вылеты, плохо были изучены тактико-технические характеристики самолетов противника. При постановке боевых задач на бомбардировку не всегда указывались важнейшие объекты, подлежащие уничтожению. Многие летчики не знали тактических приемов борьбы бомбардировщиков с истребителями, а также противозенитных маневров⁴⁵⁷.

Как видно, несмотря на поучительные уроки прошлогодней оперативной игры, большая часть отмеченных на ней недостатков так и осталась без внимания командования КБФ. Досадным было то, что одни и те же проблемы (плохая авиаразведка, отсутствие целеустремленности в действиях ВВС, неотработанное взаимодействие морской и армейской авиации и др.) плавно перетекали из года в год, из одной оперативной игры в другую, оставаясь нерешенными. Большая доля условности при постановке и решении задач на играх сильно снижала практическую ценность этих полезных мероприятий. Но даже и при всём упрощении этих игр результаты, как правило, оставались малоутешительными.

На заседании Главного военного совета ВМФ, состоявшемся 8 мая 1938 г., заместитель наркома ВМФ И. С. Исаков отметил нечеткость в постановке задач на оперативной авиационной игре КБФ: «...Задачи поставлены не совсем верно. Нет задачи разгрома авиации, действия на коммуникациях, нейтрализации авиации и т.п. Ближняя разведка в условиях Балтики возможна только до Гельсингфорса–Ревель, дальние только с боем...». Первый заместитель наркома ВМФ П. И. Смирнов-Светловский заметил по этому поводу, что «необходимо также иметь авиацию и для обеспечения, после захвата, занятых пунктов от авиации»⁴⁵⁸. Кроме того, в своем приказе № 082 от 11 мая 1938 г., посвященном проверке состояния боевой подготовки на Балтике и Севере, П. И. Смирнов-Светловский указал на недопустимо слабую подготовку по штурманскому делу большинства командиров кораблей КБФ (33% командиров имели неудовлетворительные знания по навигации), плохую организацию и методику командирской учебы, плохую подготовку штабов соединений, неотработанность приготовления кораблей к бою и слабую подготовку личного состава к борьбе за живучесть и непотопляемость кораблей⁴⁵⁹.

Летом 1938 г. на Балтике было проведено два больших отрядных учения флота – БОУ-1 (22-25 июля) и БОУ-2 (14-15 августа). Тема БОУ № 1 была обозначена следующим образом – «Нанесение последовательных ударов по линкорам и крейсерам противника ВВС ЛВО, ВВС КБФ и 1-й, 2-й, 3-й бригадами подлодок на переходе из средней части Балтийского моря в Финский залив с последующими совместными ударами ВВС, торпедными катерами, легкими

⁴⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 433. Л. 81-82.

⁴⁵⁸ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 4. Л. 7-8.

⁴⁵⁹ Библиотека РГА ВМФ. Секретные приказы наркома ВМФ за 1938 год. Приказ наркома ВМФ № 082 от 11 мая 1938 г.

силами КБФ в восточной части Финского залива»⁴⁶⁰. По мнению начальника Штаба флота капитана 1-го ранга В. Ф. Трибуца, все учебные цели на учении были выполнены, лишь за исключением совместных ударов ВВС и подлодок в Балтийском море. Подводные лодки отработали задачу разведки, несмотря на плохую погоду.

В ходе проведения БОУ-1 был отмечен ряд существенных недостатков, таких как: 1) Совместное плавание отработано только в простых условиях; 2) Подлодки и торпедные катера не отработали полностью элементов выхода в атаку; 3) Слабая дисциплина связи и большое количество искажений радиogramм, недостаточное использование гидроакустики на подлодках; 4) Проведение бомбометания авиации исключительно на малых высотах; 5) Высокая аварийность в частях ВВС КБФ. На учении отмечалось весьма небрежное и неграмотное составление боевых приказов многими командирами соединений (Бригада эсминцев, 1-я и 3-я бригады подлодок). В целом, БОУ-1 получило удовлетворительную оценку командования⁴⁶¹.

Следующее учение – БОУ-2 – было посвящено теме «Ведение сложного морского боя в Финском заливе и на оборонительном рубеже в своем укрепленном районе». Основными учебными целями для стороны «А» (т.е. советской), отработывавшимися на учении, были: 1) Тренировка в производстве совместного удара линкоров, легких сил и авиации по линкорам противника; 2) Тренировка линкоров артиллерийскому бою с линкорами противника; 3) Тренировка в производстве совместного удара подлодок и авиации при маневрировании позициями лодок; 4) Тренировка в совместных действиях батарей укрепрайонов, линкоров и торпедных катеров против линкоров противника. Перед стороной «Б» (неприятельской) были поставлены такие задачи, как: 1) Тренировка авиации в бомбометании по линкорам и фортам противника практическими бомбами; 2) Тренировка в производстве скрытых атак подлодок по линкорам противника; 3) Отражение внезапного нападения ВВС противника на Главную базу⁴⁶².

Подготовка к БОУ-2, согласно оценке Главного морского штаба ВМФ, была проведена плохо, особенно командованием стороны «А». Доклад решения командующего стороной «А» капитана 1-го ранга Н. Н. Несвицкого, сделанный начальнику Штаба КБФ, был оценен неудовлетворительно. Ни одному командиру соединения стороны «А» не была поставлена конкретная задача, всё строилось на основе договоренностей⁴⁶³. Несвицкий даже не был в курсе, какими силами он будет наносить удар по противнику (возникла путаница с использованием 105-й авиабригады). Вся документация стороны «А» была разработана

⁴⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 254. Л. 16.

⁴⁶¹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 254. Л. 16-17. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 430. Л. 45-48.

⁴⁶² Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 253. Л. 187. Д. 254. Л. 17. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 430. Л. 57.

⁴⁶³ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 253. Л. 196.

неудовлетворительно, а *«задачи частям были поставлены так, что можно было понимать их в двояком и неверном смысле»*⁴⁶⁴. В довершение всех бед, оперативные документы стороны «А» были ошибочно пересланы командующему стороной «Б». Естественно, что по ходу учения пришлось перерабатывать заново всю документацию⁴⁶⁵.

Отдельные недостатки в ходе учения, по мнению начальника Штаба КБФ В. Ф. Трибуца, проявились в следующем: 1) Вместо дневного боя линкоров был проведен бой на рассвете; 2) Не отработан ночной поиск и бомбометание силами ВВС линкоров противника; 3) Не принята внезапная стрельба с линкора «Марат». Однако имелись и более серьезные претензии к боевой подготовке флота. Прежде всего, выявилась слабая тактическая подготовка командиров Бригады линкоров, Бригады миноносцев и Бригады торпедных катеров КБФ. Огневая подготовка соединений была сочтена вполне удовлетворительной. Штабы соединений недостаточно хорошо организовали учение, плохо оценивали обстановку по ходу учения, не подготавливали решений командирам соединений. В целом, БОУ-2 была поставлена оценка *«удовлетворительно»*⁴⁶⁶.

С целью повышения качества оперативной подготовки на Краснознаменном Балтийском флоте, 27 июня 1938 г. заместитель наркома ВМФ флагман флота 2-го ранга П. И. Смирнов-Светловский своим приказом № 244401сс потребовал от Военного совета КБФ провести в конце сентября на флоте маневры на тему *«Оборона главной базы с одновременным действием подводных лодок на коммуникациях противника и операциями надводного флота в море на значительном удалении от своих баз»*. Данные маневры должны были стать *«отражением качества боевой подготовки как всего флота в целом, так и отдельных его подразделений»*. Главное внимание на маневрах следовало уделить развитию у командно-начальствующего состава гибкости оперативного мышления, смелости, решительности и уверенности, основанной на хорошем знании театра, вероятных противников, тактических приемов и техники. Следовало также проверить реальность сроков оперативной и мобилизационной готовности КБФ и соответствие оперативных норм действительным потребностям⁴⁶⁷.

2 сентября командующий КБФ флагман 2-го ранга Г. И. Левченко отдал приказ № 1оп/330сс, где предупредил всех командиров и военкомов флота, что предстоящие маневры проводятся в условиях напряженной обстановки (имеется в виду политический кризис вокруг Чехословакии в сентябре 1938 г. – П. П.), а потому *«не исключена возможность провокационных действий со стороны сопредельных государств»*. Также Левченко отметил,

⁴⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 253. Л. 196-197.

⁴⁶⁵ Там же. Л. 197.

⁴⁶⁶ Там же. Д. 254. Л. 17.

⁴⁶⁷ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 431. Л. 1-1об. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 31. Л. 41.

что Военный совет КБФ обращает особое внимание командиров соединений, кораблей и частей на необходимость иметь полную боевую готовность боевых средств, и быть готовым перейти от условных к фактическим действиям⁴⁶⁸. Штаб КБФ приступил к работе по составлению плана предстоящих маневров, но она была внезапно прервана.

15 сентября 1938 г. заместитель наркома ВМФ флагман флота 2-го ранга П. И. Смирнов-Светловский в своем приказе сообщил Военному совету КБФ, что *«ввиду недостаточной подготовки флота в целом к проведению учебно-боевых операций в сложных условиях»*, общефлотские маневры необходимо отменить и вместо этого провести с 27 сентября по 1 октября большое отрядное учение, *«ориентированное на тему маневров»*. Учение должно было состоять из следующих частных учений: 1) Отмобилизование двух-трех соединений по указаниям ГМШ; 2) Организация ведения оперативной разведки на театре; 3) ПВО главной базы с фактическим использованием оружия зенитной артиллерии в дневных условиях; 4) Сосредоточенный удар всеми силами КБФ в дневных условиях, на Сескарском плесе; 5) Десантное учение с фактической высадкой батальона Кронштадтского стрелкового полка; 6) Поход эскадры в составе двух линкоров и четырех миноносцев до параллели Либавы вокруг о-ва Готланд⁴⁶⁹.

Причиной столь внезапной отмены маневров на Балтике стали результаты проверки боевой подготовки соединений, частей и кораблей КБФ, проведенной начальником Военно-морской инспекции ВМФ флагманом 2-го ранга К. О. Осиповым в период с 4 по 8 сентября 1938 г. В докладе первому заместителю наркома ВМФ Осипов констатировал, что в целом КБФ недостаточно подготовлен к проведению предстоящих маневров⁴⁷⁰. Далее Осипов перечислил наиболее крупные, на его взгляд, недостатки в боевой подготовке: *«Почти на всех кораблях вахтенные командиры молодые, не отработаны, к несению самостоятельной ходовой вахты не допущены. Командиры кораблей, особенно малых кораблей – дивизион сторожевых кораблей, миноносцев, значительная часть командиров подлодок – подготовлены плохо, и особенно плохо командиры кораблей Отряда учебных кораблей – "Курсант", "Ленинградсовет", "Комсомолец". Ни одно соединение не выполнило полностью задач боевой подготовки 1938 г.»*⁴⁷¹.

На заседании Главного военного совета ВМФ, состоявшемся 25-26 августа 1938 г., первым пунктом был поставлен вопрос о неблагоприятной ситуации с боевой подготовкой и высоким уровне аварийности на КБФ. Главный Военный Совет отметил значительное количество недостатков в системе БП на Краснознаменном Балтийском флоте и большое

⁴⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 431. Л. 5. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 31. Л. 46.

⁴⁶⁹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 431. Л. 2-3. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 31. Л. 44-45.

⁴⁷⁰ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 253. Л. 233.

⁴⁷¹ Там же. Л. 233-234.

количество аварий на надводных и подводных кораблях. В протоколе ГВС были зафиксированы крайне серьезные претензии к руководству КБФ. Отмечалось наличие ряда крупных, систематически повторяющихся аварий и катастроф на КБФ и отсутствие организованной борьбы с авариями и их виновниками. Значительная часть аварий происходила по причине нарушения основных правил кораблевождения.

Наблюдались низкие темпы в боевой подготовке личного состава флота. Огневая артиллерийская подготовка ряда соединений флота (Бригада линкоров, Северный и Южный укрепрайоны), имея хорошие показатели по выполнению плана в целом, отставала в тактической подготовке, особенно во взаимодействии с надводными кораблями, подводными лодками и ВВС. Взаимодействие однородных тактических и маневренных соединений для действий в дневных и ложных условиях было отработано недостаточно. К действиям маневренных соединений в дневных условиях в сложной обстановке и к ночным действиям флот не подготовился. Штурманская подготовка командиров кораблей и штурманов была плохой. Командирская учеба на кораблях, соединениях и в штабах в должной мере не была организована и не направлена на изучение новой техники.

Подготовка авиации не была доведена до требований боевой обстановки. Огневая подготовка проводилась лишь в простейших условиях. Не проводилось надлежащей тренировки бомбардировочной авиации в использовании боевых бомб и бомбометания по подвижным морским целям. Не был отработан воздушный бой истребителей с бомбардировщиками и разведчиками⁴⁷².

В итоге Главный военный совет ВМФ предписал Военному совету КБФ решительно покончить с аварийностью на кораблях и в авиации флота. От командования Балтийского флота требовалось закончить перемещения командиров на флоте и закрепить их на своих местах, а также мобилизовать личный состав на борьбу за дисциплину и исполнительность. Военному совету КБФ надлежало к 1 октября 1938 г. *«устранить разность уровней огневой и тактической подготовки»*. Тактическую подготовку надо было вести в сторону отработки взаимодействия как однородных тактических, так и маневренных соединений, параллельно готовя их к дневным и ночным действиям⁴⁷³.

Выводы Военно-морской инспекции ВМФ также повлияли на негативную оценку состояния боевой подготовки на Краснознаменном Балтийском флоте, изложенную в приказе № 0253 наркома ВМФ флагмана флота 2-го ранга П. А. Смирнова от 7 сентября 1938 года. Нарком подчеркнул, что на флоте *«имеется ряд крупных недочетов, которые в*

⁴⁷² РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 4. Л. 59-61.

⁴⁷³ Там же. Л. 61-63.

*значительной мере снижают достигнутые успехи и боевую подготовку в целом»*⁴⁷⁴. Одним из основных недостатков в боевой подготовке флота было отмечено большое количество аварий и катастроф на кораблях и в частях морской авиации. Нарком отмечал разрыв между уровнем огневой и тактической подготовки флота. Артиллерийская подготовка основных соединений КБФ отставала в тактическом отношении, а особенно во взаимодействии с надводными кораблями, подводными лодками и морской авиацией. К ночным действиям соединения флота и отдельные корабли КБФ оказались неподготовленными. Все указанные наркомом ВМФ недостатки в боевой подготовке КБФ в точности соответствовали выводам Военно-морской инспекции и мнению Главного военного совета ВМФ⁴⁷⁵.

Словно в подтверждение слов начальника Военно-морской инспекции и наркома ВМФ, 20 сентября 1938 г. подлодка КБФ «М-91» столкнулась с буксиром прямо в створе ленинградских маяков (человеческих жертв удалось избежать, а лодку пришлось поставить в док для ремонта), а 10 октября на южном фарватере в районе Красногорского рейда столкнулись эсминец «Володарский» и опытовое судно «Микула» (эсминец вышел из строя на две недели со стоимостью ремонта в 50 тыс. рублей). А ещё раньше, 22 августа произошло столкновение учебного корабля и «Ленинградсовет» с гидрографическим судном «Азимут», вследствие чего последнее затонуло. Жёсткая реакция наркома ВМФ не заставила себя долго ждать, подтверждением чему стали очередные его приказы № 0304 от 10 октября и № 0331 от 25 октября 1938 года. Новый нарком ВМФ командарм 1-го ранга М. П. Фриновский также призвал командный состав флота серьезно и немедленно *«взяться за изучение причин всех предыдущих аварий, за непрерывный контроль и подготовку своего подчиненного состава, в особенности командиров и комиссаров кораблей»*⁴⁷⁶.

В период с 27 по 30 сентября 1938 г. Краснознаменным Балтийским флотом было проведено большое отрядное учение (БОУ) № 4 на тему «Расширение плацдарма действий КБФ и недопущение прохода в восточную часть Финского залива эскадры линейных кораблей противника днем». Оперативный фон учения был составлен в соответствии с указаниями заместителя наркома ВМФ, которые, впрочем, были сокращены вследствие недостаточной подготовки флота в целом (отставание тактической подготовки). Основными целями на БОУ-4 являлись: 1) Оборона главной базы; 2) Совместные действия подводных лодок и авиации в удаленных районах; 3) Удар по маневренной базе противника; 4) Бой линкоров в море с взаимодействием с подлодками днем; 5) Эскорт подлодок, рандеву с ними

⁴⁷⁴ Библиотека РГА ВМФ. Секретные приказы наркома ВМФ за 1938 год. Приказ наркома ВМФ № 0253 от 7 сентября 1938 г.

⁴⁷⁵ Там же.

⁴⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 2. Л. 184-186. Библиотека РГА ВМФ. Секретные приказы наркома ВМФ за 1938 год. Приказы наркома ВМФ № 0304 от 7 сентября 1938 г. и № 0331 от 25 октября 1938 г.

и прорыв противолодочного барража противника; б) Совместные удары линкоров, легких сил и ВВС по линкорам противника в восточной части Финского залива⁴⁷⁷.

Полезно будет ознакомиться с основными замечаниями Штаба КБФ по проведению БОУ-4. Большие нарекания вызвала подготовка к учению штаба «восточной» стороны. Очень много времени штаб потратил на различные совещания и разговоры. Недостаточная организованность в работе в значительной мере помешала работе штаба, который не имел *«твердого плана работы»*. Непрерывно, по ходу подготовки, в план вносились многочисленные изменения и дополнения, что привело к путанице и неясности задач. Штабы соединений работали крайне медленно и неорганизованно, подчиненными частями почти не руководили. По итогам БОУ командованием было признано, что *«несмотря на текучесть (начальник оперативного отдела менялся 4 раза), случайность состава и, несмотря на то, что все командиры штаба впервые работали в большом штабе, штаб Восточной стороны выполнил свою задачу удовлетворительно»*⁴⁷⁸.

«Западная» сторона являла собой совершенно противоположный пример. Все необходимые документы по учению были подготовлены штабом своевременно и разосланы по всем соединениям и частям. Командующий «западной» стороной флагман 2-го ранга С. П. Ставицкий вместе с начальником штаба капитаном 2-го ранга В. К. Васильевым провели тщательный инструктаж подчиненных частей и кораблей⁴⁷⁹.

Основные нарекания пришлось на неграмотные действия командиров соединений «восточной» стороны, прежде всего командира Бригады линкоров. Ему было поставлено в вину неграмотное маневрирование и построение эскадры перед прорывом. Сплаванность кораблей эскадры в походе была признана недостаточной и объяснялась исключительно омоложением части командиров. Командиры многих кораблей неоднократно допускали грубые ошибки при маневрировании. Походный строй эскадры при движении оказался слишком растянутым. Эскадренные миноносцы находились в самом конце кильватерной колонны, причем на таком расстоянии, что в случае боя они не успевали выйти в атаку⁴⁸⁰.

Самые большие сложности для «восточных» начались при прорыве неприятельского противолодочного рубежа. Данный эпизод, по оценке руководства учением, прошел *«скомканно»* и *«практически проталкивание не удалось бы, особенно если бы противник располагал авиацией на ближайших аэродромах»*. Действия командира Бригады линкоров Н. Н. Несвицкого были признаны полностью неправильными, ибо своими действиями он *«демаскировал операцию, обозначил место и время прорыва, больше часу топтался на*

⁴⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 431. Л. 316.

⁴⁷⁸ Там же. Л. 318, 344, 347.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 318.

⁴⁸⁰ Там же. Л. 277-280.

месте, скованный позицией противника и подставив себя под удар противника». Грубейшим просчетом Несвицкого было названо то, что он ввязался в бой, даже не построив Эскадру в боевой порядок⁴⁸¹.

Артиллерийский бой между линкорами и неприятельским броненосцем (эту функцию исполнял крейсер «Киров») протекал неорганизованно со стороны «восточных» и никем не управлялся. Линейные корабли «восточных» поздно открыли огонь, упустив шанс уничтожить броненосец «западных» на выгодной для себя дистанции. Вместо этого, они опасно сблизилась с неприятелем, предоставив ему возможность расстреливать себя на минном поле. Из этого факта был сделан вывод, что команды кораблей не придают значения борьбе за первый залп, имеющий большое значение в морском бою⁴⁸².

В отличие от неграмотных действий «восточной» стороны по прорыву минно-артиллерийской позиции, командующий «западной» стороной С. П. Ставицкий⁴⁸³ весьма умело распорядился имевшимися у него силами. Используя плохую видимость, броненосцы береговой обороны «западных» отсекали и уничтожали вырвавшиеся вперед эсминцы «восточных», в то же время, не подставляя себя под огонь неприятельских линкоров. Лишь явная слабость сил «западных», которые не располагали в районе минно-артиллерийской позиции авиацией и торпедными катерами, не позволяла нанести сосредоточенного удара по линкорам «восточных» и поставить их в критическое положение⁴⁸⁴.

Руководством учения была отмечена недооценка обеими сторонами всех видов разведки. Выход эскадры «красных» из базы не был своевременно замечен и длительное время не контролировался разведкой «синих». В то же время, командующий эскадрой «красных» Н. Н. Несвицкий подошел к противолодочному рубежу противника, предварительно не разведав его. В результате, «красные» в очередной раз (это уже наблюдалось на учении 1937-го года – П.П.) подставили себя под возможный комбинированный удар воздушных и надводных сил «синих»⁴⁸⁵. Таким образом, реальная обстановка в ходе проведения БОУ, *«в динамике, как она слагалась в каждый данный момент, не наблюдалась»⁴⁸⁶.*

Общий вывод по проведенному учению оказался, как и прежде, носил сдержанный характер. Несмотря на стандартную оптимистическую формулировку (*«КБФ овладел методом сложного взаимодействия всех сил в ударе и в бою, на базе БУМС-37, с применением его к специфическим условиям местности»*), здесь же было указано, что оценка

⁴⁸¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 431. Л. 282-283.

⁴⁸² Там же. Л. 287-288.

⁴⁸³ Один из крупнейших советских морских теоретиков, известный своими работами по вопросам общей тактики морских сил и тактики морской артиллерии.

⁴⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 431. Л. 286.

⁴⁸⁵ Там же. Л. 288-289.

по итогам БОУ *«может быть дана только удовлетворительная (на сегодня), т.к. практического овладения всеми тактическими приемами еще нет»*⁴⁸⁷. Среди наиболее крупных недостатков были указаны неграмотные действия многих командиров надводных кораблей при сближении и организации боя с противником, слишком позднее и рискованное развертывание сил авиации, плохо отработанные приемы постановки дымовых завес, разворота и отхода надводными кораблями. Относительно работы Штаба КБФ во время учения отмечалось, что он не имеет той тщательности в работе и того уровня штабной культуры, который гарантирует командование от неожиданностей и срывов⁴⁸⁸.

Таким образом, решающего прорыва в боевой, и прежде всего, в оперативно-тактической подготовке личного состава в 1938-м году так и не было достигнуто. Более того, наметился явный регресс и ухудшение боевой подготовки флота по большинству видов. Это ухудшение было вызвано большим количеством назначений молодых, неподготовленных командиров флота на новые должности в связи с резким ростом Советского ВМФ в конце 1930-х гг. и отчасти с прокатившимися по флоту политическими репрессиями. (Причем, здесь стоит заметить, что и многие из репрессированных впоследствии командиров КБФ допускали большое количество грубых ошибок на учениях и играх, что свидетельствовало о невысоком уровне их оперативной и тактической подготовки.)

В «Отчете по боевой подготовке Военно-Морского Флота СССР за 1938 год», составленном Управлением боевой подготовки ВМФ, с фальшивым пафосом утверждалось, что *«проведенное и проводимое очищение флота от всех враждебных элементов и их последышей освободило флот от ненужного мусора, бременем сидевшего на флоте и тормозившего боевую подготовку и боеготовность флота»*. На флоте в течение года происходили массовые перемещения большого количества командиров, что неизбежно сказалось на уровне боевой подготовки ВМФ. Вполне логичным представляется общий вывод в итоговой части отчета: *«...Несмотря на некоторые достигнутые успехи, Военно-Морской Флот приказа Народного Комиссара Обороны Союза ССР № 0112 не выполнил, и Флот имеет еще очень много недочетов в боевой подготовке»*⁴⁸⁹.

По мнению УБП, Краснознаменный Балтийский флот за 1938-й год имел некоторые достижения в боевой подготовке. Соединениям флота удалось отработать сравнительно удовлетворительно некоторые оперативные задачи: 1) взаимодействие надводных и подводных сил с авиацией при нанесении ударов по противнику на значительном удалении от баз; 2) глубокий охват и почти полное главных сил противника при обороне главной базы;

⁴⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 431. Л. 302-303.

⁴⁸⁷ Там же. Л. 297.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 297-302.

⁴⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 252. Л. 1, 4.

3) оперативная разведка Финского залива при взаимодействии всех разведывательных сил; 4) обеспечение выхода Эскадры и подводных лодок в простейших условиях; 5) ночные совместные минные постановки с надводных кораблей при противодействии легких сил и ВВС противника; 6) скрытые минные постановки одиночных подлодок на выходах из баз противника⁴⁹⁰.

С другой стороны, целый ряд важнейших оперативно-тактических вопросов остались нерешенными, ввиду чего КБФ не смог овладеть всеми тактическими приемами для нанесения ряда последовательных ударов по флоту противнику в море, при взаимодействии надводного и подводного флотов с авиацией. Остались нерешенными такие важные задачи, как внезапные удары по базам противника днем и ночью при взаимодействии надводного флота с авиацией, содействие флангу наступающих сухопутных войск путем высадки тактического десанта и огневой поддержки, обеспечение своих коммуникаций, нарушение морских сообщений противника; оперативная разведка всего театра и в сложных метеоусловиях (туман и малая видимость) при взаимодействии всех разведывательных сил и средств⁴⁹¹.

Общие выводы Управления БП ВМФ по итогам боевой подготовки флотов за 1938-й год состояли в следующем. Во-первых, поставленная приказами наркома обороны СССР № 0109 и № 0112 задача по овладению сложными формами боя осталась невыполненной и потому требовала дальнейшей углубленной проработки. Во-вторых, отмечалась неудовлетворительная оперативно-тактическая подготовка командного и начальствующего состава всех ступеней. Командиры соединений и кораблей плохо учили своих подчиненных и не следили за повышением уровня их оперативно-тактической подготовки. Подготовка командующих флотами, начальников штабов и командиров соединений вообще *«отсутствовала»*. Штабы соединений, как органы боевого управления, не были сколочены и отработаны⁴⁹².

Выход из создавшейся ситуации виделся командованию ВМФ в изменении системы ступенчатой последовательности боевой подготовки на флотах. Огневую подготовку было предложено отрабатывать одновременно с тактической. Подготовку однородных соединений, как и огневую подготовку, следовало начинать с самого начала летней кампании. Необходимо было также уменьшить количество больших и малых отрядных учений и за счет этого повысить их качество. Особое внимание следовало обратить на ликвидацию штурманской и морской неграмотности. На учения нужно было привлекать корабли и части в строгой зависимости от степени их подготовленности, не нарушая

⁴⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 252. Л. 6-7.

⁴⁹¹ Там же. Л. 7-8.

последовательности подготовки и не сокращая оперативно-тактического содержания учений⁴⁹³.

В составленном начальником Штаба КБФ капитаном 1-го ранга В. Ф. Трибуцем «Отчете по боевой подготовке КБФ 1.01–1.10.1938 г.» давалась в целом нелицеприятная оценка ситуации с подготовкой на флоте. Прежде всего, начальник Штаба остановился на общем состоянии дисциплины, которая, по его словам, была *«на недостаточно высоком уровне и не отвечает предъявляемым требованиям»*⁴⁹⁴. Особенно тяжелым явлением было массовое пьянство среди командиров и краснофлотцев и большое количество случаев неисполнения приказаний, что В. Ф. Трибуц объяснял плохой работой политических органов КБФ *«по ликвидации последствий вредительства»*, низкой требовательности командного состава, а также плохой организацией проверки исполнения приказов. В худшую сторону по состоянию дисциплины выделялись Бригада эсминцев, Отряд учебных кораблей и Южный укрепрайон⁴⁹⁵.

Всего в течение 1938-го года Краснознаменным Балтийским флотом было проведено 4 оперативные игры, 3 больших (БОУ) и 23 малых (МОУ) отрядных учения. Несмотря на столь интенсивную деятельность флота, результаты большинства учебно-практических мероприятий оказались невысокими. Начальник Штаба КБФ подверг критике практику назначения вышестоящим руководством слишком большого количества отрядных учений, что вызывали излишнее перенапряжение в БП, что в свою очередь, приводило к низкому тактическому уровню и упрощенчеству на проводимых учениях. Тактический фон на БОУ и МОУ излишне упрощался также ввиду того, что из-за большого их количества, к участию в них приходилось привлекать корабли с разной степенью боевой готовности⁴⁹⁶.

Основываясь на результатах, достигнутых соединениями флота в ходе учений, начальник Штаба КБФ В. Ф. Трибуц пришел к весьма спорному выводу: *«Флот в целом – готов к выполнению главной задачи “овладения сложными формами морского боя в операции, основанными на тесном взаимодействии надводного и подводного флота с авиацией, для нанесения мощных, сосредоточенных ударов днем по флоту противника в открытом море и при бое в своем укрепленном районе”*. К ночным действиям и действиям по базам противника флот подготовлен недостаточно»⁴⁹⁷. Представляется, что в данном случае начальник Штаба КБФ явно выдавал желаемое за действительное, сильно преувеличивая достигнутые успехи и пытаясь всячески преуменьшить допущенные промахи.

⁴⁹² РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 252. Л. 233.

⁴⁹³ Там же. Л. 234-235.

⁴⁹⁴ Там же. Д. 254. Л. 4.

⁴⁹⁵ Там же. Л. 4.

⁴⁹⁶ Там же. Л. 17-18.

⁴⁹⁷ Там же. Л. 121.

В декабре 1938 г. в Москве проводилось совещание Главного военного совета ВМФ, на котором командующий КБФ флагман 2-го ранга Г. И. Левченко и член Военного совета флота дивизионный комиссар А. А. Муравьев выступали с докладом, посвященном боевой подготовке Балтийского флота в текущем году. Военный совет Балтфлота поспешил признать имевшееся на флоте отставание в прохождении боевой подготовки, которое составляло *«около 2-х шестидневок»*. Далее докладчики были вынуждены признать, что на КБФ образовался опасный разрыв между уровнем огневой и тактической подготовки⁴⁹⁸.

Первоначально Военный совет КБФ оценил ситуацию с огневой подготовкой на флоте. Здесь, по мнению Военного совета флота, положение было вполне удовлетворительным. Артиллерийские стрельбы основных соединений флота (Бригада линкоров и Береговая оборона) были выполнены успешно. Отставание по стрельбам главным калибром имелось в Бригаде эсминцев, Дивизионе сторожевых кораблей и Южном укрепрайоне. Причиной данного отставания, по мнению Военного совета флота, являлось недостаточное руководство со стороны вышестоящих штабов и задержки в ремонте материальной части⁴⁹⁹.

Торпедные стрельбы на бригадах подлодок были выполнены в целом удовлетворительно. На 1-м дивизионе эсминцев были отработаны лишь простые задачи в соответствии с Курсом боевой подготовки надводных кораблей (КНК), наибольшее невыполнение плана было по минным постановкам. Хуже всего обстояли дела на Дивизионе сторожевых кораблей, где торпедные атаки и минные постановки были *«в зачаточном состоянии»*. Организация использования минно-торпедного оружия на ДСКР находилась на низком уровне, а командиры батарей, недавние выпускники ВМАУ (!), правил торпедной стрельбы и правил применения минно-торпедного оружия вообще не знали⁵⁰⁰.

Зато с тактической подготовкой в соединениях КБФ дела обстояли значительно хуже. Боевое управление внушало большие опасения, поскольку штабы соединений как органы боевого управления еще не соответствовали своему назначению. Ряд командиров соединений не вполне понимали свою роль в управлении ими, терялись во время учений. Тактическая подготовка в соединениях имела множество недостатков. Взаимодействие эсминцев с торпедными катерами так и не удалось организовать. Командиры эсминцев не понимали своей задачи и не знали, кто должен давать сигнал атаки торпедным катерам и что с ними делать дальше. В итоге, торпедные катера вышли в атаку без всякого прикрытия и были отогнаны неприятельским огнем⁵⁰¹.

⁴⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 253. Л. 253.

⁴⁹⁹ Там же. Л. 253.

⁵⁰⁰ Там же. Л. 253-254.

⁵⁰¹ Там же. Л. 254-256.

По боевой подготовке соединений Военным советом флота был сделан ряд принципиальных замечаний. Во-первых, командно-начальствующий состав кораблей плохо знал руководящие документы по БП (особенно на эсминцах и подлодках). Во-вторых, боевая подготовка в соединениях КБФ очень плохо планировалась, а планы боевой подготовки либо составлялись формально (Бригада эсминцев, 1-я бригада подлодок), либо отсутствовали вовсе (Дивизион сторожевых кораблей). В-третьих, командирская учеба продолжала оставаться наиболее слабым участком работы вышестоящих начальников. В-четвертых, учет боевой подготовки почти во всех частях был признан недостаточным. Очень низким был уровень дисциплины на флоте⁵⁰².

Несмотря на тревожное состояние дел с боевой подготовкой на флоте, командование КБФ пыталось всячески затушевать имевшиеся недостатки и представить ситуацию в более выгодном для себя свете. Поэтому в итоговой части доклада допускалось привычное приукрашивание общих выводов по боевой готовности Краснознаменного Балтийского флота, который, естественно, пребывал «во всеоружии». Более того, в своем стремлении выставить флот в качестве самого передового, Военный совет КБФ даже утверждал, что по огневой подготовке, боеготовности частей, работе Штаба флота Краснознаменный Балтийский флот превзошел даже Черноморский (!)⁵⁰³.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что результаты боевой подготовки на Балтике в период 1937-1938 гг. были откровенно плохими. Большинство учебно-практических мероприятий КБФ имели неудовлетворительные оценки, а в 1938-м году высшее командование РККФ пошло даже на беспрецедентный шаг: отменило общефлотские маневры, ссылаясь на общий низкий уровень подготовки флота. Даже если удавалось выполнить отдельные боевые задачи, при этом подчеркивалось, что они исполнялись в самых простейших, элементарных условиях, какие на войне вряд ли сложатся.

Необходимо заметить, что большинство высших командиров КБФ на играх и учениях в 1937-1938 гг. действовали довольно неудачно, проявляли формализм и поверхностность в оценке обстановки, прибегали к шаблонам, постоянно недооценивали силы и возможности противника. Причем, это относится не столько к молодым командирам, выдвинутым в результате репрессий 1937-1938 гг., сколько к уже достаточно опытным командирам соединений (К. И. Самойлов, Н. Н. Несвицкий, Г. Г. Виноградский и др.). Иными словами, низкий профессиональный уровень многих представителей КНС флота носил скорее системный, нежели временный характер.

⁵⁰² РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 253. Л. 258.

⁵⁰³ Там же. Л. 260.

Очень важным и противоречивым моментом, на котором обычно строятся выводы многих авторов относительно причин снижения боеготовности РККА и РККФ в конце 1930-х годов, являются массовые политические репрессии 1937-39 гг. среди командных кадров. Как правило, большинство исследователей всячески абсолютизируют негативное влияние этого фактора на состояние подготовки КНС Вооруженных сил СССР накануне Великой Отечественной войны, утверждая, что именно они нанесли огромный ущерб обороноспособности страны. Применительно к Красной Армии и Военно-Морскому Флоту излишне часто повторяется привычный тезис о громадном ущербе, нанесенном репрессиями подготовке командного состава.

Например, в таком авторитетном труде как «Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917-1941» утверждается, что *«на оперативно-тактической подготовке его командного состава весьма отрицательно сказались репрессии 1937-1939 гг., в ходе которых было необоснованно арестовано и уволено из ВМФ более 3000 человек командного и политического состава»*⁵⁰⁴. Однако, ни в этом, ни в других исследованиях не приводится никаких аргументов, свидетельствующих о том, что именно репрессии стали основной причиной снижения уровня боевой подготовки командно-начальствующего личного состава флота. Также не приводится никаких статистических данных, которые бы наглядно свидетельствовали об ухудшении оперативно-тактической подготовки КНС по сравнению с предыдущим периодом. Ведь понятно, что репрессии не могли сказаться на самой методике проведения оперативной и тактической подготовки командиров, поскольку она оставалась неизменной все эти годы.

Учитывая приведенные выше факты, представляется более обоснованным тезис о том, что оперативная, тактическая, морская, техническая и другая подготовка командно-начальствующего состава Краснознаменного Балтийского флота и в период до весны-лета 1937-го года, и в последующий период (1937 – 1941 годы) находилась на одном и том же, к сожалению, достаточно низком уровне. Значительные недостатки в боевой подготовке Военно-Морского Флота были следствием неудовлетворительной подготовки морских командиров в системе военно-морских учебных заведений страны и довольно формально организованного процесса учебно-практических мероприятий на флоте. Нельзя не заметить, что многие ошибки и промахи, допускаясь на играх и учениях КБФ в 1935-1936, а затем и в 1937-1938 гг. неоднократно повторялись и свидетельствовали о глубинных причинах неудовлетворительного положения в самой системе организации боевой подготовки на флотах и подготовки командных кадров в военно-учебных заведениях страны.

§ 3. Боевая подготовка Краснознаменного Балтийского флота в 1939 году

17 января 1939 г. новый нарком ВМФ командарм 1-го ранга М. П. Фриновский утвердил «План учебных мероприятий по оперативно-тактической подготовке на 1939 год» командно-начальствующего состава КБФ. Данный план, разработанный начальником Главного морского штаба ВМФ флагманом флота 2-го ранга Л. М. Галлером, предусматривал проведение разнообразных игр и учений для того, чтобы командиры соединений и частей Балтийского флота получили опыт самостоятельного решения оперативных задач. Среди учебно-практических мероприятий Балтийского флота фигурировали следующие: 1) оперативная игра с проработкой всех вопросов тыла; 2) совместная оперативная игра ЛВО и КБФ, под руководством Военного совета ЛВО; 3) авиационная оперативная игра с проработкой всех вопросов тыла, под общим руководством командующего ВВС КБФ; 4) 10-дневный сбор штабов; 5) учение по боевому управлению с фактическим использованием средств связи; 6) полевая оперативная поездка во взаимодействии с ЛВО; 7) двухнедельное зачетное учение флота с рядом последовательных и параллельных операций⁵⁰⁵.

11 января наркомом ВМФ Фриновским были утверждены темы для больших и малых отрядных учений КБФ на 1939-й год. Для больших отрядных учений были определены две темы – «Дневной артиллерийский бой линкоров с линкорами противника на открытом плесе совместно с авиацией и легкими силами флота в условиях широкого применения дымов и при использовании быстроходных подводных лодок» и «Нанесение ударов по укрепленной базе противника при взаимодействии авиации, надводного и подводного флота»⁵⁰⁶. В качестве тем для малых отрядных учений, были даны: 1) совместные атаки ВВС, эсминцев и торпедных катеров по главным базам или по десанту противника под прикрытием дымовых завес; 2) дневной артиллерийский бой линкоров с тяжелыми береговыми батареями противника на подавление их огня при корректировке с самолета; 3) активное содействие флангу наступающих сухопутных войск огневой поддержкой и высадкой тактического десанта; 4) вывод подводных лодок в Балтийское море с преодолением противолодочных преград и действия подлодок при маневренном их использовании на морских коммуникациях противника, во взаимодействии с авиацией; 5) ночные скрытые минные

⁵⁰⁴ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917-1941. С. 626.

⁵⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 485. Л. 41. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 84. Л. 11.

⁵⁰⁶ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 84. Л. 15.

постановки сторожевых кораблей, эсминцев, лидеров и минных заградителей в условиях противодействия противника⁵⁰⁷.

Основываясь на результатах боевой подготовки за 1938-й год, нарком ВМФ командарм 1-го ранга М. П. Фриновский в своем приказе № 010 от 17 января 1939 г. отметил, что *«оперативно-тактическая подготовка командного и начальствующего состава флота и авиации стоит на низком уровне»*. Командирская учеба была организована плохо, тактический рост командиров был признан наркомом недостаточным. Большим недостатком являлась плохо отработанная оперативная разведка театра при взаимодействии всех разведывательных сил и средств. Сплаванность и слетанность соединений надводных сил и ВВС была признана низкой. Командный состав не смог овладеть тактическим использованием средств связи. По мнению наркома ВМФ, огневая подготовка проводилась еще в упрощенных условиях и в отрыве от тактической подготовки⁵⁰⁸.

Исходя из вышесказанного, нарком ВМФ поставил перед Военно-Морским Флотом основную задачу на 1939-й год – поднять оперативно-тактический уровень подготовки командного и начальствующего состава и штабов, обратив при этом особое внимание на командиров соединений. Флотам также следовало быстро освоить новую боевую технику и покончить с аварийностью. Главной задачей оперативно-тактической подготовки следовало считать *«овладение дерзкой, смелой и вместе с тем расчетливой тактикой последовательных ударов в наивыгоднейших условиях по частям сил противника и по всей глубине боевых порядков его флота и десанта»*. В качестве частных задач, следовало отработать: 1) Активное содействие флангу наступающих сухопутных войск высадкой тактического десанта и огневой поддержкой; 2) Обеспечение своих коммуникаций и нарушение морских сообщений противника; 3) Оперативную разведку театра на основе взаимодействия всех разведывательных сил и средств. Нарком ВМФ также потребовал считать главной задачей в отработке боевого управления подготовку штабов всех степеней, как органов боевого управления⁵⁰⁹.

8 февраля 1939 г. начальник Главного морского штаба ВМФ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер составил перечень тем для военных игр и разъяснил их цели. Оперативная игра на тему «Расширение операционной зоны КБФ в восточной части Финского залива с одновременным содействием флангам наступающей Красной Армии» ставила своей целью тренировку в расчётах по операции захвата островов в восточной части Финского залива и по закреплению захваченной зоны, отработку организации взаимодействия и боевого

⁵⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 84. Л. 15-16.

⁵⁰⁸ Библиотека РГА ВМФ. Секретные приказы и директивы НКВМФ за 1939 год. Приказ наркома ВМФ № 010 от 17 января 1939 г.

⁵⁰⁹ Там же.

управления в операции, а также организацию огневого содействия флангу наступающей армии⁵¹⁰.

Авиационная игра под названием «Взаимодействие с флотом при выводе и обратном возвращении подводных лодок, действующих на морских коммуникациях» предусматривала, во-первых, организацию совместных действий с подлодками и надводным флотом при форсировании преград, во-вторых, отработку методов «*по запрещению противнику пользования шхерными фарватерами*», и, в-третьих, организацию оперативной разведки на Балтийском театре. Было также запланировано учение по боевому управлению на тему «Управление подводными лодками, действующими на коммуникациях и у баз противника» для отработки организации разведки коммуникаций противника на театре военных действий, организацию взаимодействия подлодок с воздушной разведкой на театре и связи с подлодками для их маневренного использования в операции⁵¹¹.

Помимо тем общевфлотских игр, Л. М. Галлер направил 28 февраля 1939 г. Военному совету КБФ перечень персональных оперативных задач для командиров соединений (всего было 11 тем). Военный совет КБФ должен был распределить задачи между командирами по своему усмотрению. Самая важная задача («Совместные с Красной армией действия по овладению побережьем и шхерным районом восточной части Финского залива при одновременных операциях по срыву перевозок противника в Балтийском море») досталась командиру Бригады линкоров, задача «Решение по организации содействия флангу Красной армии при продвижении ее в шхерах» – командиру Бригады миноносцев, задача «Операции по длительному действию подлодок на коммуникациях и у баз противника» – командиру 1-й бригады подводных лодок, тема «Поиск и уничтожение флота противника, базирующегося на шхерный район» – командующему ВВС КБФ и т.д.⁵¹². Свое решение командирам следовало представить в рукописном виде к 1 июля через начальника 1-го отдела Штаба КБФ. Из девяти командиров соединений, получивших персональные задания, только два (!) представили свои решения, остальные указали на занятость текущей работой⁵¹³.

Наиболее важной являлась двухсторонняя оперативная игра на тему «*Расширение операционной зоны КБФ в восточной части Финского залива с одновременным содействием флангам наступающей Красной армии*», проводившаяся по приказу начальника Главного морского штаба ВМФ с 26 по 28 марта 1939 г. Игра была совместной – с привлечением двух представителей от Штаба ЛВО, которые предварительно согласовали вопросы своего

⁵¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 485. Л. 43. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 84. Л. 25. Д. 98. Л. 6.

⁵¹¹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 485. Л. 43. Д. 491. Л. 1. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 84. Л. 25. Д. 98. Л. 6.

⁵¹² Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1012. Л. 21. Оп. 2. Д. 485. Л. 1.

⁵¹³ *Белокопытов К. Н.* Боевое управление при подготовке и проведении блокады побережья противника, десантных операций по занятию островов и действий ОССБ зимой на льду. Л., 1942. С. 8. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1012. Л. 21.

участия с начальником Штаба КБФ капитаном 1-го ранга А. П. Шергиным. Оперативная игра преследовала следующие цели: 1) Тренировка в расчётах по операции захвата островов в восточной части Финского залива; 2) Отработка организации взаимодействия и боевого управления в операции и в захваченной зоне; 3) Производство расчётов и отработка организации по закреплению захваченной зоны; 4) Организация огневого содействия флангам наступающей Красной армии; 5) Организация боевого питания сил в операции и при дальнейшем их базировании на острова⁵¹⁴.

Перед силами «красной» стороны была поставлена важная задача – захватить с помощью десанта острова в восточной части Финского залива и вооружить их. Военно-воздушным силам поручалось самостоятельными действиями по базам и аэродромам противника добиться господства в воздухе на время операции по захвату островов; поддержать действия отряда высадки десанта и отряда прикрытия; совместными с подлодками действиями уничтожить транспорта с экспедиционным корпусом противника на переходе в порты Финского залива. Подводным лодкам следовало прикрыть высадку десанта со стороны шхер, а также с запада от возможного нападения надводных кораблей «синей» стороны. «Синяя» сторона должна была не допустить захвата флотом «красных» островов в восточной части Финского залива, а также надёжно обеспечить перевозку экспедиционных войск из портов Гдыня и Пиллау в порты Хельсинки и Ханко⁵¹⁵.

По итогам оперативной игры ее руководство отметило, что получены *«очень ценные данные в методе планирования, подготовки и проведения операции по захвату островов – важнейшей для начального этапа войны на нашем театре»*⁵¹⁶. В процессе игры выяснилось, что на начальном этапе боевых действий целесообразно сосредоточить все силы на занятии островов Суурсаари и Суур-Тютерсаари, поскольку более мелкие острова перекрывались огнем береговых батарей и их занятие не представляло особого труда. Кроме того, командное положение о-ва Суурсаари над другими островами и выходом из Котка имело первостепенное значение⁵¹⁷. Игра также показала, что ВВС будут играть решающую роль в обеспечении успеха всей операции, действуя совместно с надводными и подводными силами. Было также отмечено, что подготовку к данной операции нужно проводить еще в мирное время, *«так как каждый день военных действий позволяет противнику укреплять острова и превращает захват островов в чрезвычайно сложную операцию»*. В качестве

⁵¹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 98. Л. 7, 77. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 492. Л. 3. Д. 488. Л. 29.

⁵¹⁵ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 98. Л. 81-82.

⁵¹⁶ Там же. Л. 119.

⁵¹⁷ Там же. Л. 119. Во время советско-финляндской войны командование КБФ поступило прямо противоположным образом: она начало с захвата всех мелких островов, а завершило десантные операции захватом самого крупного острова – Гогланд (Суурсаари).

крупного недостатка была отмечена недостаточная отработка взаимодействия и боевого управления в сложной операции⁵¹⁸.

По мнению начальника Штаба КБФ А. П. Шергина, игра указала на целый ряд вопросов, которые остались плохо отработанными: 1) Борьба с инженерными сооружениями у мест высадки десанта; 2) Боевое управление в десантной операции; 3) Взаимодействие всех сил и средств, выполняющих данную операцию; 4) Техника высадки, порядок подхода десанта. В целом, данная игра дала хорошую практику командирам и начальникам штабов соединений КБФ в оценке обстановки, принятии решения и разработке боевых оперативных документов, а степень подготовки командного состава заметно повысилась, что было видно из вполне грамотных решений задач большинством командиров⁵¹⁹.

Командование КБФ приняло непосредственное участие в окружной оперативной игре, проводившейся под руководством Военного совета ЛВО 19 апреля 1939 г.⁵²⁰ и имевшей своей целью отработать взаимодействие между Балтийским флотом и войсками Ленинградского военного округа. В игре приняли участие 22 командира от КБФ: 15 человек – на стороне «красных» и 7 человек – на стороне «синих»⁵²¹.

Перед флотом «красных» были поставлены следующие задачи: 1) Уничтожить флот «синих» и «зеленых»; 2) Удерживать островной район, не допуская прохода кораблей противника к востоку от меридиана Суурсаари; 3) Содействовать артиллерийским огнем наступлению 2-й армии на Виипури и Раквере. Ладожская военная флотилия «красных» имела своей задачей уничтожить флотилию «синих» на Ладогe и обеспечить фланги армии от возможной высадки десанта противника в тылу наших войск. Флот «синих» и Ладожская флотилия противника должны были прикрыть тыл своей армии от десантов «красных» с Финского залива и Ладожского озера и поддержать артиллерийским огнем действия армии на флангах⁵²².

По итогам окружной оперативной игры руководство пришло к тому выводу, что обе стороны не использовали в полной мере силы флота. В частности, надводные корабли мало применялись для поддержки флангов армии. Во-вторых, была отмечена значительная роль авиации в начальный период боевых действий, особенно в условиях стесненного маневрирования крупных кораблей противника в Финском заливе. Массирование сил авиации для решения данной задачи могло быть достигнуто лишь при условии тесного взаимодействия с ВВС ЛВО. Отсюда последовал вывод о необходимости в мирное время

⁵¹⁸ РГА ВМФ Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 98. Л. 119, 121-122.

⁵¹⁹ Там же. Л. 122.

⁵²⁰ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 488. Л. 32, 71. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 98. Л. 51.

⁵²¹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 98. Л. 52-54.

⁵²² Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 488. Л. 101.

тренировать части авиации ЛВО во взаимодействии с ВВС КБФ, для чего организовать несколько совместных учений⁵²³.

В целом, командование КБФ положительно оценило результаты совместной оперативной игры. Было достигнуто взаимное понимание во всех звеньях командования в части тех задач, которые придется решать сухопутным войскам и флоту. Командиры флота усвоили понимание борьбы на сухопутном фронте, на конкретном участке театра военных действий. Были должным образом оценены возможности помощи армии со стороны КБФ и поддержки, которую может оказать ему армия. Вопросы взаимодействия ЛВО с КБФ было решено отработать в ходе предстоящей летней боевой подготовки частей округа и кораблей флота⁵²⁴.

В период с 16 по 17 марта 1939 г. на Краснознаменном Балтийском флоте была проведена двухсторонняя оперативно-тактическая авиационная игра на тему *«Взаимодействие с флотом при выводе и обратном возвращении подводных лодок, действующих на морских коммуникациях»*. Учебные цели игры сводились к следующему: 1) Организация совместных действий с подлодками и надводным флотом при форсировании преград; 2) Отработка методов по запрещению противнику пользоваться шхерными фарватерами; 3) Отработка ПВО кораблей при их движении вплоть до выхода в Балтийское море; 4) Организация оперативной разведки на Балтийском театре⁵²⁵.

По итогам авиационной игры, были сделаны следующие важные выводы: 1) Методы по запрещению противнику пользоваться шхерными фарватерами отработаны еще не полностью; 2) Недостаточно отработано взаимодействие ПВО кораблей и ВВС при выходе флота из базы и на переходе; 3) Недостаточно отработана организация оперативной разведки на театре⁵²⁶.

Штабы всех соединений и частей Краснознаменного Балтийского флота также получили на весенний период 1939-го года задание организовать и провести на флоте одностороннюю игру, с фактическим использованием средств связи, а также учение по боевому управлению, с частичным развёртыванием действующих соединений флота. Тема для игры и учения была одна и та же: *«Огневая поддержка фланга наступающих сухопутных войск Южной Приморской группы и захват островов Суурсаари и Суур-Тютерсаари»*. Основной учебной целью игры и учения было определено взаимодействие штабов соединений по боевому управлению в десантной операции.

⁵²³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 488. Л. 108-109.

⁵²⁴ Там же. Л. 110.

⁵²⁵ Там же. Д. 491. Л. 17.

⁵²⁶ Там же. Л. 26.

В качестве частных учебных целей были поставлены следующие: 1) Дать практику командирам штабов и кораблей в оценке обстановки, в производстве оперативно-тактических расчётов, по ведению карты обстановки и пр.; 2) Дать тренировку в использовании средств связи соединениями, кораблями и частями флота; 3) Отработать код и шифровальные посты. В состав участников учения и игры входили штабы ВВС, Бригады линкоров, 1-й бригады миноносцев, Бригады заграждения и траления, Бригады торпедных катеров, Охраны водного района, Отряда учебных кораблей, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й бригад подводных лодок, а также других соединений флота⁵²⁷.

В ходе проведения игры и учения лучше всех показали себя штабы 1-й и 4-й бригад подлодок, Бригады торпедных катеров, Военно-воздушных сил, 61-й и 8-й авиабригад ВВС КБФ. При этом выявилась недостаточная активность командиров штабов всех уровней в добывании сведений о противнике. Особенно слабым местом являлось отсутствие взаимной информации об обстановке и плохое по качеству составление донесений. Выяснилось, что на некоторых кораблях командиры не умеют даже вести карту обстановки, журнал боевых действий, производить простейшие расчёты и оформлять боевые документы. В то же время на проведённых игре и учении штабы соединений (за исключением штаба Отряда учебных кораблей) показали себя неплохо в вопросах боевого управления при десантной операции⁵²⁸.

Согласно плану боевой подготовки Краснознаменного Балтийского флота, в период 14-17 июля 1939 г. был проведен большой поход кораблей в среднюю часть Балтийского моря, вокруг острова Готланд, с использованием авиации и подводных лодок. Основной целью данного похода была назначена отработка совместного плавания надводных и подводных соединений в условиях длительного похода, с отработкой частных задач по тренировке штабов в боевом управлении и выполнении частями тактических задач при одновременной проверке работы механизмов и боевой организации кораблей.

В качестве частных учебных задач похода были поставлены: 1) тренировка в организации выхода и возвращения соединений из Главной базы; 2) отработка взаимодействия передового отряда и главных сил на длительном походе в условиях дня и ночи; 3) тренировка подводных соединений в совместном плавании и производстве эволюций в условиях длительного похода; 4) тренировка соединений надводных кораблей и подлодок в рандеву и совместном плавании в условиях длительного похода; 5) тренировка в производстве дальней воздушной и подводной разведки; 6) отработка организации боевых готовности на походе; 7) отработка штабов соединений и Походного штаба КБФ в боевом

⁵²⁷ Белокопытов К. Н. Указ. соч. С. 11-12.

⁵²⁸ Там же. С. 12-15.

управлении в условиях длительного похода и выполнении простейших боевых эволюций⁵²⁹. К походу были допущены только корабли, находившиеся в 1-й линии. Полеты самолетов и поход кораблей обеспечивались специально выделенными кораблями. Руководил походом и учениями Военный совет Краснознаменного Балтийского флота⁵³⁰.

По итогам этого похода начальник Штаба КБФ капитан 1-го ранга А. П. Шергин сделал вывод, что учебные задачи, поставленные на поход, «в основном выполнены». Краснознаменный Балтийский флот имел при этом следующие достижения: 1) проведен длительный поход эскадры надводных и подводных кораблей в среднюю часть Балтийского моря; 2) поход дал огромную практику в отработке совместного плавания Бригады линкоров и передового отряда в составе крейсера «Киров», лидера «Ленинград» и 1-го дивизиона эсминцев; 3) материальная часть показал хорошую работу в условиях длительного отрыва от своих баз; 4) успешно проведена дальняя воздушная и подводная разведка (самолеты «ДБ-3» летали в Балтийском море до параллели Хоборга, а самолеты «СБ» – до устья Финского залива); 5) получена большая практика в совместном плавании и производстве эволюций соединениями подлодок КБФ; 6) штабы соединений и Походный штаб КБФ провели большую работу по ведению карты обстановки и производству практических расчетов на походе⁵³¹.

В то же время, поход Эскадры КБФ выявил ряд серьезных недостатков в боевой подготовке флота. В частности, не были полностью выполнены указания наркома ВМФ о налаживании внутрикорабельной организации в соответствии с Корабельным уставом 1932 г. В процессе похода был выявлен ряд упущений в отработке соединения надводных и подводных сил в совместном плавании и производстве эволюций. Наконец, по оценке начальника Штаба КБФ, ещё не на должной высоте находилась боевая готовность и бдительность личного состава⁵³².

Значительным событием для Балтийского флота стало большое отрядное учение (БОУ) № 1, проводившееся с 14 по 17 августа 1939 г. по приказу командующего КБФ флагмана 2-го ранга В. Ф. Трибуца. По оценке специалистов, «учение такого масштаба в предвоенный период проводилось на Балтике впервые и было насыщено решением огневых и тактических задач»⁵³³. План учения, составленный начальником Штаба флота, был утвержден командующим 25 июля. Общая задача учения была обозначена как дневной артиллерийский бой линкоров с линкорами противника на открытом плёсе совместно с авиацией и лёгкими

⁵²⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 90. Л. 138. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 488. Л. 194.

⁵³⁰ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 90. Л. 138-139.

⁵³¹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 488. Л. 240-241.

⁵³² Там же. Л. 241-242.

⁵³³ Егоров В. Г., Амусин Б. М., Беленьков С. В. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 2. С. 117.

силами флота в условиях широкого применения дымов при использовании быстроходных подводных лодок⁵³⁴.

Учебные цели БОУ-1 для стороны «А» (советской) состояли в следующем: 1) тренировке в артиллерийском бою линкоров с линкорами противника в условиях широкого применения дымов; 2) тренировке в использовании быстроходных подлодок во встречном бою надводных сил с противником на открытом плёсе; 3) отработке практических навыков командирами соединений ВВС в совместном ударе по передовому отряду и линкорам противника во взаимодействии с лёгкими силами, подводными лодками и линкорами; 4) тренировке командиров и штабов соединений в боевом управлении манёвренным соединением в дневном встречном бою с противником⁵³⁵.

Перед стороной «Б» (неприятельской) были поставлены схожие задачи: 1) практика в проведении дневного боя передовых отрядов и в условиях широкого применения дымов; 2) тренировка в производстве скрытых атак подлодок по линкорам противника; 3) тренировка в бомбометании с боевых высот практическими бомбами по линкорам. Районом учения был определен Финский залив, вплоть до устья. Руководителем учения был назначен командующий КБФ, который держал свой флаг на линкоре «Октябрьская революция»⁵³⁶.

Большое отрядное учение, несомненно, подняло боеспособность КБФ, однако его результаты не стоит сильно переоценивать. Во-первых, БОУ № 1 проходило в упрощённых условиях: линкорам «противника» запрещалось уклоняться от атак подлодок; подводные лодки, выполняющие разведку, не должны были сближаться с кораблями «противника» ближе 30 кабельтовых; в ночное время подводным лодкам и самолётам разрешалось иметь ходовые огни (!); надводным кораблям в случае тумана следовало становиться на якорь⁵³⁷. В итоге, учение носило явно выраженный «полигонный» характер и не могло считаться приближенным к реальным боевым условиям.

Во-вторых, учение Балтийского флота носило узконаправленный характер: по сути дела, КБФ готовился лишь к борьбе с немецким флотом на Балтике, а финский флот даже не рассматривался в качестве возможного противника. В-третьих, во время учений надводные корабли отрабатывали в основном артиллерийские и торпедные стрельбы по надводным кораблям «противника». Другие задачи (стрельбы по береговым укреплениям, совместные действия надводных и подводных сил с авиацией КБФ) на учениях перед надводными кораблями вообще не ставились. Впоследствии начальник Штаба КБФ Ю. А. Пантелеев признал, что балтийские морские артиллеристы *«недостаточно учились стрельбе по*

⁵³⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 487. Л. 1.

⁵³⁵ Там же. Л. 1-2.

⁵³⁶ Там же. Л. 2-3.

⁵³⁷ Там же. Л. 17.

береговым целям, годами готовились к боям с морским противником», назвав это «явным упущением»⁵³⁸.

Боевая подготовка соединений Краснознаменного Балтийского флота в летний период, к сожалению, зачастую имела невысокие показатели по основным видам подготовки, что не могло скрыться от внимания командования флотом. 23 июля 1939 г. командующий КБФ флагман 2-го ранга В. Ф. Трибуц в своем приказе № 2/577сс отметил ряд принципиальных моментов, сильно повлиявших на прохождение курса боевой подготовки. В целом, как считал командующий флотом, боевая подготовка надводных кораблей и подводных лодок, несмотря на большое напряжение личного состава, проходила *«недостаточно интенсивно»*. Причем, самыми слабыми звеньями являлись огневая и особенно тактическая подготовка. Количество неудовлетворительно проведенных артиллерийских стрельб главным калибром было недопустимо велико, причиной чему являлся большой процент пропусков при стрельбе. Характерно, что стрельбы из среднего калибра имели ещё больше неудовлетворительных оценок⁵³⁹.

Причиной такого печального положения дел, по мнению В. Ф. Трибуца, являлось полное непонимание и невыполнение со стороны командиров кораблей, батарей и артиллеристов новых требований, которые предъявлялись к организации подготовки и проведения артиллерийских стрельб, а также желание отстреляться «как-нибудь», с приемлемыми результатами, *«не работая по-настоящему над собой с личным составом и над материальной частью»*. Наиболее отстающими соединениями по огневой подготовке являлись 1-я Бригада эсминцев, 1-я бригада подлодок (8% выполнения плана) и 4-я бригада подлодок (10% плана)⁵⁴⁰.

Так же плохо обстояли дела и с торпедными стрельбами. Имели место частые срывы планов БП на всех бригадах подводных лодок КБФ. Командованием флота были зафиксированы случаи непоследовательного прохождения курса боевой подготовки подлодок (КПЛ-38) и перескакивания через неотработанные этапы. Например, ряд подводных лодок были допущены к выполнению торпедных стрельб (задача № 4 Курса), не выполнив задачи № 2 (управление подлодками при погружении, подводном маневрировании и всплытии). Командиры подводных соединений зачастую игнорировали совместные плавания в составе дивизионов лодок, что свидетельствовало о плохой работе и контроле штабов соединений подлодок⁵⁴¹.

⁵³⁸ Пантелеев Ю. А. Полвека на флоте. М., 1974. С. 130.

⁵³⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 97. Л. 61.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 61-62.

⁵⁴¹ Там же. Л. 62-63.

Тактическая подготовка личного состава была признана командующим КБФ *«наиболее слабым местом в подготовке соединений»*. Приказ № 0138 о взаимодействии соединений в ходе повседневной боевой подготовки, а не периодически (в момент проведения больших или малых отрядных учений) не выполнялся. К примеру, малое отрядное учение (МОУ) № 2, которое проводилось штабом Бригады линкоров, прошло неорганизованно по причине неглубокой подготовки к нему. Причем, в самой идее учения была заложена грубейшая ошибка – линкор использовался для огневой разведки береговых батарей⁵⁴².

Самым слабым местом была признана отработка совместных подготовительных упражнений и выходов к БОУ и МОУ, за исключением походов под флагом наркома ВМФ и командующего КБФ. У командиров соединений флота не было понимания той очевидной истины, что уже к началу проведения малого отрядного учения должно быть отработано взаимодействие тех видов оружия, которым затем будут использованы на МОУ. Отношение большинства командиров соединений к проведению многих учений носило характер откровенного формализма и нежелания глубоко вникать в суть проводимых мероприятий. Например, командир и штаб 2-й бригады подлодок весьма несерьезно подошли к подготовке МОУ-4, даже не разработав вовремя документацию по учению⁵⁴³.

С целью ликвидации имевшихся недостатков, командующий КБФ флагман 2-го ранга В. Ф. Трибуц потребовал провести в период с 31 июля по 4 августа МОУ-4, а с 5 по 8 августа – МОУ-3. Сразу после празднования Дня ВМФ⁵⁴⁴ командующий флотом приказал приступить к срочной отработке подготовительных упражнений к МОУ и БОУ в той последовательности, которая была изложена в приказе наркома ВМФ № 010 от 17 января 1939 года. Также Трибуц приказал завершить в самое ближайшее время огневую подготовку, обратив особое внимание при этом на отставание в подготовке 1-й Бригады эсминцев, 1-й и 4-й бригад подлодок, быстроходных тральщиков и Южного укрепрайона⁵⁴⁵.

В развитие отданных указаний, 9 августа командующий КБФ В. Ф. Трибуц своей директивой № 2/731сс утвердил «План проведения подготовительных тактических учений к маневрам на период с 19 августа по 25 сентября 1939 г.», адресованный всем командирам соединений Балтийского флота. В соответствии с директивой, командующий флотом приказал, продолжая одиночную огневую подготовку, *«приступить к отработке кораблей 2-й линии, тщательно, без комканья, обучению тактическим приемам, повторяя их по несколько раз, до полной отработки»*. Тактические учения, как эпизоды предстоящих маневров, следовало отрабатывать постепенно, переходя от выполнения простых задач к

⁵⁴² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 97. Л. 63.

⁵⁴³ Там же. Л. 63-64.

⁵⁴⁴ Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 22 июня 1939 г. был учрежден День Военно-Морского Флота СССР, который предписывалось отмечать в последнее воскресенье июля.

сложным. Также Трибуц потребовал от командиров соединений флота отработать организацию штабов новых соединений, провести совместные плавания днем и ночью (особенно подлодок в составе дивизионов), а также плавания в штормовую погоду⁵⁴⁶.

Решением командующего КБФ большие отрядные учения №№ 1 и 2 были вообще отменены, а сроки проведения малых отрядных учений №№ 5, 7 и 8 были перенесены на более поздние сроки. Наконец, было указано на проведение маневров КБФ в первую 6-дневку октября. Кроме того, всем командирам флота было сделано напоминание о недопустимости повторения прошлогодних аварий⁵⁴⁷, для чего следовало улучшить организацию на кораблях⁵⁴⁸.

Таким образом, вершиной усилий по совершенствованию боевой подготовки личного состава КБФ должны были стать общефлотские маневры. Ещё накануне проведения БОУ-1 26 июня 1939 г. начальник ГМШ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер в своей директиве сообщил Военному совету КБФ, что наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым утверждена тема маневров для Краснознаменного Балтийского флота – «Расширение, укрепление и удержание оперативной зоны КБФ в Финском заливе с одновременным содействием флангам наступающей Красной Армии в заливе и Ладожском озере при длительных операциях подлодок у баз противника и на всем протяжении Балтийского моря по нарушению коммуникаций»⁵⁴⁹.

Основной задачей общефлотских маневров нарком ВМФ считал *«овладение дерзкой, смелой и вместе с тем расчетливой тактикой последовательных ударов в наивыгоднейших условиях по частям сил противника и по всей глубине боевых порядков его флота и десанта, ударов по базам и коммуникациям, имея конечной целью полный разгром противника, взаимодействуя в каждом случае наличными средствами: надводными кораблями, подводными лодками, авиацией»*. В ходе маневров требовалось проверить реальность сроков оперативной и мобилизационной готовности флота и соответствие оперативных норм действительным потребностям⁵⁵⁰.

29 августа заместитель начальника Управления боевой подготовки ВМФ капитан 2-го ранга Сапожников сообщил Военному совету КБФ о сроках проведения маневров (с 1 по 15 октября). Ответственным руководителем маневров был назначен сам нарком ВМФ, который

⁵⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 97. Л. 64-65.

⁵⁴⁶ Там же. Л. 135.

⁵⁴⁷ В период с января по сентябрь 1938 г. на Балтике имело место 30 аварий на надводных кораблях и 27 - на подводных лодках, причем причиной большинства из них являлось *«неправильное управление кораблем и нарушение основных, элементарных правил кораблевождения»*. - См.: Библиотека РГА ВМФ. Секретные приказы и директивы НКВМФ за 1938 год. Приказ наркома ВМФ № 0253 от 7 сентября 1938 г.

⁵⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 97. Л. 136.

⁵⁴⁹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 84. Л. 90, 95. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 486. Л. 1.

⁵⁵⁰ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 486. Л. 2.

должен был проверить подготовку флота к маневрам и дать разрешение на их проведение. План проведения маневров Военному совету флота следовало представить за 15 дней до их начала⁵⁵¹.

В начале сентября 1939 г. Военный совет КБФ представил наркому ВМФ «План проведения маневров КБФ 1939 года». Главная учебная цель маневров состояла в тренировке по планированию и проведению последовательных и параллельных операций на театре в первый период войны. Учебные цели были сформулированы следующие: 1) Организация оперативной разведки на театре; 2) Проверка длительного состояния кораблей и частей КБФ в оперативной готовности № 2 и № 1; 3) Проверка от мобилизации кораблей и частей по особому плану; 4) Проверка организации и выполнения захвата неприятельского побережья, укрепления и удержания захваченной зоны, путем высадки десанта в условиях противодействия противника; 5) Тренировка в оказании огневого содействия флангу наступающей Красной Армии в Финском заливе; 6) Тренировка подлодок и ВВС в самостоятельных и совместных действиях на коммуникациях, и по уничтожению военных кораблей в Балтийском море и Финском заливе. Время проведения маневров было намечено с 5 по 15 октября. Районом маневров был определен Финский залив и Балтийское море до параллели 57°⁵⁵².

С началом войны в Европе 1 сентября 1939 г., несмотря на отсутствие четких указаний со стороны Генштаба РККА и политического руководства страны относительно повышения боевой готовности флота⁵⁵³, нарком ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов внес срочные коррективы в текущие планы. Согласно радиограмме наркома ВМФ от 17 сентября 1939 г., направленной Военному совету КБФ, ему следовало *«отказаться от учений, ограничить районы плавания, частично или вовсе отказаться от выхода в море»*⁵⁵⁴. Нарком рекомендовал перейти к мобильным формам боевой подготовки *«применительно складывающейся обстановки»*. Боевую подготовку необходимо было подчинить требованиям оперативной готовности флота. Кузнецов рекомендовал обратить особое внимание на тренировку штабов⁵⁵⁵. По приказу наркома ВМФ, с 17 сентября Краснознаменный Балтийский, Черноморский и Северный флоты были приведены в оперативную готовность № 1⁵⁵⁶. Соответственно, с учетом сложившейся новой обстановки, от проведения общефлотских маневров на Балтике пришлось отказаться.

⁵⁵¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 486. Л. 15.

⁵⁵² Там же. Л. 17-19.

⁵⁵³ Кузнецов Н. Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. М., 1995. С. 47.

⁵⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1960. Оп. 5. Д. 155. Л. 5.

⁵⁵⁵ Там же. Л. 5.

⁵⁵⁶ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 14. Л. 364.

Нелишним будет заметить, что большинство учебных задач, запланированных для отработки на маневрах КБФ в 1939 г. (высадка десанта, поддержка фланга армии артиллерийским огнем, действия ВВС и подлодок на неприятельских коммуникациях и по уничтожение флота противника в море), в полной мере отражали номенклатуру тех боевых операций, которые пришлось проводить Краснознаменному Балтийскому флоту в ходе боевых действий с Финляндией зимой 1939-1940 годов. Поэтому отмена маневров КБФ неблагоприятно сказалась на состоянии боевой подготовки флота. Ведь наиболее крупным недостатком в процессе БП Краснознаменного Балтийского флота было плохо налаженное взаимодействие сил флота и армии при совместных действиях в прибрежных районах. В первую очередь, это касалось управления стрельбой корабельной артиллерии по береговым целям⁵⁵⁷.

С началом Второй мировой войны, 5 сентября 1939 г. Военный совет КБФ направил всем командирам и комиссарам соединений флота директиву № 2/1036сс, в соответствии с которой надлежало отныне строить дальнейший процесс боевой подготовки флота. Прежде всего, приближение пунктов базирования флота к району боевых действий и отдаленность их от собственных тыловых баз поставили перед командованием КБФ трудную задачу по дальнейшему совершенствованию боевой подготовки кораблей *«до степени, обеспечивающей безопасное пребывание их в базах, в условиях возможной неожиданной угрозы для них»*⁵⁵⁸.

Основное внимание при прохождении БП в отдаленных базах следовало направить на изучение личным составом морского театра – от границы в Нарвском заливе до района своего базирования, включая острова Эзель (Сааремаа) и Даго (Хийуумаа) и весь Рижский залив. Для этого необходимо было привлечь весь командно-начальствующий состав соединений и кораблей для тщательного изучения навигационной обстановки в западной части Финского залива, а также северной части Балтийского моря. Новый театр следовало изучать, прежде всего, с командирами кораблей и их штурманами, используя для этого оставшееся время до ледохода, проводя фактические выходы в эти районы. Причем, каждый выход корабля для этой цели должен был подкрепляться тщательным предварительным изучением данного района по картам и лоциям всем командно-начальствующим составом⁵⁵⁹.

Однако, помимо освоения нового морского театра военных действий, личному составу соединений КБФ необходимо было продолжать огневую подготовку кораблей с тем, чтобы завершить отработку огневых задач до 1 декабря. Также, командирам кораблей было

⁵⁵⁷ Егоров В. Г., Амузин Б. М., Бельников С. В. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 2. С. 124.

⁵⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 97. Л. 118.

⁵⁵⁹ Там же. Л. 119-120.

приказано *«всемерно улучшать внутреннее состояние кораблей»*, соблюдать чистоту в помещениях, опрятность и подтянутость вверенного личного состава⁵⁶⁰.

В связи с последовавшим затем перебазированием соединений и частей КБФ в порты западной части Финского залива и Балтийского моря в республиках Прибалтики в октябре 1939 г., командование флотом решило использовать эту возможность для дальнейшего круглогодичного прохождения боевой подготовки в соединениях. Действуя в курсе прежде отданных указаний, Военный совет КБФ своим приказом № 2/1127сс от 25 октября 1939 г. обязал всех командиров соединений и частей надводных кораблей и подводных лодок, а также командиров всех уровней считать своей основной ближайшей задачей изучение и полное освоение нового театра, *«в частности баз Ревель, Балтийский порт, Либав, Виндава и подходов к ним, освоение подходов к островам Даго и Эзель»*, а также *«уверенное плавание Моонзундом и Ирбенским проливом»*⁵⁶¹.

Для быстрого ознакомления с театром необходимо было периодически устраивать командирскую учёбу и показательные походы, после чего производить плавание всеми кораблями в указанных районах. К 20 ноября всем эсминцам, тральщикам и подводным лодкам было приказано освоить свободный вход в гавань Рогукюль. Перед всеми соединениями КБФ была поставлена общая задача – окончить план огневой подготовки 1939-го года по артиллерийскому и минно-торпедному оружию. На соединениях нужно было всячески форсировать проведение испытаний новых видов оружия. В частности, требовалось провести стрельбы торпедами типов 53-38 и 53-27 на малых ходах с торпедных катеров, постановку параван-тралов на крейсере «Максим Горький», новых эсминцах и базовых тральщиках, установку змейкового трала и нового трала Шульца на базовых тральщиках⁵⁶².

Отныне боевую подготовку соединений и кораблей, базирующихся на Таллин и Палдиски (Балтийский порт) должны были планировать старшие морские начальники названных портов. Соответственно, в Таллине этим занимался командир 2-й бригады подлодок капитан 1-го ранга Д. М. Косьмин, а в Палдиски – комендант БОБР'а комбриг С. И. Кабанов. Планы боевой подготовки, заявки на полигоны и обеспечивающие средства также давались старшими морскими начальниками⁵⁶³.

В оставшееся до начала войны с Финляндией время Балтийскому флоту так и не удалось в полной мере освоить новый театр. Уровень боевой подготовки соединений КБФ кардинально не изменился, так как после переброски в Прибалтику они были вынуждены заниматься не столько учебно-практическими мероприятиями, сколько обустройством на

⁵⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 97. Л. 120.

⁵⁶¹ Там же. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 27. Л. 65. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 97. Л. 98.

⁵⁶² Там же. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 97. Л. 98-99.

⁵⁶³ Там же. Л. 101.

новых местах, а также строительством, которое требовало больших усилий со стороны личного состава. Соответственно, командование КБФ было вынуждено обращать больше внимания на административно-хозяйственные вопросы, нежели на боевую подготовку.

Организация не только боевой подготовки, но даже и общее состояние службы на кораблях, находящихся в прибалтийских базах, продолжало оставаться на невысоком уровне. В частности, когда в конце января 1940 г. старший морской начальник базы в Таллине капитан 1-го ранга Д. М. Косьмин объявил учебно-боевую тревогу на базирующихся там кораблях, результаты оказались неудовлетворительными. Общая организация службы, организация ПВО и зимней обороны на кораблях находились на низком уровне. Большинство кораблей смогли подготовиться к бою лишь через 6-10 минут. Самым быстрым оказался быстроходный тральщик «Верп», подготовившийся за 4 минуты. Руководящие документы по ПВО и зимней обороне были изучены личным составом плохо, а на некоторых кораблях дежурная служба не знала сигналов тревоги⁵⁶⁴.

Подводя итоги боевой подготовки Краснознаменного Балтийского флота в конце 1930-х гг., следует отметить ряд наиболее серьезных её недостатков. Основная линия боевой подготовки КБФ всё время была направлена в сторону подготовки к войне с противником, имеющим значительный надводный флот (Германия). Флоты других приграничных государств изучались значительно меньше и к войне с ними готовились менее тщательно. Это приводило к явной односторонности БП флота, не позволявшей ему в полной мере использовать свои возможности в прибрежных шхерных районах.

Учебно-практические мероприятия флота проводились преимущественно в упрощенных, полигонных условиях, совершенно не соответствовавших реальной боевой обстановке. На многочисленных играх и учениях допускалось большое количество условностей и упрощений, сильно снижавших общую полезность этих мероприятий. Оперативные решения, принимаемые командованием сторон на играх и учениях, носили зачастую схематический характер, не отражающий реального уровня развития военноморского искусства. И даже при всём этом, многие оперативные игры, маневры и учения КБФ имели неудовлетворительные результаты.

Причиной тому была довольно низкая оперативная и тактическая подготовка командно-начальствующего состава флота. Управление кораблями и использование их вооружения редко находилось на высоте. Артиллерийская и минно-торпедная подготовка личного состава страдала многими недостатками. Откровенно плохо на флоте была поставлена десантная подготовка личного состава. Нельзя конечно, не учитывать того факта,

⁵⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1135. Оп. 4. Д. 12. Л. 8.

что тактические учения флота ввиду стесненности государственных вод СССР до октября 1939 г. могли производиться лишь на очень ограниченном пространстве.

Крайне плохо была поставлена на флоте оперативная разведка, что обнаруживалось почти на каждой оперативной игре или отрядном учении. Новые боевые корабли, поступившие в большом количестве на вооружение Краснознаменного Балтийского флота, не были достаточно изучены личным составом, из-за чего на них имело место немало аварий и поломок. Командный состав КБФ практически не изучал Балтийский театр за пределами государственных вод (Балтийское море, Ботнический залив).

Неудовлетворительно были отработаны и проверены тактические приёмы нанесения совместных ударов флота и авиации по укрепленным районам и огневым точкам противника. Точно так же, практически не решались задачи по нарушению коммуникаций противника и уничтожению флота противника в открытом море путем взаимодействия надводных, подводных и Военно-воздушных сил флота. Балтийским флотом практически не производились решения боевых задач в зимних условиях, ввиду сезонности плавания флота.

В итоге, осенью 1939 года боевая подготовка личного состава Краснознаменного Балтийского флота характеризовалась многочисленными недостатками, в силу незавершенности самого процесса БП флота и недостаточной квалификации подавляющей части командно-начальствующего состава. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Краснознаменный Балтийский флот оказался неготовым к ведению боевых действий в реальных боевых условиях, да еще к тому же в зимний период. Со всей очевидностью это подтвердила советско-финляндская война 1939-1940 годов.

§ 4. Боевая подготовка Краснознаменного Балтийского флота в 1940 – начале 1941 гг.

Не успели ещё отгреметь последние залпы советско-финляндской войны, как уже начался процесс извлечения уроков из опыта боевых действий. 3 января 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов издал приказ № 020, имевший название «О задачах боевой и политической подготовки РК ВМФ на 1940 г.». Нарком, ставя флотам задачи на новый год, имел перед глазами свежий опыт недавно проведенных на Балтийском море боевых операций и потому обладал вполне достаточными основаниями для нелестной характеристики общего состояния боевой подготовки личного состава на флотах. Кузнецов констатировал, что отдельные надводные корабли и самолёты показали в ходе боевых действий *«высокие образцы выполнения задач»*, но тут же отмечал, что операции флотов (имелись в виду Балтийский и

Северный флоты) в целом и действия отдельных соединений флотов и авиации оказались «на недостаточном уровне»⁵⁶⁵.

По мнению Н. Г. Кузнецова, боевой опыт войны с Финляндией выявил следующие слабые стороны в оперативно-тактической подготовке командирского состава флота: 1) недостаточный уровень и культура боевого управления, особенно в организации, обеспечении и проведении операций в сложных условиях; 2) неудовлетворительная работа всех видов разведки при плохом знании театра и противника со стороны командования и штабов всех ступеней; 3) недостаточная методичность при подготовке и проведении операции (боя); 4) недостаточная огневая подготовка флота и авиации; 5) значительное количество катастроф, аварий, поломок и отказов материальной части. В заключение, нарком ВМФ Кузнецов сделал общий вывод: «...наши слабые места не в недостатке тактических приёмов или несоответствии техники, а в недостаточной выучке и овладении этими приёмами и техникой и в слабом управлении»⁵⁶⁶. Это были самые первые, но, в целом, совершенно справедливые выводы из боевой деятельности Краснознаменного Балтийского флота.

3 февраля 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов послал Военному совету КБФ свою директиву № 446сс, где он обратился к боевой деятельности Военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота. Несмотря на то, что прошло уже два месяца с того момента, как началась война, в боевом использовании морской авиации, по мнению наркома ВМФ, наряду со значительным улучшением руководства, по сравнению с первым периодом военных действий, ещё продолжало иметь место «крайнее упрощенчество и пренебрежение к выработанным практикой и боевыми уставами формами оперативного руководства, оперативно-тактическим расчётам, нормам поражения и организации боевого использования»⁵⁶⁷.

Конкретных недостатков в боевых действиях авиации Балтфлота было найдено Кузнецовым немало. Выяснилось, что задачи во многих случаях ставились в слишком обтекаемом виде и не подкреплялись соответствующими оперативно-тактическими расчётами, а потому являлись неконкретными и невыполнимыми. Кроме того, стремление ставить боевую задачу на каждый день приводило на практике к тому, что задание поступало в части слишком поздно и исполнителям просто не оставалось времени на нормальную подготовку к вылету⁵⁶⁸.

⁵⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 126. Л. 29. Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

⁵⁶⁶ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 126. Л. 29-30. Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 24. Л. 12-13.

⁵⁶⁷ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 502. Л. 6.

⁵⁶⁸ Там же. Л. 6-7.

Подтвердили свою малую эффективность бомбардировки по площадям. Была высказана претензия к штабам всех уровней, которые оказывались *«лишь фиксаторами событий, а не органами боевого управления»*. Как большие минусы в действиях ВВС Балтийского флота были отмечены слабая подготовка лётного состава к работе в сложных метеоусловиях, пренебрежение к вопросам маскировки и нерегулярная аэрофоторазведка перед операциями⁵⁶⁹. Нарком ВМФ потребовал от Военного совета КБФ принять самые решительные меры по ликвидации указанных недостатков.

Новая волна критики со стороны наркома ВМФ последовала 14 февраля 1940 года, когда Кузнецов направил Военному совету КБФ директиву за № 16015сс/ов. Основные положения, содержащиеся в этой директиве, содержали куда более глубокий анализ тех отрицательных явлений, на которые длительное время никто из высшего комсостава не обращал внимания. Самый первый главный вывод, сделанный Н. Г. Кузнецовым, касался всей оперативной документации, разработанной Штабом Краснознаменного Балтийского флота накануне и в период войны. В документах, по мнению наркома ВМФ, прежде всего, *«отсутствовала глубина и перспективность оперативного планирования»*.

Рассмотрев план боевых действий КБФ от 23 ноября 1939 г., Кузнецов обратил внимание на то обстоятельство, что в нём были разработаны только первые операции, *«по выполнении которых началась импровизация»*. Отсутствие перспектив на первый период повлекло за собой распыление сил, выразившееся в нанесении серии слабых ударов по большому количеству объектов противника одновременно. Все эти удары, как правильно считал Н. Г. Кузнецов, оказались, в итоге, не только бесцельными и безрезультатными, но даже вредными, так как *«осуществлялись не кулаком, а растопыренными пальцами»*. В качестве примеров были приведены операции по обстрелам кораблями Эскадры КБФ береговых батарей противника в Финском заливе и бомбардировочные удары ВВС по батареям финнов⁵⁷⁰.

Нарком ВМФ также отметил такую важную отрицательную черту в боевой подготовке флота, как сезонность плавания. В прежние годы практически все манёвры и учения проходили в весенне-летний период как наиболее удобный с точки зрения метеорологических условий, а с осени корабли ставились в доки для проведения текущего ремонта. Поэтому у многих командиров формировалось представление, что война начнётся в самое благоприятное время года, что приводило к слабой готовности частей решать задачи в тяжёлых метеоусловиях⁵⁷¹. Также наркомом Н. Г. Кузнецовым были подмечены слабая артиллерийская и торпедная подготовка подводных лодок, плохая подготовка авиации в

⁵⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 502. Л. 8.

⁵⁷⁰ Там же. Л. 20.

бомбометании по морским целям и неготовность кораблей к действиям по береговым батареям в штормовых и ледовых условиях.

Подробно остановился Кузнецов и на таком важном вопросе, как взаимодействие разнородных сил флота в ходе войны на море. Он считал, что взаимодействие сил или вообще отсутствовало, или же проводилось неорганизованно и *«не отвечало ни обстановке, ни задачам»*. При планировании и выполнении боевых операций обнаружилось слабое и недостаточно инициативное использование комбинаций различных тактических приёмов при решении боевых задач всеми силами Краснознаменного Балтийского флота. В итоге, это приводило к тому, что комбинация сил при ударе заменялась простым увеличением количества самолетовылетов и сброшенных бомб⁵⁷².

Особого внимания наркома заслужила морская разведка, которую в период войны критиковали все командиры. Отметив, что разведывательная работа во всей системе штабов оказалась совершенно неудовлетворительной, Н. Г. Кузнецов объяснил, к чему это приводило на практике, в условиях войны: *«...Приходилось действовать зачастую на авось, или на основе устаревших или ложных данных и в самом ходе операций добывать более достоверные данные... Бомбы и снаряды падали куда угодно, но только не на батареи, из-за неточного знания мест этих батарей как лётчиками, так и корабельными артиллеристами...»*. В качестве наглядного примера, были приведены действия линкора «Октябрьская революция», который с неизменным «успехом» расстреливал свой боезапас по пустым местам. Не лучше обстояло дело и с изучением театра военных действий, который до войны или не изучался вовсе, или же изучался крайне поверхностно, а не применительно к задачам конкретного соединения⁵⁷³.

Наконец, серьёзной критике подверглась постановка всей штабной работы на флоте. Повторив свои формулировки почти полугодовой давности (приказ № 0454 от 7 сентября 1939 г.), нарком ВМФ признал подготовку штабов всех уровней слабой. По мнению Н. Г. Кузнецова, многие командиры в мирное время мало работали со своими штабами, что не замедлило сказаться в ходе боевых действий. В работе штабов часто наблюдалась неразбериха из-за нечёткого распределения функций разных отделов. 1-й отдел (оперативный) Штаба КБФ неоднократно «подавлял» в работе 2-й отдел (боевой подготовки), что привело к сворачиванию боевой подготовки во время войны. В итоге, 2-й отдел Штаба КБФ превратился *«в дежурных по Флагманскому командному пункту и перестал заниматься своей прямой обязанностью»*. Неизбежным следствием стало резкое увеличение аварий и катастроф на флоте, особенно в Военно-воздушных силах КБФ.

⁵⁷¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 502. Л. 21.

⁵⁷² Там же. Л. 21.

Обстановка на театре военных действий анализировалась недостаточно полно и своевременно, выводы по ней зачастую не делались, а если и делались, то с опозданием и неточно⁵⁷⁴.

Нарком ВМФ Кузнецов приказал военным советам флотов и флотилий пересмотреть и откорректировать уже имевшиеся оперативные планы, а также составить перспективные планы операций. Боевую подготовку следовало проводить в полном соответствии с оперпланами и максимально приблизить её к условиям военного времени. Разведывательная работа на флотах должна была быть перестроена коренным образом: от разведотделов требовались материалы, необходимые для проведения предстоящих операций. Необходимо было изучать районы будущего театра военных действий в зависимости от оперативных задач того или иного соединения, а также предпринимать походы надводных кораблей и подлодок в малоизвестные районы, с целью тренировки командного состава⁵⁷⁵.

16 февраля 1940 г., на заседании Главного военного совета ВМФ третьим пунктом повестки значился вопрос «О выводах из опыта операций на КБФ и СФ». Слово сразу взял сам нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, который призвал все центральные управления флота учесть полученный опыт боевых действий и перенести его на другие флоты. Он приказал начальникам управлений кратко доложить ГВС о том, какие поправки нужно внести в руководящие документы, положения и что нового дали боевые действия⁵⁷⁶. Начальники управлений ВМФ (артиллерийского, кораблестроения, связи и др.) изложили основные недостатки технического характера, выявленные в ходе боевых действий (малая прочность корпусов кораблей (особенно эсминцев), отсутствие специальных дальнобойных снарядов на вооружении линкоров, недостаточная начальная скорость снарядов, слабое артиллерийское вооружение подлодок типа «Щ», отсутствие хороших радиопеленгаторов и гидроакустики на кораблях и др.).

Однако прозвучавшие доклады начальников управлений не понравились Кузнецову, охарактеризовавшему их как *«общие и ровенькие»*⁵⁷⁷. Нарком с раздражением заметил, что все высказанные пожелания *«известны и мне, и вам давно и навязли в зубах»*, и сделал вывод, что центральные управления ещё серьёзно не подошли к изучению опыта боевых действий. Поэтому, как решил нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, по данному вопросу никакого решения не было вынесено, а начальникам центральных управлений он приказал заново проанализировать свою работу⁵⁷⁸.

⁵⁷³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 502. Л. 22-23, 26.

⁵⁷⁴ Там же. Л. 24-25.

⁵⁷⁵ Там же. Л. 27.

⁵⁷⁶ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 4. Д. 23. Л. 52.

⁵⁷⁷ Там же. Л. 52-56.

⁵⁷⁸ Там же. Л. 56-57.

В 1940-м году боевая подготовка на КБФ развернулась довольно поздно, по сравнению с принятыми тогда нормами. Во-первых, боевые действия советско-финляндской войны и её последствия заняли почти три первых месяца года. Во-вторых, срочное формирование военно-морской базы на полуострове Ханко в марте-мае 1940 г. потребовало от КБФ организации срочных перевозок туда личного состава и необходимого оборудования. В-третьих, последовавшее в июне 1940 г. присоединение республик Прибалтики потребовало от КБФ предельного напряжения сил для проведения блокады побережья Эстонии и Латвии. В-четвертых, с июня–июля 1940 г. стала осуществляться беспрецедентная переброска соединений и частей Балтфлота в новые базы в Прибалтике, где началось грандиозное оборонное строительство. В-пятых, ситуация усугублялась проведением послевоенного разминирования прибрежных вод. В итоге, нормальная боевая подготовка флота оказалась сильно затруднена. Поэтому неудивительно, что результаты боевой подготовки КБФ за год оказались невысокими, что было специально отмечено наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым на совещании командующих флотами и флотилиями в декабре 1940 года.

Боевая подготовка Краснознаменного Балтийского флота в 1940-м году осуществлялась в рамках выполнения задач, сформулированных наркомом ВМФ в его приказе № 020 и директиве № 12319сс. Всего в течение 1940-го года на Балтике было проведено 10 тактических учений и 2 больших отрядных учения. План тактических учений был выполнен полностью, хотя большинство учений не были достаточно сложными по своему содержанию. Наиболее важными учебно-практическими мероприятиями для КБФ были два больших отрядных учения (БОУ №№ 1 и 1бис), проведенные в августе и октябре 1940 г.

20 августа 1940 г. на Краснознаменном Балтийском флоте была проведена двухсторонняя оперативная игра. Темой игры для стороны «А» (советской) была определена «Оборона баз и входов в Финский залив от проникновения крупных сил противника». Учебными целями были назначены: 1) организация обороны и взаимодействия сил, обороняющих вход в Финский залив; 2) организация обороны ВМБ в условиях летнего времени; 3) подготовка командования и штабов к отрядному учению № 1. Для стороны «Б» (противника) учебными целями являлись: 1) тренировка в организации и проведении набеговой операции; 2) организация взаимодействия сил флота при набеговой операции на побережье противника. Руководство игрой было возложено на Военный совет КБФ. Командующим стороной «А» был назначен командующий Балтфлотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц, командующим стороной «Б» – командир Либавской военно-морской базы контр-адмирал П. А. Трайнин⁵⁷⁹.

⁵⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 756. Л. 1.

Основными задачами стороны «А» являлись обеспечение перевозок войск из портов Таллин, Палдиски в Ханко и оборона входов в Финский и Рижский заливы от прорыва противника. Сторона «Б», прежде всего, должна была не допустить переброски войск с материка на Ханко и уничтожить морские силы противника, оборонявшие Ирбенский пролив⁵⁸⁰. В действиях обеих сторон выявились как положительные, так и отрицательные моменты. Обе стороны – «А» и «Б» в своих замыслах не учитывали глубины планирования операции и ударов по противнику (имея в составе флотов подлодки, ВВС и торпедные катера, по мнению руководства игры, *«такую глубину удара создать можно было бы»*)⁵⁸¹.

Начальник штаба стороны «А» контр-адмирал М. С. Москаленко не организовал, как следует, работу разведки, из-за чего линкоры бесцельно ходили вдоль минных заграждений, не имея данных о противнике. Вместо этого следовало выделить в дозор 2 эсминца и поставить их к западу от заграждения. Вообще, как справедливо посчитало руководство игрой, *«разведка по-прежнему хромает, разведкой не занимаются, ее не организуют»*, в результате *«получается опять удар впустую»*⁵⁸². Задачу по обстрелу Мемеля командир ОЛС контр-адмирал Ф. И. Челпанов решал самостоятельно, не запрашивая разведанных и не выделяя авиации для решения этой задачи совместно.

В решении командующего ВВС стороны «А» генерал-майора В. В. Ермаченкова отсутствовал оперативный замысел по разгрому противника, он не обратился за дополнительной помощью в Ставку Главного Командования. Командующий ВВС стороны «А» не наметил направлений главных ударов, не обозначил перспективу дальнейших действий. На протяжении игры неправильную оценку обстановки неоднократно делали такие высокие командиры, как Москаленко, Челпанов, Кабанов. В их действиях присутствовал схематизм и упрощенчество. Например, если противник направлялся к островам, то из этого обязательно делался вывод, что он намеревается обязательно высаживать десант, никто не допускал мысли об отвлекающем маневре, демонстрации противника, что также свидетельствовало о неудовлетворительной разведке⁵⁸³.

Сторона «Б» также неоднократно совершала ошибки по ходу игры. Контр-адмирал П. А. Трайнин проигнорировал удаленность баз от района предполагаемых действий и решил форсировать пролив Созлозунд явно недостаточными силами эсминцев, недооценив силы противника, особенно его береговой обороны. Ошибочным было также сочтено решение Трайнина о выдвижении линкоров типа «Шлезия» и крейсеров в северную часть Балтийского моря. Со стороны командования стороной «Б» не было даже замечено даже

⁵⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 756. Л. 135-136.

⁵⁸¹ Там же. Л. 139.

⁵⁸² Там же. Л. 146.

⁵⁸³ Там же. Л. 148.

стремления выполнить поставленную задачу, хотя, как было написано в отчете, *«средств было больше, чем достаточно»*. Решение на проведение ночной атаки самолетами по транспортам с войсками было также оценено как неверное, показывающее незнание оружия. В дальнейшем П. А. Трайнин допустил распыление сил и направил усилия ВВС на уничтожение Отряда легких сил и линкоров, тогда как главная задача авиации состояла в том, чтобы не допустить перевозки войск противника⁵⁸⁴.

Сразу после проведения оперативной игры, в период с 28 по 30 августа 1940 г. на КБФ было проведено двухстороннее большое отрядное учение (БОУ) № 1. Темы для учения были назначены руководством следующие: для стороны «А» – «Оборона баз и входов в Финский и Рижский заливы от проникновения крупных сил противника», для стороны «Б» – «Нападение эскадры и легких сил на базы и военные объекты противника»⁵⁸⁵. Учебные цели БОУ для стороны «А» были назначены такие: 1) тренировка в организации взаимодействия сил, обороняющих входы в Финский и Рижский заливы; 2) практика в организации обороны ВМБ в условиях летнего времени. Сторона «Б» должна была отработать решение следующих учебных целей: 1) тренировка в проведении набеговых операций; 2) практика в организации взаимодействия надводных кораблей, подлодок и ВВС при активных операциях против побережья противника⁵⁸⁶. Учением руководил Военный совет КБФ, командующим стороной «А» был назначен командир Эскадры, командующим стороной «Б» – командир Отряда легких сил.

По словам командующего КБФ В. Ф. Трибуца, БОУ № 1 являлось первым отрядным учением флота, которое проводилось уже в новых условиях (расширение базирования и перемещение большинства соединений флота в Прибалтику). Данному учению должен был предшествовать ряд тактических учений, отработывавших частные задачи, а также игра по боевому управлению с фактическим использованием средств связи и двусторонняя оперативная игра⁵⁸⁷. Общая оценка БОУ № 1 оказалась неудовлетворительной. Особенно плохо были отработаны флотом ночные действия и дневной артиллерийский бой на минной позиции⁵⁸⁸.

Нарком ВМФ в приказе № 00232 от 11 сентября 1940 г. уделил немало внимания оценке большого отрядного учения № 1 на КБФ, на котором присутствовал лично. Подготовка к БОУ-1 была проведена, по мнению Н. Г. Кузнецова, весьма формально. Несмотря на перенос сроков учения на две недели, это время не было использовано для проведения учения по связи и двухсторонней оперативной игры. Готовность соединений к

⁵⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 756. Л. 160-168.

⁵⁸⁵ Там же. Д. 755. Л. 42.

⁵⁸⁶ Там же. Л. 42.

⁵⁸⁷ Там же. Оп. 1. Д. 1012. Л. 26-35. Оп. 2. Д. 756. Л. 28.

ведению встречного дневного боя на позиции и ночного боя фактически проверена не была. Перед учением морская авиация на Ханко даже не имела боевых задач⁵⁸⁹.

Несмотря на то, что БОУ № 1 проводилось в элементарных условиях, оно имело неудовлетворительный результат. Низкий уровень руководства учением наблюдался на всех уровнях – от штаба руководства учением до штабов соединений и частей. Кузнецов отмечал, что инициатива отдельных командиров, соединений, частей и кораблей на учении никем не направлялась. По словам наркома, основные соединения обеих сторон действовали вяло и тактически неправильно. Никто из руководства БОУ № 1 не смог внятно доложить наркому ВМФ сложившуюся обстановку, в результате чего Н. Г. Кузнецов *«был даже намерен его прервать»*⁵⁹⁰.

Военный совет КБФ и Штаб руководства учением не приняли решительных мер по пресечению нарушений элементарных правил обороны кораблей, которые следовало соблюдать в мирное и в военное время. К наиболее крупным недостаткам нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов отнес следующие: 1) преступно-небрежное движение кораблей по театру, еще не полностью очищенному от мин, без параванов (!), что было прекращено после личного приказа наркома; 2) стоянка кораблей на открытых рейдах без надежного охранения; 3) плохое маневрирование в ходе ночного и дневного боя; 4) ночной бой, при явной неподготовленности к нему участвовавших кораблей; 5) наличие большого количества условностей, которые снизили поучительность отдельных этапов учения.

Основываясь на личных наблюдениях и актах инспекции по проверке БП флота, Кузнецов оценил состояние боевой подготовки на КБФ и проведенное учение на «неудовлетворительно». Данное учение было приказано считать предварительным, и ни в коем случае не зачетным. Нарком ВМФ потребовал повторить БОУ № 1 в первой половине октября⁵⁹¹.

Наиболее важным моментом БП Краснознаменного Балтийского флота в 1940 г. стало большое отрядное учение (БОУ) № 1-бис, проведенное в период с 19 по 25 октября. После проведения БОУ № 1, в порядке подготовки к новому учению, БОУ №1-бис, на флоте были проведены: 1) игра на боевое управление с фактическим использованием средств связи; 2) поход флота в бухту Тагелахт с отработкой скрытого выхода и входа Эскадры на рейд, совместного плавания Эскадры и охраны якорной стоянки; 3) предварительное учение № 1 с отработкой скрытых атак подлодок, совместных ударов торпедных катеров и авиации в устье

⁵⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 65.

⁵⁸⁹ Библиотека РГА ВМФ. Секретные приказы НКВМФ за 1940 год. Приказ наркома ВМФ № 00232 от 11 сентября 1940 г.

⁵⁹⁰ Там же.

⁵⁹¹ Библиотека РГА ВМФ. Секретные приказы НКВМФ за 1940 год. Приказ наркома ВМФ № 00232 от 11 сентября 1940 г.

Финского залива, ночного поиска Отряда легких сил в северной части Балтийского моря, движения Эскадры за тралами; 4) ряд тактических игр и групповых упражнений (бой на Центральной минной позиции, совместные минные постановки минного заградителя «Марти» и 3-го дивизиона эсминцев, совместные действия торпедных катеров с самолетами, отражение высадки десанта на острова Эзель и Даго)⁵⁹².

Общей темой БОУ № 1-бис являлась «Оборона баз и входа в Финский залив от проникновения крупных сил противника». Учение должно было отработать решение следующих учебных целей: 1) проверка «Наставления по обороне устья Финского залива»; 2) проверка организации ведения оперативной разведки; 3) тренировка подводных лодок и авиации в нанесении предварительных ударов по главным силам противника; 4) тренировка в ночном поиске и атаке главных сил противника; 5) проверка взаимодействия Эскадры, Отряда легких сил и 1-й бригады торпедных катеров с авиацией в дневном бою на минной позиции; 6) проверка ПВО и обороны баз от внезапного нападения с воздуха, с моря и суши; 7) проверка организации боевого управления флота и подготовки штабов соединений⁵⁹³. Сторона «А» (советская) включала в себя весь основной состав КБФ. На учении отрабатывался Штаб флота в целом, как штаб стороны «А»⁵⁹⁴.

Принятые командованиями сторон на БОУ № 1-бис решения имели существенные недостатки. Например, решение стороны «А» не предусматривало использования минного оружия и торпед с самолетов. Район взаимодействия подлодок с авиацией в Балтийском море был выбран без учета удаленности аэродромов бомбардировочной авиации, что затрудняло организацию совместного удара. В решении командующего стороны «Б» допускалось слишком длительное пребывание (до двух дней) линкоров в северной части Балтийского моря без надежного обеспечения ПЛО, ПВО и ПТО, что давало возможность стороне «А» использовать для удара по ним легкие силы, торпедные катера, подлодки и авиацию⁵⁹⁵.

Выполнение сторонами отдельных боевых задач на БОУ № 1-бис также получило оценку. В первую очередь, были рассмотрены и оценены предварительные удары подлодок и ВВС стороны «А» в Балтийском море. Всего лодками было проведено 16 атак, из которых половина получила оценки «отлично» и «хорошо», а половина – «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». Неудовлетворительными были признаны те атаки, которые имели следующие признаки: 1) обнаружение лодки до момента залпа; 2) промах; 3) наличие грубых ошибок в маневрировании. Причинами неудавшихся атак, по мнению начальника Штаба КБФ, являлись большая дистанция стрельбы, ошибки при глазомерном определении

⁵⁹² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 754. Л. 185.

⁵⁹³ Там же. Л. 186-187.

⁵⁹⁴ Там же. Л. 190.

⁵⁹⁵ Там же. Л. 189-190.

курсового угла, неправильное маневрирование при атаке и отсутствие навыков в атаках на тихоходные корабли⁵⁹⁶.

Важным этапом БОУ № 1-бис стали ночные атаки Отряда легких сил в Балтийском море. Крейсер «Киров» произвел скрытную и успешную атаку по линкорам противника, один из которых получил одно попадание торпедой. Зато ведение артиллерийского огня крейсера по линкорам на малой дистанции было сочтено опасным, так как по «Кирову» вели огонь оба линкора в течение 12 минут. При отходе крейсера от неприятельских линкоров, «Киров» вновь рискованно сближался с линкором противника, не принимая никаких действий. Подводя итоги данной операции, Пантелеев считал, что задачу обнаружения главных сил противника ОЛС выполнил. При этом были отмечены не совсем правильные действия командира крейсера «Киров», подставлявшегося под огонь неприятеля⁵⁹⁷.

Далее сторона «Б» приступила к разведке минно-артиллерийской позиции (МАП) в устье Финского залива. В целях оказания противодействия, командующий стороной «А» решил нанести предварительный удар по противнику. Однако, из-за отсутствия разведки, обстановка оставалась для стороны «А» неясной. Поэтому предварительные удары свелись к отдельным, нескоординированным действиям. Линкоры стороны «А» никакого противодействия разведке противника не оказали. Авиация вполне могла выставить дымовые завесы, чтобы отсечь линкоры стороны «Б» и отогнать неприятельский крейсер, но этого сделано не было. К тому же, силы противника, готовившиеся к прорыву главного рубежа, следовало подвергнуть непрерывному воздействию, чего стороной «А» сделано не было⁵⁹⁸.

Бой главных сил на минно-артиллерийской позиции, по наблюдениям начальника Штаба КБФ, дал немало ценных выводов. Во-первых, из-за несогласованности в действиях главный удар по противнику был нанесен *«не на минной позиции и по времени он не совпал с ударом линейных кораблей, что сохранило противнику свободу маневра для уклонения от атак»*. Таким образом, главная цель БОУ № 1-бис так и не была достигнута. Во-вторых, организация взаимодействия оказалась не на высоте, поскольку ВВС из-за удаленности аэродромов от места боя не смогли принять участия в нем. В-третьих, выяснилось, что составленное «Наставление для боя на минно-артиллерийской позиции» ещё до конца не доработано. Помимо прямого прорыва противника, надо было продумать в наставлении еще наступление на правый или левый фланг позиции, а также на Главную базу. Требовалось

⁵⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 754. Л. 201-202.

⁵⁹⁷ Там же. Л. 215-217.

⁵⁹⁸ Там же. Л. 218-222.

также предусмотреть возможность действий противника одновременно с двух направлений – с востока и запада⁵⁹⁹.

Действия авиации обеих сторон по морским и сухопутным объектам оказывались зачастую не вполне грамотно организованными и не очень результативными. Удары бомбардировочной авиации стороны «Б» по транспортам в базах носили незначительный характер. Действия ВВС стороны «А» по портовым сооружениям в базах, а также по силам оказались неудачными и проводились без предварительных ударов по средствам ПВО. Бомбовый удар авиации стороны «Б» по кораблям в базе Таллинн не сопровождался ударами по средствам ПВО базы⁶⁰⁰.

Оценивая в целом работу ВВС в ходе БОУ № 1-бис, Штаб КБФ пришел к выводу, что *«не все еще командиры соединений флота умеют использовать приданную им в оперативное подчинение авиацию»*. В то же время, отмечалась хорошая работа частей ВВС Прибалтийского особого военного округа. Учение со всей отчетливостью показало необходимость наличия в составе ВВС флота дальнего разведчика с большим радиусом действия. Минно-торпедный авиаполк было рекомендовано применять по своему прямому назначению, то есть для торпедометания и постановки мин⁶⁰¹.

Подводя итоги БОУ № 1-бис, командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц подробно остановился на его главных выводах, а также положительных и отрицательных аспектах. Положительными моментами в учении, по мнению командующего КБФ, были следующие: 1) тщательная подготовка на всех соединениях и в Штабе флота, в ходе которой были разработаны проекты 10 частных наставлений для соединений, а также проект «Наставления для боя в устье Финского залива на минной позиции»; 2) проведение ряда учений с выходами в море на всех соединениях и двух тренировочных походов флота в целом, с активным участием ВВС; 3) усложнение учений путем дачи вводных в процессе его проведения и постановка ряда новых задач; 4) проведение впервые фактической высадки и отражения воздушного десанта во взаимодействии с морским десантом на островах Эзель и Даго; 5) применение метода маневренного использования подлодок. Особо отмечалась хорошая работа ВВС на протяжении всего учения. Так же хорошо выполнили свои задачи 3-я бригада подлодок и 1-я бригада торпедных катеров⁶⁰².

Впрочем, на учении обнаружались и существенные недостатки, сводившиеся к следующему: 1) плохая работа Охраны водного района Главной базы и нечеткая организация входа и выхода кораблей из баз (Либава, Таллин); 2) отсутствие продуманной системы ПВО

⁵⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 754. Л. 230-231.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 254.

⁶⁰¹ Там же. Л. 257-259.

⁶⁰² Там же. Л. 275-276.

кораблей на рейдах и в базах; 3) отсутствие четкого взаимодействия Эскадры с Береговой обороной Ханко и Береговой обороной Главной базы в бою на минно-артиллерийской позиции; 4) невысокая морская культура и выучка⁶⁰³. Следует отметить, что точно такие же выводы содержались и в «Замечаниях по Отрядному учению КБФ № 1-бис», составленных начальником ГМШ адмиралом Л. М. Галлером⁶⁰⁴.

Несколько позднее, в начале декабря 1940 г., командующий КБФ В. Ф. Трибуц в отчете по боевой подготовке флота за год отмечал, что большое отрядное учение № 1-бис было выполнено *«в усложненных условиях с полным составом сил действующего флота, авиации, береговой обороны, военно-морских баз и тыла»*. В отличие от ранее проводившихся флотом учений, БОУ № 1-бис впервые охватило одновременно все районы Балтики. На учении отрабатывалось применение артиллерийского и минного вооружения, а также разворачивалась манипуляторная служба⁶⁰⁵.

Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов в своем приказе № 0872 от 19 ноября 1940 г. оценил проведение Большого отрядного учения № 1-бис на КБФ *«в целом удовлетворительно»*⁶⁰⁶. По мнению наркома, участвовавшие в учении корабли и части, за некоторыми исключениями, выполнили поставленные задачи. Была отмечена хорошая подготовка ВВС КБФ, линкора «Октябрьская революция», 3-й бригады подлодок, 1-й бригады торпедных катеров, минного заградителя «Марти», 1-го и 2-го дивизионов тральщиков⁶⁰⁷.

В то же время Кузнецов отметил многочисленные недостатки, допущенные в ходе учения. В частности, была подвергнута резкой критике работа Охраны водного района и Противовоздушной обороны флота. Были отмечены крупные тактические ошибки в действиях крейсера «Киров», 3-го дивизиона эсминцев и сторожевых кораблей. Имелись серьезные упущения при организации взаимодействия подводных лодок и авиации, в пользовании радиосвязью. Особое внимание требовалось обратить на организацию воздушного режима в местах базирования флота и в пределах военно-морских баз. Также нарком ВМФ приказал исправить недостатки в работе службы охраны водных районов военно-морских баз и охраны рейдов, добиваясь слаженной работы по обеспечению баз и мест стоянок флота⁶⁰⁸.

Боевая подготовка и боеготовность соединений КБФ в 1940-м году характеризовалась весьма неоднозначно. Помимо некоторых достижений, на многих соединениях надводных, подводных, военно-воздушных и береговых сил флота сложилась довольно тревожная

⁶⁰³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 754. Л. 277.

⁶⁰⁴ Там же. Л. 167.

⁶⁰⁵ Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 65.

⁶⁰⁶ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 131. Л. 178-181. Д. 203. Л. 1-2.

⁶⁰⁷ Там же. Д. 203. Л. 2.

⁶⁰⁸ Там же. Л. 4.

ситуация с прохождением курса боевой подготовки. Подводя общие итоги боевой подготовки флота за 1940-й год, командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц был вынужден признать, что *«внимание Военного совета, Штаба, Тыла к выполнению задач по боевой подготовке соединениями, тактической отработки плавающих соединений, безусловно, было ослаблено»*⁶⁰⁹.

Причин, из-за которых нормальное прохождение БП на Балтике было нарушено, по мнению Трибуца, было несколько. Самой первой и главной причиной незавершенной БП была ширококомасштабная переброска соединений и частей КБФ в прибалтийские базы в течение лета-осени 1940 г. и их освоение. Одновременно в новых базах формировалось большое количество новых частей. По данным командующего КБФ, за период с 1 января по 1 декабря 1940 г. на Балтике было сформировано 245 частей с общим количеством личного состава 42294 человека. В среднем, каждый месяц происходило по 20-25 формирований, а в наиболее напряженный период, с мая по июль 1940 г., – до 28-30 формирований⁶¹⁰.

Помимо большого количества новых формирований для КБФ, на Балтике в течение 1940-го года производились мероприятия по отправке кораблей на другие моря. В частности, на Тихоокеанский флот были отправлены 2 подлодки типа «М», на Северный флот ушли эсминец «Стремительный» и 2 подлодки типа «К», на Черноморский флот – 3 подлодки типа «М» и 12 торпедных катеров, на Дунайскую флотилию – 4 бронекатера. Данные формирования потребовали от КБФ выделения 552 человек личного состава, в том числе 66 командиров. Естественно, что эти формирования и отправки вынуждали командиров соединений проводить работы за счет непосредственного выполнения задач по боевой подготовке⁶¹¹.

Еще одной важной причиной неудовлетворительного выполнения плана боевой подготовки Краснознаменного Балтийского флота в 1940-м году была неустановившаяся дислокация целого ряда плавающих соединений и отдельных кораблей флота. Командование КБФ долго не могло решить, на какие базы следует базировать Отряд легких сил и 1-ю бригаду подводных лодок. Это создавало сложности с размещением маневренных запасов боеприпасов, топлива и продовольствия для легких и подводных сил флота⁶¹². Долго решался руководством ВМФ вопрос о размещении Штаба и Военного совета флота. Такое неопределенное состояние организационной структуры флота затрудняло снабжение соединений флота и осложняло планирование БП на будущее.

⁶⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 136.

⁶¹⁰ Там же. Л. 136.

⁶¹¹ Там же. Л. 139.

⁶¹² Там же. Л. 142.

В заключение «Отчета о боевой подготовке КБФ за 1940 год», Трибуц самокритично признал, что далеко не всё удалось сделать в отношении повышения общего уровня боевой готовности и боевой подготовки Краснознаменного Балтийского флота в течение года: *«Я должен здесь доложить, что 1940 год, вместе с тем, был годом и больших наших ошибок, мы спотыкались, имели упущения; недорабатывали ряд вопросов; нас подправляли, направляли, иногда даже резко поправляли»*. Трибуц особо отметил помощь наркома ВМФ и его заместителей в деле систематического руководства подготовкой на флоте. В качестве вывода, командующий КБФ полагал, что флот получил значительное количественное и качественное развитие, поэтому к концу 1940-го года он стал иным и *«во всех вопросах коренным образом отличается от флота 1939 года»*⁶¹³.

Таков был взгляд командующего КБФ на общую картину состояния боевой подготовки на подчиненном ему флоте. На первый взгляд, причины, указанные командующим флотом, были вполне весомые и понятные. Однако насколько эти доводы окажутся убедительными для высшего руководства, командующий КБФ не мог знать. Другое дело, что реакцию наркома ВМФ можно было предугадать по целому ряду событий. Неудивительно, в конце 1940-го года наступил неприятный момент для Военного совета Балтийским флотом, когда подводились итоги боевой подготовки по всем флотам и флотилиям.

В период со 2 по 10 декабря 1940 г. в Москве проходил сбор командующих флотами и флотилиями, посвященный итогам боевой подготовки на флотах за 1940-й год и обобщению опыта продолжавшейся мировой войны. Как следовало из доклада наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова, в течение 1940-го года Военный совет КБФ не занимался устранением имевшихся на флоте недостатков в своей боевой подготовке, из-за чего ситуация с ней на Краснознаменном Балтийском флоте стала катастрофической. Если на Черноморском и Тихоокеанском флотах в 1940-м году произошло значительное улучшение показателей в артиллерийской, минно-торпедной, химической и электромеханической подготовке⁶¹⁴, то на Краснознаменном Балтийском флоте в этом отношении получился *«безусловный провал»*⁶¹⁵.

Практически по всем видам огневой подготовки на Балтийском флоте наблюдалось резкое ухудшение показателей, по сравнению с 1939-м годом. По выполнению плана артиллерийских стрельб в 1940-м году Краснознаменный Балтийский флот стоял позади всех флотов⁶¹⁶. Так, план по морским и береговым стрельбам был выполнен на Балтике всего лишь на 59%, в то время как на Амурской флотилии – на 104%, на Северном флоте – на 86%, на Черноморском флоте – на 83,5% и на Тихоокеанском флоте – на 76,7%. По минно-

⁶¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 177.

⁶¹⁴ Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 12(1-2). С. 522-526.

⁶¹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 186. Л. 724. Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1-2). С. 502.

⁶¹⁶ Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1-2). С. 522.

торпедной подготовке Балтийский флот находился на 4-м месте, уступая Амурской флотилии, Черноморскому и Тихоокеанскому флотам. В частности, план торпедных стрельб был выполнен на 57,9%, а план минных постановок – на 47,7%. По боевой подготовке подводных лодок Краснознаменный Балтийский флот выполнил КПЛ на 88% со средним баллом 3,7 и занял 3-е место в общем списке. Подлодки КБФ вообще не проводили минных постановок и учений по противолодочной обороне, план торпедных атак был отработан подлодками на 85%, план артиллерийских стрельб – на 60%, а план зенитных стрельб – на 52%⁶¹⁷.

Причину неожиданного падения нарком ВМФ видел в том, что на Балтике *«поздно спохватились и не вмешались в боевую подготовку флота, считая, что он проводит много реорганизационных мероприятий»*⁶¹⁸. Тем не менее, сообщил Кузнецов, командование КБФ предпочитало не выполнять указания Наркомата ВМФ, не принимало помощи, которую ему предлагали, и вообще *«жили по-своему, умничали»*⁶¹⁹. Имея за плечами опыт боевых действий во время советско-финляндской войне 1939–1940 гг. (причем, этот опыт был далеко не положительный), командование Краснознаменного Балтийского флота, по словам наркома, зналось *«без каких-либо на то оснований»* и пустило боевую подготовку на самотёк. А ведь именно на Балтике следовало в первую очередь отрабатывать те тактические приёмы, необходимость которых с такой очевидностью продемонстрировали недавно прошедшие боевые действия с Финляндией.

Такая резкая оценка наркомом ВМФ положения дел с боевой подготовкой на Балтике вовсе не была неожиданной: предупреждения в адрес командования КБФ звучали уже неоднократно. 8 июля 1940 г., за неоднократное невыполнение правительственных постановлений и неаккуратное выполнение приказов наркома ВМФ, Н. Г. Кузнецов приказом № 00171 объявил, что командующему КБФ вице-адмиралу В. Ф. Трибуцу *«поставлено на вид»*⁶²⁰. 11 сентября нарком ВМФ издал приказ № 00232, который был целиком посвящен состоянию боевой подготовки на Краснознаменном Балтийском флоте. Кузнецов отмечал в приказе, что в период своего посещения КБФ с 27 августа по 4 сентября, а также во время проведенной по его приказу проверки боевой подготовки флота с 17 августа по 1 сентября выявилось, что Военный Совет и Штаб КБФ, *«уделив главное внимание по базированию штаба и тыловых учреждений на г. Таллин и развертыванию новых военно-морских баз, упустили вопросы, связанные с руководством боевой подготовкой кораблей, батарей и частей»*. Командиры соединений флота ослабили контроль за боевой

⁶¹⁷ Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1-2). С. 522-526.

⁶¹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 186. Л. 724.

⁶¹⁹ Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1-2). С. 502.

⁶²⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 113-115.

подготовкой, всецело сосредоточив свое внимание на строительстве, ремонте и бытовом устройстве личного состава, и не выполняли требований приказа наркома ВМФ № 020 и его директивы № 12319сс⁶²¹.

Из приказа наркома ВМФ следовало, что план боевой подготовки на КБФ был выполнен в среднем менее чем на 50%, а по отдельным соединениям к выполнению задач БП вообще не приступали. Например, 1-я бригада подлодок в основном производила торпедные атаки с выпуском воздуха и за все время выпустила лишь 2 торпеды. Подлодки не были подготовлены к маневренному использованию. Эсминец «Стерегущий» и Либавский отряд торпедных катеров к решению огневых задач совсем не приступали. 2-й дивизион тральщиков ОВРа Главной базы занимался исключительно боевым тралением, совершенно запустив артиллерийскую и минно-торпедную подготовку. Наибольшей критике подвергся линкор «Марат», который провел 8 неудовлетворительных стрельб из 20, что было расценено наркомом ВМФ как *«провал основного оружия»*. Крейсер «Киров», пройдя за кампанию 9030 миль, провел за это время лишь 2 артиллерийские стрельбы, из которых стрельба главным калибром была выполнена неудовлетворительно. К отработке задач по минно-торпедной подготовке крейсер еще не приступал. На всех кораблях морская подготовка командиров находилась на низком уровне⁶²².

Подводя итоги, нарком приказывал Военному совету КБФ немедленно переключиться на непосредственное руководство боевой подготовкой, требовать более самостоятельной и ответственной работы старших и высших начальников по вопросам боевой подготовки. Нарком особо подчеркнул, что следует не допускать *«гастролерства»* командиров, а заставлять их руководить путем показа, *«начиная с мелочей впредь до полной отработки отстающего корабля, батареи или соединения»*. Начальнику ГМШ было поручено организовать проверку соединений перед следующим учением и дать заключение о готовности к нему⁶²³.

В сентябре 1940 г. в приветственном письме к участникам 20-й партийной конференции КБФ адмирал Н. Г. Кузнецов указал, что коммунистам Балтийского флота нужно немедленно и решительно устранить вскрытые крупные недостатки в боевой подготовке и дисциплине. Он откровенно сообщил балтийским морякам, что *«плохая слава идет про дисциплину на Вашем флоте, много недостатков и в боевой подготовке»*, и пожелал им быстрее исправить создавшееся положение⁶²⁴. 9 октября вновь прозвучал тревожный сигнал: нарком ВМФ своим приказом № 0749, *«ввиду неудовлетворительного*

⁶²¹ Библиотека РГА ВМФ. Секретные приказы наркома ВМФ за 1940 год. Приказ НКВМФ № 00232 от 11 сентября 1940 г.

⁶²² Там же.

⁶²³ Там же.

состояния БП по отдельным кораблям КБФ», объявил о лишении денежной надбавки за командование целого ряда командиров частей и кораблей (подводных лодок, сторожевых катеров, торпедных катеров) Краснознаменного Балтийского флота⁶²⁵.

Как видно из приведенных фактов, на протяжении лета-осени 1940 г. высшее командование ВМФ постоянно выражало обоснованное беспокойство низким уровнем боевой подготовки и боеготовности на Краснознаменном Балтийском флоте. Подобные предупреждения являлись достаточным поводом для того, чтобы Военный совет КБФ вовремя задумался над исправлением имевшихся недостатков и принял соответствующие меры. Однако на деле получилось так, что Краснознаменный Балтийский флот в итоге оказался отстающим.

Заканчивая декабрьский сбор высшего командного состава, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов поставил перед всеми флотами задачи на 1941-й год. Самой важной задачей на ближайшее время, как считал Кузнецов, являлась необходимость *«закрепиться на том уровне, на котором мы стоим»*⁶²⁶. Если флоты не смогут удержать достигнутый уровень и *«заснут»*, то к марту 1941 г. они, по словам Кузнецова, неизбежно очутятся *«в положении весны 1940 года»*. Тогда программу боевой подготовки придется начинать с самого начала и весь год придется догонять прошлогодние показатели. Основой содержания боевой подготовки флотов следовало считать оперативно-тактическую подготовку командного состава. Нарком призвал Управление боевой подготовки (УБП) и Оперативное управление ВМФ изменить задачи на 1941-й год таким образом, *«чтобы основным содержанием были бы тактические учения»*⁶²⁷.

Чтобы соединения смогли вовремя дойти до решения оперативно-тактических вопросов, полагал Н. Г. Кузнецов, необходимо было сократить количество огневых задач, которые отнимали много учебного времени. Нарком всячески торопил собравшихся флагманов и командиров, напоминая им, что время не ждёт, а потому темпы в боевой подготовке *«должны быть более быстрыми, чем они были до сих пор»*⁶²⁸. Нарком призвал командиров немедленно перестроиться на новый лад и перестроить свою работу. В заключение, он выразил надежду, что в новом, 1941-м году Военно-Морской Флот сможет, наконец, выправить все недостатки и достигнуть дальнейших успехов.

Окончательную точку нарком ВМФ поставил в приказе № 00300 от 29 декабря 1940 г., целиком посвящённом планированию боевой подготовки флота на 1941-й год. По словам адмирала Н. Г. Кузнецова, самым ценным в деятельности флотов в 1940-м году стал

⁶²⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 158. Л. 86-87.

⁶²⁵ Библиотека РГА ВМФ. Приказы наркома ВМФ за 1940 год. Приказ НКВМФ № 0749 от 9 октября 1940 г.

⁶²⁶ Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1-2). С. 502.

⁶²⁷ Там же. С. 503.

полученный боевой опыт, использование которого позволило *«поднять фактическую боеспособность наших флотов и флотилий и проверить на деле ряд организационных, оперативных и тактических положений и расчетов»*⁶²⁹. В качестве конкретных достижений флотов нарком перечислил следующие: 1) командование и штабы получили хорошую тренировку в организации и управлении боевыми операциями; 2) командование флота и флагманы начали приобретать навыки в управлении соединениями и частями при рассредоточенном базировании; 3) улучшение связи с военными округами Красной Армии по части организации взаимодействия флота и авиации с полевыми войсками и авиацией РККА; 4) проверка боевого оружия в реальных боевых условиях. Итоги 1940-го года Кузнецов охарактеризовал как подготовку одиночных кораблей и однородных соединений, поскольку учения и маневры, проведенные на флотах в течение года, хоть и показали некоторое продвижение вперед в вопросах взаимодействия при решении сложных тактических задач, но еще в недостаточной степени⁶³⁰.

В заключение, нарком ВМФ Кузнецов отметил, что основную задачу, поставленную флотам на 1940-й год, он считает невыполненной. Здесь же наркомом был приведен длинный перечень недостатков, которые были замечены им в системе боевой подготовки ВМФ. Среди них были такие важные моменты, как: 1) низкий уровень и культура боевого управления; 2) недостаточная методичность в организации, подготовке и проведении операций; 3) плохое знание театра военных действий и противника; 4) незавершённость плана огневой подготовки флота; 5) большое количество катастроф и аварий; 6) недостаточный уровень оперативно-тактической подготовки командного состава; 7) недостаточная связь авиации с соединениями флота; 8) недостаточное закрепление и оформление в документах боевого опыта взаимодействия флота и авиации с Красной Армией. Как считал нарком ВМФ, такие крупные недочёты являлись совершенно нетерпимыми в сложившихся условиях, когда Военно-Морской Флот *«в любой момент может быть призван к выполнению фактических действий для обеспечения безопасности морских границ СССР и защиты его интересов на море»*⁶³¹.

Основной задачей ВМФ на 1941-й год Н. Г. Кузнецов поставил *«достижение слаженного взаимодействия всех сил флота для разгрома противника при решении типовых операций в любое время года и суток»*⁶³². Для решения этой задачи, всю боевую подготовку флотов следовало направить на отработку тем оперативных и тыловых игр, отрядных учений флота и совместных учений с Красной Армией. В частности, на Балтике были назначены

⁶²⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 186. Л. 728.

⁶²⁹ Там же. Д. 135. Л. 165.

⁶³⁰ Там же. Л. 166-167.

⁶³¹ Там же. Д. 135. Л. 167-169. Д. 164. Л. 473-474.

флотские учения на следующие темы – «Активная оборона устья Финского залива во взаимодействии всех сил флота», «Активные минные операции у берегов противника с участием Отряда легких сил, подлодок и авиации», «Противодесантная оборона островов Эзель–Даго во взаимодействии флота с частями Красной Армии и оборона входа в Рижский залив» (совместно с ПриБОВО), «Взаимодействующими силами КБФ и ВВС ЛВО уничтожение кораблей противника в море и его базах с одновременным содействием приморскому флангу Красной Армии в прорыве рубежа Котка–Сайменское озеро огнём корабельной артиллерии и высадкой десанта»⁶³³.

Маневры и отрядные учения в 1941-м году следовало проводить с полным развертыванием тылов и обеспечивающих органов. На тактических учениях флотов полагалось отрабатывать целый перечень задач, среди которых были: 1) совместный удар всех взаимодействующих сил флота в море; 2) организация и проведение комбинированной морской и воздушной десантной операции; 3) борьба с парашютными десантами противника; 4) поддержка фланга армии силами корабельной артиллерии и высадкой тактического десанта; 5) взаимодействие ВВС и подлодок при нанесении удара по боевым кораблям или транспортным судам противника в разных районах ТВД; 6) высадка тактических десантов с боевых кораблей днем и ночью; 7) активная оборона баз собственными и приданными силами; 8) организация и ведение разведки на театре всеми силами и средствами флота; 9) отражение высадки десанта на угрожаемых участках нашего побережья во взаимодействии с частями Красной Армии; 10) нарушение коммуникаций противника при условии применения им системы конвоев⁶³⁴.

28 декабря 1940 г. заместитель начальника ГМШ вице-адмирал В.А. Алафузов направил начальнику Штаба КБФ контр-адмиралу Ю. А. Пантелееву перечень тем оперативных и тыловых игр КБФ на 1941-й год, утвержденный наркомом ВМФ пятью днями ранее. В соответствии с перечнем, на Балтике в 1941-м году предполагалось проведение трех игр: в январе – оперативной игры на тему «Захват острова Оланд и прекращение коммуникаций противника в северной части Балтийского моря и в Ботническом заливе», в феврале – оперативной игры на тему «Отражение и уничтожение сил противника при попытке захвата им побережья Латвии и островов Моонзундского архипелага при помощи морских и воздушных десантов» и в марте – тыловой игры на тему «Организация маневренной базы на территории, захваченной у противника и обеспечение боевой деятельности базирующихся на неё кораблей»⁶³⁵.

⁶³² РГА ВМФ. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 169-170.

⁶³³ РГА ВМФ. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 171-172. Д. 164. Л. 476-477. ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 140. Л. 141.

⁶³⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 177-179.

⁶³⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1012. Л. 106-107. ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 66. Л. 1.

В свою очередь, 9 января 1941 г. командующий КБФ адмирал В. Ф. Трибуц издал приказ № 020, определивший задачи по боевой подготовке флота на текущий год. Оценивая проведенные флотом учения в прошлом году, Трибуц указывал, что содержание тактических учений в 1940-м году *«было элементарным, а сами учения проводились лишь в простых условиях, это снижало качество подготовки, не развивало инициативу, решительность командиров и начальников»*. Тем самым, командующий КБФ признал справедливость упреков наркома ВМФ по поводу плохой боевой подготовки Балтийского флота на декабрьском совещании 1940 года. С целью устранения имевшихся недостатков в боевой подготовке флота, Трибуц призывал резко улучшить в 1941-м году качество всей боевой подготовки флота, *«устранив в первую очередь недостатки, имевшие место в прошлом году»*⁶³⁶.

Командующий Балтийским флотом указал на целый ряд имевшихся недостатков. Подготовка одиночных кораблей и одиночных соединений не была целеустремлена по своему содержанию на оперативно-тактические задачи, которые должно было решать каждое соединение. Отмечалась недостаточная организационная связь морской авиации с соединениями флота, и особенно с Эскадрой КБФ. Имело место неполное выполнение огневых задач, а также задач по курсам БП флота. Огневая подготовка оценивалась сугубо формально и проводилась преимущественно в полигонных условиях, без создания помех и затруднений, которые реальны для боевой обстановки. Многие командиры соединений не поняли новых условий рассредоточенного базирования флота, круглогодичного проведения БП и связанных с этим трудностей в её прохождении. С их стороны не проявлялось необходимой инициативы, самостоятельности и напористости для преодоления этих трудностей при руководстве боевой подготовкой. Уровень и культура боевого управления флотом не отвечали современным условиям ведения операций. Имело место значительное количество катастроф, аварий и поломок надводных кораблей, подлодок и самолетов, которые в подавляющем большинстве происходили по вине личного состава, из-за плохой организации службы или незнания техники⁶³⁷.

Подобное состояние дел не могло удовлетворять ни наркома ВМФ, ни Военный совет КБФ. Трибуц был вынужден признать, что такие крупные недочеты *«совершенно нетерпимы в настоящих условиях, когда Флот в любой момент может быть призван к выполнению боевых действий для обеспечения безопасности морских границ СССР и защиты его интересов на море»*⁶³⁸. В связи с этим, командующий флотом В. Ф. Трибуц, сославшись на

⁶³⁶ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 147. Л. 29.

⁶³⁷ Там же. Л. 30-31.

⁶³⁸ Там же. Л. 31.

указания наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова о задачах ВМФ на 1941-й год, сформулировал главные оперативно-тактические задачи для соединений КБФ на год.

Всем командирам соединений и баз КБФ было приказано всю командирскую учебу, оперативные и тактические игры на соединениях, групповые упражнения на кораблях проводить исключительно по темам основных задач своих соединений в порядке подготовки к их выполнению. Отныне, все этапы боевой подготовки – 1) одиночную подготовку корабля, 2) подготовку однородного соединения, 3) подготовку флота в целом – следовало полностью подчинить решаемой оперативно-тактической задаче. Учебу каждого соединения, части и корабля требовалось полностью направить на подготовку к выполнению очередных тактических, отрядных учений и маневров, планируя её строго в соответствии с их календарными сроками по годовому плану БП флота. Кроме того, оперативно-тактическую подготовку и четкое взаимодействие различных родов оружия в 1941-м году требовалось сделать *«центральным местом боевой подготовки каждого соединения»*⁶³⁹.

Особое внимание обращалось на штурманскую подготовку, причем особый упор требовалось сделать на астрономические наблюдения. Командирам соединений было отдельно указано, что точность кораблевождения имеет первостепенное значение для их боевой подготовки, поскольку ни одна оперативно-тактическая задача не может быть решена без этого важнейшего компонента. Командному составу КБФ было приказано повысить качество подготовки управления огнем на кораблях и береговых батареях. Также требовалось чаще и в большем объеме отрабатывать минно-торпедное вооружение, повысить качество использования радиосвязи и улучшить систему наблюдения за водным и воздушным пространством⁶⁴⁰.

Командующий КБФ призывал весь командный состав решительно покончить с аварийностью, которая, по его словам, приняла на Балтике просто *«угрожающие размеры»*. Причиной большого количества аварий и катастроф было названо плохое руководство и неудовлетворительное знание техники личным составом. Отныне еще больше повышалась ответственность командиров соединений, дивизионов, кораблей за уровень аварийности. Наконец, необходимо было резко поднять дисциплину среди личного состава, используя для этого все имевшиеся возможности⁶⁴¹.

Одновременно с приказом командующего флотом, Штабом КБФ были составлены «Указания по боевой подготовке на 1941 год» и «План-календарь боевой подготовки КБФ на 1941 год». В соответствии с планом-календарем, всего было запланировано на 1941-й год три оперативно-тактические игры (в январе, феврале и июле), одна тыловая игра (в марте),

⁶³⁹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 147. Л. 38.

⁶⁴⁰ Там же. Л. 39-41.

четыре отрядных и шесть тактических учений для флота, а также четыре учения по боевому управлению (в январе, марте, июне и сентябре) и три сбора флота (в мае, июне и августе)⁶⁴². Также Штабом КБФ были утверждены перечни тем для отрядных и тактических учений, сборов, подготовительных игр и учений по планам командиров соединений⁶⁴³, а кроме того, и «Перечень оперативно-тактических наставлений, подлежащих представлению на утверждение Военного совета КБФ»⁶⁴⁴.

О задачах боевой подготовки Краснознаменного Балтийского флота на 1941-й год также шла речь на сборе командиров соединений, военно-морских баз и начальников штабов КБФ, проходившем под руководством командующего флотом В. Ф. Трибуца 31 января 1941 года. Командующий КБФ на этом сборе сделал доклад об итогах боевой подготовки за прошлый год и задачах на текущий год⁶⁴⁵. В своем докладе Трибуц в основном опирался на известный приказ наркома ВМФ Кузнецова от 29 декабря 1940 г. и поэтому был вынужден признать то обстоятельство, что ситуация с боеготовностью флота в 1940-м году, по причине *«вопиющей халатности»* сложилась во многом *«неважно и даже преступно»*⁶⁴⁶.

Трибуц отмечал, что в прошедшем году Краснознаменный Балтийский флот пополнился значительным количеством новых боевых кораблей, что будет крайне важным для флота в 1941-м году, когда с ранней весны начнут плавать и впервые проходить курс БП значительное число совершенно новых кораблей и самолетов (один крейсер, тринадцать эсминцев, четырнадцать подлодок, два тральщика, минный заградитель «Урал», ряд катеров ОВРа, быстроходные самолеты типа «МБР-6», около 60 батарей береговой обороны и значительное число вспомогательных кораблей⁶⁴⁷. Кроме того, Краснознаменный Балтийский флот получил на вооружение ещё и новые образцы артиллерийского, минно-торпедного и противолодочного оружия, различные приборы акустического наблюдения, что создавало дополнительные трудности на пути прохождения БП в 1941-м году.

Большое значение для повышения уровня оперативной и тактической подготовки командного состава КБФ имели учения по боевому управлению (БУ) №№ 1 и 2 с фактическим использованием средств связи. Первое из них проводилось 23 января по теме «Отражение внезапного нападения противника на наши базы с моря, суши и воздуха», а

⁶⁴¹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 147. Л. 42.

⁶⁴² Там же. Л. 45-89, 90.

⁶⁴³ Там же. Л. 91-92, 96-99, 104-109.

⁶⁴⁴ Там же. Л. 94-95.

⁶⁴⁵ Там же. Д. 140. Л. 33-141.

⁶⁴⁶ Там же. Л. 16.

⁶⁴⁷ Там же. Л. 139.

второе учение проходило 13 марта по теме «Активная оборона Финского залива во взаимодействии всех сил флота»⁶⁴⁸.

Учение № 1 по боевому управлению преследовало следующую общую учебную цель – проверка организации работы штабов на боевое управление с использованием средств связи в операции, а также ряд частных учебных целей (проверка наличия и знания начсоставом функциональных таблиц, проверка знания начсоставом штабов новых условных обозначений для ведения карты обстановки и журнала боевых действий, тренировка штабов в сборе и обработке донесений, составление приказаний и пр.)⁶⁴⁹. Учением руководил сам командующий КБФ, штабом руководства являлся Штаб флота. К проведению учения были привлечены все основные соединения Балтийского флота. В период с 15 по 18 января была проведена подготовка к учению, 23 января – проведено учение и 24-25 января произведены его разборы⁶⁵⁰.

Учение выявило весьма пёструю картину состояния БП в соединениях, которые показали разные достижения в боевом управлении. Хорошо оказались подготовленными такие соединения флота, как Отряд легких сил, 1-я и 2-я бригады подлодок, военно-морские базы Кронштадт и Ханко. Удовлетворительно справились со своими задачами 1-я Бригада торпедных катеров, Охрана водного района Главной базы, 3-я бригада подлодок, Военно-воздушные силы КБФ, Либавская военно-морская база. Совершенно неудовлетворительно обстояли дела с боевым управлением на Эскадре КБФ и в системе ПВО базы Ханко⁶⁵¹.

Крайне тревожным было положение в военно-морской базе Либава, которая вообще на протяжении всей первой половины 1941-го года стабильно показывала низкие результаты в боевой подготовке. В частности, штабные командиры базы плохо усвоили Наставление по боевой деятельности штабов и правила ведения оперативных карт. В районе связи Либавской ВМБ дежурство по связи не было организовано, а схема связи отсутствовала. Хуже всего была организована связь в береговой артиллерии Либавы и в 43-й авиационной эскадрилье. Среди командиров штаба военно-морской базы Кронштадт было выявлено слабое знание вооруженных сил вероятных противников⁶⁵².

Общим недостатком в работе штабов соединений и военно-морских баз было то, что они не пользовались картой квадратов, а некоторые штабы (ВВС, 3-й бригады подлодок и Кронштадтской военно-морской базы) и отдельные части даже не умели работать с ней. Обнаружилась очень неприятная картина, когда штабы ещё не научились (и это в течение 4-х

⁶⁴⁸ Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941-1944 гг. Отв. ред. В. И. Ачкасов. М., 1973. С. 12.

⁶⁴⁹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 166. Л. 1. Д. 167. Л. 4.

⁶⁵⁰ Там же. Д. 166. Л. 2.

⁶⁵¹ Там же. Д. 166. Л. 43. Д. 167. Л. 4-5.

⁶⁵² Там же. Д. 167. Л. 8.

лет! – П.П.) и не умели сообщать о противнике согласно требованиям БУМС-37. Как правило, полученные от посредников вводные не обрабатывались, а прямо посылались в эфир в том же виде. Несмотря на то, что Штаб КБФ разработал и направил во все штабы специальную схему для составления донесений, ею нигде не пользовались⁶⁵³.

Общие выводы по игре были сделаны Штабом флота в целом весьма сдержанные. По сравнению с прошлогодним учением по боевому управлению, было отмечено улучшение результатов, за исключением Штаба Эскадры. Штабы баз и соединений в целом более тщательно подготовились к учению и провели его на более организованном уровне. Боевая документация оформлялась вполне правильно и по содержанию была удовлетворительной. Начальники штабов соединений и баз (в частности, Охраны водного района ГБ, Отряда легких сил, 2-й бригады подлодок, 1-й бригады торпедных катеров, базы Ханко), наконец, поняли свои задачи и стали лучше учить своих командиров и контролировать их работу⁶⁵⁴.

В то же время, командиры соединений и баз, наоборот, ослабили контроль и руководство по подготовке своих штабов. На учение по боевому управлению они смотрели как на ещё одну общефлотскую тренировку органов связи, отнеслись к нему формально, и это важное мероприятие фактически отдали на откуп своим начальникам штабов. В первую очередь, это относилось к командиру Эскадры Н. Н. Несвицкому, командиру Кронштадской военно-морской базы В. И. Иванову и командиру Либавской военно-морской базы П. А. Трайнину⁶⁵⁵. Указанные командиры не выделили посредников в подчиненные им части, передали план-розыгрыш по игре своим начальникам штабов (хотя должны были руководить сами), а в ходе учения не проверяли работу своих штабов и частей.

Для устранения вышеуказанных недостатков, выявленных на учении по БУ № 1, Военный совет КБФ предписал провести на всех соединениях групповые упражнения по правилам ведения оперативных карт. Для этого, на учении № 2 следовало проверить, как откорректированы функциональные таблицы, согласно «Наставлению по боевой службе штабов ВМФ». Помимо этого, командиру Эскадры было указано систематически тренировать командиров штабов и их заместителей, в целях взаимозаменяемости, на учениях по боевому управлению в соединении и общефлотского масштаба⁶⁵⁶.

В соответствии с приказом командующего КБФ и планом боевой подготовки флота, 13 марта 1941 г. на Краснознаменном Балтийском флоте было проведено также учение по боевому управлению № 2 с фактическим использованием средств связи. Тема этого учения была определена как «Активная оборона устья Финского залива во взаимодействии всех сил

⁶⁵³ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 166. Л. 45.

⁶⁵⁴ Там же. Д. 166. Л. 48, 186. Д. 167. Л. 11.

⁶⁵⁵ Там же. Д. 166. Л. 48. Д. 167. Л. 11.

⁶⁵⁶ Там же. Д. 167. Л. 12.

флота». Учение № 2 преследовало следующую общую учебную цель – тренировка штабов баз и соединений флота в боевом управлении при взаимодействии всех сил флота, а также ряд частных учебных целей (проверка штабов в боевом управлении при тактическом развертывании флота в условиях противодействия подлодок, торпедных катеров и авиации противника; проведение практики штабов в активном добывании сведений, их систематизации и обработке)⁶⁵⁷.

Результаты проведения учения № 2 выглядели достаточно противоречиво. С одной стороны, в отчете Штаба КБФ было заявлено, что общая учебная цель была достигнута, а штабы в целом получили необходимую тренировку в боевом управлении. При решении частных учебных целей возникли уже определенные проблемы. Если штабы базы Ханко, 2-й бригады подлодок, 1-й бригады торпедных катеров и Береговой обороны Главной базы хорошо решили первую задачу, то штабы военно-морской базы Либавы, 3-го дивизиона эсминцев, 10-й авиабригады и 81-й авиаэскадрильи справились с задачей плохо. Остальные соединения показали удовлетворительные результаты. Вторая учебная цель была хорошо отработана штабами базы Ханко, 2-й бригады подлодок и 1-й бригады торпедных катеров, плохо – штабами Эскадры, базы Либавы, 1-й бригады подлодок и Береговой обороны Балтийского района. Что касается третьей учебной цели, то здесь в основном все соединения решили её удовлетворительно, за исключением штабов базы Либавы и Эскадры⁶⁵⁸.

Общим недостатком в ходе учения являлся неотработанный командный язык при докладе обстановки и неумение штабных командиров делать выводы из оперативной обстановки. Взаимная информация о положении соседних частей отсутствовала в штабах базы Либавы, 1-й бригады подлодок, Эскадры и Береговой обороны Балтийского района. При приеме телеграмм в штабах соединений допускалось множество искажений. Составление донесений оставалось ещё слабым местом во многих соединениях, командиры подлодок не использовали таблицу условных сигналов при передаче своих донесений, а некоторые корабли вообще давали сообщения по флоту открытым текстом (!)⁶⁵⁹.

Наибольшее количество нареканий по ходу учения № 2 имел штаб Либавской военно-морской базы. Прежде всего, Штабом КБФ был отмечен тот неприятный факт, что почти все недостатки, отмеченные на прошлом учении № 1 в январе 1941 г., без изменения повторились на данном учении. Иными словами, никаких уроков из опыта прошедшего учения руководством ВМБ Либавы сделано так и не было. Функциональная таблица штаба не была откорректирована. Донесения о действиях противника зачастую не анализировались в штабе базы, а просто передавались подчиненным частям. Целый ряд командиров частей базы

⁶⁵⁷ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 167. Л. 35. Д. 168. Л. 1.

⁶⁵⁸ Там же. Д. 167. Л. 35-36.

вообще не руководили их действиями⁶⁶⁰. Иными словами, учение проводилось сугубо формально, а командование базы испытывало явное нежелание заниматься его подготовкой и проведением.

В действиях остальных соединений КБФ также имели место многочисленные упущения. В частности, на Эскадре командиры обоих линкоров, будучи посредниками, мало давали вводных и недостаточно активно руководили учением. Командиры штаба Эскадры недостаточно знали наставления, не умели грамотно докладывать обстановку и делать по ней выводы. В штабе отсутствовала практика контроля выполнения отданных приказов и распоряжений. Не практиковалось взаимное информирование соседних соединений, участвовавших в учении (ОЛС, БОБР). В Отряде легких сил КБФ перед началом учения командир отряда изменил своё решение, но об этом даже не поставили в известность подчиненные части и соседние соединения⁶⁶¹.

Впрочем, имелись и некоторые достижения в области работы средств связи флота. На учении по боевому управлению № 2 впервые применялась постоянно действующая схема связи (на предыдущих учениях каждый раз составлялась отдельная схема связи и давались указания по связи). Передача депеш, не относящихся к учению, была строго запрещена. Использовались только те средства связи, которые могли быть использованы в боевых условиях. Были открыты дополнительные радиовахты на участвовавших кораблях и радиоузлы, которые давали возможность тренировать личный состав в усиленном темпе⁶⁶².

Общие выводы по учению носили сдержанный характер. Хотя среднее время прохождения депеш и процент искажения снизились, их абсолютные величины всё равно оставались *«недопустимо велики»*. Внедрение в практику работы штабов соединений таблицы условных сигналов (ТУС) и карт квадратов, как считал Штаб КБФ, необходимо было развивать дальше. Всем начальникам штабов соединений и баз было приказано исправить отмеченные недостатки, а Штабу флота надо было проверить их ликвидацию за 10 дней до начала следующего тактического учения⁶⁶³.

Продолжением учений по боевому управлению №№ 1 и 2, в плане совершенствования оперативной подготовки командиров штабов КБФ, стал сбор начальников штабов соединений флота, проведенный в период с 20 по 22 марта 1941 года. Основными учебными целями данного сбора командиров являлись следующие: 1) Ознакомление начальников штабов с особенностями организации и управления современной боевой операцией; 2) Обучение правильной методике, оценке обстановки, принятию решения и составлению

⁶⁵⁹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 167. Л. 36.

⁶⁶⁰ Там же. Л. 37.

⁶⁶¹ Там же. Л. 38.

⁶⁶² Там же. Л. 38-39.

боевой документации; 3) Ознакомление начальников штабов с состоянием Балтийского театра и новой боевой техники, поступившей на вооружение КБФ. В рамках данного сбора прозвучали доклады, посвященные тактико-техническим характеристикам новых советских боевых кораблей, артиллерийскому, минно-торпедному и авиационному вооружению ВМФ, а также военно-морским флотам иностранных держав на Балтике. Кроме того, было проведено групповое упражнение с начальниками штабов на тему «Подготовка штаба к операции на оборону устья Финского залива»⁶⁶⁴.

Групповое упражнение для начальников штабов имело своей целью проверить умение штабных командиров составлять боевые документы. Внезапно обнаружилось, что большинство начальников штабов не умеют даже грамотно составить боевые приказы. В начале приказа, где излагалась обстановка на театре, многие командиры просто пересказывали разведсводку, а не делали выводы из неё. Ряд штабных командиров указывали даже в приказах задачи противника, хотя в принципе они не могли их знать. Другой распространенной ошибкой штабных командиров было то, что они не упоминали о действующих рядом соединениях и частях, как будто действовали в одиночку. В разделе «Решение» многие начальники штабов не могли своими словами сформулировать задачу соединению, а просто переписывали её из директивы вышестоящего командования. Многие штабные командиры ставили подчиненным частям заведомо невыполнимые задачи, подходя к этому ответственному делу очень формально. Лучшее всего приказы были составлены начальниками штабов баз, значительно хуже – начальниками штабов соединений и частей⁶⁶⁵.

Далее, в ходе группового упражнения проверялось умение штабных командиров составлять оперативные и разведывательные сводки, с целью проверки знания ими «Наставления по боевой деятельности штабов соединений ВМФ» 1940 г. Эта проверка показала, что данное наставление было плохо изучено подавляющей частью штабных работников. Имело место нарушение последовательности изложения событий в сводках. Некоторые командиры даже допускали искажение событий при указании в сводке, не анализировали полученные разведданные. Выяснилось, что далеко не все начальники штабов умеют правильно писать сокращенные названия частей и кораблей. Зачастую командиры просто переписывали друг у друга сводки, повторяя одни и те же ошибки. Допускались безграмотные выражения, свидетельствующие о низкой штабной культуре командиров. Ведение карты обстановки также страдало большим количеством недостатков, и у

⁶⁶³ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 167. Л. 41-42.

⁶⁶⁴ Там же. Д. 43. Л. 1-3.

⁶⁶⁵ Там же. Л. 23-24, 51.

большинства командиров штабов карты не использовались для того, чтобы помочь правильно изучить и оценить обстановку⁶⁶⁶.

Общий вывод Штаба КБФ по работе начальников штабов соединений и баз в ходе упражнения носил неутешительный характер. Было обнаружено, что «Наставление по боевой деятельности штабов соединений» в части составления боевых документов ещё не было усвоено командирами, а составленная ими документация не соответствовала в большинстве своем требованиям БУМС-37. В документах отсутствовала ясность мысли и краткость изложения; наоборот, допускалось излишнее многословие, которое только запутывало подчиненных. Совершенно недостаточно проводился анализ имевшихся данных и действий по обстановке. В итоге, начальникам штабов было указано больше работать над собой и в подчиненных им частях, проводить занятия и упражнения по составлению документов в соответствии с требованиями БУМС-37 и «Наставлением по боевой деятельности штабов соединений»⁶⁶⁷.

Подводя итоги сбора, командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц отметил в своем выступлении, что штабы соединений ещё не в полной мере отвечают требованиям, предъявляемым к органам боевого управления, допускают при этом ряд ошибок в своей работе. К наиболее крупным ошибкам в работе штабов Трибуц отнес недостаточное руководство и контроль за оперативной готовностью и боевой подготовкой соединений, командование через голову подчиненных начальников, обилие ненужных бумаг и постоянная перегрузка радиоэфира лишней информацией, а также представление в Штаб флота ложных донесений⁶⁶⁸.

Не менее важным направлением, чем оперативная и тактическая подготовка командно-начальствующего состава, стала проверка готовности флота к боевым операциям. 12 января 1941 г. заместитель начальника Главного морского штаба ВМФ и начальник Оперативного управления ГМШ контр-адмирал В. А. Алафузов утвердил «План оперативной проверки КБФ, на предмет определения готовности к первым минным постановкам»⁶⁶⁹. Председателем комиссии был назначен заместитель начальника Оперативного управления ГМШ капитан 1-го ранга И. Ф. Голубев. Время проверки было определено с 12 по 17 февраля. Районами проверки были назначены Главная база (Таллин), устье Финского залива, Рига, Ирбенский пролив и Либава. В качестве задач проверки, были утверждены следующие: 1) проверка наличия и степени разработанности исполнительной документации и соответствия её силам, средствам и степени подготовки сил; 2) проверка наличия и степени разработанности Лоции

⁶⁶⁶ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 43. Л. 25-27, 52.

⁶⁶⁷ Там же. Л. 28.

⁶⁶⁸ Там же. Л. 52.

⁶⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 167. Л. 229-232.

военного времени и соответствия ее минной документации; 3) проверка наличия, хранения и сортировки мин в соответствии с планом приемки; 4) проверка наличия кораблей-постановщиков и вариантов их замены; 5) проверка подготовленности кораблей к приемке, приготовлению мин, совместному маневрированию ночью, постановке мин; 6) проверка подготовленности выделенных сил для несения дозора, разведки, траления, уничтожения всплывших мин⁶⁷⁰.

В период с 14 по 21 февраля 1941 г. группа сотрудников Оперативного управления ГМШ под руководством заместителя начальника управления капитана 1-го ранга И. Ф. Голубева произвела на КБФ проверку готовности флота к минным постановкам. С этой целью были проверены штабы КБФ и Либавской военно-морской базы, а также крейсер «Максим Горький», минный заградитель «Урал», эсминцы «Карл Маркс», «Стойкий», «Сильный», «Сердитый», «Сторожевой», тральщики №№ 201, 204, 206, 207, 297, 298, 299, минные блокшивы №№ 1, 3 и 4, а также минные склады в Таллине, Риге и Либаве. Проверка проводилась без выходов в море (ввиду наличия сплошного льда в Финском заливе), путем практической приемки 100 мин заградителем «Урал» с минного блокшива № 4⁶⁷¹.

Проверка выявила неутешительную картину состояния подготовки кораблей Балтийского флота к минно-заградительным операциям. Штабом КБФ и штабом Либавской военно-морской базы были составлены планы минных постановок (МП) №№ 1, 2 и 3, исполнительные документы для кораблей, участвующих в постановке, а также даны соответствующие указания Гидрографическому отделу КБФ по навигационному обеспечению постановок и начальнику Тыла флота о порядке подачи мин. Но при этом не были завершены исполнительные документы командующим Эскадрой и ВВС КБФ, планы сокращенных вариантов минных постановок, план и график подачи мин и минных защитников из Кронштадта и не были разработаны наставления на операцию по выполнению минных постановок, логия военного времени и правила плавания торговых судов в военное время⁶⁷².

Главный недостаток подготовки КБФ к минным постановкам заключался в неудовлетворительном материальном обеспечении запланированных минно-заградительных операций КБФ. Запаса мин в Главной базе флота (Таллин) хватало для минных постановок лишь на первые 3 дня войны, а запаса минных защитников – вообще на 1 день. Необходимый по плану МП-1 запас мин и минных защитников не был сосредоточен в Таллине из-за отсутствия там необходимых складов. Имевшимися на месте запасами мин и защитников

⁶⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 167. Л. 229-230.

⁶⁷¹ Там же. Д. 166. Л. 32.

⁶⁷² Там же. Л. 32-33.

план МП-1 вообще не был обеспечен и в случае войны не мог быть выполнен в положенные сроки.

Реализация плана МП-2 также оказалась под вопросом. Из необходимых для постановок 1200 мин обр. 1926 г. имелось на складах в Риге лишь 200 мин (16%). Правда, по другим типам мин наблюдался некоторый излишек. Излишек минных защитников предполагалось в дальнейшем подать в Таллин, для обеспечения плана МП-1. Трудность с реализацией МП-2 заключалась еще и в том, что для минных постановок Балтийскому флоту требовалось транспортное судно, специально оборудованное под минный заградитель. Однако вплоть до осени 1941 г. ждать подобного судна было неоткуда. В связи с этим было решено осуществлять постановки по сокращенному варианту, когда каждая линия мин состоит из ряда защитников и ряда мин. При этом эффективность заграждения понижалась примерно в 2 раза⁶⁷³.

Лишь установка минных заграждений по плану МП-3 была вполне обеспечена наличным минным запасом: из требовавшихся 675 мин обр. 1912 г. имелось 672 мины. Однако разработанное наставление на постановку МП-3 не отвечало требованиям и отражало лишь перечень предварительных мероприятий по обеспечению операций⁶⁷⁴.

Оперативное управление ГМШ потребовало от Военного совета КБФ закончить разработку исполнительных документов, составить наставления на выполнение операций по постановкам МП-1, 2 и 3, рассчитать методы и средства навигационного обеспечения минных постановок. Следовало проверить организацию и материальное обеспечение подачи мин в Таллин и Ригу. Из-за сложности и длительности подачи мин из тыловых баз, было предписано необходимый запас мин для обеспечения МП-1 и МП-2 хранить в Главной базе, а для постановок в Ирбенском проливе – в Риге. Командованию КБФ было рекомендовано провести в мае 1941 г. вторичную проверку готовности к минным постановкам, с выходом кораблей в море⁶⁷⁵.

27 февраля 1941 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов издал приказ № 0028, где повторил основные выводы комиссии Оперативного управления ГМШ, а также указал на ряд новых фактов, свидетельствовавших о плохом состоянии минного дела на КБФ⁶⁷⁶. По мнению наркома ВМФ, из проверенных кораблей *«не оказалось ни одного готового к выполнению минных постановок»*. Основными причинами неготовности кораблей являлось плохое знание личным составом БЧ-3 материальной части мин, неотработанность организации приема и постановки мин, неудовлетворительные знания командиров кораблей

⁶⁷³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 34-35.

⁶⁷⁴ Там же. Л. 35-36.

⁶⁷⁵ Там же. Л. 56.

⁶⁷⁶ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 2. Л. 14-17. РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 142-145.

правил маневрирования при минной постановке. На всех проверенных кораблях запальные команды к практическому приготовлению мин были подготовлены слабо, а на тральщиках оказались неподготовленными ни запальные команды, ни командиры БЧ-3⁶⁷⁷.

Нарком ВМФ отмечал в приказе *«варварское»* отношение к хранению минного оружия на КБФ. К примеру, в Таллине хранилось 747 мин «Рыбка» прямо на открытом воздухе, в беспорядочной куче, в Либаве был случай повреждения на кораблях мин, находившихся под дождем несколько дней, при транспортировке со склада № 146 в Ригу 27 минных защитников произошли поломки и они требовали капитального ремонта. Вывод наркома ВМФ относительно общей готовности КБФ к минно-заградительным операциям носил отрицательный характер: *«В результате всей проверки выявлено, что Краснознаменный Балтийский флот к минно-заградительным операциям не готов»*⁶⁷⁸.

Основной причиной неудовлетворительного состояния в минном деле на Балтике Н. Г. Кузнецов посчитал невыполнение требований своего приказа № 0893 от 26 ноября 1940 г. и «Наставления по ведению морских операций». Ситуация усугублялась отсутствием должной требовательности и контроля со стороны Военного совета КБФ к подготовке к боевым операциям, что привело к самоуспокоенности Штаба КБФ и командиров кораблей. Кузнецов приказал Военному совету КБФ осуществить *«решительный перелом»* в подготовке флота к проведению минно-заградительных операций и доложить ему о готовности к 1 апреля 1941 года. Командованию Балтфлота также было поручено расследовать случаи порчи минного боезапаса и его небрежного хранения и привлечь всех виновных к ответственности⁶⁷⁹.

Таким образом, планы минных постановок КБФ фактически повисали в воздухе ввиду невысокой минной подготовки личного состава кораблей и неправильного распределения минно-трального оружия в базах флота. Здесь стоит отметить, что и к 22 июня 1941 г. подавляющая часть мин и минных защитников всё еще продолжала храниться в тыловой базе флота – Кронштадте. Так, из 2845 мин обр. 1908 г. там находилось 1280 мин (45%), из 5717 мин обр. 1926 г. – 4060 мин (71%), все 903 мины обр. 1931 г. (100%), из 615 мин «ПЛТ» – 576 мин (93%), из 747 мин «Рыбка» – все 747 мин (100%), из 3309 минных защитников – 1597 (48%)⁶⁸⁰. С одной стороны, подобное сосредоточение минного вооружения флота в глубоком тылу уменьшало риск их потерь. В то же время, в случае внезапного начала войны надо было срочно грузить минный запас на корабли и перебрасывать его к передовым рубежам развертывания флота. Фактор внезапности минных постановок неизбежно терялся,

⁶⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 142-143.

⁶⁷⁸ Там же. Л. 143-145.

⁶⁷⁹ Там же. Л. 145.

⁶⁸⁰ Ведомость потребности и обеспеченности флота к началу войны минно-торпедным боезапасом и имуществом, рассредоточение его по базам. Приложение № 7 к «Краткому обзору боевых действий КБФ за период с 22.06 по 31.12.1941 года». – РГА ВМФ. Материалы фонда Р-2251.

и минно-заградительные операции КБФ могли просто потерять свою актуальность в условиях быстро меняющейся обстановки.

Столь пристальное внимание к минно-тральной подготовке КБФ было проявлено руководством ВМФ отнюдь не случайно: операции по осуществлению минных постановок носили во многом определяющий характер, ибо были призваны создать благоприятные условия для боевой деятельности Краснознаменного Балтийского флота ещё на начальном этапе войны. Эти постановки должны были прикрыть развертывание сил КБФ на театре и затруднить действия противника. Если командованию флотом не удавалось своевременно осуществить минно-заградительные операции, весь план боевых действий вообще мог оказаться под вопросом, и тогда КБФ мог оказаться в крайне невыгодной для себя ситуации. (Именно так и произошло летом 1941 г., когда немецкий и финский ВМФ упредили КБФ в минных постановках и создали невыгодные условия для его боевой деятельности.)

Итоги боевой подготовки флота за зимний период были подведены 3 апреля 1941 г. командующим КБФ вице-адмиралом В. Ф. Трибуцем в приказе № 0118. В соответствии с прошлогодними указаниями наркома ВМФ, весь период с 1 января по 1 апреля был использован Краснознаменным Балтийским флотом для того, чтобы сохранить уровень боевой подготовки, достигнутый соединениями и кораблями флота к концу 1940-го года. На кораблях в это время проводилась подготовка одиночного бойца и сколачивание подразделений, на береговых батареях осуществлялись зимние стрельбы, а в авиачастях проводилась летная подготовка. Командирская учеба была направлена на повышение оперативно-тактической подготовки всего начсостава, который так же, как и штабы флота, соединений и баз, тренировался на базовых тактических учениях по зимней обороне, на оперативно-тактических играх и учениях по боевому управлению.

По результатам зимней учебы, в лучшую сторону выделялись такие соединения, как 1-я бригада подводных лодок и военно-морская база Ханко. Из частей Военно-воздушных сил КБФ в лучшую сторону выделялись 15-й разведывательный авиаполк, 13-й истребительный авиаполк 10-й бригады, 12-я истребительная авиаэскадрилья 61-й бригады и 44-я разведывательная авиаэскадрилья, которые в основном выполнили планы боевой подготовки и сумели ввести в строй молодой летный состав⁶⁸¹. Наряду с хорошо отработанными соединениями, частями и кораблями, имелись и такие, которые проходили курс БП и осуществляли командирскую учебу плохо. К числу наиболее отстающих соединений, частей и кораблей были отнесены: 1-й дивизион быстроходных тральщиков, крейсер «Киров», канонерская лодка «Красное знамя», минный заградитель «Урал», Береговая оборона

⁶⁸¹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 147. Л. 261-262.

Балтийского района, 8-я авиабригада и 41-я авиаэскадрилья ВВС КБФ, участки ПВО военно-морских баз Либава и Кронштадт⁶⁸².

Претензии к работе командно-начальствующего состава командующий КБФ Трибуц выдвинул весьма серьезные, среди которых фигурировали: невыполнение основных требований раздела «Боевая подготовка одиночного корабля» Корабельного устава ВМФ 1939 г. (КУ-39); медленное внедрение в жизнь КУ-39 и нарушение распорядка дня; плохое содержание оружия и механизмов на кораблях; недостаточная учеба и воспитательная работа с младшим начальствующим составом. Общее качество учений и занятий было охарактеризовано В. Ф. Трибуцем как низкое, при этом методика обучения явно находилась в загоне. Многие командиры стремились переложить обучение вверенного им личного состава на малоподготовленный, а иногда и совсем неподготовленный младший начсостав. Последовательность обучения очень часто нарушалась, что сильно обесценивало действующие курсы и методики боевой подготовки⁶⁸³.

С целью ликвидации имевшихся недостатков, командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц приказал командирам баз и соединений флота принять самые решительные меры, с последующим докладом ему о состоянии соединений в конце апреля. Одновременно, Трибуц возложил функцию контроля за состоянием боевой подготовки на флоте на начальника Штаба КБФ, который должен был в своих циркулярах объявлять оценку выполнения планов боевой подготовки всеми соединениями, базами и частями⁶⁸⁴.

2 апреля 1941 г. заместитель наркома ВМФ и начальник ГМШ адмирал И. С. Исаков направил Военному совету КБФ директиву № 10043с, в которой содержалось указание наркома ВМФ о том, что в кампанию 1941 г. следует четко соблюдать схему базирования флота и использование участков театра для боевой подготовки действующего флота и испытаний сдающихся кораблей⁶⁸⁵. Низкий уровень боевой подготовки личного состава КБФ в прошедшем году он объяснял исключительно тем обстоятельством, что *«в кампанию 1940 г. выход несданных кораблей в передовую зону театра был вынужденным и не всегда оправдывался обстановкой»*. В результате районы боевой подготовки и районы испытаний новых кораблей были перепутаны. Нарком ВМФ предложил категорически запретить походы и базирование несданных флоту кораблей в Либаву, Рижский залив, Ханко и Палдиски. Временный вход сдаваемых промышленностью или испытываемых кораблей в Главную базу флота (Таллин) следовало ограничить *«только случаями крайней необходимости»*. Основным районом для всех видов испытаний кораблей, сдаваемых флоту,

⁶⁸² ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 147. Л. 263-264.

⁶⁸³ Там же. Л. 263.

⁶⁸⁴ Там же. Л. 264-265.

⁶⁸⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 180. Л. 15.

нарком ВМФ назначил восточную часть Финского залива, с базированием и обеспечением из Кронштадта, Ораниенбаума и Ленинграда⁶⁸⁶.

Организация процесса боевой подготовки и порядок проведения испытаний кораблей Краснознаменного Балтийского флота в особых условиях были определены приказом командующего КБФ В. Ф. Трибуца № 0028 от 13 марта 1941 г. В нем было указано, что на период нахождения флота в оперативной готовности № 1 и в военное время боевая подготовка проводится на всех кораблях и частях флота, а при планировании БП следовало исходить из оперативной готовности соединения. Для прохождения боевой подготовки были отведены следующие районы: район № 1 – восточная часть Финского залива; район № 2 – Рижский залив. Все корабли, находящиеся в организационном периоде, на заводских или сдаточных испытаниях, с объявлением готовности № 1 или войны должны были переходить в свои базы мобилизации, после чего от Штаба флота получить указание о дальнейшем прохождении БП и испытаний⁶⁸⁷.

В период с 11 по 12 апреля 1941 г. по плану была проведена проверка боевой готовности соединений КБФ, расположенных в Главной базе – Таллине. Данная проверка была направлена, прежде всего, на решение следующих задач: 1) Проверка системы оповещения и знания инструкций по оперативной готовности в частях КБФ ГБ; 2) Проверка приемки полного запаса мин на двух эсминцах Отряда легких сил; 3) Подготовка к выходу одной подлодки и одного тральщика; 4) Проверка Тыла в подаче снабжения по тревоге; 5) Тренировка Штаба КБФ в работе и флагманского командного пункта и разработке оперативной документации и другие⁶⁸⁸. Для командования КБФ было важно оценить уровень подготовки кораблей флота к проведению минных постановок. Учитывая результаты проведенной ГМШ в феврале 1941 г. проверки подготовки Балтийского флота к минно-заградительным операциям, ситуация здесь была непростой.

Откровенным сюрпризом стало то, что Штаб КБФ не знал, какие именно корабли Отряда легких сил готовы к приемке мин, а какие нет. Первоначально, Тылу флота было приказано грузить мины на эсминец «Сторожевой», однако, затем выяснилось, что на эсминце разобраны машины, и выйти в море он не может. После напоминания об этом командиру 2-го дивизиона эсминцев, тот ответил, что к постановке готов эсминец «Сердитый», о чем Тыл флота даже не был предупрежден. Виноватым во всей этой путанице был 1-й отдел Штаба флота, который даже не оповестил Тыл флота, что в боевом ядре КБФ состоит эсминец «Сердитый», а вовсе не «Сторожевой». Сама погрузка мин на эсминец

⁶⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 180. Л. 15.

⁶⁸⁷ Там же. Д. 167. Л. 325-326.

⁶⁸⁸ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 41. Л. 1.

затем прошла нормально⁶⁸⁹. Штаб Отряда легких сил также отметил ряд недостатков в работе кораблей и штабов. Во-первых, оперативный дежурный штаба почему-то не знал, какой корабль должен принимать мины. При условном налете на крейсер «Максим Горький» на корабле была объявлена боевая готовность № 1, а штаб находился в готовности № 2. Крейсер «Максим Горький» не был обеспечен буксиром для доставки торпед из минной гавани, а турбинное масло так и не было принято⁶⁹⁰.

По плану боевой подготовки флота, на 6 мая 1941 г. в Либавской военно-морской базе намечалось проведение тактического учения № 1 (ТУ № 1-бис) на тему «Обороны базы». Однако, по целому ряду причин, данное учение было прервано командующим КБФ в самом начале. Изучение данного события, к сожалению, объясняет очень многое в дальнейшей деятельности этой военно-морской базы, и в первую очередь, её крайне неудачную оборону в начале Великой Отечественной войны.

После проведения проверки подготовки частей ВМБ Либава к учению и в ходе самого учения, командующим флотом В. Ф. Трибуцем был выявлен целый ряд серьезных недочетов, которые являлись прямым следствием невыполнения его указаний о порядке подготовки учений. В связи с обнаруженными нарушениями, командующий КБФ принял решение о прекращении учения № 1⁶⁹¹. В своем приказе № 1/оп от 8 мая командующий флотом подробно рассмотрел все произошедшие на учении события.

Во-первых, выяснилось, что штаб Либавской военно-морской базы не был своевременно и полностью привлечен к разработке плана подготовки и проведения учения, в результате чего план представлялся командующему флотом на утверждение два раза, причем оба раза в *«явно неудовлетворительном виде»*. Указания по его исправлению были исполнены поздно, уже накануне дня учения и лишь с помощью работников Штаба КБФ. Предварительные игры и групповые упражнения были проведены неудовлетворительно, наспех и то лишь под нажимом командующего флотом В. Ф. Трибуца. Во-вторых, штаб базы слишком поздно разработал и раздал частям стороны «А» документы на учение – только в ночь на 6 мая, т.е. в день развертывание частей. Причем, при подготовке учения штаб базы пренебрег даже прогнозом погоды и не озаботился организацией работы службы погоды. Авиация в базе даже не была проведена в боевую готовность. Ни в городе, ни в частях гарнизона базы даже не была введена светомаскировка⁶⁹².

В ходе проведения учения, наблюдалась исключительная неорганизованность и безалаберность в работе начальника штаба базы капитана 1-го ранга М. С. Клевенского, а

⁶⁸⁹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 41. Л. 26.

⁶⁹⁰ Там же. Л. 27-28.

⁶⁹¹ Там же. Д. 5. Л. 80.

⁶⁹² Там же. Л. 80-81.

также неудовлетворительная слаженность работы штаба базы в целом. Отдельно командующим флотом В. Ф. Трибуцем было отмечено *«нездоровое отношение с командирами сухопутных частей, что идет только во вред делу обороны базы»*. И здесь главная вина была возложена на начальника штаба базы капитана 1-го ранга М. С. Клевенского, не желавшего согласовывать вопросы обороны базы с командирами сухопутных частей в Либаве. Не исключено, что это обстоятельство в последующем сыграло трагическую роль в ходе обороны базы в начале Великой Отечественной войны. Штаб Либавской военно-морской базы также плохо руководил средствами связи, игнорируя при этом даже прямые указания командующего КБФ. Не соблюдалась секретность передачи приказаний, многие депеши оформлялись небрежно⁶⁹³.

В ходе подготовки проведения учения обнаружилось, что командир Либавской базы контр-адмирал П. А. Трайнин неудовлетворительно руководил работой штаба, не контролировал выполнения своих приказаний и принятых решений. Более того, командир базы позволял своему начальнику штаба отменять или изменять его приказы, что вносило элемент дезорганизации. По ходу подготовки учения было отмечено большое количество лживых докладов командиров соединений, частей и штабов. В частности, сообщалось о ложном нахождении частей в тех местах, где их вообще не было. В городе Либава не проводилось затемнение, более того, даже в военном городке и частях МПВО оно не было отработано⁶⁹⁴.

В итоге, работа по подготовке и руководству учением со стороны командира Либавской военно-морской базы контр-адмирала П. А. Трайнина была оценена командующим КБФ вице-адмиралом В. Ф. Трибуцем неудовлетворительно. Командующий флотом приказал в месячный срок решительными мерами устранить все отмеченные недостатки, после чего учение следовало повторить. На непосредственных виновников нарушений действующих правил оповещения были наложены строгие взыскания. К 10 июня требовалось представить командующему КБФ на утверждение план повторного учения № 1-бис⁶⁹⁵. В дополнение данного приказа, 27 мая командующий КБФ своим приказом № 0053 объявил командиру Либавской военно-морской базы выговор за плохую подготовку учения⁶⁹⁶.

10 июня начальник Штаба КБФ контр-адмирал Ю. А. Пантелеев в своем циркуляре № 0104 подвел итоги проведенной в период с 1 мая по 1 июня 1941 г. в соединениях флота подготовки одиночного бойца, отработки боевой части, одиночного корабля и выполнения

⁶⁹³ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 5. Л. 81.

⁶⁹⁴ Там же. Л. 81-82.

⁶⁹⁵ Там же. Л. 82.

⁶⁹⁶ Там же. Д. 147. Л. 327.

огневых задач, а также тактических учений по обороне баз с участием флота. Общая оценка выполнения плана по Эскадре КБФ была лишь удовлетворительной. Только линкор «Октябрьская революция» получил хорошую оценку, все остальные корабли и части – лишь удовлетворительные. Отряд легких сил также получил «удовлетворительно» за боевую подготовку. Лишь 2-й дивизион эсминцев отряда имел хорошую оценку. На 1-й бригаде подводных лодок за выполнение плана БП была выставлена общая оценка «удовлетворительно». Во 2-й бригаде подлодок общая оценка носила удовлетворительный характер. Таких же «успехов» добилась и Учебная бригада подлодок. Удовлетворительную оценку получила и группа минных заградителей в составе «Марти» и «Урал»⁶⁹⁷.

Что касается военно-морских баз, то здесь ситуация выглядела следующим образом. Базы Ханко, Кронштадт и Либава получили за выполнение плана БП общую оценку «удовлетворительно». Такие же успехи имелись и у Береговой обороны Балтийского района. Зато в числе отстающих оказалась Береговая оборона Главной базы (БО ГБ), которая получила оценку «неудовлетворительно». Отмечалась плохая работа Штаба БОБР на всех учениях и поверхностная проверка стрельб береговых батарей. Охрана водного района, наоборот, выполнила план боевой подготовки на оценку «хорошо». В результате проверки выяснилось, что отстающими соединениями на 1 июня 1941 г. являются канонерская лодка «Красное знамя» из Шхерного отряда КБФ и Береговая оборона Главной базы⁶⁹⁸.

Говоря о ходе боевой подготовки соединений флота в предвоенный период, нельзя не отметить и такой её характерной особенности, как формальное отношение части командного состава КБФ к реальному уровню боевой подготовки многих кораблей. В свою очередь, это приводило к неоправданному зачислению многих кораблей в категорию полностью боеготовых и включении их в состав боевого ядра флота. Делалось это зачастую для улучшения показателей БП флота и, естественно, приводило к завышению подлинного уровня боевой готовности многих кораблей, которые на деле являлись небоеготовыми. В отдельных случаях это обнаруживалось⁶⁹⁹, но, в целом, отношение командования к подобным манипуляциям многих командиров соединений и частей было снисходительным, ибо многим командирам это очковтирательство было выгодно.

В мае 1941 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов приказал Военному совету КБФ с 23 мая начать подготовку к проведению больших маневров с тем, чтобы завершить её в течение месяца⁷⁰⁰. План данных маневров, обозначенных в плане боевой подготовки флота как Отрядное учение № 3 (ОУ № 3) было утверждено командующим КБФ вице-адмиралом

⁶⁹⁷ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 147. Л. 337-339.

⁶⁹⁸ Там же. Л. 339-341.

⁶⁹⁹ Там же. Л. 19-21, 22-24.

В. Ф. Трибуцем 13 июня 1941 г. Тема учения была сформулирована в соответствии с приказом наркома ВМФ № 00300 и называлась «Противодесантная оборона островов Эзель, Даго и оборона Рижского залива во взаимодействии флота с частями Красной Армии». Время проведения маневров было назначено на 10-15 июля 1941 года. Основными учебными целями для стороны «А», игравшей за советскую сторону, были: 1) отработка взаимодействия сил КБФ и ПриБОВО по отражению высадки десанта на острова в обороне Рижского залива, 2) отработка «Наставления по обороне Рижского залива» и 3) организации командования и боевого управления частями флота и армии при обороне Ирбенского пролива и островов. Сторона «Б», игравшая за неприятеля, должна была отработать высадку морского и воздушного десанта на острова с одновременным прорывом укрепленной позиции⁷⁰¹.

Общая обстановка на учении виделась командованию КБФ в довольно благостных тонах. Предполагалось, что лишь на 7-й (!) день войны с Финляндией будет завершена переброска войск на Ханко. Тем временем, Германия осуществит удары авиации по советским базам и аэродромам. Швеция во время этих событий будет сохранять враждебный по отношению к СССР нейтралитет. Одновременно с этим, Краснознаменный Балтийский флот осуществит постановку первой очереди минного заграждения в устье Финского залива и заграждения в Ирбенском проливе, а подводные лодки развернутся на позициях у Швеции⁷⁰².

По мнению Военного совета КБФ, общая картина начала войны выглядела достаточно спокойно для Балтийского флота, и никаких серьезных угроз для него не предвиделось, что свидетельствовало об упрощенном подходе советского военно-морского командования к планированию будущих боевых действий. Также данный сценарий войны свидетельствует об определенной устарелости взглядов командования Балтийского флота. Дело в том, что возможные действия противника предусматривались примерно в том виде, в каком они имели место во время Первой мировой войны на Балтике (классические бои на минно-артиллерийских позициях по типу Моонзундского сражения). Складывается впечатление, что за 20 предвоенных лет военно-теоретические познания высшего советского морского командования остались на прежнем уровне и не учитывали тех изменений, которые произошли в тактике и вооружении флота.

Однако, ввиду явного нарастания угрозы возникновения войны с Германией, Военный совет КБФ был вынужден с начала июня 1941 г. прервать процесс боевой подготовки и

⁷⁰⁰ Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941-1945 гг. В 4-х кн. Кн. 1. Оборона Прибалтики и Ленинграда 1941-1944 гг. С. 24.

⁷⁰¹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 45. Л. 1-2.

⁷⁰² Там же. Л. 2.

сосредоточить свое внимание исключительно на организации корабельных дозоров и воздушной разведки на Балтийском театре. Поэтому были отменены не только общефлотские маневры, но также и тактические учения Балтийского флота №№ 3 и 5, намеченные на начало июня 1941 года⁷⁰³. Связано это было с процессом сосредоточения германских войск вдоль сухопутной границы СССР и активизацией разведывательной деятельности немецкого флота и ВВС в советских территориальных водах весной 1941 года⁷⁰⁴.

7 мая 1941 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов дал указание Военному совету КБФ установить с 8 мая дозоры в устье Финского залива, на подходах к Ирбенскому проливу, на подходах к Таллину, Либаве и Ханко⁷⁰⁵. В итоге, в мае-июне 1941 г., как свидетельствует Кузнецов, боевая подготовка на КБФ проходила *«в совсем необычных условиях»*⁷⁰⁶. А между тем, по плану боевой подготовки флота все основные учебно-практические мероприятия на Балтике были намечены командованием КБФ именно на летний период 1941 года, что не могло не сыграть своей отрицательной роли в деле прохождения флотом полного курса боевой подготовки.

19 июня по указанию Главного морского штаба ВМФ Балтийский флот был переведен на оперативную готовность № 2⁷⁰⁷. В своем приказе от 5 июня 1941 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов потребовал от командований флотов *«обнаруженные недочеты фактической оперативной готовности корабля, части, соединения флота доносить ... как о чрезвычайном происшествии»*, а также *«строго наказывать за случаи притупления внимания и очковтирательские заключения»*⁷⁰⁸. От указанного фактора в тот момент зависело очень многое, и в первую очередь, готовность КБФ к боевым действиям в случае начала войны.

Адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов после войны справедливо заметил в своих мемуарах, что *«мы не сделали... всех выводов»* из опыта советско-финляндской войны, из-за чего *«положение в центральном аппарате мало изменилось к моменту нападения на нас Германии»*⁷⁰⁹. Правда, бывший нарком ВМФ тут же поспешил объяснить и оправдать это тем обстоятельством, что до начала Великой Отечественной войны *«времени оставалось мало и кардинально изменить положение оказалось уже невозможным»*⁷¹⁰. Однако, для

⁷⁰³ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 66. Л. 21.

⁷⁰⁴ Центральный военно-морской архив. Справочник по фондам (1941-1960). Органы управления Военно-Морским Флотом, части и учреждения центрального подчинения. СПб., 1998. С. 215.

⁷⁰⁵ Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941-1944 гг. Отв. ред. В. И. Ачкасов. М., 1973. С. 13. Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941-1942. С. 117.

⁷⁰⁶ Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. С. 283.

⁷⁰⁷ Оборона Ленинграда, 1941-1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 224.

⁷⁰⁸ Цит. по: Усенко Н. В. Нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов // Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 8.

⁷⁰⁹ Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. С. 263.

⁷¹⁰ Там же. С. 331.

того, чтобы что-то исправлять, необходимо ещё определённое желание, а оно у Военного совета КБФ не особенно наблюдалось. Особенно неудовлетворительным оставалось положение с боевым управлением, службой штабов, работой разведки, а также оперативной и тактической подготовкой командного и начальствующего состава, которая в основном находилась на довольно низком уровне. Именно этим объясняются многочисленные просчёты командования, неудачные боевые операции и тяжёлые потери Краснознамённого Балтийского флота в 1941-1942 гг. Последующая боевая деятельность КБФ в 1943-45 гг. также не впечатляла особыми достижениями. Недостатки подготовки мирного времени пришлось исправлять уже непосредственно в ходе боевых действий Великой Отечественной войны, жертвуя при этом обучении немалыми людскими силами и материальными средствами.

Краснознаменный Балтийский флот оказался не в полной мере подготовленным к действиям в составе больших соединений – как в навигационном отношении, так и в плане отработки боевых задач. Основными причинами такого положения были неправильная организация БП на уровне флота в целом и в составе крупных соединений. При прохождении процесса боевой подготовки, как правило, допускалось немало условностей, упрощений. Многие трудные задачи курса БП зачастую пропускались отдельными частями и кораблями ради получения общего благоприятного результата. В итоге, многие учебно-практические мероприятия (маневры, учения), несмотря на всю свою масштабность, имели относительно небольшую практическую значимость. Подготовка ко многим учениям и играм с участием командного состава носила формальный характер, что в значительной мере обесценивало их значение. Отрицательным явлением в БП Советского ВМФ была сезонность, когда большая часть учебных мероприятий приходилась на определенное время года (лето-начало осени). В силу этого, процесс боевой подготовки личного состава флота носил неравномерный, скачкообразный характер. Если к концу каждого года уровень подготовки личного состава повышался за счет проведения учений и маневров, то с начала следующего года приходилось всё начинать сначала.

Но, пожалуй, главным фактором, сильно снижающим общий уровень готовности КБФ к войне, была низкий уровень оперативной и тактической подготовки подавляющей части командно-начальствующего состава флота. Данное обстоятельство неизменно отмечалось командованием ВМФ и КБФ на самом высоком уровне и являлось одной из главных причин неудовлетворительных результатов различных учебно-практических мероприятий флота. На протяжении всей второй половины 1930-х годов ситуация с состоянием БП постоянно внушало большую тревогу у руководства ВМФ. Неудивительно, что в 1940-м году многие показатели боевой подготовки КБФ «благодаря» этому обстоятельству оказались на весьма

низком уровне. Очень плохо обстояло дело с артиллерийской подготовкой соединений. Перед войной была также плохо отработана минно-заградительная операция на главном оборонительном рубеже, от проведения которой зависел успех всего начального периода войны. Много недостатков наблюдалось в действиях морской авиации, имевшей высокий уровень аварийности.

Иными словами, боевая подготовка Балтийского флота на протяжении всей второй половины 1930-х – начала 1941 годов страдала серьезными недостатками и являлась одним из решающих факторов плохой подготовленности КБФ к началу боевых действий Великой Отечественной войны. Причины этого положения заключались в значительной степени в том, что Военно-Морскому Флоту приходилось довольствоваться тем личным составом, который имелся на тот момент. Что же касается качества подготовки командиров всех уровней, то она в значительной степени определялась общим социальным и образовательным уровнем СССР того времени.

Глава 6. Оперативное планирование и применение Краснознаменного Балтийского флота в 1935-1941 годах

§ 1. Оперативное планирование на Краснознаменном Балтийском флоте в 1935 – 1938 гг.

Данная тема длительное время являлась запретной в отечественной историографии, поскольку наглядно демонстрировала процесс подготовки СССР к войне, боевые задачи флота и его действия в начале Второй мировой войны. Наиболее важными событиями здесь были действия по вводу частей Красной Армии и Военно-Морского Флота в страны Прибалтики в сентябре-октябре 1939 г. и их последующему присоединению в июне 1940 г., а также боевые действия в Финляндии в ноябре 1939 г. – марте 1940 г. В последние годы боевая деятельность КБФ в период войны с Финляндией, а также во время событий в Эстонии в 1939 и 1940-м годах нашла своё отражение в работах диссертанта⁷¹¹.

Во всех упомянутых событиях Военно-Морской Флот СССР, и в первую очередь, Краснознаменный Балтийский флот сыграл весьма важную роль. По сути дела, действия КБФ в 1939-1940 годах стали своего рода продолжением советской внешней политики. При этом процессы оперативного планирования, мобилизационного развертывания и приведения Военно-Морского Флота в боевую готовность являлись звеньями одной цепи и были логически связаны между собой в ходе подготовки флота к войне. Каждый из данных процессов регулировался специальными руководящими документами.

Ещё 3 апреля 1934 г. начальник 1-го Управления Штаба РККА В. П. Калачев подписал директиву № 61391сс, которая адресовалась начальнику Штаба Морских сил Балтийского моря И. С. Исакову. Ссылаясь на то обстоятельство, что *«оперативный план Морских сил Балтморья не подправляется по мере изменения обстановки (изменение состава сил или материальных средств), а также ввиду имевших место случаев нарушения правил особой секретности в обращении с отдельными документами оперразработок»*, начальник управления сообщал основные указания Штаба РККА по методике разработки плана. Оперативный план должен был включать в себя следующие документы: 1) Общий план действий; 2) Развертывание морских сил; 3) План прикрытия мобилизации и развертывания; 4) Планы первых операций; 5) План действий ВВС; 6) План обороны главной базы; 7) Планы минных заграждений и траления; 8) Лоция военного времени; 9) План политического обеспечения; 10) Материальное обеспечение; 11) Сведения о противнике; 12) Дневник

⁷¹¹ Советско-финляндская война 1939–1940. Сост. П. В. Петров, В. Н. Степаков. В 2-х тт. СПб., 2003. Т. 2. С. 3-266. *Петров П. В.* Балтийский флот. Финский гамбит. М., 2005. *Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939–1940. Хельсинки, 2008. *Pavel Petrov.* Punalipuline Balti Laevastik ja Eesti 1939-1941. Tallinn, 2008.

начальника Штаба; 13) Документы исполнителям (составляются на основе разработок по пп. 1–11)⁷¹².

Главнейшим требованием к оперативному плану было то, что он является рабочим документом командования, *«помогающим ему в управлении боевыми действиями с началом войны»*, поэтому все документы должны быть просты, удобны для пользования и исключительно конкретны. В целом, оперплан, как рабочий документ, должен отвечать на вопросы о том, что будет делать командование с началом войны, во исполнение поставленных перед ним задач, и как оно для этого группирует и использует имеемые материальные силы и средства. После утверждения оперативного плана высшим командованием, он считается введенным в действие. Однако начальник 1-го Управления сделал очень важную оговорку, что *«не следует считать, что оперплан представляет собой стабильный документ»*. По мере изменения обстановки (новые данные о противнике, новое оборудование театра или материальных средств (изменения в судовом составе, в количестве мин, артиллерии и т.д.)) *«отдельные документы оперативного плана должны подправляться, дополняться или даже изменяться»*⁷¹³.

Разработка оперативного плана может считаться законченной лишь тогда, когда будет закончена разработка документов исполнителям, которые запечатываются в отдельные пакеты и хранятся в 1-м отделе Штаба Морских сил. С целью ограничения круга лиц, допускаемых к разработке оперативного плана, в полном объеме он мог быть известен (помимо командующего Морскими силами, члена Военного совета и начальника Штаба Морских сил) только начальнику 1-го отдела, начальнику 1-го сектора 1-го отдела Штаба морских сил и его помощнику. Для проработки отдельных документов плана допускалось участие лишь ограниченного круга лиц и *«только в части их касающейся»*. Все лица, допущенные к разработке, и степень их допуска объявляются совершенно секретным приказом командующего морскими силами, который доводится до сведения заинтересованных лиц под расписку⁷¹⁴.

В дальнейшем, 22 марта 1939 г., заместитель наркома ВМФ флагман флота 2-го ранга П. И. Смирнов-Светловский утвердил «Указания по технике разработки оперативной части плана войны», которые были посланы на все флоты и флотилии. Данные указания должны были внести единообразие в процесс разработки и оформления оперативных планов флотов. В них было четко определено, что *«оперативная часть плана войны Рабоче-Крестьянского Военно-Морского флота разрабатывается на основе решения Народного Комиссара Военно-Морского флота, преподанного флотам директивой с постановкой основных*

⁷¹² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 181. Л. 22.

⁷¹³ Там же. Л. 22об.-23.

задач»⁷¹⁵. Основными исполнителями по разработке оперплана являлись командиры 1-х (оперативных) отделов штабов флотов или 1-х отделений штабов флотилий. Допуск к работе над оперпланом производился персонально. Списки лиц, допускаемых к разработке документации, следовало представлять в Главный морской штаб на утверждение наркомом ВМФ.

На основании директивы наркома ВМФ, штабам флотов следовало разрабатывать, в соответствии с требованиями ГМШ, такие документы, как: 1) Порядок развертывания сил и средств, назначенных в состав данного флота; 2) План прикрытия мобилизации и развертывания; 3) Общий план действий флота; 4) Планы первых операций флота; 5) План действий Военно-воздушных сил флота; 6) План минной войны; 7) План подводной войны; 8) План обороны баз и укрепрайонов; 9) Организация всех видов оперативной разведки на театре; 10) План навигационного обеспечения; 11) План материального обеспечения; 12) Сведения о вероятных противниках и странах, соблюдающих нейтралитет⁷¹⁶.

По окончании разработки оперативного плана штабом флота и его утверждения Военным советом флота, план следовало представить в Главный морской штаб для изучения. Начальник 1-го отдела ГМШ после изучения оперплана должен был доложить свои замечания начальнику ГМШ, в присутствии начальника штаба флота и начальника 1-го отдела штаба. На основании замечаний и поправок, сделанных начальником ГМШ на докладе, штабы флотов должны были вносить соответствующие поправки в план, после чего военные советы лично в присутствии начальника ГМШ докладывали план на утверждение наркома ВМФ. Утвержденный оперативный план вводился в действие специальным распоряжением наркома ВМФ⁷¹⁷.

Очень важное место в деле повышения боеготовности РККФ перед войной занимала система оперативных готовностей ВМФ, введенная в действие приказом наркома ВМФ флагмана флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецова № 9760сс/ов от 23 июня 1939 года. В соответствии с данным приказом наркома, на флотах отныне вводились три оперативные готовности: оперативная готовность № 3 (повседневная), оперативная готовность № 2 и оперативная готовность № 1⁷¹⁸. Данная система придала стройность и последовательность процессу повышения боевой готовности ВМФ, позволяя достаточно быстро и без лишних бюрократических проволочек приводить флот в состояние войны.

⁷¹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 181. Л. 23-23об.

⁷¹⁵ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 147. Л. 37.

⁷¹⁶ Там же. Л. 37-39.

⁷¹⁷ Там же. Л. 39-41.

⁷¹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 11-12. *Усенко Н. В.* Нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов // Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 7.

При нахождении флота в готовности № 3, флот мирного времени находился в готовности, определенной схемой мобилизационного развертывания. Боевое ядро флота пребывало в готовности, определенной директивой. Ремонт кораблей производился в нормальных условиях. При этом следовало нести корабельный дозор у главной базы и периодическую воздушную разведку в море⁷¹⁹. При приведении флота в оперативную готовность № 2, боевое ядро флота должно было находиться в 4-х часовой готовности к выходу в море, а корабли из состава мирного времени – в 6-ти часовой готовности. Ремонт кораблей следовало форсировать. Требовалось развернуть войсковые тылы, а также нести корабельный дозор у баз и воздушную разведку в море. Авиацию следовало развернуть на оперативных аэродромах.

И наконец, в случае приведения флота в оперативную готовность № 1 боевое ядро флота находилось в 1-часовой готовности к выходу в море, состав флота мирного времени – в 4-х часовой готовности. Зенитная артиллерия должна была быть изготовлена к боевым действиям. Ремонт кораблей к этому времени требовалось завершить. Войсковые тылы необходимо было держать полностью развернутыми, а флотские – в пределах необходимого. В это время велась усиленная воздушная разведка, а подводные лодки рассредотачивались и находились в готовности к выходу в море. У баз велся усиленный дозор, а авиация сосредотачивалась на оперативных аэродромах⁷²⁰.

При этом особо подчеркивалось, что никаких боевых действий флоту по готовностям №№ 1, 2 и 3 нельзя было открывать. Дальнейшее развертывание сил флота могло проводиться либо по мобилизации, объявляемой в общем порядке, либо распоряжением наркома ВМФ без объявления общей мобилизации в составе мирного времени по следующим сигналам: а) «ЗАРЯД» – производится развертывание флота в составе мирного времени, по оперативному плану; б) «ВЫСТРЕЛ» – начало военных действий⁷²¹. На основе данных указаний по оперативным готовностям, Военные советы флотов должны были разрабатывать более подробные расписания по действиям всех соединений и частей флота, береговой обороны и авиации.

В соответствии с «Организацией управления мобилизацией КБФ» 1938 года, общее руководство мобилизацией на Краснознаменном Балтийском флоте брал на себя Военный совет КБФ, а непосредственное руководство материально-техническим обеспечением мобилизации Балтфлота возлагалось на командира Главного военного порта (ГВП). Руководство мобилизацией частей морской авиации в целом было возложено на командующего Военно-воздушными силами КБФ. Соответственно, руководство

⁷¹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 11-12.

⁷²⁰ Там же. Л. 12.

мобилизацией в военно-морских базах, укрепленных районах и отдельных гарнизонах КБФ Военным советом флота поручалось старшим морским начальникам баз, комендантам укрепрайонов и начальникам гарнизонов⁷²².

Общее руководство мобилизацией Военный совет КБФ должен был осуществлять через флагманский командный пункт (ФКП), в состав которого вводились на весь период мобилизации начальник 4-го отдела и начальник 2-го отделения 4-го отдела Штаба флота со справочным материалом, для дачи указаний по порядку мобилизации соединений и частей. При этом от командиров соединений и отдельных частей флота на ФКП должны поступать только донесения об окончательной мобилизационной готовности кораблей и частей. Начальник Политического управления КБФ должен был осуществлять руководство политическим обеспечением мобилизации с помощью своего аппарата управления, формируя дежурство или пункт управления по своему усмотрению⁷²³.

Командиры соединений, кораблей и отдельных частей, а также начальники учреждений КБФ являлись лицами, ответственными за проработку мобилизационных планов и правильное проведение мобилизации. По всем вопросам мобилизации, о случаях срывов, нарушения графика старшие морские начальники, коменданты укрепрайонов, начальники гарнизонов, командиры соединений, частей и кораблей должны были доносить исключительно командиру Главного военного порта⁷²⁴.

14 декабря 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов своим приказом № 0950 утвердил «Наставление по мобилизационной работе в ВМФ»⁷²⁵, согласно которому проводилось мобилизационное развертывание флотов и флотилий. Также были составлены ведомости мобилизуемых наркоматом ВМФ судов, подлежащих оборудованию на заводах и мастерских Наркомата водного транспорта СССР⁷²⁶, на заводах Наркомата судостроительной промышленности СССР⁷²⁷ и на заводах и мастерских наркомата рыбной промышленности и на мастерских Наркомхоза РСФСР⁷²⁸. При составлении мобилизационного плана 1941-го года следовало учитывать схему мобилизационного развертывания и план формирования первого года войны, реальность мобилизационного развертывания, т.е. обеспеченность людскими и материальными ресурсами всех соединений, кораблей и частей, входящих в схему организационно-мобилизационного развертывания, а также скрытность

⁷²¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 12.

⁷²² Там же. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 714. Л. 4-5.

⁷²³ Там же. Л. 5-6.

⁷²⁴ Там же. Л. 7-8.

⁷²⁵ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 607. Л. 25.

⁷²⁶ Там же. Д. 456. Л. 54-62.

⁷²⁷ Там же. Л. 63-66.

⁷²⁸ Там же. Л. 67-68.

отмобилизования, в частности тех соединений, кораблей и частей, которые должны быть подготовлены к подъему по «Большим учебным сборам» (БУС)⁷²⁹.

Говоря о процессе оперативного планирования на КБФ в предвоенный период, необходимо помнить следующий основополагающий тезис. Флот занимал подчинённое относительно Армии положение в общей системе Вооружённых Сил страны. Это положение объяснялось исключительно той основной задачей, которая ставилась перед ним в случае войны – оборона морских берегов, во взаимодействии с сухопутными войсками. Таким образом, Военно-Морской Флот СССР не имел самостоятельной стратегии. Боевые действия флота должны были проводиться на основе общего стратегического плана всех Вооружённых Сил СССР. Из этого плана вытекали боевые задачи данного флота. Характер операций флота на данном театре зависели от политической и стратегической обстановки на нем, от соотношения сил на театре и от военно-географических условий данного театра. На основе поставленных флоту задач, следовало проводить конкретные боевые операции⁷³⁰. Поскольку исход войны должен был решаться на сухопутном направлении, флот был обязан решать только те задачи, которые вытекали из задач на сухопутном направлении⁷³¹. Соответственно, задачи Военно-Морским Силам РККА на случай войны ставил Наркомат обороны СССР и Генеральный штаб РККА.

9 марта 1935 г. нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов направил командующему войсками Ленинградского военного округа И. П. Белову и командующему КБФ Л. М. Галлеру директиву за № 6322сс, где потребовал *«разработать план операций Краснознаменного Балтийского флота на 1935 год»*. Далее Ворошилов дал ясные указания, от которых следовало отталкиваться при составлении плана боевых действий. Вероятными противниками Советского Союза, по его мнению, были Германия, Польша, Финляндия и Япония. Причем, как полагал нарком обороны, выступление Финляндии *«может произойти как одновременно с другими державами, так и несколько позже выступления Германии и Польши»*. Что же касается Англии, то вопрос об ее возможном участии в войне следовало считать открытым⁷³².

Переходя затем к общим боевым задачам, которые необходимо будет решать КБФ в ходе грядущей войны, К. Е. Ворошилов перечислил основные: 1) Уничтожить основное ядро финского флота и не допустить регулярного подвоза войск и боевого снабжения со стороны Германии и Польши в порты Финляндии – Ханко (Ханко) и Гельсингфорс (Хельсинки); 2) Нарушить морские сообщения и уничтожить военные и торговые корабли на подходах к

⁷²⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 607. Л. 15-22.

⁷³⁰ Белли В. А. Теоретические основы ведения операций. Конспект-тезисы. Л., 1938. С. 34. Белли В. А. Морские театры в составе общего фронта борьбы. Задачи флотов СССР. Конспект-тезисы. Л., 1938. С. 3.

⁷³¹ Белли В. А. Теоретические основы ведения операций. Конспект-тезисы. С. 34.

портам Штеттин, Гдыня, Данциг и Пиллау; 3) Не допустить подхода с моря боевого ядра и транспортов противника к Ленинградскому промышленному району. Захватить, вооружить и удерживать острова в восточной части Финского залива (Гогланд (Суурсаари), Лавенсари и Сескар (Сейскаари)); 4) Содействовать войскам Северо-Западного фронта⁷³³ и обеспечить их фланг на Карельском перешейке в районе Финского залива; 5) На Ладожском озере не допустить высадки десантов противника на наше побережье и содействовать сухопутным войскам, действующим на берегу озера. В том случае, если в Финский залив войдет линейный флот противника (здесь подразумевался германский флот), то в операции по его уничтожению следовало задействовать тяжелую авиацию Главного командования, в составе 1-го тяжелого авиакорпуса⁷³⁴.

Всю разработку необходимой документации требовалось провести в Морском отделе Штаба РККА, с вызовом туда сотрудников Штаба КБФ, и закончить к 1 мая 1935 года. В свою очередь, начальник Штаба КБФ И. С. Исаков потребовал от начальника 1-го (оперативного) отдела штаба Д. Г. Речистера уложиться в указанные сроки, а также выяснить, не предполагается ли участие Швеции в военных действиях. Также, воспользовавшись предложением наркома обороны К. Е. Ворошилова относительно использования армейской авиации, Исаков приказал Речистеру одну из основных задач – удары по базам противника – переложить на 1-й тяжелый авиакорпус ВВС РККА⁷³⁵.

Действуя согласно полученным инструкциям и приказанию командующего Балтфлотом, начальник 1-го отдела Штаба КБФ Д. Г. Речистер уже 4 апреля подготовил свое решение по директиве наркома обороны, которое было доложено Штабу РККА. В самом начале, Речистер отметил расхождение между директивой наркома обороны и имевшейся мобилизационной запиской Разведывательного отдела КБФ. Согласно первому документу, Швеция не фигурировала среди вероятных противников СССР, но из второго документа, напротив, следовало, что она таковым является. По поводу этого соображение заместитель начальника Штаба РККА, начальник Оперативного управления С. А. Меженинов потребовал действовать строго по директиве⁷³⁶.

Далее начальник 1-го отдела Штаба КБФ перешел к решению конкретных боевых задач. По мнению Речистера, на авиацию Главного командования нужно было возложить две основные задачи: *«а) Нейтрализовать основные авиабазы и авиацию противника в Финляндии, ибо, если это не будет осуществлено, авиация противника сорвет*

⁷³² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 260. Л. 1.

⁷³³ С началом боевых действий Ленинградский военный округ (ЛВО) преобразовывался в Северо-Западный фронт (СЗФ), которому в оперативном отношении должен был подчиняться Краснознаменный Балтийский флот.

⁷³⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 260. Л. 1-2.

⁷³⁵ Там же. Л. 1-2.

развертывание КБФ, первые операции КБФ; б) Разгромить основные морские базы противника в Финском заливе, которые еще в мирное время готовятся для базирования на них флотов Ганге, Гельсингфорс, Котка и Выборг». Как полагал начальник отдела, эти действия исключат не только появление крупных сил противника в Финском заливе, но и крейсеров и миноносцев, которые при слабости наших миноносных сил (к концу кампании 5-6 кораблей) будут держать КБФ в напряжении и потребуют систематических выходов линкоров для оттеснения сил противника и поддержки дозоров. Причем, лишь при выполнении данного условия, как считал Д. Г. Речистер, будет «возможно выполнение задачи по уничтожению основного ядра финского флота 105 авиабригадой, вооруженной ТБ-1»⁷³⁷.

Что касается задачи по нарушению морских коммуникаций противника в Финляндию и в порты Штеттин, Данциг и Пиллау, то для ее выполнения, по мнению Речистера, необходимо дать соответствующее оповещение по линии Наркомата по иностранным делам (НКВД) СССР о военных действиях в зоне Балтийского моря, поскольку *«подлодки и авиация в ней будут топить корабли и транспорта без разбора флага»*. Кроме того, в Балтийском море, в зависимости от складывающейся обстановки, необходимо будет поставить минные заграждения. Также потребуется предупредить через НКВД соседние страны, что все порты и базы, в которых временно находиться или постоянно базироваться корабли воюющих государств, будут подвергаться атакам с воздуха, а подходы к ним – действиям подлодок⁷³⁸.

Далее Д. Г. Речистер перешел к изложению операции по захвату островов в восточной части Финского залива (Гогланд, Сескар и Лавенсари). Согласно директиве наркома обороны К. Е. Ворошилова, Краснознаменный Балтийский флот должен был захватить все острова. Но у командования КБФ на сей счет были свои соображения. Относительно захвата более мелких островов – Сескар (Сейскаари) и Лавенсари – возражений не имелось: данная операция считалась вполне выполнимой. Но что касается самого крупного острова – Гогланда (Суурсаари), то здесь было замечено, что операция по его захвату, вооружению и удержанию представляется нежелательной⁷³⁹.

Штаб флота привел в пользу данного соображения целый ряд доводов, сводившихся к следующему: 1) Наличие коротких, хорошо защищенных коммуникаций между Гогландом и побережьем Финляндии позволяет противнику поддерживать свои силы в этом районе и наносить удары по силам КБФ на острове; 2) Оторванность острова Гогланда от основных

⁷³⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 260. Л. 18.

⁷³⁷ Там же. Л. 18-18об.

⁷³⁸ Там же. Л. 18об.-19.

⁷³⁹ Там же. Л. 19об.

баз КБФ создает трудности в организации его снабжения; 3) Имеется риск потери линкоров при удержании Гогланда, даже от атак легких сил неприятеля. Но на эти доводы Штаба КБФ заместитель начальника Штаба РККА С. А. Меженинов решительно возразил: *«Не согласен – единственно Гогландский плес обеспечивает активное содействие армии и активную оборону Ленинграда. При наличной авиации и легких силах удержать Гогланд должно»*⁷⁴⁰.

Следующий пункт также вызвал явное несогласие армейского руководства. Говоря об оказании содействия флотом наступлению Северо-Западного фронта, Штаб КБФ сразу оговорил условия: *«...а) На Финском заливе не ранее М-20⁷⁴¹; б) На Ладожском театре не ранее М-25»*. В качестве подкрепления своего тезиса, Речистер указал на ряд трудностей, связанных с обеспечением начального этапа войны. В частности, в Финском заливе требовалось вначале провести операцию по захвату и вооружению островов в восточной части Финского залива, осуществить минно-заградительные операции, а также перенести базирование флота в Лужскую губу и на Лавенсаари. Но указанные начальником 1-го отдела Штаба КБФ затянутые сроки выполнения задач были отвергнуты начальником Оперативного управления Штаба РККА Межениновым: *«Сроки не соответствуют задачам С.З.Ф. и обстановке в Финском заливе в первые дни войны»*⁷⁴². По его мнению, непосредственную поддержку частям армии в первые часы войны можно было оказать огнем батарей укрепрайонов и, частично, кораблями КБФ.

Начальник 1-го отдела Штаба КБФ также сослался на нехватку сил для выполнения всех поставленных задач. Например, как небезосновательно полагал Речистер, *«количество авиации на КБФ не соответствует задачам»*. Разведывательной авиации нужно было вести разведку как минимум на четырех направлениях, а для этого просто не хватало самолетов. То же самое можно было сказать о бомбардировщиках и истребителях. В частности, наличных сил истребительной авиации было недостаточно даже для обеспечения надежной ПВО своих баз. На все эти сетования Меженинов ответил довольно логично: *«Раз нет авиации, разведывать не по всем направлениям, а по решающему»*. Стремление командования КБФ расплыть свои силы по всем направлениям не ускользнуло от внимания С. А. Меженинова, который тут же отметил, что надо *«решить главнейшую задачу – Данциг»*⁷⁴³.

5 мая 1935 г. командующий войсками Ленинградского военного округа И. П. Белов направил командующему КБФ Л. М. Галлеру директиву № 1888, где сообщил о том, что согласно директиве начальника Штаба РККА от 29 марта № 6446/сс, с наступлением дня М-1

⁷⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 260. Л. 19об.-20.

⁷⁴¹ М-20 – 20-й день с момента начала мобилизации.

⁷⁴² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 260. Л. 20об.

⁷⁴³ Там же. Л. 21об.-22об.

командующий Краснознаменным Балтийским флотом назначается начальником Морского района прикрытия (Балтийское море), с непосредственным подчинением его командующему войсками ЛВО. От командующего КБФ требовалось, для обеспечения мобилизации и развертывания по мобилизационному плану МП-6, разработать план прикрытия государственной границы на морском направлении в Балтийском море и отдельно план прикрытия Ладожской военной флотилии⁷⁴⁴.

Согласно указаниям командующего войсками ЛВО, перед Морским районом прикрытия на Балтийском море были поставлены следующие задачи: 1) Обеспечить своевременное отомобилизование и развертывание частей Краснознаменного Балтийского флота; 2) Препятствовать развертыванию и высадке экспедиционных германских войск в портах Ганге, Гельсинки, Котка, Выборг; 3) Нарушать сообщение морем Германии с Финляндией; 4) Своевременно обнаружить прибытие в Балтийское море германского флота; 5) С М-3 содействовать артиллерийским огнем Береговой обороны частям КаУР'а (Карельского укрепленного района – П. П.) по овладению полуст. Куоккала; 6) Прикрыть левый фланг частей КаУР'а⁷⁴⁵. В дальнейшем, флоту следовало выполнять боевые задачи, исходя уже из директивы наркома обороны № 6322/сс.

В начале мая 1935 г. начальник Штаба ЛВО Я. И. Зюзь-Яковенко попросил командующего КБФ Л. М. Галлера учесть при составлении плана оперативного развертывания те требования, которые были сформулированы в директивах наркома обороны К. Е. Ворошилова и командующего войсками ЛВО И. П. Белова. Также начальник Штаба ЛВО информировал командующего КБФ о последних уточнениях. В частности, перед 7-й армией Северо-Западного фронта, в тесном взаимодействии с которой должен был действовать Краснознаменный Балтийский флот, была поставлена задача *«прочно удерживать Карельский укрепленный район и Кингисеппскую укрепленную позицию»*⁷⁴⁶. Срок представления плана оперативного развертывания был перенесен на 1 июня 1935 года.

С целью обеспечения разработки оперативного плана на 1935-й год, начальник Штаба КБФ И. С. Исаков 20 мая направил начальнику Разведывательного отдела флота А. К. Евсееву «Указания на разведку по ОП-1935 года». Согласно документу, в период угрозы войны (ПУВ) морская разведка должна была решить ряд важных задач: 1) Своевременно обнаружить и предупредить командование о сосредоточении германского флота в своих портах Балтийского моря, Данциге и Гдыне; 2) Своевременно обнаружить и предупредить командование о начале скрытой мобилизации, переходе и сосредоточении Германского, Шведского, Польского флотов и транспортов с экспедиционными войсками в портах

⁷⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 260. Л. 4.

⁷⁴⁵ Там же. Л. 5.

Эстонии и Финляндии, включая и Ботнический залив; 3) Своевременно обнаружить и предупредить командование о сосредоточении тяжелой авиации или больших соединений легкой авиации на аэродромах Финляндии, Эстонии и Швеции; 4) Предупредить командование о мероприятиях Финляндии и Эстонии по подготовке к внезапному выступлению и возможного неожиданного нападения на базы и аэродромы КБФ; 5) Обнаружить подготовку и вооружение островов восточной части Финского залива⁷⁴⁷.

Действуя в соответствии с директивой № 6322сс наркома обороны СССР, 25 мая 1935 г. Военный совет КБФ утвердил «Общий план действий Краснознаменного Балтийского флота». По данному плану, основными противниками СССР в случае войны являлись Германия, Польша, Финляндия и Япония. Выступление Финляндии считалось возможным одновременно или позже действий Германии и Польши. Вопрос об участии в войне Англии и Швеции оставался открытым⁷⁴⁸.

От Краснознаменного Балтийского флота требовалось выполнить следующие боевые задачи: 1) Уничтожить основное ядро финского флота; 2) Не допустить регулярного подвоза войск и боевого снабжения со стороны Германии и Польши в порты Финляндии - Ганге и Гельсингфорс; 3) Нарушить планомерность морских сообщений и уничтожать военные и коммерческие корабли на подходах к портам: Штетин, Гдыня, Данциг и Пилау (Кенигсберг); 4) Не допустить подхода с моря боевого флота и транспортов противника к Ленинградскому промышленному району; 5) Захватить, вооружить и удерживать острова восточной части Финского залива: Гогланд, Лавенсаари и Сескар; 6) Содействовать войскам Северо-Западного фронта и обеспечить их фланг на Карельском перешейке Финского залива⁷⁴⁹.

Решение командующего флотом предполагало приведение боевого ядра КБФ в полную готовность ко дню М-2, развертывание всех сил и средств и захват островного района финнов в восточной части Финского залива. Это позволяло существенно расширить оперативный плацдарм флота и вынести передний край обороны на запад. В дальнейшем, предполагалось на созданном Передовом оборонительном рубеже (ПОР) в районе остров Гогланд-Родшер-Малый Тютерс-Гофты сосредоточенным ударом торпедных катеров, авиации и подлодок, при поддержке эсминцев и линкоров, уничтожить главные силы противника на Восточно-Гогландском плесе и в Нарвском заливе. В случае неуспеха удара на Передовом оборонительном рубеже, следовало решительным сосредоточенным ударом на

⁷⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 260. Л. 8.

⁷⁴⁷ Там же. Л. 11-12.

⁷⁴⁸ Там же. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

⁷⁴⁹ Там же. Л. 1-2.

Главном оборонительном рубеже (ГОР) в районе Стирсуден-банка Деманстейнские-банка Средняя уничтожить силы неприятеля⁷⁵⁰.

Уничтожение морских и воздушных десантов противника, высаженных на побережье в районе Ижорского укрепрайона, необходимо было осуществить развевываемыми на основных участках (Усть-Луга, Усть-Лужская позиция, Копорье) сухопутными частями – Кронштадтским стрелковым полком, 6-м пограничным отрядом НКВД и Кронштадтским пулеметным батальоном. В случае обнаружения линейных сил противника или подвоза больших экспедиционных сил в Финском заливе, следовало силами приданной Авиации Главного командования и подлодок нанести удар на подходах к портам следования или выгрузки экспедиционных войск⁷⁵¹.

Таким образом, главной идеей в указанном плане боевых действий КБФ являлось нанесение по флоту противника мощного сосредоточенного удара всеми силами флота (надводными, подводными, воздушными и береговой обороны) в определенном месте. Данный тактический прием был закреплен в Боевых уставах Морских Сил РККА 1930 и 1937 годов⁷⁵². Задача нанесения комбинированного удара определяла направление всех учебно-практических мероприятий ВМС РККА в 1930-х годах, и он постоянно отрабатывался на учениях и учебно-боевых операциях флотов.

Однако подобный радикальный и во многом односторонний подход в боевой подготовке и оперативном планировании ВМФ приводил к тому, что успех действий всего флота фактически оказывался заложником удачи или неудачи проведения одной этой операции. Необходимо учитывать, что взаимодействие различных сил флота всегда являлось самым слабым местом в боевой подготовке Морских Сил РККА на протяжении 1930-х – начала 1940-х годов, что делало подобный сосредоточенный удар трудновыполнимым в принципе. В итоге, вместо того чтобы решать задачу по уничтожению ВМС противника комбинацией различных тактических приемов, успех всей морской кампании изначально ставился на одну карту. Выполнению сосредоточенного удара в масштабах флота препятствовала недостаточная оперативная и тактическая подготовка подавляющей части командно-начальствующего состава ВМС РККА.

В новом, 1936-м году, основные тезисы при составлении оперативного плана КБФ остались без изменений. 15 марта начальник Генерального штаба РККА⁷⁵³ маршал А. И. Егоров в своей директиве № 23132сс информировал командующего войсками ЛВО

⁷⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 52. Л. 3-5.

⁷⁵¹ Там же. Л. 6.

⁷⁵² Боевой устав Военно-морских сил РККА [1930]. М.-Л., 1930. С. 12. *Монаков М. С.* Военно-морская наука в России: происхождение, возникновение и становление национальной системы знаний о вооруженной борьбе на море. М., 2011. С. 297.

командарма 1-го ранга Б. М. Шапошникова и командующего КБФ флагмана флота 2-го ранга Л. М. Галлера о том, что задачи Краснознаменного Балтийского флота, закрепленные директивой № 6322/сс, остаются в силе на 1936-й год. Но поскольку за прошедшее с прошлого года время Балтийский флот значительно усилился количественно и качественно, Егоров потребовал внести соответствующие изменения в расчетах по группировке и использованию КБФ *«в сторону решительного усиления активности подводных лодок на морских сообщениях и у баз противника, особенно на подходах к портам Финского и Рижского заливов (Ганге, Гельсингфорс, Ревель, Рига и Пернов)»*⁷⁵⁴.

Исходя из отданных указаний, в середине мая 1936 г. новый командующий войсками ЛВО командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников направил командующему КБФ флагману флота 2-го ранга Л. М. Галлеру директиву № 1861, где определил основные задачи флота на случай войны. В начале документа, Шапошников сразу же определился с основными противниками СССР: *«Вероятными противниками являются Германия, Польша, Финляндия, Эстония и Латвия, причем главным из них является Германия. Следует иметь в виду, что выступление Эстонии и Латвии может произойти одновременно с выступлением других трех государств. Возможно, что Эстония и Латвия, выждав результатов первых событий, выступят уже в процессе развития боевых действий»*⁷⁵⁵.

Относительно последующего развития событий, командующий войсками ЛВО предусмотрел два возможных варианта. В первом случае, как считал Б. М. Шапошников, прибалтийские страны совместными усилиями, при активной поддержке германских войск и военно-морского флота, нанесут главный удар по Ленинграду. Во втором же случае, действия стран Прибалтики будут разворачиваться не единым фронтом, а *«исходя из более узких интересов каждого государства в отдельности»*. Если события пойдут по первому варианту, предполагалась высадка германского десанта в портах Прибалтики и действия немецкого ВМФ в Финском заливе, в составе до пяти линкоров, шести крейсеров и шестнадцати миноносцев. Основным вариантом развертывания для стран Прибалтики был сочтен первый⁷⁵⁶. (Подобная уверенность советского командования в совместных действиях стран Прибалтики и Германии вступает в противоречие с мнением эстонского командования, которое полагало, что на быструю помощь с запада рассчитывать не следует, а полагаться стоит в первую очередь на свои собственные силы⁷⁵⁷.)

⁷⁵³ На основании постановления СНК СССР от 22 сентября 1935 г., Штаб РККА был переименован в Генеральный штаб РККА.

⁷⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 260. Л. 75.

⁷⁵⁵ Там же. Л. 43.

⁷⁵⁶ Там же. Л. 43-44.

⁷⁵⁷ ERA. Fond 988. Spisok 1. Delo 2. Str. 3ob.-4.

С целью нейтрализовать возможные действия противника, вся армейская авиация и бомбардировочная авиация КБФ на период с М-1 по М-15 должна была быть объединена под общим управлением начальника ВВС фронта. Перед объединенными ВВС фронта ставились следующие боевые задачи: 1) Уничтожить авиацию прибалтийских стран на их сухопутных и морских аэродромах; 2) Содействовать КБФ в уничтожении основного ядра ВМФ Финляндии; 3) Разгромить порты и крупные города (Хельсинки, Таллин и Выборг); 4) В случае обнаружения десантов и германского ВМФ, нанести мощный удар объединенных ВВС фронта по данным целям⁷⁵⁸.

Исходя из предшествующих директив наркома обороны и начальника Генерального штаба РККА, командующий войсками ЛВО определил боевые задачи для Краснознаменного Балтийского флота: а) Уничтожить основное ядро финского флота и не допустить регулярного подвоза войск и боевого снабжения в порты Финляндии, Эстонии и Латвии (в том числе и из Швеции через Ботнический залив); б) Нарушить морские сообщения противников на Балтийском море, уничтожая военные и коммерческие корабли на подходах к портам Пиллау, Данциг, Гдыня, Штетин и к портам Финляндии (как в Финском, так и в Ботническом заливе), Эстонии и Латвии; в) Не допустить подхода с моря боевого флота и транспортов противника к Ленинградскому промышленному району, сделав невозможным их пребывание в Финском заливе; г) Захватить, вооружить и удерживать острова восточной части Финзалива: Гогланд, Лавенсари и Сескар⁷⁵⁹.

В рамках разработки оперативного плана флота, начальник Штаба КБФ флагман 2-го ранга А. К. Сивков 14 мая 1936 г. потребовал от коменданта Кронштадтского укрепрайона КБФ комбрига И. С. Мушнова, чтобы тот разработал «План действий КУР'а в навигационный период 1936 г. по военному времени». В данном документе представляется интересным то, что в самом его начале, помимо уже известных противников, указанных в директивах высшего командования, вдруг внезапно появились и другие страны: *«Вопрос об участии в войне против нас Англии и Швеции остается открытым»*⁷⁶⁰. Таким образом, в приказе нашли место прошлогодние сомнения наркома обороны К. Е. Ворошилова и начальника 1-го отдела Штаба КБФ Д. Г. Речистера.

Как мы видим, подобное отнесение разных стран Европы к коалиции противников СССР свидетельствует о довольно упрощенном понимании советским военным руководством всех сложностей мировой политики. Если подозрения относительно позиции Англии ещё можно было как-то объяснить её более чем сдержанной внешней политикой в

⁷⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 260. Л. 44.

⁷⁵⁹ Там же. Л. 44-45.

⁷⁶⁰ Там же. Л. 48.

отношении Советского Союза и решительным отказом подписать пакт о взаимопомощи⁷⁶¹, то столь однозначная трактовка позиции Швеции выглядела на тот момент довольно странно.

30 декабря 1936 г. начальник Генерального штаба РККА маршал А. И. Егоров направил командующему войсками Ленинградского военного округа командарму 1-го ранга Б. М. Шапошникову и командующему Краснознаменным Балтийским флотом флагману флота 2-го ранга Л. М. Галлеру директиву № 23613сс, где приказал разработать «План операций Краснознаменного Балтийского флота на 1937 год». Определение вероятных противников Советского Союза было проведено стандартным методом, воспроизводя известные положения: *«При составлении оперативного плана исходить из следующих вероятных противников: Германия, Польша, Финляндия, Эстония и Латвия. Необходимо учитывать, что Эстония и Латвия могут не выступить одновременно с другими державами, сохраняя в первый период благоприятный для противников нейтралитет»*⁷⁶². Как мы видим, такие страны, как Англия и Швеция, исчезли из числа вероятных противников СССР, что явилось уже некоторым прогрессом. Со стороны германского ВМФ активные боевые действия против советского флота ожидалось с первых же дней войны.

Краснознаменному Балтийскому флоту отныне было предписано выполнять целый ряд весьма масштабных боевых задач: а) Уничтожить боевой флот лимитрофных государств (Финляндии, Эстонии и Латвии). Захватить, вооружить и удерживать острова восточной части Финского залива: Гогланд, Б. Тютерс, Лавенсари и Сескар; б) Не допустить базирование флота Германии на побережье Финляндии, Эстонии и Латвии. Совместными действиями авиации Северо-Западного фронта и Краснознаменного Балтийского флота, и подводных лодок – разгромить линейный флот Германии в случае его появления в устье Финского залива; в) Нарушить питание Германии и Польши через порты Балтийского моря и не допустить подвоза войск и боевого снаряжения со стороны Германии и Польши в порты Финляндии, Эстонии и Латвии; г) Содействовать войскам Северо-Западного фронта и обеспечивать их тыл и фланги от десанта и обстрела противника; д) На Ладожском озере – не допустить десантов противника на наше побережье и содействовать сухопутным войскам, действующим на побережье Ладожского озера⁷⁶³.

С момента начала мобилизации (дня М-1) КБФ должен был поступить в оперативное подчинение командующего Северо-Западным фронтом. План прикрытия мобилизации и развертывания, а также план операции по уничтожению линейного флота противника

⁷⁶¹ Ситов В. Я. Внешняя политика Советского Союза 1936-1939 гг. М., 1987. С. 19-20. *Он же.*

Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. 2-е изд., дораб. и доп. М., 1989. С. 94.

⁷⁶² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 297. Л. 1.

⁷⁶³ Там же. Л. 2.

требовалось разработать совместно со Штабом Ленинградского военного округа. Процесс оперативного планирования должен был протекать в Морском отделе Генерального штаба РККА, с вызовом туда сотрудников Штаба КБФ, и завершиться к 15 апреля 1937 г.⁷⁶⁴

Изучение боевых задач КБФ из данной директивы показывает, что по сравнению с задачами из директивы наркома обороны от 9 марта 1935 г., произошло их усложнение. Во-первых, если ранее требовалось уничтожить лишь ядро финского ВМФ, то теперь предполагалось проделать то же самое в отношении сразу трех военно-морских флотов лимитрофных государств – финского, эстонского и латвийского. Во-вторых, если ранее говорилось только об отражении флота неприятеля при его появлении в Финском заливе, то теперь давалась четкая задача на его уничтожение. Подобное усложнение боевых задач Краснознаменному Балтийскому флоту можно объяснить лишь усилением его количественного и качественного состава в данный период.

Однако здесь всё же следует признать весьма проблематичным решение поставленных флоту задач. Если уничтожение флотов стран Прибалтики выглядело вполне посильным заданием для Балтфлота, то задачу по уничтожению германского линейного флота в Финском заливе следует поставить под большой вопрос. Кстати непонятно, какие именно корабли здесь подразумеваются: старые броненосцы типа «Schleswig-Holstein» или же так называемые «карманные линкоры» типа «Deutschland»? Надо заметить, что солидное бронирование и хорошая зенитная артиллерия новых немецких кораблей вряд ли позволили бы советским летчикам так легко уничтожить их. К сожалению, именно с этого момента в оперативном планировании КБФ начинает намечаться (а со временем, она станет превалировать) тенденция постоянного завышения своих возможностей.

13 января 1937 г. командующий войсками ЛВО командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников отправил командующему КБФ флагману флота 2-го ранга Л. М. Галлеру директиву за № 2526, в которой внес ряд дополнений в готовящийся план операций КБФ на 1937-й год. Во-первых, при условии сохранения Эстонией и Латвией нейтралитета, основным противником СССР на сухопутном фронте будут являться *«вооруженные силы Финляндии, поддержанные экспедиционными германскими войсками, при активных действиях германского флота в Финском заливе и немецкой авиации с аэродромов Финляндии и Эстонии»*⁷⁶⁵. Если же Эстония и Латвия выступят одновременно с Финляндией, то предполагалось, что действия противника будут развиваться на трех операционных направлениях – Карельском перешейке, Кингисепском и Псковском.

⁷⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 297. Л. 3.

⁷⁶⁵ Там же. Л. 4.

Во-вторых, для достижения более решительных результатов, вся армейская и морская авиация на период с М-1 по М-15 должны были объединиться под общим управлением начальника ВВС фронта. Перед объединенными Военно-воздушными силами фронта, соответственно, было поставлено много сложных задач. Здесь указаны уничтожение авиации Финляндии, Эстонии и Латвии на морских и сухопутных аэродромах, уничтожение их военно-морских флотов, и разрушение баз и промышленных центров Финляндии, Эстонии и Латвии, недопущение переброски на территорию Прибалтики немецкой авиации, уничтожение германского флота в Финском заливе, удары по железным дорогам финнов, поддержка наступления войск 7-й Армии⁷⁶⁶.

Кроме того, Шапошников потребовал внести в план КБФ дополнительные задачи, не учтенные ранее в директиве начальника Генштаба РККА. По мнению Б. М. Шапошникова, после проведения операции по захвату островов в восточной части Финского залива следует создать на меридиане острова Гогланд (Суурсаари), ближе к Финляндии, центральную минную позицию, а также поставить активные минные заграждения у портов Хельсинки и Ханко. Кроме того, требовалось предусмотреть постановку оборонительного минного заграждения для прикрытия собственного побережья в районе Луга-Копорье со стороны Эстонии. Далее были указаны следующие задачи: «...б) Не допустить высадки десантов противника в Финском заливе и подвоза в порты прибалтов боевого снаряжения немцами и поляками; в) С М-1 по М-10 поддерживать артиллерийским огнем и высадкой тактических десантов наступление 7 армии на Выборгском направлении и обеспечить фланги сухопутных войск на побережье Финского залива; г) На М-7-8 быть готовым овладеть островами Биеркэ и Тиурин, с высадкой десанта в составе одного усиленного стрелкового батальона из состава 7 А; д) Иметь в виду вероятность высадки на М-16-20 нашего десанта в Хамина (Фридрихсгам), Котка, Ловиза, в составе одной стрелковой дивизии»⁷⁶⁷. Оперативный план КБФ надлежало представить через 1-й (оперативный) отдел Штаба ЛВО к 20 апреля.

Объективно оценивая те задачи, которые дополнительно поставил перед КБФ командующий войсками ЛВО Б. М. Шапошников, нельзя не задуматься над степенью выполнимости большинства из них. Если учитывать, что по директиве начальника Генерального штаба РККА № 23613сс Краснознаменному Балтийскому флоту было поставлено сразу 5 основных задач (фактически их было 6, если разбить первую задачу на две самостоятельные), то теперь, с легкой руки Шапошникова, к ним прибавилось еще 5

⁷⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 297. Л. 4-5.

⁷⁶⁷ Там же. Л. 6.

основных задач (не считая более мелких). Таким образом, за непродолжительный отрезок времени произошло удвоение возможностей КБФ (правда, только лишь на бумаге).

Трудно сказать, каким образом размышляло армейское командование, столь просто и единолично решавшее, какие задачи должен выполнять флот. Вряд ли Балтийский флот за этот период настолько качественно усилился, что мог легко разделаться одновременно как с немецким, так и с финским военно-морским флотом. На первый взгляд, представляется странным, что у командования КБФ (да и руководства Морских Сил РККА в целом) в данной ситуации никто из высшего армейского руководства даже и не спросил их мнения относительно степени осуществимости подобных мероприятий.

Неудивительно, что процесс оперативного планирования на Балтике носил довольно абстрактный, формальный характер, совершенно не зависящий от серьезных расчетов, реального количественного и качественного соотношению сил сторон, данных разведки, уровня боевой подготовки личного состава и многих других факторов. Фактически, дело сводилось к элементарному, бездумному переписыванию формулировок из директивных документов высшего командования РККА в соответствующие директивные документы руководства Морских Сил РККА, хотя это зачастую противоречило реальным возможностям последних. Но нельзя во всем обвинять одно лишь одно армейское руководство: немалая доля ответственности за эту порочную практику лежала и на командовании Морских Сил, не отстаивавшем своих интересов. Подводя итог, надо сказать, что нереальность и формализм были отличительными чертами всего советского предвоенного планирования на флоте.

31 января 1937 г. начальник Генерального штаба РККА маршал А. И. Егоров в директиве № 34196осс напомнил новому командующему КБФ флагману 1-го ранга А. К. Сивкову о том, что Штаб флота должен к 1 мая представить в 1-й отдел Штаба ЛВО следующие оперативные разработки: 1) Общий план действий флота; 2) План прикрытия; 3) Планы совместных операций флота, проводимых с сухопутными войсками⁷⁶⁸. Другой своей директивой – за № 34195осс, составленной в этот же день, начальник Генштаба назначил командующего КБФ начальником Морского района прикрытия, а предполагаемого командующего Ладужской военной флотилией – начальником Ладужского района прикрытия⁷⁶⁹.

2 февраля нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов в своей директиве № 2589 определил порядок разработки оперативной документации на КБФ, а также должностные обязанности командующего войсками Ленинградского военного округа. Во-первых, он приказал *«для обеспечения наиболее целесообразного оперативного и тактического*

⁷⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 297. Л. 8.

⁷⁶⁹ Там же. Л. 17.

взаимодействия флота, авиации и сухопутных сил в общих интересах войны и операций на Северо-Западном фронте» подчинить командующего Краснознаменным Балтийским флотом в мирное время в оперативном отношении командующему войсками Ленинградского военного округа. Во-вторых, все разработки по плану сосредоточения, развертывания и начальных операций должны были вестись командующим КБФ на основе директив наркома обороны, начальника Генерального штаба РККА и указаний командующего войсками Ленинградского военного округа. В-третьих, разработки по организации взаимодействия сухопутной и морской авиации на суше и на море должны производиться штабами ЛВО, КБФ и утверждаться командующим войсками ЛВО⁷⁷⁰.

Наконец, за командующим войсками Ленинградского военного округа было признано право рассматривать и давать заключение по *«всем разработкам оперативного плана войны и начальных операций, а также по планам оперативного строительства на морском театре»*, проверять готовность КБФ к выполнению боевых задач по плану операций и проводить необходимые, совместно с командующим КБФ, оперативные игры, полевые поездки, сухопутно-морские учения и маневры по плану Генерального штаба РККА⁷⁷¹.

Командующий КБФ флагман 1-го ранга А. К. Сивков сразу же приказал начальнику Штаба флота капитану 1-го ранга И. С. Исакову дать свои соображения по директиве наркома обороны. 18 февраля начальник Штаба КБФ изложил командующему Балтфлотом свое видение данной проблемы. Прямым следствием данной директивы, как полагал начальник штаба, будет согласование со штабом Ленинградского военного округа всех оперразработок КБФ на 1937-й год. Что же касается конкретных прерогатив армейского и флотского командования, то здесь, по замечанию И. С. Исакова, будет целесообразно пока *«воздержаться от изменения существующего порядка»*⁷⁷².

19 марта командующий войсками ЛВО командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников направил командующему КБФ флагману 1-го ранга А. К. Сивкову директиву № 2654, являющуюся своего рода руководством для составления плана прикрытия КБФ на 1937-й год. По поводу определения вероятных противников Советского Союза, никаких серьезных изменений не произошло: *«На западной границе против СССР вероятно выступление антисоветского блока Германии, Польши и Финляндии, в котором главная роль принадлежит Германии. В начальный период войны можно рассчитывать на нейтралитет Эстонии и Латвии, устойчивость которого будет зависеть от исхода первых операций»*. Если же Эстония и Латвия сохранят нейтралитет, то основным противником СССР на суше в начальный период войны станут Вооруженные силы Финляндии, поддержанные

⁷⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 297. Л. 9-10.

⁷⁷¹ Там же. Л. 10.

германскими экспедиционными войсками, при активной помощи германского флота в Финском заливе и германских ВВС с аэродромов Финляндии и Эстонии⁷⁷³.

Морской район прикрытия, представленный надводными кораблями и береговой обороной КБФ, а также 33-м стрелковым полком ЛВО, должен был выполнять следующие боевые задачи: а) Обеспечить своевременное отмотилизование и развертывание частей КБФ; б) Прикрыть фланги сухопутных частей со стороны Финского залива, уделяя особое внимание обеспечению левого фланга войск Карельского перешейка; в) С М-1 содействовать артиллерийским огнем береговой обороны частям РП-5⁷⁷⁴ в овладении районом озера Каук-ярви, Териоки, Куоккола; г) Выяснить район развертывания финского морского флота; следить за появлением иностранных флотов в бассейне Балтийского моря. В своих действиях, Краснознаменному Балтийскому флоту надлежало действовать совместно с частями 19-го стрелкового корпуса (на Карельском перешейке) и 11-й стрелковой дивизии ЛВО (на южном побережье Финского залива). Все последующие задачи определялись директивой командующего войсками ЛВО от 13 января 1937 года⁷⁷⁵.

В положенный срок, к концу апреля 1937 г., командующий КБФ флагман 1-го ранга А. К. Сивков подготовил и представил «План прикрытия мобилизации и развертывания Краснознаменного Балтийского флота». Основные положения данного плана, касающиеся вероятных противников, уже повторяли известные тезисы командующего войсками ЛВО, что вполне понятно. Для прикрытия своей мобилизации и развертывания, КБФ должен был выполнить такие боевые задачи, как: 1) Обеспечить своевременное отмотилизование и развертывание частей КБФ; 2) Прикрыть фланги сухопутных частей со стороны Финского залива, уделяя особое внимание обеспечению левого фланга войск Карельского перешейка; 3) С М-1 содействовать артогнем береговой обороны частям РП-5 в овладении районом оз. Каук-ярви, Териоки, полустан. Куоккала; 4) Выяснить район развертывания финского морского фронта⁷⁷⁶.

Командующий Балтийским флотом предложил свое решение по плану прикрытия. Период прикрытия мобилизации и развертывания был определен комфлотом Сивковым довольно вольготно – *«время с М-1 по М-17, за которое отмотилизовать основную часть КБФ»*⁷⁷⁷. В данном случае, командующий флотом слишком старомодно представлял себе характер современной войны, так как противник вряд ли подарил бы Краснознаменному Балтийскому флоту целых 17 дней для спокойного отмотилизования и развертывания своих

⁷⁷² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 297. Л. 9, 11.

⁷⁷³ Там же. Л. 17-18.

⁷⁷⁴ РП-5 – район прикрытия № 5.

⁷⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 297. Л. 18-19.

⁷⁷⁶ Там же. Д. 340. Л. 2-3.

⁷⁷⁷ Там же. Л. 5.

сил, а сам тем временем сидел бы сложа руки и ничего не предпринимал против советского флота. (Впрочем, это относится не только к морским, но, в первую очередь, и к армейским командирам.)

Для придания устойчивости системе обороны Ленинградского промышленного района с моря, обеспечения флангов Северо-Западного фронта на побережье Финского залива и расширения оперативного плацдарма флота на первом этапе войны, Краснознаменному Балтийскому флоту в период прикрытия требовалось провести следующие операции: *«а) В М-2 занять и к М-12 вооружить острова восточной части Финского залива. При наличии в Финском заливе превосходных сил противника, Гогланд и Б. Тютерс захватываются после уничтожения или разгрома флота противника силами ВВС фронта и КБФ, не допуская укрепления финнами островов систематическими атаками ВВС и обстрелом с кораблей; б) К М-12 создать минно-артиллерийскую позицию в районе Гогланд-Б. Тютерс-Гофты, оборудовать передний край Главного оборонительного рубежа в районе Стирсудден-б. Деманстейнские и выставить мины на выходах из ихерных фарватеров в восточной части Финского залива; в) В М-7-8 по требованию 7 А – занять острова Биорке и Торсары».* Для нарушения морских перевозок противника в южные порты Балтийского моря, а также войсковых перевозок из Германии и Польши в порты Финляндии, Эстонии и Латвии, КБФ должен был в день М-1 выслать в Балтийское море, в Финский, Рижский и Ботнический заливы 23 подводные лодки. Подлодкам было приказано вести разведку движения, а также производить атаки боевых кораблей и торговых судов противника⁷⁷⁸.

В период с 10 по 17 мая 1937 г. командующий КБФ флагман 1-го ранга А. К. Сивков также утвердил пакет документов, входивших в оперативный план 1937-го года. К ним относились «План действий КБФ в “период угрозы войны”», «План действий Ладожской флотилии в период вползания в войну (ПУВ)», «План подводной войны КБФ», «План минной войны КБФ», «Записка командующего Военными Воздушными силами Краснознаменного Балтийского флота по плану операции», «План операции № 11 (Овладение островами: Гогланд, Б. Тютерс, Лавенсары, Сескар, Нерва и Соммерс)», «План операции № 12 (Овладение островами: Биорке и Торсары)»⁷⁷⁹. 16 мая оперативный план Балтфлота 1937-го года был выслан в Генеральный штаб РККА⁷⁸⁰.

В «Плане действий КБФ в “период угрозы войны”» от 15 мая 1937 г. были указаны задачи флота на период, предшествовавший началу военных действий, а также определен порядок последующих действий флота. Всего перед Краснознаменным Балтийским флотом

⁷⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 340. Л. 5-6.

⁷⁷⁹ Там же. Д. 341. Л. 1-24. Д. 342. Л. 1-13. Д. 348. Л. 2-5. Д. 350. Л. 2-8. Д. 353. Л. 1-27. Д. 354. Л. 1-6. Д. 360. Л. 1-8.

⁷⁸⁰ Там же. Д. 297. Л. 48.

на период ПУВ было поставлено три задачи: 1) Разведкой Балтийского моря, Финского и Ботнического заливов, скрытно и не нарушая международных правовых норм, систематическим наблюдением вскрыть развертывание противника; 2) Предупредить внезапное действие противника с моря против Ленинградского промышленного района, баз и кораблей КБФ в море; 3) Скрыто развернуть часть подлодок в Балтийском море, в заливах Финском и Ботническом – с тем, чтобы с началом военных действий перейти к боевым действиям. С объявлением на флоте периода угрозы войны (ПУВ), корабли и части должны быть приведены в боевую готовность, без привлечения из запаса личного состава и мобилизуемых кораблей. Лишь с разрешения наркома обороны СССР, должны были мобилизовываться суда гражданских ведомств, а также производиться большой сбор приписного состава⁷⁸¹.

В период угрозы войны, не нарушая международных правовых норм, флотом должна была вестись непрерывная разведка силами ВВС и подлодок. Всем подводным лодкам следовало переходить к боевым действиям *«только после особого приказа командующего КБФ»*. Для предупреждения внезапных ударов противника по базам флота, надлежало организовать дозорную службу в Главной базе, в Лужской губе и Копорском заливе. На случай нападения крупных боевых кораблей или высадки десанта противника, в готовности к выходу должны были находиться: один линкор и 3 сторожевых корабля – на Большом рейде в Кронштадте и 105-я авиабригада – в Ленинграде⁷⁸².

17 мая 1937 г. командующий КБФ флагман 1-го ранга А. К. Сивков представил на утверждение начальнику Генерального штаба РККА маршалу А. И. Егорову *«Общий план действий Краснознаменного Балтийского флота»*⁷⁸³. Ссылаясь на уже известные директивы начальника Генштаба РККА № 23613сс от 30 декабря 1936 г. и командующего войсками ЛВО № 2526 от 13 января 1937 г., командующий Балтфлотом перечислил все указанные в них боевые задачи флота почти без изменений. Далее Сивков перешел к общей оценке обстановки на театре военных действий, где попытался в довольно осторожной форме показать те трудности, с которыми может встретиться Краснознаменный Балтийский флот в процессе решения боевых задач.

По мнению командующего КБФ, *«основным нашим противником на Балтийском морском театре является Германия»*. Впрочем, Сивков не скрывал своих опасений по поводу того, что германский надводный флот (линкоры, крейсера и эсминцы), а также бомбардировочная авиация при действиях из баз и аэродромов Финляндии смогут создать *«большие затруднения при решении поставленных нам задач в первоначальный период»*

⁷⁸¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 350. Л. 2-3.

⁷⁸² Там же. Л. 2-5.

войны». Тем более что возможное выступление Эстонии и Латвии против СССР даст Германии дополнительный плацдарм для базирования и действий своих сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил⁷⁸⁴.

Значительную проблему для действий КБФ представляла мощная береговая оборона финнов и эстонцев в районе Таллин-Хельсинки. Это давало возможность противнику создать минно-артиллерийскую позицию, перекрывающую наиболее узкое место Финского залива, а также устроить здесь противолодочный рубеж. Поэтому, не только прорыв надводных кораблей, но даже форсирование подлодками Балтийского флота этой преграды *«будет сопряжено с большими трудностями и потребует большого обеспечения, вплоть до привлечения всех сил КБФ»*. Причем, по словам командующего КБФ, у Балтийского флота на этот счет не имелось специальных боевых средств, поэтому все надежды он возлагал исключительно на морскую авиацию. Как полагал А. К. Сивков, одной из основных трудностей при решении задачи по нарушению морских коммуникаций Германии являлся нейтралитет Швеции, так как *«основные морские пути, по примеру мировой войны, в юго-западной и западной части Балтийского моря могут проходить по ихерам и территориальным водам Швеции»*⁷⁸⁵.

Делая выводы из вышеизложенного, командующий КБФ Сивков пришел к тому, что для успешного выполнения поставленных флоту боевых задач на начальном этапе войны, крайне важно иметь превосходство в воздухе на Финском заливе и его побережье, а также не допустить активных действий германского флота в Финском заливе. В случае выступления против СССР Эстонии, в кратчайший срок следовало овладеть её побережьем и Моонзундским архипелагом. В последующем, в целях изоляции Финляндии с морского направления, требовалось захватить Або-Оландский архипелаг⁷⁸⁶. Однако, все эти требования носили достаточно декларативный характер, поскольку не подкреплялись соответствующими силами и средствами флота.

Далее, командующий флотом флагман 1-го ранга А. К. Сивков представил свое «Решение» по операциям на Балтийском театре. С целью создать на начальном этапе благоприятные условия для обороны Ленинградского промышленного района и обеспечения флангов 7-й армии, Сивков предлагал осуществить такие меры, как: 1) Приведение к М-2 в полную боевую готовность КБФ периода мирного времени и от мобилизации в период угрозы войны по «Большому учебному сбору» максимума сил, привлекаемых по

⁷⁸³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 351. Л. 1-22.

⁷⁸⁴ Там же. Л. 4.

⁷⁸⁵ Там же. Л. 4-5.

⁷⁸⁶ Там же. Л. 5.

мобилизационному плану; 2) Захват в М-2 и укрепление к М-10-12 островов Гогланд, Большой Тютерс, Лавенсари и Сескар⁷⁸⁷.

В том случае, если в Финском заливе появится сильный флот противника (германские линкоры и крейсера), захват островов Гогланд и Большой Тютерс производить уже не следовало. Требовалось не допускать их укрепления, путем организации обстрелов надводных кораблей и бомбоударов ВВС КБФ. Одновременно с захватом и укреплением островов, Краснознаменному Балтийскому флоту следовало выставить минные заграждения на выходных шхерных фарватерах в районе Котка, Аспэ и Питкопас, оборудовать минно-артиллерийский рубеж в районе мыс Стирсудден–банки Деманстейнские и уже к М-3 выставить передний край минного заграждения. Кроме того, в период с М-3 до М-10-12 надо было создать минно-артиллерийскую позицию в районе Гогланд–Малый Тютерс–Гофты. Кроме того, *«с целью сковывания и нанесения потерь противнику в шхерах»*, морской авиации полагалось осуществлять систематические постановки мин с самолетов на узлах фарватеров внутри финских шхер – до меридиана Ловиза⁷⁸⁸.

Задача по уничтожению боевого ядра военных флотов Финляндии, Эстонии и Латвии, в случае их нахождения в базах, была возложена на авиацию Северо-Западного фронта. Если финские броненосцы окажутся вне шхерного района Финского залива, к их уничтожению следовало привлечь подводные лодки и линейные корабли КБФ. Задача по нарушению подвоза в Германию и Польшу через порты Балтийского моря и недопущению перевозки войск и боевого снабжения из Германии и Польши в порты Финляндии, Эстонии и Латвии решалась путем высылки в море 23 подлодок КБФ⁷⁸⁹.

Постановка столь масштабных задач перед подводными силами флота может вызвать большое сомнение. Представляется маловероятным, чтобы всего 20 подводных лодок смогли нарушить морские перевозки всех стран неприятельского блока. При этом совершенно не принималась во внимание ПЛО противника, да и сами природно-географические условия балтийского театра военных действий. Шхерные районы Финляндии и Швеции позволяли перенести пути следования транспортов с военными грузами в прибрежные воды, используя внутренние шхерные фарватеры, не подвергая суда риску нападений советских субмарин.

Наконец, командующий КБФ подошел к наиболее трудной задаче – уничтожению германского ВМФ в Финском заливе. В том случае, если крупные силы флота противника прорвутся в восточную часть Финского залива, главные силы КБФ, развернувшиеся на Восточно-Гогландском плесе или в районе банки Средней, совместно с ВВС фронта должны были нанести сосредоточенный удар по неприятельской эскадре. Если же этот удар окажется

⁷⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 351. Л. 7.

⁷⁸⁸ Там же. Л. 7-8.

неудачным, следовало дать решительный бой на минно-артиллерийской позиции Главного оборонительного рубежа (ГОР) в районе Стирсудден–банки Деманстейнские–Шепелев⁷⁹⁰.

Оценивая «Общий план действий КБФ», нельзя не увидеть такого его основного недостатка, как недооценка возможных действий ВМС противника. В основе плана лежала твердая уверенность командующего флотом в том, что неприятельский флот обязательно предоставит возможность Краснознаменному Балтийскому флоту в течение первых 10-12 дней войны создать себе благоприятные условия для ведения боевых действий (т.е. обеспечит проведение начального периода войны), и лишь после этого начнет первые операции против советского флота. Довольно странно, что даже основную операцию по созданию Главного оборонительного рубежа (ГОР) на линии Стирсудден-банка Деманстейн командующий флотом А. К. Сивков планировал провести в течение М-1-М-10, а создание минно-артиллерийской позиции в районе остров Гогланд–остров Малый Тютерс–Гофты – в период с М-3 по М-12.

Иными словами, наблюдалась странная неторопливость командования при планировании действий КБФ. Между тем, из опыта Первой мировой войны было известно, что Центральная минная позиция была выставлена русским Балтийским флотом ещё до момента официального объявления войны Германии. А ведь к действиям на Главном оборонительном рубеже А. К. Сивков привязывал *«решительный бой противнику, в случае неудачи первого удара»*, автоматически предполагая, что к этому времени ГОР будет обязательно готов. При этом он не подумал о том, что надводные силы противника постараются нанести удары по КБФ в самые первые дни войны, когда оборудование минно-артиллерийского рубежа еще не будет завершено. Представляется странным, что Сивков не подумал о том, что ВВС противника могут поставить мины в советских и нейтральных водах с началом войны или до её начала, что затруднит последующие передвижения КБФ.

При изучении «Общего плана действий КБФ» складывается такое впечатление, что действиям Балтфлота на начальном этапе войны противник не будет оказывать какого-либо серьезного сопротивления силами своих надводных кораблей, подлодок и авиации. Соответственно, действия КБФ будут протекать в некоем оперативном «вакууме». В итоге, командующий флотом А. К. Сивков наметил план ведения морской войны на Балтике совершенно без учета противодействия противника. Это свидетельствует о довольно формальном, схематическом подходе командования флота к составлению такого ответственного документа как план боевых действий.

⁷⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 351. Л. 8-9.

⁷⁹⁰ Там же. Л. 10.

Исполнительные документы по оперативному плану КБФ 1937 г. были представлены в Генеральный штаб РККА в середине мая 1937 года. Рассмотрев поступившие материалы, начальник 5-го отделения 1-го отдела Генерального штаба РККА капитан 3-го ранга Г. Б. Чубунов высказал начальнику штаба свои опасения относительно того, что за последние три года содержание оперативного плана Морских Сил РККА могло стать известным не только пресловутым «врагам народа», но и вероятному противнику. С целью «дезориентировать» возможного противника, Чубунов предложил срочно переработать оперативные планы флотов. При этом командующему КБФ следовало учесть возможность *«накопления Германией вооруженных сил в Финляндии, для действия против нас, в период предшествующий объявлению войны»*⁷⁹¹. Руководство Генерального штаба Красной Армии согласилось с данными предложениями, и 10 августа уже новый начальник ГШ командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников направил также новому командующему КБФ капитану 1-го ранга И. С. Исакову⁷⁹² директиву № 35481осс, где говорилось о том, что в общий план действий КБФ *«необходимо срочно внести нижеследующие изменения»*⁷⁹³.

По мнению Шапошникова, в «Плане минной войны КБФ» следовало произвести перерасчет всех минных постановок в восточной части Финского залива, с изменением конфигурации минных полей и направления фарватеров, по ним проходившим. В «Плане операции № 11», посвященном захвату островов в восточной части Финского залива, обоснованно требовалось пересмотреть и изменить направление главного удара, последовательность овладения пунктами противника, сроки начала операции, места посадки и высадки десанта, порядок и курсы следования. Вообще, максимальное внимание разработчиков следовало уделить *«возможности скорейшего начала и проведения операции, скрытности сосредоточения войск к местам посадки и самой посадки войск»*.

Немало претензий у Генштаба Красной Армии возникло и к «Плану подводной войны КБФ», где, как полагал Б. М. Шапошников, требовалось *«изменить время выхода подлодок на позиции, порядок и курсы следования при выходе и обратном возвращении в базу, систему связи и контрольные рубежи связи»*. Более того, командующему КБФ было поручено разработать отдельную операцию под названием «Вывод подлодок из Финского залива для действий на коммуникациях противников в Балтийском море», с обеспечением данной операции детальной разведкой, а самого прорыва через противолодочный рубеж противника – с обеспечением надводными и подводными силами⁷⁹⁴.

⁷⁹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-2041. Оп. 1. Д. 97. Л. 65-66.

⁷⁹² Прежний командующий КБФ флагман 1-го ранга А. К. Сивков в августе 1937 г. был снят с должности, арестован и в феврале 1938 г. расстрелян.

⁷⁹³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 297. Л. 48.

⁷⁹⁴ Там же. Л. 48-49.

Говоря о составлении оперативного плана КБФ в 1937-м году, нельзя не отметить один интересный момент. 31 мая, то есть когда уже все материалы по общему плану действий КБФ были благополучно отправлены в Генштаб РККА, начальник Разведывательного управления РККА комкор С. П. Урицкий направил в Штаб Краснознаменного Балтийского флота подробную «Записку о составе, численности, мобилизации и развертывании морских сил вероятных противников на Балтийском театре в 1937 году»⁷⁹⁵. Довольно странно, что этот материал не был предоставлен Штабу КБФ ещё до начала разработки плана боевых действий флота.

Из «Записки» становится понятным, почему военное руководство СССР так настороженно относилось к Англии, подозревая её во враждебных намерениях по отношению к Советскому Союзу. Начальник Разведывательного управления Красной Армии Урицкий квалифицирует позицию Англии таким образом: *«...Огромное и даже решающее значение для реализации антисоветских планов Германии имеет позиция Англии. Без согласия Англии германский фашизм в данной международной обстановке не рискует начать войну против СССР. Поэтому Германия прилагает усилия к улучшению своих отношений с Англией. Но позиция последней остается пока еще неясной и неопределенной...»*⁷⁹⁶.

Относительно поведения стран Скандинавии было высказано предположение, что они, по-видимому, займут положение нейтралитета, при котором *«они будут служить одной из основных баз снабжения выступающих против СССР государств»*. Окончательный вердикт Разведывательного управления РККА не противоречил основным положениям предшествующих директив наркома обороны и начальника Генштаба: *«...При расчетах развертывания антисоветских сил на Балтике в 1937 году мы исходили из предположения, что против нас выступают, прежде всего, Германия, Польша и Финляндия, а при успехе германской политики по расширению антисоветского блока также Латвия и Эстония...»*⁷⁹⁷. Не исключалась также и возможность захвата Германией территорий государств Балтии.

Что касается возможных действий противника на Балтике, то здесь комкор С. П. Урицкий проницательно заметил, что в операциях германского флота на Балтийском театре, и в первую очередь в Финском заливе, *«основную роль будут играть легкие силы флота и авиация»*. Также он совершенно справедливо предположил, что немецкий ВМФ попытается заблокировать КБФ в Финском заливе, создав для этого минно-артиллерийскую позицию на линии остров Вульф (Аэгна) – Макилуото. Большое значение на данном театре военных

⁷⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 352. Л. 3-25.

⁷⁹⁶ Там же. Л. 7.

действий придавалось действиям авиации, поскольку небольшая ширина Финского залива позволяла противнику использовать не только морскую, но и сухопутную авиацию. Развитая сеть аэродромов создавала благоприятные условия для применения авиации во всех районах Балтийского ТВД⁷⁹⁸. (Нельзя не отметить, что именно таким образом Вооруженные силы Германии и будут действовать против КБФ в 1941-м году, задействовав для этого, прежде всего, свои ВВС и легкие силы надводного флота.)

Подводя итоги, начальник Разведывательного управления РККА С. П. Урицкий подчеркивал, что *«важнейшей основной задачей германских морских сил в войне против СССР является блокада и уничтожение советского флота в Финском заливе»*. Для выполнения данной задачи немецкое военно-морское командование должно будет сосредоточить значительные силы своего флота в северной части Балтики. Предполагалось, что немецким ВМФ будут использованы следующие порты и пункты базирования в странах Балтии: в Финляндии – Хельсинки, Ганге (Ханко), Або (Турку) и Аландские острова; в Эстонии – Таллин и Моонзунд. Наконец, Урицкий сделал наиболее важный, основополагающий вывод относительно предполагаемого сценария войны: *«...Военные действия против Советского Союза германский флот начнет внезапно, без каких-либо открытых приготовлений к ним и без особых предварительных объявлений об этом. Чтобы обеспечить своевременное развертывание флота и быструю переброску войск в Прибалтику, германский военный флот, а также необходимые для военных нужд торговые суда, будут отоброшены заблаговременно, т.е. до официального объявления мобилизации...»*⁷⁹⁹.

Данное утверждение впечатляет своим реализмом при определении возможного сценария начала войны. Важно подчеркнуть, что данный прогноз был сделан ровно за 4 года до начала Великой Отечественной войны, когда события будут развиваться именно по такому сценарию. А ведь командование КБФ не только в 1937-м году, но и в последующие, 1939–1941 годы продолжало мыслить устаревшими категориями, спокойно отмеряя себе на начальный период военных действий не менее 10-12 дней и ожидая от противника при этом полной пассивности. В дальнейшем командование КБФ при составлении своих оперативных планов не принимало во внимание данного разумного прогноза разведки и продолжало руководствоваться неверными предположениями. (Вероятно, причиной подобного невнимания было то обстоятельство, что данный прогноз был сделан «врагом народа»,

⁷⁹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 352. Л. 7.

⁷⁹⁸ Там же. Л. 18-19.

⁷⁹⁹ Там же. Л. 23.

поскольку комкор С. П. Урицкий 1 ноября 1937 г. был арестован органами НКВД и в августе 1938 г. расстрелян⁸⁰⁰.)

В начале нового, 1938-го года каких-либо значительных изменений в оперативных разработках КБФ не происходило. В качестве подтверждения данного тезиса можно сослаться на такой важный документ, как докладная записка начальника Генерального штаба РККА командарма 1-го ранга Б. М. Шапошникова наркому обороны СССР маршалу К. Е. Ворошилову от 24 марта 1938 г. о вероятных противниках Советского Союза. Согласно перечню задач РККФ, указанных в записке Шапошникова, Краснознаменному Балтийскому флоту в случае войны требовалось выполнять следующие боевые задачи: «...1) уничтожить боевой флот Финляндии, Эстонии и Латвии; 2) захватить и укрепить острова Гогланд, Б. Тютерс, Лавенсари, Сескар; 3) поставить минные поля у Гельсингфорса, Ганге и Ревеля; 4) постановкой мин и действиями подводных лодок закрыть проход через линию Поркалауд-Ревель; 5) нанести поражение германскому флоту, в случае его появления в Финском заливе; 6) не допускать десантов немцев в Финском заливе; 7) не допускать подвозки войск и боевого снаряжения в порты Финляндии, Эстонии и Латвии; 8) содействовать сухопутным войскам в продвижении вдоль побережья Финского залива, обеспечивая их фланги и уничтожая береговую оборону финнов и эстонцев...»⁸⁰¹. Как мы видим, данные задачи почти полностью соответствуют тем, что были сформулированы в «Общем плане действий Краснознаменного Балтийского флота» от 17 мая 1937 года.

Однако, сложная морально-психологическая обстановка в Вооруженных силах СССР, связанная с массовыми политическими репрессиями, вынуждала командование КБФ предпринимать меры по изменению уже существующих руководящих документов. Поэтому 25 апреля 1938 г. начальник Штаба КБФ капитан 1-го ранга В. Ф. Трибуц запросил разрешения у начальника 1-го отдела ГМШ капитана 2-го ранга Н. И. Зуйкова «уничтожить оперативные разработки 1-го отдела Штаба КБФ за 1935, 1936 и 1937 годы»⁸⁰². Понятно, что в данном случае новое командование Балтийского флота решило перестраховаться и поэтому поспешило отказаться от тех документов, которые были разработаны ещё прежним руководством КБФ (в частности, бывшим командующим флотом флагманом 1-го ранга А. К. Сивковым, арестованным 1 августа 1937 г.⁸⁰³), подвергшимся репрессиям и оказавшимся в числе «врагов народа».

⁸⁰⁰ Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937-1938. М., 1998. С. 380.

⁸⁰¹ 1941 год: В 2-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 566. Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. Сборник. М., 2005. С. 274-275.

⁸⁰² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 411. Л. 1.

⁸⁰³ Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. Биографический словарь. М., 2012. С. 133.

13 мая 1938 г. начальник ГМШ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер отослал Военному совету КБФ директиву № 244250ов, в которой сообщил решение заместителя наркома ВМФ флагмана флота 2-го ранга П. И. Смирнова-Светловского по частному вопросу. А именно, в ответ на директиву Военного совета КБФ № 1/оп/1730сс от 26 апреля 1938 г., Смирнов давал указания по поводу уточнения плана минной войны на Балтике⁸⁰⁴. Помимо данных указаний частного характера, новый нарком ВМФ армейский комиссар 1-го ранга П. А. Смирнов 15 мая 1938 г. рискнул направить в СНК СССР директиву № 244140сс/ов, где попросил утвердить исходные данные «для составления на 1938-1939 гг. оперативной части плана войны на морских театрах Советского Союза»⁸⁰⁵.

Далее Смирнов изложил свое видение оперативной обстановки на различных морских театрах. На Балтике предполагаемый сценарий войны виделся наркому ВМФ следующим образом: «...Основным противником на данном театре будет Германия. Вместе с тем необходимо учитывать вовлечение в войну против нас Польши и Финляндии. Не исключена возможность выступления в совместном блоке с Германией Эстонии, Латвии и даже Швеции. Следует ожидать, что Эстония и Латвия в первый период войны могут оставаться нейтральными, однако это не исключает их помощи нашему противнику предоставлением в его распоряжение своих портов для базирования флота»⁸⁰⁶. Данные оговорки наркома ВМФ свидетельствовали о достаточно формальном подходе к такому делу, как выдача оперативно-стратегического задания на разработку плана войны. По сути дела, подобные утверждения носили универсальный характер, позволявший зачислить в разряд противников СССР любую европейскую страну, расположенную в балтийском регионе. Соответственно, данные тезисы П. А. Смирнова были положены в основу при формулировании заместителем наркома ВМФ П. И. Смирновым-Светловским боевых задач КБФ по плану прикрытия в директиве № 244524сс/ов от 27 июля 1938 года⁸⁰⁷.

Не получив в течение полугода никаких внятных указаний по поводу составления нового варианта оперативного плана флота, 29 июня начальник Штаба КБФ капитан 1-го ранга В. Ф. Трибуц рискнул направить начальнику ГМШ флагману флота 2-го ранга Л. М. Галлеру рапорт за № 1оп/271сс, где попросил его ответить, остаются ли в силе оперативные разработки 1937-го года и будут ли даны указания на составление новых разработок, или же они будут разрабатываться Главным морским штабом. Далее Трибуц сделал следующий вывод, весьма характерный для того сложного времени: «...В настоящее время мы считаем

⁸⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 411. Л. 33-33об.

⁸⁰⁵ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 330. Л. 1.

⁸⁰⁶ Там же. Л. 1-1об.

⁸⁰⁷ Там же. Л. 6.

по известным Вам причинам разработки 1937 года недействительными...»⁸⁰⁸. В данном случае, проявился явный рецидив политики массовых репрессий конца 1930-х годов, когда все документы, составленные т.н. «врагами народа», автоматически аннулировались и объявлялись «вражескими». По мнению В. Ф. Трибуца, отсутствие ясных указаний по поставленным им вопросам *«не дает возможности дать конкретные задания по мобилизационным вопросам»*⁸⁰⁹.

В дополнение к рапорту В. Ф. Трибуца, начальник 1-го управления ГМШ Н. И. Зуйков 9 июля 1938 г. обратился с донесением за № 244448сс/ов к начальнику Главного морского штаба Л. М. Галлеру о недопустимости создавшегося положения с разработкой нового варианта оперативного плана. По мнению Зуйкова, ситуация по данному вопросу сложилась просто угрожающая: *«...В связи с установлением нового порядка разработки оперативной части плана войны до сего времени к проработке её не приступлено. Имеемые в наличии на флотах оперпланы разработки 1937 года никем не утверждались и не могут быть признаны состоятельными. Таким образом, плана войны на флотах нет и флоты не знают, какие задачи им будут поставлены на военное время и равно план их выполнения. Со стороны Главного морского штаба РККФ даны лишь указания на разработку первых операций по постановке мин заграждения, что является крайне недостаточным»*⁸¹⁰.

Как уже говорилось выше, 27 июля 1938 г. на КБФ поступила директива заместителя наркома ВМФ П. И. Смирнова-Светловского за № 244524сс/ов, в которой содержались указания по поводу составления плана прикрытия Краснознаменного Балтийского флота. Они фактически повторяли мнение наркома ВМФ П. А. Смирнова, сформулированное в майском докладе Совету народных комиссаров СССР. Впрочем, в директиве очередного наркома ВМФ командарма 1-го ранга М. П. Фриновского за № 244726сс/ов, направленной Военному совету Северного флота 23 сентября 1938 г., давался уже несколько иной расклад сил на случай войны. А именно, в этой директиве говорилось следующее: *«...При разработке плана исходить из того, что основным противником на театре будет Германия. Вместе с тем необходимо учитывать вовлечение в войну против нас Финляндии и Польши. Не исключена возможность выступления против нас, в совместном блоке с Германией Швеции и Норвегии. Следует ожидать, что Финляндия в первый период войны, а Швеция и Норвегия на протяжении всей войны могут оставаться нейтральными, однако это не исключает их помощи нашему противнику предоставлением в его распоряжение своих портов для базирования, питания и накапливания сил...»*⁸¹¹.

⁸⁰⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 411. Л. 27.

⁸⁰⁹ Там же. Л. 27.

⁸¹⁰ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 330. Л. 12-12об.

⁸¹¹ Там же. Л. 8.

Таким образом, возникало явное расхождение в определении неприятельской коалиции: вместо ставшей уже привычной, немецко-прибалтийской группировки – Германия-Польша-Финляндия-Эстония-Латвия – возникла новая комбинация, уже со скандинавским уклоном – Германия-Польша-Финляндия-Швеция-Норвегия. Причем, каких-либо убедительных доводов в пользу такой перемены взглядов командованием ВМФ не выдвигалось. Вероятно, политическое руководство СССР, проявив свои скрытые подозрения по отношению к действиям правительства Швеции и Норвегии, выдало соответствующие указания командованию РККА и РККФ.

Как мы видели, на протяжении 1935-1938 годов в оперативном планировании Краснознаменного Балтийского флота происходил процесс постепенного усложнения его задач на случай войны. В планах боевых действий командование РККФ и КБФ старалось сочетать как оборонительные, так и наступательные операции. Причем, если вначале задачи, ставившиеся Балтийскому флоту, в основном отвечали его силам и возможностям, то впоследствии наметилась опасная тенденция явного преувеличения своих сил и, соответственно, недооценки сил противника. Причем, эта направленность при составлении оперативных планов КБФ постоянно усиливалась.

Основными особенностями оперативного планирования КБФ был довольно схематичный подход к определению вероятных противников, совершенно не учитывавший политических реалий того времени и сложных взаимоотношений между странами. При оценке позиции той или иной державы советские руководители исходили из удобного тезиса, что «капиталист всегда остается капиталистом», а потому считалось, что все европейские страны всегда будут представлять опасность для СССР. Кроме того, список противников периодически менялся в зависимости от характера дипломатических отношений Советского Союза с тем или иным государством.

При составлении планов боевых действий наблюдался формальный подход. А именно, командование РКВМФ и КБФ пребывало в твердой уверенности, что противник будет действовать только таким образом, каким его себе наметила советская сторона. Других вариантов при этом не допускалось и не прорабатывалось. Серьезного противодействия со стороны неприятеля в случае начала войны не ожидалось; напротив, он должен был вести себя пассивным образом и позволить Балтийскому флоту начать боевые действия в наиболее благоприятных для себя условиях. Советское морское командование совершенно не предусматривало внезапного нападения противника на свои базы и возможности превентивных минных постановок на театре.

Крупным недостатком при составлении планов войны на Балтике было то обстоятельство, что разрабатывались лишь планы самых первых боевых операций КБФ, а в

дальнейшем флоту следовало действовать уже по обстоятельствам. Иными словами, планирование охватывало лишь начальный период боевых действий, после чего инициатива действий фактически отдавалась противнику. У советского морского командования отсутствовала четкая программа действий в рамках морской войны на театре, которая помогла бы решить поставленные перед флотом задачи. Таким образом, планы войны носили в известной мере декларативный характер.

При составлении планов войны на море, командование МС РККА и КБФ в 1930-е годы опиралось на имевшиеся руководящие документы – Боевые уставы 1930 (БУ-30) и 1937 годов (БУМС-37). Данные документы в немалой степени основывались на опыте Первой мировой войны, хотя данный опыт зачастую воспринимался достаточно шаблонно и без учета новых обстоятельств. Стремление создать классическую минно-артиллерийскую позицию в Финском заливе (ГОР) и тем самым обезопасить КБФ от удара крупных надводных сил ВМС противника было вполне понятно, но вряд ли в этом вопросе следовало действовать столь схематично. Ведь во время Первой мировой войны мощный германский надводный флот так и предпринял попытки прорыва через Центральную минную позицию в Финский залив. Представляется маловероятным, чтобы уже в новых условиях, когда «Кригсмарине» был неизмеримо слабее по своему составу, он стал бы действовать аналогичным образом. И в таком случае Краснознаменный Балтийский флот рисковал излишне ограничить свои собственные передвижения в восточной части Финского залива и запереть себя в узком пространстве «Маркизовой лужи».

Весьма любопытно, что идею минно-артиллерийской позиции активно поддерживало и военно-морское командование противников СССР – Эстонии и Финляндии. В период 1920-х – 1930-х годов военное руководство этих стран постоянно ожидало активных операций со стороны Краснознаменного Балтийского флота, и прежде всего, прорыва его надводных сил из Финского залива в Балтийское море для действий на коммуникациях и десантных операций советского флота на побережье Финляндии, на участке от о-ва Койвисто (Биерке) до Аландских островов⁸¹². Именно поэтому командование финских ВМС всё время отрабатывало действия по обороне Або-Аландского шхерного района и других прибрежных районов. Для успешной реализации своих планов финской стороной в конце 1920-х – начале 1930-х годов были построены два броненосца береговой обороны и пять подводных лодок⁸¹³,

⁸¹² *Aarni Lehti*. Merisodan strategioita Suomenlahdella 1919-1939 // *Sotahistoriallinen aikakauskirja*. 2006. № 25. S. 46, 60. *Wihitol E*. Suomen laivaston rakentaminen itsenäisyyden alkutaipaleella. *Suomi merellä säätii*, 1999. S. 28-33.

⁸¹³ *Niklander T*. Meidan panssarilaivamme. Helsinki, 1996. S. 72-73, 94-95. *Дашьян А. В.* Корабли Второй мировой войны. ВМС Польши и стран Скандинавии (Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии) // *Морская коллекция*. 2005. № 3(72). С. 18-19.

а также получила сильное развитие береговая оборона⁸¹⁴. С целью предотвращения прорыва советских кораблей в Балтику, на протяжении всех 1930-х годов финское и эстонское военное командование отрабатывали совместные действия по недопущению прорыва надводных сил КБФ на рубеже Найссаар-Порккала-удд. Данные действия предусматривали создание минной позиции, прикрываемой огнем 305-мм береговых батарей с островов Аэгна, Макилуото и Куйвасаари, при активной поддержке подводных лодок и авиации флотов Эстонии и Финляндии⁸¹⁵.

В результате, обе стороны – советская и неприятельская – отчасти придерживались одинаковой стратегии. Для небольших военно-морских сил Финляндии и стран Прибалтики это был единственно возможный план военных действий, имевший определенные шансы на успех. Что же касается более сильного Краснознаменного Балтийского флота, то он придерживался подобной стратегии, абсолютизируя полученный в годы Первой мировой войны боевой опыт. Кроме того, со времен Гражданской войны командование КБФ опасалось прихода в Финский залив мощной эскадры одной из крупных европейских держав, что могло бы резко нарушить баланс сил на театре и ухудшить военно-стратегическое положение Балтийского флота. Эти обстоятельства необходимо учитывать при оценке советских планов боевых действий на Балтийском море. В итоге, командование Морских Сил РККА и КБФ предусматривало единственный вариант ведения боевых действий на Балтийском море, который предполагал бой на заблаговременно созданной минно-артиллерийской позиции с использованием надводных, подводных и воздушных сил флота.

§ 2. Оперативное планирование на Краснознаменном Балтийском флоте в 1939 году

В 1939-м году процесс оперативного планирования на КБФ носил довольно неустойчивый характер, поскольку задания высшего командования РККА и РКВМФ, для составления плана боевых действий, неоднократно менялись, в зависимости от текущей политической ситуации в Европе и позиции высшего советского политического руководства. В качестве примера, наглядно иллюстрирующего изменение позиции руководства СССР относительно ряда европейских стран (Германия, Финляндия, Швеция), стоит рассмотреть директивы наркома ВМФ и оперативные разработки Штаба КБФ за период с февраля по октябрь 1939-го года.

⁸¹⁴ *Enqvist O.* Itsenäisen Suomen Rannikkotykit 1918-1998. Jyväskylä, 1999. S. 16-21, 230-231.

⁸¹⁵ *Salo U.* Estimation of security threats and Estonian defence planning in the 1930s // *Acta historica Tallinnensia*, 2008, N 12. S. 41. *Лескинен Я.* Секретное военное сотрудничество между финской и эстонской армиями против Советского Союза в 1930-х гг. // *Новый часовой*. 2004. № 15-16. С. 217-223.

27 февраля 1939 г. нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов и начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников направили наркому ВМФ командарму 1-го ранга М. П. Фриновскому директиву за № 15201, где изложили свое видение стратегической обстановки на данный момент: «...*Оперативный план РККА на 1939 год исходит из предположения одновременного выступления против СССР: на Западе - объединенных сил Германии и Польши, с вероятным участием военно-морского флота Италии и на Востоке - Японии*». Далее нарком ВМФ потребовал учесть возможность сохранения нейтралитета Финляндией, Эстонией, Латвией, Румынией, Болгарией и Турцией, «длительность и устойчивость которого будут зависеть от создавшейся политической обстановки и успехов первых операций РККА и РККФ»⁸¹⁶. Характерной особенностью данной установки является то, что впервые за несколько лет Финляндия не фигурировала в качестве потенциального противника Советского Союза. Это было, скорее всего, результатом дипломатических усилий правительства Финляндии по улучшению отношений с Советским Союзом, предпринятых им в период 1937-1938 годов⁸¹⁷. Соответственно, что советское правительство учло данное обстоятельство и сделало свои выводы.

Общей задачей ВМФ в случае войны, согласно директиве наркома обороны СССР, являлось: 1) Нанесение решительного поражения флотам наших противников во взаимодействии с военно-воздушными и сухопутными силами РККА; 2) Содействие наступлению сухопутных сил РККА и уничтожение береговой обороны противника; 3) Активными действиями на коммуникациях противника, не допускать подвоза войск и боевого снаряжения в порты воюющих против Советского Союза государств; 4) Оборона побережья Советского Союза от попыток высадки десантов вероятными противниками⁸¹⁸.

Исходя из указанных общих задач, перед Краснознаменным Балтийским флотом на 1939-й год были поставлены следующие боевые задачи: 1) Нанести решительное поражение германскому и польскому флотам, не допуская их появления в Финском заливе; 2) Действиями на коммуникациях противников не допустить подвоза войск и боевого снаряжения в порты Финляндии, Эстонии и Латвии; 3) Постановкой мин и действиями подводных лодок закрыть проход для флота противника через линию Поркалауд, Ревель в восточную часть Финского залива; 4) В случае выступления Финляндии против Советского Союза: а) уничтожить ее боевой флот; б) захватить и укрепить острова Гогланд, Б. и М. Тютерс, Лавансаари и Сескар; в) установкой минных полей затруднить базирование германского флота в Аландском архипелаге; г) постановкой минных полей у Гельсингфорса

⁸¹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.

⁸¹⁷ Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 156-182. Барышников В. Н., Барышников В. Н., Фёдоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 43-46.

и Ганге и действиями подводных лодок закрыть порты Финляндии и не допустить подвоза войск и боевого снаряжения; 5) В случае выступления Эстонии и Латвии: а) уничтожить их флоты; б) постановкой минных полей у Ревеля и Моонзундского архипелага и действиями подводных лодок затруднить базирование германского флота и подвоз войск и боевого снаряжения в порты Эстонии и Латвии; 6) Содействовать войскам Ленинградского военного округа, обеспечивая их фланги и уничтожая береговую оборону противника⁸¹⁹.

Согласно этой же директиве, в соответствии с постановлением Комитета обороны при Совете народных комиссаров СССР за № 67сс/ов от 21 апреля 1938 г., все военно-морские флоты и флотилии на период военного времени передавались в оперативное подчинение соответствующим военным округам. Краснознаменный Балтийский флот был подчинен в оперативном отношении Военному совету Ленинградского военного округа⁸²⁰. Совместно с военными советами округов, всем флотам и флотилиям⁸²¹ было поручено разработать к 15 мая 1939 года планы их действий. В заключение, нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов потребовал от наркома ВМФ М. П. Фриновского, чтобы тот своим распоряжением отдал директивы военным советам флотов *«о задачах и порядке разработки планов действий»*, после чего ознакомил бы с их содержанием наркома обороны СССР, начальника Генштаба РККА и его заместителя⁸²².

При рассмотрении основных задач КБФ по этой директиве и сравнении их с задачами, фигурировавшими в директивах 1935-1937 годов, нельзя не заметить целого ряда принципиальных отличий. Прежде всего, заметна ещё бóльшая самоуверенность и категоричность высшего командования в постановке боевых задач Балтийскому флоту. Если ранее речь шла о том, чтобы нанести поражение германскому флоту хотя бы в восточной части Финского залива (и то при соответствующих условиях), то теперь требуется непременно разгромить его еще до подхода к устью Финского залива и не допустить последующего прорыва в восточную часть залива. Причем решающей силой и в том, и в другом случаях выступают всё те же подводные лодки и авиация КБФ. Если ранее проведение десантной операции по захвату финских островов в восточной части Финского залива допускалось командующим КБФ лишь с большими оговорками (в случае появления немецкого флота), то теперь задача приобрела вполне категорический характер. Кроме того, осталась задача по уничтожению флотов «лимитрофов». Таким образом, высшее военное руководство СССР пошло по пути ещё большего усложнения оперативных планов, особенно не задумываясь над возможностью их реализации.

⁸¹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.

⁸¹⁹ Там же. Л. 3-5.

⁸²⁰ Там же. Л. 1.

⁸²¹ За исключением Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии.

Действуя в соответствии с февральской директивой наркома обороны, 22 марта 1939 г., заместитель наркома ВМФ флагман флота 2-го ранга П. И. Смирнов-Светловский своей директивой⁸²³ поручил Военному совету КБФ разработать оперативный план флота на 1939-й год. При составлении плана командованию КБФ следовало исходить из предположения *«одновременного выступления против СССР на Северо-Западном направлении объединенных сил Германии и Польши»*. По мнению заместителя наркома, ВМФ, необходимо было также учитывать возможность сохранения нейтралитета Финляндией, Эстонией и Латвией, длительность и устойчивость которого могла зависеть от политической обстановки и успехов первых операций РККА и РККФ⁸²⁴. Основными задачами КБФ, в случае войны с германо-польским блоком, должны были стать: 1) Активные действия всех сил флота по разгрому германо-польского флота; 2) Действия на коммуникациях противника и недопущение подвоза войск и боевого снабжения со стороны Германии и Польши в порты Финляндии, Эстонии и Латвии; 3) Активные минные постановки и операции подлодок и ВВС с целью недопущения прохода сил противника в восточную часть Финского залива.

В случае же вступления в войну Финляндии, задачи Краснознаменного Балтийского флота заключались уже в следующем: *«а) Уничтожить боевое ядро флота и не допустить подвоза войск и боевого снабжения в порты Финляндии; б) Одновременно захватить и укрепить острова восточной части Финского залива Гогланд, Большой и Малый Тютерс, Лавенсари и Сескар; в) Активными минными постановками затруднить базирование Германо-польского флота в Або-Аландском архипелаге; г) Активными действиями подводных лодок и постановкой минного заграждения у Гельсингфорса и Ганге затруднить подвоз войск и боевого снабжения в порты Финляндии»*⁸²⁵. Ладожская военная флотилия⁸²⁶ должна была немедленно уничтожить финскую военную флотилию и обеспечить полное господство на Ладожском озере, также захватить острова Коневец и Валаам и активно содействовать наступлению частей Красной Армии на Карельском перешейке и Сердобольском направлении, обеспечивая их фланги и тыл. Разработку оперативного плана следовало провести совместно с Военным советом Ленинградского военного округа. Окончанием разработки оперплана КБФ был определен май 1939 г., но конкретная дата не указывалась⁸²⁷.

⁸²² РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 77. Л. 6-7.

⁸²³ Директива не имела исходящего номера.

⁸²⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 80. Л. 1.

⁸²⁵ Там же. Л. 2.

⁸²⁶ Создание Ладожской флотилии планировалось провести накануне военных действий.

⁸²⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 80. Л. 3.

Как мы видим, в мартовской директиве заместителя наркома ВМФ П. И. Смирнова-Светловского⁸²⁸ допускалась определенная возможность участия Финляндии в боевых действиях против СССР на северо-западном направлении, при наличии соответствующих условий. Это свидетельствовало уже об изменении взглядов руководства СССР в отношении позиции Финляндии, причем не в лучшую сторону. Возможной причиной такого отношения стала отрицательная реакция финского руководства на советское предложение по поводу сдачи в аренду островов в восточной части Финского залива, сделанное в марте 1939-го года⁸²⁹. Кроме того, в январе 1939 г. советское правительство затребовало от правительства Финляндии гарантий недопущения использования третьими странами укреплений на Аландских островах, но и здесь финская сторона не пошла навстречу советским предложениям⁸³⁰.

В рамках составления оперативного плана Краснознаменного Балтийского флота на 1939-й год⁸³¹, в период с мая по июнь Штабом флота были разработаны планы⁸³² основных боевых операций Балтийского флота. Прежде всего, это «План подводной войны КБФ»⁸³³, «Общий план минной войны КБФ»⁸³⁴ и «План операции по захвату и вооружению островов восточной части Финского залива: Суурсаари, Суур-Тютерсаари, Лавансаари, Сейскари, Сомери и Нарви»⁸³⁵. При разработке планов операций в 1939-м году командование КБФ пошло по привычному пути, лишь слегка подкорректировав уже имевшиеся оперативные разработки 1937-го года. Ничего принципиально нового в указанных планах не содержалось, фигурировали одни и те же задачи и сроки проведения оборонительных мероприятий флота. В частности, по десантной операции все основные вводные (сроки занятия и оборудования обороны островов) остались без серьезных изменений. В соответствии с мартовской директивой заместителя наркома ВМФ, все вышеуказанные планы уже предусматривали возможность войны с Финляндией.

2 августа 1939 г. новый нарком ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов своей директивой № 9902сс/ов приказал Военному совету КБФ разработать оперативный план

⁸²⁸ Возможно, данная директива стала одним из последних документов, подписанных заместителем наркома ВМФ П. И. Смирновым-Светловским, поскольку 26 марта 1939 г. он был арестован органами НКВД. – См.: *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937-1938. С. 375. *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. Биографический словарь. С. 39.

⁸²⁹ Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы. В 2-х тт. Т. 1. 29 сентября 1938 г. - 31 мая 1939 г. М., 1990. С. 250, 251-253, 266-271. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923-1939. М., 2001. С. 369-370.

⁸³⁰ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923-1939. С. 368-369.

⁸³¹ Общий план боевых действий КБФ за май-июнь 1939 г. отсутствует в фондах РГА ВМФ.

⁸³² Все рассмотренные ниже планы операций КБФ не подписаны командующим КБФ и не имеют даты утверждения.

⁸³³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 452. Л. 1-13.

⁸³⁴ Там же. Д. 453. Л. 1-3.

⁸³⁵ Там же. Д. 457. Л. 1-22.

Краснознаменного Балтийского флота и Ладужской военной флотилии⁸³⁶. Причем при составлении плана следовало исходить из того предположения, что против СССР могут одновременно выступить объединенные силы Германии, Польши и Финляндии. В то же время, по мнению Кузнецова, стоило учитывать возможность сохранения нейтралитета Финляндией, Эстонией и Латвией, *«длительность которого будет зависеть от политической обстановки и успехов первых операций РККА и РККФ»*. Далее в директиве наркома приводился недвусмысленный намек на то, что при наличии соответствующих указаний правительства будет возможно *«не считаться с нейтралитетом этих стран и провести ряд мероприятий, направленных к расширению операционного плацдарма Краснознаменного Балтийского флота»*. Ну а дальше в документе следовало ещё более любопытное высказывание: *«...Фактическое начало военных действий на Балтийском театре может быть без формального объявления войны»*⁸³⁷.

И хотя здесь не сказано, какая именно из сторон может обойтись без объявления войны (советская или неприятельская), это нетрудно понять, исходя из последующих событий (вторжение Красной Армии в Польшу и Финляндию). Из данной директивы наркома ВМФ также следовало, что Финляндия отныне воспринимается уже не как нейтральная, а как враждебная Советскому Союзу держава. Эта новая оценка стала результатом несговорчивой позиции финского правительства по целому ряду вопросов (в частности, о статусе Аландских островов), затронутых советским политическим руководством в июне 1939-го года⁸³⁸. (Неудивительно, что финское военное руководство недвусмысленно заявляло представителям Германии летом 1939 г., что у *«у финской армии всё готово, чтобы укрепить эти острова, и армия ждет только приказа правительства»*⁸³⁹. А в качестве сценария действий против СССР в случае войны предполагались совместные действия финской береговой артиллерии и военно-морского флота, чтобы не допустить прорыв сил КБФ в Балтийское море⁸⁴⁰.)

Согласно указанной директиве, Краснознаменный Балтийский флот совместно с Военно-воздушными силами и сухопутными войсками РККА должны были нанести решительное поражение объединенным силам противника, путем решения следующих задач:

а) Расширить операционный плацдарм, для чего следовало – 1) уничтожить боевое ядро флота лимитрофов и 2) одновременным ударом захватить, вооружить и удерживать острова восточной части Финского залива (Суурсаари, Суур-Тютерсаари, Пиен-Тютерсаари,

⁸³⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 19.

⁸³⁷ Там же. Л. 19.

⁸³⁸ Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы. В 2-х тт. Т. 2. 2 июня – 4 сентября 1939 г. М., 1990. С. 57-58, 69-70.

⁸³⁹ Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации 1939-1941. Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2011. С. 180.

Лавенсаари и Сейскаари); б) Активными действиями подводных лодок, авиации и минными постановками затруднить базирование германского флота в Або-Аландском архипелаге, Гельсинки и Таллине; в) Содействовать РККА, обеспечивая ее морские фланги; г) Бить противника по частям на всем протяжении Балтийского моря; д) Действиями на коммуникациях и у баз противника подводных лодок, авиации и минными постановками сорвать планомерность войсковых перевозок и грузов, а также уничтожать военные корабли⁸⁴¹.

Поскольку Краснознаменный Балтийский флот на период военного времени должен был переходить в оперативное подчинение Ленинградского военного округа, то разработка оперативного плана КБФ должна была проводиться *«в тесной увязке с Военным советом ЛВО»*. Однако Штаб Ленинградского военного округа, несмотря на неоднократные обращения к нему со стороны Военного совета КБФ, не торопился с разработкой оперативного плана и долгое время не давал флоту конкретных задач по взаимодействию и прикрытию. В связи с этим, 31 августа 1939 г. командующий КБФ флагман 2-го ранга В. Ф. Трибуц был вынужден напомнить Военному совету Ленинградского округа, что составление оперативного плана является совместным делом и должно проводиться КБФ совместно с Военным советом ЛВО⁸⁴². Однако, никаких конкретных задач по взаимодействию и прикрытию от Военного совета ЛВО не поступило. Поэтому командующий КБФ предупредил, что в случае неполучения четких указаний от него, он будет вынужден обратиться прямо в Генеральный штаб РККА и *«вести разработку только в части самостоятельных действий флота»*⁸⁴³.

Наконец, 4 сентября Военный совет Ленинградского военного округа направил Военному совету КБФ директиву № 10265сс/ов, где просил предусмотреть для Краснознаменного Балтийского флота следующие задачи: *«...а) в первые дни войны уничтожить морской флот Финляндии и Эстонии в его базах и ихерах; б) подавить береговые батареи в районе Биоркэ; в) не допустить оборудования минных позиций и уничтожить существующие артиллерийские батареи в районе Нарген, Поркелауд; г) захватить острова Сескар, Лавенсаари, Гогланд и Б. Тютерс. При нейтралитете Финляндии захват этих островов осуществить по особому указанию правительства; д) захваченные острова вооружить установкой на них батарей и оборудовать передовой оборонительный рубеж в районе Гогланд, М. Тютерс, Родшер; е) предусмотреть активные действия наших подводных лодок в районе Нарген-Поркелауд с задачей не допустить*

⁸⁴⁰ Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации 1939-1941. С. 179.

⁸⁴¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 20-21.

⁸⁴² Там же. Л. 21, 29.

⁸⁴³ Там же. Л. 29-30.

прохода линейных сил флота Германии в восточную часть Финского залива». С началом военных действий флот должен был оказать содействие огнем береговой и корабельной артиллерии продвижению сухопутных войск на Карельском перешейке (в период с М-3 по М-5 и с М-12 по М-18) и Нарвском направлении (с М-5 по М-15), быть готовым к овладению островом Биеркэ, с последующей высадкой десанта на него (в период с М-12 по М-18), уничтожить финскую Ладожскую флотилию, быть готовыми к высадке десанта в районе Кексгольм-остров Коневец (в период М-10 по М-20), а также оказать содействие огнем корабельной артиллерии наступлению войск на Сердобольском направлении (в период с М-15 по М-20)⁸⁴⁴.

В дальнейшем процесс оперативного планирования КБФ был нарушен политическими событиями в странах Прибалтики и в Финляндии, происшедшими в конце сентября – начале октября 1939 г. В результате заключения пакта о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г., военно-политическая ситуация и расстановка сил в Европе резко изменилась. Согласно секретному протоколу к договору, в сферу интересов СССР попала восточная часть Польши, Прибалтийские республики и Финляндия. Советское руководство получило отличную возможность реализовать свои геополитические интересы, действуя строго в рамках заключенных соглашений. Первыми государствами, подвергшимися советскому политическому давлению, стали республики Прибалтики – Эстония, Латвия и Литва.

Таким образом, в течение зимы-осени 1939-го года процесс оперативного планирования на Краснознаменном Балтийском флоте претерпел серьезные изменения, поскольку он подвергался серьезному влиянию внешнеполитического фактора. В зависимости от быстро менявшейся политической обстановки в Европе и резких перемен во взглядах советского политического руководства, подвергалась серьезной корректировке направленность оперативных планов Вооруженных Сил СССР, и соответственно Краснознаменного Балтийского флота. Оценка предполагаемой угрозы со стороны некоторых европейских стран (в частности, Финляндии) претерпела в оперативных планах КБФ серьезные изменения в силу политических осложнений и невозможности решить проблемы сугубо дипломатическим путем. В результате, нарушилась привычная, выработанная годами схема военного противостояния Советского Союза со странами Западной Европы. Впервые за 20 предвоенных лет политическая ситуация в регионе Балтии сложилось наиболее выгодным для Советского Союза образом.

⁸⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 31-33.

§ 3. Краснознаменный Балтийский флот и события в Прибалтике осенью 1939 года

В начале сентября 1939 г., в связи с нападением Германии на Польшу, высшим командованием Красной Армии и Военно-Морского Флота были осуществлены меры по осуществлению скрытой мобилизации соединений и частей флота. 4 сентября нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов своим приказом задержал сроком на 1 месяц увольнение красноармейцев и младших командиров в войсках Ленинградского, Московского, Калининского, Белорусского и Киевского особых и Харьковского военных округов (всего 310 тыс. человек), а также утвердил призыв на учебные сборы приписного состава частей ПВО в Ленинградском, Калининском, Белорусском и Киевском особых военных округах (всего 26 тыс. человек)⁸⁴⁵. И наконец, 6 сентября нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов специальной директивой объявил скрытую мобилизацию (Большие учебные сборы или БУС) в семи военных округах – Ленинградском, Московском, Калининском, Белорусском особом, Киевском особом, Харьковском и Орловском⁸⁴⁶.

Основная задача мобилизации КБФ сводилась к быстрейшему мобилизационному развертыванию частей Военно-воздушных сил, Противовоздушной обороны, Береговой обороны и Охраны водного района (призываемые тральщики). Причем, мобилизация частей производилось не по общему для всех соединений сигналу, а в следующем порядке: 1) Противовоздушная оборона (ПВО) – с 5 сентября 1939 г.; 2) Западный укрепленный район (ЗУР) – с 10 сентября 1939 г.; 3) Охрана водного района (ОВР) – с 19 сентября 1939 г.; 4) Военно-воздушные силы и Отдельная специальная стрелковая бригада (ОССБ) – с 20 сентября 1939 г.; 5) Северный укрепленный район (СУР), Южный укрепленный район (ЮУР) и Служба наблюдения и связи (СНиС) – с 21 сентября 1939 г.; 6) Санитарные учреждения – с 28 сентября 1939 г.; 7) Гидрографические части – 28 сентября 1939 года⁸⁴⁷.

Здесь надо отметить главную особенность в проведении мобилизации на КБФ (как и вообще в РККФ, и в РККА). По словам начальника Штаба КБФ капитана 1-го ранга Ю. А. Пантелеева, *«мирная политика Советского Союза – соблюдение строгого нейтралитета с другими государствами, предъявляла требования скрытности мобилизации, поэтому последняя проводилась порядком “Больших учебных сборов” (БУС) с абсолютным запрещением употребления во всех видах сношений термина “мобилизация”»*. Конечно, как считал Пантелеев, нельзя было в полной мере рассчитывать на то, что истинное значение

⁸⁴⁵ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 гг. (Документы, факты, суждения). 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 87.

⁸⁴⁶ Там же. С. 88.

⁸⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 297. Л. 5.

БУС осталось абсолютно скрытым для противников Советского Союза. Всё же данный скрытый способ проведения мобилизации ограничивал возможности потенциального противника по получению более полных и точных данных о происходящем, поскольку *«целый ряд проводимых мобилизационных мероприятий ничем не отличался от проведения обычных повседневных мероприятий и личный состав флота в основной своей массе истинного значения проводимых мероприятий по БУС не знал»*⁸⁴⁸.

Мобилизация на Краснознаменном Балтийском флоте осуществлялась следующим образом. Первоначально, 8 сентября 1939 г., нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов своим приказом № 2633сс задержал сроком на 1 месяц 2 193 краснофлотцев, красноармейцев и младших командиров, подлежащих увольнению осенью 1939-го года. Одновременно были призваны на учебные сборы с 5 сентября сроком на 1 месяц 1 605 человек приписного состава зенитных батарей и частей ВНОС⁸⁴⁹. 12 сентября приказом наркома ВМФ № 2700сс были призваны с 14 сентября сроком на 1 месяц на учебные сборы ещё 5 880 человек приписного состава соединений и частей КБФ⁸⁵⁰. Наконец, 17 сентября нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов своим приказом № 2832сс, в целях дальнейшего усиления КБФ, с 20 сентября призвал на учебные сборы сроком на 1 месяц 12 878 человек приписного состава (из них 607 человек – судов гражданских наркоматов, 3218 человек – артиллерии Северного укрепрайона, 1147 человек – артиллерии Южного укрепрайона, 1515 человек – зенитных частей специального назначения, 3268 человек – стрелковых и пулеметных частей, 1033 человека – частей связи и 2090 человек – авиационных частей)⁸⁵¹.

Помимо личного состава, была объявлена мобилизация и судового состава из гражданских ведомств. 17 сентября 1939 г., *«для усиления боевой готовности КБФ»*, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов попросил секретаря ЦК ВКП(б) и первого секретаря Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) А. А. Жданова разрешить призвать в состав КБФ ряд судов Наркоматов Речного и Морского флота СССР⁸⁵². Данная просьба наркома ВМФ была удовлетворена Советом народных комиссаров СССР. 18 сентября, приказом наркома ВМФ за № 0016/пр., в соответствии с постановлениями СНК СССР № 1485-330сс и 1489-334сс от 17 сентября 1939 г., были призваны для тральной подготовки буксиры Наркомата речного флота типа «Ижорец» №№ 21, 23, 29, 37, 38, 39 и 63 с 20 сентября *«на срок до особого распоряжения»*, а также продлена тральная подготовка буксиров «Менжинский» и

⁸⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 297. Л. 5-6.

⁸⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 365. Л. 2, 33. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 90. Л. 186. *Петров П. В.* Скрытая мобилизация на Балтийском флоте осенью 1939 г. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 132.

⁸⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 365. Л. 5, 33. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 68. Л. 47.

⁸⁵¹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 365. Л. 15, 33. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 68. Л. 48. Д. 90. Л. 199.

⁸⁵² Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 90. Л. 191-192.

«Дзержинский» до особого распоряжения⁸⁵³. Призыв гражданских судов для нужд Наркомата ВМФ был подтвержден соответствующим решением Политбюро ЦК ВКП(б)⁸⁵⁴.

Всего, по данным командующего КБФ В. Ф. Трибуца, было призвано по мобилизации 23 тральщика (14 типа «ижорец», 4 типа «Ленводпуть», 5 типа «Озерный»). Кроме того, было призвано из научно-исследовательских институтов 4 тральщика («Инженер», «Мороз», «Краб» и «Сом»). Таким образом, КБФ получил в общей сложности 27 тральщиков⁸⁵⁵. По другим данным, в сентябре-октябре 1939 г. на Балтике в целом было мобилизовано 56 буксиров и разных судов гражданских наркоматов и ведомств, оборудование и вооружение которых было осуществлено средствами Кронштадтской и Ленинградской военно-морских баз⁸⁵⁶.

Подобное развертывание соединений и частей КБФ по штатам военного времени в таком значительном объеме проводилось впервые за 20 лет, хотя *«достаточного практического опыта по руководству этим развертыванием, как у командования, так и штабов КБФ, соединений и частей – не было»*. Во время проведения мобилизации были выявлены отдельные недостатки в организации развертывания соединений и частей. К примеру, организация зенитных частей мирного времени незадолго до развертывания была изменена, соответственно были переизданы штаты мирного времени. В то же время, организация и штаты военного времени остались старыми, не соответствующими организации и штатам мирного времени⁸⁵⁷.

Но необходимо при этом учитывать ряд условий, сильно упрощавших проведение мобилизации на КБФ. Во-первых, это было отсутствие непосредственных боевых действий противника, направленных на срыв мобилизации. Во-вторых, еще до начала мобилизации на КБФ было проведено, по существу, отмобилизование основной части боевого состава флота (по оперативной готовности № 1). В-третьих, последовательный порядок отмобилизования облегчал работу по комплектованию и обеспечению мобилизации⁸⁵⁸.

Руководство Штаба КБФ отмечало, что Балтийский флот с поставленными задачами по развертыванию справился неплохо, так как серьезных недостатков, зависящих исключительно от КБФ, замечено не было. Вообще же, проведенное развертывание убедило командование Краснознаменным Балтийским флотом в том, что *«в основном МП-39 г. (мобилизационный план 1939 г. – П.П.) реален»*. В целом, развертывание частей по штатам

⁸⁵³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 365. Л. 20. Гайдук А. А., Константинов В. М. Огненные мили буксиров типа «Ижорец» // Морская коллекция. 2013. № 12(171). М., 2013. С. 10.

⁸⁵⁴ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог. Т. II. 1930-1939. М., 2001. С. 1092.

⁸⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 131-132. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 20.

⁸⁵⁶ Советско-финляндская война 1939-1940 гг. на море. Ч. 1. М.-Л., 1945. С. 43.

⁸⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 365. Л. 82, 92.

⁸⁵⁸ Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 297. Л. 69-70.

военного времени дало богатый опыт всем звеньям командно-начальствующего состава и штабам⁸⁵⁹.

Окончательный вердикт по вопросу о качестве проведения мобилизации на флотах вынес сам нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов в своем приказе № 203356сс от 30 ноября 1939 г. Кузнецов отмечал, что проведенная частичная мобилизация РККФ в сентябре-октябре 1939 г. показала следующие негативные моменты: «1) Штабы флотов и флотилий в процессе отмобилизования, которое происходило скрытно, но в простых условиях (отсутствие помехи противника, отмобилизование флота пошелонно), не были достаточно организованы: огромный поток приказаний, предписаний, порой дублирующих, без нужды; 2) Штабы флотов и флотилий не организовали и не направили работу по мобилизации соединений и частей всех служб и органов флота (отделы по начсоставу, управление тыла, управление по строительству и расквартированию)...»⁸⁶⁰.

В результате проведенной на флоте мобилизации, списочная численность личного состава Краснознамённого Балтийского флота значительно выросла и к 15 октября 1939 года достигла 61 105 человек. Из них 15 506 человек служили в соединениях надводных и подводных сил, 7 960 человек – в Военно-воздушных силах, 27 212 человек – в береговой обороне, 5217 человек – в береговых частях, 759 – в военно-морских учебных заведениях и 174 – в учреждениях и институтах⁸⁶¹. (В дальнейшем, в период войны с Финляндией, к 1 февраля 1940 г., численность КБФ достигнет уже 62 996 человек, из них: командно-начальствующего состава – 8 217 человек, младшего командного состава – 11 213 человек, рядового состава – 43 236 человек, слушателей ВМУЗ'ов – 153 и курсантов ВМУЗ'ов – 177 человек⁸⁶².)

День 17 сентября 1939 г. оказался для Краснознаменного Балтийского флота очень важным. По приказу наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, Балтийский флот (наряду с Северным и Черноморским флотами) был приведен в боевую готовность № 1⁸⁶³, что означало фактическую готовность к началу боевых действий. Поводом для таких действий командования ВМФ и КБФ стало вступление соединений РККА в Польшу в 5 ч. утра 17 сентября. (Следует отметить, что Наркомат ВМФ и Главный морской штаб ВМФ не были своевременно проинформированы со стороны политического руководства страны и Наркомата обороны СССР о начале боевых действий, что свидетельствовало об отсутствии

⁸⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 365. Л. 93.

⁸⁶⁰ Там же. Л. 96-97.

⁸⁶¹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 23. Д. 95. Л. 243-244.

⁸⁶² Там же. Д. 84. Л. 5.

⁸⁶³ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 14. Л. 364.

должного взаимодействия между ведомствами⁸⁶⁴.) Краснознаменный Балтийский флот оказался вовлеченным в водоворот политических событий в Балтийском регионе.

Заранее, еще 16 сентября 1939 г., Военный совет КБФ отдал боевой приказ № 1/оп, где предупредил командиров соединений флота о грядущих важных событиях и дал указания о действиях флота: *«Возможно ожидать появление подводных лодок иностранных государств с провокационными целями в восточной части Финского залива и в территориальных водах СССР. Для обнаружения и уничтожения подводных лодок в терводах СССР с 6.00 17.09 начать систематический поиск подводных лодок в районе от Кронштадта до меридиана 27°, обеспечив особенно надежно Сескарский плес и Красногорский рейд. Все подводные лодки, обнаруженные в терводах СССР, подлежат немедленному уничтожению всеми боевыми средствами»*. В связи с этим, перед командирами соединений КБФ были поставлены боевые задачи по поиску субмарин противника⁸⁶⁵. В развитие данного приказа, Штаб КБФ утвердил в тот же день «Указания по поиску подводных лодок в восточной части Финского залива», согласно которым перед флотом была поставлена задача *«обнаружить и уничтожить подлодки иностранных государств в территориальных водах СССР»*⁸⁶⁶.

С раннего утра 17 сентября в Штаб КБФ стали быстро поступать донесения о появившихся «неизвестных» подводных лодках⁸⁶⁷. Суду по всему, данные сигналы были призваны нагнетать и без того тревожную ситуацию, для последующего её использования в своих политических целях. Возможно, что роль этих «неизвестных» подводных лодок выполняли советские субмарины из состава КБФ. Во всяком случае, преследуемая командованием КБФ цель была достигнута. С 14 часов дня 17 сентября соединения Краснознаменного Балтийского флота были переведены в готовность № 1⁸⁶⁸. Данная мера была осуществлена по непосредственному приказу наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова⁸⁶⁹.

В дальнейшем, ситуация с «неизвестными» подводными лодками была использована высшим военно-политическим руководством СССР для оказания давления на правительство Эстонии. Поводом для обострения ситуации стал инцидент с польской подлодкой «Orzel» («Орел»). Надо сказать, что еще в начале сентября 1939 г. главнокомандующий Вооруженными силами Эстонии генерал Й. Лайдонер дал указания командующему ВМС капитану флота В. Мере и командующему ВВС полковнику Р. Томбергу быть готовыми к тому, что в ближайшее время отдельные польские воинские части и корабли могут искать

⁸⁶⁴ Кузнецов Н. Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. М., 1995. С. 47.

⁸⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 16-3.

⁸⁶⁶ Там же. Л. 4-5.

⁸⁶⁷ Там же. Л. 98об., 99об., 100-102.

⁸⁶⁸ Там же. Л. 102об.-103.

⁸⁶⁹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 14. Л. 364.

спасения на земле или в водах Эстонии. События не заставили себя долго ждать. В ночь с 14 на 15 сентября в акваторию Таллинского порта вошла польская подлодка «Orzel»⁸⁷⁰, которая находилась в море еще с начала месяца. (Судьба остальных польских подводных лодок сложилась следующим образом: три субмарины – «Sep», «Rys» и «Sbik» ушли в Швецию, в порты Нюнесхамн и Стявнас, а одна лодка – «Wilk» пришла в Англию, в порт Росайт⁸⁷¹.)

Сразу после получения в рейхе известия о появлении «Orzel» вблизи Таллина, Германия оказала давление на правительство Эстонии с целью добиться задержания лодки. В соответствии с международным правом, для сохранения нейтралитета государство, не принимающее участия в конфликте, не могло предоставить кораблю воюющей страны право пребывать в его порту на больший срок, чем одни сутки. Это создавало трудную ситуацию, но командир подлодки Я. Грудзинский подчинился решению эстонской стороны, получив соответствующие гарантии. Доверие к эстонским властям не было бесосновательным: польские военные моряки в 1930-х гг. часто бывали во время визитов в прибалтийских государствах, включая Эстонию. Всё это не могло не давать надежды на нейтралитет местных властей. Тем не менее, вечером того же дня на «Orzel» появился эстонский офицер. Забыв о предыдущих заверениях и о действующих нормах международного права, он заявил о решении эстонского правительства об интернировании судна. Несмотря на протесты польской стороны, почти сразу же началось разоружение экипажа и арест самого судна⁸⁷².

Рано утром 17 сентября соединения Красной Армии вступили в Польшу. В данных условиях, польский экипаж принял решение срочно уходить из Таллина. Около 3 ч. ночи 18 сентября, разоружив эстонский караул, польские моряки увели субмарину в море. Эстонские береговые батареи с острова Аэгна открыли огонь по подлодке, но подлодка «Orzel» успела погрузиться в воду. Командующий ВМС Эстонии В. Мере отдал приказ об уничтожении польской субмарины. Эстонские корабли и самолеты начали преследование подлодки, но не добились положительных результатов. Из-за этого чрезвычайного происшествия, президент страны К. Пятс и главнокомандующий Вооруженными силами Эстонии генерал Й. Лайдонер отдали распоряжение о снятии с должностей командующего ВМС капитана флота В. Мере и начальника Штаба ВМС капитана флота Р. Линнусте⁸⁷³. (В дальнейшем, подлодка «Orzel» 21

⁸⁷⁰ *Ragnar Kokk*. Eesti Merejõudude allveelaevad ja allveelaevnikud. Tallinn, 2006. S. 124.

⁸⁷¹ *Ward J.* Submarines of World War II. London, 2001. P. 70-71. *Hanno Ojalo*. Varjud Meres. Allvesõda Läänemerele 1914–1919 ja 1939–1945. Tallinn, 2007. S. 50. *Дмоховский М.* Польская подводная лодка «Orzel» на политических картах начала Второй мировой войны // Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 4. 2010. СПб., 2010. С. 204.

⁸⁷² *Дмоховский М.* Указ. соч. С. 207.

⁸⁷³ *Арьякас К.* Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. 1989. № 1. С. 51-52. Полпреды сообщают... С. 49-51. *Reet Naber*. Eesti Merejõudude juhatajad 1918–1940. Tallinn, 2004. S. 113. *Ильмярв М.* Указ. соч. С. 435, 440.

сентября миновала остров Готланд, 9 октября проследовала пролив Зунд, а 14 октября пришла в английскую базу Росайт⁸⁷⁴.)

Советское руководство сделало из этого инцидента однозначный вывод: правительство Эстонии попустительствует враждебным действиям польских подводных лодок. 19 сентября в газете «Правда» было опубликовано сообщение ТАСС, где говорилось о том, что польские подлодки скрываются в портах прибалтийских стран. Предполагалось, что помимо польских, там же могут находиться и субмарины других государств. При этом утверждалось, что бегство лодки «Ogzeł» из Таллина было спровоцировано эстонской стороной. В этот же день, эстонский посланник в Москве А. Рей был вызван к наркому по иностранным делам В. М. Молотову, который сделал резкое заявление по поводу бегства польской подлодки. По мнению наркома, данный случай стал возможным лишь ввиду попустительства эстонских властей. В связи с этим, Молотов просил Рея предупредить правительство Эстонии самым серьезным образом и доложить ему, что *«правительство СССР отправит свой флот на поиски лодки, в том числе в ближайших окрестностях Таллинского залива, так как не может допустить, чтобы в море оставалась подводная лодка с торпедами на борту»*⁸⁷⁵.

Эстонский посланник заявил наркому, что у него нет точных сведений об этом инциденте, и обещал сообщить ответ своего правительства. На следующий день, 20 сентября, эстонский посланник А. Рей встретился с заместителем наркома по иностранным делам В. П. Потемкиным и передал ему памятную записку своего правительства. Из записки следовало, что эстонская сторона предприняла расследование по данному случаю, а также оставляет за собой право *«применить все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы ликвидировать лишенное твердого контроля правительственной власти судно, нарушившее грубым образом признанный всеми великими державами, в том числе и Советским Союзом, нейтралитет Эстонии»*. Эстонское правительство выразило намерение поддерживать связь с Правительством СССР при решении данной проблемы⁸⁷⁶.

В ночь с 18 на 19 сентября нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов своей директивой приказал Военному совету КБФ начать поиски польской подлодки в Финском заливе, в водах Моонзундского архипелага и Ирбенском проливе⁸⁷⁷. В свою очередь 19 сентября Военный совет КБФ издал приказ № 2/оп, где уже предельно четко сформулировал боевые задачи Краснознаменного Балтийского флота по уничтожению предполагаемых субмарин

⁸⁷⁴ *Hanno Ojalo. Varjud Meres. Allvesõda Läänemerele 1914–1919 ja 1939–1945. S. 52. Ильмярв М. Указ. соч. С. 435.*

⁸⁷⁵ Цит. по: *Арьякас К. Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. 1989. № 1. С. 53. От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. Сост. К. Арьякас и др. Пер. с эст. Таллинн, 1990. С. 130.*

⁸⁷⁶ Полпреды сообщают... С. 50-51.

противника. В приказе был определен главный противник советских военно-морских сил: «*В Финском заливе и Северной части Балтийского моря польские подлодки*»⁸⁷⁸. Одновременно с этим, командир Отряда легких сил КБФ капитан 1-го ранга Б. П. Птохов, готовясь к выполнению своей боевой задачи, подписал «Указания на поиск и уничтожение подлодок противника»⁸⁷⁹.

Реализация планов командования КБФ началась немедленно. Отряду легких сил КБФ в составе группы лидеров, с приданными тремя эсминцами 3-го дивизиона, четырьмя сторожевыми кораблями и шестью сторожевыми катерами предстояло произвести поиск и уничтожение неприятельских подводных лодок в Финском заливе и северной части Балтийского моря, между меридианами 29° и 22°. Для контроля за проведением операции, на борт лидера «Минск» прибыли заместитель наркома ВМФ флагман флота 2-го ранга И. С. Исаков и командир Отряда легких сил капитан 1-го ранга Б. П. Птохов. 19 сентября в 14 ч. 07 мин. Отряд легких сил – лидер «Минск» под флагом заместителя наркома Исакова, лидер «Ленинград» и эсминцы «Энгельс», «Володарский» и «Артем» вышли в море. Эсминец «Артем» проводил поиск подлодок в районе Вайндло, на рассвете осмотрел Попон–Мон-Кашпервик, а затем на меридиане острова Руускери обстрелял 2 самолета. 21 сентября в 12 ч. 45 мин. лидер «Минск», эсминцы «Сметливый» и «Гордый» встали на якорь в Ручьях⁸⁸⁰.

22 сентября в 00 часов 13 минут лидер «Минск», эсминцы «Гордый» и «Сметливый» снялись с якоря. Командиру 3-го дивизиона эсминцев была также дана радиограмма с указанием к действиям: «*С рассветом 22.09 начать поиск подлодки остров Суурсаари до меридиана 24°*»⁸⁸¹. В процессе поиска эсминцы «Ленин» и «Гордый» открыли огонь по неопознанному самолету у мыса Юминда. В 22 ч. 30 мин. от командира 3-го дивизиона эсминцев, находившихся в районе Таллина, поступило сообщение: «*Противника не обнаружили. Эстонцы ведут непрерывную воздушную разведку*». Ночью 23 сентября сторожевой корабль «Снег» трижды заходил в эстонские территориальные воды, но никаких ответных действий военного характера со стороны эстонцев не было предпринято. Ничего подозрительного в бухтах сторожевым кораблем «Снег» не было обнаружено. 23 сентября в 9 часов 39 минут лидер «Ленинград» под флагом командира Отряда легких сил и эсминцы «Гордый» и «Сметливый» возвратились с моря и встали на Восточном рейде Кронштадта⁸⁸².

⁸⁷⁷ Ильмярв М. Указ. соч. С. 437.

⁸⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 18.

⁸⁷⁹ Там же. Л. 19-20.

⁸⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 107об., 114об., 120, 156-160. Ильмярв М. Указ. соч. С. 437.

⁸⁸¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 122об., 160об. Чернышев А. А. «Новики». Лучшие эсминцы Российского Императорского флота. М., 2007. С. 160.

⁸⁸² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 124, 126-126об., 127-127об.

Надо отметить, что на протяжении всей операции КБФ по поиску «неизвестных» подводных лодок в Финском заливе и Балтийском море, военное и политическое руководство Эстонии придерживалось максимально лояльной позиции по отношению к действиям советских кораблей и самолетов, нарушавших морское и воздушное пространство Эстонии. В частности, вечером 19 сентября 1939 г. эстонскими военными был зафиксирован облет Таллина девятью советскими самолетами на малой высоте. Боевые корабли КБФ неоднократно находились между островами Найссаар и Аэгна, т.е. в эстонских территориальных водах. И, тем не менее, 20 сентября главнокомандующий Вооруженными силами Эстонии генерал Й. Лайдонер отдал категорический приказ не открывать огонь по советским кораблям и самолетам⁸⁸³.

Помимо активных действий, Военный совет КБФ предусмотрел и оборонительные мероприятия, на случай обеспечения своих территориальных вод от внезапных атак надводных кораблей и подлодок противника. В частности, 19 сентября 1939 г. Военный совет флота отдал приказ № 3/оп, где потребовал *«для безопасности нахождения кораблей на подходах к Главной базе и в ней от агрессивных действий подлодок и легких сил иностранных государств, выставить минное заграждение в районе Сейвестэ-Шепелевский маяк»*. Выполнение задачи было возложено на Охрану водного района КБФ, в связи с чем командиру минного заградителя «Марти» капитану 2-го ранга Н. И. Мещерскому, с приданными четырьмя быстроходными тральщиками ОВР, в ночь с 19 на 20 сентября было приказано скрытно выставить минное заграждение против подводных лодок и легких сил⁸⁸⁴.

Приказ был выполнен в указанный срок и 20 сентября нарком ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов уже докладывал секретарю ЦК ВКП(б) и первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданову, что согласно полученному приказанию минный заградитель «Марти» КБФ под прикрытием 4 тральщиков и 2 катеров-охотников с 0 часов до 2 часов 20 сентября выставил минное заграждение в восточной части Финского залива для прикрытия территориальных вод СССР. Всего было выставлено 500 мин в два ряда, из них половина – против подводных лодок, а остальные – против легких сил неприятеля⁸⁸⁵.

23 сентября Военный совет КБФ решил осуществить ещё более масштабную операцию по поиску подлодок противника в Финском заливе и Балтийском море. Начальник Штаба КБФ А. П. Шергин направил командующему Эскадрой КБФ, а также командирам Отряда

⁸⁸³ Арьякас К. Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. 1989. № 1. С. 53, 56. Ильмярв М. Указ. соч. С. 437.

⁸⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 25б.

⁸⁸⁵ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 90. Л. 213.

легких сил и 1-го дивизиона эсминцев приказ № 1оп/491сс, где ссылаясь на приказание командующего флотом В. Ф. Трибуца, потребовал выслать в западную часть Лужской губы лидер «Ленинград» и эсминец «Стремительный». Время выхода кораблей было назначено на 23 часа 23 сентября⁸⁸⁶. Однако нарком ВМФ Кузнецов решил внести коррективы в этот процесс и в этот же день отдал следующий приказ Военному совету КБФ: *«Отряду легких сил в составе лидера и эсминца с 5.00 24.9.39 произвести поиски подлодок противника в водах Финского залива и Балтийского моря до параллели Либавы. Всякую замеченную лодку топить. Разрешаю: заход [в] территориальные воды, останавливать и осматривать транспорта, обстреливать появляющиеся самолеты»*⁸⁸⁷.

Основываясь на приказе наркома, Военный совет КБФ 24 сентября 1939 г. издал приказ № 1оп/493сс, предназначенный для командира Отряда легких сил. Помимо уже известных указаний Н. Г. Кузнецова, Военный совет флота внес уточнения в план поисковой операции: *«...При преследовании разрешается заходить в территориальные воды, и при необходимости в Ирбенский пролив. Всякое сопротивление сломить, избегая огня береговых батарей. Разрешается останавливать финские и в особенности эстонские транспорты для получения информации. При налетах финских и эстонских самолетов, огнем зенитной артиллерии уничтожать...»*⁸⁸⁸. (В монографии Е. Ю. Зубковой содержится ошибочное утверждение, что в 20-х числах сентября 1939 г. «советский военно-морской флот фактически установил морскую блокаду у берегов Эстонии»⁸⁸⁹. На самом деле, это были поисковые операции надводных сил КБФ с целью уничтожения подлодок противника.)

Рано утром 24 сентября 1939 г. в море вышел отряд кораблей КБФ в составе лидера «Ленинград» и эсминца «Стремительный», имея своей задачей осуществить *«поиск польской подводной лодки и ее уничтожение»*. В 06 ч. 05 мин. корабли снялись с якоря⁸⁹⁰. Исходя из полученного приказа, командиры кораблей действовали напористо, не останавливаясь перед применением оружия в чужих территориальных водах. Например, в 14 ч. 29 мин. С борта эсминцев был обнаружен подозрительный предмет, похожий на силуэт подлодки. Лидер «Ленинград» и эсминец «Стремительный» сразу же произвели три 2-х орудийных залпа с дистанции в 60 кабельтовых в сторону Эрусского залива⁸⁹¹. (По данным эстонских наблюдателей, советские эсминцы вторглись в территориальные воды Эстонии в районе Локса, причем один из советских кораблей (это был лидер «Ленинград») открыл

⁸⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 86.

⁸⁸⁷ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 90. Л. 185.

⁸⁸⁸ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 89.

⁸⁸⁹ Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль, 1940-1953. М., 2008. С. 52.

⁸⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 129, 164.

⁸⁹¹ Качур П. И. «Гонимые псы» Красного флота. «Ташкент», «Баку», «Ленинград». М., 2008. С. 51. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 164-164об.

артиллерийский огонь из района между островом Мохни и мысом Пяриспеа по эстонскому побережью. По заявлению К. Сельтера, один из выпущенных снарядов разорвался на эстонском берегу⁸⁹².) В 14 ч. 35 мин. с левого борта появились неизвестные катера, по которым незамедлительно был открыт огонь из крупнокалиберного пулемета. В 15 ч. 18 мин. с левого борта был также замечен самолет, по которому корабли открыли огонь. Наконец, 26 сентября в 22 ч. 12 мин. корабли отряда отдали якорь⁸⁹³. Необходимо отметить, что во время этих событий эстонские войска были сконцентрированы в районах Таллина и Тарту, а части ПВО страны приведены в полную боевую готовность⁸⁹⁴. Тем не менее, эстонские зенитные части не открывали огонь по советским самолетам, нарушавшим воздушное пространство страны.

23 сентября заместитель наркома ВМФ флагман флота 2-го ранга И. С. Исаков направил доценту кафедры штабной службы Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова капитану 1-го ранга Н. Б. Павловичу два важных документа, предназначенных для подготовки предстоящей десантной операции КБФ в Эстонии, – приказ наркома ВМФ за № 1/пох. и «Временный штат управления и штаба Транспортной флотилии Краснознаменного Балтийского флота»⁸⁹⁵. Командиром флотилии был назначен капитан 1-го ранга Н. Б. Павлович, а начальником штаба – капитан 2-го ранга В. И. Рутковский. Тем же приказом были назначены коменданты транспортов флотилии из числа слушателей 3-го курса командного факультета академии – всего 12 человек. В данном приказе было оговорено, что он должен вводиться в действие лишь *«по особому приказанию народного комиссара Военно-Морского Флота СССР»*⁸⁹⁶.

Кроме того, нарком ВМФ направил несколько зашифрованных телеграмм Военному совету КБФ, призванных повысить мобилизационную готовность флота. В частности, 24 сентября Н. Г. Кузнецов приказал временно передать Краснознаменному Балтийскому флоту, в качестве баз подлодок и брандвахтенных судов ОВР, учебные корабли «Комсомолец», «Курсант», «Ленинградсовет» и «Аврора», а также все мореходные катера военно-морских учебных заведений⁸⁹⁷. В своей следующей телеграмме, посланной в этот же

⁸⁹² Арьякас К. Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. 1989. № 1. С. 56. 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. Сост. А. Кеерна и др. Таллинн, 1989. С. 53. От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. С. 133-134. Полпреды сообщают... С. 58.

⁸⁹³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 131-133, 164об., 167об. Арьякас К. Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. 1989. № 1. С. 56.

⁸⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 44. Л. 431.

⁸⁹⁵ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 39-43.

⁸⁹⁶ Там же. Л. 42-43.

⁸⁹⁷ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 117. Л. 1.

день, нарком ВМФ отметил на примере КБФ *«еще недостаточную подготовку кораблей к реальным условиям обстановки»*⁸⁹⁸.

В то время как на Краснознаменном Балтийском флоте напряжение росло с каждым часом, в процессе выяснения советско-эстонских отношений возникла небольшая пауза. В Москве успешно завершились переговоры между советской и эстонской делегациями по поводу заключения нового торгового договора между Эстонией и СССР. Для подписания достигнутого торгового соглашения, советское правительство 22 сентября пригласило в Москву министра иностранных дел Эстонской республики К. Сельтера. К этому времени, эстонское правительство было уверено в том, что крайне неприятный инцидент с подлодкой «Orzel» уже исчерпан, и никаких последствий он иметь не будет. Прибыв 24 сентября в Москву, эстонский министр иностранных дел в этот же день в 21 ч. был принят председателем СНК и наркомом по иностранным делам В. М. Молотовым.

После недолгого обсуждения торгового договора, диалог довольно быстро принял неожиданный для эстонского министра поворот. Молотов заявил Сельтеру следующее: *«Торговые отношения между двумя странами хорошие, однако политические отношения между Эстонией и СССР обострились. Бегство польской подводной лодки свидетельствует о том, что эстонское правительство не хочет или не в состоянии поддерживать порядок в своей стране, и это угрожает безопасности СССР. Разъяснения, приведенные правительством Эстонии, недостаточны... Советский Союз опасается нападения на свои суда. ...Советскому Союзу нужны гарантии обеспечения его безопасности. Политбюро ЦК и правительство решили потребовать у Эстонии таких гарантий, и поэтому предлагается заключить военный союз или пакт о взаимопомощи, на основании которого Советскому Союзу будет предоставлено право иметь на территории Эстонии военные базы для авиации и флота»*⁸⁹⁹.

Сельтер попытался доказать Молотову, что заключение советско-эстонского пакта может нарушить сложившийся баланс сил на Балтике и повредить отношениям двух стран, но советский нарком в это вопросе был непреклонен. Молотов подчеркнул, что заключение договора является делом срочным и предложил срочно запросить эстонское правительство по этому поводу. Сельтер, сославшись на отсутствие необходимых полномочий и согласия парламента, попросил выехать в Таллин и решить там этот вопрос. Молотов заявил, что с принятием решения тянуть не следует, иначе события могут повернуться не в лучшую

⁸⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 117. Л. 2.

⁸⁹⁹ Арьякас К. Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. 1989. № 2. С. 81-82. От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. С. 134-135.

сторону, и посоветовал *«пойти навстречу советским пожеланиям, чтобы избежать худшего. Не заставляйте нас ради достижения цели применять силу...»*⁹⁰⁰.

В ночь с 24 на 25 сентября состоялась еще одна встреча В. М. Молотова с К. Сельтером, на которой советской стороной был представлен проект советско-эстонского договора о взаимопомощи. В ходе беседы, речь зашла о возможных местах базирования соединений Красной Армии и Военно-Морского Флота. Молотов настаивал на размещении баз в Таллине и Пярну. Сельтер возражал на это, указывая, что Таллин, как столица, не подходит для этой цели, а Пярну зимой замерзает. Поэтому, эстонский министр предложил ограничиться островами Сааремаа и Хийумаа, а также портом в Палдиски. Однако Молотов настаивал на своих предложениях. Сельтер вновь подчеркнул, что ему необходимо обговорить данный вопрос с правительством и парламентом. Уже утром 25 сентября министр иностранных дел Эстонии К. Сельтер отбыл в Ригу, а оттуда вылетел в Таллин⁹⁰¹.

В период ожидания ответа правительства Эстонии на советский ультиматум, Наркоматом обороны СССР были предприняты меры по разработке плана боевых операций против Эстонии. 26 сентября нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов направил Военному совету ЛВО директиву № 043/оп, где потребовал немедленно приступить к сосредоточению сил на эстонско-латвийской границе и закончить его 29 сентября 1939 г. Перед сухопутными войскам была поставлена задача нанести мощный и решительный удар по эстонским войскам, для чего требовалось: *«а) Кингисеппской группой быстро наступать на Везенбург, Тапе, Таллин; б) 8-й армии разбить войска противника и наступать на Юрьев и в дальнейшем совместно с Кингисеппской группой на Таллин, Пернов, выделив для обеспечения своего фланга одну танковую бригаду и 25-ю кавдивизию в направлении от Валка на Ригу; в) 7-й армии - прикрыть операции ЛВО о стороны латвийской границы. В случае выступления или помощи латвийской армии эстонским частям, 7-й армии быстрым и решительным ударом по обеим берегам реки Двины наступать в общем направлении на Ригу»*. От Краснознаменного Балтийского флота в данной ситуации требовалось уничтожить эстонский военно-морской флот, нанести удар по морским базам Эстонии и содействовать наступлению сухопутных войск Ленинградского военного округа. Нарком обязал Военный Совет ЛВО представить план операции 27 сентября⁹⁰².

Действуя в рамках подготовки к войне, 27 сентября 1939 г. Военный совет КБФ разработал первый вариант плана боевых действий против Эстонии – приказ № 4/оп. В

⁹⁰⁰ *Арьякас К.* Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. 1989. № 2. С. 82-83. От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. С. 136-139.

⁹⁰¹ 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. С. 53-54. *Арьякас К.* Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. 1989. № 2. С. 83-84. От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. С. 140-143.

преамбуле приказа оговаривались условия начального периода боевых действий: *«Флот Эстонии в базах. Финляндия и Латвия нейтралитета не нарушают, считаются нейтральными»*. Для оказания поддержки наступающим частям Красной Армии, Краснознаменный Балтийский флот должен был, путем уничтожения флота Эстонии, разрушения морских баз Таллин и Кунда, и недопущения военных кораблей в Финский залив, обеспечить непосредственное содействие продвижению фланга армии, и подготовить овладение укрепленным районом Таллина. Далее перед всеми основными соединениями флота были поставлены боевые задачи⁹⁰³.

28 сентября 1939 г. командующий войсками Ленинградского военного округа командарм 2-го ранга К. А. Мерецков направил Военному совету КБФ директиву № 4411сс/ов, где приказывал Краснознаменному Балтийскому флоту в составе всех сил находиться в полной боевой готовности к утру 29 сентября 1939 года. Флоту было поручено, *«прикрывшись от латвийского и финского флотов»*, решить ряд боевых задач. В том случае, если Латвия окажет поддержку Эстонии, Краснознаменному Балтийскому флоту было приказано *«захватить флот Латвии и не допустить ухода его в нейтральные воды соседних стран»*⁹⁰⁴. С учетом требований командования Ленинградского военного округа, 29 сентября Военный совет Краснознаменный Балтийского флота утвердил второй вариант приказа № 4/оп. Помимо общего приказа, были также разработаны отдельные приказы по действиям соединений надводных кораблей и подводных лодок КБФ⁹⁰⁵.

С 27 сентября на Краснознаменном Балтийском флоте началось оперативное развертывание сил флота. В связи с этим важным мероприятием, 26 сентября в 16 ч. в Штаб КБФ прибыл народный комиссар ВМФ флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов⁹⁰⁶. Присутствие наркома на Балтике в этот момент было отнюдь не случайным: оно свидетельствовало о серьезности готовящихся на флоте мер. Вероятно, пребывание Н. Г. Кузнецова было тесно связано не только с непосредственной подготовкой КБФ к войне с Эстонией, но и с организацией необходимого повода к войне (casus belli) – «потопления» парохода «Металлист» и «атаки» на транспорт «Пионер». Надо сразу отметить, что данные события находились в тесной связи с политическими и военными действиями Советского Союза.

Попытаемся проследить данные события по сведениям, зафиксированным в Журнале боевых действий Штаба КБФ и приказам командования флота. 26 сентября 1939 г. начальник

⁹⁰² Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 147.

⁹⁰³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 39-41.

⁹⁰⁴ Там же. Д. 448. Л. 36-37.

⁹⁰⁵ Там же. Д. 505. Л. 35б-38, 42-43, 46-47, 53-54.

⁹⁰⁶ Там же. Л. 133.

Штаба КБФ капитан 1-го ранга А. П. Шергин отдал приказ № 1оп/499сс, в котором содержалось приказание Военного совета флота перевести в западную часть Лужской губы сторожевые корабли «Вихрь», «Снег», «Пурга», где они должны были ожидать выхода, который был назначен на 19 часов. А утром 27 сентября, приказом Военного совета флота № 1оп/501сс, коменданту транспорта «Пионер» было предписано выйти на рейд Ручьи и находиться в полной готовности. В соответствии с приказом, 26 сентября в 22 ч. 10 мин. сторожевики «Снег», «Пурга» и «Вихрь» вышли с Восточного рейда, а в 23 ч. 05 мин. транспорт «Пионер» встал на якорь на Восточном рейде⁹⁰⁷. 27 сентября в 04 ч. 55 мин. начальник Штаба КБФ приказал командирам 1-й, 2-й, 3-й и 4-й бригад подводных лодок немедленно вызвать все субмарины с моря и сосредоточить их в местах дислокации, после чего на них была объявлена часовая готовность. Наконец, в 18 ч. 27 сентября командующий флотом отдал приказание 13-му ДПЛ, а также лодкам «Щ-317», «Щ-319», «Щ-320», «Щ-323», «Щ-324», «М-73», «М-75», «М-78» выйти в море и занять позиции согласно плану операции⁹⁰⁸.

А в это время правительство Эстонии стояло перед нелегким выбором: следует ли им принять или отвергнуть советские предложения. Вечером 25 сентября эстонское руководство попыталось заручиться поддержкой Германии по этому вопросу, но оттуда пришел настойчивый совет подписать договор с Советским Союзом *«чем раньше, тем лучше»*. На заседании Государственного совета Эстонской республики, состоявшемся днем 26 сентября, главнокомандующий Вооруженными силами страны генерал Й. Лайдонер и министр иностранных дел К. Сельтер высказали мнение о неизбежности подписания пакта о взаимопомощи с СССР, заявив, что на помощь извне Эстонии рассчитывать не приходится, а собственными военными силами страна продержаться не сможет. Большинство присутствовавших министров поддержали данное предложение. Президент Эстонии К. Пятс подчеркнул, что в данной ситуации главной задачей является *«вывести эстонский народ и государство невредимыми из большой войны»*. По мнению президента, в случае отклонения советского предложения, было бы поставлено под угрозу существование эстонской нации⁹⁰⁹.

На заседании правительства было принято решение уполномочить министра иностранных дел К. Сельтера на ведение переговоров и подписание пакта с СССР. Также было решено рассмотреть данный вопрос в комиссии по иностранным делам и обороне Государственной Думы и Госсовета. Вечером 26 сентября собралась комиссия, на которой был поставлен всё тот же вопрос. Все участники комиссии единодушно согласились с тем,

⁹⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 84об.-85, 133об.

⁹⁰⁸ Там же. Л. 152-153.

что подписание договора о взаимопомощи с Советским Союзом представляется единственно правильным решением в данной ситуации. Таким образом, решение правительства было одобрено. На следующий день, утром 27 сентября, эстонская делегация, в составе министра иностранных дел К. Сельтера, чрезвычайного посланника А. Рея, председателя Государственной Думы Ю. Улуотса и профессора А. Пийпа, вылетела в Москву⁹¹⁰.

Необходимо отметить, что все эти дни в Эстонии царил крайнее напряжение, связанное с советским военным присутствием. В течение 26 и 27 сентября советские самолеты неоднократно нарушали воздушное пространство Эстонии, производя облет Таллина, Тарту, острова Сааремаа и других районов, на что правительство республики выразило протест Советскому Союзу. В то же время, командующий Вооруженными силами Й. Лайдонер и начальник Генерального штаба Эстонии генерал-лейтенант Н. Реек категорически запретили открывать огонь по советским самолетам, чтобы не нагнетать и без того сложную ситуацию⁹¹¹.

На фоне этой крайне напряженной политической ситуации в Балтийском регионе и произошли таинственные события, связанные с атаками советских пароходов «Металлист» и «Пионер» неизвестными подводными лодками. 27 сентября в 10 ч. 30 мин. в журнале боевых действий Штаба КБФ было зафиксировано, что в районе Лужской губы слышен взрыв. В 12 ч. 03 мин. нарком ВМФ и командующий КБФ вышли в море на катере «Ямб». Дальнейшие события были уже напрямую связаны с «атаками» «неизвестных» подлодок на советские суда. В 15 ч. 30 мин. 2 гидросамолета «МБР-2» вылетели к пароходу «Металлист»⁹¹².

Одним из главных героев событий, связанных с пароходом «Металлист», стал сторожевой корабль «Снег», который еще вечером 20 сентября вышел в море по заданию начальника Штаба флота⁹¹³. В 19 ч. 50 мин. командир разведывательной авиаэскадрильи донес в Штаб флота: «В 16.45 транспорт «Металлист» Ш=59°35', Д=24°10'. Экипаж отсутствует. У борта затоплена иллюбка, на палубе беспорядок. К транспорту «Металлист» подошли 3 сторожевых корабля». Согласно навигационному журналу сторожевого корабля «Снег», в 16 ч. 28 мин. корабль подошел к борту транспорта «Металлист», после чего стал ходить вокруг него кругами. Лишь в 21 ч. 56 мин. сторожевой

⁹⁰⁹ Арьякас К. Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. 1989. № 2. С. 84-86. От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. С. 153-154.

⁹¹⁰ Арьякас К. Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. 1989. № 3. С. 91-93.

⁹¹¹ 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. С. 54. Арьякас К. Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. 1989. № 3. С. 91. СССР-Германия 1939-1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. В 2-х кн. Кн. 2. Вильнюс, 1989. С. 7.

⁹¹² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 135-136.

⁹¹³ Там же. Л. 115.

корабль «Снег» прекратил свои странные маневры и покинул борт «Металлиста»⁹¹⁴. Наконец, в 23 ч. 30 мин. командир сторожевого корабля «Снег» дал радиogramму в Штаб КБФ: *«Место гибели транспорта «Металлист» Ш=59°34'02, Д=27°21'»*⁹¹⁵. Представляется непонятным, что сторожевой корабль «Снег» мог делать возле покинутого судна более четырех часов и почему координаты места гибели «Металлиста» так сильно изменились.

На следующий день похожая история произошла и с транспортом «Пионер». Из журнала боевых действий Штаба КБФ следует, что 28 сентября 1939 г. в 01 ч. 50 мин. с транспорта «Пионер» было сообщено по радио: *«Преследуюсь неизвестной подводной лодкой в районе Вигрунд башня. Выбрасываюсь на берег»*. В 02 ч. 10 мин. транспорт «Пионер» запросил Штаб КБФ о помощи. Спустя 5 минут «Пионер» сообщил в Штаб флота о том, что он сел на камни, а еще спустя 5 минут донес, что *«лодка скрылась»*. Через 2 часа с транспорта «Пионер» было сообщено: *«Имею курс на левый борт, при попытке сняться с мели попал на каменную гряду. Жду рассвета»*. Неизвестные подводные лодки и в дальнейшем продолжали появляться в акватории Финского залива. Так, 29 сентября в 11 ч. 45 мин. была замечена неизвестная субмарина на переходе из Нарвского залива в губу Кунда. А 30 сентября в 00 ч. гидрографическое судно «Восток» обнаружило очередную подводную лодку, шедшую курсом на остров Пенисаари⁹¹⁶.

Непосредственным результатом вышеуказанных «атак» неизвестных подлодок стали статьи, опубликованные в центральных советских газетах. Утром 27 сентября в газете «Известия» было опубликовано сообщение ТАСС о ходе переговоров между СССР и Эстонией. Общий тон статьи носил негативный по отношению к Эстонии характер. Возвращаясь к ситуации с польской подлодкой «Orzel», в статье отстаивалась версия о намеренном содействии эстонских властей польским морякам в их бегстве. Эстонские объяснения данных событий отвергались как неудовлетворительные. Наконец, в статье содержался неприкрытый намек в адрес Эстонии: *«...Если иметь в виду, что, по сообщению из Ленинграда, сегодня в двух местах видели перископы неизвестных подводных лодок в районе Лужской губы, то можно прийти к выводу, что где-то недалеко от эстонских берегов какие-то неизвестные подлодки имеют свою скрытую базу»*⁹¹⁷.

Вечером 27 сентября по советскому радио было передано о потоплении неизвестной подлодкой в Финском заливе советского судна «Металлист». На следующий день, 28 сентября, в газете «Правда» было помещено официальное сообщение ТАСС, где говорилось,

⁹¹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 992. Л. 31.

⁹¹⁵ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 137об.

⁹¹⁶ Там же. Л. 138, 143об., 145об.

⁹¹⁷ Полпреды сообщают... С. 60.

что «27 сентября в 18.00 в Нарвском заливе в результате торпедной атаки был потоплен пароход «Металлист». Без вести пропало пять членов экипажа»⁹¹⁸. 29 сентября в газетах было опубликовано аналогичное сообщение ТАСС об атаке транспорта «Пионер». Не нужно долго объяснять, кому именно были выгодны подобного рода публикации. Эти статьи были необходимы советскому военно-политическому руководству как средство дополнительного давления на правительство Эстонии, чтобы вынудить его принять требования Советского Союза о заключении договора о взаимопомощи. Тайнственные подводные лодки, «атаковавшие» мирные советские суда, по замыслу советских политиков и военных, должны были являться неоспоримым доказательством беспомощности эстонского военного командования в деле контроля своих территориальных вод.

Теперь перейдем к непосредственному рассмотрению провокационной истории с пароходом «Металлист»⁹¹⁹. Эстонские историки совершенно верно указывают на абсурдность и противоречивость официальной версии событий, сформулированной в сообщении ТАСС. В то же время, ими была предложена своя версия, согласно которой транспорт «Металлист» был потоплен советской подлодкой «Щ-303» и сторожевым кораблем «Туча». Причем, поскольку торпеды «Щ-303» якобы не попали в цель, то сторожевому кораблю «Туча» пришлось таранить «Металлист»⁹²⁰. Источником для подобных утверждений стала книга известного финского историка флота П.-О. Экмана, который, в свою очередь, ссылался на показания советских моряков, оказавшихся в финском плену в 1941-1943-м годах. К сожалению, данное сомнительное утверждение, без должного критического анализа, было подхвачено некоторыми отечественными исследователями⁹²¹. Следует отметить, что в фондах РГА ВМФ не содержится документов, прямо или косвенно свидетельствующих о каких-либо атаках советских подлодок или надводных кораблей на вышеуказанные суда.

Согласно наблюдениям эстонского берегового поста наблюдения, днем 27 сентября 1939 г. ими был зафиксирован следующий странный случай: «Утром 27 сентября на горизонте появилось судно. Очевидно, судно было без груза, поскольку сидело высоко на воде. В 15 часов к судну приблизились три советских миноносца типа «С». Один из них подошел к борту судна. В 18.40 все скрылись в сумерках»⁹²². Путем сопоставления документов обеих сторон, становится понятным, что таинственное судно, замеченное эстонскими

⁹¹⁸ 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. С. 56.

⁹¹⁹ Vladimir Koppelman, Arvi Nordmann. Provokaatorid - laevad ja kaptenid // Meremees. 2006. № 3. S. 10-11; № 4. S. 12-13.

⁹²⁰ 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. С. 57-58.

⁹²¹ Стрельбицкий К. Б. В сентябре 39-го // Родина. 1996. № 7-8. С. 94.

⁹²² 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. С. 56. От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. С. 164.

наблюдателями, несомненно, было парходом «Металлист». Характерно, что эстонская сторона подчеркивает отсутствие взрыва на борту судна (т.е. торпедная версия потопления не подтверждается). Удостоверившись в том, что эстонской стороной был зафиксирован именно парход «Металлист», мы можем сделать принципиально важный вывод: данное судно никто не топил в тот момент.

История с мнимым потоплением пархода «Металлист» необходима была руководству СССР лишь в качестве удобного предлога, чтобы осуществить давление на эстонское правительство и вынудить его пойти на принятие советских условий. Соответственно, и вся эта надуманная история с парходом (как впоследствии и с обстрелом советских войск под Майнилой) должна была послужить доказательством мнимой вины эстонской стороны. В связи с этим, стоит обратиться к новейшим исследованиям, которые рассматривают разные версии данного события⁹²³. Из указанных статей становится понятным, что вся история с таинственной гибелью «Металиста» выглядит чистойшей мистификацией. По мнению авторов, многие обстоятельства свидетельствуют в пользу того, что вышеуказанные суда никто не топил: они «утонули» лишь на бумаге⁹²⁴. Наконец, решающим обстоятельством в пользу данной версии является тот факт, что парход «Металлист» был потоплен артиллерийским огнем финнов в военно-морской базе Ханко 26 июля 1941 года, что подтверждается архивными документами⁹²⁵.

Пока происходили события, связанные с «потоплением» транспорта «Металлист», в Штабе КБФ шла разработка плана боевых действий против ВМС Эстонии. С этой целью, 28 сентября 1939 г. командующий войсками Ленинградского военного округа командарм 2-го ранга К. А. Мерецков направил Военному совету КБФ директиву № 441сс/ов, где приказал флоту в составе всех своих сил быть в полной боевой готовности к утру 29 сентября. Балтийскому флоту было поручено, *«прикрывшись от латвийского и финского флотов»*, решить следующие боевые задачи: 1) Захватить эстонский флот и не допустить его ухода в нейтральные воды Финляндии и Швеции; 2) Нанести сокрушительный удар по морским базам Эстонии; 3) Огнем корабельной и береговой артиллерии содействовать наступлению отдельного Кингисеппского стрелкового корпуса в направлении Нарва-Везенберг-Таллин; 4) Прикрыть базу флота и не допустить прорыва ВВС противника на Ленинград вдоль

⁹²³ Морозов М. Э. Повод к несостоявшейся войне: Загадки пархода «Металлист» // Флотомастер. 2002. № 6. С. 26-38. Pavel Petrov. Punalipuline Balti Laevastik ja Eesti 1939. aasta septembris ning vahejuhtum aurikuga «Metallist» («Краснознаменный Балтийский флот и Эстония в сентябре 1939 г. и инцидент с парходом «Металлист»») // Akadeemia: Eesti Kirjanike Liidu kuukiri Tartus. 18. Aastakaik. 2006. Number 6(207). S. 1213-1231.

⁹²⁴ Морозов М. Э. Указ. соч. С. 38. Pavel Petrov. Op. cit. S. 1228-1229.

⁹²⁵ Таблица гибели вспомогательных кораблей КБФ от различных видов оружия за период с 22.06 по 31.12.1941 года. Приложение № 19 к «Краткому обзору боевых действий КБФ за период с 22.06 по 31.12.1941 года». – РГА ВМФ. Материалы фонда Р-2251.

Финского залива; 5) Подготовить морской десант в составе 4 000 бойцов для высадки на побережье Финского залива⁹²⁶.

В том случае, если армия Латвии окажет поддержку вооруженным силам Эстонии, Краснознаменному Балтийскому флоту было приказано *«захватить флот Латвии и не допустить ухода его в нейтральные воды соседних стран»*. Причем, действия КБФ должны были носить энергичный и решительный характер, и направлены на выполнение поставленных задач в кратчайший срок. Относительно времени перехода в наступление, следовало ждать особую директиву. На авиацию КБФ, помимо имевшихся задач по обеспечению операций флота, было возложено несколько задач по содействию продвижению армии⁹²⁷.

В соответствии с данными указаниями, командующий КБФ флагман 2-го ранга В. Ф. Трибуц 29 сентября утвердил приказ № 4/оп, имевший достаточно красноречивое название – *«Операция по участию КБФ в войне с Эстонией»*. Согласно приказу, Балтийский флот должен был уничтожить флот Эстонии, разрушить морские базы Таллин и Кунда и не допустить военные корабли противника в Финский залив, обеспечить непосредственное содействие продвижению фланга армии, и подготовить овладение укрепленным районом Таллин. Краснознаменному Балтийскому флоту также следовало быть готовым к поддержке высадки десанта на южном побережье Финского залива, нанести удар по кораблям противника в Финском заливе и оказать поддержку катерам ОВР⁹²⁸. Морская разведка тем временем сообщала наркому ВМФ о различных *«мероприятиях военного характера»* в прибалтийских государствах, явно нагнетая и без того напряженную обстановку⁹²⁹.

Прилетев в Москву, эстонская делегация сразу же оказалась в новой, весьма сложной ситуации. На начавшихся поздно вечером 27 сентября переговорах, нарком по иностранным делам СССР В. М. Молотов, используя ситуацию с мнимым потоплением «Металлиста» и оказывая сильное давление на противоположную сторону, заявил эстонской делегации, что Эстония не в состоянии обеспечить собственную безопасность. В связи с этим, он потребовал ввести на её территорию 35-тысячный контингент РККА для поддержания порядка. Эстонская делегация попыталась сократить количество советских войск в Эстонии, в результате чего численность гарнизонов была постепенно снижена до 25 тысяч человек. В

⁹²⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 36.

⁹²⁷ Там же. Д. 505. Л. 36-37.

⁹²⁸ Там же. Л. 356-36.

⁹²⁹ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 44. Л. 430-431.

итоге, вечером 28 сентября был подписан договор о взаимопомощи между СССР и Эстонией⁹³⁰.

Договор, рассчитанный на 10 лет, предусматривал размещение советских военно-морских баз и аэродромов на правах аренды на островах Сааремаа и Хийумаа и в городе Палдиски. Для охраны указанных морских баз и аэродромов, Советский Союз получил право держать на участках, отведенных под базы и аэродромы, за свой счет наземные и воздушные силы РККА, численность которых определялась особым соглашением⁹³¹. 29 сентября договор был одобрен Политбюро ЦК ВКП(б) и ратифицирован Президиумом Верховного совета СССР, а 2 октября – Советом обороны и комиссией по иностранным делам и обороне Государственной думы и Госсовета Эстонской республики⁹³². Спустя несколько дней, 5 октября был подписан аналогичный договор между Советским Союзом и Латвией, а 10 октября – между СССР и Литвой. Таким образом, советское руководство добилось своей цели – получило право на размещение своих сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил на территории указанных стран. Внешняя политика стран Прибалтики была поставлена под негласный контроль Советского Союза.

Во время этих событий Краснознаменному Балтийскому флоту не пришлось применять силу против вооруженных сил стран Прибалтики, в частности против их военных флотов. В отличие от аналогичных событий лета 1940-го года, в данном случае КБФ не предпринимал блокадных действий у побережья Эстонии и Латвии. В то же время, им был предпринят ряд поисковых операций в Балтийском море, носивших решительный характер. Понятно, что командование Балтийским флотом вряд ли воздержалось бы от применения оружия, если бы последовало соответствующее приказание от политического и военного руководства СССР. И здесь следует согласиться с мнением историка К. Б. Стрельбицкого, который заметил, что действия КБФ в сентябре 1939 г. *«были вызваны скорее не военной необходимостью, а внешнеполитическими причинами»*⁹³³. При этом Краснознаменный Балтийский флот выступал в качестве серьезной военной силы. Лишь благодаря весьма своевременной уступчивости политического руководства Эстонской республики, удовлетворившего все требования СССР, советскому командованию не удалось в полной мере использовать данный аргумент в споре с соседним государством.

⁹³⁰ 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. С. 58. *Арьякас К.* Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. 1989. № 4. С. 91. От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. С. 167-173.

⁹³¹ 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. С. 59-60. Полпреды сообщают... С. 62-63.

⁹³² *Арьякас К.* Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. 1989. № 4. С. 93. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог. Т. II. 1930-1939. М., 2001. С. 1086.

⁹³³ *Стрельбицкий К. Б.* Указ. соч. С. 94.

Тем не менее, несмотря на ограниченные результаты использования КБФ в эстонских событиях в сентябре 1939-го года, они оказались весьма полезными для руководства ВМФ в плане повышения мобилизационной и боевой готовности Балтийского флота. Во время данных событий отрабатывались действия флота по погрузке и высадке десанта, разведывательные действия, а также действия по поиску неприятельских подводных лодок. Иными словами, Краснознаменный Балтийский флот получил опыт действий в условиях, максимально приближенных к боевым, что способствовало повышению его боеготовности в преддверии войны с Финляндией.

§ 4. Участие КБФ в войне с Финляндией зимой 1939 – 1940 гг. и уроки боевых действий

После того, как политическое руководство СССР быстро разобралось с проблемой Прибалтийских государств, наступила очередь более крупного северного соседа – Финляндии. Здесь советские руководители решили первоначально пойти привычным путем, поэтому 5 октября 1939 г. нарком по иностранным делам СССР В. М. Молотов сделал предложение правительству Финляндии немедленно начать переговоры по ряду политических вопросов⁹³⁴. (Прекрасно понимая, чего хочет руководство Советского Союза, председатель финского Совета обороны маршал К. Г. Маннергейм информировал английский кабинет министров, что Финляндию ожидают требования о предоставлении военно-морских баз и аэродромов на островах, на которые им придется пойти⁹³⁵.)

Чтобы подстраховать переговоры с военной стороны, в тот же день нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов направил Военному совету КБФ директиву № 10142сс/ов, где потребовал немедленно разработать операцию *«по захвату острова Биеркэ с расчетом одновременного выполнения её с операцией по расширению оперативного плацдарма (захват островов Гогланд, Лавенсаари, Сескар, Б. и М. Тютерс)»*. И хотя в директиве напрямую не говорилось о возможности войны с Финляндией, всё же нарком попутно уточнил, что задача уничтожения боевого ядра флота прибалтийских государств целиком относится *«к флоту Финляндии»*. При разработке операции необходимо было учитывать условия базирования

⁹³⁴ Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 229. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939-1940. Пер. с англ. М., 2003. С. 33.

⁹³⁵ Волгогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. Кн. II. Часть 1. М., 1989. С. 44-45. К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. Коллективная монография. Отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М., 2009. С. 286.

КБФ в портах Эстонии⁹³⁶. Таким образом, началась постепенная проработка основных задач флота, поставленных Военным советом ЛВО еще в директиве от 4 сентября 1939 года.

К концу октября 1939 г. советско-финские переговоры в Москве стали заходить в тупик, поскольку обе стороны не хотели уступать друг другу по ряду важнейших, с их точки зрения, вопросов государственной безопасности. Советская сторона настаивала на передаче в аренду полуострова Ханко или близлежащих островов, для устройства там своей военно-морской базы, а также переносе линии границы на Карельском перешейке от Ленинграда на безопасное расстояние. Финское правительство оказалось неготовым к столь масштабному размену территориями, поскольку этот вопрос мог решить только сейм, и делегация финнов ответила решительным отказом на советские требования. Обстановка стала быстро накаляться, и финское руководство, с целью подстраховки на случай срыва переговоров и ухудшения отношений с СССР, предприняло меры оборонительного характера (проведение скрытой мобилизации армии, развертывание войск у границы, эвакуация мирного населения из приграничной зоны⁹³⁷). 25 октября, в связи с постановкой морских мин в Финском заливе (от меридиана Стирсудден до меридиана маяка Утэ)⁹³⁸ и в зоне Аландских островов, правительство Финляндии объявило свои территориальные воды опасными для плавания. Командование Краснознаменным Балтийским флотом, посчитав эти мероприятия агрессивными, сразу же предприняло ответные меры.

26 октября Военный совет флота составил в рукописном виде «Предварительное решение командующего КБФ»⁹³⁹, которое было направлено в Главный морской штаб ВМФ. Данное «Решение» фактически представляло собой план боевых действий с неприятельской коалицией. Давая оценку сложившейся обстановке, Военный совет КБФ сделал основополагающий вывод, что *«при продолжении войны Германии с Англией и Францией, основным противником на Балтийском театре будет являться флот Финляндии»*⁹⁴⁰. В то же время, не исключалась и такая возможность, что под влиянием Англии *«Швеция не сохранит нейтралитета и будет втянута в войну на стороне Финляндии»*.

Соответственно, Военным советом КБФ делались и разные выводы из предполагаемых вариантов развития обстановки. Считалось, что одна Финляндия, без поддержки Англии и Швеции и переброски извне вооружения, в войне с Советским Союзом *«не представляет реальной угрозы нашему флоту»*. Но если в войну вступит Швеция, картина существенно изменится, поскольку *«объединенный флот Финляндии и Швеции может помешать*

⁹³⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 35.

⁹³⁷ Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. С. 246, 252-253. Маннергейм К. Г. Мемуары. Пер. с фин. М., 1999. С. 242.

⁹³⁸ Денисов Б. А. Использование мин в войне с белофиннами 1939-1940 гг. М., 1941. С. 48-50. Talvisodan historia. Os. 4. Porvoo-Helsinki-Jyväskylä, 1979. S. 131. Suomen laivasto 1918-1968. Os. 1. Helsinki-Jyväskylä, 1968. S. 229.

⁹³⁹ «Предварительное решение командующего КБФ» было составлено в единственном экземпляре.

проведению операций нашим флотом в западной части Финского залива и в Балтийском море» постановкой минных заграждений возле баз и на путях движения, активными действиями подлодок на коммуникациях и совместными ударами авиации и надводных кораблей по советским передовым базам и кораблям. Допускалось также, что ввиду резкого изменения политической обстановки на Балтике могут появиться таинственные «линейные силы противника», для чего надо будет подготовиться к установке минного заграждения в устье Финского залива⁹⁴¹.

Военный совет флота поставил перед Краснознаменным Балтийским флотом целый ряд боевых задач, сводившихся к следующему: 1) Прикрывшись от шведского флота подлодками, найти и уничтожить флот Финляндии⁹⁴² в его базе силами ВВС КБФ, а при его попытке уйти в Швецию – совместными действиями легких сил и авиации уничтожить в море; 2) Установить систематическое наблюдение подлодками и ВВС за базами Финляндии и Швеции, имея постоянный дозор у своих баз; 3) Нанести Военно-воздушными силами КБФ удары по финским морским базам Хельсинки, Котка, Виипури и подавить береговые батареи на острове Биерке; 4) Силами Отдельной специальной стрелковой бригады КБФ захватить и вооружить острова в восточной части Финского залива (Гогланд, Сескар, Лавенсари, Б. Тютерс); 5) Вести наблюдение за островами в Финском заливе, не допуская их вооружения, путем воздействия ВВС и корабельной артиллерии; 6) Оказать огневое содействие флангу армии на Карельском перешейке, по требованию командующего ЛВО, силами 3-го дивизиона эсминцев и канонерской лодки «Красное знамя»; 7) Подготовиться к постановке минного заграждения в устье Финского залива и на подходах к Ганге (Ханко), против линейных сил противника; 8) При попытке шведского флота оказать поддержку флоту Финляндии и угрожать базированию КБФ, действиями подводных лодок, ВВС Балтфлота и Северо-Западного фронта уничтожить его по частям, не допуская прихода в Финский залив⁹⁴³.

Из данного «Решения» видно, что все основные задачи из предшествовавших планов боевых действий КБФ претерпели незначительные изменения. В то же время существенно изменилась такая важная компонента плана, как состав вероятных противников. Ранее, как уже говорилось, неприятельскую коалицию составляли Германия и Польша, при поддержке

⁹⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 80. Л. 12.

⁹⁴¹ Там же. Л. 14-15.

⁹⁴² На тот момент ВМС Финляндии включали в себя 2 броненосца береговой обороны, 5 подводных лодок, 4 канонерские лодки, 6 минных заградителей, 2 тральщика, 17 катерных тральщиков, 15 сторожевых катеров, 7 торпедных катеров и 8 ледоколов. – См.: Дашьян А. В. Корабли Второй мировой войны. ВМС Польши и стран Скандинавии (Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии) // Морская коллекция. 2005. № 3(72). С. 18-22. Шведы Е. Е. Военные флоты. Справочник по военно-морским силам иностранных государств. 1939-1940 гг. М.-Л., 1940. С. 150-153.

⁹⁴³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 80. Л. 15-17.

Финляндии, Эстонии и Латвии. Теперь же политическая ситуация в регионе кардинально изменилась: Германия стала дружественной СССР державой, Польша была ликвидирована, а Эстония и Латвия после подписания договоров о ненападении фактически перешли под негласный контроль Советского Союза. Таким образом, из числа прежних противников на Балтике осталась лишь одна Финляндия. Поэтому, требовалось как-то компенсировать возникшие «пустоты», заменив их подходящими странами. В качестве своего рода дополнения и усиления Финляндии, Штабом КБФ была сразу предложена нейтральная Швеция, которая на протяжении предшествовавших четырех лет почему-то не вызывала сомнений у советского командования. (Скорее всего, тогда и без Швеции противников для СССР на северо-западном направлении хватало, поэтому её не брали в расчет, чтобы не усложнять ситуацию. Но теперь, когда ситуация для СССР упростилась, решили использовать и этот фактор.)

Поскольку из числа прежних врагов исчезла крупная, промышленно развитая держава (Германия), её требовалось заменить каким-то равноценным противником. В данном случае, был сразу же предложен старый противник СССР – Англия. В то же время, представляется крайне сомнительной возможность прорыва английской эскадры в Балтийское море⁹⁴⁴. (Вероятно, данная идея была навеяна ещё опытом Гражданской войны, когда в 1919-м году английская эскадра под командованием контр-адмирала У. Коузена вошла в Финский залив и предприняла активные действия против советского Балтийского флота⁹⁴⁵.) Во-первых, это повлекло бы за собой значительные потери Королевского ВМФ при форсировании Датских проливов от ударов немецких ВМС. И, во-вторых, и это самое главное, какую задачу могло поставить британское Адмиралтейство перед своим флотом на Балтике? Если в качестве таковой определить нарушение морских коммуникаций между СССР и Германией, то это было бы совершенно расточительным и ненужным мероприятием. Вряд ли нужно доказывать, что основной грузопоток между двумя странами шел через сухопутную границу, по железным дорогам, а морские перевозки носили второстепенный характер. Если же задачей ставилось уничтожение советского Балтийского флота, то и это было бы слишком затратной операцией.

Если же объективно посмотреть на данную ситуацию с советской стороны, то она также вызовет одни лишь вопросы. С большой долей условности можно было предположить,

⁹⁴⁴ Любопытно, что гипотетическую возможность появления английской эскадры на Балтике, в случае поддержки Финляндии в войне с СССР, со стороны Швеции, допускало осенью 1939 г. руководство эстонской военной миссии в Лондоне. Возможно, оно исходило при этом из опыта Гражданской войны, когда на Балтике в 1918-1920 г. действовала английская эскадра в составе 238 вымпелов. – См.: Прибалтика и геополитика. 1935-1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2010. С. 108. *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808-1918. Helsinki, 1997. S. 396.

⁹⁴⁵ *Шишкин В. А.* Блокада северо-запада Советской России // Интервенция на северо-западе России 1917-1920 гг. СПб., 1995. С. 270-272. *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808-1918. S. 396-398.

что Англия является нашим противником на море, но что тогда КБФ мог реально противопоставить английским тяжелым кораблям (линкорам и крейсерам)? Краснознаменный Балтийский флот имел в своем распоряжении два устаревших линкора, которые значительно уступали английским линейным кораблям по всем тактико-техническим характеристикам, один современный легкий крейсер с хорошей артиллерией, но слабым бронированием, и небольшое количество новых, но практически ещё не освоенных личным составом лидеров и эсминцев.

И в количественном, и, главное, в качественном отношении эскадра Королевского ВМФ была бы значительно сильнее Эскадры КБФ. Нетрудно догадаться, во что вылился бы артиллерийский бой между советскими и английскими кораблями. Вероятно, это напоминало бы операцию английского флота во фьордах Нарвика в апреле 1940 года. Надеяться же на одни подлодки и авиацию, которая была слабо подготовлена для ударов по морским целям, было, по крайней мере, несерьезно. Таким образом, характеристика Англии, как нашего противника на Балтике, и её соответствующее обозначение в записке командующего КБФ носила достаточно формальный характер, не подкрепляясь никакими расчетами. Реального, продуманного плана боевых действий на случай столкновения с силами Королевского ВМФ на Балтийском море у Военного совета КБФ всё равно не имелось.

Кроме того, 26 октября 1939 г. Военный совет КБФ издал директиву № 1оп/575сс, где, ссылаясь на минные постановки финнов, приказывал командиру 2-й бригады подлодок капитану 1-го ранга Д. М. Космину выслать подводные лодки его бригады на позиции, поставив им задачей *«ведение неограниченной подводной войны против Финляндии»*, а заодно и разведку за развёртыванием и деятельностью шведского флота. Примечательно, что в самом начале данной директивы было сказано, что с ее получением следует *«считать Советский Союз в состоянии войны с Финляндией»*⁹⁴⁶. Указание Военного Совета флота, содержащееся в директиве, являлось логическим продолжением реализации указаний Военного совета ЛВО от 4 сентября 1939 г., правда, уже с более решительными целями. Впрочем, до исполнения данного намерения дело тогда не дошло, поскольку советским военно-политическим руководством ещё не была потеряна надежда получить требуемые от финнов территории дипломатическим путём.

29 октября 1939 г. Военный совет Ленинградского военного округа представил на утверждение наркома обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова разработанный им *«План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии»*⁹⁴⁷. Согласно этому плану,

⁹⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 497. Л. 12.

⁹⁴⁷ Тайны и уроки зимней войны 1939-1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000. С. 53-61.

перед Краснознаменным Балтийским флотом были поставлены следующие боевые задачи: *«захватить флот Финляндии и не допустить его ухода в нейтральные воды; подавить береговые батареи в районе Койвисто (Биэркэ); захватить и вооружить острова Гогланд, Лавенсаари, Сескар и Б. Тюттерс; прекратить морские сообщения между портами Швеции и Финляндии в Финском и Ботническом заливах; военно-воздушным силам КБФ нанести удары по морским базам Хельсинки, Котка, Виипури»*⁹⁴⁸.

В начале ноября 1939 г. последовал новый виток напряжённости в отношениях между СССР и Финляндией. С 3 ноября начался третий тур советско-финских дипломатических переговоров в Москве, которые проходили уже в атмосфере всеобщей напряжённости и подозрительности. Обе стороны так и не смогли достичь компромисса по важнейшим вопросам. Советская сторона настаивала на обязательном получении полуострова Ханко или островов поблизости от него для устройства там своей военно-морской базы. Финская делегация, проявившая невиданное упорство, отказывала советской стороне в аренде любых своих территорий, считая, что этим будет нарушена территориальная целостность самой Финляндии. После решительного отказа финнов на все советские предложения, секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин в начале третьего тура переговоров сделал окончательный выбор в пользу военного решения данной проблемы.

В период с 1 по 3 ноября 1939 года в Кремле состоялось несколько встреч И. В. Сталина с высшим командованием РККА и РККФ. 1 ноября Сталина посетили наркомы обороны СССР К. Е. Ворошилов и Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов, а также представители командования Ленинградского военного округа и Краснознаменного Балтийского флота в лице К. А. Мерецкова, Н. Н. Вашугина и В. Ф. Трибуца. Наиболее представительным было совещание с военными, проходившее в Кремле 3 ноября. На нём присутствовали нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов, начальник Главного политического управления РККА Л. З. Мехлис, заместитель наркома обороны и начальник Главного артиллерийского управления РККА Г. И. Кулик, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, командующий Северным флотом В. П. Дрозд и ряд других высших командиров⁹⁴⁹. Непосредственным результатом данных совещаний стало принятие окончательного решения о начале войны с Финляндией, поскольку 3 ноября нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов направил Военному совету КБФ директиву № 10254сс/ов, где приказывал Балтийскому флоту быть в полной готовности для выполнения боевых задач⁹⁵⁰.

⁹⁴⁸ Тайны и уроки зимней войны 1939-1940. По документам рассекреченных архивов. С. 55-56.

⁹⁴⁹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. Науч. ред. А. А. Чернобаев. М., 2008. С. 278.

⁹⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 497. Л. 4.

Действуя в соответствии с данной директивой, Военный совет КБФ составил и 5 ноября 1939 г. утвердил «Общий план боевых действий КБФ». Согласно плану, перед Балтийским флотом были поставлены следующие боевые задачи: 1) Найти и уничтожить броненосцы береговой обороны Финляндии, не допустив их ухода в Швецию; 2) Действиями подлодок и авиации у берегов Финляндии прекратить подвоз морем войск, боеприпасов и сырья; 3) С началом военных действий захватить, вооружить и удержать острова Гогланд, Б. Тютерс, Лавенсаари, Сескар и Пенисаари; 4) Быть готовым к высадке оперативного десанта, по требованию командующего ЛВО, к высадке тактического десанта во фланг армии на Карельском перешейке (Хумалийоки) и огневой поддержке войск ЛВО при захвате рубежа Хумалийоки-остров Коневец; 5) Быть готовым, по требованию командующего ЛВО, к высадке тактического десанта и огневой поддержке с Ладожского озера войск округа при захвате левого фланга финского укрепленного рубежа⁹⁵¹. В окончательном виде, боевые задачи КБФ были уточнены и распределены между соединениями в приказе по флоту № 5/оп от 23 ноября 1939 г.⁹⁵². Как показали последующие боевые действия, перед Краснознаменным Балтийским флотом было поставлено больше задач, чем он мог реально выполнить.

В боевых действиях последовавшей советско-финляндской войны 1939-1940 годов⁹⁵³ приняли активное участие надводные, подводные и военно-воздушные силы, а также береговая оборона и части только что сформированной морской пехоты КБФ. Перед надводными силами Балтийского флота стояло четыре основные задачи: 1) Уничтожение финского флота; 2) Прикрытие десантной операции на островах в восточной части Финского залива; 3) Осуществление блокады финского побережья путём организации дозоров в северной части Балтийского моря; 4) Оказание огневой поддержки левому флангу Красной Армии в районе Биёркэ⁹⁵⁴. Из этих задач, Балтийский флот успешно выполнил только одну – захват островов в Финском заливе (с 30 ноября по 3 декабря). Что касается блокадных действий флота, то они были обречены на неудачу, так как все перевозки морем в ходе войны осуществлялись финнами по внутренним шхерным фарватерам, а само Балтийское море оставалось практически пустым. Также не удалось уничтожить ни одного крупного боевого корабля противника, поскольку с началом войны финское командование увело свои корабли в Аландские шхеры, где они были тщательно замаскированы и находились под надежной защитой зенитных батарей.

⁹⁵¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 498. Л. 3-10.

⁹⁵² Там же. Д. 505. Л. 211-218.

⁹⁵³ Боевая деятельность КБФ в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. была подробно рассмотрена автором в его кандидатской диссертации «Краснознаменный Балтийский флот в советско-финляндской войне 1939-1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2000» и монографиях, поэтому здесь основное внимание будет обращено на итоги и выводы из боевой деятельности флота.

⁹⁵⁴ Петров П. В. «Зимняя война». Балтика 1939-1940. Хельсинки, 2008. С. 319.

Всего надводными кораблями из состава Эскадры и Отряда легких сил КБФ было проведено с 30 ноября 1939 г. по 1 января 1940 г. 28 боевых операций и боев, а с 1 по 18 января 1940 г. – еще 3 операции. Кроме того, Дивизион канонерских лодок в декабре 1939 г. провел 15 боевых операций по обстрелу финского побережья⁹⁵⁵. Из 43 боевых операций надводных кораблей, имевших место в декабре 1939-го года, 9 были разведки боем, 24 – обстрелы береговых батарей противника, 5 – разведывательные траления, 2 – атаки и поиски неприятельских подлодок, 1 – обстрел транспорта, 1 – захват моторной шхуны, 1 – отражение налета самолетов противника. Из трех боевых операций и столкновений надводных кораблей, имевших место в январе 1940-го года, 1 была траление опасного района, 1 – отражение атаки финского ледокола и 1 – отражение налета авиации противника⁹⁵⁶. Кроме того, за время несения конвойной службы кораблями 3-го дивизиона эсминцев Эскадры и Отряда легких сил КБФ было проведено в Ленинград 514 иностранных судов и выведено 547 судов⁹⁵⁷. В ходе боевых операций, советский сторожевой корабль «Снег» в р-не острова Сомери (Соммерс) 30 ноября 1939 г. потопил артиллерийским огнем финский моторный катер «шюцора» «V-14»⁹⁵⁸.

Одной из самых важных задач, которую надводные силы КБФ (и в первую очередь, Эскадра) пытались решить, но так и не решились, было оказание огневого содействия левому флангу 7-й Армии, а конкретно – уничтожение финской 6-ти орудийной 254-мм береговой батареи Сааренпя на острове Койвистонсаари (Биёрке). На подавление этой тяжелой финской батареи корабли Эскадры КБФ выходили шесть раз (10, 13, 14, 18, 19 и 30 декабря), причём в двух случаях обстрел сорвался по причине плохой погоды. В ходе этих боевых операций, в которых принимали участие 2 линкора («Марат» и «Октябрьская революция»), 2 лидера («Минск» и «Ленинград»), 6 эсминцев («Стерегущий», «Карл Маркс», «Энгельс», «Ленин», «Володарский» и «Артем»), а также канонерские лодки, сторожевые корабли и тральщики, по финской береговой батарее Сааренпя было выпущено в общей сложности 417 305-мм и 596 130-мм снарядов⁹⁵⁹. Однако, финская 254-мм береговая батарея Сааренпя почти не пострадала от стрельбы кораблей Краснознаменного Балтийского флота. Прямых попаданий в орудия так и не было достигнуто, хотя были попадания в командный пункт и

⁹⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 559. Л. 94-98. Д. 569. Л. 6-7.

⁹⁵⁶ Подсчитано по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 559. Л. 94-98. Д. 569. Л. 6-7.

⁹⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 504. Л. 17-19. Д. 584. Л. 6.

⁹⁵⁸ Чернышев А. А. Первенцы Сталинского флота. Сторожевые корабли типа «Ураган». М., 2014. С. 70.

⁹⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 541. Л. 5. Д. 560. Л. 2-3, 16, 72-73, 125-132, 144-146, 150. Салагин Я. Т. Оборона морских флангов «линии Маннергейма». Л., 1941. С. 79. Чернышев А. А. «Новики». Лучшие эсминцы Российского Императорского флота. М., 2007. С. 161-165. Качур П. И. «Гончие псы» Красного флота. «Ташкент», «Баку», «Ленинград». С. 61-62. Васильев А. М. Первые линкоры Красного флота. «Марат», «Октябрьская революция», «Парижская коммуна». С. 97.

убежище личного состава. Как справедливо заметил Н. Г. Кузнецов по этому поводу, *«снаряды падали куда угодно, но только не на батарею»*⁹⁶⁰.

Лидеры и эсминцы из состава Эскадры и Отряда легких сил КБФ также подвергали артиллерийскому обстрелу финские береговые батареи Руссарэ, Лильхару, Кильписаари, Кирккомансаари, Пуккионсаари и Торсаари, которые также не получили повреждений⁹⁶¹. Таким образом, обстрелы кораблями Эскадры финских батарей имели, скорее, лишь морально-психологическое воздействие на противника. Деятельность надводных сил КБФ в войне прекратилась в начале 20-х чисел января 1940 года, в связи с сильным обледенением Финского залива и Балтийского моря⁹⁶². Единственной потерей надводных сил КБФ в ходе «зимней войны» был сторожевой катер «МО-111», раздавленный льдами при выходе их Таллинской гавани⁹⁶³.

Что касается надводных сил финского ВМФ, то их броненосцы береговой обороны «Vainamoinen» и «Ilmarinen» всю войну находились в Або-Аландском шхерном районе, обеспечивая его противовоздушную оборону. Канонерские лодки, сторожевые корабли и тральщики финнов постоянно участвовали в конвоировании судов в Аландском море. В ходе конвоирования было потеряно сторожевой корабль «Aura II», на котором погибло 26 человек⁹⁶⁴.

Подводные лодки Краснознаменного Балтийского флота в ходе войны обслуживали 19 позиций, из них 5 – в Финском заливе, 6 – в Балтийском море, 3 – в Аландском море и 5 – в Ботническом заливе. Основной задачей подводных сил КБФ было осуществление блокады финского побережья, которая была объявлена Советским правительством 8 декабря 1939 г.⁹⁶⁵. Немного позже, 16 декабря, зона блокады финского побережья была распространена и на Аландский архипелаг⁹⁶⁶. Однако, несмотря на приложенные усилия, действия подводных лодок КБФ оказались малоэффективными. Причиной тому было то, что торговые суда ходили в Финляндию через Аландское море в составе хорошо охраняемых конвоев, в основном, в ночное время. Практически все суда доходили до мест назначения без потерь. В начале февраля 1940 г. операции советских субмарин в Балтийском море были свёрнуты, из-за усилившегося обледенения⁹⁶⁷.

Всего подводниками Балтики было проведено не менее 68 боевых походов (29 походов были сорваны по причине аварий и повреждений), в ходе которых было истрачено более 600

⁹⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-840. Оп. 1. Д. 240. Л. 12. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 31. Л. 6.

⁹⁶¹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 559. Л. 15-16, 186-20, 49-51, 546-56, 596-61, 70-74, 78-80, 94-97. Д. 560. Л. 169-171.

⁹⁶² Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 513. Л. 38-90. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 164. Л. 62.

⁹⁶³ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 559. Л. 103.

⁹⁶⁴ Talvisodan pikkujättiläinen. Toim. J. Leskinen ja A. Jutilainen. Porvoo, 2002. S. 690-691.

⁹⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 93. Л. 16-17.

⁹⁶⁶ Там же. Л. 29.

⁹⁶⁷ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 574. Л. 176-184. Д. 580. Л. 259.

снарядов и 11 торпед. Из 27 субмарин, участвовавших в боевых действиях, оружие применили лишь 8 лодок. За время войны советскими подводниками было проведено 11 торпедных атак судов, из которых лишь 5 увенчались успехом⁹⁶⁸. Боевые достижения балтийских подводников оказались более чем скромными: было потоплено всего 5 транспортов общим тоннажем 7766 брутто-тонн (из них 1 финский, 1 шведский, 2 немецких и 1 эстонский) и повреждён 1 финский танкер. Учитывая, что в Финляндию во время войны прошло примерно 200-250 судов в составе конвоев и поодиночке, то реальный ущерб финскому судоходству составил не более 0,005%. При этом балтийские подводники потеряли при этом 1 подводную лодку («С-2») с экипажем в 50 человек⁹⁶⁹. Во время атаки советской субмарины «Щ-324» погиб от взрыва своих глубинных бомб финский сторожевой корабль «Ауга II»⁹⁷⁰. Справедливости ради, стоит заметить, что финским субмаринам в ходе войны так и не удалось провести торпедных или артиллерийских атак по боевым кораблям и вспомогательным судам КБФ, несмотря на ряд возможностей⁹⁷¹.

Очень большие надежды Военный совет КБФ возлагал на морскую авиацию. Перед ВВС КБФ было поставлено 4 основные задачи: 1) Уничтожение финского военно-морского флота; 2) Уничтожение береговых батарей; 3) Обеспечение десантной операции на островах Финского залива; 4) Прикрытие с воздуха Ленинграда, Кронштадта и Лужской губы. Из них, успешно были выполнены лишь две последние задачи – наиболее простые. Что касается уничтожения финских броненосцев или береговых батарей, то здесь командование КБФ постигло полное разочарование. Все удары морской авиации по финским броненосцам береговой обороны обошлись в 65 тонн сброшенных авиабомб, но сами корабли остались целыми и невредимыми. На финские береговые батареи (Сааренпя, Ристиниеми, Тиуринсаари, Пуккио и пр.) было потрачено во много раз больше бомб, но результат был тем же самым – ни одного прямого попадания. В среднем, на каждую из финских батарей было потрачено около 200 тонн авиабомб без особого успеха. Так, например, на одни лишь батареи острова Биёрке было сброшено 5719 авиабомб общим весом 519,5 тонн, но при этом не было достигнуто ни одного прямого попадания в орудия⁹⁷². Причинами тому были неудовлетворительная подготовка лётного состава, бесприцельная бомбардировка, отсутствие предварительной аэрофоторазведки и хорошая маскировка финских батарей.

⁹⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 573. Л. 59-67. Д. 580. Л. 291-292. Д. 582. Л. 19-23. Д. 641. Л. 143-144. Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 90. Л. 1-6. *Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939-1940. С. 324, приложения № 12-13.

⁹⁶⁹ Talvisodan historia. Os. 4. Porvoo-Helsinki-Jyväskylä, 1979. S. 132-133. *Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939-1940. С. 142, 324-326. *Игнатъев Э. П.* Подводные лодки Краснознамённого Балтийского флота в советско-финляндской войне // Тайны подводной войны. 1996. № 4. С. 36-37.

⁹⁷⁰ Talvisodan historia. Os. 4. Porvoo-Helsinki-Jyväskylä, 1979. S. 137.

⁹⁷¹ *Merensilta T. Vesikko.* Suomenlahden hiljainen vartija. Helsinki, 2009. S. 96-99.

⁹⁷² РГА ВМФ. Ф. Р-840. Оп. 1. Д. 1639. Л. 6. *Жаворонков С. Ф.* Доклад начальника авиации ВМФ на совещании руководящего состава Наркомата ВМФ 10.04.40 г.: Боевые действия Военно-Воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота с 30.11.39 по 13.03.40 г. М., 1940. С. 12.

Кроме того, морской авиации удалось нанести некоторый ущерб финским портам. Некоторые из них (Турку, Раумо, Мантилуото) имели серьезные повреждения⁹⁷³, но, тем не менее, продолжали функционировать до окончания войны.

В целом за войну авиацией КБФ было совершено свыше 16663 боевых вылета (в том числе 881 ночной), в ходе которых было истрачено 2600 тонн авиабомб. Кроме того, самолетами морской авиации было сделано 12637 аэрофотоснимков, переброшено 68,5 тонн разных грузов на острова в Финском заливе. В портах и в открытом море авиацией флота было уничтожено 7 финских и нейтральных судов. Но зато безвозвратные потери ВВС КБФ в ходе боевых действий оказались достаточно велики – 90 самолётов и 110 лётчиков⁹⁷⁴. Одной из основных причин столь низкой эффективности действий и больших потерь ВВС КБФ была совершенно неудовлетворительная боевая подготовка летного состава перед «зимней войной», который в основном был обучен полетам лишь в простейших метеорологических условиях. Недопустимо высоким являлся уровень аварийности в авиационных частях морской авиации⁹⁷⁵.

В боевых действиях на Балтике приняла участие также морская пехота. В период с 30 ноября по 3 декабря 1939 г. отряды особого назначения №№ 1 и 2 и Отдельная специальная стрелковая бригада (ОССБ) КБФ провели захват островов в восточной части Финского залива – Суурсаари (Гогланд), Сейскаари (Сескар), Лавенсаари, Суур-Тютерсаари (Большой Тютерс) и Пиен-Тютерсаари (Малый Тютерс), Нарви (Нерва) и Соммери (Соммерс). В ходе этой операции финны не оказали сопротивления морякам-балтийцам, заблаговременно эвакуировав свои гарнизоны⁹⁷⁶. Потери десантников при захвате островов носили незначительный характер – 11 командиров и бойцов получили ранения от неосторожного обращения с оружием и обстрела собственной авиацией. Кроме того, были разбиты штормом 1 моторный катер и 1 шлюпка. Также от столкновений были временно выведены из строя лидер «Ленинград» и два сторожевых катера типа «МО-4»⁹⁷⁷. После этого, морские пехотинцы стали активно готовиться к захвату острова Биёркэ, где находилась финская 254-

⁹⁷³ РГА ВМФ. Ф. Р-1594. Оп. 1. Д. 34. Л. 1. *Жаворонков С. Ф.* Указ. соч. С. 22-24.

⁹⁷⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 615. Л. 7-8. Д. 629. Л. 6-7. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 149. Л. 114-115. *Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939-1940. С. 326-336, приложения № 1-2. *Петров П. В.* Потери ВВС КБФ в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. // Тайфун. 2000. № 11. С. 18. Suomen laivasto 1918-1968. Os. 1. Helsinki-Jyväskylä, 1968. S. 280, 285. Talvisodan historia. Os. 4. Porvoo-Helsinki-Jyväskylä, 1979. S. 138-139. Talvisodan pikkujattilainen. Toim. J. Leskinen ja A. Jutilainen. S. 692.

⁹⁷⁵ *Петров П. В.* Балтийский флот. Финский гамбит. М., 2005. С. 160-162. *Барышников В. Н.* К вопросу о бомбардировке финской столицы авиацией КБФ в начале «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции (12-13 апреля 2000 г.). СПб., 2001. С. 70.

⁹⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1893. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-10об. Д. 2. Л. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 500. Л. 41-42. Д. 507. Л. 15-57. Д. 542. Л. 82-83. Д. 543. Л. 8-9. Д. 545. Л. 72-74. *Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939-1940. С. 5-20.

⁹⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1893. Оп. 1. Д. 1. Л. 10об. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 545. Л. 72-73.

мм береговая батарея Сааренпя, но в конце декабря 1939 г. эта операция была отменена Ставкой Главного командования⁹⁷⁸.

На завершающем этапе войны морская пехота Балтийского флота вновь получила возможность проявить себя. 4 марта 1940 г., с целью отвлечения внимания противника от наступления частей Красной Армии на Выборгском направлении Карельского перешейка, Отдельная специальная стрелковая бригада, 50-й и 111-й стрелковые батальоны и особый батальон моряков предприняли наступление по льду на северное побережье Финского залива, на участке Ристиниеми-Хаапасаари. В итоге, финское командование было вынуждено усилить прибрежную группировку своих войск, чтобы не допустить прорыва линии фронта. Потери морской пехоты при этом составили 51 человек убитыми, 149 ранеными и 108 обмороженными⁹⁷⁹.

В целом, безвозвратные потери Краснознаменного Балтийского флота в ходе советско-финляндской войны составили 323 человека убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести. Из них Военно-воздушные силы КБФ потеряли 110 человек, подводные силы – 50 человек (экипаж подлодки «С-2»), Береговой отряд сопровождения – 67 человек, Особая специальная стрелковая бригада – 33 человека, особый лыжный отряд – 21 человек, батальон особого назначения – 6 человек, Островной укрепленный район – 13 человек, Ладожская военная флотилия – 8 человек и вольнонаемный состав КБФ (с буксира «КП-5») – 15 человек⁹⁸⁰. Если учесть, что среднемесячный состав КБФ равнялся более чем 60 тысячам матросов и офицеров, то потери составили 2,6 % от общей численности личного состава флота.

В ходе боевых действий частями РККА и морской пехотой КБФ были захвачены в Выборгском заливе и Биеркском архипелаге ряд финских береговых батарей из состава 2-го берегового артиллерийского полка, в том числе 305-мм батарея на мысе Ристиниеми, 254-мм батарея Сааренпя на о-ве Биеркэ (Койвистонсаари), 152-мм береговые батареи на о-вах Тиуринсаари, Урансаари, Койвистонсаари, в Хумалийоки, на п-ове Койвисто и мысе Сатаманиеми. Кроме того, в качестве трофеев в заливах о-ва Биеркэ (Койвистонсаари) было

⁹⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 497. Л. 10-11.

⁹⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 518. Л. 67-85. Д. 594. Л. 3-8. Ф. Р-1884. Оп. 1. Д. 29. Л. 15-20. Д. 30. Л. 3-11. *Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939-1940. С. 217-221.

⁹⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 234. Л. 24-25. Ф. Р-92. Оп. 24. Д. 494. Л. 22-32, 44, 47-48. *Боженко П. В., Воронов А. Ф., Смагин А. А., Стрельбицкий К. Б.* Мартиролог погибших русских и советских подводных лодок 1904-1991 // Тайны подводной войны. Малоизвестные страницы Второй мировой войны на море 1939-1945 гг. Вып. 5. Львов, 1999. С. 10. *Петров П. В.* Гибель подводной лодки «С-2» // Новый часовой. 1999. № 8. С. 115-125.

захвачено около 30 паровых и парусных судов, часть которых оказались «в вполне исправном состоянии»⁹⁸¹.

Завершая разговор об итогах боевой деятельности Краснознамённого Балтийского флота, невозможно не ответить на следующий основной вопрос: так справился ли КБФ со своими боевыми задачами в ходе войны или нет? Это довольно непростой вопрос, ибо посмотреть на эту проблему можно с разных сторон. Многие командиры КБФ, говоря об общих итогах военных действий, исходили из различных соображений. Всё зависит от того, как расставить приоритеты в решении боевых задач и, вообще, какие именно задачи следует считать главными.

Оценив выполнение плана боевых действий флота – приказа № 5/оп от 23 ноября 1939 года, складывается следующая картина. Из семи основных задач, поставленных перед КБФ (уничтожение финского флота; блокада побережья Финляндии; поддержка войск 7-й армии огнём корабельной артиллерии; захват островов в восточной части Финского залива; обеспечение собственных морских коммуникаций и развёртывания флота; недопущение подхода иностранных судов к Аландам для высадки там войск; десантная операция в Финском заливе) первые три так и не были выполнены, четвёртая и пятая – решены, а две последние – отпали за ненадобностью. За такое выполнение плана можно поставить с большой натяжкой лишь «удовлетворительно» и то если руководствоваться тем соображением, что все задачи были абсолютно равноценны и одинаково сложны. Но если учитывать, что три первые задачи носили первостепенный характер, были основными, то выходит, что Краснознаменный Балтийский флот вообще не справился со своими задачами.

Нельзя также забывать то обстоятельство, что охрана собственных коммуникаций от малочисленного и слабого финского ВМФ (который даже не предпринимал попыток ударов по ним) не представляла больших трудностей, а захват островов в восточной части Финского залива протекал в исключительно благоприятных (почти учебных) для советской стороны условиях. Таким образом, три наиболее важные и трудные задачи были не выполнены, а две наиболее простые – решены. Из всего этого получается, что Балтийский флот не выполнил своих задач по оперативному плану.

Естественно, что согласиться с тем, что самый сильный флот страны – Краснознаменный Балтийский, располагавший огромными силами и средствами (по сравнению с финским флотом), так и не смог справиться с большинством возложенных на него задач, для командования РККФ и КБФ было очень тяжело, да, к тому же, и невыгодно. Но факты свидетельствуют о том, что КБФ действовал крайне неудачно в ходе советско-

⁹⁸¹ Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. По материалам Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Авт.-

финляндской войны. Поэтому назвать результаты его боевой деятельности успешными нельзя ни в коей мере.

В то же время, никто не станет отрицать того очевидного факта, что флот оказывал эффективную помощь Красной Армии (особенно, на заключительном этапе войны), обеспечивая стабильное положение её приморских флангов. Тем самым, Краснознаменный Балтийский флот оказал частям 7-й Армии Северо-Западного фронта необходимую поддержку, в оперативном масштабе, что от него и требовалось. Именно так и оценивал деятельность Военно-морского флота в период советско-финляндской войны сам нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов, в своём докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) в марте 1940 г.: «...*Военно-морской флот Балтики и Севера всеми своими надводными и подводными кораблями, а также авиацией принимал самое активное участие в военных действиях и оказывал посильную помощь сухопутным войскам*»⁹⁸².

В ходе боевых действий с Финляндией зимой 1939-1940 гг. неоднократно отмечались многочисленные недостатки в планировании, управлении боевыми действиями и боевой подготовке Краснознаменного Балтийского флота, что не могло остаться без внимания высшего командования РККФ. 16 февраля 1940 г., на заседании Главного военного совета ВМФ пунктом № 3 повестки дня значился следующий – «*О выводах из опыта операций на КБФ и СФ*». Слово сразу же взял сам нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, который призвал все центральные управления флота учесть опыт боевых действий на Балтике и перенести его «*на другие моря*». Далее он приказал начальникам управлений коротко доложить ГВС о том, «*какие поправки нужно внести в наши документы, положения, что нового дали боевые действия*»⁹⁸³.

Начальники управлений ВМФ (артиллерийского, кораблестроения, связи и др.) изложили основные недостатки в конструкции, вооружении и оснащении боевых кораблей, выявленные в ходе боевых действий (недостаточная прочность корпусов кораблей (особенно эсминцев проекта 7), отсутствие специальных дальнебойных снарядов на вооружении линкоров, недостаточная начальная скорость снарядов, слабое артиллерийское вооружение подлодок типа «Щ», отсутствие специального самолета-корректировщика, перегрузка радиосвязи кораблей и подлодок переговорами, отсутствие хороших радиопеленгаторов и гидроакустики на кораблях и др.). Однако прозвучавшие доклады начальников управлений не понравились Н. Г. Кузнецову, охарактеризовавшему их как «*общие и ровненькие*»⁹⁸⁴. Нарком заметил, что все высказанные пожелания ему давно известны, и сделал вывод, что

сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб., 2010. С. 250-251, 257-258.

⁹⁸² Уроки войны с Финляндией: Неопубликованный доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на Пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 117.

⁹⁸³ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 4. Д. 23. Л. 52.

центральные управления пока еще серьезно не подошли к вопросу изучения опыта боевых действий. Поэтому, как решил нарком ВМФ, по данному вопросу никакого решения выноситься не будет, а начальникам управлений ВМФ он приказал проанализировать свою работу⁹⁸⁵.

В дальнейшем, народный комиссар ВМФ Кузнецов в своём приказе № 020 от 3 января и директивах №№ 446 и 16015сс от 3 и 14 февраля 1940 года⁹⁸⁶ дал четкие указания, от которых теперь и следовало отталкиваться при дальнейшем изучении опыта боевых действий на Балтике. С этой целью 13-14 марта 1940 г. в Ленинграде было проведено совещание командиров и политработников КБФ, посвященное итогам и урокам боевой деятельности флота⁹⁸⁷. Следует сказать, что работа мартовского совещания дала очень значительный фактический материал для осмысления и последующего практического применения полученного в ходе войны с Финляндией боевого опыта. Но на совещании 13-14 марта 1940 года были подведены лишь самые первые итоги и сделаны предварительные выводы, которые были одобрены и взяты «на заметку» наркомом ВМФ, хотя сам он не присутствовал на совещании.

Поэтому 8 апреля 1940 г. на заседании Военного совета КБФ присутствовавший там нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов сделал доклад, специально посвящённый боевым действиям Краснознамённого Балтийского флота зимой 1939-1940 гг. Кузнецов не стал говорить о боевой деятельности флота в подробностях, а лишь акцентировал своё внимание на основных выводах *«по отдельным крупным принципиальным вопросам, которые сейчас всплыли»*⁹⁸⁸. Вначале им была дана общая оценка выполнения Краснознаменным Балтийским флотом своих боевых задач. Надо сказать, что нарком сместил акценты в расстановке боевых задач, попутно сократив их число. Например, одну из первостепенных задач (уничтожение финского флота) Кузнецов вообще опустил. В итоге, получилась следующая картина: две задачи (обеспечение судоходства и обеспечение своего побережья от нападений противника) были решены Балтийским флотом успешно, а две другие (содействие флангу 7-й армии на Карельском перешейке и блокада финского побережья) – *«неудовлетворительно»*⁹⁸⁹.

Кузнецов в своем докладе объяснил, почему две боевые задачи КБФ остались невыполненными. Самым главным упущением при организации блокады побережья Финляндии, по мнению наркома ВМФ, была полнейшая несогласованность и медлительность действий всех сил флота. Например, подводные лодки были посланы в

⁹⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 4. Д. 23. Л. 52-56.

⁹⁸⁵ Там же. Л. 56-57.

⁹⁸⁶ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 126. Л. 29-30. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 502. Л. 6-8. Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 24. Л. 12-13.

⁹⁸⁷ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 637. Л. 1-386.

⁹⁸⁸ Там же. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 31. Л. 2.

⁹⁸⁹ Там же. Л. 3.

Ботнический залив со значительным опозданием. Морская авиация очень поздно подключилась к организации бомбардировочных ударов по финским портам, а также к минным постановкам с воздуха. Это дало возможность противнику осуществлять перевозку грузов без значительных затруднений. Как результат, блокадные действия КБФ не имели никакого успеха. Нарком сделал на этот счет следующее красноречивое признание: *«... У нас вместо сосредоточенных действий по противнику – лодками, авиацией и минами – получили удар растопыренными пальцами, т.е. сначала действовали подводные лодки, затем из-за ледовых условий лодки должны были прекратить действие. К этому времени начали только налаживаться действия авиации и значительно позднее, потом в эту операцию были применены минные заграждения. Вот почему коммуникации противника, по сути дела, до конца войны так и существовали, и ... мы приостановить поток оружия не смогли»⁹⁹⁰.*

Относительно другой невыполненной задачи – действий надводных сил и авиации КБФ против финской береговой батареи Сааренпя на острове Биерке (Койвистонсаари) – нарком ВМФ также высказал свое мнение. Кузнецов сразу же заметил, что *«полностью эта задача, так, как она перед нами была поставлена, – уничтожение всех укреплений на острове Биерке и главным образом артиллерийских точек крупной артиллерии – она нами в полной мере выполнена не была»*. Причиной неудачных действий флота против финской береговой обороны было то, что первоначально *«мы воевали как вообще, так и в этом районе довольно некультурно, неграмотно»*. Далее Кузнецов изложил присутствующим, в чем именно заключалась эта неграмотность. Во-первых, авиация КБФ начала свои бомбардировочные действия по батарее Сааренпя, даже не располагая её фотоснимками. Во-вторых, представления командования флота по поводу расположения орудий неприятельской батареи носили, как полагал нарком, элементарный характер. Командирами была положена в основу определенная нехитрая схема (*«слишком по-детски и не критически»*), не предусматривающая со стороны финнов никаких элементов маскировки и военной хитрости. По этой причине, все действия надводных кораблей по этому району *«происходили при ложном представлении об обороне этого острова»⁹⁹¹*.

Помимо общей оценки выполнения боевых задач, нарком ВМФ Кузнецов остановился также на рассмотрении конкретных недостатков в боевой деятельности КБФ в период войны с Финляндией. В качестве таковых, им были отмечены медлительность в развертывании действий, бесплановость и боязнь потерь при проведении операций. Медлительность сказывалась в том, что *«мы очень медленно реагировали на обстановку и за все время войны тягивались в события постепенно, медленно, с опозданием»*. При этом, организуя ту или

⁹⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 31. Л. 4-5.

⁹⁹¹ Там же. Л. 6-7.

иную операцию против финской береговой обороны, как считал Кузнецов, командование КБФ стремилось избежать потерь в корабельном составе, всячески перестраховывалось и поэтому *«охотно проводили операции там, где вероятность потерь была ничтожной и считали операцию невозможной там, где риск был значительно больше»*. Любопытным представляется и следующее утверждение Кузнецова о том, что у командования флота не имелось какого-либо целеустремленного плана и из-за этого *«начали пробовать щипать противника понемножку»*⁹⁹².

Доклад Кузнецова на Военном совете КБФ сыграл важную роль. Своим авторитетом Н. Г. Кузнецов утвердил всё то, что было сказано до него, подвёл своеобразный итог обсуждениям и дал импульс дальнейшему процессу изучения боевого опыта. Именно так и выразился Н. Г. Кузнецов в начале своей речи: *«Разборы с тактической точки зрения войны с Финляндией у нас проведены. В основном, выводы, которые делает Военный совет, которые сделаны заместителем народного комиссара, правильны, сомнений не вызывают, сейчас стоит вопрос об их реализации»*⁹⁹³.

В наиболее полном виде, выводы из опыта боевых действий 1939-1940 гг. на Балтике были обобщены в отчете начальника Главного морского штаба ВМФ флагмана флота 2-го ранга Л. М. Галлера от 15 мая 1940 г., где говорилось, что *«боевые действия позволили накопить значительный опыт во всех отраслях боевого флотского организма, позволили проверить новую боевую технику и оперативно-технические формы её использования, методы взаимодействия с армией, организацию боевого управления, материально-технического обеспечения»*⁹⁹⁴. В отчете было указано на целый ряд крупных недостатков, значительно снижавших боеготовность флотов, их возможности при выполнении боевых задач и тормозящих дальнейшее их совершенствование.

По части оперативного планирования, начальник ГМШ Л. М. Галлер согласился с мнением наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, отметив отсутствие глубины и перспективности планирования. До начала войны с Финляндией не были проработаны операции против неприятельских военно-морских баз (артиллерийские и авиационные удары, блокадные действия, минные постановки ВВС), что привело к потере темпов и перспектив дальнейших действий. Это привело на начальном этапе боевых действий к распылению сил, выразившемся в нанесении слабых ударов одновременно по большому количеству объектов противника. Фактически, эти удары были призваны лишь демонстрировать активность КБФ и являлись *«бесцельными, безрезультатными и даже вредными»*. Вместе с тем, не были

⁹⁹² РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 31. Л. 8.

⁹⁹³ Там же. Л. 2.

⁹⁹⁴ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 173. Л. 24.

продуманы некоторые важнейшие операции, в частности, по уничтожению узла сопротивления на фланге Выборгского укрепрайона противника⁹⁹⁵.

Боевая подготовка флота также подверглась серьезным нареканиям со стороны начальника штаба. Подготовка мирного времени страдала большой оторванностью от оперативного плана, поскольку Краснознаменный Балтийский флот в целом не готовился к решению боевых задач в тех районах, которые были определены оперативным планом, а также в зимних условиях. Это стало причиной того, что соединения и корабли КБФ оказались неготовыми к решению следующих задач: 1) Борьба кораблей с береговыми батареями; 2) Действия в шхерах; 3) Уничтожение береговых батарей силами ВВС; 4) Ведение аэрофоторазведки. Обнаружилась слабая артиллерийская и торпедная подготовка соединений, а также плохая подготовка ВВС к борьбе с морскими целями противника⁹⁹⁶.

Были отмечены значительные недочеты в изучении и оборудовании театра военных действий. Командный состав соединений и кораблей слабо знал театр военных действий, поскольку в мирное время этому не уделялось достаточно внимания. Мобилизационной работы в мирное время по подготовке театра военных действий не проводилось. В начале войны КБФ столкнулся с фактом отсутствия таких важнейших материалов, как лоция Ботнического залива, карты шхер этого залива, атласы льдов Ботнического и Рижского заливов, Балтийского моря. Имевшиеся карты оказались настолько неточными и устаревшими, что плавание по ним было просто опасным⁹⁹⁷.

Состояние разведывательной работы во всей системе ВМФ было оценено Л. М. Галлером как *«совершенно неудовлетворительное»*. Самым большим недостатком являлась оторванность морской разведки от вопросов непосредственного обеспечения боевой деятельности соединений, частей и кораблей, а также отсутствие нацеленности разведывательной работы применительно к тем задачам, которые приходится решать флоту, и к тем районам ТВД, где придется действовать данным соединениям. Разведывательные материалы в мирное время в штабах соединений не накапливались, не систематизировались и не изучались должным образом. Агентурная разведка была поставлена крайне плохо. Отсутствие точных и надежных разведанных о противнике приводило к тому, что большинство операций имели отрицательный результат⁹⁹⁸.

К действиям авиации КБФ у Л. М. Галлера также возникло немало претензий. В качестве основных им были определены следующие: 1) Решение боевых задач достигалось не комбинацией тактических приемов, а лишь механическим увеличением количества

⁹⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 173. Л. 27.

⁹⁹⁶ Там же. Л. 32.

⁹⁹⁷ Там же. Л. 40.

⁹⁹⁸ Там же. Л. 41-42.

самолетов и сброшенных бомб; 2) Действия ВВС устремлялись не на 2-3 главных объекта, а одновременно на большое количество второстепенных целей; 3) Нерешенность главной задачи первого периода – уничтожение броненосцев противника; 4) Крайне низкая результативность бомбовых ударов по морским и береговым целям; 5) Неудовлетворительный уровень боевой подготовки экипажей самолетов⁹⁹⁹; 6) Недопустимо высокий уровень аварийности в частях морской авиации; 7) Плохо налаженное взаимодействие ВВС с флотом и сухопутными войсками¹⁰⁰⁰.

Отчет начальника ГМШ Л. М. Галлера, сыграл хотя и важную, но всё же промежуточную роль. Он подтвердил и обосновал все основные выводы по боевой деятельности ВМФ СССР в войне с Финляндией, высказанные в директивах наркома ВМФ и на совещаниях командного состава КБФ. Это уже были выводы, закрепленные на уровне Наркомата ВМФ и ГМШ, которые следовало прорабатывать отдельно по каждому вопросу. Следующим важным этапом, в деле внедрения опыта боевых действий в боевую подготовку флотов и разработки руководящих документов ВМФ, стали совещания Главного военного совета ВМФ, проведенные в апреле-июне 1940 года¹⁰⁰¹. На данном этапе изучение опыта, полученного в ходе войны с Финляндией, было поставлено на качественно новый уровень: теперь систематизацией и анализом опыта боевых действий стали заниматься не только военные советы флотов, но и центральные органы управления ВМФ.

В ходе боевых действий советско-финляндской войны проявилась очень низкая подготовка флотских штабов всех уровней, начиная от штабов частей и кончая самим Штабом КБФ. Ещё в своём приказе № 020 от 3 января 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов отметил основную неудовлетворительную черту штабной службы на флоте – *«недостаточный уровень и культура боевого управления, особенно в области организации, обеспечения и проведения операций в сложных условиях»*¹⁰⁰². В дальнейшем критика была продолжена его заместителем, адмиралом И. С. Исаковым, который в марте 1941 г. в своём докладе «Состояние штабной службы в Наркомате ВМФ и предложения по её улучшению» наметил целый ряд направлений её дальнейшего совершенствования¹⁰⁰³. Общий вывод делался заместителем наркома весьма неутешительный: *«Штабы не являются еще культурными центрами для формирования военно-морской мысли, объединяющей весь личный состав НКВМФ»*¹⁰⁰⁴.

⁹⁹⁹ Это зачастую выражалось в атаках собственных самолетов и бомбардировках собственной или эстонской территории. – См.: *Ильмарв М.* Указ. соч. С. 553-554.

¹⁰⁰⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 173. Л. 59-61.

¹⁰⁰¹ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 161. Л. 175-179, 188-197, 214-227. Оп. 4. Д. 22. Л. 180-183, 185-189, 196-201, 205-210, 215-219. Д. 23. Л. 156-158, 169, 180, 216, 237, 246, 256.

¹⁰⁰² Там же. Р-1600. Оп. 1. Д. 24. Л. 12-13. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 126. Л. 29.

¹⁰⁰³ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 219. Л. 1-24.

¹⁰⁰⁴ Там же. Л. 7-8.

Неудивительно, что 18 июля 1940 г., приказом № 395 наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова, было введено в действие «Наставление по боевой деятельности штабов соединений Военно-морского флота». В нём были чётко регламентированы организация и основные положения о штабах соединений, их задачи, функциональные обязанности должностных лиц и порядок взаимоотношений штабов между собой и с другими органами флота. В наставлении давались рекомендации по сбору и изучению сведений об обстановке и работе штабов при подготовке и принятии решения. Кроме того, в наставлении приводился перечень необходимых документов, которые должны разрабатываться штабами на каждую боевую операцию. Всё это позволило штабам соединений надводных кораблей, подводных лодок, авиации и береговой обороны, а также штабам военно-морских баз, флотов и флотилий улучшить организацию и выполнение трёх основных функций – оперативной, разведывательной и организационной¹⁰⁰⁵.

Для того, чтобы органы боевого управления работали должным образом, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов в своем приказе № 3130 от 23 июля 1940 г. вновь напомнил всем Военным советам флотов, командирам соединений и частей флотов о необходимости постоянного повышения уровня оперативно-тактической подготовки командно-начальствующего состава, которая *«отстает от роста флота и не ликвидируется тот разноречивой в оперативно-тактических взглядах, который существует среди начальствующего состава»*¹⁰⁰⁶. Для решения данной задачи, Кузнецов приказал Военным советам, а также командирам соединений и частей флотов посвящать большую часть своего служебного времени вопросам боевой подготовки частей, а старшим начальникам – чаще лично заниматься подготовкой со своими подчиненными по оперативно-тактическим вопросам, в том числе установить практику выдачи заданий командирам для индивидуального решения¹⁰⁰⁷.

Очередной этап в подведении итогов советско-финляндской войны наступил осенью 1940-го года, когда Главный морской штаб ВМФ решил провести совещание командного состава флота, с целью изучения текущего опыта боевых действий на море в 1939-1940 годах, в том числе опыта советско-финляндской войны. В период с 7 по 14 октября 1940 года, в Ленинграде, в Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова, под председательством заместителя наркома ВМФ адмирала И. С. Исакова, проходило совещание представителей Главного морского штаба, Управления морской авиации и Военно-морской академии. Основная цель совещания заключалась в том, чтобы поделиться мнениями и дать предложения руководству с тем, чтобы можно было в повседневной работе, в боевой подготовке, в разработке вопросов техники и создании базы и организации для

¹⁰⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 156. Л. 2.

¹⁰⁰⁶ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 158. Л. 49.

ведения войны, *«найти те звенья, которые у нас либо отстают, либо отсутствуют, либо на них недостаточно взят упор»*¹⁰⁰⁸.

23 октября 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов в своем приказе № 4365сс, адресованном Военным советам флотов и флотилий, сообщил о прошедшем в Военно-морской академии совещании и переслал стенограмму данного совещания. По мнению наркома ВМФ, доклады, прозвучавшие на совещании, представляли собой *«материал исключительной для нас ценности»*. Кузнецов призвал командующих и флагманов внимательно изучить материалы совещания, с целью подготовки к предстоящему сбору военных советов флотов¹⁰⁰⁹. Кроме того, доклады и предложения, прозвучавшие на совещании в Военно-морской академии 7-14 октября 1940 г., были в значительной степени учтены при разработке чрезвычайно важного руководящего документа – «Временного наставления по ведению морских операций».

По итогам проделанной работы, 26 ноября 1940 г. приказом № 0893 наркома ВМФ было введено в действие «Временное наставление по ведению морских операций»¹⁰¹⁰. Это был первый официальный документ, в котором наиболее полно были отражены принципы ведения морских операций для достижения как оперативных, так и стратегических целей. Во введении было написано, что наставление *«создано с учётом опыта последних войн и содержит в себе основные положения для ведения операций в условиях современной войны, применительно к задачам и характеру операций ВМФ СССР»*¹⁰¹¹. Наставлением предусматривались новая, довольно гибкая система классификации боевых операций (по повторяемости; по характеру задачи; по времени и месту проведения; по направлению действий). Исходя из повторяемости, операции делились на систематические и эпизодические; из характера задачи – на наступательные, оборонительные и встречные; из места и времени проведения – на последовательные и параллельные; из главного направления действий – на самостоятельные, совместные и обеспечивающие¹⁰¹².

Самостоятельные боевые операции флота теперь подразделялись на: 1) Совместные операции военно-морского флота и сухопутных войск (десантные, противодесантные, по поддержке фланга армии, по захвату шхерных районов); 2) Операции, связанные с борьбой на морских коммуникациях (на морских сообщениях противника, по обеспечению своих сообщений, блокада портов противника и т. д.); 3) Операции против береговых объектов

¹⁰⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 158. Л. 49-50.

¹⁰⁰⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 181. Л. 8. Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 12(1-2). С. 18-19.

¹⁰⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 158. Л. 106, 107-108.

¹⁰¹⁰ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 144. Л. 1.

¹⁰¹¹ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 131. Л. 234-235.

¹⁰¹² РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 144. Л. 7-9. Доценко В. Д. История военно-морского искусства. В 4-х тт. Т. 1. СПб., 1999. С. 245.

(набеговые операции); 4) Операции по уравниванию сил и созданию благоприятных условий для ведения вышеупомянутых операций (операции по уничтожению сил противника в море, минно-заградительные операции и по уничтожению сил противника в базах)¹⁰¹³. Кроме того, в качестве отдельных операций, были выделены оперативная разведка и разведывательные операции.

Достаточно легко можно заметить, что при разработке данной классификации морских операций явно был учтен опыт боевых действий с Финляндией: Краснознаменный Балтийский флот выполнял все эти операции без исключения, или же готовился к их проведению. В целом, данное Наставление впервые обобщило оперативно-тактические взгляды командования РККФ на использование сил флота в современной войне. Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов предписал положить его «*в основу всей как оперативной подготовки, так и фактической боевой деятельности Военно-морского флота*»¹⁰¹⁴. Соответственно, командно-начальствующему составу КБФ было предписано сдать зачет по знанию нового «Временного наставления по ведению морских операций» в конце апреля 1941 г. По итогам проверки было зафиксировано хорошее знание большинством командиров соединений и военно-морских баз КБФ нового наставления¹⁰¹⁵.

Теоретическое творчество, получившее значительное развитие после окончания советско-финляндской войны, выразилось не только в разработке Наставления по боевой деятельности штабов ВМФ и Временного наставления по ведению морских операций, но также и в составлении других руководящих документов. Например, опыт действий флота в шхерных районах Финского залива в период войны с Финляндией (в том числе, опыт формирования Шхерного отряда КБФ в феврале-марте 1940 г.) подтолкнули военно-морских теоретиков к разработке сразу нескольких важных руководящих документов, в которых явно ощущалась необходимость, – «Временного наставления для плавания в шхерных районах», «Временных общих положений о боевой подготовке шхерной флотилии» и «Временного краткого руководства по тактике шхерных флотилий»¹⁰¹⁶. Эти наставления были призваны ликвидировать тот пробел, который существовал до того момента в отечественном военно-морском искусстве.

Весьма примечательным представляется тот факт, что лишь 11 января 1941 г., т.е. спустя 10 месяцев после окончания войны с Финляндией (!), Военный совет КБФ утвердил «Выводы по боевым действиям Краснознаменного Балтийского флота в войне с

¹⁰¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 144. Л. 12. Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1-2). С. 9. Доценко В. Д. История военно-морского искусства. Т. 1. С. 245-246.

¹⁰¹⁴ Боевая летопись Военно-морского флота 1917-1941. С. 667.

¹⁰¹⁵ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 30. Л. 67, 72-74.

¹⁰¹⁶ Библиотека Военно-морской академии им. адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова (Инв. №№ 85751, 85752, 85664).

белофиннами за период с 30.11.39 по 13.03.40»¹⁰¹⁷. Подобная неторопливость и откровенное невнимание к изучению своего боевого опыта, проявленные командованием Краснознаменного Балтийского флота, объяснялись не слишком впечатляющими итогами боевой деятельности флота в советско-финляндской войне. Отсюда проистекает и явное нежелание многих представителей командования КБФ представить необходимые документы по боевым действиям соединений и кораблей флота для Исторической комиссии ВМФ, занятой составлением труда по боевым действиям флота в «зимней войне»¹⁰¹⁸.

Начальник Штаба КБФ контр-адмирал Ю. А. Пантелеев, составлявший указанный отчет, пошел по наиболее удобному пути. Исходя из тезисов доклада наркома ВМФ Кузнецова, он сократил количество боевых задач флота в войне с Финляндией, сведя их к четырем: 1) Обеспечение наших коммуникаций в Балтийском море и Финском заливе; 2) Обеспечение нашего побережья от действия кораблей противника; 3) Блокада финского побережья; 4) Содействие продвижению фланга Красной Армии действиями кораблей и авиации противника против берега противника и острова Биеркэ¹⁰¹⁹. Соответственно, первые две задачи были решены удовлетворительно, а две последние – неудовлетворительно.

Наиболее слабым участком, по мнению Ю. А. Пантелеева, являлась разведывательная работа на флоте. Во-первых, большим недостатком было то, что Разведывательный отдел КБФ оказался оторванным от вопросов обеспечения боевой деятельности соединений и кораблей. Вопросами организации войсковой разведки никто не занимался. В штабах соединений в мирное время разведывательные материалы плохо накапливались, мало систематизировались и изучались. Большая часть данных, имевшихся в РО КБФ, оказалась неверной, да и возможности их получения всей системой работы разведки были сведены к минимуму. Недоверие к имевшимся разведанным, добытым морской разведкой, приводило к ложной оценке обстановки и неправильным решениям командования при проведении операций (в частности, при захвате островов в восточной части Финского залива)¹⁰²⁰.

Другим важным недостатком в действиях КБФ было отсутствие оперативного взаимодействия между разными родами сил флота. Например, в ходе проведения блокады побережья Финляндии, подводные лодки не имели взаимодействия с морской авиацией. Более того, имели место атаки боевых кораблей и вспомогательных судов своими самолетами. Авиация КБФ и ПВО даже не выдерживала отведенных ей коридоров полетов,

¹⁰¹⁷ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 22. Л. 4-49.

¹⁰¹⁸ Там же. Л. 57-57об., 125-125об.

¹⁰¹⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰²⁰ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 22. Л. 5-7. Кикнадзе В. Г. Невидимый фронт войны на море. М., 2011. С. 198.

что приводило к их обстрелам зенитными средствами и кораблями¹⁰²¹. Значительно лучше было налажено взаимодействие сил флота и Красной Армии в ходе обстрелов неприятельского побережья. В то же время, отсутствовало взаимодействие линкоров и морской авиации во время действий против береговых батарей противника. Большие упущения обнаружились в действиях подводных лодок. Использование кватанционного метода приводило к тому, что лодки обнаруживали себя, однако, по мнению Пантелеева, это оправдывалось сложностью условий плавания в Ботническом заливе и неопытностью командиров субмарин. Допускался крайне значительный радиообмен между штабом флота и подлодками, что, безусловно, являлось большим недостатком боевого управления¹⁰²².

Много недостатков Ю. А. Пантелеев отмечал в боевом управлении силами флота. Он указывал на увлечение ряда штабов (в частности, Отряда особого назначения) разработкой массы документов, которая отнимала много времени. Исполнители не всегда понимали свою задачу и место в операции. Узким местом боевого управления для всех командиров соединений и штабов являлось осуществление контроля того, как выполняется полученная задача. Штабы зачастую не располагали достоверной информацией об обстановке и о противнике. Радиоэфир часто перегружался ненужной перепиской, свидетельствующей о плохой подготовке командиров соединений в вопросах использования связи, как средства боевого управления. (Во время боевых действий каждые 5 минут в Штаб КБФ приходила радиодиаграмма – явление совершенно ненормальное¹⁰²³.)

В вопросах планирования боевых операций отсутствовала глубина и перспективность. Имело место проведение операций, не вызываемых обстановкой (обстрелы батарей противника в устье Финского залива), что приводило лишь к распылению сил и средств. Зачастую боевые операции излишне упрощались. Со стороны многих командиров имело место стремление решить боевую задачу не комбинацией тактических приемов, а лишь количеством выброшенного израсходованного боезапаса. Театр военных действий изучался явно недостаточно, а Ботнический залив и Ладожское озеро не изучались вообще¹⁰²⁴.

Вся система боевой подготовки мирного времени была оторвана от оперативных задач флота и порочна по своей сути, так как каждый год боевая подготовка начиналась заново, с подготовки одиночного бойца. Из-за этого флот мог быть готов к боевым действиям в полном объеме лишь на короткий период осенью, и так до очередной мобилизации. В результате, флот оказывался неподготовленным к решению ряда важных задач (борьба с

¹⁰²¹ При полетах ВВС КБФ допускалось значительное количество отклонений от воздушных коридоров, указанных эстонским военным командованием, что приводило к дипломатическим протестам эстонской стороны. – См.: *Ильмярв М.* Указ. соч. С. 554.

¹⁰²² ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 22. Л. 7-10.

¹⁰²³ Там же. Л. 11-13.

¹⁰²⁴ Там же. Л. 14-15.

береговой обороной противника, организация тактического взаимодействия сил для блокадных действий). В процессе боевой подготовки имела место чрезмерная боязнь аварий, приводившая к значительному упрощенчеству при постановке и решении боевых задач частями. Обнаружилась недостаточная оперативно-тактическая подготовка командного состава КБФ, у которого к тому же плохо была развита требовательность и дисциплина¹⁰²⁵.

Также Пантелеев сделал выводы и по отдельным операциям флота, проведенным в период советско-финляндской войны. В части организации конвойной и дозорной службы был отмечен недостаток эсминцев и сторожевых кораблей, что не давало возможности организовать непрерывные дозоры в северной части Балтийского моря, около Палдиски и на Сескарском плесе. Серьезным недостатком являлось отсутствие тактического взаимодействия корабельных дозоров с разведывательной авиацией. В отношении разведывательных операций было указано на необходимость иметь для тральной разведки быстроходные тральщики, поскольку приходилось применять непригодные для этой цели эскадренные миноносцы¹⁰²⁶.

Опыт проведения десантных операций на Балтике показал, что необходимо еще в мирное время иметь штаты типовых десантных соединений – бригады морской пехоты и стрелковой дивизии РККА вместе со средствами перевозки и высадки. В связи с этим, было признано целесообразным переформирование Отдельной специальной стрелковой бригады в бригаду морской пехоты, для чего вся её боевая подготовка была целенаправлена на проведение десантных операций, и ей были приданы соответствующие плавучие средства¹⁰²⁷.

Действия КБФ против самых крупных и ценных боевых кораблей ВМС Финляндии – броненосцев береговой обороны оказались неудачными и показали всю трудность уничтожения кораблей этого класса. Прежде всего, неуспешными оказались действия морской авиации против данных кораблей ввиду их сильной зенитной обороны, а также удаленности от собственных аэродромов и плохих метеоусловий. Сказалось также и отсутствие в составе ВВС флота специальных самолетов – пикирующих бомбардировщиков, а также отсутствие специальной тактики для проведения бомбардировочных операций по кораблям противника¹⁰²⁸.

Полным разочарованием для командования КБФ стали действия флота по блокаде побережья Финляндии. Было замечено, что блокада могла быть значительно успешнее, если бы осуществлялось тактическое взаимодействие всех сил Балтийского флота,

¹⁰²⁵ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 22. Л. 15.

¹⁰²⁶ Там же. Л. 18-19.

¹⁰²⁷ Там же. Л. 20.

¹⁰²⁸ Там же. Л. 23.

осуществлявших блокадные действия. Несмотря на отдельные успехи, в целом задача блокады побережья противника была решена неудовлетворительно, «*ибо основная артерия питания Финляндии через Ботнику не была прервана*». Такими же безуспешными оказались и действия КБФ по уничтожению финских береговых батарей, в целях содействия продвижению фланга 7-й Армии. В первую очередь, осталась неподавленной финская 254-мм батарея Сааренпя на острове Биеркэ. Для проведения подобных операций впредь было рекомендовано иметь канонерские лодки специальной постройки и Береговой отряд сопровождения, предназначенные для действий в шхерных районах¹⁰²⁹.

Помимо указанного отчета об опыте военных действий зимой 1939-1940 гг., начальник Штаба КБФ Ю.А. Пантелеев также представил отдельный отчет, посвященный основным выводам по боевому управлению в период советско-финляндской войны¹⁰³⁰. Причем Пантелеев особо подчеркнул, что работа Штаба флота в 1940-м году была неразрывно связана с тем опытом и выводами, которые были сделаны из прошедшей войны с Финляндией. Отдельно были подведены итоги деятельности Разведывательного отдела КБФ, с учетом полученного боевого опыта. В частности, начальник РО КБФ капитан 2-го ранга А. А. Филипповский особо отметил возможности войсковой разведки, в полной мере востребованные лишь в период советско-финляндской войны¹⁰³¹.

Война на море с Финляндией зимой 1939-1940 годов дала Советскому ВМФ в преддверии большой войны весьма ценный боевой опыт, который до этого отсутствовал. И хотя опыт боевых действий носил ограниченный и немного односторонний характер (каких-либо боевых столкновений с финским ВМФ не было), недооценивать его было ни в коем случае нельзя. Во-первых, война показала важность отработки в мирное время артиллерийских стрельб кораблей по береговым целям. Во-вторых, подводные лодки смогли отрабатывать блокадные действия против судоходства неприятеля. В-третьих, была продемонстрирована эффективность действий морской пехоты в прибрежных районах. В-четвертых, морская авиация получила практику бомбардировочных действий по портам противника, а также впервые осуществила минные постановки с воздуха. В процессе боевых действий обнаружилось немало серьезных недостатков в боевом управлении, организации разведки, боевой подготовке личного состава КБФ, на необходимость устранения которых обратило внимание руководство Наркомата ВМФ и Главного морского штаба ВМФ.

Извлечение уроков из боевого опыта советско-финляндской войны прошло несколько этапов, и оно вряд ли могло быть осуществлено силами одного лишь Военного совета КБФ. Важную роль в этом деле сыграли вышестоящие инстанции, и прежде всего нарком ВМФ и

¹⁰²⁹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 22. Л. 24-25.

¹⁰³⁰ Там же. Л. 62-93.

начальник Главного морского штаба ВМФ, которые своими приказами, директивами и выступлениями всячески стимулировали процесс изучения опыта боевых действий Краснознаменного Балтийского флота в войне с Финляндией. Боевой опыт прошедшей кампании изучался на нескольких совещаниях с привлечением значительного количества командного состава РККФ и на заседаниях Главного военного совета ВМФ, где были приняты важные решения по боевой подготовке, тактике применения и вооружению Военно-Морского Флота.

§ 5. Краснознаменный Балтийский флот и события в Прибалтике в июне 1940 года

После того, как в конце сентября – начале октября 1939 г. Советский Союз заключил пакты о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой, он получил право на размещение своих военных гарнизонов и создание военно-морских и военно-воздушных баз в вышеуказанных странах. В итоге, в Прибалтийские республики были введены воинские контингенты РККА, почти равные армиям этих стран, а в наиболее важных эстонских и латвийских портах обосновались соединения надводных, подводных и военно-воздушных сил КБФ. До определенного момента, Советский Союз вполне устраивало текущее положение дел, тем более что оно позволяло держать под негласным контролем политику прибалтийских государств. Но начавшаяся военная кампания Германии в Западной Европе в мае 1940 г. заставила советское руководство пересмотреть свою прежнюю тактику и перейти к более решительным действиям. В условиях, пока командование Германии не осуществило массовую переброску войск на Восток, советское военное руководство решило обеспечить себе наиболее благоприятные условия для последующего стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на западе.

Поэтому неудивительным выглядит тот факт, что 9 июня 1940 г. нарком обороны СССР маршал С. К. Тимошенко направил наркому ВМФ адмиралу Н. Г. Кузнецову, командующему КБФ вице-адмиралу В. Ф. Трибуцу и командующему войсками ЛВО генералу армии К. А. Мерецкову директиву № 02622сс/ов. В этой директиве Тимошенко приказал Краснознаменному Балтийскому флоту с 10 июня перейти в оперативное подчинение командующему войсками Ленинградского военного округа и *«к 12 июня быть в готовности к выполнению боевых задач по указанию последнего»*¹⁰³².

Далее нарком обороны изложил те задачи, которые требовалось решить Балтийскому флоту. От флота требовалось: а) обеспечить постоянную готовность военно-морских баз и

¹⁰³¹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 22. Л. 94-95.

судов военно-морского флота, находящихся в портах Таллин, Палдиски и Либава; б) по указанию командующего войсками ЛВО захватить суда эстонского и латвийского военных флотов, находящихся в базах и в плавании; захватить морской флот Литвы (Поланген); в) захватить торговый флот и плавучие средства Эстонии, Латвии, прервав связь морем этих стран между собой; г) подготовить и организовать высадку десанта в Палдиски и Таллине; по заданию комвойсками ЛВО захватить гавань Таллина и батареи на островах Нарген и Вульф и быть готовым к захвату Сурупской батареи с суши; д) закрыть Рижский залив и заблокировать берега Эстонии и Латвии по Финскому заливу и Балтийскому морю, чтобы не дать эвакуироваться правительствам этих стран и не допустить вывоза войск и имущества из них¹⁰³³.

Точное время начала боевых действий, как указывал нарком обороны СССР, будет сообщено затем командующим войсками ЛВО. Но самое главное, в соответствии с требованиями директивы, Военному совету КБФ следовало разработать план боевых действий Балтфлота и представить его на утверждение к 11 июня¹⁰³⁴.

Военный совет КБФ оперативно отреагировал на директиву наркома обороны и в этот же день, 9 июня, начальник 1-го отдела Штаба КБФ капитан 2-го ранга Н. Г. Пилиповский составил в рукописном виде директиву № 1оп/296сс/ов – «План действий Краснознаменного Балтийского флота»¹⁰³⁵. По мнению Н. Г. Пилиповского, решить поставленные задачи можно было следующим образом: «...1) подводными лодками и легкими силами нести дозор в Балтийском море и Финском заливе с задачей недопущения ухода флотов Эстонии, Латвии и Литвы, и наблюдение за флотами Швеции и Финляндии; 2) 4-мя батальонами ОСБ одновременной высадкой десанта на быстроходных тральщиках, катерах типа «МО» и ТК захватить батареи острова Нарген, Вульф. Силами мостовосстановительного батальона при поддержке 12 ж.д. батареи захватить Сурупскую батарею; 3) для содействия флангу армии в Нарвском заливе высадить ДЕС в составе 1 стрелкового батальона из гарнизона Гогланд ...». Далее задачи были уже распределены между всеми основными соединениями и базами КБФ. Черновой вариант плана был рассмотрен и утвержден Военным советом флота. Наконец, 11 июня план боевых действий КБФ был напечатан, ему был присвоен № 1оп/302сс/ов, после чего он был представлен на утверждение Военному совету ЛВО¹⁰³⁶.

Поздно вечером 11 июня Военный совет ЛВО рассмотрел «План действий КБФ» и в целом утвердил его. По требованию командования Ленинградского округа, в план следовало внести некоторые поправки: «...а) исходное положение соединениям и частям флота занять

¹⁰³² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 671. Л. 1. *Ильмярв М.* Указ. соч. С. 597.

¹⁰³³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 671. Л. 1-2. *Ильмярв М.* Указ. соч. С. 598.

¹⁰³⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 671. Л. 2.

¹⁰³⁵ Там же. Л. 5-14.

к 22.00 14.06.40 г. в готовности начать боевые действия; б) все действия по овладению Нарген, Вульф, Таллин должны начаться одновременно; в) срок открытия боевых действий будет указан особо». Подготовку флота к операции требовалось проводить скрытно, замаскировать сосредоточение в исходное положение и нахождение частей на исходном рубеже¹⁰³⁷.

Параллельно с разработкой «Плана действий КБФ», Военный совет флота 10 июня издал приказ № 0095 на предстоящую операцию. В приказе говорилось, что для обеспечения особых мероприятий СНК СССР предусмотрено осуществление мер по блокаде, в которой предполагалось задействовать 1-ю, 2-ю и 3-ю бригады подлодок¹⁰³⁸. В этот же день командующий КБФ В. Ф. Трибуц издал приказ № 0096, определяющий порядок развертывания сил и первых действий флота в операции. Как говорилось в преамбуле приказа, для обеспечения действий частей Красной Армии на территории Эстонии, Латвии и Литвы, перед Краснознаменным Балтийским флотом ставилась задача, установив наблюдение за шведскими базами и входом в Балтийское море, не допустить ухода из Эстонии, Латвии и Литвы кораблей этих государств – как военного, так и торгового флота, захватив их в базах или в море. В приказе было отдельно указано, что подводным лодкам следует находиться в надводном положении, а у берегов Швеции – по обстановке¹⁰³⁹.

11 июня командир Балтийской военно-морской базы С. Г. Кучеров отдал приказ № 1/оп, где поставил задачи подчиненным ему частям на период операции против Вооруженных сил Эстонии. В целом, частям Балтийской военно-морской базы, по сигналу командующего КБФ, предстояло путем высадки десанта захватить острова Нарген (Найссаар) и Вульф (Аэгна), после чего, взаимодействуя с частями 65-го стрелкового корпуса, захватить Сууропскую батарею с суши, а также не допустить ухода кораблей эстонского, латвийского и литовского флотов в порты Швеции и Финляндии, внезапно с берега и моря захватить корабли эстонского военно-морского флота¹⁰⁴⁰. (Именно такой сценарий действий КБФ в случае войны с Эстонией – с захватом береговых батарей силами десанта – предвидело эстонское командование еще в начале 1930-х годов. Причем, одним из слабых мест считалась Сууропская 234-мм береговая батарея¹⁰⁴¹.)

В рамках решения общей задачи, коменданту Береговой обороны Балтийской военно-морской базы, вместе с приданными 43-м, 44-м и 45-м строительными батальонами и 33, 34 и 36-м инженерными батальонами, было приказано к исходу 13 июня организовать

¹⁰³⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 671. Л. 6-7, 15-24.

¹⁰³⁷ Там же. Л. 3.

¹⁰³⁸ Там же. Д. 672. Л. 15-16.

¹⁰³⁹ Там же. Л. 8, 14.

¹⁰⁴⁰ Там же. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 10. Л. 10.

¹⁰⁴¹ ERA. Fond 988. Spisok 1. Delo 2. Str. 6-6ob.

сухопутную оборону города Палдиски, оборонительных объектов п-ова Пакри, островов Эзель, Даго, Большой и Малый Рооге и аэродромов 10-й авиабригады, для чего немедленно приступить к строительству временных огневых точек. Далее, взаимодействуя с частями 65-го стрелкового корпуса, следовало силами 21-го мостовосстановительного батальона при поддержке 12-й железнодорожной батареи и бомбардировочной авиации захватить Сууропскую батарею, после чего соединиться с батальоном моряков в Минной гавани для захвата арсенала, штаба эстонского флота и кораблей в Купеческой гавани¹⁰⁴².

12 июня Военный совет КБФ направил командующему Военно-воздушными силами флота генерал-майору В. В. Ермаченкову директиву, где поставил морской авиации задачи по поддержке десантной операции флота, по овладению эстонскими береговыми батареями. В частности, от ВВС КБФ требовалось произвести 30-минутную бомбардировку островов Нарген и Вульф с целью нейтрализации на них тяжелых артиллерийских батарей береговой обороны Эстонии. Причем главным объектом бомбоударов следовало считать *«южную батарею на острове Нарген и 6” батарею в сев.-западной части острова Вульф»*. Перед авиацией была также поставлена задача организовать разведку объектов и Балтийского моря, с целью обнаружения военных флотов прибалтийских государств¹⁰⁴³. Действуя в соответствии с директивой Военного совета, командующий ВВС Балтийского флота В. В. Ермаченков в этот же день, в 20 часов утвердил боевой приказ № 01, где произвел распределение задач между всеми авиационными соединениями¹⁰⁴⁴.

13 июня начальник Штаба КБФ Ю. А. Пантелеев отдал приказ № 1оп/312сс о блокаде побережья Эстонии, который был направлен командиру 6-го морского пограничного отряда НКВД. В приказе содержалось указание о введении блокады силами морской пограничной охраны, которые должны были осуществлять *«задержание транспортов, малых военных судов и других плавучих средств, не допустив ухода последних из Эстонии в Финляндию»*. Все задержанные суда полагалось конвоировать в места сосредоточения. При оказании сопротивления со стороны команд судов, их следовало уничтожить¹⁰⁴⁵.

В этот же день командиром Отряда легких сил флота Ф. И. Челпановым был отдан приказ № 2/оп о блокаде побережья Прибалтики. Как уже говорилось выше, именно Отряд легких сил КБФ отвечал за проведение морской блокады Эстонии, Латвии и Литвы. Для этого, ему были подчинены в оперативном отношении некоторые соединения подлодок¹⁰⁴⁶. Для прикрытия развертывания и действий КБФ, подводные лодки 2-й бригады подлодок должны были развернуться на позициях у шведских баз, лодки 3-й бригады – возле финских

¹⁰⁴² РГА ВМФ. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 10. Л. 10.

¹⁰⁴³ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 671. Л. 25-26.

¹⁰⁴⁴ Там же. Л. 27-30.

¹⁰⁴⁵ Там же. Д. 672. Л. 63-64.

шхер. В рамках подготовки операции, штабом Отряда легких сил КБФ были разработаны «Указания кораблям и частям ОЛС на операцию по блокированию»¹⁰⁴⁷.

В рамках подготовки операции, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов своим приказом № 00148 распорядился перевести все соединения и части КБФ с 11 июня на оперативную готовность № 2¹⁰⁴⁸. В соответствии с данным приказом, Краснознаменный Балтийский флот в 11 ч. 35 мин. 11 июня 1940 года был переведен в оперативную готовность № 2, а в 19 ч. 30 мин. 16 июня на флот была введена оперативная готовность № 1. (Впрочем, по другим документам, в частности «Вахтенному журналу оперативного дежурного Штаба КБФ» и «Журналу боевых действий надводных кораблей КБФ», боевая готовность № 2 по флоту была введена 11 июня в 14 ч. 23 мин., а боевая готовность № 1 – 16 июня в 20 ч. 53 мин.¹⁰⁴⁹) Начало развертывания соединений и частей флота произошло в 10 ч. 40 мин. 13 июня, а конец – в 22 ч. 14 июня¹⁰⁵⁰.

13 июня в 14 ч. 50 мин. подводные лодки «Щ-319», «Щ-320» и «Щ-324» вышли в море для выполнения задания. В 16 ч. 10 мин. штаб Балтийской военно-морской базы сообщил начальнику Штаба КБФ Ю. А. Пантелееву о выходе по назначению быстроходных тральщиков «Шкив» и «Гак» и подлодок «Щ-324», «Щ-320», «Щ-319», «Щ-322», «Щ-323», «Щ-318» и «Щ-317». В 17 ч. начальник Штаба КБФ сообщил данные Разведывательного отдела КБФ о частях, кораблях и самолетах Эстонии, Финляндии и Швеции. Часом позже в штабе базы была получена разведывательная сводка о подготовке эстонской армии к обороне¹⁰⁵¹.

В 23 ч. 13 июня на рейд Палдиски прибыл транспорт «Вторая пятилетка», на котором прибыл десант в составе двух батальонов общей численностью 1662 человек, под командой майора А. П. Рослова. 14 июня в 3 ч. 55 мин. ночи началась посадка 208-й флотской роты на спасательное судно «Сигнал» и сторожевой корабль «Циклон». В 9 ч. 20 мин. в штабе Балтийской военно-морской базы было получено сообщение о высылке резервного полка и двух батальонов в Палдиски на транспортах «Молотов», «Иван Папанин» и учебных кораблях «Свирь» и «Комсомолец»¹⁰⁵². К 22 часам 14 июня 1940 года все задействованные в операции корабли и части Краснознаменного Балтийского флота заняли исходное положение для выполнения поставленных приказом задач¹⁰⁵³.

Начало блокады было введено командованием флота в 20 ч. 15 мин. 15 июня, начало свертывания частей было произведено в 02 ч. 30 мин. 17 июня, окончание блокады

¹⁰⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 672. Л. 254.

¹⁰⁴⁷ Там же. Л. 256-257.

¹⁰⁴⁸ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 147. Л. 17.

¹⁰⁴⁹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1015. Л. 63. Оп. 2. Д. 672. Л. 73, 89, 103, 116.

¹⁰⁵⁰ Там же. Оп. 2. Д. 672. Л. 175, 179а.

¹⁰⁵¹ Там же. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 10. Л. 196-196об.

¹⁰⁵² Там же. Л. 197-198.

¹⁰⁵³ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 672. Л. 176-178. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 60-61.

наступило в 12 ч. 20 июня, а окончание свертывания – 21 июня. Для решения поставленных задач по блокаде весь театр и действующие на нем силы КБФ были разбиты по районам во главе с назначенными командирами, полностью отвечающими за данный район: 1) Северное побережье Финского залива (от Бенгшера до Тийскери) – командир ВМБ Ханко контр-адмирал С. Ф. Белоусов; 2) Южное побережье Финского залива (Нарвский залив до Кери) – командир 4-й БПЛ капитан 2-го ранга А. И. Матвеев; 3) Район от Кери до Соэлосунда включительно – командир Балтийской ВМБ контр-адмирал С. Г. Кучеров; 4) Район средней части Балтийского моря (от параллели 58° до параллели Полангена) – командир ОЛС контр-адмирал Ф. И. Челпанов; 5) ВМБ Либава – командир базы контр-адмирал П. А. Трайнин; 6) Район восточного побережья Швеции – командир 2-й БПЛ капитан 2-го ранга В. Г. Якушкин; 7) Западная часть Финского залива – командир Эскадры контр-адмирал Н. Н. Несвицкий¹⁰⁵⁴.

В проведении блокады участвовало 120 боевых единиц флота, т.е. почти все корабли, не находившиеся в ремонте. Среди них были: 1 линкор, 1 крейсер, 2 лидера, 7 эсминцев, 1 канонерская лодка, 5 сторожевых кораблей, 7 быстроходных тральщиков, 18 тихоходных тральщиков, 18 сторожевых катеров типа «МО-4», 20 сторожевых катеров типа «Рыбинский», 10 торпедных катеров, 17 подводных лодок, 4 плавучие базы, 3 танкера, 4 транспорта и 2 учебных корабля. Из состава Военно-воздушных сил КБФ в блокаде участвовало 84 самолета-бомбардировщика «СБ» и «ДБ-3» из состава 8-й авиабригады, 62 самолета из состава 10-й авиабригады, 64 самолета 15-го авиаполка и 9 самолетов 73-го авиаполка. Из состава частей береговой обороны и сухопутных частей флота к операции привлекались: 11-я, 12-я и 18-я железнодорожные батареи, береговая и противовоздушная оборона военно-морских баз Палдиски, Либава, Ханко, сводная стрелковая рота отдельного морского стрелкового полка, сводная пулеметная рота Северного укрепрайона, сводный батальон Учебного отряда КБФ, сводный батальон ОМСП, 50-й стрелковый батальон Островного укрепрайона, 1-я Отдельная бригада морской пехоты. Всего, по данным Штаба КБФ, за период блокады надводными кораблями и подлодками было задержано 52 судна, принадлежавшие Латвии, Эстонии, Финляндии и Швеции¹⁰⁵⁵.

К сожалению, в ходе осуществления блокады эстонского побережья произошел трагический инцидент. 14 июня 1940 г., двумя советскими бомбардировщиками из состава 1-го минно-торпедного авиаполка 8-й авиабригады ВВС КБФ был сбит финский пассажирский самолет «Kaleva» («ОН-ALL»), совершавший рейс из Таллина в Хельсинки. На борту самолета находились дипломаты США и Франции, а также несколько пассажиров из

¹⁰⁵⁴ РГА ВМФ Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 672. Л. 174-175, 179а. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 61-62.

¹⁰⁵⁵ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 672. Л. 172-174, 179а-179б. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 61-62.

Германии, Швеции и Эстонии. Все находившиеся на борту пассажиры и члены экипажа погибли, а дипломатическая почта была выловлена экипажем подлодки «Щ-301» и доставлена в Штаб КБФ¹⁰⁵⁶.

В период проведения блокады Краснознаменный Балтийский флот был полностью подготовлен к тому, чтобы начать военные действия непосредственно против вооруженных сил Эстонии, Латвии и Литвы. 14 июня 1940 г. нарком по иностранным делам СССР В. М. Молотов через советских полномочных представителей в Эстонии, Латвии и Литве сделал представления правительствам вышеуказанных стран по поводу нарушения ими пактов о взаимопомощи. А затем, 14 и 16 июня правительство СССР направило официальные заявления правительствам Литвы, Латвии и Эстонии, где вновь ссылаясь на факты нарушения руководством этих стран пактов о взаимопомощи с СССР, потребовало срочно сформировать новые правительства и ввести на территорию Эстонии, Латвии и Литвы дополнительные советские воинские контингенты. Сроки для ответов были обозначены таким образом: к 10 часам утра 15 июня для Литвы, к 23 часам 16 июня – для Латвии и к 12 часам ночи 16 июня – для Эстонии¹⁰⁵⁷.

16 июня нарком по иностранным делам СССР В. М. Молотов поставил в известность эстонского и латвийского посланников о предстоящем вводе частей Красной Армии с 5 часов утра 17 июня на территории указанных стран. Поздно вечером 16 июня правительства Эстонии, Латвии и Литвы подали в отставку, о чем было сообщено Советскому правительству. А в 5 часов утра 17 июня одновременно был произведен массированный ввод советских войск, по договоренности с командованием эстонской, латвийской и литовской армий, на территорию Эстонии, Латвии и Литвы¹⁰⁵⁸.

Утром 17 июня 1940 г. в Нарве и Йонишкисе между представителями командования РККА и командования эстонской и латвийской армий были подписаны протоколы соглашений о вводе войск¹⁰⁵⁹. Согласно советско-эстонскому протоколу, допускалось размещение частей РККА на островах Вульф (Аэгна) и Нарген (Найссаар), Вормс, Моон (Муху) и п-ове Суруп (Сууроппи)¹⁰⁶⁰. Уже ночью 17 июня командир Балтийской военно-морской базы контр-адмирал С. Г. Кучеров приказал командиру Бригады морской пехоты полковнику И. Г. Костикову немедленно произвести высадку 3-го стрелкового батальона и

¹⁰⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 170. Л. 68. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 672. Л. Л. 129-130, 136–136об. *Копилофф И.* Последний рейс «Калева» // История авиации. 2001. № 3. С. 13-15. *Петров П. В.* Балтийский флот и блокада побережья Эстонии в июне 1940 г. // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 160.

¹⁰⁵⁷ *Кантор Ю. З.* Прибалтика: Война без правил (1939-1945). СПб., 2011. С. 56-57.

¹⁰⁵⁸ Полпреды сообщают... С. 370-371, 374-376, 386-387, 389-390, 392-393, 394-401. Документы внешней политики. 1940-22 июня 1941. Т. XXIII. В 2-х кн. Кн. 1. Январь-октябрь 1940. М., 1995. С. 350-351. 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. С. 103. *Ильмярв М.* Указ. соч. С. 600-605.

¹⁰⁵⁹ Полпреды сообщают... С. 395-398. 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. С. 104-106. *Ильмярв М.* Указ. соч. С. 609-610. *Кантор Ю. З.* Указ. соч. С. 58.

¹⁰⁶⁰ Полпреды сообщают... С. 397. 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. С. 104.

стрелковую пулеметную бригадную школу на остров Нарген, а 6-го стрелкового батальона – на остров Вульф¹⁰⁶¹. В соответствии с отданными приказами, в 6 часов утра 17 июня 21 мостовосстановительный батальон занял территорию Сууропской береговой батареи, в 6 ч. 30 мин. был высажен десант со сторожевых и торпедных катеров и занят остров Вульф, в 7 ч. 05 мин. был высажен десант и занят остров Нарген, а в 7 ч. 40 мин. сводным батальоном Учебного отряда КБФ были заняты минная гавань и флотские казармы в Таллине¹⁰⁶².

Корабли Балтийского флота поспешили занять новые гавани. В частности, линкор «Октябрьская революция», 3-й дивизион эсминцев и дивизион сторожевых кораблей стали на якорь на Таллинском рейде, а в 8 часов утра 17 июня эсминец «Гордый», подлодки «С-1» и «С-3» стали на якорь на Усть-Двинском рейде¹⁰⁶³. В 16 ч. 20 мин. 17 июня по Краснознаменному Балтийскому флоту была введена оперативная готовность № 3¹⁰⁶⁴. Особая операция Краснознаменного Балтийского флота против стран Прибалтики на этом была завершена.

В период ведения переговоров и после заключения соглашения правительства СССР с правительствами Эстонии, Латвии и Литвы, Краснознаменный Балтийский флот выполнил следующие задачи: 1) Была прервана связь морем этих стран между собой; 2) Закрыт Рижский залив и надежно блокированы берега Эстонии, Латвии по Финскому заливу и Балтийскому морю, была пресечена возможность эвакуации правительств этих стран и вывоз войск и имущества из них; 3) Организовано несение постоянной дозорной службы в Финском заливе вдоль побережья Финляндии и в Балтийском море со стороны Швеции; 4) Пресечена возможность перелетов эстонской и латвийской авиации в Финляндию и Швецию; 5) Организована и проведена высадка частей десанта, заняты гавани Таллина, острова Нарген и Вульф¹⁰⁶⁵.

По итогам операции, командованием КБФ были сделаны необходимые выводы. Относительно работы морской разведки (агентурной и войсковой всех видов) было замечено, что она дала командованию ряд ценных данных, совершенно точно указав дислокацию флотов и береговой обороны прибалтийских государств и их состояние. Управление надводными кораблями и подлодками шло исключительно через командиров соединений, что целиком себя оправдало, так как освободило Штаб КБФ от задач малой опеки. Было отмечено, что полученный Штабом КБФ в войне с Финляндией боевой опыт сказался в данном случае на быстром и грамотном составлении оперативно-боевых документов и

¹⁰⁶¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 10. Л. 56.

¹⁰⁶² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 672. Л. 178-179а. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 10. Л. 207. *Vladimir Koppelmann*. Eesti meeskondade kõrvaldamine allveelaevadelt 1940. ja 1941. aastal // Allveelaev ajaloomälestisena. Eesti Meremuuseumi toimetised 2. Tallinn, 2001. S. 91.

¹⁰⁶³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 672. Л. 179а.

¹⁰⁶⁴ Там же. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 10. Л. 207.

своевременном доведении их до исполнителей. В то же время, большим недочетом для Краснознаменного Балтийского флота оставалась явная неспособность флагманов и их штабов к быстрому и правильному пониманию новых задач, изменению оперативной обстановки и решений командующего флотом, боязнь ответственности за инициативные действия¹⁰⁶⁶.

В целом, во время июньских событий 1940-го года Краснознаменный Балтийский флот занимался, во-первых, осуществлением широкомасштабной блокады побережья Эстонии и Латвии всеми силами флота (надводными, подводными, военно-воздушными и береговыми) и, во-вторых, отработкой погрузки, перевозки и высадки десанта на неприятельское побережье. Данные задачи в целом флотом были успешно решены, и это позволило повысить боеспособность соединений и частей КБФ.

Характерной особенностью действий КБФ против стран Балтии в 1940-м году, как и осенью 1939-го года, стало то обстоятельство, что советское военно-политическое руководство так и не отдало приказа на применение оружия против вооруженных сил этих республик. Поскольку все требования, выдвинутые советским военно-политическим руководством, были своевременно удовлетворены правительствами Эстонии, Латвии и Литвы, не было необходимости применять силу против них. Соответственно, Краснознаменному Балтийскому флоту не пришлось производить обстрела при захвате береговых батарей на островах Найссаар и Аэгна, а потому удалось избежать ненужных жертв, которые неизбежно могли появиться при подавлении сильной береговой обороны эстонцев с морского направления.

§ 6. Оперативное планирование на Краснознаменном Балтийском флоте весной 1940 – весной 1941 гг.

В период войны с Финляндией большие опасения у руководства РККА и РКВМФ вызывала позиция таких стран, как Англия и Франция. Известно, что генеральными штабами этих стран зимой 1940 года было разработано несколько вариантов плана по оказанию непосредственной военной поддержки Финляндии. В частности, военным руководством Англии и Франции было предусмотрено два основных сценария: 1) высадка союзных войск в Швеции или Норвегии и последующий транзит через территорию этих стран в Финляндию, или 2) высадка на захваченном советскими войсками финском побережье в районе

¹⁰⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 672. Л. 176.

¹⁰⁶⁶ Там же. Л. 179б-180.

Петсамо¹⁰⁶⁷. Определенная разведывательная информация об этом доходила до советского командования, вызывая серьезные опасения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что командованием ВМФ в тот период прорабатывались различные варианты развития событий.

13 февраля 1940 г. заместитель наркома ВМФ флагман флота 2-го ранга И. С. Исаков представил наркому ВМФ флагману флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецову докладную записку, где изложил своё мнение относительно возможностей английского флота в плане нанесения ударов по советским морским коммуникациям. По мнению Исакова, наиболее подходящим для этого средством могли стать подводные лодки океанского типа ВМФ Великобритании, так как объектов для атаки у них практически нет (германское судоходство почти свернуто, а надводные корабли выходят из своих баз крайне редко). В связи с этим, И. С. Исаков опасался появления английских субмарин в Баренцевом море, а «*в случае операций на юге – возможен приход их в Черное море*»¹⁰⁶⁸.

Несмотря на своевременное окончание боевых действий между СССР и Финляндией, последовавшее 13 марта 1940 года, возможность возникновения войны с англо-французской коалицией всё ещё сохранялась. Более того, многие отечественные и иностранные историки единодушны в том, что военная подготовка Англии и Франции к нападению на СССР во второй половине марта – начале апреля 1940 г. не только не прекратилась (ввиду окончания войны с Финляндией), но, наоборот, достигла своего апогея¹⁰⁶⁹. В это время западными союзниками были разработаны планы операций как по высадке в Норвегию, так и по нападению на южные районы СССР (в частности, на нефтепромыслы в районе Баку). Учитывая угрожающе складывавшуюся ситуацию, советское военно-политическое руководство не исключало возможности участия в агрессии также и стран Скандинавии.

В связи с этим, 4 апреля 1940 г. нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов в своей директиве № 16476 сс/ов поставил в известность Военный совет КБФ о том, что «*Англия в стремлении восстановить утерянные исходные рубежи для наступления на СССР с севера, пытается создать “Военно-Оборонительный союз” стран Скандинавии и Финляндии, направленный против Советского Союза и гарантирующий не только проход вооруженных сил Антанты через Скандинавские страны к нашим границам, но и использование военных ресурсов*

¹⁰⁶⁷ Носков А. М. Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М., 1977. С. 45-60. Ситолс В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939-1941. М., 1997. С. 177-181. Tala H. Ranskan hanke sotilasoperaatiosta Petsamoon talvisodan aikana // Sotahistoriallinen aikakauskirja. 2006. № 25. S. 111-140. Tala X. Франция и «зимняя война» // Ulkopoliitika. Vol. 2. No. 2. 2005. P. 158-159.

¹⁰⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 147. Л. 6-7.

¹⁰⁶⁹ Носков А. М. Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. С. 61-66. Ситолс В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939-1941. С. 197-223. Мельтохов М. И. Указ. соч. С. 262-265. Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939-1941 гг. М., 1997. С. 120. Китчен М. «Загадка, покрытая мраком неизвестности»: Британские оценки СССР на начальном этапе Второй мировой войны // Война и политика, 1939-1941. М., 1999. С. 118-119. Городецкий Г. Миф «ледокола»: Накануне войны. Пер. с англ. М., 1995. С. 80-81.

Швеции, Норвегии и Финляндии». Далее нарком ВМФ пришел к выводу, что на данном этапе противником на Балтийском море может явиться шведско-финская коалиция, усиленная экономически и поддержанная флотами и армиями не балтийских стран. Также Кузнецов допускал *«возможность вооруженного выступления враждебно настроенных против СССР элементов Эстонии и Латвии»*¹⁰⁷⁰.

В данной ситуации от КБФ требовалось создать прочную оборону побережья и баз, опираясь на которую следовало подготовить силы и средства для осуществления господства в северной части Балтийского моря. С этой целью, надводные, подводные и военно-воздушные силы флота должны были *«бить противника по частям, ослаблять его нарушением подвоза морем действиями на коммуникациях и по базам»*, попутно обороняя приморский фланг своей армии. Для решения этой задачи, перед Краснознаменным Балтийским флотом были поставлены следующие основные задачи: 1) Устройство прочной обороны баз флота с воздуха, суши и моря; 2) Осуществление противодесантной обороны островов Эзель, Даго во взаимодействии с частями Красной Армии; 3) Устройство прочной обороны Финского и Рижского заливов во взаимодействии всех сил флота; 4) Нарушение коммуникаций и базирования противника в Западной Балтике; 5) Подготовка сил и средств к захвату рубежа в Аландском архипелаге¹⁰⁷¹.

Для полноценного решения данных задач, КБФ надлежало очистить к 1 апреля Финский залив от мин и освоить новые базы в Прибалтике *«во всех отношениях»*, особо отработав организацию обороны, боепитания, использования фарватеров и районов, прилегающих к базам. Предшествующие директивы об оперативном планировании были отменены наркомом ВМФ Кузнецовым, поскольку силы вероятного противника изменились с того времени. Вместо сугубо скандинавской, шведско-финской коалиции теперь руководство СССР стало рассматривать возможность куда более грозного англо-франко-шведско-финского военного союза. Новый оперативный план Краснознаменного Балтийского флота следовало представить к 15 сентября 1940 г. (затем дата была переправлена на 15 мая)¹⁰⁷².

Именно в тот момент, когда ситуация для СССР выглядела угрожающе, произошло событие, сильно изменившее положение дел в Европе, – 9 апреля 1940 года Германия осуществила нападение на Данию и Норвегию. Вооруженные силы Англии и Франции автоматически переключились на другой театр военных действий, а потому угроза северным и южным границам СССР отпала сама собой. Немецкая дипломатия сразу же отметила, что их военные операции в Скандинавии *«принесли советскому правительству большое*

¹⁰⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 502. Л. 31.

¹⁰⁷¹ Там же. Л. 32-33.

облегчение» и помогли избежать войны с Англией и Францией¹⁰⁷³. Таким образом, потенциальная военная угроза со стороны англо-французского блока была снята, но это успокаивающее, выгодное для Советского Союза, положение продолжалось относительно недолго. Последующие события в Западной Европе в мае 1940 года сильно нарушили тот стратегический баланс, который соблюдался до сих пор и вполне устраивал советское руководство.

В мае-июне 1940 г. советское военно-политическое руководство пребывало, судя по всему, в состоянии некоторой растерянности. Внезапный разгром войсками фашистской Германии коалиции союзников, включавшей Англию, Францию и Бельгию, поставил руководство СССР перед крайне неприятным фактом. До этого момента командованию РККА казалось, что события развиваются в правильном, наиболее желательном для Советского Союза направлении. Два противостоящих военных блока, по мысли советских стратегов, должны были в длительной упорной борьбе взаимно истощать друг друга, а остающийся вне войны Советский Союз оставался бы, таким образом, в положении «третьего радующегося». Такая ситуация сулила СССР большие преимущества в дальнейшем, давая возможность накапливать силы и в нужный момент оказать давление своей военной мощью на ослабленного в борьбе победителя. И вот теперь, вся эта прекрасно работающая схема рухнула. В итоге, СССР оказался один на один с Германией, вооруженные силы которой были незначительно затронуты прошедшей кампанией. Поскольку, прежняя стратегическая линия перестала существовать, высшему командованию РККА и РКВМФ требовалось выработать новую стратегию по подготовке к возможной войне.

2 июня 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов направил Военному совету КБФ директиву № 16801сс/ов, в преамбуле которой сообщал, что *«быстрое изменение обстановки на Западе затрудняет возможность определить состав и силы вероятного противника на КБФ в случае войны с СССР»*. Самой примечательной чертой этой директивы было то, что Кузнецов впервые не назвал основного противника Советского Союза, а ограничился лишь предположениями. Так, нарком ВМФ советовал при подготовке к войне *«исходить из наиболее сложного варианта и особенностей Балтийского театра»* и давал некоторые вводные для составления оперативного плана. В частности, он подчеркнул, что противник может располагать флотом, численно превосходящим КБФ, который следует ожидать *«из южной части Балтийского моря»*. Далее, Кузнецов считал, что этот противник вполне

¹⁰⁷² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 502. Л. 33.

¹⁰⁷³ СССР – Германия 1939-1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Сост. Ю. Фельштинский. В 2-х кн. Вильнюс, 1989. Кн. 2. С. 46-47. С. Оглашению

может не только использовать военно-морские базы, аэродромы и коммуникации Швеции, но и втянуть в боевые действия шведские ВМС. Командованию КБФ предоставлялось право самому определить своего вероятного противника. В зависимости от поведения неизвестного «*мощного противника*», предполагались «*выступления Финляндии и враждебных СССР элементов в Латвии, Литве и Эстонии*»¹⁰⁷⁴.

Новым и весьма неожиданным обстоятельством в данной директиве было выраженное наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым сомнение в позиции Германии, которая всё еще оставалась дружественной по отношению к СССР державой согласно советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года¹⁰⁷⁵. Понятно, что нарком ВМФ не мог самостоятельно решать политические вопросы, и скорее всего, ему были даны соответствующие указания высшим руководством страны, которое было крайне обеспокоено развитием событий в Западной Европе.

Основной задачей для КБФ на новом этапе нарком ВМФ определил создание прочной системы обороны устья Финского залива, побережья и баз, опираясь на которую следовало подготовить силы и средства для осуществления господства в северной части Балтийского моря. Эту задачу следовало решать путем активных действий надводных, подводных и воздушных сил, с целью разрушения баз, кораблей противника, чтобы бить его по частям, ослабляя его нарушением подвоза морем, действиями на коммуникациях и по базам, и оборонять морской фланг нашей армии, способствуя его продвижению¹⁰⁷⁶.

Для обеспечения создания этой системы обороны, Краснознаменному Балтийскому флоту надлежало решить следующие боевые задачи: «1) *Опираясь на созданную оборону, при любых обстоятельствах, не допустить прорыва флота противника в Финский залив; 2) Во взаимодействии с Красной Армией не допустить захвата побережья, а в частности островов Эзель-Даго и полуострова Ханко; 3) Нарушить коммуникации и базирование противника в западной Балтике и Ботнике, путем действий надводных и воздушных сил (артиллерией, бомбами, минами, торпедами); 4) Захватить и создать рубеж в Оландском архипелаге; 5) Содействовать приморскому флангу Красной Армии при продвижении его по побережью*». Разработку оперативного плана Военному совету КБФ следовало закончить и доложить 15 июня 1940 года. При этом, нарком ВМФ отменил свои прежние директивы №№ 16183сс/ов и 16476сс/ов по оперативному планированию¹⁰⁷⁷.

подлежит: СССР – Германия 1939-1941: Документы и материалы. Сост. Ю. Фельштинский. М., 2004. С. 187-188.

¹⁰⁷⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 502. Л. 71.

¹⁰⁷⁵ Оглашению подлежит: СССР – Германия 1939-1941: Документы и материалы. С.67-69.

¹⁰⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 502. Л. 72.

¹⁰⁷⁷ Там же. Л. 72-73.

При беглом рассмотрении основных задач, содержащихся в директиве № 16801, с задачами из прежней директивы (№ 16476 от 4 апреля 1940 г.), видно, что они почти идентичны. Отсюда может сложиться впечатление, что раз задачи сильно не изменились, то и противники остались прежние, то есть Финляндия и Швеция. Но это весьма обманчивое впечатление. Высшее советское командование уже стало менять сложившиеся стереотипы о расстановке сил в Европе, основывая свое мнение на коренном изменении стратегической обстановки. И в данном случае, командование ВМФ хотело в своих доводах опереться на мнения командующих флотами, чтобы принятое решение было по возможности более взвешенным.

В начале июля 1940 года¹⁰⁷⁸ Военный совет КБФ представил наркому ВМФ на утверждение «Общий план действий Краснознаменного Балтийского флота»¹⁰⁷⁹. Во вводной части плана члены Военного совета флота сразу же ответил на основной вопрос, так интересовавший наркома. Повторив уже известный тезис о том, что военно-политическая и стратегическая обстановка, сложившаяся в настоящее время в Европе, имеет *«тенденции к существенному изменению и в дальнейшем»*, командование КБФ, тем не менее, взяло на себя смелость определить вероятных противников на Балтийском театре¹⁰⁸⁰.

И далее следовал принципиально важный вывод, что *«противником (основным) для нас будет Германия»*. Причем, по мнению командования КБФ, Германия будет оставаться противником для Советского Союза в любой ситуации: и в случае ее победы над Англией, и в случае компромиссного мира с ней, и даже *«в случае ее поражения в войне с Англией, последняя может использовать Германию против СССР»*. И опять-таки, во всех этих ситуациях существенная роль отводилась уже неоднократно упоминавшейся коалиции Финляндии и Швеции. Считалось, что эти страны скрытно или явно будут поддерживать *«нашего основного противника с полным использованием им всех имеемых возможностей»*, а наиболее вероятным сценарием начала войны могут стать первоначальные действия Швеции и Финляндии против СССР по указанию Германии. В случае войны с Германией, против КБФ на Балтике предполагались действия всего немецкого военно-морского флота, с усилением его кораблями военных флотов Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии и даже возможным привлечением *«части кораблей английского флота»*¹⁰⁸¹.

В данной оценке проявился извечный страх советского руководства (довлеющий над ним ещё со времен Гражданской войны) перед возможным объединением сил всех

¹⁰⁷⁸ План боевых действий КБФ не датирован, составлен в рукописном виде, в единственном экземпляре, и не утвержден наркомом ВМФ. Вероятно, план был составлен не ранее начала июля 1940 г., поскольку к нему имеется приложение – «Состав КБФ согласно пр. НКВМФ № 00168 от 5.07.40 г.», а также карты, датированные 5 июля 1940 г.

¹⁰⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 660. Л. 1-24.

¹⁰⁸⁰ Там же. Л. 1.

капиталистических стран Запада против СССР и довольно упрощенный, максималистский подход при определении своих вероятных противников. Как это ни странно, но даже из предложенного наихудшего варианта Военный совет КБФ делал довольно оптимистичный вывод. Считалось, что противник будет превосходить КБФ лишь «численно», при общем «равенстве в технике» (спорный момент – П.П.)¹⁰⁸².

Важное место в разделе «Оценка обстановки» занимала проблема Аландских островов, наличие которых в руках противника давало последнему большие оперативные преимущества. Стратегическое значение Аландов определялось возможностью создания на них противником оперативной базы флота, для последующих действий в направлении Балтийского моря, устья Финского залива и Ботнического залива. Помимо этого, Аландские острова могли быть промежуточной базой, которая обеспечивала бы переброску военных материалов и грузов в Финляндию. В связи с этим, остров Оланд был назван «ключом в Ботнику». Другим важным стратегическим объектом, по мнению командования КБФ, являлся шведский остров Готланд, который в силу своих географических особенностей позволял легко создать аэродромы и базы авиации на нем. Выгодное положение острова, расположенного в центре Балтийского моря, давали возможность ВВС и ВМС противника проводить с него «активные операции как в Балтике, так и в устье Финского залива»¹⁰⁸³.

По мнению Военного совета флота, действия противника (Германии) «будут носить активный, наступательный характер с массовым применением авиации, подлодок и легких надводных сил». Непосредственным объектом действий противника на Балтике будут являться Главная база (Таллин), линкоры, подводные лодки, авиация КБФ, аэродромы в Эстонии и Латвии, а также коммуникации в Финском заливе. Не исключались также попытки захвата противником островов Эзель (Сааремаа) и Даго (Хийумаа) с моря или с воздуха, а также массовая переброска войск через Ботнический залив в Финляндию и высадка десанта на побережье Эстонии, Латвии с целью выхода или на Ленинград или в тыл войскам Прибалтийского особого военного округа¹⁰⁸⁴. Были также предусмотрены парашютные десанты в тылу баз и скрытые минные постановки с надводных кораблей и подлодок.

Что касается военно-морских флотов Финляндии и Швеции, то, как считало командование КБФ, устаревшие типы кораблей последних «не представляют угрозы для нашего флота в открытом море, так как наши корабли имеют преимущества в скорости хода и вооружении». Но в том случае, если противник будет опираться в своих действиях на

¹⁰⁸¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 660. Л. 1-2.

¹⁰⁸² Там же. Л. 2.

¹⁰⁸³ Там же. Л. 2-3.

¹⁰⁸⁴ Там же. Л. 4.

систему береговой обороны в шхерах (что вполне вероятно), то тогда объединенный финско-шведский военно-морской флот будет являться силой, на устранение которой потребуется проведение специальных операций со стороны КБФ и ВВС¹⁰⁸⁵.

Делая выводы из данной оценки обстановки, Военный совет КБФ предположил, что возможными операциями противника на Балтике будут следующие: 1) Осуществление переброски войск, вооружения и боевого питания через Ботнический залив в Финляндию для действий на финском фронте; 2) Высадка морских и воздушных десантов на протяжении всего побережья Эстонии и Латвии (в том числе, захват островов Эзель и Даго); 3) Оказание содействия своему приморскому флангу огнем корабельной артиллерии и высадкой тактических десантов в тыл нашего сухопутного фронта; 4) Совместные действия надводных, подводных и военно-воздушных сил по советским передовым военно-морским базам и кораблям в них; 5) Активные действия надводных, подводных и военно-воздушных сил по советским коммуникациям, с целью нарушения перевозок КБФ и проведения планируемых операций¹⁰⁸⁶.

С целью не позволить противнику реализовать свои намерения, командование Балтийского флота предусмотрело собственный сценарий войны. Опираясь в своих замыслах на директиву наркома ВМФ № 16801 сс/ов, оно поставило перед Краснознаменным Балтийским флотом следующие задачи: *«1) Опираясь на созданную оборону, при любых обстоятельствах, не допустить прорыва флота противника в Финский залив; 2) Во взаимодействии с Красной Армией не допустить захвата побережья и в частности островов Эзель, Даго и полуострова Ханко; 3) Нарушить коммуникации и базирование противника в западной Балтике и Ботнике, путем действий надводных, подводных и воздушных сил (артиллерией, торпедами, минами, бомбами); 4) Захватить и создать рубеж в Аландском архипелаге; 5) Содействовать приморскому флангу Красной Армии при продвижении ее по побережью»*¹⁰⁸⁷.

Далее командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц изложил свое решение по плану, которое сводилось, в первую очередь, к созданию минно-артиллерийских позиций в районах Финского залива (Ханко-Оденсхольм), Рижского залива (Ирбенский пролив) и районе Либавской военно-морской базы. Впоследствии флоту надлежало провести силами подлодок и ВВС операции по нарушению коммуникаций противника в западной части Балтийского моря, захватить острова Аландского архипелага и *«создать на них базу для легких сил флота и ВВС»*, уничтожить силами морской и армейской авиации боевое ядро флота противника, осуществлять оборону баз совместно с частями Красной Армии, нанести силами

¹⁰⁸⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 660. Л. 4-5.

¹⁰⁸⁶ Там же. Л. 6-7.

бомбардировочной авиации ВВС КБФ в начале войны мощные удары по портам, базам и ВМС противника. Но главное, Краснознаменному Балтийскому флоту требовалось путем взаимодействия всех сил *«при любых обстоятельствах не допустить прорыва противника в Финский залив»*, для чего следовало иметь подготовленный рубеж обороны в устье Финского залива и развернутые в готовности все силы обороны устья залива¹⁰⁸⁸.

Рассматривая «Общий план действий КБФ», отчетливо просматривается порочность такой практики, когда исполнители беспрекословно переписывали в свой план все задачи, какие продиктовало им высшее командование. Фактически, при такой организации работы роль непосредственных разработчиков – сотрудников оперативного отдела Штаба флота – сводилась к функциям обычных статистов. И действительно, обсуждать или игнорировать боевые задачи, которые спускались из Наркомата ВМФ, было невозможно. В итоге, получалось резкое расхождение между желаемым и действительным. Командование КБФ внутренне, наверное, осознавало всю несерьезность подобного планирования боевых действий, но сделать ничего не могло. Причем, порочность данной ситуации заключалась в том, что руководство Наркомата ВМФ могло раскритиковать представленный план (и было бы в принципе право в этом), хотя само же и сформулировало основные задачи для него.

В итоге, командование флотов оказывалось в неразрешимой ситуации: отлично понимая, чего от него хотят, оно было вынуждено соглашаться и подстраиваться под мнение вышестоящего руководства, и в тоже время, осознавало абстрактный характер подобных планов. Если же разработчик пытался взглянуть на проблему трезвым взглядом и оценить реальные возможности флота, его могли сразу же объявить «паникером» и снять с должности. Таким образом, получался замкнутый круг, выхода из которого не было.

Еще в директиве № 16015сс/ов нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов приказал составить темы индивидуальных заданий для командующих и начальников штабов флотов, темы которых были посвящены характеру вероятных операций на морских театрах. На каждом флоте командующий и начальник штаба флота должны были составить собственные записки на данную тему. В качестве решения этой задачи, 5 июля 1940 г. начальник Штаба КБФ контр-адмирал Ю. А. Пантелеев представил наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову свои «Соображения о вероятных боевых действиях на Балтике»¹⁰⁸⁹. Данные соображения, в принципе, можно считать своего рода дополнением к «Общему плану действий КБФ», хотя это была вполне самостоятельная работа. Впрочем, оба документа разрабатывались при непосредственном участии начальника Штаба флота Ю. А. Пантелеева. Расчетных данных в «Соображениях» не содержалось, поскольку они имелись в самом оперативном плане, да к тому же,

¹⁰⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 660. Л. 7-8.

¹⁰⁸⁸ Там же. Л. 10-13.

представляли собой секретные сведения *«особой важности»*¹⁰⁹⁰. В данном случае, для нас представляет интерес логика мышления высшего командования флотом.

В преамбуле «Соображений» начальник Штаба флота Ю. А. Пантелеев, прежде всего, отметил, что в итоге войны с Финляндией были созданы стратегические условия, которые обеспечили безопасность наших северо-западных границ, и в то же время, *«осталось налицо враждебное к СССР правительство Финляндии»*¹⁰⁹¹. Наличие Финляндии не только как вероятного и полностью не уничтоженного противника, но и как плацдарма для возможного развертывания сил против СССР, послужило отправной точкой для всех последующих предположений начальника Штаба КБФ.

Пантелеева беспокоило то обстоятельство, что большая часть исходных данных для планирования осталась без серьезных изменений. Например, выгодное нависающее положение финских шхер в районе Котка-Аспэ над советскими базами в Эстонии, на п-ове Ханко и в районе острова Гогланд давало возможность противнику наносить внезапные удары по коммуникациям КБФ почти на всем протяжении Финского залива. Пути питания из Швеции в Финляндию в Ботническом заливе оставались за финнами, а обладание Аландскими островами позволяло им надежно прикрывать эти пути. Пантелеев был уверен в том, что Финляндия вновь готовится к войне с СССР и *«может быть целиком использована враждебным СССР третьим государством»*¹⁰⁹². Как мы видим, начальник Штаба флота постепенно подводил базу под обоснование необходимости новой войны с Финляндией в 1940-м году.

Далее Пантелеев перешел к Швеции, которая вызывала такие же серьезные подозрения, как и в период советско-финляндской войны. Несколько неубедительным выглядело утверждение Ю. А. Пантелеева о том, что эта страна *«находится под немецким влиянием, самостоятельной политики проводить сейчас не может»*. Но даже если Швеция останется нейтральной страной, по мнению начальника Штаба КБФ, она всё равно *«может быть широко использована для питания Финляндии живой силой, вооружением, торпедными катерами и подлодками»*, а ее военно-морские базы будут использованы *«для базирования флота третьего государства»*¹⁰⁹³. Подобные взгляды свидетельствуют о довольно плохой работе морской разведки, которая занималась придумыванием несуществующих противников. Прогноз Пантелеева так и не сбился: даже в период наибольших военных успехов Германии на Восточном фронте в 1941-1942 гг. Швеция так и не стала союзником последней.

¹⁰⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 146. Л. 107-117. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 668. Л. 25-35.

¹⁰⁹⁰ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 146. Л. 107. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 668. Л. 25.

¹⁰⁹¹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 146. Л. 108. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 668. Л. 26.

¹⁰⁹² Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 146. Л. 108-109. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 668. Л. 26-27.

Англия и Франция, по мнению Пантелеева, *«надолго вышли из строя самостоятельных противников СССР»*, но, как он искренне считал, они смогут всегда найти *«общий язык с государством, затевающим войну против СССР, ибо капиталист всегда остается капиталистом»* (здесь мы имеем дело с универсальной формулой советского руководства, широко распространенной в 1920-х-1930-х годах – П.П.). Наконец, начальник Штаба КБФ подошел к основному выводу, определившему все последующие тезисы. Единственным противником на Балтике у СССР, как считал Ю. А. Пантелеев, *«может быть в данной обстановке только Германия»*. Он предполагал, что Германия для развертывания своих операций непременно использует Швецию и Финляндию, принимая во внимание выгодное фланкирующее положение последней в отношении советских баз в устье Финского залива. Учитывая эти обстоятельства, Пантелеев приходил к выводу, что усиление Германии на западе *«нам совершенно невыгодно»*¹⁰⁹⁴. Таким образом, Пантелеев косвенно ставит вопрос о необходимости превентивного захвата Финляндии, дабы лишить Германию удобного плацдарма для нападения на СССР.

Пантелеев предполагал, что основные операции Германии против СССР развернутся на Украине и в Прибалтике. Причем, сухопутное направление на Украину будет главным в планах Германии. Что же касается характера немецких операций против Прибалтики, то они будут носить, по его мнению, сугубо обеспечивающий характер. Исходя из данных предположений, начальник Штаба флота считал, что сухопутные действия немцев в прибалтийских странах будут поддерживаться с моря немецким флотом *«при скрытой или открытой поддержке флота Швеции и использовании баз Финляндии»*.

Наиболее возможными операциями германского флота на Балтике начальник Штаба КБФ полагал высадку десантов противника на острова Эзель (Сааремаа) и Даго (Хийуумаа), *«чтобы отрезать с севера наши части РККА, развернутые в Латвии и Литве»*, а также проведение внезапной десантной операции из Мемеля и Гогланда против базы Либава (Лиепая), с целью заставить уйти из нее подлодки и Отряд легких сил КБФ и захвата самой базы. Особое значение для действий «Кригсмарине», как считал Пантелеев, имеют Аландские острова, которые будут использованы немцами для базирования там своих легких сил, торпедных катеров, подлодок и ВВС *«с целью операций в устье Финского залива и захвата нашей базы Ханко»*. Кроме того, архипелаг можно было использовать для обеспечения морских коммуникаций из Германии в Финляндию¹⁰⁹⁵.

Отталкиваясь от этих соображений, Пантелеев определял характер вероятных боевых операций КБФ на Балтике, которые носили как оборонительный, так и наступательный

¹⁰⁹³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 146. Л. 109. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 668. Л. 27.

¹⁰⁹⁴ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 146. Л. 109-110. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 668. Л. 27-28.

характер. Оборонительные операции Краснознаменного Балтийского флота сводились к следующему: 1) оборона баз с моря, воздуха и суши; 2) постановка минных заграждений в устье Финского залива, в Ирбенском проливе и возле военно-морских баз Либавы и Виндавы; 3) создание противолодочных рубежей в устье Финского залива и на подходах к базам; 4) обеспечение от неприятельских подлодок собственных коммуникаций Кронштадт-Таллин-Ханко и Таллин-Либавы.

Однако явный приоритет начальник Штаба КБФ отдавал наступательным операциям флота, количество которых в два раза превышало количество оборонительных. Краснознаменному Балтийскому флоту надлежало провести такие сложные и масштабные мероприятия, как: 1) Десантную операцию по захвату Аландских островов, с их последующим укреплением, *«для обеспечения удара во фланг противника, прорывающегося в Финский залив»*; 2) Захват шхерного района Аспэ и высадку десанта на Котку *«для обеспечения продвижения фронта армии»*; 3) Продвижение на север сухопутного фронта базы Ханко для обеспечения базы с суши; 4) Воздушный и морской десант и захват острова Готланд для создания там базы ВВС и подлодок *«с целью обороны средней части Балтийского моря и создания угрозы и шведским портам»*; 5) Действия подлодок на коммуникациях, и прежде всего, у германского побережья, а также в Ботнике и у западного берега Швеции; 6) Активные минные постановки у немецких портов, а затем и у шведских берегов в Балтике и Ботнике; 7) Операции по поддержке фланга армии к югу от Либавы и высадку десанта в тыл фланга противника; 8) Самостоятельные операции ВВС по базам противника с постановкой мин, *«главным образом на фарватерах в ихерах Швеции и Финляндии»*¹⁰⁹⁶.

В качестве первоочередных операций, проведение которых диктовалось обстановкой, Ю. А. Пантелеев предложил захват Аландских островов, операции по постановке минных заграждений, действия сухопутных войск к северу от Ханко и западу от Выборга, а также развертывание подлодок на коммуникациях немцев в Балтике¹⁰⁹⁷. Характерно, что Пантелеев предложил захватить Аландские острова уже в 1940-м году, причем, любыми средствами, *«вплоть до войны»*. Сделать это надо было срочно потому, что иначе потом *«все эти возможности используют немцы и создадут этим для нас большие трудности, потребуют больших жертв»*¹⁰⁹⁸. Итак, Пантелеев вплотную подошел к изложению своей основной идеи – превентивной войны с Финляндией в 1940-м году.

¹⁰⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 146. Л. 110-111. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 668. Л. 28-29.

¹⁰⁹⁶ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 146. Л. 111-112. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 668. Л. 29-30.

¹⁰⁹⁷ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 146. Л. 113. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 668. Л. 31.

¹⁰⁹⁸ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 146. Л. 114. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 668. Л. 32.

Для проведения в жизнь данного плана, Ю. А. Пантелеев предлагал осуществить следующие действия. Во-первых, следовало увеличить бомбардировочную авиацию КБФ – до четырех полков самолетов «ДБ-3» и «СБ. Для надежного обеспечения десантной операции по захвату Аландов требовалось перевести на Балтику транспорта из других морей, поскольку имевшихся 5-6 крупных пароходов было явно недостаточно. Плохо обстояло дело с обеспечением флота минными заградителями – как надводными (имелся один корабль спецпостройки – МЗ «Марти»), так и подводными (в строю был только 1 подводный минный заградитель). В связи с этим, Пантелеев предложил переоборудовать три парохода под минные заградители, *«из расчета постановки этими заградителями мин в устье Финского залива, Ирбенском проливе и у финских баз»*. Следовало форсировать строительство новых эсминцев и тральщиков, так как имевшееся количество этих кораблей не обеспечивало противолодочную и противоминную оборону Эскадры КБФ, охрану минных постановок и прикрытие собственных коммуникаций. Запас морских и авиационных мин был признан совершенно недостаточным¹⁰⁹⁹.

Ставя перед флотом большое количество боевых задач, начальник Штаба КБФ, вероятно, ожидал получить существенное усиление корабельного состава для их решения. На самом деле, наличных сил КБФ не хватало для реализации поставленных Пантелеевым задач. Вряд ли стоило планировать десантную операцию (причем, не одну), если для этого не хватало войсковых транспортов (специальных десантных кораблей КБФ тогда вообще не имел) и эскортных кораблей. Точно так же нельзя было планировать минные постановки в таком большом объеме, если для этого было недостаточно специальных кораблей и необходимого количества мин. И, наконец, вряд ли можно было рассчитывать на уничтожение ВМФ Германии имевшимися надводными силами КБФ. К сожалению, это была обычная картина для нашего оперативного планирования, когда количество назначаемых флоту задач значительно превышало его реальные боевые возможности.

В сентябре 1940 г. Военным советом Краснознаменного Балтийского флота были разработаны планы самостоятельных операций флота, проведение которых требовалось оперативным планом. Среди них следует указать «План операции по захвату Аландских островов»¹¹⁰⁰, «План активных заградительных операций легкими силами ОЛС у военноморских баз и на коммуникациях противника»¹¹⁰¹, «План подводной войны на Балтийском театре»¹¹⁰², «План минных постановок КБФ»¹¹⁰³ и «Записку командующего ВВС КБФ по

¹⁰⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 146. Л. 114-115. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 668. Л. 32-33.

¹¹⁰⁰ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 669. Л. 1-9.

¹¹⁰¹ Там же. Д. 682. Л. 1-9.

¹¹⁰² Там же. Д. 661. Л. 1-13.

¹¹⁰³ Там же. Д. 662. Л. 1-13.

плану операций»¹¹⁰⁴. После составления планов основных операций флота, процесс разработки оперативного плана КБФ можно было считать логически завершенным.

16 сентября 1940 г. начальник ГМШ Л. М. Галлер дал ряд указаний Военному совету КБФ по поводу составленных планов. Кроме корректировки уже имевшихся оперативных разработок, Галлер потребовал детально разработать «*план разведки моря и баз силами КБФ*», а также срочно приступить к составлению планов всех видов обороны военно-морских баз КБФ (противовоздушной, противоторпедной, противолодочной, противоминной, противохимической и противодесантной). Срок окончания разработок был определен к 15 октября. После того, как указанные планы будут представлены в ГМШ, должны были поступить «*особые указания по всем остальным вопросам оперплана*»¹¹⁰⁵.

Руководствуясь указаниями начальника ГМШ, 5 ноября 1940 г. начальник Штаба КБФ контр-адмирал Ю. А. Пантелеев направил начальнику Разведывательного отдела КБФ капитану 2-го ранга А. А. Филипповскому приказ № 1оп/861сс/ов, где потребовал, чтобы он совместно с начальником штаба ВВС КБФ «*детально разработать план разведки театра Балтийского моря*». При этом следовало придерживаться следующих направлений – 1) организация систематической разведки за силами вероятного противника в южной, средней и северной частях Балтийского моря, Ботнического залива и северной части Финского залива и 2) разведка военно-морских портов и баз противника. План разведки следовало составить с такой степенью детализации, чтобы он мог служить «*рабочим исполнительным документом Штаба КБФ и штаба ВВС КБФ*»¹¹⁰⁶. С небольшим опозданием, 16 ноября начальник Штаба флота Ю. А. Пантелеев утвердил «План разведки штаба ВВС КБФ», где были распределены силы авиации по всем направлениям разведки¹¹⁰⁷.

Что же касается планов обороны военно-морских баз КБФ (Таллин, Либава, Ханко, Кронштадт), то они были представлены их командирами в октябре-начале ноября 1940 года¹¹⁰⁸ в Штаб флота. 22 ноября начальник ГМШ адмирал И. С. Исаков направил Военному совету КБФ директиву № 1750бсс/ов, где сообщил, что представленные им оперативные разработки по обороне военно-морских баз Ханко, Главной базы (Таллин), Кронштадта и Либавы можно считать в целом утвержденными¹¹⁰⁹. Наконец, 11 декабря скорректированные планы обороны баз были утверждены и Военным советом КБФ¹¹¹⁰.

Говоря о разработке планов обороны баз КБФ, следует обратить внимание на один крайне важный момент. Перечисляя в директиве от 16 сентября все виды обороны морских

¹¹⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 670. Л. 3-16.

¹¹⁰⁵ Там же. Д. 502. Л. 107-108.

¹¹⁰⁶ Там же. Л. 109-110.

¹¹⁰⁷ Там же. Д. 664. Л. 1-3.

¹¹⁰⁸ Там же. Д. 681. Л. 19, 65-75.

¹¹⁰⁹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 27.

баз (ПВО, ПЛО, ПМО, ПТО, ПХО, ПДО), начальник ГМШ Л. М. Галлер ни словом не обмолвился о сухопутной обороне баз, как будто её не существовало. Соответственно, и командиры военно-морских баз не стали составлять планов сухопутной обороны. (Исключение составляла ВМБ Ханко, где ситуация с организацией обороны носила принципиально иной характер.) А между тем, именно сухопутная оборона военно-морских баз гарантировала их нормальное функционирование в случае войны. В силу ряда причин командованию РККА и РКВМФ в предвоенный период так и удалось совместно решить проблему обороны своих баз (и первую очередь, районов Таллина, Риги, Моонзундских островов и Либавы) с сухопутного направления, что впоследствии сказалось самым печальным образом в начале Великой Отечественной войны.

Вплоть до начала Великой Отечественной войны вопросы совместных действий армии и флота по обороне военно-морских баз так и не были решены высшим командованием Красной Армии. Бывший нарком ВМФ, адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов в своих мемуарах довольно объективно описал сложившуюся ситуацию с защитой баз в Прибалтике: *«...Для обороны Либавы с моря строились береговые батареи. Работы шли полным ходом. Видно было, что базе обеспечена надежная защита с моря. Но с сухопутным направлением дела обстояли неважно. Командир базы своих войск не имел, а армейские части стояли далеко. Мы с комфлота решили добиваться усиления сухопутного гарнизона. Не сразу нам это удалось, но в конце концов настояли на своем – в Либаву была направлена 67-я стрелковая дивизия. Однако, вопрос о взаимодействии сухопутных частей с военно-морскими силами до конца решен не был. Мы – Наркомат ВМФ и наркомат обороны – дали лишь общие указания на сей счет... Организация сухопутной обороны баз зависела, прежде всего, от Генерального штаба»¹¹¹¹.*

В своей неопубликованной рукописи «Организация – ключ к победе», написанной в 1960-х годах и посвященной подготовке Советского ВМФ к Великой Отечественной войне, адмирал Н. Г. Кузнецов вновь вернулся к вопросу о тех трудностях, которые встретились при решении вопроса об организации сухопутной обороны военно-морских баз накануне войны: *«... Попытки внести ясность по этому вопросу в предвоенный 1940 год, когда был издан ряд директив по совместной подготовке округов и флотов к боевым действиям на приморских направлениях, фактически результата не имели. Произошло это потому, что армейское командование, с одной стороны, не хотело подчинять флоту ни одной крупной части, а с другой - не хотело брать на себя ответственность за оборону того или иного приморского объекта или военно-морской базы. Я ставил вопрос ребром: или давайте подчиним флоту*

¹¹¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 681. Л. 26-28.

¹¹¹¹ Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 233, 323-325.

армейскую часть и возложим всю ответственность на моряка, или, наоборот, подчиним базу армейскому начальнику. Но тогда пусть будет черным по белому записано, что этот армейский начальник несет полную ответственность за весь участок или район. Это обычно и являлось камнем преткновения»¹¹¹².

Решение данного вопроса, по словам Кузнецова, оттягивалось армейским руководством вплоть до начала войны, что сказалось «самым отрицательным образом» и особенно в Прибалтике. Впрочем, справедливости ради, следует отметить, что и морское командование зачастую не проявляло должной настойчивости в решении данного вопроса. Так, в ходе учения в военно-морской базе Либава в мае 1941 года обнаружилось явное нежелание руководства базы решать вопросы организации взаимодействия с сухопутными частями. В результате, военно-морская база действовала на учении совершенно изолированно от армии, что нельзя было признать нормальным¹¹¹³.

Таким образом, становится ясным, что из-за чрезмерного оптимизма, проявленного высшим командованием РККА к решению проблемы обороны Прибалтики, Краснознаменный Балтийский флот фактически оказался заложником ситуации. Флот оказался не в силах повлиять на решение армейских инстанций и как-то улучшить свое положение. Мнение высшего командования РККА, исключавшего саму мысль о ведении боевых действий на собственной территории и предполагавшего воевать исключительно на чужой территории – в Германии и Польше, привело к полному игнорированию проблемы обороны своих прибалтийских баз. Так что, здесь прав бывший начальник Штаба КБФ Ю. А. Пантелеев, который, оценивая неутешительные итоги начала войны, отметил: «Мы пожинали плоды того, что посеяли: ведь мы собирались “воевать только на чужой территории”»¹¹¹⁴. Тем более, никто из лиц высшего командования РККА и РКВМФ не мог до войны предвидеть всех масштабов поражения Красной Армии летом 1941-го года, которое повлекло за собой спешную эвакуацию военно-морских баз. Подобное развитие событий показалось бы совершенно невероятным как для армейского, так и для военно-морского командования.

Рассматривая процесс оперативного планирования на Краснознаменном Балтийском флоте в период лета-осени 1940-го года, надо не забывать, что оно было тесно взаимосвязано с процессом составления оперативного плана в Генштабе РККА. Ещё в конце июля 1940 года Оперативным управлением ГШ был составлен первый вариант плана стратегического развертывания, в соответствии с которым перед Краснознаменным Балтийским флотом были

¹¹¹² Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сборник документов и материалов. Сост. Р. В. Кузнецова, А. А. Киличенков, Л. А. Неретина. М., 2000. С. 162.

¹¹¹³ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 5. Л. 82.

¹¹¹⁴ Пантелеев Ю. А. Морской фронт. М., 1965. С. 55.

поставлены задачи: «1) в случае выступления Финляндии совместно с авиацией уничтожить финский боевой флот; 2) содействовать сухопутным войскам, действующим на побережье Финского залива и на полуострове Ханко, обеспечивать их фланг и уничтожать береговую оборону финнов; 3) не допустить морских десантов немцев на побережье Латвийской и Эстонской ССР; 4) нанести поражение германскому флоту при его попытках пройти в Финский залив; 5) обеспечить возможную переброску одной-двух стрелковых дивизий с побережья Эстонской ССР на полуостров Ханко»¹¹¹⁵. Однако, данный план Генштаба РККА так и не был утвержден политическим руководством СССР¹¹¹⁶.

Итоговым документом стали «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы», представленные 18 сентября 1940 г. наркомом обороны СССР маршалом С. К. Тимошенко и начальником Генштаба РККА генералом армии К. А. Мерецковым секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и наркому по иностранным делам В. М. Молотову¹¹¹⁷. Согласно данным «Соображениям», в случае войны с одной Германией или с коалицией неприятельских государств, на Краснознаменный Балтийский флот было возложено выполнение следующих боевых задач: «...1) в случае выступления Финляндии: а) совместно с авиацией уничтожить боевой флот Финляндии; б) содействие сухопутным войскам, действующим на побережьях Финского залива и на полуострове Ханко, обеспечивая их фланги и уничтожая береговую оборону финнов; в) обеспечить возможную переброску 1-2 стрелковых дивизий с побережья Эстонской ССР на полуостров Ханко; 2) не допустить морских десантов немцев на побережье Латвийской и Эстонской ССР; нанести поражение германскому флоту при попытках его пройти в Финский залив...»¹¹¹⁸. Таким образом, задачи из данных «Соображений» почти полностью совпадают с задачами «Общего плана действий КБФ», за небольшими исключениями.

Одновременно с этим, Генеральным штабом РККА был разработан еще один довольно важный документ. Это были «Соображения по развертыванию Вооруженных Сил Красной Армии на случай войны с Финляндией», изложенные в записке наркома обороны СССР С. К. Тимошенко от 18 сентября 1940 г.¹¹¹⁹. В этой записке излагался план боевых действий, сводившийся к разгрому основных сил финской армии в центральной Финляндии. При этом данный удар сухопутных войск следовало «сочетать с ударом на Гельсингфорс со стороны полуострова Ханко и с действиями КБФ в Финском заливе». Отдельно в записке наркома

¹¹¹⁵ Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. Сборник. М., 2005. С. 312, 319.

¹¹¹⁶ История военной стратегии России. Под ред. В. А. Золотарева. М., 2000. С. 252.

¹¹¹⁷ 1941 год. Сост. Л. Е. Решин и др. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1998. С. 236-253. Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 324-340.

¹¹¹⁸ 1941 год. Кн. 1. С. 250. Захаров М. В. Указ. соч. С. 337-338.

обороны СССР были перечислены и задачи КБФ: 1) уничтожение боевого флота Финляндии; 2) содействие сухопутным войскам, действующим на побережье Финского залива и на п-ове Ханко; 3) обеспечение переброски 1-2 стрелковых дивизий на полуостров Ханко; 4) крейсерские операции по нарушению морских коммуникаций Финляндии в Ботническом и Финском заливах¹¹²⁰. Интересно, что в перечне боевых задач КБФ и в первом, и во втором случаях почему-то отсутствует операция по захвату Аландских островов. Как уже говорилось выше, командование КБФ летом-осенью 1940 года вынашивало идею повторной войны с Финляндией и захвата Аландов.

Однако, 25 ноября 1940 г. нарком обороны СССР маршал С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА генерал армии К. А. Мерецков направили командующему войсками ЛВО директиву, где, ссылаясь на возможность *«войны СССР только против Финляндии»*, приказали приступить к разработке плана оперативного развертывания войск Северо-Западного фронта. Перед Краснознаменным Балтийским флотом, который должен был подчиняться в оперативном отношении Военному совету СЗФ, были поставлены следующие задачи: *«...1) совместно с авиацией уничтожить боевой флот Финляндии и Швеции (в случае выступления последней); 2) содействовать сухопутным войскам, действующим на побережье Финского залива и с полуострова Ханко, обеспечивая их фланги и уничтожая береговую оборону финнов; 3) обеспечить переброску двух стрелковых дивизий в первые же дни войны с северного побережья Эстонской ССР на полуостров Ханко, а также переброску и высадку крупного десанта на Аландские острова; 4) крейсерскими операциями подводных лодок и авиацией прервать морские сообщения Финляндии и Швеции (в случае ее выступления против СССР) в Ботническом заливе и Балтийском море»*¹¹²¹.

При сравнении задач КБФ в этой директиве с предшествующими разработками Генштаба РККА видно, что они существенно расширены. Причиной такой ситуации стало расширение коалиции противников: если ранее речь шла либо о коалиции Германии и Финляндии, то теперь к числу неприятелей почему-то прибавилась еще и Швеция. В результате, добавились задачи по уничтожению ВМФ Швеции, нарушению ее морских коммуникаций и захвату Аландских островов. Таким образом, задача Балтийского флота по захвату Аландов (увязанная, как мы видим, с участием Швеции в войне, и взятая из «Общего плана действий КБФ»), теперь нашла свое отражение в директиве Генштаба РККА.

В новом, 1941-м году основные положения для составления оперативного плана КБФ остались практически неизменными. В «Тезисах доклада по базированию КБФ на 1944 год»

¹¹¹⁹ 1941 год. Кн. 1. С. 253-260. Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940-1941 гг. 2-е изд. доп. СПб., 2005. С. 331-339.

¹¹²⁰ 1941 год. Кн. 1. С. 255, 259.

от 27 января 1941 г. заместитель наркома ВМФ и начальник ГМШ адмирал И. С. Исаков изложил свои соображения по поводу боевых задач, которые могли быть поставлены перед Краснознаменным Балтийским флотом в случае войны. В указанных тезисах Исаков привел следующие задачи флота: 1) Уничтожение флота противника при его попытке захватить побережье, обороняемое КБФ, и недопущение прорыва его надводных сил в Финский и Рижский заливы; 2) Содействие Красной Армии в захвате побережья противника и разгроме его сил; 3) Действия на коммуникациях противника с целью недопущения его перевозок на Балтийском море; 4) Обеспечение своих коммуникаций; 5) Обеспечение продвижения фланга армии по шхерному побережью Финского залива¹¹²².

В данных соображениях Исакова видна неопределенность с первой задачей Краснознаменного Балтийского флота. Ведь *«уничтожение флота противника»* и *«недопущение прорыва»* в Финский и Рижский заливы – это разные боевые задачи, и поэтому объединять их в одну было не совсем правомерно. (Командование русского ВМФ накануне Первой мировой войны не допускало подобного смешивания боевых задач, четко отделяя оборонительные задачи от наступательных.) Тем более что для решения каждой из этих задач требовались совершенно разные силы и средства. Из этого может сложиться впечатление, что германский ВМФ в представлениях Исакова был довольно слабым, что разбить его не составляло особого труда при любой обстановке.

Далее, во второй задаче также допущено смешивание совершенно разных терминов. Ведь *«захват побережья»* и последующий *«разгром сил противника»* на суше – это разные задачи, путать которые также не следовало. Если высадка десанта на побережье и его удержание можно было отнести к задачам флота, то уже решительный разгром армии противника на суше всецело являлся прерогативой армии. В общем, сценарий войны был составлен Исаковым слишком самоуверенно, так что он не опасался иного развития событий. Представляется непонятным, откуда появилась такая непоколебимая уверенность в силах и возможностях Балтийского флота, учитывая резко отрицательную оценку боевой подготовки КБФ, данную наркомом ВМФ совсем недавно, в декабре 1940-го года.

Непосредственно с процессом оперативного планирования на КБФ была связана разработка в январе-феврале 1941 г. командованием КБФ целого ряда наставлений по обороне Финского залива и Моонзундского архипелага от прорыва надводных сил флота противника. Наиболее важным из них являлось *«Наставление на оборону устья Финского залива»*, которое 11 января 1941 г. начальник Штаба КБФ контр-адмирал Ю. А. Пантелеев

¹¹²¹ 1941 год. Кн. 1. С. 421. *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940-1941 гг. С. 376.

¹¹²² РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 155.

направил начальнику ГМШ адмиралу И. С. Исакову¹¹²³. Пантелеев также сообщил, что частные наставления будут представлены дополнительно, после переработки их на основе данного наставления¹¹²⁴.

Основной задачей данного наставления было *«не допустить прорыва противника в Финский залив, для чего, совместными ударами надводных, подводных, воздушных сил и сил береговой обороны – уничтожить линкоры, крейсера, транспорты противника при попытке форсирования ими главного оборонительного рубежа в устье Финского залива»*. Командованием КБФ предусматривались разные варианты развития обстановки в том случае, если противник, решая задачу глубокого прорыва в восточную часть Финского залива *«с целью захвата наших баз и уничтожения главных сил флота»*, организует попытку форсирования силами своего флота минно-артиллерийской позиции (МАП) в устье Финского залива. Направления прорыва сил неприятеля предполагались различные: 1) в центральной части минно-артиллерийской позиции; 2) на правом фланге позиции (в районе Ханко); 3) на левом фланге позиции (в районе острова Даго); 4) в направлении Главной базы КБФ со стороны шхер¹¹²⁵.

Чтобы не допустить прорыва противника через минно-артиллерийскую позицию и его проникновения в Финский залив, Штаб КБФ предполагал совместными ударами выделенных для этого сил КБФ и Прибалтийского военного округа *«уничтожить артиллерией, минами, бомбами и торпедами прорывающиеся на восток через минно-артиллерийскую позицию в районе Ханко-Тахкуна линкоры, крейсера и транспорты противника, ослабив их предварительными ударами подлодок и авиации»*. Причем, уничтожение неприятельских кораблей следовало осуществить непосредственно на подходах к Главному оборонительному рубежу, и в результате заставить противника отказаться от дальнейших попыток прорыва¹¹²⁶. Далее излагались порядок оперативного развертывания сил КБФ и разные варианты действий флота по уничтожению неприятельских ВМС, в зависимости от того, каким путем противник будет пытаться форсировать минно-артиллерийскую позицию Балтийского флота.

4 февраля 1941 г. Оперативное управление ГМШ выдало замечания и предложения на составленное Штабом КБФ «Наставление на оборону устья Финского залива». В целом, данное наставление было признано удовлетворительным *«как по содержанию, так и по его построению»*. В качестве отдельных замечаний, было рекомендовано обеспечить Эскадру КБФ во время её маневрирования за восточной границей минно-артиллерийской позиции от

¹¹²³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 167. Л. 233-260. «Наставление на оборону устья Финского залива» было утверждено Военным советом КБФ 10 января 1941 г.

¹¹²⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 167. Л. 233.

¹¹²⁵ Там же. Л. 234-235.

¹¹²⁶ Там же. Л. 235.

возможных атак торпедных катеров противника из финских шхер¹¹²⁷. 24 февраля начальник Оперативного управления ГМШ контр-адмирал В. А. Алафузов сообщил начальнику Штаба КБФ контр-адмиралу Ю. А. Пантелееву о том, что «Наставление на оборону устья Финского залива» одобрено начальником ГМШ адмиралом И. С. Исаковым. Указанное наставление было предложено издать в качестве временного, *«с постоянной корректурой по мере выявления отдельных недостатков его, в процессе боевой подготовки игр, учений»*¹¹²⁸.

Идея данного наставления в принципе была верна и опиралась на исторический опыт боевых действий русского флота в период Первой мировой войны 1914-1917 годов. Тогда Центральная минно-артиллерийская позиция являлась стеновым хребтом всей русской морской обороны на Балтийском море. Но в данном случае, командование КБФ не учитывало двух важных обстоятельств. Во-первых, северный берег Финского залива теперь не принадлежал СССР, а потому являлся постоянным источником опасности для пунктов базирования и коммуникаций КБФ. Наличие советской военно-морской базы на полуострове Ханко мало, что меняло в данной ситуации, поскольку гарнизону базы пришлось бы самому обороняться, и он не смог бы длительное время находиться в блокаде.

И во-вторых, на протяжении всей Первой мировой войны (до конца 1917 г.) положение приморского фланга русской армии в Прибалтике носило стабильный характер. В силу этого, Балтийский флот мог не опасаться за свои тылы, а морская оборона была практически неприступной. А в начале Великой Отечественной войны обстановка на суше сложилась таким образом, что ввиду быстрого отступления РККА и оставления Прибалтики летом 1941 г., Краснознаменный Балтийский флот был вынужден бросить все свои основные базы в Эстонии и Латвии. Тем самым, советской стороной был потерян южное побережье Балтийского моря и Финского залива, т.е. основная операционная база для действий флота, и поэтому КБФ ничего не оставалось, как уйти в восточную часть Финского залива.

Большое значение придавалось командованием ВМФ и КБФ такому документу, как «Наставление по совместным действиям КБФ и Красной Армии при прорыве рубежа на северном побережье Финского залива» от 25 февраля 1941 г., составленному командиром Кронштадтской ВМБ контр-адмиралом В. И. Ивановым и начальником её штаба капитан-лейтенантом В. С. Сиротинским¹¹²⁹. Данное наставление было призвано решить задачу оказания непосредственной помощи частям Красной Армии, действующим на северном побережье Финского залива, а также в случае нападения на фланг или в тыл расположения сухопутных войск противника. Основными задачами КБФ при совместных действиях с РККА по прорыву рубежа обороны противника на северном побережье Финского залива

¹¹²⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 167. Л. 264.

¹¹²⁸ Там же. Л. 272.

являлись следующие: 1) Артиллерийское содействие флангу армии огнем корабельной артиллерии и береговой обороны; 2) Содействие высадкой десанта, в обход фланга противника; 3) Нарушение морской коммуникации, питающей фланг армии противника; 4) Оборона собственного фланга от обстрела с моря; 5) Содействие продвижению своих сухопутных войск действиями берегового отряда сопровождения; 6) Содействие морской авиацией и другие¹¹³⁰. Впрочем, данное наставление имело практический смысл лишь в случае боевых действий Вооруженных сил СССР против одной лишь Финляндии, что было весьма маловероятно в той ситуации.

26 февраля 1941 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов в своей директиве № 14846 указал, что, в случае войны, против СССР предполагается выступление неприятельской коалиции в составе Германии, Италии, Венгрии, Финляндии, Румынии, Швеции и Японии. Исходя из этого, нарком ВМФ поставил перед флотами и флотилиями ВМФ СССР боевые задачи. В том числе, в рамках общего плана войны, Краснознаменный Балтийский флот должен был выполнять такие задачи, как: «...1) не допустить морских десантов немцев на побережье Латвийской и Эстонской ССР и на о-ва Моонзундского архипелага; 2) совместно с ВВС Красной Армии нанести поражение германскому флоту при его попытке пройти в Финский залив; 3) не допустить проникновения кораблей противника в Рижский залив; 4) содействовать сухопутным войскам на побережье Финского залива и на п-ове Ханко, обеспечивая их фланги и уничтожая береговую оборону финнов; 5) уничтожить боевой флот Финляндии и Швеции (при наступлении последних против СССР); 6) обеспечить в первые же дни войны переброску двух стрелковых дивизий с северного побережья Эстонской ССР на п-ов Ханко, а также крупного десанта на Оландские острова; 7) прервать морские коммуникации Финляндии и Швеции в Балтийском море и Ботническом заливе»¹¹³¹. Согласно директиве, флотам требовалось к 15 апреля разработать оперативные планы, которые должны были лечь в основу действий флотов в начальный период войны. Надо сказать, что к 15 апреля 1941 г. планы действий были разработаны и утверждены наркомом ВМФ.

Следует заметить, что в марте¹¹³² 1941 года нарком обороны СССР маршал С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков представили на утверждение председателю СНК СССР И. В. Сталину записку с соображениями по Плану стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на случай войны с Германией и её

¹¹²⁹ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 52. Л. 1-24.

¹¹³⁰ Там же. Л. 1, 3.

¹¹³¹ ЦВМА. Ф. 2. Д. 37093. Л. 21. Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия Российского флота, 1914-1941. М.-СПб., 2004. С. 497. Золотарев В. А., Шломин В. С. Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. В 2-х кн. Кн. 1. М.-СПб., 2004. С. 37-38.

¹¹³² Зачастую в литературе эту записку датируют 11 марта 1941 г., хотя на самом деле она не имеет даты.

союзниками¹¹³³. В этих соображениях были указаны боевые задачи Краснознаменного Балтийского флота¹¹³⁴, которые практически полностью соответствовали задачам из директивы наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова № 14846. Единственным отличием было лишь то, что в записке ничего не говорилось про возможность боевых действий против флота Швеции. Возможно, что это было требованием лишь военно-морского командования (по аналогии с планами командования русского Балтийского флота накануне Первой мировой войны).

Из перечня задач, приведенного в директиве Н. Г. Кузнецова от 26 февраля 1941 г., можно видеть, что в нем объединены задачи КБФ, взятые из «Соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы» от 18 сентября 1940 г. и из директивы командующему войсками Ленинградского военного округа от 25 ноября 1940 г. В результате, приведенные Кузнецовым боевые задачи Балтийского флота оказались куда более масштабными, чем те, что содержались в «Общем плане действий КБФ» 1940-го года. В частности, если в «Общем плане действий» говорилось лишь о «недопущении» прорыва германского ВМФ в Финский залив, то теперь от КБФ непременно требовали нанесения поражения немецким ВМС ещё при попытке войти в залив. Кроме того, добавилась задача по «недопущению» проникновения немецкого флота в Рижский залив. Наконец, возникла дополнительная задача по уничтожению финского и шведского военно-морских флотов. Все это свидетельствовало об очевидном усложнении оперативного плана КБФ, в ущерб его реальности и выполнимости.

Вывод из всего вышесказанного напрашивается лишь один: командование РККА и РКВМФ при составлении оперативных планов флотов действовало достаточно бесхитростным, «арифметическим» путем, занимаясь простым суммированием боевых задач Балтийского флота из разных планов. При этом одна нереальная задача накладывалась на другую нереальную задачу, что в перспективе приводило к совершенно абстрактным построениям. Однако советскому командованию не должно было при этом забывать, что количество не всегда переходит в качество. Глубокая порочность подобной практики станет очевидной только в 1941-м году.

Как уже говорилось выше, по директиве наркома ВМФ на всех флотах надлежало разработать оперативные планы. 5 апреля 1941 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов утвердил представленные Военным советом КБФ оперативный план и план прикрытия. Военный совет КБФ при разработке плана исходил из тех соображений, что основным операционным

¹¹³³ 1941 год: Страна в огне: В 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы. М., 2011. С. 26-40.

¹¹³⁴ Там же. С. 39.

направлением в случае войны станет южная часть Балтийского моря и Финский залив. Предполагался захват противником островов Моонзундского архипелага и овладение Ригой и Таллином. Учитывая выгодное, нависающее положение Финляндии над побережьем Эстонии, Военный Совет флота полагал, что противник сможет развернуть активные боевые действия на коммуникации Кронштадт-Таллин-Ханко. Возможность захвата островов Моонзунда и прорыва немецкого ВМФ в Финский залив вызывали особую озабоченность командования КБФ, поэтому оно подчеркивало, что главной задачей флота на первые 10-12 дней войны является недопущение прорыва немецкого флота в Финский залив, Рижский залив и высадки на острова Моонзундского архипелага. Выполнение этой задачи мыслилось путем организации разведки, корабельных дозоров и наблюдения за морем. Авиация КБФ должна была систематически наносить бомбовые удары по войскам десанта, кораблям и транспортным средствам противника в пунктах их сосредоточения¹¹³⁵.

Создание целого ряда минно-артиллерийских позиций – в устье Финского залива (Центральная минная позиция), в Ирбенском проливе, Соэлозунде, в районе Либавы и на рубеже Нарген–Порккала-удд (Тыловая минная позиция) – должно было обеспечить необходимые условия для боя с флотом противника. А в дальнейшем, Балтийскому флоту предстояло захватить остров Оланд, высадив на него 2 стрелковые дивизии. Также, планировалось затруднить действия противника постановкой с подводных минных заградителей минных банок на подходах к портам и базам противника, а морской авиацией – выставить мины на внутренних фарватерах¹¹³⁶.

В рамках подготовки операции на Центральной минно-артиллерийской позиции, 10 января 1941 г. Военный Совет КБФ утвердил разработанное в Штабе флота «Наставление на оборону устья Финского залива»¹¹³⁷. Также Штабом КБФ были разработаны отдельные наставления для действий Отряда легких сил КБФ для ведения боя на Центральной минно-артиллерийской позиции от 2 марта 1941 года¹¹³⁸, а также для действий частей Северной и Южной сковывающих групп флота при бое на Центральной минно-артиллерийской позиции от 1 марта 1941 года¹¹³⁹.

В случае обнаружения основных сил германского ВМФ (линкоров, крейсеров) в средней и северной части Балтийского моря, предполагалось произвести по ним предварительные удары частью сил флота во взаимодействии с авиацией Прибалтийского особого военного округа. Главный удар, с целью уничтожения ВМС неприятеля (и в первую

¹¹³⁵ Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 2-е издание, испр. и доп. Т. III. Балтийский флот. СПб., 2006. С. 24. *Платонов А. В.* Трагедии Финского залива. С. 15-16.

¹¹³⁶ Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 24.

¹¹³⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 167. Л. 233-260.

¹¹³⁸ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 56. Л. 1-9.

¹¹³⁹ Там же. Д. 55. Л. 1-19.

очередь, линкоров, крейсеров и транспортов с десантом), требовалось нанести основными силами КБФ на минно-артиллерийских позициях. При попытке противника высадить десант ещё до момента создания минно-артиллерийских позиций, следовало произвести главный удар всеми силами флота и войск ПрибОВО непосредственно в районе высадки. С целью упреждения противника в его действиях на море, Военный совет КБФ полагал необходимым провести еще до объявления войны перевозку стрелковой дивизии из Таллина на п-ов Ханко, а также выставление минных заграждений первой очереди в устье Финского залива, в Ирбенском проливе, у Лиепайи и Ханко¹¹⁴⁰.

Что касается операции по установке Центральной минной позиции, то она возлагалась на Эскадру и отряд минных заградителей КБФ. Минные постановки в Ирбенском проливе и Созлозунде были поручены Отряду легких сил КБФ, а в районе Лиепайи и Ханко – плавучим средствам этих баз. Центральная минная позиция должна была состоять из трех линий общей протяженностью в 24 мили. Причем, первые две линии предназначались для линкоров, крейсеров и эсминцев противника. Каждая линия имела по 2 ряда мин и 1 ряд минных защитников. Третья линия предназначалась уже против подлодок неприятеля. Она должна была включать 2 ряда мин, в 3 яруса каждый. Для надежного прикрытия Центральной позиции, западнее её предполагалась постановка 8 отдельных линий мин и 2 линий на флангах. Постановка первых 8 линий была первоочередной задачей, на что было отпущено 9 дней. Следующие три линии (9-я, 10-я и 11-я) считались минными постановками второй очереди, а последующие минные линии – третьей очереди. Характерно, что мины для установки минных заграждений третьей очереди должны были еще только поступить от промышленности¹¹⁴¹.

Военно-воздушные силы Балтийского флота должны были начать свои действия сразу же после нападения. Главными объектами для атак авиации КБФ в средней и северной части Балтийского моря были определены линкоры и крейсера противника, а в базах и в открытом море – транспорты. Постановку мин авиацией на внутренних фарватерах баз и портов противника планировалось произвести лишь после постановки мин в этих районах с подводных минных заградителей¹¹⁴².

Оценивая оперативный план КБФ 1941-го года, нельзя не согласиться с историками, указывающими на целый ряд его принципиальных недостатков. Из плана видно, что предполагаемая война должна начаться непременно по тому плану, который был наиболее желателен командованию КБФ. А именно, довольно большое количество дней было отведено на проведение минно-заградительной операции флота. При этом В. Ф. Трибуц и

¹¹⁴⁰ Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 24-25.

¹¹⁴¹ Там же. С. 25.

начальник Штаба флота Ю. А. Пантелеев даже не допускали возможности того, что противник сможет упредить действия Краснознаменного Балтийского флота и первым нанести удар по советским силам. При этом совершенно не предполагались активные действия неприятельского флота из финских шхер, угрожающих советским морским коммуникациям в Финском заливе. В первую очередь, это касалось минно-заградительных операций финского и немецкого флотов, которые впоследствии без серьезных помех установили и наращивали свои минные заграждения восточнее Таллина¹¹⁴³.

План боевых действий КБФ 1941-го года носил на себе черты явной концептуальной устарелости, по сути дела повторяя многие положения «Плана операций Морских сил Балтийского моря на случай европейской войны на 1912 год». В частности, нельзя не заметить основные приоритеты при составлении плана – это оборона устья Финского залива и Ирбенского пролива, где создавались мощные минно-артиллерийские позиции аналогично периоду Первой мировой войны. И здесь можно вполне согласиться с известным швейцарским историком Ю. Майстером, который отмечал в своем труде, что *«русский операционный план в своей основе был похож на план действий сил в Первой мировой войне»*¹¹⁴⁴.

При этом, составители плана боевых действий КБФ должны были понимать, что германский военно-морской флот не будет слепо копировать свои действия в Первую мировую войну, поскольку в количественном отношении он сильно уменьшился, а к тому же, может не предпринять действий по прорыву в Финский и Рижский заливы. Кстати, разработчики директивы № 21 от 18 декабря 1940 года (план «Барбаросса») прямо указывали, что основные усилия «Кригсмарине» в ходе будущей войны следует направить против военно-морских сил Англии (и в первую очередь, линкоры и крейсера)¹¹⁴⁵, а на Балтийском море следует обеспечить оборону собственного побережья и не допустить прорыва советского Балтийского флота из Балтики. До этого момента немецкий флот на Балтийском море должен был избегать крупных операций.

При этом немецкое верховное командование совершенно логично предположило, что после взятия Ленинграда сухопутными войсками Краснознаменный Балтийский флот неизбежно потеряет свои базы и окажется в дальнейшем *«неспособным продолжать*

¹¹⁴² Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 25.

¹¹⁴³ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941-1942. М., 1992. С. 117. *Платонов А. В.* Трагедии Финского залива. С. 17-20.

¹¹⁴⁴ *Майстер Ю.* Восточный фронт - война на море 1941-1945 гг. Пер. с нем. М., 2005. С. 14.

¹¹⁴⁵ *Платонов А. В.* Доктрины ведущих военно-морских держав перед Второй Мировой войной // Цитадель. 2000. № 1(9). С. 60.

*борьбу»*¹¹⁴⁶. Уже после начала войны, 30 июня 1941 г. А. Гитлер в беседе с начальником Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдером подчеркнул, что задача овладения Финского залива должна быть решена путем захвата советских военно-морских баз с суши в течение 3-4 недель. После этого, полагал Гитлер, действия советских подводных лодок будут парализованы, а надводный флот ликвидирован¹¹⁴⁷.

Следует отметить, что план боевых действий КБФ в целом носил не вполне реальный характер. Будучи заполненным, по большей мере, оборонительными задачами (минные операции, защита побережья от десанта, недопущение прорыва ВМС противника в Рижский и Финский заливы), план боевых действий КБФ, в то же время, преследовал и ряд наступательных задач. При этом непонятно было, каким же образом могли быть обеспечены некоторые операции Балтийского флота. Например, операция по высадке советского десанта на Аландских островах предполагала завоевание и удержание господства (хотя бы временно) на Балтийском море. Но в плане почему-то данная задача вообще не нашла своего отражения.

Или же, ничего не говорилось (по сравнению с «Общим планом действий КБФ» 1940-го года) о действиях своих военно-воздушных сил и подводных лодок по нарушению неприятельских коммуникаций в Балтийском море, Финском и Ботническом заливах. Складывается впечатление, что командование надеялось, что данные задачи будут решаться флотом параллельно, по ходу осуществления боевых операций (так сказать, сами собой). Из всего этого проглядывает какая-то непродуманность плана в основных, узловых вопросах.

Вероятно, что командование КБФ в глубине души осознавало несерьезность подобного планирования и пыталось «разгрузить» план от излишка наступательных задач, не подкрепленных в должной мере силами и средствами. Но при этом, удаляя и добавляя те или иные задачи из оперплана, командование флота не думало о взаимосвязи оставшихся боевых задач между собой и создании единой, целостной концепции действий флота в случае войны. То есть, подход командования КБФ (да и ВМФ в целом) к этому важнейшему вопросу был сугубо арифметический, по принципу «прибавил-отнял». Командование КБФ при составлении плана боевых действий не принимало в расчет количественный и, главное, качественный состав флота на данный момент, а также реальный уровень боевой подготовки личного состава. Тем самым, подобные оперативные разработки изначально были обречены

¹¹⁴⁶ *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933-1945. Исторические очерки, документы и материалы. В 4 т. Т. 3. Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941-1943. М., 2005. С. 85-86, 88. *Руге Ф.* Война на море 1939-1945. СПб-М., 1998. С. 188-189.

¹¹⁴⁷ *Зубков Р. А.* Таллинский прорыв Краснознаменного Балтийского флота (август – сентябрь 1941 г.). События, оценки, уроки. М., 2012. С. 53. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939-1942 гг. Том 3. Кн. 1 (22.06.1941-30.09.1941). М., 1971. С. 65-66.

на провал, поскольку представляли собой пустые декларации, не подкрепленные серьезными расчетами.

Оценивая процесс оперативного планирования КБФ в 1940-начале 1941 годов, прежде всего, надо сказать, что в нем не было постоянной, неизменной составляющей. Все основные положения определялись текущей военно-политической ситуацией в Европе. А уже в связи с этим определялись вероятные противники Советского Союза и ставились боевые задачи флоту. Можно проследить по периодам, как менялись представления советского военно-политического руководства о характере неприятельской коалиции. Если в январе-феврале 1940 года в блок агрессоров неизменно входили Финляндия и Швеция, в марте-мае в него входили Англия, Франция, Финляндия, Швеция, то, уже начиная с июня-июля 1940 года, основным противником СССР становится уже Германия, при поддержке вышеупомянутых скандинавских стран. Причем, здесь стоит сказать, что процесс определения Германии в качестве вероятного противника всё же растянулся до сентября 1940 года, когда были окончательно утверждены планы основных операций КБФ, что свидетельствует об определенных колебаниях среди советского военно-политического руководства. В начале 1941 года противники оставались все те же, соответственно, и боевые задачи также не претерпели больших изменений.

Рассматривая «Общий план действий КБФ» 1940-го года, «Соображения» начальника Штаба КБФ Ю. А. Пантелеева, а также план боевых действий КБФ 1941-го года, можно увидеть ряд серьезных недостатков, заложенных в эти документы. Во-первых, при рассмотрении оперативных разработок, не может не поражать самоуверенность военно-морского командования. Представляется не совсем понятным, зачем нужно было планировать операции флота на передовом театре – в южной Балтике, не обеспечив при этом даже собственного ближайшего тыла – своих коммуникаций в Финском заливе, которые, по словам Ю. А. Пантелеева, на всем своем протяжении находились под ударами противника. Будучи перегруженным большим количеством наступательных операций, оперативный план вступал в сильное противоречие с реальным количественным и качественным составом КБФ на тот момент.

Пожалуй, командованию КБФ не стоило питать больших иллюзий насчет исхода боев современных германских линкоров (типа «Бисмарк» или «Шарнхорст») с устаревшими советскими линкорами типа «Октябрьская революция». Вероятно, результатом такого столкновения стало бы уничтожение советских линкоров, не предназначенных для подобного рода огневых состязаний по своим тактико-техническим характеристикам (да и по уровню боевой подготовки личного состава также). Даже наличие двух вполне современных

легких крейсеров («Киров» и «Максим Горький») мало, что могло изменить при сложившемся соотношении сил.

Или, например, если имевшихся эскортных кораблей (лидеров и эсминцев) не хватало даже для того, чтобы обеспечить надежное прикрытие Эскадры – основного соединения флота, то откуда можно было изыскать лишние корабли для прикрытия очень важной десантной операции? Получалось так, что пришлось бы неизбежно пожертвовать или прикрытием тяжелых кораблей, или же обеспечением десантной операции. Тем самым, десантная операция по захвату Аландских островов изначально приобретала крайне рискованный характер и, в перспективе, обрекалась на неудачу. Об обеспечении набеговых операций против неприятельских военно-морских баз в этой связи говорить уже не приходится: сил для их проведения явно не хватало.

Минно-тральные силы КБФ были крайне малочисленны – всего 33 тральщика всех типов (по мнению командования КБФ, флоту требовалось никак не менее 100 базовых тральщиков), которых с трудом хватало для обеспечения одной десантной операции. А ведь у Балтийского флота было немало и других боевых задач, которые тоже нужно было выполнять. А фактически решать их было уже нечем, поскольку минно-тральных сил для этого просто не было. Это наглядно подтвердили события печально знаменитого «Галлинского перехода» в конце августа 1941-го года.

Вряд ли имело смысл распределять подлодки КБФ равномерным образом по всему пространству Балтийского моря, нарезая для них повсюду одинаковые позиции. Ведь еще война с Финляндией показала явную нерациональность позиционного метода действий субмарин. Вероятно, их следовало нацелить на выполнение какой-то одной задачи (например, нарушение коммуникаций противника) и дать возможность действовать методом «свободной охоты». Имевшейся морской авиации, численность которой хоть и увеличилась к началу Великой Отечественной войны, также не хватало для выполнения большого количества задач на таком обширном театре военных действий. Тем более что значительную часть авиапарка составляли устаревшие типы истребителей и бомбардировщиков.

Таким образом, практически все соединения КБФ получили слишком много боевых задач. При этом необходимо помнить, что результаты боевой подготовки КБФ в 1940-м году оказались более чем неутешительными, на что особо обратил внимание нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов в своем докладе на декабрьском совещании командующих флотами и флотилиями в 1940-м году. По его словам, в подготовке Балтийского флота *«получился безусловный провал»*¹¹⁴⁸.

¹¹⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 186. Л. 724. Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1-2). С. 502.

Наконец, самым главным недостатком плана боевых действий Краснознаменного Балтийского флота был неверный расчет на непоколебимость приморских флангов армии. Другой вариант развития обстановки даже не предусматривался. А ведь вопросами эвакуации военно-морских баз перед войной на флоте специально не занимались, и никаких оперативных разработок на сей счет не существовало¹¹⁴⁹, что в перспективе было чревато одними импровизациями и потерями. По мнению Военного совета КБФ, даже для располагавшейся вблизи границы военно-морской базы Лиепая не существовало ровным счетом никакой угрозы. В связи с этим, эта передовая база флота была опасно перегружена боевыми кораблями и вспомогательными судами, часть из которых находилась в ремонте.

В результате подобной недооценки, в ночь с 23 на 24 июня 1941 г., ввиду тяжелой ситуации на сухопутном фронте, в гавани Лиепай пришлось взорвать эсминец «Ленин» и 5 подводных лодок, ряд вспомогательных судов, а также большой флотский склад с минами, торпедами и глубинными бомбами. Крайне неудачно прошла эвакуация сил флота из базы Виндава, где был брошен целый ряд вспомогательных судов и большое количество боеприпасов, продовольствия и материальных ценностей флота. Аналогичная ситуация складывалась и в Риге, и лишь экстренные меры командования флота по эвакуации кораблей, находившихся в Прибалтийской военно-морской базе (Отряд легких сил и 1-я бригада подлодок, несколько десятков транспортов), предотвратили массовую потерю ценных боевых кораблей. Однако в Риге на морских складах остались большие запасы боеприпасов и продовольствия¹¹⁵⁰.

Естественно, что никто всерьез и не думал о возможности потери Главной военно-морской базы в Таллине. Считалось, что она находится в таком глубоком и безопасном тылу, что о возможности её потери беспокоиться не стоит. В немалой степени, именно этим опасным заблуждением объяснялась столь поздняя и не вполне удачно проведенная эвакуация кораблей из Таллина, имевшая столь печальные последствия для КБФ. По последним данным, общие потери Балтийского флота в ходе «Таллинского перехода» составили 62 боевых корабля и вспомогательных судна и более 15 тыс. человек¹¹⁵¹.

Будет весьма не лишним выслушать мнение двух высших командиров Советского ВМФ. Бывший нарком ВМФ адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов в своей неопубликованной рукописи воспоминаний говорил следующее: *«Нужно со всей откровенностью признать, что война, особенно в первые два года, велась*

¹¹⁴⁹ Платонов А. В. Трагедии Финского залива. С. 199.

¹¹⁵⁰ Балтийский щит Ленинграда. Сборник воспоминаний. Сост. П.В. Петров. СПб., 2005. С. 26-29. Абатуров В. В., Морозов М. Э. Неизвестные трагедии Великой Отечественной. Сражения без побед. М., 2008. С. 181-185. Чернышев А. А. 1941 год на Балтике: подвиг и трагедия. М., 2009. С. 74-79.

¹¹⁵¹ Зубков Р. А. Указ. соч. С. 311-323.

распорядительным порядком, а не по планам, разработанным накануне»¹¹⁵². Данная мысль наркома была более подробно и откровенно была развита в письме бывшего начальника Штаба КБФ адмирала Ю. А. Пантелеева. Как мы понимаем, Пантелеев как никто другой имел прямое отношение к составлению оперативных планов Балтийского флота и мог судить об их достоинствах и недостатках не понаслышке. Поэтому стоит привести пространную цитату из его письма, направленного Н. Г. Кузнецову: «... Судьба поставила КБФ на одно из важнейших стратегических направлений фашистов: Пруссия–Ленинград через Прибалтику. Оно намечалось гитлеровцами как сухопутное или приморское, но не морское. Флот же готовился годами к войне на море, прежде всего: а) к действиям на коммуникациях; б) к бою на минно-артиллерийской позиции в устье Финского залива; в) к обороне военно-морских баз с моря; г) к противодесантной обороне островов Моонзунд».

По признанию того же Ю. А. Пантелеева, на самом деле получилось *«всё наоборот и по вариантам, которые никогда не рассматривались ни в Академии, ни в Главморштабе, ни на флоте: а) Гитлер в первые месяцы 1941 г. прекратил сознательно торговое судоходство по открытой части моря... Наши подводные лодки не имели целей. Да и вообще о “колоссальном” значении коммуникаций для немцев больше мы сами кричали и собирались их громить. Стратегического значения они для Германии не имели; б) фашистский флот не собирался вторгаться в Финский залив. Наоборот, он намеревался нас в нем блокировать. Мы же выставили “историческую” минно-артиллерийскую позицию и на этой позиции потеряли нос крейсера “Максим Горький” и один эсминец; в) противник ни одну военно-морскую базу не собирался брать с моря, а брал их с тыла. Сухопутная оборона берегов поручена была армии, но армия в Прибалтике к этому не была готова...; г) десанты в тыл фашисты не собирались высаживать, и вся наша противодесантная оборона флота тоже оказалась ненужной. Таким образом, проблема морской войны на Балтике решалась фашистами на суше... Флот остался как бы без противника на море, начав последовательно терять все свои базы, занимаемые фашистами с суши...»¹¹⁵³.*

Развивая данную мысль, бывший командующий дважды Краснознаменным Балтийским флотом адмирал В. Г. Егоров в своем докладе на военно-научной конференции, посвященной 50-летию Победы, совершенно справедливо отметил, что в отличие от предвоенных планов, основными задачами КБФ в начальном периоде Великой Отечественной войны стали оборонительные действия морской пехоты на суше, поддержка действий армии огнем корабельной артиллерии, удары морской авиации по сухопутным объектам и эвакуационные

¹¹⁵² Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сборник документов и материалов. С. 162.

¹¹⁵³ Там же. С. 432–433.

мероприятия¹¹⁵⁴. Причем эти боевые задачи стали для КБФ основными на протяжении трех лет войны, и лишь с лета-осени 1944 года Балтийский флот смог постепенно перейти к ведению активных, наступательных морских операций.

Советское высшее военное командование было твердо уверено в том, что Красная Армия с первого дня войны будет успешно наступать вглубь территории Польши и Германии, а Краснознаменный Балтийский флот тем временем окажет необходимую поддержку её действиям с моря и параллельно займется проведением минно-заградительных и набеговых операций. Подобная односторонность планирования впоследствии дорого обошлось не только РККА, но и самому Балтийскому флоту. В итоге, оперативный план КБФ накануне Великой Отечественной войны носил весьма односторонний характер, будучи ориентированным лишь на благоприятную для Советского Союза оперативно-стратегическую обстановку в начале войны. Предполагалось, что при любом развитии ситуации на фронте ничто не будет угрожать стабильному положению приморских флангов РККА. Соответственно, и Военно-Морской Флот должен был исходить из тех же предпосылок. Это было характерной чертой всего предвоенного советского оперативного планирования.

На наш взгляд, в сложившейся ситуации оперативный план КБФ следовало больше ориентировать на выполнение оборонительных задач, делая особый упор на устойчивости обороны военно-морских баз. Но именно с организацией сухопутной обороны военно-морских баз накануне войны возникла большая проблема, объяснявшаяся позицией руководства Наркомата обороны СССР и Генерального штаба РККА. Поэтому вопрос об обороне баз КБФ в случае войны оказался нерешенным из-за нежелания армейского командования заниматься флотскими вопросами и излишне оптимистического взгляда на начальный этап войны.

Но командованию флотом, естественно, не хотелось ограничиваться лишь оборонительными задачами (тем более что у руководства ВМФ имелись свои амбиции). В результате, возникло явное расхождение между желаемым и действительным, что в последующем не могло не привести к печальным результатам. Забегая же несколько вперед, приходится констатировать, что в условиях реальных боевых действий на Балтике летом и осенью 1941-го года КБФ оказался не силах завоевать и удержать господство в Финском заливе. Более того, Балтийский флот не смог даже надежно прикрыть свою основную коммуникацию Таллин-Кронштадт, чем и объяснялись успешные минные постановки и

¹¹⁵⁴ 50 лет Великой Победы: Опыт применения Советского Военно-морского флота во Второй мировой войне и его значение в современных условиях. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию Победы во Второй мировой войне 1939-1945 гг. СПб., 1997. С. 82.

другие действия немцев и финнов в устье Финского залива в начале войны, что привело к большим потерям во время печально известного «Таллинского перехода».

Подводя итоги рассмотрению оперативных планов КБФ, следует заметить, что командованию ВМФ оказалось очень сложно предугадать реальный ход событий начала войны. Нельзя было предвидеть всех масштабов той катастрофы, которая постигла Вооруженные Силы СССР в начале Великой Отечественной войны. Вряд ли кто-либо из высшего командования ВМФ в мирное время мог всерьез подумать о том, что линия фронта сможет приблизиться вплотную к Ленинграду, а Балтийский флот будет находиться на грани уничтожения. К сожалению, общая направленность всех планов армейского командования в 1940-1941 годах носила исключительно наступательный характер и способствовала формированию такой же стратегии и у Военно-Морского Флота. Тем не менее, высшим командованием ВМФ и КБФ накануне Великой Отечественной войны был допущен определенный просчет в составлении плана будущей войны, в силу чего не удалось предусмотреть даже примерный характер действий флота в начальный период войны. А это в свою очередь привело к крайне неудачному для Краснознаменного Балтийского флота развитию событий на Балтике летом – осенью 1941-го года.

Заключение

В данной работе автор исследовал проблему военно-технического и кадрового развития Краснознаменного Балтийского флота в период с 1935 по 1941 годы и выявил его основные противоречия. При рассмотрении указанной проблемы автор решил ряд задач, которые заключаются в следующем:

1) В отечественной историографии отсутствовали комплексные труды по истории развития Краснознаменного Балтийского флота в предвоенный период, несмотря на огромное количество работ по отдельным аспектам его деятельности.

Из проведенного анализа историографии следует, что за прошедшие десятилетия отечественными и зарубежными исследователями была проделана большая работа по изучению деятельности Краснознаменного Балтийского флота в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны. В то же время, несмотря на имеющиеся очевидные достижения, в указанной проблематике всё ещё остаётся большое количество малоизученных вопросов, которые требуют пристального внимания историков. Самым главным недостатком является отсутствие работ общего характера по предвоенной истории Краснознаменного Балтийского флота, где рассматривались бы в комплексе разные стороны его деятельности.

Существует уже довольно значительное количество исследований по истории военного судостроения в СССР, и в частности, по истории проектирования, строительства и эксплуатации боевых кораблей различных классов, строившихся для КБФ в период 1920-х – 1930-х годов. Однако большинство авторов ограничиваются в основном лишь технической стороной вопроса и значительно реже описывают участие кораблей в повседневной деятельности флота. При этом авторы редко указывают на серьезные проблемы, которые существовали в работе ленинградской судостроительной промышленности накануне Великой Отечественной войны.

Совершенно неизученным аспектом, и при этом крайне важным для изучения данной проблемы, остается процесс боевой подготовки на Балтийском флоте на протяжении 1930-х – начала 1941 годов. Долгие годы эта тема не разрабатывалась в силу засекреченности большинства документальных материалов. Но даже доступность в последние годы документов по данной теме не привела к серьезным качественным сдвигам в исследовании данного вопроса. Большинство исследователей практически не касаются проблемы состояния БП на Балтийском флоте, хотя именно боевая подготовка личного состава определяла очень многое в боевой готовности флота перед грядущей войной. И это надо признать очень серьезным недостатком отечественной историографии.

С проблемой боевой подготовки флота тесно связана и другая проблема – состояния командно-начальствующего состава КБФ перед войной. Большинство историков предпочитают не замечать очевидных фактов, свидетельствующих о крайне низком уровне оперативной и тактической подготовки командиров Советского ВМФ. Вместо этого, подавляющее большинство авторов ограничиваются привычными, избитыми штампами о влиянии репрессий на состояние боевой подготовки флота. Никто из исследователей даже не предпринял попытки рассмотреть качество подготовки командиров и их профессиональные навыки.

Ещё более закрытой темой всегда являлось оперативное планирование КБФ в предвоенный период. Связано это было и с секретностью большинства документов вплоть до начала 1990-х годов, а также с тем, что данная тема позволяла выявить негативные моменты в процессе подготовки к будущей войне на море. Ведь при рассмотрении оперативных планов можно было увидеть очевидные недостатки в работе советского военно-морского командования – такие, как авантюризм и непрофессионализм при составлении планов будущей войны. В лучшем случае, некоторые исследователи отмечали лишь отдельные недостатки в отдельно взятых оперативных разработках, не замечая при этом очевидных негативных тенденций советского военно-морского планирования на протяжении 1930-х – начала 1940-х годов.

Наконец, долгие годы оставалась малоизученной такая тема, как применение КБФ в ходе внешнеполитических акций Советского Союза в 1939-1940 годах. Наиболее известным сюжетом при этом являлась советско-финляндская война, по истории которой лишь в последние годы стало появляться всё больше публикаций. Однако данная тема стала доступной для изучения лишь в последние два десятилетия, когда были открыты для исследователей многие архивные документы. Но при этом практически не рассматриваются действия КБФ в период оказания военного давления на республики Балтии осенью 1939 и летом 1940 года, когда флот стал важным инструментом советской внешней политики. Это также является упущением в освещении истории Балтийского флота.

Таким образом, можно констатировать, что комплексных исследований, которые рассматривали бы историю предвоенного развития КБФ с учетом разных факторов, в отечественной историографии за длительный период так и не было создано. Большинство авторов, которые занимались исследованием данной проблематики, в значительной степени ограничивались лишь частными вопросами. В своих исследованиях многие авторы зачастую констатировали наличие ряда проблем, но серьезных попыток к их решению не предпринимали.

2) *Политика руководства СССР в отношении создания современного Военно-Морского Флота и выработка программ военного судостроения в предвоенный период определялись внешнеполитической ситуацией и экономическими возможностями страны.*

Морская политика руководства СССР в предвоенный период (1921 – 1941 годы) носила весьма противоречивый характер, поскольку система взглядов советских партийных и военных деятелей на строительство и боевое применение флота в эти годы серьезно менялась. В результате, политику в отношении строительства ВМФ в рассматриваемый период следует разделить на три основных периода, которые определялись текущим экономическим положением в стране и внешнеполитической ситуацией в Европе.

В первый период, длившийся с момента окончания Гражданской войны и до конца 1920-х годов, политика руководства страны определялась, прежде всего, тяжелым финансово-экономическим состоянием СССР, не позволявшим проводить перевооружение армии и флота в больших масштабах. В условиях послевоенного восстановления промышленности и формирования новых инженерно-технических кадров закладка новых надводных кораблей была невозможна, поэтому производился ремонт и частичная достройка отдельных кораблей.

Данная политика в области военного судостроения подкреплялась в 1920-х годах теорией «малой войны», которая предполагала наличие лишь сугубо прибрежного, москитного флота, оснащенного небольшими боевыми кораблями, подводными лодками и авиацией. Крупные боевые корабли (линкоры, крейсера), которые являлись привычным олицетворением морской мощи державы, теперь считались ненужными в бою и излишне дорогими в плане строительства.

Подобный минималистский подход к строительству Военно-Морского Флота стал частично пересматриваться в конце 1920-х годов, когда советское политическое руководство подошло к идее реализации грандиозного плана по модернизации промышленности и созданию целого ряда новых производств. В условиях резкого увеличения промышленного потенциала СССР, у руководства страны появилась возможность начать процесс перевооружения армии и флота новейшим оружием и боевой техникой. В связи с этим, в военном судостроении основной упор вначале был сделан на массовое строительство подводных лодок, торпедных и сторожевых катеров, сторожевых кораблей, морской авиации.

Однако, в середине 1930-х годов, на фоне серьезных успехов, достигнутых отечественной промышленностью и нарастания военной угрозы в Европе, политическое и военное руководство Советского Союза стало склоняться к принятию более масштабной и амбициозной судостроительной программы, в которой значительное место уделялось

постройке больших надводных кораблей. Значительный надводный флот теперь воспринимался уже не как дорогое удовольствие, которое нельзя себе позволить, а как неотъемлемый атрибут великой державы. Причем, по мнению советских руководителей, строящийся Советский Военно-Морской Флот не должен был ни в чем уступать флотам ведущих морских держав. Под эти стандарты подгонялись тактико-технические характеристики крупных боевых кораблей (линкоры, тяжелые крейсера). Таким образом, растущие политические амбиции советских лидеров требовали соответствующего подкрепления в области военно-морских вооружений.

Впрочем, столь стремительное изменение военно-морской политики руководства СССР не могло дать быстрого эффекта в короткий период времени в силу как объективных, так и субъективных причин. Политическое желание руководителей не всегда могло быть подкреплено соответствующей производственной и научно-технической базой, которые требовали времени для наращивания своего потенциала.

3) Техническое развитие надводных, подводных и воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота в предвоенный период сделало огромный шаг вперед, но характеризовалось наличием целого ряда недостатков, существенно снижающих боевые возможности флота.

В ходе проведения первой (1928-1932) и второй (1933-1937) пятилеток получили сильное развитие надводные, подводные и военно-воздушные силы Морских сил Балтийского моря. Отечественная судостроительная промышленность, отныне не ограниченная рамками ограничений тоннажа, получила от правительства СССР задание в короткие сроки обеспечить создание современного Военно-Морского Флота, не уступающего по своим параметрам флотам ведущих европейских морских держав.

Начиная с середины 1930-х годов, советская оборонная промышленность стала осваивать строительство всё более крупных и мощных боевых кораблей, предназначенных для большого, океанского флота. В итоге к лету 1941 г. Краснознаменный Балтийский флот имел на вооружении новые крейсера, лидеры, эсминцы, сторожевые корабли, тральщики, торпедные катера, малые охотники и подводные лодки. В рамках реализации судостроительной программы 1936 г. было начато строительство линейных кораблей и тяжелых крейсеров, завершению которых помешала Великая Отечественная война. Очень существенно выросла в 1930-е годы морская авиация, получившая на вооружение самые разнообразные типы боевых самолетов – истребители, бомбардировщики, торпедоносцы, разведчики, что существенно увеличило её боевые возможности.

В результате предвоенного строительства, Краснознаменный Балтийский флот стал мощным стратегическим объединением, которое могло решать задачи как оборонительного,

так и наступательного характера. Полностью обновили свою материальную часть балтийские подводники. Весьма существенно обновился состав надводных сил КБФ. Корабли старой постройки (линкоры типа «Гангут», эсминцы типа «Новик») смогли пройти капитальный ремонт и модернизацию. В составе флота появилось и совершенно новое для Советского ВМФ соединение – бригада морской пехоты. В целом, Краснознаменный Балтийский флот очень сильно изменился, что позволило ему выступить в совершенно новом качестве во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Несмотря на крупные достижения в строительстве современного флота в 1930-е годы, Советский Военно-Морской Флот к началу Великой Отечественной войны имел проблемы с созданием некоторых видов вооружения и современных технических средств борьбы. И в данном случае, сказывался такой фактор, как техническое отставание СССР от крупнейших капиталистических стран мира. В результате, отечественная оборонная промышленность так и не смогла создать целый ряд важных образцов вооружения для ВМФ. Прежде всего, здесь стоит указать на отсутствие у надводных кораблей отечественного Военно-Морского Флота радиолокаторов и скорострельных зенитных артиллерийских установок, отсутствие на подводных лодках гидролокаторов, приборов управления торпедной стрельбой, неконтактных (магнитных и акустических) мин и торпед, а также неконтактных тралов. Эти обстоятельства существенно снижали боевые возможности Советского ВМФ в борьбе с флотом противника.

Создание современных Военно-Морских Сил в Советском Союзе в период 1930-х годов было очень сложным процессом, который отнюдь не сводился к одной лишь постройке боевых кораблей и вспомогательных судов. Фактически, это был целый комплекс мероприятий, направленных на создание не только корабельного состава и вооружения для Военно-Морского Флота, но также и на создание необходимой для его эксплуатации соответствующей береговой инфраструктуры, наличие научно-исследовательской, судостроительной и судоремонтной базы, тылового обеспечения, а также на качественную подготовку личного состава флота. В случае отсутствия или недостаточного развития какого-либо из этих компонентов, назвать ВМФ полноценным было уже нельзя.

Понятно, что создать такой сложный боевой механизм, как ВМФ, за 10-15 предвоенных лет было крайне трудно, почти невозможно. Поэтому, несмотря на огромные финансовые средства, вложенные в строительство ВМФ, и предпринятые советским политическим и военным руководством в 1930-е годы огромные усилия по созданию мощного океанского флота, так и не удалось создать на Балтике к 1941-му году современный, в полной мере сбалансированный флот.

4) *Базовое строительство на Балтийском море для нужд Краснознаменного Балтийского флота в период середины 1930-х – начала 1941 годов претерпело значительное расширение, однако не полностью удовлетворяло текущие потребности флота в плане обеспечения его повседневной и боевой деятельности.*

Очень сильные изменения в предвоенный период испытала система базирования, а также береговая оборона Краснознаменного Балтийского флота. Вплоть до осени 1939 года КБФ был вынужден обходиться очень ограниченной системой базирования, сосредоточенной исключительно в восточной части Финского залива и сильно затруднявшей процесс боевой подготовки флота. Чтобы решить проблему базирования большого флота, который должен был получить большое количество новых боевых кораблей, было начато строительство новой главной базы КБФ в Лужской губе. Новая база была рассчитана на потребности быстро растущего Балтийского флота, но её постройке помешали дальнейшие события.

Политические события, произошедшие в Европе в августе 1939-го года, привели к возникновению совершенно новой ситуации. В соответствии с договорами, заключенными между СССР и республиками Прибалтики, Краснознаменный Балтийский флот получил возможность кардинально улучшить условия своего базирования на театре. В период с осени 1939-го года советской стороной стали активно осваиваться и строиться новые военно-морские базы и береговые батареи на побережье и островах Эстонии и Латвии, а с весны 1940 г. – на полуострове Ханко. Благодаря новым гаваням, система базирования КБФ оказалась вынесенной далеко на запад, что сразу дало большие преимущества флоту в развертывании сил на Балтийском театре военных действий. Возросшие оперативные возможности Краснознаменного Балтийского флота были наглядно продемонстрированы уже в ходе советско-финляндской войны 1939-1940 гг.

После присоединения республик Прибалтики к Советскому Союзу летом 1940-го года, произошло резкое увеличение оперативного плацдарма Краснознаменного Балтийского флота, что еще больше улучшило перспективы его базирования. В это время огромные силы и средства были вложены в капитальное строительство береговых объектов в Эстонии и Латвии. Практически заново была создана необычайно развитая и мощная система береговой обороны – как на материковой части, так и на островах Эстонии и на п-ове Ханко. В это время строились стационарные батареи и железнодорожные позиции для орудий самого разного калибра. Однако, по причине нехватки времени для строительства береговых батарей, часть объектов так и не была введена в строй к началу Великой Отечественной войны. Создание в столь сжатые сроки новой системы БО стало настоящим подвигом со стороны личного состава флота, военных и гражданских организаций.

Однако новые базы в Эстонии и Латвии оказались не готовы к приему большого количества соединений, учреждений и организаций флота, срочно переброшенных туда в период 1939-1940 годов. Командование ВМФ излишне форсировало события в таком ответственном деле, как перебазирование сил флота в новые западные базы, и стремилось как можно быстрее закрепить за собой полученную территорию. Во многих гаванях условия базирования ещё не позволяли в полной мере обеспечивать потребности соединений, частей и кораблей флота.

Сыграла свою роль и некоторая поспешность с решением вопроса о создании главной базы флота, которую вначале стали строить в Палдиски, а впоследствии решили сделать в Таллине. Если учитывать, что одновременно велось строительство большой базы в Усть-Луге, то возникает вопрос о не вполне разумном расходовании средств на создание системы базирования на Балтике. Сильно осложняло ситуацию и неопределенное положение с сухопутной обороной военно-морских баз в бывших республиках Прибалтики. Всё это привело к тому, что Балтийский флот не имел надежного базиса для проведения боевых операций и тем самым ставил себя в весьма трудное положение в случае войны.

5) Уровень подготовки командно-начальствующего состава КБФ в период активного строительства флота и проведения политических репрессий во второй половине 1930-х годов носил в основном недостаточный характер в силу ряда социальных особенностей советского общества и классовой политики, проводившейся в стране.

Прежде всего, необходимо понимать, что командиры, подготовленные в системе ВМУЗ'ов в период 1920-х – 1930-х годов, вовсе не являлись какой-то особенной кастой или элитой советского общества. Не следует думать, что командиры и начальники ВМФ формировались в некоем вакууме, изолированно от всего общества. Наоборот, надо понимать, что люди, которые поступали в военно-морские училища и становились затем командирами флота, были типичными представителями советского общества, они формировались в системе советской командно-административной системы, получали стандартное советское образование и воспитание, что неизбежно накладывало отпечаток на их последующую служебную деятельность. Поэтому требовать от них тех качеств, которые были присущи офицерам Российского императорского флота, вовсе не следует.

Здесь также нужно учитывать ярко выраженный классовый подход советского государства к воспитанию своих управленческих кадров. После Гражданской войны руководство партии и правительства сделало ставку на подготовку будущих командиров для РККА и РККФ по классовому признаку. Причем, особенно сильно это явление наблюдалось в 1920-е годы. Предпочтение при приеме в военные училища тогда отдавалось представителям «социально близких» слоев общества – рабочим, крестьянам, и лишь в

последнюю очередь – интеллигенции. Поскольку в командиры стали рекрутироваться представители малообразованных слоев населения, это сразу же привело к резкому понижению общего интеллектуального уровня командно-начальствующего состава Рабоче-Крестьянского Красного Флота по сравнению с офицерами Российского императорского флота.

Если учесть, что до революции в Морской корпус принимались в основном дворяне, которые получили хорошее домашнее образование, то можно понять, какая резкая перемена произошла в общеобразовательном уровне воспитанников военно-морских учебных заведений. В итоге, в военных училищах периода 1920-х – начала 1930-х годов приходилось в первую очередь ликвидировать элементарную неграмотность курсантов, которые не обладали должными знаниями. Даже в середине 1930-х годов отмечалась недостаточная грамотность среди командиров флота. Значительная часть командиров не могли решить элементарных арифметических задач, плохо знали географию и военную историю, не умели даже грамотно составить приказы и распоряжения.

Неудивительно, что на многочисленных совещаниях Военного совета при Наркомате обороны СССР и Главного военного совета ВМФ неоднократно подвергалась серьезной критике система подготовки командиров в системе военно-морских учебных заведений. Поднимался крайне важный вопрос о недостаточности той базовой подготовки, которую давали военно-морские училища страны. Этим объяснялась странная ситуация, когда новым командирам флота необходимо было постоянно помогать и обучать их в процессе службы.

Многие командиры сильно отставали в тактической подготовке, были недостаточно воспитаны в духе инициативы и активности, постоянно ожидали указаний вышестоящих начальников. Действия большинства командиров КБФ в ходе учений и операций отражали больше распорядительную, чем тактическую сторону. На учениях и играх часто отмечалось, что как только командиры попадали в сложную обстановку, они сразу же терялись, проявляли мало инициативы и ждали указаний. Кроме того, командно-начальствующий состав флота плохо знал тактико-технические характеристики кораблей противника, поэтому зачастую не представлял себе ни их отрицательных, ни положительных сторон.

Очень плохой была и что и морская подготовка командиров флота. Краснознаменный Балтийский флот держал сомнительный рекорд в том плане, что курсанты здесь плавали меньше всех остальных флотов. Имел место невысокий уровень морской подготовки в училищах, когда оттуда на флот приходили лишь теоретически подготовленные люди, а не настоящие морские командиры. В итоге, выпускники училищ в тот период во многом были подготовлены теоретически, но морской практики им явно не хватало. Многие командиры боялись свежей погоды, их укачивало, они плохо совершали маневры и часто совершали

аварии, причем даже в ясную погоду. В итоге, это приводило к совершенно недопустимому уровню аварийности на КБФ. Большим недостатком для значительной части командно-начальствующего состава флота являлся низкий уровень воинской дисциплины.

Всё это привело к тому, что стремительный рост Краснознаменного Балтийского флота во второй половине 1930-х годов носил, скорее, количественный, чем качественный характер. Иными словами, серьезный технический рост флота не подкреплялся ростом квалификации и уровня боевой подготовки его личного состава. В первую очередь это касалось командно-начальствующего состава флота всех уровней. Напротив, во второй половине 1930-х годов на всех флотах и флотилиях налицо наблюдалось весьма неутешительное положение с оперативной и тактической подготовкой высшего, старшего и среднего звеньев командного состава флота. На должности командиров и начальников КБФ, численность которых резко увеличилась в середине 1930-х – начале 1941 годов зачастую приходили недостаточно подготовленные люди. И причина подобного положения дел крылись отнюдь не в политических репрессиях, а в недостаточной подготовке командиров в системе ВМУЗ'ов и чрезвычайно быстром служебном росте, объяснявшемся стремительным развитием Военно-Морского Флота в предвоенный период.

Огромные потребности ВМФ в командирах объяснялась также характерными особенностями Вооруженных Сил СССР. А именно, в Советском Военно-Морском Флоте (как, впрочем, и в Красной Армии) на протяжении всех 1920-1930-х годов острейшим образом не хватало прослойки опытных, хорошо подготовленных младших командиров (старшин и отделенных командиров). Дело в том, что практически все старые специалисты (кондукторы и унтер-офицеры), служившие в Российском императорском флоте, после Гражданской войны покинули флот по разным причинам. Образовавшаяся пустота так и не была заполнена соответствующими по подготовке и опыту службы специалистами нового Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Пришедшие на смену старым специалистам Российского императорского флота младшие командиры так и не смогли заменить их в полной мере.

Как правило, младшие командиры флота были сравнительно неплохими техническими специалистами, но откровенно слабыми строевыми командирами. Необходимо отметить, что учебе краснофлотцев в школах младшего комсостава уделялось недостаточно внимания, поэтому данная насущная проблема не решалась долгие годы. В итоге, функции младших командиров был вынужден брать на себя средний командно-начальствующий состав флота, который и сам зачастую не соответствовал необходимым требованиям. То есть, основная нагрузка приходилась на командиров среднего звена, причем даже на тех должностях, где вполне могли бы справиться и младшие командиры. Отсюда и возникали столь огромные,

раздутые потребности флота в командно-начальствующем составе, которого, тем не менее, постоянно не хватало.

Серьезным фактором, оказывавшим большое влияние на деятельность командиров КБФ, был недостаточный уровень образования подавляющей части командиров. Здесь ситуация была явно неудовлетворительной. Количество командиров с академическим образованием исчислялось единицами, которых не хватало даже для крупных штабов, не говоря уже об основных соединениях надводных кораблей и подлодок Краснознаменного Балтийского флота. Основная масса командиров и начальников КБФ закончила лишь курс военно-морских училищ или Высшие специальные курсы комсостава РККФ. Впрочем, были и такие командиры, которые имели за плечами лишь командирские курсы (по сути, первичное образование) или вообще не имели военного образования.

Таким образом, основными причинами неудовлетворительного состояния командных кадров был всё же очень резкий рост Военно-Морских Сил РККА в 1930-х годы, что привело к значительному увеличению потребностей флотов в командных и начальствующих кадрах, а также неудовлетворительная подготовка командиров в системе военно-морских учебных заведений. Огромные потребности в командных кадрах вынуждали командование быстро передвигать по служебной лестнице молодых командиров, многие из которых в конце 1930-х испытали необычайно резкий служебный рост. В результате такой политики многие командиры не успевали получить необходимый командный опыт на своих должностях, что имело для многих из них в дальнейшем неблагоприятные последствия.

б) Боевая подготовка личного состава Краснознаменного Балтийского флота на протяжении 1930-х – первой половины 1941 годов носила весьма интенсивный характер, но в силу формального подхода к организации процесса БП и недостаточного уровня подготовки командиров зачастую имела неудовлетворительные результаты по большинству проведенных маневров, учений и игр.

Боевая подготовка Краснознаменного Балтийского флота в предвоенный период носила в целом не вполне удовлетворительный характер. Если выделить самые главные недостатки в системе боевой подготовке КБФ во второй половине 1930-х гг., прежде всего, следует отметить низкий уровень оперативной и тактической подготовки части командного состава, слабую морскую подготовку многих командиров, неудовлетворительное боевое управление соединениями и частями во время учебно-практических мероприятий, совершенно неотработанное взаимодействие различных сил флота, нечеткую работу штабов, очень слабую исполнительскую дисциплину на всех уровнях и неудовлетворительную работу морской разведки.

На невысоком уровне находилась артиллерийская, торпедная, минная и другие виды огневой подготовки большинства соединений надводных кораблей, плохо были подготовлены к торпедным стрельбам экипажи подлодок КБФ. Хуже всего обстояли дела с боевой подготовкой летного состава Военно-воздушных сил флота, который был слабо подготовлен к действиям в сложных и ночных метеоусловиях. В соединениях и частях надводных, подводных сил и морской авиации наблюдался недопустимо высокий уровень аварийности, что приводило к значительным потерям материальной части и личного состава.

Говоря о причинах многочисленных недостатков в БП на флоте, правильным будет отметить, что их причиной являлись отнюдь не одни массовые репрессии среди командно-начальствующего состава КБФ в 1937-1938 годах, как об этом часто говорится в литературе. На самом деле, ситуация выглядела значительно сложнее. Причина низкого уровня БП флота крылась всё же в неправильной организации самого процесса боевой учебы соединений флота, а также в недостаточной оперативно-тактической, морской и технической подготовке части командно-начальствующего состава КБФ. Зачастую командиры достаточно формально относились к выполнению задач по проведению боевой подготовки во вверенных им соединениях, частях и кораблях и слабо контролировали учебу личного состава. Отрицательное влияние оказывало также упрощенчество и условность при постановке командованием флота задач на оперативных играх, отрядных и тактических учениях, маневрах флота. В итоге, результаты большинства учебно-практических мероприятий не давали объективной картины реального положения с БП на флоте и создавали иллюзию сравнительного благополучия в этой области.

Определенный шанс исправить создавшееся положение был предоставлен Краснознаменному Балтийскому флоту (как и всему Военно-Морскому Флоту в целом) после окончания войны с Финляндией зимой 1939-1940 годов. Советско-финляндская война вскрыла значительные недостатки в системе управления и боевой подготовки Военно-Морского Флота. Чтобы извлечь необходимый опыт из прошедших военных действий, сразу же по окончании войны было проведено расширенное совещание командно-начальствующего состава КБФ. На мартовском совещании 1940 г. в Ленинграде командиры получили редкую возможность высказать свои соображения о причинах наших неудач в советско-финляндской войне. Выступления участников совещания носили, как правило, откровенный и критический характер и содержали в себе немало ценных предложений относительно улучшения общей ситуации на флоте. Народный комиссар ВМФ призывал как можно скорее внедрять боевой опыт в повседневную практику флотов и с этой целью провёл целую серию заседаний Главного военного совета ВМФ, где рассматривались различные аспекты боевого применения флотов в войне с Финляндией. По итогам совещаний были

сделаны в целом правильные выводы об изменении плана боевой подготовки Военно-Морского Флота в мирное время и разработке новых уставов и наставлений о деятельности флота.

Краснознаменный Балтийский флот в 1940-м году оказался в крайне сложном положении. С одной стороны, перед командованием КБФ стояла задача как можно быстрее учесть уроки советско-финляндской войны и использовать их в процессе боевой подготовки. Но с другой стороны, Балтийский флот летом 1940 г. оказался в сложной ситуации, когда ему пришлось спешно осваивать полученные новые территории в Прибалтике и усиленно заниматься там оборонительным строительством. Командованию КБФ неизбежно приходилось уделять большое внимание вопросам обустройства в новых базах, явно в ущерб боевой подготовке флота. В силу этого обстоятельства, боевая подготовка на флоте оказалась запущенной, что привело к неудовлетворительным результатам к концу 1940-го года. В итоге, когда в декабре 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов стал подводить итоги боевой подготовки флотов за год, выяснилось, что на КБФ имеются очень большие недостатки в боевой подготовке соединений флота.

В первой половине 1941 г. большинство учебно-практических мероприятий на КБФ имели невысокие результаты, что свидетельствовало о неблагоприятном положении с подготовкой личного состава. Резкое сворачивание БП на Балтийском флоте к лету 1941-го года привело к тому, что наиболее важные флотские учения так и не удалось провести и личный состав не получил необходимой практики. Таким образом, полностью учесть опыт военных действий с Финляндией, и применить их на практике накануне Великой Отечественной войны у КБФ не получилось, и боевая подготовка страдала большими недостатками.

7) Оперативное планирование, осуществляемое командованием ВМФ и КБФ в период с 1935 по 1941 годы, определялось внешнеполитическими целями советского руководства и боевыми задачами командования Красной Армии, не разбиравшегося в морской специфике, что негативно сказывалось на выполнимости боевых задач флота.

Большим недостатком в процессе подготовки КБФ к грядущей войне был довольно формализованный процесс оперативного планирования. К сожалению, порядок оперативного планирования ВМФ в предвоенный период был построен таким образом, что кардинально изменить что-либо в нем было невозможно. Первоначально руководство Наркомата обороны СССР и Генерального штаба РККА, а впоследствии – Наркомата ВМФ и Главного морского штаба выдавали командованию КБФ задание на разработку плана боевых действий, где уже были определены вероятные противники и боевые задачи флота. Далее командование Балтийского флота лишь занималось лишь детализацией плана и оформлением всех

необходимых оперативных документов. В итоге, командованию КБФ приходилось воевать по совершенно надуманному сценарию войны, который изначально носил слишком благоприятный для советской стороны характер. Кроме того, Балтийский флот оказывался перегруженным большим количеством боевых задач, над реальностью выполнения которых никто из командования ВМФ и КБФ всерьез не задумывался. В результате, план боевых действий флота превращался в такой документ, который устраивал бы высшее военное руководство армии и флота.

Подобная односторонность планирования впоследствии дорого обошлось не только РККА, но и самому Балтийскому флоту. В итоге, оперативный план КБФ накануне Великой Отечественной войны носил весьма односторонний характер, будучи ориентированным лишь на благоприятную для Советского Союза оперативно-стратегическую обстановку в начале войны. Предполагалось, что при любом развитии ситуации на сухопутном фронте ничто не будет угрожать стабильному положению приморских флангов РККА. Соответственно, и Военно-Морской Флот исходил из таких же оптимистических предпосылок. Это было характерной чертой всего предвоенного советского военного планирования.

На наш взгляд, в сложившейся ситуации оперативный план КБФ следовало больше ориентировать на выполнение оборонительных задач, делая особый упор на сухопутной обороне военно-морских баз. Но именно с организацией сухопутной обороны военно-морских баз накануне войны возникла большая проблема, объяснявшаяся позицией руководства Наркомата обороны СССР и Генерального штаба РККА. Поэтому вопрос о обороне баз в случае войны оказался нерешенным из-за нежелания армейского командования заниматься флотскими вопросами и излишне оптимистического взгляда на начальный этап войны.

Но командованию флотом, естественно, не хотелось ограничиваться лишь оборонительными задачами (тем более что руководство Наркомата ВМФ имело свои амбиции). В результате, в плане были широко представлены активные операции. Однако, приходится констатировать, что в условиях реальных боевых действий на Балтике летом и осенью 1941-го года КБФ оказался не силах завоевать и удержать господство в Финском заливе. Более того, Балтийский флот не смог надежно прикрыть свою основную коммуникацию Таллин–Кронштадт, чем и объяснялись успешные минные постановки немцев и финнов в устье Финского залива накануне и в начале войны, что привело к большим потерям во время печально известного «Таллинского перехода».

Подводя итоги рассмотрению оперативных планов КБФ, следует заметить, что командованию ВМФ довольно трудно было предугадать реальный ход событий начала

войны. Тем более, нельзя было предвидеть всех масштабов той катастрофы, которая постигла Вооруженные Силы СССР в начале Великой Отечественной войны. Вряд ли кто-либо из высшего командования ВМФ в мирное время мог всерьез подумать о том, что линия фронта приблизится к Ленинграду, а Балтийский флот будет находиться на грани уничтожения. К сожалению, общая направленность планов армейского командования в 1940-1941 годах носила наступательный характер и способствовала формированию такой же стратегии и у Военно-Морского Флота. И всё же, высшим командованием ВМФ и КБФ накануне Великой Отечественной войны был допущен определенный просчет в составлении плана будущей войны, в силу чего не удалось предусмотреть даже примерный характер действий флота в реальной боевой обстановке. А это в свою очередь привело к неудачному для Балтийского флота развитию событий на Батике летом – осенью 1941-го года.

8) Боевое применение КБФ в предвоенный период оказалось чрезвычайно важным и полезным для КБФ с точки зрения своевременного извлечения уроков для последующего практического применения в области боевой подготовки флота, усовершенствования тактики и вооружения ВМФ.

В период с сентября 1939 года по июнь 1940 года Краснознаменный Балтийский флот являлся важным фактором в деле укрепления обороноспособности северо-западных рубежей Советского Союза. Причем, высшее партийное и военное руководство широко использовало КБФ в качестве удобного инструмента для достижения своих политических целей, причем весьма успешно. Например, действия Балтийского флота в сентябре 1939-го и в июне 1940-го годов помогли быстро решить проблему политического подчинения, а затем и прямого присоединения республик Прибалтики к Советскому Союзу. В ходе этих внешнеполитических акций Краснознаменный Балтийский флот не применял оружия, но проводил операции по поиску подлодок, перевозке десанта и блокаде неприятельского побережья.

В случае с Финляндией ситуация оказалась совершенно иной и здесь Советскому ВМФ пришлось применить военную силу. В целом, война на море с Финляндией зимой 1939-1940 годов дала Советскому ВМФ в преддверии большой войны весьма ценный боевой опыт, который до этого отсутствовал. И хотя опыт боевых действий носил ограниченный и немного односторонний характер (каких-либо боевых столкновений с финским ВМФ не было), недооценивать его было ни в коем случае нельзя. Во-первых, война показала важность отработки в мирное время артиллерийских стрельб кораблей по береговым целям. Во-вторых, подводные лодки получили опыт блокадных действий против судоходства неприятеля. В-третьих, была продемонстрирована эффективность действий морской пехоты в прибрежных районах. В-четвертых, морская авиация получила практику

бомбардировочных действий по портам и судам противника в море, а также впервые осуществила минные постановки с воздуха. В процессе боевых действий обнаружилось немало серьезных недостатков в боевом управлении, организации разведки, боевой подготовке личного состава КБФ, на необходимость устранения которых обратило внимание руководство Наркомата ВМФ и Главного морского штаба ВМФ.

Опыт войны с Финляндией оказался весьма полезным для дальнейшего развития Советского ВМФ в предвоенный период. Выводы, сделанные из уроков этой войны, во-первых, были учтены в плане улучшения боевой подготовки флотов, во-вторых, в области усовершенствования вооружения и технического оснащения ВМФ, и, в-третьих, в области военно-теоретического творчества. По итогам войны было разработано и внедрено в повседневную деятельность Военно-Морского Флота несколько важных наставлений, которые помогли повысить боеспособность отечественного флота в преддверии начала Великой Отечественной войны. В то же время, далеко не всё полезное удалось внедрить в практику деятельности флотов в силу нехватки времени.

Можно сделать следующие *общие выводы* по итогам развития Краснознаменного Балтийского флота с середины 1930-х годов по июнь 1941 года. В указанный период в Советском Союзе было начато строительство большого, океанского Военно-Морского Флота. Руководством страны были предприняты огромные усилия к тому, чтобы перейти от малого, прибрежного флота к большому флоту. Но на пути решения данной проблемы возникло немало сложностей, связанных с отсутствием необходимого опыта и с форсированными темпами строительства флота.

Советская судостроительная промышленность и научно-исследовательские институты в своей работе были поставлены в такие условия, когда им приходилось исходить из волевых, категорических указаний высшего политического и военного руководства по созданию сильного ВМФ в необычайно сжатые сроки. На этом пути, естественно, возникало много конструкторских и производственных сложностей, которые теми не менее успешно решались и Военно-Морской Флот получал новые корабли. Определенные сложности имелись с разработкой образцов вооружения для отечественного ВМФ, что объяснялось изначальным техническим отставанием Советского Союза от ведущих индустриальных держав мира.

Огромные средства были вложены перед войной в развитие системы базирования и береговой обороны КБФ, что стало непосредственным результатом активной внешнеполитической деятельности Советского Союза в 1939-1940 годах. Советское военное руководство очень торопилось с освоением новых территорий и капитальным строительством в новых военно-морских базах. Ни в коей мере не оспаривая правильность

общей направленности данной политики руководства Морских Сил РККА и Наркомата ВМФ, стоит указать на чрезмерную поспешность, проявленную с размещением соединений, частей и организаций КБФ в прибалтийских базах, не имевших полноценной сухопутной обороны.

Командному составу Балтийского флота часто не хватало опыта и знаний для занятия своих должностей, что во многом объяснялось общим социальным и образовательным уровнем в СССР в предвоенный период. Кардинально изменить что-либо в подготовке будущих командиров флота было трудно и почти невозможно в тех условиях, поэтому командованию ВМФ и КБФ приходилось довольствоваться тем человеческим ресурсом, который имелся в стране.

При разработке планов боевых действий на Балтике, командование КБФ было вынуждено исходить из жестких политических установок, сформулированных высшим руководством СССР в меру их понимания внешнеполитической ситуации в Европе. Военное руководство должно было обеспечивать выполнение этих политических устремлений, и оно не могло кардинально изменить сам процесс. Соответственно, руководство КБФ воспроизводило в своих планах военных действий все требования командования ВМФ, зачастую усложняя их дополнительными задачами. Крупным недостатком советского военно-морского планирования была четко выраженная односторонность, выражавшаяся в игнорировании инициативы и возможностей противника. В итоге, это делало оперативные планы достаточно формализованными документами.

Таким образом, особенности развития КБФ в предвоенный период во многом определялись общим социальным и экономическим уровнем развития страны, на который накладывались задачи, сформулированные высшим руководством СССР на основе их видения внешнеполитической ситуации. Советский Военно-Морской Флот в данный период претерпел серьезные качественные изменения и одновременно играл роль активного проводника внешней политики СССР. Причем, процесс развития ВМФ в целом и КБФ в частности, вероятно, был единственно возможным и необходимым в конкретных исторических условиях, и речь могла идти лишь о деталях развития, но не об общем курсе. Конечно, помимо объективных факторов развития флота существовали и субъективные (например, политические репрессии), которые в ряде случаев оказывали определенное влияние на этот процесс, но ни в коем случае не определяли его. Впрочем, любое государство, осуществлявшее подобный курс на строительство мощного ВМФ не смогло бы избежать отдельных негативных тенденций.

Рекомендации:

1) Отмечая несомненные достижения отечественной историографии в исследовании рассматриваемой темы, нельзя, тем не менее, на сегодняшний день признать её всесторонне изученной.

2) Следует сосредоточить исследовательское внимание на наиболее актуальных и перспективных направлениях дальнейшего изучения рассматриваемой темы. Констатируя необходимость серьезной разработки по широкому спектру её проблем, автор подчеркивает важность изучения, прежде всего, следующих вопросов:

А) приведение в систему понятийно-категориального аппарата;

Б) повторные исследования ряда уже изученных тем (их «новое прочтение») с позиций новых теоретико-методологических подходов современной российской исторической науки и с учетом новых источников.

В качестве *практических рекомендаций*, возможно осуществление следующих мероприятий:

1) Создание фундаментального комплексного труда по теме истории развития Краснознаменного Балтийского флота в межвоенный период (1921-1941 гг.);

2) Федеральному архивному агентству (Росархиву) и федеральным архивам, а также архивным учреждениям Министерства обороны РФ продолжить работу по дальнейшему рассекречиванию архивных документов по истории Советского ВМФ, относящихся к периоду 1930-х – 1940-х годов, и снятию ограничений для работы исследователей;

3) Представляется важной публикация новых документов из государственных и ведомственных архивов, где были бы отражены вопросы принятия высшим руководством РККА и ВМФ в период середины 1930-х – 1941 гг. решений по развитию отечественного Военно-Морского Флота; применение Краснознаменного Балтийского флота в событиях в Прибалтике и советско-финляндской войне 1939-1940 годов; деятельность разведывательных органов КБФ в 1930-е годы. Наиболее приемлемая форма – тематический сборник документов.

Следует сделать предметом самостоятельных научных исследований на уровне кандидатских диссертаций следующие темы:

1) Влияние трудов по военно-морскому искусству на процесс разработки планов боевых действий Советского ВМФ в предвоенный период;

2) Отставание советской науки и промышленности в области создания вооружения для отечественного ВМФ в 1930-х – начале 1941 гг.: причины и последствия;

3) Анализ качественного состояния командно-начальствующего состава ВМФ и КБФ во второй половине 1930-х годов;

- 4) Влияние массовых политических репрессий конца 1930-х годов на состояние командного состава КБФ в предвоенный период и оценка реального ущерба;
- 5) Деятельность Разведывательного отдела Краснознаменного Балтийского флота в 1930-х – 1941 годах;
- 6) Состояние воинской дисциплины на КБФ в 1930-е – начале 1941 годов;
- 7) Аварийность и катастрофы на КБФ в 1930-х – начале 1941гг.: причины и уроки.

Сокращения

АБ – авиационная бригада
АД – артиллерийский дивизион
АНИМИ – Артиллерийский научно-исследовательский морской институт
АЭ – авиационная эскадрилья
ББО – броненосец береговой обороны
БВМБ – Балтийская военно-морская база
БКА – бронекатер
БММ – Бригада миноносцев
БО – Береговая оборона
БОБР – Береговая оборона Балтийского района
БОУ – большое отрядное учение
БП – боевая подготовка
БПЛ – Бригада подводных лодок
БТК – Бригада торпедных катеров
БТЩ – быстроходный тральщик
БУ – боевое управление
БУМС – Боевой устав Морских Сил
БУС – Большие учебные сборы
ВВС – Военно-воздушные силы
ВМБ – военно-морская база
ВМФ – Военно-Морской Флот
ВВМУ – высшее военно-морское училище
ВНОС – воздушное наблюдение, оповещение и связь
ВС – Военный совет
ВСК – Высшие специальные курсы
ГБ – Главная база
ГВП – Главный военный порт
ГВС – Главный военный совет
ГМШ – Главный морской штаб
ГОР – Главный оборонительный рубеж
ГШ – Генеральный штаб
ДКЛ – Дивизион канонерских лодок
ДММ – Дивизион миноносцев

ДПЛ – Дивизион подводных лодок
ДСКР – Дивизион сторожевых кораблей
ДТК – Дивизион торпедных катеров
ЗУР – Западный укрепленный район
ИУР – Ижорский укрепленный район
КБФ – Краснознаменный Балтийский флот
КЛ – канонерская лодка
КНС – командно-начальствующий состав
КО – Комитет обороны
КП – командный пункт
КПЛ – Курс боевой подготовки подводных лодок
КР – крейсер
КУР – Кронштадтский укрепленный район
ЛВО – Ленинградский военный округ
ЛД – лидер (эскадренных миноносцев)
ЛК – линейный корабль, линкор
МАП – минно-артиллерийская позиция
МБ – маневренная база
МБРАЭ – морская ближнеразведывательная авиаэскадрилья
МЗ – минное заграждение, минный заградитель
МОУ – малое отрядное учение
МП – минное поле
МС – Морские Силы
МСБМ – Морские силы Балтийского моря
НИМТИ – Научно-исследовательский минно-торпедный институт
НК – народный комиссариат, наркомат
НКВМФ – Наркомат Военно-Морского Флота
НКМФ – Наркомат морского Флота
НКО – Наркомат обороны
НКРФ – Наркомат речного флота
ОВР – Охрана водного района
ОЗАД – отдельный зенитный артиллерийский дивизион
ОЛС – Отряд легких сил
ООН – Отряд особого назначения
ОССБ – Отдельная специальная стрелковая бригада

ОУР – Островной укрепленный район
ПВО – противовоздушная оборона
ПЛ – подводная лодка
ПЛО – противолодочная оборона
ПТО – противоторпедная оборона
РВС – Революционный военный совет
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РККФ – Рабоче-Крестьянский Красный Флот
РКВМФ – Рабоче-Крестьянский Военно-Морской Флот
РО – Разведывательный отдел
РТС – радиотелеграфная станция
СВФ – Северная военная флотилия
СЗФ – Северо-Западный фронт
СКА – сторожевой катер
СКР – сторожевой корабль
СНиС – Служба наблюдения и связи
СНК – Совет народных комиссаров
СТО – Совет труда и обороны
СУР – Северный укрепленный район
СФ – Северный флот
ТВД – театр военных действий
ТК – торпедный катер
ТОФ – Тихоокеанский флот
ТР – транспорт
ТУ – тактическое учение
ТЩ – тральщик
УВМУЗ – Управление военно-морских учебных заведений
УК – учебный корабль
УО – Учебный отряд
УР – укрепленный район
ФКП – флагманский командный пункт
ЧФ – Черноморский флот
ШШС – штабная шифровальная служба
ЭМ – эскадренный миноносец
ЮУР – Южный укрепленный район

Источники и литература

Архивы

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ)

1. Фонд Р-1483 (Управление Морских Сил РККА). Оп. 1. Д. 102, 283, 293, 309, 310, 313, 317, 318, 330, 341.
Оп. 3. Д. 183, 187, 205, 211, 212, 213, 239, 240, 261, 331.
2. Фонд Р-1678 (Народный комиссариат Военно-Морского Флота СССР). Оп. 1. Д. 2, 4, 5, 44, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 94, 96, 114, 115, 116, 117, 118, 126, 127, 130, 131, 133, 134, 135, 142, 158, 161, 164, 167, 168, 170, 171, 172, 177, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 190, 203, 219, 221, 231.
Оп. 4. Д. 22, 23.
3. Фонд Р-1877 (Главный морской штаб ВМФ). Оп. 1. Д. 4, 14, 31, 35, 76, 77, 80, 84, 91, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 131, 144, 146, 147, 149, 150, 154, 155, 156, 164, 165, 166, 167, 171, 172, 173, 180, 235, 238, 239, 252, 253, 254, 303, 330, 337, 365, 369, 420, 421, 423, 431, 434, 435, 436, 437, 456, 457, 458, 549, 550, 551, 568, 607, 614, 615.
4. Фонд Р-2041 (Морской отдел Генерального штаба РККА). Оп. 1. Д. 52, 55, 56, 72, 73, 76, 77, 96, 97, 101, 102, 127, 129.
5. Фонд Р-1529 (Исторический отдел Главного морского штаба ВМФ). Оп. 1. Д. 16, 20, 48, 63, 64, 65, 75, 76, 78, 80, 82, 83.
Оп. 2. Д. 607, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 616, 619, 620, 621, 629, 641, 642, 643.
6. Фонд Р-2045 (Разведывательное управление ВМФ). Оп. 1. Д. 17.
7. Фонд Р-61 (Управление авиации ВМФ). Оп. 4. Д. 409, 410, 411, 413.
8. Фонд Р-441 (Управление кораблестроения ВМФ). Оп. 14. Д. 56, 63, 70, 71, 95, 113, 117, 153.
9. Фонд Р-360 (Техническое управление Военно-Морских Сил РККА). Оп. 2. Д. 42, 109, 143.
10. Фонд Р-961 (Управление боевой подготовки ВМФ). Оп. 1. Д. 346.
11. Фонд Р-1549 (Политическое управление ВМФ). Оп. 1. Д. 13, 234.
12. Фонд Р-840 (Артиллерийский отдел РККФ). Оп. 1. Д. 1639.
13. Фонд Р-920 (Инженерное управление ВМФ). Оп. 1. Д. 94, 95.
14. Фонд Р-307 (Командование КБФ). Оп. 4. Д. 24. Оп. 6. Д. 21, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31.
15. Фонд Р-34 (Политическое управление КБФ). Оп. 6. Д. 663, 714, 733, 906, 928.
16. Фонд Р-62 (Управление Военно-воздушных сил КБФ). Оп. 2. Д. 85, 86, 87, 96, 124, 150, 160, 161.

17. Фонд Р-1883 (Разведывательный отдел КБФ). Оп. 1. Д. 4, 5, 9, 71.
18. Фонд Р-92 (Штаб КБФ). Оп. 1 (Оперативный отдел). Д. 1005, 1012.
Оп. 2 (Оперативный отдел). Д. 181, 241, 259, 260, 290, 297, 316, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 348, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 360, 399, 402, 411, 431, 432, 433, 436, 448, 450, 451, 452, 453, 457, 461, 464, 477, 485, 486, 487, 488, 491, 492, 493, 494, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 505, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 528, 530, 534, 537, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 553, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 578, 579, 580, 582, 583, 585, 588, 589, 592, 594, 596, 599, 601, 602, 603, 604, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 660, 661, 662, 664, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 681, 682, 710, 711, 714, 719, 722, 754, 755, 756, 772, 774, 776. Оп. 4. Д. 19, 995, 1075.
Оп. 5 (Отдел боевой подготовки). Д. 31, 32, 33, 35, 36, 37, 41, 42, 43, 45, 57, 64, 65, 67, 72, 76, 84, 87, 88.
Оп. 7 (Организационно-мобилизационный отдел). Д. 230, 231, 233, 248, 256, 261, 263, 268, 278, 297, 358, 362, 381, 384, 387, 414.
Оп. 22 (Отдел по личному составу). Д. 419, 420.
Оп. 23 (Отдел по личному составу). Д. 24, 31, 33, 38, 47, 65, 71, 84, 95.
Оп. 24 (Отдел по личному составу). Д. 494.
19. Фонд Р-852 (Соединения линейных кораблей КБФ). Оп. 4. Д. 24, 51, 52, 73, 74.
20. Фонд Р-1135 (Эскадра КБФ). Оп. 1. Д. 1, 3, 4, 6, 7, 11. Оп. 4. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12.
21. Фонд Р-103 (Соединения эскадренных миноносцев КБФ). Оп. 2. Д. 478, 505.
22. Фонд Р-929 (Отряд лёгких сил КБФ). Оп. 2. Д. 2, 7, 8, 9, 10, 15, 17.
23. Фонд Р-1600 (Охрана водного района КБФ). Оп. 1. Д. 4, 6, 7, 8, 21, 24. Оп. 2. Д. 7, 9, 10, 11, 14, 15, 16, 18, 22. Оп. 3. Д. 36, 44, 47, 72, 76, 79, 81.
24. Фонд Р-1960 (Бригада торпедных катеров КБФ). Оп. 5. Д. 153, 155, 160.
25. Фонд Р-1890 (Дивизион канонерских лодок КБФ). Оп. 1. Д. 1, 2, 3.
26. Фонд Р-2072 (Шхерный отряд КБФ). Оп. 1. Д. 1.
27. Фонд Р-1895 (1-й дивизион сторожевых кораблей ОВР КБФ). Оп. 1. Д. 4.
28. Фонд Р-1911 (1-й дивизион тральщиков ОВР КБФ). Оп. 1. Д. 1, 2, 4, 7. Оп. 2. Д. 13.
29. Фонд Р-2163 (Охрана Балтийского водного района КБФ). Оп. 1. Д. 3.
30. Фонд Р-107 (Подводные силы КБФ). Оп. 2. Д. 23, 24, 59, 60, 61, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 89, 90, 92, 94, 95, 96, 97, 120, 122, 125, 126, 135, 152. Оп. 3. Д. 78, 79.
31. Фонд Р-224 (Линейный корабль «Октябрьская Революция»). Оп. 3. Д. 203, 204, 205.
32. Фонд Р-266 (Линейный корабль «Марат»). Оп. 2. Д. 60. Оп. 5. Д. 4.
33. Фонд Р-1507 (Крейсер «Киров»). Оп. 1. Д. 21.

34. Фонд Р-1610 (Лидер «Минск»). Оп. 1. Д. 1, 5.
35. Фонд Р-1913 (Эсминец «Гордый»). Оп. 1. Д. 1.
36. Фонд Р-1916 (Эсминец «Стерегущий»). Оп. 1. Д. 1, 2.
37. Фонд Р-229 (Эсминец «Энгельс»). Оп. 1. Д. 56.
38. Фонд Р-233 (Эсминец «Артём»). Оп. 2. Д. 47.
39. Фонд Р-268 (Эсминец «Володарский»). Оп. 2. Д. 76, 77.
40. Фонд Р-605 (Эсминец «Ленин»). Оп. 1. Д. 71, 72.
41. Фонд Р-654 (Эсминец «Карл Маркс»). Оп. 2. Д. 63.
42. Фонд Р-1603 (61-я авиационная бригада ВВС КБФ). Оп. 1. Д. 1, 6, 8, 9, 12, 18, 26, 49.
43. Фонд Р-1594 (10-я авиационная бригада ВВС КБФ). Оп. 1. Д. 34. Оп. 4. Д. 2, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 23.
44. Фонд Р-909 (8-я авиационная дивизия ВВС КБФ). Оп. 3. Д. 1, 2, 4, 10, 14, 17, 21.
45. Фонд Р-1909 (41-я отдельная авиационная эскадрилья ВВС КБФ). Оп. 1. Д. 6, 7, 9, 14.
46. Фонд Р-1910 (43-я отдельная авиационная эскадрилья ВВС КБФ). Оп. 1. Д. 2.
47. Фонд Р-1884 (Штаб зимней обороны КБФ). Оп. 1. Д. 1, 2, 7, 8, 9, 10, 14, 29, 30.
48. Фонд Р-1893 (1-я особая бригада морской пехоты КБФ). Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 9. Оп. 5. Д. 1, 2, 3. Оп. 6. Д. 1, 2.
49. Фонд Р-1598 (Северный укрепленный район КБФ). Оп. 3. Д. 80, 82, 246.
50. Фонд Р-1887 (Балтийская военно-морская база КБФ). Оп. 1. Д. 1, 5. Оп. 4. Д. 2, 3, 5, 10, 11, 12, 27.
51. Фонд Р-1888 (Либавская военно-морская база КБФ). Оп. 1. Д. 1, 2, 3.
52. Фонд Р-1570 (Военная прокуратура КБФ). Оп. 7. Д. 709, 719, 3476, 3498.
53. Фонд Р-952 (Ладожская военная флотилия). Оп. 1. Д. 1, 6, 7, 8, 9, 10, 25, 32. Оп. 2. Д. 6.
54. Фонд Р-172 (Вахтенные и навигационные журналы судов Советского ВМФ). Оп. 1. Д. 992.

Центральный военно-морской архив Министерства обороны РФ (ЦВМА)

55. Фонд 2 (Главный штаб ВМФ). Д. 37093.
56. Фонд 161. Оп. 1 (Военный совет КБФ). Д. 1, 2.
Оп. 2 (Группа контроля КБФ). Д. 1.
Оп. 6 (Штаб КБФ). Д. 1, 2, 3, 5, 12, 22, 30, 41, 42, 43, 45, 50, 51, 52, 55, 56, 66, 67, 71, 81, 140, 146, 147, 156, 157, 162, 166, 167, 168, 169, 170, 677.
Оп. 8. Д. 1.

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб)

57. Фонд 24 (Ленинградский обком КПСС). Оп. 2б (Особый сектор, Особая папка). Д. 651, 652, 715, 719, 722, 817.

Оп. 2в (Особый сектор, II часть). Д. 1207, 1213, 1421, 2515, 2721, 2726, 2727, 3227, 3228, 3297, 3594, 3882.

Centralne Archiwum Wojskowe (CAW – Центральный военный архив Польши)

58. Oddzial II Sztabu Głownego (2-й отдел Главного штаба).

Sygn. I.303.4.2046, I.303.4.2047, I.303.4.2048, I.303.4.1935.

Eesti Riigiarhiiv (ERA – Эстонский государственный архив)

59. Fond 988 (Совет государственной обороны). Spisok 1. Delo 2.

60. Fond 495 (Главный Штаб Вооруженных сил Эстонии). Spisok 12. Delo 436.

61. Fond 539 (1-й пехотный полк). Spisok 1. Delo 900.

62. Fond 527 (Штаб Морских сил Эстонии). Spisok 1. Delo 1591.

Документальные публикации

1. Аварийность в Советском флоте в 1938–1940 гг. Публикация П. В. Петрова // Тайфун. 2006. № 49. С. 28-30; 2007. № 50. С. 38-40.
2. Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации 1939-1941. Сост. Л. Ф. Соцков. М.: ИД РИПОЛ классик, 2011. – 576 с.
3. Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сборник документов и материалов. Сост. Р. В. Кузнецова, А. А. Киличенков, Л. А. Неретина. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2000. – 544 с.
4. «Антисоветская троцкистская военная организация» в Красной Армии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 42-79.
5. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. Отв. сост. А. С. Князьков. М.: РОССПЭН, 2007. – 511 с.
6. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. Отв. сост. Р. В. Мазуркевич. М.: РОССПЭН, 2008. – 568 с.
7. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. Отв. сост. А. С. Князьков. М.: РОССПЭН, 2009. – 480 с.

8. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1-4 июня 1937 г.: Документы и материалы. Отв. сост. Н. С. Гархова. М.: РОССПЭН, 2008. – 624 с.
9. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. Отв. сост. А. С. Князьков. М.: РОССПЭН, 2006. – 336 с.
10. Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы. В 2-х тт. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. – 555 с. Т. 2. 2 июня – 4 сентября 1939 г. – 431 с.
11. *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933-1945. Исторические очерки, документы и материалы. В 4 тт. Т. 3. М.: Наука, 2005. – 607 с.
12. Документы внешней политики. 1940-22 июня 1941. Т. XXIII: В 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М.: Международные отношения, 1995. – 752 с. Кн. 2. Ч. 1-2. 1 ноября 1940 г. – 22 июня 1941 г. М., Международные отношения, 1998. – 888 с.
13. *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М.: Советская Россия, 1992. – 384 с.
14. Зимняя война 1939-1940 гг. в документах НКВД. По материалам Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб.: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2010. 320 с.
15. Из истории Великой Отечественной войны: Накануне войны: Из постановлений высших партийных и государственных органов (май 1940 г. – 21 июня 1941 г.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 180-217.
16. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963: Документы и материалы. Т. 2: Советское военно-промышленное производство (1918-1926): Сборник документов. М.: Новый хронограф, 2005. – 766 с.
17. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963: Документы и материалы. Т. 3: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1937). Часть 1 (1927-1932). М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. 912 с. Часть. 2 (1933-1937). М.: ТЕРРА, 2011. 944 с.
18. *Мусин М., Рупасов А.* Виипури (Выборг). 1940 год. Документы. Выборг: б/и, 2009. – 206 с.
19. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924-1953 гг.). Справочник. Науч. ред. А. А. Чернобаев. М.: Новый хронограф, 2008. – 784 с.
20. На чаше весов: Эстония и Советский Союз, 1940 год и его последствия. Сост. П. Варес, О. Журьяри. Таллинн: Евроуниверситет, 1999. – 469 с.
21. Оглашению подлежит: СССР – Германия 1939-1941: Документы и материалы. Сост. Ю. Фельштинский. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2004. – 400 с.

22. От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. Сост. К. Арьякас и др. Пер. с эст. Таллинн: Периодика, 1990. – 213 с.
23. Петров П. В. Балтика, ноябрь 1939-го: Материалы боевого планирования Краснознамённого Балтийского флота // Русское прошлое. - 1999. - № 8. - С. 228-263.
24. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог. Т. II. 1930-1939. М.: РОССПЭН, 2001. – 1197 с. Т. III. 1940-1952. М.: РОССПЭН, 2001. – 1013 с.
25. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923-1939. М.: РОССПЭН, 2001. – 400 с.
26. Полпреды сообщают: Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г. – Август 1940 г. Под ред. В. Г. Комплектова. М.: Международные отношения, 1990. – 540 с.
27. Прибалтика и геополитика. 1935-1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. Сост. Л. Ф. Соцков. М.: ИД РИПОЛ классик, 2010. – 464 с.
28. Приказы народного комиссара Военно-Морского Флота СССР за 1938, 1939 и 1940 годы. Коллекция печатных приказов научно-справочной библиотеки РГА ВМФ.
29. Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12 (1-2). М.: ТЕРРА, 1997. – 552 с.
30. Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. Сост. П. Н. Кнышевский, О. Ю. Васильева, В. В. Высоцкий, С. А. Соломатин. М.: Русская книга, 1992. – 380 с.
31. СССР – Германия 1939-1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Сост. Ю. Фельштинский. Кн. 1-2. Вильнюс: Mokslas, 1989. – 128, 192 с.
32. Тайны и уроки зимней войны 1939-1940. По документам рассекреченных архивов. Сост. Н. Л. Волковский. СПб.: Полигон, 2000. – 542 с.
33. Танки против линкоров: Фрагменты стенограммы совещания Реввоенсовета СССР с командующими войсками Московского, Белорусского и Украинского военных округов и начальниками Морских сил Балтийского и Черного морей от 8 мая 1928 г. Публикация П. А. Аптекаря // Родина. 1996. № 7-8. С. 84-90.
34. 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. Сост. А. Кеерна и др. Таллинн: Olion, 1989. – 175 с.
35. 1941 год: В 2-х кн. Сост. Л. Е. Решин и др. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. – 832 с.
36. 1941 год: Страна в огне. Историко-документальное издание. В 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 720 с.

Воспоминания, дневники

1. Балтийский щит Ленинграда. Сборник воспоминаний. Сост. П.В. Петров. СПб.: ОСТРОВ, 2005. – 160 с.
2. Белли В. А. В советском Военно-Морском Флоте. Воспоминания. СПб.: Гиперион, 2013. – 262 с.
3. Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. – 488 с.
4. Египко Н. П. Мои меридианы. СПб.: Тема, 2000. – 99 с.
5. Кабанов С. И. На дальних подступах. М.: Воениздат, 1971. – 304 с.
6. Кузнецов Н. Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. М.: Молодая гвардия, 1995. – 256 с.
7. Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. М.: Воениздат, 1991. – 732 с.
8. Курников Л. А. Подводники Балтики. СПб.: Роза ветров, 2012. – 644 с.
9. Маннергейм К. Г. Мемуары. Пер. с фин. М.: Вагриус, 1999. – 510 с.
10. Оборона Ленинграда, 1941-1944. Воспоминания и дневники участников. Л.: Наука, 1968. – 790 с.
11. Пантелеев Ю. А. Полвека на флоте. М.: Воениздат, 1974. – 319 с.
12. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939-1940. Пер. с англ. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 349 с.
13. Трибуц В. Ф. Подводники Балтики атакуют. Л.: Лениздат, 1963. – 335 с.
14. Трибуц В. Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1972. – 384 с.

Справочная литература

1. Апальков Ю. В. Боевые корабли русского флота (08.1914 г.-10.1917 г.). СПб.: ИНТЭК, 1996. – 224 с.
2. Бережной С. С. Корабли и суда ВМФ СССР 1928-1945. Справочник. М.: Воениздат, 1988. – 710 с.
3. Бережной С. С. Крейсера и миноносцы: Справочник. М.: Воениздат, 2002. – 472 с.
4. Бережной С. С. Линейные и броненосные корабли. Канонерские лодки: Справочник. М.: Воениздат, 1997. – 312 с.
5. Бережной С. С. Подводные лодки. Ч. 2 (I-IX-бис серии). Харьков, АТФ, 1997. – 44 с.
6. Боевой устав Военно-морских сил РККА [БУ-30]. М.-Л.: Государственное издательство, 1930. – 176 с.

7. *Валявский*. Сборы. Под ред. контр-адмирала доцента В.К. Васильева. Л.: Военно-Морская академия им. Ворошилова, 1941. – 15 с.
8. Временное наставление по ведению морских операций [НМО-40]. М.-Л.: Государственное Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1940.
9. Временный боевой устав Военно-морских сил РККА [БУМС-37]. М.-Л.: Государственное Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1937. – 180 с.
10. *Гайдук А. А., Лапшин Р. В.* Военно-морские силы Прибалтийских государств 1918-1940 гг. Справочник. СПб.: Галей Принт, 2009. – 176 с.
11. *Гусев А. Н.* Подводные минные заградители. СПб.: ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова, 2002. – 228 с.
12. *Гусев А. Н.* Советские подводные лодки 1922-1945 гг.: Справочник. Т. 1-2. СПб.: Галей Принт, 2004.
13. *Дашьян А. В.* Корабли Второй мировой войны. ВМС Польши и стран Скандинавии (Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии) // Морская коллекция. 2005. № 3(72). М.: Моделист-конструктор, 2005. – 32 с.
14. Книга памяти моряков-подводников Военно-Морского Флота России, погибших в XX веке. Часть 1. 1904-1940. Сост.: Гавриленко Г.И., Дмитриев Ф.А., Каутский И.А., Клубков Ю.М. СПб.: ИПК «ВЕСТИ», 2006. – 221 с.
15. Книга памяти российских и советских подводников, погибших в 1904-2011 гг. Сост.: Чернавин Л. Д., Каутский И. А., Косенков В. К., Сватиков А. А. СПб.: Лема, 2011. – 387 с.
16. Корабли и вспомогательные суда Советского военно-морского флота (1917-1927 гг.). (Справочник). Сост. С. С. Бережной, Т. Д. Лысикова, В. С. Гигаури и др. М.: Воениздат, 1981. – 589 с.
17. *Кучер В. А., Мануйлов Ю. В., Семенов В. П.* Русские подводные лодки. История создания и использования 1834-1923 гг. Научно-исторический справочник. Том 1, часть 2. СПб.: ЦКБ МТ «Рубин», 1-й ЦНИИ МО РФ, 1994. – 206 с.
18. *Лурье В. М.* Адмиралы и генералы Военно-морского флота СССР: 1946-1960. М.: Кучково поле, 2007. – 672 с.
19. *Лурье В. М.* Адмиралы и генералы Военно-морского флота СССР в период Великой Отечественной и советско-японской войн (1941-1945). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2001. – 280 с.
20. *Лурье В. М.* Военно-морская разведка СССР (1918-1960-е гг.). Справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 264 с.
21. *Макареев М. В.* Балтийский флот в биографиях командующих 1696-2004. Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2006. – 420 с.

22. Методические указания Штаба КБФ по морской подготовке на летний период 1937 г. Кронштадт: Издание 2 Отдела Штаба КБФ, 1937. – 62 с.
23. Морской энциклопедический словарь. Под ред. В. В. Дмитриева. В 3-х тт. Т. 2. СПб.: Судостроение, 1993. – 584 с.
24. *Платонов А. В.* Советские боевые корабли 1941-1945 гг. Т. III. Подводные лодки. СПб.: Цитадель, 1996. – 168 с.
25. *Платонов А. В.* Энциклопедия советских надводных кораблей 1941-1945. СПб.: Полигон, 2002. – 640 с.
26. *Платонов А. В.* Энциклопедия советских подводных лодок 1941-1945. М.: АСТ, СПб.: Полигон, 2004. – 592 с.
27. *Платонов А. В., Апрелев С. В., Синяев Д. Н.* Советские боевые корабли 1941-1945 гг. Т. IV. СПб.: Цитадель, 1997. – 132 с.
28. *Платонов А. В., Лурье В. М.* Командиры советских подводных лодок 1941-1945 гг. СПб.: Цитадель, 1999. – 124 с.
29. *Римашевский А.А., Йолтуховский В.М.* Знаменитые люди Балтийского флота. Т. 1. Флотоводцы, Герои, деятели русского флота, командный, политический, инженерный состав, специалисты ВМФ, исследователи Балтики, ученые, педагоги, литераторы. СПб.: Алина, 2012. – 413 с.
30. Российская морская энциклопедия. Под ред. академика В. М. Пашина. В 6-ти тт. Т. 1-2. СПб.: Судостроение, 2006-2007. – 520, 472 с.
31. Руководство по проведению групповых упражнений. М.-Л.: Государственное Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1940. – 54 с.
32. Руководство по проведению тактических и отрядных учений. М.-Л.: Государственное Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1940. – 44 с.
33. Словарь биографический морской. Авт.-сост. В. Д. Доценко. СПб.: LOGOS, 2000. – 456 с.
34. *Стрельбицкий К. Б.* Потери противников Советского Военно-морского флота 1918–1940. (Справочник). Львов: Международный Центр истории флота, 1995. – 32 с.
35. Центральный военно-морской архив. Справочник по фондам (1941-1960). Органы управления Военно-Морским Флотом, части и учреждения центрального подчинения. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998. – 263 с.
36. *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. Биографический словарь. М.: Кучково поле, Мегapolis, 2012. – 496 с.
37. *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА. 1937-1941: Комбриги и им равные. М.: Кучково поле; Икс-Хистори, 2014. – 528 с.

38. *Шведе Е. Е.* Военные флоты. 1937 г. Справочник по военно-морским силам иностранных государств. Шестое издание. М.: Государственное Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1938. – 550 с.

39. *Шведе Е. Е.* Военные флоты. Справочник по военно-морским силам иностранных государств. 1939-1940 гг. Седьмое издание. М.-Л.: Государственное Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1940. – 452 с.

Литература

Монографии

1. Адмиралтейские верфи: Люди, корабли, годы. В 2-х тт. Под общ. ред. В. Л. Александрова. 1926-1996. СПб.: Гангут, 1996. – 392 с.
2. Адмиралтейские верфи – подводному флоту России. Под общ. ред. В. Л. Александрова. СПб.: Гангут, 2003. – 200 с.
3. *Аленко И. Г.* Краснознаменный Балтийский флот 1939-1945. Очерки. Хроника. Сосновой Бор, 2008. – 371 с.
4. *Амирханов Л. И., Ткаченко В. Ф.* Форты Кронштадта. Изд. 3-е. СПб.: Остров, 2007. – 96 с.
5. *Амусин Б. М., Кинякин И. Н., Урюпин М. Б. и др.* Морские инженеры и строители Балтийского флота: История и современность. Калининград: ЧП Мишуткина, 2006. – 335 с.
6. *Ананьев В. В., Йолтуховский В. М.* Боевая подготовка и деятельность тральных сил ВМФ СССР (1938-1945 гг.): Учебное пособие для курсантов Санкт-Петербургского ВМИ. СПб.: б/и, 2004. – 100 с.
7. *Аристов В. В.* От «Второго Кронштадта» к «Второму Роттердаму»: История мореплавания и портостроительства в Лужской губе Финского залива. СПб.: Вести, 2007. – 263 с. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Вести, 2010. – 207 с.
8. *Артемьев А. М.* Морская авиация России. М.: Воениздат, 1996. – 288 с.
9. *Ачкасов В. И., Басов А. В., Большаков Н. В., Гельфонд Г. М. и др.* Боевой путь Советского Военно-морского флота. М.: Воениздат, 1967. – 592 с.
10. *Балакин С. А.* «Гремящий» и другие. Эскадренные миноносцы проекта 7 // Морская коллекция. 1996. № 2. М.: Моделист-конструктор, 1996. – 32 с.
11. *Балакин С. А.* Легендарные «Семерки». Эсминцы «сталинской» серии. М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2007. – 208 с.

12. *Балакин С. А.* «Сообразительный» и другие. Эскадренные миноносцы проекта 7У // Морская коллекция. 1997. № 6(18). М.: Моделист-конструктор, 1997. – 32 с.
13. *Балакин С. А., Морозов М. Э.* Подводные лодки типа «С» // Морская коллекция. 2000. № 2(32). М.: Моделист-конструктор, 2000. – 32 с.
14. Балтийцы в боях на земле и на льду (Флот в боях с белофиннами). Сборник. М.-Л.: Государственное Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1941. – 24 с.
15. *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940-1941 гг. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2003. – 326 с. 2-е изд. доп. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005. – 481 с.
16. *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. – 353 с.
17. *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Фёдоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. – 336 с.
18. *Баскаков И. Я.* О создании катеров «МО-2», «МО-4». Известные страницы истории. СПб.: Тема, 2000. – 74 с.
19. *Белокопытов К. Н.* Боевое управление при подготовке и проведении блокады побережья противника, десантных операций по занятию о-вов и действий ОССБ зимой на льду. Л.: б/и, 1942. – 167 с.
20. *Белли В. А.* Морские театры в составе общего фронта борьбы. Задачи флотов СССР. Конспект-тезисы. Л.: Военно-Морская академия РККФ имени тов. Ворошилова, 1938. – 7 с.
21. *Белли В. А.* Теоретические основы ведения операций. Конспект-тезисы. Л.: Военно-Морская академия РККФ имени тов. Ворошилова, 1938. – 53 с.
22. *Богатырев С. В., Ларинцев Р. И., Овчаренко А. В.* Морская война на Балтике 1941-1945 гг. Справочник-хроника. Часть I. Потери флота противника на Балтийском море в 1941-43 гг. Архангельск: б/и, 1997. – 68 с.
23. *Богданов Б. Е., Васильев Н. И., Великов Д. И., Журавлев Д. В., Шломин В. С. и др.* Главный военный порт России. От Санкт-Петербургского военного порта до тыла Ленинградской военно-морской базы. (К истории развития системы обеспечения сил флота). Военно-научный труд. СПб.: ЦКП ВМФ, 1999. – 183 с.
24. Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917-1941. М.: Воениздат, 1993. – 838 с.
25. Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941-1942. М.: Воениздат, 1992. – 631 с.
26. *Булдыгин С. Б.* Борьба за Ригу в 1941 году. СПб.: Гангут, 2013. – 144 с.
27. *Булдыгин С. Б.* Моонзунд. 1941 год. СПб.: Гангут, 2013. – 288 с.
28. *Булдыгин С. Б.* Оборона Лиепай. СПб.: Гангут, 2012. – 120 с.

29. *Буров В. Н.* Отечественное военное кораблестроение в третьем столетии своей истории. СПб.: Судостроение, 1995. – 599 с.
30. *Быстров Е. Ф.* Вопросы теории и практики строительства ВМФ в довоенные годы (1929-1941 гг.). Учебное пособие. М.: Военно-политическая академия им. Ленина, 1974. – 79 с.
31. *Быстров Е. Ф.* Деятельность КПСС по подготовке кадров рабочих и инженерно-технических работников в годы довоенных пятилеток (по опыту судостроительной промышленности). М.: Издательство МГУ, 1981. – 163 с.
32. *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930 – 1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006. – 704 с.
33. *Васильев А. М.* Линейные корабли типа «Марат» // Мидель-шпангоут. 2003. № 2(7). СПб.: Гангут, М.: Техника молодежи, 2003. – 48 с.
34. *Васильев А. М.* Линейные корабли типа «Советский Союз». СПб.: Галея Принт, 2006. – 176 с.
35. *Васильев А. М.* Первые линкоры Красного флота. «Марат», «Октябрьская революция», «Парижская коммуна». М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2008. – 144 с.
36. *Васильев А. М., Морин А. Б.* Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2008. – 112 с.
37. Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. 2-е издание, испр. и доп. Т. III. Балтийский флот. СПб.: Издательский дом «Морской Петербург», 2006. – 544 с.
38. Война и политика, 1939-1941. Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1999. – 495 с.
39. *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. Кн. II. Часть 1. М.: Издательство АПН, 1989. – 432 с.
40. *Гайдук А. А., Константинов В. М.* Огненные мили буксиров типа «Ижорец» // Морская коллекция. 2013. № 12(171). М.: Моделист-конструктор, 2013. – 32 с.
41. *Геманов В. С.* История российского флота: учебное пособие для курсантов морских вузов. 2-е изд, испр. и доп. Калининград: Янтарный сказ, 2009. – 584 с.
42. *Голосов В. И.* Боевые действия подводных сил Краснознаменного Балтийского флота во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. СПб., 2011.
43. *Гречанюк Н. М., Дмитриев В. И., Корниенко А. И. и др.* Дважды Краснознаменный Балтийский флот. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1990. – 342 с.
44. *Гречанюк Н. М., Дмитриев В. И., Креницын Ф. С., Чернов Ю. И.* Балтийский флот. Исторический очерк. М.: Воениздат, 1960. – 375 с.
45. *Гречанюк Н. М., Дмитриев В. И., Креницын Ф. С., Чернов Ю. И.* Дважды Краснознаменный Балтийский флот. Изд-е 2-е, доп. и испр. М.: Воениздат, 1978. – 335 с.

46. *Грибовский В. Ю.* Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы 1925-1941 гг. М.: Военная книга, 2006. – 140 с.
47. *Грибовский В. Ю.* Рабоче-крестьянский Военно-морской флот в предвоенные годы 1936-1941. (Учебное пособие для курсантов ВВМУЗов). СПб.: Высшее военно-морское училище, 1996. – 94 с.
48. *Грибовский В.Ю., Доценко В.Д., Родионов Б.И., Филонов С.И. и др.* Три века Российского флота, 1696-1996. В 3-х тт. Т. 2. СПб.: Издательство «LOGOS», 1996. – 440 с.
49. *Грибовский В. Ю., Нарусбаев А. А., Черников И. И.* История отечественного судостроения. В 5-ти тт. Т. IV. Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны. 1925-1945 гг. СПб.: Судостроение, 1996. – 560 с.
50. *Гринкевич В. И.* Краснознаменная подводная лодка «Лембит». Таллин: Ээсти раамат, 1986. – 64 с.
51. Гриф секретности снят: Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. – 416 с.
52. *Гуров С. А., Тюлькин В. Э.* Корабли эскадры Балтийского флота. Великая Отечественная война. Калининград: Янтарный сказ, 2005. – 208 с.
53. *Дашьян А. В., Патынин С. В., Митюков Н. В., Барабанов М. С., Иванов В. В., Гайдук А. А.* Флоты Второй Мировой. М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2009. – 612 с.
54. *Денисов Б. А.* Использование мин в войне с белофиннами 1939-1940 гг. М.-Л.: Государственное Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1941.
55. *Дмитриев В. И.* Атакуют подводники. М.: Воениздат, 1973. – 368 с.
56. *Дмитриев В. И.* Советское подводное кораблестроение. М.: Воениздат, 1990. – 286 с.
57. *Дмитриев В. И., Чемесов О. Г.* В глубинах Балтики. М.: Воениздат, 1988. – 200 с.
58. *Доценко В. Д.* История военно-морского искусства. В 4-х тт. Т. I. История теории стратегии, оперативного искусства и тактики военно-морского флота. СПб.: Судостроение, 1999. – 416 с. Т. II. Развитие морских вооружений. СПб.: Судостроение, 2006. – 552 с. Т. III. Действия флота против берега. СПб.: Судостроение, 2002. – 336 с. Т. IV. Действия флота против флота. СПб.: Судостроение, 2006. – 480 с.
59. *Доценко В. Д.* Флот. Война. Победа. СПб.: Судостроение, 1995. – 253 с.
60. *Доценко В. Д., Гетманец Г. М.* Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Эксмо, СПб.: Terra Fantastica, 2005. – 624 с.
61. *Доценко В. Д., Доценко А. А., Миронов В. Ф.* Военно-морская стратегия России. М.: Эксмо, СПб.: Terra Fantastica, 2005. – 832 с.

62. *Егоров В. Г., Амосин Б. М., Беленьков С. В. и др.* Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 2. Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 280 с.
63. *Егоров В. Г., Масагин В. П., Амосин Б. М. и др.* Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 4. Калининград: Янтарный сказ, 2001. – 274 с.
64. *Емельянов Л. А.* Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1981. – 191 с.
65. *Жаворонков С. Ф.* Доклад начальника авиации ВМФ на совещании руководящего состава НКВМФ 10.04.40 г.: Боевые действия Военно-Воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота с 30.11.39 по 13.03.40 г. М.: б/и, 1940. – 78 с.
66. *Жуматий В. И.* Боевые действия Военно-морского флота в советско-финляндской войне (1939-1940 гг.). М.: Военный университет, 1997. – 84 с.
67. *Жуматий В. И.* Боевые действия Краснознаменного Балтийского флота в советско-финляндской войне (1939-1940 гг.). Учебное пособие. М.: Военный университет, 1995. – 60 с.
68. *Жуматий В. И.* Морские десантные операции Вооруженных сил СССР. Морская пехота в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны 1918-1945. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. – 399 с.
69. *Жуматий В. И.* Развитие военно-морского искусства в межвоенный период. Морские десантные операции (1921-1941 гг.). М.: Военный университет, 1997. – 103 с.
70. *Заблоцкий В. П.* Крейсера «холодной войны». М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2008. – 224 с.
71. *Заблоцкий В. П.* Незнаменитые подлодки. Малые ПЛ VI и VI-бис серий. История создания, конструкция, боевая служба // Морская коллекция. 2009. № 5(116). М.: Моделист-конструктор, 2009. – 32 с.
72. *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. Сборник. М.: АСТ, ЛЮКС, 2005. – 766 с.
73. *Звягинцев В. Е., Сапсай А. В.* «Балтийская голгофа» или как узаконили беззаконие. СПб.: Юридический центр-пресс, 2003. – 519 с.
74. *Зефиоров М. В., Дёгтев Д. М., Баженов Н. Н.* Цель – корабли. Противостояние Люфтваффе и советского Балтийского флота. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2008. – 411 с.
75. *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А., Шломин В. С.* История флота государства Российского. В 2-х тт. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1996. – 776 с.
76. *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия российского флота 1914-1941. М.: АСТ, СПб.: Полигон, 2004. – 750 с.
77. *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия российского флота, 1941-1945. М.: АСТ, СПб.: Полигон, 2005. – 766 с.

78. *Золотарев В. А., Шломин В. С.* Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. В 2-х кн. Кн. 1. М.: АСТ, СПб.: Полигон, 2004. – 479 с.
79. *Зонин С. А.* Адмирал Л. М. Галлер: Жизнь и флотоводческая деятельность. М.: Воениздат, 1991. – 415 с.
80. *Зубков Р. А.* Таллинский прорыв Краснознаменного Балтийского флота (август – сентябрь 1941 г.). События, оценки, уроки. М.: Кучково поле, 2012. – 592 с.
81. *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль, 1940-1953. М.: РОССПЭН, 2008. – 351 с.
82. *Зубов Б. Н.* Записки корабельного инженера: Развитие надводного кораблестроения в Советском Союзе. М.: Ключ, 1998. – 480 с.
83. *Зуев Г. И.* Минный заградитель «Марти» // Мидель-шпангоут. № 14. СПб.: Гангут, 2008. – 43 с.
84. *Иванов П. Н.* Крылья над морем: История создания, развития и боевой деятельности авиации ВМФ СССР. М.: Воениздат, 1973. – 304 с.
85. *Игнатьев Э. П.* Подводные лодки XII серии. СПб.: Гангут, 1996. – 36 с.
86. *Ильмарв М.* Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М.: РОССПЭН, 2012. – 806 с.
87. Интервенция на северо-западе России 1917-1920 гг. Отв. ред. В. А. Шишкин. СПб.: Наука, 1995. – 394 с.
88. *Йолтуховский В. М.* Борьба с минной опасностью на Балтике (1941-1943): Учебное пособие для курсантов. СПб.: б/и, 1997. – 118 с.
89. *Йолтуховский В. М.* Минная война на море (1921-1945): По опыту Краснознаменного Балтийского флота. СПб.: б/и, 1998. – 235 с.
90. *Йолтуховский В. М.* Развитие тральных сил и средств ВМС РККА (1921-1941): Учебное пособие для курсантов. СПб.: б/и, 1997. – 59 с.
91. *Йолтуховский В. М., Козлов А. А.* Противоминная оборона подводных лодок Балтийского флота (1941-1945 гг.). Монография. СПб.: Санкт-Петербургский ВМИ, 2007. – 132 с.
92. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. В 6 тт. Т. 1. М.: Воениздат, 1960. – 536 с.
93. История военной стратегии России. Под ред. В. А. Золотарева. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. – 592 с.
94. История военно-морского искусства. Учебник для ВВМУ. Под ред. К. А. Сталбо. Т. 2. Советское военно-морское искусство в Гражданской войне и в период построения социализма в СССР (1917-1941 гг.). М.: Воениздат, 1963. – 168 с.
95. История Второй мировой войны 1939-1945 гг. В 12 тт. Т. 3. М.: Воениздат, 1973. – 504 с.

96. *Казаков С., Закатов В., Ушалов И. и др.* Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 1. Калининград: Янтарный сказ, 1997. – 264 с. 2-е изд., испр. и доп. Калининград: Янтарный сказ, 2001. – 208 с.
97. *Камалов Х. Х., Носов И. В., Сорокин И. П.* Морская пехота: Краткий исторический очерк морской пехоты отечественного флота. М.: Воениздат, 1957. – 112 с.
98. *Кантор Ю. З.* Прибалтика: Война без правил (1939-1945). СПб.: ООО «Журнал “Звезда”», 2011. – 336 с.
99. *Капитанец И. М.* Война на море 1939-1945. Военно-морское искусство во Второй мировой и Великой Отечественной войнах. М.: Вече, 2005. – 400 с.
100. *Касатонов И. В.* Триумф Военно-Морского Флота России в XX веке и его закат. Адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов – нарком ВМФ, военно-морской министр, главнокомандующий ВМФ СССР середины XX века. М., 2011. – 496 с.
101. *Качур П. И.* «Гончие псы» Красного флота. «Ташкент», «Баку», «Ленинград». М.: Яуза, Коллекция, Эксмо, 2008. – 144 с.
102. *Качур П. И.* Лидеры типа «Ленинград» // Морская коллекция. 1998. № 6(24). М.: Моделист-конструктор, 1998. – 32 с.
103. *Качур П. И., Морин А. Б.* Лидеры эскадренных миноносцев ВМФ СССР. СПб.: Остров, 2003. – 240 с.
104. *Кен О. Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х - середина 1930-х гг.). Изд. 2-е, перераб. М.: ОГИ, 2008. – 512 с.
105. *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы 1930-1950-е годы. М.: РОССПЭН, 2005. – 448 с.
106. *Кикнадзе В. Г.* Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2011. – 552 с.
107. *Кикнадзе В. Г.* Разведка Военно-Морского Флота СССР в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. Калининград: Балтийский военно-морской институт, 2007. – 76 с.
108. *Ковалёв А. С.* Организация базирования КБФ в новых западных базах (1939-1940 гг.). Л.: б/и, 1942. – 127 с.
109. *Ковалев С. Н.* Советские войска на территории стран Балтии 1939-1940 гг. СПб.: Славия, 2008. – 274 с.
110. *Ковалев С. Н.* Советские войска на территории Эстонии 1939-1940 гг. СПб.: Новик, 2005. – 178 с.
111. *Ковалев Э. А.* Короли подплава в море червонных валетов. Хроника начального периода советского подводного плавания. 1918-1941 гг. М.: Центрполиграф, 2006. – 428 с.

112. *Ковалев Э. А.* Рыцари глубин. Хроника зари российского подплава. М.: Центрполиграф, 2005. – 445 с.
113. *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л.: Лениздат, 1976. – 400 с.
114. Кормчие России. Адмиралтейские верфи в трех веках: судьбы и решения. На переломе эпохи. Авт.-ред. Ю. И. Сыроежина. СПб.: Мор Вест, 2005. – 815 с.
115. Кормчие России: Адмиралтейские верфи в трех веках: судьбы, эпохи, решения. Авт.-ред. Ю. И. Сыроежина. СПб.: Мор Вест, 2006. – 975 с.
116. *Костриченко В. В., Кулагин К. Л.* Быстроходные тральщики типа «Фугас» // Морская коллекция. 2005. № 2, спецвыпуск. М.: Моделист-конструктор, 2005. – 76 с.
117. *Кофман В. Л.* Карманные линкоры фюрера. Корсары Третьего рейха. М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2007. – 144 с.
118. *Красавкин В. К., Смуглин Ф. С.* Здесь град Петра и флот навеки слиты. История морских частей в городе на Неве (1703-2003). СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2004. – 560 с.
119. *Краснов В. Н.* Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны: свидетельствуют документы. М.: Наука, 2004. – 213 с.
120. *Краснов В. Н., Краснов И. В.* Испытания и испытатели боевых кораблей: к истории отечественного военного судостроения. М.: Наука, 2010. – 455 с.
121. Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941-1944 гг. Отв. ред. В. И. Ачкасов. М.: Наука, 1973. – 255 с.
122. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941-1945 гг. Кн. 1. М.: Наука, 1990. – 512 с. Кн. 2. М.: Наука, 1991. – 368 с. Кн. 3. М.: Наука, 542 с. Кн. 4. М.: Наука, 1992. – 535 с.
123. *Крестьянинов В. Я.* Кронштадт – крепость, город, порт. СПб.: Остров, 2002. – 160 с.
124. *Кузин В. П., Никольский В. И.* Военно-морской флот СССР 1945-1991. СПб.: Историческое морское общество, 1996. – 653 с.
125. *Кузьмин А. Н.* Долговременная фортификационная подготовка западной части Балтийского театра в 1940 и 1941 гг. Л., 1944.
126. *Кулагин К. Л., Морозов М. Э.* Подводные лодки типа «Щ» (III, V, V-бис и V-бис-2 серии) // Морская коллекция. 2002. № 2(44). М.: Моделист-конструктор, 2002. – 32 с.
127. *Кулагин К. Л., Морозов М. Э.* Подводные лодки типа «Щ» (X и X-бис серии) // Морская коллекция. 2002. № 4(46). М.: Моделист-конструктор, 2002. – 32 с.
128. *Курмышов В. М.* Базирование Балтийского флота в межвоенный период 1921-1941 гг. СПб.: Военный инженерно-технический университет, 2003. – 266 с.

129. Курсом чести и славы: ВМФ СССР/России в войнах и конфликтах второй половины XX века. Под ред. А. А. Кольтюкова. М.: Кучково поле, 2006. – 480 с.
130. К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. Коллективная монография. Отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М.: Институт российской истории РАН, 2009. – 488 с.
131. *Лаврентьев Н. М., Гуляев С. А., Минаков В. И., Шульженко А. П. и др.* Авиация российского флота. Под ред. В. Г. Дейнеки. СПб.: Судостроение, 1996. – 288 с.
132. *Левашко В. О.* На Балтике, в советско-финляндскую...: морально-политическое состояние личного состава кораблей Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг.: монография. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2009. – 196 с.
133. *Литинский Д. Ю.* Суперэсминцы Советского флота // Спецвыпуск альманаха «Тайфун». 1998. СПб.: Тайфун, 1998. – 72 с.
134. *Лихачев П. В.* Эскадренные миноносцы типа «Новик» в ВМФ СССР. 1920-1955 гг. СПб.: Издатель Р.Р. Муниров, 2005. – 104 с.
135. *Лосик А. В., Мезенцев А. Ф., Щерба А. Н.* У истоков российского военно-промышленного комплекса. Военная промышленность Ленинграда в 20-30-ые годы и перспективы её развития в конце XX века. СПб.: Стройиздат СПб, 1998. – 60 с.
136. *Майоров С. А., Саранцев Н. А., Чуркин П. Г. и др.* Полвека с флотом: Очерки истории военных строителей Балтики. Под ред. Ю. А. Скорикова. Калининград: Янтарный сказ, 1998. – 79 с.
137. *Майстер Ю.* Восточный фронт – война на море 1941-1945 гг. Пер. с нем. М.: Эксмо, 2005. – 480 с.
138. *Малов А. А., Патянин С. В., Сулига С. В.* Линкоры фюрера. Главный калибр Кригсмарине. М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2008. – 240 с.
139. *Масягин В. П., Якимов С. А.* Офицеры Балтийского флота. СПб.: Издательский Дом «Измайловский», 2003. – 176 с.
140. *Мелконов Ю. Ю.* Батареи Моонзунда. Рига: SIA «RTC BASK», 2003. – 102 с.
141. *Мелконов Ю. Ю.* Пушки курляндского берега. Рига: GVARDS, 2005. – 346 с.
142. *Мельтюхов М. И.* Прибалтийский плацдарм (1939-1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М.: Издательство Алгоритм, 2014. – 720 с.
143. *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 гг. (Документы, факты, суждения). 2-е изд., испр. и доп. М.: Вече, 2002. – 544 с.
144. *Михайлов Л. Н.* Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов. СПб.: Судостроение, 2004. – 416 с.

145. *Михайлов Л. Н.* Опальный флагман. СПб.: Бискон, 1995. – 278 с.
146. *Михайловский Н.* Краснознаменный крейсер «Киров». Алма-Ата: Казгослитиздат, 1950. – 101 с.
147. *Михайловский Н.* Линейный корабль «Марат». Исторический очерк. М.-Л.: Государственное Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1942. – 142 с.
148. *Монаков М. С.* Военно-морская наука в России: происхождение, возникновение и становление национальной системы знаний о вооруженной борьбе на море. М.: Кучково поле, 2011. – 560 с.
149. *Морин А. Б.* Легкие крейсера типа «Чапаев» и типа «Свердлов». СПб.: Цитадель, 1997. – 76 с.
150. *Морин А. Б.* Эскадренные миноносцы типа «Гневный». СПб.: Гангут, 1994. – 32 с.
151. *Морин А. Б., Чернышев А. А.* Сторожевые корабли типа «Ураган» в бою 1941-1945 // Морская коллекция. 2005. № 5(74). М.: Моделист-конструктор, 2005. – 32 с.
152. *Морозов М. Э.* Торпедоносцы Великой Отечественной. Их звали «смертниками». М.: Яуза, Коллекция, Эксмо, 2011. – 352 с.
153. *Морозов М. Э., Кулагин К. Л.* «Англичане в Красном флоте». Подводные лодки британской постройки в составе КБФ // Морская коллекция. 2008. № 10(109). М.: Моделист-конструктор, 2008. – 32 с.
154. *Морозов М. Э., Кулагин К. Л.* «Катюши» Советского флота. Подводные лодки типа «К» XIV серии // Морская коллекция. 2007. № 9(99). М.: Моделист-конструктор, 2007. – 32 с.
155. *Морозов М. Э., Кулагин К. Л.* «Мечь» Сталина. Советские подлодки типа «М». М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2010. – 256 с.
156. *Морозов М. Э., Кулагин К. Л.* Первые подлодки СССР. «Декабристы» и «Ленинцы». М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2010. – 160 с.
157. *Морозов М. Э., Кулагин К. Л.* Подводные крейсера Сталина. Советские подлодки типов «П» и «К». М.: Яуза, Эксмо, 2011. – 144 с.
158. *Морозов М. Э., Кулагин К. Л.* Советский подводный флот 1922-1945 гг.: О подводных лодках и подводниках. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2006. – 880 с.
159. *Морозов М. Э., Кулагин К. Л.* «Щуки». Легенды Советского подводного флота. М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2008. – 176 с.
160. *Морозов М. Э., Кулагин К. Л.* «Эски» в бою. Подводные лодки Маринеско, Щедрина, Лисина. М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2008. – 128 с.
161. Морская авиация Балтийского флота, 1916-2003. Сост. Ю. В. Барышев. Калининград: Янтарный сказ, 2004. – 253 с.

162. Морские инженеры и строители Балтийского флота: История и современность. Калининград: ФолиАнт: ИП Мишуткина И. В., 2006. – 336 с.
163. Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 1. Сост. А.А. Родионов. СПб.: Наука, 2001. – 534 с.
164. *Носков А. М.* Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М.: Наука, 1977. – 248 с.
165. От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939-1944 гг.: Сборник статей. Под ред. В. Н. Барышникова, Т. Н. Гордецкой и др. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2006. – 454 с.
166. *Павлович Н. Б.* Морские десанты. М.: Госвоениздат, 1935. – 77 с.
167. *Павлович Н. Б.* Основные вопросы боевой подготовки флота. Л.: Военно-Морская академия ВМФ имени Ворошилова, 1941. – 51 с.
168. *Перечнев Ю. Г.* Советская береговая артиллерия 1921-1945 гг. М.: Наука, 1976. – 336 с.
169. *Петров П. В.* Балтийский флот. Финский гамбит. М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 432 с.
170. *Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939-1940. Хельсинки: RME Group Oy, 2008. – 480 с.
171. *Платонов А. В.* Противовоздушная оборона сил флота 1941-1945. СПб.: Гангут, 2010. – 192 с.
172. *Платонов А. В.* Трагедии Финского залива. М.: Эксмо, СПб.: Terra Fantastica, 2005. – 672 с.
173. Подводные силы России. Авт.-сост. В. И. Агейкин. М.: Военный парад, 2006. – 479 с.
174. *Подсобляев Е. Ф.* Развитие теории войны на море и её влияние на развитие флота и военно-морского искусства (1918-1945). СПб.: б/и, 2000. – 221 с.
175. 50 лет великой победы: Опыт применения Советского Военно-морского флота во Второй мировой войне и его значение в современных условиях. СПб.: ЦКФ ВМФ, 1997. – 328 с.
176. *Раздолгин А. А., Скориков Ю. А.* Кронштадтская крепость. Л.: Стройиздат, Ленинградское отделение, 1988. – 420 с.
177. *Розанов М.* Лидер «Минск» (Материалы к истории лидера «Минск» Эскадры КБФ). Таллин: Политическое управление КБФ, 1946. – 37 с.
178. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 608 с.
179. *Руге Ф.* Война на море 1939-1945. СПб.-М.: Полигон, АСТ, 1998. – 398 с.
180. *Салагин Я. Т.* Оборона морских флангов «линии Маннергейма». Л.: Военно-Морская академия ВМФ имени Ворошилова, 1941. – 81 с.

181. *Самойлов К. И.* Военно-морские игры. 2-е изд., испр. и доп. М.-Л.: Государственное Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939. – 66 с.
182. *Самойлов К. И.* Методика и организация двухсторонней тактической игры. Л.: Военно-Морская академия РККА имени тов. Ворошилова, 1936. – 15 с.
183. *Самойлов К. И.* Основные вопросы боевой подготовки ВМС. Л.: Издание Управления Военно-Морских Сил РККА, 1932. – 11 с.
184. *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза 1936-1939 гг. М.: Наука, 1987. – 336 с.
185. *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. 2-е изд., дораб. и доп. М.: Международные отношения, 1989. – 336 с.
186. *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939-1941. М.: ТОО «Новина», 1997. – 448 с.
187. *Скворцов А. В.* Линейные корабли типа «Севастополь» // Мидель-шпангоут. № 1(6). СПб.: Гангут, 2003. – 48 с.
188. *Скрицкий Н. В.* Флагманы Победы. Командующие флотами и флотилиями в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. – 575 с.
189. Советское военно-морское искусство. Сборник статей. Под ред. Р. Н. Мордвинова. М.: Военно-Морское издательство Военно-Морского Министерства СССР, 1951. – 330 с.
190. Советско-финляндская война 1939-1940. Сост. П. В. Петров, В. Н. Степаков. Т. 1-2. СПб.: Полигон, 2003. – 542, 638 с.
191. Советско-финляндская война 1939-1940. Боевые действия на море. СПб.: Остров, 2002. – 200 с.
192. Советско-финляндская война 1939-1940 гг. на море. Часть I. Кн. 1. М.-Л.: Государственное Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1945. – 96 с. Часть I. Кн. 2-3. М.: Военное издательство Министерства Вооруженных Сил СССР, 1946. – 88, 170 с. Часть II. М.: Военное издательство Министерства Вооруженных Сил СССР, 1946. – 52 с.
193. *Соколов А. К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность, 1917-июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф, 2012. – 527 с.
194. *Соломонов Б., Кулагин К.* Торпедные катера серии Г-5 // Армада. 2001. Выпуск 19. М.: Экспрент, 2001. – 48 с.
195. *Степанов Ю. Г., Цветков И. Ф.* Эскадренный миноносец «Новик». Л.: Судостроение, 1981. – 224 с.
196. *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937-1938. М.: ТЕРРА, 1998. – 528 с.
197. *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. Або-Аланды и их «ненарушаемый» нейтралитет в войнах 18-20 столетий по документам российских архивов и историческим изданиям. СПб.: ОРЕОС, 2008. – 604 с.

198. *Тиркельтауб С. В., Степаков В. Н.* Против Финляндии. Советская морская авиация на Балтике в войне 1939-1940 годов. СПб.: Б&К, 2000. – 68 с.
199. *Ткаченко В. Ф.* Форт «Ино». Строительство. Служба. Уничтожение. СПб.: Остров, 2009. – 144 с.
200. *Ткаченко В. Ф.* Форт «Красная Горка». СПб.: Остров, 2007. – 128 с.
201. Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 3. Военно-Морской Флот (специальный выпуск). СПб.: Политехника-сервис, 2012. – 334 с.
202. Тыл флота. История развития. Отв. ред. И. Г. Махонин. М.: Воениздат, 1992. – 319 с.
203. *Усов В. Ю.* Крейсер «Максим Горький». СПб.: Ленко, Гангут, 1993. – 32 с.
204. *Хорьков Г. И.* Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1981. – 272 с.
205. *Хохлов Е. В.* Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005. – 282 с.
206. *Царьков А. Ю.* Подводные лодки типа «П» // Морская коллекция. 2010. № 10(133). М.: Моделист-конструктор, 2010. – 32 с.
207. *Цветков И. Ф.* История отечественного судостроения. В 5-ти тт. Т. III: Судостроение в первой четверти XX в. (1906-1925). СПб.: Судостроение, 1995. – 560 с.
208. *Чернышев А. А.* Гвардейские крейсера Сталина – «Красный Кавказ», «Красный Крым», «Червона Украина». М.: Яуза, Эксмо, 2013. – 176 с.
209. *Чернышев А. А.* Крейсера типа «Киров» // Морская коллекция. 2003. № 1(49). М.: Моделист-конструктор, 2003. – 32 с.
210. *Чернышев А. А.* «Новики». Лучшие эсминцы Российского Императорского флота. М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2007. – 224 с.
211. *Чернышев А. А.* Оборона полуострова Ханко. М.: Вече, 2011. – 320 с.
212. *Чернышев А. А.* Первенцы Сталинского флота. Сторожевые корабли типа «Ураган». М.: Яуза, Эксмо, 2014. – 96 с.
213. *Чернышев А. А.* 1941 год на Балтике: подвиг и трагедия. М.: Вече, 2009. – 384 с.
214. *Чернышев А.А., Кулагин К.Л.* Советские крейсера Великой Отечественной. От «Кирова» до «Кагановича». М.: Яуза, Коллекция, Эксмо, 2007. – 128 с.
215. *Чернышев А. А.* Тяжелый крейсер проекта 69 «Кронштадт» // Морская коллекция. 1996. № 6. М.: Моделист-конструктор, 1996. – 32 с.
216. *Черушев Н. С.* 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М.: Вече, 2003. – 544 с.
217. *Черушев Н. С.* Удар по своим. Красная Армия: 1938-1941. М.: Вече, 2003. – 480 с.
218. *Шитиков Е. А., Краснов В. Н., Балабин В. В.* Кораблестроение в СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1995. – 299 с.

219. *Щерба А. Н.* Военная индустрия Санкт-Петербурга – Ленинграда в 1900-1940 годы. М.-СПб.: НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ, 2012. – 448 с.
220. *Щерба А. Н.* Военная промышленность Ленинграда в 20-30-е годы. СПб.: Нестор, 1999. – 162 с.
221. *Якупов Н.* Трагедия полководцев. М.: Мысль, 1992. – 349 с.

Статьи в периодических изданиях

1. *Ант Ю.* Военные базы в Эстонии (1939-1940 гг.) // Радуга. - 1990. - № 1. - С. 61-70.
2. *Арьякас К.* Внешняя политика Эстонской республики в 1939 году // Радуга. - 1989. - № 1. - С. 50-56. - № 2. - С. 81-86. - № 3. - С. 91-95. - № 4. - С. 90-94.
3. *Барышников В. Н.* К вопросу о бомбардировке финской столицы авиацией КБФ в начале «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции (12-13 апреля 2000 г.). - СПб., 2001. - С. 66-70.
4. *Барышников В. Н.* К вопросу о планировании Советским Балтийским флотом военных действий против Финляндии в 1930-е гг. (расчёты и реальность) // Россия и Финляндия в XX веке: К 80-летию независимости Финляндской республики. - СПб., 1997. - С. 100-115.
5. *Барышников В. Н.* Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского военного планирования 1932-1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции (25-26 апреля 2001 г.). - СПб., 2002. - С. 93-101.
6. *Березовский Н. Ю.* На борьбу с «лимитрофами» // Военно-исторический журнал. - 1993. - № 4. - С. 53-62.
7. *Боженко П. В., Воронов А. Ф., Смагин А. А., Стрельбицкий К. Б.* Мартиролог погибших русских и советских подводных лодок 1904-1991 // Тайны подводной войны. Малоизвестные страницы Второй мировой войны на море 1939-1945 гг. Выпуск 5. - Львов, 1999. - С. 5-23.
8. *Васильев Е. М.* Из истории развития артиллерийского вооружения Военно-морского флота (от АНИМИ до 28-го НИИ ВМФ) // Тайфун. - 2002. - № 4 (44). - С. 10-15.
9. *Гавриленко Г. И.* История балтийского подплава // Тайфун. - 1999. - № 1(13). - С. 36-46. - № 3(15). - С. 38-43. - № 6(18). - С. 29-36.
10. *Грибовский В. Ю.* Балтика 1941 г. Начальный период войны // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 3. Военно-Морской Флот (специальный выпуск). - СПб., 2012. - С. 25-69.

11. *Грибовский В. Ю.* На пути к «большому морскому и океанскому флоту» (кораблестроительные программы Военно-Морского Флота СССР в предвоенные годы) // Гангут. - 1995. - Выпуск 9. - С. 3-21.
12. *Грибовский В. Ю.* Отечественный флот на «крутых поворотах» истории (по опыту XX столетия) // Тайфун. - 1996. - № 2. - С. 2-5.
13. *Григайтис К. Л.* Советская кораблестроительная наука (в 1937 г.). К 70-летию ЦНИИВК // Тайфун. - 2002. - № 4(44). - С. 20-25.
14. *Денисов К. В.* Служба в разведке флота // Тайфун. - 2001. - № 5(36). - С. 33-35.
15. *Дмоховский М.* Польская подводная лодка «Orzeł» на политических картах начала Второй мировой войны // Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. - № 4. - 2010. - СПб., 2010. - С. 201-215.
16. *Дризулис А.* Памятная записка министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса о советско-латвийских переговорах 1939 года по поводу заключения пакта о взаимопомощи // Отечественная история. - 1992. - № 2. - С. 176-183.
17. *Ермоленко Е.* Реквием Андреевскому флагу // Родина. - 1993. - № 8-9. - С. 117.
18. *Игнатьев Э. П.* Подводные лодки Краснознамённого Балтийского флота в советско-финляндской войне // Тайны подводной войны. - 1996. - № 4. - С. 27-37.
19. *Кикнадзе В.* «Мы воевали... некультурно, неграмотно»: Деятельность разведки отечественного ВМФ в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. // Морской сборник. - 2007. - № 11. - С. 24-29.
20. *Кикнадзе В. Г.* Радиоразведка отечественного ВМФ в войнах первой половины XX века // Военно-исторический журнал. - 2005. - № 11. - С. 13-16.
21. *Кикнадзе В. Г.* Разведывательное обеспечение боевых действий Балтийского флота // Военно-исторический журнал. - 2004. - № 4. - С. 26-30.
22. *Кикнадзе В. Г.* Разведывательное обеспечение боевых действий Советского ВМФ накануне и в ходе Великой Отечественной войны // Советский ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Анализ. Размышления. Воспоминания. - СПб., 2005. - С. 50-64.
23. *Копанишин В. В.* Подготовка командного состава на флоте в межвоенном периоде (1921-июнь 1941 гг.) // Вестник Военного университета. - 2007. - № 2(10). - С. 74-82.
24. *Кулагин К. Л.* «Большой флот» накануне большой войны // Флотомастер. - 2001. - № 3.
25. *Кулагин К. Л.* Что нам стоит флот построить? Варианты создания военно-морского потенциала СССР в довоенную эпоху // Родина. - 2007. - № 5. - С. 74-80.
26. *Кудрявцев Г. Г.* Красный стяг над Осмусааром // Вопросы истории. - 1990. - № 3. - С. 154-162.

27. *Кузнецов Л. А.* Начало серийного строительства торпедных катеров // *Гангут.* - 1997. - Выпуск 12-бис. - С. 72-85.
28. *Кузнецов Л. А.* «Поставить иностранные державы перед свершившимся фактом» // *Гангут.* - 2013. - № 75. - С. 103-132.
29. *Курмышов В. М.* Решение проблемы базирования Балтийского флота накануне войны (Развертывание военно-морских баз в Прибалтике, конец 1939-1941 гг.) // *Военно-исторический архив.* - 2004. - № 2(50). - С. 115-135.
30. *Курмышов В. М.* Развертывание военно-морских баз и береговой обороны в Прибалтике в феврале 1940-июне 1941 года // *Военно-исторический журнал.* - 2005. - № 2. - С. 17-21.
31. *Кутузов В. А.* О численности репрессированных командных кадров Красной Армии накануне Великой Отечественной войны // *Великая Отечественная войны: Правда и вымысел. Сборник статей.* - СПб., 2000. - С. 31-37.
32. *Кутузов В. А.* «Успешно справилась с возложенными на неё задачами»: рассекреченные документы о работе судостроительной промышленности блокадного Ленинграда // *Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы международной научной конференции 16-19 октября 1997 года.* - СПб., 1997. - С. 96-99.
33. *Левашко В. О.* Состояние и задачи Краснознаменного Балтийского флота в советско-финской войне 1939-1940 гг. // *Вторая мировая война: История и современность. Сборник статей. Вып. 1.* - СПб., 1999. - С. 79-83.
34. *Лескинен Я.* Секретное военное сотрудничество между финской и эстонской армиями против Советского Союза в 1930-х гг. // *Новый часовой.* - 2004. - № 15-16. - С. 216-224.
35. *Лукин В. Е.* «...Для приведения в порядок нашу артиллерию» // *Цитадель.* - 2008. - № 14. - С. 29-44.
36. *Лукин В. Е.* «Морское экспериментальное дальнобойное» // *Цитадель.* - 2010. - № 17. - С. 161-176.
37. *Межевич Н. М.* Проблема безопасности Балтийского флота в контексте вопроса о причинах советско-финляндской войны 1939-1940 гг. // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции (12-13 апреля 2000 г.).* - СПб., 2001. - С. 55-58.
38. *Мещеряков Б. П.* Специфические территориальные формирования Военно-Морского Флота // *Военно-исторический журнал.* - 2013. - № 4. - С. 8-12.
39. *Монаков М. С.* «Факел» над Балтикой // *Морской сборник.* - 1990. - № 3. - С. 24-31.
40. *Морозов М. Э.* Повод к несостоявшейся войне: Загадки парохода «Металлист» // *Флотомастер.* - 2002. - № 6. - С. 26-38.

41. *Петров П. В.* «АНИМИ пользы не приносит и флоту не нужен». Проблемы создания военно-морского вооружения в 1935-1941 гг. // Военно-исторический журнал. - 2014. - № 6. - С. 33-38.
42. *Петров П. В.* Балтийский флот и блокада побережья Эстонии в июне 1940 г. // Вопросы истории. - 2011. - № 5. - С. 156-161.
43. *Петров П. В.* Балтийский флот накануне советско-финляндской войны: Оперативно-тактическая подготовка на флоте в 1937-1939 гг. // Военно-исторический журнал. - 2004. - № 11. - С. 2-7. - 2005. - № 2. - С. 53-59.
44. *Петров П. В.* Боевые действия береговой артиллерии КБФ в период советско-финляндской войны // Бомбардир. - 2002. - № 15. - С. 60-63.
45. *Петров П. В.* Гибель подводной лодки «С-2» // Новый часовой. - 1999. - № 8. - С. 115-125.
46. *Петров П. В.* «... Главную военно-морскую базу Балтфлота предполагалось создать в Лужской губе». Базовое строительство в Финском заливе в 1935-1939 гг. // Военно-исторический журнал. - 2010. - № 11. - С. 58-61.
47. *Петров П. В.* К вопросу о безопасности Ленинграда с моря в 1939-1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы десятой ежегодной международной научной конференции (16-17 апреля 2008 г.). - СПб., 2009. - С. 204-218.
48. *Петров П. В.* Командные кадры и репрессии на Краснознаменном Балтийском флоте в 1937-1939 гг. // Чтения по военной истории. Сборник статей. - СПб., 2006. - С. 277-287.
49. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот в конце 1930-х – начале 1941 г. // Вопросы истории. - 2014. - № 6. - С. 50-58.
50. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот в предвоенный период, 1935-1941 гг. Основные проблемы развития // Елагинские чтения. Выпуск IV. Материалы конференции. - СПб., 2009. - С. 164-188.
51. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. // Вестник архивиста. - 1999. - № 2-3 (50-51). - С. 135-139.
52. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот в фарватере советской внешней политики: Планы, задачи и действия летом и осенью 1939 года // 70 aastat tagasi algas II maailmasõda. Ajalookonverents 5. septembril 2009 Tallinnas. - Tallinn, 2009. - С. С. 26-40.
53. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот и его новые базы в республиках Прибалтики осенью 1939 года // Модернизация России в посткризисный период: экономика, общество, политика. Материалы международной научно-практической конференции. г. Ставрополь, 5-6 февраля 2010 г. - Ставрополь, 2010. - С. 365-368.

54. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот и Прибалтика в июне 1940 г.: По материалам оперативного планирования Балтийского флота // Жизнь. Безопасность. Экология. - 2008. - № 3-4. - С. 274-279.
55. *Петров П. В.* Ладожская военная флотилия в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. // Тайфун. - 2001. - № 1(32). - С. 19-26.
56. *Петров П. В.* Линкоры против батарей: Операции Эскадры КБФ в Биёркском архипелаге // Тайфун. - 1999. - № 3(15). - С. 30-36.
57. *Петров П. В.* Оперативное планирование на Краснознаменном Балтийском флоте в 1935-1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы двенадцатой ежегодной международной научной конференции (14-15 апреля 2010 г.). - СПб., 2011. - С. 203-226.
58. *Петров П. В.* Оперативное планирование на Краснознаменном Балтийском флоте в 1940 году // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы пятой ежегодной международной научной конференции (23-25 апреля 2003 г.). - СПб., 2004. - С. 175-186.
59. *Петров П. В.* Оперативно-тактическая подготовка на Краснознаменном Балтийском флоте в конце 1930-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 2, История. - 2013. - Выпуск 2. - С. 152-161.
60. *Петров П. В.* Оперативно-тактические игры Краснознаменного Балтийского флота в конце 1930-х гг. (Итоги и уроки) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы шестой ежегодной международной научной конференции (14-16 апреля 2004 г.). - СПб., 2005. - С. 204-212.
61. *Петров П. В.* Организация взаимодействия между РККА и РКВМФ в Прибалтике в 1939-1941 гг.: к вопросу о сухопутной обороне военно-морских баз // Новейшая история России: время, события, люди. Сборник статей и воспоминаний (к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г.Л. Соболева). - СПб., 2010. - С. 263-280.
62. *Петров П. В.* Освоение Прибалтики: Краснознаменный Балтийский флот в Эстонии и Латвии: Октябрь 1939 г. – Февраль 1940 г. // Тайфун. - 2000. - № 3(22). - С. 14-17. - № 4(23). - С. 8-14.
63. *Петров П. В.* Первые десантные операции советской морской пехоты // Новый часовой. - 2004. - № 15-16. - С. 97-116.
64. *Петров П. В.* Подводные силы КБФ в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. // Тайфун. - 1998. - № 2(10). - С. 40-47.
65. *Петров П. В.* Подготовка командных кадров на Краснознаменном Балтийском флоте в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. - 2011. - № 9. - С. 39-45.
66. *Петров П. В.* Подготовка Краснознаменного Балтийского флота в начале 1941 года к возможной войне // Военно-исторический журнал. - 2012. - № 9. - С. 26-29.

67. *Петров П. В.* Подготовка Краснознаменного Балтийского флота к Великой Отечественной войне: Планы войны на Балтике в 1940 – начале 1941 г. // Великая Отечественная война: правда и вымысел. Сборник статей и воспоминаний. Выпуск 8. - СПб., 2013. - С. 6-27.
68. *Петров П. В.* По сигналу «Факел» // Гангут. - 1998. - № 15. - С. 55-63.
69. *Петров П. В.* Потери ВВС КБФ в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. // Тайфун. - 2000. - № 11. - С. 15-19.
70. *Петров П. В.* Проблема безопасности Ленинграда в период Второй мировой войны: По материалам оперативного планирования КБФ накануне советско-финляндской войны 1939-1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции (12-13 апреля 2000 г.). - СПб., 2001. - С. 62-65.
71. *Петров П. В.* Проблема блокады Финляндии в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. (Действия Подводных сил Краснознамённого Балтийского флота) // 105 дней «зимней войны»: К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939-1940 гг. - СПб., 2000. - С. 58-68.
72. *Петров П. В.* Проблема Прибалтийских государств для советского руководства в 1939-1940 гг. // Военно-исторический журнал. - 2009. - № 11. - С. 27-32. - № 12. - С. 53-58.
73. *Петров П. В.* Проблемы советского судостроения в предвоенные годы. По опыту ленинградских предприятий // Военно-исторический журнал. - 2011. - № 4. - С. 59-62.
74. *Петров П. В.* «Разведотдел... использовал даже устаревшие данные времён Первой мировой войны». Разведывательная деятельность Балтфлота в период Советско-финляндской войны (1939-1940 гг.) // Военно-исторический журнал. - 2013. - № 4. - С. 20-27.
75. *Петров П. В.* Разведывательная деятельность Балтийского флота накануне советско-финляндской войны 1939-1940 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 2, История. - 2011. - Выпуск 2. - С. 13-20.
76. *Петров П. В.* Разведывательно-набеговые операции Отряда лёгких сил и 3-го дивизиона эсминцев в советско-финляндской войне // Тайфун. - 2000. - № 9(28). - С. 8-19.
77. *Петров П. В.* Развитие Краснознаменного Балтийского флота накануне Великой Отечественной войны, 1935-1941 гг.: Основные проблемы // Чтения по военной истории. Сборник статей. - СПб., 2011. - С. 268-275.
78. *Петров П. В.* Расширение системы базирования и береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота летом 1940 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы восьмой ежегодной международной научной конференции (13-14 апреля 2006 г.). - СПб., 2007. - С. 365-379.

79. *Петров П. В.* Расширение системы базирования и Береговой обороны КБФ в Прибалтике весной 1940-весной 1941 гг. Часть 1-3 // Цитадель. - 2009. - № 16. - С. 155-174. - 2010. - № 17. - С. 133-158. - 2011. - № 18. - С. 139-152.
80. *Петров П. В.* Расширение системы базирования КБФ в 1935-1939 гг. // Цитадель. - 2012. - № 19. - С. 91-100.
81. *Петров П. В.* Скрытая мобилизация на Балтийском флоте осенью 1939 г. // Вопросы истории. - 2010. - № 12. - С. 131-134.
82. *Петров П. В.* Советская морская пехота на льду Финского залива // Новый часовой. - 2001. - № 11-12. - С. 80-94.
83. *Петров П. В.* Советский Балтийский флот и события в Прибалтике в июне 1940 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы седьмой ежегодной международной научной конференции (13-14 апреля 2005 г.). - СПб., 2006. - С. 231-240.
84. *Петров П. В.* Советский Союз и его противники: по материалам оперативного планирования Краснознаменного Балтийского флота в 1935-1940 гг. // Чтения по военной истории: Сборник статей. - СПб., 2005. - С. 427-432.
85. *Петров П. В.* Строительство военно-морских баз и береговой обороны в Выборгском заливе и Биеркском архипелаге в 1940-1941 гг. // Цитадель. - 2006. - № 13. - С. 46-59.
86. *Петров П. В.* Строительство военно-морской базы Ханко в 1940-1941 гг. // Цитадель. - 2008. - № 14. - С. 45-66.
87. *Петров П. В.* Уроки советско-финляндской войны на море (по материалам совещания командно-начальствующего состава ВМФ в Ленинграде 13-14 марта 1940 г.). // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции (12-13 апреля 2000 г.). - СПб., 2001. - С. 71-74.
88. *Петров П. В.* Финская береговая оборона на Ладожском озере и борьба с ней Ладожской военной флотилии // «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Материалы пятнадцатой ежегодной международной научной конференции (16–17 апреля 2013 г.). - СПб., 2014. - С. 152-164.
89. *Петров П. В.* Финские береговые батареи на о-ве Бьёрке в ходе советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Выборгский район Ленинградской области. Краеведческий сборник. - СПб., 2009. - С. 126-150.
90. *Петров П. В.* Эскадра и Отряд лёгких сил КБФ в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. // Новый часовой. - 1997. - № 5. - С. 135-148.
91. *Петров П. В., Кен О. Н.* Швеция в советском военном планировании: вторая половина 1930-х-1940 г. // Швеция в политике Москвы. 1930-1950-е годы. - М., 2005. - С. 185-233.

92. *Петров П. В., Рупасов А. И., Кен О. Н.* Аландская проблема в политике Москвы: осень 1939-осень 1940 г. // Швеция в политике Москвы. 1930-1950-е годы. - М., 2005. - С. 269-287.
93. *Платонов А. В.* Доктрины ведущих военно-морских держав перед Второй Мировой войной // Цитадель. - 2000. - № 1(9). - С. 49-63.
94. *Платонов А. В.* Конференции и соглашения по ограничению морских вооружений 1921-1939 гг. // Цитадель. - 1998. - № 3(8). - С. 83-91.
95. *Подсобляев Е. Ф.* Какой флот нужен РСФСР? (По материалам дискуссии, прошедшей после Первой мировой войны) // Новый часовой. - 1999. - № 8-9. - С. 137-143.
96. *Подсобляев Е. Ф.* Нужен ли флот советской России? (По материалам дискуссии, прошедшей после Первой мировой войны) // Новый часовой. - 1997. - № 5. - С. 128-134.
97. *Прасников В. Б.* Николай Владимирович Алякринский (к 100-летию со дня рождения) // Тайфун. - 1997. - № 4 (6). - С. 33-35.
98. *Прямуцкий С. Д., Агапов Н. Б.* Второй Кронштадт в Лужской губе // Цитадель. - 2013. - № 20. - С. 85-104.
99. *Самко Ю. Г.* История создания и развития подводных сил Северного флота // Тайфун. - 1997. - № 1(3). - С. 29-32.
100. *Стрельбицкий К. Б.* В сентябре 39-го // Родина. - 1996. - № 7-8. - С. 91-95.
101. *Сувениров О. Ф.* Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории. - 1991. - № 6. - С. 26-35.
102. *Усенко Н. В.* Нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов // Военно-исторический архив. - 1997. - Выпуск 1. - С. 3-22.
103. *Черкашин К. В.* «На той войне незначимой...». Десантные операции КБФ в Советско-финской войне 1939-1940 гг. // История корабля. - 2006. - № 2.
104. *Щедролосев В. В.* История создания и развития надводных сил Северного флота // Тайфун. - 1997. - № 5(7). - С. 26-33.
105. *Щедролосев В. В., Литинский Д. Ю.* Эскадренный миноносец «Забияка» // Тайфун. - 2000. № 5. С. 20-29.

Диссертационные исследования

1. *Быстров Е. Ф.* Деятельность Коммунистической партии по созданию и развитию военного судостроения (1928 – июнь 1941 г.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Быстров Евгений Федорович. - М., 1982.
2. *Жабровец И. В.* Подготовка инженерно-технических и рабочих кадров для военного судостроения в конце 1920-х - начале 1940-х гг. (На материалах Ленинграда): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Жабровец Игорь Валерьевич. - СПб., 2011. – 208 с.

3. *Ковалев С. Н.* Группировка советских войск на территории Эстонской Республики в 1939-1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ковалев Сергей Николаевич. - СПб., 2003. – 308 с.
4. *Кочергин И. Г.* Советский подводный флот в предвоенные годы и годы Великой Отечественной войны, 1932-1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кочергин Игорь Геннадьевич. - Курск, 2001. – 154 с.
5. *Кулагин К. Л.* Вооружение кораблей ВМФ СССР 1922-1945 гг.: историко-статистическое исследование: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кулагин Константин Леонидович. - М., 2007. – 259 с.
6. *Курмышов В. М.* Строительство Балтийского флота в межвоенный период 1921-1941 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Курмышов Василий Михайлович. - СПб., 2005. – 470 с.
7. *Левашко В. О.* Морально-политическое состояние личного состава Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финской войны 1939-1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Левашко Вадим Олегович. - СПб., 2000. – 241 с.
8. *Мельтюхов М. И.* Политика обеспечения национально-государственных интересов Советского Союза в Европе в преддверии Великой Отечественной войны: Март 1939 – июнь 1941 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Мельтюхов Михаил Иванович. - М., 2004. – 522 с.
9. *Монаков М. С.* Развитие теории применения отечественного Военно-Морского Флота в 1921-1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 20.02.22 / Монаков Михаил Сергеевич. М., 1999. – 394 с.
10. *Наливкин Л. А.* Авиация Краснознаменного Балтийского флота в летне-осенней кампании 1941 года: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Наливкин Леонид Александрович. - СПб., 2007. – 333 с.
11. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот в советско-финляндской войне 1939-1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Петров Павел Владимирович. - СПб., 2000. – 355 с.
12. *Цветков И. Ф.* Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры Военно-Морского Флота России: 1695-1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 20.02.22 / Цветков Игорь Федорович. - СПб., 2000. – 826 с.
13. *Чирков А. Г.* Силы германского ВМФ в войне против Советского Союза на Балтийском море в 1941-1945 годах: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Чирков Андрей Геннадьевич. - СПб., 2009. – 393 с.
14. *Щерба А. Н.* Военно-промышленный комплекс г. Ленинграда в тридцатые годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Щерба Александр Николаевич. - СПб., 1996. – 184 с.
15. *Щерба А. Н.* Роль военной промышленности Ленинграда в укреплении обороноспособности СССР в 20-30 годы: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Щерба Александр Николаевич. - СПб., 1999. – 416 с.

Зарубежные исследования

1. *Åselius G.* Naval Theaters in Soviet Grand Strategic Assessments, 1920-1940 // *Journal of Slavic Military Studies*. Vol. 13(1). 2000.
2. *Åselius G.* The Baltic in Soviet Strategy, 1920-1940 // *New Interpretations in Naval History. Selected Papers from the Thirteenth Naval History Symposium. Held at Annapolis, Maryland, 2-4 October 1997*. P. 177-202.
3. *Åselius G.* The Rise and Fall of the Soviet Navy in the Baltic, 1921-1941. London, 2005. – 266 p.
4. *Breyer S.* Schlachtschiffe und Schlachtkreuzer 1921-1997. Internationaler Schlachtschiffbau. Bonn, 2002. – 446 s.
5. *Enqvist O.* Itsenäisen Suomen rannikkotykit 1918-1998. Sotamuseon julkaisuja 1/1999. Jyväskylä, 1999. – 260 s.
6. *Geust C.-F.* Red Stars. Vol. 7. The Winter War in the air. Tampere, 2011. – 192 s.
7. *Geust C.-F., Tirkeltaub S., Petrov G.* Red Stars. Vol. 5. Baltic fleet Air Force in the Winter War. Hämeenlinna, 2004. – 352 s.
8. *Halen H.* Venäjällä käytössä olleita Suomessa 1844-1917 rakennettuja aluksia sekä ensimmäisen maailmansodan aikana Suomessa takavarikoituja venäläisiä ja venäläisten mobilisoimia suomalaisia aluksia. Helsinki, 2005. – 68 s.
9. Hanko toisessa maailmansodassa. Toimittaneet Antero Uitto and Carl-Fredrik Geust. Helsinki, 2011. – 272 s.
10. *Keskinen K., Mäntykoski J.* Suomen laivasto sodassa 1939-1945. Espoo, 1991. – 165 s.
11. *Kijanen K., Mattila T.* Suomen laivasto 1918-1968. Os. 1. Helsinki-Jyväskylä, 1968. – 375 s.
12. *Kokk R.* Eesti Merejõudude allveelaevad ja allveelaevnikud. Tallinn, 2006. – 149 s.
13. *Koppelman V.* Eesti meeskondade kõrvaldamine allveelaevadelt 1940. ja 1941. aastal // *Allveelaev ajaloomälestisena. Eesti Meremuuseumi toimetised 2*. Tallinn, 2001. S. 91-100.
14. *Koppelman V., Nordmann A.* Provokaatorid – laevad ja kaptenid // *Meremees*. 2006. № 3. S. 10-11; № 4. S. 12-13.
15. *Lehti A.* Merisodan strategioita Suomenlahdella 1919-1939 // *Sotahistoriallinen aikakauskirja*, 2006, № 25. S. 36-75.
16. *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808-1918. Helsinki, 1997. – 486 s.
17. *Merensilta T.* Vesikko. Suomenlahden hiljainen vartija. Helsinki, 2009. – 224 s.
18. *Naber R.* Eesti Merejõudude juhatajad 1918-1940. Tallinn, 2004. – 144 s.
19. *Ojalo H.* Varjud Meres. Allvesõda Läänemerel 1914-1919 ja 1939-1945. Tallinn, 2007. – 127 s.
20. *Õun Mati.* Mõned merelood ehk aja-, ruumi- ja mõttematkad Läänemerel. Tallinn, 2007. – 140 s.
21. *Õun Mati.* Salapärane Suurupi. Väike mälestus-, matka- ja ajalooramat. Tallinn, 2008. – 71 s.

22. *Petrov P.* Neuvostoliiton Itämeren laivaston ilmavoimien toiminta Turkua vastaan talvisodan aikana // *Forum Marinum*. Vuosikirja 2010. S. 38-54.
23. *Petrov P.* Punalipuline Balti Laevastik ja Eesti 1939-1941. Tallinn, 2008. – 264 s.
24. *Petrov P.* Punalipuline Balti Laevastik ja Eesti 1939. aasta septembris ning vahejuhtum aurikuga “Metallist” // *Akadeemia: Eesti Kirjanike Liidu kuukiri Tartus*. 18. Aastakaik. 2006. Number 6 (207). S. 1213-1236.
25. *Salo U.* Estimation of security threats and Estonian defence planning in the 1930s // *Acta historica Tallinnensia*. 2008. N 12. S. 35-72.
26. Talvisodan historia. Os. 1-4. Porvoo-Helsinki-Jyväskylä, 1977-1979.
27. Talvisodan pikkujättiläinen. Toim. J. Leskinen ja A. Jutilainen. Porvoo, 2002. – 976 s.
28. Talvisota: Kronikka. Puh. E. Siilasvuo. Jyväskylä-Helsinki, 1989. – 207 s.
29. *Ward J.* Submarines of World War II. London, 2001. – 96 p.
30. *Whitley M. J.* Battleships of World War Two. An International Encyclopedia. Cassell, 2002. – 320 p.
31. *Whitley M. J.* Cruisers of World War Two. An International Encyclopedia. Annapolis, 1995. – 288 p.
32. *Whitley M. J.* Zerstörer im Zweiten Weltkrieg. Technik – Klassen – Typen. Stuttgart, 1997. – 325 s.
33. *Wihtol E.* Suomen laivaston rakentaminen itsenäisyyden alkutaipaleella. Suomi merellä säätö, 1999. – 120 s.

Состав Надводных сил КБФ в конце 1939-начале 1940 годов

Соединение, часть, корабль	Командир, военком
Эскадра	
Командующий – флагман 2-го ранга Н. Н. Несвицкий Военком – бригадный комиссар А. Л. Раскин Начальник штаба – капитан 1-го ранга Ф. И. Челпанов (до 12.01.40 г.) Врио начальника штаба – капитан 3-го ранга В. А. Саламатин (с 12.01.40 г.)	
Линкор «Марат»	капитан 1-го ранга С. Ф. Белоусов
Линкор «Октябрьская Революция»	капитан 2-го ранга Д. Д. Вдовиченко
3-й Дивизион эсминцев	
Командир – капитан 3-го ранга И. Г. Святлов Военком – батальонный комиссар И. М. Леякин	
Эсминец «Карл Маркс»	капитан-лейтенант Е. Б. Ефет
Эсминец «Энгельс»	капитан-лейтенант В. П. Васильев
Эсминец «Ленин»	капитан-лейтенант В. С. Махов
Эсминец «Володарский»	капитан 3-го ранга А. В. Кручёных
Эсминец «Артём»	капитан 3-го ранга Л. Н. Сидоров
Отряд лёгких сил	
(в оперативном отношении подчинялся Эскадре КБФ; 22.02.1940 г. был исключён из состава Эскадры и подчинён непосредственно Военному совету КБФ)	
Командир – капитан 1-го ранга Б. П. Птохов (до 12.01.40 г.), капитан 1-го ранга Ф. И. Челпанов (с 12.01.40 г.) Военком – полковой комиссар П. В. Петров Начальник штаба – капитан 2-го ранга В. М. Нарыков	
Крейсер «Киров»	капитан 1-го ранга Н. Э. Фельдман
1-й Дивизион эсминцев	
Командир – капитан 3-го ранга Н. Г. Богданов Военком – батальонный комиссар Ф. Е. Воспитанный	
Лидер «Ленинград»	капитан 3-го ранга С. Д. Солоухин
Эсминец «Стремительный»	капитан 3-го ранга А. Д. Виноградов
Эсминец «Сметливый»	капитан 2-го ранга С. В. Кудрявцев
Эсминец «Стерегущий»	старший лейтенант Г. И. Моторов
2-й Дивизион эсминцев	
Командир – капитан 3-го ранга В. И. Маслов Военком – батальонный комиссар Н. П. Носов	

Лидер «Минск»	капитан 3-го ранга А. В. Волков
Эсминец «Гневный»	капитан 3-го ранга М. Т. Устинов
Эсминец «Гордый»	капитан 3-го ранга А. Е. Шомраков
Эсминец «Грозящий»	капитан 3-го ранга К. К. Черёмхин
Дивизион канонерских лодок	
Командир – капитан-лейтенант Э. И. Лазо Военком – старший политрук И. М. Шишов	
Канонерская лодка «Красное Знамя»	капитан 2-го ранга А. Л. Устинов
Канонерская лодка «Красная Горка»	старший лейтенант Л. В. Белов
Канонерская лодка «Кронштадт»	капитан-лейтенант А. П. Безукладников
Канонерская лодка «Сестрорецк»	старший лейтенант И. И. Степанов
Бригада торпедных катеров	
Командир – капитан 2-го ранга В. С. Чероков Военком – полковой комиссар М. И. Иванов Начальник штаба – капитан 3-го ранга В. Т. Чеченков	
1-й Дивизион торпедных катеров т. «Г-5» №№ 11, 21, 31, 41, 51, 61, 71, 81, 91, 101, 111, 121, 131, 141, 151, 161, 171, 181	Командир – капитан 3-го ранга К. А. Шилов Военком – полковой комиссар В. М. Головачёв
2-й Дивизион торпедных катеров т. «Г-5» №№ 12, 22, 32, 42, 52, 62, 72, 82, 92, 102, 112, 122	Командир – капитан-лейтенант М. В. Капралов Военком – старший политрук В. М. Белов
3-й Дивизион торпедных катеров т. «Г-5» №№ 13, 23, 33, 43, 53, 63, 73, 83, 93, 103, 113, 123, 133, 143, 153, 163, 173, 183	Командир – старший лейтенант П. И. Барабан Военком – старший политрук Д. М. Грибанов
4-й Дивизион торпедных катеров т. «Г-5» №№ 14, 24, 154, 164, 174, 184, т. «Ш-4» №№ 74, 84, 94, 104, 114, 124, 134, 144, т. «Стальной» №№ 54, 64	Командир – старший лейтенант С. С. Кострулин
Охрана водного района	
Командир – капитан 2-го ранга С. В. Кисилёв Военком – полковой комиссар П. И. Поручиков (до 14.02.40 г.) полковой комиссар И. Т. Пятыхев (с 14.02.40 г.) Начальник Штаба – капитан 2-го ранга А. А. Милешкин	
1-й Дивизион сторожевых кораблей	
Командир – капитан 3-го ранга Г. С. Абашвили (до 28.02.40 г.) капитан-лейтенант В. Н. Филиппов (с 28.02.40 г.) Военком – батальонный комиссар А. Е. Грифонов	
Сторожевой корабль «Циклон»	старший лейтенант А. Г. Письменный
Сторожевой корабль «Снег»	старший лейтенант Д. Я. Самус
Сторожевой корабль «Туча»	капитан-лейтенант Е. П. Збрицкий
Сторожевой корабль «Вихрь»	капитан-лейтенант Л. В. Дубровицкий
Сторожевой корабль «Пурга»	старший лейтенант В. Н. Филиппов
Сторожевой корабль «Буря»	капитан-лейтенант Д. Н. Давыдёнков

2-й Дивизион сторожевых кораблей

Командир – старший лейтенант **И. А. Бочанов**
Военком – старший политрук **Г. С. Шапурко**

Сторожевой корабль «Микула»	старший лейтенант Хайкин
Сторожевой корабль «Инженер»	
Сторожевой корабль «Краб»	капитан-лейтенант Семи
Сторожевой корабль «Сом»	
Сторожевой корабль «Мартынов»	капитан-лейтенант Никитченко
Сторожевой корабль «Мороз»	старший лейтенант Воронов
Сторожевой корабль «Связист»	

1-й Дивизион быстроходных тральщиков

Командир – капитан-лейтенант **П. Т. Резванцев**
Военком – старший политрук **В. И. Кульков**

Тральщик «Заряд» («Т-201»)	старший лейтенант С. М. Корецкий
Тральщик «Буй» («Т-202»)	старший лейтенант М. И. Орлов
Тральщик «Патрон» («Т-203»)	старший лейтенант Б. А. Барер
Тральщик «Фугас» («Т-204»)	старший лейтенант В. Я. Волков
Тральщик «Гафель» («Т-205»)	старший лейтенант Г. В. Гагуа
Тральщик «Верп» («Т-206»)	старший лейтенант Г. А. Бадах
Тральщик «Шпиль» («Т-207»)	лейтенант Н. Ф. Шумаков

2-й Дивизион быстроходных тральщиков

Командир – капитан-лейтенант **Г. И. Свирса**
Военком – батальонный комиссар **М. Н. Поспешин**

Тральщик «Шкив» («Т-208»)	старший лейтенант А. К. Карасев
Тральщик «Гак» («Т-210»)	лейтенант С. В. Панков
Тральщик «Крамбол» («Т-213»)	лейтенант А. В. Григорьев

3-й Дивизион тихоходных тральщиков

Командир – капитан-лейтенант **И. М. Белков**
Военком – старший политрук **В. А. Фокин**

Тральщик «Ударник»	старший лейтенант С. Е. Клебанов
Тральщик т. «Ижорец» № 21	лейтенант И. М. Егоров
Тральщик т. «Ижорец» № 23	лейтенант Н. Т. Олисов
Тральщик т. «Ижорец» № 29	лейтенант запаса А. С. Вахрушкин (с 20.1.1940 г.)
Тральщик т. «Ижорец» № 39	младший лейтенант В. Ф. Хорев
Тральщик т. «Ижорец» № 63	младший лейтенант И. П. Меньков
Тральщик «Озёрной»	младший лейтенант В. Д. Зинков
Тральщик «Клюз»	старший лейтенант Г. С. Дусь
Тральщик «Запал»	
Тральщик «Барометр»	
Тральщик «Менжинский»	лейтенант запаса П. Н. Побывтов

5-й Дивизион тихоходных тральщиков	
Командир – капитан-лейтенант А. К. Момот Военком – старший политрук А. А. Корзுவ	
Тральщик «Змей»	старший лейтенант Л. В. Белов
Тральщик «Буёк»	старший лейтенант М. А. Россиев
Тральщик т. «Ижорец» № 26	лейтенант И. С. Лучкин
Тральщик т. «Ижорец» № 38	лейтенант М. Т. Евсеев
Тральщик т. «Ижорец» № 65	младший лейтенант С. И. Ичин
Тральщик № 101 («Ленводпуть-12»)	старший политрук К. К. Тёркин
Тральщик № 102 («Ленводпуть-13»)	младший лейтенант С. А. Прозоров
Тральщик № 103 («Ленводпуть-15»)	лейтенант Д. К. Гаврилов
Тральщик № 104 («Ленводпуть-16»)	лейтенант А. М. Гордин
Сетевой заградитель «Гарибальди»	
Минный заградитель «Марти»	капитан 2-го ранга Н. И. Мещерский
1-й дивизион сторожевых катеров т. «МО-4»	
Командир – капитан-лейтенант А. Г. Грушин (до 10.01.40 г.), капитан-лейтенант М. В. Капралов (с 10.01.40 г.) Военком – старший политрук П. А. Кирсанов	
1-е звено катеров т. «МО-4» (№№ 111, 112, 113)	лейтенант В. В. Карпович
2-е звено катеров т. «МО-4» (№№ 121, 122, 123)	лейтенант А. Н. Лаховский
3-е звено катеров т. «МО-4» (№№ 131, 132, 133)	старший лейтенант Г. С. Коничковский
4-е звено катеров т. «МО-4» (№№ 141, 142, 143)	капитан-лейтенант К. П. Куваев
2-й дивизион сторожевых катеров т. «Рыбинский»	
Командир – капитан-лейтенант Покровский СКА №№ 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227	
3-й дивизион сторожевых катеров т. «Рыбинский»	
СКА №№ 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327	
Буксир «ВС-1»	С. М. Карченков
Охрана рейда Главной базы	
Командир – старший лейтенант П. П. Заяц Военком – батальонный комиссар Н. Ф. Гусев	
Учебный корабль «Ленинградсовет»	
Учебный корабль «Курсант»	
Гидрографическое судно «Базис»	старший лейтенант А. Т. Евстратов
Гидрографическое судно «Восток»	
Гидрографическое судно «Вест»	капитан-лейтенант К. И. Лисица
Гидрографическое судно «Норд»	капитан-лейтенант В. Ф. Котенков
Посыльное судно «Ижора»	младший командир А. С. Довгаленко
Посыльное судно «Яуза»	

Спасательное судно «Сигнал»	капитан 3-го ранга М. И. Сергеев
Буксиры «КП-1», «КП-2», «КП-3», «КП-4», «КП-5», «КП-6», «КП-8», «КП-9», «КП-10», «КП-11», «КП-16», «КП-17», «КП-18», «КП-19», «КП-20», «КП-25», «КП-26», «ЛК-1», «ЛК-2», «ЛП-2», «ПЛ-36», «ЭЛ-19», «ЭЛ-20», «ЭЛ-21», «ЭЛ-23», «УК-4», «Якорь», «Зарница»	
Отряд учебных кораблей	
Командир – капитан 1-го ранга М. З. Москаленко	
Учебный крейсер «Аврора»	капитан 2-го ранга Ф. М. Яковлев
Учебные корабли «Свирь», «Комсомолец», «Калинин»	
Гидрографические суда «Буссоль», «Рулевой», «Бакан», «Волна», «Азимут», «Веха», «Вал», «Волнорез», «Астроном», «Аккерман»	
Транспорты «Пятилетка», «Кремль», «Луначарский», «Дзержинский», «Балхаш», «Волголес», «Железнодорожник», «Горняк», «Пионер» «Луга», «Совет», «Тобол», «Сибирь», «Эльтон», «Казахстан», «Днестр», «Водолей № 1», «Водолей № 2», «Куйвасто», «Щука», «Треска»	
Самоходные шаланды «Лигово», «Сергиево», «Котлин», «Заостровская»	
Ледоколы «Ермак», «Трувор», «Октябрь», «Силач»	

Перечень составлен по материалам фондов:

РГА ВМФ. Ф. Р-1678, Р-1877, Р-1529, Р-92, Р-1135, Р-929, Р-1600, Р-1890, Р-1960, Р-2072, Р-952, Р-1887, Р-1888.

Приложение 2

Состав Ладожской военной флотилии в конце 1939-начале 1940 годов

Соединение, часть, корабль	Командир
Канонерская лодка «Ораниенбаум»	лейтенант Н.П. Стрельцов
Дивизион сторожевых кораблей	
Командир – старший лейтенант П. Я. Вольский Военком – политрук запаса И. К. Фролов	
Сторожевой корабль «Разведчик»	лейтенант М. Ф. Пантелеев
Сторожевой корабль «Дозорный»	капитан-лейтенант А. И. Шаханов
Тральщик «Видлица»	младший лейтенант запаса Е. А. Ярош
Тральщик «Москва»	лейтенант запаса В. И. Зайцев

Тральщик типа «ижорец» № 30	командир запаса И. И. Намятов
Тральщик типа «ижорец» № 31	командир запаса М. Д. Колесов
Тральщик типа «ижорец» № 32	командир запаса А. А. Секретарёв
Тральщик типа «ижорец» № 33	командир запаса В. А. Щербиков
Тральщик типа «ижорец» № 34	
Тральщик типа «ижорец» № 37	лейтенант запаса М. К. Фёдоров
Дивизион сторожевых катеров типа «Рыбинский» СКА №№ 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 427	
Сторожевые катера типа «МО-4» (№№ 211 и 213)	
Буксиры «Водолаз», «Тюлень», «Боевой», «Орёл»	
Баржи №№ 1 и 2	

Перечень составлен по материалам фондов:
РГА ВМФ. Ф. Р-92 (Штаб КБФ),
Ф. Р-952 (Ладожская военная флотилия)

Приложение 3

Состав Подводных сил КБФ в конце 1939-начале 1940 годов

Соединение, часть, корабль	Командир
1-я бригада подлодок	
Командир – капитан 1-го ранга К. М. Кузнецов Начальник штаба – капитан 2-го ранга В. Г. Якушкин , капитан 3-го ранга А. К. Аверочкин (с 27.12.39 г.) Военком – полковой комиссар А. П. Байков , полковой комиссар В. В. Смирнов (с 24.01.40 г.)	
12-й дивизион подлодок	
Командир – капитан 3-го ранга А. К. Аверочкин	
ПЛ «Л-1»	Командир – капитан-лейтенант С. С. Могилевский
ПЛ «Л-2» и «Л-3»	
13-й дивизион подлодок	
Командир – капитан 3-го ранга Г. Н. Тутышкин , капитан 3-го ранга А. В. Трипольский (с 28.02.40 г.)	
ПЛ «С-1»	Командир – капитан-лейтенант А. В. Трипольский , капитан 3-го ранга И. Т. Морской (с 28.02.40 г.)
ПЛ «С-2»	Командир – капитан 3-го ранга И. А. Мороз , капитан-лейтенант И. А. Соколов (с 17.12.39 г.)
ПЛ «С-3»	Командир – капитан-лейтенант

	К. И. Малофеев
16-й дивизион подлодок	
Командир – капитан-лейтенант М. Ф. Хомяков	
ПЛ «С-4»	Командир – капитан-лейтенант Д. С. Абросимов
ПЛ «С-5»	Командир – капитан-лейтенант Б. Н. Паскин , капитан-лейтенант А. А. Башенко (с 17.12.39 г.)
ПЛ «С-6»	Командир – капитан-лейтенант В. Ф. Кульбакин
21-й дивизион подлодок	
Командир – капитан-лейтенант А. Е. Орел	
ПЛ «Щ-309»	Командир – капитан-лейтенант С. С. Веселов
ПЛ «Щ-310»	Командир – старший лейтенант Н. М. Овечкин
ПЛ «Щ-311»	Командир – капитан-лейтенант Ф. Г. Вершинин
2-я бригада подлодок	
Командир – капитан 1-го ранга Д. М. Косьмин , капитан 2-го ранга Н. П. Египко (с 27.12.39 г.). Начальник штаба – капитан 3-го ранга А. Г. Лопухин , капитан 2-го ранга В. Г. Якушкин (с 27.12.39 г.) Военком – полковой комиссар П. И. Федосеев	
17-й дивизион подлодок	
Командир – капитан 3-го ранга В. А. Егоров	
ПЛ «Щ-317»	Командир – старший лейтенант А. Г. Андронов , капитан 3-го ранга В. А. Егоров
ПЛ «Щ-318»	Командир – капитан-лейтенант Н. Н. Куликов
ПЛ «Щ-319»	Командир – капитан-лейтенант Н. С. Агашин
ПЛ «Щ-320»	Командир – капитан-лейтенант Т. Г. Мартемьянов
22-й дивизион подлодок	
Командир – капитан 3-го ранга В. А. Червинский	
ПЛ «Щ-322»	Командир – капитан-лейтенант В. А. Полещук
ПЛ «Щ-323»	Командир – старший лейтенант Ф. И. Иванцов
ПЛ «Щ-324»	Командир – капитан-лейтенант А. М. Коняев
3-я бригада подлодок	
Командир – капитан 2-го ранга Н. И. Виноградов , Начальник штаба – капитан 3-го ранга А. А. Батырев , Военком – бригадный комиссар А. О. Елсуков	
23-й дивизион подлодок	
Командир – капитан 3-го ранга Н. И. Морозов	
ПЛ «М-72»	Командир – капитан-лейтенант Н. Н. Кулыгин
ПЛ «М-73»	Командир – старший лейтенант В. П. Каланин
ПЛ «М-74»	Командир – старший лейтенант Д. М. Сазонов
ПЛ «М-75»	Командир – старший лейтенант П. С. Тарасов

ПЛ «М-77»	Командир – старший лейтенант А. Е. Чемоданов
ПЛ «М-83»	Командир – старший лейтенант П. М. Шалаев
24-й дивизион подлодок	
Командир – капитан-лейтенант С. И. Матвеев	
ПЛ «М-71»	Командир – старший лейтенант Л. Н. Костылев
ПЛ «М-76»	Командир – лейтенант Г. А. Жаворонков
ПЛ «М-78»	Командир – старший лейтенант В. Д. Афонин
ПЛ «М-79»	Командир – капитан-лейтенант В. К. Афанасьев
ПЛ «М-80»	Командир – старший лейтенант Д. К. Ярошевич
ПЛ «М-81»	Командир – старший лейтенант И. С. Кабо
26-й дивизион подлодок	
Командир – капитан 3-го ранга Е. Г. Юнаков	
ПЛ «М-90»	Командир – старший лейтенант П. А. Сидоренко
ПЛ «М-94»	Командир – старший лейтенант В. А. Ермилов
ПЛ «М-95»	Командир – старший лейтенант Н. П. Нечаев
ПЛ «М-96»	Командир – старший лейтенант А. И. Маринеско
ПЛ «М-97»	Командир – старший лейтенант А. И. Мыльников
4-я бригада подлодок (подлодки бригады находились в среднем и капитальном ремонте) Командир – капитан 1-го ранга А. И. Матвеев	
11-й дивизион подлодок (ПЛ «П-1», «П-2» и «П-3»)	
14-й дивизион подлодок (ПЛ «Щ-301», «Щ-302», «Щ-303» и «Щ-304»)	
15-й дивизион подлодок (ПЛ «Щ-305», «Щ-306», «Щ-307» и «Щ-308»)	
ПЛ «Л-55» и «Б-2»	

Перечень составлен по материалам фондов:
РГА ВМФ. Ф. Р-92, Р-1529, Р-107.